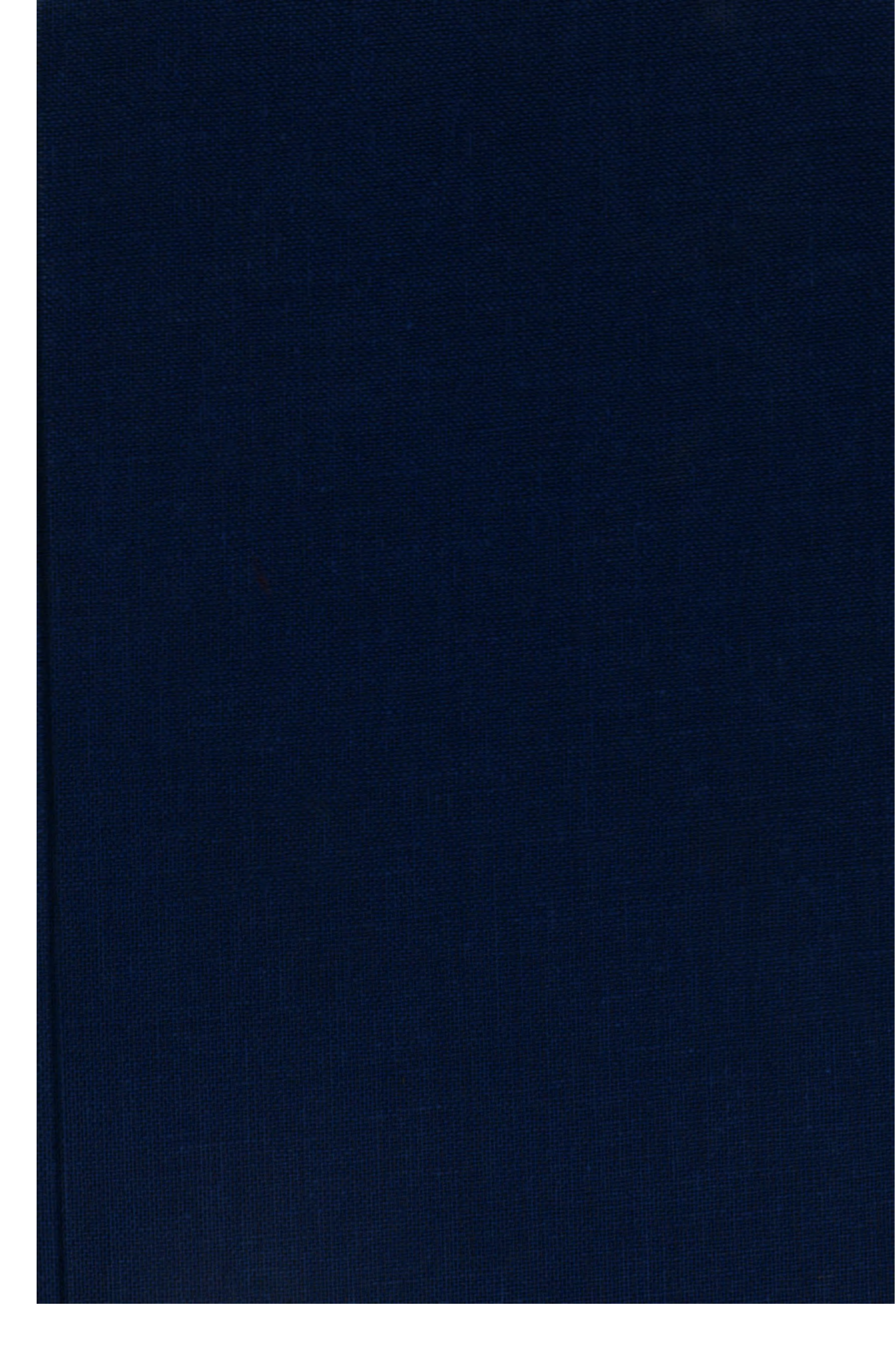

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

94/14

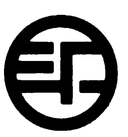
Published by Europe Printing Establishment

This volume was previously announced as

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS, 120/1

a series published by Mouton Publishers, The Hague, Netherlands

(supplements Slavistic Printings and Reprintings, 94/1–11)

EUROPE PRINTING ESTABLISHMENT

VADUZ – LIECHTENSTEIN

1973

N ГОДЪ ПЕРВЫЙ I

МИНУВШЇЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРIИ И ЛИТЕРАТУРѢ

Byloe

ЯНВАРЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный пр., 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Русская Правда Пестеля.

У рѣдкаго народа политическая литература представлена такъ слабо и такъ односторонне въ относительно недавнемъ прошломъ, какъ у народа русскаго. За причинами ходить недалеко. Стоитъ вспомнить объ участи Радищева, о подвигахъ Аракчеева и Магницкаго, о послѣдствіяхъ, къ какимъ повело подавленіе казнями и ссылками политическаго переворота, затѣяннаго декабристами, чтобы понять, почему до эпохи освобожденія крестьянъ и сопровождавшихъ его попытокъ частичнаго переустройства государства на началахъ мѣстнаго самоуправленія и равенства всѣхъ передъ закономъ и судомъ, политическая мысль русскаго народа могла быть только односторонне представлена ревнителями, такъ называемыхъ, историческихъ устоевъ: православія, неограниченнаго единовластія и оффиціальной народности.

По мѣрѣ того, какъ отъ цѣпей цензуры освобождается печать, мы пріобрѣтаемъ возможность знакомиться съ рукописями, долго лежавшими подъ спудомъ и за семью печатями, рукописями людей, политическія воззрѣнія которыхъ были осуждены, а поведеніе признано преступнымъ, какъ направленное къ ниспроверженію существовавшаго въ ихъ время порядка. Изъ всѣхъ документовъ подобнаго рода, изданныхъ со дня манифеста 17 октября, центральное мѣсто принадлежитъ „Русской Правдѣ" Пестеля. Къ сожалѣнію, мы далеко не обладаемъ всѣмъ текстомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ трактата, единственнаго потому, что онъ одновременно долженъ былъ служить тремъ цѣлямъ: проповѣди извѣстныхъ соціально-политическихъ принциповъ, готовымъ проектомъ русской конституціи и наказомъ для временнаго правительства. Тѣ рукописи, которыя покойному академику Дубровину удалось добыть изъ бумагъ Слѣдственной Коммиссіи заключаютъ въ себѣ всего нѣсколько главъ „Русской Правды" и притомъ въ разновременной редакціи, да еще записку Пестеля „о государственномъ управленіи", также неполную и несомнѣнно предшествовавшую во времени „Русской Правдѣ". Особенно слѣдуетъ пожалѣть о томъ,

что третья ея глава обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ можно было ожидать, по общему плану сочиненія, перехода отъ общественнаго строя къ государственному. Издатели „Русской Правды" нашли возможнымъ вставить въ нее „записку о государственномъ управленіи", которая, по ихъ собственному признанію, составлена изъ черновыхъ отрывковъ и открывается словами: „итакъ, въ каждой области должны быть шесть управъ",— начало, само указывающее на то, что мы не имѣемъ значительной части документа. При всей своей длинѣ—записка занимаетъ ровно сто страницъ изъ всего числа 244,—мы все же не обладаемъ ея концомъ. Отсутствуетъ весь отдѣлъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. О чемъ всего болѣе надо жалѣть, такъ это о томъ, что въ дошедшихъ до насъ главахъ „Рус. Пр." очень мало страницъ отведено изображенію политическаго устройства Россіи, какъ его замышлялъ Пестель. Глава, въ которой не столько изложены, сколько затронуты эти вопросы, не получила окончательной редакціи; она не болѣе, какъ черновой набросокъ. Въ своихъ показаніяхъ передъ слѣдственной коммиссіей Пестель утверждалъ, что кончены имъ лишь первая, вторая и большая часть третьей главы, четвертая же и пятая написаны начерно, а послѣднія пять главъ имѣются только въ отрывкахъ. Шестая глава должна была поднять рѣчь о верховной власти. Когда Пестель былъ задержанъ, онъ сказалъ Волконскому: необходимо поскорѣе уничтожить „Русскую Правду"; она можетъ насъ погубить. „Правда" въ цѣломъ не была уничтожена. Это удалось сдѣлать лишь по отношенію къ ея отдѣльнымъ главамъ самому Пестелю или его друзьямъ. [1]) И вотъ почему намъ, по всей вѣроятности, никогда не придется узнать въ полномъ видѣ во всѣхъ подробностяхъ политическую программу того человѣка, котораго декабристы считали своимъ духовнымъ главою, и который, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ его книги, дѣйствительно обладалъ довольно цѣльной и хорошо продуманной схемой преобразованій, необходимыхъ для обращенія русской имперіи въ единую, но сильно децентрализованную, демократію, опирающуюся же на широкомъ фундаментѣ не столько индивидуальной собственности, сколько видоизмѣненнаго по коммунистическому образцу общиннаго владѣнія и пользованія.

---

[1]) Павловъ-Сильванскій въ своей монографіи „Декабристъ Пестель передъ верховнымъ военнымъ судомъ" говоритъ: Въ серединѣ ноября 1825 г. Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги; онъ сжегъ наиболѣе опасныя главы „Русской Правды" „о верховномъ управленіи", а остальныя рѣшилъ скрыть. Большой пакетъ, въ которомъ вмѣстѣ съ его бумагами соединены были бумаги его друзей—А. П. Барятинскаго и П. А. Крюкова — былъ зарытъ въ землю братьями Бобрищевыми-Пушкиными при участіи Заикина недалеко отъ Тульчина, въ селѣ Кирнасовкѣ (Рус. Ист. Библ., № 15, стр. 22).

Рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она издана, не помѣчена никакимъ числомъ: намъ предстоитъ, поэтому, установить, путемъ внутренней критики текста, приблизительное время составленія отдѣльныхъ главъ. Для этого у насъ есть нѣсколько показателей. Спрошенный лицами, производившими слѣдствіе по его дѣлу, о томъ, откуда онъ заимствовалъ „первыя вольнодумныя и либеральныя мысли", Пестель признался, что „сочиненіе Детю-де-Трасси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на него." Книга, о которой идетъ рѣчь, носитъ заглавіе „Комментарія на „Духъ Законовъ Монтескье" и была написана ея авторомъ для сѣверо-американскаго президента Джефферсона. Она вышла первоначально на англійскомъ языкѣ въ Америкѣ въ 1811 году. Въ Европѣ французскій оригиналъ напечатанъ былъ безъ согласія автора, и, по его утвержденію, не въ полномъ видѣ сперва въ Люттихѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. Та же книга выпущена была, наконецъ, въ свѣтъ самымъ Детю въ ея общераспространенной формѣ въ 1819 году. Есть основаніе думать, что Пестель знакомъ былъ съ нею именно по этому окончательному изданію, къ которому приложенъ, между прочимъ, мемуаръ того же Детю „о средствахъ создать нравственность народа". Отдѣльныя мысли этого мемуара воспроизводятся Пестелемъ въ пятой главѣ его „Русской Правды", когда онъ говоритъ о народѣ въ гражданскомъ отношеніи. Если мои догадки вѣрны, то онѣ даютъ право заключить, что эта глава „Русская Правда", написана не раньше 1819 г. Въ одномъ мѣстѣ ея, принадлежащемъ къ первымъ тремъ главамъ, есть ссылка на событіе, происшедшее въ концѣ 1824 года. Это указываетъ на то, что редакція главъ, дошедшихъ до насъ во вполнѣ обработанномъ видѣ, а таковы только первыя двѣ и часть третьей, не воспослѣдовала ранѣе, какъ за годъ до момента практическаго выступленія декабристовъ или, вѣрнѣе, въ самый годъ этого выступленія. На 75 страницѣ, въ третьей главѣ, посвященной вопросу о сословіяхъ, говоря о мѣщанствѣ, Пестель пишетъ: „непремѣнно уничтожить вышедшее въ концѣ 1824 года постановленіе, извѣстное подъ названіемъ „гильдейскаго" и заключающее въ себѣ все то, что зловластіе выдумать только могло для вреда народной промышленности, покровительствованія всѣмъ злоупотребленіямъ и совершеннаго угнетенія бѣднѣйшихъ классовъ". Итакъ, мы имѣемъ двѣ даты— 1819 годъ и конецъ 1824 или 1825 годъ, какъ болѣе или менѣе предѣльные сроки, въ теченіе которыхъ Пестель занятъ былъ сперва составленіемъ отдѣльныхъ набросковъ своего сочиненія, затѣмъ окончательной его обработкой по частямъ [1]).

[1]) Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, обнародованъ 14 ноября 1824 года и отпечатанъ въ „Полномъ собраніи законовъ" т. 39. Имъ запрещается мѣщанамъ продавать хлѣбъ и другія произведенія, перевозя ихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, иначе

При бѣгломъ даже знакомствѣ съ его взглядами бросается въ глаза сильное вліяніе, оказанное на него Бентамомъ, авторомъ трактата „Теорія наказаній и наградъ". Читая все написанное Пестелемъ о законѣ и судѣ, проникаешься убѣжденіемъ, что сочиненія Бентама, и въ частности упомянутое нами, во многомъ опредѣлили его образъ мыслей на природу законовъ и установляемыхъ ими санкцій. Это вполнѣ отвѣчаетъ показанію одного изъ декабристовъ, Бестужева, о вліяніи, какое и на него имѣлъ Бентамъ. Обращаясь письменно къ судьямъ, Бестужевъ сказалъ, между прочимъ: „Послѣ школы принялся я за науки и занимался одинъ, считая свой разсудокъ лучшимъ руководствомъ. Свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе, и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ и Haus (sic) of commons занимали меня, какъ француза или англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ (т. е. оказывалъ) на меня вліяніе Геренъ, изъ публицистовъ—Бентамъ" [1]). Такъ какъ нѣтъ указаній на то, чтобы Пестель знакомъ былъ съ англійскимъ языкомъ, то можно думать, что онъ читалъ Бентама въ извѣстной обработкѣ Дюмона—„Трактатъ о наказаніяхъ и наградахъ". Онъ вышелъ въ Лондонѣ на французскомъ языкѣ въ 1811 году. Передача его взглядовъ Пестелемъ встрѣчается въ той части книги, которая носитъ подзаглавіе: „записки о государственномъ управленіи": есть поэтому возможность опредѣлить приблизительно и время, раньше котораго не могла появиться эта записка. Этимъ временемъ будетъ 1811 годъ. Наша догадка вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что издатели „Русской Правды" говорятъ намъ о ея авторѣ. По ихъ словамъ, онъ въ теченіе десяти лѣтъ, не покладая рукъ, трудился надъ дѣломъ тайнаго общества, и въ это время значительнѣйшая часть его работы пала на обработку „Русской Правды". Пестель былъ, какъ извѣстно, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна и ранѣе другихъ присталъ къ тайному обществу, образованному въ 1816 году братьями Муравьевыми [2]). Итакъ, мы получили возможность приблизительно установить время составленія отдѣльныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ той книги, которая объединяетъ собою какъ отдѣльныя записки, такъ и главы цѣльнаго трактата, дошедшія до насъ отъ Пестеля. Мате-

какъ подъ условіемъ пріобрѣтенія права торговли уплатой за свидѣтельство 150 руб. (См. статью В. Семевскаго: „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ"—„Рус. Богатство" 1907 г. май, стр. 135 3-е примѣч.).

[1]) См. П. Котляревскій, Декабристы — кн. Одоевскій и А. Бестужевъ, 1907 г. стр. 124—125.

[2]) См. статью Герцена „La conspiration russe de 1825", отпечатанную на русскомъ языкѣ въ „Собраніи сочиненій Рылѣева", Библіотека декабристовъ, вып. 1. 1906 г.

ріалъ этотъ распредѣляется въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ. Первой по времени надо считать „записку о государственномъ управленіи“, которая не могла быть составлена ранѣе 1811 г. и на которой, по всей вѣроятности, основана была репутація Пестеля, какъ сторонника либеральныхъ реформъ, въ то время, когда создано было Муравьевыми тайное политическое общество въ Петербургѣ, т. е. въ 1816 г., что и позволило имъ обратиться къ Пестелю съ предложеніемъ войти въ него. Къ позднѣйшему времени принадлежатъ не вполнѣ обработанныя главы „Русской Правды“, начиная съ четвертой и пятой; въ своихъ показаніяхъ слѣдственной коммиссіи Пестель говорилъ, что онѣ написаны только начерно. Въ этихъ главахъ изложено почти все то, что сказано имъ по поводу сословной организаціи Русской Имперіи, ея земельнаго устройства, ея политическихъ учрежденій, начиная съ низшей земской единицы—волости, переходя къ уѣзду и области и оканчивая всѣмъ государствомъ. Наконецъ, въ связи съ гражданскими правами русскихъ подданныхъ, въ этихъ главахъ, а именно въ пятой, говорится и объ ихъ публичныхъ правахъ и обязанностяхъ. Это, можно сказать, тѣ части книги, по которымъ всего легче судить о характерѣ затѣяннаго Пестелемъ преобразованія. Что же касается до первыхъ трехъ главъ, то и онѣ, повидимому, разновременнаго происхожденія. „Глава I переписана набѣло, пишетъ Павловъ-Сильванскій, на бумагѣ съ водяными знаками 1821 г. Часть главы II и III переписана на бумагѣ со знаками 1823 и 1824 г“ [1]). Въ виду сказаннаго можно согласиться съ тѣмъ же историкомъ что „Русская Правда“ вчернѣ была написана къ 1823 году, но дошедшая до насъ редакція, вѣроятно, относится къ слѣдующему году. Это вытекаетъ изъ показаній, данныхъ самимъ Пестелемъ передъ судомъ. Онъ заявилъ, что „послѣ перехода его къ республиканскому образу мыслей „Русская Правда“ не писалась уже такъ ловко, какъ прежде [2]). „Отъ меня часто требовали ею поспѣшить, и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіе цѣлаго года, а только прежде написанное кое-что переправлялъ“. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ Пестель говоритъ: „Нѣкоторыя статьи и краткія начертанія („Русской Правды“) написалъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, въ 1824 г.“

Ничто прямо не выдаетъ намъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля за того республиканца, какимъ онъ рисовался воображенію своихъ современниковъ и ближайшаго потомства, и какимъ изображаетъ его намъ Герценъ въ своемъ извѣстномъ очеркѣ о декабристахъ, написанномъ для францу-

---

[1]) Павловъ-Сильванскій. Пестель передъ Верховнымъ судомъ, стр. 15.
[2]) Ibid., стр. 30.

зовъ и только недавно появившемся на русскомъ языкѣ [1]). „Пестель былъ горячимъ республиканцемъ, пишетъ Герценъ... Соглашаясь съ собесѣдникомъ, что было бы очень недурно добиться англійской конституціи, онъ... тутъ же прибавлялъ, что самъ предпочелъ бы американскую, которая, по его словамъ, охраняетъ интересы всѣхъ, а не однихъ только лордовъ и купцовъ“. О самомъ себѣ Пестель при допросѣ показалъ, что отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей онъ переведенъ былъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Дестю-де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на него. Дестю доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей самъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ“. Говоря это, Пестель, очевидно, разумѣлъ то, что Дестю-де-Траси пишетъ въ комментаріи на XI книгу „Духа Законовъ“.

Въ названной части своего сочиненія этотъ французъ, пишущій для Америки, въ періодъ Наполеоновскаго владычества, полемизируетъ съ ходячимъ мнѣніемъ, что при устройствѣ исполнительной власти необходимо придерживаться единства. „Я позволяю себѣ утверждать, говоритъ онъ, что рѣшительно не слѣдуетъ сосредоточивать всей власти исполненія въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, приводимое въ доказательство обратнаго, то,—будто для производства правительственнаго акта, какъ для всякаго дѣйствія, одинъ человѣкъ болѣе пригожъ, чѣмъ нѣсколько лицъ“. Дестю, очевидно, разумѣетъ извѣстный афоризмъ, l'action est le fait d'un seul: la dilibèration est le fait de plusieurs. Этотъ афоризмъ фигурируетъ въ числѣ, такъ называемыхъ, Наполеоновскихъ принциповъ, хотя и формулированъ былъ впервые никѣмъ другимъ, какъ аббатомъ Сэйесомъ, авторомъ консульской конституціи. Критикуя мысль о необходимости единаго главы исполненія, Дестю говоритъ, что цѣльность и единство существенны въ въ волевыхъ актахъ, а не тогда, когда рѣчь идетъ объ одномъ проведеніи этихъ рѣшеній или этихъ актовъ. Не даромъ у насъ одна голова и нѣсколько повинующихся ей органовъ движенія. Не даромъ также нѣтъ монарха, у котораго бы не было нѣсколькихъ министровъ. Но вѣдь дѣйствительными исполнителями являются они. Монархъ ограничивается выраженіемъ извѣстныхъ пожеланій, самъ часто ничего не предпринимая. Въ самой Англіи король ничто, если не имѣть въ виду его участія въ законодательствѣ. Отнимите у него эту неподобающую ему функцію и онъ сталъ бы совершенно не нуженъ. Дѣйствительное правительство образуютъ здѣсь законодательный корпусъ и совѣтъ министровъ. Король не болѣе какъ лишнее колесо машины, только увеличивающее ея тренія и

[1]) Въ предисловіи къ полному собранію сочиненій Рылѣева.

общее количество издержекъ, связанныхъ съ управленіемъ ею" [1]. Но король, по мнѣнію Дестю, не только не нуженъ; онъ еще опасенъ, и вотъ почему.

Въ системѣ единоначалія авторъ отмѣчаетъ, слѣдующую недопустимую по его мнѣнію, черту—ея неограниченность невозможность ввести власть короля въ опредѣленныя рамки (c'est d'être de sanature illimité et illimitable). Этотъ недостатокъ происходитъ отъ того, что наслѣдственная власть правителя едина и нераздѣльна. Но никакая наслѣдственная власть не можетъ чувствовать себя прочно установленной, если рядомъ съ нею мы признаемъ верховенство общей воли, т. е. суверенитетъ народа. Послѣднее клонится къ тому, чтобы сдѣлать срочнымъ всякое начальствованіе, создаваемое путемъ выдачи полномочія отъ народа, полномочія срочнаго и подлежащаго взятію обратно. Неизбѣжно поэтому стремленіе этого строя къ упраздненію самаго начала народнаго суверенитета, такъ какъ съ этимъ связано ея собственное упроченіе. Эта неизбѣжность лежитъ не въ однихъ человѣческихъ страстяхъ, но въ самой природѣ вещей. Ясно, какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого, ясно, что въ этомъ строѣ нельзя обойтись безъ вѣчной вражды, острой или затяжной, явной или тайной. Выходъ изъ нея можетъ быть только одинъ: рабство народа или перемѣны самого строя. Надѣяться на сохраненіе свободы и этой системы строя, это то же, что желать двухъ вещей, взаимно исключающихъ другъ друга [2]).

Этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ между народнымъ суверенитетомъ и единоначаліемъ Дестю объясняетъ и отмѣченныя Монтескье безнравственность и продажность, существующія при такомъ образѣ правленія, стремленіе его къ развитію роскоши, разврата, чванства: пристрастіе къ войнамъ и завоевательной политикѣ, разстройство имъ финансовъ народа, извращеніе нравовъ придворныхъ, приниженіе низшихъ классовъ общества, тенденцію не къ развитію знаній, а, наоборотъ, къ ихъ искорененію, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается нравственной философіи, мы бы сказали теперь общественныхъ наукъ, наконецъ, самое стремленіе режима къ поощренію легкомыслія, необдуманности и эгоизма. „Все это въ порядкѣ вещей", пишетъ Дестю: „такъ какъ интересъ правителя отличенъ отъ общаго интереса народа, то онъ и ведетъ себя, какъ обособленная секта или партія въ государствѣ. Онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы вносить раздѣленіе въ націю, дабы тѣмъ ослабить ее и облегчить для себя самого борьбу съ нею. Въ его интересахъ поддерживать противорѣчіе въ стремленіяхъ отдѣльныхъ классовъ, такъ какъ это позволяетъ ему господствовать надъ одними съ помощью другихъ. Сторонники единоначалія не могли поэтому остановиться

[1]) Commentaire sur l'Esprit des lois de Montesquieu. Стр. 185 и 186.
[2]) Ibid., стр. 187.

при устройствѣ его на другой схемѣ, помимо системы противовѣсовъ, которая, возстановляя однѣ власти противъ другихъ, обращаетъ ихъ во враждующія арміи".

Воспроизведеніе этихъ послѣднихъ мыслей можно найти въ томъ, что Пестель говоритъ о необходимости упраздненія сословій: „всякое существованіе отдѣльнаго отъ общей массы народной сословія, есть вещь пагубная по той причинѣ, что такое сословіе не долго будетъ удовлетворяться однимъ наслажденіемъ самолюбія. Оно будетъ искать существеннѣйшихъ для себя выгодъ и, отдѣлившись разъ отъ общей массы народной, будетъ жертвовать благомъ общины для проведенія своей корысти и для овладѣнія существеннѣйшими преимуществами, нарушающими равенство всѣхъ предъ закономъ—сіе первѣйшее, главнѣйшее и прочнѣйшее основаніе государственнаго благоденствія".—И, сказавъ это, Пестель прибавляетъ: „чего не дѣлали древніе козни дворянскія?" [1])—заявленіе, содержаніе котораго, какъ я полагаю, мы вправѣ распространить и на современность.

Все приведенное мѣсто очень близко по мысли, если не по формѣ, къ слѣдующимъ положеніямъ Дестю-де-Траси: „всегда безполезно или вредно, чтобы тѣ, кто имѣетъ серіозныя преимущества въ обществѣ (преимущества рожденія или богатства), имѣли возможность присоединять къ нимъ и преимущества власти. Это позволило бы имъ не столько озаботиться собственной защитой—мысль, на которой Монтескье строилъ положеніе о необходимости особой аристократической камеры,—сколько угнетать другихъ" [2]).

Какъ для Дестю, такъ и для Пестеля, ни рожденіе, ни богатство не должны служить основаніемъ къ какимъ-либо исключительнымъ правамъ и преимуществамъ. „Богатые, пишетъ Пестель въ четвертой главѣ, всегда будутъ существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять къ богатству еще другія политическія права и привилегіи за исключеніемъ (т. е. во вредъ) бѣдныхъ. А посему и возлагается непремѣнная обязанность на верховное правленіе въ полной мѣрѣ всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго, совершенно устранить и навсегда удалить [3]). Чего Пестель желаетъ, такъ это того, чтобы всѣ сословія слились въ одно общее—гражданское [4]).

Такимъ образомъ, вліянію Дестю-де-Траси надо приписать враждебность Пестеля и къ конституціонной монархіи и къ системѣ противовѣсовъ, а также его нежеланіе дать аристократіи отличное отъ народа участіе въ политической власти и представительствѣ. Ни разу во всѣхъ своемъ

---

[1]) „Русская Правда", стр. 70.
[2]) Considérations, стр. 178.
[3]) Русская Правда, стр. 214.
[4]) Ibid., стр. 199.

сочиненіи Пестель не отнесся съ похвалой къ англійскимъ политическимъ порядкамъ, столь превозносимымъ въ его время публицистами либеральной партіи съ Бенжаменомъ Констаномъ во главѣ.

Республиканизмъ Пестеля мѣшаетъ ему произносить съ похвалою, по примѣру всѣхъ современниковъ, имя Монтескье. Оно ни разу не встрѣчается въ его книгѣ, какъ нѣтъ въ ней и упоминанія о необходимости раздѣленія властей, сдѣлавшагося почти избитымъ мѣстомъ публицистики первой четверти XIX ст. Въ этомъ несомнѣнно надо видѣть вліяніе Дестюде-Траси, сведшаго всѣ различія въ формахъ правленія не къ тому, насколько въ нихъ власти обособлены, а къ тому, насколько въ нихъ верховенство, или суверенитетъ, принадлежитъ націи или, наоборотъ, одной изъ ея составныхъ частей, той или другой династіи или сословію [1]).

Для автора Русской Правды, какъ и для комментатора Монтескье, двухпалатная система является невозможностью въ виду отрицанія обоими писателями всякихъ сословій, всякаго политическаго класса, надѣленнаго особыми преимуществами въ государствѣ. Представительство должно быть основано, по ихъ мнѣнію, на началѣ равенства правъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ; ни одинъ изъ двухъ писателей не признаетъ за женщинами права участія въ политическихъ выборахъ и государственной власти.

„Всѣ россійскіе граждане должны одинаковымъ образомъ пользоваться всѣми правами частными, гражданскими и политическими и пользоваться ими на цѣломъ пространствѣ Государства“, читаемъ мы въ пятой главѣ Русской Правды [2]).. Всѣ они по достиженіи совершеннолѣтія (т. е. 20 л.) участвуютъ въ выборахъ. „Народныя Собранія на два рода должны быть раздѣлены (гл IV, стр. 24); изъ нихъ однимъ именоваться земскими, а другимъ намѣстными (т. е. представительными). Земскимъ народнымъ собраніемъ быть по одному въ каждой волости, состоять изъ всѣхъ гражданъ, къ той волости по гражданскому списку приписанныхъ, и заниматься единственно выборомъ гражданъ въ члены извѣстныхъ народныхъ собраній... Намѣстнымъ же народнымъ собраніямъ заниматься всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными, и состоять изъ трехъ степеней такимъ образомъ, чтобы каждая волость имѣла свое намѣстное волостное собраніе, каждый уѣздъ—свое намѣстное уѣздное собраніе, а каждый округъ или губернія—свое намѣстное окружное или губернское собраніе (стр. 214 и 215). Окружныя собранія назначаютъ народныхъ представителей въ народное вѣче, образующее верховную законодательную власть (стр 217).

[1]) Considerations, кн. 2, стр. 1?.
[2]) Стр. 200.

Въ политической схемѣ Пестеля выступаетъ то же желаніе внести широкую децентрализацію, какое мы находимъ въ проектѣ Сперанскаго насчетъ конституціоннаго устройства Имперіи. Но эта децентрализація не идетъ дальше той, какая была допущена Бенжаменомъ Констаномъ въ проектированномъ имъ преобразованіи Франціи. Подобно Констану, Пестель могъ бы сказать: „руководительство дѣлами всѣхъ принадлежитъ всѣмъ. То, что интересуетъ часть государства, должно быть рѣшено этой частью“ [1]).

Въ первой главѣ Русской Правды Пестель задается вопросомъ о различіи въ природѣ государствъ, какъ онъ выражается, нераздѣлимыхъ и государствъ федеральныхъ. Онъ справедливо видитъ его въ томъ, что право издавать законы, образовывать общественныя учрежденія и распоряжаться государственными дѣлами въ послѣднихъ, т. е. федеральныхъ, въ отличіе отъ первыхъ, раздѣлено между общей Верховной властью и частными областными властями. Изъ этихъ двухъ порядковъ онъ даетъ рѣшительное предпочтеніе тому, въ которомъ не имѣется такого раздѣленія: оно особенно нежелательно, полагаетъ онъ, въ государствѣ, составленномъ изъ столькихъ разнообразныхъ племенъ, какъ Россія. Послѣдняя должна поэтому остаться въ его глазахъ единой и нераздѣльной.

Изъ двухъ видовъ федераціи, Пестелю, повидимому, извѣстенъ былъ только тотъ, при которомъ союзная власть лишена исполнительныхъ функцій, и издаваемые ею законы имѣютъ силу только въ случаѣ согласія на нихъ властей отдѣльныхъ государствъ союза.

„Верховная власть въ федераціяхъ по существу дѣла не законы даетъ, но только совѣты, пишетъ Пестель; ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ.“ [2]) Это тѣ порядки, какіе извѣстны были Республикѣ Соед. Нидерландъ и Швейцаріи до 1848, которые существовали одно время въ С. Америкѣ, но которымъ положенъ былъ конецъ принятіемъ нынѣ дѣйствующей конституціи, конституціи 1787 г. Пестель, очевидно, не достаточно былъ знакомъ съ нею, а превратное понятіе о федераціяхъ еще болѣе содѣйствовало укорененію въ его умѣ мысли, что Россія должна остаться государствомъ нераздѣльнымъ подъ страхомъ отложенія отъ нея тѣхъ разнородныхъ частей, изъ которыхъ она составлена.

Противникъ федерализма, Пестель [3]) въ то же время, повидимому, вполнѣ раздѣляетъ взгляды Бенжамена Констана и либеральной школы на необходимость широкой административной децентрализаціи. Бенжаменъ

---

[1]) Constant Collection Complète. т. I стр. 198. du pouvoir municipal.
[2]) Русская Правда. гл. I. стр. 22.
[3]) Ibid., стр. 23.

Констанъ въ этомъ отношеніи шелъ такъ далеко, что требовалъ выдѣленія въ особую категорію муниципальной власти, какъ отличной отъ исполнительной.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что приведенными мыслями Констана, Пестель стоитъ за созданіе мелкой земской единицы въ лицѣ волости, которой одинаково можетъ быть городъ, мѣстечко, село или деревня, имѣющіе тысячу обывателей мужескаго пола или болѣе („Русская Правда", гл. I, стр. 24—25). Волость является у него не только первичной административной единицей, единицей при этомъ самоуправляемой, но и единицей имущественной. „Народонаселеніе и земельное пространство, занятое волостью, должны быть, пишетъ Пестель, въ возможномъ соотвѣтствіи. А какъ ни одна волость не должна имѣть менѣе тысячи обывателей мужескаго пола, то и земельное пространство, ею занятое, не должно ни въ единой волости заключаться въ меньшемъ количествѣ, какъ сколько нужно для тысячи человѣкъ мужескаго пола съ ихъ семействами".

Въ IV главѣ, дошедшей до насъ, какъ видно изъ словъ Пестеля, далеко не въ окончательной редакціи, волость призвана къ владѣнію на началахъ нераздѣльности пріуроченными къ ней землями. Выбираемое въ ней всѣми совершеннолѣтними мужчинами представительное, или, какъ выражается Пестель, „намѣстное" собраніе высказывается окончательно по вопросу о раздачѣ участковъ волостной земли въ пользованіе обывателямъ, каждый разъ по предложенію волостного правленія. „Любой членъ волостного общества, пишетъ Пестель, имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ. Принужденъ же къ тому никто быть не можетъ. Сіе право распространяется равнымъ образомъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя свои частныя земли и на неимѣющихъ таковыхъ, ибо они суть всѣ члены волостного общества. Когда требуется менѣе участковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется, тогда получаетъ каждый требователь желаемое число, а остальные участки могутъ отдаваться на откупъ постороннимъ лицамъ. Когда требуется болѣе участковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется, тогда остаются безъ удовлетворенія требованія тѣхъ гражданъ, кои требуютъ наибольшее число участковъ, такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равныя требованія, предпочитаются неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые такими землями обладаютъ, пропитывающіеся отъ одного земледѣлія тѣмъ, которые занимаются еще какой-нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, который бѣднѣе. Каждый участокъ долженъ быть такъ великъ, чтобы необходимое для житья одного тягла доставить могъ. Тягломъ разумѣется мужъ съ женой и тремя дѣтьми. Участки поступаютъ не въ полную собственность,

но для того, чтобы ихъ обрабатывать и пользоваться ихъ произрастаніями. Каждый участокъ отдается въ обладаніе на одинъ годъ, по истеченіи котораго переходитъ въ другія руки или опять за тѣмъ же владѣльцемъ утверждается. Земледѣльческій годъ считается съ конца одной жатвы до конца другой. Земля общественная, какъ принадлежащая всему обществу, не можетъ быть ни продана, ни заложена. Она не можетъ переходить изъ рукъ въ руки иначе, какъ въ трехъ случаяхъ: когда получившій участокъ пожелаетъ обмѣнять его на свободный, когда онъ не въ силахъ воспользоваться всѣми поступившими въ его обладаніе участками, когда онъ лишенъ права пользованія ими по приговору волости „за гласный и доказанный развратъ". Такъ какъ общественная земля должна доставить каждому необходимое для жизни, то онъ долженъ, пишетъ Пестель, заниматься своимъ участкомъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, а потому волостное общество и сохраняетъ власть за гласный и доказанный развратъ лишать права на общественные участки. Въ постороннія руки участки волостной земли могутъ поступить только тогда, когда волостное общество удовлетворило всѣ требованія на нихъ своихъ членовъ.

Этотъ проектъ устройства аграрнаго коммунизма комбинированъ у Пестеля съ системой волостного кредита и волостного обязательнаго страхованія. „Въ каждой волости, пишетъ онъ, долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ коего бы каждый гражданинъ волости могъ существованіе получить. Къ сему банку полезно присоединить страховое учрежденіе. Изъ банка граждане будутъ получать нужное количество денегъ на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ при поступленіи ими въ число землевладѣльцевъ. Такая помощь будетъ оказываема, между прочимъ, переселенцамъ. При существованіи такой системы обезпеченія каждаго общественной землей, составъ переселенцевъ, надѣется Пестель, значительно измѣнится. Ими будутъ не бѣднѣйшія семьи, какъ теперь, а тѣ, которыя не получили желательнаго для нихъ количества участковъ. Нынѣ, жалуется Пестель, переселенія производятся самыми неимущими людьми, тѣми, кто не находитъ на мѣстѣ средствъ къ пропитанію. Отъ этого происходитъ то, что большая часть переселенцевъ пропадаетъ по дорогѣ, а тотъ кто до мѣста достигнетъ, тотъ способа не имѣетъ ни себя порядкомъ водворить, ни новой своей землѣ пользу принести, такъ какъ для всего этого нужны капиталы, которыхъ онъ не имѣетъ. Но разъ станутъ переселяться люди зажиточные, послѣдствія переселенія будутъ несомнѣнно болѣе благотворны". Отъ созданія системы общественныхъ земель, раздаваемыхъ въ пользованіе на годъ участками, Пестель ожидаетъ установленія между людьми тѣснаго общенія, мы бы сказали, солидарности. Этотъ терминъ употребляется уже Пестелемъ, но въ его французской формѣ—

solidarité, надежное ручательство тому, что понятіе, имъ представляемое, еще не успѣло въ то время проникнуть въ русское общественное сознаніе. При солидарности членовъ общины, Пестель считаетъ возможнымъ и круговую поруку ихъ въ исполненіи всѣхъ падающихъ на обывателей повинностей. „Волость за каждаго вступаться будетъ, пишетъ онъ; для правительства же та будетъ неоцѣненная выгода, что оно не будетъ съ каждымъ частнымъ человѣкомъ вѣдаться особо. Оно будетъ знать только волость и волостное правленіе; отъ сего послѣдняго требовать частнаго исполненія всѣхъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и съ него требовать за всякія упущенія; въ личный же разборъ входитъ только тогда, когда волостное правленіе содѣйствія просить будетъ“.

Только что изложенная нами система любопытна, во-первыхъ, потому, что является, по всей вѣроятности, первой въ Россіи попыткой сколько-нибудь стройнаго коммунистическаго ученія. [1]) Она интересна, во-вторыхъ, потому, что заключаетъ въ себѣ одно лишь видоизмѣненіе мірской системы пользованія, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что послѣднее хорошо было извѣстно русскимъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ, вопреки распространенному нѣмцами воззрѣнію, что мы впервые узнали о немъ изъ книги барона Гакстгаузена, наконецъ, въ-третьихъ самая, схема Пестеля, какъ не устраняющая существованія рядомъ съ мірскою личной земельной собственности, для которой онъ требуетъ неприкосновенности, является счастливымъ примиреніемъ частичной національзаціи земли съ порядкомъ индивидуальнаго владѣнія ею. Пестель уже подымаетъ вопросъ объ образованіи земельнаго фонда не въ рукахъ государства, а въ рукахъ отдѣльныхъ его общинъ. Эта мысль заслуживаетъ быть отмѣченной особенно въ переживаемую нами эпоху, когда на очередь поставленъ вопросъ о добавочномъ надѣленіи крестьянъ съ помощью государственнаго выкупа части помѣщичьихъ земель, и мнѣнія отдѣльныхъ политическихъ партій расходятся, главнымъ образомъ, по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ этихъ прирѣзокъ, составятъ ли онѣ личное или, по меньшей мѣрѣ, семейное достояніе тѣхъ, въ чью пользу онѣ будутъ произведены, или поступятъ къ нимъ лишь въ пользованіе, при чемъ собственность останется за общиной. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ высказываются, между прочимъ, составители программы партіи демократическихъ реформъ, и мнѣ лично трудно было бы понять пользу всей проектируемой выкупной операціи, если бы послѣдствіемъ ея

---

[1]) На ней несомнѣнно отразилось вліяніе той практической попытки устроить подобіе коммунистическихъ порядковъ при сохраненіи бокъ-о-бокъ частной земельной собственности, которая связана съ именемъ Роберта Оуэна и предпріятія, затѣяннаго имъ въ Нью-Ланаркѣ. Та же раздача земель въ пользованіе и та же роль банка въ ссудѣ средствъ, необходимыхъ для первоначальнаго обзаведенія колонистовъ, то же уваженіе къ трудовому началу.

было одно перемѣщеніе земли изъ рукъ нынѣшнихъ собственниковъ въ руки другихъ, хотя бы и болѣе численныхъ.

Политическая схема Пестеля, извѣстная намъ лишь въ вышеприведенномъ отрывочномъ видѣ, благодаря истребленію той главы „Русской Правды", которая должна была касаться организаціи верховной власти, интересна тѣмъ, что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ господствующимъ у декабристовъ теченіемъ, теченіемъ федералистическимъ. Читая текстъ той конституціи, которая была найдена при обыскѣ въ бумагахъ декабриста кн. Трубецкого, и того наброска, какой по памяти Сергѣй Муравьевъ долженъ былъ начертать собственноручно для слѣдственной коммиссіи, выносишь то впечатлѣніе, что обширность имперіи, многообразіе племенъ, ее населяющихъ, различіе хозяйственныхъ интересовъ и культурнаго уровня отдѣльныхъ областей, внушили преобразователямъ Россіи въ царствованіе Александра I мысль приблизить ея устройство къ американскому федеральному образцу. Отсюда, между прочимъ, тѣ автономныя „державства", т. е. области, которыя въ конституціи Муравьева являются подобіемъ штатовъ. Они имѣютъ свои отдѣльныя законодательныя собранія, или думы, построенныя по системѣ двухъ палатъ и раздѣляющія функціи законодательства съ народнымъ вѣчемъ всей имперіи, также двухчленнымъ, составленнымъ изъ верховной думы и палаты представителей. Державства или области имѣютъ свою особую отъ центральной исполнительную власть въ лицѣ, такъ называемаго, правителя, его намѣстника и совѣта. Образецъ, котораго декабристы придерживаются при федеративномъ устройствѣ Россіи, данъ, такимъ образомъ, конституціей 1787 г., вышедшей изъ рукъ засѣдавшей въ Филадельфіи конференціи американскихъ патріотовъ съ Франклиномъ и Гамильтономъ во главѣ.

При незнакомствѣ Пестеля съ дѣйствительной природой этой конституціи и допущеніи имъ лишь того типа сложнаго государства, которымъ является, такъ называемая, конфедерація, подобная той, какая держалась въ Америкѣ до 1787 года, насъ не должно поразить его утвержденіе, что „верховная власть въ федеративномъ государствѣ не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ черезъ посредство областныхъ властей; ежели же область не захочетъ повиноваться, то дабы ее къ повиновенію принудить, надо междуусобную войну завести" (кн. I, стр. 22). Въ виду этого Пестель высказывается въ пользу устройства Россіи на началахъ политически централизованнаго государства, въ которомъ за отдѣльными областями будетъ признано только право самоуправленія, а не автономіи, точь-въ-точь какъ и за низшими земскими единицами—волостями—и посредствующими звеньями, такъ называемыми, имъ уѣздами. Только для Польши Пестель дѣлаетъ исключеніе, при-

глашая Россію даровать ей независимое существованіе, подъ условіемъ заключенія съ нею вслѣдъ затѣмъ тѣсного союза въ мирѣ и войнѣ.

Пестель не считаетъ нужнымъ дать признаніе требованіямъ отдѣльныхъ національностей, населяющихъ имперію, даже въ томъ случаѣ, если эти требованія не выходятъ изъ границъ, дѣлающихъ возможнымъ развитіе однѣхъ культурныхъ особенностей каждой. Онъ стоитъ за то, чтобы на всемъ пространствѣ Русскаго Государства дѣйствовали одни и тѣ же законы, существовалъ одинъ и тотъ же образъ управленія. Онъ противъ признанья особыхъ условій Малороссіи, Украйны и Бѣлоруссіи [1]).

„Всѣ племена Россіи, пишетъ онъ, должны быть слиты въ одинъ народъ такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго Государства были всѣ русскіе. Къ этой цѣли, пишетъ онъ, ведутъ многоразличные способы: во-первыхъ, на цѣломъ пространствѣ Россійскаго Государства долженъ господствовать одинъ только языкъ русскій; во-вторыхъ, нужно, чтобы исчезли даже различія имени для отдѣльныхъ составныхъ частей Россіи; въ-третьихъ, чтобы одни и тѣ же законы и одинъ и тотъ же образъ управленія держались во всей странѣ". Пестель надѣется, что послѣдствіемъ этого будетъ то, что всѣ обрусѣютъ [2]).

Схема Пестеля еще тѣмъ отличается отъ той, которой придерживался Муравьевъ и большинство членовъ тайнаго общества, засѣдавшаго въ Петербургѣ, что построена на началѣ полнаго равенства всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ передъ избирательной урной. „Весь народъ, пишетъ онъ, будетъ размѣщенъ по земскимъ собраніямъ для всеобщаго участія въ составленіи намѣстныхъ, или представительныхъ собраній. Намѣстныя собранія будутъ симъ способомъ весь народъ и всѣхъ онаго граждапъ въ полной мѣрѣ безъ изъятія представлять. Никто не будетъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ. А поелику участіе сіе устроено будетъ порядкомъ представительнымъ, посредственнымъ, то и будутъ въ полной мѣрѣ соглашены невозможность для гражданъ собираться въ одно мѣсто съ обязанностью даровать всѣмъ гражданамъ одинаковыя права на сіе соучастіе". Въ то время какъ Муравьевъ и большинство декабристовъ считали нужнымъ установить извѣстный земельный цензъ и для избирателей и для выборщиковъ, Пестель, высказываясь, подобно имъ, въ пользу двухстепенныхъ выборовъ, не мирится ни съ какими ограниченіями избирательнаго права. „Гибельный обычай даровать нѣкоторымъ людямъ привилегіи, за исключеніемъ массы народной, будетъ совершенно уничтоженъ" [3]), говоритъ онъ. Порабощающая сила аристократовъ и бога-

[1]) Ibid., стр. 39.
[2]) Гл. II, стр. 55.
[3]) стр. 217.

тыхъ—причина тому, что во многихъ представительныхъ государствахъ предоставлено право участія въ избраніи однимъ только богатѣйшимъ людямъ." Такимъ образомъ, замѣчаетъ Пестель, аристократія богатства замѣняетъ въ такихъ государствахъ аристократію феодализма.

Народы отъ этого не только ничего не выигрываютъ, но попадаютъ въ еще худшее положеніе, ибо поставлены въ насильственную зависимость отъ богатыхъ [1]). Тѣмъ, кто вздумалъ бы возразить, что демократическій составъ народнаго представительства опасенъ для внутренняго мира и спокойствія, Пестель отвѣчаетъ: „Что касается до опасенія, чтобы, такъ называемая, чернь не волновала государства, когда въ выборахъ она участвовать будетъ, то опасеніе это совершенно лишнее и напрасное: чернь производитъ безпорядки только тогда, когда ее угнетаютъ, или когда богатые въ своихъ видахъ ее подкупаютъ и волнуютъ. Сама же она пребываетъ всегда въ спокойствіи".

Равенство, проводимое Пестелемъ въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ, примѣняется и къ пользованію гражданами, такъ называемыми, политическими вольностями или свободами. Въ духѣ публицистовъ либеральной школы, въ частности Бенжамена Констана, и нерѣдко въ тѣсномъ общеніи съ мыслью дѣятелей французскаго учредительнаго собранія и ихъ духовныхъ вождей, въ томъ числѣ физіократовъ и Тюрго, Пестель высказывается одинаково и за неприкосновенность личности, и за неприкосновенность собственности, и противъ свободы завѣщательныхъ распоряженій, совершенно въ духѣ Мирабо, и за свободу промышленности, въ частности, свободу роста, въ пользу которой написана была, какъ извѣстно, краснорѣчивая защита его учителемъ Бентамомъ, и противъ существованія цеховъ, и противъ надѣленія монополіями отдѣльныхъ товариществъ. Вліяніе на него тѣхъ предразсудковъ, какіе, вмѣстѣ съ Тюрго, раздѣлялъ и Адамъ Смитъ, по отношенію ко всякимъ частнымъ обществамъ, съ постоянной цѣлью учреждаемымъ, а въ томъ числѣ и къ рабочимъ обществамъ и торговымъ товариществамъ, побуждаетъ его высказаться за ихъ запрещеніе, все равно, будутъ ли они открытыми или тайными [2]). Та точка зрѣнія, какую еще Руссо высказывалъ на счетъ противоположенія частнаго интереса общему, въ связи съ преувеличеннымъ представленіемъ автора „Эмиля" о роли воспитанія въ выработкѣ достойныхъ гражданъ, побуждаетъ Пестеля отказать частнымъ лицамъ въ правѣ устройства школъ. Воспитаніе—исключительное право, съ одной стороны, семьи, а, съ другой, государства. Частныя лица, пишетъ онъ, не должны заводить ни пансіо-

---

[1]) 214.
[2]) § 17 гл. V, стр. 237 и § 20, стр. 240.

новъ, ни другихъ учебныхъ заведеній, куда бы граждане своихъ дѣтей отдавали. Коль-скоро родители не имѣютъ времени, средствъ или охоты заниматься воспитаніемъ, должно правительство ихъ мѣсто заступать и не допускать, чтобы сіе (т. е. забота о воспитаніи) было предоставлено посторонним людямъ [1]).

Въ вопросѣ о свободѣ совѣсти и печати, какъ и въ вопросѣ о личной неприкосновенности человѣка и его жилища, Пестель повторяетъ обычныя требованія всей либеральной школы. Свобода печати для него равнозначительна съ существованіемъ одного судебнаго контроля за нею, контроля, осуществляемаго, однако, не иначе, какъ при участіи избранныхъ отъ народа присяжныхъ. Что касается до свободы совѣсти, то она признается имъ съ оговоркой, что греко-россійская православная вѣра остается господствующей въ Россіи. Свобода проповѣди исключаетъ мысль о сохраненіи какой бы то ни было инквизиціи. Личная неприкосновенность требуетъ освобожденія отъ задержанія до истеченія 24 часовъ послѣ ареста, какъ это предписываетъ англійскій Habeas corpus актъ. „Въ домъ же гражданина никто войти не можетъ безъ его согласія; самый же арестъ происходитъ послѣ предъявленія полиціей письменнаго предписанія о немъ съ указаніемъ причинъ“. И на этотъ разъ образцомъ для Пестеля остается англійская система, такъ называемая, спеціальныхъваррантовъ (warrants), требующая обозначенія внѣшнихъ признаковъ задерживаемаго и указанія, въ чемъ его обвиняютъ.

Переходя къ разсмотрѣнію обязанностей гражданъ, Пестель говоритъ объ общей воинской повинности и высказываетъ свое пристрастіе къ системѣ прямыхъ налоговъ, при которой обложено было бы недвижимое имущество гражданъ, а не капиталы или чистая прибыль и еще менѣе „душа“. Конфискація имущества не должна быть допускаема даже по отношенію къ тѣмъ, кто политически признанъ судомъ умершимъ. Имѣніе осужденнаго должно быть передано его дѣтямъ [2]).

Если прибавить ко всему сказанному, что Пестель рѣшительно возстаетъ противъ смертной казни и крѣпостного права, что отмѣнѣ послѣдняго посвящена имъ краснорѣчивая страница, внушенная ему, быть можетъ, чтеніемъ „Путешествія Радищева“, и что, по подобію Іереміи Бентама и Сенъ-Симона, онъ ставитъ въ обязанность государству „елико возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго количества людей“ [3]), то трудно будетъ не признать, что многими сторонами своихъ воззрѣній

[1]) § 18 гл. V, стр. 239.
[2]) § § 12 и 7, стр. 233 и 225.
[3]) Гл. IV § 5.

онъ тѣсно примыкаетъ къ намъ, опережая насъ на три четверти столѣтія.

Въ одномъ еврейскомъ вопросѣ онъ не столько является сторонникомъ равноправія, сколько тѣхъ самыхъ началъ, которыя нынѣ проповѣдуются сіонистами. Онъ, какъ нельзя лучше, понимаетъ вредъ обособленнаго существованія евреевъ отъ всего прочаго населенія, ихъ тѣсной зависимости отъ раввиновъ и ихъ дружной связи, какъ онъ выражается, между собою. Послѣдней онъ объясняетъ, что „коль-скоро они въ какое-нибудь мѣсто допущены, то неминуемо становятся монополистами и всѣхъ прочихъ вытѣсняютъ. Сіе ясно видѣть можно, прибавляетъ онъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они жительство свое имѣютъ. Вся торговля тамъ въ ихъ рукахъ, и мало тамъ крестьянъ, которые бы посредствомъ долговъ не въ ихъ власти состояли, отчего и разоряютъ они ужаснымъ образомъ край, гдѣ жительствуютъ.“ Особенность евреевъ, столь невыгодную для всего россійскаго гражданства, Пестель объясняетъ ошибочностью правительственной политики, которая и освободила ихъ отъ дачи рекрутъ—порядокъ, отошедшій нынѣ, разумѣется, въ область прошлаго—и обезпечила имъ возможность судиться между собою по приговорамъ раввиновъ. Пестель желалъ бы, чтобы на евреевъ распространенъ былъ общегосударственный порядокъ, но еще болѣе полезнымъ онъ считаетъ содѣйствовать „евреямъ къ учрежденію особаго самостоятельнаго государства въ какой-либо части Малой Азіи.“ Для этого надо назначить имъ сборный пунктъ и дать войска. Занявъ въ Азіатской Турціи достаточныя земли, они могли бы устроить тамъ особенное еврейское государство.

Мнѣ показалось интереснымъ отмѣтить это раннее выраженіе въ русской литературѣ идей сіонизма. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Пестель предугадывалъ рѣшенія не только близкаго, но и отдаленнаго потомства, обнаруживая тѣмъ самымъ широту своего государственнаго ума и ту научную подготовленность, которую признаютъ за нимъ всѣ его современники, и никто въ большей степени, какъ Лореръ, говорящій въ своихъ запискахъ: „чего только этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку и притомъ на многихъ иностранныхъ языкахъ.“

Изъ представленнаго нами очерка его основной общественной и политической доктрины легко будетъ сдѣлать то заключеніе, что оцѣнка, данная ему его товарищемъ по „южному обществу“, кн. Волконскимъ, не можетъ считаться преувеличенной. Пестель былъ, дѣйствительно, „человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія чувства патріотизма.“ Мы можемъ также повторить вслѣдъ за другимъ декабристомъ Басаргинымъ, что онъ былъ „человѣкъ ума

высокаго, яснаго и положительнаго и излагалъ свои мысли съ такой логикой, такой послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія". Всѣ эти качества отразились и на разобранномъ нами сочиненіи. Они позволяютъ „Русской Правдѣ" Пестеля считаться самымъ выдающимся политическимъ трактатомъ, написаннымъ въ Россіи въ царствованіе Александра I.

М. Ковалевскій.

МЕМУАРЪ ПЕТРАШЕВЦА [1]).

22 апрѣля 1849 года я возвратился въ свою квартиру въ Технологическомъ Институтѣ поздно, или скорѣе это случилось 23-го въ 3-мъ часу утра. Я опустилъ шторы и улегся спать. Но едва успѣлъ задремать, какъ услышалъ, что кто-то приподнимаетъ штору и тутъ же замѣтилъ какую-то черную массу, въ полумракѣ движущуюся по комнатѣ, и надъ ней развивающійся бѣлый конскій хвостъ.

Черная масса приблизилась къ моей кровати и спросила:

— Вы ли помощникъ инспектора классовъ, Ястржембскій?

Я отвѣчалъ: „да". Тогда масса объявила мнѣ, что она — полковникъ корпуса жандармовъ, добавляя, что „арестуетъ меня по волѣ Государя Императора", и тутъ же подала мнѣ какую-то бумагу, сладенько произнеся: „Творю волю пославшаго мя". Я сказалъ на это, что вижу, кто онъ, и потому не имѣю нужды читать его бумаги и попросилъ позволенія напиться чаю. Тогда онъ вышелъ въ другую комнату и послалъ кого-то за полицмейстеромъ Института.

Я послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ цѣлую полицейскую команду московской части съ частнымъ приставомъ во главѣ.

Явился полицмейстеръ и директоръ Института ген. Блай. Жандармскій полковникъ потребовалъ мои бумаги, вложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ въ портфель, велѣлъ его запечатать моею печатью, собралъ книги и куда-то ихъ уложилъ, составилъ, кажется, протоколъ и передалъ остальныя мои

---

[1]) Печатаемый мемуаръ извѣстнаго петрашевца И. Ястржембскаго сохранился въ бумагахъ покойнаго профессора Ореста Федоровича Миллера и переданъ намъ однимъ изъ ближайшихъ его родственниковъ. Авторъ этихъ записокъ И. Ястржембскій род. въ 1814 году, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, и въ 1848 году былъ помощникомъ инспектора классовъ и преподавателемъ въ Технологическомъ Институтѣ, кромѣ того онъ преподавалъ статистику и начатки политической экономіи въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпусѣ путей сообщенія и Дворянскомъ полку. „Это былъ оригиналъ—вспоминаетъ о немъ М. И. Венюковъ—пожалуй даже эксцентрикъ, но умѣвшій возбуждать идеи самаго широкаго гуманизма въ молодыхъ головахъ. Онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи. Программа послѣдней, разумѣется, была самая непривлекательная, въ духѣ Ж. Б. Сея, т. е. теоріи своекорыстной наживы немногихъ, сильныхъ, на счетъ большинства слабыхъ, но Я., исполняя ее, умѣлъ научить насъ смотрѣть на вещи съ иной точки зрѣнія, болѣе современной и человѣчной" („Русск. Стар." 1890, апр. 245; дальнѣйшая характеристика Я. была редакціей опущена очевидно по цензурнымъ соображеніямъ). За участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго генералъ-аудиторіатъ приговорилъ Я. къ 4-хъ лѣтней каторжной работѣ на заводахъ, но имп. Николай I увеличилъ срокъ до 6 лѣтъ. Одно время Я. находился въ Шилкинской каторжной тюрьмѣ. Я. умеръ въ 80-хъ годахъ... *Ред.*

вещи полицмейстеру Института; но предварительно обшарилъ всю мебель и даже висѣвшія на стѣнахъ картинки, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя были наклеены на папкѣ, разрѣзалъ.

Мы вышли на дворъ, и тамъ я увидѣлъ карету, въ которую мы и помѣстились и поѣхали, какъ я догадывался, въ 3-е отдѣленіе.

Какъ всѣ мои знакомые молодые люди, такъ и я,—всѣ мы были такъ заняты начавшимся тогда въ Европѣ соціально-экономическимъ движеніемъ (политикой въ собственномъ смыслѣ мы не занимались), что почти не обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Россіи и въ Петербургѣ. Поэтому не удивительно, что я не догадался, по какому случаю меня арестовали, и все надѣялся, что сейчасъ послѣ объясненія въ 3-мъ отдѣленіи меня отпустятъ. Оказалось, однако, что я считалъ безъ хозяина.

Мы пріѣхали въ 3-е отдѣленіе и вошли въ большія сѣни, гдѣ я съ удивленіемъ замѣтилъ стоявшую посрединѣ большую статую Венеры Каллипиги.

Въ залѣ я замѣтилъ всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался на вечерахъ у Петрашевскаго, и его самого.

Послѣ долгаго, почти десятичасового ожиданія, меня позвали въ кабинетъ ген. Дубельта. Тотъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „Г. Ястржембскій, я вамъ отвелъ здѣсь квартиру“.

Арестовавшій меня жандармскій полковникъ сдалъ меня жандарму, и меня повели черезъ дворъ въ нумеръ арестантскаго помѣщенія. Тамъ посѣтилъ меня и графъ Орловъ и спросилъ только: „какъ ваша фамилія?“

Въ теченіе цѣлаго дня я въ окно видѣлъ въѣзжающія во дворъ почтовыя телѣги, изъ которыхъ высаживались разныя лица въ сопровожденіи жандармовъ.

Наконецъ, въ 9 часовъ вечера, ко мнѣ въ номеръ вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ и велѣлъ мнѣ одѣваться и итти за нимъ.

Мы пошли опять въ кабинетъ ген. Дубельта, гдѣ я засталъ жандармскаго поручика, которому ген. Дубельтъ отдалъ какой-то толстый пакетъ, а мнѣ сказалъ: „поѣзжайте съ этимъ офицеромъ“. Мы вышли, сѣли въ карету и поѣхали.

Я недоумѣвалъ, куда мы ѣдемъ? Мосты были только что разведены, и ледъ изъ Ладоги еще не проходилъ, и притомъ былъ сильный вѣтеръ, чуть не буря. Мнѣ казалось, что мы никакъ не могли ѣхать въ крѣпость.

Однако, мостъ оказался наведеннымъ, и мы пріѣхали въ крѣпость къ комендантской квартирѣ.

Тамъ привезшій меня офицеръ сдалъ меня коменданту, а два солдата крѣпостной инвалидной команды отвели меня въ мѣсто моего содержанія, которое, какъ я узналъ впослѣдствіи, было Алексѣевскій равелинъ.

Въ равелинѣ я просидѣлъ съ 23 апрѣля по 23 декабря 1849 г., и если бы мнѣ пришлось посидѣть еще недѣлю, я, вѣроятно, не вышелъ бы изъ него живымъ.

Всѣ гигіеническія условія были тамъ удовлетворительны: чистый воздухъ, опрятность, здоровая пища и т. д. все было хорошо; доказательствомъ того можетъ служить то обстоятельство, что, хотя въ то время въ Петербургѣ была сильная холера, изъ заключенныхъ не заболѣлъ ни одинъ. Убивающее вліяніе на меня оказало одиночное заключеніе. При одной мысли, что я нахожусь „au secret“, уже черезъ двѣ недѣли заключенія со мною стали случаться нервные припадки, обмороки и біеніе сердца.

Приступлю къ спеціально теперь занимающему меня предмету,—къ допросамъ въ слѣдственной комиссіи и къ тому, что случилось со мною на, такъ названномъ, судѣ. Вспоминая теперь все это, никакъ не могу сказать „dulces est recordatio pro teritoriem“.

Въ половинѣ мая, вечеромъ, послѣ того какъ мой нумеръ заперли снаружи и вынули ключъ для отнесенія его смотрителю, опять я услышалъ, что ключъ щелкнулъ въ замкѣ; дверь отворилась; вошли солдаты и ефрейторъ и подали мнѣ мое платье, которое въ первый вечеръ моего пребыванія въ равелинѣ было отъ меня отобрано и замѣнено мѣстнымъ халатомъ и ночнымъ колпакомъ; велѣли мнѣ одѣваться и итти за ними. Я одѣлся, вышелъ въ коридоръ и увидѣлъ тамъ смотрителя, полковника Яблонскаго (фамилію, разумѣется, я узналъ гораздо позже), въ сопровожденіи котораго я и пришелъ въ квартиру какого-то чиновника комендантскаго управленія, отведенную для засѣданій слѣдственной комиссіи.

Не могу здѣсь не вспомнить, что этотъ Яблонскій, полковникъ по арміи, производилъ на меня неимовѣрно удручающее впечатлѣніе. Высокій ростомъ, кривой на одинъ глазъ, сѣдой, какъ лунь, въ то время, какъ я привыкъ видѣть самыхъ старыхъ генераловъ черноволосыми (какъ извѣстно, тогда красить свои куафюры военнымъ было обязательно), онъ единственнымъ своимъ глазомъ всматривался въ меня такъ пристально, что мнѣ казалось, онъ такъ и хотѣлъ сказать: „знаю я тебя, голубчикъ... лучше сознайся“.

Не могу допустить, что это впечатлѣніе явилось у меня вслѣдствіе того, что онъ былъ тюремный смотритель. Вѣдь былъ же тамъ и другой офицеръ, инвалидный поручикъ, но онъ па меня ни мало не производилъ отталкивающаго впечатлѣнія. То былъ обыкновенный служака, который исполнялъ свою должность безсознательно, не сознавая рѣшительно всей ея нравственной неприглядности. Напротивъ, Яблонскій, видимо, зналъ что дѣлаетъ, онъ сознавалъ всю подлость своей обязанности и все-таки ради разныхъ выгодъ исполнялъ ее „con amore“. Въ его единственномъ взглядѣ

ясно отражались кровожадность кошки и хитрость лисицы. Съ перваго взгляда его собесѣдника могла ввести въ обманъ ленточка Георгія и петлицы, но это продолжалось недолго, въ особенности если дѣлалось извѣстно, что онъ орденъ этотъ получилъ, служа въ фельдъегеряхъ и храбро удирая на фельдъегерской телѣгѣ въ 1812 году, когда ему въ глазъ выстрѣлилъ какой-то французскій застрѣльщикъ.

Впрочемъ, не знаю, можетъ быть, такое мнѣніе о полковникѣ Яблонскомъ я себѣ составилъ вслѣдствіе разстройства моихъ нервовъ.

Какъ бы то ни было, мы пришли въ квартиру, въ которой засѣдала слѣдственная комиссія. Полковникъ Яблонскій ввелъ меня въ комнату, въ которой никого не было. Увидѣвъ себя въ зеркалѣ, я ужаснулся. Прибылъ я въ равелинъ молодымъ, цвѣтущимъ здоровьемъ тридцатилѣтнимъ мужчиной,—въ зеркалѣ я увидѣлъ исхудалаго, съ помутившимися глазами шестидесятилѣтняго старика. Моя шляпа была вся покрыта зеленою плесенью. Черезъ запертую дверь въ другой смежной комнатѣ я услышалъ веселые голоса дѣтей, и черезъ щель въ двери увидѣлъ и самихъ дѣтей, весело болтавшихъ съ пришедшимъ на праздникъ братцемъ-кадетомъ. Какъ подѣйствовали эти отголоски жизни на меня, заживо погребеннаго въ мрачной могилѣ, я выразить не въ состояніи.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія мы съ полковникомъ Яблонскимъ вошли черезъ сѣни въ комнату, въ которой засѣдала слѣдственная комиссія.

Въ этой комнатѣ, за продолговатымъ столомъ, сидѣли слѣдователи. Изъ нихъ я зналъ только генерала Набокова, коменданта крѣпости, который меня посѣщалъ въ равелинѣ, генерала Ростовцева, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, гдѣ я былъ преподавателемъ, и генерала Дубельта. Послѣ я узналъ имена и другихъ двухъ слѣдователей-инквизиторовъ,—то были генералъ князь Долгоруковъ, бывшій впослѣдствіи шефомъ жандармовъ, и князь Гагаринъ, впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Всѣ эти господа смотрѣли на меня въ упоръ, за исключеніемъ генерала Ростовцева, сидѣвшаго ко входной двери спиной,—и съ видимымъ любопытствомъ, особенно князь Гагаринъ, который принялъ на себя руководство веденіемъ слѣдствія, хотя предсѣдателемъ комиссіи былъ генералъ Набоковъ.

Сначала они перемигивались между собою и посылали одинъ другому какія-то записочки, и, наконецъ, князь Гагаринъ напустился на меня.

— Вы сошлись съ заговорщиками и крамольниками и измѣнили отечеству! Мы все знаемъ. Лучше сознайтесь и раскайтесь (разумѣется: „выдайте другихъ“). Раскаяніе будетъ вамъ въ пользу.

Замѣтивъ при словѣ „отечество“ на моемъ лицѣ нѣкоторое волненіе и какъ бы желаніе возражать и протестовать противъ этого слова, онъ добавилъ:

— Да, отечеству, вами избранному.

Онъ, вѣроятно, предполагалъ, что я стану протестовать и противъ выраженія „отечество избранное“, но я, очень хорошо понимая, къ какимъ опаснымъ для меня спорамъ и препирательствамъ повелъ бы всякій съ моей стороны протестъ, и желая поскорѣе узнать, въ чемъ меня обвиняютъ, хладнокровно отвѣтилъ:

— Россію я почитаю за отечество, данное мнѣ Провидѣніемъ!

Я очень хорошо зналъ, что, если бы вмѣсто слова „Провидѣніе“ я употребилъ выраженіе „непреложные законы исторической жизни“, то почтенные члены слѣдственной комиссіи навѣрное меня бы не поняли. Это заявленіе прекратило всѣ пререканія, которыя не повели бы ни къ чему для меня хорошему.

Тогда И. Я. Ростовцевъ съ приторно сладенькой улыбкой и тономъ ben comando сказалъ: „ужели вы, г. Ястржембскій, не видѣли, что собиравшіеся у Петрашевскаго были заговорщики и измѣнники“.

На это я отвѣчалъ: „что я уже во второй разъ слышу слова „заговоръ“ и „измѣна“ и категорически заявляю, что судить о томъ, заговорщики ли и измѣнники лица, которыхъ я видывалъ у Петрашевскаго, я не берусь, но что въ ихъ поведеніи ни заговора, ни измѣны я не замѣчалъ; что же касается до меня лично, то я твердо протестую, что я вѣрноподданый и никогда долга вѣрнаго подданнаго ни въ чемъ не нарушилъ“.

Тогда князь Гагаринъ напустился на меня снова:

— Какъ вы смѣете утверждать, что они не заговорщики и не измѣнники? Сознайтесь, что они именно таковы...

Я отвѣчалъ:

— Я не утверждаю ни мало, что они не заговорщики и не измѣнники, только заявляю, что объ этомъ ничего не знаю.

Тогда князь Гагаринъ, обращаясь къ сидѣвшему позади него за особымъ столикомъ какому-то чиновнику съ краснымъ воротникомъ, взялъ у него листъ бумаги и приказалъ мнѣ написать на немъ мое заявленіе о лицахъ, бывшихъ у Петрашевскаго.

Я написалъ дословно такъ: „О томъ, заговорщики или измѣнники означенныя лица, я ничего не знаю, но если господа члены слѣдственной комиссіи признаютъ ихъ таковыми, то я спорить и прекословить не смѣю“.

Когда красноворотный чиновникъ прочиталъ это, то и онъ вздумалъ

показать, что и онъ-де не послѣдняя спица въ колесницѣ, и, обращаясь къ князю Гагарину, сказалъ:

— Да вѣдь „онъ" написалъ не то, что говорилъ.

„Онъ" было произнесено съ невыразимымъ акцентомъ; въ этомъ акцентѣ явно слышалось: „онъ — измѣнникъ, не стоитъ суда: его бы прямо на плаху; а я, молъ,—членъ слѣдственной коммиссіи, благонамѣренный чиновникъ, очевидно, заслуживаю 25 рублей награды или, по крайней мѣрѣ, Анны третьей степени, или хоть уже Станислава".

Но эту его прыть немного посбилъ генералъ Ростовцевъ, сказавъ тономъ, поставившимъ его тотчасъ же на надлежащее мѣсто:

— Г. Ястржембскій написалъ то, что слѣдуетъ.

Тогда начались допросы. Князь Гагаринъ:

— Что вы скажете о Вильнѣ?

Я: „Въ Вильнѣ я не былъ съ 1832 года".

Кн. Гагаринъ: „Что вы знаете о Варшавѣ?"

Я: „О Варшавѣ знаю только, подъ какимъ градусомъ широты и долготы она лежитъ".

Тутъ члены коммиссіи переглянулись между собой и опять начали другъ другу передавать записочки.

Князь Гагаринъ—человѣкъ совсѣмъ пожилой, складомъ своей рѣчи, акцентомъ и всѣми пріемами сдѣлалъ на меня впечатлѣніе бюрократа старой школы, воспитаннаго въ малороссійской семинаріи и даже въ разговорной рѣчи сохранившаго слогъ бумагъ канцелярскихъ и семинарскихъ риторикъ.

Генералъ Ростовцевъ, видимо, старался принять видъ участія и состраданія, при чемъ выказываться въ характерѣ добраго и очень вѣжливаго начальника, не очень взыскательнаго по части служебнаго этикета. Однако, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ это ему вполнѣ не удалось. Онъ мнѣ показался слабохарактернымъ и двуличнымъ человѣкомъ. Такое мое впечатлѣніе подтвердилось впослѣдствіи его дѣйствіями въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ.

Генералъ Набоковъ, видимо, въ коммиссіи чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ; казалось, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ существованіи зловреднаго заговора вообще и въ моей къ нему прикосновенности—въ особенности; но въ чемъ именно состоялъ заговоръ, и какая была моя вина, онъ въ этомъ не могъ дать себѣ отчета.

Князь Долгоруковъ—почему-то и самъ не знаю—произвелъ на меня впечатлѣніе очень симпатической личности.

О генералѣ Набоковѣ скажу еще, что онъ казался непоколебимо убѣжденнымъ въ томъ, что я—республиканецъ и коммунистъ и что я

пропагандировалъ коммунистическія и республиканскія идеи. При томъ онъ нѣсколько разъ высказалъ убѣжденіе, что имѣть только образъ мыслей, несообразный съ обыкновенно принятымъ шаблономъ, уже само по себѣ составляло преступленіе, достойное казни: что если человѣкъ—арестованъ и особенно, если онъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ, то уже ему по праву нечего ожидать чего другого, кромѣ плахи, или, по крайней мѣрѣ, каторги. Онъ при всякомъ вопросѣ князя Гагарина, обращенномъ ко мнѣ, посматривалъ на меня глазами, въ которыхъ я читалъ ясно:

„Что? А вѣдь ты виноватъ!"

При всякомъ моемъ отвѣтѣ, казалось, недоумѣвалъ, какъ это я осмѣливаюсь возражать на такіе мѣткіе вопросы, а не прошу на колѣняхъ прощенія или снисхожденія. Онъ, видимо, былъ очень напуганъ появившимся тогда во Франціи и въ Европѣ, такъ названнымъ, соціализмомъ.

Вопросы же, обращаемые ко мнѣ въ слѣдственной коммиссіи, какъ увидитъ читатель, были просто нелѣпы, тенденціозны и пристрастны. Они уже заключали въ себѣ прямыя обвиненія, которыхъ, однако, или нельзя было доказать, или такія, которыя, даже доказавъ, не за что fouetter les chats, а тѣмъ болѣе морить человѣка въ равелинѣ, и при томъ вопросы эти дѣлались лишь для формы, рѣшеніе же моей участи было принято давно и безапелляціонно, въ чемъ и князь Гагаринъ сознался откровенно при допросѣ Дурова.

Вотъ эти знаменитые вопросы:

Кн. Гагаринъ: „Давно ли вы сдѣлались республиканцемъ?"

Я: „Когда мнѣ было 17 лѣтъ, я было пристрастился къ республиканскому образу правленія, прочитавъ Плутарха, Тита Ливія, Тацита и др., но послѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, присмотрѣвшись къ исторіи и фактамъ жизни теперешнихъ европейскихъ народовъ, я перемѣнилъ совершенно мнѣніе и вижу, что для этихъ народовъ единственно пригодный образъ правленія—монархическій; я — твердо убѣжденный монархистъ".

Тутъ генералъ Набоковъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ наивнымъ недоумѣніемъ, что будь это при иной обстановкѣ, я бы непремѣнно расхохотался.

К. Гагаринъ: „Вы коммунистъ, послѣдователь Прудона?"

Я: „Это я отвергаю; напротивъ, на вечерахъ у Петрашевскаго я, не безъ успѣха, опровергалъ ученіе Прудона о поземельной собственности. Почитаю необходимымъ заявить, что я убѣжденный послѣдователь ученія Фурье".

Прежде чѣмъ я успѣлъ договорить это, генералъ Набоковъ услышавъ, что рѣчь идетъ о Прудонѣ, перебилъ меня и съ улыбкой не то

осужденія, не то состраданія о моемъ увлеченіи ученіемъ Прудона сказалъ:

— А вѣдь Прудонъ въ тюрьмѣ!

Почтенный комендантъ Петропавловской твердыни и командиръ гренадерскаго корпуса, нечаянно-негаданно превратившійся въ инквизитора, присяжнаго засѣдателя и вмѣстѣ судью по политическому дѣлу, о сущности котораго, равно какъ и объ обязанностяхъ принятой на себя роли судьи, не имѣлъ рѣшительно ни малѣйшаго понятія, былъ твердо убѣжденъ, что если уже кто посаженъ въ тюрьму, то, конечно, онъ уже тѣмъ самымъ виноватъ и заслужилъ казнь.

Въ то время, какъ извѣстно, военные почитались способными, по самой причинѣ ношенія эполетъ, на занятіе всякихъ самыхъ разнообразныхъ должностей. Такъ, Клейнмихель былъ министромъ путей сообщенія, онъ же на должность директора Института Путей Сообщенія назначилъ пѣхотнаго ступайку генерала Энгельгарда. Тогда былъ въ ходу анекдотъ объ очень характеристической остротѣ великаго князя Михаила Павловича. Сказывали, что будто одинъ разъ императоръ Николай Павловичъ сказалъ брату, что онъ находится въ затрудненіи, кого назначить на открывшуюся вакансію петербургскаго митрополита. Михаилъ Павловичъ отвѣчалъ на это будто бы: „назначьте Клейнмихеля“.

Всякаго мало-мальски мыслящаго человѣка, конечно, удивитъ и поразитъ, что для производства слѣдствія по дѣлу, въ которомъ не было и помина о какихъ-либо преступныхъ дѣйствіяхъ, а только изслѣдовались мнѣнія и тенденціи и для чего, конечно, необходимо было поручить дѣло ученымъ спеціалистамъ, назначены были круглые невѣжды. А эти невѣжды рѣшали участь многихъ молодыхъ людей и упекли ихъ въ Сибирь!

Допросъ продолжался.

Кн. Гагаринъ: „Вы насмѣхались надъ здѣшнею чиноманіею, надъ чиновниками и сравнивали Россію съ Китаемъ?“

Я: „Это не совсѣмъ вѣрно. Я сознаюсь, что не понимаю значенія теперешнихъ чиновъ, которые при ихъ введеніи Императоромъ Петромъ I-мъ соотвѣтствовали опредѣленнымъ должностямъ, а теперь составляютъ одни пустые титулы. Я понимаю то значеніе и вѣсъ, которые человѣку даютъ въ обществѣ рожденіе, знатность, богатство, заслуги государству, талантъ, но значенія чина не понимаю. Если же мнѣ иногда (чего, впрочемъ, не помню) и случалось насмѣхаться надъ нѣкоторыми чиновниками, имѣющими слишкомъ высокое или неправильное понятіе о своей чиновности, то въ этомъ я столько же виноватъ, сколько и актеры Александринскаго театра и авторы различныхъ пьесъ, въ которыхъ выставляются въ смѣш-

номъ видѣ чиновники; между тѣмъ и актеры эти и авторы не привлечены къ отвѣтственности".

Кн. Гагаринъ: „Вы въ своихъ рѣчахъ осмѣлились поносить высшихъ сановниковъ и даже дерзко отзывались о священной особѣ Государя Императора, называя его Богдыханомъ?"

Я: „Не знаю, о какихъ такихъ сановникахъ, Ваше Превосходительство, говорите и при комъ, и въ какихъ обстоятельствахъ я будто отзывался о нихъ дурно. Что же касается слова Богдыханъ, то я самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаю это обвиненіе и утверждаю, что ложно".

Кн. Гагаринъ: „Десять человѣкъ подтвердили это обвиненіе".

Я: „Надѣюсь, что мнѣ съ ними будетъ дана очная ставка".

Молчаніе.

Надо замѣтить, что никогда ни я, ни еще кто-либо другой на вечерахъ у Петрашевскаго (а что касается меня, то и ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ) даже не вспоминали имени Императора Николая Павловича. Что же касается сановниковъ, то объ одномъ изъ нихъ я говорилъ дѣйствительно и разговоръ этотъ я привожу здѣсь откровенно.

Въ то время въ цѣлой Россіи было много сильныхъ пожаровъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій по этому поводу не выдумалъ ничего лучше, какъ воздвигнуть гоненіе на зажигательныя спички. Спички были обложены пошлиной, такъ что пачка, стоившая 1 коп., продавалась по 1 рублю. Министръ финансовъ Вронченко энергически противился обложенію спичекъ пошлиной, и Перовскій воспользовался его болѣзнью для того, чтобы провести эту мѣру. Надо же было случиться, чтобы Вронченку вскорѣ послѣ этого былъ пожалованъ графскій титулъ. Это пожалованье возбудило неудовольствіе, такъ называемаго, (неизвѣстно на какомъ основаніи) аристократическаго кружка въ Петербургѣ.

Пришедши одинъ разъ къ Петрашевскому, я засталъ многихъ молодыхъ людей, желавшихъ, вѣроятно, заявить о своей принадлежности къ аристократіи, порицающихъ это пожалованье и трунящихъ надъ Вронченкомъ. Случилось такъ, что тогда же я получилъ, конечно, съ утвержденія Вронченко, награду 500 рублей. Натурально я сталъ защищать министра финансовъ. Кто-то изъ присутствующихъ сказалъ: „Какой онъ министръ?" Я возразилъ: „Онъ министръ, какъ и всѣ другіе, укажите мнѣ лучшаго". Мнѣ назвали Перовскаго. „Перовскій, сказалъ я, вотъ министръ! Выдумалъ пошлину на спички для избѣжанія пожаровъ. Да я предлагаю проектъ гораздо лучше. Вѣдь пожары производятъ не спички, а руки. Вотъ я предлагаю, чтобы руки всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи были всегда связаны, и чтобы они не могли употреблять ихъ иначе, какъ съ

разрѣшенія и подъ надзоромъ полиціи, для чего всякій разъ обязаны подавать прошеніе на 15-ти копеечной бумагѣ".

Если бы объ этомъ разговорѣ меня спросили въ слѣдственной коммиссіи подробно, я бы непремѣнно сознался, а можетъ быть, и повинился бы; но коммиссія сочла за лучшее умолчать объ этомъ и все-таки сюда приплела нелѣпую сказку о Богдыханѣ.

Князь Гагаринъ: „Вы сказали: я полякъ и за возстановленіе польской народности дамъ изъ себя выпустить до послѣдней капли крови; но я первый же отрублю этой народности голову, если ея возстановленіе будетъ противно благу человѣчества!!!" „Правда ли это?"

Я: „Да—правда. Но, во-первыхъ, я знаю, что Императоръ Всероссійскій есть въ то же время и Король Польскій, и потому, говоря это, я ни мало не нарушилъ долга вѣрноподданнаго. (Другими словами—обвинять меня за это по первымъ тремъ пунктамъ нельзя). А во-вторыхъ, вы неточно привели вторую половину сказанной мною фразы; я сказалъ: что если бы, однако, возстановленіе польской народности было сопряжено съ кровопролитіемъ, то я бы отъ него готовъ отказаться".

Князь Гагаринъ очень хорошо понялъ, что вопросъ его не болѣе, какъ ударъ шпаги въ воду, и что въ государственной измѣнѣ меня обвинять нельзя.

Это, очевидно, было ему не по душѣ.

„Вотъ и вылгался, вотъ и извернулся",—вскричалъ онъ и сейчасъ же добавилъ: „О, если бы я могъ найти какую-нибудь каверзу (дословно), чтобы его утопить, я бы употребилъ ее непремѣнно".

Я обратился къ генералу Ростовцеву.

— Ваше Превосходительство, Иванъ Яковлевичъ, вѣдь это называется пристрастнымъ допросомъ, который русскими законами не допускается. Я обращаюсь къ Вамъ, какъ къ моему начальнику, прося защиты, протестую и прошу, чтобы мой протестъ былъ записанъ въ протоколъ.

Генералъ Ростовцевъ сталъ меня успокаивать:

— Не безпокойтесь, вас не желаютъ засудить, а князь выразился такъ потому, что вы не хотите сознаться, а сознаніе было бы для васъ лучше.

Относительно только что приведеннаго сдѣланнаго мнѣ княземъ Гагаринымъ вопроса, нельзя не замѣтить, что онъ совершенно нелѣпъ. И это потому, что очевидно, что свѣдѣнія комиссіи по поводу моего разговора были неполны. Не знаю, кѣмъ разговоръ этотъ былъ переданъ комиссіи, но онъ происходилъ не у Петрашевскаго, и о немъ знали только Дуровъ и Пальмъ. Вкравшійся къ Петрашевскому шпіонъ Антонелли, который пе-

редалъ все, что слышалъ у Петрашевскаго (конечно, съ добавленіями и варіаціями), о немъ знать не могъ.

Дѣло было такъ:

Съ Пальмомъ и Дуровымъ я бывалъ часто въ Красносельскомъ лагерѣ. Тамъ было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, бывшихъ моими учениками. Одинъ разъ я тамъ пробылъ съ недѣлю и тогда познакомился съ полковникомъ Даровскимъ, помѣщикомъ Петербургской губерніи, какъ и Петрашевскій, который вмѣстѣ съ Петрашевскимъ въ дворянскомъ собраніи внесъ проектъ освобожденія крестьянъ, что привело министра Перовскаго въ бѣшенство.

Бесѣдуя съ офицерами, бывшими моими воспитанниками, я, натурально, часто касался предметовъ, которые преподавалъ имъ въ классахъ, на что они меня сами вызывали. Тогда только что начала зарождаться, такъ называемая, теорія національностей, и нѣкоторыя давно придавленныя національности стали пробуждаться и заявляли о своемъ существованіи, между прочими чехи и мадьяры.

Разъ у насъ зашелъ разговоръ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ выразили мнѣніе, „что поляки-де не заслуживаютъ возрожденія, такъ какъ они всѣ ретрограды, аристократы и клерикалы". На это я возразилъ: „Вы, господа, ошибаетесь, поляки далеко не всѣ такіе; вы берете во вниманіе Польшу до 1791 года, но съ тѣхъ поръ прошло много времени и много кой-чего измѣнилось. Если Польшѣ суждено воскреснуть, то она явится въ формѣ новѣйшаго, а не средневѣковаго государства". Воодушевляясь все больше и больше, я добавилъ: „Господа, я полякъ и за возрожденіе Польши дамъ изъ себя выпустить до послѣдней капли крови; но если бы я былъ увѣренъ, что Польша возродится въ формѣ государства средневѣковаго, то я бы первый принесъ топоръ, чтобы отрубить ей голову".

Конечно, рѣчь эта была слѣдствіемъ увлеченія молодости и пылкаго характера, но въ ней, по крайней мѣрѣ, былъ смыслъ; вопросъ же князя Гагарина былъ лишенъ всякаго смысла. Особенно „благо человѣчества", для котораго я (титулярный совѣтникъ, учитель) будто жертвовалъ участью Польши.

Надо замѣтить, что, произнося слова „я изрублю польскую народность, если этого потребуетъ благо человѣчества", князь Гагаринъ особенно разсвирѣпѣлъ, воздѣлъ руки и очи горѣ и бросилъ на меня взглядъ, полный негодованія. Изъ этого я заключилъ, что настоящее-то мое преступленіе и состоитъ именно въ томъ, что я взялъ на себя заботу о „благѣ человѣчества", когда благо это подлежитъ попеченію исключительно однихъ лишь высокопоставленныхъ.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ, при полномъ безмысліи, представлялъ еще слѣды ехидства и подлости шпіона Антонелли, вызвавшаго его своимъ доносомъ.

Кн. Гагаринъ: „Вы сказали у Петрашевскаго, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ статистика называется *статистикою* потому, что такъ повелѣлъ великій князь Михаилъ Павловичъ".

Чудовищная нелѣпость этого вопроса такъ меня поразила и озадачила, что я не вдругъ нашелся, что отвѣтить. Генералъ Ростовцевъ взялся опять ободрять меня:

— Не безпокойтесь, г. Ястржембскій, сознайтесь, не обращайте вниманія на то, что здѣсь упоминается имя великаго князя; Его Высочество по отношенію къ вамъ стоитъ такъ неизмѣримо высоко, что ваши слова не могутъ его обидѣть.

Несмотря на сладенькій тонъ, которымъ эти слова были произнесены, я очень хорошо замѣтилъ все ихъ инквизиторское ехидство.

— Я не могу, отвѣчалъ я, сознаться въ томъ, что я сказалъ такую нелѣпость. Я думаю о себѣ настолько хорошо, что говорить такихъ нелѣпостей не способенъ. Я сказалъ вотъ что: Однажды у Петрашевскаго я читалъ разсужденіе „о предметѣ статистики, какъ науки". Напомнивъ о томъ, что многіе ученые отъ Ахенбаха до Кетле не только еще не выяснили значенія статистики въ области наукъ, но еще спорятъ даже о ея названіи, я замѣтилъ, что все равно какъ называть науку, а важно точно обозначить ея предметъ. Если люди живутъ въ обществѣ и государствѣ, то должна существовать и наука о законахъ общественной и государственной жизни, и ничто не мѣшаетъ назвать эту науку *статистикой;* цифры же, выражающія собою статистическія данныя, не больше, какъ формулы законовъ государственной жизни, формулы положительныя или отрицательныя, выражающія отступленія отъ этихъ законовъ и послѣдствія этихъ отступленій, формулы, взятыя изъ опыта и наблюденій, на которыхъ ученые основываютъ свои выводы. Такая наука преподается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и по программѣ, утвержденной великимъ княземъ, называется статистикой.

Замѣчу здѣсь, что, какъ извѣстно, такая наука народилась въ послѣднее время подъ названіемъ „соціологіи".

Князь Гагаринъ опять вскрикнулъ: „вотъ и извернулся", но о каверзѣ уже не вспомнилъ.

Наконецъ, послѣдній вопросъ:

Князь Гагаринъ: „Вы возмущали въ Петербургѣ простой народъ и проповѣдывали *извозчикамъ*, что надо убивать господъ".

На это я отвѣтилъ, что „это просто неправда".

Тогда князь Гагаринъ возразилъ: „вы положительно проповѣдывали эту мысль одному извозчику, съ которымъ ѣхали по Екатерининскому каналу.

Я опять отрицалъ это.

Тогда князь Долгоруковъ въ первый разъ прервалъ молчаніе и сказалъ: „Да вѣдь мы же отыщемъ этого извозчика и сведемъ васъ съ нимъ на очную ставку“.

На это князь Гагаринъ съ улыбкой замѣтилъ: „онъ-де (т. е. я) очень хорошо знаетъ, что этого сдѣлать нельзя“.

Во мнѣ же слова князя Долгорукова породили убѣжденіе, что его благородная натура не способна была къ роли политическаго сыщика-инквизитора.

Основаніемъ этому обвиненію послужило слѣдующее обстоятельство. У меня несчастная привычка фланировать и вступать въ разговоры съ лицами знакомыми и незнакомыми, но охотниками поболтать. Въ то время привычка такая, какъ я узналъ по опыту, вела къ большой опасности. Есть у меня еще и другая не менѣе несчастная и не менѣе опасная привычка думать вслухъ.

Однажды, дѣйствительно, я торговался съ извозчикомъ; онъ запросилъ тридцать копеекъ, я же убѣждалъ его довольствоваться двадцатью. Желая отстоять свою цѣну, извозчикъ приводилъ то обстоятельство, что онъ обязанъ платить оброкъ барину. На это я въ шутку отвѣтилъ: „ну, ужъ лучше на этотъ разъ ты барину оброкъ убавь, а съ меня возьми двадцать копеекъ“. Извозчикъ, хотя и согласился, но, ѣдучи со мной, все жаловался на значительность оброка, при чемъ сказалъ: „некому за насъ заступиться, Богъ высоко, Царь далеко“. Въ это время я задумался и, по обыкновенію, сталъ думать вслухъ: „Вотъ французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а православные русскіе въ рабствѣ“.

Этотъ случай я разсказалъ у Петрашевскаго, а мой разсказъ подслушалъ Антонелли и донесъ, куда слѣдуетъ, конечно, съ добавленіями и извращеніями собственнаго изобрѣтенія.

Въ слѣдственной комиссіи я разсказалъ откровенно, какъ было дѣло, не знаю повѣрили мнѣ, или нѣтъ, но послѣ ни въ слѣдственной комиссіи, ни въ судебной объ этомъ эпизодѣ не упоминалось.

Допросъ кончился, и князь Гагаринъ, послѣ сдѣланнаго мнѣ еще разъ увѣщанія раскаяться и чистосердечно сознаться, велѣлъ мнѣ удалиться. Я опять съ полковникомъ Яблонскимъ и инвалидомъ отправился въ равелинъ.

Недѣли, кажется, черезъ двѣ, а можетъ быть, и больше, хорошо не помню, тотъ же полковникъ привелъ меня опять въ ту же квартиру въ

крѣпости. Въ прежней комнатѣ я засталъ тотъ же, что и прежде, составъ коммиссіи.

Мнѣ дали листъ бумаги, на которомъ послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о моей фамиліи, званіи, вѣроисповѣданіи и т. д. были написаны тѣ же вопросы, которые прежде мнѣ были дѣланы словесно, велѣли садиться и отвѣчать.

Я сѣлъ за столъ между генераломъ Дубельтомъ и княземъ Долгоруковымъ.

Когда я сталъ читать вопросы и взялся за перо, чтобы писать отвѣты, я былъ до того взволнованъ и мои нервы были такъ потрясены что, вѣроятно, это отражалось на моемъ лицѣ, потому что генералъ Дубельтъ началъ меня успокаивать и посовѣтовалъ быть похладнокровнѣе и обдумывать свои отвѣты.

Этотъ, можетъ быть, ничтожный знакъ, не говорю участья, но просто человѣческаго отношенія къ обвиняемому, ободрилъ меня нѣсколько, и я, замѣтивъ себѣ внутренно, что стыдно быть малодушнымъ, сталъ писать отвѣты.

Здѣсь замѣчу, что, кромѣ того, что чувствую благодарность къ генералу Дубельту за такое его со мной обращеніе, но долженъ сказать еще, что память его подвергается часто незаслуженному нареканію. Я знаю нѣсколько случаевъ, въ которыхъ онъ сдѣлалъ всевозможныя облегченія политическимъ обвиненнымъ и не знаю ни одного случая, чтобы онъ погубилъ кого-либо. Конечно, онъ былъ не герой добродѣтели, но спрашивается много ли такихъ героевъ?

На вопросы письменные я далъ дословно тѣ же отвѣты, что и на словесные.

Но прежде чѣмъ отпустить, генералъ Ростовцевъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на счетъ моей дѣятельности, какъ преподавателя въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На это замѣчаніе, котораго я не разслышалъ, генералъ Дубельтъ вполголоса сказалъ: „ему ли учить русскихъ дѣтей!"

Повторяю, я замѣчанія генерала Ростовцева не разслышалъ, но мнѣ послышались слова въ родѣ потрясенія основъ, превратныхъ толкованій и т. п. По поводу этого замѣчанія я, какъ это объясню ниже, въ моихъ письменныхъ отвѣтахъ сдѣлалъ одинъ промахъ, за который я, какъ юристъ, крѣпко себя упрекаю. Именно: я забѣжалъ впередъ, отвѣчалъ на то, о чемъ меня не спрашивали.

Надо замѣтить, что тогдашніе консерваторы и охранители, особенно высшіе члены чиновничьей олигархіи, были очень напуганы всѣми тогдашними движеніями, проявившимися уже въ Вѣнѣ и Берлинѣ и вызвавшими памятное „съ нами Богъ, разумѣйте, языцы и покоряйтесь", боялись

крестьянской даже жакеріи. А ужъ всѣ эти политико-экономическія и соціальныя разсужденія о трудѣ, капиталѣ, рабочемъ вопросѣ, пролетаріатѣ, и т. д. этимъ господамъ, получившимъ образованіе въ прежнихъ корпусахъ и семинаріяхъ, рѣшительно не лѣзли въ голову.

Какъ я, такъ всѣ, кого я встрѣчалъ у Петрашевскаго, занимались преимущественно вопросами политико-экономическими. Сверхъ того, я въ особенности, какъ убѣжденный послѣдователь ученья Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ.

Поступивъ преподавателемъ статистики въ Дворянскій полкъ и второй корпусъ, я старался исполнить программу преподаванія добросовѣстно. Програмы по всѣмъ предметамъ для корпусовъ были выработаны особой комиссіей и утверждены Николаемъ Павловичемъ. Утвердивъ эти програмы, Государь добавилъ: „Вмѣнить въ обязанность преподающимъ, чтобы они непремѣнно преподавали предметы такъ, чтобы ученіе прежде всего служило средствомъ развитія учащихся“.

Соображая мое преподаваніе съ этой програмой, я прежде всего заботился о томъ, чтобы передать научные факты истинно, не дѣлалъ самъ отъ себя никакихъ заключеній, а предоставлялъ выводить ихъ логически самимъ ученикамъ. Конечно, я не защищалъ софистовъ консервативно-буржуазной школы Молинари, Бастіа и другихъ, но и не нападалъ на нихъ, зная очень хорошо, что, сравнивъ ихъ мысленно съ изложенными ими законами общественной жизни, мои слушатели сами оцѣнятъ ихъ по достоинству.

Все это я желалъ объяснить генералу Ростовцеву, наивно полагая, что онъ пойметъ это. Объяснить это я желалъ тѣмъ болѣе, что на третій годъ моего преподаванія я получилъ отъ благосклонныхъ, хотя мнѣ незнакомыхъ лицъ, предостереженія насчетъ скользкости пути, по которому слѣдовалъ, и даже дружескія замѣчанія насчетъ моей методы наставника-наблюдателя по Дворянскому полку.

Я желалъ объясниться тутъ же въ комиссіи, но князь Гагаринъ сказалъ:

— Ступайте на ваше мѣсто, вамъ дадутъ 12 листовъ бумаги, напишите полное сознаніе—вамъ же лучше будетъ.

Такъ я ушелъ и дѣйствительно написалъ, но что—уже не помню, скажу только, что я не извинялся, не сознавался, а тѣмъ болѣе не просилъ прощенія, только юридически защищался. Худо было только то, что я защищался противъ того, о чемъ меня не спрашивали, объясняя мое преподаваніе въ корпусахъ. Кажется, я до того былъ наивенъ, что хотѣлъ обратить допрашивающій меня Синедріонъ въ ученіе Фурье.

Меня опять отвели въ равелинъ. Прошли долгіе и скучные дни, въ которые я не разъ вспомнилъ стихъ изъ слова о полку Игоревѣ: „долго ночь меркнетъ".

Наконецъ, въ концѣ, кажется, іюля, противъ обыкновенія, мнѣ принесли мое платье днемъ и велѣли одѣваться. Мы опять пошли съ полковникомъ Яблонскимъ въ крѣпость. Меня ввели въ какой-то домъ, въ большую залу. Тамъ я замѣтилъ множество, какъ ихъ называлъ мой проводникъ, „вельможъ", изъ которыхъ я зналъ въ лицо одного лишь графа Строганова, а посреди нихъ, на возвышеномъ нѣсколько сѣдалищѣ, какого-то „вельможу" въ казачьемъ облаченіи, съ лежащей передъ нимъ бѣлой папахой. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ генералъ Перовскій, совершавшій побѣдоносный походъ въ Хиву.

Посреди залы стоялъ небольшой, покрытый сукномъ столикъ, похожій на аналой. На столикѣ лежало объемистое „дѣло", а возлѣ столика стоялъ аудиторъ съ Владимирскимъ крестомъ па шеѣ.

Аудиторъ развернулъ дѣло и сталъ читать; я замѣтилъ только, что „открывшихся злоумышленниковъ Государь Императоръ велѣлъ судить по полевому уложенію".

Чтеніе продолжалось едва нѣсколько минутъ. Когда аудиторъ остановился, генералъ Перовскій предложилъ мнѣ подписать что-то и указалъ рукою въ сторону.

Я пошелъ по указанному направленію и замѣтилъ подъ стѣною другой аналой, на которомъ лежала кипа написанной бумаги, разрѣзанной въ четверть листа, стояла чернильница и лежало нѣсколько перьевъ.

Я взялъ одинъ изъ листовъ; на немъ было написано: „Я, ниже подписавшійся, симъ свидѣтельствую, что ничего не могу привести въ свое оправданіе".

Генералъ Перовскій, видя, что я стою въ недоумѣніи, сказалъ: „Подпишите".

На это я возразилъ, что „подписать этой бумаги я не могу, такъ какъ не знаю даже, въ чемъ меня обвиняютъ; самъ же я виновнымъ себя не признаю".

Генералъ Перовскій аудитору: „Прочитайте". Ко мнѣ: „Да, вы должны признать себя виновнымъ въ томъ, о чемъ васъ спрашивали въ слѣдственной коммиссіи".

Я отвѣчалъ, что ничего не помню, что было въ коммиссіи.

Генералъ Перовскій опять къ аудитору: „Прочитайте".

Аудиторъ начинаетъ что-то бормотать, но вдругъ останавливается.

Генералъ Перовскій снова настоятельно требуетъ, чтобы я подписалъ, но я твердо отказываюсь.

Наконецъ, утомленный и раздраженный этою незаконною настойчивостью, я подошелъ къ аналою и на одной изъ бумагъ написалъ: „Я, нижеподписавшійся, симъ объявляю, что никогда злоумышленникомъ не былъ и никакой вины за собой не признаю“.

Тогда генералъ Перовскій, обращаясь ко мнѣ съ невыразимо язвительной улыбкой, сказалъ на прощанье: „Такъ вы не виноваты? Въ такомъ случаѣ ступайте и спите спокойно“. (Дословно).

Я не сомнѣваюсь, что это мое энергическое отрицаніе своей виновности было единственнымъ поводомъ того, что 4-хъ лѣтній срокъ каторжной работы (который мнѣ благоволилъ назначить генералъ-аудиторіатъ) былъ всемилостивѣйше замѣненъ шестилѣтнимъ. Въ этомъ отрицаніи я вижу также причину того, что мнѣ въ Сибири уже было прочитано слѣдующее: „Воля Государя Императора есть, чтобы преступникъ Ястржембскій былъ въ полномъ смыслѣ каторжнымъ арестантомъ“, вслѣдствіе чего поручено было окружному стряпчему въ Тарѣ ежемѣсячно свидѣтельствовать меня и наблюдать за исполненіемъ этого повелѣнія. Вслѣдствіе той же, я полагаю, причины, когда года черезъ два сестра моя подала было прошеніе о смягченіи моей участи, ей велѣно было отвѣтить, что „такой преступникъ, какъ Ястржембскій, не можетъ ожидать никакого помилованія“. Да и послѣ возвращенія изъ Сибири, когда уже всѣ мои товарищи по дѣлу Петрашевскаго были въ Петербургѣ, я скитался въ провинціи, подъ надзоромъ полиціи 18 лѣтъ.

Такъ кончилась эта судебная комедія, и я просидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ до извѣстной траги-комедіи на плацу въ Семеновскомъ полку.

Добавлю, что изъ вѣрнаго источника я слышалъ, что судебная коммиссія рѣшила: по недостатку доказательствъ отъ отвѣтственности насъ освободить. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ дѣлѣ о состоящихъ подъ надзоромъ лицахъ (которое было у меня въ рукахъ) о рѣшеніи этой коммиссіи не сказано ни слова. Да впрочемъ, и передавать рѣшеніе этой коммиссіи на ревизію генералъ-аудиторіата не предстояло никакого юридическаго основанія, такъ какъ спеціальная судебная коммиссія, назначенная по Высочайшему именному повелѣнію, если ее и не считать верховной (которой она, однако, имѣла всѣ атрибуціи), все-таки іерархически была выше генералъ-аудиторіата.

Еще двѣ характерныя подробности.

Когда изъ судебной коммиссіи я возвратился въ равелинъ, я спросилъ у полковника Яблонскаго: нельзя ли мнѣ достать экземпляръ полевого уложенія?

На этотъ вопросъ въ единственномъ глазѣ сего почтеннаго стража

отразилось столько удивленія и недоумѣнія, что его достаточно было бы для освѣщенія нѣсколькихъ десятковъ глазъ.

— На что вамъ уложеніе?

— Да вѣдь меня,—сказалъ я,—будутъ судить по этому уложенію...

— Не нужно вамъ уложенія... Начальство само знаетъ, какъ судить...

Дуровъ говорилъ мнѣ, что князь Гагаринъ при допросѣ спрашивалъ его: называлъ ли Ястржембскій государя богдыханомъ, и правда ли, что онъ дурно отзывался о нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицахъ?

Когда Дуровъ отрицалъ это, князь Гагаринъ сказалъ:

— Convenez qu'il a dit cela par esprit de causticite...

Онъ добавилъ:

— Впрочемъ, все равно: ему и такъ не миновать Сибири.

Дуровъ сказалъ еще князю, что я только разъ какъ-то сказалъ, что дѣйствительные тайные совѣтники часто вслѣдствіе старости выживаютъ изъ ума.

Вотъ какіе въ то время были слѣдствія и суды!

Кончу торжественнымъ заявленіемъ, что все здѣсь разсказанное вполнѣ истинно и всѣ разговоры до малѣйшей подробности вѣрны.

И. Ястржембскій.

1883 г., 6 мая.
Петербургъ.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону.

Объяснительная замѣтка

Первый томъ „Капитала“ Карла Маркса появился въ 1867 году. Трудъ этотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Николая—она, что онъ тогда же сталъ подыскивать возможность познакомить съ нимъ русскую публику. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ издателей, къ которымъ онъ обращался, соглашались издать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Николай—онъ нашелъ свѣдущаго переводчика. Въ то время, какъ, впрочемъ, и теперь, задача была не изъ легкихъ. Послѣ долгихъ поисковъ, сдѣлать переводъ этого труда было предложено очень извѣстной личности, о которой въ то время въ образованныхъ кругахъ русскаго общества сложилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ знающемъ, высоко образованномъ. Если къ этому прибавить, что это лицо въ то время очень нуждалось и бѣдствовало, то, казалось, что наиболѣе подходящаго переводчика трудно было отыскать. Получивъ предложеніе, это лицо сразу, безъ всякихъ оговорокъ согласилось приняться за работу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была доставлена рукопись перевода небольшой части первой главы „Капитала“. По ознакомленіи съ нею, оказалось, что переводъ плохъ, между тѣмъ именно первая глава, наиболѣе трудная для пониманія, требовала наибольшей точности, наибольшей ясности. Присылкою перевода нѣсколькихъ страницъ первой главы, которыми такъ и не пришлось воспользоваться, дѣло съ этимъ переводчикомъ закончилось, такъ какъ самъ переводчикъ вскорѣ отказался—черезъ своихъ друзей—отъ продолженія предпринятой имъ работы при обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Такимъ образомъ пришлось искать другого переводчика, по возможности болѣе свѣдущаго.

Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ 1870 года, въ Лондонѣ поселился

Германъ Александровичъ Лопатинъ. Онъ еще ничѣмъ не заявлялъ себя въ то время какъ переводчикъ, но выборъ остановился на немъ какъ на человѣкѣ, очень строго относящемся къ работѣ, которую ему приходилось брать на себя. А онъ съ своей стороны взялся за переводъ, разсчитывая въ трудныхъ случаяхъ на помощь Маркса, съ которымъ онъ познакомился, и съ которымъ у него установились вскорѣ очень близкія и сердечныя отношенія.

Первая глава „Капитала" (въ послѣдующихъ изданіяхъ первый отдѣлъ), наиболѣе трудная для пониманія, особенно въ первомъ изданіи, для лучшаго усвоенія русскимъ читателемъ, требовала, по мнѣнію Г. А. Лопатина, полнѣйшей переработки. Съ этимъ мнѣніемъ согласился Марксъ, обѣщавъ произвести эту работу; поэтому Г. А. Лопатинъ началъ переводъ со второй главы (въ послѣдующихъ изданіяхъ второй отдѣлъ).

Между тѣмъ дѣятельность Маркса по организаціи Международнаго Союза Рабочихъ (International), по управленію его дѣлами отвлекла его отъ научныхъ занятій, и онъ долго не могъ осуществить своего намѣренія.

Принявшись за переводъ „Капитала", Г. А. Лопатинъ во многихъ случаяхъ для выясненія себѣ облика цитируемаго Марксомъ писателя, отправлялся въ библіотеку британскаго музея и тамъ по подлиннику знакомился съ тѣмъ или другимъ изъ авторовъ, на которыхъ ссылался Марксъ. Ему случалось подмѣчать у этихъ авторовъ еще большую путаницу понятій противъ той, которую отмѣчалъ у нихъ Марксъ. Въ такихъ случаяхъ Марксъ принималъ замѣчанія Г. А. Лопатина къ свѣдѣнію и дѣлалъ соотвѣтственныя добавленія. Примѣромъ можетъ служить добавленіе, которое онъ сдѣлалъ къ 32-й выноскѣ второго отдѣла (186—187 стр. 4-го нѣмецкаго изданія) по поводу путаницы понятій Senior'a (русскій переводъ стр. 177). Это добавленіе впервые появилось именно въ русскомъ изданіи: оно было прислано въ приложеніи къ одному изъ писемъ Маркса. Иногда Г. А. Лопатинъ находилъ, что изложеніе автора можетъ ввести читателя въ заблужденіе и дѣлалъ въ этомъ мѣстѣ перевода соотвѣтственную выноску, о чемъ сообщалъ Марксу. Марксъ съ нимъ въ этомъ соглашался и въ послѣдующихъ изданіяхъ оригинала въ соотвѣтственномъ мѣстѣ появлялась такая же выноска (4-ое изданіе оригинала стр. 179, Note zur 2 Ausgabe; русскій переводъ 3-е изданіе стр. 170; въ первомъ изданіи перевода эта выноска отмѣчена какъ *примѣчаніе переводчика*).

Изъ этого видно, насколько добросовѣстно отнесся переводчикъ къ своей работѣ и насколько вникъ въ смыслъ идей переводимаго автора. Къ сожалѣнію, переведя треть перваго тома, начиная со второй главы (второго отдѣла послѣдующихъ изданій), Г. А. Лопатинъ вынужденъ былъ

бросить дальнѣйшій переводъ, такъ какъ взялся за дѣло болѣе, по его мнѣнію, неотложное и важное.

Пришлось въ третій разъ искать переводчика. Послѣ долгихъ поисковъ, не найдя подходящаго человѣка, Н.—ону пришлось волей-неволей взять трудъ перевода (кромѣ части первой главы, переведенной другимъ лицомъ) на себя, при чемъ Г. А. Лопатинъ свою работу предоставилъ ему въ полную собственность. Въ мартѣ 1872 года появилось первое изданіе русскаго перевода „Капитала".

Въ то время, когда за переводъ „Капитала" взялся первый переводчикъ, а не Г. А. Лопатинъ, Николай—онъ обратился къ Марксу съ письмомъ, въ которомъ, сообщая ему о предстоящемъ выходѣ русскаго перевода его труда, просилъ его въ то же время сообщить біографическія свѣдѣнія о себѣ и библіографическія данныя о своихъ работахъ для того, чтобы помѣстить эти свѣдѣнія въ предисловіи къ русскому переводу „Капитала".

Въ отвѣтъ Николай—онъ получилъ отъ Маркса письмо, часть котораго помѣщена въ предисловіи къ русскому изданію. Этимъ началась переписка, которая съ болѣе или менѣе значительными перерывами продолжалась до кончины Маркса.

Какъ посмотрѣлъ Марксъ на сообщеніе о предпринятомъ изданіи русскаго перевода „Капитала", можно видѣть изъ письма его къ одному изъ его друзей, Л. Кугельману, отъ 12 октября 1868 года. Въ этомъ письмѣ Марксъ, между прочимъ, пишетъ: „На дняхъ одинъ петербургскій книгопродавецъ [1]) удивилъ меня сообщеніемъ, что въ настоящее время печатается русскій переводъ „Капитала". Онъ просилъ при этомъ мою фотографію, чтобы приложить къ книгѣ снимокъ съ нея. Въ такой бездѣлицѣ я не могъ отказать моимъ добрымъ друзьямъ русскимъ. Не иронія ли это судьбы, что русскіе, на которыхъ вотъ уже лѣтъ 25 какъ я непрерывно нападалъ и притомъ не только на нѣмецкомъ, но также и на французскомъ и англійскомъ языкахъ, постоянно „благоволили" ко мнѣ. Въ 1843—1844 годахъ въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы носили меня на рукахъ. На мое сочиненіе противъ Прудона [2]), а также на книгу, вышедшую у Дункера (1859) [3]) нигдѣ не нашлось большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая „Капиталъ", это русская. Но этому большого значенія придавать нельзя. Русская аристократія воспитывается въ юности въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда

[1]) Не зная условій книгоиздательства въ Россіи, Марксъ принялъ Николая—она за книгопродавца.
[2]) „Misère de la Philosophie" etc. 1847.
[3]) Zur Kritik der Politischen Oekonomie.

хватается за самое крайнее, что даетъ западъ. Это такіе же сластёны, какими была часть французскихъ аристократовъ въ 18 вѣкѣ. Ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers (это не для портныхъ и не для сапожниковъ), говорилъ въ то время Вольтеръ о своей собственной просвѣтительной дѣятельности. Это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, тотчасъ по поступленіи на государственную службу, становиться негодяями". (Die Neue Zeit, Band 2, 1902, стр. 224).

Первыя письма Маркса относятся, главнымъ образомъ, къ изданію русскаго перевода „Капитала". Марксъ намѣревался переработать первую главу (первый отдѣлъ) для послѣдующихъ изданій оригинала и думалъ, что въ русскомъ изданіи можно будетъ помѣстить ее уже въ обновленномъ и болѣе удобопонятномъ изложеніи. Но этому намѣренію помѣшала осуществиться его практическая дѣятельность по организаціи Интернаціонала и пропагандѣ его задачъ,—такъ что первую главу въ русскомъ изданіи пришлось помѣстить въ томъ же видѣ, какъ и въ первомъ нѣмецкомъ.

Затѣмъ, послѣ ознакомленія съ русскими хозяйственными условіями развитія, передъ Марксомъ явилось новое освѣщеніе изслѣдуемыхъ вопросовъ. Изучая русскую хозяйственную жизнь, онъ имѣлъ возможность наблюдать формы докапиталистическаго производства, а также возникновеніе и развитіе производства капиталистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ переходныхъ къ нему формъ. Николай—онъ посылалъ ему все существенное, что выходило въ то время по этому вопросу въ Россіи. На первомъ планѣ находились, конечно, земскіе статистическіе сборники, начиная съ классическаго труда Вас. Ив. Орлова по крестьянскому хозяйству московской губерніи. Н.—онъ имѣлъ при этомъ кромѣ того въ виду, что использованіе этого огромнаго, прекрасно разработаннаго статистическаго матеріала поможетъ фактическому подтвержденію нѣкоторыхъ основныхъ положеній „Капитала", а также установленію генезиса прибавочной стоимости въ капиталистической ея формѣ путемъ изслѣдованія переходныхъ ея формъ отъ барщины, черезъ испольщину, отработки, къ арендѣ. То же самое въ обрабатывающей промышленности доставляютъ данныя о кустарныхъ промыслахъ и т. п. Независимо отъ этого, у Н.—она была въ то же время надежда, что будетъ, наконецъ, съ научной цѣлью использованъ огромный трудъ сотенъ земскихъ работниковъ, что данныя, полученныя ими, явятся звеньями цѣпи, связывающей все общественное хозяйство въ одно цѣлое, и этимъ самымъ не только освѣтятъ ходъ нашего хозяйственнаго развитія, но, кромѣ того, покажутъ самимъ земскимъ изслѣдователямъ то, что есть наиболѣе существеннаго въ ихъ работѣ, что относительно мало существенно и чего въ нихъ, быть можетъ, не хватаетъ.

Къ величайшему сожалѣнію, всѣ эти надежды не осуществились.

Вся огромная работа Маркса по изученію матеріаловъ русской хозяйственной жизни пропала даромъ для науки. Второй и третій томы „Капитала" появились въ томъ видѣ, какъ они были написаны въ 60-хъ гг. Русскіе матеріалы 70-хъ годовъ остались неиспользованными... Въ кружкѣ интимныхъ друзей Маркса Н.—ону ставили въ вину то, что онъ присылками русской хозяйственной литературы отдаляетъ время появленія второго и третьяго томовъ „Капитала", такъ какъ Марксъ слишкомъ увлекался, по мнѣнію его друзей, изученіемъ богатаго матеріала, который давала русская земская статистическая литература и другія русскія работы по общественно-хозяйственнымъ вопросамъ. [1])

По мѣрѣ знакомства съ этими матеріалами у Маркса возникали вопросы, для разрѣшенія которыхъ требовались новые матеріалы изъ другихъ областей хозяйственной жизни Россіи, за которыми онъ обращался къ Н.—ону. Такъ какъ Н.—онъ въ своихъ письмахъ по большей части сообщалъ Марксу результаты своихъ работъ по тѣмъ или другимъ экономическимъ вопросамъ, то Марксъ въ одномъ изъ писемъ просилъ Н.—она, „какъ занимающагося банкирскимъ дѣломъ" (Н.—онъ находился на службѣ въ одномъ кредитномъ учрежденіи), сообщить ему о положеніи русскаго государственнаго хозяйства.

Эта просьба заставила Н.—она приняться за болѣе систематическую работу, которая имѣла цѣлью, изучивъ всѣ главнѣйшія стороны общественно-хозяйственной жизни Россіи, въ томъ числѣ и источникъ финансовыхъ средствъ государства, показать ихъ взаимную зависимость и того двигателя, который приводитъ ее въ дѣйствіе, одушевляетъ ее.

Результатъ этой работы, скомбинированный въ цифровыя таблицы, Н.—онъ послалъ при объяснительномъ письмѣ Марксу. Эти таблицы и объясненіе ихъ были опубликованы на русскомъ языкѣ въ 1880 году подъ заглавіемъ *„Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства"* („Слово", октябрь).

Въ письмахъ Маркса отъ 10-го апрѣля 1879 и 19-го февраля 1881 гг. рѣчь идетъ именно объ этой работѣ Николая—она.

II.

Переписка съ Энгельсомъ началась вскорѣ по кончинѣ Маркса. Поводомъ для нея послужили два обстоятельства. Во-первыхъ, предположеніе,

---

[1]) По словамъ Поля Лафарга, какъ-то Энгельсъ, смѣясь сказалъ Марксу: „Я бы съ удовольствіемъ сжегъ русскія изданія по земской сельско-хозяйственной статистикѣ, такъ какъ они вотъ уже сколько лѣтъ только мѣшаютъ тебѣ закончить „Капиталъ". (Die Neue Zeit, 29 Juli 1905, стр. 560).

что Энгельсъ издастъ переписку Маркса, поскольку ее можно будетъ собрать. Н.—онъ предложилъ Энгельсу переслать ему письма, полученныя имъ отъ Маркса. Во вторыхъ, Николай—онъ изданіемъ перваго тома „Капитала" принялъ на себя передъ русской читающей публикой обязательство познакомить ее съ послѣдующими томами этого труда; чтобы имѣть возможность выполнить это обязательство, онъ обратился съ просьбой къ Энгельсу высылать листы оригинала второго тома по мѣрѣ ихъ отпечатанія. Энгельсъ съ величайшей готовностью исполнилъ его просьбу. Только вслѣдствіе этого было возможно опубликовать русскій переводъ второго тома „Капитала" въ томъ же году, когда онъ появился въ продажѣ въ оригиналѣ.

Затѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ рѣчь зашла уже объ изданіи третьяго тома „Капитала".

Кромѣ того, предметомъ переписки съ Энгельсомъ, какъ и съ Марксомъ, послужила русская общественно-хозяйственная жизнь, развитіе русскихъ экономическихъ отношеній. Н.—онъ сообщалъ ему о разныхъ явленіяхъ русской хозяйственной жизни съ тою ихъ оцѣнкой, которая представлялась ему наиболѣе правильной.

Неурожай въ Россіи въ 1891 году и сопровождавшій его голодъ, безработица послужили для Н.—она поводомъ для сводки его наблюденій и изслѣдованій въ области общественно-хозяйственной жизни и для ознакомленія русской публики съ тѣми общественными условіями, которыя привели къ такому народному бѣдствію.

По мѣрѣ хода работъ, Н.—онъ сообщалъ Энгельсу факты и выводы, слѣдовавшіе, по его мнѣнію, изъ этихъ фактовъ. Эта работа Н.—она вышла отдѣльной книгой въ 1903 году подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и начало работы, опубликованной въ 1880 году.

III.

Такъ какъ письма Маркса, а въ особенности Энгельса, касаются часто явленій русской хозяйственной жизни, о которыхъ имъ сообщалъ Н.—онъ; такъ какъ книга Н.—она составилась, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ же матеріаловъ, какъ и письма къ Марксу и Энгельсу; наконецъ, въ виду того, что эта книга, опубликованная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, давно разошлась, и современные читатели съ нею не знакомы, то будетъ умѣстно, для пониманія нѣкоторыхъ писемъ Маркса и Энгельса, намѣтить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, главнѣйшіе результаты его работъ.

При сопоставленіи цифровыхъ данныхъ различныхъ отраслей общественно-хозяйственной жизни за цѣлый рядъ лѣтъ передъ Н.—ономъ об-

наружилась определенная закономѣрность этихъ явленій, ихъ взаимная зависимость: если абсолютныя цифры, относящіяся къ разнымъ сторонамъ этой жизни (урожаи; товарное и пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ; банковая дѣятельность по пассивнымъ и активнымъ операціямъ, т. е. измѣненіе суммы вкладовъ въ банки, учетно-ссудная операція, переводъ денегъ, вклады на храненіе, сумма обращающихся денежныхъ знаковъ; вывозъ хлѣба за границу; суммы государственныхъ доходовъ; долги казны и долги казнѣ, и т. д., и т. д.), обратить въ относительныя, то окажется, что эти цифры измѣняются въ строгой взаимной зависимости.

Сопоставленіе тѣхъ же цифръ не по календарнымъ, а по хозяйственнымъ годамъ,—отъ жатвы до жатвы,—обнаружило не только такую же закономѣрность, но показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что колебанія всѣхъ явленій общественно-хозяйственной жизни находятся въ непосредственной зависимости отъ величины урожая хлѣбовъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ явленій выяснилось, что, при существующихъ условіяхъ общественной жизни, хозяйственная политика, направленная не на развитіе сельско-хозяйственнаго производства (для этого необходимымъ условіемъ является всестороннее образованіе, развитіе самодѣятельности населенія и т. д., и т. д.), а односторонне направленное на развитіе обращенія (постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе банковаго дѣла и т. д.), въ корнѣ подрываетъ благосостояніе огромнаго большинства населенія. Все это составило предметъ работы, появившейся въ 1880-мъ году.

Прошло десять лѣтъ. Въ продолженіе этого періода началось усиленное, изъ года въ годъ прогрессировавшее таможенное, покровительство крупной капиталистической промышленности, опять-таки за счетъ бѣднѣвшаго крестьянства. Послѣдствія не замедлили обнаружиться. Хозяйственная политика, которая получила преобладаніе со времени отмѣны крѣпостного права, привела, наконецъ, какъ это можно было предвидѣть, къ голоду 1891 года.

Народное бѣдствіе 1891 года слишкомъ глубоко потрясло все зданіе народнаго хозяйства, чтобы можно было остаться безучастнымъ къ нему и чтобы не явилось попытки его объясненія. Голодъ 1891 года и вызвавшіе его общественно-хозяйственныя причины составили предметъ дальнѣйшей работы Николая—она. Результатомъ этой работы вмѣстѣ съ предшествующей явилась въ 1893 году его книга *„Очерки пореформеннаго хозяйства“*. Въ этой второй части Н.—онъ, путемъ опять-таки сопоставленія соотвѣтственныхъ цифровыхъ данныхъ общественно-хозяйственной жизни, показалъ, что односторонняя поддержка капиталистическаго производства и обращенія при помощи таможенной охраны, а также при помощи податей и косвенныхъ налоговъ, падающихъ, главнымъ образомъ, на большинство

населенія, на крестьянство, въ корнѣ подрывала не только благосостояніе крестьянъ, но, при обѣдненіи ихъ, повела къ сокращенію рынка для продуктовъ капиталистической промышленности, подрывая дальнѣйшее развитіе ея и затѣмъ вела къ неизбѣжному кризису.

Н.—онъ постоянно имѣлъ въ виду, что въ наукѣ никакихъ абстрактныхъ, якобы научныхъ, законовъ не существуетъ. Онъ постоянно имѣлъ въ виду, что научный законъ есть „просто общее выраженіе или утвержденіе,—основывающееся на наблюденіи или опытѣ,—что опредѣленныя явленія или совокупность ихъ неизбѣжно влекутъ за собою опредѣленный результатъ. Научный законъ не есть внѣшняя реальность, а есть только наше мысленное отношеніе къ внѣшнимъ реальностямъ... Выраженіе *законъ природы*, *законъ экономическій* можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ это выраженіе, напоминая о принудительности юридическаго закона, устанавливаемаго людьми, вызываетъ представленіе о какой-то волѣ, какомъ-то законодателѣ, о какой-то принудительности. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности принудительность надо искать не внѣ фактовъ, а въ нихъ самихъ, въ совокупности тѣхъ условій, при которыхъ они обнаруживаются какъ во времени, такъ и въ пространствѣ". („*Капиталъ I*". Предисловіе ко второму русскому изданію, стр. XXI—XXII).

На основаніи этихъ соображеній Николай—онъ имѣлъ въ виду выяснить условія возникновенія хозяйственнаго кризиса въ Россіи, такъ какъ по его изслѣдованію причины кризисовъ, какъ и каждаго изъ явленій общественной хозяйственной жизни страны, надо искать въ совокупности общихъ конкретныхъ хозяйственныхъ условій каждой данной страны въ отдѣльности, и что прилагать безъ всякаго отношенія къ такимъ конкретнымъ условіямъ схему кризисовъ Маркса, который излагалъ законы капиталистическаго строя, охватившаго уже всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности страны, было бы логической ошибкой, такъ какъ въ Россіи, какъ и въ С. Американскихъ Штатахъ, земледѣльческая промышленность находится почти внѣ сферы капиталистическаго производства, подчиняясь въ то же время законамъ капиталистическаго обращенія. Абстрактный законъ можетъ обнаружиться только при совокупности тѣхъ условій, при которыхъ онъ подмѣченъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ надо принимать въ расчетъ всѣ условія, какъ тѣ, при которыхъ онъ можетъ обнаружиться, такъ и тѣ, которыя затемняютъ его проявленіе. Можетъ оказаться, что въ наличности даже и совсѣмъ нѣтъ условій, при которыхъ проявляется тотъ или другой законъ.

Въ письмахъ къ Энгельсу Николай—онъ постоянно выставлялъ на видъ тѣ своеобразныя условія, при которыхъ течетъ общественно-хозяйственная жизнь Россіи. Оцѣнка этихъ условій въ нѣкоторыхъ случаяхъ у

Энгельса и Н.—она была разная. На этой почвѣ у нихъ возникъ обмѣнъ мнѣній, прерванный кончиною Энгельса.

Неурядица общественно-хозяйственныхъ отношеній, о которой шла рѣчь въ перепискѣ между Энгельсомъ и Николаемъ—ономъ, которая, обостряясь съ каждымъ годомъ, отражалась на всѣхъ классахъ населенія, подтачивая весь общественно-хозяйственный организмъ, неизбѣжно должна была рано или поздно изъ затяжной формы обратиться въ острую. Ускоренію этого поспособствовалъ внѣшній толчокъ. Этимъ толчкомъ явилась война съ Японіей, встряхнувшая всѣ слои населенія. Пораженіе Россіи, подготовлявшееся годами, вслѣдствіе не только задержки хозяйственнаго развитія большинства населенія, но его прогрессивнаго обѣднѣнія, заставило всѣ классы населенія, кромѣ незначительной части его, занимающей привилегированное положеніе,—подъ угрозою гибели государства, стремиться къ пересозданію общественной жизни на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ общественно-хозяйственнымъ условіямъ государствъ, среди которыхъ приходится жить Россіи. Явленія общественной жизни послѣднихъ четырехъ лѣтъ (1904—1907 г.г.) наглядно, болѣзненно-осязательно подтвердили то, на что языкомъ нелицепріятныхъ цифръ съ такой очевидностью указывали явленія, пережитыя народомъ за сорокъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за упраздненіемъ крѣпостного права. А потому про переживаемые нами дни можно съ полнымъ правомъ сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: the time is out of joint...

Вновь возникшія общественно-хозяйственныя условія и совокупность ихъ настолько непреодолимы, что никакія силы не въ состояніи воспрепятствовать пересозданію общественныхъ отношеній, которыя основываются на нихъ и которыя требуются самою жизнью, ростомъ общественнаго организма.

По смерти Энгельса Н.—онъ обратился съ просьбой къ младшей дочери Маркса—Элеонорѣ, съ которою ему уже и раньше приходилось обмѣниваться письмами, съ просьбою присылать для перевода листы оригинала 4-го тома „Капитала“, по мѣрѣ ихъ отпечатыванія. Отвѣтнымъ письмомъ Элеоноры Марксъ-Эвелингъ заканчивается рядъ публикуемыхъ писемъ.

Отъ редакціи.

Въ печатаемыхъ ниже письмахъ Маркса попадаются очень рѣзкія сужденія о М. А. Бакунинѣ по поводу инцидента съ переводомъ „Капитала“ и раскола Интернаціонала. Передавая намъ эти письма, Николай—онъ совѣтовалъ выбросить этотъ инцидентъ и всѣ рѣзкости, и въ своемъ поясни-

тельномъ вступленіи онъ не назвалъ даже по имени перваго переводчика. Но мы смотримъ на эти письма, какъ на историческіе документы, не подлежащіе вообще произвольнымъ сокращеніямъ. Къ тому же инцидентъ этотъ, обсуждавшійся въ свое время въ секретномъ засѣданіи одной изъ коммиссій Гаагскаго конгресса Интернаціонала, попалъ впослѣдствіи на страницы европейскихъ и русскихъ (заграничныхъ) газетъ, а потому давно не составляетъ тайны. Что же касается до пристрастности сужденій, легковѣрныхъ подозрѣній и рѣзкости выраженій по отношенію къ партійнымъ врагамъ (особенно въ частныхъ письмахъ), то явленіе это, къ сожалѣнію, слишкомъ общеизвѣстно и обычно, и о вещахъ такого рода нужно судить, считаясь съ историческимъ моментомъ, обстоятельствами времени и крайнимъ возбужденіемъ противныхъ сторонъ въ періодѣ горячей партійной борьбы на жизнь и на смерть. Вотъ почему мы печатаемъ нижеслѣдующія письма безъ всякихъ выпусковъ.

Предшествующая объяснительная замѣтка писана, по нашей просьбѣ Николаемъ—ономъ, къ которому были адресованы эти письма, а переводъ самихъ писемъ сдѣланъ Г. А. Лопатинымъ.

I.

ПИСЬМА МАРКСА.

1.

1, Modena Villas, Maitland Park
London N. W.
7 октября 1868.

Милостивый государь!

Въ отвѣтъ на ваше письмо могу сообщить слѣдующее:

1) Вамъ не слѣдуетъ дожидаться второго тома, такъ какъ появленіе его, быть можетъ, замедлится еще мѣсяцевъ на шесть. Я не могу изготовить его для печати до окончанія и появленія въ свѣтъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ разслѣдованій (enquêtes), предпринятыхъ въ теченіе прошлаго и позапрошлаго (1866, 1867) годовъ во Франціи, въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Къ тому же первый томъ представляетъ собою законченное цѣлое.

2) Соціалистической литературы въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ; тамъ имѣются только рабочія газеты.

3) Прилагаю, по вашей просьбѣ, мою фотографію [1]).

4) Что касается до моихъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ и вышедшихъ въ свѣтъ въ различныхъ мѣстахъ, то я и самъ не имѣю полнаго собранія ихъ. Большинства ихъ уже не находится болѣе въ продажѣ. Итакъ, не имѣя возможности удовлетворить вашему желанію по этому пункту—La plus belle fille de France ne peut donner, que ce qu'elle a—[2]) я принужденъ ограничиться коротенькой замѣткой о моей литературно-политической дѣятельности, которой вы можете воспользоваться для предисловія къ вашему переводу.

Д-ръ Карлъ Марксъ родился въ Трирѣ (Рейнская Пруссія) въ 1818 году.

1842—43: Главный редакторъ **Рейнской Газеты** (Rheinische Zeitung) въ Кельнѣ. Эта газета насильственно закрывается прусскимъ правительствомъ. Марксъ переселяется въ Парижъ и издаетъ тамъ (1844), совмѣстно съ Арнольдомъ Руге, **Нѣмецко-Французскія Лѣтописи** (Deutsch-Französische Jahrbücher). Въ концѣ 1844 года Гизо изгоняетъ Маркса изъ Франціи, вслѣдствіе чего Марксъ переселяется въ Брюссель и издаетъ оттуда, совмѣстно съ Энгельсомъ, **Святое Семейство или Критика критической критики противъ Бруно Бауэра „съ товарищи"**. (Франкфуртъ-на-Майнѣ, 1845). Это сочиненіе—также какъ и статьи Маркса въ **Нѣмецко-Французскихъ Лѣтописяхъ**—направлено противъ идеологическаго мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философіи. Затѣмъ, изъ Брюсселя же были выпущены Марксомъ: **Нищета Философіи. Отвѣтъ на Философію Нищеты П. Ж. Прудона.** (Брюссель и Парижъ, 1847).—**Разсужденіе о свободѣ торговли** (Брюссель, 1847) и, наконецъ, въ началѣ 1848 г., совмѣстно съ Фридрихомъ Энгельсомъ: **Манифестъ Коммунистической Партіи** (Лондонъ).

Вслѣдъ за взрывомъ февральской революціи, Маркса почти тотчасъ изгоняютъ изъ Бельгіи, но въ то же время онъ получаетъ приглашеніе отъ временнаго французскаго правительства вернуться во Францію, вслѣдствіе чего онъ отправляется въ Парижъ, а въ апрѣлѣ 1848 переселяется въ Кельнъ, гдѣ издаетъ **Новую Рейнскую Газету** (Neue Rheinische Zeitung) съ іюня 1848 по май 1849.

Тамъ же выпущены имъ:

Два политическихъ процесса (Кельнъ, 1849). Эта брошюра содержитъ изложеніе судебной процедуры и защитительныя рѣчи Маркса. Въ первомъ изъ этихъ процессовъ Марксъ обвинялся въ оскорбленіи королев-

---

[1]) Приложить портретъ Маркса къ русскому переводу „Капитала" цензура не разрѣшила.

[2]) Самая красивая дѣвушка во всей Франціи не можетъ дать болѣе того, что у нея есть.

скаго прокурора, а во второмъ—послѣ прусскаго государственнаго переворота (Мантейфель)—за призывъ къ возстанію. Въ обоихъ случаяхъ присяжные вынесли Марксу оправдательный приговоръ. Однако, въ маѣ 1849 г., **Новая Рейнская Газета** закрывается прусскимъ правительствомъ, а Марксъ изгоняется изъ предѣловъ Пруссіи, вслѣдствіе чего онъ отправляется снова въ Парижъ, но, будучи снова изгнанъ изъ Франціи, переселяется въ концѣ октября 1849 въ Лондонъ, гдѣ живетъ и понынѣ и откуда имъ были издаваемы:

Новая Рейнская Газета. Политико-Экономическое обозрѣніе (Гамбургъ и Нью-Іоркъ, 1850).

Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (Нью-Іоркъ, 1852).

Разоблаченія касательно коммунистическаго процесса въ Кельнѣ (1853). Два изданія—одно въ Базелѣ, а другое въ Бостонѣ.

Летучіе листки противъ лорда Пальмерстона (Лондонъ, Бирмингамъ и Глазго, 1853—1854).

Къ критикѣ политической экономіи (Берлинъ, 1859).

Господинъ Фогтъ (Лондонъ, 1860).

1851—1861. Рядъ статей на англійскомъ языкѣ въ американскихъ періодическихъ изданіяхъ: New-York Tribune, Putnam's Review и New-American Cyclopaedia.

1864. Учредительная программа „Международнаго Союза Рабочихъ" (International Workingmen's Association), изданная подъ названіемъ **Воззваніе къ рабочему люду Европы**, а также **уставъ** этого союза, окончательно принятый позже (1866) на Женевскомъ конгрессѣ Международнаго Союза Рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ Марксъ состоитъ непрерывно членомъ **Главнаго Совѣта** (General Council) этого Союза, а также секретаремъ совѣта для Германіи.

1867. **Капиталъ** и пр.

Преданный вамъ

Карлъ Марксъ.

2.

13 іюня 1871. Лондонъ.

Многоуважаемый!

Я съ удовольствіемъ займусь переработкой „первой главы" [1]), но я не могу приступить къ этому дѣлу ранѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли. Вслѣдствіе восьминедѣльной болѣзни у меня накопилось много работъ, которыя должны быть исполнены прежде всего другого. Тогда же пришлю вамъ и списокъ разныхъ мелкихъ исправленій.

---

[1]) Капиталъ, т. I.

Что касается до продолженія моего труда, то сообщеніе нашего друга есть результатъ какого-то недоразумѣнія. Я нахожу необходимой полную переработку первоначальной рукописи. Къ тому же мнѣ не хватало до настоящей минуты нѣкоторыхъ необходимыхъ документовъ, которые, однако, должны же придти въ концѣ концовъ изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Нашъ другъ *долженъ вернуться въ Лондонъ* изъ своей торговой поѣздки. Корреспонденты той фирмы, отъ которой онъ разъѣзжаетъ, пишутъ мнѣ по временамъ изъ Швейцаріи и изъ другихъ мѣстъ. Все дѣло *рухнетъ*, если онъ отложитъ свое возвращеніе, и самъ онъ навѣки потеряетъ возможность оказывать дальнѣйшія услуги своей фирмѣ. Соперники фирмы увѣдомлены о немъ, ищутъ его повсюду и навѣрно заманятъ его въ какую-нибудь ловушку своими происками [1]).

Очень благодарю васъ за дружескую присылку разныхъ русскихъ книгъ. Все получено мною въ исправности. „Примѣчанія къ Дж. Ст. Миллю" у меня есть, но я былъ бы радъ получить и остальныя экономическія сочиненія того же автора.

Не смотря на мою болѣзнь, я выпустилъ недавно брошюрку листа въ два. Какъ переслать ее вамъ?

Такъ какъ я много разъѣзжаю, а потому часто не бываю дома, то прошу васъ направлять впредь ваши письма и посылки по нижеслѣдующему адресу одного изъ моихъ друзей безъ всякой передаточной надписи:

A. Williams, Esd. [2]). Онъ живетъ въ моемъ домѣ, а потому и адресъ его тотъ же, что мой, т. е. 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N. W. London.

Преданный вамъ

М.

3.

22 іюля 1871.

Любезный другъ!

Вы должны извинить меня за столь позднее полученіе отвѣта. Въ послѣднее время я до такой степени былъ заваленъ работой, что едва находилъ время для сна.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Г. А. Лопатинѣ и о его поѣздкѣ въ Сибирь за Н. Г. Чернышевскимъ.

[2]) Псевдонимъ его старшей дочери Дженни (впослѣдствіи вышедшей замужъ за коммунара Лонгѐ), подъ которымъ она напечатала въ рошфоровской La Marseillaise рядъ корреспонденцій о жестокомъ и унизительномъ обращеніи въ англійскихъ тюрьмахъ съ осужденными феніями. Статьи эти вызвали въ Англіи взрывъ общественнаго негодованія и повели къ офиціальному слѣдствію и устраненію указанныхъ въ нихъ золъ.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ къ Николаю—ону Марксъ и подписывается— *А. Вильямсъ.*

Поэтому я не могъ и подумать о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь относительно „Капитала“. Однако же, на будущей недѣлѣ я приступлю къ этому дѣлу и вскорѣ приготовлю все, что вамъ требуется.

Я уже давно заготовилъ *пакетъ для Берлина*, но, къ несчастію, вслѣдствіе какой-то ошибки, онъ не былъ отосланъ и до сихъ поръ еще находится у меня. Поэтому пришлите мнѣ, пожалуйста, новый адресъ для Берлина, и я отправлю тогда пакетъ безъ всякаго промедленія.

Здѣсь получены самыя тревожныя извѣстія о нашемъ „общемъ другѣ“ [1]), но я надѣюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мѣрѣ, преувеличенными.

Если бы вамъ удалось найти въ Берлинѣ какого-нибудь корреспондента, который согласился бы служить посредникомъ по отношенію къ *нѣкоторой части* того торговаго дѣла, которое мнѣ приходится вести въ Петербургѣ, то это было бы очень полезно; при чемъ, по отношенію къ *нѣкоторымъ товарамъ*, этотъ кружный путь могъ бы оказаться короче, чѣмъ прямой. Прямая линія далеко не во всѣхъ случаяхъ, какъ это воображаютъ себѣ математики, есть самая кратчайшая.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

4.

9 ноября 1871.

Дорогой другъ!

Прилагаю при семъ нѣсколько измѣненій текста, представляющихъ отчасти просто исправленіе опечатокъ. Нѣкоторую важность имѣютъ только измѣненія, относящіяся къ страницамъ 192, 201, 288, 205а (сноска) и 376, такъ какъ тутъ дѣло идетъ отчасти о самомъ содержаніи текста.

Было бы безполезно *дожидаться* переработки I-й главы, такъ какъ за послѣдніе мѣсяцы все мое время до такой степени поглощено разными текущими дѣлами (да и въ ближайшемъ будущемъ мало надежды на улучшеніе по этой части), что я никакъ не могу приняться за мои теоретическіе труды. Конечно, въ одинъ прекрасный день я положу конецъ всему этому; но бываютъ обстоятельства, когда чувство долга принуждаетъ васъ заниматься вещами несравненно менѣе привлекательными, чѣмъ теоретическія изысканія и изслѣдованія. Горячо благодарю васъ за все ваше участіе ко мнѣ и моимъ трудамъ. Съ сочиненіями Добролюбова я отчасти уже знакомъ. Я сравниваю его, какъ писателя, съ Лессингомъ и Дидеро.

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

Недавно я получилъ нѣсколько курьезныхъ нумеровъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Искренно вашъ

А. В.

(A. Williams).

(При этомъ письмѣ былъ приложенъ списокъ исправленій къ I т. *Капитала*, который не помѣщается здѣсь, такъ какъ всѣ эти исправленія были приняты во вниманіе при изданіи русскаго перевода этого тома.)

5.

Лондонъ, 28 мая 1872.

Многоуважаемый!

Отвѣтъ мой запоздалъ такъ сильно собственно потому, что я все время надѣялся на возможность послать вамъ, одновременно съ письмомъ, первые выпуски 2-го нѣмецкаго изданія „Капитала“, а также перевода его на французскій языкъ (Парижъ). Но нѣмецкіе и французскіе книгоиздатели до такой степени затянули печатаніе, что я не могу долѣе откладывать отвѣта.

Прежде всего очень благодарю васъ за прекрасно переплетенный экземпляръ вашего перевода. Переводъ я нахожу мастерскимъ. Мнѣ было бы пріятно, если бы я могъ получить еще одинъ непереплетенный экземпляръ для Британскаго Музея.

Мнѣ очень жаль, что *безусловно* непреодолимыя помѣхи (въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова) не дозволили мнѣ приступить къ переработкѣ моего сочиненія для второго изданія ранѣе конца декабря 1871 г., а между тѣмъ эта переработка оказалась бы очень полезной для русскаго изданія.

Хотя французское изданіе, вышедшее въ переводѣ г. Руа, переводчика Фейербаха, и выполнено великимъ знатокомъ обоихъ языковъ, тѣмъ не менѣе онъ переводилъ временами черезчуръ ужъ буквально. Поэтому я былъ принужденъ передѣлать по-французски цѣлые отрывки, чтобы угодить литературнымъ вкусамъ французской публики. Тѣмъ легче будетъ современемъ переводить съ французскаго на англійскій и на романскіе языки.

Я до такой степени переутомленъ и встрѣчаю столько помѣхъ моимъ теоретическимъ трудамъ, что въ концѣ сентября намѣренъ покинуть наше *торговое дѣло*, которое въ настоящее время лежитъ, главнымъ образомъ, на моихъ плечахъ и которое, какъ вы знаете, имѣетъ свои развѣтвленія

по всему свѣту [1]). Est modus in rebus (во всемъ нужна мѣра); и я не могу дольше, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени заниматься заразъ двумя родами дѣлъ столь различнаго характера.

Извѣстія, сообщаемыя вами о *нашемъ общемъ другѣ* [2]), очень обрадовали меня и мою семью: есть мало людей на свѣтѣ, которыхъ я такъ люблю и такъ уважаю.

Вы очень обяжете меня, переславъ прилагаемое письмо доктору В. Баранову по такому адресу: Г-жа Багговутъ. Театральная площадь, домъ барона Кистера.

Въ надеждѣ вскорѣ услышать о васъ,

дружески преданный вамъ

А. В. (A. W.)

Одинъ изъ проживающихъ въ Швейцаріи крикливыхъ шарлатановъ (Marktschreier)—М. Бакунинъ—откалываетъ такія штуки (spielt solche Streiche), что я былъ бы очень благодаренъ за всякое точное свѣдѣніе объ этомъ человѣкѣ, а именно: 1) о его вліяніи въ Россіи и 2) о той роли, которую играла его особа въ пресловутомъ (нечаевскомъ) процессѣ.

6.

15 августа 1872.

Дорогой сэръ!

Надѣюсь, что вы уже получили первую часть второго нѣмецкаго изданія, которую я послалъ вамъ нѣсколько дней тому назадъ. Я вышлю вамъ также первые 6 выпусковъ французскаго изданія, которые выйдутъ на дняхъ. Нужно справляться съ *обоими изданіями,* такъ какъ я прибавилъ и измѣнилъ кое-что тамъ и сямъ во французскомъ изданіи.

Ваше интересное письмо мною получено, и я отвѣчу на него на этихъ дняхъ. Получилъ я также посланную вами рукопись и статью изъ „Вѣстника Европы". [3])

Пишу сегодня второпяхъ, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбою по одному спеціальному дѣлу *самаго неотложнаго* свойства.

Бакунинъ—бывшій руководитель въ Нечаевскомъ дѣлѣ, старавшійся всѣ эти годы подкопать своими тайными происками Интернаціоналъ, былъ въ послѣднее время до такой степени прижатъ нами къ стѣнѣ, что нашелъ себя вынужденнымъ сбросить, наконецъ, маску и *отколоться открыто*

---

[1]) Международный Союзъ рабочихъ.
[2]) Г. А. Лопатинѣ.
[3]) Н. И. К—нъ: „Точка зрѣнія о политико-экономической критикѣ у К. Маркса". „Вѣстникъ Европы". Май, 1872 г.

отъ Союза вмѣстѣ съ руководимыми имъ глупцами. Такъ вотъ, этому Бакунину было какъ-то предложено перевести на русскій языкъ мою книгу, причемъ часть денегъ за переводъ была имъ получена впередъ, но, вмѣсто того, чтобы доставить свой трудъ, онъ написалъ или велѣлъ написать къ нѣкоему Лю—ну (такъ, мнѣ помнится, звали человѣка, ведшаго съ нимъ это дѣло по порученію будущаго издателя) въ высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы принести мнѣ громадную пользу, если бы я могъ получить его немедленно. Такъ какъ это чисто коммерческое дѣло и такъ какъ, при пользованіи этимъ документомъ, не будетъ названо никакихъ именъ, то я надѣюсь, что вы добудете мнѣ это письмо. Но не слѣдуетъ терять ни минуты времени. Если вы согласны прислать мнѣ это письмо, то нужно сдѣлать это сейчасъ же, потому что въ концѣ этого мѣсяца я уѣзжаю изъ Лондона на Гаагскій конгрессъ.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

7.

25 ноября 1872.

Мой дорогой другъ!

Пересланное мнѣ письмо пришло во время и сдѣлало *свое дѣло.*

Если я не написалъ вамъ ранѣе, и если, даже въ эту минуту, посылаю вамъ лишь нѣсколько строкъ, то исключительно потому, что мнѣ требуется получить предварительно отъ васъ, буде это возможно, другой, *строго коммерческій,* адресъ, по которому я могъ бы свободно писать вамъ.

Выдача Нечаева и интриги его учителя Бакунина заставляютъ меня сильно безпокоиться за васъ и за нѣкоторыхъ другихъ друзей. Вѣдь эти люди способны на всякую гнусность.

Я не могу достаточно сильно выразить мою благодарность за ваше участіе къ моимъ трудамъ и за тѣ хлопоты, которыми обременяете себя вы и другіе русскіе мои друзья.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

Пожалуйста, отвѣтьте на эти строки какъ можно скорѣе.

8.

12 декабря 1872.

Дорогой другъ!

Изъ прилагаемаго вложенія вы узнаете результаты Гаагскаго конгресса. Въ засѣданіи слѣдственной коммиссіи по дѣлу Alliance'a, я про-

челъ письмо къ Лю—ну, подъ условіемъ строжайшей тайны и не називая имени адресата. Однако, тайна не была соблюдена, во-первыхъ, потому, что въ комиссіи засѣдалъ, въ числѣ прочихъ, бельгійскій адвокатъ Сплингардъ, который былъ въ дѣйствительности просто агентомъ альянистовъ, а во-вторыхъ, потому, что Жуковскій, Гильомъ и К° (въ предвидѣніи грядущаго и ради его предотвращенія) заранѣе разсказывали направо и налѣво это дѣло, конечно, *по своему* и съ апологетическими прибавками. Вслѣдствіе этого, комиссія, въ своемъ докладѣ конгрессу, была вынуждена сообщить относящіеся къ Бакунину *факты*, содержавшіеся въ письмѣ къ Лю—ну (при чемъ я, понятно, не назвалъ его имени; но друзья Бакунина знали уже о немъ изъ Женевы). Спрашивается теперь: имѣетъ ли право комиссія, назначенная для опубликованія протоколовъ конгресса (въ составѣ которой нахожусь и я), сдѣлать *публичное употребленіе* изъ этого письма, или же—нѣтъ? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, конечно, отъ Лю—на. Однако же, считаю нужнымъ замѣтить, что, со времени конгресса, эти факты, безъ всякаго нашего содѣйствія, давно уже обошли всю европейскую прессу. Принятый этимъ дѣломъ оборотъ тѣмъ противнѣе для меня, что я разсчитывалъ на безусловную скромность и требовалъ ея самымъ настойчивымъ и торжественнымъ образомъ.

Вслѣдствіе исключенія Бакунина, а также Гильома изъ Интернаціонала, ихъ Alliance, держащій въ своихъ рукахъ наши секціи въ Италіи и Испаніи, немедленно открылъ повсюду противъ насъ клеветническую войну и, въ соединеніи со всякими испорченными элементами, стремится вызвать распаденіе на два лагеря. Однако, ожидающее его окончательное пораженіе несомнѣнно, и онъ только поможетъ намъ *очистить* Интернаціоналъ отъ неопрятныхъ и слабоголовыхъ элементовъ, вкравшихся въ него тамъ и сямъ.

Злодѣйское покушеніе друзей Бакунина на бѣднаго Утина, совершенное въ Цюрихѣ, есть несомнѣнный фактъ, и самъ Утинъ находится въ эту минуту въ очень опасномъ положеніи со стороны здоровья. Это разбойничье дѣло уже разсказано во многихъ газетахъ Союза (между прочимъ, въ мадридской Emancipacion) и будетъ фигурировать во всѣхъ подробностяхъ въ нашемъ публичномъ отчетѣ о Гаагскомъ конгрессѣ. Та же разбойничья шайка произвела еще два подобныхъ же нападенія на своихъ противниковъ въ Испаніи. Вскорѣ она будетъ пригвождена къ позорному столбу передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Судьба нашего милаго „общаго друга“ глубоко волнуетъ всю мою семью. У меня есть планъ—помочь ему путемъ дипломатическаго вмѣшательства изъ Константинополя. Можетъ быть и удастся.

Присланная вами рукопись [1]) все еще находится у меня, такъ какъ Утинъ не въ состоянiи заняться ея печатанiемъ, а Элпидинъ принадлежитъ къ той же шайкѣ негодяевъ [2]). Рукопись очень интересна.

Съ нетерпѣнiемъ ожидаю обѣщанной критики (рукописной), а также всякаго печатнаго матерiала, которымъ вы обладаете по этой части. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ моихъ друзей желаетъ написать статейку касательно прiема, встрѣченнаго моей книгой въ Россiи.

Печатанiе французскаго перевода прiостановилось вслѣдствiе одной несчастной случайности, но черезъ нѣсколько дней оно начнется снова. Готовится также итальянскiй переводъ.

Въ заключенiе еще одна просьба. Мой зять, французскiй эмигрантъ, докторъ медицины, Лафаргъ желалъ бы, буде это возможно, посылать въ какой-либо русскiй журналъ перiодическiя сообщенiя или по части естественныхъ наукъ, или же объ общественно-политическихъ событiяхъ въ Италiи и Испанiи (а также и во Францiи). Но его матерiальное положенiе не позволяетъ ему дѣлать этого даромъ, и, кромѣ того, онъ можетъ доставлять свои статьи лишь на французскомъ языкѣ.

Мнѣ очень хотѣлось бы увидѣть книгу кiевскаго профессора Зибера о Рикардо и его теорiи цѣнности и капитала, такъ какъ въ этомъ сочиненiи говорится, между прочимъ, и о моей книгѣ.

Дружески преданный вамъ

А. Вильямсъ.

Во второмъ томѣ „Капитала", въ отдѣлѣ о поземельной собственности, я намѣренъ заняться очень подробно русской ея формою.

Еще одно. Мнѣ хотѣлось бы напечатать что-нибудь о жизни и дѣятельности Чернышевскаго, чтобы вызвать сочувствiе къ нему въ Западной Европѣ. Но для этого мнѣ нужны фактическiя данныя.

9.

18 января 1873.

Дорогой другъ!

Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ получилъ я Зибера, Головачева и 5 томовъ Скребицкаго. Право, мнѣ, наконецъ, совѣстно, что вы входите для меня въ такiя большiя издержки. Сердечно благодарю васъ за все!

Оперы тоже были получены въ свое время и доставили моей дочери большое удовольствiе [3]). Но она думала, что онѣ были высланы ей

---

[1]) „Письма безъ адреса" Чернышевскаго.

[2]) Совершенное заблужденiе на основанiи ложныхъ слуховъ.

[3]) Рѣчь идетъ о русскихъ операхъ—„Жизнь за царя" и „Русланъ", пересланныхъ Николаемъ—ономъ, по просьбѣ Г. А. Лопатина, старшей дочери Маркса. Дженни, чтобы познакомить ее немного съ русской музыкой.

одной знакомой русской дамой, а теперь проситъ меня передать ея живѣйшую благодарность неизвѣстному доброжелателю [1]). „Знаніе" еще раньше само обращалось ко мнѣ съ предложеніемъ сотрудничества, но у меня нѣтъ времени для подобныхъ работъ. Что касается до Лафарга, то онъ пошлетъ черезъ васъ свою пробную статью.

Относительно Чернышевскаго скажу, что это ваше дѣло рѣшить: долженъ ли я говорить только объ его научныхъ заслугахъ или же могу затронуть и другія стороны его дѣятельности. Во второмъ томѣ моего сочиненія онъ будетъ фигурировать, конечно, только какъ экономистъ. Значительная часть его сочиненій мнѣ извѣстна.

Что касается до нашего „общаго друга" [2]), то вы можете быть увѣрены, что я предприму то, о чемъ уже говорилъ—пока я все еще ожидаю нѣкоторыхъ свѣдѣній по этой части изъ Константинополя—но я, конечно, не сдѣлаю ничего такого, что могло бы компрометировать его или кого бы то ни было.

Что касается до Лю-на, то я предпочту скорѣе выбросить изъ готовящагося къ печати слѣдствія всю относящуюся къ нему часть, чѣмъ подвергнуть его самомалѣйшей опасности. Съ другой же стороны, смѣлость есть, можетъ быть, наилучшая политика. Къ тому же, судя по одному печатному произведенію, выпущенному Бакунинымъ въ Швейцаріи не отъ собственнаго лица, а отъ имени одного изъ его славянскихъ друзей, они намѣреваются представить публикѣ *свой собственный отчетъ* о всей этой сдѣлкѣ, какъ только *обстоятельства* позволятъ имъ сдѣлать это. Нескромность, совершенная ихъ сообщниками въ Гаагѣ, была умышленной и, какъ я предполагаю, была разсчитана на то, чтобы запугать ихъ обвинителей.

Но, съ другой стороны, я не могу судить о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести опубликованіе этого дѣла, а потому я желалъ бы, чтобы нашъ другъ сообщилъ мнѣ черезъ ваше посредство свое окончательное рѣшеніе, послѣ того какъ онъ еще разъ спокойно пересмотритъ и обсудитъ этотъ вопросъ.

Второй выпускъ французскаго перевода появится только черезъ нѣсколько дней. Задержки въ выходѣ вызываются всякаго рода случайностями, которые затрудняютъ въ настоящее время всякое дѣло въ Парижѣ, при существованіи тамъ осаднаго положенія. Трудно повѣрить, сколько работы требуетъ отъ меня пересмотръ этого перевода; вѣроятно, мнѣ стоило бы гораздо меньшаго труда, если бы я съ самаго начала выпол-

---

[1]) На посылкѣ не было обозначено имя отправителя.
[2]) Г. А. Лопатинъ.

нилъ все дѣло самъ. И притомъ, благодаря всѣмъ этимъ редакціоннымъ заплаткамъ и заштопкамъ, весь переводъ носитъ характеръ незавиднаго литературнаго кропанья (Stümperwerk).

Въ послѣднихъ номерахъ парижскаго „Экономиста" за прошлый годъ имѣется критика Блоха на мою книгу, могущая служить новымъ доказательствомъ полнаго паденія теоретической мысли у научныхъ представителей средняго сословія.

Съ наилучшими пожеланіями на новый годъ, дружески преданный вамъ

А. Вильямсъ.

10.

Лондонъ, 22 марта 1873.

Мой дорогой сэръ!

Вы очень обязали бы меня сообщеніемъ кое-какихъ свѣдѣній касательно взглядовъ Чичерина на историческое развитіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи и о его полемикѣ по этому поводу съ Бѣляевымъ. Тотъ путь, которымъ эта форма собственности вошла (исторически) въ русскую жизнь, представляетъ, конечно, второстепенный вопросъ, не имѣющій никакого отношенія къ вопросу о цѣнности этого учрежденія. Однако, нѣмецкіе реакціонеры, въ родѣ берлинскаго профессора А. Вагнера и ему подобныхъ, пользуются этимъ оружіемъ, вложеннымъ въ ихъ руки Чичеринымъ. Съ другой же стороны, всѣ историческія аналогіи говорятъ противъ Чичерина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, чтобы то же самое учрежденіе было введено въ Россіи, какъ простая фискальная мѣра,— просто какъ случайный спутникъ рабства,—тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ оно явилось путемъ самороднаго возникновенія и разростанія, и отмѣчаетъ собою необходимую фазу развитія всѣхъ свободныхъ народовъ?

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

11.

Лондонъ, 2 августа 1873.

Мой дорогой сэръ!

Въ послѣдніе мѣсяцы я много и тяжко страдалъ и мое здоровье находилось одно время даже въ очень опасномъ состояніи, вслѣдствіе постояннаго переутомленія. Въ особенности пострадала моя голова, такъ что можно было опасаться апоплексическаго удара; да даже и въ настоящее время я все еще не способенъ работать болѣе нѣсколькихъ часовъ въ сутки. Вотъ *единственная* причина, почему я не отвѣчалъ такъ долго на ваше письмо и до сихъ поръ не поблагодарилъ васъ за драгоцѣнное собраніе книгъ, которое вы имѣли любезность прислать мнѣ.

Конечно, вы уже получили—по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ ваше письмо—3 экземпляра „Капитала", сброшюрованные въ цѣльные томы; а сегодня я посылаю вамъ послѣдній выпускъ того изданія, которое выходило отдѣльными тетрадками.

Мы печатаемъ въ настоящую минуту „Разоблаченія" касательно Alliance'a. (Вы знаете, вѣроятно, что секта *титоталлеровъ* [1]) называетъ себя въ Англіи этимъ именемъ). Такъ вотъ я желалъ бы знать самый *дешевый* [2]) способъ отправить вамъ довольно значительное число экземпляровъ этой вещи. Что касается до письма, относящагося къ главарю этой ханжеской компаніи, [3]) то мы все еще держимъ его въ резервѣ.

Очень благодарю васъ за послѣднее длинное письмо и не премину сдѣлать изъ него въ свое время надлежащее употребленіе. Оно имѣетъ для меня большую коммерческую цѣнность.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

Примѣчаніе: Вставленная въ скобкахъ фраза о титоталлерахъ, понятно, имѣетъ единственною цѣлью ввести въ заблужденіе *посторонняго* читателя насчетъ того, о *какомъ* Alliance'ѣ идетъ тутъ рѣчь.

12.

Лондонъ, 15 ноября 1878.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня получилъ я ваше письмо, помѣченное 28 октября. Письмо, на которое вы ссылаетесь, я вовсе не получилъ. Возможно, что оно было перехвачено нѣмецкою почтою или просто затерялось: прусское правительство до такой степени тормошитъ своихъ почтовыхъ чиновниковъ, что много писемъ „исчезаютъ" нивѣсть куда просто изъ-за безурядицы. Говоря фактически, послѣднее письмо, которое я имѣлъ честь получить отъ васъ, было помѣчено 7 марта 1877 г.

Перерывъ моей переписки съ вами былъ просто результатомъ предостереженій, полученныхъ мною около этого времени отъ моихъ проживающихъ въ Россіи друзей, которые просили меня перестать на нѣкоторое время писать имъ, такъ какъ мои письма, несмотря на свою невинность, могли причинить имъ всякія непріятности и безпокойства.

Касательно второго изданія „Капитала" позволю себѣ сдѣлать слѣдующія указанія:

---

[1]) „Чаепійцевъ", отвергающихъ *всѣ* спиртные напитки и во всякой дозѣ.
[2]) Читай наиболѣе *надежный*.
[3]) М. А. Бакунинъ.

1) Я желалъ бы, чтобы *раздѣленіе на главы*—то же относится и къ ихъ *подраздѣленіямъ*—было сдѣлано согласно съ французскимъ изданіемъ.

2) Чтобы переводчикъ постоянно и тщательно свѣрялъ второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ, такъ какъ послѣднее содержитъ много важныхъ измѣненій и добавленій (хотя, правда, я былъ вынужденъ не разъ, особенно въ первой главѣ, дѣлать изложеніе болѣе *плоскимъ*—to „aplatir" it—ради удобствъ передачи его по-французски).

3) Я нахожу полезнымъ сдѣлать для вашего второго изданія еще *нѣсколько измѣненій* и постараюсь изготовить ихъ вамъ не позже, какъ черезъ восемь дней, такъ, чтобы имѣть возможность выслать ихъ вамъ въ слѣдующую субботу (сегодня у насъ пятница).

Какъ только *второй томъ* „Капитала" поступитъ въ печать—но это едва ли случится ранѣе конца 1879 г.—вы сейчасъ же начнете получать корректурные оттиски указаннымъ вами путемъ.

Я получилъ изъ Петербурга нѣсколько печатныхъ произведеній, за которыя очень благодарю васъ.

Изъ полемики Чичерина и нѣкоторыхъ другихъ противъ меня мнѣ ничего не попадалось на глаза, за исключеніемъ того, что вы сами выслали мнѣ въ 1877 г. (Статья Зибера въ „Отечественныхъ Запискахъ" и еще другая—кажется, Михайловскаго—въ томъ же журналѣ). Профессоръ М. М. Ковалевскій, проживающій здѣсь въ эту минуту, говорилъ мнѣ, что статья этого курьезнаго, якобы энциклопедиста, Жуковскаго вызвала въ отвѣтъ довольно оживленную полемику касательно „Капитала".

Англійскій кризисъ, предвозвѣщенный мною на стр. 354 французскаго изданія (сноска), наконецъ, разразился въ теченіе этихъ послѣднихъ недѣль. Мои друзья, теоретики и простые дѣльцы, просили меня въ то время выбросить эту сноску, потому что она казалась имъ недостаточно обоснованной; до такой степени они были убѣждены, что кризисы въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи и Австріи должны, такъ сказать, *учесть* („escompter") англійскій кризисъ [1]).

Первой страною, гдѣ дѣла пойдутъ вновь по *восходящей* линіи, будутъ С. А. Соединенные Штаты. Только улучшеніе наступитъ здѣсь при совершенно измѣнившихся условіяхъ и при томъ—измѣнившихся къ худшему. Тамошній народъ тщетно будетъ стараться освободиться отъ монополизирующей силы и (поскольку дѣло идетъ о *среднемъ благополучіи* массъ) отъ гибельнаго вліянія крупныхъ компаній и непрерывнаго расширенія производства, торговли, землевладѣнія, желѣзныхъ дорогъ и финансовъ,

---

[1]) Т. е. ослабить или даже предотвратить его, какъ бы исчерпавъ его заранѣе путемъ ряда болѣе раннихъ кризисовъ въ другихъ странахъ.

возрастающихъ все болѣе и болѣе ускоренным темпомъ со времени междуусобной войны. Лучшіе американскіе писатели громко провозглашаютъ, какъ неопровержимый фактъ, что хотя агитація противъ рабства и разбила цѣпи негровъ, за то, съ другой стороны, она поработила бѣлаго производителя.

Я считаю, что наиболѣе интересное поле для изслѣдователя-экономиста представляютъ теперь именно Соединенные Штаты и въ особенности періодъ отъ 1873 (со времени сентябрьскаго кризиса) до 1878 г., т. е. до наступленія хроническаго кризиса. Тѣ перемѣны, которыя потребовали въ Англіи для своего постепеннаго развитія цѣлыхъ столѣтій, осуществились здѣсь въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ. Но наблюдатель долженъ обращать свое вниманіе не на болѣе старые штаты вдоль атлантическаго побережья, а на болѣе новые (изъ которыхъ Огайо представляетъ поразительнѣйшій примѣръ) и на самые новѣйшіе (какъ, напр., на Калифорнію). Многіе глупцы въ нашей Европѣ, вообразившіе себѣ, что корень зла кроется въ теоретикахъ, въ родѣ меня и другихъ, могли бы почерпнуть цѣлительный урокъ изъ чтенія *офиціальныхъ* американскихъ отчетовъ.

Вы очень обязали бы меня сообщеніемъ кое-какихъ свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи русскихъ финансовъ, которое должно быть извѣстно вамъ въ виду вашихъ занятій банкирскимъ дѣломъ.

Истинно вашъ

А. В.

13.

Лондонъ, 28 ноября 1878.

Мой дорогой сэръ!

Три посланныя вами книги получилъ и очень благодарю за нихъ. Мои русскіе друзья уже подготовили меня къ тому, чтобы ожидать отъ Чичерина довольно слабаго произведенія, но дѣйствительность превзошла мои ожиданія. Онъ, очевидно, не знакомъ съ самыми начатками политической экономіи и воображаетъ, будто бы пошлости Бастіа и его школы, будучи высказаны отъ собственнаго имени, превращаются въ оригинальныя и самоочевидныя истины.

На прошлой недѣлѣ я не имѣлъ возможности взяться за пересмотръ „Капитала". Въ настоящую минуту я уже справился съ этимъ дѣломъ и нахожу, что—за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя должны быть сдѣланы переводчикомъ, послѣ сличенія второго нѣмецкаго изданія съ французскимъ,—необходимо будетъ сдѣлать еще лишь очень немного новыхъ измѣненій, которыя вы найдете далѣе въ этомъ письмѣ.

Тутъ идетъ подробное перечисленіе этихъ измѣненій, которыя всѣ были приняты во вниманіе при выпускѣ второго русскаго изданія, а потому не приводятся здѣсь.

Кризисъ и вытекающія изъ него стачки, закрытія фабрикъ и банкротства продолжаютъ бурно свирѣпствовать въ промышленныхъ графствахъ, но наши лондонскія газеты, чтобы не пугать широкой публики, употребляютъ всѣ усилія, чтобы замять и заглушить эти непріятные, но неопровержимые „инциденты". Поэтому, человѣкъ, читающій только лондонскія статьи о состояніи денежнаго рынка, получаетъ лишь очень скудныя свѣдѣнія по этому вопросу.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

14.

Лондонъ, 10 апрѣля 1879 г.

Мой дорогой сэръ!

Какъ разъ, когда я получилъ ваше февральское письмо (а вмѣстѣ съ нимъ цѣнные печатные матеріалы, благополучно дошедшіе до меня такъ же, какъ и другія упоминаемыя вами книги), моя жена заболѣла такъ тяжко, что врачи даже сомнѣвались, въ состояніи ли будетъ она пережить этотъ неожиданный припадокъ своей болѣзни. Въ то же самое время мое собственное здоровье потерпѣло серьезное потрясеніе. (Въ сущности говоря, съ того самого времени, когда измѣнившееся положеніе вещей въ Германіи и Австріи принудило меня прекратить мои ежегодныя поѣздки въ Карлсбадъ, я никогда уже не находился даже въ сравнительно-удовлетворительномъ состояніи здоровья). При такихъ обстоятельствахъ, которыя улучшились лишь очень недавно, я не могъ, конечно, изучать присланныхъ мнѣ отчетовъ. Однако, я послалъ вамъ въ это время съ однимъ нѣмцемъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ, небольшое письмецо, въ которомъ ограничился, впрочемъ, только сообщеніемъ о полученіи вашего письма, да рекомендаціей вамъ подателя. Но, къ моему великому изумленію, онъ снова появился здѣсь вчера и сообщилъ мнѣ, что вслѣдствіе какихъ-то случайностей онъ не проѣхалъ далѣе Берлина и отказался совершенно отъ поѣздки въ Петербургъ.

А теперь—primo—я долженъ сообщить вамъ (это совершенно конфиденціально), что, по дошедшимъ до меня изъ Германіи свѣдѣніямъ, второй томъ моего труда *не можетъ быть изданъ*, пока нынѣшній режимъ продолжаетъ держаться тамъ во всей его нынѣшней суровости. Это сообщеніе, принимая въ соображеніе status quo, ничуть не удивило меня и долженъ сознаться, даже совсѣмъ не раздосадовало по слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ, я ни за что не согласился бы выпустить второй томъ ранѣе того, когда нынѣшній англійскій кризисъ достигнетъ своей высшей точки, своего поворотнаго пункта (climax). Его проявленія оказываются на этотъ разъ очень своеобразными и, во многихъ отношеніяхъ, очень отличными отъ тѣхъ, которыя наблюдались въ прежнихъ случаяхъ. Это своеобразіе, помимо другихъ видоизмѣняющихъ обстоятельствъ, легко объясняется изъ того факта, что никогда еще *англійскому* кризису *не предшествовали* такіе страшные и продолжительные кризисы (тянущіеся въ продолженіе почти 5 лѣтъ) въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, Германіи, Австріи и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынѣшнимъ ходомъ дѣлъ до ихъ полной зрѣлости, прежде чѣмъ вы окажетесь въ состояніи „потребить“ эти факты „производительно“, т. е. *теоретически*.

Вотъ, напр., одна изъ странныхъ особенностей нынѣшняго положенія дѣлъ. Какъ вы знаете, здѣсь было множество банковыхъ краховъ въ Шотландіи, а также въ нѣкоторыхъ англійскихъ графствахъ, въ особенности въ западныхъ (въ Корнуэльсѣ и Уэльсѣ). И тѣмъ не менѣе, настоящій *центръ денежнаго рынка*, не только всего Соединеннаго Королевства, но и того *міра*, который зовется Лондономъ, потерпѣлъ до сихъ поръ очень мало Наоборотъ, за немногими исключеніями, громадные акціонерные банки, въ родѣ Англійскаго Банка, пока только выиграли отъ общаго крушенія дѣлъ. А каково это крушеніе, вы можете судить изъ полнаго отчаянія англійскихъ торговыхъ и промышленныхъ филистеровъ и изъ потери ими всякой надежды дожить снова до лучшихъ временъ. Я никогда еще н видѣлъ ничего подобнаго; никогда еще не доводилось мнѣ быть свидѣтелемъ такой моральной растерянности, хотя я жилъ въ Лондонѣ въ 1857 1866 годахъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что одно изъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ лондонскому денежному рынку, заключается въ нынѣшнемъ состояніи Французскаго Банка, который, со времени недавняго расширенія торговли между обѣими странами, превратился какъ бы въ *отдѣленіе* Лондонскаго Банка. Французскій Банкъ, вслѣдствіе того, что свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ еще не возстановленъ, держитъ громадный запасъ золота въ слиткахъ и, при первомъ же признакѣ какого-либо замѣшательства на лондонской биржѣ, французскія деньги наводняютъ ее для скупки вѣрныхъ бумагъ, понизившихся на время въ цѣнѣ. Если бы прошлою осенью французскія деньги внезапно потребовались обратно, Англійскому Банку пришлось бы навѣрно прибѣгнуть къ своему послѣднему средству *въ крайнихъ случаяхъ* — *къ пріостановкѣ банковаго акта*, вслѣдъ зачѣмъ у насъ неизбѣжно разразился бы денежный крахъ.

Съ другой стороны, то спокойствіе, съ какимъ совершилось въ Соединенныхъ Штатахъ возстановленіе расплаты золотомъ, также устранило напряженныя требованія съ этой стороны на рессурсы Англійскаго Банка.

Но что и до настоящей минуты содѣйствуетъ предотвращенію краха на лондонскомъ денежномъ рынкѣ, это—кажущееся спокойное состояніе банковъ *Ланкашира* и другихъ промышленныхъ округовъ (за исключеніемъ горнозаводскихъ округовъ Запада), хотя вполнѣ удостовѣрено и несомнѣнно, что эти банки не только употребили значительную часть своихъ рессурсовъ на учетъ векселей и на ссуды невыгоднымъ предпріятіямъ разныхъ промышленниковъ, но нѣкоторые изъ нихъ,—какъ напр., Ольдгэмскій,—даже затратили значительную часть своего капитала на основаніе новыхъ фабрикъ. Въ то же самое время большіе запасы произведенныхъ товаровъ, въ особенности хлопчатобумажныхъ, накопляются день ото дня не только въ Азіи (преимущественно въ Остъ-Индіи), куда они посылаются на комиссію (on consignment), но и въ Манчестерѣ и т. п. Какимъ образомъ такое состояніе вещей можетъ пройти безъ общаго краха въ промышленной средѣ, а слѣдовательно и среди мѣстныхъ банковъ, вліяющихъ въ свою очередь прямо на лондонскій денежный рынокъ,—это трудно себѣ представить. А пока—стачки, безпорядки и замѣшательства господствуютъ повсюду.

Замѣчу мимоходомъ, что въ теченіе прошлаго года, столь неблагопріятнаго для всѣхъ другихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, желѣзныя дороги процвѣтали; но это происходило только вслѣдствіе разныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ родѣ Парижской выставки и т. п. На дѣлѣ же, желѣзныя дороги только поддерживаютъ внѣшній видъ процвѣтанія, накопляя долги и увеличивая со дня на день счетъ основного капитала.

Но какимъ бы путемъ ни пошло развитіе этого кризиса, столь важнаго во всѣхъ его подробностяхъ для наблюдательнаго изслѣдователя капиталистическаго производства и профессіональнаго теоретика,—но онъ все же пройдетъ, какъ и его предшественники, и породитъ новый „промышленный циклъ", со всѣми его разнообразными фазами процвѣтанія и пр.

Но подъ покровомъ этого, „повидимому", прочнаго, англійскаго общества, кроется другой кризисъ,—*земельный*, который произведетъ великія и важныя перемѣны въ соціальной структурѣ этого общества. Я вернусь къ этому предмету при другомъ случаѣ, а то въ настоящую минуту онъ завелъ бы меня слишкомъ далеко.

Во-вторыхъ, огромная масса сырыхъ матеріаловъ, полученныхъ мною не только изъ Россіи, но и изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, даетъ мнѣ пріятный „предлогъ" продолжать мои изученія, вмѣсто того, чтобы заканчивать уже сдѣланное для читающей публики.

Въ-третьихъ, мой врачъ предостерегаетъ меня отъ излишествъ въ занятіяхъ и говоритъ, что я долженъ значительно сократить мой „рабочій день". если не желаю впасть въ то же состояніе, въ которомъ я находился въ 1874 г. и въ послѣдующіе годы, когда я испытывалъ частыя головокруженія и не былъ способенъ продолжать моихъ занятій послѣ немногихъ часовъ серьезнаго труда.

Относительно вашего крайне интереснаго и замѣчательнаго письма я ограничусь пока лишь немногимъ. Желѣзныя дороги возникли прежде всего въ качествѣ „увѣнчанія зданія" (le couronnement de l'œuvre) въ тѣхъ странахъ, гдѣ *новая промышленность достигла наибольшаго развитія*,—въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Бельгіи, Франціи и пр. Я называю ихъ „увѣнчаніемъ зданія" не только въ томъ смыслѣ, что въ нихъ получились, наконецъ, (наряду съ океанскимъ пароходствомъ и телеграфами) такія *средства сообщенія*, которыя пришли въ соотвѣтствіе съ новыми средствами производства, но также и потому, что онѣ сдѣлались основою для возникновенія громадныхъ акціонерныхъ компаній, начиная съ банковыхъ. Онѣ дали, однимъ словомъ, такой громадный толчекъ *концентраціи капитала*, возможности котораго никто и не подозрѣвалъ ранѣе и, въ то же время, ускорили и расширили въ громадной степени *космополитическую дѣятельность ссуднаго капитала*, охватывающаго, такимъ образомъ, весь міръ одной обширной сѣтью финансоваго плутовства и взаимной задолженности,—этой капиталистической формой „международнаго братства".

Съ другой стороны, возникновеніе желѣзнодорожныхъ сѣтей въ передовыхъ странахъ капитализма поощряло и даже вынуждало государства, гдѣ капитализмъ ограничивался пока овладѣніемъ лишь немногими выдающимися верхами общества, къ внезапному созданію и расширенію ихъ капиталистической *надстройки* въ размѣрахъ совершенно непропорціональныхъ величинѣ и толщинѣ общественнаго организма, ведшаго до сихъ поръ великое дѣло производства въ унаслѣдованныхъ изстари формахъ. Не подлежитъ, поэтому, ни малѣйшему сомнѣнію, что въ этихъ государствахъ введеніе желѣзныхъ дорогъ ускорило соціальную и политическую дезинтеграцію, подобно тому, какъ въ передовыхъ странахъ оно ускорило конечное развитіе, а слѣдовательно, и конечное преобразованіе капиталистическаго производства. Во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи, правительства всегда покровительствовали желѣзно-дорожнымъ компаніямъ и обогащали ихъ на счетъ государственнаго казначейства. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, онѣ получили въ даръ значительную часть государственныхъ земель и притомъ не только ту землю, которая была необходима для проложенія дороги, но и цѣлыя мили земли по обѣимъ сторо-

намъ дороги, покрытыя лѣсами и т. п. Такимъ образомъ, онѣ стали самыми крупными землевладѣльцами въ государствѣ. Понятно, что мелкіе фермеры изъ иммигрантовъ предпочитали впослѣдствіи селиться именно на ихъ земляхъ, благодаря удобству ихъ положенія и ради обезпеченія своимъ продуктамъ легкаго способа доставки на рынки.

Система, введенная во Франціи Луи-Филиппомъ и заключавшаяся въ передачѣ желѣзныхъ дорогъ небольшой шайкѣ финансовыхъ аристократовъ, въ дарованіи имъ всяческихъ владѣльческихъ правъ, въ гарантированіи имъ прибылей изъ народнаго кошелька и пр., и пр. была доведена до своихъ крайнихъ предѣловъ Луи-Бонапартомъ, правленіе котораго въ дѣйствительности покоилось существеннымъ образомъ на торговлѣ желѣзнодорожными концессіями, при чемъ онъ былъ такъ добръ, что даже отдалъ въ даръ нѣкоторымъ изъ желѣзно-дорожныхъ компаній государственные каналы и пр., и пр.

Но въ Австріи, и въ особенности въ Италіи, желѣзныя дороги стали новымъ источникомъ невыносимой государственной задолженности и налогового обремененія народныхъ массъ.

Вообще, желѣзныя дороги дали, конечно, громадный толчекъ развитію иностранной торговли; но въ странахъ, вывозящихъ, главнымъ образомъ, *сырье*, эта торговля усилила нищету и бѣдствія массъ; и притомъ не только оттого, что новая задолженность, навязанная имъ правительствами ради желѣзныхъ дорогъ, увеличила *общую сумму давившихъ ихъ налоговъ;* но еще и оттого, что съ того момента, когда продукты мѣстнаго производства получили возможность превращаться въ космополитическое золото, многіе изъ этихъ продуктовъ, *бывшіе ранѣе очень дешевыми*, какъ, напр., фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали въ значительной степени недоступными массамъ вслѣдствіе своей *дороговизны* и были такимъ образомъ изъяты изъ потребленія народа; а въ то же время, съ другой стороны, и *самое производство* (я разумѣю нѣкоторые спеціальные роды продуктовъ) также измѣнилось, согласно большей или меньшей *приспособленности его для вывоза*, тогда какъ ранѣе оно приспособлялось преимущественно къ мѣстному потребленію. Такъ, напримѣръ, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, пахотныя земли были обращены въ пастбища, такъ какъ вывозъ скота оказался выгоднѣе вывоза земледѣльческихъ продуктовъ, но за то въ то же время земледѣльческое населеніе было изгнано изъ насиженныхъ мѣстъ. Всѣ эти перемѣны оказались дѣйствительно очень выгодными для крупныхъ землевладѣльцевъ, ростовщиковъ, купцовъ, желѣзнодорожниковъ, банкировъ и т. п., но очень гибельными для дѣйствительныхъ праизводителей.

Чтобы закончить мое письмо, время отправленія котораго на почту

надвигается все ближе и ближе, скажу еще, что я считаю невозможнымъ провести дѣйствительную аналогію между Соединенными Штатами и Россіей. Въ С. Штатахъ государственные расходы уменьшаются съ каждымъ днемъ, и государственный долгъ ежегодно и быстро сокращается: передъ Россіей же все яснѣе и яснѣе видится почти неизбѣжное государственное банкротство. С. Штаты освободились, хотя самымъ гнуснымъ образомъ, къ выгодѣ кредиторовъ и въ ущербъ мелкому люду, отъ бумажныхъ денегъ: въ Россіи же ни одна фабрика не процвѣтаетъ въ такой мѣрѣ, какъ фабрика кредитныхъ билетовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ концентрація капитала и постепенная экспропріація массъ представляютъ не только орудіе, но и естественное порожденіе (хотя и ускоренное искусственно междуусобной войной) неслыханно быстраго промышленнаго развитія, земледѣльческаго прогресса и пр.; Россія же напоминаетъ намъ скорѣе Францію временъ Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка, или вѣрнѣе *фасадъ* общественнаго зданія (хотя все же имѣвшій подъ собою гораздо болѣе прочный фундаментъ, чѣмъ въ Россіи), представлялъ собою что-то въ родѣ сатиры надъ отсталымъ, неподвижнымъ состояніемъ главной отрасли производства (земледѣлія) и надъ голоданіемъ производителей. Соединенные Штаты въ настоящее время значительно перегнали Англію въ быстротѣ экономическаго прогресса, хотя все еще находятся позади ея по размѣрамъ накопленныхъ богатствъ: но въ то же самое время народныя массы обладаютъ тамъ болѣе живымъ темпераментомъ и имѣютъ въ своихъ рукахъ болѣе сильныя политическія средства для выраженія своего негодованія противъ той формы прогресса, которая позволяетъ ему совершаться на ихъ счетъ. Но я не вижу нужды продолжать далѣе эти антитезы.

Кстати: какое русское сочиненіе по кредиту и банковому дѣлу вы считаете болѣе всего удовлетворительнымъ?

Г. Кауфманъ имѣлъ любезность прислать мнѣ свою книгу—„Теорія и практика банковаго дѣла": но я былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ изъ нея, что мой прежній разсудительный критикъ въ петербургскомъ „Вѣстникѣ Европы" превратился въ какого-то Пиндара новѣйшаго биржевого плутовства. Кромѣ того, разсматривая эту книгу даже только съ точки зрѣнія чисто-спеціальныхъ достоинствъ—а я вообще не ожидаю отъ книгъ этого рода ничего другого,—я нахожу ее далеко не оригинальной въ ея частностяхъ. Наилучшая часть ея, это — полемика противъ бумажныхъ денегъ.

Говорятъ, будто бы нѣкіе иностранные банкиры, черезъ посредство которыхъ нѣкое правительство пожелало заключить новый иностранный заемъ, потребовали отъ него въ видѣ гарантіи введенія у себя конституціи; я лично далекъ отъ того, чтобы вѣрить этому, такъ какъ, при ихъ

нынѣшней методѣ вести такія дѣла, они были всегда очень равнодушны къ формамъ правленія и не имѣютъ пока причинъ измѣнять этому равнодушію и въ настоящее время.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

15.

Лондонъ, 19 сентября 1879.

Мой дорогой сэръ!

Я только что вернулся въ Лондонъ послѣ почти двухмѣсячнаго деревенскаго отдыха на островѣ Джерси и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ. Я былъ вынужденъ сдѣлать эту поѣздку и пріостановить на все это время всякую работу настоятельными совѣтами врачей, вслѣдствіе моего нервнаго разстройства. По этой же причинѣ я не былъ также въ состояніи сдѣлать надлежащей чести той умственной пищѣ, которой вы имѣли любезность снабжать меня. Но теперь я чувствую себя много бодрѣе и оживленнѣе и вскорѣ примусь за работу съ новой энергіей и охотой.

Книгу Ковалевскаго [1]) я получилъ отъ него самого. Онъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей „по наукѣ" („Scientific" friends) и пріѣзжаетъ ежегодно въ Лондонъ, чтобы пользоваться сокровищами Британскаго музея.

Болѣе длинное письмо вы получите отъ меня тогда, когда я справлюсь немного хоть съ наиболѣе неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствія.

А пока желаю вамъ всего лучшаго.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

16.

Рамсгэтъ, 12 сентября 1880.

Мой дорогой сэръ!

Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что я былъ бы очень счастливъ сдѣлать все, что вы считаете полезнымъ; но краткое изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я нахожусь въ эту минуту, убѣдитъ васъ, что я не способенъ въ настоящее время къ теоретическому труду. Я былъ посланъ сюда моимъ врачемъ съ строгимъ приказомъ „ничего не дѣлать" и стараться возстановить мою нервную систему посредствомъ такого „far niente"; какъ вдругъ, болѣзнь моей жены, мучающая ее уже съ давнихъ поръ, неожиданно ухудшилась въ такой мѣрѣ, которая угро-

---

[1]) Максимъ Максимовичъ.

жаетъ привести ее къ *роковому* концу. При этихъ условіяхъ все то немногое время, какое мнѣ удается урвать для труда, неизбѣжно уходитъ у меня исключительно на такія работы, которыя я *долженъ* во что бы то ни стало сбыть съ рукъ.

Кромѣ того, я могу сказать, что все наиболѣе важное для *широкой публики* вами уже исполнено; я разумѣю составленіе статистическихъ таблицъ и истолкованіе содержащихся въ нихъ *фактовъ*. Было бы жаль если бы вы отложили опубликованіе вашего труда, котораго я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Вы можете свободно располагать всѣмъ, что вы найдете полезнымъ извлечь изъ моихъ писемъ съ этою цѣлью. Боюсь только, что это все окажется очень немногимъ, такъ какъ я послалъ вамъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ.

Нынѣшній кризисъ есть величайшій, черезъ какой когда-либо проходила Англія со стороны его продолжительности, размѣровъ и интенсивности. Но, несмотря на крушеніе нѣкоторыхъ шотландскихъ и англійскихъ провинціальныхъ банковъ, обычное завершеніе всѣхъ прошлыхъ періодическихъ крупныхъ англійскихъ кризисовъ—я разумѣю финансовый крахъ въ Лондонѣ— на этотъ разъ „блистало своимъ отсутствіемъ“. Этотъ въ высшей степени необычайный фактъ, отсутствіе собственно, такъ называемой, *денежной паники*, нужно приписать особому сцѣпленію обстоятельствъ, анализъ которыхъ завелъ бы меня въ эту минуту слишкомъ далеко. Однимъ изъ наиболѣе рѣшающихъ обстоятельствъ былъ, однако, тотъ фактъ, что громадный спросъ на золото въ 1879 г. былъ въ значительной мѣрѣ удовлетворенъ содѣйствіемъ Французскаго и Германскаго Имперскаго банковъ. Съ другой стороны, внезапное оживленіе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ—съ весны 1879 г.—отразилось сейчасъ же на Англіи, явившись для нея настоящимъ deus ex machina.

Что касается до *земельнаго* кризиса, то онъ будетъ постепенно накоплять силу, развиваться и мало-по-малу продвигаться впередъ, неся съ собою настоящую революцію въ отношеніяхъ поземельной собственности, совершенно независимо отъ цикловъ торгово-промышленныхъ кризисовъ. Даже такіе оптимисты, какъ г. Кэрдъ, уже начали „чуять крысу“. Въ высшей степени характеристиченъ для англійской тупоголовости такой фактъ: вотъ уже два года, какъ въ Times и въ разныхъ земледѣльческихъ газетахъ печатается рядъ писемъ фермеровъ, дающихъ подробный разсчетъ всѣхъ издержекъ по обработкѣ ихъ фермъ, сопоставляющихъ эти издержки съ ихъ доходами отъ продажи земледѣльческихъ продуктовъ по ихъ нынѣшнимъ цѣнамъ и показывающихъ, что въ заключеніе у нихъ получается положительный *дефицитъ*. И что же? Повѣрите ли вы, что ни

одному изъ этихъ специалистовъ, распространяющихся такъ много по поводу этихъ разсчетовъ, не приходитъ въ голову спросить себя: какой видъ получили бы эти разсчеты, если бы та расходная статья, которая именуется *рентою*, была во многихъ случаяхъ вычеркнута изъ нихъ совсѣмъ, а въ другихъ сокращена „самымъ чувствительнымъ образомъ"? Но это—тотъ щекотливый пунктъ, до котораго никто не долженъ касаться. И хотя фермеры начинають уже недовѣрять шарлатанскимъ лекарствамъ (nostrums), предлагаемымъ имъ лэндлордами и преданными ихъ интересамъ писаками (plumitifs), тѣмъ не менѣе даже они не осмѣливаются стать въ позу смѣлаго мужества, въ виду того, что и сами они, съ своей стороны, подвергаются нападкамъ деревенскаго „рабочаго класса". И вообще тутъ заваривается славная каша (a nice pickle).

Я надѣюсь, что Европа не будетъ вовлечена въ общую войну; хотя въ концѣ концовъ даже война не смогла бы задержать соціальнаго развитія, разумѣя подъ этимъ словомъ развитіе *экономическое*, а скорѣе усилила бы его интенсивность, но она навѣрно послужила бы поводомъ къ безполезному истощенію силъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Пожалуйста, посылайте ваши письма попрежнему на мой лондонскій адресъ, откуда они всегда будуть доставляемы мнѣ даже въ случаѣ моего временнаго отсутствія изъ Лондона.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

17.

Лондонъ, 19 февраля 1881 г.

Мой дорогой сэръ!

Со всею поспѣшностью тороплюсь отвѣтить хоть нѣсколькими строчками на ваше дружеское письмо.

Со времени возвращенія изъ Рамсгэта здоровье мое, въ общемъ, улучшилось; но здѣшняя отвратительная погода, продолжающаяся цѣлые мѣсяцы, благословила меня насморкомъ и кашлемъ, мѣшающимъ мнѣ спать и пр. Но самое худшее это то, что состояніе здоровья моей жены съ каждымъ днемъ становится все опаснѣе, несмотря на обращеніе къ самымъ знаменитымъ изъ лондонскихъ врачей; а кромѣ того, на меня свалилась куча всякихъ домашнихъ затрудненій и хлопотъ, о которыхъ скучно было бы разсказывать. Съ другой стороны, мнѣ приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолѣвать громадную уйму синихъ книгъ, присылаемыхъ мнѣ изъ разныхъ странъ, въ особенности же изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, такъ что все мое рабочее время оказывается едва до-

статочнымъ для выполненія этой задачи, въ особенности вслѣдствіе того, что всякая ночная работа въ послѣдніе годы безусловно запрещена мнѣ моими врачами. Отсюда встаетъ передо мною неизбѣжная перспектива страшной задолженности по части частной корреспонденціи. А тутъ еще, какъ разъ въ эту минуту, въ семьѣ моей царитъ ужасная суматоха по случаю отъѣзда моей старшей дочери, г-жи Лонге, съ ея дѣтьми изъ Лондона въ Парижъ, гдѣ ея мужъ (занимавшій во время своего эмигрантства мѣсто профессора въ Лондонской Королевской Коллегіи, а теперь подошедшій подъ амнистію) сталъ однимъ изъ издателей „Справедливости" (La Justice). (Къ слову сказать, марсельская полусоціалистическая рѣчь Клемансо была внушена именно имъ). Вы понимаете, какой мучительной, при нынѣшнемъ состояніи здоровья моей жены, является для насъ эта разлука, такъ какъ наши внуки, три маленькихъ мальчика, служили для меня и для нея неистощимымъ источникомъ житейскихъ радостей.

Теперь, прежде всего, поговоримъ о прилагаемой рукописи. Авторъ ея, Лафаргъ, мужъ моей второй дочери и одинъ изъ моихъ прямыхъ учениковъ. Онъ просилъ меня справиться у васъ, не можетъ ли онъ черезъ ваше посредство сдѣлаться сотрудникомъ какого-либо петербургскаго журнала, напр., „Отечественныхъ Записокъ" или „Слова". (Мнѣ кажется, что это единственные журналы, гдѣ онъ бы могъ имѣть удачу). Если это окажется исполнимымъ, то онъ уполномочиваетъ васъ выкинуть или измѣнить все то, что окажется неподходящимъ для петербургскаго меридіана. Что касается до его „имени", то можно будетъ ограничиться одними иниціалами. Во всякомъ случаѣ вамъ вѣрно будетъ интересно прочесть его статью.

Я съ величайшимъ интересомъ прочелъ вашу статью и нахожу ее „оригинальной" въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Этимъ и объясняется ея бойкотированье. Какъ только вы прорветесь черезъ сѣти рутинной мысли, вы можете быть увѣрены встрѣтиться на первыхъ порахъ съ бойкотированіемъ, такъ какъ это единственное оборонительное оружіе, находящееся подъ рукою у *рутинеровъ* въ моментъ ихъ перваго замѣшательства, и они отлично умѣютъ владѣть имъ. Я былъ бойкотированъ въ Германіи въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ, а въ Англіи меня продолжаютъ бойкотировать и теперь съ тѣмъ маленькимъ отличіемъ, что здѣсь отъ времени до времени выпускается противъ меня что-нибудь до такой степени нелѣпое, прямо-таки ослиное, что мнѣ было бы стыдно публично отозваться на подобный вздоръ. Но продолжайте итти своимъ путемъ! Ближайшая вещь, которой вамъ слѣдовало бы заняться, по моему мнѣнію, это—изумительное возрастаніе *задолженности крупнаго землевладѣнія*; при чемъ вы могли бы показать вашимъ лэндлордамъ, этому высшему классу представителей агри-

культуры, какъ онв „кристаллизуются“ въ общественной ретортѣ подъ могучимъ вліяніемъ „новыхъ столповъ общества“.

Мнѣ очень хотѣлось бы прочесть вашу полемику со „Словомъ“. Какъ только мой житейскій корабль вступитъ въ болѣе спокойныя воды, я выскажусь болѣе подробно насчетъ вашихъ „*Очерковъ*“. Пока же не могу удержаться только отъ одного замѣчанія по ихъ поводу. Почва, будучи непрерывно истощаема и не получая, путемъ растительнаго, животнаго или искусственнаго удобренія, необходимыхъ для ея возстановленія элементовъ, но предоставленная лишь измѣнчивымъ вліяніямъ болѣе или менѣе благопріятной погоды и другихъ независящихъ отъ человѣка обстоятельствъ, будетъ все же продолжать приносить жатвы очень различнаго изобилія; хотя при обзорѣ цѣлаго періода лѣтъ, напр., съ 1870 по 1880 г., застойный характеръ земледѣльческаго производства выступаетъ передъ нами съ поразительной ясностью. При такихъ обстоятельствахъ, благопріятныя климатическія условія только пролагаютъ путь *голодному году*, вслѣдствіе быстраго потребленія и освобожденія еще скрывавшихся въ почвѣ минеральныхъ оплодотворителей: и наоборотъ, *голодный годъ*, а еще болѣе рядъ неурожайныхъ годовъ, позволяетъ свойственнымъ данной почвѣ минераламъ накопиться сызнова и обнаружить свое благодѣтельное присутствіе при новомъ возвращеніи благопріятныхъ климатическихъ условій. Этотъ процессъ совершается, конечно, повсюду; однако, *въ другихъ мѣстахъ* онъ сдерживается видоизмѣняющимъ вмѣшательствомъ самого земледѣльца, но онъ становится *единственнымъ регулирующимъ факторомъ* всюду, гдѣ человѣкъ пересталъ быть дополнительною „силою“ просто по недостатку средствъ.

Такъ, вы имѣли прекрасную жатву въ 1870 г., но этотъ годъ былъ, такъ сказать, *климактерическимъ* (а climax-year), за которымъ, какъ за таковымъ, немедленно послѣдовалъ очень плохой годъ—1871. Этотъ 1871 г., съ его очень плохою жатвою, можетъ разсматриваться, какъ отправный пунктъ для новаго маленькаго цикла, приводящаго насъ къ новому климактерическому году, 1874-му, за которымъ непосредственно идетъ опять голодный 1875 годъ. Затѣмъ снова начинается движеніе вверхъ, завершающееся еще худшимъ голоднымъ годомъ—1880-мъ. Сводка результатовъ отдѣльныхъ годовъ за весь этотъ періодъ показываетъ намъ, что среднее годовое производство за этотъ періодъ оставалось на одной и той же высотѣ, и что отличія въ характерѣ отдѣльныхъ годовъ и маленькихъ годовыхъ цикловъ были результатомъ исключительно однихъ только естественныхъ факторовъ.

Я писалъ вамъ нѣсколько времени тому назадъ, что крупный промышленный и торговый кризисъ, черезъ который прошла недавно Англія,

протекъ на этотъ разъ безъ обычнаго кульминаціоннаго финансоваго краха въ Лондонѣ, и что этотъ *исключительный* феноменъ объясняется только своевременнымъ наплывомъ французскихъ денегъ. Въ настоящую минуту даже англійскіе рутинеры узрѣли, наконецъ, и открыто признали этотъ фактъ. Такъ, The Statist (29 янв. 1881 г.) говоритъ: „Спокойствіе и изобиліе нашего денежнаго рынка въ теченіе прошлаго года было результатомъ *чистой случайности*, а именно того, что Французскій Банкъ въ самомъ началѣ осени рѣшился допустить сокращеніе своего запаса золота съ 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 22 милліоновъ... *Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что прошлой осенью мы едва-едва ускользнули отъ великой опасности*".

Англійскія желѣзныя дороги продолжаютъ катиться по той же наклонной плоскости, какъ и вся европейская *система государственныхъ долговъ*. Финансовые магнаты, правящіе ихъ дѣлами, въ качествѣ директоровъ разныхъ желѣзнодорожныхъ сѣтей, не только заключаютъ непрерывно все новые и новые займы *для расширенія своихъ сѣтей*, т. е. своихъ „территорій", гдѣ они царствуютъ какъ самодержавные монархи, но и расширяютъ свои сѣти, *чтобы имѣть новые предлоги для заключенія новыхъ займовъ*, дающихъ имъ возможность уплачивать проценты держателямъ облигацій, привилегированныхъ акцій и т. п., а также выбрасывать отъ времени до времени подачку постоянно обольщаемымъ несбыточными иллюзіями рядовымъ акціонерамъ, въ формѣ нѣсколько повышенныхъ дивидендовъ. Понятно, что этотъ милый методъ рано или поздно долженъ завершиться безобразной катастрофой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзнодорожные короли становятся теперь мишенью нападокъ, не только, какъ это было раньше, со стороны фермеровъ и другихъ промышленныхъ „предпринимателей" Запада, но также и со стороны крупныхъ представителей торговли, напр., *Нью-іоркской Торговой Палаты*. Одинъ изъ такихъ желѣзнодорожныхъ королей и финансовыхъ плутовъ, чудовищный спрутъ финансоваго міра — Гульдъ съ своей стороны сказалъ нью-іоркскимъ торговымъ магнатамъ: „вы нападаете сейчасъ на желѣзныя дороги потому, что считаете ихъ наиболѣе уязвимыми, благодаря ихъ нынѣшней непопулярности; но берегитесь, вслѣдъ за желѣзными дорогами наступитъ очередь для *всякаго рода корпорацій* (на языкѣ янки это слово обозначаетъ *акціонерныя компаніи*), затѣмъ, немного позднѣе, — для *всѣхъ формъ ассоціированнаго капитала* и въ заключеніе—для *всѣхъ формъ капитала вообще*; вы прокладываете, такимъ образомъ, дорогу для *коммунизма*, стремленія къ которому уже и сейчасъ все болѣе и болѣе распространяются въ народѣ". У мистера Гульда „хорошій нюхъ".

Въ *Индіи* для британскаго правительства готовятся серьезныя затрудненія, если не всеобщее возстаніе. То, что англичане отбираютъ ежегодно у индусовъ—въ формѣ ренты, желѣзнодорожныхъ дивидендовъ отъ безполезныхъ для самихъ индусовъ дорогъ, пенсій военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, издержекъ на афганскія и иныя войны и пр., и пр.—то, что они берутъ у нихъ *безъ всякаго эквивалента* и *совершенно независимо* отъ того, что присваивается ими *въ самой Индіи*,—т. е. *цѣнность* того, что индусы должны ежегодно *отсылать* въ Англію совершенно *задаромъ,—превышаетъ всю общую сумму дохода 60 милліоновъ земледѣльческихъ и промышленныхъ работниковъ Индіи!* Это—кровавое, вопіющее дѣло! Голодные годы слѣдуютъ тамъ одинъ за другимъ и достигаютъ неслыханныхъ донынѣ въ Европѣ *размѣровъ*. Въ населеніи складывается настоящій заговоръ противъ англичанъ, въ которомъ участвуютъ совмѣстно и индусы, и мусульмане. Британское правительство знаетъ, что въ массѣ идетъ какое-то „броженіе"; но эти неглубокіе люди (я разумѣю правительственныхъ чиновниковъ), оглупляемые ихъ собственной парламентской манерой говорить и думать, даже не желаютъ видѣть ясно передъ собою, не хотятъ реализировать весь размѣръ угрожающей имъ опасности! Обманывать другихъ, чтобы ввести подъ конецъ въ обманъ этимъ путемъ и самого себя,—вотъ вся *парламентская мудрость* въ двухъ словахъ. Тѣмъ лучше!

Не можете ли вы сказать мнѣ, переведено ли на русскій языкъ сочиненіе профессора Ланкестера *о вырожденіи*, которое вы цитируете въ своей статьѣ? Онъ—одинъ изъ моихъ друзей.

Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ было нѣсколько русскихъ посѣтителей, между прочимъ, профессоръ Зиберъ (поселившійся въ послѣднее время въ Цюрихѣ) и г. Каблуковъ (изъ Москвы). Они цѣлыми днями работали въ Британскомъ Музеѣ.

Все еще никакихъ извѣстій о нашемъ „общемъ другѣ"?

Кстати: послѣдній статистическій трудъ Янсона, сопоставляющій Россію съ Европою, произвелъ большую сенсацію. Я былъ бы радъ взглянуть на него.

Съ наилучшими пожеланіями,
истинно вашъ
Карлъ Марксъ.

Если статья Лафарга не нашла себѣ „пристанища" въ Петербургѣ, то, будьте добры, верните мнѣ ее обратно [1]).

---

[1]) Статья Поля Лафарга о хлѣбной торговлѣ и промышленности въ С.-А. С. Штатахъ была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ".

18.

Лондонъ, 18 декабря 1881.

Мой дорогой другъ!

Второго числа этого мѣсяца, послѣ долгой и мучительной болѣзни, я потерялъ мою жену. Въ продолженіе осеннихъ мѣсяцевъ я находился при ней, въ качествѣ сидѣлки, сначала въ одномъ изъ англійскихъ приморскихъ мѣстечекъ (Истборнъ), а затѣмъ въ Аржантейлѣ, гдѣ я и она пользовались великимъ удовольствіемъ,—жить съ нашей дочерью (г-жею Лонге) и 4 ея маленькими мальчиками (самому старшему сейчасъ около 5 лѣтъ), чрезвычайно привязанными къ своимъ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Съ моей стороны было, конечно, очень рискованной вещью предпринять эту поѣздку въ Парижъ при ослабленномъ состояніи здоровья моей дорогой жены. Но, положившись на мнѣніе моего превосходнаго друга, доктора Донкина, я принялъ это смѣлое рѣшеніе, чтобы доставить ей это послѣднее удовольствіе!

Къ несчастью, мое собственное издавно расшатанное здоровье было болѣе или менѣе плохо все это время; а вскорѣ послѣ нашего возвращенія въ Лондонъ, я совсѣмъ слегъ въ постель отъ бронхита, усложненнаго плевритомъ, такъ что въ теченіе трехъ недѣль изъ числа послѣднихъ шести недѣль жизни моей жены я не могъ видѣть ее, хотя мы лежали въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ.

Вплоть до настоящей минуты я все еще не могу покидать дома; за то одно время я былъ очень близокъ къ тому, чтобы совсѣмъ покинуть „этотъ грустный міръ". Доктора находятъ нужнымъ услать меня на югъ Франціи или даже въ Алжиръ.

Многочисленныя сочувственныя письма, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, были до сихъ поръ для меня большимъ источникомъ утѣшенія, такъ какъ во всѣхъ этихъ письмахъ (за исключеніемъ одного единственнаго *русскаго* письма) звенѣла струна непритворной симпатіи и настоящаго пониманія и признанія рѣдкихъ качествъ моей дорогой жены.

Мой нѣмецкій издатель сообщаетъ мнѣ, что требуется третье изданіе „Капитала". Это извѣстіе является въ очень неподходящую для меня минуту. Во-первыхъ, я долженъ прежде всего возстановить свое здоровье; а во-вторыхъ, я желаю окончить какъ можно скорѣе 2-й томъ (даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось издать его за границей). У меня есть теперь добавочный поводъ довести его до конца, а именно—чтобы помѣстить на первой его страницѣ посвященіе моей женѣ.

Впрочемъ, какъ бы ни сложились обстоятельства, во всякомъ слу-

чаѣ я условлюсь съ моимъ издателемъ такимъ образомъ, чтобы ограничиться какъ можно меньшимъ числомъ измѣненій и прибавленій къ третьему изданію; но, съ другой стороны, я потребую чтобы онъ отпечаталъ на этотъ разъ только 1000 экземпляровъ вмѣсто обычныхъ у него 3000. Когда эти 1000 экземпляровъ распродадутся, я могу внести въ книгу тѣ перемѣны, которыя я внесъ бы теперь, если бы мои личныя обстоятельства были иными.

Вѣрьте всегда моей истинной дружбѣ

А. Вильямсъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Г. г. „Семейству М. М. Достоевскаго“, издающему журналъ „Эпоха“ [1]).

М. м. Г. г.

Вы продолжаете заниматься мною (зри „замѣтки лѣтописца“, октябрь), несмотря на всѣ „послѣднія сказанія“, несмотря даже на то, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ ни однимъ словомъ на ваши дѣтскія упражненія, направленныя противъ моей личности. Такая настойчивость вынуждаетъ меня на отвѣтъ.

Я всего два раза въ теченіе моей недолговременной журнальной дѣятельности имѣлъ удовольствіе бесѣдовать объ васъ, и, могу сказать смѣло, обѣ статьи мои имѣли „нѣкоторый успѣхъ“. Я не нападалъ въ нихъ ни на ваши „идеи“, ни на ваше „направленіе“ (ни тѣхъ, ни другого я и до сего дня усмотрѣть не могу), но это-то, повидимому, и было причиной успѣха моихъ

---

[1]) Печатающаяся съ имѣющагося у насъ подлинника, настоящая статья М. Е. Салтыковъ Щедрина любезно передана намъ однимъ изъ сотрудниковъ „Современника“ (приносимъ ему нашу искреннюю благодарность), разсказавшимъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ причины, по которымъ опа до сихъ поръ не была напечатана. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: въ 1864 году Щедринъ принесъ эту статью Некрасову для помѣщенія въ „Современникѣ“. Прочтя статью, Некрасовъ нашелъ ее, вслѣдствіе ея рѣзкаго по отношенію къ Достоевскимъ тона, неудобною для печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказомъ помѣстить ее въ своемъ журналѣ не хотѣлъ и обидѣть Щедрина. Откладывая подъ разными предлогами помѣщеніе статьи, Некрасовъ въ концѣ концовъ заявилъ со всякими извиненіями Щедрину, что статью опъ *потерялъ*, что онъ, конечно, въ этомъ виноватъ, но что повинную голову мечъ не сѣчетъ и т. д. Щедринъ вспылилъ, кричалъ, что возстановить статьи онъ не можетъ, такъ какъ у него не осталось копіи (а это только Некрасову и надо было) и что, какъ угодно, а статья должна быть найдена. Некрасовъ, однако, стоялъ на своемъ. Съ теченіемъ времени инцидентъ этотъ Щедринымъ былъ, конечно, забытъ, и статья его, переданная Некрасовымъ на сохраненіе одному изъ сотрудниковъ „Современника“, такъ и пролежала у него до нашихъ дней. Мы печатаемъ эту статью съ разрѣшенія лицъ, имѣющихъ право на литературное наслѣдство Щедрина. *Ред.*

статей. Я отнесся къ вамъ въ художественной формѣ, я заставилъ васъ говорить самихъ за себя — и публика поняла въ совершенствѣ, что въ извѣстныхъ случаяхъ эта манера есть единственно возможная. И замѣтьте, я ни однимъ словомъ не оскорбилъ ни всѣхъ васъ въ совокупности, ни кого-либо изъ васъ въ частности; я даже не посягалъ на изображеніе какихъ бы то ни было „литературныхъ отношеній", какъ выражается вашъ семейный лѣтописецъ, я просто имѣлъ въ виду наглядно и безразлично изобразить вашу журнальную сущность, ваше журнальное міросозерцаніе — и, разумѣется, успѣлъ въ этомъ какъ нельзя лучше. Однако, вы оскорбились. Сначала, вы обозвали меня злымъ человѣкомъ, тогда какъ вся моя злость въ томъ только и заключается, что я охотно смѣюсь, когда вижу что нибудь очень смѣшное. Потомъ, ссылаясь на г. Фета, вы объяснили читателямъ, что „страусъ" — птица совсѣмъ не постыдная, а кроткая, занимающаяся ловленіемъ мухъ и даже предвѣщающая хорошую погоду (ну, не прелестны-ли всѣ эти ваши разъясненія?)—но вѣдь я и не желалъ слову „страусъ" придать какой-нибудь непохвальный смыслъ; я просто хотѣлъ сказать, что страусы не орлы—и ничего болѣе. Наконецъ, вы выпустили на мой личный счетъ цѣлую эпопею, подъ названіемъ „щедродаровъ, или расколъ въ нигилистахъ"... Говорю, положа руку на сердце, упражненіе это нимало не оскорбило меня. Прочитавши его, я ощутилъ только чувство глубочайшаго *омерзенія* къ перу, излившему за разъ такую массу непристойной лжи, и въ то же время мнѣ показалось, что я наступилъ на что-то очень ехидное и гадкое [1]). Столько лжи, клеветъ и самыхъ недостойныхъ сплетенъ, пущенныхъ въ упоръ, въ видѣ отвѣта на оцѣнку, быть можетъ, и рѣзкую, но все-таки чисто литературнаго свойства,— воля ваша, а это ужъ слишкомъ игриво! Это должно быть признано черезчуръ игривымъ, даже въ томъ случаѣ, если постоянно держать въ памяти стихот. г. Фета:

---

[1]) Прошу многоуважаемаго Ѳ. М. Достоевскаго (такъ какъ онъ впослѣдствіи сознался, что статья эта написана имъ) извинить рѣзкость моихъ выраженій; я полагаю, онъ самъ пойметъ, что статья его не заслуживаетъ и не можетъ заслуживать иного отзыва.

Стрижи мелькают и звенят...

Нынѣ вы, или, лучше сказать, вашъ семейный лѣтописецъ, вновь обращаетъ на меня вниманіе почтеннѣйшей публики Онъ подвергаетъ разбору всю мою журнальную дѣятельность въ „Современникѣ“ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) къ изумленію передъ моею плодовитостью; 2) къ убѣжденію, что моя журнальная дѣятельность свидѣтельствуетъ лишь о „необыкновенной легкости въ мысляхъ“, и 3) къ недоумѣнію насчетъ моихъ отношеній къ роману „Что дѣлать?“ Постараюсь удовлетворить, на сколько могу, и изумленіямъ, и глумленіямъ, и недоумѣніямъ г. Лѣтописца.

Начну съ плодовитости. Да, я писалъ въ 1863 году очень много. Расчетливо ли я поступалъ, работая такимъ образомъ,—это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что и публика, и вы, дѣйствительно, видѣли, что я работаю много. Но почему же и вы и публика это видѣли? Почему, напримѣръ, въ то время, какъ подъ бременемъ трудовъ рукъ гг. Страхова, Косицы, Дм. Аверкіева и друг. полки въ книжныхъ магазинахъ ломятся, публика положительно убѣждена, что они совсѣмъ-таки ничего не пишутъ. Напрасно оказываютъ они безпримѣрное трудолюбіе, напрасно сочиняютъ втроемъ цѣлыя книги „Эпохи“, напрасно подъ одними статьями подписываютъ свои собственныя имена, подъ другими псевдонимы (я, напримѣръ, убѣжденъ, что „К. Бибиковъ“ есть псевдонимъ г. Косица),—не только публика, но даже литература не хотятъ знать, что пишетъ г. Страховъ и что Дм. Аверкіевъ, а просто говоритъ: все это писали „стрижи“. Откуда это явленіе? Смѣю думать, м. м. г. г., что оно оттого происходитъ, что публика имѣетъ способность различать авторскую дѣятельность, имѣющую хоть какое-нибудь значеніе для нея, отъ таковой же, представляющей собой дѣтскую стряпню изъ песку, мѣлу и слюней. И, пожалуйста, не подумайте, чтобы слова мои заключали въ себѣ самовосхваленіе, но примите ихъ единственно, какъ доказательство того, что ежели „писатель, и дѣйствительно, одержимъ страстью „прудить“ (выраженіе это принадлежитъ не мнѣ, а

„Эпохѣ“), то этотъ недостатокъ ему легко прощается, лишь бы онъ „прудилъ“ не въ собственное свое ложе.

Затѣмъ, на очереди вопросъ о „легкости въ мысляхъ“. Замѣчу мимоходомъ, что вы, м. м. г. г., и острить какъ-то не умѣете своими словами, а все съ помощью Гоголя, либо Островскаго, а не то такъ и у меня позаимствуетесь.

Слова нѣтъ, что иногда подобныя заимствованія не лишни, однако, неумѣренное употребленіе такого пріема нерѣдко свидѣтельствуетъ и о скудости собственныхъ средствъ заимствователей... Итакъ, вы находите во мнѣ сходство съ тѣмъ гоголевскимъ персонажемъ, который говоритъ о себѣ: „у меня легкость въ мысляхъ необыкновенная“. Прекрасно. Я, разумѣется, всего менѣе оспариваю у вашего журнала право относиться къ моей дѣятельности по ближайшему его усмотрѣнію, но мнѣ кажется страннымъ одно обстоятельство: какъ это вы, г. лѣтописецъ, сдѣлавши такой нелестный обо мнѣ отзывъ, забыли, что за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ сами же упоминаете о „неистовомъ терзаніи“ мною нѣкоторыхъ идей и сюжетовъ, а въ одномъ изъ моихъ сочиненій усматриваете даже (шутка сказать!) *варіацію на теорію страстей, положенную въ основаніе универсальной ассоціаціи?* И еще, какъ забыли вы, что за мѣсяцъ или за два передъ тѣмъ, вы сами, и въ томъ же журналѣ, выражались такъ: „не личности насъ трогаютъ, а *идеи,* проводимыя г. г. Щедринымъ, Антоновичемъ и Пыпинымъ“? Какой смыслъ послѣ этого можетъ имѣть вопросъ вашъ: „что сказалъ или хотѣлъ сказать г. Щедринъ въ продолженіе года?“ И не имѣю ли я права отвѣчать вамъ на это такимъ образомъ: я сказалъ и хотѣлъ сказать то самое, что сказалъ и хотѣлъ сказать весь „Современникъ“, я проводилъ тѣ самыя идеи, которыя вы, купно съ прочими стрижами собирались преслѣдовать? Полагаю, что имѣю такое право, а еще полагаю одно изъ двухъ: либо вы, собираясь въ походъ противъ „идей, мною проводимыхъ“, не понимали, о чемъ говорили, либо, дѣлая послѣ этихъ сборовъ отзывъ о моемъ „легкомысліи“ и отрицая съ моей стороны всякую заслугу передъ

дѣломъ мысли, сами поступали весьма легкомысленно. И не возражайте на это, что подъ легкостью мыслей вы разумѣли именно ихъ несостоятельность; нѣтъ, это вопросъ совершенно особый— *несостоятельность моихъ идей*, ихъ антипатичность вы будете преслѣдовать, со всѣми стрижами, *потомъ;* теперь же преслѣдуете собственно мое *легкомысліе*. . и, воля ваша, выставляете на показъ только легкомысліе ваше собственное. Положимъ, что „идея" о *теоріи страсти* и т. д.—идея несостоятельная, но *легкою* ее все-таки назвать нельзя; положимъ также, что я „терзалъ не-нравящіеся мнѣ сюжеты" безъ строгой связи, что я болѣе, нежели желательно, прибѣгалъ къ намекамъ, такъ вѣдь, во-первыхъ, на это есть обстоятельства, вполнѣ меня оправдывающія и вамъ совершенно извѣстныя, а во-вторыхъ, несмотря даже на темноту изложенія, читатели все-таки очень хорошо понимали, о чемъ и какъ я говорилъ. Очень можетъ быть, конечно, что я, и дѣйствительно, успѣлъ сказать немногое, но это немногое все-таки больше, нежели „мелькать", „звенѣть" и „предвѣщать ясную погоду". Затѣмъ, г. Лѣтописецъ въ подтвержденіе моего легкомыслія, задаетъ себѣ еще вопросъ: почему мнѣ, Щедрину, никто не отвѣчалъ, несмотря на постоянное „терзаніе" ненравящихся мнѣ нѣкоторыхъ идей и сюжетовъ? На это могу отвѣчать одно: журнальная дѣятельность обнимала 1863 и начало 1864 года, а въ это время россійскіе журналы и газеты совсѣмъ не объ „идеяхъ" и „сюжетахъ" заботились, а о томъ, въ комъ изъ нихъ больше пріятности; ежели же и встрѣчались въ нихъ различные „сюжеты", то именно такіе, которыхъ въ „Современникѣ" совсѣмъ не было... Наконецъ, хотя я и очень желаю разъяснить лѣтописцу мои отношенія къ роману „Что дѣлать?", но успѣю ли въ этомъ, ручаться не могу.

Прежде всего, изъ чего онъ вывелъ заключеніе о враждебности моихъ отношеній къ роману? Если изъ моего отзыва о *вислоухихъ и юродствующихъ*, такъ вѣдь тамъ говорится отнюдь не о самомъ романѣ, а объ извѣстномъ на него взглядѣ и тѣхъ поученіяхъ, которыя, подъ вліяніемъ этого взгляда, изъ него из-

влекаются. Что же касается до моего собственнаго мнѣнія, то разъяснить его я могу только ссылкою на мое сочиненіе „Какъ кому угодно“. Лѣтописецъ, упоминая объ этомъ сочиненіи, усматриваетъ въ немъ извѣстное намѣреніе (*варіаціи на теорію страстей и т. д.*). Не желаю спорить съ проницательнымъ критикомъ, но утверждаю, что ежели и было подобное намѣреніе, то оно стояло на весьма отдаленномъ планѣ. Ближайшая и для всѣхъ понятная мысль заключалась въ слѣдующемъ: въ обществѣ господствуютъ нѣкоторыя идеи, на которыя всѣ ссылаются, но которыхъ сила, даже на практикѣ, весьма сомнительна; спрашивается и т. д. Мысль, какъ видится, очень скромная, гораздо скромнѣе того *намѣренія*, которое приписываетъ мнѣ г. Лѣтописецъ, но не скрываюсь, имѣющая съ этимъ *намѣреніемъ* ближайшее родство. Но потому-то именно, что мысль эта скромна и даже ограничена, проведеніе ея казалось мнѣ дѣломъ прямѣе ведущимъ къ цѣли. Очень возможно, что я и не правъ, но таково мое убѣжденіе, что, дѣйствуя въ извѣстномъ смыслѣ, слѣдуетъ начинать не съ намѣреній, а съ разбора самыхъ простыхъ и ходячихъ общественныхъ истинъ. Авторъ „Что дѣлать?“ полагалъ иначе, но изъ чего же слѣдуетъ, что мои отношенія къ этому роману враждебны? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, заключить, что тутъ идетъ рѣчь единственно о практическихъ путяхъ? Удовлетворивъ, такимъ образомъ, вашего Лѣтописца, считаю долгомъ обратиться къ вамъ, г. г. Семейство, еще съ однимъ разъясненіемъ. Вы не разъ обличали меня въ томъ, что я принималъ участіе во „Времени“ прежде, нежели былъ закрытъ „Современникъ“.

Да, это правда! Утверждая противное, я ошибся. Но теперь могу даже припомнить всѣ обстоятельства, при которыхъ началось мое участіе во „Времени“. Въ 1861 году я пріѣзжалъ въ Петербургъ и случайно свидѣлся съ Ѳ. М. Достоевскимъ, который, между прочимъ, *весьма убѣдительно* приглашалъ меня къ участію, даже, такъ сказать, упрекалъ въ равнодушіи къ вновь возникшему журналу. Имѣя въ виду, что „Время“ въ ту пору пи-

талось ухвостьями идей „Современника“, подобно тому, какъ „Эпоха“ питается нынѣ ухвостьями ухвостій „Дня“, я согласился на сотрудничество и послалъ „Недавнія комедіи“. Затѣмъ, по закрытіи „Современника“ я послалъ во „Время“ еще нѣсколько очерковъ и получилъ отъ М. М. Достоевскаго письменное приглашеніе сотрудничать далѣе, съ предложеніемъ *какихъ угодно условій...* И послѣ этакихъ-то льстивыхъ словъ вдругъ оказаться и легкомысленнымъ и негоднымъ! Впрочемъ, успокойтесь: это не первый примѣръ горькой непослѣдовательности: г. Зайцевъ въ 1863 году обращался ко мнѣ съ статьями, и когда онѣ не были приняты, ужъ костилъ же онъ меня, костилъ въ „Русскомъ Словѣ“! Г. Дм. Аверкіевъ дѣлалъ мнѣ честь поднесеніемъ нѣкоторой гишпанской трагедіи (въ родѣ „Мамаева побоища“), которая тоже не была принята — ну, и онъ попробовалъ на мнѣ свои зубы... О, ужасъ! даже въ объявленіи объ изданіи „Русскаго Слова“ на 1863 годъ не усматриваю ли я своего имени въ числѣ прочихъ, долженствовавшихъ украсить своими трудами этотъ журналъ — а теперь? Вотъ гдѣ легкомысліе-то, дѣйствительное, заправское легкомысліе!

Въ заключеніе, позвольте одинъ совѣтъ: никогда не слѣдуетъ говорить неправду. Вы притворяетесь, что не прочли послѣднихъ статей „Современника“, направленныхъ противъ васъ, и въ то же время называете ихъ „оправдательными“. Но если вы ихъ не читали, откуда же знаете, что онѣ оправдательныя? Или опять какая-нибудь птица-вѣщунья сказала? Такъ не вѣрьте вы этой обманщицѣ и прочтите обѣ статьи съ прилежаніемъ. Увидите, что онѣ имѣютъ характеръ совсѣмъ не оправдательный, а обвинительный и даже поучительный.

Н. Щедринъ.

Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе.

(Воспоминанія и впечатлѣнія).

Посвящаю ихъ дѣтямъ.

Воспоминанія эти вызваны желаніемъ и даже какъ бы предсмертнымъ завѣщаніемъ мнѣ покойной Александры Васильевны Успенской. При жизни она не разъ высказывала это желаніе, но я не рѣшалась его исполнить— по многимъ очень важнымъ причинамъ. Личность Глѣба Ивановича слишкомъ своеобразна, сложна и порою едва уловима. Это былъ, по моему, во всѣхъ смыслахъ человѣкъ исключительный, *необыкновенный,* и мнѣ не пришло бы даже на мысль изобразить его *во всей цѣльности.* Не предполагая, что буду когда-нибудь писать мемуары, я никогда не записывала подробно и точно никакихъ разсказовъ и разговоровъ Глѣба Ивановича. Да и невозможно было въ тѣ годы вести подобныя записи — безъ риска подвергнуть другихъ и себя жестоко-произвольному преслѣдованію. Всѣ мы писали тогда больше въ головѣ, чѣмъ на бумагѣ. Многое поэтому улетучилось... И только *память сердца* сохранила въ неувядаемой свѣжести былое пережитыхъ и передуманныхъ лѣтъ...

I.

Моимъ близкимъ знакомствомъ съ Успенскими я обязана отчасти счастливой случайности.—Читая съ весны 1872 г. корректуру „Гражданина“, мнѣ приходилось по воскресеньямъ работать въ типографіи Траншеля, чтобы не задерживать набора и верстанья газеты, длившихся иногда цѣлую ночь. А съ переѣздомъ семьи редактора, Г. К. Градовскаго, на дачу, я нашла болѣе удобнымъ и въ остальные дни работать въ типографіи, а не въ столовой редактора, куда ежедневно являлся издатель— считать нумера своего изданія... Въ конторѣ у Траншеля я чувствовала

себя гораздо свободнѣе. Самъ Траншель слылъ за человѣка „съ образованіемъ". Онъ изъѣздилъ и исходилъ пѣшкомъ—по его словамъ—„всю Европу", года два или три посѣщалъ университетъ гдѣ-то „на югѣ", умѣлъ красно говорить на нѣсколькихъ языкахъ, велъ переписку съ знаменитыми фирмами за границей,—„зналъ" и Бебеля, и Лассаля, но отрицалъ соціализмъ въ Россіи, гдѣ „только дураки способны мечтать о немъ",—и вообще отличался богатой фантазіей рѣшительно во всѣхъ направленіяхъ. Заказчиковъ у него было много, а корректоромъ былъ тогда нѣкто З—скій, или „Бобоша", какъ всѣ называли его (онъ былъ заика, и когда волновался—всѣ слова начиналъ съ слога *ббо*). Это былъ недоучившійся студентъ Горнаго института, человѣкъ съ большими способностями, но совершенно неприспособленный къ какому бы то ни было „образу жизни". Онъ и работалъ, и кутилъ запоемъ, по цѣлымъ недѣлямъ пропадая въ разныхъ „общественныхъ учрежденіяхъ", и постоянно сражался съ Траншелемъ, доказывая ему, что онъ „человѣкъ свободный, а вовсе не крѣпостной, и „вправѣ" работать „не изъ-подъ палки, а когда „дѣйствительно нужно". Дѣйствительно же нужно было ему работать тогда, когда въ карманѣ не оставалось болѣе ни гроша и ни въ одно „общественное учрежденіе" его не пускали. Тогда онъ и спалъ, и обѣдалъ у Траншеля, и, не выходя изъ конторы, работалъ, не разгибая спины, цѣлыми сутками. И такъ какъ Бобоша все-таки былъ, очевидно, полезенъ своими знаніями и знакомствами въ разныхъ литературныхъ кругахъ еще со времени своего студенчества, Траншель смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ его „слабости", но, заочно жалуясь на „лѣнь и безсовѣстность этого негодяя", безцеремонно высчитывалъ у него изъ заработка всѣ прогульные дни, не брезгая иногда и процентами. А Бобоша отводилъ потомъ душу, давая ему всевозможныя клички: Пиратъ... Корсаръ... Гонзалезъ-Перейра... Шейлокъ изъ Бердичева...— Ббо... что же это вы—ремни изъ меня хотите вырѣзывать? — грозно подступалъ онъ, бывало, къ Траншелю, когда тотъ выдавалъ ему рублей двадцать-пять вмѣсто восьмидесяти. — Вы думаете, я стану даромъ для васъ работать?... Ббо... ббо... вы жестоко тогда ошибаетесь!.. Ббо.. я впередъ вамъ скажу: не на того дуралея напали!.. Ббо... чортъ васъ возьми со всѣми дѣлами... Ищите себѣ другого корректора... Ббо я... ббо я сейчасъ ухожу... Имѣю честь кланяться!—Онъ расшаркивался по военному и, хлопнувъ дверью, скрывался опять на недѣлю. А корректуры цѣлыми ворохами лежали у него на столѣ или просматривались самимъ Траншелемъ вмѣстѣ съ метранпажами.

И вотъ въ одну изъ такихъ недѣль я, ничего не подозрѣвая, заняла его должность корректора „Гражданина". И помню, въ какое смущеніе привелъ онъ меня при первой же встрѣчѣ своимъ рѣзкимъ допросомъ:

— Вы это что же, сударыня,—хлѣбъ у меня отнимать желаете? Въ конкурренцію мнѣ сюда вы пожаловали?—И онъ при этомъ строго окинулъ меня глазами съ головы до ногъ, нимало не стѣсняясь своимъ истрепаннымъ костюмомъ и грязнымъ воротникомъ и манштами.

Видъ у него былъ очень внушительный. Высокій и статный, съ гордо закинутой головой чистокровнаго поляка-„мазура“, съ пышной шапкой волнистыхъ темныхъ волосъ и ярко-голубыми глазами навыкатъ, онъ могъ бы, пожалуй, назваться красивымъ, если-бъ не красное, какъ будто всегда воспаленное лицо и крупныя пухлыя губы циника, придававшія ему что-то чувственно-наглое и отталкивающее.

Я начала, было, объяснять ему въ свое оправданіе, что приглашена редакціей, а не Траншелемъ, и ни отъ Г. К. Градовскаго, ни отъ князя М. ничего не слыхала о немъ, и очень сожалѣю, если дѣйствительно нарушила его интересы. Но онъ остановилъ меня громкимъ хохотомъ.

— Да я за васъ теперь молебенъ отслужить способенъ—за то, что избавили меня отъ этого „Гра-аж-жданина“!.. Бо меня всякій разъ ..., съ позволенья сказать,... тошнило отъ этого глупѣйшаго и пошлѣйшаго журнала... Бо... названіе этому журналу вовсе не „Гражданинъ“, а просто-на-просто ид-діотъ!.. Честное слово даю: вы меня обязали. Траншель самъ меня бы никогда отъ него не избавилъ... Только, признаюсь, удивляюсь и вамъ: какъ это вы можете, не краснѣя, читать всѣ эти мерзости?.. Неужто вы ничего лучшаго никогда не читали?

Такимъ же точно тономъ „радикала“ и „обличителя“ говорилъ онъ при мнѣ А. Н. Майкову:

— Достопочтеннѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, какъ же это не стыдно вамъ: вы, знаменитый русскій поэтъ, проводникъ просвѣщенія, и вдругъ на жалованьи чиновникомъ цензурнаго комитета?! Аполлонъ Майковъ, поэтъ—и вдругъ цензоръ! Я бы, на вашемъ мѣстѣ, считалъ для себя позоромъ.

И знаменитый русскій поэтъ не безъ смущенія оправдывался передъ „Бобошей“:

— Мнѣ кажется, я и теперь служу „проводникомъ просвѣщенія“: благодаря именно тому, что я цензоръ, въ Россію свободно проникаютъ такія книги, которыхъ другіе цензора, можетъ быть, ни за что бы не пропустили...

— Нѣтъ, ужъ какъ тамъ хотите, а поэтъ и цензура—это позоръ!.. Стыдно, стыдно, Аполлонъ Николаевичъ!

„Обличеніе“ издателя „Гражданина“ вышло, пожалуй, еще эффектнѣе.

Князь М. пришелъ въ контору, когда мы спѣшно работали, и поднялъ оглушительный крикъ по поводу только-что выпущеннаго изданія его „Исторіи Севастопольской войны“. Онъ требовалъ къ себѣ Траншеля, но

тотъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, спрятался у себя, а передъ княземъ стоялъ безотвѣтно трепещущій отъ испуга литографщикъ Крейтенбергъ и, тщетно пытаясь успокоить разсерженнаго издателя, робко повторялъ одно только: „Aber, Durchlaut!.. Aber, Durchlaut!..“ Князь кричалъ такъ, что стекла въ окнахъ дрожали, и я невольно заткнула пальцами уши, не шутя боясь за свою барабанную перепонку. Но и сквозь крѣпко втиснутые пальцы я слышала, какъ онъ грубо,—казарменно-грубо,—прокричалъ на весь домъ:

— Скажите вашему Траншелю, что я его притяну къ суду! Я этого такъ не оставлю! Вы все изданіе мнѣ *изгадили*! (Онъ употребилъ другое, еще болѣе вульгарное, непечатное слово).

З—скій вскочилъ и, весь багровый отъ гнѣва, проговорилъ съ трудомъ, заикаясь:

— Прошу васъ здѣсь не кричать и не зазбываться... Ббо... здѣсь рра...ббо...ботаютъ... Здѣсь общественное учрежденіе, а не кабакъ!

— Мо-олчать!—неистово завопилъ князь.—Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ, когда я васъ не замѣчаю!.. Я знаю васъ какъ пьянчужку, котораго лакей мой всегда можетъ вытолкать въ шею!..

З—скій, летавшій все время по комнатѣ съ напряженными жилами на вискахъ и сжатыми кулаками, остановился и крикнулъ въ упоръ князю М., съ великолѣпнымъ жестомъ безстрашнаго рыцаря, и даже ни разу не заикнувшись:

— Вы меня знаете какъ пьянчужку, а васъ вся Россія знаетъ— какъ ид-діота!..

Я сидѣла, не помня, гдѣ я и что со мною, и, затаивъ дыханіе, ожидала чего-то еще болѣе ужаснаго... Но въ конторѣ настала вдругъ мертвая тишина; князь отошелъ съ Крейтенбергомъ въ сторону и говорилъ ему пониженнымъ голосомъ:

— Что вы сказали? Я васъ не понялъ... Что вы сказали?..

Я взяла работу и убѣжала подальше отъ нихъ, въ факторскую. Туда же, вслѣдъ за мной, пришелъ и Бобсша.

— Нну!—говорилъ онъ, весь дрожа, какъ въ горячкѣ:—еще бы минута, и я бы спустилъ его сіятельство прямо въ окно, на Владимирскую... Пусть бы меня послали потомъ *по владимиркѣ*...

И онъ началъ тутъ же разсказывать мнѣ, какъ зимой вызывали одного „нагрубившаго“ князю студента къ шефу жандармовъ, въ III-е отдѣленіе, продержали дня три, и „самъ шефъ жандармовъ“ грозилъ выслать по этапу студента „за непочтительность къ вельможѣ“... Но не успѣлъ онъ всего досказать, какъ вошелъ князь съ корректурой своей

статьи. Стульевъ свободныхъ въ факторской не было ни одного. Князь подошелъ къ Бобошѣ и самымъ вѣжливымъ образомъ произнесъ:

— Прошу васъ, милостивый государь, уступить мнѣ вашъ стулъ: минутъ на десять!

Бобоша всталъ и отвѣтилъ въ такомъ же тонѣ, указывая на стулъ.

— Прошу садиться, милостивый государь!

Тѣмъ все и кончилось. Ни къ Шувалову, ни даже къ Трепову Бобошу не вызывали, но мнѣ за то онъ съ тѣхъ поръ не давалъ проходу.

— Рѣшательно не понимаю,—говорилъ онъ,—какъ это честная и неглупая женщина можетъ имѣть дѣло съ такимъ шутомъ гороховымъ, какъ этотъ вашъ, съ позволенья сказать, князь М...

Онъ подносилъ мнѣ печатавшіеся у Траншеля листки „Маляра", гдѣ постоянно помѣщались карикатуры на „Гражданинъ" и его издателя, изображаемаго большею частью въ образѣ Арлекина, и говорилъ съ ядовитой ироніей

— Вотъ, полюбуйтесь на вашего арлекина!.. Вотъ какъ надъ нимъ потѣшаются! А вы отъ него получаете деньги, вы зависите отъ этого арлекина!

И какъ я ни старалась доказать ему и себѣ, что деньги я получаю не за сочувствіе мое взглядамъ кн. М. и его сотрудниковъ, а за очень утомительный трудъ разбиранія его рукописей и выправленіе ошибокъ,— внутренно я тяготилась моимъ положеніемъ съ самаго перваго дня и всей душой стремилась къ освобожденію... А З—скій не унимался вплоть до тѣхъ поръ, пока не увидалъ меня однажды въ типографіи съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ", взятой по дорогѣ у Черкесова.

— Ба! Что я вижу! Да вы и хорошія книжки тоже читаете!.. Вы, можетъ быть, и пріятеля моего, Николая Михайловскаго, тоже читаете? Вѣдь это будущее наше свѣтило. Умница и большой талантъ! Это второй у насъ Писаревъ. Честное слово даю!

И тутъ—совершенно неожиданно для меня—оказалось, что З—скій близко знаетъ не только Михайловскаго, съ которымъ ихъ „вмѣстѣ изъ Горнаго за одну и ту же исторію выгнали" [1]), но и жену Михайловскаго, бывшую невѣсту свою, онъ „уступилъ, какъ другъ,—болѣе его достойному другу"... Зналъ З—скій чуть ли не всю подноготную всѣхъ современныхъ ему литераторовъ,—и братьевъ Курочкиныхъ, и Демерта, и Минаева, и Слѣпцова, и Марко-Вовчокъ—„плантаторша—тоже въ своемъ родѣ Траншель въ юбкѣ..." Я слушала его невѣроятно-„обличительные" разсказы,— „Некрасовъ—первостатейный кулакъ, картежникъ и весь сгнилъ отъ раз-

---

[1]) Не помню, въ чемъ заключалась эта „исторія"...

врата съ француженками"... „Щедринъ—кулакъ, генералъ и сквалыга", и т. д., и т. д...., слушала и не знала, что думать.

„Мнѣ было двадцать лѣтъ едва".

Я только-что пріѣхала въ Петербургъ, только-что начинала самостоятельно мыслить и жить,—литература съ дѣтскихъ лѣтъ была для меня святыней...

— И Глѣба Успенскаго тоже знаете?—не безъ страха спросила я подъ конецъ. Этотъ писатель—изъ современныхъ—былъ мнѣ всѣхъ симпатичнѣе, какъ художникъ внутренней жизни, и жизни именно *нашей*, искателей хлѣба насущнаго, свѣта и правды,—и задавая вопросъ, я уже безотчетно боялась услышать что-нибудь нехорошее.

— Глѣба Иваныча? Глѣбушку?—нараспѣвъ протянулъ Бобоша:—еще бы не знать!

И тонъ, и выраженіе лица у него замѣтно смягчились, и глаза смотрѣли не такъ уже нагло, когда онъ съ чувствомъ прибавилъ:

— Ахъ, славный онъ! Золотая душа! И младенчески чистая, долженъ прибавить. Ббо... я... чистоту души увва-ж-жаю!

— Глѣбушка теперь за границей,—продолжалъ разсказывать мнѣ Бобоша.—Онъ въ Парижѣ. Но какъ только пріѣдетъ—обязательно васъ съ нимъ познакомлю. И жена у него—великолѣпная женщина. Всѣмъ женамъ въ примѣръ ее можно поставить. Идеалъ и самоотверженіе. Представьте одно: чтобы дать возможность Глѣбу Ивановичу побывать за границей, она взяла мѣсто сельской учительницы,—и вотъ теперь сидитъ гдѣ-то въ глуши въ Орловской губерніи... А потомъ и еще: умна необыкновенно! Недавно она такое письмо прислала въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ", такое письмо, что я—какъ только ее увижу—въ ножки ей поклонюсь за него. Умная! И ка-акъ она ихъ тамъ всѣхъ пробираетъ—всѣхъ „генераловъ"-то отъ „Записокъ Отечества"... По пятидесяти рублей въ мѣсяцъ положили Глѣбу Ивановичу,—точно онъ тоже у нихъ, что я здѣсь у Траншеля,—да еще *одинъ рубль* каждый разъ у него высчитывали—за пересылку по почтѣ... Какъ вамъ это понравится? Да я бы, послѣ такого письма, какое она имъ прислала,—пулю бы въ лобъ пустилъ—себѣ или ей,—честное слово даю!—ну, а эти ихъ превосходительства поторговались промежъ себя, посчитали на счетахъ, накинули двадцать-пять рублей серебромъ, заперли лавку и разошлись по домамъ, играть въ карты. Репутація, дескать, обезпечена. Фирма не пострадаетъ. Ну, и талантъ... поддержали!.. Вообще, я вамъ вотъ что скажу,—просвѣщалъ онъ меня при этомъ:—вы, пожалуйста, эту вашу провинцію поскорѣй позабудьте, и такъ и знайте, что всѣ эти литературные „генералы"—въ сущности тѣ же-

Траншели; торгуютъ чужимъ трудомъ... Пираты-рабовладѣльцы, Гонзалезъ Перейры и больше ничего. Такъ и знайте!

Какъ-то утромъ, вскорѣ послѣ этого разговора, въ контору къ Траншелю вошелъ быстрой и легкой походкой невысокій, худощавый блондинъ въ черепаховомъ пенснэ, съ бѣлокурой бородой и усами, одѣтый по лѣтнему—въ парусиновой блузѣ подъ свѣтло-сѣрымъ пальто и въ свѣтлой соломенной шляпѣ. Подъ мышкой у него былъ портфель и книжка „Отечественныхъ Записокъ".

Не знаю почему, я сейчасъ догадалась, что это—Михайловскій.

— Здравствуйте, Бобоша!—сказалъ онъ, подходя къ столу, за которымъ работалъ З—скій.

Бобоша вскочилъ и, съ шумомъ отодвинувъ стулъ, торжественно возгласилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ! Ре-кко-мендую! Намѣстникъ св. Петра... то-бишь, Чернышевскаго, Добролюбова et tutti quanti! Клянусь честью, онъ самый!.. Ббо, знаешь, Николай Константинычъ, сія юная провинціалка не хотѣла мнѣ вѣрить, что я знакомъ съ порядочными людьми,—не то что съ знаменитыми литераторами... „Вы, говоритъ, все по трущобамъ шатаетесь, съ разными тамъ бродягами"...

Бобоша начиналъ фантазировать и совсѣмъ задыхался отъ усилія выражаться какъ можно краснорѣчивѣе.

— Отдохните немного, Бобоша!—съ улыбкой остановилъ его Михайловскій.—Я къ вамъ по дѣлу.

Онъ присѣлъ къ столу и, наклонивъ голову, началъ рыться въ портфелѣ, передавая разныя порученія отъ себя и Марьи Евграфовны (такъ звали жену Мих—го). Я съ интересомъ слѣдила за выраженіемъ его лица и движеніями. У него были тонкія, правильныя черты, свѣтлые, проницательно-умные, насмѣшливо-холодные глаза и всепобѣдная—*юпитеровская*—улыбка. Возвышенно-строгій лобъ, крутой, какъ стѣна, и эта улыбка внушали представленіе чего-то неприступнаго и несокрушимаго—какъ будто прикрытаго броней мыслительнаго арсенала. Энергіей молодого успѣха, самодовольствомъ удачника вѣяло тогда отъ этого знаменитаго впослѣдствіи „борца на славномъ посту"...

Въ манерахъ его сказывалась изысканная вѣжливость и какая-то особая, какъ бы тоже изысканная, *идейная простота*. Говорилъ онъ опредѣленно и сжато, внушительно подчеркивая иныя слова; голосъ былъ звучный, хотя несильный, и пріятный, но въ акцентѣ чувствовалось что-то слишкомъ *книжное*, сухое, теоретическое.

— Черезъ недѣлю пріѣзжаетъ Александра Васильевна,—говорилъ онъ Бобошѣ.—И пока она не найдетъ квартиры, она будетъ жить у насъ, въ

Гатчинѣ. Но квартиру необходимо найти въ этомъ мѣсяцѣ, такъ какъ Глѣбъ Иванычъ вернется—самое позднее—въ первыхъ числахъ августа. Александра Васильевна... несовсѣмъ здорова, ей будетъ вредно много подниматься по лѣстницамъ,—ей надо помочь,—внушительно заключилъ онъ,—и мы съ Марьей Евграфовной возлагаемъ надежды на васъ.

Вобоша не прекословилъ, и Михайловскій сейчасъ же заторопился на поѣздъ, или въ редакцію.

Мнѣ онъ сказалъ тогда нѣсколько привѣтливыхъ словъ, шутя посовѣтовалъ не слишкомъ полагаться на импровизаціи „нашего общаго знакомаго“ и въ заключеніе любезно пригласилъ на дачу къ нимъ въ Гатчину. Узнавъ, что я только-что передъ тѣмъ читала его „Замѣтки Профана“, гдѣ онъ сравниваетъ обычные пріемы журнальной полемики съ пріемомъ одной маленькой, близко знакомой ему дѣвочки, которую въ шутку называютъ колбасницей, а она отвѣчаетъ всѣмъ безъ различія пола: „*самъ* колбасница!“—Николай Константиновичъ прибавилъ тогда къ своему приглашенію:

— Тамъ у насъ вы увидите и эту маленькую дѣвочку, и услышите сами, что именно такъ она всегда отвѣчаетъ...

— Какъ NN въ „Русскомъ Вѣстникѣ“?—переспросила я.

— Точь въ точь какъ NN въ „Русскомъ Вѣстникѣ“! [1])—съ улыбкой подтвердилъ Николай Константиновичъ.

Недѣлю или двѣ спустя, въ контору пришли двѣ дамы,—З—скій предупредилъ меня, что онѣ придутъ,—одна высокая, полная брюнетка, вся въ черномъ, другая—маленькая, сухощавая и вертлявая, съ распущенными вдоль спины бѣлокурыми волосами и грубымъ загорѣлымъ лицомъ, одѣтая по дачному—въ чемъ-то легкомъ и свѣтломъ, съ небрежно наброшеннымъ на плечи синимъ ватерпруфомъ, и въ шляпѣ мужского покроя. Она звонко крикнула:

— Здѣсь господинъ З—скій? Можно его видѣть?—обратилась она ко мнѣ и прибавила:

— Михайловская.

— Успенская,—тихо проговорила вслѣдъ за ней высокая, блѣдная дама, энергически пожимая мнѣ руку.

Время было обѣденное; З—скій еще не вернулся. Я предложила имъ подождать его. Онѣ присѣли, и мы молча съ минуту разглядывали другъ друга. Я не сомнѣвалась, что З—скій успѣлъ и ихъ посвятить во всѣ подробности нашего съ нимъ знакомства.

Жены писателей представляли, повидимому, полную противоположность.

---

[1]) Не помню точно, съ кѣмъ именно полемизировалъ тогда Михайловскій, но это уподобленіе—именно изъ статей его лѣтомъ 1872 г. Это я хорошо помню.

Одна походила на школьницу-сорванца, другая—на солидную гувернантку, хотя онѣ были почти однихъ лѣтъ,—обѣимъ подъ-тридцать.

Михайловская напоминала что-то цыганское, эксцентричное и бравурное. У нея были крупныя, какъ у Бобоши, чувственныя губы; въ низкомъ грудномъ голосѣ звенѣли точно колокольчики, красивые темносѣрые глаза сверкали какимъ-то бѣшенымъ весельемъ. Но я отлично знала уже, благодаря Бобошѣ, что она изъ вполнѣ благовоспитанной семьи, кончила курсъ „съ бриллiантовымъ шифромъ“ въ одномъ изъ лучшихъ тогда институтовъ и считалась любимою ученицею Рубинштейна.

Жена Успенскаго была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Круглолицая, очень бѣлая, безъ кровинки въ лицѣ, съ мягкими очертанiями, съ тихимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ, съ плавной походкой и ровными, неторопливыми движенiями, она казалась гораздо старше и въ своей черной мантильѣ, шляпѣ-капотъ на коротко остриженныхъ волосахъ и въ замшевыхъ черныхъ перчаткахъ (Михайловская была совсѣмъ безъ перчатокъ) напомнила мнѣ директрису не очень давно оставленной мною гимназiи,—и не скажу, чтобы меня отъ этого повлекло тогда къ ней (Михайловская показалась мнѣ интереснѣе). Но энергическое рукопожатiе говорило о нервной жизненной силѣ, и въ круглыхъ, какъ бусины, черныхъ глазахъ вспыхивалъ какой-то таинственный огонекъ, невольно покорявшiй этой скрытой въ ней силѣ.

З—скiй пришелъ прiодѣтый, причесанный, въ свѣжемъ бѣльѣ, и онѣ увели его съ собою—смотрѣть квартиры. Михайловская, прощаясь со мной, повторила приглашенiе побывать у нихъ въ Гатчинѣ.

— Только совѣтую прiѣзжать поскорѣе—пока еще розы цвѣтутъ, и ягоды не всѣ оборвали!—и пока насъ всѣхъ вмѣстѣ съ нашей великолѣпной дачей не унесло вѣтромъ!—со смѣхомъ крикнула она мнѣ уже на порогѣ.

22-го iюля были ея именины, и З—скiй наканунѣ категорически объявилъ мнѣ, что Михайловскiе ждутъ меня завтра въ Гатчинѣ, и ему „приказано—не прiѣзжать безъ барышни“.

— И я далъ слово. И вы, пожалуйста, не капризничайте и не выдумывайте никакихъ предлоговъ... Ббо... что это вы въ самомъ дѣлѣ ломаетесь точно Монаховъ, когда его вызываютъ на bis!

Предлоговъ къ отказу, дѣйствительно, больше не было. „Гражданинъ“ въ то лѣто выходилъ мѣсячнымъ сборникомъ, и я была почти совершенно свободна, но ѣхать туда все-таки было „страшно“. И я всю дорогу молчала, а З—скiй потомъ разсказывалъ разные анекдоты,—какъ я „трусила“ и пыталась выскочить изъ окна,—„и непремѣнно бы выскочила“, если-бъ онъ предусмотрительно не забаррикадировалъ меня корзинами съ бакалейнымъ товаромъ—цѣлымъ грузомъ дачныхъ комиссiй Марьи Евграфовны.

Но я совсѣмъ не трусила, я только мысленно приготовлялась къ чему-то очень большому и важному... Вѣдь шутка сказать!—ѣду къ одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Отеч. Зап.", буду слушать самыя умныя рѣчи, увижу самыхъ настоящихъ „новыхъ людей", о которыхъ всѣ мы тогда столько мечтали... Не „разговоровъ" хотѣлось мнѣ и не гостепріимства или „протекціи" литературнаго „кружка", а чего-то въ родѣ церковнаго пріобщенія святыхъ тайнъ *новой истины*. И страшно было—оказаться вдругъ недостойной и „отлученной", и еще болѣе страшно—подойти и разочароваться,—на „мѣстѣ святомъ" не найти никакой святыни...

Дача Михайловскихъ была у самаго парка, и вся утопала въ зелени. Мы застали всѣхъ—и гостей, и хозяевъ—въ саду, за чтеніемъ писемъ Глѣба Иваныча изъ Парижа. Александра Васильевна жаловалась при этомъ, что не находитъ подходящей для нихъ квартиры, гдѣ было бы удобно работать Глѣбу Иванычу, и что придется оставаться опять на старой—тамъ же, гдѣ Демертъ,—въ домѣ Воронина, на Гончарной [1]). Потомъ Марья Евграфовна повела меня показывать дачу и „маленькую колбасницу". Это была премилая нѣмочка лѣтъ пяти, которую Михайловскіе пріютили у себя на лѣто [2]), и которая поминутно безъ устали отвѣчала всѣмъ и каждому: „самъ колбасница".

— А дача-то, дача!—кричала мнѣ Марья Евграфовна:—Обратите же, пожалуйста, вниманіе на нашу дачу!..

Помню, въ какое умиленіе привела меня эта бѣдная, тѣсная дача изъ барочныхъ досокъ, съ круглыми дырами отъ гвоздей, въ которыя свободно дулъ лѣтній вѣтеръ и брызгали золотымъ огнемъ солнечные лучи. Вся обстановка—простые, некрашенные столы, скамейки и табуреты, даже кровати, покрытыя пледами,—вызывали во мнѣ умиленіе и восторгъ. А къ письменному столу Николая Константиновича я не смѣла и подойти—какъ будто это былъ не столъ, но алтарь, гдѣ совершалось священнослуженіе. Столъ былъ тоже простой деревянный, заваленный грудами рукописей, книгъ и газетъ. Книги лежали на полкахъ и на полу. Пара вѣнскихъ стульевъ и деревянный табуретъ у стола довершали убранство этого „кабинета писателя". Въ комнатѣ Марьи Евграфовны была такая же первобытная простота. И помню, когда Александра Васильевна передъ обѣдомъ искала зеркала, чтобы поправить прическу, Марья Евграфовна, смѣясь, принесла ей изъ кухни осколокъ, въ которомъ можно было разглядѣть одинъ только глазъ или кончикъ носа, да и то въ исковерканномъ видѣ. Но Але-

---

[1]) Въ письмахъ изъ-за границы Гл. Ив. дѣлаетъ часто сравненія съ этимъ домомъ Воронина и съ Гончарной.

[2]) Сестра этой „колбасницы", впослѣдствіи извѣстная оперная пѣвица, уѣзжала куда-то въ „турнэ" съ братомъ Марьи Евграфовны, тоже прекраснымъ артистомъ.

ксандрѣ Васильевнѣ уступили самую лучшую комнату, а въ столовой—для гостей стояла привезенная изъ города удобная софа. И все, что мнѣ говорили и показывали тогда, казалось мнѣ до того плѣнительно и чудесно, что я окончательно расчувствовалась, ушла отъ нихъ въ садъ и предалась тамъ на волѣ самымъ восторженнымъ размышленіямъ о „новой жизни“ и „новыхъ людяхъ“. Вѣдь, собственно, новое и было вотъ именно тутъ, въ этой восхитительной простотѣ! Человѣкъ подходилъ прямо и просто какъ *человѣкъ* къ *человѣку*,—входилъ въ кругъ близкихъ, становился членомъ одной и той же семьи. Развѣ это было не ново? Не возвышенно-хорошо?..

Меня разбудилъ тогда звонкій голосъ Марьи Евграфовны:

— Бобоша, гдѣ же ваша барышня? Что это она все убѣгаетъ отъ насъ? Не знаю, какъ ее занимать!.. Зовите ее обѣдать...

За обѣдомъ Николай Константиновичъ разсказывалъ о „новыхъ талантахъ“ Madame (такъ звалъ онъ жену):

— Представьте, Александра Васильевна,—говорилъ онъ,—вотъ ужъ чего бы никогда не подозрѣвалъ: Madame, оказывается, не только великолѣпная музыкантша и переводчица, но еще и гимнастка-эквилибристка. И это невольно мнѣ открываетъ новыя перспективы на будущее... Не знаю, способна ли она ходить по канату, но что она съ изумительнымъ совершенствомъ ходитъ по людскимъ головамъ—это я недавно узналъ по собственному опыту. Вчера—только-что вы уѣхали въ городъ—взялись мы съ ней вмѣстѣ за Спенсера. Мѣсто было очень трудное—Madame перевела мнѣ à livre ouvert. Я, разумѣется, по совѣсти похвалилъ... Вдругъ—бацъ!—не успѣлъ я опомниться—Madame стоитъ у меня на плечѣ,—буквально, на однихъ носкахъ!.. „Ура! Степанида! Ура!.. Баринъ меня похвалилъ!..“ Степанидѣ послышалось, что „пожаръ“... Степанида подняла крикъ: „горимъ!..“ Набѣжало тутъ къ намъ народу чуть не со всѣхъ дачъ... Супъ ушелъ, жаркое перегорѣло... Съ Madame—истерика... отъ чрезмѣрнаго хохота, полагаю...

— Баринъ! Что это вы тамъ разсказываете!?—кричала изъ кухни Марья Евграфовна (она дѣлала тамъ воздушный пирогъ)—и въ тотъ же мигъ, влетая въ столовую, она съ разбѣга—непостижимо для всѣхъ—вспрыгнула на плечи къ сидѣвшему у самыхъ дверей Бобошѣ, а потомъ—совершенно какъ бѣлка—очутилась на спинѣ у Михайловскаго.

— Бобоша! Стаканъ вина! Налейте вина мнѣ!—командовала она.—Баринъ, держитесь! За здоровье присутствующихъ! Vive l'adresse!.. Да что же никто мнѣ не аплодируетъ?!..

Она собиралась продѣлать еще какую-то новую штуку,—но Александра Васильевна запротестовала:

— Не надо больше, Марья Евграфовна!—жалобно просила она.—У

меня даже голова закружилась, глядя на васъ. Бѣдному Николаю Константинычу, я думаю, тяжело. Вы вѣдь не „маленькая колбасница“... Николай Константинычъ,—правда, вѣдь вамъ тяжело?

— Что дѣлать, Александра Васильевна!.. Начинаю привыкать понемногу... Брачныя узы—все-таки узы!—философически отозвался Николай Константинычъ, и трудно было рѣшить—въ шутку это онъ говоритъ или серіозно.

Къ вечеру набралось еще много новыхъ гостей, и гатчинскихъ, и пріѣзжихъ. То и дѣло назывались болѣе или менѣе извѣстныя мнѣ имена сотрудниковъ разныхъ газетъ и журналовъ. Говорили, что Демертъ тоже пріѣхалъ, но—„весьма свирѣпъ“ и бродитъ гдѣ-то по парку съ Минаевымъ. Мы тоже были въ паркѣ,—осматривали старый дворецъ,—и все время слышали гдѣ-то вдали странные звуки—не то мычаніе раненаго звѣря, не то похоронное пѣніе...

— Слышите, господа,—это вѣдь Демертъ поетъ!?—неувѣренно сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Нѣтъ, это вамъ послышалось,—говорили другіе.—Это просто вѣтеръ. Начинается, кажется, буря,—видите, какъ деревья качаются?—Сейчасъ пойдетъ дождь.

И дѣйствительно, начинало накрапывать, и слышались глухіе удары грома. Но позже, когда всѣ собрались на балконѣ, въ ожиданіи чая, изъ парка снова послышались тѣ же звуки.

— Ну, конечно, это Демертъ!—заговорили вокругъ.—Страшная сила у человѣка!.. Губитъ онъ ее только зря...

— На дуэль собирается вызвать Б—на. До бѣлаго каленія его довели...

— Удары грома заглушали слова, пѣніе замѣтно приближалось,—и по временамъ казалось, какъ будто все это вмѣстѣ—и пѣніе, и громъ, и молнія, и шумные порывы вѣтра—сливалось въ одинъ драматически-бурный аккордъ. Кто-то вспомнилъ при этомъ сцену изъ „Лира“... Наконецъ, можно было разслушать слова. Сильный, выразительный голосъ пѣлъ „Стараго Капрала“ Беранже:

...„Я оскорбилъ офицера—
Молодъ и онъ оскорблять
Старыхъ солдатъ!—Для примѣра
Надо меня разстрѣлять!..“

Новый ударъ грома заглушилъ окончаніе. Въ глубинѣ сада скрипнула калитка, и въ сумракѣ ненастнаго вечера показались двѣ темныхъ фигуры, одна повыше, другая пониже. Точно электрическій токъ ударилъ по нервамъ—всѣ поднялись навстрѣчу входившимъ, и минуту спустя высокій по-

жилой господинъ съ желчнымъ угрюмымъ лицомъ, изрытымъ оспинами, въ золотыхъ очкахъ, въ мягкой войлочной шляпѣ и тепломъ осеннемъ пальто, грузно опустился на ступеняхъ балкона. Подозрительно оглядываясь вокругъ себя исподлобья на всѣхъ присутствующихъ, онъ промычалъ что-то невнятное себѣ подъ носъ:

— Мазурики... канальи!—неясно донеслось до меня.

— Здѣсь все свои, Николай Александровичъ!—говорила ему съ улыбкой Марья Евграфовна.—Вотъ и Александра Васильевна тоже здѣсь!..

— Какая такая Александра Васильевна? Не надо мнѣ никакой Александры Васильевны!..

Вокругъ послышался смѣхъ.

— Вотъ прекрасно! Вы ужъ и Александру Васильевну позабыли.... Жену Глѣба Иваныча!

Демертъ тоже расхохотался.—Матушка, Александра Васильевна!.. Не узналъ! Ее-ей, не узналъ!—бормоталъ онъ, стоя передъ ней на колѣняхъ, и, ловя ея руку, цѣловалъ взасосъ пьяными поцѣлуями. А она уговаривала его своимъ тихимъ, успокоительнымъ голосомъ:

— Не надо такъ разстраивать себя Николай Александровичъ! Вы такой хорошій писатель—вамъ надо себя беречь. Что же дѣлать? У всѣхъ бываютъ свои непріятности. И у Глѣба Иваныча тоже бывали...

— Глѣбъ Иванычъ? А гдѣ онъ,—гдѣ Глѣбъ Иванычъ? Дайте мнѣ Глѣба Иваныча! Дайте Глѣбушку! Не хочу я съ мазуриками! Не хочу!—взвизгивалъ онъ и снова яростно бранилъ кого-то:—Разбойники! Палачи! Давятъ за горло... Понимаете?—душатъ... прямо за горло... „Разстрѣ-ля-ть!"—вдругъ дико выкрикнулъ онъ, и опять запѣлъ, какъ въ лѣсу,—унылымъ, торжественно-похороннымъ маршемъ:

„Въ ногу, ребята, идите!
Слушай команды слова!
Разъ—два! разъ—два!"

И руки его при этомъ отбивали въ воздухѣ зловѣщую барабанную дробь... Становилось и жутко, и жалко кого-то, и мучительно-тяжело...

Марья Евграфовна отпаивала его горячимъ чаемъ съ ромомъ и совала ему въ ротъ куски своего имениннаго пирога, которые онъ тутъ же выплевывалъ съ такимъ гнѣвомъ и отвращеніемъ, какъ будто это былъ не слоеный и очень вкусный паштетъ съ бѣлыми грибами, а инквизиторскій кляпъ, орудіе возмутительной пытки.

Дождь лилъ ужъ вплотную, когда пришли сказать, что пріѣхалъ извозчикъ, заказанный Демертомъ. И какъ его ни удерживали,—онъ не захотѣлъ остаться. И даже Минаева наотрѣзъ отказался везти обратно съ собою.

— Тѣсно вдвоемъ—ну тебя совсѣмъ! Бери себѣ другого извозчика, а я поѣду одинъ.

Шатаясь, побрелъ онъ въ темнотѣ къ калиткѣ—между деревьями. Пролетка была открытая, зонтика съ нимъ не было, дождь такъ и хлесталъ его по головѣ. Но только-что застучали, отъѣзжая, колеса—раздался тоскливо-прочувствованный напѣвъ: онъ пѣлъ!

„Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день“...

На балконѣ все стихло. Всѣ слушали. Только Марья Евграфовна, какъ бы подчиняясь общему настроенію, допѣвала вполголоса эту грустную строфу:

„Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!“...

— Фу! только тоску на всѣхъ нагналъ!—проговорила она въ заключеніе, когда всѣ начали одинъ за другимъ вставать и прощаться.—А все-таки я его больше всѣхъ люблю, господа!—съ чувствомъ прибавила она тутъ же.—Онъ всѣхъ васъ оригинальнѣе.

— И вѣдь чудакъ этакій!—вставилъ, смѣясь, Минаевъ.—Зонтика никогда съ собой не беретъ. Самъ мнѣ разсказывалъ, какъ онъ весной нынче разъ до того обозлился, что надо „что-то постоянно держать надъ собою“,—взялъ и бросилъ его въ Фонтанку. Новый шелковый зонтикъ,—двѣнадцать рублей при мнѣ заплатилъ въ Англійскомъ магазинѣ.

Меня оставили ночевать и уложили въ центральной столовой, на „софѣ для гостей“. Вокругъ меня всѣ размѣстились по разнымъ комнатамъ и клѣтушкамъ. Только Бобошѣ не хватило мѣста въ домѣ, и его съ другимъ гостемъ-студентомъ уложили спать на балконѣ, въ ворохахъ свѣжаго сѣна. И, кажется, только они тамъ и спали въ эту ночь, несмотря на дождь и грозу. Вокругъ меня разговаривали всю ночь напролетъ. Марья Евграфовна безъ умолку хохотала и заставляла другихъ хохотать, разсказывая остроумные анекдоты изъ жизни—своей и чужой—большею частью, разумѣется, фантастическіе.

Потомъ какъ будто затихало, и слышался только шелестъ переворачиваемыхъ страницъ изъ спальни Николая Константиновича, но минуту спустя раздавался стукъ въ тонкую стѣну и голосъ Марьи Евграфовны:

— Александра Васильевна,—вы еще не заснули? Что вы тамъ дѣлаете?

— Я перечитываю письма Глѣба Ивановича. Мнѣ не нравится, зачѣмъ это онъ пошелъ въ Bal Mabil... Это вашъ братъ его туда затащилъ, Марья Евграфовна.

— Отъ Михаила Евграфовича я всего ожидаю,—но вообще я не понимаю, какъ это вы рѣшились отпустить Глѣба Иваныча безъ себя!..

— Я не могла ѣхать съ нимъ теперь за границу. У насъ столько долговъ... Откуда же было взять денегъ на это? И потомъ я больна, я теперь устаю... Я бы только стѣснила его.

— Ну, такъ и ему совсѣмъ тогда незачѣмъ было ѣхать!..

— Ему было нужно поѣхать. Глѣбъ Иванычъ хочетъ работать. Ему надо много видѣть и знать.

— Но въ Парижъ, въ Парижъ!.. Нѣтъ, воля ваша, я бы ни за что не пустила!—Баринъ! вы слышите?—Она стучала въ дощатую перегородку „кабинета“, гдѣ Михайловскій, повидимому, читалъ въ постели.— Вы отъ меня не уѣдете никуда. Предупреждаю! Повисну на шеѣ—или со мной, или никуда!.. Баринъ! Отвѣчайте же намъ: хорошо она сдѣлала, что пустила его?

-- По моему, превосходно. Образцово поступила Александра Васильевна. Глѣбъ Ивановичъ не ребенокъ, и онъ прекрасно знаетъ цѣну своей женѣ.

— Но я бы дьявольски ревновала... Баринъ, какъ это вы не хотите понять! Француженки... парижанки... Канканъ въ Bal-Mabil... И Глѣбъ Иванычъ на все это смотритъ... Воображаю!—Она звонко расхохоталась.— Онѣ его тамъ начнутъ просвѣщать,—а онъ и пикнуть не смѣетъ! Смотритъ во всѣ глаза да дергаетъ себя за бороду... Воображаю!.. Нѣтъ, баринъ, вы только это представьте себѣ... Картина! (Хохотъ.) Глѣбъ Иванычъ... канканъ... И какая-нибудь Suzon-Louison башмачкомъ ему въ носъ! ...„Qu'est-ce qu'il veut de moi, ce drole-là“... (Хохотъ.)

— Я не боюсь никакихъ парижанокъ,—слышался ровный, невозмутимый голосъ Александры Васильевны.—И мы не для того сошлись съ Глѣбомъ Иванычемъ, чтобы виснуть другъ у друга на шеѣ... Я увѣрена, Глѣбъ Иванычъ вернется такимъ, какъ онъ былъ... Мнѣ просто страшно за его здоровье... И зачѣмъ же ему смотрѣть всѣ эти гадости, когда онъ знаетъ, что это гадко?!.

— Барышня! Вы не спите?—не унималась Марья Евграфовна.—Мы васъ будимъ? не даемъ вамъ заснуть? Спите завтра хоть до обѣда, но теперь подавайте свой голосъ... Что вы думаете? Говорите скорѣе!

Я еще ровно ничего не думала и не до сна мнѣ было съ такимъ обиліемъ новыхъ впечатлѣній, но я должна была что-нибудь отвѣтить, чтобы онѣ знали, что я не сплю и все слышу,—и я сказала, что, по моему, Александра Васильевна очень счастлива, если можетъ быть такъ увѣрена...

— Ну, ужъ счастье, могу сказать!—закипятилась снова М. Е.—

Мужъ полгода въ Парижѣ, а жена—здѣсь одна!.. Страсти ни капли— вотъ въ чемъ вся штука! Это отъ малокровія, Александра Васильевна,— увѣряю васъ. Баринъ, вы слышали, что я говорю? Вы согласны?..

И такъ продолжалось вплоть до разсвѣта.

Я прогостила тогда у Михайловскихъ дня два или три, и всѣ дни походили на этотъ. Было весело, интересно, но и какъ будто слегка дурманно,—благодаря бурной неугомонности Марьи Евграфовны. Все существо этой женщины какъ будто начинено было порохомъ—и отъ малѣйшаго прикосновенія вызывало взрывы—то истерическаго смѣха, то истерическихъ слезъ. Только въ часы, когда работалъ Николай Константиновичъ, она ходила на цыпочкахъ, прикладывая палецъ къ губамъ, или убѣгала вонъ изъ дому,—„чтобы не мѣшать",—уводя при этомъ съ собой свою свиту— безпрестанно откуда-то приходившихъ и опять исчезавшихъ гостей. И чего только ни выдѣлывала она тогда! То бѣгала взапуски со студентами и колбасницей, то прыгала черезъ скамейки, канавы и изгороди, то ураганомъ носилась по парку, пуская драматическія рулады,—то просто, ни съ того, ни съ сего, кричала „ура!", „караулъ!", и была счастлива, какъ ребенокъ, когда на крикъ ея прибѣгалъ, запыхавшись, городовой и съ недоумѣніемъ оглядывался вокругъ на чинно сидѣвшую на скамейкахъ „чистую публику",—не понимая, въ чемъ дѣло. Погулявъ такъ съ нами однажды, Александра Васильевна отказывалась потомъ подъ разными предлогами: или нужно было написать Глѣбу Иванычу, или—прочесть какую-нибудь статью и посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ Николаемъ Константиновичемъ,—и затѣмъ встрѣчала насъ съ снисходительной улыбкой доброй наставницы, какъ неразумныхъ, но милыхъ дѣтей...

Сначала я чутко прислушивалась къ каждому слову Николая Константиновича, боясь пропустить что-нибудь очень важное,—но всѣ разговоры вертѣлись на ихъ личныхъ и редакціонныхъ, журнальныхъ дѣлахъ или на пустякахъ. На общихъ прогулкахъ онъ обыкновенно молчалъ,— вѣроятно, обдумывая свои работы,—или шутилъ съ „колбасницей" и подтрунивалъ надъ „дамскими туалетами". Тогда носили платья съ „panier", и я какъ сейчасъ слышу его насмѣшливый голосъ, какимъ говорилъ онъ женѣ: „Поправьте, пожалуйста, вашу корзинку, Madame,—она у васъ совсѣмъ ни на что непохожа!"... Въ остальное же время,—т. е. за обѣдомъ и чаемъ,—писатель ѣлъ, пилъ, отдыхалъ, рѣшительно какъ всѣ прочіе люди...

Возвращалась я не то что разочарованная, а какъ бы „исцѣленная" отъ „нелѣпаго бреда" о „святыняхъ", „пророкахъ" и прочее... Даже самой мнѣ казалось тогда смѣшнымъ высокопарное настроеніе, въ какомъ я ѣхала въ Гатчину. Нимбы исчезли. Небожителей не было. Ни святыхъ, ни пророковъ—люди, какъ люди. Добрые, умные, честные и простые. Главное,—

очень простые, доступные всѣмъ, какъ будто всѣ были имъ дѣйствительно *ближніе*... Чего же еще желать?! Я какъ будто сразу „прозрѣла“ и поняла неизбѣжную разницу между „писательствомъ“ и обиходною жизнью. За письменнымъ столомъ, наединѣ съ собою и книгами, писатель и думаетъ, и живетъ для *литературы*, т. е. для всѣхъ. И кто хочетъ знать его чувства и мысли—долженъ читать, что онъ написалъ...

Такъ думалось мнѣ тогда. И только послѣ встрѣчи съ Глѣбомъ Ивановичемъ я узнала, что можно даже однимъ молчаливымъ своимъ присутствіемъ давать ощущеніе живой творческой правды и творческаго огня.

II.

— Ну-съ, Глѣбъ Ивановичъ, наконецъ, пріѣхалъ!—возвѣстилъ мнѣ З—скій. Это было въ самомъ началѣ августа, наканунѣ какого-то праздника, когда мы собирались опять ѣхать въ Гатчину.—Не желаете ли зайти къ нему сегодня со мной? Намъ будетъ какъ разъ по дорогѣ.

— Но какъ же безъ приглашенія? Онъ будетъ недоволенъ. Мы можемъ ему помѣшать... Вообще—страшно...

— Глѣбушки страшно?! Да вы не имѣете никакого понятія, что это за человѣкъ. Онъ—добрѣйшій. Однимъ словомъ—душа. И больше ничего. А помѣшать мы ему не можемъ, потому что зайдемъ на одну минуту. Можетъ быть, и ему понадобится что-нибудь передать Александрѣ Васильевнѣ... Такъ желаете?

Видѣть Глѣба Иваныча мнѣ очень хотѣлось,—я согласилась, и мы пошли на Фонтанку, въ домъ Тарасова. Съ точностью, впрочемъ, не берусь рѣшить, гдѣ это было,—но только не на Гончарной, а гдѣ-то по пути на варшавскій вокзалъ. И по разспросамъ близкихъ лицъ, и по логическимъ догадкамъ заключаю, что это было въ квартирѣ Павловскаго (второго брата Марьи Евгр., артиста, въ то время еще ученика консерваторіи). Въ Гончарной, въ квартирѣ Успенскихъ, вѣроятно, производился ремонтъ, такъ какъ и Александры Вас. тоже не было въ Петербургѣ,—она все еще оставалась въ Гатчинѣ.

Помню, что мы вошли, не стучась, въ комнату, залитую лучами заката. Лучи падали сбоку, въ растворенное окно, и освѣщали съ головы до ногъ стройную и высокую фигуру человѣка, стоявшаго передъ письменнымъ столомъ, спиною къ дверямъ. Онъ набивалъ папиросы и что-то оживленно разсказывалъ господину, сидѣвшему сбоку у стола. Не помню навѣрное, кто сидѣлъ, но, кажется, это былъ тогда Демертъ. Голосъ разсказчика былъ необыкновенно выразительный и пріятный, съ характерными

паузами и то замедленной, то ускоренной рѣчью. Я пропустила впередъ Бобошу, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ этотъ весь освѣщенный лучами заката высокій, стройный человѣкъ въ старенькомъ сѣромъ лѣтнемъ пальто и въ туфляхъ—кажется, на босыхъ ногахъ... Заслышавъ наши шаги, онъ быстро обернулся, вспыхнулъ и стыдливо запахнулся полой съ одной верхней пуговицей,—онъ былъ безъ жилета и галстуха. Густые русые волосы безпорядочными прядями падали ему на широкій лобъ, бѣлый и гладкій, какъ слоновая кость. Я не могла бы съ точностью разсказать, какія были у него черты, какіе губы и носъ, но золотисто-русая борода, ласковая застѣнчивая улыбка, и темные горячіе глаза, и все лицо, молодое и доброе, разгоряченное солнцемъ и не остывшимъ еще волненіемъ любимаго труда, симпатичное и какъ будто *родное* лицо,—все это запомнилось сразу и навсегда.

— Извините, пожалуйста!—торопливо заговорилъ онъ, здороваясь съ нами.—Тутъ у меня полнѣйшій разгромъ. Я вѣдь только-что всталъ... Всю ночь надо было писать—онъ указалъ глазами на разбросанные по столу мелко исписанные листки почтовой бумаги.—Не хотите ли чаю? Вы, я слышалъ, изъ Вильны? Чудесный городъ!.. Я проѣзжалъ... Совершенно какъ за границей... Постройки совсѣмъ такія же...

И не слушая моихъ отказовъ отъ чаю, все придерживая рукою полу пальто, другой—онъ уже наливалъ и подавалъ мнѣ стаканъ, предлагалъ папиросу, рекомендовалъ и дарилъ только-что привезенный имъ новый французскій романъ новаго романиста [1]) и, видимо, не зналъ, что ему со мной дѣлать. Я поспѣшила объяснить, что мы зашли только узнать, не дастъ ли онъ какого-нибудь порученія въ Гатчину.

— Вы ѣдете въ Гатчину? Это чудесно. Я тоже завтра пріѣду. Съ первымъ же поѣздомъ. Непремѣнно. А сегодня—никакъ не могу. Надо еще дописать и доставить въ редакцію. Александра Васильевна знаетъ... Но все-таки лучше я ей сейчасъ напишу. Обождите одну минуту, пожалуйста. Я васъ ничуть не задержу, я сейчасъ... пару словъ...

Онъ стоя писалъ записку, а мнѣ почему-то сдѣлалось вдругъ совершенно легко, точно дома, въ этой неприбранной комнатѣ, съ сапогами на столѣ и диванѣ, съ кипящимъ на окнѣ самоваромъ, съ раскрытыми чемоданами и разбросанными вокругъ вещами...

„Вотъ и пріѣхалъ Глѣбъ Ивановичъ!"—думала я, любовно оглядывая его милую растрепанную голову и нервныя, порывистыя движенія, и мы-

[1]) Романъ „Ventre de Paris" Zola, который онъ привезъ для Александры Васильевны, но дарилъ всѣмъ, кого ни увидитъ.—Онъ считалъ этотъ романъ самой жестокой и вѣрной сатирой на буржуазную Францію...

сленно тутъ же опредѣляя его себѣ: „чуткій и трепетный какъ струна"... И руки у него были тоже трепетныя и горячія.

— Ну что, какъ вамъ понравился Глѣбъ Ивановичъ?—спрашивалъ меня З—скій дорогой.

— Прелесть!—откровенно призналась я.—Чувствую, что уже люблю его всей душою! И вотъ странно: какъ будто я давно, давно его знаю!.

Глѣбъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Гатчину, какъ обѣщалъ—съ первымъ поѣздомъ, когда мы всѣ еще спали. Запомнилось на всю жизнь это яркое голубое утро, и тѣнисто разросшійся садикъ на дачѣ у Михайловскихъ, и пышный зеленый малинникъ, полный спѣлыхъ душистыхъ ягодъ, куда я пошла набрать для всѣхъ на дорогу малины. Сейчасъ послѣ завтрака устраивалась „научная экспедиція" въ Пулково, гдѣ намъ обѣщали показать Венеру, „сверкающую, какъ алмазъ, въ лучахъ солнца"... Глѣбъ Иванычъ стоялъ подлѣ меня и помогалъ мнѣ находить самыя спѣлыя, крупныя ягоды, еще не тронутыя червемъ. Но совѣтовалъ класть ихъ не въ корзину, а прямо въ ротъ.

— Увѣряю васъ, что именно такъ слѣдуетъ всегда поступать. Кто хочетъ—пусть себѣ самъ собираетъ.

И вдругъ, обернувшись ко мнѣ лицомъ, онъ отрывисто вымолвилъ: — Я слышалъ,—вы пишете?

Я даже вздрогнула отъ неожиданности.

— Пробую... Но пока еще все неудачно...

— О чемъ же вы вы пишете... или хотите писать? — спрашивалъ онъ, склонивъ голову немного къ плечу, крутя кончики бороды и сосредоточенно всматриваясь въ мое лицо. И тутъ же подсказалъ мнѣ отвѣтъ на мое взволнованное молчанье:

— Ну да, я понимаю: это всегда очень трудно сказать. Обо всемъ хочется?!—Вы и пишите—о чемъ только хочется.—Только тогда и выходитъ, когда пишешь, о чемъ хочется...

Я слушала это какъ будто сердцемъ, а не ушами—такъ проникалъ его голосъ мнѣ въ душу—и понимала только одно—что рѣшительно у меня нѣтъ и не можетъ быть никакихъ тайнъ отъ этого человѣка, что этому человѣку можно все разсказать и повѣрить,—все онъ пойметъ. И если даже осудитъ—не будетъ ни больно, ни оскорбительно. Будетъ одна только *правда*.

И это чувство къ Глѣбу Ивановичу оставалось у меня неизмѣннымъ всю жизнь, и никакія позднѣйшія событія не въ силахъ были его измѣнить,—даже когда мнѣ казалось, что онъ *не понялъ* и оттого невѣрно судилъ многое, многое...

Онъ былъ въ то утро въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, и помню—

всѣ и мужчины и дамы восхищались „изумительнымъ“ покроемъ его парижскаго пальто и жакета и элегантностью его галстуха изъ настоящаго linot. И всѣ говорили, что у Глѣба Иваныча теперь видъ настоящаго „дэнди“, а совсѣмъ не автора „Разоренія“ и „Нравовъ Растеряевой улицы“.

Марья Евграфовна приколола ему даже розу въ петлицу, увѣряя, что онъ очень похожъ на Альфреда Мюссе. Глѣбъ Ивановичъ конфузливо крутилъ бороду (его любимый жестъ) и, какъ-то забавно складывая губы, изображалъ предъ нами, въ какомъ бы „по настоящему“ видѣ слѣдовало ходить этому неумытому и нечесанному, хотя вполнѣ благородно-голодному разночинцу... Выходило нѣчто подобное тому, что мы видѣли наканунѣ въ домѣ Тарасова на Фонтанкѣ.

Александра Васильевна внезапно молодѣла и хорошѣла, какъ только онъ подходилъ къ ней или издали смотрѣлъ на нее. На блѣдныхъ щекахъ ея выступала тогда нѣжная розоватая краска, а въ глазахъ теплилось что-то мягкое и счастливое, какъ материнская ласка. Они были однихъ почти лѣтъ и одного роста, и, стоя рядомъ подъ деревомъ, оба напоминали не мужа и жену послѣ пяти лѣтъ супружества, а скорѣе влюбленную институтку и влюбленнаго студента на вакаціяхъ,—говорили при постороннихъ другъ другу „вы“, называя по имени-отчеству,—но Бобоша увѣрялъ въ это утро, что онъ „собственными ушами слышалъ, какъ Глѣбъ Иванычъ сейчасъ назвалъ Александру Васильевну Alexandrine“...

Друзья-литераторы называли ихъ „четой изъ *Давида Копперфильда*“.

Въ „экспедицію“, помню, собралось насъ тогда ровно двадцать-восемь человѣкъ, и до Царскаго намъ дали отдѣльный вагонъ третьяго класса. Все устраивалось на артельныхъ началахъ, въ складчину, — всѣ были поэтому нагружены необходимыми припасами, такъ какъ до Пулкова предстояло сдѣлать верстъ семь пѣшкомъ, а въ Пулковѣ можно было достать только воду и самоваръ. По началу все сулило одно только общее благополучіе, но затѣмъ оказалось, что насъ ожидали „однѣ только глупости“—такъ выражался, по крайней мѣрѣ, Демертъ, исподлобья поглядывая на всю „компанію“. Компанія, дѣйствительно, была самая разнообразная и держала себя безъ всякихъ стѣсненій. Шумъ былъ при этомъ такой, что нельзя было разслышать даже, что говорилось рядомъ. И помню, что Михайловскій, желая сдѣлать какое-то предложеніе, долженъ былъ встать на скамейку и палкой постучать въ потолокъ, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Господа!.. Молодая Россія!.. Предлагаю на общеева ше рѣшеніе...—во весь голосъ кричалъ онъ. На минуту все стихло. Выслушали и согласились на все, видимо, ничего не понимая,—и снова подняли общій гамъ.

Кондукторъ открылъ, было, дверь, посмотрѣлъ на насъ, повертѣлъ головой—и безслѣдно исчезъ. Не знаю, что онъ думалъ при этомъ, но на лицѣ у него какъ будто стояло: „Не то сумасшедшіе, не то пьяные,—а еще *господа!*“

Помню также — всѣ очень интересовались молоденькой дѣвушкой лѣтъ шестнадцати, маленькой, кругленькой и румяной, какъ наливное яблоко, съ дѣтски-наивными карими глазами, въ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ ученицы на акушерскихъ курсахъ.

— Сестра Нечаева!—шопотомъ называли ее другъ другу.—До сихъ поръ подъ надзоромъ...

Спутникъ ея былъ тоже маленькій, четыреугольный студентъ-ветеринаръ, съ пухлымъ ртомъ, рѣзко-угловатыми движеніями и отрывисто-повелительнымъ голосомъ. Онъ все время командовалъ ею, а она только звонко и весело хохотала.

Кромѣ Нечаевой, невольно обращалъ на себя вниманіе „заграничный“ профессоръ политической экономіи О..., говорившій невмовѣрныя глупости съ самымъ „научнымъ видомъ“... Онъ явился съ молоденькой родственницей, сестрой жены, и съ ними сейчасъ же подружился Бобоша, такъ какъ въ корзинѣ у нихъ обрѣтались бутылка коньяку и фляга экспорту.

Семь верстъ шли пѣшкомъ всѣ, кромѣ Успенскихъ, уѣхавшихъ впередъ въ таратайкѣ, но шли мы эти семь верстъ что-то очень долго.

По дорогѣ не разъ присаживались, развертывались корзины и свертки, раскупоривались бутылки, и поднималась веселая бѣготня по лугамъ. Народъ собрался здоровый и жизнерадостный, еще не извѣдавшій ни громовъ, ни бурь... И какъ сейчасъ помню одну характерную сцену, невольно бросавшуюся въ глаза. На самомъ солнопекѣ, посреди луга съ стогами и копнами, барахтались въ сѣнѣ пухленькая Нечаева и студентъ-ветеринаръ. Она, совсѣмъ еще дѣвочка, въ слегка вздернутомъ спереди платьѣ, уже замѣтно беременная, радостно взвизгивала, когда онъ зарывалъ ее съ ногами и головой, — и они перекатывались другъ черезъ друга, очевидно, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. — И только слышались по временамъ восклицанія: „Ухъ, хорошо“:—„Хорошо? Ну, такъ вотъ вамъ еще!.. А теперь что вы скажете: хорошо?“—„Хорошо!“—радостно звенѣлъ ея серебристый смѣхъ.

— Совсѣмъ какъ маленькія животныя!—съ улыбкой замѣтилъ мой спутникъ, редакторъ-издатель карикатурнаго листка „Маляръ“, А. М. Волковъ.—А вѣдь ее, бѣдняжку, чуть, было, къ каторгѣ не приговорили. Если бы не Урусовъ,— приговорили бы непремѣнно. Онъ защищалъ ее какъ несовершеннолѣтнюю, а она—уже мать!

Въ Пулково, благодаря остановкамъ, попали мы уже часовъ въ

шесть, когда тамъ всѣ инструменты заняты наблюдателями. И никакихъ свѣтилъ намъ, разумѣется, не показали. Помню, какъ всѣ мы почтительно и робко, выступая гуськомъ, подходили къ „Трубѣ“ въ круглой залѣ обсерваторіи, но вмѣсто Венеры—увидѣли только царскосельскій трактъ, усаженный липами, по которому плелись рысцой ломовые... Михайловскій, впрочемъ, сошкольничалъ, увѣряя, что *видитъ*.

— Господа, ну, право, я вижу! Блескъ и игра изумительные!

Марья Евграфовна чуть не плакала отъ огорченія, а водившій насъ астрономъ предлагалъ ей ночевать въ полѣ.

— Теперь вѣдь тепло. Сѣна дадимъ. На разсвѣтѣ можно увидѣть собственными глазами.

Въ утѣшеніе намъ отвели для отдыха цѣлую рощу и прислали сторожа съ самоварами. Среди общаго смѣха и шума „Молодая Россія“ ухитрялась вести даже споръ на принципіальныя темы—передъ лицомъ своего „учителя“. Н. К. Михайловскій лежалъ ничкомъ на травѣ, въ позѣ Зевса на Олимпѣ, положивъ бороду на руки, и внимательно слушалъ. На немъ былъ его обычный тогда костюмъ—прудоновская блуза изъ небѣленнаго холста и ремешокъ вмѣсто пояса. Мы съ В. тоже подсѣли къ ихъ группѣ, въ надеждѣ услышать что-нибудь интересное изъ устъ „учителя“ и „вождя“. Но кромѣ отрывочныхъ выкриковъ нельзя было ничего разобрать. Всѣ кричали, и никто другъ друга не слушалъ...

— Грамота только тормазъ... Съ грамотой не поднимешь народъ...

— Народу нужно только одно: земля и воля...

— Я стою за народное благо!—старался перекричать обоихъ третій голосъ...

А Михайловскій только слушалъ и насмѣшливо улыбался.

— Лежитъ точно сфинксъ на Университетской набережной! Въ обществѣ онъ всегда молчитъ,—просвѣщалъ меня В—въ,—но это самый умный и талантливый теперь человѣкъ, и его ждетъ блестящая будущность.

Вокругъ насъ между тѣмъ поднималась какая-то всеобщая истерика, которую трудно и разсказать. Все слилось въ одинъ общій гулъ. Смѣхъ и крикъ стояли въ воздухѣ, какъ „ура“ на парадахъ. Марья Евграфовна, съ распущенными волосами, бѣжала съ оглушительнымъ крикомъ, спасаясь отъ коровъ, и звала на помощь Бобошу. Бобоша летѣлъ внизъ головой съ верхушки сосны и призывалъ на помощь профессора... Профессоръ приводилъ въ порядокъ туалетъ своего новаго друга и тоже кричалъ, „научно“ доказывая свое безстрашіе:

— А я *не боюсь* коровъ! Я *хочу* сѣсть верхомъ на корову! Женни, *позволь* мнѣ, пожалуйста, сѣсть верхомъ на корову! *Можно* мнѣ сѣсть верхомъ на корову? *Почему* мнѣ нельзя сѣсть верхомъ на корову?—А

Женни, свояченица, похожая на чопорную англійскую миссъ, строго и терпѣливо отвѣчала ему на каждую его паузу:—Не позволяю!—Нельзя!

И не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не было тутъ Михайловскаго.

— Господа!—внушительно провозгласилъ онъ—призываю къ порядку! Иначе мы очутимся всѣ въ участкѣ за нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

И сейчасъ же всѣ безропотно послѣдовали за нимъ обратно на станцію. И только тутъ спохватились:—А гдѣ же Успенскіе? Гдѣ Глѣбъ Ивановичъ? Гдѣ Демертъ?—Никто не замѣтилъ, гдѣ и когда они отстали отъ насъ. Мы съ В—мъ шли позади всѣхъ и только-что выбрались на дорогу, онъ указалъ мнѣ глазами на группу, лежавшую на травѣ въ глубокой сухой канавѣ. Двое людей таинственно перешептывались о чемъ-то между собою. Одинъ по виду былъ просто бродяга, такъ называемый, „зимогоръ", а можетъ быть, и какой-нибудь фабричный рабочій. А рядомъ съ нимъ лежалъ тотъ самый студентъ-ветеринаръ, котораго мы видѣли вмѣстѣ съ Нечаевой. Студентъ что-то внушительно говорилъ и совалъ ему въ руки зеленую трехрублевку. Завидѣвъ насъ, они отскочили другъ отъ друга, и парень въ лохмотьяхъ, торопливо спрятавъ бумажку за пазуху, скорчивъ глупую рожу, гнусаво затянулъ какую-то нелѣпо-удалую пѣсню (я запомнила ее хорошо):

„Душа ваша проситъ наша
„Къ намъ да на фатеру"—

И онъ хлопалъ при этомъ въ тактъ рукою по колѣну въ заплатанныхъ синихъ пестрядинныхъ штанахъ. Потомъ досталъ изъ-за голенища кисетъ съ табакомъ и началъ свертывать себѣ цыгарку.

— Ахъ, жаль, что Глѣба Иваныча съ нами нѣтъ!—сокрушенно вздыхалъ Волковъ.—Какой бы это ему матеріалъ! Вѣдь это, положительно, страница изъ современной литературы!.. *Они* тамъ ратовали за „народное благо", а „народъ" лежалъ въ это время въ канавѣ и, получивъ зелененькую, сосалъ цыгарку да, поплевывая, внималъ „пропагандѣ"... „народника", „бакунинца"... кого угодно! И никакого другого „блага" этотъ народъ себѣ не желаетъ... Напрасно они самообманываются.—И куда это онъ, въ самомъ дѣлѣ, пропалъ?—опять начиналъ онъ о Глѣбѣ Ивановичѣ:—пошелъ, говорятъ, съ Демертомъ искать рессорную пролетку для Александры Васильевны, а нашелъ, вѣроятно... Съ Демертомъ вѣдь только одно и можно найти: полштофъ въ кабакѣ!

На вокзалѣ насъ ждала новая „страница". Марья Е. бѣгала взадъ и впередъ по платформѣ, перебраниваясь съ Бобошей. Бобоша говорилъ

ей дерзости, она истерически всхлипывала... Михайловскій бѣгалъ за ними, размахивая руками, и что-то гнѣвно кричалъ, но его не слушали...

— Трудно ему съ ней,—говорилъ В—въ.—Хорошій она человѣкъ, добрая, умная, образованная, но совсѣмъ больная. Всѣ прогулки у нихъ такъ кончаются.

Наконецъ, нашлись и Успенскіе.

У дверей передъ кассой стояла блѣдная и взволнованная Александра Васильевна. Глѣбъ Иванычъ, съ лихорадочными пятнами на щекахъ и судорожно сдвинутыми бровями, стоялъ передъ ней—не то оправдываясь, не то успокаивая ее.

— Уѣдемте, пожалуйста, поскорѣе отсюда!—напряженной скороговоркой прошепталъ онъ, когда мы къ нимъ подошли. И онъ подходилъ ко всѣмъ съ тѣмъ же увѣщаніемъ:—Нечего тутъ смотрѣть, господа! Разъѣдемтесь поскорѣе!

Уѣхать было нельзя, — поѣздовъ еще не было. Но всѣ смущенно отходили подальше, на другой конецъ платформы, гдѣ Демертъ, смѣясь своимъ заразительнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, журилъ и просвѣщалъ въ свою очередь моего просвѣтителя, В—ва, за послѣднія карикатуры въ „Малярѣ“:

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—Ей Богу, ничего не поймешь! И совсѣмъ это даже не карикатура, а чортъ знаетъ что! Ей Богу, чортъ знаетъ что!

И В—въ простодушно каялся, что дѣйствительно неудачно:

— Сознаюсь, не вышло того, что хотѣлъ...

— Не вышло, голубчикъ, совсѣмъ не вышло. Карикатура—это вѣдь жало. Такъ надо, чтобъ оно жалило. А тутъ—ничего! Глупо—и больше ничего.

Поѣздъ въ Петербургъ, наконецъ, пришелъ. Глѣбъ Ив. посадилъ насъ съ Алекс. Вас. во второмъ, а самъ ушелъ въ третій, гдѣ собралось нѣсколько знакомыхъ ему людей, но на всѣхъ полустанкахъ онъ приходилъ узнавать, какъ себя чувствуетъ Александра В., и хорошо ли намъ тутъ сидѣть. Ал. В. тутъ же пересказывала ему все, что я успѣла ей сообщить изъ впечатлѣній этого дня, и я съ удивленіемъ слушала, какъ все у нея выходило гладко, литературно и мало похоже на то, что я думала и переживала сама. Всѣ слова мои *перерабатывались* ею, какъ „матеріалъ“ для сужденія Глѣбу Ивановичу.

— Что же тутъ такого особеннаго, что бы стоило *наблюдать*?—ни къ кому не обращаясь, проговорилъ онъ съ улыбкой. — И какая же это *молодая Россія*? Какъ она тутъ попала?.. Все это—такъ, сущій вздоръ... А вотъ Нечаеву дѣйствительно жалко. Хоть бы ее пристроить

куда?—озабоченно прибавилъ онъ, уходя отъ насъ, и вернулся потомъ съ самыми точными свѣдѣніями о Нечаевой и о томъ, что знакомый присяжный повѣренный С., ѣхавшій въ этомъ же поѣздѣ, обѣщалъ ему „непремѣнно устроить Нечаеву"...

Я смотрѣла тогда на его повеселѣвшіе глаза, и мнѣ становилось понятнымъ, почему онъ ушелъ изъ нашей „развеселой компаніи". Невольно вспомнилась Некрасовская молитва: „Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ... Уведи!"... Да, именно такъ долженъ былъ чувствовать себя, уходя отъ насъ, этотъ чуткій, сосредоточенный въ себѣ человѣкъ,—и не отъ водки горѣло тогда лихорадочными пятнами его выразительное лицо...

Дорогой тогда же Александра В — на слегка поисповѣдывала меня насчетъ моихъ „гражданскихъ чувствъ" и житейскихъ обстоятельствъ, и узнавъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ послѣдовала примѣру героини „Разоренія"—ушла изъ дому въ поискахъ „новой жизни" „за свой страхъ и собственными средствами",—сейчасъ же обезпокоилась за меня.

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы жить одной. Переѣзжайте поближе къ намъ—въ Гончарную. Въ нашемъ домѣ, кажется, отдается комната—у нѣмки, гдѣ живетъ Демертъ. Я разузнаю и сообщу вамъ. Приходите къ намъ завтра вечеромъ.

III.

Комната оказалась удобной для меня во всѣхъ отношеніяхъ, и дня черезъ два я переѣхала въ домъ Воропина (теперь Дрябина,—уголъ Полтавской,—такъ называемыя, бывало, у насъ „Дрябинскія трушобы"). И въ первый же вечеръ, какъ только я переѣхала, Александра Васильевна пришла за мной и увела къ нимъ—„справлять общее новоселье". Она ходила теперь въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, спокойная и счастливая, скорѣе похожая на невѣсту, чѣмъ на жену.

Когда я вошла, Глѣбъ Иванычъ опять стоялъ у письменнаго стола и читалъ вслухъ письмо Рѣшетникова къ какому-то знакомому или родственнику (это былъ *матеріалъ* для его будущей статьи), и я какъ сейчасъ вижу его лицо и слышу его голосъ, какимъ онъ читалъ это: „...Сдѣлайте божескую милость, пришлите съ подателемъ сего три копѣйки, а ежели можно, то семь. Клянусь честью —отдамъ при первой возможности. Теперь же надобно тятенькѣ купить соленыхъ огурцовъ и выпить имъ надо разсолу, такъ какъ они теперича вторыя сутки никакъ очухаться не могутъ"... Это читалъ онъ, когда я вошла, и особенно что запомнилось въ его голосѣ—улыбка, сливающаяся съ ядовитою горечью. Онъ подчеркивалъ *что-то*, врѣзанное ему въ самое сердце, и это *что-то* трепетало

въ лицѣ его знакомымъ ему, былымъ, давно пережитымъ, но все еще живымъ воспоминаніемъ... Онъ вспоминалъ и какъ бы приглашалъ всѣхъ насъ пережить вмѣстѣ съ нимъ и съ Рѣшетниковымъ это жестокое и мучительное воспоминаніе...

Кажется, въ тотъ же вечеръ, позднѣе, кому-то пришло въ голову прокатиться на Острова въ ландо. Поѣхали мы впятеромъ. На Невскомъ, у табачнаго магазина, Гл. И. вышелъ, чтобы купить папиросъ, что-то долго покупалъ и вернулся весь красный, смущенный и улыбающійся.

— Вотъ такъ штука со мной случилась!—заговорилъ онъ, садясь. —Только вошелъ—Звонаревъ [1]) за мной слѣдомъ, кричитъ, буквально, на всю лавку: „Глѣбъ Ивановичъ! Знаменитый писатель!" Потомъ присталъ вдругъ при всѣхъ: „Продайте мнѣ изданіе вашихъ сочиненій! Я вамъ сейчасъ пять тысячъ на столъ!"

— Ну, и что же вы ему на это? — спросилъ Демертъ.—Показали фигу, конечно? Долговъ по векселямъ не платитъ, а изданія покупаетъ!

— Что вы чушь порете, говорю: какія такія у меня сочиненія... Я ровно ничего еще не написалъ... „Нечего, нечего! — говоритъ: знаемъ мы сами, что вы написали"...

— Пронюхалъ, небось, каналья, что барышами пахнетъ!—язвительно вставилъ Демертъ. А сидѣвшій съ нимъ рядомъ Бобоша пришелъ въ такой азартъ, что завопилъ на всю улицу:—Ура-а! Глѣбъ Успенскій, ура-а! Публика Невскаго проспекта! Взирай на восходящее свѣтило! Глѣбъ Иванычъ! Глѣбъ Иванычъ! Глѣбъ Иванычъ! — какъ уличный мальчишка затвердилъ онъ, подплясывая на скамейкѣ.

Глѣбъ Ивановичъ вспыхнулъ и, судорожно вздрогнувъ отъ сдержаннаго гнѣва, быстро проговорилъ:

— Перестаньте, Бобоша! Что я вамъ за игрушка дался? Ведите себя поприличнѣе—или я выйду!

Бобоша притихъ какъ убитый. А Глѣбъ Иванычъ, видимо, долго не могъ успокоиться и всю дорогу курилъ и молчалъ.

Квартира Успенскихъ была—какъ наша, у нѣмки,—въ три комнаты: изъ мебели было только самое необходимое.

Когда собиралось много народу, брали столы и стулья отъ меня и отъ Демерта. Окна моей комнаты выходили прямо въ окна ихъ „гостиной" (служившей и столовой, и кабинетомъ, когда въ ней работалъ Глѣбъ Ивановичъ). Мы часто перекликались и разговаривали знаками изъ окна въ окно. Отъ Демерта меня отдѣляла комната какого-то архитектора, котораго никто изъ насъ никогда не видалъ, и общая передняя—на замкѣ. У

[1]) Издатель и книготорговецъ, бывшій тогда наканунѣ банкротства.

каждаго изъ жильцовъ былъ свой ключъ отъ дверей, такъ какъ хозяйка съ прислугой помѣщались по другую сторону коридора, огибавшаго весь четвертый этажъ. Такое „self-help“ очень мнѣ нравилось,—безпокоило только по временамъ близкое сосѣдство Демерта, котораго я, признаться, немного побаивалась,—особенно, когда онъ, поздно возвращаясь домой, долго не могъ найти замочную скважину и трагически мычалъ и стоналъ отъ своей безпомощности. Александра Васильевна убѣждала меня, что онъ вовсе не страшенъ, хотя *непріятенъ*, когда *заболѣетъ*.

— Но вы тогда, самое лучшее, не выходите, или приходите къ намъ.

Совѣты эти были для меня невыполнимы, такъ какъ по роду моихъ занятій мнѣ приходилось возвращаться домой въ разное время дня и ночи. Сначала, впрочемъ, все шло благополучно. Демертъ хотя и „заболѣвалъ“ довольно-таки часто, но дичился и прятался отъ меня, запираясь у себя въ комнатѣ. А затѣмъ вскорѣ произошла и неизбѣжная встрѣча.

Какая-то барышня въ томъ же домѣ по цѣлымъ часамъ разучивала арію Вани изъ „Жизни за Царя“: „Бѣдный конь въ полѣ палъ... я едва добѣжалъ... Ото-прите!“ И вотъ однажды, — въ августѣ, когда всѣ окна стояли настежь, —Демертъ не выдержалъ, подошелъ къ окну и тоже запѣлъ—своимъ трагическимъ басомъ: „Отоприте!.. Отоприте!..“ Но такъ какъ на барышню это не подѣйствовало, и она продолжала пронзительнымъ голосомъ „тянуть изъ насъ душу“, — Демертъ высунулся по поясъ изъ окна и закричалъ на весь дворъ:—Да отоприте же вы, наконецъ! Выпустите вы ее! Что же это она какъ собака голодная воетъ!.. Душу всю вытянула!.. Отопри-и-те! Отоприте!

Успенскихъ въ тотъ день не было дома, но въ окнахъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ этажей появились любопытныя, смѣющіяся лица... Поднялся общій хохотъ и общій крикъ... Внизу, на дворѣ, лаетъ стая собакъ... Толпа мальчишекъ, указывая пальцами вверхъ, на растрепанную голову „веселаго барина“, звонкими дѣтскими голосами, съ хохотомъ тоже визжитъ „Отопри-и-те!“ Собаки начинаютъ выть... Дворники бѣгаютъ за ними съ метлой, и, наконецъ, на дворѣ выростаетъ грозно-внушительная фигура городового... Но это появленіе городового чуть-чуть не вызвало настоящую катастрофу... Изъ окна Демерта я видѣла только грозные кулаки его, мелькнувшіе въ воздухѣ, и слышала дикій крикъ: „Канальи!.. Убью!“... А изъ оконъ сосѣди въ это время махали руками и въ испугѣ кричали: „держите, Держите его!.. Онъ сейчасъ упадетъ“...

Дворники стремглавъ понеслись наверхъ, въ комнату Демерта, а ко мнѣ влетѣла перепуганная хозяйка и почти насильно потащила съ собою— „спасать *вумнаго*, хорошаго, сумасшедшаго совсѣмъ господина“.

Въ комнатѣ Демерта мы застали такую картину: дворники за ноги тянутъ его съ подоконника, голова его виситъ въ воздухѣ, кухарка изъ ковша льетъ ему воду на голову, а онъ, неистово отбиваясь руками и ногами, кричитъ нечеловѣческимъ голосомъ: „Мазурики! Канальи! Убью!“

— Aber schämen Sie doch, Николай Александровичъ!—уговаривала его хозяйка, когда его, наконецъ, удалось втянуть въ комнату.—Посмотрите, пожалуйста, какъ вы сосѣдку, молоденькую барышню, совсѣмъ напугали!..

— Барышню? Напугалъ?—бормоталъ онъ точно во снѣ, и, взглянувъ на меня исподлобья, опустился на подставленный ему стулъ и залился простодушнѣйшимъ дѣтскимъ смѣхомъ... Чудакъ!

Эта исторія повела къ тому, что меня начали звать всякій разъ, когда Демерту приходила фантазія „буйствовать“... И въ концѣ концовъ мы познакомились съ нимъ настолько, что онъ сталъ заходить ко мнѣ въ комнату, приносить мнѣ газеты и книги и, между прочимъ, далъ прочесть свою замѣчательную,—„сожженную рукой палача“,—книгу „*Воля*“, единственный экземпляръ которой сохранялся у него, какъ у автора. Это было очень талантливо и горячо написанное повѣствованіе о первыхъ дняхъ манифеста 1861 г. по непосредственнымъ наблюденіямъ очевидца. Нѣчто подобное—по силѣ языка и мысли—можно найти только у Герцена.

Моему окончательному вступленію въ эту литературную семью помогъ еще одинъ довольно забавный эпизодъ. Однажды, уже въ концѣ сентября, въ часы обѣда, когда я одна была дома, въ передней раздался звонокъ. Изъ сосѣдей никто не выходилъ, и я вышла открыть дверь, ожидая встрѣтить почтальона. Но вмѣсто почтальона стоялъ какой то почтенный господинъ, плечистый, средняго роста, съ сѣдыми волосами до плечъ, съ крупными чертами лица, въ золотомъ пенснэ и очень изящно одѣтый, въ темносѣромъ пальто и сѣрой пуховой шляпѣ. Онъ спрашивалъ, дома ли Демертъ? Я указала ему на дверь,—но Демерта не было, и господинъ попросилъ позволенія написать ему нѣсколько строкъ, такъ какъ онъ только-что пріѣхалъ, и ему нужно видѣться съ Д-томъ по неотложному дѣлу.

Такихъ пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Россіи къ Д-ту ходило много, и мнѣ не впервые приходилось вступать съ ними въ объясненія. Этого господина я тоже приняла за такого пріѣзжаго изъ провинціи, и именно за одного казанскаго помѣщика, товарища Д-та по университету, о которомъ онъ мнѣ разсказывалъ. Я пригласила его войти, и онъ присѣлъ къ столу, на которомъ лежали конверты, перо и бумага. И какъ теперь помню, онъ писалъ, а я вставляла свѣчи въ подсвѣчники на консолѣ у зеркала.

Написавъ записку, господинъ попросилъ позволенія закурить папиросу, благодушно оглядывая при этомъ вокругъ мою комнату. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ—по поводу нашей общей квартиры, и мы какъ-то невольно разговорились, т. е., вѣрнѣе, я разсказывала откровенно и съ увлеченіемъ о петербургскихъ похожденіяхъ и о жизни въ кругу литераторовъ,—а онъ слушалъ меня съ тою же благодушной улыбкой.

— Значитъ, у васъ здѣсь что-то въ родѣ литературной коммуны? Вы, очевидно, знаете теперь всѣхъ сотрудниковъ „От. Записокъ"?

— Ну нѣтъ, говорю, далеко не всѣхъ. Самыхъ главныхъ—„столповъ"—до сихъ поръ не удостоилась даже видѣть... А очень бы хотѣлось, хоть бы однимъ глазкомъ, на нихъ поглядѣть.

— Т. е., это вы говорите про Некрасова и Салтыкова? Такъ вѣдь они оба больные и рѣдко бываютъ даже въ редакціи.

— А Елисеевъ? Елисеевъ вѣдь не больной, но попасть къ нему въ домъ невозможно. У него пріемы по самому строгому цензу — только люди въ чинахъ, съ отмѣнными аттестатами. А у меня ни чиновъ, ни аттестатовъ, да вдобавокъ еще это клеймо..

Онъ поднялъ брови.—Какое клеймо?

— А какъ же! Я работаю въ „Гражданинѣ", а это вѣдь тоже „печать отверженія"...

Я смѣялась и надъ собой, и надъ „столпами". Онъ тоже смѣялся и въ заключеніе, прощаясь и прося передать записку его Демерту, поблагодарилъ меня „за пріятно проведенное время" и выразилъ надежду, что мы не разъ еще увидимся.

— А вы еще долго здѣсь пробудете, извините, не знаю вашего имени-отчества и фамиліи?

— Да всю зиму, я полагаю. Я вѣдь только-что изъ Парижа.

Мнѣ послышалось, онъ назвалъ себя при этомъ *Исѣевъ*, и я окончательно утвердилась въ мнѣніи, что это—именно казанскій знакомый Николая Ал—ча. Записку я тутъ же передала хозяйкѣ, чтобы она положила ему на столъ. А на другой день вечеромъ ко мнѣ зашелъ Демертъ и въ присутствіи сидѣвшаго тогда у меня Минаева сказалъ мнѣ, буквально, слѣдующее:

— Вамъ кланяется Григорій Захаровичъ Елисеевъ. Онъ поручилъ мнѣ сказать, что вы теперь у него въ долгу: визитъ за вами.

Я ровно ничего не понимала! А Демертъ, смѣясь, разсказывалъ тутъ же Минаеву, что я—точь въ точь „Капитанская дочка" у Пушкина—„приняла Екатерину Великую за барскую барыню и выложила все дѣло на чистоту"...

— Въ будущій понедѣльникъ Елисеевы ждутъ васъ къ себѣ. И ужъ

какъ себѣ хотите—надо итти. Васъ теперь всѣ у насъ называютъ „Fille du régiment",—дочь полка, а меня въ „крестные" вамъ пожаловали.

И такимъ образомъ одно изъ самыхъ задушевныхъ моихъ желаній исполнилось какъ-то само собою: я жила въ литературномъ кругу, питалась исключительно литературными интересами, или, правильнѣе говоря,—интересами того „кружка", который занимался и жилъ современной журнальной литературою. (Въ этомъ, какъ я убѣдилась потомъ, была огромная разница!)

Съ Успенскими я видалась почти ежедневно, иногда и по нѣскольку разъ въ одинъ день: то я къ нимъ зайду, то отъ нихъ кто-нибудь ко мнѣ (всѣ знакомые почти были общіе) зайдетъ съ приглашеніемъ. Безъ приглашенія я никогда не ходила,—изъ боязни помѣшать работѣ Глѣба Иваныча. Но не проходило, кажется, дня, чтобы кто-нибудь не зашелъ и къ Демерту, и ко мнѣ. То Минаевъ придетъ „въ ударѣ"—говоритъ экспромтами. То Демертъ что-нибудь интересное разсказываетъ. То возвратили Гл. Ив. неразрѣшенную цензурой статью, и онъ собирался прочесть ее вслухъ. То Бобоша досталъ что-нибудь „нецензурное"... То крикнутъ въ окно: „Прислали красное вино изъ Парижа... Цѣлую бочку! Приходите пробовать!"... Иногда и самъ Глѣбъ Ивановичъ застѣнчиво, бывало, подойдетъ къ дверямъ и спроситъ нервной скороговоркой:—Не желаете ли съ нами на выставку? Пришелъ Николай Степановичъ (Курочкинъ). Выставка, говоритъ, интересная. Онъ знатокъ—и все намъ покажетъ.

Въ первый разъ Глѣбъ Ивановичъ, помню, зашелъ ко мнѣ, чтобы взглянуть на мой альбомъ съ фотографіями Дрезденской галлереи и Лувра. Ему сказали, что у меня есть снимокъ съ Венеры Милосской,—и ему хотѣлось провѣрить свои парижскія впечатлѣнія. Но, увидавъ фотографію, онъ не хотѣлъ даже вѣрить, что это—„*она, та самая*".

— Помилуйте!—съ волненіемъ говорилъ онъ: — тамъ это что-то просто уму непостижимое... Туда вѣдь молиться на нее ходятъ... Тамъ это дѣйствительно *богиня*... Можетъ быть, оттого, что тамъ это въ мраморѣ... и стоитъ она одна, въ отдаленіи... Но какъ есть живая... во весь человѣческій ростъ! Однимъ словомъ, не знаю отчего, но только это—совсѣмъ *не то!*—И онъ захлопнулъ альбомъ, не пожелавъ даже посмотрѣть другіе, болѣе удачные снимки.

У меня сохранилась отъ того времени такая записка Глѣба Иваныча:

„В. В.! Не хотите ли привить оспу [1])? Ничуть не больно. Если хотите, приходите теперь же. У насъ докторъ. „Г. У."

[1]) Тогда была эпидемія.

И, разумѣется, я шла всегда, когда меня звали: прививала вмѣстѣ съ ними оспу, пробовала красное вино, слушала Минаевскіе экспромты и смотрѣла картины... Мнѣ казалось тогда, что жизнь бьетъ ключомъ,— иногда черезъ край,—а они, писатели, жаловались тогда на тяготу, скуку, на „отсутствіе всякой жизни“... И чтобы разжечь въ себѣ хоть искру этой „жизни“, имъ нужно было безпрестанно ходить другъ къ другу и взаимно заражаться общественно-политическимъ недовольствомъ... Тогда начинались у нихъ разговоры и споры, тогда возникалъ матеріалъ для „очерковъ“, для статей и стихотвореній. Было ли это хорошо или дурно— судить не берусь, но оживленіе взаимной электризаціи наступало только когда собирались главные изъ сотрудниковъ. Михайловскій бывалъ рѣже другихъ, хотя и Глѣбъ Иванычъ, и Александра Васильевна дорожили особенно обществомъ Михайловскаго. Алекс. Вас. любила его больше всѣхъ.

— Онъ умница, онъ работаетъ,—говорила она.

Минаевъ, Демертъ, Максимовъ, Бобоша и прочіе многіе не понимали продолжительныхъ бесѣдъ безъ водки. Михайловскій пилъ только красное вино, да и то не всегда. Тѣ, напиваясь, кричали, выходили *изъ береговъ*. Михайловскій всегда былъ точно обведенъ вокругъ чертою,—точно въ рамкѣ. И Александра Васильевна знала заранѣе, что если Глѣбъ Иванычъ ушелъ къ Михайловскому,—значитъ, онъ скоро начнетъ работать.

Трудно представить двѣ болѣе противоположныя натуры, какъ эти два „друга“—Успенскій и Михайловскій. Это были какъ бы два полюса одной и той же силы. Оттого, можетъ быть, они и тяготѣли всегда другъ къ другу. Не подражая и ничего не заимствуя, они составляли вмѣстѣ что-то въ родѣ той самой *двояко-вогнутой призмы*, о которой говоритъ Михайловскій въ своей теоріи прогресса. Одинъ изображалъ искаженную, ненормальную жизнь искалѣченныхъ общимъ строемъ людей, другой—отвлеченіе или теорію желанныхъ „нормъ“ этой жизни. Они черпали другъ у друга не мысли, а то, что *вызывало на мысль*, самый позывъ къ размышленію,—и выводы этихъ размышленій почти всегда совпадали.

Присутствуя часто при разговорахъ писателей, я мысленно сравнивала иногда характеры каждаго. Въ спорахъ характеръ сказывается ярче всего. Михайловскій никогда *не излагалъ* своихъ мыслей и никогда не доказывалъ ихъ. Его обычный пріемъ былъ тогда—наводить другихъ на доказательства, заставляя выбалтываться или сбиваться въ противорѣчіяхъ— и потомъ вдругъ окатить, точно холодной водой, однимъ коротенькимъ замѣчаніемъ: „Почему же? Я этого не понимаю“. И онъ, бывало, молча ожидаетъ отвѣта, а въ глазахъ и на лицѣ мелькаетъ и нескрываемое торжество, и безпощадная насмѣшка. Такъ что порой становилось невольно и жутко, и стыдно и за того, кто спрашиваетъ такъ, и за того, кто ему

отвѣчаетъ... Мнѣ не случалось замѣчать, чтобы Михайловскій поправилъ когда-нибудь невольную ошибку неумѣлаго спорщика, облегчилъ смущенную застѣнчивость, смягчилъ остроту самолюбиваго раздраженія. Скорѣе напротивъ—вызывалъ ихъ и какъ бы тѣшился чужимъ раздраженіемъ, дававшимъ ему яркое ощущеніе собственнаго превосходства. И только разъ мнѣ довелось услышать искренно-теплые звуки его голоса, когда онъ, разойдясь въ ту же зиму съ своей женой,—обѣдалъ, вмѣстѣ со мной, у Успенскихъ. Это было годъ спустя, въ день его именинъ, и такъ какъ у него уже не было дома хозяйства, Александра Васильевна пригласила его „на пирогъ". Въ сумерки, помню, всѣ мы сидѣли вокругъ стола съ послѣобѣденнымъ самоваромъ, и всѣ жаловались, что жизнь слагается не такъ, какъ бы хотѣлось.

— Не знаю, какъ другіе,—задумчиво говорилъ Николай Константиновичъ,—но для себя я бы хотѣлъ только одного: клочокъ земли и какъ можно побольше книжекъ. И я надѣюсь современемъ устроиться именно такъ, à la Цинциннатъ: куплю себѣ десятину, выстрою избу и буду копаться въ огородѣ, да читать разныхъ Спенсеровъ, Дарвиновъ и Гексли—въ оригиналѣ...

— Неужели больше ничего не хотите?—спрашивала Александра Васильевна.—Вы еще молоды, соскучитесь одинъ...

— Такъ чувствую теперь, Александра Васильевна. А за будущее никто поручиться не можетъ.

Разговоровъ или споровъ, въ которыхъ участвовалъ бы Глѣбъ Ивановичъ, я совсѣмъ не помню. Мнѣ онъ запомнился въ одномъ положеніи: сидитъ или стоитъ гдѣ-нибудь въ углу въ тѣни, слушаетъ и думаетъ про себя... И по лицу его всегда угадаешь, бывало, когда говорятъ правду, когда—что-нибудь *вовсе ненастоящее*... Когда на вискахъ появится скорбная складка, и нервно вздрагиваютъ губы, и глаза строго впиваются въ говорящаго, и брови сжаты вплотную, точно держатъ тамъ свою крѣпкую думу—это значитъ—онъ несогласенъ и мысленно разрушаетъ хотя бы самыя краснорѣчивыя и хитроумныя построенія... А если глаза его тихо свѣтятся, и улыбаются губы, и нѣтъ складки на лбу—значитъ *правда*, и ему хорошо, слушая эту правду...

Глѣбъ Иванычъ для многихъ—и въ томъ числѣ для меня—игралъ тогда роль „эрдени" въ старинныхъ сказкахъ Востока—существа, приносящаго счастье всѣмъ, кто съ нимъ встрѣтится или залучитъ его къ себѣ въ домъ. Увидишь, бывало, его на улицѣ, обмѣняешься однимъ взглядомъ, поклономъ, а въ душѣ—впечатлѣніе чего-то хорошаго, добраго, чистаго, радостнаго... То же самое и въ толпѣ, гдѣ бы онъ ни былъ. Тайной невѣдомыхъ еще силъ природы у каждой души есть своя лучистая атмо-

сфера. И все, что вносятъ собою эти лучи въ мировое теченіе жизни, никогда не остается безслѣднымъ. Часто думала я и тогда и потомъ—*въ чемъ* собственно заключалась эта тайна его обаянія? Отчего воспоминаніе о немъ вызываетъ сейчасъ же представленіе кипучей живительной дѣятельности и сердца, и ума? Даже самые дома, гдѣ онъ жилъ, обвѣяны для меня какъ будто токами магнетической силы. И я не знаю другого отвѣта, какъ это сравненіе съ магнетическимъ токомъ его привлекательной личности. Все невѣдомое и еще неосуществленное, но уже *данное* душѣ его, уже существующее въ ней, какъ зерна *будущихъ* цвѣтеній — весь этотъ сонмъ прочувствованныхъ образовъ и выстраданныхъ чувствъ, и сердцемъ выношенныхъ, до тла перегорѣвшихъ воспоминаній, — всѣ его повѣсти, очерки и разсказы, написанные и ненаписанные, но уже мелькавшіе въ его головѣ, все это было неразрывно съ нимъ вмѣстѣ всегда, его душа и его біографія, и его всѣмъ намъ милое имя: *Глѣбъ Успенскій!..*

Въ обстановкѣ и въ обращеніи Михайловскаго была простота *по теоріи*, по извѣстной строго опредѣленной программѣ,—у Глѣба Успенскаго простота была въ сердцѣ. Мнѣ кажется, онъ *физически* не выносилъ ничего показного, ничего пріукрашеннаго ни въ литературѣ, ни въ жизни. Вкусы его были строгіе и простые, впослѣдствіи, можетъ быть, даже аскетическіе. И даже красоту Тургеневскаго слога онъ называлъ брезгливо „фокусами сороковыхъ годовъ“.

Михайловскій работалъ методически-правильно, изо дня въ день, заботился о гигіенѣ, занимался гимнастикой, столярничалъ или вырѣзывалъ что то на ручномъ станкѣ. У Михайловскаго—въ ихъ крошечной квартиркѣ въ двѣ узкихъ, длинныхъ комнаты на Офицерской въ домѣ Виноградовой—все-таки былъ *кабинетъ*, настоящій письменный столъ съ настоящими письменными принадлежностями, была библіотека...

У Глѣба Иваныча я не помню ничего подобнаго. Вмѣсто чернильницы—просто пузырекъ съ ализариновыми чернилами, простая деревянная ручка съ перомъ и пачка почтовой бумаги въ осьмушку. Писалъ онъ всегда прямо набѣло и совсѣмъ безъ помарокъ. Все вынашивалось въ головѣ,—съ помощью записной книжки вмѣсто библіотеки,—и заносилось на бумагу, какъ остріемъ гравера на камень. (И все вр[illegible]я, пока онъ писалъ, гдѣ-нибудь подлѣ обязательно кипѣлъ самоваръ, хотя [illegible]итые стаканы оставались невыпитыми). Самый почеркъ его въ эти год[illegible] [illegible]апряженнаго писательства напоминаетъ именно гравюру-офортъ. Что-то острое, сжатое и простое, какъ шпицъ готическаго *Dom'а*, и съ такими же характерно-опредѣленными очертаніями—къ *одной идеѣ* направленнаго глубокаго замысла. Ничего лишняго и все живетъ [illegible] заставляетъ задумываться, все тянетъ, увлекаетъ—вверхъ, туда, гдѣ одно единое на потребу“... Какой-то стрѣльчатый почеркъ, какъ бываетъ стрѣль-

чатая архитектура.—Напряженная внутренняя работа никогда въ немъ не прерывалась,—*мысленно* онъ писалъ, можно сказать, постоянно, но къ столу присаживался, когда все было готово внутри, и когда никто и ничто ему не мѣшали. Двери тогда закрывались для всѣхъ, и на стражѣ у этихъ дверей была Александра Васильевна. Посѣтители тогда мѣняли квартиру, собираясь у Демерта или Михайловскаго. Иногда и сама Александра Васильевна приходила ко мнѣ на цѣлый вечеръ съ книгой и „Тунькой" [1]), и мы читали или разсказывали другъ другу свою жизнь. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я узнала подробную исторію ея знакомства и сближенія съ Глѣбомъ Иванычемъ.

Она была изъ богатой семьи фабриканта Бараева (Глѣбъ Иванычъ звалъ ее часто *Бяшечка*), рано осталась сиротой, съ мачихой и чахоточнымъ братомъ. Воспитывалась она въ Маріинскомъ институтѣ, когда тамъ былъ Вл. Як. Стоюнинъ; она была его ученицей [2]), любила серіозное чтеніе, мечтала,—„какъ всѣ мы тогда",—о пользѣ „для человѣчества", но ѣздила съ мачихой въ театръ, на вечера и балы, читала Шелгунова и Писарева, искала себѣ „дѣла" и танцовала ночи напролетъ съ офицерами въ клубѣ... Братъ ея вскорѣ умеръ, она совсѣмъ осталась одна и начинала потихоньку отъ мачихи готовиться въ народныя учительницы. И вотъ, лѣтомъ, когда они жили на дачѣ въ Стрѣльнѣ, рядомъ съ ними на томъ же дворѣ поселилось нѣсколько литераторовъ. Это были Н. С. Курочкинъ, Демертъ, Кущевскій и затѣмъ Глѣбъ Успенскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Николаемъ.

— Сначала мы только молча встрѣчались на дворѣ и въ саду,— разсказывала мнѣ Александра Васильевна.—Глѣбъ Иванычъ былъ тогда совсѣмъ еще юноша и всегда ходилъ съ книжкой. Сначала онъ все отъ меня убѣгалъ,—дикій былъ онъ ужасно. А мой сводный братъ, мачихи сынъ, мальчикъ лѣтъ десяти, все бѣгалъ къ нему, носилъ ему отъ насъ разныя книжки. У нашего знакомаго—Коли Долганова—была библіотека, и Глѣбъ Иванычъ все просилъ „что-нибудь почитать". Я посылала ему книги съ выборомъ—за одну, Щапова, онъ меня поблагодарилъ, и мы начали разговаривать. Потомъ Глѣбъ Иванычъ сталъ къ намъ ходить. Я привыкла всегда съ кѣмъ-нибудь няньчиться. Сначала мой братъ... Я только имъ и

---

[1]) Объ этой Тунькѣ Г. И. вспоминаетъ въ одномъ письмѣ изъ Парижа. Это была маленькая, шарообразная, лохматая собачонка, которую онъ подобралъ гдѣ-то на улицѣ съ переломленной ногой и цѣлый мѣсяцъ лечилъ потомъ холодными компрессами—и вылечилъ.

[2]) Въ годъ его юбилея было помѣщено ея воспоминаніе о немъ въ „Сынѣ Отечества".

жила тогда... и все Богу молилась—чтобы Богъ его спасъ. Но онъ умеръ, и я съ тѣхъ поръ перестала молиться. Если бы Богъ существовалъ, онъ долженъ былъ исполнить мою молитву,—у меня только и былъ одинъ, дорогой, близкій мнѣ человѣкъ,—я хотѣла жить для него,—зачѣмъ же онъ допустилъ, что братъ умеръ! Я не знаю,—можетъ быть, я невѣрно сужу, но съ тѣхъ поръ Богъ для меня не существуетъ. Человѣкъ совершенно одинъ на землѣ. И люди всѣ—такіе несчастные! Люди сами должны помогать другъ другу... Вотъ и Глѣбъ Иванычъ тогда былъ тоже одинъ... И никто ему не хотѣлъ помочь... И у него были такіе товарищи... Этотъ двоюродный братъ его Николай... Они бы его совсѣмъ погубили. Мнѣ было его очень жалко... За меня тогда многіе сватались. Опекуны къ тому времени насъ совсѣмъ разорили, и мачиха думала, что я „сдѣлаю партію", выйду за какого-нибудь купца или офицера... А я, бывало, гдѣ-нибудь на балу, откажусь отъ приглашеній,—скажу, что голова заболѣла, и уѣду потихоньку къ Глѣбу Иванычу. Куплю по дорогѣ сыру, краснаго вина, пирожковъ,—у Глѣба Иваныча, кромѣ долговъ, ничего тогда не было, и онъ иногда совсѣмъ голодалъ... Ну, вотъ, пріѣду, сидимъ съ нимъ вдвоемъ, разговариваемъ... И такъ намъ было тогда хорошо!.. А мачиха думаетъ, что я на балу веселюсь!..—Она тихо смѣялась, разсказывая мнѣ это взволнованно-прерывистымъ голосомъ, какимъ всегда говорила о Глѣбѣ Иванычѣ. „Даже одно это имя—*Глѣбъ*—для меня ужъ поэзія!"—признавалась она мнѣ потомъ, когда ея „Глѣба" уже не существовало въ живыхъ.

Она разсказывала и все поглядывала въ окно, откуда были видны ихъ освѣщенныя окна и въ одномъ изъ нихъ—голова Глѣба Иваныча, низко склоненная надъ столомъ. Увлеченная воспоминаніемъ и разсказомъ, она засидѣлась тогда у меня далеко за полночь. И когда мы вышли съ ней въ коридоръ,—лампы были потушены, и вокругъ была тьма египетская. Я зажгла свѣчу и пошла ее провожать. Но дорогой мы снова разговорились, и, стоя уже подлѣ дверей, она еще разъ повторяла мнѣ „исторію своего безвѣрія"...

— Бога не существуетъ!.. Люди такъ одиноки и такъ безпомощны!.. И иначе думать я не могу... Я не могу себя обманывать... Я знаю, что ничего больше нѣтъ...

Она стояла передо мной тогда какъ типическій образецъ *новой женщины*: высокая и полная, въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, съ замѣтно расширенной таліей и выдающимся спереди животомъ, но остриженная какъ мальчикъ, съ короткими черными прядями на вискахъ и на лбу, съ страдальчески-горькой улыбкой на блѣдныхъ губахъ и съ ядовитой горечью въ тихомъ взволнованномъ голосѣ... И голосъ былъ новый, и онъ звучалъ откуда-то изъ глубины давно затихшихъ, но все еще не забытыхъ страданій. И лицо

было новое: оно дышало истомой былого отчаянія, но въ то же время въ этомъ блѣдномъ и нервномъ лицѣ съ разгорѣвшимися глазами чувствовалась живая и властная сила, дающая и новую жизнь и новую вѣру...

Вѣру въ *новыхъ* людей, помогающихъ людямъ... Людямъ „такимъ одинокимъ, такимъ несчастнымъ... безъ Бога!"

Я съ интересомъ всматривалась въ это новое для меня лицо, когда вдругъ распахнулась дверь ихъ квартиры, и на порогѣ показался самъ Глѣбъ Иванычъ, въ своемъ старенькомъ сѣромъ пальто и со свѣчкой въ рукахъ. Онъ держалъ подсвѣчникъ высоко надъ головой и, испуганными глазами всматриваясь вглубь темнаго коридора, тревожно окликнулъ:

— Это вы, Александра Васильевна? Съ кѣмъ это вы тутъ? Я слышу все время вашъ голосъ за дверями и думалъ, что-нибудь случилось... Что же это вы такъ поздно... впотьмахъ... Еще кто-нибудь подойдетъ... Гдѣ это вы до сихъ поръ?..—Въ голосѣ его послышалось что-то недовольное и ревнивое.

Счастливая улыбка затрепетала у нея на губахъ.

— Да кто же можетъ ко мнѣ подойти!.. Что это вы, Глѣбъ Иванычъ! Я была у В. В., и мы съ ней заговорились...

Я ушла отъ нихъ тогда подъ впечатлѣніемъ какой-то идилліи. Совершенно точно Аѳанасій Иванычъ и Пульхерія Ивановна. Счастливая пара,— только не смѣшная, а милая.

На слѣдующій вечеръ она снова пришла и, какъ обѣщала, разсказала мнѣ до конца „романъ ихъ *беззаконной* любви" съ Глѣбомъ Иванычемъ.

— Ну, а потомъ мы разъѣхались,—начала она свое „продолженіе". Глѣбъ Иванычъ кончилъ свой романъ „Разореніе" [1]) и уѣхалъ лечиться въ Тамбовскую губернію. А я поступила учительницей въ Елецкій уѣздъ, въ имѣніе Хорадиновой. Потомъ и Глѣбъ Иванычъ переѣхалъ поближе, въ Крапивну, народнымъ учителемъ. Онъ пріѣзжалъ, бывало, въ Елецъ, чтобъ повидаться со мной—урывками, гдѣ придется. Ждалъ меня разъ на вокзалѣ... И никто и не подозрѣвалъ тогда, что мы давно уже мужъ и жена,—только не вѣнчанные. Но вѣдь тогда еще на это смотрѣли не такъ, какъ теперь, особенно тамъ, въ глуши; школу бы отняли, если бы знали. А я хотѣла работать. Да и мачиха моя, женщина неразвитая,—конечно, не понимала, что Глѣбъ Иванычъ совсѣмъ не то, что другіе...

---

[1]) Повѣсть Глѣба Успенскаго „Разореніе", по словамъ А. В., во многомъ заимствована изъ жизни его семьи, а героиня повѣсти, Надя—едва ли не списана съ самой Ал. В—ны.

Состояніе ихъ къ тому времени пришло въ окончательное разстройство, и у Алекс. Вас. оставались „какіе-то гроши“,—да и для полученія этихъ грошей надо было еще хлопотать судебнымъ порядкомъ.

— А мы съ Глѣбомъ Иванычемъ не умѣемъ ни отчета требовать, ни защищать свои права,—прибавляла она.

Наконецъ, послѣ разныхъ мытарствъ и вынужденной разлуки на цѣлые мѣсяцы, они повѣнчались осенью въ Петербургѣ [1]), но только черезъ годъ потомъ могли устроить совмѣстное житье. Жить приходилось обоимъ разнаго рода работой. Она давала уроки, переводила съ французскаго и нѣмецкаго разныя легкія книжки, а Глѣбъ Иванычъ дописывалъ свое „Разореніе“, писалъ и задумывалъ новыя работы. Но всѣ труды ихъ приносили гроши, или цѣликомъ уходили на уплату прежнихъ долговъ Глѣба Иваныча, и часто не хватало рубля на чай, на свѣчи, на булку...

Деньги у нихъ вообще—и тогда и потомъ—уходили неимовѣрно легко. Это были какія-то *не свои*, а какъ бы *общія* деньги. Кому было надо, тотъ ими и пользовался. Никакихъ пріемовъ и угощеній они никогда не устраивали,—но „нельзя же было“ не дать чего-нибудь поѣсть или выпить всѣмъ этимъ людямъ, хотя и не голоднымъ по профессіи, но далеко не обезпеченнымъ въ сытости...

— Александра Васильевна, какъ бы намъ чего-нибудь закусить?—говорилъ Глѣбъ Ивановичъ. И Александра Васильевна изобрѣтала закуску: она писала „Колѣ Долганову“... [2]). Совершались обычныя операціи займа, съ векселями и простыми расписками, съ залогомъ и выкупомъ... И все это тайно, безъ вѣдома Глѣба Иваныча, чтобы не безпокоить его, не отвлекать отъ работы...

Однимъ словомъ, это была именно та жена, которую надо было *выдумать* для Глѣба Успенскаго, если-бъ ея не существовало въ дѣйствительности. Именно въ ней было нѣчто подобное *власти земли*, внѣ которой гибнетъ „замученное естество человѣческое“...

Ее многіе осуждали за „ревность“—за то, что она, будто-бы, никого „не пускала“ къ Глѣбу Ивановичу... Въ то время, о которомъ я здѣсь разсказываю, женскаго общества возлѣ нихъ, дѣйствительно, я не помню. Жена Михайловскаго да я были тогда чуть не единственными

[1]) Вѣнчаніе Гл. Ив. и Ал. В. совершилось 27 мая 1870 г. въ верхней церкви Владимирскаго собора (на Владим. ул.). Свидѣтелями были со стороны жениха: Д. Н. Симоновъ и Н. А. Демертъ; со стороны невѣсты—А. М. Скабичевскій и Н. А. Долгановъ. Жениху было 28 лѣтъ, невѣстѣ—25.

[2]) Этотъ „Коля Долгановъ“ долго игралъ въ ихъ жизни роль добраго генія—появлялся, когда былъ нуженъ, и исчезалъ, когда надобность въ немъ исчезала. Впослѣдствіи онъ спился, и А. В. въ свою очередь помогала ему.

исключеніемъ. Раза два появлялась какая-то молоденькая барышня,—кажется, сестра одного литератора, только что вышедшая изъ института, собиравшаяся поселиться въ деревнѣ, приносить пользу и пр.,—но и она потомъ вскорѣ исчезла. Тогда и это пытались объяснять ревностью. Хотя вѣрнѣе всего—самой барышнѣ было здѣсь скучно. Александра Васильевна интересовалась только тѣмъ, что близко касалось Глѣба Ивановича, а самъ онъ при „барышняхъ“ обыкновенно молчалъ или попросту уходилъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Меня Александра Васильевна часто сама посылала къ Глѣбу Иванычу:

— Подите, поговорите съ Глѣбомъ Иванычемъ... Разскажите это Глѣбу Иванычу,—это будетъ ему интересно.

Поводовъ же къ ревности было не мало,—и можно скорѣе удивляться долготерпѣнію и такту жены писателя, никогда не допускавшей себя ни до какихъ „семейныхъ сценъ“ и взрывовъ. Глѣбъ Ивановичъ могъ бы пользоваться полной свободой, если-бъ хотѣлъ, а для жены его существовалъ во всю жизнь только онъ.

Были и у нея, конечно, свои недостатки—напр., удивительная способность выискивать во всемъ обратную сторону, выставлять въ смѣшномъ видѣ все, что не подходитъ подъ рубрику „направленія“... Никто лучше ея не умѣлъ подхватить невзначай сорвавшееся, неумѣстное слово, оттѣнить слабую струнку каждаго. Всякое слово, поступокъ и жестъ въ этомъ родѣ („ложные жесты“!—у Михайловскаго) подчеркивались и выставлялись на судъ, какъ ошибка въ школьномъ диктантѣ, и вызывали игриво-ядовитое или критически-строгое замѣчаніе „гувернантки“, какъ я мысленно тогда называла ее. Иногда это меня возмущало, какъ возмущаетъ дѣтей замѣчаніе старшаго. Но теперь мнѣ кажется—тутъ тоже сказывалось вліяніе всеобщей нашей воспитательницы — „обличительной литературы“ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ привычками институтки-учительницы. Помню, какъ однажды она „отчитывала“ меня—ни въ чемъ неповинную—за ссору Демерта и Furбоши, едва не поведшую къ дуэли. Это было чистѣйшее недоразумѣніе между нами. но она такъ убѣдительно-краснорѣчиво внушала мнѣ обязанности женщины не раздувать никакихъ страстей и смягчать нравы всего окружающаго, что я безропотно прослушала тогда ея внушительное поученіе... Да, это была дѣйствительно наша общая гувернантка, строго слѣдившая за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ, не допускавшая ихъ „распускаться“ въ ея присутствіи. И тѣ, кто тяготились этой „опекой“ или „надзоромъ“, уходили отъ нея, раздраженные, и... „грѣшили на сторонѣ“, но близко подходить къ себѣ чему-нибудь невполнѣ чистоплотному въ физическомъ или моральномъ отношеніи Алекс. Васильевна никогда и *никому* не разрѣшала. Эта пуританская строгость

сказывалась у нея во всемъ—въ языкѣ и обращеніи съ людьми, даже въ отношеніяхъ ея къ Глѣбу Иванычу. Они оба казались влюбленными и стыдливо прятали эту влюбленность отъ всѣхъ, даже отъ самихъ себя. Иногда мнѣ случалось подмѣчать его взглядъ на нее—глубокій и нѣжно-задумчивый,—и сейчасъ оба вспыхивали и опускали глаза.

Они ждали тогда ребенка. Но онъ родился преждевременно, мертвый, и нѣсколько дней они потомъ оба очевидно страдали, чувствуя себя какъ бы виноватыми. И Глѣбъ Иванычъ началъ вдругъ ненавидѣть эту квартиру въ домѣ Воронина на Гончарной.

— Казематъ какой-то,—помилуйте!—сумрачно говорилъ онъ.—Коридоры эти кругомъ—зги не видать,—совершеннѣйшія „Трущобы“ Всеволода Крестовскаго! Шорохи тамъ постоянно какіе-то за стѣною... Кто тамъ живетъ, что они дѣлаютъ?—ничего не извѣстно. Даже жутко иной разъ становится... Ни думать ни писать я здѣсь ни о чемъ не могу...—И они переѣхали на Фонтанку, опять въ домъ Тарасова, гдѣ случайно освободилась маленькая—„веселенькая“—квартирка во дворѣ, по сосѣдству съ той, гдѣ я увидѣла впервые Гл. Ив., и гдѣ жилъ теперь братъ Марьи Евграфовны, артистъ Павловскій.

Работа у Гл. И. въ то время что-то не клеилась. Объ этомъ говорили всѣ сотрудники и друзья. И то же самое говорило его лицо. Ни на одномъ лицѣ не удавалось мнѣ читать такъ выразительно и счастье и муку писательства...

Разъ вечеромъ, поздно вернувшись откуда-то, съ публичной лекціи или изъ концерта,—мы цѣлымъ обществомъ пили чай у Успенскихъ. Кто-то принесъ ему нумеръ газеты,—кажется, „Петербургскихъ Вѣдомостей“,—съ рецензіей о его послѣднихъ работахъ въ „Отеч. Запискахъ“,—именно о Парижѣ. Рецензентъ находилъ у автора „недостатокъ образованія“, совѣтовалъ ему еще поучиться и не браться за темы, въ которыхъ прославились наши первоклассные таланты и геніи... Что-то въ этомъ родѣ,—теперь ужъ не помню. Глѣбъ Иванычъ, присѣвъ къ столу на диванѣ, читалъ, не отрываясь. Вокругъ него ходили, говорили,—а онъ все читалъ и читалъ... Я сидѣла въ тѣни, противъ него, и, украдкой глядя на его лицо, невольно угадывала,—*видѣла*,—что переживалъ онъ, читая эту рецензію. За минуту оживленно-веселое лицо его было искажено теперь глубокимъ страданьемъ. Онъ точно горѣлъ весь на медленномъ огнѣ.. Даже всегда бѣлый лобъ его какъ будто пылалъ, губы судорожно кривились и вздрагивали,—и по временамъ онъ закрывалъ рукою глаза, чтобы ничто не отвлекало его отъ этого листа газетной бумаги. Кончитъ и опять начнетъ перечитывать. Наконецъ, кто-то догадался и отнялъ у него га-

зету. Онъ не пошевельнулся и продолжалъ сидѣть, не отводя глазъ отъ стола, какъ будто жгучія строки все еще были передъ его глазами...

— Ну, что же тамъ написано, Глѣбъ Иванычъ?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.—Хвалятъ или бранятъ?—Плюньте, если бранятъ: значитъ, болванъ какой-нибудь, ничего не понимаетъ!..

Глѣбъ Иванычъ точно проснулся.

— Какъ это ничего не понимаетъ?! Что это вы говорите!.. Отлично все это у него написано... Какъ есть сущая правда!—беззвучно проговорилъ онъ, порывисто всталъ съ дивана и, никому не сказавъ ни слова, вышелъ въ переднюю. Больше въ тотъ вечеръ мы его не видали.

Александра Васильевна не спала потомъ цѣлую ночь, ожидая его возвращенія. А онъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по Фонтанкѣ... И, говорятъ, эта Фонтанка не разъ манила его въ свои мутныя волны...

Запомнилось и еще одно впечатлѣніе... въ томъ же родѣ.

Это было уже полгода спустя, въ ночь пасхальной заутрени, когда онъ зашелъ къ Демерту поздно вечеромъ—прямо отъ Некрасова. Я тоже зашла зачѣмъ-то къ Николаю Александровичу и застала ихъ вдвоемъ за столомъ, на которомъ были разставлены пасхальныя снѣди: куличъ, пасха, окорокъ, красныя яйца и красное вино. Въ церквахъ уже благовѣстили, и Демертъ предлагалъ, „отбросивъ рутину", разговѣться, прежде чѣмъ итти бродить по улицамъ. И, какъ всегда, изображая всѣхъ и вся въ комическомъ видѣ, усердно подливалъ въ стаканы и мнѣ, и Глѣбу Ивановичу.

Успенскій сидѣлъ молчаливый, сосредоточенный. Но послѣ второго стакана лицо его начинало разогрѣваться.

— А знаете, В. В.,—обратился онъ вдругъ ко мнѣ:—я сегодня долго проговорилъ съ Некрасовымъ... Какіе у него удивительные глаза! Просто заворожилъ онъ меня сегодня... Вотъ гдѣ именно можно сказать его же стихами:

„Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны!"

Онъ прочиталъ эти два стиха вполголоса, просто, какъ будто думая вслухъ и самъ задумываясь надъ глубиной сокрытой въ нихъ мысли. Ни прежде, ни потомъ, никогда не слыхала я никакихъ лирическихъ звуковъ отъ Глѣба Успенскаго. Онъ точно стыдился или пренебрегалъ поэзіей... И вдругъ стихи—моментъ лирическаго экстаза! Помню, это произвело на меня тогда впечатлѣніе молніи въ темной комнатѣ: какъ будто душа его внезапно распахнулась на мигъ и стала мнѣ еще ближе и еще понятнѣе... И эти стихи запомнились навсегда вмѣстѣ съ образомъ Глѣба Иваныча въ ту пасхальную ночь...

— Необыкновенный это человѣкъ!—задумчиво прибавилъ онъ опять о Некрасовѣ.—Я съ нимъ безъ волненія говорить не могу... И что мы такое пишемъ? Зачѣмъ? Всѣ мы, вообще?.. А вотъ онъ... Однимъ взглядомъ всю душу перевернетъ... все внутри заработаетъ!

В. Т—ва (Починковская).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Два письма Н. К. Михайловскаго къ П. Л. Лаврову [1].

Wien Prager Strasse, № 9.

I.

Я очень поздно прочиталъ ваше письмо, потому что поздно узналъ объ его существованіи, а получивъ, не могъ разобрать адреса и такъ и до сихъ поръ его не знаю. Вотъ почему отвѣтъ затянулся. Несмотря на все мое желаніе, мнѣ, можетъ быть, не удастся съ вами видѣться и потому прошу у васъ пока письменнаго собесѣдованія, а тамъ что будетъ. Главное объ журналѣ и моемъ участіи въ немъ. Откровенно говоря, это дѣло мнѣ съ самаго начала не улыбалось. Заграничный журналъ, особенно теперь, долженъ быть, по моему мнѣнію, блистателенъ или его вовсе не должно быть. Вы пользуетесь превосходной репутаціей въ извѣстной части русскаго читающаго общества, не говоря уже объ томъ, что никакая партія не можетъ отрицать вашего таланта, глубокомыслія и обширности вашихъ знаній. Это даетъ вамъ положеніе очень выгодное, но и очень отвѣтственное. Поставивъ неудачно на карту свою репутацію, вы проиграете не только ее, а и много чужого имущества. И тогда жди опять времени и людей. Зная наличныя силы литературы и зная, что изъ этихъ крохотныхъ силъ въ заграничный журналъ можно привлечь только ничтожную долю и притомъ далеко не самыхъ лучшихъ, я относился къ вашему плану скептически. Однако, свое согласіе далъ. Мало того, въ горькую минуту, тянувшуюся, впрочемъ, не одну минуту, я рѣшилъ было эмигрировать и пристроиться къ вамъ окончательно и безповоротно. Мысль эту я бросилъ по многимъ

---

[1]) Печатаемыя письма переданы намъ изъ парижскаго архива покойнаго П. Л. Лаврова лицами, имѣющими на то всѣ юридическія и моральныя права. Въ письмахъ этихъ, какъ видитъ читатель, содержатся отвѣты Михайловскаго Лаврову на предложеніе участвовать въ организовавшемся за границею журналѣ „Впередъ“ Это было въ 1873 году. *Ред.*

причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя разскажу. Во-первыхъ, вышеизложенное, т. е. безполезность и пожалуй даже вредность такого поступка: я—не вы, но и себя я не считаю вправѣ промѣнять 8000 читателей, обезпеченныхъ прочнымъ соединеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ силъ, на дѣло невѣрное и трудное. Потомъ общія основанія, по которымъ эмигрировать вообще не легко. Потомъ частности въ родѣ возмутительной исторіи Смирнова: жить въ такой мерзости противно и во всякомъ случаѣ для этого нѣтъ надобности уѣзжать изъ Россіи, гдѣ эта мерзость не такъ больно и оскорбительно колетъ глаза. Потомъ чуть-ли не самое важное. Мои литературныя замѣтки создали мнѣ положеніе, котораго я побаиваюсь, но принимаю. Ко мнѣ лично и письменно обращаются молодые люди съ изложеніемъ своихъ сомнѣній и за разрѣшеніемъ разныхъ близкихъ имъ вопросовъ. Отъ этого положенія я, во-первыхъ, не откажусь ни за что въ мірѣ, а во-вторыхъ, сомнѣнія и вопросы таковы, что, поскольку я могу вообще помочь тутъ, я могу дѣлать это въ русскомъ журналѣ, а поскольку не могу вообще—не могу и въ заграничномъ. Я не революціонеръ, всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже. Смотря такъ на дѣло, я могу до извѣстной степени быть въ дружбѣ съ старыми богами и слѣдовательно писать и въ Россіи. Вы скажете, что я не такъ ставлю вопросъ, что незачѣмъ или быть дѣятельнѣйшимъ вашимъ сотрудникомъ здѣсь на мѣстѣ, или не принимать въ вашемъ журналѣ никакого участія. Но въ корреспонденты, въ собиратели и сообщители фактовъ, не подлежащихъ публикаціи въ Россіи, я не гожусь по свойству моихъ связей и знакомствъ. Доставить же вамъ время отъ времени статью, которая почему-нибудь не можетъ быть напечатана въ Россіи, конечно, можно, но объ этомъ не стоитъ разговаривать. Въ заключеніе мнѣ хочется сказать вамъ, что я васъ очень люблю и уважаю.

II.

Опять запаздываю отвѣтомъ, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, потому что уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Вѣны, и ваше письмо пришло безъ меня.

Между нами вышло маленькое недоразумѣніе. Говоря, что заграничный журналъ, и особенно теперь, долженъ быть блестящимъ или его вовсе не должно быть, я имѣлъ въ виду *блескъ* не въ спеціально литературномъ отношеніи. Это, конечно, дѣло второстепенное, хоть и далеко не лишенное значенія. Я говорилъ, что журналъ долженъ быть блестящимъ по своему внутреннему достоинству. И если онъ такимъ не будетъ, онъ будетъ,

не только не полезенъ, будетъ вреденъ, потому что даетъ случай порадоваться или поскалить зубы однимъ и разочароваться другимъ.

Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ о значеніи и цѣнности вашей репутаціи. Какія у васъ данныя, не считая вашей высокоуважаемой личности, въ пользу того, что журналъ будетъ дѣйствительно хорошъ? Нашъ посредникъ склоненъ смотрѣть на вещи въ розовомъ свѣтѣ. Впрочемъ, я не знаю всего добытаго имъ, можетъ быть, есть и много цѣннаго, хотя мнѣ странно, что вы отъ него до сихъ поръ ничего не имѣете. Сообщу, что я знаю. Три или четыре талантливые и подходящіе писателя (а они на перечетѣ), съ которыми я говорилъ, отказались наотрѣзъ или отозвались весьма неопредѣленно и уклончиво. Смотрите на это какъ хотите, но это фактъ. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что „Впередъ" ждутъ, но, насколько мнѣ извѣстно, не какъ сокровищницы, въ которую желательно вложить свою лепту, а какъ повелительнаго наклоненія. Эти вамъ ничего не дадутъ, а будутъ съ васъ спрашивать. Вотъ что я знаю. Затѣмъ думаю, что найдутся способы для собиранія и передачи голыхъ фактовъ, но сильно сомнѣваюсь, чтобы, не считая исключеній, вы получили изъ Россіи вещи обработанныя, я опять-таки не объ одномъ литературномъ отношеніи говорю.

Надѣюсь, вы не мечтаете направлять на путь истины правительство. Остаются двѣ цѣли: мѣсто, гдѣ можно вволю наплакаться и насмѣяться, для однихъ и повелительное наклоненіе для другихъ. Первыхъ вамъ придется искать и организовать съ большимъ трудомъ, потому что готовый человѣкъ-писатель къ вамъ не пойдетъ. Я первый не пойду, пока я живу въ Россіи. Легко сказать: высказывайте, что въ васъ накипѣло, выкрикивайте, что въ васъ наболѣло. Какъ будто человѣка, къ которому приглядѣлись, не узнаютъ съ перваго десятка строкъ и не упрячутъ въ тундры сибирскія, не лишатъ его общества и не лишатъ общества его. А ломаться, не быть искреннимъ, выкрикивать, что наболѣло, поддѣлываясь подъ чужой голосъ,—развѣ это возможно? Вотъ почему я, незадолго предъ отъѣздомъ, сказалъ нашему посреднику: или я буду принимать въ журналѣ самое близкое участіе, или никакого.

Я думалъ тогда объ эмигранствѣ. Кстати, эта мысль, въ концѣ концовъ мимолетная, неизвѣстна никому, ни даже самымъ близкимъ ко мнѣ людямъ. Считаю не лишнимъ предупредить васъ объ этомъ.

Что касается до повелительнаго наклоненія, то молодежь его очень ждетъ, и голосъ „Впередъ", какъ бы онъ ни устроился, если только вы будете вести его, будетъ имѣть большой вѣсъ. Скажите же мнѣ ваше повелительное наклоненіе не въ теоретической области, а въ практической. Въ ожиданіи я вамъ скажу свое: сидите смирно и готовьтесь.

Другого я не знаю, другого, по моему, русскій соціалистъ теперь имѣть не можетъ. Никакой радикально соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по моему, несомнѣнно. Японія, Турція имѣютъ конституцію, долженъ же придти и нашъ чередъ. Я, впрочемъ, не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ, и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешотомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію, какъ слѣдуетъ, можно, и слѣдовательно должно. Въ тотъ часъ, когда это станетъ невозможнымъ,—я вашъ, несмотря ни на что, до тѣхъ поръ—нѣтъ.

Будьте, пожалуйста, продолжать бесѣду, отвѣтьте мнѣ на вопросъ о повелительномъ наклоненіи. Я читалъ обѣ программы, но яснаго понятія все-таки не имѣю. Можетъ быть, тогда мы столкуемся.

Глубоко васъ уважающій **Н. Михайловскій.**

Лесевичъ, можетъ быть, за границей, но адреса его я не знаю. Скабичевскій навѣрное въ Петербургѣ.

Адресуйте въ Киссингенъ poste-restante, потому что я на дняхъ ѣду.

Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко.

(Къ исторіи созидательнаго народничества).

По мѣрѣ того какъ обостряются общественные вопросы, съ особой силой выдвинутые на очередь современнымъ освободительнымъ движеніемъ, въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи все крѣпче и крѣпче утверждается мысль, что то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ больше всего будетъ зависѣть отъ отношенія къ нимъ преобладающей массы коренного населенія страны. Въ виду этого къ исканію опоры въ этой массѣ народа направляются въ настоящее время усилія всѣхъ нашихъ крупнѣйшихъ политическихъ и соціалистическихъ партій. Явленіе это, впрочемъ, не ново въ русской жизни. Можно утверждать даже, что оно существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русская интеллигенція, задающаяся практическими цѣлями обновленія общественнаго строя. Но особенно яркое проявленіе его въ прошломъ относится къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ XIX столѣтія, когда движеніе къ народу и въ народъ, извѣстное подъ общимъ названіемъ народничества, охватило самые разнообразные и наиболѣе сильные духомъ круги нашей интеллигенціи. Какова бы ни была современная оцѣнка всего народничества того времени, или только отдѣльныхъ теченій его, во всякомъ случаѣ едва ли найдется серьезный изслѣдователь, который не признаетъ за нимъ выдающагося значенія и первенствующаго вліянія на наше послѣдующее развитіе. До послѣдняго времени изъ всѣхъ направленій русской мысли, такъ называемое, народничество несомнѣнно было самымъ сильнымъ, самымъ обширнымъ и оставившимъ наиболѣе глубокіе слѣды въ жизни страны. Цѣлый рядъ крупныхъ, среднихъ и болѣе мелкихъ общественныхъ дѣятелей и писателей, стоявшихъ въ рядахъ этого направленія, до сихъ поръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и заслуженной извѣстностью, хотя огромное большинство изъ „сей стаи славныхъ" сошло уже съ жизненной сцены и покончило свои земные счеты. Исторія ихъ и ихъ дѣятельности, какъ и исторія всего того ученія и дѣла, которому они служили, составляетъ интереснѣйшую, полную глубокаго смысла

страницу въ общей исторіи русскаго общественнаго и интеллектуальнаго развитія и въ то же время имѣетъ не только теоретическое, но и очень важное практическое значеніе. Она уясняетъ, между прочимъ, и тотъ опытъ въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу, который можетъ быть использованъ въ интересахъ современнаго движенія; она опредѣляетъ въ значительной мѣрѣ почву, на которой возможно взаимное пониманіе культурной и некультурной части населенія; она помогаетъ въ установленіи предѣловъ усвояемости идей массами населенія въ ихъ настоящемъ развитіи, въ опредѣленіи силъ, ихъ активности, организаціи и проч.

Однако, для такой полной, всесторонней, глубокой и объективной исторіи движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія еще не настало время. Еще живы многіе дѣятели этого времени, еще не улеглись страсти, еще скрыты и недоступны многіе матеріалы, еще не умерло и самое движеніе, не только въ его послѣдующихъ развѣтвленіяхъ, но даже и въ его едва ли не первоначальной чистотѣ. И если научная исторія его дѣло будущаго, то это не исключаетъ возможности использованія ея въ отдѣльныхъ частяхъ и въ тѣхъ матеріалахъ, которые войдутъ современемъ въ общую исторію. Слишкомъ ужъ важны эти годы для науки, слишкомъ жизнены и близки они текущимъ злобамъ дня, текущимъ интересамъ, чтобы забыть о нихъ и не обращаться къ нимъ при всякой къ тому возможности.

Этимъ, повидимому, и объясняется тотъ исключительный, по временамъ чисто жгучій, интересъ, который вызываютъ къ себѣ въ послѣднее время всевозможные мемуары, записки, воспоминанія, очерки и т. п. печатныя произведенія, касающіяся общественнаго и умственнаго движенія въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія. Этимъ же, въ значительной мѣрѣ, интересомъ руководствовались и мы, останавливаясь на мысли дать нѣсколько очерковъ жизни и дѣятельности недавно умершаго писателя и общественнаго дѣятеля Сергѣя Николаевича Кривенка.

Современной молодежи это имя говоритъ сравнительно мало. Но было время, когда его внутреннія обозрѣнія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ читала вся прогрессивная часть русскаго общества, иногда, впрочемъ, тоже не подозрѣвавшая, кто былъ ихъ авторомъ. Сергѣй Николаевичъ рѣдко подписывалъ свои статьи и совсѣмъ не подписывалъ своихъ „обозрѣній“. Тѣмъ не менѣе въ литературныхъ кругахъ его знали и цѣнили. Здѣсь пользовался онъ заслуженнымъ уваженіемъ и вниманіемъ; съ нимъ считались самые видные представители литературнаго міра, къ нему приглядывались и прислушивались. Да и трудно было не замѣтить въ интеллигентныхъ кружкахъ того времени этого выдающагося, несмотря на всю, по истинѣ, замѣчательную его скромность, человѣка, импонировавшаго не только своей

стройной, мускулистой фигурой, своей красивой „львиной" головой, съ глубокими, ясными, выразительными глазами, но и, главнымъ образомъ, той атмосферой нравственной чистоты и творческой силы, которыя невольно чувствовались всѣми сталкивавшимися съ нимъ. Недаромъ къ нему проникались искренне дружескими чувствами такіе гораздо старшіе его по возрасту крупнѣйшіе люди той эпохи, какъ Елисѣевъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), Некрасовъ и многіе другіе, недаромъ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. И. Успенскаго, Шелгунова, В. Гаршина и едва ли не единственно дѣйствительнымъ близкимъ другомъ Н. К. Михайловскаго. Самой крупной, выдающейся чертой Сергѣя Николаевича была удивительная, рѣдкая во всѣ времена, а особенно въ переходные историческіе моменты, цѣльность его натуры, гармоническая связь его мысли, слова и дѣла, обусловливавшая его высокую нравственную чистоту, которую признавали въ немъ даже тѣ, кто не постѣснялся бросить камнемъ въ его свѣжую могилу. Эта черта его натуры могла принять выразительныя и яркія формы, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ не случайнымъ дѣятелемъ преобладавшаго въ то время направленія, не человѣкомъ, воспринявшимъ уже готовое ученіе, а, до извѣстной степени, однимъ изъ его творцовъ, останавливавшимся на всѣхъ крупныхъ частяхъ его, глубоко изучившимъ и продумавшимъ ихъ, распространявшимъ его на незатронутыя ранѣе области и немало содѣйствовавшимъ облеченію его въ форму цѣльной и стройной системы, съ большимъ практическимъ смысломъ и значеніемъ. Если Н. К. Михайловскій, развивая и продолжая философскія мысли П. Л. Лаврова или работая въ той же области самостоятельно, давалъ идеологію народничества и его философское обоснованіе, то С. Н. Кривенко разрабатывалъ и обосновывалъ научными данными программу этого направленія и его тактику. Его творческая работа въ этой именно сферѣ, его глубокая и послѣдовательная убѣжденность, искренняя проникновенность имъ самимъ обдуманныхъ и всегда послѣдовательно развитыхъ доктринъ и выдающееся значеніе этихъ послѣднихъ въ исторіи нашего общественнаго и интеллектуальнаго развитія, наряду съ высоконравственной чистотой его самого, даютъ достаточно основаній, чтобы считать его личность достояніемъ нашей исторіи. Мыслящее общество должно знать такихъ людей, какъ Сергѣй Николаевичъ Кривенко, должно учиться у нихъ жить и работать во имя высшихъ идеаловъ, должно чтить ихъ и съ глубокимъ интересомъ изучать ихъ труды. Ибо только въ преемственно обоснованныхъ ученіяхъ, программахъ и тактикѣ, въ послѣдовательномъ развитіи и воплощеніи въ жизнь высокихъ моральныхъ началъ и кроется прочный успѣхъ общественныхъ движеній прогрессивнаго характера.

Въ этихъ именно видахъ черты изъ жизни, литературной и обще-

ственной дѣятельности Сергѣя Николаевича, въ связи съ тѣмъ направленіемъ, которому честно и убѣжденно онъ служилъ, представляютъ особый интересъ и особое значеніе. Въ этихъ именно видахъ и начата нами настоящая работа.

Къ сожалѣнію, матеріалы для біографіи его очень не полны. Частью они не разысканы и не собраны, частью еще недоступны для литературы, а частью погибли безвозвратно. Тѣмъ не менѣе и то, чѣмъ располагаемъ мы, даетъ достаточно данныхъ, чтобы отмѣтить важнѣйшіе періоды въ его жизни, указать особенности, вліявшія на выработку его личности, на ростъ и развитіе его убѣжденности и на крупнѣйшія черты его творческой литературной и общественной дѣятельности. Для настоящаго момента особенно интереснымъ представляется первый періодъ его жизни, тотъ именно періодъ, когда съ наибольшей силой сказалась его практическая созидательная работа въ области направленія, которому онъ служилъ.

Теперь, когда первый натискъ освободительнаго движенія оказался отбитымъ, когда въ рядахъ его началась перестройка, провѣрка орудій борьбы, когда подъ вліяніемъ этого взоры едва ли не всѣхъ передовыхъ партій движенія обращаются къ вопросамъ организаціи и подготовки элементовъ новаго дѣла, къ органической культурной работѣ въ интересахъ послѣдняго, представитель созидательнаго народничества, какимъ, по существу, является С. Н. Кривенко, не можетъ не привлекать къ себѣ общаго вниманія. Онъ не былъ узкимъ практикомъ въ дѣлѣ насажденія и осуществленія народническихъ идеаловъ, но кто знакомъ съ его внутренними обозрѣніями въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ другихъ журналахъ, столь часто возвращавшихся къ вопросу объ интеллигенціи и народѣ и объ ихъ взаимодѣйствіи, съ его изложеніемъ ученія о физическомъ трудѣ, какъ основы соціальнаго строя, съ его описаніями „культурныхъ одиночекъ“ и „культурныхъ скитовъ“ и съ другими статьями, касающимися практической работы интеллигенціи,—тотъ не можетъ не признать, что вопросы органической культурной работы, вопросы осуществленія народническихъ идеаловъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ и ихъ группъ, вопросы подготовки послѣднихъ къ этимъ идеаламъ и вообще все созидательное дѣло въ народническомъ направленіи было для него едва ли не самымъ важнымъ. Въ немъ онъ сказался наиболѣе ярко и выпукло, и въ его лицѣ народничество семидесятыхъ годовъ, послѣ неудачъ хожденія въ народъ, имѣло едва ли не наиболѣе опредѣленнаго выразителя своихъ практическихъ путей, въ условіяхъ русской дѣйствительности.

Эта сторона дѣятельности Сергѣя Николаевича такъ тѣсно связана съ условіями его жизни въ дѣтствѣ и ранней молодости, что нѣкоторыя подробности въ этой области совершенно необходимы для правильнаго по-

нинація и освѣщенія какъ самой личности покойнаго дѣятеля и писателя, такъ и многихъ его литературныхъ работъ. Останавливаясь теперь, пока не слеглась еще земля на его могилѣ, на этой—созидательной въ области народничества—сторонѣ его дѣятельности, мы разсчитываемъ въ будущемъ дать болѣе полный очеркъ его жизни, очерчивающій личность его по возможности всесторонне, во всѣхъ главнѣйшихъ особенностяхъ его цѣльной натуры, и выясняющій мѣсто его въ рядахъ крупнѣйшаго общественно-интеллектуальнаго движенія въ Россіи, огромное значеніе котораго сказывается до сихъ поръ съ почти неослабѣвающей силой.

I. Воспитательныя вліянія дѣтства и юности.

Сергѣй Николаевичъ Кривенко родился въ городѣ Борисоглѣбскѣ Тамбовской губерніи 20 января 1847 г. въ помѣщичьей семьѣ, во время полнаго еще господства въ Россіи суроваго Николаевскаго режима и тяжкаго крѣпостничества, подъ которымъ, однако, начинала уже колебаться устойчивая почва. Отецъ его принадлежалъ по рожденію къ донскому дворянству, покинувшему родныя мѣста, и сохранялъ въ себѣ многія особенности малороссійскаго происхожденія. Въ Борисоглѣбскѣ онъ занималъ должность судьи, но, кажется, временно и во всякомъ случаѣ недолго. Какъ только былъ отстроенъ его домъ въ селеніи Никольскомъ-Кабаньемъ, онъ немедленно переѣхалъ туда на жительство со всей семьей. Маленькому Сережѣ было въ это время приблизительно года полтора. Жизни въ городѣ поэтому онъ не помнилъ, всѣ же свѣтлыя воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ пріурочивались у него къ деревнѣ.

Здѣсь Кривенкамъ принадлежала обширная усадьба, расположенная на косогорѣ, большой садъ, раскинувшійся по двумъ его сторонамъ, хорошій просторный домъ, а внизу усадьбы, по широкому лугу, протекала небольшая, чистая, извилистая рѣченка. [1]) Здѣсь-то, близко къ землѣ и природѣ, близко къ народу и протекли первые годы дѣтства Сергѣя Николаевича, оставившіе неизгладимые слѣды во всемъ его характерѣ.

Трудно представить себѣ болѣе сильное вліяніе природы и народа на душу ребенка, чѣмъ то, которое пришлось испытать па себѣ Сергѣю Николаевичу въ раннемъ дѣтствѣ. Глубокіе слѣды этого вліянія ясно видны

---

[1]) Нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія о своемъ раннемъ дѣтствѣ изложены Сергѣемъ Николаевичемъ въ его разсказѣ „Сергѣевы игры“, помѣщенномъ въ „Дѣтскомъ чтеніи“ съ подписью „Гл—въ“ (вѣроятно, сокращенный его псевдонимъ „Глазовъ“). Литературнаго значенія этому разсказу онъ никогда не придавалъ.

были и въ Кривенкѣ-писателѣ, и въ Кривенкѣ-общественномъ дѣятелѣ, и особенно въ Кривенкѣ-человѣкѣ, простомъ, чистомъ, непосредственномъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, цѣльномъ, вдумчивомъ и скромномъ. Семья, въ свою очередь, имѣла на него немалое вліяніе и, надо сказать, что, по отношенію къ его раннему воспитанію, обстоятельства создали для него очень удачное по тому времени сочетаніе благопріятныхъ факторовъ, обусловливавшихъ развитіе его характера.

Отецъ Сергѣя Николаевича—Николай Алексѣевичъ, увлекавшійся, подобно большинству степныхъ помѣщиковъ того времени, охотой и конскимъ заводомъ, былъ человѣкъ мягкій, терпѣливый и доброжелательный. Хорошій семьянинъ и любящій отецъ вообще, онъ души не чаялъ въ своемъ первенцѣ Сережѣ, съ которымъ старался не разлучаться не только въ свободное отъ занятій время, но даже и въ свои поѣздки по хозяйству и къ знакомымъ. Онъ велъ съ нимъ серьезные хозяйственные разговоры, сообщалъ ему въ письмахъ, когда Сережа былъ кадетомъ, хозяйственныя новости и даже какъ бы совѣтовался съ нимъ.

Въ семьѣ Кривенокъ отношеніе къ крестьянамъ было добродушное и, такъ сказать, „благопопечительное". Съ дворней, въ свою очередь, обращались гуманно, и хотя „дѣвки" сидѣли по обыкновенію за пяльцами, но никакія издѣвательства и тѣлесныя наказанія къ нимъ не примѣнялись. Зато, во время посѣщенія съ отцомъ помѣщиковъ, крѣпостной укладъ развертывался передъ ребенкомъ во всемъ своемъ ужасѣ, тѣмъ болѣе, что тогда дѣтей не стѣснялись и безобразничали при нихъ такъ же откровенно, какъ и безъ нихъ. Иногда дѣтская душа не выдерживала и протестовала. Такъ, однажды Сережѣ довелось заночевать у какого-то помѣщика; лишней комнаты для него не нашлось, и его положили въ столовой за перегородкой. Онъ легъ, а пирушка въ столовой продолжалась. Подвыпившій помѣщикъ, грубый самодуръ, и всегда-то нехорошо обращавшійся съ женой, теперь началъ издѣваться надъ ней, приставая къ ней и требуя отъ нея чего-то чрезвычайно унизительнаго. И вдругъ, залъ огласился горькими дѣтскими рыданіями... Не выдержала дѣтская душа издѣвательства надъ человѣческою личностью. Такія слезы не проходятъ даромъ: онѣ выжигаютъ въ душѣ слѣдъ и заставляютъ ее всю жизнь содрогаться при видѣ насилія и неправды, онѣ сдѣлали то, чего не сдѣлала бы для юнаго развивающагося ума ни одна книга въ жизни. Онѣ будили въ немъ страстный протестъ противъ угнетателей, съ одной стороны, и страстную же жалость къ угнетеннымъ, съ другой.

Мать Сергѣя Николаевича, Надежда Ивановна, урожденная Страхова, характеромъ не походила на мужа, но представляла собою личность тоже не лишенную оригинальности. Она была дочь богатаго когда-то помѣщика,

большого самодура и, вѣроятно, неврастеника (одно время онъ сходилъ съ ума), но несомнѣнно даровитаго человѣка, писавшаго очень недурные стихи. Матери своей, урожденной Верстовской (родной сестры композитора), она лишилась рано и много протерпѣла отъ чудившаго всю жизнь отца. Это выработало въ ней характеръ нѣсколько замкнутый, сдержанный, несклонный къ ласкамъ и внѣшнимъ изліяніямъ; но, съ другой стороны, это была натура глубоко честная и правдивая, ненавидѣвшая всякую фальшь, ложь и наушничество. Въ домѣ у нея никто не смѣлъ сплетничать и наушничать. Если дѣти приходили жаловаться другъ на друга, она рѣзко ихъ обрывала, а если слышала какое-нибудь шушуканье, то сейчасъ же прекращала его, говоря, что шушукаются лишь о томъ, чего нельзя сказать вслухъ. Дѣтей своихъ она любила, но ласкала мало и особенно мало ласкала почему-то Сергѣя Николаевича, можетъ быть, просто боясь избаловать его, такъ какъ онъ видѣлъ слишкомъ много ласкъ отъ отца. Но Сережа, однако, глубоко чувствовалъ отсутствіе этой ласки и огорчался. „Я не могу сказать, чтобы она совсѣмъ меня не любила или не заботилась обо мнѣ“, писалъ онъ въ начатыхъ имъ когда-то воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, [1]) „но ласкъ отъ нея я не видѣлъ. Придешь, бывало, посидѣть въ ея комнатѣ, или расположишься съ игрушками въ углу, а она скажетъ: „Что ты тутъ вертишься и мѣшаешь, иди къ отцу или въ дѣтскую“. Причину этой холодности, впрочемъ, онъ видитъ въ самомъ себѣ: „изъ-за меня она не мало пролила слезъ и вынесла страданій. До $1^1/_2$ лѣтъ я былъ, говорятъ, ребенкомъ очень болѣзненнымъ, много разъ уже совсѣмъ умиралъ, много разъ кричалъ и день, и ночь, и такъ сильно, что становился синимъ и переставалъ даже на нѣкоторое время дышать“. Насколько вѣрно было это объясненіе Сергѣя Николаевича, сказать трудно. Вѣроятнѣе всего, что мать просто, по своей натурѣ, не была склонна къ горячимъ проявленіямъ любви и не считала это полезнымъ. Ребенокъ же, всегда ласкаемый отцомъ, ждалъ и жаждалъ и материнской ласки и, не встрѣчая ее, глубоко огорчался. Во всякомъ случаѣ, въ недостаткѣ заботъ къ себѣ Сергѣй Николаевичъ никогда не упрекалъ свою мать, да и не имѣлъ къ этому повода.

Изъ другихъ членовъ семьи Кривенко большое вліяніе на Сергѣя Николаевича, какъ и на всю семью, имѣла бабушка его—мать отца—Гла-

---

[1]) Эти воспоминанія начаты были имъ, когда онъ сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія для одного близкаго друга, но не кончены, потому что, какъ онъ говорилъ, „стыдно стало собою заниматься“. Вообще С. Н. не любилъ распространяться о себѣ, о своихъ чувствахъ и дѣлахъ. „Я какъ-то не чувствовалъ себя никогда“, пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ: „точно жилъ не я, а жили вокругъ меня природа и другіе люди“. Эта же характерная скромность сказывалась у него и въ томъ, что онъ очень рѣдко подписывалъ свои статьи и даже книги.

фира Васильевна. Это дѣйствительно была женщина рѣдкихъ душевныхъ качествъ, особенно въ то злополучное время, когда деспотизмъ и низменный взглядъ на женщину не давали ей возможности ни развить, ни проявить своего ума и сердца. Мужъ Глафиры Васильевны былъ врачъ. Умная и способная жена его переняла отъ него нѣкоторыя познанія и пріемы лѣченія и, оставшись рано вдовою, стала продолжать дѣло мужа, т. е. лечить крестьянъ. Буквально вся округа пользовалась ея услугами.

Глубоко религіозная, но не ханжа, она въ теченіе 40 лѣтъ своего вдовства ѣла постное, ходила всегда въ простой черной юбкѣ и гладкой кофточкѣ съ кожанными нарукавниками и всю жизнь свою проводила въ строгомъ трудѣ, сначала управляя своимъ имѣніемъ, имѣніемъ своего сына, лѣча крестьянъ, а подъ конецъ жизни только приготовляя лѣкарства изъ травъ и лѣча всѣхъ къ ней приходившихъ. Строгая къ себѣ, она была очень снисходительна къ окружающимъ, и внуки ея не помнятъ, чтобы она сказала хоть кому-нибудь изъ дворовыхъ или крестьянъ какое-нибудь грубое слово. Между тѣмъ, она умѣла внушить къ себѣ такое уваженіе крѣпостному люду, что одно ея простое ласковое слово дѣйствовало гораздо сильнѣе строгихъ приказаній. Маленькаго Сережу она очень любила, и онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ ея комнаткѣ.

Нѣкоторая, хотя бы и наружная холодность матери, служила причиной тому, что ребенокъ искалъ привѣта, житейской радости и дружескаго общенія съ людьми помимо ея. Отецъ и бабушка многое давали въ этомъ отношеніи, но они были очень заняты и часто уѣзжали и уходили изъ дому. Естественно поэтому, что Сережу влекло изъ дому въ другую обстановку, въ другую среду. За предѣлами господскаго дома его ждали широкій просторъ огромной барской усадьбы и полная свобода въ выборѣ игръ и занятій; помимо родныхъ, у него было много близкихъ людей, не только среди товарищей-сверстниковъ изъ крестьянскихъ дѣтей, многихъ изъ которыхъ онъ причислялъ къ искреннимъ друзьямъ своимъ, но и среди взрослыхъ и даже стариковъ и старухъ.

Въ воспоминаніяхъ о раннемъ дѣтствѣ онъ упоминаетъ прежде всего о своей нянѣ, которая горячо любила его. „Она говорила мнѣ“—пишетъ онъ—„и ты и вы; при старшихъ и постороннихъ всегда вы, наединѣ—ты. Обращалась всегда очень ласково, разсказывала на сонъ грядущій сказки (о жаръ-птицѣ, Иванѣ-Царевичѣ, объ Аленушкѣ, братъ которой былъ превращенъ въ козлика и др.), подъ которыя я и засыпалъ. Умѣла она всегда и игры какія-то такія придумывать, которыя занимали насъ гораздо лучше покупныхъ игрушекъ: наберетъ, бывало, у плотниковъ и столяра какихъ-то дощечекъ и чурочекъ, изъ которыхъ воздвигаются цѣлые замки, наломаетъ тоненькихъ вѣточекъ, изъ которыхъ выходятъ сады и

парки, нарѣжетъ ржаной соломы и научитъ пускать мыльные пузыри, отливающіе всѣми цвѣтами радуги, принесетъ откуда-нибудь выпавшаго изъ гнѣзда маленькаго воробья и научитъ кормить его мухами, положитъ подъ галку, которыхъ немало гнѣздилось у насъ подъ крышей, куринное яйцо, а черезъ три недѣли принесетъ маленькаго цыпленка и т. д. Вліяніе ея на меня было самое благотворное. Всѣхъ она, бывало, разсудитъ по мирному, по хорошему, не навязывая какъ-то своего мнѣнія и не подавляя личности, но и не поступаясь справедливостью; въ горѣ—всегда утѣшитъ, никогда не жалуется и сама не сердится и только какъ-то обижается въ крайнихъ случаяхъ. Религіозность ея была какою-то житейскою, въ основѣ которой всегда лежала правда, милосердіе и живая любовь къ бѣдному, слабому, страдающему и обиженному, а не буква и сухая форма".

Кромѣ няни, Сергѣй Николаевичъ горячо любилъ пчелинца Егорыча. Онъ „былъ почти уже старикъ, съ большою, сильно уже посѣдѣвшею бородою. Онъ много гдѣ бывалъ и много кое-чего видалъ на своемъ вѣку, зналъ разныя диковенныя исторіи изъ охотничьей жизни; съ нимъ самимъ было нѣсколько случаевъ, въ высшей степени любопытныхъ и страшныхъ, отъ которыхъ просто сердце замираетъ отъ страха (у дѣтей). Какъ человѣкъ дѣловой и серьезный, онъ разговаривать много не любилъ, но все-таки, бывало, что-нибудь и разскажетъ, когда случай такой подойдетъ, что нельзя не разсказать". Затѣмъ, Егорычъ любилъ и баловалъ маленькаго Сережу

„и почти ни въ чемъ ему не отказывалъ: понадобится ли колесо у тележки починить, или новыя дрожки сдѣлать—поможетъ; встрѣтится ли нужда въ стамескѣ или рубанкѣ, чтобы подладить что-нибудь у водяной мельницы,—дастъ безъ разговора. Инструмента своего онъ никому не давалъ,—не любилъ этого, а Сережѣ давалъ. Самаго хорошаго и ему, бывало, не даетъ: „того—говорилъ онъ—и отцу родному нельзя дать"... Хорошій инструментъ, какъ утверждалъ Егорычъ, не покупается, а задается изъ тысячи одинъ, такъ что и тотъ, кто дѣлаетъ, и кто продаетъ его не знаютъ его достоинствъ, пока онъ въ дѣло не поступилъ; ну, а потомъ и ты къ нему привыкнешь, и онъ къ тебѣ привыкнетъ, вотъ и все"...

„Кромѣ того, Егорычъ былъ и охотникъ: у него было два ружья (или, какъ онъ говорилъ, „двусволка" и „односволка"), перепелиныя сѣти, всегда висѣли въ клѣткѣ два—три отборныхъ перепела, или „затѣйникъ" скворецъ; были и ястреба, которыхъ онъ по зорямъ вынашивалъ и готовилъ къ осенней охотѣ на перепеловъ" [1]).

Словомъ, Егорычъ не только былъ самъ обаятельный, интересный старикъ, но и располагалъ еще цѣлымъ арсеналомъ предметовъ, способ-

---

[1]) См. „Сергѣевы игры".

ныхъ плѣнить не одно дѣтское сердце. Къ тому же, жилье Егорыча и самый пчельникъ были чрезвычайно интересны.

Въ шалашѣ, гдѣ жилъ пчелинецъ, было два отдѣленія, раздѣленныхъ перегородкою: въ одномъ лежали пустые ульи и разныя принадлежности пчеловодства—сѣтки, роевни, маточники и проч.; а въ другомъ помѣщался самъ Егорычъ. Тамъ у него была устроена изъ досокъ кровать, стоялъ столикъ и небольшой сундукъ, а вмѣсто стула служилъ пенекъ.

„Хорошо было у него въ шалашѣ: всегда чисто, подметено и прибрано; ивы перекинули черезъ крышу свои вѣтви, а передъ самымъ входомъ цвѣтутъ два огромныхъ куста сирени. Пчельникъ весь видно, какъ на ладони: онъ раскинулся въ зелени, точно деревенька какая съ маленькими домиками. Въ самомъ концѣ его стоитъ громадный серебристый тополь и блеститъ на солнцѣ своею красивою листвою: а на самомъ пчельникѣ, между ульями, росли широкими, правильными рядами сливы, что нисколько не мѣшало пчеламъ работать и Егорычу ходить за ними, а между тѣмъ въ жаркіе лѣтніе дни они давали тѣнь и прохладу".

„Впереди пчельника далеко-далеко разстилался заливной лугъ, на которомъ росло множество разныхъ цвѣтовъ и, извиваясь, протекала рѣка; влѣво тянулся садъ, занимавшій десятинъ 10—12, а вправо былъ опять лугъ, и шли поля пшеницы, ржи, овса, гречихи и другихъ хлѣбовъ".

Маленькій Сережа очень любилъ этотъ мирный уголокъ, полный простоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудовой дѣятельности. Ему весело было смотрѣть и на работу пчелъ.

„Это не нагоняющая тоску фабричная работа, съ дымомъ, гарью, стукомъ и грохотомъ машинъ, съ усталыми, оборванными и перепачканными рабочими, а работа веселая, дружная, на чистомъ воздухѣ, подъ яснымъ солнцемъ; вездѣ кипитъ дѣятельность, вездѣ слышно жужжаніе, точно пѣсни поются. Пчела работаетъ не черезъ силу и не по неволѣ, а по собственной охотѣ. Пчельникъ тогда скорѣй на ярморку похожъ, или, вѣрнѣй, на праздничную косовицу, когда люди работаютъ съ пѣснями и веселыми лицами"...

А какъ хороша сама природа, особенно весной, когда всѣ деревья въ цвѣту,—

„просто не ушелъ бы съ пчельника; такъ и сидѣлъ бы тамъ весь день. А вечеромъ еще лучше, чѣмъ днемъ: кончится работа, и пчелы соберутся на ульяхъ кучками, отдыхаютъ и тихо жужжатъ... Деревья бросятъ длинныя вечернія тѣни, а тамъ зажгутся на небѣ звѣзды, ясный мѣсяцъ выйдетъ, серебристый тополь станетъ совсѣмъ серебрянымъ; соловей запоетъ въ вишняхъ, коростель и перепела закричатъ на лугу, лягушки заквакаютъ, дикія утки вдругъ просвистятъ надъ головой своими быстрыми крыльями и шлепнутся въ воду; лягушки испугаются и

на минуту смолкнуть, но сейчасъ же опять начнутъ свое квакавье; гдѣ-нибудь телѣга стучитъ и погромыхиваетъ по дорогѣ, бабы поютъ, мальчишки лошадей гонятъ въ ночное, а тѣ радостно фыркаютъ въ свѣжѣющемъ воздухѣ. Сколько голосовъ и звуковъ, и въ то же время тишина стоитъ удивительная: все слышно, самый тихій шопотъ слышенъ; даже слышно, какъ кленовый листъ шелохнется на вѣткѣ" [1]).

Это полное красоты и задушевности художественное описаніе любимаго уголка лучше всего показываетъ, какъ глубоко вліяла на Сергѣя Николаевича природа вообще и въ особенности природа, окружавшая мирную, но и кипучую трудовую дѣятельность, работу „по собственной охотѣ", „съ веселыми лицами" и „съ пѣснями", „на чистомъ воздухѣ" и „подъ яснымъ солнцемъ". Такая природа не только хороша сама по себѣ, но и потому, что она составляетъ фонъ дружной, веселой работѣ, работѣ „не по неволѣ", потому что среди нея живутъ, въ ея атмосферѣ воспитываются и подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ складываются такія простыя, цѣльныя и понятныя чистой дѣтской душѣ натуры, какъ Егорычъ. Къ нимъ-то, къ этимъ людямъ, близкимъ природѣ и на самое лоно природы и стремится маленькій Сережа во всякое время и особенно, когда „было горе на душѣ", или „какіе-нибудь неразрѣшимые вопросы заполняли голову", или „когда случались какія-нибудь непріятности", или просто когда „набѣгаешься и устанешь". Здѣсь на пчельникѣ мальчикъ находилъ то, что искалъ—„тишину, какой-то особый міръ—спокойный, ясный, хорошій. Душа такъ какъ-то успокаивается, горе и непріятности забываются", а затѣмъ еще и этотъ хорошій человѣкъ—Егорычъ, „добрый и умный, который всегда ласкалъ и баловалъ Сережу, и котораго и самъ Сережа любилъ".

Ходилъ Сережа къ Егорычу по большей части вечеромъ, передъ заходомъ солнца, когда начинается или заканчивается уборка пчелъ на ночь.

„Окончивши уборку, онъ обыкновенно крестился на образъ (Зосимы и Савватія) и шелъ что-нибудь ужинать. Въ деревняхъ вѣдь рано ужинаютъ. Пища у него была самая простая: картофельная похлебка, или жидкая пшенная кашица (кулешъ), а иногда пирогъ съ гречневой начинкой, простой черный пирогъ, изъ ситной только муки. Все это стряпали ему дома жена съ дочерью и приносили на пчельникъ. А потомъ онъ по большей части питался тюрею; накрошитъ, бывало, въ чашку зеленаго луку, положитъ соли, разотретъ ложкою и нальетъ квасомъ, а не случится кваса, такъ и воды нальетъ; потомъ накрошитъ чернаго хлѣба,—вотъ и все. И выходило довольно вкусное кушанье, по крайней мѣрѣ, такъ находилъ Сережа, особенно, если можно было покрошить туда свѣжихъ огурцовъ и какой-нибудь соленой рыбы. Его-

---

[1]) См. Тамъ же.

рычъ говорилъ, что отъ этого кушанья человѣкъ всегда „здоровше бываетъ"... А иногда Егорычъ вдругъ откуда-то приносилъ чашечку съ медомъ, съ самымъ чистымъ и душистымъ сотовымъ медомъ. Самъ онъ, какъ и большинство настоящихъ пчелинцевъ, не любилъ медъ и никогда его не ѣлъ, а „про хорошихъ гостей" всегда имѣлъ немного въ запасѣ".

Поужинать Сережѣ простыми блюдами Егорыча, въ его простой обстановкѣ, въ его интересномъ обществѣ, большое удовольствіе. Но еще большее удовольствіе пойти съ нимъ на охоту на перепеловъ... А онъ опытный и умѣлый охотникъ, и при томъ не на однихъ только перепеловъ, но и съ ружьемъ. Какъ не любить его ребенку при такихъ условіяхъ! И Сережа дѣйствительно любилъ его всей своей чистой дѣтской душею... Но кромѣ того, онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всей дворней и очень дружилъ съ мальчиками-сверстниками, особенно съ тремя, помогавшими садовникамъ въ уходѣ за садомъ и пріучавшимися къ садоводству. Страстно любя птицъ, маленькій Сережа считалъ враговъ ихъ и особенно охотившихся за ними кошекъ—своими врагами, ведя съ ними, при помощи и содѣйствіи мальчиковъ-садовниковъ, непримиримую войну. Съ этими мальчиками жилъ онъ „душа въ душу"; они считали себя индѣйцами, а на котовъ смотрѣли, по меньшей мѣрѣ, какъ на тигровъ. У каждаго мальчика было самодѣльное вооруженіе, какъ и у Сережи, и прежде всего лукъ со стрѣлами.

„Все дѣлалось ими обыкновенно сообща, по заранѣе составленному плану. Жили эти мальчики все лѣто въ особыхъ шалашахъ, похожихъ на кочевыя юрты... Сережа очень любилъ своихъ пріятелей, дѣлившихъ съ нимъ всѣ опасности, горе и радости. Ему было съ ними гораздо веселѣе, чѣмъ съ сестрою и меньшимъ братомъ: сестра, какъ дѣвочка, больше всего въ куклы играла, а братъ былъ еще слишкомъ малъ для „серьезныхъ" приключеній... Мало ли что могло случиться,—садъ вѣдь былъ большой, и были въ немъ мѣста довольно глухія"...

Было, разумѣется, и много другихъ игръ и занятій. Особенно интересовали Сережу и его товарищей животныя и птицы. Они знали чуть ли не каждый кустикъ въ саду, чуть ли не каждую норку крота или ласки.

„Всѣ птичьи гнѣзда, начиная отъ вороньяго и до маленькаго гнѣздышка подкоренника, были извѣстны на перечетъ и чуть ли даже не была извѣстна каждая птица. По крайней мѣрѣ, прилетитъ, бывало, какая-нибудь птичка, которую прежде не было видно, смотришь, кто-нибудь ужъ и кричитъ: „А, знаю, это изъ большой куртины, тамъ у нея гнѣздо"... Маленькихъ птичекъ они никогда не трогали и гнѣздъ ихъ не разоряли, а напротивъ, старались беречь и охранять ихъ. Конечно, если случалось, что появлялась какая-нибудь необыкновенная птица, въ родѣ сивоворонки и свиристели, то всѣ старались поймать ее, чтобы посмотрѣть поближе, какая она такая, или если ужъ очень хороша, то

взять домой, или же старались найти ея гнѣздо и дождаться, когда она выведетъ маленькихъ, а затѣмъ взять одного и самимъ выкормить. Но, вообще, это было довольно рѣдко. Птицъ у нихъ и безъ того всегда было не мало, потому что всегда были то вывалившіеся изъ гнѣзда птенчики, то сироты, у которыхъ кошки съѣли отца и мать, то какъ-нибудь затерявшіеся и отставшіе отъ родителей, которыхъ надо было выкармливать. Во время сѣнокоса косцы всегда находили въ полѣ и приносили Сережѣ маленькихъ перепелятъ... Иногда захватывали на гнѣздѣ и мать. Тогда она ходила съ ними совершенно какъ курица: подзывала ихъ къ корму, скликала, когда онѣ далеко разбѣгались, садилась и подбирала ихъ всѣхъ подъ крылья и т. п. Жили онѣ въ особой комнатѣ около кухни, гдѣ имъ постилалось на полу сѣно, въ которомъ онѣ и прятались, точно будто въ полѣ. Въ этой комнатѣ жили и другія птицы, а зимою тамъ былъ цѣлый птичникъ: синицы, снигири, овсянки, коноплянки, щеглы и проч. летали тамъ совсѣмъ свободно безъ клѣтокъ и весело чирикали свои пѣсенки. Кромѣ птицъ у Сережи были и разные звѣри: маленькіе лисички, ласки, сурки, кролики и волченокъ. Волченокъ этотъ былъ такой ручной, что ходилъ за Сережей, какъ собаченка: куда Сережа, туда и онъ [1]).

Любовь къ животнымъ, воспитавшаяся у Сергѣя Николаевича въ раннемъ дѣтствѣ, сохранилась у него на всю жизнь. Животныя, инстинктомъ угадывая въ немъ друга, какъ-то особенно быстро привыкали къ нему и явно чувствовали себя въ его отсутствіе выбитыми изъ колеи. Однажды— по разсказамъ брата его, Александра Николаевича,—десяти-двѣнадцатилѣтній Сережа выкормилъ пару птицъ, а самъ вслѣдъ за этимъ уѣхалъ въ корпусъ. Птицъ этихъ какъ-то упустили; онѣ сѣли на вершину стараго клена и, несмотря на то, что долго оставались безъ пищи, не шли на усиленный зовъ къ корму. Тогда отцу Сергѣя Николаевича пришла мысль надѣть форменную фуражку Сережи съ краснымъ околышемъ. Замѣтя это, птицы такъ и бросились къ нему на плечи, но, разобравъ обманъ, сорвались и стали кружиться надъ нимъ и жалобно кричать, то подлетая къ нему, то отлетая назадъ.

Знакомые Сергѣя Николаевича хорошо знаютъ и помнятъ его любовь къ канарейкамъ, которыхъ онъ держалъ, впрочемъ, и для какихъ-то научныхъ наблюденій. Онѣ проживали у него въ квартирѣ даже въ Петербургѣ многими десятками. Когда въ 1884 г. Сергѣй Николаевичъ былъ арестованъ, а квартира его опечатана на нѣсколько дней, много канареекъ погибло отъ жажды и голода. Объ этой никому ненужной и возмутительной жестокости онъ говорилъ неохотно и избѣгалъ, по возможности, вспоминать о ней. Всѣ любители птицъ въ Петербургѣ знали его, а среди Ярославскихъ крестьянъ, торгующихъ канарейками, у него было много прія-

---

[1]) Тамъ же.

телей и даже искреннихъ друзей. Очевидцы разсказываютъ объ удивительно трогательныхъ сценахъ встрѣчи его, по возвращеніи изъ ссылки, съ многими изъ этихъ его друзей. Семья крестьянина-торговца М. долго не могла говорить отъ волненія, когда Сергѣй Николаевичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, послѣ невольнаго отсутствія, пришелъ къ нимъ. Старикъ М., наконецъ, не выдержалъ и расплакался, а затѣмъ сталъ горячо его обнимать и цѣловать. Плакала и старуха, безъ конца крестя и цѣлуя его. Такъ встрѣчали Сергѣя Николаевича и другіе друзья его изъ числа тѣхъ, у которыхъ, по пословицѣ „шуба овечья, да душа человѣчья". Вообще любовь къ животнымъ, къ птицамъ, къ пчеламъ, знаніе ухода за ними и умѣнье, въ связи съ этимъ, собственноручно сдѣлать необходимыя для такого ухода приспособленія создавали для Сергѣя Николаевича постоянный поводъ сближенія съ деревенскимъ простымъ людомъ, къ которому его всегда тянуло и котораго, въ свою очередь, инстинктивно влекло къ нему. Куда бы не попадалъ Сергѣй Николаевичъ, въ какой бы обстановкѣ онъ ни былъ—въ Петербургской ли редакціи, на своей ли землѣ въ Черноморьѣ, на родинѣ ли въ Тамбовской губерніи или въ далекой ссылкѣ,—у него, едва ли не прежде всего, завязывались связи съ маленькими людьми, среди которыхъ скоро находились преданные и даже самоотверженные друзья. Онъ такъ умѣлъ находить общіе съ ними интересы, такъ понималъ ихъ нужды, что они сразу, полусознательно угадывали въ немъ доброжелателя, человѣка съ чуткой душой, болѣющаго ихъ интересами, и горячо привязывались къ нему.

На этой сторонѣ характера Сергѣя Николаевича намъ придется останавливаться еще не разъ. Теперь же мы отмѣчаемъ ее съ цѣлью установить непосредственную связь этой черты его характера съ тѣми особенностями его дѣтской жизни, которыя имѣли наибольшее воспитательное значеніе для него. Въ дѣтской душѣ Сергѣя Николаевича было заложено такъ много впечатлѣній общихъ съ тѣми, на которыхъ воспитывается крестьянская масса, что онъ на всю жизнь остался близокъ ей по этимъ впечатлѣніямъ и связаннымъ съ нимъ интересамъ. Онъ выросъ среди деревенской природы, онъ любовался зорями и звѣздами, онъ наблюдалъ за тучами и росами, онъ слѣдилъ, откуда вѣтеръ врывается въ пчельникъ, зналъ, какъ и въ связи съ какой погодой кричатъ перепела, какъ летаютъ галки, онъ любилъ дѣятельный міръ пчелъ, понималъ наслажденіе добровольнаго труда на чистомъ воздухѣ, онъ цѣнилъ простоту обстановки пчелинца Егорыча и его умѣренность, онъ любилъ его невзыскательную пищу, а потому и эта природа, и эти наполняющіе ее звуки, и этотъ міръ животныхъ, и эта простота, и работа—все это было такъ же близко ему, какъ и любому жителю деревни, такъ же знакомо и родственно, какъ любому крестьянину, члену великой народной семьи. Народникомъ, въ смыслѣ близости къ на-

родным интересам, сродственности вкусов, в смысле взаимнаго понимания и жизни на лоне природы, Сергей Николаевич был гораздо раньше, чем его коснулись веяния кающагося дворянства. Он был народником по своему воспитанию среди деревенской природы и возбуждаемых ею интересов, общих с интересами народа; потому что рос среди детей народа, делил с ними свои детския радости и горести больше, чем с людьми близкими ему по происхождению и материальному достатку, потому что привык видеть в них черты достойныя любви и уважения, потому что находил среди них искреннее отношение и между собой и к нему, словом, потому что и дети народа любили его.

Попытки объяснения народничества крылатым термином „кающееся дворянство“ далеко не все объясняют. Разумеется, были народники из чуждой народу среды, по убеждению, по сознанию долга. Немногие из них дошли до признания необходимости слияния с народом, опрощения. Заложенные в них чужой, не народной средой инстинкты и влечения не допускали до этого сознания. Но были и народники по воспитавшейся в них с пеленок близости к народу, по органическому сродству с ним, лишь впоследствии освещенному сознанием и критической мыслью. Такие народники были стойче, последовательнее и выдержаннее. К ним, как видно из приведенных сведений о воспитательных влияниях в его детстве, принадлежал и Сергей Николаевич Кривенко.

Тенденции „кающагося дворянства“ едва ли рано коснулись его. Отец и мать Сергея Николаевича были люди достаточные, хотя и не богатые, и не имели поводов выжимать соки из своих крестьян. Жестокостию они, как уже было сказано, не отличались. С этой стороны, сознание помещичьей вины перед крестьянством, по крайней мере в раннем детстве, едва ли могло явиться у него.

Что касается тех идейных влияний, которыя в конце сороковых и в пятидесятых годах обнаруживались уже в интеллигентных верхах русскаго общества, то они достигали Сергея Николаевича, повидимому, лишь в самой незначительной мере.

В год рождения Сергея Николаевича Герцен уже вынужден был оставить Россию. Кружок Петрашевскаго деятельно распространял уже социалистическия учения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона и др. Проснулись стремления к политической свободе, и дворяне-конституционалисты заговорили кое-где об ограничении самодержавия. Однако, и конституционная монархия уже не удовлетворяла самые передовые кружки. Политической свободы, по их мнению, было еще слишком мало. Даже „республика“, по убеждению Герцена, была лишь „неминуемое начало освобождения народов“, лишь „первый шаг, без котораго не может быть

второго"... А вся суть именно въ этомъ второмъ шагѣ, заключающемся въ экономическихъ преобразованіяхъ, согласныхъ съ коммунистическими взглядами русскаго народа и съ соціалистическими ученіями западныхъ мыслителей. Коммунизмъ русскихъ крестьянъ, хотя и „неразвитой", Герценъ усматривалъ въ деревенской поземельной общинѣ и находилъ „большое счастіе" въ томъ, что Россія сохранила общину. Этого счастья, по его мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ „не надобно выпускать изъ рукъ", такъ какъ иначе страна погрязнетъ въ культѣ собственности и мелкаго мѣщанства, какъ это случилось уже съ Западной Европой.

Если къ этимъ взглядамъ Герцена добавить его убѣжденіе въ наличности какой-то особенной русской народной психологіи, полной неотразимаго обаянія и высоко оригинальной, и если принять во вниманіе одушевлявшее его и близкихъ ему людей „чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому складу ума", то нужно будетъ признать, что многія крупныя черты и основы русскаго народничества въ значительной мѣрѣ уже обозначались во время ранняго дѣтства Сергѣя Николаевича. Но изъ семейнаго круга эти черты и основы не доходили до него. Его тяготѣнье къ народу пришло прежде всего прямо изъ жизни, изъ его близости въ дѣтствѣ къ народу и къ природѣ, изъ всей обстановки его ранняго воспитанія въ деревнѣ, въ семьѣ, не создавшей искусственныхъ препятствій къ сближенію дѣтей съ крестьянами и къ знакомству съ ихъ нуждами и интересами. Вліяніе освободительнаго движенія того времени на мальчика начинается нѣсколько позже, хотя все еще въ раннемъ возрастѣ, когда, согласно старымъ дворянскимъ традиціямъ, его отдаютъ въ средне-учебное заведеніе—въ кадетскій корпусъ.

„Опредѣлили" Сергѣя Николаевича въ Тамбовскій кадетскій корпусъ. Но такъ какъ въ этомъ послѣднемъ были только младшіе классы, то оставался онъ здѣсь не долго и, кажется, уже года черезъ два былъ переведенъ въ Воронежъ, въ преобразованную изъ корпуса военную гимназію. Приблизительно къ этому же времени относится одно небольшое событіе въ его жизни, указывающее, что на немъ уже начали сказываться вліянія времени, что онъ уже кое-что читалъ, кое о чемъ думалъ, что голова его работала не надъ одними только школьными науками. Событіе это относится ко времени, когда ему было 12—13 лѣтъ. Въ этомъ именно возрастѣ домъ отца Сергѣя Николаевича посѣтилъ извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ, очевидно, сразу замѣтившій, что мысль мальчика усиленно работаетъ.

— А что—обратился онъ къ нему, подозвавъ къ себѣ,—читалъ Бюхнера Stoff und Kraft?

— Читалъ, признался мальчикъ.

— И раздѣляешь?

— Раздѣляю, не сморгнувъ отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ну, а какъ же на счетъ тѣлесныхъ наказаній?—лукаво спросилъ „владыко".—Объ этомъ мы еще съ тобой побесѣдуемъ.

Названная книга Бюхнера, какъ одно изъ первыхъ изложеній матеріалистическаго міровоззрѣнія, производила въ то время большое впечатлѣніе и считалась „запрещенной". Усвоивъ устанавливаемое въ ней соотношеніе между матеріей и силой, мальчикъ понялъ скрытый смыслъ вопроса митрополита, который, очевидно, желалъ сказать: если ты не вѣришь въ самостоятельность духовной природы человѣка и выводишь ее изъ природы матеріальной, то долженъ признать и матеріальныя воздѣйствія, т. е. тѣлесныя наказанія. Сергѣй Николаевичъ былъ очень заинтересованъ предстоящей бесѣдой съ знаменитымъ „княземъ церкви", плохо спалъ ночь, но на утро предполагаемая бесѣда почему-то не состоялась.

Мальчикъ читалъ въ это время не одного только Бюхнера. Жизнь въ самомъ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кипѣла ключемъ и ярко отражалась въ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь устраивались чтенія, велись постоянные диспуты, учреждались библіотеки, издавались ученическіе журналы, листки и проч. Сергѣй Николаевичъ пользовался всѣмъ этимъ широко и, повидимому, жилъ полной жизнью.

Теперь трудно представить себѣ, какой огромный переворотъ происходилъ тогда въ обществѣ и народѣ, какія крупнѣйшія переживанія совершались въ нихъ. Падало, а затѣмъ и пало крѣпостное право, и приспособленіе къ новымъ условіямъ, вызваннымъ этимъ паденіемъ, шло—что называется—по всей линіи жизни. Сталкивались личные интересы, появились на сценѣ дотолѣ почти невѣдомые принципы, идеи. Переоцѣнивались всѣ понятія о народѣ, о сословіяхъ, о народномъ благѣ, объ отечествѣ, о власти, о человѣкѣ вообще, о семьѣ, о природѣ, о душѣ, о Богѣ. Во всѣ закоулки жизни проникала новая свѣжая струя, и страна бодро съ юношескимъ молодымъ порывомъ переживала свою весну.

Въ области соціально-политическихъ теченій самымъ сильнымъ было то, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и шедшіе съ нимъ сначала рука объ руку Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе дѣятели „Современника". Сознавая необходимость политическаго переустройства Россіи, какъ это видно изъ приведенныхъ выше словъ Герцена о переходныхъ ступеняхъ въ образѣ правленія, дѣятели эти наиболѣе важное значеніе придавали, однако, экономическимъ преобразованіямъ страны. Въ этой области они предусматри-

вали появленіе и развитіе новыхъ факторовъ: крупныхъ промышленныхъ капиталовъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и вообще переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, но въ то же время сознавали, что сущность дѣла въ Россіи не въ промышленномъ капитализмѣ, а въ сельскомъ хозяйствѣ. „Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ"—писалъ Чернышевскій въ 1857 г.—„важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ, по преимуществу, земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства". Имѣя это въ виду и видя, „какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату", Чернышевскій энергично взывалъ: „да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы".

Разумѣется, доброжелательное и даже любовное отношеніе къ общинѣ Герцена, Чернышевскаго и др. основывалось прежде всего на симпатіяхъ ихъ къ русскому народу и къ его бытовымъ особенностямъ. Герценъ горячо вѣрилъ въ крестьянство, неоднократно выражалъ это и находилъ, что трудовая жизнь крестьянъ въ сельско-хозяйственной обстановкѣ представляетъ незамѣнимо благопріятныя условія для физическаго и душевнаго здоровья. Крестьянскую массу, по его мнѣнію, не только можно, но и должно было поднять до положенія господствующаго класса, чтобы пересоздать на основаніяхъ, заложенныхъ въ поземельной общинѣ, соціальный строй и осуществить политическій идеалъ Герцена—федеральную славянскую республику. Любовь его къ народу и воспитанная еще въ московскихъ кружкахъ того времени вѣра въ народъ нашли подтвержденіе, по отношенію къ экономическимъ устоямъ народной жизни, въ соціалистическихъ ученіяхъ Западной Европы, которыя онъ горячо воспринялъ, болѣе или менѣе отожествляя ихъ съ русской общиной и артелью. Чернышевскій и Добролюбовъ, въ свою очередь, стояли на народной соціалистической почвѣ. Къ нимъ примыкали Михайловъ и Серно-Соловьевичъ, тоже сотрудничавшіе въ „Современникѣ".

Сначала движеніе имѣло попреимуществу мирный характеръ. Многіе надѣялись итти рука объ руку съ правительствомъ, рѣшившимся на освобожденіе крестьянъ. Общество несомнѣнно питало большое довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Герценъ.

Молодежь была одухотворена желаніемъ учить народъ и стремилась преподавать въ воскресныхъ школахъ, которыя открывались тогда въ значительномъ числѣ и въ столицахъ и въ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ соціальный характеръ движенія вызывалъ необходимость усиленнаго изученія народнаго быта вообще и экономической жизни въ особенности. Политическія формы были болѣе или менѣе извѣстны по европейскому опыту, собственно же соціальныя представлялись совершенно не изслѣдованными, а потому привлекали къ себѣ большое вниманіе. Вмѣстѣ съ изученіемъ экономическаго положенія народа и экономическихъ вопросовъ вообще, изучался народный бытъ: собирались народныя сказанія, пѣсни, повѣрья, обнаружился интересъ къ расколу, обычному праву и т. п.

Однако, періодъ вѣры въ то, что все обойдется просто и мирно, „по хорошему“ продолжался не долго. Правительство не имѣло въ виду удовлетворить весьма многія изъ заявленныхъ тогда соціальныхъ требованій. Оно отнеслось отрицательно и къ чисто политической сторонѣ движенія, которое хотя и не глубоко, но существовало, особенно среди дворянства, расчитывавшаго въ передовыхъ своихъ слояхъ компенсировать конституціоннымъ образомъ правленія свои потери, обусловливаемыя отмѣной крѣпостного права. Группа дворянъ-конституціоналистовъ была, впрочемъ, не велика, такъ какъ большинство помѣщиковъ по своему умственному уровню и нравственному развитію стояло слишкомъ далеко отъ какихъ бы то ни было политическихъ запросовъ. Передовая часть ихъ не опиралась, такимъ образомъ, ни на значительную группу дворянъ, ни на массу крѣпостного крестьянства, которое, разумѣется, не пошло бы съ ней рука объ руку. Самое главное же — передовое дворянство не могло разсчитывать на буржуазію, сыгравшую въ Западной Европѣ въ конституціонномъ движеніи рѣшительную роль. У насъ не было буржуазіи, а невѣжественное купечество не могло ея замѣнить. Поэтому, политическое движеніе у насъ, не связанное съ соціальнымъ, наиболѣе понятнымъ народу, не имѣло подъ собой почвы и не могло разсчитывать на успѣхъ. Правительство считалось съ этимъ и потому нисколько не церемонилось съ политическимъ движеніемъ. Попытки дворянъ высказаться по этому поводу, равно какъ и заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній объ ихъ конституціонныхъ вожделѣніяхъ, въ лучшемъ случаѣ, игнорировались правительствомъ, а еще чаще вызывали репрессіи. Правительство, сознававшее необходимость преобразованій, не отказывалось въ то же время и отъ реакціонныхъ дѣйствій,—что особенно обнаружилось назначеніемъ на мѣсто умершаго гр. Ростовцева Панина. Когда же выяснилось, что актъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ не удовлетворилъ ни этихъ послѣднихъ, ни интеллигенцію, реакціонное настроеніе правительства стало сказываться съ особой настой-

чивостью. Грандіозные пожары 1862 г. въ С.-Петербургѣ и въ провинціи объяснялись какъ проявленія соціальной и политической революціи, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, по которому они были частью случайными, частью актами контръ-революціонеровъ, въ своемъ родѣ черной сотни шестидесятыхъ годовъ. Боясь пропаганды революціонныхъ идей въ народѣ, правительство закрыло воскресныя школы и другія просвѣтительныя учрежденія, возникшія по частному почину передовой интеллигенціи. Начались аресты: были арестованы Чернышевскій, Писаревъ и др. Настроеніе въ пользу мирнаго разрѣшенія назрѣвшихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ все болѣе и болѣе слабѣло. На этой почвѣ между Герценомъ и Чернышевскимъ произошелъ разладъ еще, повидимому, въ 60 г. Послѣдній изъ этихъ крупнѣйшихъ вождей движенія, очевидно, не вѣрилъ въ мирный исходъ его, Герценъ же, видѣвшій въ Европѣ ужасы революціи 1848 г., отказывался вступить на путь революціонной борьбы и считалъ необходимымъ исчерпать всѣ возможныя мирныя средства, хотя и признавалъ, что освобожденіе крестьянъ не освободило, а еще болѣе закабалило ихъ въ экономическомъ отношеніи. Молодежь, однако, извѣрилась въ мирные пути и стояла на сторонѣ революціи. Она оказала поддержку польскому возстанію 1863 г. и подготовляла соціальный переворотъ внутри Россіи. Въ томъ же году возникло тайное общество „Земля и Воля", главнымъ дѣятелемъ котораго былъ Серно-Соловьевичъ. Къ нему примкнулъ извѣстный профессоръ военно-юридической академіи П. Л. Лавровъ и многіе другіе представители интеллигенціи. Движеніе распространялось и на военную среду и на высшія военныя училища; были даже спеціально офицерскіе революціонные комитеты.

Сообщество „Земля и Воля" особенно настаивало на организаціи революціонныхъ силъ, стремясь замѣнить стихійный характеръ движенія организованнымъ. Оно вело свое революціонное дѣло исключительно на почвѣ народныхъ интересовъ, т. е., главнымъ образомъ, трудового крестьянства, предоставленіе которому земли и воли ставилось во главу угла. Общество это желало, чтобы частной собственности на землю не было, чтобы земля принадлежала странѣ, чтобы каждое селеніе пользовалось надѣломъ на общинномъ правѣ, при которомъ передѣлы происходили бы черезъ сравнительно большіе промежутки времени. Оно желало вызвать движеніе крестьянъ и направить его на господствующій режимъ; оно желало привлеченія „образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, своихъ собственныхъ".

Правительство поспѣшило, разумѣется, разгромить это общество. Ему помогла вспышка патріотическихъ чувствъ, вызванная польскимъ возстаніемъ, къ которому охладѣла и интеллигенція, какъ только выяснился его

узко-національный и помѣщичій характеръ. Реакція приняла крупные размѣры, распространяясь подъ вліяніемъ громовыхъ статей Каткова и на нѣкоторые общественные круги.

Таковы были общественныя теченія, когда Сергѣй Николаевичъ воспитывался въ Воронежской военной гимназіи. Общественныя движенія этого времени проникали и въ закрытыя учебныя заведенія, режимъ которыхъ уже значительно измѣнился по сравненію съ предшествовавшей эпохой. Среди воспитанниковъ чувствовался подъемъ, и шла усиленная работа мысли, а гимназическое начальство не предпринимало противъ этого рѣшительныхъ мѣръ. Сергѣй Николаевичъ или самъ издавалъ въ Воронежской гимназіи ученическій журналъ, или, заставъ его уже издающимся, принялъ въ немъ близкое участіе. Литературныя склонности, такимъ образомъ, обнаружились въ немъ довольно рано. Онъ уже тогда выдѣлялся среди другихъ и былъ центромъ кружка саморазвитія учащихся. Въ одной изъ своихъ статеекъ въ этомъ журналѣ Сергѣй Николаевичъ не особенно лестно отозвался о своемъ гимназическомъ начальствѣ и, между прочимъ, о директорѣ гимназіи, генералѣ Ватаци. Послѣдній узналъ объ этомъ, но имѣлъ достаточно такта, чтобы не сдѣлать изъ этого обычной гимназической исторіи. Онъ, повидимому, успѣлъ уже оцѣнить даровитаго и чистаго душей мальчика и послѣ его статейки не только не измѣнилъ своего хорошаго отношенія къ нему, но, напротивъ того, сталъ къ нему еще внимательнѣе. Это доброе расположеніе къ Сергѣю Николаевичу Ватаци сохранилъ до конца своей жизни, когда его ученикъ покончилъ уже счеты съ учебными заведеніями.

При такомъ директорѣ, какъ Ватаци, запрета на мысль въ гимназіи, очевидно, не было. Воспитанники жили полной жизнью и интересовались, насколько это было возможно въ закрытомъ учебномъ заведеніи, общественнымъ движеніемъ. Весьма вѣроятно, что и въ средѣ преподавателей были разные представители этого движенія. Въ то время очень часто по своему значенію для учащихся выдѣлялись учителя словесности. Въ Воронежской военной гимназіи такимъ былъ Де-Пуле, извѣстный біографъ Никитина и Кольцова. Онъ несомнѣнно игралъ нѣкоторую роль въ развитіи Сергѣя Николаевича, тепло относившагося къ нему и впослѣдствіи. Вспоминая о Де-Пуле, по поводу его смерти, въ одномъ частномъ письмѣ, относящемся къ 1885 г., Сергѣй Николаевичъ писалъ, что это былъ несомнѣнно „порядочный человѣкъ, несмотря на то, что писалъ иногда въ „Русс. Вѣстн.“ и въ „Руси“. Неправильно онъ смотрѣлъ на нѣкоторыя вещи, это правда, но кто зналъ его хорошо, тотъ зналъ также и то, что происходило это не отъ дурного какого-нибудь источника, а просто потому, что человѣкъ такъ ужъ смотрѣлъ и понималъ“. Поэтому „Москов. Вѣд.“ и „Русскій Вѣстн.“ не признавали въ немъ своего человѣка. Для нихъ онъ былъ слишкомъ

независимъ. Когда онъ умеръ, эти изданія не сказали о немъ ни единаго своего слова, ограничившись лишь перепечаткой изъ „Новаго Времени“, что вотъ умеръ-де такой-то писатель, который былъ большимъ идеалистомъ и занимался преподавательской дѣятельностью. „Ужасно мнѣ хочется—продолжалъ Сергѣй Николаевичъ—сказать объ этомъ человѣкѣ доброе слово и о тѣхъ старыхъ спорахъ, какіе онъ велъ со мною, еще мальчикомъ. Разошлись мы съ нимъ разъ совсѣмъ въ разныя стороны; я очень вспылилъ, и другой, конечно, могъ бы мнѣ повредить (онъ былъ учителемъ очень вліятельнымъ въ совѣтѣ и помощникомъ инспектора классовъ), а онъ мнѣ вотъ что сказалъ: „хоть мы съ вами и расходимся такъ далеко, что врядъ ли когда-нибудь сойдемся, но позвольте мнѣ все-таки крѣпко пожать вамъ руку“. И такъ крѣпко пожалъ руку и столько оказалъ мнѣ этимъ сочувствія, что я и теперь это помню. Тогда мнѣ, помню, это доставило удовольствіе, какъ торжество надъ учителемъ, удовольствіе чисто мальчишеское, а теперь вотъ я иное совсѣмъ удовольствіе испытываю, когда вспоминаю это и весь тотъ споръ. Темы для сочиненій онъ мнѣ давалъ очень трудныя или самому предоставлялъ выбирать, а его темы всегда вертѣлись около народа, народныхъ идеаловъ, вѣрованій, обычаевъ, взглядовъ и т. п. За занятіями моими онъ очень слѣдилъ, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ источниками, а иногда нарочно задастъ какую-нибудь скользкую тему и посмѣивается, какъ-то я съ ней справлюсь. Поспорили мы съ нимъ въ первый разъ вотъ изъ-за чего: дана мнѣ была такая тема—„Іоаннъ Грозный въ мнѣніи русскаго народа“. Я перерылъ всю исторію, всѣ пѣсни и былины и нашелъ такія двѣ былины, о какихъ онъ и не зналъ, а между тѣмъ онѣ, какъ нельзя лучше, подтверждали мой взглядъ, съ которымъ онъ никакъ не хотѣлъ согласиться. А послѣдній споръ былъ по поводу Некрасова и Чернышевскаго“. „Можетъ быть—прибавляетъ съ грустной проніей на свой счетъ Сергѣй Николаевичъ къ этому письму—я и соберусь что-нибудь о немъ написать, а можетъ быть, только сборами и ограничусь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ“.

Дѣйствительно, Сергѣй Николаевичъ не собрался написать о Де-Пуле, но вспоминалъ его всегда съ добрымъ чувствомъ. Де-Пуле не привилъ Сергѣю Николаевичу новыхъ отношеній къ народу, такъ какъ симпатіи къ послѣднему Сергѣй Николаевичъ вынесъ еще изъ своей деревенской жизни, но онъ несомнѣнно поддержалъ эти симпатіи и, быть можетъ, научилъ его глубже заглядывать въ народную жизнь и стремиться къ ея всестороннему познанію. Съ этой стороны, Де-Пуле, не будучи народникомъ въ смыслѣ Герцена и Чернышевскаго, внесъ свою лепту въ народничество Сергѣя Николаевича, симпатіи котораго къ этому направленію несомнѣнно замѣчались уже въ Воронежской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая вниманіе

на народную пѣсню, повѣрья и прочія стороны народнаго быта. Де-Пуле избавилъ, быть можетъ, Сергѣя Николаевича отъ слишкомъ односторонняго увлеченія одними экономическими вопросами и своимъ отношеніемъ къ самостоятельному ученику подалъ прекрасный примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ мнѣніямъ. Эти черты—отсутствіе узости во взглядахъ и широкая терпимость и вниманіе къ чужимъ мнѣніямъ—выпукло выдѣлялись въ характерѣ Сергѣя Николаевича во всю его жизнь и составляли истинное украшеніе его духовной личности. И очень вѣроятно, что на развитіе ихъ Де-Пуле, дѣйствительно, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое вліяніе.

Вообще въ Воронежской гимназіи Сергѣй Николаевичъ уже значительно опредѣлился и въ смыслѣ характера и въ смыслѣ убѣжденій, насколько это было возможнымъ для юноши его возраста. Здѣсь же онъ началъ писать не только для учителей и ученическаго журнала, но и для себя и, быть можетъ, съ надеждой печататься. 15-ти лѣтъ отъ роду онъ написалъ уже огромную статью о современныхъ русскихъ женщинахъ-писательницахъ, главнымъ образомъ, о М. К. Цебриковой и о Е. И. Конради. Статья эта долго у него хранилась; онъ не отдавалъ ее для напечатанія, такъ какъ впослѣдствіи самъ находилъ ее слишкомъ восторженной, но въ ней уже сказались его литературныя дарованія и серьезное вдумчивое отношеніе къ литературнымъ вопросамъ.

Въ воронежскомъ же корпусѣ получили доступное для юноши обоснованіе и безсознательныя раньше, привитыя впечатлѣніями дѣтства, склонности Сергѣя Николаевича къ народу, любовь и стремленіе къ его быту и труду. Здѣсь начало складываться у него цѣльное міровоззрѣніе народника, видѣвшаго исходъ бѣдствіямъ страны въ полномъ сліяніи интеллигенціи съ народомъ, въ развитіи и въ осуществленіи совокупными ихъ силами соціальныхъ идеаловъ народа.

Въ указѣ объ отставкѣ Сергѣя Николаевича значится, что въ службу онъ „вступилъ изъ воспитанниковъ Михайловской Воронежской военной гимназіи въ первое военное Павловское училище юнкеромъ, куда и прибылъ 1865 года августа 23-го“. Начальникомъ училища въ это время былъ извѣстный затѣмъ военный министръ и, пожалуй, еще болѣе извѣстный потомъ министръ народнаго просвѣщенія—П. С. Ванновскій. Вспоминая о немъ по поводу его смерти, Сергѣй Николаевичъ въ одной изъ своихъ начатыхъ, но неоконченныхъ, къ сожалѣнію, рукописей, писалъ, что изъ множества „всякихъ начальниковъ и наставниковъ“, которымъ „ввѣряли“ его судьбу, ни отъ одного изъ нихъ „я не претерпѣлъ столько муштры, въ видѣ распеканій, наставленій и карцернаго сидѣнія, какъ отъ П. С. Ванновскаго, и тѣмъ не менѣе, когда онъ умеръ, мнѣ очень жаль его и

хочется сказать о немъ доброе слово. Не за муштру и наставленія, которыя для меня, какъ для человѣка уже сложившагося, были совершенно безполезны и тѣмъ болѣе не за карцерное пребываніе, безъ котораго можно было обойтись, а за то, что слѣдуетъ цѣнить въ человѣкѣ даже противоположныхъ убѣжденій: передъ вами была опредѣленная величина, человѣкъ твердыхъ, опредѣленныхъ убѣжденій и служебнаго долга, который, будучи требовательнымъ къ другимъ, подчиненнымъ, и самъ никогда не забывалъ своихъ обязанностей". Сергѣй Николаевичъ имѣлъ не мало тому доказательствъ и объ одномъ случаѣ, характерномъ для Ванновскаго съ этой стороны, будетъ сказано ниже. Теперь же нужно отмѣтить, что пребываніе во главѣ учебнаго заведенія человѣка вѣрнаго служебному военному долгу, понимаемому въ смыслѣ николаевскаго военнаго режима, разумѣется, не было благопріятно для развитія учащихся этого учебнаго заведенія. Ванновскій не любилъ того „вольнаго" духа, который вѣялъ въ училищѣ со всѣхъ сторонъ, и самъ, насколько это было въ его силахъ, ограждалъ юнкеровъ отъ новыхъ теченій.

Давалось это, однако, ему очень не легко. Движеніе въ пользу освобожденія личности отъ оковъ невѣжества и традицій было слишкомъ сильно, чтобы ему могли противустоять отдѣльныя лица. Сверстникъ и товарищъ Сергѣя Николаевича по первому Павловскому училищу—А. Н. Куропаткинъ, навсегда сохранившій о немъ самыя теплыя воспоминанія, удостовѣрялъ намъ о выдающемся въ то время стремленіи молодежи къ пріобрѣтенію знаній и къ чтенію. Хотя онъ и Сергѣй Николаевичъ были въ разныхъ ротахъ училища, но общая для всѣхъ библіотека сближала ихъ. Книги въ библіотекѣ имѣлись преимущественно въ единственныхъ экземплярахъ, и юнкерамъ, желавшимъ читать наиболѣе ходкія въ то время изданія, приходилось записываться въ очередь, за которой сами же юнкера ревниво слѣдили. Благодаря этому, всѣ наиболѣе интересовавшіеся самыми современными въ то время вопросами, обсуждавшимися въ печати, близко знали другъ друга, слѣдили за тѣмъ, кто—что читаетъ, сколько времени держитъ книгу, какую успѣлъ уже прочесть и т. д. При такихъ условіяхъ и А. Н. Куропаткинъ зналъ, что и какъ читалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ утверждаетъ, что этотъ послѣдній „весь ушелъ въ книгу", весь отдался чтенію, былъ увлеченъ, поглощенъ имъ. Сергѣй Николаевичъ зачитывался Оуэномъ, Прудономъ, а изъ русскихъ писателей особенно цѣнилъ Чернышевскаго и другихъ сотрудниковъ „Современника". Въ товарищеской средѣ шли нескончаемые разговоры на политическія и соціальныя темы, а подчасъ и оживленные споры. Среди юнкеровъ І-го Павловскаго училища особенно выдѣлялись нѣкто Т. и Сергѣй Николаевичъ. Первый—властная, сильная натура—представлялъ собой явно выраженный типъ вождя; второй

импонировалъ своимъ глубоко вдумчивымъ отношеніемъ къ „проклятымъ вопросамъ“, своей проникновенной добротой, чистотой своей жизни, даже своихъ помысловъ, своимъ исключительнымъ безкорыстіемъ, постоянной готовностью поступиться своими интересами, простотой и нетребовательностью и глубокой вѣрой въ правду жизни. Красивый, прекрасно сложенный, онъ сознательно развивалъ въ себѣ физическую силу и, дѣйствительно, достигъ въ этомъ отношеніи большихъ успѣховъ. Онъ признавалъ уже въ это время обязательность личнаго физическаго труда и „опрощенія“. Трудъ и опрощеніе были для него и соціальной правдой и необходимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ—путь къ моральному очищенію. Если полныхъ своихъ послѣдователей въ военномъ училищѣ Сергѣй Николаевичъ находилъ не слишкомъ много, то несомнѣнно, по словамъ мало сходившагося съ нимъ по убѣжденіямъ, но высоко цѣнившаго его А. Н. Куропаткина, онъ имѣлъ крупное и выдающееся вліяніе на расширеніе кругозора своихъ товарищей и на повышеніе ихъ нравственнаго уровня. Онъ вліялъ на отвлеченіе ихъ отъ пьянства, разгула, разврата и вообще отъ прожиганія жизни, увлекалъ ихъ къ чтенію и книгѣ и, что называется, заставлялъ ихъ вникать въ серьезные вопросы и думать надъ ними.

Онъ искренне ненавидѣлъ всѣ соціальныя перегородки и, не вдаваясь въ крайности, отрицалъ всѣ шаблонныя условности. Движеніе, извѣстное подъ названіемъ нигилизма, достигшее именно въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ кульминаціонной точки своего развитія, затронуло и его. Въ это время среднее и высшее образованіе сдѣлались доступными не только дворянству, но и другимъ сословіямъ. Отмѣна крѣпостного права, въ свою очередь, выдвинула на сцену, такъ называемыя, средція и низшія сословія. Замкнутость дворянства была разрушена. Помѣщики и ихъ дѣти сталкивались теперь съ крестьянствомъ не только при выполненіи барщины, но и въ школѣ, и въ земствѣ, и въ торговлѣ, и иногда даже на службѣ. Появился разночинецъ, не связанный традиціями барскаго этикета, и вмѣстѣ съ „низшими сословіями“ понизилъ требованія къ тому, что называется внѣшней воспитанностью. Демократизація общества, подъ вліяніемъ новой жизни, сдѣлалась всеобщей. Стремленіе къ равенству коснулось всѣхъ сторонъ быта: и равенства въ правахъ сословій вообще, и въ правахъ на образованіе въ частности, и равенства половъ, и равенства дѣтей въ семьѣ, и лицъ, живущихъ личнымъ наймомъ и т. п. Въ такихъ рамкахъ демократизація связана съ пониженіемъ личныхъ требованій, съ самосовершенствованіемъ, съ пересмотромъ этическихъ началъ, различныхъ традицій и условностей, съ сильнымъ повышеніемъ критической мысли. Это движеніе, будучи вызвано дѣйствительными реальными условіями жизни, естественно было связано съ реализмомъ въ наукѣ вообще, съ естествознаніемъ въ

частности. Молодежь жадно читала Бюхнера, Молешота, Дарвина, Бокля, Огюста Конта, Спенсера и др. Изъ русскихъ писателей этой стороны направленія шестидесятыхъ годовъ особымъ успѣхомъ пользовались Писаревъ и Зайцевъ, писавшіе въ „Русскомъ Словѣ". Шла усиленная работа и въ области воспитанія и перевоспитанія. Дѣвушки не отставали отъ юношей и настойчиво стремились къ образованію, нерѣдко разрывая съ семьями и уѣзжая на женскіе курсы. Въ порывѣ сильнаго молодого протеста противъ традицій прошлаго молодежь не избѣгла рѣзкостей и внѣшней утрировки, но твердо стояла на идейной почвѣ. Нигилизмъ ея носилъ нерѣдко бурный революціонный характеръ, но это была революція по преимуществу въ духовной—интеллектуальной и моральной областяхъ.

На почвѣ „нигилистической" внѣшности у Сергѣя Николаевича произошелъ въ Павловскомъ училищѣ „инцидентъ" съ грозой юнкеровъ—Ванновскимъ. Какъ-то вечеромъ къ Сергѣю Николаевичу неожиданно явился въ училище старый его товарищъ, и другъ по воронежскому корпусу—Ладыгинъ, исключенный изъ корпуса за сильное увлеченіе физикой и полную неуспѣшность въ другихъ предметахъ.

Это былъ крупный, выдающійся человѣкъ, изобрѣвшій нѣсколько позже электрическое освѣщеніе и предвосхитившій идею лампочекъ Эдисона. Онъ получилъ за свое изобрѣтеніе Ломоносовскую премію и имѣлъ на него привилегію. Для эксплоатаціи изобрѣтенія образовалась даже фирма „Ладыгинъ, Козловъ и К°"; фонари ея горѣли одно время на Большой Морской у Флорана, но дѣло въ Россіи не пошло, и уполномоченный фирмы, Козловъ, продалъ изобрѣтеніе Эдиссону, который и разработалъ окончательно идею Ладыгина. Но все это было позже. Въ то же время, о которомъ идетъ рѣчь, Ладыгинъ, послѣ работы простымъ поденщикомъ-молотобойцемъ въ Тулѣ, пробрался въ Петербургъ, частью пѣшкомъ, частью на тормазахъ товарныхъ вагоновъ. Въ обычномъ костюмѣ рабочаго, достаточно-таки грязный, нечесанный и немытый явился онъ въ Павловское училище и на бѣду попался на глаза Ванновскому. Генеральское сердце послѣдняго не выдержало такого „неприличія", и онъ тутъ же началъ отчитывать дерзкаго нигилиста.

— „Въ какомъ вы видѣ?"—набросился онъ на Ладыгина—„безъ галстуха, въ простыхъ сапогахъ... Какой вы, примѣръ подаете моимъ юнкерамъ, я здѣсь хозяинъ и не потерплю"... и т. д. въ томъ же родѣ.

Ладыгину, послѣ такой хозяйской любезности, оставалось только уйти, что онъ не замедлилъ сдѣлать.

Сергѣй Николаевичъ, вынужденный, въ силу военной дисциплины, молча перенести эту безобразную сцену, бросилъ въ сторону Ванновскаго, по уходѣ Ладыгина, только одну короткую фразу:

— Это мой товарищъ,—сказалъ онъ, но сказалъ, повидимому, такимъ тономъ, что Ванновскій остановился.

— Кто такой этотъ вашъ товарищъ?—спросилъ онъ, глядя на блѣдное негодующее лицо своего подчиненнаго.

Сергѣй Николаевичъ объяснилъ, не преминувъ упомянуть, за что онъ былъ удаленъ изъ корпуса и указавъ, что Ладыгинъ спеціально занимается электро-техникой и прибылъ въ Петербургъ учиться.

Ванновскій пришелъ въ себя и въ немъ заговорила человѣческая струнка.

— Ступайте къ нему—сказалъ онъ—и передайте, что я могу быть ему полезнымъ.

— Послѣ случившагося Ладыгинъ не воспользуется вашей любезностью,—отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— А вы все-таки ступайте и передайте ему то, что я сказалъ вамъ.

— Но это безполезно...

— Прошу васъ не разсуждать и дѣлать то, что вамъ говорятъ. Съ отвѣтомъ вы явитесь ко мнѣ на квартиру.

Не имѣя права ослушаться, Сергѣй Николаевичъ отправился къ Ладыгину, и такъ какъ это было вечеромъ, да онъ еще и позамѣшкался, то вернулся уже поздно — часовъ въ 12. Ванновскій еще не спалъ и при входѣ Сергѣя Николаевича нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ну что?—встрѣтилъ онъ вошедшаго.

— Какъ я уже говорилъ вашему превосходительству, Ладыгинъ не принялъ вашего предложенія.

Отрицательное отношеніе къ нигилизму со стороны нѣкоторыхъ слоевъ общества и начальствующихъ лицъ вполнѣ соотвѣтствовало начавшейся уже въ то время реакціи не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ. Герцена, въ его вліяніи на широкіе круги болѣе или менѣе культурной части населенія, смѣнилъ уже Катковъ, гремѣвшій и о польской интригѣ, и о русской измѣнѣ. Всѣ видные дѣятели „Земли и Воли“ были арестованы, а общество взволновалось новымъ политическимъ дѣломъ Каракозова и Ишутина.

Кружокъ Ишутина возникъ въ 1865 году въ Москвѣ. Онъ ставилъ своей цѣлью соціалистическую пропаганду въ народѣ при посредствѣ школъ, артелей, потребительныхъ товариществъ и т. п. На деньги члена кружка Ермолова предполагалось купить фабрику Мальцева, чтобы широко вести на ней революціонное дѣло. Затѣмъ, въ намѣреніе кружка входило вызвать волненіе въ крестьянской средѣ. Думали, что лучшимъ средствомъ для этого

было бы, если кто-либо изъ крестьянъ, исходя изъ недовольства народа актомъ 19 февраля 1861 г., произвелъ бы покушеніе на жизнь Государя Императора. Однако, по злой ироніи судьбы, это злодѣяніе взялъ на себя неизлѣчимо больной дворянинъ Каракозовъ. Представитель же „низшихъ“ сословій, мѣщанинъ Комиссаровъ, явился спасителемъ Государя. При такой постановкѣ этого покушенія народъ объяснилъ послѣднее местью со стороны дворянъ Царю за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ негодованію крестьянъ присоединилось общее отвращеніе общества къ убійству вообще, а къ цареубійству въ особенности.

Такимъ образомъ, почва для общественной реакціи несомнѣнно существовала, а правительство, пользуясь этимъ, придало ей рѣшительный и рѣзкій характеръ. Послѣ покушенія Каракозова, по распоряженію графа Муравьева, отъ женщинъ и дѣвушекъ, имѣвшихъ внѣшній обликъ нигилистокъ, отбирались полицейскія подписки, обязывавшія ихъ не стричь волосъ, не носить синихъ очковъ и маленькихъ шляпъ, а носить шиньены, кринолины и т. п. Доходило дѣло до того, что нигилисткамъ полиціей выдавали даже на жительство желтые билеты проститутокъ. Аресты все росли и росли. Журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты. Репрессіи, какъ это всегда практиковалось у насъ, были обращены не только на революціонное движеніе, но и на всѣ прогрессивные элементы. Все притихло, притаилось, но, разумѣется, не замерло.

При такомъ настроеніи правящихъ сферъ, вѣроятно, не одинъ Ванновскій спасалъ отечество отъ нигилистовъ. Но всѣ они вмѣстѣ, въ концѣ концовъ, способствовали, хотя и косвенно, только тому, чтобы движеніе приняло иное направленіе, чтобы изъ области интеллектуально-моральной оно перешло къ области соціальной и политической, чтобы изъ немногочисленныхъ и замкнутыхъ кружковъ оно распространилось на болѣе широкіе общественные круги. Главнымъ же образомъ къ такому повороту вели общія условія жизни, вызвавшія извѣстныя реформы шестидесятыхъ годовъ. Относительная, хотя и весьма скромная, свобода печати все-таки оживила литературу вообще, а газетное и журнальное дѣло въ частности и увлекла не мало новыхъ силъ. Судебныя и земскія учрежденія, въ свою очередь, требовали много просвѣщенныхъ идейныхъ людей. Предстояла огромная работа въ провинціи. Нужно было создать земскую школу, организовать народную медицину, нужны были культурныя начинанія въ области промышленности и особенно сельскаго хозяйства, нужно было ближе ознакомиться съ экономическими нуждами деревни, принять мѣры къ улучшенію положенія народа, организовать кустарные промыслы, озаботиться выгоднымъ сбытомъ продуктовъ народнаго труда, нужно было устроить дороги — эти нервы промышленной жизни, озаботиться санитарнымъ благоустройствомъ и т. д. и т. д., а главное

нужно было поднять уровень сознательности въ народѣ и создать, такимъ образомъ, могучее народное движеніе, направленное къ соціальному, культурному и политическому переустройству огромной страны.

Эти дѣйствительные, реальные запросы жизни вызывали вначалѣ среди молодежи и прогрессивной части населенія теченіе попреимуществу въ пользу мирной работы для народа. Но правительство не желало ея и, по своему обыкновенію, не различая эволюціоннаго отъ революціоннаго, давило и преслѣдовало и то и другое. Благодаря этому мысль о возможности мирной работы постепенно слабѣла; активныя силы общества склонялись къ революціоннымъ путямъ, явно отдавая при этомъ предпочтеніе соціальной сторонѣ дѣла передъ политической. На почвѣ этихъ путей произошелъ, какъ было уже отмѣчено, и разладъ между Герценомъ и Чернышевскимъ.

Политическое (либеральное) теченіе того времени было наиболѣе слабо. Дѣятели его не вели пропаганды, не разрабатывали, по крайней мѣрѣ, съ постоянной и неизмѣнной настойчивостью, вопроса о примѣненіи политической свободы въ условіяхъ русской жизни и не обнаруживали другихъ активныхъ дѣйствій, свойственныхъ политическимъ партіямъ. Большая часть практическихъ выступленій ихъ сводилась къ робкимъ газетнымъ и журнальнымъ статьямъ да, время отъ времени, къ подачѣ правительству петицій и адресовъ съ кое-какими намеками на необходимость конституціи.

Молодежь, разумѣется, не была на сторонѣ такой слабой силами и дѣйствіями группы лицъ, мечтавшихъ о политической свободѣ. Полная юношескаго воодушевленія, она стремилась къ болѣе широкимъ перспективамъ, къ болѣе всестороннимъ задачамъ. Соціальныя проблемы, ясно выступившія въ Россіи со времени освобожденія крестьянъ, захватывали ее глубже и серьезнѣе. Онѣ тѣсно были связаны съ моральными теченіями нигилизма и могли служить ареной для практическаго примѣненія самоусовершенствовавшейся и морально перевоспитанной личности.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ общественное теченіе въ этой области получило обоснованіе и выраженіе въ извѣстныхъ „Историческихъ письмахъ“ Лаврова, оказавшихъ на современную интеллигенцію исключительно крупное и выдающееся вліяніе. Строго обусловливая моральную личность и ея дѣйствія въ области практической жизни научнымъ пониманіемъ этой личностью соціальныхъ вопросовъ, Лавровъ находилъ, что извѣстный запасъ у человѣка нравственныхъ силъ необходимо долженъ вести къ практической работѣ въ области соціальныхъ идеаловъ и, наоборотъ, изученіе и разработка послѣднихъ, въ свою очередь, должна приводить къ жаждѣ нравственной жизни и практической дѣятельности по перестройкѣ общества. Моральной основой такой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должно быть сознаніе общественнаго долга. „Требованіе уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорированы

развитой личностью". Эти послѣднія, какъ надѣялся Лавровъ, поймутъ, что онѣ именно, какъ личности, „должны своею мыслію, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившагося; что онѣ именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что онѣ именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса".

Эту горячо выраженную и послѣдовательно развитую моральную основу прогрессивной работы, работы во имя общественнаго долга, въ уплату за то, что предыдущія поколѣнія и современныя массы населенія сдѣлали для интеллигенціи, предоставивъ ей возможность за счетъ ихъ лишеній и страданій возвыситься надъ общимъ уровнемъ,—отзывчиво и искренне усвоила молодежь конца шестидесятыхъ годовъ и во имя этого долга самоотверженно понесла крестъ общественнаго служенія.

Нѣсколько позже пущенный въ обиходъ терминъ „кающееся дворянство" лишь повторялъ идею общественнаго долга, формулированную Лавровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ суживалъ высокую идейную чистоту ея до вульгарныхъ понятій объ уплатѣ по опредѣленному счету и въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Только такое конкретизированіе этической формулы объ общественномъ долгѣ и могло привести впослѣдствіи къ пошлому торгу о томъ, уплаченъ ли долгъ народу или не уплаченъ.

Воспринимая нравственную обязательность служенія прогрессу массы населенія, молодежь конца шестидесятыхъ годовъ вѣрила также, что „внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало", что безъ личной критики—какъ говорилъ Лавровъ—„не добыта ни одна истина", что „безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнья бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія". Въ виду этого, исполняя свой общественный долгъ, уплачивая его массѣ народа, молодежь шла къ этому последнему съ свѣточемъ „истины и справедливости" и съ твердой рѣшимостью бороться за свои идеалы, не останавливаясь ни передъ лишеніями ни даже передъ жертвами.

Что касается самыхъ идеаловъ, то Лавровъ, по условіямъ тогдашней прессы, ставилъ ихъ въ концѣ своихъ „Историческихъ писемъ" лишь въ формѣ вопросовъ [1]). Беря изъ послѣднихъ части, содержащія положительныя утвержденія, получимъ, между прочимъ, слѣдующее.

„Неудовлетвореніе экономическихъ потребностей лежитъ въ основаніи всякой общественной болѣзни", въ виду чего „экономическое переустройство есть первый и необходимѣйшій шагъ во всякомъ общественномъ лѣ-

---

[1]) См. стр. 355—357 и др., изданія „Русскаго Богатства" 1905 года.

ченіи". Характеръ этого переустройства долженъ опредѣляться необходимостью установленія „солидарности между личностями и группами". Нужно принять „опредѣленный планъ возстановленія и усиленія разрушенной теперь въ обществѣ солидарности, опредѣленный планъ роста общественнаго сознанія", а слѣдовательно, установить тѣ „политическія формы", которыя „будутъ наиболѣе соотвѣтствовать новымъ экономическимъ формамъ производства, обмѣна и распредѣленія, потребности всесторонняго развитія личности и всеобщей кооперацін для коллективнаго общественнаго развитія".

Несмотря на неопредѣленность такой формулировки, уяснявшейся, впрочемъ, въ отдѣльныхъ письмахъ, явно соціалистическая тенденція ея остается внѣ всякаго сомнѣнія. Въ этомъ отношеніи направленіе, идеалогами котораго были Герценъ, Чернышевскій и др., остается неизмѣннымъ, но нѣкоторыя частности и тактическіе пріемы получаютъ болѣе разнообразную постановку.

Нѣкоторые кружки, оставаясь вѣрными долгу служенія массѣ народа, признаютъ желательнымъ дѣйствовать на народъ не непосредственно, а черезъ городскихъ рабочихъ. Другіе останавливаются по преимуществу на интеллигенціи, на подготовкѣ себя къ будущей дѣятельности, на научной работѣ и изслѣдованіяхъ въ области соціальныхъ вопросовъ. Всѣ, впрочемъ, или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство, остаются вѣрными соціалистическимъ и по преимуществу народническимъ тенденціямъ.

Особенно ярко было движеніе въ пользу вліянія на студенчество и городскихъ рабочихъ, путемъ распространенія преимущественно разрѣшенныхъ, а частью и нелегальныхъ книгъ и изданій. Движеніе это, сорганизовавшееся въ 1869 году въ получившіе большую извѣстность кружки чайковцевъ, удерживалось первоначально на легальной почвѣ. Распространялись книги по естествознанію и особенно по соціологіи, главнымъ же образомъ, сочиненія Маркса, Лассаля, Пфейфера (о кооперацiяхъ), Флеровскаго и др. Затѣмъ, устраивались собесѣдованія, чтенія, лекцій, читальни, библіотеки, кассы взаимопомощи, артели и потребительныя товарищества. Молодежь жила небольшими квартирами, получившими названіе „коммунъ", въ которыхъ шли безконечные споры и толки какъ по принципіальнымъ, такъ и тактическимъ вопросамъ. Но такая жизнь была лишь подготовкой къ дѣлу: сидѣніе въ городахъ начинало тяготить молодежь и въ ея средѣ стала зрѣть мысль о движеніи въ народъ...

II. Начало практической дѣятельности и обоснованіе ученія о физическомъ трудѣ, какъ основѣ соціальнаго строя.

17 іюля 1867 г. Сергѣй Николаевичъ, благополучно окончившій экзамены въ военномъ училищѣ, былъ произведенъ въ офицеры. Военная служба, при его склонностяхъ и убѣжденіяхъ, разумѣется, не улыбалась ему. Несмотря на всю „муштру“ П. С. Ванновскаго, о которой упоминаетъ Сергѣй Николаевичъ въ обрывкахъ своихъ воспоминаній о послѣднемъ, несмотря на всѣ „доводы“ грознаго генерала, онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ военной карьеры. Сдѣлать это было не легко. Ванновскій пустилъ въ ходъ всѣ возможныя средства, чтобы удержать въ военной средѣ Сергѣя Николаевича, недюжинныя способности котораго онъ успѣлъ замѣтить и оцѣнить. Онъ и грозилъ, и убѣждалъ, и соблазнялъ, обѣщая свою поддержку. Но все было напрасно. Сергѣй Николаевичъ былъ не изъ тѣхъ, которые приносятъ въ жертву карьерѣ свои убѣжденія. Онъ сдѣлалъ только одну неизбѣжную уступку—временно надѣлъ офицерскіе эполеты и поѣхалъ въ Усмань, гдѣ квартировалъ 72-й пѣхотный Тульскій полкъ, въ который онъ получилъ назначеніе. Къ мѣсту службы онъ прибылъ только черезъ два мѣсяца, а еще черезъ три мѣсяца—14 ноября того же года—былъ уже уволенъ отъ службы „по домашнимъ обстоятельствамъ“, 4-го же декабря, какъ значится въ его аттестатѣ о службѣ, „выключенъ изъ списковъ полка“.

О кратковременномъ пребываніи его въ Усмани имѣются лишь незначительныя и отрывочныя свѣдѣнія.

Отецъ Сергѣя Николаевича къ этому времени уже умеръ. Мать же, нѣсколько зимъ переѣзжавшая, въ цѣляхъ обученія младшихъ дѣтей въ Тамбовъ, съ назначеніемъ Сергѣя Николаевича въ Усмань, въ свою очередь, переѣхала туда, разсчитывая, что Сергѣй Николаевичъ будетъ заниматься обученіемъ своего младшаго брата—Ивана. Этотъ послѣдній не помнитъ, однако, чтобы предполагавшіяся занятія наладились и приняли сколько-нибудь систематическій характеръ. Въ памяти его тѣмъ не менѣе осталось, что братъ Сергѣй пріохотилъ его къ чтенію популярныхъ книгъ по естествознанію. Подъ его вліяніемъ Иванъ Николаевичъ еще ребенкомъ, въ Усмани, прочелъ Брема и съ тѣхъ поръ получилъ склонность къ естественнымъ наукамъ.

Сергѣй Николаевичъ и офицеромъ, какъ и юнкеромъ, продолжалъ много читать и работать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Въ свободное время онъ отдавался своимъ дѣтскимъ склонностямъ—много возился съ животными, а для больныхъ собакъ завелъ чуть ли не цѣлый лазаретъ.

Ружейную охоту онъ очень любилъ, но, повидимому, сдерживалъ себя въ этой страсти и самъ никогда не устраивалъ охоты, принимая лишь участіе въ тѣхъ охотахъ, которыя устраивалъ для него братъ Александръ Николаевичъ.

Въ Усмани Сергѣй Николаевичъ жилъ съ Церпицкимъ, извѣстнымъ затѣмъ корпуснымъ командиромъ въ послѣдней русско-японской войнѣ, однимъ изъ немногихъ генераловъ, съ истиннымъ геройствомъ сопротивлявшимся японцамъ въ Мукденскихъ сраженіяхъ. Церпицкій былъ его товарищемъ по корпусу и по военному училищу и, какъ сирота, часто проводилъ праздники и каникулы въ семьѣ Кривенко. Они были разные люди, но Церпицкій горячо любилъ Сергѣя Николаевича и, повидимому, служилъ въ Усмани, главнымъ образомъ, для того, чтобы быть вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Церпицкій, по разсказамъ, не вызывалъ симпатій товарищей-офицеровъ, къ которымъ онъ относился съ нескрываемымъ раздраженіемъ, свысока третируя ихъ за пустоту ихъ жизни, мелочные интересы, сплетни и т. п. Отношенія же съ солдатами были у него несравненно лучшее. Въ Усмани Сергѣй Николаевичъ и Церпицкій жили особнякомъ, съ сослуживцами по полку не сходились и не участвовали ни въ ихъ попойкахъ, ни въ кутежахъ.

Объ усманской жизни Сергѣя Николаевича въ памяти брата его Ивана Николаевича, тогда еще маленькаго мальчика, сохранился одинъ эпизодъ, вызывавшій, повидимому, много толковъ въ семьѣ. Въ одинъ морозный день къ Сергѣю Николаевичу пріѣхалъ какой-то офицеръ, вѣроятно, товарищъ его по Павловскому училищу. Онъ былъ бѣдно одѣтъ, въ полушубкѣ, очень спѣшилъ и имѣлъ печальный, удрученный видъ. Потомъ оказалось, что его куда-то ссылали въ дальній гарнизонъ. Кто былъ этотъ офицеръ, Иванъ Николаевичъ не могъ припомнить.

Мать Сергѣя Николаевича очень огорчалась его рѣшеніемъ выйти въ отставку и съ большимъ трудомъ примирилась съ совершившимся фактомъ. На этой почвѣ у нея было не мало непріятностей съ сыномъ. Боясь его вліянія на Ивана Николаевича, она поспѣшила помѣстить послѣдняго въ одну изъ московскихъ военныхъ гимназій.

Съ выходомъ въ отставку Сергѣй Николаевичъ жилъ зимній сезонъ, попреимуществу, въ С.-Петербургѣ, а лѣтній — въ имѣніи Никольскомъ-Кабаньемъ. Съ августа 1869 г. онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ Николаевичемъ, поступилъ въ Технологическій институтъ, въ которомъ занимался, повидимому, мало, но числился (кажется, вольно-слушателемъ) года два. Въ это-то время и началась его литературная дѣятельность.

Къ сожалѣнію, о первыхъ литературныхъ трудахъ Сергѣя Николае-

вича свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, это были небольшія газетныя замѣтки и статьи, помѣщавшіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. Но этой работой, служившей, между прочимъ, „подсобнымъ промысломъ“ для существованія, Сергѣй Николаевичъ не ограничивался. Въ это же время онъ началъ разработку двухъ интересовавшихъ его вопросовъ о физическомъ трудѣ и о различныхъ видахъ коопераціи на русской почвѣ.

Къ этимъ же годамъ относятся и первыя попытки его практической дѣятельности въ Тамбовской губерніи.

Началась эта дѣятельность не сразу. Она подготовлялась еще съ 1867 года, когда Сергѣй Николаевичъ молодымъ офицеромъ пріѣхалъ въ имѣніе своихъ родителей. Отца его въ это время уже не было въ живыхъ, а мать очень огорчалась, что Сергѣй Николаевичъ не сдѣлалъ по пріѣздѣ обычныхъ, считавшихся до нѣкоторой степени обязательными, визитовъ мѣстнымъ дворянамъ-воротиламъ въ уѣздѣ. Сдержано отнесся онъ, по воспоминаніямъ брата Александра Николаевича, и къ либеральнымъ земцамъ. Правда, отношенія съ ними не порвались, но и не закрѣпились, оставшись въ положеніи взаимно малознакомыхъ и болѣе или менѣе чуждыхъ другъ другу. Онъ искалъ совсѣмъ новыхъ знакомствъ и новыхъ связей.

Въ это время, по сосѣдству съ Никольскимъ, было большое имѣніе князей Волконскихъ—Павловка. Въ качествѣ управляющаго въ немъ проживалъ И. М. Мальневъ,—молодой человѣкъ—по общимъ отзывамъ знавшихъ его лично—не только замѣчательной общепризнанной красоты, но и выдающихся высокихъ душевныхъ качествъ: прямой и честный до наивности, добрый, отзывчивый, нигилистъ чистѣйшей пробы, но съ манерами, по воспитанію, а можетъ быть, и по рожденію, истиннаго аристократа. Происхожденіе его было покрыто тайной. Извѣстно было только, что родился онъ въ Сибири, а воспитаніе получилъ въ домѣ декабриста кн. Волконскаго, который горячо и искренно любилъ его. По образованію онъ былъ агрономъ, но глубоко интересовался соціальными вопросами и читалъ въ этой области, что называется, запоемъ. Онъ даже обѣдать садился не иначе, какъ съ книжкой. Какъ состоялось знакомство Сергѣя Николаевича съ Мальневымъ, мы не знаемъ. Но это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ и нѣжныхъ его друзей и, вѣроятно, первый знакомый его въ Тамбовской губерніи изъ числа лицъ съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. Впослѣдствіи Мальневъ женился на сестрѣ Сергѣя Николаевича—Екатеринѣ Николаевнѣ. Къ сожалѣнію, лѣтъ черезъ пять послѣ этого онъ заболѣлъ психически и умеръ въ больницѣ на Удѣльной.

Сергѣй Николаевичъ, чтобы не стѣснять мать пріемами своихъ новыхъ знакомыхъ и быть самому самостоятельнѣе, перенесъ изъ общей усадьбы

на бугоръ за садомъ надъ самой рѣкой небольшой флигелекъ въ двѣ комнатки и поселился въ немъ. Къ великому соблазну сосѣднихъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, онъ отказался пользоваться „выѣздной“ тройкой и обычно запрягалъ себѣ небольшіе бѣговые дрожки. На упреки шокированныхъ этимъ родныхъ и знакомыхъ онъ отвѣчалъ, что „такъ мнѣ удобнѣе: я никого не отрываю отъ дѣла и свободнѣе располагаю самимъ собою“.

Уѣхавъ однажды на своихъ „бѣгункахъ“, Сергѣй Николаевичъ „пропадалъ“ нѣсколько дней, а затѣмъ неожиданно для домашнихъ возвратился съ цѣлой гурьбой своихъ новыхъ знакомыхъ. Представивъ ихъ матери, онъ прошелъ съ ними въ свой флигелекъ, который съ этого времени превратился въ штабъ-квартиру мѣстной молодежи съ опредѣленными взглядами и настроеніями.

Вмѣстѣ съ Мальневымъ пріѣзжалъ его помощникъ по управленію Павловкой, тоже агрономъ А. С. Волосовичъ, уже поплатившійся за „неблагонадежность“ и отбывшій, въ видѣ наказанія, суровую солдатчину. Это былъ человѣкъ крупнаго ума и обширныхъ знаній, но, повидимому, уже съ разбитой жизнью. Онъ готовился занять профессорскую каѳедру, но въ это именно время былъ арестованъ и отданъ въ солдаты. Каѳедра была потеряна навсегда, а изъ человѣка науки и мысли россійскіе порядки сдѣлали „пушечное мясо“.

Съ этими двумя новыми знакомыми Сергѣя Николаевича, или независимо отъ нихъ, стали появляться и другіе. Въ числѣ нхъ были агрономъ И. Г. Фрейбергъ, ведшій впослѣдствіи съ Сергѣемъ Николаевичемъ большое практическое дѣло на Кавказѣ, и кандидатъ правъ В. К. Оленинъ, тоже участвовавшій въ этомъ дѣлѣ. Позже онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончался. Пріѣзжало и нѣсколько другихъ лицъ, какъ изъ мѣстной интеллигенціи, такъ и изъ Петербурга. Въ числѣ послѣднихъ бывалъ и П. В. Засодимскій.

Сергѣй Николаевичъ тоже ѣздилъ къ своимъ новымъ мѣстнымъ знакомымъ и тогда флигелекъ за садомъ пустѣлъ, замолкалъ. Но это бывало сравнительно рѣдко. Гораздо чаще въ немъ царило оживленіе, слышались громкое чтеніе и продолжительные разговоры. По наблюденіямъ очевидцевъ, уже тогда въ Сергѣѣ Николаевичѣ ярко сказывалась одна изъ основныхъ чертъ его характера, опредѣленно оттѣнявшая его высокую моральную силу. Самый молодой во всемъ кружкѣ, только что скинувшій ученическій, а затѣмъ и офицерскій мундиръ, юноша двадцати одного года, онъ былъ центромъ кружка лицъ, не только получившихъ высшее образованіе, но и обладавшихъ большой начитанностью, далеко незаурядпымъ умственнымъ развитіемъ и уже болѣе или менѣе значительнымъ житейскимъ опытомъ.

Эта особенность его соединять и сближать людей между собою и

группировать у одного дѣла проявлялась у него, по воспоминаніямъ братьевъ, съ ранняго дѣтства, сопутствовала ему во всей его жизни и сохранилась до послѣднихъ дней. И это при томъ условіи, что онъ никогда не былъ ораторомъ и говорилъ, въ смыслѣ ораторскаго искусства, далеко не блестяще. Въ спорахъ онъ всегда участвовалъ, но говорилъ мало, умѣя, однако, въ двухъ-трехъ фразахъ или пролить новый свѣтъ на вопросъ или поставить его на опредѣленный путь.

Поэтому принципіальные споры въ присутствіи Сергѣя Николаевича происходили рѣдко. Шли не столько споры, сколько разговоры, безконечные разговоры о проклятыхъ вопросахъ, о практическихъ выходахъ, о литературѣ. Здѣсь много читали, всѣмъ интересовались. Въ флигелькѣ получались „Отечественныя Записки", „Дѣло", „Недѣля" и другія періодическія изданія. Проникала сюда и заграничная литература. По разсказамъ Александра Николаевича—брата Сергѣя Николаевича,—послѣдній, кромѣ вопроса объ артеляхъ, корпераціяхъ и физическомъ трудѣ, горячо интересовался тогда вопросами общиннаго землевладѣнія въ Россіи, а также штундизмомъ, сектанствомъ и религіозными отщепенствами вообще. По этимъ вопросамъ онъ много читалъ и собиралъ матеріалы.

Здѣсь же, въ флигелькѣ за садомъ, созрѣла и мысль о переходѣ отъ разговоровъ къ дѣлу. Съ общаго согласія былъ организованъ кружокъ. Возникъ онъ, какъ разсказывалъ впослѣдствіи въ „Отечественныхъ Запискахъ" самъ Сергѣй Николаевичъ, въ началѣ 1869 года. Въ составъ его, кромѣ этого послѣдняго и богатой помѣщицы г-жи Б.. входили: мѣстный мировой судья, судебный слѣдователь, докторъ, четыре агронома, два юриста, два мѣстныхъ помѣщика—кандидата на земскія должности и нѣсколько „неприсоединившихся еще вполнѣ прозелитовъ и прозелитокъ". Кружокъ желалъ занять въ уѣздѣ положеніе, которое дало бы ему „возможность направить народную жизнь къ лучшему, къ охранѣ ея отъ бюрократическаго произвола и экономической эксплоатаціи". Для этого онъ долженъ былъ „дѣйствовать и на экономической и на юридической почвѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ земствѣ", долженъ былъ „имѣть своихъ докторовъ, судей, агрономовъ, школьныхъ учителей и т. д." Для этого же имѣлось въ виду „устраивать больницы и школы, банки и промышленныя ассоціаціи, а впослѣдствіи и фабрики"; предполагалось показать примѣръ „раціональнаго хозяйства, пользу введенія машинъ, выгодность лучшаго сѣвооборота"; проектировалось снимать землю большими участками, чтобы раздавать ее по той же цѣнѣ по мелочамъ, освобождая, такимъ образомъ, крестьянъ отъ переплатъ съемщикамъ, выдавать авансы подъ работу, чтобы избавить ихъ отъ невыгодъ зимней наемки, устраивать болѣе выгодный сбытъ ихъ произведеній, чтобы избавить ихъ отъ скупщиковъ

и т. д.“ Самому Сергѣю Николаевичу, пріѣзжавшему для работы въ кружкѣ на теплое время года, предназначалась слѣдующая роль: онъ долженъ былъ окончить Технологическій институтъ и, пригласивъ какого-нибудь товарища, организовать промышленныя артели и одинъ большой общинный заводъ, который помѣщался бы въ центрѣ нѣсколькихъ деревень въ районѣ дѣятельности кружка и давалъ бы населенію зимній заработокъ.

Работа шла успѣшно. Не жалѣли ни средствъ, которыхъ было достаточно, ни силъ. Наряду съ обычной культурной работой въ области медицинской, народообразовательной и юридической, кружокъ велъ дѣло и съ землей. Онъ завѣдывалъ имѣніями, арендовалъ ихъ и въ общемъ располагалъ болѣе чѣмъ 10-тью тыс. десятинъ. Съ такимъ земельнымъ фондомъ онъ существенно вліялъ на пониженіе арендной платы на сдаваемыя крестьянамъ земли, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ этой области началась сильная спекуляція. Пользуясь крестьянскимъ малоземельемъ, владѣльцы, арендаторы и крупные съемщики земли сильно поднимали наемную на нее цѣну. Кружокъ же немедленно понижалъ ее, благодаря чему, какъ разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ,—

„вся его земля разбиралась и спросъ на землю ослабѣвалъ, а земля тѣхъ, кто игралъ на повышеніе, оставалась неразобранной или падала въ цѣнѣ... Весьма нерѣдко крестьянинъ предпочиталъ сдѣлать нѣсколько верстъ лишнихъ, какъ это ни тяжело и ни неудобно, лишь бы только снять землю у кружка и не переплачивать за сосѣднюю землю. Впрочемъ, тутъ играли важную роль и нѣкоторыя льготы, которыя допускались кружкомъ, а другими землевладѣльцами не допускались: дозволялось, напр., давать за землю меньшій задатокъ, дозволялось остальныя деньги разсрочивать на два срока, вмѣсто одного, или отсрочивать не до жатвы, не до перваго снопа, какъ обыкновенно дѣлалось, а до Покрова, напр., или вообще до продажи хлѣба“. [1])

Къ сожалѣнію, кружку не удалось добиться того, чтобы крестьяне сами снимали въ долгосрочную аренду землю большими участками и тѣмъ избавились бы отъ съемщиковъ-кулаковъ. Несмотря на очевидныя выгоды такой съемки, крестьяне постоянно уклонялись отъ нея. Разумѣется,—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—у нихъ были на то „свои соображенія и затрудненія, для насъ малопонятныя, а для нихъ и весьма невыгодныя, но тѣмъ не менѣе, трудно устранимыя“.

Стремясь къ регулированію поземельныхъ отношеній, кружокъ стремился также

„къ регулированію заработной платы, стараясь гарантировать ее отъ неестественнаго пониженія. Когда осенью и зимою къ крестьянину

[1]) „Отечествен. Зап.“ 1881 г., № 12. „По поводу внутрен. вопросовъ“.

приходила нужда, и онъ выпужденъ былъ продавать свой будущій трудъ вдвое, втрое, и иногда и вчетверо дешевле. то желающихъ пользоваться этимъ, конечно, всегда было не мало. Мало-по-малу, зимняя наемка сдѣлалась правиломъ обязательнымъ для всѣхъ мѣстныхъ хозяевъ: если бы кто не запасся рабочими зимою, то лѣтомъ ему предстояло или платить много дороже обыкновеннаго, такъ какъ оставались ненанятыми только болѣе самостоятельные домохозяева, или же остаться совсѣмъ безъ рабочихъ. Если же первые рабочіе эшелоны, состоявшіе изъ болѣе нуждавшихся крестьянъ, находили нанимателя, который предъявлялъ достаточный спросъ на руки и не желалъ пользоваться ихъ положеніемъ, а выдавалъ имъ авансомъ болѣе или менѣе нормальную плату, даже хотя бы съ учетомъ ея изъ извѣстнаго %, то положеніе нѣсколько измѣнялось: менѣе нуждавшіеся, конечно, не торопились наниматься, и, во всякомъ случаѣ, уже придерживались этой цѣны, принимая ее за minimum. Цѣна труда не падала такъ быстро. Повторяю, что это возможно было, разумѣется, опять-таки только въ извѣстномъ районѣ и при условіи достаточнаго спроса на руки. Опредѣленіе размѣровъ платы и аванса было для нѣкоторыхъ любителей цѣлою процедурою: заручившись урочнымъ положеніемъ, курсами политической экономіи, цѣнами продуктовъ, цифрами наемки прежнихъ лѣтъ и т. п. данными, они высчитывали десятыя доли копеекъ съ удивительнымъ педантизмомъ; но какъ бы тамъ ни было, а кружокъ, во всякомъ случаѣ, платя гораздо дороже другихъ, никогда въ убыткѣ не былъ, потому что крестьянинъ, нанявшись прежде всѣхъ у него, къ нему первому шелъ и на работу и, получивъ настоящую плату, работалъ лучше, да и не имѣлъ такой сильной надобности нахватать работы сверхъ своихъ силъ, какъ это было въ тѣхъ случаяхъ, когда, не получивъ отъ нанимателя необходимой суммы, онъ сейчасъ же бѣжалъ къ другому, а отъ другого къ третьему нанимателю. Благодаря этому или же агрономическимъ знаніямъ, а вѣрнѣе — и тому, и другому вмѣстѣ, хозяйство кружка шло гораздо лучше, чѣмъ у другихъ, такъ что очень многіе обращались къ нему за совѣтами и справками".

Не были оставлены безъ вниманія и цѣны на хлѣбъ.

„Крестьянамъ говорилось, чтобы они не открывали цѣнъ, не продавали хлѣбъ первыми и придерживались той цѣны, которая будетъ назначена крупными продавцами. Исполненіе этого совѣта было едва ли не наиболѣе труднымъ, но мало-по-малу крестьяне стали поручать продажу своего хлѣба членамъ кружка, пристраивая свой хлѣбъ къ ихъ партіи и прося только хоть немного, хоть 1 р. на четверть „задаточку". Вообще, довѣріе крестьянъ замѣтно возрастало и отношенія становились гораздо лучше, чѣмъ были два года тому назадъ." [1])

Дѣятели кружка все болѣе и болѣе сплачивались, часто собирались вмѣстѣ и обсуждали и свои дѣла и общіе вопросы. „Говорили свободно, безъ всякихъ опасеній, что кто-нибудь сдѣлаетъ для васъ непріятность, а

[1]) Тамъ же, стр. 221 и 222.

для себя интересъ. Да и происходило тогда, при отсутствіи всякой цензуры, какъ-то гораздо меньше нецензурныхъ разговоровъ. На эти импровизированныя собранія приходили иногда и крестьянинъ и сельскій учитель. Каждый приходилъ съ полнымъ довѣріемъ и приносилъ и высказывалъ кто радость, кто горе, кто мучившую его мысль". Въ послѣдній разъ— разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—

„передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, больше всего обсуждались и дебатировались два вопроса—объ организаціи выкупа земель, заложенныхъ въ банкахъ, для передачи ихъ крестьянамъ и объ устройствѣ постояннаго образцоваго хутора, гдѣ хозяйство было бы послѣднимъ словомъ агрономической науки, гдѣ были бы введены всевозможныя машины и могли бы работать нѣсколько новыхъ членовъ кружка, которые должны были пріѣхать и образовать *образцовую сельскохозяйную общину*. При хуторѣ предполагалась школа и практическія занятія".

Такую общину, по мнѣнію главныхъ дѣятелей кружка, удобнѣе было организовать гдѣ-нибудь въ глуши на Кавказѣ, пригласивъ въ нее побольше крестьянской молодежи изъ Тамбовской губерніи. Остановившись на этомъ, кружокъ принялъ уже мѣры къ осуществленію дѣла, но тутъ-то уѣздное и губернское вороньё всполошилось, закаркало. Въ предположенной общинѣ усмотрѣли уже опасную организацію, „какую-то шайку", „какое-то развѣтвленіе" чего то и т. д. [1]). Тамбовскій кружокъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность, не просуществовавъ даже полныхъ трехъ лѣтъ. Возродился онъ уже въ иномъ мѣстѣ, въ иной организаціи и отчасти въ иномъ составѣ.

Лица, знающія причины прекращенія дѣятельности кружка, отмѣчаютъ спеціальную роль въ его гибели одного мѣстнаго помѣщика-администратора М., имѣвшаго развязность втихомолку считать себя не только однокашникомъ, но и другомъ Герцена. Сначала онъ былъ, дѣйствительно, передовымъ человѣкомъ, всѣмъ интересовался, много читалъ и проч. Но затѣмъ, страхъ передъ начальствомъ и крѣпостническія склонности взяли перевѣсъ. Онъ даже либеральную мысль, взятую изъ подцензурнаго журнала, говорилъ не иначе, какъ шопотомъ, а слово „правительство" совсѣмъ не рѣшался произнести, а только какъ-то особо моргалъ глазами и указывалъ кивкомъ головы по направленію къ Петербургу, или таинственно произносилъ: „тамъ... такъ думаютъ, такъ хотятъ"...

Этотъ господинъ, когда дѣятельность кружка стала развиваться, вызвалъ къ себѣ Сергѣя Николаевича пригласительной запиской черезъ сотскаго и сразу показалъ свои настоящіе зубы. Онъ сталъ обвинять Сергѣя

[1]) Тамъ же, стр. 223.

Николаевича въ томъ, что послѣдній бунтуетъ народъ, пропагандируя какое-то переселеніе на Кавказъ, чего какъ ему извѣстно, очень не одобряютъ въ Петербургѣ. Принимая далѣе личину доброжелателя, М. „во имя своихъ добрыхъ отношеній съ покойнымъ батюшкой“ Сергѣя Николаевича предупреждалъ его, что вліятельныя особы уѣзда, если Сергѣй Николаевичъ не прекратитъ своей „вредной“ дѣятельности, заручились уже согласіемъ на его „высылку изъ края“.

Этотъ разговоръ представлялъ большой интересъ для Сергѣя Николаевича и его друзей, между прочимъ, и съ той стороны, что мысль о переселеніи на Кавказъ и о приглашеніи туда крестьянскихъ юношей, держалась ими въ большой тайнѣ. Объ этомъ намѣреніи знало всего нѣсколько человѣкъ, да стѣны флигелька за садомъ. Какъ узнали объ этой мечтѣ г. М. и его друзья—крѣпостники—это осталось, къ сожалѣнію, не выясненнымъ.

Какъ бы то ни было, Сергѣю Николаевичу пришлось покинуть свое родное село Никольское, т. е., по крайней мѣрѣ, по долгу не засиживаться въ немъ. Интересы его съ этого времени сосредоточиваются, съ одной стороны, въ Петербургѣ, а съ другой—на Кавказѣ.

Время его жизни въ Петербургѣ еще кое-кто помнитъ. Въ его маленькой квартиркѣ постоянно толпились товарищи и пріятели: „Мы не рѣдко оставались у него ночевать“—вспоминаетъ одинъ изъ очевидцевъ—„и безцеремонно ложились на его кровати, на диванѣ, на стульяхъ, а онъ почти всегда на полу, съ книгами и газетами подъ головою вмѣсто подушки. Уговорить его взять подушку или одѣяло не было никакой возможности. У него это не была игра въ Рахманова или безсознательная подражательность моднымъ образцамъ. Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ былъ глубоко убѣжденный человѣкъ и на всю жизнь остался такимъ, какимъ рисуютъ его современники въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Всю жизнь свою онъ считалъ для себя нравственно обязательнымъ сводить свои потребности до minimum'а и дѣлиться съ другими послѣднимъ. Онъ отрицалъ по отношенію къ себѣ всякій комфортъ и не допускалъ какихъ бы то ни было личныхъ услугъ себѣ. Никто во всю его сознательную жизнь не чистилъ ему платья и сапогъ, никто не подметалъ и не убиралъ его комнаты. Все это онъ дѣлалъ всегда самъ, и даже передъ смертью, едва держась на ногахъ, не допускалъ никакихъ услугъ себѣ. „Вотъ, когда совсѣмъ слягу“—говорилъ онъ—„ну, тогда ужъ дѣлайте сами“...

Для людей, не привыкшихъ согласовать слово и дѣло, убѣжденіе и жизнь,—всѣ эти черты характера Сергѣя Николаевича не больше какъ „чудачества“ неисправимаго идеалиста; но для тѣхъ, кто зналъ его и былъ вообще способенъ цѣнить все значеніе моральныхъ устоевъ жизни, эти

черты представляютъ ничто иное, какъ проявленіе чрезвычайно выдержаннаго могучаго характера человѣка, замѣчательно цѣльнаго, чистаго и сильнаго духомъ.

Живя въ Петербургѣ, Сергѣй Николаевичъ нерѣдко отдавалъ обращавшимся къ нему за деньгами буквально послѣдній рубль. „Бывало и такъ"—вспоминаетъ о немъ братъ его Александръ Николаевичъ—„отдастъ Сережа все до копейки, а самъ бѣжитъ на Петербургскую сторону доставать денегъ. Если достанетъ, то принесетъ что-нибудь поѣсть, а не достанетъ, то и такъ уляжемся спать".

Вообще вопросы личной и общей морали не были для Сергѣя Николаевича звукомъ пустымъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ къ нимъ относились серьезно и строго. Въ связи съ ними общество, и особенно молодежь, глубоко интересовались вопросами личнаго самоусовершенствованія и особенно той стороной ихъ, которая ближайшимъ образомъ касалась усовершенствованія соціальнаго строя. Этой послѣдней чертой движеніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ рѣзко отличалось отъ стремленій къ тому самоусовершенствованію, выразителемъ котораго въ восьмидесятыхъ годахъ явился Л. Н. Толстой, отодвигавшій своей проповѣдью непротивленія злу и смиренія всѣ прежнія стремленія къ скорѣйшему улучшенію соціальнаго строя на самый задній планъ, пріурочивая это улучшеніе ко времени, когда нравственное перерожденіе человѣчества сдѣлается совершившимся фактомъ. Не такъ смотрѣли на этотъ вопросъ дѣятели семидесятыхъ годовъ. Въ личномъ самоусовершенствованіи они видѣли ближайшій непосредственный способъ и необходимое условіе для реализаціи своихъ соціальныхъ идеаловъ, орудіе, при посредствѣ котораго они могли немедленно приступить къ воплощенію въ жизнь началъ будущаго строя. На этой точкѣ зрѣнія твердо стоялъ и Сергѣй Николаевичъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ выдѣлявшійся прежде всего именно своей удивительной нравственной чистотой, рѣдкимъ безкорыстіемъ и правдивостью.

Лица, знавшія Сергѣя Николаевича въ его юности, утверждаютъ, что вопросы морали, самоусовершенствованія и воплощенія нравственныхъ идеаловъ вообще интересовали его еще въ Павловскомъ училищѣ. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ работалъ уже надъ вопросами о физическомъ трудѣ, какъ основѣ жизни и соціальнаго строя, какъ о необходимомъ элементѣ воспитанія. Идея о такомъ именно физическомъ трудѣ и о культивированіи его въ такомъ именно смыслѣ уже бродила въ передовыхъ кругахъ тогдашней интеллигенціи. Она вытекала изъ экономическихъ ученій и, въ частности, изъ преобладавшихъ у насъ ученій о производительномъ трудѣ; она напрашивалась при развитіи ученій о долгѣ передъ народомъ, о самоотверженномъ служеніи ему. Но ясно и всесто-

ронне она не была развита, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ. Сдѣлалъ это Сергѣй Николаевичъ въ двухъ полныхъ глубокаго интереса обширныхъ статьяхъ—„Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія" и „Нѣсколько замѣчаній на сочиненія Спенсера о воспитаніи", помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1876 и 1878 гг. Статьи эти вышли въ 1879 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ первой изъ нихъ, далеко, однако, не исчерпывавшимъ содержанія этой книги, глубоко затрагивавшей не только вопросы воспитанія, но и вопросы морали, права и всего соціальнаго строя.

Живи Сергѣй Николаевичъ не въ Россіи, гдѣ интересы къ литературѣ не высоки не только вообще, но даже и въ средѣ, такъ называемаго, (вѣроятно, по недоразумѣнію) образованнаго общества, а въ какой-либо культурной странѣ, одной этой книги его было бы достаточно, чтобы имя его получило широкую извѣстность. У насъ же было не то: книгу, правда, замѣтили, почитали, похвалили, но вслѣдъ за тѣмъ совершенно забыли о ней. Между тѣмъ, она не только имѣла глубокій интересъ въ то время, но сохраняетъ этотъ интересъ до сихъ поръ. Значеніе ея теперь, когда возродились надежды на соціальное переустройство страны, пожалуй, еще больше, чѣмъ прежде, а потому напомнить о ней далеко не безполезно. Для біографіи Сергѣя Николаевича и пониманія не только его личности, но и того направленія, которому онъ служилъ, она важна, въ свою очередь, и изложеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ мыслей его, въ виду этого, совершенно необходимо.

Съ обычной ясностью въ изложеніи Сергѣй Николаевичъ устанавливаетъ, что потребность человѣческаго организма въ движеніи, хотя и не выражается такъ настоятельно, какъ потребность въ снѣ и пищѣ, но тѣмъ не менѣе есть настоятельная потребность, и отказъ въ ней всегда сопровождается вредомъ для организма. Лишить ребенка необходимой ему физической дѣятельности такъ же жестоко, какъ и лишить его пищи. Органы тѣла, оставляемые въ бездѣйствіи замедляются въ своемъ развитіи; такимъ путемъ ихъ можно довести до потери способности къ отправленіямъ. Потребность въ физической дѣятельности настолько сильна и необходима, что, отказывая въ ней, мы или вынуждаемъ ее прорываться неправильнымъ, безполезнымъ и не рѣдко даже вреднымъ образомъ, или же заставляемъ организмъ чахнуть, увядать и болѣть, что дѣйствуетъ, разумѣется, вредно и на мозговую дѣятельность, для которой необходимъ обмѣнъ матеріи, а слѣдовательно, и достаточная физическая дѣятельность. „Отношеніе между тою и другою непремѣнно должно быть правильнымъ, т. е. наивыгоднѣйшимъ для ихъ наилучшаго взаимодѣйствія въ борьбѣ человѣка за счастье" (стр. 32 книги „Физич. трудъ, какъ необход. элементъ образов.").

Противъ этихъ положеній въ сущности никто не споритъ, но и

чрезвычайно важнымъ значеніемъ ихъ, въ свою очередь, почти никто не проникается. Тѣмъ не менѣе для проведенія этихъ безспорныхъ требованій въ жизни кое-что уже предпринимается. Подражая древне-греческому воспитанію, въ нашихъ школахъ вводятъ гимнастику. Но въ Греціи гимнастика была дѣломъ жизни. Она раздѣлялась на діэтическую, военную, атлетическую и эстетическую. Множество проявленій жизни древнихъ грековъ, начиная отъ олимпійскихъ игръ, военныхъ походовъ и до разныхъ праздненствъ, публичныхъ ученыхъ и философскихъ состязаній, сопровождались гимнастическими упражненіями. Безъ нихъ жизнь грековъ была бы не полна. У насъ же гимнастика ни въ какомъ отношеніи не связана съ жизнью. Она носитъ характеръ безсмысленныхъ и безцѣльныхъ, непригодныхъ для обыденной жизни упражненій. Въ Англіи она больше связана съ жизнью и принимаетъ характеръ игръ и состязаній. Но и здѣсь она служитъ и цѣлью и средствомъ и замкнута въ узкомъ заколдованномъ кругѣ, чуждомъ дѣйствительной производительной дѣятельности. При современныхъ условіяхъ нашей жизни главными задачами послѣдней являются знаніе и трудъ, которые поэтому должны быть и главными задачами школы (стр. 41).

Современное человѣчество дѣлится на два противные лагеря. Одинъ изъ нихъ „живетъ исключительно физическими трудами и приближается къ состоянію машины, къ состоянію рабочаго животнаго, средняя продолжительность жизни котораго очень не велика“; другой лагерь живетъ преимущественно духовной жизнью, и хотя въ общемъ живетъ много лучше и дольше, но и страдаетъ отъ болѣзней тѣла и отъ слабости въ области духа. Жизнь этой части человѣчества безъ всякаго физическаго труда совершенно неразумна и неестественна, прежде всего, съ физіологической стороны. Человѣкъ, занятый исключительно умственными трудами, теряетъ здоровье или тучнѣетъ уже къ 30—35 годамъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ признаки прекращенія умственнаго роста, бодрости и энергіи. Односторонняя дѣятельность такого человѣка приводитъ къ тому, что мозгъ его развитъ неправильно и находится въ болѣзненномъ состояніи. Бываютъ, разумѣется, и исключенія, но они не опровергаютъ правила. По убѣжденію Сергѣя Николаевича, подтверждаемому ссылками на многія ученыя изслѣдованія, современному интеллектуальному работнику „слѣдовало бы поскорѣе отказаться отъ односторонней умственной дѣятельности и обратить какъ можно больше вниманія на физическое развитіе, потому что тогда онъ несомнѣнно выигралъ бы и въ умственномъ отношеніи“ (стр. 62). „Самымъ лучшимъ средствомъ для этого будетъ физическій друдъ“ (67). „Между физическимъ и умственнымъ трудомъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, такое наивыгодное соотношеніе, при которомъ они не только не будутъ взаимно исключать другъ друга, но, съ одной стороны, физическій трудъ

будетъ содѣйствовать умственному совершенствованію человѣка и большей продуктивности и доброкачественности умственнаго труда, а съ другой стороны,—умственный трудъ будетъ оказывать совершенно такое же вліяніе на физическій трудъ. Такое состояніе человѣка есть наиболѣе правильное"... (72).

Возможность такого сочетанія умственнаго и физическаго труда Сергѣй Николаевичъ доказываетъ также примѣрами и, между прочимъ, ссылается на итакскій или корнэлевскій университетъ въ Америкѣ, при которомъ устроены различныя мастерскія для студентовъ, не только съ цѣлью укрѣпить ихъ здоровье, но и предоставить имъ возможность зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ 1868 г. этими мастерскими воспользовалась $^1/_5$ часть студентовъ, заработавшая въ нихъ 15 тыс. фр. Учебныя занятія ихъ отъ этого нисколько не пострадали. Подобныя же работы введены въ пенсильванской землевладѣльческой коллегіи, въ ленсингской коллегіи, въ штатѣ Мичиганъ и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ. Въ кентукскомъ же университетѣ физическій трудъ обязателенъ: всѣ студенты должны работать на фермѣ не менѣе двухъ часовъ въ сутки; желающіе же зарабатывать физическимъ трудомъ средства къ существованію должны работать 4 часа въ сутки, получая за каждый часъ отъ 20 до 50 сантимовъ (стр. 76).

Смыслъ исторіи физическаго труда совершенно ясенъ для Сергѣя Николаевича. „Патриціи и плебеи, феодалы и города, гвельфы и гибеллины, фритредеры и протекціонисты, крѣпостники и либералы"—говоритъ онъ—„все это только разновидности одного и того же вида. Всѣ они враждуютъ изъ-за одного и того же вопроса о благосостояніи, изъ-за того, чтобы, съ одной стороны, не только захватить продукты чужого труда, но и поставить представителей его въ такую отъ себя зависимость, чтобы можно было ихъ эксплоатировать постоянно, а съ другой—не дать своего имущества и не стать въ зависимость. Правда, что противники часто маскируются, сообразно съ тѣми или иными историческими условіями, а основной вопросъ усложняется и затемняется другими вопросами, но сущность дѣла остается та же. Во время всѣхъ революцій и народныхъ движеній становятся обыкновенно лицомъ къ лицу только двѣ партіи, только два противника: люди, желающіе жить собственнымъ трудомъ, и люди, желающіе жить безъ труда" (104 и 105 стр.). Какъ бы различно ни рисовали и ни истолковывали намъ историки судьбы государства, въ основныхъ чертахъ онѣ вездѣ и всегда одинаковы, разница только въ подробностяхъ: „презрѣніе къ труду и неработающіе классы, стоящіе на верху общественной лѣстницы, составляютъ одну общую и главную причину ихъ несчастій".

„Были ли государства въ родѣ монархіи Александра Великаго, которую разодрали и погубили послѣ его смерти полководцы, или въ

родѣ номинально демократическихъ Аѳинъ послѣдняго времени, которыми вертѣли олигархи,—дѣло отъ этого не измѣнялось. Роскошь, рѣзкое неравенство состояній, военный деспотизмъ, паденіе религіозныхъ вѣрованій, развратъ, безнравственность и проч., что обыкновенно историки выставляютъ какъ причины разложенія государствъ, суть обыкновенно только сложныя слѣдствія одной общей причины, слѣдствія, которыя только ускоряли и выражали собою уже начавшееся разложеніе" (117 стр.).

То, что было въ Аѳинахъ, въ Римѣ, повторялось болѣе или менѣе вездѣ. „Вездѣ видишь, что происходитъ какая-то вѣчная, дикая и необузданная сатурналія тунеядства надъ трудомъ". „Даже наука и искусство становятся рабами силы и капитала" (120 стр.). Христіанство, въ свою очередь, несмотря на то, что оно высоко выдвинуло человѣческую личность и осуждало тунеядство, роскошь и богатство, не ставило, однако, категорично вопросовъ труда: у него всегда имѣлся въ виду больше бѣднякъ, чѣмъ работникъ, или же ставился вопросъ слишкомъ широко" (124 стр.). Реформація не помогла въ этомъ смыслѣ. Она лишь дала возможность протестанскимъ государямъ забирать монастырскія имущества и обращать ихъ въ свою пользу. Нѣкоторыя мелкія государства проявили въ это время „стремленія къ политической независимости, но это увеличило только число господъ, нисколько не измѣнивъ къ лучшему положеніе работника. На мѣсто идеаловъ общаго согласія, идеаловъ весьма высокихъ, но которые такъ неудачно преслѣдовалъ католицизмъ, были выдвинуты національно-эгоистическіе интересы, которые причинили уже много зла человѣчеству, сузили человѣческую мысль и рано или поздно должны будутъ уступить передъ просвѣщеніемъ" (132 стр.). Въ Англіи реформація дала возможность дворянству

„захватить громадныя секуляризованныя земли (духовенству принадлежало въ Англіи $^{7}/_{10}$ всѣхъ земель) и отказаться отъ признанія обычнаго права крестьянина на обработанную имъ землю. Секуляризованныя земли, правда, попали частью и въ руки крестьянъ, но часть эта была просто ничтожна, такъ что вообще секуляризація породила крайнюю нищету. По крайней мѣрѣ, съ этого времени начинается непрерывный рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ противъ бродяжничества, бѣдности и лѣности; по крайней мѣрѣ, въ Англіи съ 1549 года начался цѣлый рядъ новыхъ крестьянскихъ волненій, когда крестьяне ломали дворянскія изгороди, рядъ волненій, который все съ болѣе и болѣе слабѣющей энергіей доходилъ до конца XVIII стол., когда крестьянство было совсѣмъ побѣждено, и обезземеленіе народа сдѣлалось общимъ и непреложнымъ фактомъ" (133 стр.).

Обозрѣвая обширный историческій матеріалъ, Сергѣй Николаевичъ приходитъ въ концѣ концовъ къ извѣстному, цитируемому имъ, выводу

Ад. Смита, по которому, „опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ доказываетъ очевидно, что на повѣрку свободный трудъ обходится дешевле невольничьяго“, и что „работникъ стоитъ хозяину меньше, чѣмъ рабъ“.

„А послѣдующіе экономисты“—продолжаетъ Сергѣй Николаевичъ—„доказали, что невидимыя нити, привязывающія работника къ хозяину, такъ же крѣпки, какъ и цѣпи, сковывавшія римскаго раба, несмотря на юридическую фикцію свободнаго договора и на перемѣну индивидуальныхъ хозяевъ. Ни великая французская революція, ни революція 48 года, ни другія движенія, происходившія тамъ и сямъ въ Европѣ и давшія работнику нѣкоторыя политическія права, также не измѣнили его соціальнаго положенія: не избавили отъ зависимости отъ капитала и не дали возможности самостоятельно работать. Что въ особенности интересно въ эту послѣднюю эпоху, такъ это то, что работникъ заявляетъ, что его заработокъ не достаточенъ даже для самаго бѣднаго существованія, что онъ не имѣетъ возможности работать, и что ему зачастую даже негдѣ работать. Онъ требуетъ не хлѣба и зрѣлищъ, а *права на трудъ*! Онъ пишетъ (въ 1831 г. въ Ліонѣ) на знамени: „жить, работая, или умереть, сражаясь“. Онъ проситъ (въ 1842 г. въ Англіи): „честной заработной платы за честный дневной трудъ“ (134 стр.).

Совсѣмъ другая картина получается тамъ, гдѣ не существовало презрительнаго отношенія къ труду. Особенно поучительную картину даютъ раціональные сектанты, у которыхъ „трудъ—другъ, тѣлу—честь и душѣ—наслажденіе“ (138 стр.). Чтобы ни говорили, напр., о мормонахъ—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—

„какъ бы даже въ дѣйствительности ни были велики ихъ недостатки, но они показали міру изумительные примѣры труда. Они поняли весьма недурно слова библіи: „сей человѣкъ искусенъ въ трудѣ своемъ и станетъ онъ превыше царей“, и еще лучше истолковали ихъ, сдѣлавъ физическій трудъ однимъ изъ главныхъ принциповъ своей общественной жизни. Они смотрятъ на физическій трудъ не только какъ на актъ повиновенія волѣ Божіей, не только какъ на жертву, которою человѣкъ очищается отъ грѣха, но и какъ на *„добро само по себѣ и само въ себѣ“*, какъ на заслугу и *какъ на отраду даже для ума и сердца*. У мормоновъ всѣ работаютъ, начиная съ высшихъ служителей церкви и занимающихся литературою и наукою, до послѣдняго рабочаго, и нѣтъ „ни одного лѣнтяя и тунеядца“, несмотря на всю терпимость ихъ церкви. Вотъ благодаря чему, лопата и плугъ мормона, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, создавали громадныя богатства въ теченіе самаго непродолжительнаго времени. Вотъ благодаря чему, менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ они образовали цѣлый народъ въ 200 тысячъ, заняли территорію больше Испаніи, выстроили въ пустынѣ столицу, создали свой собственный законъ, свое богословіе, свою соціальную науку“ (139 стр.).

Не останавливаясь за недостаткомъ мѣста на фактахъ экономическихъ, біологическихъ и моральныхъ послѣдствій односторонней умственной и физической дѣятельности, тщательно подобранныхъ и сгруппированныхъ

Сергѣемъ Николаевичемъ въ IV-ой главѣ его замѣчательнаго труда, необходимо отмѣтить, однако, что онъ предвидѣлъ многія возраженія на основныя его мысли.

„Говоря о физическомъ трудѣ"—пишетъ онъ—„и возводя его на степень необходимаго условія жизни и даже на степень гражданской обязанности каждаго человѣка, я предчувствую возраженіе: не сдѣлается ли тогда жизнь еще матеріальнѣе, чѣмъ теперь, и не подчинитъ ли себѣ этотъ матеріализмъ еще больше наши духовныя потребности? Разумѣется, для человѣчества было бы громаднымъ несчастіемъ, если бы человѣческій геній, грѣющій и освѣщающій міръ, вдругъ исчезъ, если бы наука остановилась въ своемъ развитіи, знаніе очутилось въ состояніи презрѣнія и человѣчество, потерявъ свои духовные идеалы, перешло бы къ поклоненію грубой физической силѣ и матеріальнымъ благамъ... Но я думаю, что здѣсь не только не можетъ быть рѣчи о поклоненіи физической силѣ и угнетеніи нравственныхъ идеаловъ, а можетъ быть рѣчь только какъ разъ объ обратномъ. Человѣческій умъ отказывается представить себѣ большее несчастіе для человѣчества, чѣмъ то, въ которомъ оно находится въ настоящее время, когда народный геній дѣйствительно приносится въ жертву малочисленному меньшинству, когда наука и знаніе недостаточны для народа и находятся въ исключительномъ, монопольномъ пользованіи этого меньшинства, сдѣлавшаго изъ нихъ наслѣдственную статью дохода, когда сама наука становится вслѣдствіе этого безжизненною и мертвою. Давно ли нѣмецкіе ученые—историки и правовѣды—доказывали, съ научной точки зрѣнія, законность и необходимость крѣпостного права?... Повѣрьте, что на землѣ былъ и есть не одинъ Ньютонъ, не одинъ Коперникъ и Галилей, которымъ не удалось и не удастся проявить своего генія только потому, что недостаетъ научнаго образованія" (181 и 182 стр.).

Отдѣленіе знанія отъ труда не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній и является лишь простымъ злоупотребленіемъ. Масса приводимыхъ Сергѣемъ Николаевичемъ фактовъ устанавливаетъ, что люди физическаго труда сплошь и рядомъ являлись крупными представителями науки, литературы и искусства. Въ заключеніе онъ цитируетъ Шерра, по которому, „все доброе, прекрасное, великое, все, что изъ человѣка-животнаго сдѣлало человѣка въ высшемъ смыслѣ, все, чѣмъ зиждется и держится, красится и гордится человѣческое общество—все это вышло отъ бѣдняка, и только отъ одного него вездѣ и испоконъ вѣковъ... Всѣ пророки, посланники небесъ, глашатаи новыхъ доктринъ всегда высылались только бѣднымъ людомъ" (184 стр.).

Если въ этихъ словахъ І. Шерра и есть нѣкоторое преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что привилегированное меньшинство, живущее безъ физическаго труда и спеціализировавшееся въ умственной работѣ, не гарантируетъ правильный и достаточный интеллектуальный ростъ, что для послѣдняго крайне необходимы и силы, выходящія

изъ среды, привыкшей и, во всякомъ случаѣ, не чуждой физическаго труда, что безъ этихъ силъ человѣчеству предстоитъ крушеніе. Отсюда очевиденъ и выводъ, что обновленіе человѣчества возможно лишь при устраненіи дѣленія его на двѣ части: на людей, спеціализировавшихся въ умственномъ трудѣ, и на физическихъ работниковъ. Это необходимо и въ другомъ отношеніи: въ цѣляхъ исхода изъ той путаницы, которую создаетъ современный экономическій строй, сосредоточивающій колоссальныя богатства въ немногихъ рукахъ и обездоливающій огромныя массы работниковъ, на почвѣ раздѣленія интересовъ труда и капитала. Послѣдній, самозванно беря на себя привилегію умственной работы по управленію, усовершенствованію техники и даже по теоретической научной работѣ, строитъ систему ложныхъ доказательствъ въ пользу существующихъ основаній распредѣленія богатствъ и тѣмъ обрекаетъ представителей труда на нищету и вымираніе.

„Таковъ ужъ характеръ капиталистическаго порядка, таковы ужъ послѣдствія физіологическаго и экономическаго раздѣленія человѣка. Тѣмъ-то вотъ въ особенности и важно распространеніе идеи о необходимости физическаго труда для каждаго человѣка, что такимъ путемъ, и, по всей вѣроятности, только такимъ именно путемъ, и можно дать иное направленіе жизни и положить конецъ всей экономической путаницѣ, всѣмъ хитросплетеніямъ, обманамъ, лжи и лицемѣрію, которыми полна жизнь. *Взаимное дѣйствіе физическихъ и духовныхъ силъ, открывая человѣку болѣе широкій кругъ дѣятельности и цѣлый рядъ неизвѣстныхъ ему наслажденій, въ то же время связано съ цѣлыми группами совершенно особыхъ понятій, съ совершенно особымъ міросозерцаніемъ, которое, по всей вѣроятности, поведетъ къ тому, что духовная дѣятельность откажется отъ всякой прерогативы, отъ всѣхъ преимуществъ и будетъ направлена на общественную пользу съ той искренностью и безкорыстіемъ, какія рѣдко доводилось видѣть человѣчеству.* Кромѣ денегъ и конкуренціи, есть двигатели духа, двигатели болѣе высокіе. Вопросы объ услугахъ, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, о полезной и безполезной дѣятельности, объ участіи въ производствѣ умственнаго элемента, о распредѣленіи прибылей и проч., надъ чѣмъ ломали и ломаютъ головы экономисты, могутъ сдѣлаться чрезвычайно простыми и несложными. Это упрощеніе сложныхъ понятій очень важно, потому что сложность ихъ далеко не соотвѣтствуетъ крайне простымъ отношеніямъ человѣчества, какими они были и остались до сихъ поръ, и только затемняетъ народное сознаніе" (213 и 214 стр.).

Придавая такое огромное значеніе вопросу о физическомъ трудѣ въ соціальномъ и моральномъ переустройствѣ человѣчества, Сергѣй Николаевичъ предусматривалъ, что имъ освѣщался путь борьбы съ міровымъ зломъ мѣщанства, заслоняющимъ истинный смыслъ и высшіе интересы жизни, что имъ намѣчалась возможность, если не полнаго перемѣщенія центра тяжести человѣческаго прозябанія съ погони за тою или другой формой „мѣщанскаго счастья" къ возвышеннымъ идеаламъ, то во всякомъ

случаѣ болѣе правильное соотношеніе между ними. Съ этой точки зрѣнія, принципъ физическаго труда былъ не только основой соціальной философіи, но и необходимымъ элементомъ, непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго невозможно было создать даже самой почвы, благопріятствующей построенію новыхъ философскихъ системъ, имѣющихъ, быть можетъ, разрѣшить, наконецъ, смыслъ жизни, человѣческаго бытія. При такомъ значеніи вопроса, Сергѣй Николаевичъ полу-шутя, полу-серьезно говорилъ, что „если бы я былъ человѣкомъ могущественнымъ въ Европѣ или даже въ какой-нибудь отдѣльной странѣ, то я не задумался бы сдѣлать физическій трудъ обязательнымъ для каждаго гражданина и былъ бы вполнѣ увѣренъ, что страна моя скоро достигнетъ громаднаго матеріальнаго могущества, выиграетъ въ личной свободѣ и достигнетъ такой умственной высоты, какой еще не видалъ міръ“ (232 стр.).

Наиболѣе передовыя современныя ученія, въ свою очередь, признаютъ въ значительной мѣрѣ указанное Сергѣемъ Николаевичемъ значеніе физическаго труда, но та постановка, которую онъ придалъ этому вопросу, быть можетъ, и не будетъ понята всѣми такъ, какъ слѣдуетъ. Разумѣется, съ развиваемыми имъ положеніями о связи, существующей между физическимъ трудомъ и соціальнымъ строемъ, согласятся очень многіе, но многіе также скажутъ при этомъ, что дѣло нужно начинать не съ того конца, такъ какъ при господствующемъ строѣ прокормить себя физическимъ трудомъ можно только совсѣмъ отказавшись отъ умственныхъ занятій, на которыя у современнаго физическаго работника почти совсѣмъ не остается свободнаго времени. Чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе на заработокъ отъ физическаго труда, нужно прежде измѣнить соціальный строй, въ основу производительной дѣятельности котораго и будетъ положенъ физическій трудъ всѣхъ работоспособныхъ лицъ.

Однако, такое возраженіе будетъ не по адресу. Сергѣй Николаевичъ не только никогда и нигдѣ не отрицалъ необходимости работы въ цѣляхъ измѣненія соціальнаго строя, но, напротивъ того, всегда, почти во всѣхъ своихъ печатныхъ работахъ ратовалъ за это. Въ этомъ отношеніи онъ былъ противникомъ ученій Л. Н. Толстого, согласно которымъ каждый человѣкъ въ отдѣльности долженъ заниматься исключительно самосовершенствованіемъ, и когда всѣ люди достигнутъ такимъ путемъ высшей нравственной чистоты и, между прочимъ, введутъ въ свой обиходъ физическій трудъ, тогда падетъ самъ собою современный строй и водворится новый. Сергѣй Николаевичъ не стоялъ и не могъ стоять на этой точкѣ зрѣнія. Особенность его убѣжденій въ этой области заключалась въ томъ, что, признавая необходимымъ энергичнѣйшую работу и даже борьбу въ цѣляхъ общаго переустройства соціальнаго строя, въ цѣляхъ ниспроверженія господствующаго капитализма и водворенія общиннаго и трудового начала, онъ считалъ

необходимымъ, чтобы коренной работѣ въ этомъ направленіи непремѣнно сопутствовала частная дополнительная и вспомогательная работа отдѣльныхъ лицъ и группъ ихъ—кружковъ, товариществъ, общинъ, артелей, направляемая къ общей цѣли и въ то же время подготовляющая, въ лицѣ этихъ отдѣльныхъ работниковъ, нравственно укрѣпившихся и воспитавшихся въ новыхъ началахъ дѣятелей новаго же строя. Своимъ глубокимъ практическимъ умомъ онъ понималъ, что новыя условія жизни въ новомъ строѣ вызовутъ среди лицъ, органически сжившихся съ старыми порядками и рядомъ поколѣній приспособившихся къ нимъ, не только неудовольствіе и протестъ, но и дѣйствительное, неподдѣльное неумѣнье приспособиться къ нимъ. Въ виду этого, онъ считалъ совершенно необходимымъ, въ прямыхъ цѣляхъ упроченія новаго строя, когда онъ поднимется надъ старымъ, заранѣе проводить въ жизнь элементы новаго строя, не исключая и такихъ, какъ физическій трудъ, которые способны создать особыя настроенія и особо благопріятныя условія для перехода къ новой жизни, и заранѣе готовить нравственно сильныхъ людей, сумѣвшихъ подчинить себя новымъ принципамъ. Съ этой же точки зрѣнія, признавалъ онъ необходимость „опрощенія“ интеллигенціи, необходимость напряженной ея работы въ народѣ и полнаго сліянія съ нимъ.

При такихъ взглядахъ на задачи интеллигенціи и при такихъ требованіяхъ къ самому себѣ Сергѣй Николаевичъ, разумѣется, не удовлетворялся дѣятельностью тамбовскаго кружка. Конечно, она была полезна для крестьянъ и въ очень многомъ поддерживала ихъ; она даже насаждала нѣкоторые элементы будущаго, давала наглядный примѣръ пользы и выгоды отъ совмѣстныхъ дѣйствій, отъ проявленій солидарности въ экономической жизни, въ земствѣ и т. п. Но для дѣятелей кружка было уже ясно, что осуществить артельную фабрику, образцовую сельско-хозяйственную общину, сорганизовать крестьянскую земскую партію и проч.— имъ не дадутъ возможности. Было ясно также, что примѣнить самимъ интеллигентнымъ дѣятелямъ кружка физическій трудъ въ условіяхъ работы въ Тамбовской губ. не только неудобно, но и въ значительной мѣрѣ безцѣльно, такъ какъ, за отсутствіемъ общины и артели, это была бы работа батрака-наемника, а не трудъ члена новой производительной организаціи.

При этихъ условіяхъ мысль Сергѣя Николаевича объ устройствѣ колоніи-общины на Кавказѣ была встрѣчена съ полнымъ и горячимъ сочувствіемъ. Она тѣмъ больше улыбалась дѣятелямъ кружка, что соотвѣтствовала во многихъ чертахъ своихъ начинавшемуся уже въ то время сильному движенію интеллигенціи „въ народъ“.

М. Слобожанинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ножи въ могилѣ Шевченко.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

М. В. Д.
КАНЕВСКАГО УѢЗДНАГО
ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА
№ 790.
Іюля 26 дня, 1861 года.
г. Каневъ.

Господину Кіевскому Губернскому Предводителю Дворянства[1]).

Зная, что все касающееся безопасности и спокойствія дворянства, составляетъ предметъ особенной заботливости Вашего Превосходительства, считаю долгомъ сообщить здѣсь слѣдующія обстоятельства:

1-е, отъ нѣкотораго времени распространились между простымъ народомъ, то есть между мѣщанами г. Канева и крестьянами сосѣднихъ селеній слухи, которые привели весь край въ уныніе и тревогу. Слухи эти заключаются въ слѣдующемъ: что въ скоромъ времени настанетъ часъ, въ который по прежнему народъ будетъ рѣзать помѣщиковъ (пановъ), и при томъ не пощадитъ ни духовенство,—которое держитъ за одно съ панами,—ни чиновниковъ,—которыхъ Дворянство оплачиваетъ для того, чтобы они скрывали права народа; скоро будетъ время, что здѣсь останется только одинъ народъ;—Царь желаетъ того; это подтвердитъ Князь Константинъ;—говорятъ о проѣзжавшемъ здѣсь, какомъ-то лицѣ, которое народъ считаетъ Княземъ. Есть разсказы о спрятанныхъ въ могилѣ надъ прахомъ Шевченка священныхъ ножахъ, для совершенія всеобщаго истребленія пановъ, жидовъ, поповъ и всѣхъ людей въ тонкихъ жупанахъ съ большими воротниками; о неизчисленномъ множествѣ казаковъ разсыпанныхъ по всей украинѣ, отъ Хортицы до Тавани—по всему Запорожу—по-надъ Днѣпромъ и въ другихъ

---

[1]) Печатается съ сохраненіемъ ореографіи г. Каневскаго предводителя дворянства. *Ред.*

странахъ; они соберутся въ Каневъ, совершатъ то, что проповѣдывалъ отецъ Тарасъ (:Шевченко:). Каневъ не будетъ въ состояніи обнять ихъ всѣхъ; такъ ихъ будетъ много; время ихъ прибытія назначено въ этомъ году, между пречистыми, то есть отъ 15 августа по 1-е Сентября; чтобы начать рѣзь, ожидаютъ особеннаго сигнала.

Разсказы эти повторяли многіе изъ Гг. чиновниковъ, которые сами слышали ихъ отъ мѣщанъ Каневскихъ, а также отъ крестьянъ изъ окрестныхъ селеній, и другихъ простолюдиновъ; разсказы эти повторялись на рынкѣ и торговой площади, на улицѣ и при выходѣ изъ церкви. Почти всѣ чиновники, съ коими я объ этомъ предметѣ разговаривалъ, удостовѣряли меня, что они сами слышали эти разсказы.

Слухи подобные распространяются даже и въ дальнія деревни Каневскаго уѣзда, а особенно со времени начатія слѣдствія,—разсказываетъ, на ярмаркахъ,—что ищутъ священныхъ ножовъ, присланныхъ на то, чтобъ рѣзать пановъ, и что ножи эти закопаны въ могилѣ Шевченка. Слухи выше упомянутые, хотя оные не основаны на положительныхъ доказательствахъ—что кто либо побуждалъ народъ къ истребленію помѣщиковъ,—но сами собою составляютъ важное и страшое явленіе;—а посему тревожатъ всѣхъ дворянъ помѣщиковъ. Предположивъ, что многіе изъ нихъ, для собственнаго спокойствія и безопасности, выѣдутъ изъ селеній,—неминуемымъ послѣдствіемъ того будетъ разореніе имуществъ, и совершенное разстройство, удерживаемаго въ хозяйствѣ и сельскихъ обществахъ, самимъ ихъ присутствіемъ, порядка. Тревога, какую слухи эти распространили, имѣетъ то основаніе, что подобные признаки предшествовали прежней Гайдамацкой рѣзи въ здѣшнемъ краѣ, и вообще повторились вездѣ, передъ каждою этого рода катастрофою.

2) Могила Шевченка служитъ какъ бы знаменемъ соединенія людямъ, порождающимъ ненависть народа къ здѣшнему Дворянству. Это только предлогъ; а предметомъ ненависти народа становятся: всѣ помѣщики, которые требуютъ отъ него повинностей за земли; все Начальство, побуждающее его къ исполненію обязанностей; и самое даже Духовенство, которому онъ тоже не вѣритъ, ибо оно ему не толкуетъ положенія новаго въ томъ смыслѣ, какъ его желали понимать крестьяне.

Друзья Шевченка, любители его сочиненій и, наконецъ, люди однихъ съ нимъ идей пріѣзжаютъ въ наши страны, имѣютъ частыя, непосредственныя, тайныя сношенія съ народомъ; собираютъ людей отъ работъ на могилѣ, читаютъ простому народу, изъ сочиненія Шевченка разсказы о гайдаматчинѣ, рѣзи, представляющіе столь извѣстныя здѣшнему народу имена героевъ разбойничьихъ: Гонты и Желѣзняка, какъ священныхъ героевъ—и наконецъ представляющіе самую

рѣзь священными ножами, какъ справедливое, священное дѣло, составляющее славу здѣшняго народа.

При чтеніи этихъ сочиненій, эти господа, какъ видно изъ разсказовъ,—позволяли себѣ толковъ еще болѣе возбуждающихъ народъ противу всему высшему у насъ сословію. По разсказу мѣщанина Степана Кутоха, одинъ изъ друзей Шевченка, Г. Честаховскій,—на вопросъ его Кутаха: по чему со времени похоронъ Шевченка и пріѣзда его Честаховскаго и частыхъ его съ народомъ поговорокъ, люди пришли въ тревогу и уныніе, и говорятъ объ вещахъ, о которыхъ страшо подумать? Г. Честаховскій отвѣчалъ: что такъ какъ нѣкогда по причинѣ ихъ (:т. е. пановъ:), лилась кровь и потъ изъ народа; такъ въ скоромъ времени польется кровь и потъ изъ нихъ.

Этотъ разговоръ былъ вечеромъ, послѣ того какъ г. Честаховскій читалъ сочиненіе „*Тарасова ночь*“ собраннымъ на работу людямъ.—Слова приведенныя здѣсь указываютъ, въ какомъ духѣ производились толки о читанныхъ народу сочиненіяхъ.

3-е) Сочиненія Шевченка: *Гайдамаки*, *Тарасова ночь*, *Грамотка* другаго автора, хотя и позволены цензурою, но заключаютъ въ себѣ разсказы, дышащіе неумолимою ненавистью къ Дворянству нашему, и притомъ, рѣзко изображенныя картины Гайдамацкой рѣзи: что, именно въ нашихъ сторонахъ,—гдѣ народъ и самъ по сю пору сохраняетъ преданія этихъ кровавыхъ событій,—крайне опасно для Дворянства и всѣхъ другихъ сословій общества. Пока эти сочиненія составляли предметъ чисто литературный и оставались въ сферѣ людей образованныхъ, онѣ, конечно, не могли имѣть столь пагубнаго вліянія на читателей; но введенныя между простой народъ,—какъ народныя пѣсни, какъ преданія старины, изображающія славу предковъ, крайне опасны, ибо народъ, видя въ нихъ исключительно только изображеніе мести, рѣзи, кровопролитія,—побуждается къ тому, чтобы повторить эти дѣла, столь прославляемыя.

Одно изъ этихъ сочиненій распространяемо было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ ту именно пору, когда представители нашего Дворянства въ Кіевскомъ Губернскомъ Комитетѣ, по вызову Государя Императора, приступали къ осуществленію благихъ намѣреній Монарха, въ дѣлѣ освобожденія и улучшенія быта крестьянъ, и тогда сочиненіе это, какъ возбуждающее ненависть одного класса народа къ другому, и возобновляющее преданія давно погасшей національной вражды,—почтено было главнымъ начальствомъ нашего края вреднымъ для онаго, и потому распродажа этого сочиненія у насъ воспрещена. Нынѣ, при введеніи въ дѣйствіе новаго положенія,—когда болѣе всего благомыслящіе люди должны стараться о томъ, чтобы настоящая реформа осуществилась

въ духѣ міра и доброжелательства,—появилось опять это сочиненіе, и распространяется между народомъ систематически, раздачею его даромъ, или распродажею онаго по самой низкой цѣнѣ. Лица, занимающіяся въ Каневѣ продажею *граматки* и сочиненій Шевченка, продаютъ его преимущественно простолюдинамъ, дабы онѣ расходились по деревнямъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда болѣе всего нужно взаимное довѣріе помѣщиковъ и крестьянъ, во всѣхъ ихъ между собою отношеніяхъ, когда, при составленіи уставныхъ грамотъ, все Дворянство желало-бы положить прочное основаніе будущаго благополучія обоихъ землевладѣльческихъ классовъ, полагаясь на правдѣ, справедливости, взаимныхъ выгодахъ и добровольномъ обоюдномъ согласіи,—въ то именно время посторонніе лица, въ непонятныхъ для насъ цѣляхъ, возбуждаютъ ненависть къ Дворянству, и возобновляютъ преданія вражды и мести. Крестьяне, которые и безъ того ожидаютъ безвозмездной отдачи имъ мірскихъ земель, не смотря на все усиліе Гг. Мировыхъ Посредниковъ—объяснить имъ слова Высочайшаго Манифеста, что было бы крайне несправедливо пользоваться землею отъ помѣщиковъ, а не нести за то никакой обязанности, теперь тѣмъ болѣе упрочиваютъ себя въ этомъ мнѣніи, и потому не желаютъ приступать ни къ какимъ съ помѣщиками добровольнымъ соглашеніямъ, не желаютъ переходить ни на оброкъ съ издѣльной повинности, ни пріобрѣтать земли въ собственность,—ожидая чего-то другаго въ будущемъ. Расходящіеся слухи о совершенномъ истребленіи помѣщиковъ, можетъ быть, не одному изъ крестьянъ наводятъ ту мысль, что ему не нужно покупать землю, когда, по выбытіи настоящихъ ея собственниковъ, вся земля останется имъ даромъ.

4) Тѣло Шевченка погребено столь торжественно, восторгъ для него возбужденъ съ такимъ искуствомъ и такою ревностію, что народъ толпами собирался на его могилѣ; идущіе на богомолье въ Кіевъ люди, приходятъ сюда, по дорогѣ, какъ къ священному мѣсту, почитаютъ Шевченка какъ бы народнымъ пророкомъ своимъ, и каждое слово его завѣтомъ для народа. Видя въ его сочиненіяхъ, что рѣзь священными ножами изображена дѣломъ составляющимъ славу здѣшняго народа, легко себѣ можно представить, какими чувствами одушевляются въ этомъ мѣстѣ прихожіе. Всѣ разсказы, выше упомянутые, распространились въ Каневѣ со времени погребенія Шевченка и прибытія туда же г. Честаховскаго, для устройства его могилы. Къ сему послѣднему пріѣзжало,—по разсказамъ мѣщанъ,—много лицъ, воодушевленныхъ вѣроятно тѣми же что и онъ идеями; между простолюдинами онъ извѣстенъ подъ именемъ *Грицька*, его считаютъ быть внукомъ *Гонты*, или *Желѣзняка*; при встрѣчѣ съ крестьянами, онъ Честаховскій привѣтствуетъ каждаго словами „*здравствуй Гайда-*

мако! не смотря на то, что слово это, до сихъ поръ, въ нашемъ народѣ значило не что иное, какъ простой разбойникъ.

Изъ лицъ, кои пріѣзжали на похороны Шевченка, были такія, кои явно провозглашали мысль, что въ здѣшнемъ краѣ не должны оставаться лица другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ православнаго; это послѣднее обстоятельство было мнѣ подтверждено начальникомъ Каневской уѣздной полиціи.

Въ заключеніе скажу, что если нѣтъ положительныхъ фактовъ, обвиняющихъ кого-либо въ прямомъ возбужденіи народа къ истребленію помѣщиковъ, то это еще не доказываетъ, чтобы заговоръ этого рода не существовалъ дѣйствительно между простымъ народомъ. Народъ здѣшній умѣетъ упрямо сохранять всякую того рода тайну. Лучшимъ доказательствомъ того, служитъ дѣло, о совершенномъ пять лѣтъ тому назадъ, убійствѣ помѣщика Гудимы-Левковича, крестьянами с. Григоровки. Преступленіе это совершено многими лицами,—безъ сомнѣнія извѣстно многимъ,—не смотря на то, долговременныя усилія производившихъ неоднократно слѣдствія къ открытію виновныхъ, остались тщетными. Если въ слухахъ есть много несообразностей, то потому, что распространяютъ ихъ люди, отвергающіе мысль всякаго заговора, и предполагаютъ даже, какъ говорятъ, удалиться во время рѣзи, еслибы таковая совершилась. Они, по тому самому, и не знали бы всѣхъ тайнъ заговора, еслибы таковой существовалъ. Можно сказать, что во всякомъ случаѣ, большинство народа не дало бы себя увлечь никакой пропагандѣ, но есть среди онаго такія лица, кои обо всемъ этомъ отзываются полусловами,—видно въ глазахъ ихъ и цѣломъ лицѣ какую-то строгость и постоянное уныніе,—они-то возбуждаютъ страхъ жителей г. Канева и его окрестностей.

Собравъ всѣ свѣдѣнія объ этомъ важномъ дѣлѣ, и представляя его Вашему Превосходительсгву, такъ какъ понимаю его я самъ и все Дворянство моего уѣзда;—покорнѣйше прошу исходатайствовать у высшаго начальства все то, что почтете нужнымъ къ огражденію спокойствія и безопасности Дворянства. По моему мнѣнію, прежде всего, слѣдовало бы удалить лицъ уличенныхъ въ таковыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, коихъ вредное вліяніе на народъ доказывается уже тѣмъ, что они подали поводъ къ распространенію такихъ слуховъ; сверхъ того, воспретить распространеніе и продажу помянутыхъ здѣсь и другихъ имъ подобныхъ сочиненій;—поставить въ нашихъ сторонахъ достаточную военную силу, чтобы, въ случаѣ осуществленія заговора, недопустить разгорѣться пламени; предпринять всѣ мѣры къ убѣжденію народа въ томъ, что правительство строго будетъ взыскивать съ виновныхъ, угрожающихъ нарушить спокойствіе и общественный порядокъ; убѣдить народъ, что освященныхъ ножовъ не было и быть не можетъ, и что никакой

обрядъ не можетъ быть употребленъ на то, чтобы очистить убійство и орудіе, коимъ оно совершается. Народъ предполагаетъ, что никто не смѣетъ коснуться этихъ ножовъ, скрытыхъ въ могилѣ отца Тараса (Шевченка). Не было-ли-бы угодно начальству, разрыть эту могилу и показать народу, что этихъ ножовъ вовсе не было?

Примѣчаніе переписчика:

„Копія" не имѣетъ никакой подписи. Писана на 10½ страницахъ въ ¼ листа сложенной бумаги. Орфографія и знаки препинанія сохранены подлинника.

Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.**

Два приказа.

I.

Въ архивѣ Московскаго университета хранится слѣдующій документъ.

Циркулярно. Мин. Дух. дѣлъ и Нар. Просв. Департ. Нар. Просв. Отд. I, столъ 2. С.-Петербургъ, 30 марта 1822 г. № 1057.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы Ѣ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ Россійскаго языка, предоставляю Вашему Сіятельству предписать Московскому Цензурному Комитету о наблюденіи, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка.

Министръ Дух. дѣлъ и Нар. Просв.

Кн. Александръ Голицынъ.

Директоръ *Василій Поповъ.*

II.

Среди бумагъ Н. П. Огарева сохранился слѣдующій документъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Начальника Пензенской губеніи. Канцелярія 7 ноября 1849 года. № 13192.

Г. Инсарскому Уѣздному Предводителю Дворянства.

Инсарскій помѣщикъ коллежскій регистраторъ Огаревъ, какъ дошло до моего свѣдѣнія, носитъ длинную бороду.

Такъ какъ въ отношеніи неприличія для дворянъ носить бороды послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, изображенное въ предписаніи Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя Г. Пензенскаго Губернскаго Предводителя дворянства 15 апрѣля сего года и объявленное всѣмъ Гг. Уѣзднымъ Предводителямъ: то я покорно прошу Ваше Высокоблагородіе, поставивъ Г. Огареву на видъ все непри-

личіе ношенія бороды, внушить ему содержаніе упомянутаго Высочайшаго повелѣнія и о послѣдствіи меня увѣдомить.

Гражданскій Губернаторъ *Панчулидзевъ*.

Для поясненія этого Высочайшаго повелѣнія не лишнимъ будетъ привести аналогичный *мотивированный* циркуляръ статсъ-секретаря Танѣева губернаторамъ 1837 года, напечатанный лѣтъ пять назадъ въ „Кіевской Старинѣ".

„Милостивый Государь, графъ Александръ Дмитріевичъ. Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образу жидовъ, или подражая французскимъ людямъ.

„Его Императорское Величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобъ ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру".

Итакъ, бороду запрещалось носить потому, что она напоминала презрѣнную еврейскую расу или французскихъ крамольниковъ, усы—потому, что они должны были оставаться монополіей военныхъ людей, вѣроятно, для приданія послѣднимъ воинственнаго вида. Запрещеніе касалось только дворянъ и чиновниковъ: „народъ" разумѣется не шелъ въ счетъ.

Для исторіи отношеній между русской властью и обществомъ не лишены значенія и такіе мелкіе факты, въ родѣ приведенныхъ здѣсь двухъ приказовъ, какъ показатель той мелочности, до которой доходила регламентація жизни сверху.

М. Гершензонъ.

Буржуазія въ произведеніяхъ Щедрина.

(Изъ готовящейся къ печати книги о Салтыковѣ-Щедринѣ).

I.

„Плохая эта коммерція, если мордой отвѣчать приходится"— такъ характеризуетъ безправное положеніе представителей торговаго капитала въ эпоху крѣпостного режима одинъ изъ немногихъ представителей его, съ которыми мы встрѣчаемся въ первыхъ сатирахъ Щедрина. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ дана, можно сказать, почти исчерпывающая характеристика нашей дореформенной буржуазіи.

Правда, русское правительство, начиная съ Петра I, прилагаетъ какъ будто бы всѣ усилія къ тому, чтобы искусственно взростить и вскормить буржуазію на безплодной почвѣ натуральнаго хозяйства. Въ ея интересахъ создаются спеціальные правительственные органы—мануфактуръ и бергъ-коллегіи; частные предприниматели снабжаются безвозмездно орудіями производства и безпроцентными ссудами; для нихъ спеціально создается множество другихъ сообщеній и льготъ разнообразнаго характера. Но въ то же время эта заботливая попечительность правительства какъ бы снимала съ послѣдняго всякую обязанность какихъ бы то ни было „церемоній" по отношенію къ опекаемымъ. Поучительна въ этомъ смыслѣ исторія купца Соловьева временъ Петра I-го. За жалобу на запрещеніе вывоза зерна изъ Россіи онъ былъ колесованъ, причемъ ему поломали руки и ноги и отняли милліонъ рублей. И хотя потомъ Петръ смягчился и даже просилъ у Соловьева прощеніе, но милліона ему все-таки не вернулъ.

Такъ повелось съ Петра и до самаго дня крестьянской реформы. Правительство, отъ высшихъ и до низшихъ его агентовъ, всячески поощряло торгово-промышленную дѣятельность, что не мѣшало ему вмѣстѣ съ тѣмъ съ жестокостью расправляться съ купцами и грабить ихъ, грабить безъ конца.

Чиновники грабили, купцы мошенничали, и на этомъ и держалась коммерція того времени. Въ одномъ отрывкѣ серіи „Губерн. Очерки“ (см. сценку „Что такое коммерція?“) купцы съ полной откровенностью говорятъ, что коммерческій расчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. И съ этой точки зрѣнія понятно, что, жалуясь на медленность и дороговизну доставки товаровъ воднымъ путемъ, всѣ эти Ижбурдины, Палахвостовы и Сокуровы съ ужасомъ открещиваются отъ проектовъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. „Для насъ,—говорятъ они—чугунки все равно, что разореніе“.—Почему? „Да потому, что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ,—какъ комментировалъ эту фразу торговца еще Чернышевскій,—затрудняется возможность обсчета рабочихъ и нарушенія контрактовъ подъ разными болѣе или менѣе фантастическими предлогами, въ родѣ потопленія судовъ или задержки каравана какими-нибудь случайными обстоятельствами.

Грубость и жадность чиновниковъ вполнѣ соотвѣтствовала такимъ же качествамъ купечества, которое тѣмъ не менѣе не могло не тяготиться своею униженной ролью. Купецъ Ижбурдинъ, въ бесѣдѣ съ товарищами по профессіи, жалуется на грубость и растущую алчность чиновниковъ. По его словамъ, русскій купецъ „тѣмъ только и живетъ, что оборачивается не столько капиталомъ, сколько изворотцемъ-съ. Ну, а по лѣсной части одни угощенія сколько стоютъ! Было время, что горское пили, а нынче горскаго-то и въ подпитіи ему не подашь, давай, говоритъ, шампанскаго, да еще за бороду тебя ухватить наровитъ. Одной обиды, да надругательства сколько на твою голову упадетъ“... Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ перепившійся чиновникъ заставилъ его бросить въ рѣку ящикъ шампанскаго. Никакія мольбы не могли остановить расходившагося буяна, желавшаго демонстрировать купцу силу своей власти надъ нимъ. „Это—говоритъ—тебѣ, значитъ, трессировка, чтобы ты зналъ, что въ моей власти и по шерсти тебя погладить и за вихорь драть“... [1]).

Это подчиненное политическое положеніе русскаго купечества, въ связи съ ничтожнымъ его значеніемъ въ соціальной жизни страны, только что начинавшей выбиваться изъ путъ натурально-хозяйственнаго режима, можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ, почему сатирикъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ удѣлилъ такъ мало вниманія классу, къ которому впослѣдствіи онъ подошелъ вплотную.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что и тогда еще, въ эпоху „Губерн. Очерковъ“, Щедринъ обнаружилъ свою пророческую прозорливость, указавъ на совершающійся и въ этой сферѣ нашей жизни переломъ. „Старые порядки къ концу доходятъ, а новыхъ мы еще не доспѣли“ — вотъ положеніе торгово-про-

---

[1]) Т. I, стр. 360.

мышленной дѣятельности, какъ она рисовалась сатирику до освобожденія крестьянъ.

Крестьянская реформа 1861 года, создавшая въ Россіи внутренній рынокъ, замѣнившая на фабрикахъ крѣпостническій трудъ вольнонаемнымъ, пустившая въ обращеніе огромную массу свободнаго денежнаго капитала, положила для русской буржуазіи начало новой эры. Ижбурдины и Палахвостовы, питавшіеся, главнымъ образомъ, отъ щедротъ казенныхъ поставокъ и находившіеся поэтому въ рабскомъ плѣненіи у чиновниковъ, ожили и начали приспособляться къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній.

Первое время, по свидѣтельству сатирика, процессъ приспособленія у русскихъ людей, свыкшихся съ формами жизни дореформеннаго строя, шелъ сравнительно туго. Разсказъ „Въ дорогѣ“, открывшій въ „Отеч. Запискахъ“ въ 1872 г.[1]) серію очерковъ подъ общимъ названіемъ „Благонамѣренныя Рѣчи“, говоритъ о торжествѣ на русской почвѣ иноземцевъ и иноземнаго капитала.

„Долитъ нѣмецъ, да и шабашъ!“ — вопіютъ въ одинъ голосъ всѣ кабатчики, всѣ лабазники, всѣ содержатели постоялыхъ дворовъ. И вотъ—констатируетъ сатирикъ—ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ этимъ воплемъ, потому что вы видите собственными глазами и чуете сердцемъ, какъ всюду—и на землѣ, и подъ землею, и на водѣ, и подъ водою—всюду ползетъ нѣмецъ. Въ этихъ коренныхъ русскихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда попирали ногами землю русскіе угодники и благочестивые русскіе цари и царицы,—въ настоящую минуту почти всевластно господствуетъ нѣмецъ. Онъ снимаетъ рощи, корчуетъ пни, разводитъ плантаціи, овладѣваетъ всѣми промыслами, отъ которыхъ, при менѣе черной сравнительно работѣ, можно ожидать болѣе прибылей... И чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Троицкому посаду и къ Москвѣ, этому средоточью русской святыни, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что нѣмецъ совсѣмъ не перелетная птица въ этихъ мѣстахъ, что онъ не на шутку задумалъ здѣсь утвердиться, что онъ устраивается прочно и надолго и вѣрною рукою раскладываетъ мрежи, въ которыхъ суждено барахтаться всевозможнымъ Трифонычамъ, Сидорычамъ и прочей неуклюжей бѣлужинѣ и сомовинѣ, заспавшейся, опухшей, спившейся съ круга“ [2]).

Дальше въ разсказѣ даны многочисленныя иллюстраціи этого положенія, съ монотонными ссылками на евреевъ, французовъ, нѣмцевъ—на Адамовъ Абрамычей, Анатоліевъ Филиппычей и Крестьянъ Иванычей,—которые „изъ пятіалтыннаго наровятъ цѣлковыхъ надѣлать“ и ведутъ свое дѣло съ такою настойчи-

---

[1]) „От. Зап.“ 1872 г., кн. X. Здѣсь разсказъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Благонамѣренныя Рѣчи (Изъ путевыхъ замѣтокъ)“.

[2]) Т. IV, стр. 28.

востью и ловкостью, что „русскіе нынче только кабаками занимаются, а прочее все къ нѣмцамъ отошло", какъ завѣряетъ автора везущій его ямщикъ.

Быть можетъ, въ этомъ черезчуръ ужъ подчеркнутомъ фактѣ „засилія", которое нѣмцы, евреи и вообще иноплеменники „взяли" въ области торгово-промышленной жизни нашей родины, есть нѣкоторое преувеличеніе. Но во всякомъ случаѣ основные этапы въ развитіи капиталистическихъ отношеній въ Россіи, какъ они послѣдовательно отражались въ сознаніи нашего сатирика, отмѣчены имъ вполнѣ правильно.

Не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ первые свои шаги капитализмъ проходитъ при помощи иноплеменниковъ. „Пріобрѣтательскія стремленія — пишетъ В. Зомбартъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи капитализма — развились *въ сношеніяхъ съ иноплеменниками.* Только здѣсь могла пустить корни та мысль, что хозяйственными операціями можно воспользоваться съ того цѣлью, чтобы, искусно организовавши ихъ, достигнуть обогащенія. Естественно поэтому искать объясненія для быстраго развитія западно-европейской промысловой жизни въ томъ обстоятельствѣ, что въ средѣ европейскихъ народовъ внѣдрились многочисленные иноплеменные элементы (евреи). И несомнѣнно, что евреи сыграли значительную роль въ генезисѣ капиталистическаго духа" [1]).

Въ Россіи, въ первыхъ стадіяхъ развитія у насъ товарнаго хозяйства, нашими учителями и профессорами оказались, вмѣстѣ съ евреями, также и массами хлынувшіе въ Россію послѣ эмансипаціи иностранцы, главнымъ образомъ, нѣмцы, со своими капиталами и навыками. Любопытно, что ровно черезъ годъ послѣ появленія цитированнаго нами очерка Щедрина, въ тѣхъ же „Отеч. Зап." (кн. 9-я 1873 г.) въ статьѣ: „Что нѣмцу здорово, то русскому смерть" одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала снова возвращается къ отмѣченному сатирикомъ явленію, но вооруженный на этотъ разъ цифрами и фактами.

„Проѣзжая прошлымъ лѣтомъ по нагорному Поволожью и вступивъ въ самыя „пшеничныя мѣста", мы съ удивленіемъ замѣчали—читаемъ мы въ этой статьѣ,—что около даже самыхъ зажиточныхъ селеній стояли почти пустыя гумна". На вопросъ, обращенный къ мѣстнымъ людямъ, авторъ получилъ отвѣтъ, что пшеницу „нѣмецъ жретъ—почитай на корню... Все на крупчатку валитъ. А не отдашь ему, жидомору, за безцѣнокъ послѣдняго крестца съ поля—денегъ не дастъ, подушныя заѣдятъ"...

Изслѣдованіе подтвердило эти жалобы на нѣмца, „жрущаго" крестьянскую пшеницу на корню. Въ Саратовѣ авторъ добылъ списокъ нѣсколькихъ десятковъ поволжскихъ крупчатыхъ мельницъ, съ показаніемъ количества размола, и на цифрахъ

---

1) Вернеръ Зомбартъ. „Современный капитализмъ". Изд. С. Скирмунта. М., Т. I, стр. 358.

увидѣлъ, „куда исчезаютъ крестьянскія одонья, и почему мужики многаго не досчитываются въ своихъ выручкахъ". Оказалось, что въ самомъ Саратовѣ и вокругъ него *нѣмцамъ* Зейхертамъ, Рейнеке, Шмидту, Диссендорфу, Фаренбруху и др. принадлежатъ десятки мельницъ, черезъ которыя проходитъ около трехъ милліоновъ пудовъ пшеницы.

На тему объ „иностранномъ нашествіи" трактуютъ и многія газетныя статьи и корреспонденціи того времени. Укажемъ, напримѣръ, на обширную корреспонденцію въ „Голосѣ" 1872 г. (№ 203) о „преобладаніи нѣмецкаго духа въ Поволожьѣ", гдѣ авторъ, полемизируя съ нѣмцами, ссылающимися въ своемъ „національномъ ослѣпленіи" на „германскую расовую даровитость", со своей стороны, объясняетъ нѣмецкія побѣды и одолѣнія въ Поволожьѣ только рублемъ.

Въ вопросѣ о „германской расовой даровитости" и нашъ сатирикъ остается при особомъ мнѣніи.

„Мы противъ этихъ нѣмцевъ очень ужъ просты—оттого и задачи намъ нѣтъ"—объясняютъ автору русскіе люди „засилье", взятое у насъ иностраннымъ капиталомъ.

„Нѣтъ, мы не просты" — категорически возражаетъ сатирикъ и, поставивъ на переднемъ планѣ Крестьянъ Иванычей, которые, при помощи пятіалтынныхъ, ловко выуживаютъ изъ чужихъ кармановъ рубли, онъ, въ видѣ общаго фона картины, рисуетъ измѣнившуюся психологію чистокровнаго россійскаго обывателя. Запахъ рубля, эмансипированнаго реформой 19 февраля 1861 года въ гораздо большей степени, чѣмъ самъ герой реформы—русскій мужикъ, оказался слишкомъ острымъ, слишкомъ всепроникающимъ, чтобы чистокровный россійскій обыватель могъ сохранить свою прежнюю душевную невинность. Брошенныя въ обращеніе, съ одной стороны, сотни милліоновъ выкупныхъ платежей, съ другой — освобожденный для всесторонней эксплоатаціи мужикъ—породили, какъ заразу, во всѣхъ слояхъ русскаго населенія тотъ spiritus capitalisticus, который вскорѣ овладѣлъ всѣми сердцами и помыслами массы. Отъ пышныхъ княжескихъ дворцовъ и до жалкой лачуги кое-чѣмъ промышляющаго деревенскаго прасола пріобрѣтательскія стремленія овладѣли умами и сдѣлались настоящимъ фундаментомъ современнаго общества. Проворство рукъ стало своего рода добродѣтелью, которая одинаково высоко цѣнилась не только игроками, не только простыми зрителями игры, но даже и тѣми, кого судьба обрекла быть постоянными жертвами игроковъ.

«Нѣтъ, мы не просты. Не простъ тотъ народъ, который къ простотѣ относится съ такой язвительностью, который такъ рѣшительно бичуетъ ее. И сатирикъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, которые, по его словамъ, смущали и преслѣдовали его на каждомъ шагу.

«Вы имѣли, напримѣръ, случай обыграть въ карты—и не обыграли:—Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!—Васъ

надули при покупкѣ, вы дались въ обманъ не потому, что были глупы, а потому что вамъ на умъ не приходило, чтобы въ странѣ, снабженной полиціей, мошенничество было одною изъ формъ общежитія:

— Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!

«Вы управляли чужимъ имѣніемъ и ничѣмъ не воспользовались въ ущербъ своему довѣрителю, хотя имѣли, такъ называемые, «случаи», «дѣла» и т. п. .

— Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!» [1]).

Сдѣлавъ общую оцѣнку пріобрѣтательныхъ стремленій, овладѣвшихъ русскимъ обществомъ, Салтыковъ непосредственно вслѣдъ за этимъ перешелъ къ изображенію отдѣльныхъ типовъ, порожденныхъ новымъ теченіемъ.

II.

Надобно замѣтить, что 1872 годъ, въ который нашъ чуткій сатирикъ отмѣтилъ господствующій въ русскомъ обществѣ spiritus capitalisticus и вспомнилъ о давно покинутыхъ и забытыхъ имъ Ижбурдиныхъ и Палахвостовыхъ, находился вообще подъ знакомъ промышленности и торговли. Въ этомъ именно году русскіе журналисты разныхъ лагерей на турнирахъ журнальной и газетной полемики сломали въ честь нашего третьяго сословія не мало копій. Поводовъ для этого было болѣе, чѣмъ достаточно.

Въ 1872 г., по иниціативѣ московскихъ профессоровъ и денежныхъ тузовъ и при дѣятельномъ ихъ содѣйствіи, открыта была въ Москвѣ политехническая выставка, сопровождавшаяся интернаціональными торгово-промышленно-профессорскими торжествами. Собственно, по первоначальному плану предполагалось, что выставка будетъ преслѣдовать исключительно научныя и образовательныя задачи, что она явится чѣмъ-то въ родѣ временнаго политехническаго музея. Но передъ натискомъ частныхъ экспонентовъ-промышленниковъ пришлось уступить и вмѣсто систематизированныхъ коллекцій дать мѣсто случайнымъ экспонатамъ, никакого отношенія къ наукѣ не имѣющимъ. Въ результатѣ вмѣсто политехнической выставка вышла промышленной, и такъ какъ русская промышленность здѣсь впервые демонстрировала свои успѣхи за «десять лѣтъ реформъ», то, несмотря на всѣ дефекты, проистекавшіе отъ дѣйствительнаго характера выставки, она не могла не обратить на себя усиленнаго вниманія русской журналистики.

Затѣмъ въ томъ же 1872 г. были впервые опубликованы и сдѣланы общимъ достояніемъ «Протоколы и стенографическіе отчеты (состоявшагося въ 1870 г.) перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечествен-

[1]) Т. IV, стр. 38.

ной промышленностью». Съѣздъ былъ поставленъ на европейскую ногу, и наша юная буржуазія старалась во всю подражать своимъ западнымъ образцамъ. Предсѣдатель съѣзда фонъ-Бушенъ не безъ пафоса прославилъ *свободу*, какъ «первое и главное условіе для развитія промышленности», за что наши доморощенные буржуа наградили его громомъ аплодисментовъ. Не меньше любви къ свободѣ обнаружилъ съѣздъ и тогда, когда одинъ изъ правительственныхъ агентовъ внесъ предложеніе обязать желѣзныя дороги, въ цѣляхъ сохраненія лѣсовъ въ Россіи, употреблять исключительно каменный уголь. Ему отвѣтили: «пусть наши богатства лежатъ въ землѣ, если ихъ нужно вынимать съ регламентаціей». Этотъ маскарадъ словъ, всѣ эти ссылки на свободу и на благо любимой родины возобновлялись нашими промышленниками каждый разъ, когда имъ нужно было провалить то или иное стѣсняющее ихъ предложеніе.

Подъ такими именно предлогами отвергнуты были ими предложенія объ устраненіи отъ работъ дѣтей школьнаго возраста, объ облегченіи работы женщинъ и т. д. Съ такихъ же высотъ интересовъ общаго блага оглядывали они враждебнымъ окомъ нашу кустарную промышленность. Что же касается общаго вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ, то онъ даже заранѣе и, конечно, безъ всякихъ протестовъ, снятъ былъ предсѣдателемъ съ очереди на томъ основаніи, что съѣздъ призванъ рѣшать лишь вопросы «практики», а не блуждать въ темной области «абстрактныхъ и умозрительныхъ вопросовъ». Участвовавшіе на съѣздѣ представители «русской научной мысли», профессора высшихъ учебныхъ заведеній, и не подумали разоблачить это лицемѣрное прикрытіе либеральными терминами буржуазной гнусности. Напротивъ, всѣ реакціонные замыслы промышленниковъ они тутъ же закрѣпили своимъ ученымъ авторитетомъ, и, такимъ образомъ, надъ головами рабочаго люда былъ заключенъ здѣсь впервые прочный союзъ «двухъ фракцій» буржуазнаго міра.

Сопоставивъ первыя публичныя выступленія русской буржуазіи на съѣздѣ фабрикантовъ и промышленниковъ и на московской выставкѣ 1872 г. съ первыми же выступленіями Щедрина, какъ сатирика буржуазіи, я имѣю въ виду здѣсь исключительно торговую и промышленную буржуазію. Буржуазія землевладѣльческая, которая совпадала у насъ съ дворянскимъ сословіемъ, обратила на себя вниманіе сатирика гораздо раньше. Сатиры «Признаки времени» (1866—69 г.г.), «Гг. Ташкентцы» (1869—72 гг), «Дневникъ Провинціала въ Петербургѣ» (1872—73 г.г.)—посвящены были, въ значительной ихъ части, стяжательнымъ стремленіямъ дворянства послѣ эмансипаціи, и мнѣ приходилось уже въ другомъ мѣстѣ [1]) прослѣдить эволюцію этого сословія, какъ она отразилась въ Щедринской сатирѣ. Здѣсь до-

[1]) См. мою статью „Памятникъ россійскому дворянству въ сатирахъ Щедрина". „Совр. Міръ" 1906 г. октябрь—ноябрь.

статочно будетъ вспомнить, что «хищничество», какъ вѣянье пореформенной эпохи, было отмѣчено Щедринымъ еще въ 60-е гг., и честь инициативы этого новаго общественнаго «теченія» сатирикъ всецѣло приписываетъ нашему россійскому рыцарству. «Обогощайтесь!»—этотъ лозунгъ принадлежалъ дворянству, оно же и демократизировало его, пустивъ его въ самыя глубины русской жизни.

Разсказавъ въ 10-ой кн. «Отеч. Зап.» 1872 г. о расползаніи хищничества по всей странѣ подъ опытнымъ руководительствомъ «иностраннаго нашествія», сатирикъ ровно черезъ годъ (въ 10 кн. 73 г., въ статьѣ «Опять въ дорогѣ») имѣетъ возможность уже констатировать самостоятельное выступленіе истинно-русскаго хищника. Да и, въ самомъ дѣлѣ, долго ли научиться такому немудрому искусству, какъ выжиманіе соковъ изъ ближняго. На что, напримѣръ, талантливъ былъ по этой части еврей Ошмянскій, выступающій въ «Совр. Идилліи»? Поступивъ въ управляющіе къ князю Рукосую-Пошехонскому, онъ не могъ говорить о мужикѣ безъ того, чтобы въ углахъ его рта не набивалась слюна, которую онъ очень аппетитно присасывалъ. Онъ въ тонкости зналъ, какъ и когда слѣдуетъ ущемить мужика для извлеченія изъ него полезныхъ соковъ, но выжимать сокъ изъ крестьянъ ему удалось только въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, потому что этого времени было съ избыткомъ достаточно для того, чтобы въ селѣ пришли въ совершенный разумъ «свои собственные евреи», въ лицѣ Астафьича, Финогеныча и Прохорыча, которые тѣмъ легче отбили у наглаго пришельца сосательную практику, что умѣли дѣйствовать и калякать съ мужикомъ по душѣ и по-божецки [1]).

Сатира «Опять въ дорогѣ» совершенно умалчиваетъ о «засильѣ», взятомъ иноплеменниками, и вводитъ насъ въ царство истинно-русскаго хищничества. Въ центрѣ сатиры поставлена фигура типичнѣйшаго русскаго кулака Хрисашки, котораго мѣстный обыватель въ глаза называетъ теперь не иначе, какъ Хрисанфъ Петровичъ господинъ Полушкинъ-съ. Еще не такъ давно Хрисашка служилъ въ приказчикахъ. Былъ человѣкомъ услужливымъ и скромнымъ; если и поворовывалъ, то потихоньку. Смерть помѣщика положила начало его новой карьерѣ. Онъ примазался къ барынѣ, «сластить» ее сталъ, обобралъ и бросилъ. Теперь онъ хватаетъ такъ, словно у него не двѣ, а четыре руки. Лѣсами торгуетъ, 12 кабаковъ держитъ и при каждомъ кабакѣ у него лавочка. И вездѣ обманываетъ. Всю окружающую мѣстность «подъ свою державу подвелъ» и чувствуетъ себя господиномъ и столпомъ. Амвонъ себѣ въ церкви устроилъ, гдѣ прежде дворяне стаивали, алымъ сукномъ обилъ—стоитъ охорашивается.

Какъ ни кратковременно еще было здѣсь хищническое хозяйничанье Хрисашекъ, но оно успѣло дать—по свидѣтельству сатирика—весьма и весьма осязательные результаты. Получилось

---

[1]) Т. II, стр. 348.

впечатлѣніе, что «никому ничего не жалко; никто не заглядываетъ въ будущее; всякій спѣшитъ сорвать все, что въ данную минуту сорвать можно. И вотъ давно ли началась эта вакханалія, а окрестность уже имѣетъ обнаженный, почти безнадежный видъ. Пеньки, пеньки и пеньки»... [1]).

Хищники, выплывающіе изъ самыхъ нѣдръ крестьянской среды и быстро дѣлающіеся господами положенія, поражаютъ сатирика новизною своихъ пріемовъ. Они такъ неразборчивы въ своихъ средствахъ, такъ жестоки въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что вся ихъ дѣятельность представляется сатирику отрицательною даже съ точки зрѣнія ея внутренней цѣлесообразности. Не подрубаютъ ли они сами тотъ сучекъ, на которомъ только-что усѣлись? Вѣдь та непомѣрная жадность, съ какою они принялись насыщать свои аппетиты, имъ же самимъ грозитъ въ будущемъ голоданіемъ. Вѣдь тамъ, гдѣ прошлись эти хищники, вмѣсто былого богатства, остались одни почернѣвшіе пеньки,—а не на пенькахъ же будутъ они создавать свое будущее благополучіе? Этотъ вопросъ долго оставался для Щедрина загадкой. Да и сами хищники не разрѣшали ее. Ихъ выручаетъ только тотъ безсознательный оптимизмъ, который вообще присущъ любимцамъ исторіи.

Когда Разуваевъ («Убѣжище Монрепо») захотѣлъ одобрительно отозваться о «нонѣшнихъ дѣлахъ», онъ облекъ свою похвалу въ такую странную формулу: «Народъ нынче очень ужъ оплошалъ, такъ, значитъ, только случая опускать не слѣдуетъ».

Конечно, сатирикъ не могъ удовлетвориться этой своеобразной формулой. По моему—удивился онъ,—ежели народъ оплошалъ, да еще вы случаевъ опускать не будете,—вѣдь этакъ онъ, чего добраго, и вовсе оплошаетъ. Откуда вы тогда барыши свои выбирать надѣетесь?

— Ахъ, вашескородье! йёнъ доста-а-нетъ!—далъ Разуваевъ классическій отвѣтъ.

Авторъ вслухъ назвалъ Разуваева «финансистомъ», чѣмъ тотъ остался польщенъ и доволенъ. Но про себя онъ никакъ не могъ примириться съ экономической политикой кулака и мысленно сравнивалъ ее съ дикой фантазіей сказачнаго владѣльца золотой курицы. Какъ извѣстно, владѣлецъ этой курицы, наскучивъ получать по одному яйцу въ день и желая заразъ воспользоваться всѣми будущими яйцами, зарѣзалъ курицу и, разумѣется, не только обманулся въ своихъ мечтаніяхъ, но утратилъ и прежній скромный доходъ. «Глупо!»—рѣшалъ Щедринъ, отожествляя въ своемъ сознаніи героя сказки съ современнымъ ему героемъ наживы.

А между тѣмъ Разуваевы, при всей ихъ поражающей безграмотности, творили свое разбойничье дѣло, такъ сказать, по строго-научной системѣ. Экономическая наука запада, въ лицѣ

[1]) Т. IV, стр. 299.

К. Маркса, выяснила историческую роль хищниковъ въ дѣлѣ организаціи капиталистическаго хозяйства, и наши доморощенные хищники безсознательно брали на себя задачу практически демонстрировать систему великаго ученаго, показать правильность не только въ смыслѣ объясненія фактовъ прошлаго, но и въ смыслѣ прогноза для будущаго.

Дѣло въ томъ, что Россія вступила на путь первоначальнаго накопленія, которое, по Марксу, есть накопленіе на одномъ полюсѣ общества богатства, на другомъ—нищеты. Эта поляризація является въ результатѣ мучительнаго процесса отдѣленія производителя отъ средствъ производства,—процесса, который, съ одной стороны, превращаетъ общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой—непосредственнаго производителя—въ наемнаго рабочаго. Экспропріація сельскаго производителя, крестьянина—или—какъ у насъ сами крестьяне называли—«раскрестьянствованіе» составляетъ основаніе всего процесса.

Процессъ мучительный и жестокій: процессъ, повивальной бабкой котораго, по образному выраженію Маркса, служитъ насиліе. И если западная Европа пережила его съ мучительствомъ, быть можетъ, значительно меньшимъ, чѣмъ то, какого можно было ожидать при мощномъ развитіи въ ней капитализма, то не надо забывать, что необходимой и серьезной предпосылкой экономическаго развитія здѣсь было, какъ говоритъ Зомбартъ, «разграбленіе трехъ частей свѣта». Колоніальное хозяйство, игравшее такую огромную роль въ развитіи западно-европейскаго капитализма, развязывало хищникамъ руки и отодвигало всѣ границы въ присвоеніи произведенныхъ продуктовъ, потому что внутреннюю сущность колоніальнаго хозяйства составляютъ ничѣмъ неприкрытыя эксплоатація и разграбленіе чужихъ странъ и народовъ, свободныя отъ всякихъ соображеній объ обычаяхъ и законѣ [1]).

Россія не имѣетъ колоній и, за отсутствіемъ ихъ, весь этотъ беззастѣнчивый грабежъ до-капиталистическаго строя направленъ былъ исключительно внутрь страны. Не было внѣшняго рынка,—надо было создавать рынокъ внутренній, и этотъ послѣдній возможенъ былъ лишь при экспропріаціи крестьянскаго населенія страны. Надо было обездолить населеніе, чтобы сдѣлать его потребителемъ товарнаго рынка. На первый взглядъ такая постановка вопроса кажется странной. Щедрину она казалась даже глупой. Но среди противорѣчій, создаваемыхъ капиталистическимъ хозяйствомъ, это, быть можетъ, одно изъ самыхъ ничтожныхъ. Если нищающая крестьянская масса вынуждена была сокращать свое потребленіе, то вѣдь даже свои сократившіяся, сведенныя къ страшному minimum'у, потребности она, лишившись собственнаго хозяйства, могла удовлетворять все же

[1]) В. Зомбартъ. „Современный капитализмъ“, стр. 304.

только при помощи рынка. Умаляется *потребитель*, но зато выростаетъ *покупатель*,—«йёнъ доста-а-анетъ», потому что, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ будетъ окончательно сойти съ лица земли, на чемъ, собственно, ни Разуваевъ ни законъ экономическаго развитія не настаиваютъ.

Напротивъ, Разуваевы даже заинтересованы въ томъ, чтобы экспропріируемый ими крестьянинъ плодился и множился. Гдѣ можно, они готовы, не безъ барыша для себя, конечно, предоставить своимъ кліентамъ самыя разнообразныя уступки. Осипъ Ивановичъ Деруновъ на этомъ, главнымъ образомъ, и строитъ свою теорію, по которой въ сношеніяхъ съ мужиками отдается преимущество кулаку передъ бариномъ. Баринъ—разсуждаетъ Деруновъ—не можетъ непосредственно продать свою землю мужику, потому что барину нужны наличныя деньги, которыхъ у мужика нѣтъ. Но если между бариномъ и мужичкомъ будетъ введено посредствующее звено, въ лицѣ его, Дерунова, то въ выигрышѣ будутъ всѣ трое. Баринъ получитъ деньги, мужикъ землю, а онъ, Деруновъ, хоть и сдеретъ съ мужика втридорога, но зато онъ «насчетъ взысканій»—человѣкъ покладистый и снисходительный. «Не разоряю я—разсуждаетъ Деруновъ,—а исподволь взыскиваю. Вижу, коли у котораго силы нѣтъ—въ работу возьму. Ему пріятно, потому что онъ гроша изъ кармана не вынулъ, а ровно бы на гулянкахъ отработался, а мнѣ и того пріятнѣе, потому что я работой-то съ него вмѣсто рубля два получу»... [1]).

Ну, а если мужикъ, даже при этихъ «льготнихъ» условіяхъ, не осилитъ покупки, и земля опять очутится въ рукахъ того же кулака, такъ это, по глубокому убѣжденію Дерунова, можетъ послужить только къ мужицкой же выгодѣ. «Крестьянину дани платить надо, а не о пріобрѣтеніи думать... Такъ ему свыше написано. И по моему слабому разуму, ежели человѣкъ бѣдный, такъ чѣмъ меньше у него, тѣмъ даже лучше. Лишней обузы нѣтъ»...

III.

Разрисованный сатирикомъ во всей его кулацкой красѣ Деруновъ съ перваго же момента своего выступленія въ литературѣ (№ 1 «Отеч. Записокъ» за 1874 г.) сталъ нарицательнымъ названіемъ представляемаго имъ типа. Впослѣдствіи къ нему присоединились и даже раздѣлили съ нимъ славу Разуваевъ съ Колупаевымъ. Но они входятъ уже, собственно, въ почетную свиту Дерунова, являются варіаціями этого типа, такъ какъ мощная, словно изъ чугуна отлитая, фигура Дерунова одна могла бы служить достойнымъ памятникомъ породившей его эпохи.

Біографію Дерунова сатирикъ начинаетъ издалека со временъ крѣпостного права, когда этотъ типичный рыцарь нако-

[1]) Т. IV, стр. 113.

плѣнія и положилъ начало своей карьеры. Деруновъ по происхожденію—мѣщанинъ. Человѣкъ пріятной наружности, онъ еще въ молодости сдѣлался любимцемъ помѣщиковъ, среди которыхъ получилъ кличку министра. Въ купцы выписался до крестьянской эмансипаціи, обобравъ проѣзжаго, умершаго у него на постояломъ дворѣ. Значитъ, крѣпостное право его непосредственно не тяготило. Тѣмъ не менѣе въ тѣ времена ему было негдѣ развернуться. Можетъ быть, и скопился у него капиталецъ, да пристроить, по тогдашнему времени, было некуда. Рисковать въ то время было не въ обычаѣ; жили осторожно, прижимисто, какъ будто боялись, что увидятъ—отнимутъ. Только послѣ эмансипаціи Деруновъ пересталъ сколачивать по копеечкѣ, а принялся «орудовать». Онъ арендовалъ у помѣщиковъ винокуренные заводы, имѣлъ нѣсколько винныхъ складовъ, множество кабаковъ, торговалъ скотомъ и хлѣбомъ и всю мѣстную торговлю прибралъ къ своимъ рукамъ. Всякую чужую копейку онъ считалъ гулящей и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не залучитъ ее въ свой карманъ. Такова въ основныхъ чертахъ біографія не только одного Дерунова, но и всѣхъ другихъ рыцарей первоначальнаго накопленія, выведенныхъ на страницахъ Щедринской сатиры. Выплывшіе изъ самыхъ низовъ соціальной жизни, всѣ они отъ природы надѣлены сильными челюстями, зоркимъ взглядомъ и юркостью настоящихъ хищниковъ. Происхожденіе ихъ богатства непремѣнно окружено какой-то темной легендой, въ которой глаголы—одурманить, украсть, ограбить, убить—повторяются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Наконецъ, къ какому бы моменту ни было пріурочено обогащеніе этихъ хищниковъ, молодецкую удаль свою они развертываютъ во всю лишь послѣ эмансипаціи.

Экономическая исторія Россіи показываетъ, что художественная цѣльность созданныхъ сатирикомъ типовъ совпадаетъ съ ихъ жизненной правдивостью.

Были, конечно, случаи, когда отдѣльныя лица всплывали на поверхность изъ самыхъ нѣдръ крѣпостническихъ отношеній и являлись организаторами крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій задолго до 1861 г. Таковъ, напр., Савва Морозовъ, выкупившійся изъ крѣпостного состоянія еще въ 1820 г. Сначала пастухъ, потомъ извозчикъ, ткачъ, скупщикъ, Савва Морозовъ, скончавшись въ 1862 г., успѣлъ даже и въ тѣ глухія времена оставить въ наслѣдство своимъ сыновьямъ двѣ крупныхъ фабрики. Но такихъ счастливцевъ было немного. При ничтожномъ развитіи у насъ товарнаго производства въ крѣпостную эпоху, при слишкомъ слабой имущественной дифференціаціи въ крѣпостной деревнѣ, мелкій производитель вполнѣ удовлетворялся мелкимъ же, раздробленнымъ сбытомъ. Денежныя средства, если они и оказывались въ результатѣ какой-нибудь темной исторіи или счастливаго случая въ карманахъ сѣраго мужицкаго армяка, не находили достаточнаго примѣненія. И только послѣ эмансипаціи, когда съ появленіемъ крупнаго рынка явилась потребность

и въ крупномъ, массовомъ сбытѣ, въ организаціи этого послѣдняго открытъ былъ широкій просторъ для дѣятельности деревенскихъ Ротшильдовъ. Тогда только они могли смѣло извлечь изъ потаенныхъ мѣстъ свои кубышки и, расправивъ крылья, хищными коршунами налетѣть на мирно дремавшія веси.

На первыхъ порахъ имъ предстояло разрѣшить серьезную и сложную экономическую проблему. Разрозненный, мелкій, случайный сбытъ, вызывавшійся изолированностью и неорганизованностью мелкаго производителя, имъ надо было превратить въ сбытъ концетрированный, крупный и регулярный, какой требовался условіями вновь созданнаго крупнаго рынка. Эту задачу навязывала хищникамъ исторія, и, конечно, почтенная старушка ни мало не позаботилась о томъ, чтобы выполнители ея предначертаній взялись за это дѣло чистыми руками. Вотъ когда началась у насъ вакханалія хищничества.

Въ періодъ острой марксисто-народнической полемики «ученики» не разъ ставили на видъ народникамъ, что эти послѣдніе въ оцѣнкѣ исторической роли у насъ торговаго капитала не сумѣли занять объективной позиціи ученыхъ изслѣдователей; что моральная сторона процесса концентраціи торговаго капитала заслонила отъ нихъ его экономическую природу. Въ глазахъ нѣкоторыхъ, наиболѣе ретивыхъ, «учениковъ» народники казались какими-то черезчуръ сентиментальными барышнями, готовыми источать слезы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Хорошо было «ученикамъ» посмѣиваться заднимъ числомъ надъ излишней будто бы слезливостью народниковъ, но положеніе народниковъ въ 70-е, да, пожалуй, и въ 80-е г.г. было далеко не изъ пріятныхъ.

Можно быть глубоко-убѣжденнымъ въ необходимости для вашего организма извѣстной операціи, но въ тотъ моментъ, когда ножъ хирурга впивается въ ваше тѣло, рѣжетъ и раздираетъ его, мысль о цѣлесообразности процесса поневолѣ отступитъ на задній планъ. Болевыя ощущенія завладѣваютъ вашимъ сознаніемъ, и вы будете стонать отъ боли, быть можетъ, громче, мучительнѣе какъ разъ именно въ ту минуту, когда въ глазахъ хирурга уже блеснетъ свѣтъ радости, торжествующей успѣхъ его кроваваго искусства.

А вѣдь народники и находились въ положеніи оперируемаго, потому что совершавшійся въ то время «процессъ концентраціи торговаго капитала» заполнялъ сознаніе, поражая его своей стихійной жестокостью. Не даромъ же наиболѣе чуткіе изъ свидѣтелей этого мучительнаго соціальнаго процесса съ негодованіемъ отворачивались отъ вопросовъ политики и въ мечтахъ о соціальной революціи искали отдыха отъ кошмарныхъ картинъ окружающей ихъ дѣйствительности.

Сильными челюстями своими Деруновы глубоко вонзились въ тѣло народа, и не было спасенія отъ ихъ ядовитыхъ укусовъ.

Не было бѣдствія, котораго они не сумѣли бы использовать въ интересахъ своего жестокаго дѣла. Голодъ, моръ, разоренье—все это шло лишь на пользу Деруновымъ, и они не стѣснялись подчеркивать это.

— Хлѣбомъ торгуете?—спрашиваютъ Дерунова.

— „Хлѣбомъ нынче за первый сортъ торговать. Насчетъ податей строго стало, выкупные требуютъ—ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная".

— Скотъ скупаете тоже?

— „И скотъ скупать хорошо, коли ко времю. Вотъ въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начнутъ—тутъ только не плошай! За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ....."

— Лѣса, вино?

— „И лѣсами подобрались—дрова въ цѣнѣ стали. И вино—статья полезная, потому—воля. Я нынче фабрику миткалевую завелъ: очень ужъ народъ дешевъ..."

Жестокое дѣло требовало для своего выполненія жестокихъ людей. И этотъ истинный рыцарь наживы, Осипъ Ивановичъ Деруновъ, не останавливается ни передъ чѣмъ, когда дѣло касается его интересовъ, его страстей. Ему ничего не стоитъ продать свою жену сосѣднему помѣщику, какъ ничего не стоитъ погубить родного сына Якова только потому, что ему приглянулась жена послѣдняго, интимную связь съ которой онъ даже афишируетъ съ откровеннымъ цинизмомъ. Таковы и всѣ остальныя фигуры хищниковъ, вынырнувшихъ изъ низовъ народной жизни.

Таковъ Николай, старшій сынъ Дерунова, помогающій старику въ дѣловыхъ операціяхъ. Тоненькій, маленькій, съ ласково улыбающимися голубыми глазами, съ вьющимися каштановыми волосами, онъ очень напоминаетъ родителя, когда тотъ былъ молодъ, напоминаетъ его всѣми ухватками, за внѣшней мягкостью которыхъ ясно чувствуются острые когти жестокаго хищника.

Таковъ Антошка Стрѣловъ, «Антошка-кабатчикъ, Антошка-прасолъ, Антошка-закладчикъ, — словомъ, Антошка homo novus, выброшенный волнами современной русской цивилизаціи на поверхность житейскаго моря». Антошку въ началѣ его карьеры звали по разному. Звали его «стрѣлой», по причинѣ его необычайной стремительности. Звали его «стальной душой», такъ какъ говорили, что онъ отца родного промѣнять готовъ. Теперь зовутъ его не иначе, какъ Антономъ Валерьяновичемъ, потому что онъ—дѣлецъ, потому что при помощи завѣдомо подложнаго векселя онъ сумѣлъ устроить и упрочить свою карьеру.

Таковъ Пантелѣй Егоровичъ, создавшій свое благополучіе на капиталахъ купца Мосягина, котораго онъ опоилъ дурманомъ, предварительно завладѣвъ его женой. Теперь онъ кабатчикъ, доноситель и даже провокаторъ. Вотъ какъ, по его

собственному наивному разсказу, онъ собиралъ факты, уличающіе будто бы мѣстнаго помѣщика Парначева въ неблагонадежности. Мѣстные кулаки сильно не взлюбили Парначева за то, главнымъ образомъ, что онъ въ разговорахъ съ крестьянами совѣтовалъ имъ противопоставить кулачеству организацію артелей и кассъ. По тому времени и это было достаточно неблагонадежно. Но для того, чтобы окончательно уличить «смутьяна», Егоровъ приспособилъ къ приходу Парначева въ трактиръ такую хитрую «штучку»: «Какъ только они на крыльцо, а я сейчасъ, значитъ, къ машинѣ: *Коль Славенъ*..... это, значитъ, въ Сіонѣ-съ!.. И чтожъ вы бы думали—докладываетъ онъ исправнику—хоть бы онъ бровью пошевельнулъ! Посѣтители сидятъ, чай пьютъ, всѣ можно сказать, въ умиленіи, а онъ какъ вошелъ въ фуражкѣ, такъ и шмыгнулъ наверхъ-съ!..» Этотъ эпизодъ сильно будто бы оскорбилъ патріотическое чувство трактирщика: «Такъ оскорбилъ, такъ оскорбилъ-съ,—даже душа во мнѣ вся перевернулась!.. Помилуйте!... Тутъ публика... Чай кушаютъ... въ умиленіи-съ..., а они въ фуражкѣ!..» [1]).

Таковъ и знакомый уже намъ Фрисанфъ Петровичъ Полушкинъ,—«усластившій», а затѣмъ и обобравшій довѣрившуюся ему помѣщицу, а теперь хватающій, «словно у него не двѣ, а четыре руки».

Эта коллекція портретовъ извлечена мною только изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Но не въ одной этой серіи сатиръ Щедринъ касается дѣятелей накопленія. И чтобы пополнить нашу галлерею, обратимся къ другимъ сатирамъ и прежде всего заглянемъ въ «Убѣжище Монрепо», вокругъ котораго вьется, подобно коршунамъ надъ стадомъ, нѣсколько новыхъ хищниковъ.

Егорка Груздевъ, выработавшій себѣ еще «въ подломъ видѣ» способность «кровопійствовать», дѣлаетъ при помощи одной этой способности блестящую карьеру. Никакихъ другихъ талантовъ у него нѣтъ. Онъ негораздъ и даже невѣжественъ, ретивъ только галдѣть, да зубы заговаривать, но, пуская въ ходъ одни лишь кровопивственные пріемы, изъ «прохвоста», какимъ считался въ молодости, превращается въ Егора Ивановича. О будущемъ онъ безпокоился мало: можетъ быть—разсуждалъ онъ—изъ него выйдетъ господинъ Груздевъ, а можетъ быть, онъ угодитъ на каторгу. Но онъ знаетъ, что и въ Сибири люди живутъ. Каторги ему, однако, какимъ-то чудомъ удалось миновать, и теперь *господинъ* Груздевъ щеголяетъ въ шитомъ мундирѣ, повсюду встрѣчаемый лестью и заискиваніями.

Антонъ Ивановичъ Разуваевъ,—авторъ классическаго изреченія: «йенъ доста-а-анетъ!»—выдѣляется изъ среды другихъ хищниковъ своей до неуязвимости доведенной наглостью. Плюнь ему въ лицо—онъ утрется. Свороти ему скулу,—онъ ее на старое мѣсто вправитъ. Потрясая своимъ бумажникомъ, онъ глубоко

[1]) Т. IV, стр. 94.

убѣжденъ, что въ деньгахъ скрывается сила всепобѣждающей аргументаціи. Когда-то «пользовался довѣріемъ» корнетши Отлетаевой, но съ объявленіемъ воли немедленно же бросилъ ее. Опериться, какъ слѣдуетъ, онъ еще не успѣлъ, но надежды не теряетъ и «дѣло» свое похваливаетъ. Желая во что бы то ни стало пріобрѣсти за грошъ старинную усадьбу Монрепо, Разуваевъ старается выжить ея владѣльца. Для этого онъ окружаетъ усадьбу сѣтью своихъ наблюденій и интригъ, пытаясь уличить помѣщика въ политической и даже нравственной неблагонадежности: «Правда ли—выспрашиваетъ онъ,—что баринъ живетъ въ грѣхѣ со скотницей Матреной?» «Въ обывательскихъ реестрахъ—удостовѣряетъ сатирикъ о Разуваевѣ—отмѣчено: «бывшій халуй. Занимается кабаками, а нынче сверхъ того и *интеллигенціей*».

Въ 80-е гг. сатирикъ показываетъ намъ Разуваева уже въ роли настоящаго «столпа» («За Рубежемъ»), мечтающаго даже о собственной газетѣ для пропаганды водокъ своего издѣлія («Современная идиллія»).

Сортомъ ниже будетъ кабатчикъ Колупаевъ, тоже одинъ изъ сосѣдей автора по «Монрепо». Этотъ далеко еще не постигъ тонкостей деликатнаго обхожденія,—при ѣдѣ обходится безъ помощи ножа и вилки, сморкается безъ помощи носового платка и т. д. Однако, при всемъ томъ гостепріимный домъ его является центромъ, объединяющимъ сельскую аристократію за игрой въ стуколку. Сатирикъ слѣдитъ за его судьбой съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ за судьбой Разуваева, и впослѣдствіи мы узнаемъ, что Колупаевъ точно также представляетъ «столпъ» («За Рубежемъ») и упрочилъ свое положеніе настолько, что «ѣздитъ нынѣ на мужикѣ». («Письма къ тетенькѣ»).

Мало замѣтный самъ по себѣ, Колупаевъ сталъ тѣмъ не менѣе всероссійской знаменитостью, такъ какъ, съ легкой руки сатирика, имя этого мелкаго хищника неизбѣжно ассоціируется съ именами болѣе крупныхъ представителей этого типа. И, когда рѣчь заходитъ о Деруновѣ и Разуваевѣ, названіе почтенной «фирмы» кажется неполнымъ, если вмѣстѣ съ этимъ не будетъ упомянутъ и Колупаевъ. Такова литературная традиція, установленная со временъ сатирика, и притомъ имъ же самимъ. Поэтому не будетъ здѣсь неумѣстнымъ вспомнить, что Колупаевъ—не созданіе фантазіи Салтыкова, а живой человѣкъ, быть можетъ, и понынѣ благополучно доживающій среди насъ свои старческіе годы.

По словамъ г. Е. Буринскаго, прожившаго вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ въ деревнѣ лѣто 1868 г., при нихъ въ качествѣ фактора состоялъ... самъ Колупаевъ. «Этотъ Колупаевъ—разсказываетъ г. Буринскій,—бывшій деньщикъ моего дяди, такъ умѣлъ вести свои дѣла, что тотчасъ же послѣ смерти своего барина-генерала оказался обладателемъ не одного десятка тысячъ рублей. Онъ открылъ большой табачный магазинъ, ссужалъ деньгами (и крупными суммами) подъ векселя за огромные проценты моло-

дыхъ гвардейцевъ, исполнялъ всевозможныя порученія по покупкѣ чего угодно, комиссіонерствовалъ на всѣ лады и т. п.

Салтыковъ никогда не могъ спокойно произнести фамилію нашего фактора. Скажите, Иванъ, вашъ отецъ тоже назывался Колупаевымъ, или вы сами себѣ придумали такую фамилію? Во всякомъ случаѣ, удачнѣе ничего быть не можетъ! Ко-лу-паевъ! Чертъ знаетъ, что такое!

Этотъ Колупаевъ зналъ, что фамилію его Салтыковъ обезсмертилъ, но былъ очень доволенъ и до самой смерти Салтыкова высказывалъ ему полное уваженіе и преданность. Подъ конецъ лѣта 1868 г. Салтыковъ просто не могъ обойтись безъ Колупаева: мебель ли купить, квартиру нанять, денегъ достать (было и это)— все поручалось Колупаеву, и Колупаевъ всегда оказывался на высотѣ оказаннаго ему довѣрія... конечно, не безъ выгоды для себя [1].

Вся эта компанія Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, къ которымъ должны быть причислены кромѣ того купецъ Дрыгаловъ («Въ средѣ умѣренность и аккуратность»), Вздошниковъ («Современная идиллія»), Иванъ Ѳомичъ («Мелочи жизни»), Игнатьевъ («Сказки») и проч., и проч., очень характерна въ томъ отношеніи, что каждый изъ ея членовъ непремѣнно состоитъ въ роли «столпа» или, по крайней мѣрѣ, числится кандидатомъ на это почетное амплуа. Всѣ они находятся въ самыхъ милыхъ отношеніяхъ съ представителями власти,—съ ними вмѣстѣ пьютъ и въ карты играютъ, съ ними роднятся, имъ «содѣйствуютъ» при помощи добровольнаго выслѣживанія и доносовъ. Не даромъ же становой Граціановъ («Убѣжище Монрепо»), великодушно извиняя автору всѣ его либеральныя прегрѣшенія, не можетъ простить ему хулы... не противъ Духа Святого, нѣтъ—противъ кабатчиковъ. «Не раздражайте!— говорилъ онъ—не раздражайте гг. кабатчиковъ, ибо въ настоящее время на нихъ покоятся всѣ наши упованія». И то же самое, но только въ болѣе пространной и болѣе разработанной формѣ, внушалъ Граціановъ урядникамъ, доказывая имъ, что «дѣйствительнаго и истинно-плодотворнаго содѣйствія» власть можетъ ждать по преимуществу отъ гг. кабатчиковъ. Кабатчикъ, «онъ трезвъ, потому что такова задача его занятія. Онъ одинъ имѣетъ возможность трезвенно проникать въ глубины человѣческихъ сердецъ»...

IV.

Итакъ, кабатчики—«столпы». Они призваны поддерживать и охранять «священные устои нашего дорогого отечества»— семью, собственность, государство. И они, дѣйствительно, поддерживали и охраняли эти устои не за страхъ только, а за совѣсть.

Послушайте, напримѣръ, какъ распинается за «семейное

---

[1]) „Два слова о Салтыковѣ“ г. Евгенія Буринскаго. „Новое Время“ 1900 г. № 8907.

начало» Деруновъ, этотъ старый снохачъ, собственная супруга котораго, Анна Ивановна, съ его же вѣдома, находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ Глафиринымъ:

— «Теперича мнѣ хоть какую угодно принцессу представь—развѣ я ее на мою Анну Ивановну промѣняю! Спаси Господи! Въ семью-то придешь—ровно въ раю очутишься! Право! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ! истинный рай земной!»

Осипъ Ивановичъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Этотъ жестъ, конечно, здѣсь не совсѣмъ умѣстенъ, потому что обнаруживаетъ нѣкоторое равнодушіе фактора къ избранной имъ темѣ. Но зато вотъ Хрисанфъ Полушкинъ, тотъ самый, что въ четыре руки потрошитъ ближнихъ своихъ, тотъ не станетъ зѣвать, когда приведется ему защищать принципы собственности. Сосѣди, по крайней мѣрѣ, говорятъ о немъ: «если не только-что украсть у него, но даже если при немъ насчетъ собственности что-нибудь неладно сказать,—поди, чай, какъ завопитъ!..»

Разуваевъ, по наблюденіямъ сатирика, объ отечествѣ думаетъ. что это «падаль». На государство онъ прямо такъ и смотритъ, какъ на «расхожій пирогъ». Но когда ему надо вытѣснить конкурента, онъ и въ душу къ нему заглянетъ и горячо станетъ доказывать, что для государства, именно для государства, выгоднѣе, если чужою пустошью будетъ владѣть онъ, Разуваевъ, ибо онъ, а не признанный владѣлецъ ея, откроетъ здѣсь для правительства новые источники дохода. И доказывать это положеніе онъ станетъ съ такой убѣдительной настойчивостью, что заставитъ и мѣстнаго батюшку и становогo выступить адвокатами такой «государственной» точки зрѣнія [1]).

Щедрина могло глубоко возмущать такое дерзкое отожествленіе Разуваевымъ его личныхъ своекорыстныхъ расчетовъ съ интересами государства. Но теоретически Разуваевъ былъ правъ. «Государство—говоритъ Энгельсъ—возникло изъ потребности сдерживать классовыя противорѣчія. И такъ такъ въ то же время государство возникло внутри этихъ классовыхъ противорѣчій, то обычно оно становится государствомъ сильнѣйшаго, экономически господствующаго класса, который при его помощи дѣлается и политически господствующимъ классомъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ новыя средства для подчиненія и эксплоатаціи угнетеннаго класса. Являясь, слѣдовательно, въ рукахъ господствующаго класса орудіемъ эксплоатаціи, государство и должно было предоставить себя въ распоряженіе новой создавшейся внутри его силы, отожествить себя съ нею».

Разуваевъ былъ правъ. Вопросъ только въ томъ, какія же, собственно, требованія могли предъявить къ государству рыцари наживы въ жестокій періодъ первоначальнаго накопленія «Способы первоначальнаго накопленія, по замѣчанію Маркса, представляютъ все, что угодно. но только не идиллію». И рыцарямъ

---

[1]) См. т. VII, стр. 373.

наживы нуженъ былъ во всякомъ случаѣ не правовой порядокъ. Если, какъ утверждаетъ сатирикъ, они и мечтали одно время насчетъ «конституціевъ», то ихъ конституціонныя желанія были довольно-таки своеобразны.

«Намъ—мечтали Разуваевы и Колупаевы—чтобъ «конституціевъ» дали, а толоконниковъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да чтобъ за печатью: и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ» [1]). И если бы Колупаеву даже во снѣ приснилась такая конституція, которая намекала бы на экономическое освобожденіе «толоконниковъ», то «я убѣжденъ—писалъ сатирикъ,—что Колупаевъ скорѣе самъ на себя донесъ бы исправнику, нежели допустилъ бы такую пропаганду на практикѣ» [2]).

Да, способы, которыми Разуваевы выполняли свое провиденціальное назначеніе, ничего идиллическаго въ себѣ не заключали. Насиліе—вотъ факторъ первоначальнаго накопленія. «Право насилія»—вотъ вытекающій отсюда лозунгъ, который должны были бы провозгласить рыцари накопленія. Нѣчто подобное провозглашаетъ «чумазый» и у Щедрина, когда на вопросъ: «что есть истина?» твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: «распивочно и на выносъ!»

Само собой разумѣется, однако, что ни самъ «чумазый», ни тѣмъ менѣе покровительствующая ему власть не могли выступать публично съ такими цинично-откровенными лозунгами. Насиліе, въ какихъ бы грубыхъ формахъ оно не проявлялось, разъ оно становится орудіемъ государства или класса, нуждается въ прикрытіи,—оно должно быть замаскировано какой - нибудь, хотя бы даже и нехитрой, идеологіей.

Сатирикъ вскрылъ эту идеологію съ удивительнымъ мастерствомъ.

Въ письмѣ къ Е. И. Утину (въ 1881 г.) Салтыковъ, объясняя основную идею «Благонамѣренныхъ Рѣчей», говоритъ, что онъ «обратился къ семьѣ, собственности и государству и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются». Сказано категорически: «ничего этого уже нѣтъ». Принципы стараго государственнаго режима отброшены, и притомъ отброшены самими же «столпами» новой слагающейся государственности. Ничего новаго на смѣну старымъ устоямъ «столпы» не выдвинули. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, голое насиліе возвести въ степень новой основы государственной жизни! Приходилось, волей-неволей, пользоваться старыми формулами и, всячески пережевывая ихъ, маскировать ими новыя отношенія. И посмотрите, какъ ловко справляются съ этой задачей у Щедрина всѣ эти зубастые хищники и ихъ высоко и низко-поставленные покровители! Какъ искусно пустословятъ они,

---

[1]) Т. VIII, стр. 418.
[2]) Ibid., стр. 409.

прикрывая отвратительную наготу свою пестрою тканью вывороченныхъ на изнанку пословицъ и другихъ изреченій обветшавшей мудрости. Словно самъ сатана давалъ имъ практическіе уроки діалектики по извѣстной системѣ Мефистофеля:

Für was drein geht und nicht drein geht
Ein prächtig Wort zu Diensten steht.

Деруновъ началъ практическія занятія по пустословію еще будучи содержателемъ постоялаго двора. У него всегда на готовѣ для гостей было привѣтливое слово и пустословное разсужденіе въ родѣ того, что «прежде счетъ на ассигнаціи былъ, а нынче на серебро пошелъ». Встрѣчая помѣщичьяго сынка, возвращающагося домой на каникулы, Деруновъ прямо донималъ мальчишку поучительными разговорами:

— Это хорошо, что учителямъ потрафляешь,—поощрялъ, напримѣръ, онъ юнаго собесѣдника.—Въ науку пошелъ—надо потрафлять. Иной разъ и занапрасно учитель побьетъ, а ты ему: «покорно, молъ, благодарю, Августъ Карлычъ!»

Или вотъ образецъ на тему о почитаніи родителей:

— Чти родителей, потому что безъ нихъ вашему брату дѣваться некуда, даромъ, что ты востеръ. Вотъ изъ ученья выйдешь—кто тебѣ на прожитокъ дастъ? Жениться захочешь,—кто невѣсту припасетъ?—все родители! Такъ ты и утромъ, и вечеромъ за нихъ Бога моли: спаси, молъ, Господи, папыньку, мамыньку, сродственниковъ! Всѣхъ, сударь, чти!.. Я тоже родителей чтилъ, за это меня и Богъ благословилъ. Бывало, родитель-то гнѣвается, а я ему въ ножки! Зато теперь я съ домикомъ; своимъ хозяйствомъ живу»... и т. д. и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Таковы образчики болѣе или менѣе невиннаго пустословія. Но изъ этихъ невинныхъ, на первый взглядъ, цвѣточковъ вызрѣваютъ по осени весьма ядовитаго свойства ягодки. Надобно только, чтобы задѣты были за-живое интересы самого пустослова; чтобы по пути къ чужому горлу, которое онъ вотъ-вотъ собрался перервать, встрѣтилось какое-нибудь препятствіе.

Запротестовали, напримѣръ, крестьяне противъ слишкомъ дешевыхъ цѣнъ, по которымъ Деруновъ скупалъ у нихъ хлѣбъ. Запротестовали и переѣхали на другой базаръ, въ другое село. Правда, ничего отъ этого крестьяне не выиграли. Напротивъ, издаромъ проѣздивъ тридцать верстъ, они должны были сбавить еще по 10 коп. съ пуда противъ назначенной Деруновымъ цѣны, потому что ихъ и тамъ настигли деруновскіе приказчики и наказали ихъ. И тѣмъ не менѣе Деруновъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, вскипѣлъ негодованіемъ:

— Однако, это, братъ, въ нашихъ мѣстахъ новость! Скажи, пожалуй, стачку затѣяли! Да за стачки-то нынче, знаешь ли какъ!.. Испугать вздумали! Нѣтъ, братъ, ростомъ не вышли! Бунтовать не позволено!..

— Да какой же это бунтъ, Осипъ Ивановичъ, вступился авторъ, отъ имени котораго и ведется разсказъ.

— А по твоему, баринъ, не бунтъ? Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? Самъ, что ли, экую махину съѣмъ!.. Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію хлѣбомъ продовольствую! А ну, какъ у меня изъ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что ли, арміи-то? По твоему, это не бунтъ?..

«На сей разъ—разсказываетъ сатирикъ—Осипъ Ивановичъ совершенно ясно и довольно нагло говорилъ мнѣ «ты». Онъ возмущался такъ искренно, что даже измѣнилъ своему обычному благодушію. Признаюсь откровенно, я и не подумалъ возразить ему. Соображеніе, что по милости мужиковъ, не соглашающихся взять *настоящую* цѣну, армія можетъ встрѣтить препятствіе въ продовольствіи, было такъ рѣшительно и при томъ такъ полно современности, что я даже самъ испугался, какимъ образомъ оно прежде не пришло мнѣ въ голову. Конечно, я понималъ, что и противъ такого капитальнаго соображенія не невозможны возраженія, но, съ другой стороны, что можетъ произойти, если вдругъ Осипу Ивановичу въ моемъ скромно выраженномъ мнѣніи вздумается заподозрить или «превратное толкованіе», или наклонность къ «распространенію вредныхъ идей»? Скажу я, напримѣръ, что при неисправности подрядчика военное вѣдомство можетъ распорядиться насчетъ его залоговъ, а онъ вдругъ растолкуетъ, что я арміи и флоты отрицаю, основы потрясаю, авторитетовъ не признаю! Развѣ этихъ примѣровъ не бывало?» [1]).

Какъ не бывать! Бывало, и даже слишкомъ много бывало. И тотъ же Деруновъ, считая себя призваннымъ читать въ сердцахъ, былъ далеко не безопасенъ не для однихъ крестьянъ. Вѣдь вотъ хотя бы исторія съ «кандауровскимъ бариномъ». Хорошо еще, что „вышнее" начальство вступилось за него,—„поступковъ ожидать" велѣло. Деруновъ не такъ терпѣливъ, чтобы ждать. Въ его глазахъ обвинительный матеріалъ противъ „кандауровскаго барина" былъ достаточно богатъ уже тѣмъ, что уличалъ барина въ чтеніе книгъ и въ нежеланіи вести компанію съ нимъ, Деруновымъ. „Не по-людски живетъ, ни съ кѣмъ хлѣба-соли не водитъ"—разсуждаетъ этотъ доброволецъ-охранитель и отсюда уже неожиданно умозаключаетъ: „А кто его знаетъ! Можетъ, онъ промежду себя революцію пущаетъ". И какъ ни счастливъ былъ „кандауровскій баринъ" заступничествомъ высшихъ властей, однако, совсѣмъ отбояриться отъ Дерунова и К° ему все же не удалось,—пришлось, таки, и „безъ поступковъ" въ Петербургъ удирать!

Хотя рѣчи Дерунова сплошь и рядомъ заключали въ себѣ угрозу, часто на дѣлѣ осуществляющуюся, но отъ этого онѣ не становились менѣе пустословными. Развѣ только-что угроза, про-

---

[1]) Т. IV, стр. 149.

рывавшаяся сквозь потоки пустословія, пріобрѣтала болѣе жестокія, а потому и болѣе страшныя формы. А между тѣмъ Деруновъ увлекался своимъ пустословіемъ, и собесѣднику его нерѣдко приходилось употреблять большія усилія, чтобы остановить оратора. „Не такой онъ былъ человѣкъ — вспоминаетъ сатирикъ,—чтобы скоро отстать".

Само собою разумѣется, что Деруновъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы не придавать никакой вѣры своимъ разглагольствованіямъ, находившимся къ тому же въ полномъ противорѣчіи къ его личному поведенію. „Вслушайтесь въ тонъ, которымъ онъ произноситъ свои предики,—кажется, что онъ говоритъ серьезно и даже съ нѣкоторой нажимкой. И вдругъ прорвется нотка... ну, смѣется эта нотка, да и все тутъ! Смѣется, словно вотъ такъ и говоритъ: видишь, какія чудеса въ рѣшетѣ передъ тобой выкладываю! а ты все-таки слушай, да на усъ себѣ мотай! потому что я—столпъ"...

Я сосредоточилъ здѣсь вниманіе читателя на Деруновѣ, какъ на фигурѣ наиболѣе полно выписанной сатирикомъ.

Но приглядитесь внимательно ко всѣмъ этимъ Колупаевымъ, Разуваевымъ и иже съ ними и вы увидите въ нихъ такихъ же пустослововъ, какимъ только-что стоялъ передъ нами Деруновъ. Даже представители новой, пореформенной администраціи, эти подчищенные и подкрашенные Держиморды „добраго стараго времени"—Колотовы, Граціановы и др. — и тѣ неизбѣжно впадаютъ въ пустословіе каждый разъ, какъ только отъ безпрекословнаго выполненія „предначертаній" переходятъ къ самостоятельнымъ разсужденіямъ на злободневныя темы. И когда присмотришься ко всѣмъ этимъ фигурамъ, силою вещей вынужденнымъ облекать свои затаенные помыслы въ совершенно несоотвѣтствующую имъ шелуху праздныхъ словъ, начинаешь понимать, изъ какихъ элементовъ сложилась и выросла классическая фигура словоточиваго „кровопивушки"—Іудушки Головлева. Человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ, невѣжда, сутяга, лицемѣръ, лгунъ и пустословъ, Порфирій Владимировичъ Головлевъ сконцентрировалъ въ себѣ всѣ отрицательныя черты своего безпринципнаго, хищническаго времени. Не даромъ же хроника семьи Головлевыхъ была задумана и писалась какъ разъ въ то время, когда писались сатирическіе очерки, посвященные „чумазому". Случалось даже, что эта хроника переплеталась съ портретами „чумазыхъ" и сливалась съ ними какъ бы въ одну общую картину. Нѣкоторыя главы изъ хроники семьи Головлевыхъ впервые даже и появились въ печати подъ заглавіемъ „Благонамѣренныхъ Рѣчей" и только впослѣдствіи, въ отдѣльномъ изданіи, были поставлены на соотвѣтствующее имъ мѣсто.

Сведя Дерунова къ Іудушкѣ, я никоимъ образомъ, однако, не намѣревался сливать эти двѣ характерныя фигуры. Отъ Де-

рунова Іудушку отличаетъ его дворянскій мундиръ и званіе отставного дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Эти отличительные признаки Іудушки очень существенные, и, надѣливъ ими своего трагическаго героя, художникъ поступилъ въ высокой степени благоразумно. Іудушка *могъ* пережить драму, разрѣшившуюся трагическимъ конфликтомъ. Деруновы способны были вносить трагическіе конфликты только въ чужую жизнь. Для переживанія собственныхъ трагическихъ конфликтовъ у нихъ просто не было времени. Едва ли они располагали досугомъ даже для того, чтобы подобно Молчалину, приступая къ обѣденному пирогу, вымыть руки, испачканныя ихъ кровавой работой.

V.

Во всѣхъ пореформенныхъ „вѣяніяхъ", отраженныхъ сатирою Щедрина, во всѣхъ „просвѣтительныхъ задачахъ" того времени, кѣмъ бы эти задачи не разрѣшались,—помпадурами или ташкентцами,—вездѣ и всюду чувствуется присутствіе „человѣка, питающагося лебедой". На спинѣ и бокахъ этого человѣка чертили свои скрижали всѣ историческіе дѣятели эпохи. Этотъ же человѣкъ былъ главнымъ объектомъ и деруновскихъ операцій. Деруновъ впрочемъ, даже и не чертилъ, а просто „сосалъ" человѣка и только иногда чуть-чуть скрашивалъ этотъ каннибальскій процессъ ласковыми улыбками и разговорами. Высасываемаго человѣка онъ называлъ крестникомъ и отвлекалъ его вниманіе прибаутками въ родѣ: „по-милу, да по-божески, ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ"...

Однако, экспропріирующія функціи Деруновыхъ не замыкались никакими предѣлами. У нихъ были крѣпкія челюсти и хорошій аппетитъ, такъ что ограничивать свои вожделѣнія непремѣнно „человѣкомъ лебеды" не было ни основаній ни надобности. Мужикъ, такъ мужикъ, баринъ, такъ баринъ—не все ли равно? Охота на барина, правда, сопряжена съ большими трудностями, но зато и результаты ея виднѣе и осязательнѣе. И, конечно, Деруновы бариномъ отнюдь не брезговали [1]), какъ не брезговали они и пріемами выживанія баръ изъ ихъ наслѣдственныхъ усадебъ. Сатирикъ уже намекнулъ намъ мимоходомъ на печальную судьбу „кандауровскаго барина", выжитаго Деруновымъ изъ родовой усадьбы. Сатира „Убѣжище Монрепо" разрабатываетъ эту тему болѣе подробно и обстоятельно.

„Убѣжище Монрепо"—это одинъ изъ шедевровъ художественнаго мастерства сатирика. Въ этой удивительно яркой эпопеѣ дворянскаго разоренія больше всего поражаетъ искусство.

[1]) Профессоръ Фортунатовъ, основываясь на данныхъ земской статистики, утверждаетъ, что за періодъ со времени крестьянской реформы и до половины 80-хъ гг. ежегодная убыль дворянскихъ земель выражалась въ среднемъ цифрою трехъ процентовъ.

съ какимъ художникъ подмѣтилъ и подчеркнулъ *стихійность* процесса. Неизбѣжность рокового конца этого процесса чувствуется съ первыхъ же строкъ разсказа. „Finis Монрепо" надвигается какъ-то самъ собою, въ силу логическаго развитія, внѣ чьей бы то ни было воли лежащихъ причинъ. Самъ владѣлецъ усадьбы отнюдь не желаетъ разстаться съ ней. Напротивъ, онъ употребляетъ какъ будто бы всѣ усилія, чтобы сохранить родовое гнѣздо и провести въ немъ остатокъ дней своихъ. Съ этимъ уголкомъ связано у него столько дорогихъ воспоминаній, и за это онъ любитъ его. Любитъ, но въ словарѣ новаго времени такія сентиментальныя слова не числятся. Разуваевъ, тотъ не любитъ,—онъ просто *облюбовалъ* „Монрепо" и, въ интересахъ развитія своихъ хищническихъ операцій, желаетъ пріобрѣсти усадьбу. И вотъ, несмотря на явное нежеланіе разстаться съ усадьбой, несмотря даже на сопротивленіе торгашескимъ усиліямъ Разуваева, владѣлецъ чувствуетъ, что собственность ускользаетъ изъ его рукъ. Упорству его никто никакой цѣны не придаетъ, и всѣ окружающіе, начиная съ мѣстнаго „батюшки" и станового и кончая даже вѣрными слугами бывшихъ владѣльцевъ „Монрепо", — стараго крѣпостного Лукьяныча, садовника, Матрены-скотницы,—всѣ они видятъ въ Разуваевѣ будущаго владѣльца усадьбы. Для нихъ это дѣло рѣшенное, и вопросъ только во времени, когда, наконецъ, баринъ одумается и передастъ свои права „толстомясому".

«Неужели же я, въ самомъ дѣлѣ, продаю?—спрашивалъ себя владѣлецъ усадьбы:—Ежели продаю, то какимъ же образомъ я какъ будто не сознаю этого?»

Дѣло дошло до того, что всякій посторонній считалъ себя въ правѣ нѣкоторымъ образомъ наблюдать, не укрываетъ ли или не расхищаетъ ли баринъ какихъ-нибудь имуществъ, принадлежащихъ усадьбѣ. Колупаевъ даже провелъ рукой по обоямъ залы и сказалъ:

— Обои-то, кажется, новенькіе поставить сбирались?

— Сбирался.

— И купили, сударь?

— Купилъ.

— Такъ съ. Въ сохранности, стало быть, лежатъ?

— Лежатъ.

Подъ напоромъ этого всеобщаго убѣжденія въ сознаніи неизбѣжнаго рока баринъ, наконецъ, и самъ понялъ, что «артачиться» и «хорохориться» долго нельзя, что «Монрепо», дѣйствительно, не можетъ принадлежать ему, барину, что оно все равно, рано или поздно, будетъ принадлежать Разуваеву, и покорно протянулъ руку за его бумажникомъ, которымъ тотъ давно уже дѣлалъ недвусмысленные пассы передъ носомъ барина.

Послѣднею каплею, переполнившей чашу упорства барина, было письмо, полученное имъ изъ Соломеннаго Городища отъ школьнаго товарища Ивана Косушкина («есть такая фамилія и

очень древняя»). Косушкинъ, точно также переселившійся изъ столицы въ свое собственное Монрепо, приглашалъ пріятеля къ себѣ въ гости и, между прочимъ, разсказалъ ему одинъ эпизодъ изъ посѣщенія его «любознательнымъ, но смирнымъ» начальникомъ.

„Пріѣхалъ ко мнѣ на новоселье, посидѣлъ, побесѣдовалъ и вдругъ задумался. «Такъ вы,—говоритъ—къ намъ?.. А знаете, я, воля ваша, этого не понимаю: къ намъ... совсѣмъ... что же такое у насъ?... никто къ намъ... никто, никогда... и вдругъ»...—Да вѣдь надо же гдѣ нибудь жить?—«Такъ-то такъ... а все таки.. ну, какую вы здѣсь прелесть нашли! Городишка самый пустой, бѣлаго хлѣба не сыщешь... никто къ намъ никогда... и вдругъ вздумалось!»... Это было такъ мило, что я не выдержалъ и расцѣловалъ его. И вотъ съ тѣхъ поръ мы друзья. Чтобъ окончательно его успокоить, я отвелъ въ домѣ квартиру для полицейскаго чина, истребилъ всѣ книги, вмѣсто газетъ выписалъ «Московскія Вѣдомости» и купилъ гитару. Все прошлое лѣто, днемъ и ночью, я держалъ окна настежь: приди и виждь!»

Письмо это—повторяю—переполнило чашу упорства владѣльца Монрепо, потому что и онъ испыталъ на себѣ тяжесть давленія со стороны добровольныхъ и призванныхъ разслѣдователей по части «сердцевѣдѣнія». И онъ убѣждался, что для осуществленія даже такой скромной претензіи, какъ неутѣснительное проживаніе въ собственной усадьбѣ, нужна *протекція*. «Я—разсказываетъ онъ—долженъ припомнить старинныя связи, долженъ утруждать напоминаніямъ о своемъ забытомъ существованіи, долженъ обращаться къ просвѣщенному содѣйствію. Конечно, въ этомъ содѣйствіи мнѣ не будетъ отказано и въ концѣ концовъ я получу, таки, право безнаказанно «артачиться» и «показывать кукишъ въ карманѣ»,—но, ради Бога, развѣ нельзя отъ одной мысли объ этой предварительной процедурѣ сойти съ ума?» И вотъ онъ бѣжитъ изъ Монрепо. И не только самъ бѣжитъ, но и другимъ «культурнымъ людямъ» совѣтуетъ—«сокращать и суживать границы своихъ земельныхъ владѣній», приближая ихъ къ типу дачъ. Дача, которая можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и «усыпальницей»—вотъ что остается въ утѣху отъ старыхъ временъ «культурному человѣку». Ибо ему пришла пора умирать. «Не умереть, а именно умирать, освобождаться отъ жизни постепенно, непостыдно, сладко», такъ какъ ему на смѣну идетъ въ лицѣ Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ новый «дирижирующій классъ», за которымъ теперь уже тщательно ухаживаетъ, къ голосу котораго внимательно прислушивается правительственная власть.

Появленіе этой сатиры создала Щедрину поклонниковъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, въ которыхъ до сихъ поръ имя его не произносилось безъ чувства раздраженія и злобы. Даже «Нов. Время» привѣтствовало это новое произведеніе, отмѣтивъ, что «сатира такъ же художественно закончена, какъ художественно начата». Но для того, чтобы угодить эстетическимъ вкусамъ ор-

гановъ, подобныхъ «Новому Времени», мало быть художникомъ,—для этого надобно еще попасть въ полосу господствующаго въ данный моментъ теченія. И, очевидно, названной сатирой Щедринъ въ такую именно полосу и попалъ. О томъ, какая это была полоса, можно съ достаточной опредѣленностью судить по тѣмъ же хвалебнымъ статьямъ нововременскаго критика. Но я предпочту, оставивъ его въ покоѣ, обратиться за разъясненіями въ «Русскую Рѣчь» (№ 12 за 1879 г.), гдѣ на ту же тему дана была статья («Критическія бесѣды») болѣе яркая и болѣе откровенная.

Авторъ этой статьи, Е. Л. Марковъ, сладкозвучный пѣвецъ дворянскихъ добродѣтелей, считаетъ «Убѣжище Монрепо» однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній талантливаго сатирика. Въ Монрепо критикъ улавливаетъ обобщенное олицетвореніе «хозяйственнаго и соціальнаго міровоззрѣнія когда-то ликовавшей дворянской жизни». Самъ же владѣтель Монрепо—«только наглядная аллегорія цѣлаго сословія, интеллигенціи цѣлаго вѣка; всѣ его особенности и свойства родовыя, а не личныя». И вотъ съ этой-то точки зрѣнія, сатира Щедрина представляется критику картиной рокового вымиранія «нашего культурнаго слоя»—дворянства,—не приспособленнаго къ непривычнымъ для него условіямъ новаго общественнаго климата. И какъ ни остры брошенныя сюда сатирикомъ стрѣлы, онѣ кажутся Маркову «ласковыми толчками пробуждающаго друга, рядомъ съ другими стрѣлами сатирика, неумолимо направляемыми въ иного, болѣе сильнаго, болѣе опаснаго и болѣе новаго врага. «Сравнительно съ нимъ, отжитой міръ наивнаго эгоизма, безсилія и бездѣльничанья кажется заманчивымъ пріютомъ гуманности и свободы». Словомъ, отожествляя Монрепо съ помѣстнымъ дворянствомъ, критикъ превращаетъ сатирика въ воинствующаго защитника «всей нашей культурной Руси».

«Съ негодованіемъ оскорбленнаго собрата, съ безжалостнымъ мужествомъ Брута» сатирикъ вступилъ въ смертный бой съ нѣкіимъ чуть ли не апокалипсическаго вида звѣремъ, имѣющимъ лапы Разуваева и голову Граціанова.

Критикъ увлекся. Воинствующимъ рыцаремъ Прекрасной Дамы, именуемой Дворянствомъ, Щедринъ никогда не былъ, и въ данномъ случаѣ критикъ приписалъ художнику свои собственныя настроенія. Однако, легенда, созданная Марковымъ, оказалась живучей. И когда много лѣтъ спустя другой, но гораздо болѣе трезвый, идеологъ дворянскаго сословія, К. Ѳ. Головинъ, снова заговорилъ о той же сатирѣ Салтыкова, онъ, принимая легенду, счелъ необходимымъ вступиться за сословную честь, будто бы приниженную сатирикомъ. Г. Головинъ указываетъ именно, что Щедринъ «пересолилъ» въ своей картинѣ дворянской зависимости отъ Разуваевыхъ и Граціановыхъ. «Помѣщикамъ—укоризненно замѣчаетъ современный критикъ—приходится дрожать передъ урядникомъ только на страницахъ его разсказовъ, и если ухаживаніе за Разуваемымъ входило не разъ въ програму дворян-

ской политики, то оно было во всякомъ случаѣ добровольно и основывалось на корыстныхъ расчетахъ. Какъ бы тамъ ни было, въ этомъ противупоставлении разореннаго помѣщика Разуваеву съ компаніей нельзя не замѣтить, что тайныя симпатіи влекли Щедрина скорѣе къ людямъ его класса, чѣмъ въ сторону вновь народившихся представителей буржуазіи и преобразованнаго чиновничества»[1]).

Возможно, что «Убѣжище Монрепо», взятое внѣ всякой связи со всѣми остальными произведеніями сатирика, и создаетъ иллюзію аппологіи помѣстнаго дворянства за счетъ буржуазіи. Возможность такой иллюзіи я допускаю потому, что экономика художественнаго строенія этой сатиры требовала отъ автора исключительнаго вниманія къ широкимъ обобщающимъ положеніямъ, которыя могли въ сознаніи извѣстнымъ образомъ настроеннаго читателя конкретизироваться въ желательномъ для него смыслѣ. Но вѣдь Маркову, когда онъ писалъ свою статью, извѣстенъ былъ цѣлый рядъ сатиръ, предшествовавшихъ «Убѣжищу Монрепо»; г. Головину знакомы были и всѣ послѣдующія произведенія Щедрина. А при такихъ условіяхъ трактовать Щедрина, какъ аппологета дворянскаго сословія, или даже говорить о «тайныхъ симпатіяхъ» его къ сословію нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Въ другомъ мѣстѣ[2]) я имѣлъ уже случай подробно выяснить точку зрѣнія Щедрина на ту роль, какую дворянство играло въ судьбахъ Россіи въ теченіе четырехъ десятилѣтій (съ 50-хъ по 80-е г.г. прошлаго вѣка). Я попытался выяснить именно совершенно отрицательное отношеніе Щедрина къ дворянству. Насколько далекъ былъ сатирикъ отъ «тайныхъ симпатій» къ дворянству можно судить потому, что даже лучшіе представители этого сословія не нашли въ немъ ни поклонника ни заступника. Онъ былъ чуждъ дворянской «романтикѣ» и въ этомъ отношеніи онъ, дворянинъ по происхожденію, былъ роднымъ по духу тѣмъ писателямъ-разночинцамъ, которые, подобно Чернышевскому, даже не могли безъ раздраженія говорить объ «этихъ лѣнтяяхъ, дармоѣдахъ, трутняхъ, бѣлоручкахъ и тунеядцахъ à la Онѣгинъ». А вѣдь однимъ изъ такихъ «бѣлоручекъ»-романтиковъ и является, собственно, владѣлецъ Монрепо.

Если Шульце-Геверницъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ по изслѣдованію общественнаго хозяйства Россіи, склоненъ былъ думать, что русскій дворянинъ вообще не столько capital*ist*, сколько capital*esser*, то такими «капиталъ-ѣдоками» были именно дворяне-романтики типа владѣльца Монрепо. Совѣстливые «бѣлоручки», они съ грѣхомъ пополамъ могли вести свое крѣпостное хозяйство, потому что тамъ была «система», снимавшая съ нихъ обязанности личной инициативы и личной отвѣтственности. Но

---

[1]) К. Ѳ. Головинъ (Орловскій). „Русскій романъ и русское общество". Изд. 2-ое. СПБ., 1904 г.

[2]) Въ статьѣ: „Памятникъ россійскому дворянству въ сатирахъ Щедрина".

теперь, съ крушеніемъ «системы», они очутились въ самомъ нелѣпомъ положеніи. Хищническое хозяйство пореформеннаго времени требовало такого напряженія индивидуальной предпріимчивости, къ какому они не были приспособлены. И такъ какъ предпріимчивость, въ условіяхъ наступившаго момента, выражалась, главнымъ образомъ, въ умѣніи выжимать соки изъ своего ближняго, то наши романтики оказались совершенно выкинутыми за бортъ плывущаго корабля. Своимъ брезгливымъ отношеніемъ къ грязному дѣлу «сосанія дурака» они только раздражали хищниковъ. И, конечно, Деруновъ имѣлъ свои основанія отождествлять враждебную отчужденность кондауровскаго барина «съ пущаньемъ промежду себя революціи». Эта ассоціація представленій кажется неожиданной только потому, что она нелѣпо выражена суконнымъ языкомъ невѣжественнаго кабатчика. Но въ ней есть смыслъ, и смыслъ этотъ хорошо былъ усвоенъ не только Деруновыми, но и самимъ дворянствомъ, въ которомъ совѣстливые романтики считались единицами, а къ хищничеству примкнула вся его плотная масса. О кондауровскомъ баринѣ мы знаемъ только, что отъ назойливаго вниманія уѣздныхъ сердцевѣдовъ онъ благополучно ускользнулъ въ столицу. Дальнѣйшее его благополучіе намъ неизвѣстно. Но зачѣмъ намъ интересоваться личною судьбою непремѣнно этого анонима, когда десятки другихъ ему подобныхъ прошли въ сатирахъ Щедрина передъ нашими глазами подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ яростно преслѣдовавшихъ ихъ дворянъ помпадурскаго, ташкентскаго и всякаго иного типа?

«Тайныя симпатіи» къ дворянству, въ которыхъ г. Головинъ заподозрѣваетъ сатирика, могли выразиться у Щедрина развѣ въ томъ только, что съ нашествіемъ «чумазаго» какъ-то черезчуръ ужъ откровенно обнажились въ обществѣ низменные инстинкты. «Безсовѣстность, заручившись союзомъ съ невѣжествомъ и неразвитостью, выбросила на поверхность цѣлую массу людей, которые до того упростили отношенія къ вещамъ и лицамъ, что, не стѣсняясь, возводятъ насиліе на степень единственнаго жизненнаго регулятора... Такого нагло-откровеннаго заявленія «принциповъ» давно не бывало. Прежде, даже въ средѣ самыхъ отпѣтыхъ людей, можно было изрѣдка разслышать слова въ родѣ: великодушіе, совѣсть, долгъ; нынче эти слова окончательно вычеркнуты изъ лексикона торжествующихъ людей» [1]).

VI.

Указать на кабакъ и базаръ, какъ на источникъ тѣхъ ароматовъ, которые наполнили теперь Россію своимъ благоуханіемъ, не значитъ еще идеализировать дворянство или симпатизировать ему. Формулировавъ это свое наблюденіе, Щедринъ и здѣсь прозорливыми глазами своими отмѣтилъ то, что пережила и вся

[1]) Т. X, стр. 343.

Европа. Въ цитированной уже нами работѣ Зомбарта подтверждается, какъ общее явленіе, что капиталистическій духъ вочеловѣчился среди болѣе выдѣляющихся лавочниковъ, въ сферѣ захолустныхъ ростовщиковъ. Пріобрѣтательскія стремленія въ выясненномъ смыслѣ—специфически плебейское душевное состояніе. Но потомъ сами они оказываютъ демократизирующее вліяніе и становятся настоящимъ фундаментомъ современнаго общества. Они дѣйствуютъ разрушительно, главнымъ образомъ, потому, что они быстро распространяются, какъ заразительная болѣзнь, и скоро охватываютъ всѣ круги населенія, даже людей болѣе или менѣе знатныхъ [1]).

Въ своихъ сатирахъ Щедринъ далъ цѣлый рядъ положеній, рисующихъ эпидемическую быстроту и неотвратимость, съ какими этотъ торгашескій духъ проникалъ въ эстетически развитыя души дворянъ. Сатирикъ заглянулъ даже въ интимную глубину самого процесса и въ образѣ «Кузины Машеньки» сумѣлъ посвятить насъ въ тайну превращенія сентиментальной барышни,—изящнаго, почти призрачнаго украшенія дворянскаго салона,—въ закоренѣлую хищницу, поглощенную исключительно однѣми стяжательными заботами. Впрочемъ, сатирикъ не любилъ останавливаться на грубо-кулацкихъ формахъ хозяйничанья мелко-помѣстнаго дворянства. Оно и понятно. На каждую кузину Машеньку въ любомъ уголкѣ Россіи приходилось по десятку Колупаевыхъ, только что вылупившихся изъ хрупкихъ скорлупокъ, въ которыхъ замыкалась жизнь и дѣятельность «хозяйственныхъ мужичковъ». Машенька тонула въ массѣ хищниковъ, выставленныхъ самой пореформенной деревней, и особенно выдѣлять ее изъ этой массы не было никакихъ основаній.

Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ зато сатирикъ отнесся къ инымъ, болѣе сложнымъ формамъ хищничества, которыя, не требуя непосредственнаго общенія съ эксплуатируемымъ объектомъ, имѣли видъ «порядочности и даже щеголеватости». Въ противовѣсъ простому кулачеству, въ которомъ всегда можно указать на лицъ дѣйствующихъ и претерпѣвшихъ, въ сложномъ хищничествѣ—по характеристикѣ Щедрина (въ «Пестр. Письмахъ»)— «дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ, и приходится удивляться, какимъ образомъ человѣкъ, котораго незадолго передъ тѣмъ знали безъ штановъ, въ настоящую минуту ворочаетъ милліонами». Здѣсь воровство имѣетъ видъ полезнаго занятія, хищники называютъ себя дѣльцами, а хищничество представляетъ собою «порядокъ вещей—ничего больше».

Дворяне - отцы, снабженные выкупными свидѣтельствами, облюбовали этотъ видъ хищничества немедленно же вслѣдъ за крестьянской реформой. Въ «Дневникѣ Провинціала» сатирикъ показываетъ, какъ они цѣлыми губерніями двинулись въ столицу и здѣсь въ ресторанахъ ведутъ таинственныя бесѣды на темы о

---

[1]) Зомбартъ, стр. 357.

«полезнѣйшихъ предпріятіяхъ», концессіяхъ, акціяхъ и т. п. пріятныхъ вещахъ. «Какія-то оливковыя личности, не то греки, не то евреи, не то армяне,—словомъ, какіе-то иконописные люди», успѣвшіе, впрочемъ, отгуляться у Бореля и Дюсco, были первыми учителями благороднаго сословія. Наука, повидимому, оказалась не изъ трудныхъ.

По крайней мѣрѣ, въ «Благонамѣренныхъ Рѣчахъ» недавніе ученики выступаютъ уже въ роли соблазнителей, даже руководителей господъ кабатчиковъ.

Деруновъ, къ которому въ качествѣ демона-искусителя явился изъ Питера нѣкій генералъ, нѣкоторое время упирался. Генералъ получилъ какую-то желѣзнодорожную концессію и звалъ Дерунова въ учредители, обѣщая ему баснословныя выгоды. Но Деруновъ подумалъ о Сибири и усумнился. Онъ и самъ понимаетъ, что «забыть бы объ ней надо», о Сибири-то,—«еще бы вольнѣй орудовать можно было!» Но пока еще слишкомъ широкія перспективы смущаютъ его.

Повидимому, только послѣ долгаго раздумья, послѣ спросовъ и разспросовъ у бывалыхъ и знающихъ людей, Деруновъ пошелъ на соблазнительное предложеніе генерала. И ужъ разъ взявшись за пугавшее его вначалѣ дѣло, онъ вошелъ въ него цѣликомъ, съ головой окунувшись въ омутъ «сложнаго хищничества». Онъ весь преобразился. Въ отлично сшитомъ сюртукѣ, въ рубашкѣ, сверкавшей ослѣпительной бѣлизной и брилліантовыми запонками, въ собольей шубѣ и съ новенькимъ цилиндромъ на головѣ, Деруновъ и велъ и чувствовалъ себя совсѣмъ не такъ, какъ въ только-что минувшіе дни своего кулачества. Съ исчезновеніемъ старозавѣтной обстановки, исчезла и прежняя загадочность: выжиманіе гроша втихомолку смѣнилось наглымъ вожделѣніемъ грабежа, и хотя старинный юморъ по временамъ еще сказывается, но имѣетъ уже характеръ случайный, искусственный. Очевидно, что Деруновъ оставилъ уже всякую оглядку, что онъ не будетъ впередъ ни колоколовъ лить, ни пудовыхъ свѣчей къ образамъ ставить, что онъ совсѣмъ бросилъ мысль о гривенникахъ и пятакахъ и задумалъ грабить наголо̀ и въ болѣе приличной формѣ. Всѣ мелкіе виды грабежа, производимые надъ живымъ матеріаломъ и потому сопровождаемые протестомъ въ формѣ оханья и криковъ, онъ представилъ сыну Николаю, самъ же занимается исключительно грабежемъ «отвлеченнымъ», не сопряженнымъ съ криками и стонами, но дающимъ въ нѣсколько часовъ рубль на рубль. Представленіе о Сибири онъ утратилъ или, вѣрнѣе, онъ и теперь еще помнитъ о ней, но знаетъ навѣрное, что Сибирь существуетъ не для него, а для «другихъ-прочихъ».

Какъ ни отрицательно относился Щедринъ къ Дерунову-кабатчику, но Деруновъ-денди, Деруновъ, окруженный бывшими полководцами и блестящей свитой великосвѣтской, военной и штатской молодежи, «кавалергардами», прямо пугаетъ его своей

развернувшейся наглостью. Вѣдь Деруновъ-денди, ворочающій милліонами и располагающій огромнымъ вліяніемъ и связями, не перестаетъ оставаться все тѣмъ же «чумазымъ». Раньше, когда онъ своими пальцами колупалъ на базарѣ сало, когда онъ съ утра и до вечера предавался безконечной хозяйственно-пріобрѣтательской сутолокѣ, это трудовое мыканье могло оправдывать его въ его собственномъ мнѣніи. Теперь онъ оголенъ; онъ ходитъ праздно и, конечно, самъ сознаетъ, что въ его новой жизни нѣтъ и тѣни «труда», а есть только „ничѣмъ не прикрытое ерничество». «Русскій чумазый — говоритъ сатирикъ въ «Мелочахъ жизни»—перенялъ отъ своего западнаго собрата его алчность и жалкую страсть къ внѣшнимъ отличіямъ, но не усвоилъ себѣ ни его подготовки ни его трудолюбія». Въ разговорѣ на эту тему съ Бѣлоголовымъ Щедринъ замѣтилъ, что, будучи самъ «рабочимъ человѣкомъ», онъ не можетъ «не чувствовать уваженія къ той части западно-европейской буржуазіи, которая работаетъ съ утра до вечера самымъ добросовѣстнымъ образомъ и честнымъ трудомъ достигаетъ благосостоянія и обезпеченности; она обладаетъ весьма солидными познаніями и ея труды нерѣдко производительны для всего человѣчества. Не могу же я эту буржуазію ставить на одну доску съ нашей, съ какимъ-нибудь московскимъ фабрикантомъ, ворочающимъ милліонами, и который самъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о трудѣ; онъ даже въ техникѣ своего производства не имѣетъ ясныхъ понятій и не слѣдитъ за его усовершенствованіемъ, а ограничивается тѣмъ, что нанимаетъ для фабрики англичанина управляющаго, платитъ по 25.000 р. въ годъ, тотъ ведетъ дѣло, и нашъ фабрикантъ только или собираетъ деньги въ кубышку или спускаетъ ихъ въ Купавино» [1]).

На основаніи этой бесѣды докторъ Бѣлоголовый дѣлаетъ наивную попытку доказать, что Салтыкову чуждо было соціалистическое міровоззрѣніе.

А между тѣмъ Салтыковъ отлично понималъ, что европейскій буржуа дошелъ до своего предѣла, дальше котораго ему двинуться некуда. Ни героизмъ ни идеалы ему не подъ силу. Онъ слишкомъ отяжелѣлъ, чтобы не пугаться при одной мысли о личномъ самоотверженіи, и слишкомъ удовлетворенъ, чтобы нуждаться въ расширеніи горизонтовъ. Блестяще написанная въ этомъ смыслѣ характеристика французскаго буржуа (въ очеркахъ «За рубежомъ») является лучшимъ аргументомъ противъ положенія Бѣлоголоваго [2]). Что же касается особливо подчеркнутаго Бѣлоголовымъ уваженія сатирика къ работоспособности западноевропейской буржуазіи, то оно показываетъ только желаніе собесѣдника оттѣнить причины своего отрицательнаго отношенія къ невѣжественной и праздной буржуазіи россійскаго типа. Изъ

---

[1]) Н. А. Бѣлоголовый. „Воспоминанія и др. статьи“. М. 1897 г., стр. 257
[2]) Т. VIII, стр. 590—593.

этого противопоставленія для насъ ясно только одно, что Салтыковъ просто упустилъ въ разговорѣ изъ виду, что не изъ чрева же матери появился на свѣтъ европейскій буржуа, вооруженный знаніемъ и энергіей [1]). Накопленію этихъ качествъ предшествовало на Западѣ длинная исторія, въ теченіе которой европейскія государства, по выраженію Маркса, «фабриковали фабрикантовъ искусственными средствами», при помощи протекціонной системы. Покровительственныя пошлины, вывозныя преміи, монополіи,— все это, и въ большихъ дозахъ, пускалось въ ходъ прежде, чѣмъ европейскій чумазый пріобрѣлъ болѣе или менѣе приличный видъ. Для достиженія этой цѣли европейскія правительства не разъ, по примѣру Кольбера, снабжали промышленниковъ первоначальнымъ капиталомъ непосредственно изъ государственныхъ фондовъ, а то при случаѣ—не отступали и передъ такими кровавыми операціями, какъ насильственное уничтоженіе всей промышленности въ зависимыхъ сосѣднихъ странахъ, какъ поступило англійское правительство съ шерстяной мануфактурой Ирландіи.

Нашъ чумазый, чуть ли ни съ перваго же момента своего публичнаго выступленія, началъ взывать къ государственному правительству. На первыхъ ступеняхъ своего соціальнаго развитія онъ способенъ лишь безтолково горланить объ этомъ.—Очеркъ «Опять въ дорогѣ» (напечатанъ въ 1873 г. въ 10 кн. „От. Зап.») даетъ, между прочимъ, живописную сценку у перевоза, возлѣ большого села, извѣстнаго производствомъ сапоговъ. Воздухъ насыщенъ сквернословіемъ. «Мать—мать—мать—ма-а-ать!»—словно горохъ перекатывается съ одного берега до другого. Это переругиваются съ перевозчиками мелкіе скупщики и мастера. Они жалуются на сердитыя времена: «сапогъ въ заминкѣ, совсѣмъ сапогъ остановился!» И хотя изъ разговоровъ явствуетъ, что заминка случилась, главнымъ образомъ, отъ неудовлетворительнаго качества сапога («прежде хоть кардону не жалѣли, а нынче и кардону стало жаль»), тѣмъ не менѣе все свое негодованіе чумазый обрушиваетъ на мѣшающихъ ему конкурентовъ. «Аршавскій сапогъ въ ходъ пошелъ—вотъ что!», и отсюда выводъ «надо запретить его. Извѣстно, отъ начальства поддержки не видимъ— вотъ и бѣдствуемъ!»..

Безсвязное галдѣніе внизу превращается на верхнихъ ступеняхъ чумазовской лѣстницы во властное велѣніе людей, сознавшихъ свою политическую силу. И не только изъ сатиръ Щедрина мы знаемъ, какимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ чумазаго оказалась государственная власть. Заранѣе предсказанное сатирикомъ завоевательное движеніе чумазаго превращается въ тріумфальное шествіе, запечатлѣнное цѣлымъ рядомъ блестя-

[1]) Въ „Убѣжищѣ Монрепо" сатирикъ, точно также изумляясь „неслыханному трудолюбію" европейскаго буржуа, говоритъ, что этотъ послѣдній завоевалъ себѣ общественное положеніе „не безъ участія кровопивства". Вл. Кр.

щихъ побѣдъ и одолѣній. Первую такую побѣду подарилъ русской буржуазіи 1877-й годъ, когда переведенныя на золото таможенныя ставки на всѣ товары сразу и огуломъ повышены были, по крайней мѣрѣ, на 50 %. И съ этого времени и до нашихъ дней вся наша таможенная политика, неуклонно прогрессируя въ одномъ только смыслѣ прогрессивнаго увеличенія тарифныхъ ставокъ, какъ будто поставила передъ собой единственную цѣль извлечь изъ потребителя всѣ соки на пользу и процвѣтаніе доморощенныхъ хищниковъ.

Вл. Кранихфельдъ.

Изъ воспоминаній участника земскихъ съѣздовъ.

Очередныя земскія собранія 1904 года встрѣтили значительныя препятствія формальнаго характера по проведенію извѣстныхъ ноябрьскихъ резолюцій съѣзда земскихъ дѣятелей. Въ то время внутренняя политика для земскихъ собраній являлась еще запретнымъ плодомъ. Губернаторы и большинство губернскихъ предводителей дворянства были поражены радикализмомъ ноябрьскихъ постановленій, и даже мнѣніе меньшинства вызывало въ нихъ страхъ и ироническія замѣчанія на тему о томъ, что мы не прочь бы получить и луну въ руки. Съ другой стороны, банкеты, устроенные по всей Россіи, принятыя на нихъ резолюціи и вообще сочувствіе всей интеллигентной Россіи положеніямъ, высказаннымъ на ноябрьскомъ съѣздѣ, заставляли многихъ изъ губернскихъ предводителей дворянства, боясь упрековъ въ обскурантизмѣ, найти такую форму постановленій земскихъ собраній, чтобы, съ одной стороны, не поплатиться лично за допущенное обсужденіе подобныхъ вопросовъ, а съ другой стороны—допустить если не обсужденіе ихъ по существу, то, по крайней мѣрѣ, принятіе такихъ резолюцій, за которыя не было бы стыдно предъ мыслящей Россіей. Исходъ былъ найденъ въ поднесеніи вѣрноподданныхъ адресовъ по случаю рожденія Наслѣдника. Первымъ этотъ путь примѣнило калужское собраніе. Среди массы любезныхъ фразъ и пожеланій были сдѣланы опредѣленныя указанія на необходимость реформъ внутреннихъ и на призывъ представителей страны къ дѣлу государственнаго строительства. Все это было сказано робко, но и это было ново и по тѣмъ временамъ смѣло. Мы съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта Государя, такъ какъ отъ этого зависѣла возможность дальнѣйшаго проведенія черезъ собранія резолюцій по вопросамъ внутренней политики. Адресы слѣдующихъ губерній становились все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе, хотя по формѣ оставались тѣми же робкими. Воронежское собраніе по случаю мобилизаціи было перенесено министромъ внутреннихъ дѣлъ на январь; это въ значительной степени облегчало нашу задачу проведеніе адреса приличнаго и по существу и по формѣ, а задача

эта была нелегкая. Когда 2 ноября 1904 года въ Москвѣ на засѣданіи земцевъ-конституціоналистовъ производили опросъ, сколько въ губернскихъ собраніяхъ каждой губерніи найдется гласныхъ, готовыхъ высказаться за опредѣленную конституціонную программу, то мы воронежцы (насъ было 5) долго считали и, наконецъ, заявили, что изъ всего собранія 8 человѣкъ выскажутся опредѣленно и 4 подъ сомнѣніемъ, остальные же, навѣрное, ее отвергнутъ. Воронежское собраніе было 12 января 1905 года, т. е. тотчасъ за кровавыми событіями въ Петербургѣ 9 января; эти событія сильно взволновали земское собраніе и въ значительной степени помогли провести адресъ. Комиссія изъ 12 человѣкъ, видя, что наиболѣе вліятельные члены правой еще не пріѣхали, рѣшила выработать редакцію адреса въ первый же день, не дожидаясь прибытія главарей правой. Предсѣдатель собранія заявилъ намъ, что онъ пуститъ всякую редакцію, какъ бы рѣзка она ни была, лишь бы за нее высказалось не менѣе $^2/_3$ членовъ собранія. Предсѣдатель собранія, ознакомившись съ проектомъ редакціи, не нашелъ возможнымъ обсуждать ее въ публичномъ засѣданіи, почему и пришлось устроить предварительно закрытое засѣданіе, продолжавшееся около 4-хъ часовъ и кончившееся тѣмъ, что намъ пришлось поступиться ясностью, сохранивъ, впрочемъ, смыслъ полностью. 13 января, въ день, назначенный для обсужденія адреса, домъ дворянскаго собранія, гдѣ происходили засѣданія земскаго собранія, былъ переполненъ публикой,—не только ходы, но и мѣста за коллонами представляли изъ себя сплошное море головъ; такого стеченія публики не собиралось, кажется, даже на концертъ Шаляпина. И публика, и гласные были настроены нервно, возбужденно; четырехчасовой перерывъ для закрытаго засѣданія еще болѣе приподнялъ настроеніе. Въ закрытомъ совѣщаніи рѣшено было выработанную въ немъ редакцію адреса принять въ открытомъ собраніи уже безъ преній, и только одинъ Н. А. Безруковъ заявилъ, что онъ будетъ возражать.

При гробовомъ молчаніи тысячной толпы былъ прочтенъ слѣдующій проектъ адреса: Государь! Воронежское губернское земское собраніе, приступая впервые послѣ рожденія Наслѣдника Цесаревича къ своимъ очереднымъ занятіямъ, проситъ Васъ, Государь и Государыня, принять его поздравленіе съ этимъ радостнымъ событіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по долгу принятой присяги, не можетъ не высказать совершенно открыто то, что оно считаетъ правдой по отношенію къ переживаемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ горестнымъ событіямъ, завершившимся на этихъ дняхъ зловѣщимъ кровопролитіемъ на улицахъ Вашей столицы. Глубоко потрясенное этимъ послѣднимъ, являющимся въ существѣ своемъ лишь однимъ изъ проявленій того неустройства нашего, которымъ порождены всѣ означенныя событія, неустройства офиціально признаннаго съ высоты Престола въ Вы-

сочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 12 декабря 1904 года, собраніе твердо вѣритъ, что лишь немедленный призывъ свободно избранныхъ представителей всего народа для разработки реформъ, направленныхъ къ устраненію существующаго произвола и безотвѣтственности администраціи и къ водворенію господства права въ нашемъ отечествѣ, можетъ внести надлежащее успокоеніе и устранить распространеніе по всей Россіи подобныхъ же кровавыхъ событій, а также установить на незыблемыхъ основаніяхъ тѣ правовые устои, при которыхъ только возможны преуспѣяніе и дальнѣйшее развитіе дорогого нашего отечества. Сдѣлать это необходимо тѣмъ болѣе, что историческія условія, при которыхъ сложился современный нашъ строй, существенно измѣнились, внутренняя жизнь Россіи и ея задачи осложнились, общественное правосознаніе выросло. Только переустройство ея на началахъ истиннаго правового государства съ постояннымъ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти позволитъ нашей странѣ итти не позади, а рядомъ съ другими культурными европейскими государствами подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества". Возраженіе Безрукова и отказъ 3-хъ членовъ собранія отъ подписи адреса были встрѣчены тоже молчаніемъ, но зато какъ только адресъ былъ принятъ большинствомъ 49 противъ 3-хъ, и предсѣдатель собранія объявилъ собраніе закрытымъ, раздался громъ аплодисментовъ и криковъ: „браво земцы!", „молодцы, честно выполнили свой долгъ!"; однако, скоро среди аплодисментовъ послышались свистки, шиканье, возгласы: „учредительное собраніе!", „не того просите!" „земцы мерзавцы!", „продаютъ!" и такъ далѣе. Гвалтъ поднялся страшный: обѣ группы демонстрантовъ стремились перекричать другъ друга. Вдругъ молодой сильный баритонъ, перекричавъ всѣхъ, провозгласилъ впервые подъ сводами дворянскаго собранія „извѣстную русскую поговорку". Крики, шумъ, свистъ, аплодисменты еще усилились. Въ это время часть публики, начавшая уже выходить на улицы, хлынула обратно въ залъ съ крикомъ: „на улицѣ полиція, арестовываетъ и бьетъ"; смятеніе увеличилось, послышались истерическія рыданія. По просьбѣ гласныхъ, губернскій предводитель дворянства попросилъ губернатора убрать полицію, что и было исполнено. Тогда присутствующіе потребовали освобожденія арестованныхъ (ихъ было три), на что тоже было получено согласіе губернатора, но тогда публика нашла необходимымъ, ранѣе освобожденія арестованныхъ, подвергнуть ихъ врачебному осмотру, чтобы выяснить вопросъ объ избіеніи ихъ при арестѣ; сейчасъ же были командированы два врача по выбору публики; произведеннымъ осмотромъ было установлено, что арестованные избиты не были. Собраніе было закрыто около пяти часовъ, а разошлась публика около 12 часовъ ночи. Демонстрація, произведенная

публикой послѣ принятія адреса, вызвала со стороны губернатора распоряженіе о закрытіи дверей, а гласные, находя это распоряженіе незаконнымъ, не подчинились ему и, отказавшись заниматься при закрытыхъ дверяхъ, разъѣхались. Адресъ въ концѣ концовъ попалъ въ руки Государя и безъ всякихъ на немъ отмѣтокъ былъ переданъ въ Комитетъ министровъ. Въ мартовскомъ экстренномъ собраніи были произведены выборы членовъ: 1) для участія въ общеземскихъ совѣщаніяхъ и въ комиссію; 2) для выработки проекта мѣропріятій по поводу рескрипта 18 февраля 1905 года. Въ составъ первой комиссіи вошли: К. К. Шуриновъ, П. Я. Ростовцевъ, А. Г. Хрущовъ и кандидатами: С. И. Шидловскій и В. Н. Томановскій. Такихъ результатовъ удалось добиться только потому, что представители правой не ожидали никакихъ милостей и благъ отъ этихъ съѣздовъ, они ясно видѣли въ тѣ времена, что здѣсь дѣло пахнетъ чѣмъ-то въ родѣ кутузки.

II.

Первый съѣздъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній происходилъ въ Москвѣ съ 22 по 26 апрѣля. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ переговоровъ бюро съ представителями московской администраціи о допущеніи съѣзда; кончились эти переговоры, конечно, категорическимъ запрещеніемъ, о чемъ мы, всѣ участники съѣзда, были предупреждены черезъ мѣстныхъ губернаторовъ съ указаніемъ на тѣ статьи закона, по которымъ мы будемъ отвѣчать въ случаѣ ослушанія, но это запрещеніе насъ не безпокоило,—ни для бюро, ни для насъ не было никакого сомнѣнія, что съѣздъ состоится. Гораздо болѣе опасеній вызывали будущія постановленія съѣзда, составъ котораго былъ въ значительной степени обновленъ и дополненъ, при чемъ участіе новыхъ членовъ было для насъ обязательно, т. к. въ совѣщаніи могли участвовать лишь тѣ, кто были избраны своими губернскими собраніями. Могли, значитъ, попасть люди совершенно иныхъ съ нами взглядовъ. А между тѣмъ во взглядахъ общества за время съ ноября до апрѣля произошла огромная эволюція. Въ ноябрѣ земцы первые громко провозгласили декларацію правъ человѣка и гражданина и, какъ на гарантію ихъ, указали на необходимость конституціоннаго образа правленія, не вдаваясь правда въ детали, не предрѣшая вопроса объ избирательномъ законѣ и другихъ основахъ будущаго строя. Ко времени же созыва апрѣльскаго съѣзда русская интеллигенція пошла значительно дальше ноябрьскихъ постановленій: она выставила необходимость всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосовъ, уравненіе въ правахъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, однимъ словомъ, выработала основу самой широкой демократической конституціи. Для насъ, сторонниковъ тѣхъ же взглядовъ,

участниковъ съѣзда, хотя и спѣвшихся уже между собой, но не рѣшившихся еще въ ноябрѣ или на земскихъ собраніяхъ провозгласить открыто свои взгляды, являлось сильное опасеніе, что взгляды эти, провозглашенные впервые въ земской средѣ, да еще столь разнородной, могутъ провалиться, а этимъ, конечно, была бы закончена историческая роль земства. Разъ же всѣ эти положенія будутъ приняты, то мы могли соглашаться и принимать резолюціи, призывающія общество къ послѣднимъ попыткамъ мирныхъ переговоровъ съ правительствомъ, ибо хотя большинство изъ насъ глубоко было убѣждено въ безцѣльности всякихъ обращеній къ правительству въ формѣ петицій и представленій, но и въ публикѣ, а главное, въ средѣ вновь избранныхъ земцевъ, многіе еще вѣрили въ возможность получить что-либо путное сверху, да и форма петицій къ правительству значительно облегчала проведеніе самыхъ резолюцій. Съѣздъ открылся и пошелъ безъ инциндентовъ со стороны полиціи. Докладъ по главному вопросу объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій былъ сдѣланъ Ф. Ф. Кокошкинымъ. Это цѣлый научный трактатъ, чтеніе котораго заняло болѣе 4-хъ часовъ. Я не нахожу возможнымъ излагать его, а ограничиваюсь только тезисами къ нему, съ отмѣткой болѣе серьезныхъ возраженій за и противъ каждаго положенія. Вступительная формула была слѣдующаго содержанія: совѣщаніе земскихъ дѣятелей 22—26 апрѣля 1905 года, продолжая работу совѣщанія 6—9 ноября 1904 г. на основаніи установленныхъ имъ началъ и въ твердомъ убѣжденіи, что лишь правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, установленіи государственнаго бюджета и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи мо[illegible] только создать прочный правовой порядокъ, но и обезпечить успѣш[illegible]веденіе мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для поднятія народна[illegible]лагосостоянія, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ [1]).

1) Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни, такъ называемое, представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ, или группъ населенія).

Первая часть (о сословномъ началѣ) принята единогласно. Вторая часть (о представительствѣ интересовъ)—большинствомъ противъ 17.

2) Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

[1]) Была принята единогласно безъ преній.

а) Необходимы выборы отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ.

б) Вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т. е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

в) Наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

г) Обѣ палаты должны быть равноправны.

Первые два тезиса его приняты большинствомъ 127 противъ 8 голосовъ группы Д. Н. Шипова. Самъ Д. Н. Шиповъ, хотя не выборный московскимъ земствомъ, былъ приглашенъ, какъ членъ бюро ноябрьскаго съѣзда. Въ рѣчи, сказанной имъ противъ всеобщаго избирательнаго права, онъ доказывалъ, что нельзя пренебрегать земствомъ, такъ много сдѣлавшимъ въ теченіе своего 40-лѣтняго существованія, что земство является единственной частью русскаго общества, привыкшаго къ общественной дѣятельности и умѣющаго не только стойко отстаивать свои права, но и добросовѣстно исполняетъ предъ народомъ свои обязанности и, что, являясь учрежденіемъ всесословнымъ, оно въ достаточной мѣрѣ удовлетворяетъ принципу всеобщности; дальнѣйшее же развитіе этого принципа можетъ лишить страну участія въ выработкѣ столь важныхъ законовъ наиболѣе организованную и подготовленную, въ смыслѣ общественной дѣятельности, группу общества. Пренія были довольно жаркія. Въ одной изъ рѣчей была даже сказана фраза: „пора вамъ, Д. Н., сбросить маску и сказать, зачѣмъ вы къ намъ пришли“, вызвавшая протестъ со стороны всѣхъ участниковъ съѣзда, потребовавшихъ объясненія; оказалось, что вызвана она была тѣмъ обстоятельствомъ, что въ газетѣ „Русь“ была напечатана записка Шипова съ указаніемъ на необходимость законосовѣщательнаго учрежденія; въ запискѣ же, розданной при входѣ на съѣздъ, вопросъ о дѣятельности будущихъ народныхъ представителей былъ обойденъ молчаніемъ. Вообще положеніе Д. Н. Шипова было не изъ легкихъ: первый иниціаторъ земскихъ организацій, колоссальный организаторскій талантъ, сумѣвшій объединить всю земскую Россію, дѣйствовавшій все время только въ силу своихъ убѣжденій, Д. Н. очутился въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Изъ всей его группы теперь остались вѣрны славянофильскому теченію онъ, М. А. Стаховичъ, да, кажется, еще Хомяковъ, хотя послѣдній пошелъ, повидимому, дальше направо. Голосованіе дало въ пользу

проекта Шипова только 8 голосовъ, и больше на засѣданіяхъ онъ уже не появлялся.

Большіе споры вызвалъ вопросъ о двухъ палатахъ, равныхъ въ своихъ правахъ. Въ концѣ концовъ было поставлено на баллотировку три предложенія; одно большинства и два меньшинства.

3) Мнѣніе большинства (71 голосъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (37 голосовъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (17 голосовъ). Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ—губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ, тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями городского рабочаго класса и высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій;

б) въ внѣземскихъ губерніяхъ (9 губерній Западнаго края, Область Войска Донского, Прибалтійскія, Привислинскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ окраинъ.

Далѣе на съѣздѣ были приняты еще слѣдующія резолюціи:

4) Никакое правильное представительное собраніе, однако, невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ предоставлены населенію неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены положенія объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

5) Только немедленный созывъ народнаго представительства съ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти можетъ привести къ мирному и правильному разрѣшенію насущныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ современной жизни Россіи.

6) Если окажется, что представители земства и городовъ могутъ участвовать въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, а не по приглашенію правительства, и при томъ на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія, и если участіе въ выборахъ такихъ представителей будетъ предоставлено всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, то желательно, чтобы они участвовали въ совѣщаніи во всѣхъ стадіяхъ его дѣятельности. Въ противномъ случаѣ общественнымъ дѣятелямъ лучше было бы уклониться отъ участія въ этихъ совѣщаніяхъ. Но и при участіи общественнаго элемента дѣятельность совѣщанія можетъ быть лишь тогда плодотворна, если она будетъ доступна самой широкой гласности.

7) Задача особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина, должна заключаться въ выработкѣ: а) порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе, которое должно имѣть право участія въ осуществленіи законодательной власти; б) общихъ условій, необходимыхъ для производства свободныхъ выборовъ, а именно: отмѣны положенія о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и спокойствія отъ 14 августа 1881 г., широкой политической амнистіи, отмѣны дискреціонной власти надъ крестьянами земскихъ начальниковъ и волостного и сельскаго начальства, установленія права собраній и союзовъ и права свободнаго выраженія мысли путемъ слова и печати.

8) Главной задачей перваго представительнаго собранія должно быть не столько законодательство по частнымъ вопросамъ, сколько установленіе государственнаго правопорядка.

Б. По вопросу объ участіи земскихъ дѣятелей въ правительственныхъ комиссіяхъ.

9) Совѣщаніе, признавая, что въ настоящее время бюрократическая законодательная работа совершенно безплодна и нежелательна, полагаетъ, что земскимъ дѣятелямъ надлежитъ относиться отрицательно къ участію въ правительственныхъ комиссіяхъ и въ частности въ комиссіи по пересмотру земскаго положенія.

10) Совѣщаніе, относясь отрицательно къ возможности организовать борьбу съ холерой, на основаніи правилъ 11 августа 1903 г., находитъ необходимымъ настаивать на немедленной пріостановкѣ, а затѣмъ и отмѣнѣ этихъ правилъ. Всѣ мѣропріятія и работы по борьбѣ съ холерой должны быть сосредоточены въ рукахъ органовъ общественнаго самоуправленія, коимъ по закону вмѣнена обязанность заботиться о народномъ здравіи вообще и борьба съ заразными болѣзнями въ частности.

11) Совѣщаніе признаетъ невозможнымъ для общественныхъ дѣятелей принимать участіе во временныхъ уѣздныхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ

на основаніи Высочайшаго указа отъ 10 апрѣля 1905 г., о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ, торговопромышленныхъ заведеній и проч. крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, т. к. сама организація въ этихъ комиссіяхъ разбирательства дѣла о вознагражденіи потерпѣвшихъ находится въ противорѣчіи съ принципомъ права, требующимъ безпристрастнаго рѣшенія законнаго суда, не соотвѣтствуетъ нравственнымъ понятіямъ многихъ лицъ и вызоветъ не успокоеніе населенія, а новое обостреніе классовыхъ интересовъ. Для правильнаго и мирнаго разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности участниковъ вышеозначенныхъ безпорядковъ необходимо немедленное упраздненіе названныхъ комиссій и передача подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ.

В. По вопросу о проведеніи въ жизнь вышеприведенныхъ положеній совѣщаніе постановило выразить слѣдующія положенія:

1) чтобы заключенія совѣщанія черезъ посредство бюро и членовъ совѣщанія были преданы возможно широкой гласности,

2) чтобы члены совѣщанія довели его заключенія до свѣдѣнія подлежащихъ земскихъ собраній,

3) чтобы губернскими и уѣздными земскими управами были приняты мѣры для ознакомленія мѣстнаго населенія съ содержаніемъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года и Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля 1905 года,

4) чтобы въ ближайшемъ будущемъ были созваны губернскія земскія собранія для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля 1905 года, и для представленій о необходимости отмѣны указа 10 апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ и торговопромышленныхъ заведеній крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

На этомъ съѣздѣ впервые былъ возбужденъ и аграрный вопросъ, разработкой котораго занималось уже и ранѣе бюро группы конституціоналистовъ, результатомъ чего былъ аграрный съѣздъ 27—29 апрѣля сего года. Такимъ образомъ, ноябрьскій съѣздъ провозгласилъ декларацію правъ человѣка и гражданина, апрѣльскій же выработалъ и установилъ тѣ начала, на которыхъ долженъ быть созданъ основной законъ Россійской Имперіи.

Такъ обстояло дѣло, когда послѣ Цусимскаго пораженія мы были вызваны тревожными телеграммами Ф. А. Головина въ Москву на 24 мая. Оказалось, что къ этому времени собрались въ Москвѣ городскіе головы почти изъ всей Россіи, Шиповская группа и земцы конституціоналисты; въ виду этого. бюро рѣшило собрать земскій съѣздъ для того, чтобы совмѣстно

со всѣми этими группами сдѣлать послѣднюю попытку добиться чего-либо отъ правительства. Коалиціонный съѣздъ имѣлъ еще болѣе пеструю физіономію, чѣмъ съѣзды земскіе,—здѣсь была самая разнообразная публика. Въ соединенное бюро было представлено два проекта петиціи на имя Государя, но оба они были забракованы,—одинъ, какъ слишкомъ рѣзкій, а другой, по причинѣ обратной. Тогда за составленіе петиціи взялся С. Н. Трубецкой. Весь первый день ушелъ на пренія по поводу составленнаго имъ адреса.

Взгляды членовъ собранія были до такой степени различны, что въ первый день мы начали терять надежду сговориться на чемъ-нибудь; адресъ Трубецкого былъ забракованъ, и была избрана особая комиссія, въ составъ которой вошелъ тотъ же Трубецкой, а вечеромъ пошли сговоры; большинство доказывало, что заявленіе объединенныхъ группъ, хотя и не вполнѣ опредѣленное, должно обязательно произвести давленіе на правительство, что нѣтъ основаній спорить изъ-за редакцій, нѣтъ основаній требовать опредѣленности выраженій, такъ какъ уже самый фактъ пріема депутаціи будетъ очень важенъ, а еще важнѣе будетъ то, что скажетъ она на словахъ. Многіе открыто заявляли, что они уже извѣрились въ путь петиціи и соглашаются на нее, дабы убѣдить тѣхъ, которые надѣются еще получить что-либо этимъ путемъ. Благодаря такимъ соображеніямъ въ концѣ концовъ былъ принятъ текстъ петиціи, собственно, неудовлетворящій ни одну изъ группъ, но зато была избрана депутація исключительно изъ представителей конституціонныхъ требованій.

Пріемъ депутаціи, вся обстановка пріема и признесеніе рѣчи, какъ все это было изложено въ газетахъ, произвели на вѣрившихъ еще въ возможность полученія чего-либо сверху, довольно пріятное впечатлѣніе и внесли нѣкоторое успокоеніе. Правда, и намъ, не вѣрующимъ, стало нѣсколько легче; уже не только гг. земскіе начальники и дворяне изъ охранителей, но и губернаторы должны были пообождать съ кличками „крамольники", враги отечества и т. д., а уже одно это давало возможность болѣе свободно и опредѣленно вести дѣло во всякихъ собраніяхъ и прекрасно вліяло на нейтральныхъ и колеблющихся; но недолго такъ обстояло дѣло. Вслѣдъ за депутаціей городскихъ и земскихъ дѣятелей пошли депутаціи членовъ союза разныхъ „Русскихъ людей", посыпались адресы и приговоры разныхъ обывателей просившихъ совсѣмъ иного, чѣмъ земцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромныя области объявлялись не только на положеніи усиленной охраны, но и на военномъ положеніи, начались репрессіи, положеніе печати ухудшилось, различныя правительственныя комиссіи продолжали работать по самымъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ будто никакого измѣненія курса во внутренней политикѣ не произошло

и не предстояло; усилились преданія военному суду политическихъ преступниковъ, и начались казни; все это ясно указывало на усиленіе реакціи. 1 іюля состоялось воронежское губернское собраніе, которому комиссія о государственныхъ улучшеніяхъ должна была представить свой докладъ. Уже при занятіяхъ комиссіи видно было, какъ рѣзко измѣнились обстоятельства, видно было, что вѣтеръ подулъ уже съ другой стороны; наши „генералы", благоразумно уклонившіеся отъ подписанія адреса въ январѣ, опоздавъ на день въ собраніе, говоря, что они не считаютъ себя въ правѣ подписать то, въ обсужденіи чего они не участвовали, теперь принимали самое дѣятельное участіе не только въ составленіи доклада, но и въ проведеніи его въ земскомъ собраніи. Избраніе комиссіи было по формальнымъ основаніямъ опротестовано губернаторомъ, но въ первый же день эта формальность была устранена, и докладъ былъ представленъ въ собраніе. Принятію его, правда, предшествовали частныя совѣщанія и бесѣды по гостиницамъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ единогласно при 66 членахъ, при чемъ его приняли даже тайные совѣтники въ родѣ И. А. Звегинцева, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, только-что возвратившагося изъ Курска, гдѣ онъ „усмирялъ аграрные безпорядки". Противъ него не возражалъ даже теперешній воронежскій губернаторъ М. М. Бибиковъ.

Докладъ комиссіи по усовершенствованію государственнаго благоустройства.

Приступивъ къ исполненію возложенной на нее задачи, комиссія имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе губернскаго собранія нижеслѣдующія соображенія и основанныя на нихъ выводы.

Господствующій въ Россіи приказный строй породилъ нынѣ нами переживаемый глубокій разладъ между страною и правительствомъ. Когда правительство ставитъ себя въ странѣ какъ независимая высшая сила, признающая интересы общаго блага исключительно своимъ удѣломъ и низводящая народъ до степени агломерата пассивныхъ подвластныхъ, тогда не можетъ не проявиться подобнаго разлада. Онъ разростается все болѣе и болѣе, выразившись въ самомъ возникновеніи и ходѣ настоящей войны и въ переживаемомъ ураганѣ внутреннихъ событій: январскихъ петербургскихъ дней, лодзинскихъ, варшавскихъ, кавказскихъ, либавскихъ, иваново-вознесенскихъ, одесскихъ и иныхъ безпорядкахъ, въ рабочихъ и крестьянскихъ волненіяхъ и даже въ бунтѣ на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій". Никто болѣе нашего правительства не испыталъ на себѣ справедливости мудраго изрѣченія: „кто сѣетъ вѣтеръ—пожинаетъ бурю". Разладъ этотъ угрожаетъ нашему отечеству громадными опасностями, ставя на карту будущность Россіи и ея династіи, и чѣмъ долѣе онъ продол-

жится, тѣмъ большими становятся эти опасности. Необходимо не медлить ни одного дня; спѣшить, во что бы то ни стало, дабы не потерять дорогой для всѣхъ друзей порядка и прогресса надежды на мирное разрѣшеніе переживаемыхъ тяжелыхъ условій, дабы избавить Россію отъ омута западной анархіи или нашей пугачевщины.

Разрѣшеніе этихъ тяжелыхъ условій не можетъ заключаться въ какихъ-либо палліативахъ, ни тѣмъ паче въ частичныхъ реформахъ. Зло заключается въ самой основѣ господствующаго строя, какъ приказнаго, и потому должно быть устраненно ни чѣмъ другимъ, какъ замѣною этой основы другой, коренныхъ преобразованіемъ этого строя. Нынѣшній режимъ совершенно вытѣсняетъ господство въ обществѣ закона, т. е. того, что составляетъ краеугольный камень всякой гражданственности и культуры. У общества нѣтъ никакого выхода для осуществленія своихъ легальныхъ стремленій, чѣмъ и объясняются тѣ уродливыя формы, въ которыя выливаются столкновенія между правительствомъ и обществомъ, постоянно возникающія среди окутывающаго ихъ общественно-политическаго сна. Активная борьба съ господствующимъ режимомъ сосредоточилась въ рукахъ самой крайней фракціи; партіи же среднія, всего больше дорожащія порядкомъ и прогрессивнымъ культурнымъ развитіемъ страны, очутились подъ дѣйствіемъ, съ одной стороны, террористическихъ и потому въ существѣ своемъ нигилистическихъ актовъ правительства сверху, и съ другой, такихъ же террористическихъ актовъ крайней революціонной партіи снизу. И дѣйствительно, подобный режимъ безотвѣтственной, ничѣмъ не связанной въ проявленіи своей власти бюрократіи, не можетъ не быть признанъ нигилистическимъ. А между тѣмъ, продолжается онъ въ этомъ видѣ безпрерывно уже нѣсколько десятилѣтій. Такъ далѣе жить нельзя—таковъ кличъ, единодушно раздающійся во всей измученной и растерзанной всѣми внѣшними и внутренними несчастіями странѣ, отъ верхнихъ слоевъ населенія до нижнихъ. Ничто болѣе ясно и рельефно, на ряду съ переживаемыми событіями, не учитъ, въ чемъ собственно должно заключаться предстоящее преобразованіе, какъ ужасная нынѣшняя японская война. И это неудивительно, ибо она, какъ всякая вообще война, является лучшимъ для народа экзаменомъ, вѣрнѣйшею провѣркою его культурныхъ силъ въ данный моментъ.

Отъ обстоятельствъ и событій, непосредственно вызвавшихъ эту войну, какъ и отъ всего вообще касающагося управленія государствомъ, общество держалось правительствомъ совершенно вдали. Уже по этой одной причинѣ война не могла стать въ обществѣ популярной. На этой непопулярности войны правительство само испытало дѣйствіе той инертности, которую оно постоянно и послѣдовательно воспитывало въ обществѣ дѣйствіемъ своего приказнаго строя. Общественное мнѣніе, впрочемъ, относи-

лось къ настоящей войнѣ отрицательно еще и потому, что было всецѣло поглощено вопросами внутренняго неустройства и гнета, требовавшими выхода во что бы то ни стало, и что считало дальне-восточный вопросъ затѣяннымъ бюрократіей совершенно не во время и некстати.

Японская война уже стоила Россіи многихъ тысячъ человѣческихъ жизней и многихъ милліоновъ рублей. Пока она окончится, жертвы эти будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Кромѣ того, потребуются громадныя средства для залѣченія ранъ, причиненныхъ ею государственному и народному хозяйству. А между тѣмъ народъ обѣднѣлъ: взять съ него болѣе нечего. Только организація силъ народа на началахъ свободы и правового порядка можетъ вывести насъ изъ переживаемаго тяжелаго положенія, только она одна можетъ поднять нетронутыя еще богатства страны и дать имъ производительное развитіе.

Сумѣетъ ли Россія сорганизоваться во время, пока еще не поздно, и при томъ такъ, чтобы страна въ организаціи этой нашла дѣйствительное успокоеніе—таковъ жгучій вопросъ переживаемой минуты, отъ правильнаго разрѣшенія коего зависитъ все будущее нашего отечества.

Губернскому земскому собранію невозможно заняться подробной разработкой всѣхъ вопросовъ, обнимаемыхъ предстоящей реформой. Эта задача слишкомъ сложная, требующая массы труда и времени. Но оно можетъ указать тѣ главныя начала и принципы, на которыхъ, по его крайнему убѣжденію, должна быть построена эта реформа. Дѣло идетъ о полномъ обновленіи внутренняго строя Россіи, о замѣнѣ бюрократической опеки самодѣятельностью общества и его членовъ и бюрократическаго произвола господствомъ въ странѣ закона, а также въ созданіи тѣхъ необходимыхъ гарантій, при которыхъ все это осуществлялось бы ненарушимо. Существованіе же такихъ гарантій возможно лишь тамъ, гдѣ дѣло управленія признано задачей не одного только правительства, а всей страны, и является общимъ дѣломъ всѣхъ и каждаго.

Поэтому необходимо:

Во-1-хъ, чтобы къ работѣ на государственной, общественной и экономической нивѣ были привлечены рѣшительно всѣ, чтобы каждому предоставлена была возможность развить и приложить свои способности и трудъ. Съ этой цѣлью должна быть установлена полная равноправность всѣхъ и каждаго передъ общимъ для всѣхъ закономъ съ уничтоженіемъ всякихъ существующихъ нынѣ вѣроисповѣдныхъ и сословныхъ перегородокъ; всѣ, включая, конечно, крестьянъ, должны быть подчинены общимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, построеннымъ на принципѣ раздѣленія властей. Всѣ жители страны, помимо всякаго ценза, должны быть снабжены одинаковыми политическими правами и возведены въ этомъ

смыслѣ до положенія полноправныхъ гражданъ. Ни одна группа населенія не должна быть позабыта предстоящей реформой, не должна остаться позади ея, ибо только при этомъ условіи страна избѣгнетъ новыхъ волненій и достигнетъ дѣйствительнаго успокоенія. Только такая демократическая основа новаго строя вполнѣ отвѣчаетъ и духу русскаго народа.

При этомъ необходимо предоставить крестьянамъ возможность свободнаго выхода изъ общины, такъ какъ только вполнѣ свободная личность можетъ проявить всѣ свои творческія силы и способности.

Необходимо также освободить совершенно церковь и школу отъ нынѣшняго бюрократическаго гнета, признать ихъ самоцѣльными учрежденіями, сблизить съ обществомъ и устроить на автономныхъ началахъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ та и другая въ состояніи развить свою внутреннюю мощь и силу и осуществлять на дѣлѣ все присущее имъ культурное вліяніе на общество. Первоначальное образованіе должно быть обязательнымъ и безплатнымъ, среднее и высшее доступнымъ не только для богатыхъ, но и для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Вся система школъ, не исключая народныхъ, должна быть такова, чтобы переходъ отъ первоначальнаго образованія къ среднему и высшему не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Россія для своего обновленія нуждается въ столькихъ образованныхъ работникахъ, что всякія опасенія на счетъ перепроизводства интеллегенціи должны быть оставлены совершенно въ сторонѣ.

Во-2-хъ, ввести самое широкое и независимое отъ вліянія администраціи самоуправленіе, съ образованіемъ какъ мелкой земской, такъ и болѣе крупныхъ, самоуправляющихся единицъ, ибо только при этихъ условіяхъ возможна вполнѣ интенсивная и плодотворная работа общества на пути надлежащаго поднятія и развитія культурныхъ силъ страны. Относительно мелкой земской единицы необходимо замѣтить, что у насъ нѣтъ самой первоначальной ячейки, составляющей фундаментъ всякой общественной организаціи, — той всесословной общины, которая, связывая всѣхъ, безъ сословнаго различія гражданъ, на общественно-хозяйственной почвѣ, имѣетъ своимъ назначеніемъ заботу о самыхъ ближайшихъ мѣстныхъ культурныхъ задачахъ, и которыя существуютъ не только во всѣхъ западныхъ европейскихъ государствахъ, но даже въ нашей Польшѣ, Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ; что же касается болѣе крупныхъ, чѣмъ губернія, объединеній, то необходимость въ нихъ вызывается особыми климатическими и бытовыми условіями, въ которыхъ находятся въ нашей обширной странѣ царство Польское, Прибалтійскій, Кавказскій и Закавказскій края; края сѣверо-и юго-западные и другіе и тѣмъ, что Россіи не посчастливилось до сихъ поръ развить жизнь въ провинціи и ея центрахъ, хотя бы даже приблизительно, до той степени, которая встрѣчается въ этомъ отношеніи, напри-

мѣръ, въ Германіи. Вѣчевой нашъ періодъ былъ слишкомъ непродолжителенъ и слишкомъ скоро подавленъ всемогущей московской, а затѣмъ петербургской централизаціей для того, чтобы оказать въ данномъ отношеніи надлежащее вліяніе. При объединеніи культурныхъ интересовъ и средствъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ смежныхъ губерній, могла бы проявляться въ полной мѣрѣ мѣстная инниціатива и дѣятельность.

Къ участію въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія надлежитъ допустить и женщинъ. Русская женщина въ имущественномъ, правовомъ отношеніи поставлена въ лучшее положеніе сравнительно съ западно-европейской, и уже по этой причинѣ намъ не слѣдовало бы бояться итти въ данномъ случаѣ по своему самостоятельному пути. Кромѣ того, она много содѣйствовала современному освободительному движенію, одинаково съ мужчинами привлекалась за оное къ отвѣтственности и несла таковую. Никто болѣе женщинъ не дорожитъ тѣмъ, что принадлежитъ къ культурнымъ основамъ жизни; такія области, какъ медицина, школа, призрѣніе бѣдныхъ, отъ участія женщинъ въ самоуправленіи только выиграютъ. Участіемъ этимъ умножится число интеллигентныхъ работниковъ, въ которыхъ Россія столь нуждается для своего возрожденія.

Въ-3-хъ, чтобы на стражѣ закономѣрнаго функціонированія, какъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, такъ и администраціи стояла независимая административная юстиція, съ мѣстными и центральными инстанціями, члены коихъ должны пользоваться такою же, какъ члены общихъ судебныхъ учрежденій, несмѣняемостью.

Въ-4-хъ, чтобы, наконецъ, всей странѣ былъ представленъ, въ лицѣ свободно избранныхъ представителей ея, властный голосъ въ дѣлѣ государственнаго управленія.

Такъ какъ участіе народа въ этомъ дѣлѣ, совершенно чуждое нынѣшнему государственному строю, вполнѣ имъ исключается, то очевидно, что оно можетъ быть осуществлено не иначе, какъ на выработанныхъ западно-европейской наукой и практикою началахъ конституціоннаго права. И дѣйствительно, предстоящее преобразованіе Россіи вызывается неотложною, признанною и съ высоты престола, необходимостью водворенія въ странѣ господства закона, т. е. того именно, чему власть должна подчиняться, что ограничиваетъ власть эту и что поэтому съ автократическимъ принципомъ власти совершенно несовмѣстимо. Опасаться, что Россія вступаетъ въ разсматриваемомъ отношеніи на путь позаимствованія — нечего, лишь бы позаимствованія эти были раціональны и необходимы. Есть институты и принципы права, которые составляютъ достояніе отнюдь не того или другого народа, а всего культурнаго человѣчества. Таковы, напримѣръ, позаимствованные Россіей судъ присяжныхъ и основныя начала, на кото-

рыхъ построены были судебные уставы 64 года, таковыми являются основные принципы современнаго устройства правового государства.

Для того, чтобы голосъ народа въ дѣлѣ государственнаго управленія представлялся дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы: а) законодательная власть осуществлялась совмѣстно съ Государемъ народнымъ представительствомъ, б) чтобы министры были отвѣтствены передъ этимъ правительствомъ и в) чтобы народному же представительству принадлежало право установленія государственнаго бюджета и контроля за его исполненіемъ.

Для того же, чтобы народное представительство выражало собою дѣйствительную волю народа, въ организаціи его не должно быть допущено ни сословное начало, которое бы превратило его въ представительство сословныхъ интересовъ, ни представительство классовыхъ или групповыхъ интересовъ.

Представительство это, далѣе, состоитъ изъ двухъ палатъ: изъ одной, выбираемой самимъ населеніемъ на указанныхъ ниже основаніяхъ, и другой—отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Правильное производство выборовъ немыслимо безъ предвыборной агитаціи, а потому необходимо немедленно, нынѣ же, провозгласить все то, что составляетъ основу всякой свободной гражданственности, а именно: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, право собраній и союзовъ; отмѣнить военное положеніе, а также возстановить въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія. Послѣднее необходимо тѣмъ болѣе, что оно сразу водворитъ въ первое народное представительство духъ того примиренія и прощенія, который болѣе чѣмъ необходимъ при переживаемыхъ тяжелыхъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ.

Избирателями и избираемыми въ первую палату должны быть признаны, съ обычными на этотъ предметъ исключеніями, всѣ жители страны безъ различія національности и вѣроисповѣданія, достигшіе не менѣе 25 лѣтъ, имѣющіе постоянное мѣсто жительства. Что же касается самой системы выборовъ, то они должны производиться по избирательнымъ округамъ, съ выдѣленіемъ городовъ въ особые избирательные округи. Подача голосовъ должна быть тайная. Затѣмъ, въ печати и въ разныхъ собраніяхъ особенно часто раздаются голоса также въ пользу того, чтобы подача голосовъ была прямая. Система прямыхъ выборовъ имѣетъ безспорно за себя много теоретическихъ основаній, но практически она трѣбуетъ болѣе времени для правильнаго ихъ подготовленія и, кромѣ того, можетъ надлежаще функціонировать лишь тамъ, гдѣ вышеупомянутыя основы всякой гражданственности (неприкосновенность личности и жилища, свобода

слова и печати, свобода собраній и союзовъ) уже вполнѣ усвоены и пустили глубокіе корни въ народной жизни. У насъ же даже немедленное их провозглашеніе нисколько не гарантируетъ осуществленія ихъ на дѣлѣ: гарантировать водвореніе этихъ основъ можетъ только новый строй, результатомъ коего они явятся, но отнюдь не простое установленіе ихъ закономъ. По этимъ соображеніямъ слѣдовало бы для перваго народнаго собранія установить систему двухстепенныхъ выборовъ въ первую палату представителей.

Разработка всего этого великаго дѣла устроительства отечественной жизни во всѣхъ его подробностяхъ, въ отношеніи коего намѣчены выше только главныя черты, желательныя съ точки зрѣнія воронежскаго земства. должна быть поручена, конечно, самому же народному представительству. Она должна быть произведена прямо и честно безъ всякой задней мысли, не бюрократически-канцелярскимъ порядкомъ, а людьми жизни, знакомыми съ ея условіями и требованіями. Такой учредительный характеръ перваго національнаго собранія долженъ быть ясно выраженъ въ законѣ о его созывѣ, иначе правительство несомнѣнно натолкнетъ это собраніе на революціонный по существу своему актъ—самопровозглашенія себя учредительнымъ собраніемъ.

Въ-5-хъ, вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія полагаетъ, что первому же представительному собранію надлежитъ приступить къ разрѣшенію аграрнаго вопроса, представляющаго нынѣ коренной и самый острый вопросъ деревенской жизни. Малоземелье, чрезмѣрный ростъ цѣнъ на землю, арендныя цѣны, несоотвѣтствующія производительности земли,—создали крайне тяжелое положеніе для значительной части крестьянъ, и принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію земельнаго обезпеченія крестьянъ стоитъ на первой очереди. Независимо отъ причинъ, связанныхъ съ особыми формами крестьянскаго земельнаго строя, во многихъ случаяхъ землевладѣніе крестьянъ настолько незначительно, что не можетъ служить источникомъ для удовлетворенія самыхъ первобытныхъ потребностей, и поэтому увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, тѣмъ или другимъ способомъ, является насущно необходимымъ. Откладывать земельный вопросъ нельзя; это грозитъ столь сильными потрясеніями всего нашего гражданскаго строя, что на разрѣшеніи аграрнаго вопроса должны сосредоточиться всѣ усилія народа въ первомъ же представительномъ собраніи.

Созыва народныхъ представителей ждетъ съ нетерпѣніемъ вся страна, всѣ партіи, за исключеніемъ развѣ крайне реакціонной, желающей задушить всякое освободительное движеніе. Только собраніе этихъ представителей, сплотившись вокругъ Государя, можетъ правильно рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, принявъ предложенныя условія мира, или сдѣлать

войну народной; только они могутъ въ согласіи съ Государемъ установить обновленный строй Россіи. О созывѣ этомъ страна возвѣщена съ высоты престола рескриптомъ 18 февраля сего года, онъ подтвержденъ вторично Государемъ, при пріемѣ въ послѣднее время общей земской и дворянской депутаціи. Но страна встревожена замедленіемъ, коимъ сопровождается осуществленіе этой необходимой мѣры. Она тревожится и тѣмъ, что во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ, по поводу предстоящаго созыва въ собраніе народныхъ представителей, примѣняется терминъ законосовѣщательное учрежденіе, и что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, выработанные правительствомъ проекты созыва Государственной Думы предполагаютъ къ законодательнымъ функціямъ привлечь, кромѣ нея и въ качествѣ высшаго надъ ней учрежденія, нынѣшній Государственный Совѣтъ, въ нѣсколько реформированномъ видѣ, что равносильно оставленію прежняго средостѣнія между верховною властью и народомъ неприкосновеннымъ и сведетъ ожидаемую реформу на степень полумѣры (которая никого не успокоитъ и ничего существеннаго не сдѣлаетъ въ дѣлѣ дѣйствительнаго возрожденія нашей страны). Наконецъ, страна встревожена и недоумѣваетъ еще вслѣдствіе того, что съ признаніемъ необходимости созыва народныхъ представителей и осужденіемъ тѣмъ самымъ существущаго бюрократическо-канцелярскаго строя, какъ уже отжившаго, не соотвѣтствующаго болѣе условіямъ современной жизни, не была пріостановлена впредь до упомянутаго созыва, законодательная жизнь страны, за исключеніемъ развѣ текущихъ, не терпящихъ отлагательства вопросовъ; что бюрократія и послѣ упомянутаго осужденія ея дѣятельности продолжаетъ учреждать особыя совѣщанія по крестьянскому и другимъ вопросамъ; что она, вмѣсто отмѣны усиленной охраны и исключительныхъ законовъ, ставитъ многія мѣстности на военное положеніе, прекращающее правильное теченіе въ нихъ экономической жизни, учреждаетъ нѣчто въ родѣ министерства полиціи, съ чрезвычайными, чисто диктаторскими полномочіями, преслѣдуетъ по прежнему періодическую прессу и т. п.; однимъ словомъ, ведетъ себя такъ, какъ будто никакой перемѣны курса въ ходѣ нашей внутренней политики не произошло. Все это только усиливаетъ необходимость ускоренія созыва народныхъ представителей, съ цѣлью положенія конца все усиливающемуся разладу. Только этотъ созывъ, будучи произведенъ правильно, т. е. на вышеуказанныхъ основаніяхъ, можетъ положить конецъ существующему разладу и открыть новую эру для нашей внутренней политики. Собравшись всѣми своими духовными силами, Россія проявитъ въ дѣлѣ своего обновленія всю необходимую мощь и силу“.

Когда докладъ былъ принятъ, я невольно вспомнилъ нашъ подсчетъ въ Москвѣ 2-го ноября 1904 года количества конституціоналистовъ и

нахожу, что мы тогда были правы, принятіе же доклада теперь я объясняю силою обстоятельствъ.

Всѣ остальныя постановленія земскаго собранія по чисто хозяйственнымъ дѣламъ тоже носили уже иной характеръ.

Слово „ходатайство" уже не встрѣчается въ постановленіяхъ; всѣ они имѣютъ форму резолюцій, доводящихъ до свѣдѣнія правительства. протесты, признанные собраніемъ неправильными, постановлено обжаловать въ Сенатъ, но самыя постановленія исполнять не дожидаясь рѣшенія его. Общее настроеніе было таково, что одинъ изъ правыхъ не выдержалъ и спросилъ: „окончательно ли мы порвали съ правительствомъ, и остались ли еще вопросы, по которымъ мы должны къ нему обращаться". Вопросъ этотъ остался безъ отвѣта, но общій духъ постановленій производилъ такое впечатлѣніе, что правительство рѣшили игнорировать.

Съѣзду 6 іюля предшествовалъ цѣлый рядъ препирательствъ организаціоннаго бюро съ московской администраціей. Послѣ нѣсколькихъ объясненій Головина съ московскимъ градоначальникомъ и генералъ-губернаторомъ, съѣздъ былъ категорически запрещенъ, и мы на мѣстахъ опять получили отъ губернаторовъ письма съ извѣстіемъ объ этомъ и съ предупрежденіемъ, чтобы мы „не трудились ѣздить въ Москву, т. к. съѣзда не будетъ". Результатомъ всѣхъ этихъ запрещеній было то, что на съѣздъ пріѣхало около 280 человѣкъ, и только нѣкоторые представители въ очень ограниченномъ числѣ отсутствовали, зато явилось много такихъ, которымъ не пришлось даже принять участія въ засѣданіи, т. к. ихъ губернія или городъ были представлены сполна. Послѣ провѣрки полномочій и краткаго доклада Головина о тѣхъ переговорахъ, которые ему пришлось вести, и препятствіяхъ, которыя испытало бюро при созывѣ съѣзда, до протокола въ квартирѣ Головина включительно, члены депутаціи сдѣлали краткій докладъ о пріемѣ депутаціи. Сообщеніе депутаціи было закончено словами гр. Гейдена: „единственный цѣнный результатъ поѣздки депутаціи состоитъ въ томъ, что отнынѣ наши съѣзды узаконены". Едва только эта рѣчь была кончена, какъ встаетъ товарищъ предсѣдателя съѣзда, Н. Н. Щепкинъ, и заявляетъ, что полиція, только-что распустившая засѣданіе городскихъ головъ въ московской думѣ, явилась сюда съ тою же цѣлью, и вслѣдъ за этимъ въ дверяхъ появился помощникъ полицмейстера Носковъ съ соотвѣтствующей компаніей; лѣстницы были заняты городовыми, а залъ окруженъ полицейскими и жандармскими офицерами, вошедшими во всѣ другія двери. Одинъ изъ корреспондентовъ, которыхъ вообще было много, вѣроятно, провѣдавъ, что пришла полиція, установилъ свой аппаратъ на столѣ, какъ разъ противъ двери, въ которую должна была войти полиція: первое, что бросилось въ глаза полицмейстера, былъ фотографическій аппа-

ратъ, и онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ спросилъ: „Это что?“ На это фотографъ довольно громко отвѣтилъ: „Не бойтесь я стрѣлять не буду“. Приставъ потребовалъ убрать аппаратъ, но когда ему возразили, что въ частной квартирѣ фотографическій аппаратъ вещь не запрещенная, тогда онъ запретилъ фотографу производить снимки, а самъ прочелъ предписаніе, въ которомъ указывалъ ст. ст. закона, на основаніи которыхъ градоначальникъ объявляетъ съѣздъ закрытымъ, и предложилъ намъ разойтись: на это мы отвѣтили, что добровольно не разойдемся, и что ему остается примѣнить только силу. Полицмейстеръ заявилъ, что такого полномочія онъ не имѣетъ и ушелъ писать протоколъ.

Все засѣданіе происходило въ присутствіи полицейскихъ офицеровъ и городовыхъ. Первый вопросъ, разбиравшійся съѣздомъ, былъ проектъ гоф. Булыгина, добытый бюро въ подлинникѣ и потомъ напечатанный въ „Новостяхъ“. Докладъ дѣлалъ Ф. Ф. Кокошкинъ. Въ проектѣ были отмѣчены четыре положенія, дѣлающія проектъ непріемлемымъ: 1) сословность, 2) многостепенность выборовъ, до пяти степенности включительно, 3) цензовое начало, 4) совѣщательный голосъ, а не рѣшающій. Этихъ основныхъ положеній было достаточно, чтобы, не разбирая проекта по статьямъ, признать его непріемлемымъ. Во время преній представитель Курской губерніи кн. Касаткинъ-Ростовскій въ рѣчи позволилъ себѣ употребить выраженіе: „Современное движеніе въ Россіи ведется на подкупъ жидовско-польскаго бунда“; эта фраза вызвала бурю въ средѣ собранія; когда предсѣдательскій звонокъ, наконецъ, водворилъ порядокъ, то предсѣдатель обратился къ князю Касаткину со слѣдующими словами: князь, здѣсь не принято такъ говорить, здѣсь говорятъ, соблюдая общепринятыя формы вѣжливости, а потому потрудитесь взять ваши слова назадъ. Касаткинъ, нѣсколько поломавшись, это исполнилъ, но все-таки въ слѣдующихъ рѣчахъ Кокошкинъ и особенно черниговскій Шрагъ, соблюдая формы вѣжливости, дали ему жестокую отповѣдь.

Къ концу засѣданія протоколъ былъ готовъ и взамѣнъ подписи рѣшено было вручить приставу наши визитныя карточки. Настроеніе этого дня благодаря появленію полиціи было веселое, бодрое, нѣсколько юмористическое. Обсуждался вопросъ о постройкѣ на нашъ счетъ миноноски, т. к. на основаніи положенія объ усиленной охранѣ насъ могутъ оштрафовать каждаго по 500 руб., что въ суммѣ дастъ около 140 тысячъ руб.

Вечеромъ проектъ Булыгина былъ отвергнутъ, хотя по разнымъ соображеніямъ, но единогласно.

На слѣдующій день настроеніе уже съ утра было довольно угнетенное: для огромнаго большинства съѣзда стало ясно, что съ верху ждать ничего хорошаго нельзя. Въ началѣ утренняго засѣданія первый высказалъ

это совершенно опредѣленно И. Ил. Петрункевичъ. Возражалъ на рѣчь Петрункевича только одинъ кн. Касаткинъ, который заявилъ, что онъ не ошибся вчера, говоря, что онъ попалъ въ среду революціонеровъ, и что если ему суждено выбирать между двумя, то онъ предпочтетъ умереть у ногъ нынѣшняго Государя, а не у ногъ Петрункевича, почему онъ и не считаетъ возможнымъ остаться въ этомъ революціонномъ собраніи и уходитъ. Вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и другой курскій представитель Говоруха-Отрокъ. Калужскій, Кошкаревъ, ушелъ по другимъ мотивамъ, но на другой день возвратился. Въ этомъ же засѣданіи былъ принятъ въ первомъ чтеніи, т. е. въ общихъ положеніяхъ, проектъ конституціи, выработанный на основаніи апрѣльскихъ постановленій (напечат. въ „Рус. Вѣд."). Обсужденіе по статьямъ было отложено до слѣдующаго съѣзда, т. к. представители окраинъ заявили, что, не будучи уполномочены выбравшими ихъ, они затрудняются обсуждать проектъ по статьямъ.

На слѣдующій день были приняты слѣдующія резолюціи:

1) Проектъ резолюціи о мѣрахъ по отношенію къ законопроекту гофмейстера Булыгина.

Считая въ высшей степени важнымъ вызвать теперь же проявленія общественнаго отношенія къ законопроекту гофмейстера Булыгина, съѣздъ считаетъ необходимымъ организовать по всей странѣ въ теченіе іюля многолюдныя собранія,—какъ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ,—и внести на эти собранія принятое настоящимъ совѣщаніемъ заключеніе по означенному законопроекту.

Желательно, чтобы резолюціи собраній съ подписями принявшихъ эти резолюціи присылались въ бюро общаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей.

2) По вопросу о пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ.

1) Съѣздъ признаетъ неотложной задачей данной минуты для общественныхъ дѣятелей войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ.

2) Т. к. при теперешней организаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія народъ не можетъ видѣть въ нихъ правильнаго представительства своихъ интересовъ, то общественные дѣятели должны къ предстоящей работѣ привлечь возможно большіе круги населенія черезъ дѣйствующіе при управахъ совѣты, комиссіи, участковыя попечительства и т. п.,—а также чрезъ временные съѣзды, совѣщанія комиссіи и комитеты изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ и общественныхъ дѣятелей. Кромѣ того, къ полити-

ческой дѣятельности слѣдуетъ привлечь волостные и сельскіе сходы, товарищества мелкаго кредита и ссудо-сберегательныя товарищества, сельскохозяйственныя общества и другія самостоятельныя организаціи.

3) Для наиболѣе широкаго привлеченія народныхъ массъ къ сознательной работѣ государственнаго строительства, общественнымъ дѣятелямъ слѣдуетъ входить въ сношенія и совмѣстно работать со всѣми видами профессіональныхъ союзовъ, соприкасающимися съ населеніемъ, и раньше всего содѣйствовать объединенію на политической почвѣ самого населенія.

4) Съѣздъ придаетъ особое значеніе немедленному привлеченію сельскаго и городского населенія къ участію въ обсужденіи избирательной системы. Въ этихъ цѣляхъ признается желательнымъ, чтобы всѣ перечисленныя въ пунктахъ 2 и 3 организаціи, а также спеціально для того устраиваемые на мѣстахъ комитеты брали на себя ознакомленіе населенія не только съ техникой выборовъ, но и содѣйствовали бы выясненію и выработкѣ тѣхъ пожеланій, которыя народъ передастъ своимъ будущимъ представителямъ въ моментъ ихъ выбора.

5) Съѣздъ признаетъ желательнымъ содѣйствовать распространенію среди народа популярно изложенныхъ постановленій и резолюцій политическаго характера, на которыхъ сошлись за послѣднее время общественныя организаціи. Затѣмъ нужно содѣйствовать широкому распространенію въ ближайшемъ будущемъ популярной литературы по конституціоннымъ и соціально-экономическимъ вопросамъ и по избирательному праву въ особенности, какъ въ видѣ брошюръ и листковъ, такъ и въ видѣ дешевыхъ періодическихъ изданій.

6) Съѣздъ признаетъ также желательнымъ широко воспользоваться, напечатавъ особыми листками, Высочайшимъ указомъ Сенату и рескриптомъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля с. г., для ознакомленія населенія съ возможностью обсуждать коренные вопросы государственнаго устройства, сходиться для этого и постановлять соотвѣтственные приговоры и резолюціи. Для этой же цѣли полезно, какъ это уже и сдѣлано нѣкоторыми городскими и земскими управами, отпечатать адресъ и рѣчи депутатовъ къ Государю отъ общественныхъ дѣятелей 6 іюня с. г. и отвѣтную рѣчь Государя. Для популяризаціи этихъ актовъ желательно сопровождать ихъ напечатанными или изустными комментаріями.

III) По вопросу о нарушеніяхъ чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ гражданъ.

Въ виду часто повторяющихся въ настоящее время случаевъ нарушенія чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ русскихъ гражданъ, нарушеній, которыя стоятъ въ противорѣчіи не только съ нравственными требованіями и общественнымъ правосознаніемъ, но въ противо-

рѣчіи съ заявленіями высшей власти и даже прямо съ дѣйствующими законами, общій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей постановляетъ: выразить глубокое негодованіе по поводу многочисленныхъ случаевъ безнаказаннаго проявленія произвола различныхъ представителей власти и твердую увѣренность въ томъ, что такія дѣянія своевременно получатъ должную оцѣнку и соотвѣтственное возмездіе, и просить всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей оказывать всякое содѣйствіе лицамъ, пострадавшимъ отъ указанныхъ случаевъ въ защитѣ ихъ попранныхъ правъ и въ сохраненіи слѣдовъ и доказательствъ совершенныхъ въ отношеніи ихъ незаконныхъ и самоуправныхъ дѣйствій властей, причемъ эти нарушенія остаются при нынѣшнихъ порядкахъ безнаказанными. Такого рода дѣйствія со стороны административныхъ лицъ не должны покрываться никакой амнистіей и должны подлежать судебному преслѣдованію, какъ только произойдетъ перемѣна общаго строя и установится народное представительство, о чемъ съѣздъ и считаетъ нужнымъ теперь же предупредить всѣхъ административныхъ лицъ своимъ настоящимъ постановленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ обращается съ просьбой какъ ко всѣмъ представителямъ земскаго и городского самоуправленія, такъ и ко всему населенію, чтобы по всѣмъ наиболѣе выдающимся случаямъ правонарушеній со стороны администраціи были собираемы необходимыя свѣдѣнія, и сохранялся относящійся къ нимъ матеріалъ.

IV. По вопросу о равноправности женщинъ. Вполнѣ признавая съ точки зрѣнія справедливости и находя съ практической стороны желательнымъ политическое равноправіе женщинъ при будущемъ правовомъ строѣ Россіи, съѣздъ тѣмъ не менѣе, стремясь къ наискорѣйшему осуществленію этого строя, находитъ при данныхъ условіяхъ непрактичнымъ затруднять моментъ учредительства слишкомъ сложными требованіями полнаго достиженія улучшенія всѣхъ сторонъ жизни. Для примѣра можно указать хотя бы на обшепризнанную необходимость усовершенствовать мѣстное самоуправленіе и распространить его на всю Россію, на необходимость предоставленія большей самостоятельности областному устройству окраинъ, но тѣмъ не менѣе разработку и проведеніе этихъ и многихъ другихъ насущнѣйшихъ реформъ практичнѣе отложить до того времени, когда принимать участіе въ законодательной работѣ могутъ свободно выбранные народные представители и при прочно установленныхъ необходимыхъ свободахъ.

Поэтому съѣздъ полагаетъ цѣлесообразнымъ вопросъ о предоставленіи политической равноправности женщинъ не ставить при данныхъ условіяхъ русской дѣйствительности одновременно съ вопросомъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, а оставить открытымъ или до измѣненій

условій учредительства или до того времени, когда народные представители будутъ уже собраны.

Кромѣ того было постановлено:

Оказывать активное, но невооруженное сопротивленіе всѣмъ распоряженіямъ административныхъ органовъ, нарушающихъ права человѣка и гражданина.

Передъ закрытіемъ съѣзда возбуждался вопросъ, нужны ли дальнѣйшіе съѣзды, такъ какъ теоретическая сторона предстоящихъ реформъ уже выяснена окончательно, для активной же борьбы съѣздъ, какъ собраніе лицъ, выбранныхъ только земскими собраніями, является организаціей не подходящей; поэтому является вопросъ, не настало ли время прекратить его дальнѣйшее существованіе?

На это возражалъ С. А. Муромцевъ, который не возражалъ по существу, но находилъ, что закрывать съѣзды нельзя, во-первыхъ, потому, что предстоитъ еще обсужденіе двухъ важныхъ вопросовъ: 1) Отношеніе земскихъ и городскихъ дѣятелей въ будущей Государственной Думѣ и 2) Проектъ конституціи, выработанный бюро, принятъ только въ первомъ чтеніи. Главное же, съѣздъ является единственной организаціей, хотя до нѣкоторой степени выбранной населеніемъ, а въ переживаемые нами времена очень вѣроятно, что понадобятся хотя бы и такіе представители для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни.

Въ силу этихъ соображеній рѣшили съѣздовъ не упразднять. По предложенію представителей Харьковскаго земства, рѣшили обратить бюро въ постоянно дѣйствующее учрежденіе, усиливъ составъ его и давъ ему полномочія входить въ соглашеніе съ другими лицами и организаціями. Послѣ опубликованія положенія о Государственной Думѣ долженъ быть собранъ съѣздъ для рѣшенія вопроса, какъ отнестись къ этому учрежденію.

Р. Будбергъ.

Саратовскій семидесятникъ [1]).

Когда мы говоримъ о „двадцатыхъ“ или „сороковыхъ“ годахъ, мы всегда подразумѣваемъ ихъ общій духъ, носителями котораго являлись очень немногочисленныя группы интеллигенціи, почти исключительно столичной. Духъ шестидесятыхъ годовъ успѣлъ распространиться и въ провинціи, но движеніе этого періода колебало идеи и установившіяся бытовыя формы, сравнительно слабо проявляясь въ области чисто политической борьбы; поэтому типическими „шестидесятниками“ остались въ нашей памяти исключительно литераторы: Чернышевскій, Добролюбовъ, Зайцевъ,—большіе и малые, люди крупнаго таланта или просто журналисты съ бойкимъ перомъ, но всегда писатели, такъ какъ иначе какъ перомъ, какъ же они могли бы дѣйствовать въ тогдашней Россіи? Въ противоположность этому семидесятые годы составляли въ нашей общественной жизни такую пору, когда массы интеллигентной молодежи впервые попытались перейти на чисто практическую почву. Теоретическая истина, какъ казалось людямъ этого поколѣнія, уже открыта; теперь надо облечь идею въ плоть, внести ее въ сознаніе всей массы русскаго народа и перестроить жизнь по новому плану. При такомъ настроеніи передовой молодежи наступившее десятилѣтіе оказалось эпохой дѣйствія, и наиболѣе типическими „семидесятниками“ слѣдуетъ признать не столько идейныхъ вождей этого поколѣнія, сколько тѣхъ, которые съ наибольшей энергіей пытались выполнить историческую миссію русской интеллигенціи, какъ она понималась въ тотъ моментъ, и вела за собою другихъ не перомъ, а живымъ словомъ и личнымъ примѣромъ. Имена нѣкоторыхъ дѣятелей этого рода извѣстны теперь всѣмъ и каждому, но наряду съ нѣсколькими историческими личностями боевое десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ выдвинуло много другихъ, менѣе крупныхъ

[1]) Этотъ очеркъ составленъ мною частью по личнымъ воспоминаніямъ и частью по матеріаламъ, которые составились изъ писемъ П. С. Поливанова къ его сестрѣ, Е. С. Волковой, и воспоминаній дяди Петра Сергѣевича, Н. С. Поливанова. *Авторъ*.

по результатамъ ихъ дѣятельности, но, быть можетъ, не менѣе яркихъ и интересныхъ со стороны чисто психологической. Охвативши такую массу молодежи не только въ столицахъ, но и въ провинціи, идеи и настроенія семидесятыхъ годовъ нерѣдко и тамъ вырабатывали въ людяхъ тотъ особый душевный строй, который такъ рѣзко отличаетъ беззавѣтнаго агитатора семидесятыхъ годовъ отъ мертваго душой чеховскаго „Иванова" восьмидесятыхъ.

Въ семидесятые годы провинція не только воспринимала идейные импульсы, которые шли изъ редакцій „Современника" и „Русскаго Слова", какъ это было десятью годами раньше, но и дѣлала первые опыты выступленія на путь активной борьбы, первыя, слабыя попытки организаціи мѣстныхъ общественныхъ силъ для планомѣрной освободительной дѣятельности. Попытки эти были слабы, такъ какъ исходили изъ малочисленныхъ группъ молодежи, не имѣвшей въ тогдашнемъ обществѣ достаточнаго вліянія. Но „общество" того времени было въ своей массѣ такъ вяло и погрязало въ такой безыдейной обыденщинѣ, что духъ момента находилъ свое воплощеніе не въ зрѣлыхъ людяхъ съ перезрѣлымъ благоразуміемъ, а именно въ этихъ мечтательныхъ юношахъ, собиравшихся взгромоздить Оссу на Пеліонъ и завоевать небо.

Въ Саратовѣ идеи семидесятыхъ годовъ охватили своимъ вліяніемъ довольно широкій кругъ мѣстной молодежи. Изъ среды ея многіе примыкали къ движенію, работали въ немъ, иные въ немъ и гибли, но никто другой не рисуется мнѣ теперь такимъ типическимъ „семидесятникомъ", и по сильнымъ и по слабымъ сторонамъ своей личности, какъ Петръ Сергѣевичъ Поливановъ, впослѣдствіи—шлиссельбуржецъ, еще позже—бѣглецъ изъ Сибири, и въ заключеніе—эмигрантъ, покончившій съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ глухомъ провинціальномъ городкѣ далекой Франціи.

Его имя въ настоящее время извѣстно не тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, а тѣмъ, что онъ выстрадалъ, а между тѣмъ это была натура прежде всего активная, не изъ типа кроткихъ мечтателей, способныхъ только страдать и гибнуть за свои идеалы, а изъ типа борцовъ и воиновъ, обладающихъ даромъ увлекать за собою толпу неугасающимъ пыломъ своего боевого одушевленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была натура удивительно цѣльная, ярко и рельефно воплощавшая въ себѣ одинъ изъ революціонныхъ типовъ, наиболѣе характерныхъ для движенія семидесятыхъ годовъ. Искренній демократъ и соціалистъ по убѣжденіямъ, Поливановъ не былъ человѣкомъ, сформировавшимся подъ исключительнымъ вліяніемъ книги. У насъ есть люди, которые и сами являются какъ бы живымъ оттискомъ той или иной книги: всѣ ихъ идеи заимствованы цѣликомъ изъ одного источника. Поливановъ же былъ

не таковъ. Слишкомъ глубоко отлагались въ его душѣ впечатлѣнія подлинной жизни, собственный умъ и собственная индивидуальность заявляли въ немъ свои требованія слишкомъ громко, чтобы можно было сполна охарактеризовать его однимъ родовымъ опредѣленіемъ, въ родѣ: „народникъ“, „народоволецъ“ и т. п.

Прежде всего въ личности Петра Сергѣевича бросалось въ глаза его физическое, а частью и духовное, сходство съ его отцомъ Сергѣемъ Петровичемъ. Нѣсколько восточный характеръ ихъ фамильнаго типа, быть можетъ, сохранился отъ тѣхъ временъ, когда предки этого рода - татарскіе ханы еще бились изъ-за своихъ княжествъ въ Золотой Ордѣ, откуда одинъ изъ нихъ выѣхалъ на Русь при князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Не знаю, не изъ этого ли источника вытекала и та исключительная страстность темперамента и избытокъ физической отваги, которые чистокровнаго сѣверянина своими бурными проявленіями иногда могли привести прямо въ недоумѣніе. При первомъ знакомствѣ именно эти качества прежде всего били въ глаза, и имъ Поливановъ былъ обязанъ своей юношеской кличкой „Петролей“, сохранявшейся за нимъ вплоть до его послѣдняго ареста. Въ связи съ этими основными свойствами темперамента находился и особый характеръ его рѣчи: стремительной, яркой, подчасъ парадоксальной. По всему своему строю это было краснорѣчіе скорѣе французское, чѣмъ русское, и кто еще не зналъ Поливанова или слушалъ бы его изъ другой комнаты, тотъ, пожалуй, могъ подумать, что вотъ человѣкъ, который съ намѣреніемъ говоритъ красиво; но стоило взглянуть на лицо этого „Петролея“, когда онъ увлекался развитіемъ захватившей его темы, чтобы убѣдиться, что онъ и на самомъ дѣлѣ „петролей“, и что говорить языкомъ какого-нибудь стараго профессора для него такъ же невозможно, какъ и посвятить свои кипучія силы методическому и прилежному развитію какой-нибудь археологіи или палеонтологіи. Литературныя произведенія Поливанова, написанныя, впрочемъ, въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, послѣ многихъ лѣтъ заключенія, сохраняя характерную для его рѣчи живость и легкость, свободны, однако, отъ слишкомъ яркихъ красокъ и патетическихъ взрывовъ чувства. Въ его живой рѣчи (я говорю о юношескихъ годахъ) было гораздо меньше выдержанности тона, но зато вся она сверкала, клубилась и пѣнилась какъ горный ручей, рвущійся впередъ черезъ преграды и уступы. Его фантазія вѣчно рисовала передъ нимъ ослѣпительныя картины боевыхъ дѣйствій, отчаянно смѣлыхъ заговоровъ или грозныхъ народныхъ волненій, и революціонная жизнь провинціальныхъ и студенческихъ кружковъ представлялась ему только сѣренькой приготовительной школой къ будущей борьбѣ, захватывающей и опьяняющей по своему величію.

Стремленіе къ полнотѣ революціоннаго упоенія, къ широкому размаху всѣхъ душевныхъ силъ, жажда борьбы à outrance и чуткая воспріимчивость къ красотѣ и поэзіи такой борьбы придавала его революціоннымъ рѣчамъ блескъ и силу, которыхъ онѣ не имѣютъ у правовѣрныхъ послѣдователей какой-нибудь незыблемой догмы. Красота героизма восхищала его повсюду, гдѣ бы она ни проявлялась, и протопопъ Аввакумъ, эстетически, какъ личность, какъ яркій образъ, былъ ему такъ же близокъ и понятенъ, какъ Муравьевъ-Апостолъ. По необходимости, въ цѣляхъ болѣе разносторонняго развитія, онъ добросовѣстно прочитывалъ трактаты по политической экономіи, статистическіе сборники и громоздкіе томы по всевозможнымъ предметамъ, но его любимымъ чтеніемъ, которому онъ отдавался съ увлеченіемъ, были труды по исторіи и болѣе всего—произведенія историковъ-художниковъ: Луи Блана, Мишле, Іоганна Шерра и т. п., а наряду съ этимъ политическіе памфлетисты: Поль-Луи-Курье, Берне, Свифтъ, Герценъ, Щедринъ. Въ его превосходной памяти удерживались цѣликомъ наиболѣе яркія мѣста и мѣткія фразы изъ такихъ авторовъ, и онъ пользовался ими такъ естественно, что выдержки и ссылки совсѣмъ не производили въ его рѣчи впечатлѣнія книжныхъ „цитатъ", а казались красивыми цвѣтами, органически связанными со всѣмъ строемъ его собственной мысли.

Незаурядная начитанность, блескъ слова и бьющія черезъ край отвага и энергія уже сами по себѣ обезпечивали Поливанову видное мѣсто въ кружкахъ молодежи, но къ этимъ агитаторскимъ достоинствамъ у него присоединялись такія свойства, которыя привязывали къ нему людей, вызывая въ нихъ чувство личной симпатіи, нерѣдко переходившей въ прочную дружбу. Полная искренность и прямодушіе при чрезвычайной подвижности и общительности натуры доставляли ему быструю извѣстность и широкую популярность въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ въ Петербургѣ, въ Бѣлградѣ, въ Саратовѣ, всюду, гдѣ бы ни появлялась его сухощавая, стройная фигура съ смуглымъ лицомъ, живыми глазами и всегда горячей рѣчью.

Никто изъ знавшихъ Поливанова въ молодости не могъ сомнѣваться, что при такой пылкой жаждѣ подвига, которая составляла самую основу его души, рано или поздно онъ сложитъ свою голову въ освободительномъ движеніи, но никто не могъ бы подумать, что это произойдетъ такъ скоро и по такому случайному поводу, не въ возстаніи или широкомъ политическомъ заговорѣ, а при попыткѣ оказать дружескую услугу арестованному товарищу. Однако, случилось именно такъ. Начало восьмидесятыхъ годовъ, эпоха разгрома Народной Воли была совсѣмъ не такой порой, когда могли бы жить и дѣйствовать люди этого типа. Судьба подстерегала

ихъ на каждомъ шагу. Наступала осень, и вихрь реакціи безпощадно уносилъ ихъ одного за другимъ, какъ послѣдніе листья съ умирающаго лѣса... Для такихъ натуръ, какъ Поливановъ, осталось тогда только одно мѣсто: „тамъ, гдѣ буря на просторѣ надъ пучиною шумитъ“, на каменистомъ островкѣ Ладожскаго озера, въ наглухо закрытыхъ для бѣлаго свѣта тайникахъ Шлиссельбургской крѣпости... И тамъ именно онъ и оказался...

Оттуда онъ вышелъ надорваннымъ физически, съ сѣдиной въ волосахъ, но съ прежней жаждой борьбы, неукротимый по прежнему и готовый тотчасъ же къ новымъ жертвамъ.

Однако жизнь показала, что одной готовности мало. Нужны и силы чисто физическія, которыхъ не осталось, а Поливановъ менѣе кого бы то ни было другого былъ бы способенъ propter vitam vivendi perdere causam.

Смыслъ жизни для него состоялъ въ борьбѣ, силу терпѣнія, чтобы вынести двадцать лѣтъ неволи, онъ находилъ въ надеждѣ вернуться опять подъ дорогія знамена, и если эта надежда оказалась иллюзіей, то онъ предпочелъ изъ міра иллюзій уйти въ міръ небытія и покончилъ съ собой.

Такова была судьба этого человѣка, который далъ освободительному движенію гораздо меньше того, что могъ бы дать по своимъ дарованіямъ, но вынесъ ради нея гораздо больше того, что, казалось, могъ бы вынести по своимъ силамъ.

Семья, въ которой родился Петръ Сергѣевичъ Поливановъ, была помѣщичья семья средняго достатка (въ имѣніи его отца было первоначально около 1 тысячи десятинъ земли), но духъ этой семьи и та атмосфера, которая окружала мальчика съ дѣтства, имѣли въ себѣ нѣкоторыя особенности, несомнѣнно отразившіяся на характерѣ будущаго революціонера. Прежде всего выдѣлялась изъ ряда обыкновенныхъ степныхъ помѣщиковъ личность Поливанова-отца.

Сергѣй Петровичъ въ молодости былъ гвардейскимъ офицеромъ, но впослѣдствіи онъ перевелся въ кавказскую армію, принималъ участіе въ войнѣ 53—55 гг. и при штурмѣ Карса былъ весь израненъ. По выходѣ въ отставку короткое время онъ состоялъ на гражданской службѣ, но большую часть жизни провелъ у себя въ имѣніи, въ селѣ Ключи, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Мать Сергѣя Петровича, урожденная Норова, была племянницей декабриста Норова; это родство было извѣстно Петѣ съ дѣтства и, сколько мнѣ помнится изъ интимныхъ бесѣдъ, онъ съ самаго ранняго возраста привыкъ благоговѣйно чтить память героическаго поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Такъ какъ жена Сергѣя Петровича послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака впала въ тяжелое

психическое разстройство и жила послѣ того внѣ семьи, подъ наблюденіемъ врачей, то преобладающее вліяніе на мальчика принадлежало Сергѣю Петровичу, человѣку въ высшей степени мягкому, деликатному, непрактичному, склонному не столько къ службѣ и къ сельскому хозяйству, сколько къ тихому кабинетному труду, къ изящной литературѣ и поэзіи. Любимымъ его поэтомъ былъ Викторъ Гюго, изъ котораго Сергѣй Петровичъ многое перевелъ, хотя его переводы остались только въ рукописи. Иногда онъ и самъ писалъ стихи и нѣкоторые даже печаталъ. Наряду съ французскими поэтами С. П. горячо любилъ русскую журналистику, слѣдилъ и за нелегальной литературой, и въ позднѣйшіе годы, по воспоминаніямъ его дочери, полученіе книжки „Отечественныхъ Записокъ“, листка „Народной Воли“ или „Чернаго Передѣла“ являлось цѣлымъ радостнымъ событіемъ въ однообразной тишинѣ ихъ деревенской жизни. Понятно, что общественные взгляды такого человѣка, вначалѣ вовсе не революціонные, были, однако, широки и прогрессивны. Въ кругу семьи С. П. не скрывалъ, что себя и другихъ помѣщиковъ онъ считалъ эксплуататорами крестьянъ, но, не имѣя силъ порвать со слишкомъ привычной обстановкой, онъ старался всячески смягчить свои отношенія къ зависимымъ отъ него людямъ, постоянно оказывалъ помощь сосѣднимъ крестьянамъ, поддерживалъ сельскую школу, защищалъ учителей и учительницъ отъ доносовъ и преслѣдованій поповъ и міроѣдовъ. Особенно характерно было его отношеніе къ очень многочисленнымъ случаямъ мелкихъ порубокъ, потравъ и т. п. проявленій со стороны крестьянъ ихъ глубокаго антагонизма къ помѣщикамъ. „Однажды,—разсказываетъ его дочь,—я, будучи еще дѣвочкой лѣтъ четырнадцати, очень возмутилась кражей съ гумна соломы и хвороста изъ лѣса, и отецъ доказывалъ мнѣ, что это вполнѣ естественное явленіе, и что „мы“ не пойдемъ красть, такъ какъ у насъ все есть, и мы знаемъ къ тому же, что красть нехорошо, и что сердиться на мужиковъ мы „не имѣемъ права“: мы обезпечены, а кругомъ нищета и невѣжество“.

Повидимому, Поливановъ-сынъ сознавалъ, какъ многимъ онъ духовно обязанъ отцу, и навсегда сохранилъ къ нему глубокое уваженіе. Послѣ шестнадцати лѣтъ одиночнаго заключенія безъ всякой вѣсти о судьбѣ близкихъ, получивъ, наконецъ, возможность переписываться съ сестрой и узнавъ отъ нея сразу обо всемъ, что случилось за эти годы, онъ писалъ ей 15-го марта 98-го года: „Сегодня я получилъ извѣстіе, что отецъ умеръ еще въ 87 году, что ты неоднократно наводила обо мнѣ справки и тебѣ послано извѣщеніе относительно переписки. Ты помнишь, какъ сильно я любилъ отца, ты знаешь, какой это былъ прекрасный человѣкъ, какая чистая, благородная душа, и нѣтъ надобности говорить

какъ страстно мнѣ хотѣлось бы хоть разъ еще увидать его, и съ какой болью я думаю, что этого уже никогда, никогда не будетъ. Напиши мнѣ подробнѣе о его послѣднихъ годахъ...“ А черезъ четыре мѣсяца послѣ этого онъ вновь пишетъ ей: „Ахъ, не могу не только писать, но и думать о смерти отца. Знаешь ли, я послѣ твоего письма ходилъ нѣсколько дней какъ въ угарѣ. Такъ было все ужасно, такъ чудовищно невѣроятно. Вмѣстѣ съ этимъ лопнула еще одна изъ тѣхъ немногихъ ниточекъ, которыя привазывали меня къ жизни и къ волѣ. Теперь, когда нѣтъ отца, будущее мнѣ представляется еще болѣе непригляднымъ и, право, лучше бы мнѣ навсегда остаться за этими стѣнами, чѣмъ выйти неизвѣстно зачѣмъ и для чего, да еще къ тому же—развалиной...“

На ряду съ интеллигентной и гуманной атмосферой родительскаго дома на душу мальчика съ самаго ранняго возраста оказала глубокое вліяніе наша русская природа, красоту которой онъ научился чувствовать еще ребенкомъ. Родившись 1859 году на Кавказѣ, когда отецъ его еще былъ офицеромъ, Петя въ слѣдующемъ же году, съ выходомъ отца въ отставку, былъ перевезенъ въ имѣніе дѣдушки Петра Николаевича, въ село Высокое, на берегу Ветлуги, въ 80 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Тамъ прошли его первые годы, а впослѣдствіи онъ каждое лѣто проводилъ или у отца, въ Ключахъ, или у дяди Николая Петровича, въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Уже четырехлѣтнимъ мальчикомъ, по воспоминаніямъ его дяди, Петя любилъ природу и просторъ полей. Не ограничиваясь постоянной бѣготней по саду, онъ часто забирался дальше, бродилъ по лугамъ, карабкался по оврагамъ, прятался во ржи и торжествовалъ, когда его долго не находили. Мальчикомъ лѣтъ одиннадцати онъ предпринималъ одинъ цѣлыя маленькія путешествія, пѣшкомъ или верхомъ, иногда съ ружьемъ, а иногда и просто ради прогулки. Впослѣдствіи онъ страстно полюбилъ охоту и, уже будучи революціонеромъ, урывалъ иногда день, чтобы, выбравшись изъ Саратова, побродить съ ружьемъ въ приволжскихъ улешахъ или въ густыхъ зарослахъ Зеленаго Острова. Изъ письма къ дядѣ, отправленнаго изъ Шлиссельбурга въ 900 г., видно, какъ глубоко запали въ дѣтскую душу впечатлѣнія той поры. „Я, какъ и ты,—пишетъ узникъ въ ожиданіи скорой отправки въ Сибирь,—горячо желаю нашей встрѣчи; хотѣлось бы еще хотя разъ обнять тебя передъ отъѣздомъ въ Сибирь и вспомнить все то, что насъ связываетъ: и моего отца, и дальніе дѣтскіе годы, нашу жизнь въ Высокомъ еще при жизни дѣда и бабушки, которые вмѣстѣ съ тобой такъ баловали меня и такъ любили. Когда я вспоминаю эти времена, то вижу все такъ отчетливо, такъ ясно, какъ будто

бы только 2—3 года назадъ стоялъ я въ саду надъ обрывомъ, любуясь Ветлугой, копая въ глинѣ пещеры или пуская въ цѣль стрѣлы изъ лука, который мнѣ сдѣлалъ Миша. Какъ сильно врѣзываются въ память впечатлѣнія дѣтства! Просто не вѣрится иногда, что съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ! Я живо представляю себѣ все: и милыя лица, меня окружавшія, и обстановку со всѣми ея мелочами. Помню и солнечные часы на дворѣ, и ломберный столъ бабушки, кабинетъ дѣда, и висѣвшую на стѣнѣ цѣпь мирового посредника, твою спальню, гдѣ на стѣнѣ было развѣшано привезенное тобою съ Кавказа оружіе: черкесскія винтовки, шашки, кинжалы, и гдѣ всегда было страшно холодно. Я проникся большимъ уваженіемъ къ тебѣ, когда разъ услышалъ, какъ ты доказывалъ отцу, что въ спальнѣ долженъ быть всегда свѣжій, даже холодный воздухъ: 8° или 10°. Спать при такой температурѣ мнѣ показалось чѣмъ-то героическимъ!—Пишу я это, а волна воспоминаній поднимается все выше и выше, и выноситъ изъ глубины души тысячи мелочей, казалось,—давно уже погребенныхъ на вѣки. Вотъ сейчасъ припомнилась лиственница, посаженная мной у балкона. Ты выбралъ деревцо вышиной какъ разъ въ мой ростъ, и я часто подбѣгалъ къ ней впослѣдствіи, чтобы, по твоему совѣту, посмотрѣть, кто изъ насъ растетъ быстрѣе? Вотъ, припомнился старикъ Мартынъ и его охотничьи разсказы, которые я слушалъ съ такимъ вниманіемъ и волненіемъ, со слезами на глазахъ умоляя его взять меня на охоту, потому что „я уже большой, совсѣмъ большой: скоро минетъ 7 лѣтъ!“ Долженъ признаться, былъ я порядочнымъ сорванцемъ, много было со мной всякихъ хлопотъ и заботъ, и только теперь, когда у меня самого пробивается сѣдина въ волосахъ, я могу должнымъ образомъ оцѣнить всю доброту, все терпѣніе окружавшихъ меня лицъ, изъ которыхъ только одинъ ты остался, только тебя одного могу я поблагодарить...“

Въ другомъ письмѣ изъ крѣпости, обращенномъ къ сестрѣ, Поливановъ говоритъ ей о себѣ: „Было время, тяжелое время, когда я испытывалъ такую жгучую душевную боль, такія муки, что просто удивляюсь, какъ я не сошелъ съ ума. Мнѣ, которому городъ казался тюрьмой, которому безъ простора лѣса и степи жизнь казалась неволей,—было по временамъ особенно тяжело въ тюрьмѣ. Помню, иногда ранней весной (это съ дѣтства было мое любимое время), когда начинается ледоходъ, пробивается первая зелень, открывается перелетъ дичи,—я чувствовалъ себя одной изъ этихъ птицъ, запертой въ клѣткѣ. Свистъ кроншнеповъ, кряканье утокъ, гоготанье гусей, мелодичный трубный кликъ лебедей дѣйствовали на меня словно призывъ близкихъ, родныхъ мнѣ существъ. Ты этому не удивишься, такъ какъ помнишь, какимъ дикаремъ я былъ въ дѣтствѣ, какъ я лю-

билъ природу, какимъ былъ страстнымъ охотникомъ. А въ это же время налегали на душу мысли объ отцѣ, о сестрахъ, о всѣхъ близкихъ людяхъ, воспоминанія о прошломъ, мысли о томъ, какъ все могло бы быть, и какъ оно вышло на самомъ дѣлѣ...“

Тѣ же, запечатлѣвшіяся на всю жизнь воспоминанія дѣтства и среди нихъ не потускнѣвшія отъ времени картины родной природы, прорываются мѣстами въ литературныхъ произведеніяхъ Поливанова, а однажды они почему-то нашли свое выраженіе во французскихъ стихахъ, написанныхъ имъ въ 98 году для сестры. Въ письмѣ къ ней, отправленномъ изъ крѣпости 26-го августа, онъ говоритъ, между прочимъ:

„Стихи писать я давно бросилъ, но недавно пришла какъ-то вдругъ фантазія попробовать, не могу ли я написать стихи по-французски. Вышло не блестяще, но на стихи похоже. Посылаю ихъ тебѣ, надѣюсь, что ты будешь снисходительна, во 1) потому, что это первый и, вѣроятно, послѣдній опытъ, а во 2) потому, что я и не поэтъ, и не французъ, хотя очень люблю и хорошіе стихи, и французовъ,—хорошихъ, само собой разумѣется, и не декадентовъ, панамистовъ и антисемитовъ. Ну, вотъ тебѣ эти стихи:

Accablé des souffrauces,
Toujours pensif et seul,
Je vois mes éspérances
Le voiler d'un linceul,
Et, en couvoi funèbre,
Passant devant mes yeux,
M'envoyer des ténèbres
Leurs éternels adieux.
Mon âme triste et morne
Le tourne vers ces lieux,
Où d'un bonheur sans bornes
M'ont ébloui les cieux.
Verrai-je ces boi sombres
Des pins et des bouleaux,
Qui projettent leurs ombres
Sur la plaine de l'eau?
Et ces prairies vertes
Et ce fleuve désert,
Et les courlis alertes
Tournoyant dans les airs?
Et le vol lourd des cygnes
Dans le bleu du lointain,
Qui se voguent en lignes
Avec leur cri hautain?
Te voyerrai-je encore
Ma vie, mon amour,
Ma chère, que j'adore,
Viendra t-il ce beau jour?
Dans ma douleur je pense
Toujours à toi, mon coeur,
Et je sens ta présence,
Quoique tu es ailleur,
Et, une chose étrange,
Ce tableau d'autrefois,—
T'en souviens-tu, mon ange?—
Me hante mainte fois:
Je vois ce lac limpide,
Où j'ai chassé souvent,
Qui s'agite et se ride
Sous le souffle du vent;
Je vois les nues blanche,
D'un essor audacieux,
Comme des avalanches,
Courrir le long des cieux;
Je vois la tête blonde,
Qui penche en me raillant,
Et se refflet sur l'onde
De ton sourir charmant...
Hélas! ce cher sourire,
Li mignon et si fin,
Qui me parlait sans dire,
Le reverrai-je enfin?..

Изо всего этого видно, что дѣтство въ жизни Поливанова составляло счастливую пору, когда душевныя силы ребенка могли развиваться свободно, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Школьные годы начались для Пети съ девятилѣтняго возраста. Его помѣстили въ приготовительный классъ извѣстной въ то время въ Москвѣ частной гимназіи его родственника Л. И. Поливанова. Педагоги съ большой похвалой отзывались о способностяхъ и блестящей памяти Пети и были довольны его быстрыми успѣхами, но указывали роднымъ на пылкость характера и неровности въ настроеніяхъ, уже тогда обращавшія на себя вниманіе. Мальчикъ иногда, безъ всякихъ видимыхъ основаній, отказывался отвѣчать урокъ; по временамъ онъ искалъ одиночества, удалялся съ книгой куда-нибудь на чердакъ и тамъ проводилъ цѣлые часы; не разъ имъ овладѣвали внезапные порывы самопожертвованія, и онъ совершенно неожиданно бралъ на себя вину товарища. Отъ одной пожилой дамы, хорошо знакомой съ нашимъ семействомъ и съ семействомъ Поливановыхъ, я слышалъ еще юношей такой разсказъ: маленькіе школьники поливановской гимназіи раздѣлялись въ то время на два индѣйскихъ племени, находившихся, какъ водится, въ непримиримой враждѣ; вождемъ одного изъ этихъ племенъ былъ Петя Поливановъ. Однажды въ жизни племени Пети произошло невѣроятное событіе: одинъ „индѣецъ" измѣнилъ вождю и перебѣжалъ къ врагамъ. Послѣ этого „вождь" исчезъ. Искали его долго и нашли, наконецъ, на чердакѣ съ признаками отравленія. Оказалось, что онъ не хотѣлъ „пережить позора" и рѣшилъ уйти изъ этого презрѣннаго міра въ равнины Великаго Духа,—отъ чего, впрочемъ, его спасли надлежащими медикаментами... Нѣсколько позже у него на экзаменѣ произошло рѣзкое столкновеніе съ учителемъ греческаго языка, закончившееся тѣмъ, что мальчикъ, прервавъ отвѣты, повернулся спиной къ экзаменатору, вышелъ въ чемъ былъ изъ училища и отправился прямо на ярославскій вокзалъ. Съ 15 копейками въ карманѣ онъ сѣлъ въ вагонъ, добрался благодаря снисходительности кондуктора безъ билета до Хотькова, а отсюда нанялъ крестьянскую одноколку въ имѣніе дяди, который, какъ оказалось, какъ разъ въ это время выѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Сергіевскій посадъ и съ немалымъ удивленіемъ встрѣтилъ племянника по дорогѣ.

Роднымъ стоило нѣкоторыхъ хлопотъ уладить этотъ случай, и Петя продолжалъ образованіе въ томъ же заведеніи, пока не перешелъ въ 6 классъ, когда онъ былъ переведенъ по какимъ-то семейнымъ соображеніямъ въ Нижній-Новгородъ и помѣщенъ въ домѣ своего дяди А. П. Поливанова. Это былъ человѣкъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ Сергѣй и Николай Петровичи. Повидимому, его домъ и по строю жизни, и по царившему въ немъ духу, ничѣмъ не отличался отъ другихъ домовъ тогдашняго провинціальнаго дворянства, и вольнолюбивому по природѣ, не по лѣтамъ

развитому юношѣ, съ ясно опредѣлившимися къ этому возрасту идеалистическими стремленіями, было совершенно не по себѣ въ новой средѣ. Для характеристики этой среды и отношенія къ ней юноши-Поливанова достаточно будетъ привести коротенькій діалогъ „вступившаго на опасный путь“ племянника съ его безукоризненно благовоспитанной, благопристойной и благомыслящей тетушкой. Въ письмѣ къ сестрѣ (7 декабря 98 г.) Поливановъ, вспоминая нѣкоторыхъ родственниковъ, говоритъ, между прочимъ: „Я помню, какъ тетушка старалась мнѣ внушить „des idées plus justes et plus raisonables sur la vie“ (я былъ тогда еще 15-лѣтнимъ гимназистомъ). Мнѣ вспомнился финалъ одного нашего разговора: „Петя, mon ami, vous n'arriveez jamais!“ изрекла она пророческимъ, торжественнымъ тономъ.—„Que voulez vous, ma tante? Je ne suis pas un arriviste, moi“ отвѣчалъ я со свойственнымъ моему возрасту легкомысліемъ. „Ce que je disais toujours“— произнесла она печальнымъ, совершенно упавшимъ голосомъ, словно объявляя мнѣ смертный приговоръ...“

„Les idées justes et raisonables sur la vie“ m-me Поливановой имѣли тѣмъ менѣе шансовъ подѣйствовать на юношу, что въ нижегородской гимназіи къ тому времени „нигилизмъ“ получилъ широкое распространеніе. Изъ позднѣйшихъ бесѣдъ съ Поливановымъ я заключаю, что среди его товарищей не было человѣка, который успѣлъ бы оказать на него вліяніе и увлечь своимъ словомъ или примѣромъ, но зато общій духъ гимназіи, какъ видно, отличался вполнѣ опредѣленной революціонностью. Изъ разсказовъ Поливанова объ этомъ періодѣ мнѣ запомнился, между прочимъ, такой эпизодъ: шелъ классъ греческаго языка; учитель замѣтилъ, что многіе гимназисты что-то уже очень усердно смотрятъ подъ парты: очевидно, тайкомъ читаютъ какія-то книжки,—едва ли учебники. Съ кошачьей осторожностью подкрался учитель къ одному; хвать изъ-подъ парты книгу; смотритъ: „Исторія французской революціи“ Минье. Немного погодя улавливаетъ другого:—„Исторія жирондистовъ“ Ламартина. Еще черезъ нѣсколько минутъ захватываетъ врасплохъ третьяго:—первый томъ „Исторіи французской революціи“ Луи Блана... Тогда педагогъ пришелъ въ неистовство и закричалъ пронзительнымъ голосомъ: „господа! вы, кажется, совсѣмъ позабыли, что у насъ не классъ французской революціи, а классъ греческой грамматики!“—и вслѣдъ за тѣмъ разразился классически-ругательной рѣчью о пагубности революцій и о спасительности грамматики...

Проникнувшись оппозиціоннымъ духомъ,—по воспоминаніямъ Н. П. Поливанова,—„Петя чуждался семьи дяди и даже уроки уходилъ готовить къ товарищамъ. Когда семья дяди ѣздила въ театръ, то приглашала въ свою ложу, конечно, и Петю, но Петя отказывался и на этотъ вечеръ при-

глашалъ къ себѣ товарищей". О чемъ они бесѣдовали и какія книги читали въ опустѣвшихъ гостиныхъ аристократической тетушки,—объ этомъ легко догадаться изъ предыдущаго... Однажды тетушка убѣдилась въ томъ, что ея худшія опасенія уже оправдались: въ комнатѣ Пети нашлись... прокламаціи. Въ результатѣ такого открытія послѣдовало бурное объясненіе; отъ Пети требовали обѣщанія никогда болѣе не прикасаться къ такимъ ужаснымъ произведеніямъ, а Петя категорически отказался дать такое обѣщаніе и,—какъ можно догадываться,—наговорилъ такихъ вещей, отъ которыхъ тетушкѣ едва не сдѣлалось дурно... Кончилось все это тѣмъ, что пріѣхалъ отецъ, увезъ Петю въ Саратовъ, и перевелъ его въ тамошнюю гимназію.

Саратовская гимназія того времени (1875 г.) была по господствовавшему въ ней настроенію еще революціоннѣе нижегородской. Въ томъ классѣ, въ который поступилъ Поливановъ, сколько мнѣ теперь помнится, было 35 воспитанниковъ и изъ нихъ 22 принадлежали къ кружку, имѣвшему свою тайную библіотеку и являвшемуся какъ бы центромъ для всей молодежи среднеучебныхъ заведеній „столицы Поволжья". Въ сношеніяхъ съ этимъ кружкомъ, и до нѣкоторой степени подъ его вліяніемъ, находились и гимназисты другихъ классовъ, и семинаристы, и гимназистки, и великое множество „бывшихъ" студентовъ, семинаристовъ, гимназистовъ, по разнымъ причинамъ покинувшихъ школу и теперь, по тѣмъ или инымъ своимъ заработкамъ, связывавшихъ кружокъ со средой учителей, телеграфистовъ, мелкихъ чиновниковъ и другихъ представителей интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго пролетаріата. Жилось въ кружкѣ бойко. Студенты - саратовцы, пріѣзжавшіе въ городъ не только лѣтомъ, но и зимой, на Рождество, постоянно поддерживали связь между далекимъ, „понизовымъ" городомъ и центрами интеллектуальной жизни: Петербургомъ, Кіевомъ, Москвой, Харьковомъ и Казанью. Хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, но тѣ идеи, которыя вырабатывались въ этихъ центрахъ, доходили до Саратова и тамъ вызывали такое же броженіе, споры, а иногда и поголовное увлеченіе, какъ и всюду въ Россіи. Кромѣ того, въ 75 году молодежь находилась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ налетѣвшей, какъ шумный и веселый весенній дождь, пропаганды 74-го года, имѣвшей въ Саратовѣ такихъ представителей, какъ Рогачевъ, Войнаральскій и мн. др. Недолгое пребываніе этихъ агитаторовъ въ городѣ оставило въ тѣхъ, кто ихъ зналъ, яркія воспоминанія,—а знали ихъ многіе, и въ товарищескихъ бесѣдахъ не было конца разсказамъ объ этомъ періодѣ. Въ сѣрой и обыденной жизни провинціальнаго города съ его обывательской средой, въ то время совершенно безыдейной и сонной, эти люди промелькнули какими-то метеорами, залетѣвшими

изъ совершенно иного міра и открывшими проблескъ въ этотъ иной міръ. Казалось тѣмъ, кто ихъ встрѣчалъ, что раньше всѣ шли какимъ-то унылымъ и вязкимъ путемъ, не зная: куда? и зачѣмъ?, только потому, что такъ велятъ, и вдругъ эти люди точно пелену какую-то сорвали съ глазъ и ввели за собой на высокую гору, откуда открылся безграничный просторъ дѣйствительной жизни, борьбы и упованій человѣчества. Кто раньше слышалъ о человѣчествѣ? Всѣ слышали о статскихъ и о дѣйствительныхъ статскихъ совѣтникахъ, о мужикахъ и о мѣщанахъ, но человѣчество?.. его идеалы?.. его святыни?.. Это было такъ неожиданно и по своему значенію такъ огромно и радостно, что охваченный, или вѣрнѣе—озаренный пропагандою юноша чувствовалъ то же, что могъ бы почувствовать нищій, внезапно узнавшій, что онъ вовсе не нищій, а принцъ, и что назавтра его ожидаетъ не ночлегъ въ чижовкѣ, а царскій тронъ, подвиги и слава...

Недолго продолжалось общеніе молодежи съ „новыми людьми“. Уже вскорѣ почти всѣ эти „новые люди“ сидѣли въ старыхъ россійскихъ тюрьмахъ, и отрицаемая ими дѣйствительность собиралась отрицаніемъ и уничтоженіемъ ихъ самихъ утвердить себя навѣки. Имъ грозила Сибирь и каторга. Ихъ, молодыхъ и полныхъ жизни, представляли себѣ теперь блѣдными, изнуренными, а въ близкомъ будущемъ—закованными въ цѣпи, повторяющими крестный путь декабристовъ. Итти за ними, продолжать ихъ дѣло являлось необходимой нравственной потребностью, составлявшей отнынѣ основное стремленіе для многихъ только-что пробужденныхъ сердецъ. Охваченной такимъ настроеніемъ молодежи школьное задалбливаніе завѣдомыхъ ненужностей претило и вызывало въ ней озлобленіе противъ правительства, создавшаго умышленно нелѣпыя программы, и противъ школьнаго начальства, покорно проводившаго всѣ эти нелѣпицы въ жизнь. Но наряду съ отвращеніемъ къ казенной схоластикѣ,—какъ косвенный результатъ революціонной пропаганды,—въ молодежи возникъ напряженный интересъ къ естественнымъ наукамъ,—подъ вліяніемъ Писарева, Щапова и Бокля,—къ исторіи и политической экономіи,—подъ вліяніемъ П. Л. Лаврова и Чернышевскаго. Въ этомъ періодѣ установилось такъ, что именно юноши, наиболѣе глубоко проникнувшіеся новыми политическими идеями, оказались наиболѣе отзывчивыми и воспріимчивыми ко всякимъ идеямъ вообще; молодые революціонеры (пока еще платоническіе) по своей начитанности и развитію стояли гораздо выше товарищей, незатронутыхъ пропагандой, и это давало имъ въ своей средѣ извѣстный авторитетъ.

Поливановъ нашелъ въ кругу своихъ саратовскихъ сверстниковъ не только общее настроеніе, вполнѣ отвѣчавшее

его собственному, но и товарищей, равныхъ ему по развитію и рѣзко выдѣляющихся надъ общимъ уровнемъ по искренности и глубинѣ своего революціоннаго одушевленія. Всѣ они впослѣдствіи погибли. Понятно, что Поливановъ, при его склонности къ глубокимъ личнымъ привязанностямъ, не только сблизился съ ними на идейной почвѣ, но и проникся къ нимъ чувствомъ горячей любви и той, нѣсколько романтической дружбы, которая такъ легко завязывалась въ исключительныхъ условіяхъ того времени между молодыми революціонерами и часто сохранялась вплоть до эшафота. Съ друзьми Поливанова случилось такъ, что всѣ они были вырваны изъ жизни раньше его, и вотъ какъ болѣзненно онъ чувствовалъ ихъ отсутствіе въ послѣдній періодъ своего пребыванія на волѣ,—осенью 82-го года,—и въ какихъ горячихъ словахъ выразилъ онъ эти чувства еще позже въ своемъ очеркѣ „Алексѣевскій равелинъ“:

„Передо мной встаетъ памятная ночь послѣдняго времени моей жизни на волѣ. Я сижу за письменнымъ столомъ, сжимая руками горячую голову; сижу, не знаю уже который часъ, съ измученной, разбитой душой, съ туманящимся взоромъ... Я просто задыхаюсь отъ недостатка воздуха, а въ душѣ у меня жгучая, сверлящая боль, подавившая во мнѣ все, и волю, и сознаніе. Я смотрю на письменный столъ. Вотъ передо мной письмо, каждое слово котораго ложится на сердцѣ, какъ пылающій уголь. Мнѣ больно, мучительно больно читать его. Я уже знаю его наизусть отъ слова до слова, но не въ силахъ оторвать отъ него глазъ. Наконецъ, я напрягаю волю, откидываюсь назадъ, и мой взглядъ падаетъ на лежащій на столѣ альбомъ, и съ моихъ губъ готово сорваться Некрасовское четверостишіе:

„Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты:
„Пали вы жертвою злобы, измѣнъ
„Въ цвѣтѣ лѣтъ. На меня ихъ портреты
„Укоризненно смотрятъ со стѣнъ!“

„Да, мнѣ кажется, что эти милыя, безконечно дорогія лица смотрятъ на меня съ укоромъ. Мнѣ кажется, что они зовутъ меня къ себѣ, что они упрекаютъ меня за то, что они погибли, а я живъ...

„Вотъ изящное лицо красиваго блондина [1]), съ выпуклымъ, высокимъ лбомъ, съ чудными сѣрыми глазами, которые смотрятъ такъ холодно и надменно на этой фотографіи, но которые смотрѣли на меня такъ нѣжно, съ такой лаской, и кажется мнѣ, что онъ говоритъ: мои кости давно уже истлѣли въ невѣдомомъ мѣстѣ, безъ памятника, безъ креста, и въ то время, когда мое тѣло засыпали негашенною

[1]) Степанъ Ширяевъ, осужденный въ 80 году по дѣлу 16-ти террористовъ.

известью, ты весело встрѣчалъ новый годъ, ты жилъ и не отомстилъ за меня"!..

„Вотъ другое лицо,—и мнѣ становится страшно: теперь эта кудрявая голова обрита [1]), на плечахъ сѣрая куртка, на ногахъ кандалы, а впереди—долгіе годы страданій, лишеній, униженій... Рядомъ третье лицо, умное, съ выраженіемъ затаеннаго страданія. Онъ сошелъ съ ума въ тюрьмѣ [2]). Я вспоминаю то время, чистое, хорошее, когда мы, четверо, почувствовали себя связанными на жизнь и на смерть и эту горячую любовь другъ къ другу унесли съ собой каждый, уходя изъ жизни. Я вспомнилъ весну 75 года, когда мы были редакторами революціоннаго журнала, который издавалъ нашъ гимназическій кружокъ. Теперь уцѣлѣлъ только одинъ я. Вотъ и еще дорогія лица, съ которыми разлучила меня волна жизни и съ которыми никогда, никогда больше не увидишься..."

Въ числѣ этихъ дорогихъ для Поливанова лицъ нельзя не упомянуть Евгенія Дубровина, одного изъ наиболѣе близкихъ друзей Петра Сергѣевича, впослѣдствіи сосланнаго въ каторгу по дѣлу о сношеніяхъ Исполнительнаго Комитета „Народной Воли" съ заключенными Алексѣевскаго равелина; къ ихъ же кругу принадлежалъ и Валеріанъ Балмашевъ, который нѣсколько лѣтъ спустя, когда у него родился сынъ, назвалъ его Степаномъ [3]), какъ у насъ говорили, именно въ честь своего ближайшаго друга—Степана Ширяева. Принадлежало къ этому кружку и много другихъ лицъ, работавшихъ впослѣдствіи для революціи, но тѣ трое, которыхъ вспоминаетъ Поливановъ въ приведенныхъ строкахъ, были несомнѣнно наиболѣе выдающимися въ своей средѣ юношами, и ихъ дальнѣйшая судьба сложилась не менѣе трагично, чѣмъ его собственная: Степанъ Ширяевъ, приговоренный къ вѣчному заключенію, погибъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ; Бобоховъ, послѣ десяти лѣтъ каторги, окончилъ жизнь, вмѣстѣ съ Калюжнымъ, Калюжной, Ковалевской и Смирницкой, протестуя коллективнымъ самоубійствомъ противъ надругательства властей надъ осужденной женщиной (Н. К. Сигидой, лично ему совершенно неизвѣстной); Шиловцевъ—погасъ еще въ тюрьмѣ и умеръ въ казанскомъ домѣ умалишенныхъ...

Такая участь ожидала ихъ уже въ близкомъ будущемъ, но зато, какъ бы въ возмѣщеніе всего предстоявшаго, раннее утро ихъ недолгой жизни было озарено необыкновенно яркимъ свѣтомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ письмѣ къ

[1]) Сергѣй Бобоховъ, осужденный въ 80 году военнымъ судомъ въ Архангельскѣ.

[2]) Дмитрій Шиловцевъ,—уже сумасшедшій былъ сосланъ въ Вологодскую губернію.

[3]) Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ—убійца Сипягина.

П. Л. Лаврову [1]), Степанъ Ширяевъ такъ вспоминаетъ этотъ періодъ:

„Начавшееся въ 73 году антигосударственное, антиправительственное „броженіе“ застало меня совсѣмъ мальчикомъ, ученикомъ 6-го класса гимназіи. Сначала, какъ водится, начали ходить неопредѣленные слухи „о чемъ-то“, а потомъ дѣло выяснилось и болѣе. Съ жадностью накинулись мы—я и мои товарищи—на запрещенный плодъ, сразу поглотили все, что было, ходили какъ отуманенные, какъ помѣшавшіеся,—такъ все было ново, неожиданно, и, въ то же время, просто, невыразимо увлекательно...

„... Конецъ 1874 и начало 1875 годовъ,—послѣднее время моего пребыванія въ гимназіи—было лучшимъ для меня временемъ во всю гимназическую жизнь. Гимназію я почти забросилъ,—ходилъ въ классъ раза два-три въ мѣсяцъ, отзываясь болѣзнью,—имѣлъ уроки на сумму около 30 рублей,—жить, значитъ, можно было хорошо; завелъ сношенія съ семинаристами, съ нѣкоторыми сошелся хорошо; всѣ лучшіе гимназисты были моими товарищами; собирались у меня по вечерамъ, читали, толковали...“

Поливановъ, какъ и Бобоховъ, какъ и всѣ ихъ друзья, вели такой же образъ жизни: гимназію они посѣщали только затѣмъ, чтобы встрѣчаться съ товарищами, раздавать имъ нелегальныя новинки и обмѣниваться идеями и впечатлѣніями, но зато внѣ казенныхъ стѣнъ, въ собственныхъ комнаткахъ и въ тѣсной залѣ тогдашней публичной библіотеки эти упорные школьные абсентеисты просиживали не разгибаясь за книгами долгіе часы и затѣмъ въ своемъ товарищескомъ кружкѣ со страстнымъ увлеченіемъ отдавались обсужденію прочитаннаго и выработкѣ основъ, какъ показало дальнѣйшее, столь прочно ими усвоеннаго, демократическаго и революціоннаго міросозерцанія.

О характерѣ этого внѣшкольнаго труда можно составить себѣ вѣрное представленіе по автобіографической выдержкѣ изъ того же письма Ширяева къ П. Л. Лаврову, которое уже приводилось нѣсколькими строками выше; весной 76 года Ширяевъ,—въ то время уже студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института,—по его словамъ: „успѣлъ кое-что сдѣлать: занялся политической экономіей, что,—при отсутствіи всякой подготовки, при отсутствіи лицъ, могущихъ быть, нѣкоторымъ образомъ, руководителями, представляло не мало трудностей; прочелъ я нѣсколько разъ, проконспектировалъ Милля, дополненія и объясненія Чернышевскаго, прочелъ Смита, кое-какія монографіи и трактаты буржуазныхъ экономистовъ, потомъ,—въ теченіе почти полугода—„зудилъ“ „Капиталъ“ Маркса и прозудилъ основательно. Занимался

[1]) Заграничное „Былое“. Выпускъ № 2.

также исторіей, преимущественно русской и исторіей революцій во Франціи; познакомился здѣсь впервые основательно съ соціально-революціонной прессой, и кромѣ того, что было важно для меня, довольно основательно познакомился съ харьковской радикальной молодежью, узналъ, какъ ведутся тамъ дѣла".

Въ описываемый періодъ, когда всѣмъ членамъ кружка было лѣтъ по 16—19, заботы о саморазвитіи стояли для нихъ на первомъ планѣ, но цѣлью этого саморазвитія въ глазахъ каждаго являлось не просто совершенствованіе собственной личности, но непремѣнно подготовка себя къ борьбѣ за народъ, выработка своихъ силъ именно для использованія ихъ цѣликомъ въ этой великой борьбѣ.

Пребываніе въ гимназіи при такомъ настроеніи являлось невыносимымъ и безцѣльнымъ, и въ 76 году всѣ четверо друзей вышли изъ 7-го класса, и трое изъ нихъ потянулись къ центрамъ тогдашняго движенія: Ширяевъ, какъ мы видѣли, уѣхалъ въ Харьковъ, а Шиловцевъ и Бобоховъ—въ Петербургъ, гдѣ они зачислились студентами на ветеринарное отдѣленіе медико-хирургической академіи. Поливановъ не послѣдовалъ за ними, такъ какъ его увлекла возможность воочію увидѣть „возстаніе" и пріобрѣсти „боевую подготовку" для будущей русской революціи.

Всколыхнувшая къ тому времени русскую интеллигенцію кровавая борьба на Балканахъ была прежде всего борьбой за свободу, и уже по тому одному она вызывала всеобщее сочувствіе; но у многихъ къ этому мотиву присоединялся и другой: на вопросъ, что должно возникнуть на мѣстѣ разрушенныхъ деспотій,—почти всякій изъ товарищей Поливанова отвѣтилъ бы не задумываясь: вольные союзы свободныхъ народовъ, т. е. федераціи—славянская, германская, романская. Анархизмъ Прудона и Бакунина усваивался молодыми прозелитами этого ученія, главнымъ образомъ, въ его критической части; послѣ статьи П. Л. Лаврова „Кому принадлежитъ будущее", производившей въ то время чрезвычайно глубокое впечатлѣніе, послѣ „Системы противорѣчій" Прудона и „Государственности и Анархіи" Бакунина, ни одна изъ существующихъ государственныхъ формъ уже не казалась удовлетворительной, но и полная дезорганизація человѣческаго общества, индивидуализмъ, какъ ничѣмъ не ограниченный произволъ отдѣльной личности, тоже никого не плѣняли, и ан-архія представлялась всѣмъ вовсе не анархіей (безъ тирэ), а союзомъ, гораздо болѣе совершеннымъ и прочнымъ, чѣмъ всѣ существующіе, т. к. въ основу его будетъ положено не грубое насиліе своекорыстныхъ властей, а общая польза и всеобщій подъемъ подавляемыхъ полицейскимъ и классовымъ государствомъ благороднѣйшихъ духовныхъ силъ человѣческой личности. Идеалъ этотъ былъ очень

туманенъ и въ сущности имѣлъ не политическій, а чисто моральный характеръ; но если кто-нибудь стремился облечь мечту въ болѣе конкретныя формы, то онъ почти неизбѣжно приходилъ къ мысли о федераціи народностей, наиболѣе близкихъ по языку и культурѣ, какъ о формѣ общежитія, составляющей ближайшую и неизбѣжную ступень на пути человѣчества къ тому состоянію, когда „сгинетъ зло, сгинетъ ложь навсегда, и сольются въ едино народы въ вольномъ царствѣ Святого Труда“...

Такимъ образомъ, теоретическій, офиціально признаваемый анархизмъ во многихъ головахъ не только уживался, но самъ порождалъ наклонность къ демократическому панславизму въ духѣ Шевченко и Костомарова. Благодаря этому страстные призывы Аксакова итти на помощь „братьямъ-славянамъ“ нашли откликъ не только въ массѣ, отдававшейся исключительно стихійному племенному чувству, но и въ нѣкоторой части тогдашняго радикальнаго міра. Клеменцъ, Кравчинскій, Ярошенко, Далматовъ и много другихъ представителей передовой молодежи пошли тогда въ Сербію и и въ Болгарію, и нѣкоторые изъ нихъ сложили свои головы подъ турецкими пулями.

У Поливанова, какъ я хорошо помню, въ товарищескихъ спорахъ о томъ: итти или не итти въ Сербію?—очень видное мѣсто занималъ, между прочимъ, и практическій аргументъ: въ близкомъ будущемъ намъ и самимъ, у себя дома, предстоитъ перейти отъ словъ къ дѣлу и начинать возстаніе, но какіе же мы будемъ повстанцы, не имѣя ни военныхъ знаній, ни боевого навыка?—Необходимо, чтобы въ нашей средѣ были опытные воины, и Сербія должна послужить намъ военной школой.

Среди молодежи было не мало лицъ, не соглашавшихся съ тѣми доводами, какіе приводились въ пользу участія въ возстаніи, но ихъ аргументація не повліяла на Поливанова: его активный темпераментъ неудержимо увлекалъ его туда, гдѣ велась борьба не на словахъ, а на дѣлѣ, и онъ, вопреки убѣжденіямъ многихъ друзей, все-таки рѣшилъ ѣхать въ Сербію. По воспоминаніямъ Н. П. Поливанова, когда Сергѣй Петровичъ пытался отговорить сына отъ опаснаго шага, то 18-лѣтній доброволецъ прервалъ его увѣщанія словами: „отецъ, въ мои годы ты уже былъ на штурмѣ Карса съ прострѣленной головой,—почему же мнѣ не постоять за освобожденіе славянъ?“ Убѣдившись въ твердой рѣшимости Пети итти противъ турокъ, С. П. воспользовался своими связями и добылъ сыну рекомендаціи отъ родственника Поливановыхъ, тогдашняго предсѣдателя Славянскаго Комитета К. Н. Бестужева-Рюмина, къ Черняеву и Дандевилю, но юноша взялъ эти рекомендаціи только для того, чтобы не огорчать отца, но на дѣлѣ ими не воспользовался, говоря:

„зачѣмъ мнѣ эти письма? я иду туда такимъ же добровольцемъ, какъ и тысячи другихъ".

Проводили его изъ Саратова честь-честью, какъ и вообще провожали тогда добровольцевъ, и на долгое время онъ исчезъ съ мѣстнаго горизонта, давая о себѣ знать товарищамъ почти исключительно черезъ письма къ одной молодой дѣвушкѣ, А. М. Ф—вой, вращавшейся въ томъ же кружкѣ и раздѣлявшей идеи и интересы кружка. Письма эти сохранялись у нея еще много лѣтъ спустя, но въ концѣ концовъ погибли при одномъ внезапномъ обыскѣ, и это очень жаль, т. к. въ нихъ молодой доброволецъ чрезвычайно живо, со свойственной ему непосредственностью и правдивостью, описывалъ и добровольческую среду, и общую атмосферу возстанія, и особенно—внутреннюю жизнь только-что зарождавшихся тогда въ Сербіи соціалистическихъ кружковъ, съ которыми онъ быстро сблизился. По возвращеніи изъ Сербіи онъ разсказывалъ всего болѣе именно о Бѣлградѣ и о бѣлградскихъ радикалахъ; о своихъ „боевыхъ подвигахъ" онъ вовсе не упоминалъ; но въ воспоминаніяхъ Н. П. Поливанова, со словъ одного доктора, бывшаго на войнѣ, говорится, что Петръ Сергѣевичъ участвовалъ въ сраженіи при Дюнишѣ и однажды, вмѣстѣ съ двумя товарищами, которые при этомъ погибли, пробрался по лѣсистымъ горамъ черезъ мѣстность, занятую турками, изъ Сербіи въ Черногорію, доставилъ черногорскому отряду коробку съ динамитомъ и принесъ обратно какое-то письменное сообщеніе сербамъ. Какъ бы то ни было, но того „боевого опыта", о которомъ мечталъ Поливановъ, отправляясь въ Сербію, онъ тамъ не успѣлъ пріобрѣсти, главнымъ образомъ, благодаря тому, что вскорѣ же послѣ его прибытія было заключено довольно продолжительное перемиріе, и ему, по просьбѣ кого-то изъ вождей, чуть ли не знаменитаго въ то время Любибратича, пришлось отдать свой трудъ необходимой для дѣла, но вполнѣ прозаической канцелярской и почтовой работѣ. Съ большимъ юморомъ подсмѣиваясь надъ самимъ собой, онъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ, вмѣсто того, чтобы упиваться „грохотомъ орудій и звономъ мечей", онъ много дней корпѣлъ надъ разборкой писемъ и бумагъ, сопоставляя про себя всю прозу своего занятія съ тѣми байроническими впечатлѣніями, которыхъ онъ ожидалъ отъ участія „въ борьбѣ народа, возставшаго за свою свободу"...

Однако, если „поле битвы" не оставило въ немъ особенно яркихъ воспоминаній, то внутренняя борьба молодой сербской интеллигенціи со своимъ пропоицей и картежникомъ Миланомъ, успѣвшимъ въ моментъ всеобщаго одушевленія и тяжелыхъ всенародныхъ жертвъ довольно ловко обдѣлать свои королевскія дѣлишки, увлекла нашего саратовскаго радикала и втянула его въ кругъ домашнихъ серб-

скихъ интересовъ. Вмѣстѣ со своими пріятелями изъ сербовъ онъ что-то затѣвалъ противъ Милана, но, благодаря случайности, его конспирація преждевременно раскрылась. Н. П. Поливановъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Король Миланъ прислалъ добровольцамъ медальки за храбрость. При раздачѣ ихъ Петя отказался принять: не надо мнѣ благодарности вашего Милана! Не для него я пришелъ сюда; не надо мнѣ его медали! Эта выходка обратила на него вниманіе; былъ произведенъ обыскъ; нашли письменные документы... Онъ былъ арестованъ; держали его въ строгомъ заключеніи пока велось слѣдствіе объ организаціи заговора. Я видѣлъ Петю уже въ Ключахъ,—изможденный, худой,—онъ только-что пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Говорю ему: „что тебѣ за дѣло до Милана? Пошелъ ты воевать противъ турокъ,—ну, хорошо, и воюй. Что тебѣ до того, кто у нихъ король—Миланъ или Емелька?“ „Какъ что за дѣло, дядя? Если бы ты зналъ только, какой онъ негодяй!“... Много горячился, говоря про Милана и разсказывая всѣ его гадости...“

Въ кругу саратовскихъ товарищей Поливановъ появился вновь весной 77 года и нашелъ во всемъ большія перемѣны. Пока онъ былъ на Дунаѣ и увлекался борьбой противъ турокъ и короля Милана, его друзья на Волгѣ сдѣлали дальнѣйшій шагъ въ своемъ революціонномъ развитіи: отъ самообразованія и распространенія соціалистическихъ идей въ интеллигентной молодежи они перешли къ пропагандѣ среди рабочихъ. Въ другомъ очеркѣ [1]) я разсказывалъ вкратцѣ о дѣятельности Гераклитова [2]) и организованнаго имъ „кружка пропагандистовъ“; поэтому здѣсь я не буду повторять внѣшней исторіи этого и другихъ, позже возникшихъ, саратовскихъ кружковъ, и ограничусь лишь тѣмъ, что необходимо для связности разсказа. Въ февралѣ 77 года основанная Гераклитовымъ организація была разгромлена жандармами; самъ Гераклитовъ и Степанъ Ширяевъ успѣли на время скрыться заграницу; Вобоховъ и четверо другихъ пропагандистовъ сидѣли въ тюрьмѣ; тамъ же пребывало и нѣсколько человѣкъ изъ числа самыхъ твердыхъ и сознательныхъ рабочихъ, захваченныхъ пропагандой: рѣзчикъ Рябовъ, слесаря Нагель и Бобылевъ. Шиловцевъ, Е. Дубровинъ и много другихъ лицъ были подвергнуты кратковременному аресту и находились подъ надзоромъ полиціи. Такимъ образомъ, въ отсутствіе Поливанова его друзья получили свое „первое крещеніе“ или, какъ тогда выражались,—„побывали въ огнѣ“, и кругъ ихъ сильно порѣдѣлъ, но зато чрезвычайно поднялось и окрѣпло

[1]) Заграничное „Былое“, т. II. „Изъ жизни саратовскихъ кружковъ“.
[2]) Вернувшись изъ-за границы, Гераклитовъ былъ арестованъ въ Москвѣ; бѣжалъ изъ тюрьмы, и вскорѣ же умеръ отъ чахотки, нелегальнымъ.

ихъ революціонное настроеніе. Воспріимчивость, которую обнаружили городскіе рабочіе къ соціалистическимъ идеямъ, послужила въ глазахъ пропагандистовъ неопровержимымъ доказательствомъ жизненности этихъ идей. Таинственный и далекій, извѣстный ранѣе только по книгамъ, міръ „труждающихся и обремененныхъ“ раскрылъ передъ взорами интеллигентныхъ друзей теоретическаго „народа“ одинъ свой уголокъ, и каждый могъ воочію увидѣть частицу этого народа и соприкоснуться хоть отчасти съ его трудовой жизнью. Эта жизнь оказалась, дѣйствительно, ужасна. Книги насъ не обманули. И эти люди изъ народа, работавшіе по 12 и 15 часовъ въ сутки въ душныхъ заводахъ и пыльныхъ мастерскихъ, такіе непохожіе на насъ съ виду, лохматые и покрытые копотью,—они оказались, дѣйствительно, живыми людьми съ чуткой душой, съ неугасимымъ стремленіемъ къ свѣту, къ свободѣ, къ мечтѣ о всемірномъ братствѣ...

Наши книги и въ этомъ насъ не обманули. Впечатлѣніе было глубоко... И ужъ, конечно, не административными репрессіями можно было ослабить и потушить въ молодыхъ сердцахъ тотъ огонь, которымъ они пылали. Товарищи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, еще вчера были для насъ только хорошими товарищами; но теперь, когда они являлись жертвами борьбы и на дѣлѣ доказывали свою преданность народу, спокойно вынося лишеніе свободы и ожиданіе ссылки, они сразу превратились для своихъ друзей на волѣ въ героевъ и мучениковъ, ихъ образъ въ общей памяти какъ-то просвѣтлѣлъ, а въ то же время сознаніе ихъ близости къ намъ являлось могучимъ стимуломъ къ тому, чтобы не допустить ихъ жертвѣ пройти безслѣдно, не покинуть ихъ дѣла и во что бы то ни стало вести его впередъ.

Эта психологія сполна охватила только-что прибывшаго Поливанова и, вернувшись изъ поѣздки къ отцу, лѣтомъ 77-го года онъ примкнулъ къ новообразовавшемуся кружку, въ который вошли нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ членовъ кружка Гераклитова и только-что выпущенный изъ тюрьмы бывшій семинаристъ Поморцевъ. Вся эта молодежь въ своемъ революціонномъ энтузіазмѣ рѣшилась, пренебрегая всякой осторожностью, какъ можно скорѣй восполнить понесенный весной уронъ путемъ самой экстенсивной пропаганды. Поливановъ въ этихъ цѣляхъ поселился на одной квартирѣ съ двумя гимназистами-революціонерами, и вскорѣ ихъ квартира превратилась въ сборный пунктъ для всѣхъ, интересовавшихся нелегальной литературой и революціонными идеями. Матеріальная сторона жизни новыхъ друзей совсѣмъ не интересовала. Поливановъ получалъ отъ отца по 25 р. въ мѣсяцъ, одинъ изъ гимназистовъ имѣлъ стипендію въ 15 р. въ мѣсяцъ, а третій сожитель къ этому времени ушелъ отъ родныхъ съ намѣреніемъ „жить своимъ трудомъ“ и зарабаты-

вать уроками рублей 15—20, и этихъ средствъ было совершенно достаточно для существованія—разумѣется, коммунальнаго—всѣхъ троихъ. Квартира ихъ помѣщалась въ сыромъ, холодномъ и полутемномъ подвальномъ этажѣ одного дома на Армянской; питались они богъ знаетъ чѣмъ; мебели у нихъ не было почти никакой; но зато они чувствовали себя въ своихъ трехъ пустыхъ комнатахъ полными хозяевами, и каждый вечеръ, когда затворялись ставни, эти комнаты наполнялись всевозможной молодежью: знакомыми, знакомыми знакомыхъ и совершенно незнакомыми; городскими и пріѣзжими изъ уѣздовъ; учащимися, служащими, рабочими; доступъ былъ открытъ для всѣхъ; нелегальныя изданія предлагались каждому, и рѣчи велись съ такой свободой, какъ будто никакихъ жандармовъ, шпіоновъ и прокуроровъ въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ городѣ Саратовѣ,—уже не существовало. Поливановъ при своей начитанности и краснорѣчіи принималъ въ этихъ вечернихъ дебатахъ самое живое и подчасъ руководящее участіе. Главной темой всѣхъ рѣчей являлось доказательство того, что весь существующій строй основанъ на безпощадной эксплоатаціи народа привилегированнымъ меньшинствомъ, и что только самъ народъ можетъ стряхнуть съ себя иго и основать царсто правды. Каково оно будетъ?—объ этомъ много спорили. Какими силами подготовится и совершится предстоящая, грандіознѣйшая изъ революцій?—такой вопросъ сначала казался болѣе простымъ. Весь народъ во всемъ его цѣломъ, кромѣ ничтожной по численности кучки правителей и эксплоататоровъ, подчиняется гнету лишь потому, что не имѣетъ организаціи и не знаетъ исхода. Внести въ массу организаціонное начало и дать ей знаніе,—вотъ задача соціалистической интеллигенціи. Это лавристическое пониманіе раздѣлялось всѣми членами кружка, и споры велись только о частностяхъ. Я помню всеобщее недоумѣніе и чувство какой-то растерянности, когда при публичномъ чтеніи Лассаля въ кружкѣ дошли до того мѣста, въ которомъ Лассаль отзывается о крестьянскихъ войнахъ 16 вѣка какъ о явленіи реакціонномъ. Лассаль пользовался тогда громаднымъ авторитетомъ, гораздо большимъ, чѣмъ теперь, когда его заслонилъ Марксъ. Но его взглядъ такъ рѣзко противорѣчилъ общему характеру нашихъ мнѣній, сложившихся подъ преимущественнымъ вліяніемъ П. Л. Лаврова и Прудона, что, послѣ горячихъ и долгихъ преній, всѣми было рѣшено, что Лассаль въ этомъ случаѣ увлекся и хватилъ черезъ край. Тѣсная связь такой оцѣнки великаго крестьянскаго движенія со всѣмъ строемъ мысли автора „Программы Рабочихъ“ осталась для насъ въ то время совершенно неуясненной.

Такъ какъ соціализмъ воспринимался интеллигентной молодежью, главнымъ образомъ, какъ нравственное ученіе,

озаряющее человѣчество свѣтомъ новыхъ идеаловъ и требующаго отъ каждаго послѣдователя совсѣмъ не того поведенія, какое рекомендовалось ему ходячей, буржуазной моралью, то вопросы чисто нравственные и тѣсно съ ними связанные —общефилософскіе также возбуждали напряженный интересъ и давали темы для оживленныхъ дебатовъ. „Логика", „Утилитаризмъ" и другія сочиненія Милля, „Основныя Начала" Герберта Спенсера, Огюстъ Контъ въ изложеніи Льюиса,— вотъ книги, служившія фундаментомъ тогдашняго философскаго образованія. Полнаго и нераздѣльнаго вліянія англійскіе позитивисты, однако, не имѣли благодаря блестящимъ статьямъ Михайловскаго противъ Спенсера, постоянно поддерживавшимъ самодѣятельность мысли и развивавшимъ критическое отношеніе къ самымъ вѣскимъ авторитетамъ.

Въ явленіяхъ текущей народной и государственной жизни съ запасомъ нѣсколькихъ общихъ идей, но безъ широкихъ свѣдѣній въ политической экономіи, статистикѣ и вопросахъ права разбираться было бы трудно, и тутъ надежнымъ руководителемъ являлся для всѣхъ Г. З. Елисѣевъ съ его „внутренними обозрѣніями" въ „Отечественныхъ Запискахъ." Эти внутреннія обозрѣнія прочитывались обыкновенно публично вслѣдъ за статьями Щедрина и Глѣба Успенскаго и формировали отношеніе всего кружка къ конкретнымъ актамъ правительственной дѣятельности.

Распространеніе нелегальной литературы и пропаганда въ своемъ кругу въ глазахъ Поливанова и его друзей являлись, однако, только междудѣльемъ; настоящимъ „дѣломъ" они считали лишь пропаганду въ народѣ и ближайшей своей цѣлью поставили возрожденіе въ Саратовѣ рабочей организаціи, разсыпавшейся послѣ весеннихъ арестовъ. Передъ ними прежде всего стоялъ вопросъ: какъ найти тѣхъ рабочихъ, которые посѣщали прежнія сходки? Развѣдки показали, что нѣкоторые изъ такихъ рабочихъ послѣ допросовъ и жандармской волокиты успѣли разъѣхаться изъ Саратова, многіе другіе струхнули и потеряли охоту къ участію въ нелегальныхъ кружкахъ, и, наконецъ, большинство было связано съ прежнимъ кружкомъ только личностью того или иного пропагандиста, и съ его исчезновеніемъ для всего круга его знакомыхъ обрывалась всякая связь съ революціоннымъ міромъ. Кое-кого, однако, разыскать удалось. Между прочимъ, возстановилась связь съ портнымъ Василіемъ Карповичемъ Карповымъ и съ плотникомъ Антономъ Федорычемъ. Оба они были люди общительнаго характера, не обладавшіе выдающимся развитіемъ или агитаторскими дарованіями, но настроенные очень революціонно. Они сослужили пропагандистамъ большую службу, заводя въ рабочей средѣ широкія знакомства, подготовляя своими рѣчами почву и намѣчая лицъ, наиболѣе интеллигентныхъ и воспріимчивыхъ къ револю-

ціоннымъ идеямъ. Среди наборщиковъ, распропагандированныхъ въ предыдущемъ году Петромъ Ширяевымъ, братомъ Степана, выдѣлились своимъ развитіемъ и убѣжденностью двое: Егоровъ и Масленниковъ, ставшіе дѣятельными членами новаго кружка; нашлось послѣ долгихъ поисковъ и еще нѣсколько человѣкъ, и къ осени пропаганда по мастерскимъ и мелкимъ заводамъ уже велась приблизительно двумя десятками лицъ изъ интеллигентной молодежи и сознательныхъ рабочихъ.

По условіямъ того времени это была, конечно, работа кустарная, производившаяся тайкомъ, съ соблюденіемъ всякихъ предосторожностей противъ подозрительности хозяевъ мастерскихъ или членовъ ихъ семействъ. Кто-нибудь изъ усвоившихъ соціализмъ рабочихъ заводилъ связь въ новой мастерской, разъ-другой бесѣдовалъ тамъ, возбуждалъ въ слушателяхъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ, и на слѣдующій разъ уже звалъ съ собой пропагандиста въ трактиръ или въ помѣщеніе мастерской, если зналъ, что хозяина не будетъ дома. Пропагандистъ, одѣвшись по-проще, приходилъ какъ бы случайно, и рабочій, который его привелъ, рекомендовалъ его какъ своего пріятеля, какого-нибудь слесаря, фельдшера или мелкаго конторщика. Поливанову, при его прямомъ и открытомъ характерѣ, было всегда очень не по себѣ въ чужой шкурѣ. Выдерживая свою роль, на первыхъ порахъ послѣ появленія приходилось болтать о томъ, о семъ, какъ бы невзначай сводя бесѣду къ политикѣ, и эта необходимая фальшь была для него настолько противна, что для перваго посѣщенія какого-нибудь новаго мѣста мы чаще всего отправлялись вдвоемъ, и начиналъ бесѣду обыкновенно я, но разъ дѣло налаживалось, и мастеровые втягивались въ разговоръ на животрепещущія темы, чувство неловкости оставляло нашего лже-слесаря, и онъ, мало заботясь о поддержаніи своей личины, начиналъ говорить самъ, увлекался и нерѣдко, отдаваясь своему темпераменту, произносилъ цѣлую рѣчь, по обыкновенію страстную, яркую и по формѣ вполнѣ литературную. Отдѣльныя выраженія такой рѣчи для совершенно не подготовленныхъ слушателей были не всегда понятны, но искренность чувства и глубокая вѣра въ свои слова дѣйствовали на нихъ сильно, и Поливановъ, какъ пропагандистъ, имѣлъ среди рабочихъ успѣхъ. Мнѣ часто казалось, что при этихъ качествахъ недоступность иныхъ фразъ и общая, чисто интеллигентская структура рѣчи даже нравились простымъ слушателямъ, по крайней мѣрѣ—охотно ими прощались оратору ради тѣхъ, новыхъ для нихъ, сильныхъ и возвышающихъ чувствъ, которыя возбуждала эта страстная проповѣдь. На самого Поливанова, какъ и на прочихъ пропагандистовъ, дѣятельность въ новой обстановкѣ производила сильное и въ высшей степени бодрящее впе-

чатлѣніе. Въ силу нѣкоторой художественности темперамента, обстановка вообще имѣла для него большое значеніе. Тутъ, въ какомъ-нибудь подвалѣ съ подслѣповатыми окнами, среди верстаковъ, пилъ, полуобструганныхъ досокъ, въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ свѣжихъ стружекъ и сырого дерева, передъ слушателями иногда босоногими, безпоясыми, съ перехваченными ремешкомъ кудрями онъ чувствовалъ себя именно тамъ, куда зоветъ соціалиста его долгъ,—съ людьми труда, въ ихъ собственномъ мрачномъ и подневольномъ мірѣ, откуда онъ укажетъ имъ путь къ свѣту и свободѣ.

По понятіямъ того времени, пропаганда среди городскихъ рабочихъ должна была служить интеллигентному соціалисту подготовительной школой для пропаганды среди крестьянъ, и Поливановъ мечталъ, поработавъ въ городѣ, непремѣнно уйти въ деревню—сельскимъ учителемъ, волостнымъ писаремъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Одно новое знакомство дало его мечтамъ въ этомъ направленіи болѣе конкретную форму: сблизился съ кружкомъ почтовый чиновникъ, Николай Ивановичъ П., учившійся въ Астрахани и, послѣ окончанія гимназіи тамъ же, ходившій въ народъ: онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ чернорабочимъ на рыбныхъ ватагахъ. Эту пору онъ охотно вспоминалъ и въ его разсказахъ хорошо обрисовывалась своеобразная жизнь каспійскаго побережья, куда собираются тысячи крестьянъ на рыбный промыселъ, и гдѣ они, попадая въ капиталистическія сѣти, сами становятся добычей для рыбниковъ-милліонеровъ, въ родѣ пресловутыхъ Беззубиковыхъ, и тому подобныхъ матерыхъ щукъ надводнаго міра. Николай Ивановичъ,—волжскій малороссъ по происхожденію,—не безъ юмора, но съ большой теплотой вспоминалъ о сѣрой и темной массѣ ватажниковъ и передавалъ поразительные факты хищничества, эксплоатаціи и гнета со стороны хозяевъ,—этихъ пузатыхъ „степенствъ,“ невѣжественныхъ, безсовѣстныхъ, дикихъ и, тѣмъ не менѣе, имѣющихъ власть надъ тысячами человѣческихъ существъ и являющихся въ нашемъ обществѣ „организаторами“ обширныхъ отраслей народнаго хозяйства. Горячее сердце Поливанова кипѣло при этихъ разсказахъ. „Да какъ они все это выносятъ?! Объясните вы мнѣ, какъ можетъ человѣкъ все это вынести?!“,—негодовалъ онъ, и какъ прежде, слушая о звѣрствахъ турокъ, онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и его подмывало тотчасъ же вступить съ турками въ рукопашную, такъ и теперь онъ воспламенился мыслью ближайшей же весной отправиться въ Астрахань, поступить чернорабочимъ въ какую-нибудь ватагу и подвинуть промысловыхъ рабочихъ къ борьбѣ, если не за всероссійскую свободу, то, по крайней мѣрѣ, за ихъ собственное человѣческое достоинство.

Мысль эта его сильно занимала, но ей не суждено было осуществиться: домохозяйка, вдовица Смиренномудренская,

была особа набожная, помышлявшая больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ (за исключеніемъ квартирной платы, которую взимала неукоснительно); поэтому, съ наступленіемъ зимы, въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ, добродѣтельная старушка все никакъ не удосуживалась хоть разъ протопить свой подвальчикъ и въ немъ стало сыро и холодно, какъ въ лѣсной ямѣ. На всѣ требованія начать топку вдовица, принявъ скорбный видъ, отвѣчала назиданіями: „люди вы молодые,—могли бы и потерпѣть, а вы все объ удобствахъ да о пріятностяхъ своихъ стараетесь! О томъ и не думаете, что вся-то наша жизнь есть лишь переходъ въ жизнь вѣчную. Роптать—значитъ: оскорблять Господа!..“, и выходило, такимъ образомъ, что, добиваясь тепла, жильцы—ни много, ни мало—оскорбляютъ Господа, и волей-неволей приходилось терпѣть, а наименѣе выносливому изъ нихъ, Поливанову, чуть не пришлось и „перейти на жизнь вѣчную“. Заполучилъ онъ тифъ въ самой тяжелой формѣ, и товарищи перемѣстили его на квартиру одного семейнаго обывателя, гдѣ можно было доставить больному хоть какія-нибудь удобства. Тѣмъ не менѣе хворалъ онъ долго, выздоравливалъ медленно и вполнѣ оправился только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

За время его болѣзни произошло одно событіе, оставившее неизгладимый слѣдъ во всѣхъ, кто его пережилъ: „въ горахъ раздался первый выстрѣлъ“. По всей Россіи прогремѣлъ выстрѣлъ Засуличъ. Онъ явился въ то время именно тѣмъ выстрѣломъ, который заставляетъ долго накоплявшіяся, но доселѣ неподвижныя снѣжныя массы сразу низвергаться широкой лавиной. Поливановъ встрѣтилъ извѣстіе объ этомъ выстрѣлѣ съ энтузіазмомъ. Лавризмъ его взглядовъ ни на минуту не могъ пересилить въ немъ революціонности темперамента, и точка зрѣнія его на этотъ фактъ и на всѣ подобные факты, какіе могли произойти въ будущемъ, установилась сразу. Помню я, какъ теперь, маленькую, опрятную комнатку въ квартирѣ Т., гдѣ жилъ тогда выздоравливающій Поливановъ, его восторгъ, его страстность и то негодованіе, съ которымъ онъ обрушился на меня за мои сомнѣнія. Какъ весьма юный лавристъ, напитанный лавризмомъ до конца ногтей и смотрѣвшій тогда на „Историческія Письма“, какъ на завершеніе всей политической мудрости человѣчества, я, наперекоръ своему сердцу, старался удержаться на высотѣ „научнаго соціализма“, какимъ представлялся тогда именно лавризмъ, а Поливановъ, при всемъ своемъ лавристическомъ правовѣріи, тѣмъ не менѣе отказывался понимать, какимъ образомъ „человѣкъ, считающій себя революціонеромъ, не видитъ, что только съ этого выстрѣла и начинается въ Россіи революція. Раньше были только мечты, разговоры, подготовленія къ революціи. А вѣдь

сама революція именно въ томъ и состоитъ, чтобы драться и низвергать враговъ народа. Не вѣкъ же все только разъяснять другимъ, что когда-нибудь надо же будетъ и подраться!..“

Горячность и опредѣленность его отношенія къ первому акту революціоннаго отвѣта на насилія сильно вліяли на товарищей Поливанова, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такое же отношеніе къ подобнымъ актамъ стало среди нихъ всеобщимъ.

Другимъ факторомъ революціоннаго возбужденія для молодежи этого періода являлись отголоски процессовъ: 50-ти и 193-хъ. По процессу 50-ти былъ осужденъ саратовецъ Бѣляевскій; это былъ первый саратовецъ, которому предстояла Сибирь, и его участь возбуждала всеобщій интересъ и сочувствіе. Рѣчи подсудимыхъ, и въ особенности рѣчь Петра Алексѣева,—чуть не наизусть заучивались и создали главнымъ участникамъ этого процесса громкое имя. По дѣлу 193-хъ привлекалась цѣлая группа саратовцевъ, и одинъ изъ сожителей Поливанова, гимназистъ Лавровъ, фигурировалъ въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтеля. По возвращеніи изъ Петербурга подсудимые: Виддиновъ, П. Ломоносовъ, Палимпсестовъ и остававшійся все время на свободѣ Лавровъ своими разсказами обо всѣхъ перипетіяхъ дѣла и привезенными ими листками нелегально изданныхъ отчетовъ о судѣ возбуждали повсюду живой интересъ и являлись героями сезона. Оба эти процесса служили для всѣхъ доказательствомъ того, ранѣе все еще остававшагося подъ сомнѣніемъ факта, что революціонныя идеи не остаются болѣе достояніемъ разрозненныхъ и рѣдкихъ кружковъ, что онѣ широко разлились по всей Россіи и нашли доступъ въ рабочую среду; а значитъ,—какъ тогда казалось,—революціи ждать уже недолго. Еще нѣсколько усилій и жертвъ со стороны соціалистической интеллигенціи,—и „мускулистая рука рабочаго“, какъ предвѣщалъ сенаторамъ Петръ Алексѣевъ, поднимется и разорветъ всѣ цѣпи, сокрушитъ всѣ тюрьмы на обновленной землѣ...“

Взвинченный всѣмъ этимъ до полной невозможности сидѣть на мѣстѣ, Поливановъ, едва оправившись отъ болѣзни, принялъ на себя порученіе кружка: отправиться въ центры, т. е. въ Петербургъ и въ Москву, и привезти оттуда побольше нелегальной литературы, запасъ которой въ Саратовѣ былъ близокъ къ истощенію. По пословицѣ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“,—поѣздка эта совпала по времени съ двумя событіями, въ которыхъ Поливановъ принялъ самое дѣятельное участіе.

Въ Петербургъ онъ попалъ какъ разъ къ процессу Вѣры Засуличъ и уже, конечно, не упустилъ такого случая проявить свой энтузіазмъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ

горячихъ въ толпѣ той молодежи, которая передъ зданіемъ суда устроила овацію оправданной и помѣшала жандармамъ схватить ее и вновь арестовать, какъ они коварно затѣвали, предвидя возможность оправданія, но не предвидя возможности сопротивленія.

Возбужденный петербургскими впечатлѣніями еще больше, чѣмъ прежде, Поливановъ выѣхалъ въ Москву, добылъ тамъ литературу, и уже совсѣмъ, было, собрался ѣхать въ Саратовъ, когда въ Москвѣ получилось извѣстіе, что вотъ-вотъ прибудутъ на курскій вокзалъ кіевскіе студенты, высылаемые административно въ Вологодскую губернію. Въ этой партіи находился и пріятель Поливанова, саратовецъ Иванъ Петровичъ Ювенальевъ, уже годомъ раньше проводившій въ Саратовѣ идею о необходимости для дальнѣйшихъ успѣховъ революціи публичныхъ выступленій: всякихъ оваціи, демонстрацій и манифестацій. Тутъ манифестація налаживалась сама собой. Борьба кіевскихъ студентовъ за свои корпоративные интересы, какъ и всякая борьба съ высшей администраціей, въ то время и въ глазахъ правительства и въ глазахъ публики, имѣла политическій оттѣнокъ. Москвичи видѣли въ кіевлянахъ товарищей-революціонеровъ, и въ московскомъ студенчествѣ естественно явилось стремленіе встрѣтить ихъ и выразить ссыльнымъ свою солидарность. Поливановъ сдалъ увѣсистый тюкъ, пріобрѣтенный имъ для саратовцевъ нелегальщины на храненіе какому-то совершенно неизвѣстному ему студенту, а самъ вмѣстѣ съ пріятелями, отъ которыхъ онъ добылъ эту нелегальщину, тотчасъ же принялся агитировать за торжественную встрѣчу кіевлянъ. Забѣгали по Москвѣ: изъ Петровки къ техникамъ, отъ техниковъ въ университетъ, наскоро собрали человѣкъ триста, и толпой нахлынули на курскій вокзалъ. Сопротивленіе жандармовъ оказалось безсильно, встрѣча состоялась, и съ вокзала длинный рядъ конвоируемыхъ жандармами каретъ, окруженный восторженной толпой молодежи, двинулся по улицамъ Москвы,—тогдашней Москвы, далекой отъ всякой политики, сонной и отсталой. Встрѣчная публика изъ интеллигенціи смотрѣла на шествіе со смѣшаннымъ чувствомъ испуга и симпатіи, масса обывателей просто съ недоумѣніемъ глазѣла, а полиція... до поры до времени отсутствовала. Радостно возбужденный „успѣхомъ" манифестаціи, Поливановъ шелъ рядомъ съ каретой, въ которой везли Ювенальева, дѣлясь съ пріятелемъ отрывочными фразами и весело осматривая шумную толпу сопутствующей молодежи и все болѣе увеличивающуюся массу зрителей, которой манифестанты наскоро объясняли, кого это везутъ и за что и почему этихъ ссыльныхъ слѣдуетъ чествовать.

Дошли до Охотнаго Ряда, и вдругъ что-то произошло. Процессія пріостановилась; впереди послышался какой-то

гамъ. Поливановъ бросился впередъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и неожиданно увидѣлъ побоище: множество дюжихъ охотнорядцевъ, а съ ними и всякаго сѣраго люда, остервенѣло накинулись на молодежь, сбивая съ ногъ мужчинъ и женщинъ, волоча по землѣ опрокинутыхъ и нещадно избивая всѣхъ, кто попадался подъ руку.

Годомъ позже, скитаясь „въ народѣ", я самъ слышалъ отъ двоихъ фабричныхъ, участвовавшихъ въ избіеніи студентовъ, такой разсказъ:—Пошли мы съ Митькой къ земляку; дошли до Охотнаго Ряда, а тамъ видимъ народъ собирается, шумятъ чего-то. Ну, мы подошли: что такое?..—намъ и говорятъ: студенты бунтуютъ, идутъ по улицѣ, человѣкъ тыща ихъ, кричатъ, царя ругаютъ, товарищей своихъ, которыхъ въ Сибирь шлютъ, отбить хотятъ. Въ Охотный Рядъ, — говорятъ, — сейчасъ приставъ забѣгалъ, мясниковъ упрашивалъ: „вы ихъ попотчуйте, ребята, за милу душу; они противъ государя-императора обижаются, что онъ отъ ихъ родителевъ мужиковъ отобралъ, такъ вы имъ и покажите по-своему, по-мужицки, какъ противъ императора въ Москвѣ бунтовать!.. А насъ, говоритъ, полиціи то-есть, и не будетъ вовсе, равно бы мы и не знаемъ ничего..." Ну, мы съ Митькой и остались. Какъ подошли они,—ужъ мы тутъ не разбирали: студентъ не студентъ, а кто въ господское платье одѣтъ, тѣхъ и лупимъ... Вотъ вамъ и мужики! Попомните, какіе есть мужики! какія у васъ теперь на мужиковъ права!

Увидавъ побоище, Поливановъ, конечно, ринулся впередъ, и разсказъ его о дальнѣйшемъ я до сихъ поръ помню превосходно:—только что я выскочилъ изъ ряда и не успѣлъ еще ни одного мерзавца ударить, какъ наперъ на меня какой-то огромнѣйшій верзила въ передникѣ, да какъ ухнетъ меня по головѣ словно обухомъ, и все у меня въ глазахъ завертѣлось... чувствовалъ я только, что куда-то лечу, и больше ничего не помню (надо замѣтить, что Поливановъ былъ человѣкъ физически очень малосильный)... Очнулся,—голову ломитъ, слабость страшная, въ глазахъ мутно все какъ-то. Всталъ съ мостовой, смотрю кругомъ: на площади только кое-гдѣ остаются наши; ихъ лупятъ; они бѣгутъ; имъ вслѣдъ лабазники улюлюкаютъ и гогочутъ... Мерзко мнѣ стало невыносимо. Что же, думаю, дѣлать? Броситься опять въ драку? Я и такъ еле на ногахъ стою, а ихъ масса... Такъ,—встать, получивъ взбучку, да и пойти?.. Невозможно прямо. Тутъ еще бьютъ нашихъ, какъ же я пойду?.. Вижу: стоитъ неподалеку кучка лабазниковъ и созерцаетъ все, точно публика партера: довольны, канальи, издѣваются... Взорвало меня. Подошелъ я къ нимъ; думаю: вѣдь не скоты же они въ самомъ дѣлѣ? поймутъ же они человѣческое слово!.. и сталъ имъ что-то такое говорить... И вотъ, хоть бы они меня вздули

опять! А то подошелъ ко мнѣ какой-то пожилой, взялъ за плечи, повернулъ легонько и говоритъ: „тебѣ уже досталось; мало что ли?.. иди, иди себѣ пока цѣлъ"... Подлѣй этого положенія ничего въ жизни не могу себѣ представить!.. Пришлось вѣдь пойти!.. Сѣлъ на перваго извозчика и уѣхалъ...

Несмотря на такой жалкій исходъ этой, первой въ Москвѣ, публичной манифестаціи, настроеніе молодежи нисколько не понизилось. Однимъ утѣшеніемъ являлась мысль, что лабазники не настоящій „народъ", а вторымъ—несомнѣнный фактъ глубокаго невѣжества нападавшей сѣрой массы и ея увѣренность въ томъ, что „студенты" это—„господа", стремящіеся возстановить крѣпостное право. Такое чудовищное заблужденіе не можетъ служить прочной опорой для администраціи. Ложь рано или поздно откроется,—это неизбѣжно, и если администраціи вынуждена поддерживать и распространять въ массахъ такія басни, то значитъ—дѣло ея плохо, и она становится похожа на тѣхъ рыбъ, которыя, чтобы скрыться отъ сильнаго врага, за отсутствіемъ другихъ средствъ самообороны, мутятъ воду, только въ этой мути и находя спасеніе. Наконецъ, возмущеніе поведеніемъ администраціи со стороны широкихъ круговъ интеллигентнаго общества всей Россіи и всеобщій подъемъ симпатій къ студентамъ являлся положительнымъ результатомъ этого побоища и наличность такого результата позволяла участникамъ манифестаціи безъ унынія и безъ потери самоуваженія пережить позоръ публичнаго избіенія яко бы тѣмъ самымъ „народомъ", во имя котораго они возставали.

У Поливанова, по возвращеніи въ Саратовъ, это настроеніе выразилось въ характерной для него формѣ шутки надъ самимъ собой. Когда, въ первое время послѣ его поѣздки, случалось надъ нимъ по-пріятельски подшутить, онъ, бывало, отвѣчалъ, принявъ комически гордый видъ:—Ваничка! питай ко мнѣ уваженіе! Я вѣдь теперь могу сказать о себѣ, какъ капитанъ Копейкинъ, что „кровь свою въ нѣкоторомъ родѣ за отечество проливалъ"... А ты? хоть разъ въ жизни, скажи: былъ ли ты за отечество свое... заушаемъ?

Такимъ образомъ, всѣ впечатлѣнія тогдашней жизни, и радостныя и тяжелыя, постоянно углубляли и усиливали въ Поливановѣ революціонное настроеніе, но нельзя сказать того же о теоретическихъ основахъ его міросозерцанія. Прежде всего тутъ имѣло значеніе естественное развитіе молодого ума и расширеніе знаній. При всей подвижности и общительности своей натуры, Поливановъ читалъ очень много. Теоретически, какъ лавристъ, онъ признавалъ для революціонера необходимымъ широкое, энциклопедическое образованіе, и выходъ изъ гимназіи, избавивъ его отъ долбежной повинности, тяготѣвшей не только надъ гимназистами, но и надъ сверстниками Поливанова, студентами первыхъ кур-

совъ, освободилъ его время для занятій тѣми предметами, къ которымъ его болѣе всего тянуло. Такимъ предметомъ была прежде всего исторія, а затѣмъ—соціологія, которая въ своихъ корняхъ тѣсно переплеталась съ антропологіей и этнографіей; эти въ свою очередь переплетались съ тѣмъ-то и съ тѣмъ-то, всякій вопросъ возбуждалъ рядъ другихъ вопросовъ, всякая теорія опиралась, какъ на фундаментъ, или пользовалась, какъ строительнымъ матеріаломъ, другими теоріями, и міръ знанія развертывался передъ молодымъ умомъ тѣмъ безпредѣльнѣе, чѣмъ выше поднимался этотъ умъ въ своихъ исканіяхъ. Поливановъ относился къ книгѣ такъ же страстно, какъ и къ самой дѣйствительности. У него были авторы-любимцы, къ которымъ онъ питалъ такія же горячія чувства какъ и къ личнымъ друзьямъ, и авторы-враги, которыхъ онъ презиралъ, ненавидѣлъ и осыпалъ самыми язвительными насмѣшками, какъ только заходила о нихъ рѣчь. Такими жертвами его полемическаго темперамента служили, главнымъ образомъ, представители золотой середины: Борисъ Чичеринъ изъ русскихъ, Маколей изъ англичанъ и т. п., но главнымъ bête noire для него всегда оставались нѣмцы. Они были въ его глазахъ только „семинаристами Европы", какъ называлъ ихъ когда-то Герценъ. Поливановъ не находилъ въ ихъ исторіи никакой красоты, въ ихъ мысли никакой смѣлости, а самое ихъ пресловутое „глубокомысліе" представлялось ему только неспособностью выражаться изящно и ясно. Къ англичанамъ онъ питалъ довольно холодное уваженіе, но восторженную симпатію вызывали въ немъ итальянцы и французы. Эта черта осталась у него навсегда, и въ одномъ изъ его шлиссельбургскихъ писемъ къ сестрѣ (16 февраля 900 года) есть такое мѣсто:

„... Знаешь ли? твое письмо явилось въ нѣкоторомъ отношеніи вызовомъ моимъ симпатіямъ, которыя рѣзко ограничены романскими народами; болѣе же всего я не люблю нѣмцевъ, т. е. собственно пруссаковъ; южныхъ нѣмцевъ я не знаю, но я бывалъ въ Вѣнѣ, и какъ самый городъ, такъ и веселые, живые, вѣжливые, жизнерадостные вѣнцы оставили у меня по себѣ самыя хорошія воспоминанія. Чтобы ты поняла, насколько я къ нимъ благосклоненъ, скажу, что ихъ можно до нѣкоторой степени сравнить съ французами. Твоя апологія,—иначе я не могу назвать твое письмо,—смягчила мое сердце: я рѣшилъ оказать пощаду Гейдельбергу и его обитателямъ, за исключеніемъ,—тутъ просьбы твои будутъ безполезны,—„буршей"-корпорантовъ, что поютъ передъ памятникомъ Бисмарка: „Deutschland über alles!" Я заставилъ бы ихъ проѣхать въ Страсбургъ и спѣть марсельезу передъ памятникомъ Клебера,—вѣдь это изъ Гейдельберга рукой подать!" и т. д...

Вопросы чисто отвлеченные, интересъ къ кот^рымъ въ

этомъ періодѣ началъ возникать у нѣкоторыхъ товарищей Поливанова,—матеріализмъ или пантеизмъ въ философіи?, субъективизмъ (по Михайловскому) или объективизмъ (по Спенсеру) въ соціологіи? Милль или Кантъ въ этикѣ?,—не остались чуждыми Поливанову, но они не захватывали его такъ глубоко, какъ, напримѣръ, Шиловцева и кое-кого еще изъ его пріятелей. Зато по вопросамъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ насущнымъ задачамъ революціонной тактики момента, Поливановъ являлся однимъ изъ самыхъ горячихъ и неутомимыхъ дебатеровъ. Умъ или чувства толпы должны служить основой для воздѣйствія на нее со стороны провозвѣстниковъ новыхъ идеаловъ?,—на эту тему не уставали спорить въ то время, т. к. къ такой отвлеченной формулѣ сводилась сущность разногласій между пропагандистами (лавровцами), бунтарями (бакунинцами) и только-что народившимися „народниками“, въ томъ партійномъ смыслѣ этого слова, который далеко не совпадалъ съ его общелитературнымъ значеніемъ.

„Народники“ въ этомъ партійномъ смыслѣ слова появились въ Саратовѣ въ 77 году, наѣздомъ изъ Петербурга и все время, пока существовало это направленіе, составляли и въ городѣ и въ губерніи особыя колоніи, члены которыхъ вели знакомство съ мѣстной молодежью, но не проявили стремленія сколько-нибудь настойчиво привлекать ее въ свои ряды. Знакомство съ десятками петербургскихъ революціонеровъ, проѣзжавшихъ черезъ Саратовъ или осѣдавшихъ въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, разумѣется, не могло пройти безслѣдно для впечатлительной натуры Поливанова. Пріѣзжіе питерцы всѣ были по возрасту значительно старше него,—лѣтъ на пять, на шесть и болѣе; нѣкоторые изъ нихъ производили впечатлѣніе людей талантливыхъ и широко интеллигентныхъ; наконецъ, всѣ они были членами самыхъ передовыхъ кружковъ самаго передового и центральнаго города во всей Россіи. Это все, конечно, не могло не импонировать провинціальной молодежи, но въ характерѣ Поливанова было достаточно самостоятельности, и убѣжденія его уже въ то время были достаточно продуманны для того, чтобы онъ не сдался передъ „знатными иностранцами“ и не отказался отъ своихъ взглядовъ въ трудныхъ для юноши преніяхъ съ опытными діалектиками петербургскихъ сходокъ и заграничныхъ (женевскихъ и цюрихскихъ) собраній. Онъ горячо отстаивалъ въ спорахъ свой лавризмъ, но постоянное соприкосновеніе съ людьми другихъ взглядовъ тѣмъ не менѣе вліяло на его умъ и побуждало къ пересмотру своихъ идей съ болѣе широкихъ и разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

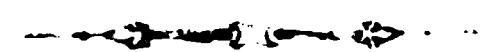
Узкая, кружковая замкнутость и „партійность“ сектантскаго оттѣнка были совершенно чужды его натурѣ,—можетъ-быть, потому, что въ немъ была слишкомъ сильна его соб-

ственная индивидуальность и что эта индивидуальность была достаточно широка для того, чтобы найти въ себѣ отзвукъ на всякое искреннее чувство... Благодаря этому никто въ тогдашнемъ Саратовѣ не имѣлъ такихъ разнообразныхъ связей въ самыхъ различныхъ кружкахъ и не былъ въ той же мѣрѣ „своимъ" у чужихъ (въ предѣлахъ революціоннаго міра), какъ именно Поливановъ, вѣчно спорившій съ „чужими" ожесточеннѣйшимъ образомъ. Ссоры у него при этомъ возникали что ни день, но онѣ обыкновенно и продолжались день-другой и заканчивались при первой же встрѣчѣ веселымъ смѣхомъ обоихъ „враговъ". Характеръ этихъ ссоръ всегда былъ одинъ и тотъ же: кто-нибудь въ пылу спора выразитъ мысль, по мнѣнію Поливанова, вульгарную, „достойную какого-нибудь картофельно-пивного націоналъ-либерала, а не русскаго революціонера", или—еще хуже—недостаточно уважительно отзовется о комъ-нибудь изъ героевъ европейской революціи: не дай богъ—о Гарибальди, о Маццини, о Бланки...—и ссора, самая бурная, готова. Поливановъ вскакиваетъ, громитъ, негодуетъ, язвитъ и въ концѣ концовъ просто ругается... Но проходитъ часъ-другой, и онъ сконфуженно сообщаетъ какому-нибудь пріятелю: „Чертъ его знаетъ, какъ это вышло! Выругалъ я Ваську постепеновцемъ, филистеромъ, мѣщанской душонкой... въ концѣ концовъ посовѣтовалъ ему даже открыть мелочную лавочку, а не революціей заниматься... Онъ, кажется, обидѣлся?.. вѣдь вотъ оказія!"

Отказать какому бы то ни было соціалисту въ помощи только потому, что тотъ иного прихода, казалось Поливанову чѣмъ-то до нельзя дикимъ и неприличнымъ, а всякія проявленія кружковой нетерпимости и дипломатической неискренности въ сношеніяхъ кружка съ другими группами вызывали съ его стороны рѣзкое осужденіе. Вся ненависть этого человѣка, бывшаго революціонеромъ до мозга костей, была направлена противъ враговъ народа, а въ тѣхъ, кто искренно стремился къ народному благу, какими бы путями люди ни шли, онъ видѣлъ прежде всего товарищей, быть-можетъ,—завтрашнія жертвы правительства, людей обрекшихъ себя на гибель для освобожденія Россіи. Немудрено, что при такомъ отношеніи ко всѣмъ участникамъ движенія споры шли у него спорами, а „дѣло" покрывало собой все разногласіе, и этотъ лавристъ сплошь и рядомъ оказывалъ всевозможныя услуги революціонерамъ другихъ направленій, часто тѣмъ самымъ, съ которыми упорнѣе всего на словахъ препирался.

Саратовецъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Декабристы.

Мелкія замѣтки и матеріалы.

1.

Письмо Е. Ѳ. Муравьевой къ М. Н. Муравьеву.

Настоящее письмо обращено къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, извѣстному впослѣдствіи графу Муравьеву-Виленскому (р. 1796 † 1866) и относится къ тому времени, когда онъ, по выходѣ въ отставку подполковникомъ изъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части (1820), проживалъ въ имѣніи своей жены Пелагеи Васильевны, рожд. Шереметевой,—селѣ Лазицахъ, Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Членъ и дѣятельный участникъ Союза Благоденствія, одинъ изъ составителей его устава (такъ называемой „Зеленой Книги"), онъ вышелъ изъ него, когда Союзъ распался и прервалъ сношенія съ товарищами, но интересовался ихъ судьбою, что видно изъ сообщеній Екатерины Ѳедоровны Муравьевой (р. 1771† 1848). Послѣдняя, его дальняя родственница, была матерью двухъ декабристовъ—Никиты и Александра Михайловичей, о которыхъ и упоминается въ письмѣ; они оба скончались въ Сибири: первый въ 1843, второй—въ 1853 г.—М. Н. Муравьевъ, арестованный послѣ 14-го декабря въ Москвѣ (12-го января 1826 г.), былъ продержанъ сперва въ Петропавловской крѣпости, а потомъ въ Военно-Сухопутномъ Госпиталѣ—до 3-го іюля 1826 г., когда былъ выпущенъ на свободу безъ всякихъ послѣдствій. Письмо Е. Ѳ. Муравьевой писано подъ ея диктовку, и только подпись и приписка въ концѣ сдѣланы ею собственноручно.

1825 года, Марта 6 (Петербургъ).

Я начну мое письмо тѣмъ, мой любезный Michel, чтобъ объявить тебѣ, что у Никиты Михайловича родился сынъ, котораго назвали Михайломъ [1]), то ты можешь представить, мой другъ, что все это время мнѣ нельзя было писать; Никита тебѣ очень кланяется и самъ непре-

---

[1]) Умеръ въ младенчествѣ.

мѣнно будетъ скоро писать; онъ чрезвычайно занятъ по должности своей: онъ долженъ писать и притомъ читать въ Штабѣ военную Исторію [1]).

Письма твои я по нумерамъ получила, но виновата, что до сехъ поръ на оныя не отвѣчала; ты не можешь себѣ представить, сколько у меня было хлопотъ, суетъ всякаго рода. Тебѣ извѣстно, что у насъ было наводненіе, о которомъ ты у меня и разспрашиваешь. Оно было ужастное, у меня на дворѣ была вода два аршина съ половиной, весь нижній этажъ былъ совершенно потопленъ, всѣ полы и печки размыты, и Саша, который жилъ внизу, до самаго Новаго года не могъ перейти въ свои комнаты, а жилъ у меня въ кабинетѣ; люди и всѣ ихъ робята также очень долго жили въ столовой, и я должна была всѣ печки и полы зимой передѣлывать, также сараи и конюшни, и ты можешь представить, какъ это было скучно и убыточно; работникамъ платили чрезвычайно дорого и съ трудомъ ихъ находили. Дача моя, о которой я теперь начинаю помышлять, чрезвычайно много пострадала; въ саду дорожки, которыя только прошлаго году были окончены и за которыя я заплатила 6.000 рублей, совершенно уничтожены; всѣ заборы унесены, всѣ оранжереи переломаны, также и печки, и теперь самыя необходимыя перепоавки будутъ стоить мнѣ болѣе 10.000 руб; но объ ономъ теперь совѣстно и говорить, ибо это бѣдствіе было общее. Mais les secours pour les pauvres étoient immenses et prompts. L'E. étoit partout lui-même, comme un ange Tutélaire, il secouroit tous les malheureux, il n'y a das plus de trace à Pétersbourg de l'inondation. [2])

Съ наступившимъ 25-мъ годомъ отъ души тебя поздравляю, желаю тебѣ здоровья и всѣхъ благъ; ежели тебѣ можно будетъ пріѣхать въ сентябрѣ, то я чрезвычайно буду рада тебя видѣть. По дѣлу твоему съ Бѣлоклоковымъ до сихъ поръ ничего еще не дѣлаютъ и говорятъ, что и дѣлать нечего, ибо имѣнья никакого не осталось, а долговъ множество; отъ всего сердца жалѣю обо всѣхъ твоихъ хлопотахъ, я очень знаю, какъ это непріятно; я буду стараться искать знакомыхъ Княгинѣ Любомирской, чтобы ей хорошенько разтолковали дѣло сіе, но за успѣхъ тебѣ не отвѣчаю; въ желаніи моемъ сдѣлать что-нибудь полезное я надѣюсь, что ты не сумнѣваешься; получивъ твое письмо, я намѣрена была поговорить о семъ дѣлѣ брату Княгинѣ Любомирской, Графу Толстому, но онъ уѣхалъ въ Парижъ [3])

Ты спрашиваешь, мой другъ, меня объ Матюшѣ и Сережѣ: [4]) первой въ отставкѣ и живетъ въ деревнѣ, Сережа въ полку у генерала Рота, около Кіева. Paul Pestel былъ прошедшаго году въ Петербургѣ на короткое время, ему данъ полкъ, которой находится недалеко отъ Одес-

---

[1]) Н. М. Муравьевъ былъ въ это время капитаномъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба.

[2]) Но помощь бѣднымъ оказывалась въ огромныхъ размѣрахъ и быстро. Императоръ всюду былъ самъ, какъ ангелъ-хранитель, онъ помогалъ всѣмъ несчастнымъ; въ Петербургѣ болѣе не замѣтно слѣдовъ наводненія.

[3]) Графъ Александръ Николаевичъ Толстой (р. 1793†1866) впослѣдствіи оберъ-шенкъ; его сестра-графиня Екатерина Николаевна (р. 1789†1870) была за-мужемъ за генералъ-лейтенантомъ княземъ Константиномъ Ксаверьевичемъ Любомирскимъ.

[4]) Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы.

сы. [1]) Вотъ, мой другъ, отвѣты на всѣ твои вопросы; новаго у насъ ничего нѣтъ, окромѣ того, что нонѣшнюю осень выстроенъ былъ Новой деревянной театръ на Фонтанкѣ у Чернышева моста, и три дни тому, какъ онъ весь сгорѣлъ; великая милость Божія, что это не на масляницѣ, а въ Великой постъ,—слѣдовательно, никого въ немъ не было [2]). Что до меня касается, я живу старое по-старому, очень часто бываю нездорова головною болью и глазами, которые теперь другую недѣлю какъ болятъ, и я сижу съ шпанскими мушками.—Недѣли двѣ я послала къ тебѣ двѣ послѣднія части Карамзина Исторіи; я не знаю, получилъ ли ты ихъ.

Никита и Александръ усердно тебѣ кланяются, Саша проводитъ все утро свое въ Манежѣ, часто бываетъ дежурной и въ караулѣ. А я, пожелавъ тебѣ всѣхъ благъ, пребуду искренно любящая

Е. Муравьева.

Catherine se plaint de vous que vous ne lui écrioez pas. [3])

2.

Н. Д. Фонвизина—Пущина.

Біографія жены декабриста М. А. Фонвизина—Натальи Дмитріевны, рожд. Апухтиной, ея стремительный, экзальтированный, полный странностей и противоположныхъ порывовъ характеръ описаны въ статьѣ В. И. Шенрока („Русское Богатство" 1894, № 11 и 12; см. также изданіе В. И. Покровскаго „Жены декабристовъ", М. 1906, стр. 106—213); въ статьѣ этой разсказывается, какъ тяжело ей было и какой борьбы ей стоило уѣхать въ Сибирь, разстаться съ двумя своими маленькими сыновьями—Дмитріемъ и Михаиломъ, оставленными на попеченіе бабушки—Маріи Павловны Апухтиной, рожд. Фонвизиной же (р. 1776†1842); изъ прошенія послѣдней на имя Имп. Маріи Θеодоровны видно, что, покидая Москву, Наталья Дмитріева оставляла въ ней еще свою воспитанницу Юлію, къ которой, по свойствамъ своего характера, не могла не быть привязана. Въ Сибири у Фонвизиной было также нѣсколько пріемышей, воспитанію которыхъ, на ряду съ заботами о мужѣ и его друзьяхъ, она отдавала свои силы и время. Что сталось впослѣдствіи съ Юліей, неизвѣстно.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Дочь моя, Генералъ-маіорша Наталья фонъ-Визина въ 1825-мъ году приняла къ себѣ на воспитанье бѣдную сироту, малолѣтнюю дѣвицу Юлію, дочь иностранки, за годъ до сего умершей. Означенная дочь моя, рѣшившись слѣдовать за несчастнымъ мужемъ своимъ, осужденнымъ верховнымъ уголовнымъ судомъ на ссылку въ Сибирь, отправилась въ

---

[1]) П. И. Пестель командовалъ Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

[2]) Этотъ театръ былъ переведенъ изъ Петергофа (См. Ост. Архивъ, т. III, стр. 102).

[3]) Катенька жалуется, что ты ей не пишешь.

Генварѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ мѣсто его пребыванія и при отъѣздѣ своемъ просила меня помѣстить оную бѣдную сироту въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ, будучи убѣждена, что она нигдѣ не можетъ быть лучше призрѣна, какъ въ какомъ-либо воспитательномъ заведеніи, находящемся подъ благодѣтельнымъ и милосерднымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества. Но какъ по правиламъ Императорскаго Воспитательнаго Дома дѣти по 8-му году не могутъ уже быть въ оный приняты безъ особеннаго Вашего, Всемилостивѣйшая Государыня, соизволенія, почему осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее мое о семъ прошеніе съ приложеніемъ подлиннаго Московской Консисторіи свидѣтельства о рожденіи и крещеніи сей дѣвицы и всенижайше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить милосерднаго воззрѣнія на сію бѣдную сироту и всемилостивѣйше повелѣть соизволить принять ее въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ.

Всеавгустѣйшая Монархиня! Благоволите включить означенную сироту дѣвицу Юлію въ число столь многихъ сиротъ, кои облагодѣтельствованы милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества.

Всемилостивѣйшая Государыня. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Марья Павловна дочь жена Апухтина капитанша. Іюля — дня 1828 года. Москва. Жительство имѣю въ Москвѣ, Мясницкой части 5-го квартала въ домѣ подъ № 322.

Императрица Марія Ѳедоровна направила прошеніе это въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, который, постановленіемъ 3-го сентября 1828 г., принялъ Юлію „въ приготовительный классъ классическихъ воспитанницъ“.

Изъ свидѣтельства, выданнаго генеральшѣ Натальѣ Дмитріевной Фонвизиной Консисторіею, видно, что 18-го января 1821 г. неизвѣстная Юлія Александрова родила дочь Юлію, которая крещена 28-го января того же года, причемъ воспріемникомъ ея былъ князь Николай Алексѣевичъ Шаховской.

Портреты Натальи Дмитріевны и Михаила Александровича Фонвизиныхъ см. въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, т. II, С.-Пб. 1906, №№ 77 и 78

Наталья Дмитріевна скончалась въ Москвѣ въ 1869 г., вдовой декабриста Ивана Ивановича Пущина.

3.

М. А. Назимовъ.

Декабристъ VIII разряда Михаилъ Александровичъ Назимовъ, приговоренный Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь на 20 лѣтъ, въ 1837 г. былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Кабардинскій пѣхотный полкъ и, участвуя, съ отличіемъ, въ въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ 1843 г. получилъ чинъ прапорщика, въ 1845—подпоручика, а въ 1846 уволенъ въ отставку поручикомъ. Поселившись затѣмъ на родинѣ, въ Псковской губерніи, онъ принималъ

горячее участіе въ осуществленіи освободительныхъ реформъ Александра II и былъ председателемъ Губернской Земской Управы. Въ 1856 году въ своемъ селѣ Вагрецовѣ, Псковскаго уѣзда, онъ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей; школа эта впослѣдствіи расширилась и достигла образцоваго состоянія благодаря работамъ новаго владѣльца имѣнія— Николая Өедоровича Фанъ-деръ-Флита († 1896), извѣстнаго своею полезною дѣятельностью въ Псковскомъ Земствѣ; въ біографическомъ очеркѣ послѣдняго (изд. Спб. 1902) разсказывается, что Быстрецово было куплено въ 1868 году „у Михаила Александровича Нахимова, стараго декабриста, начинавшаго уже тогда терять зрѣніе. Многіе еще живо помнятъ замѣчательную личность старика, высокую, худую его фигуру, умную рѣчь, большую начитанность и юношескій пылъ, такъ красившій его сѣдины. Познакомившись съ нимъ, Николай Өедоровичъ записываетъ въ дневникъ: „Старикъ Нахимовъ мнѣ чрезвычайно понравился своимъ здравымъ и добросовѣстнымъ взглядомъ на дѣло. Старый и новый владѣльцы Быстрецова горячо привязались другъ къ другу, и много разъ Михаилъ Александровичъ говорилъ, какъ онъ счастливъ, что могъ передать свое родное Быстрецово въ такія прекрасныя руки. Покупка эта была рѣшена 19-го мая, въ день рожденія отца Николая Өедоровича, оказавшійся, по странной случайности, также днемъ рожденія старика Назимова" (стр. 18). Въ книгѣ „Декабристы. 86 портретовъ" (М. 1906, стр. 170) сказано, что Назимовъ родился въ 1799 г., а умеръ 2-го мая 1888 г.; эти свѣдѣнія невѣрны: изъ надписи на могилѣ Назимова, видѣнной мною въ 1904 г. на Дмитріевскомъ кладбищѣ во Псковѣ, даты иныя: тамъ сказано, что онъ родился 19-го мая 1801 † 9-го августа 1888 г.; около него погребена и жена его, Варвара Яковлевна, рожд. Подкользина († 11-го сентября 1865 г., 46 л.), родная сестра второй жены друга и сослуживца Назимова по гвардейскому Конно-Піонерному эскадрону Михаила Ивановича Пущина, также декабриста (X разряда), женатаго на Маріи Яковлевнѣ Подкользиной въ 1838 г., по возвращеніи уже съ Кавказа.

Приводимое ниже прошеніе брата Назимова, Сергѣя Александровича, даетъ примѣръ той путаницы житейскихъ и дѣловыхъ отношеній, въ которую, кромѣ самихъ пострадавшихъ, катастрофа 14-го декабря ввергла огромное число ихъ родныхъ, близкихъ и знакомыхъ. О семьѣ Назимовыхъ любопытныя свѣдѣнія сообщены въ статьѣ Н. Окуличъ-Казарина о Псковскихъ декабристахъ („Русск. Арх." 1907 г., № 6, стр. 188—191), а потому не будемъ о ней распространяться; скажемъ только, что одна изъ сестеръ Михаила Александровича—Анна († 12-го сентября 1847 г.), вышедшая за Николая Александровича Набокова, была матерью бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова.

7-го сентября 1827 г. на имя министра юстиціи генерала-отъ-инфантеріи князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго поступило слѣдующее прошеніе коллежскаго секретаря Сергѣя Александровича Назимова:

„Прошлаго 1826 года, по взятіи роднаго, младшаго брата моего Михайлы Александровича Назимова, бывшаго гвардіи Конно-Піонернаго эскадрона штабсъ-капитана, подъ арестъ, были опечатаны въ квартирѣ

его всѣ вещи, бумаги и вся движимость его. Не имѣя возможности видѣться съ нимъ и узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла по имѣнію его, и какія предполагалъ онъ мѣры къ уплатѣ долговъ, на немъ состоящихъ, я утруждалъ прошеніемъ моимъ Его Сіятельство господина военнаго министра графа Александра Ивановича Татищева дозволить мнѣ писать о семъ къ брату моему и, по докладу Его Сіятельства Его Императорскому Величеству, былъ допущенъ имѣть съ братомъ моимъ открытую переписку чрезъ Слѣдственной Комитетъ, которою объяснивъ. онъ мнѣ нѣсколько дѣла по имѣнію его, выдалъ мнѣ апрѣля отъ 6 числа полномочную довѣренность, засвидѣтельствованную Вашимъ Сіятельствомъ и военнымъ министромъ генераломъ-отъ-инфантеріи Александромъ Ивановичемъ Татищевымъ, утвержденную Санктъ-Петербургскою Гражданскою Палатою. Руководствуясь ею по конфирмаціи дѣла надъ братомъ моимъ, я получилъ изъ Слѣдственнаго Комитета, по вторичному прошенію моему, нѣсколько денегъ, отобранныя у брата моего, всѣ бумаги, щеты, крѣпости, планы, межевыя книги и контракты по имѣнію и дѣламъ его, равно и всю движимость, въ квартирѣ его находящуюся; усмотрѣвъ изъ нихъ приближающіеся сроки, а нѣкоторые уже и протекшіе, къ уплатѣ долговъ, я спѣшилъ взнести суммы, дабы сохранить имѣніе. Найдя между прочими бумагами, что братомъ моимъ представлено было по взысканію въ С.-Петербургское Губернское Правленіе заемное обязательство на подпоручика Голохвастова въ должныхъ имъ 800 рубляхъ, я, справясь о дѣйствительности подачи сей, подалъ въ оное отъ себя прошеніе съ приложеніемъ данной мнѣ довѣренности и просилъ о неослабномъ съ Голохвастова взысканіи, которые наконецъ онымъ взысканы и сего года въ іюлѣ мѣсяцѣ во Псковское Губернское Правленіе, по вторичной просьбѣ моей, для выдачи мнѣ присланы. Явясь въ оное для полученія ихъ и предъявя данную мнѣ довѣренность, засвидѣтельствованную Вашимъ Сіятельствомъ, получилъ отъ Губернскаго Правленія резолюцію такую, что присланныхъ денегъ оное мнѣ не выдастъ, ибо какъ означенный довѣритель Михаилъ Назимовъ не есть болѣе дворянинъ и штабсъ-капитанъ гвардіи и сосланъ на 20 лѣтъ на поселеніе, къ тому жъ какъ я имѣю еще двухъ младшихъ себѣ братьевъ: одного коллежскаго регистратора, а другого лейбъ-гвардіи Сапернаго Батальона подпоручика, то довѣренность сія не есть и не можетъ быть на дальнѣйшее время дѣйствительною и мнѣ къ руководству благонадежною. Почему, прилагая съ нея точную копію, и какъ оная мѣстнымъ правительствомъ за дѣйствительную не сознана, означенное-жъ имѣніе брата моего Михайлы состоитъ родовое, по раздѣлѣ ему со мною и другими двумя братьми доставшееся, а нѣкоторая часть собственною покупкою его пріобрѣтенная и имѣетъ на себѣ значительные казенные долги, сроки коимъ нынѣ уже приспѣли, должно оставаться безъ присмотра и безъ очистки его отъ долговъ, всепокорнѣйше прошу Вашего Сіятельства разрѣшить менѣ черезъ Псковское Губернское Правленіе, должна-ли быть данная мнѣ довѣренность черезъ 20 лѣтъ, т. е. черезъ время, назначенное брату моему быть на поселеніи или же до очистки означеннаго имѣнія отъ долговъ дѣйствительною; въ противномъ случаѣ, должно-ли имѣніе то быть взято въ продолженіе сего времени подъ присмотръ

Дворянской Опеки, или же продано съ публичнаго торга, а вырученной капиталъ за уплатою долговъ долженъ быть положенъ на имя поселенца въ Банкъ, или же раздѣлено между нами, ближайшими наслѣдниками его,—одно-ли родовое, или совокупно съ пріобрѣтеннымъ. О чемъ ожидаю отъ Вашего Сіятельства милостиваго разрѣшенія. Къ сему прошенію Коллежскій Секретарь Сергѣй Александровъ сынъ Назимовъ руку приложилъ. 1827 года августа 26 дня. Г. Псковъ".

На это прошеніе министръ юстиціи отвѣтилъ (3-го октября) Псковскому Губернскому Прокурору, что онъ „рекомендуетъ ему, черезъ кого слѣдуетъ, объявить Коллежскому Секретарю Назимову, что жалобы на дѣйствія Губернскихъ Правленій приносятся не Министру Юстиціи, но Правительствующему Сенату, куда онъ по настоящому дѣлу и обратиться можетъ".

4.

И. И. Пущинъ и И. И. Ивановъ.

Декабристы всѣхъ XI разрядовъ приговорены были къ лишенію чиновъ, а съ ними и орденовъ, полученныхъ ими во время службы [1]). Капитулъ Орденовъ, слѣдовательно, долженъ былъ сдѣлать соотвѣтствующія отмѣтки въ кавалерскихъ спискахъ. Относительно Ивана Ивановича Пущина и Ильи Ивановича Иванова (приговореннаго, какъ отнесеннаго къ IV разряду, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, а потомъ—на поселеніе), встрѣтились по этому поводу недоумѣнія. 17-го марта 1827 г. (за № 1131) Канцлеръ Россійскихъ Орденовъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, писалъ Министру Юстиціи Князю Лобанову-Ростовскому:

Милостивый государь мой, князь Дмитрій Ивановичъ!

Изъ осужденныхъ въ прошломъ 1826 году государственныхъ преступниковъ многіе были кавалерами орденовъ, почему Орденскій Капитулъ и сдѣлалъ должное распоряженіе о выключкѣ ихъ изъ кавалерскихъ списковъ; но какъ о состоящихъ въ числѣ тѣхъ преступниковъ: Пущинѣ, бывшемъ Коллежскомъ Ассесорѣ, и Ивановѣ, имѣвшемъ чинъ 10-го класса, каковыхъ фамилій въ числѣ кавалеровъ состоитъ нѣсколько, и по неизвѣстности прежнихъ мѣстъ ихъ служенія Орденскій Капитулъ не имѣетъ средства къ истребованію свѣдѣнія о томъ, имѣли-ли они ордена и когда оными пожалованы,—а потому я обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о порученіи кому слѣдуетъ учинить о семъ справку изъ дѣла объ упомянутыхъ преступникахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ хранящагося, и о послѣдствіи меня увѣдомить. Съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшей слугой. К. Алексѣй Куракинъ.

Князь Лобановъ поручилъ (28-го марта) навести нужную справку оберъ-прокурору 1-го Департамента Сената, д. с. с. Ивану Ѳедоровичу

---

[1]) Ордена были возвращены тѣмъ изъ нихъ, которые дожили до манифеста 1856 г.

Журавлеву, который, рапортомъ отъ 30-го марта (за № 828) донесъ Министру, что, „по учиненной выправкѣ съ формулярными списками, имѣющимися въ производствахъ бывшей Слѣдственной Комиссіи о Государственныхъ преступникахъ", оказалось, что ни Пущинъ, ни Ивановъ „никакихъ кавалерскихъ орденовъ не имѣли".

И. И. Ивановъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, былъ провіантскимъ чиновникомъ; онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу" и отнесенъ къ IV разряду; по словамъ барона Розена, онъ умеръ въ 1848 г. въ Каменкѣ, на Ангарѣ.

5.

Н. О. Мозгалевскій и А. Е. Мозалевскій.

Имена этихъ двухъ лицъ, вслѣдствіе созвучія ихъ фамилій, постоянно смѣшиваются,—даже самими декабристами, а между тѣмъ судьба ихъ, одинаково печальная, во многомъ различна. О Мозгалевскомъ имѣются данныя въ книгѣ А. И. Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири" (изд. 2, Спб. 1905, стр. 110—111), а біографія и портретъ Мозалевскаго помѣщены въ изданіи „Декабристы. 86 портретовъ" (М. 1906, стр. 141—142), при чемъ, однако, онъ ошибочно названъ подпоручикомъ и Ивановичемъ, тогда какъ былъ прапорщикомъ и по-отчеству Евтихіевичемъ. На основаніи подлинныхъ формулярныхъ списковъ и другихъ офиціальныхъ бумагъ мы можемъ сообщить объ обоихъ данныя, безусловно точныя.

Николай Осиповичъ Мозгалевскій былъ младшимъ изъ семи сыновей дворянина и помѣщика Черниговской губерніи Осипа Ѳедоровича, служившаго до капитана въ военной службѣ, а затѣмъ бывшаго засѣдателемъ Уѣзднаго Нѣжинскаго Суда (съ 1794 г.) и (съ 1797 г.) земскимъ подсудкомъ Нѣжинскаго же Повѣтоваго Суда; матерью декабриста была Викторія Карловна де-Розетъ, дочь „метрдотеля бывшаго короля французскаго" (т. е. казненнаго Людовика XVI). Н. О. родился въ 1801 году, воспитывался Нѣжинскомъ народномъ училищѣ и разныхъ пансіонахъ, а съ 1814 г.—въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда 30-го января 1821 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ *Саратовскій* пѣхотный полкъ и 4-го мая 1823 г. получилъ здѣсь чинъ подпоручика; будучи членомъ Общества Соединенныхъ Славянъ, онъ 12-го іюля 1826 г., „за принадлежность къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли", былъ, какъ преступникъ VIII разряда, приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Жизнь его здѣсь описана въ упомянутой выше книгѣ г. Дмитріева-Мамонова; къ сказанному тамъ можемъ добавить, что потомство Мозгалевскаго существуетъ и понынѣ; одинъ изъ его сыновей, Викторъ,—нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ и имѣетъ дѣтей; внуки отъ другого сына, Александра, въ настоящее время живутъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири.

Александръ Евтихіевичъ Мозалевскій, сынъ бѣднаго дворянина—помѣщика Фатежскаго уѣзда Курской губерніи Евтихія Ивановича, ро-

дился въ 1803 году, службу началъ въ *Черниговскомъ* пѣхотномъ полку подпрапорщикомъ (3-го марта 1821 г.) и 20-го мая 1824 г. произведенъ въ прапорщики. Въ послужномъ спискѣ его, составленномъ въ началѣ 1826 г., сказано, что онъ „изъ комплекта Черниговскаго полка выступилъ, въ числѣ возмутителей, 31-го декабря 1825 г.", причемъ отмѣчено, что по сентенціи Военнаго Суда онъ за бунтъ и измѣну подлежалъ, по силѣ законовъ и приговора суда, смертной казни — четвертованію, но Высоч. приказомъ 12-го іюля 1826 г. повелѣно было Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и преломленіи шпаги надъ его головою предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ при собраніи командъ изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно". Мозалевскому было поставлено въ вину его дѣятельное участіе въ мятежѣ, произведенномъ подполковникомъ Черниговскаго полка Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, и онъ, вмѣстѣ съ офицерами Сухиновымъ, барономъ Соловьевымъ и др. былъ преданъ не Верховному Уголовному Суду, судившему прочихъ декабристовъ, а Военному Суду при главной квартирѣ 1-й арміи въ Могилевѣ, а потомъ дѣло ихъ разбиралъ еще и Аудиторіатскій Департаментъ, на докладѣ котораго и положена была резолюція 12-го іюля 1826 г. Формулировка вины Мозалевскаго приведена въ изданіи „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Декабристы". (М. 1907, изд. Саблина, стр. 148—154). Въ ноябрѣ 1832 г. срокъ пребыванія Мозалевскаго на каторжныхъ работахъ былъ ограниченъ 15-ю годами (см. тамъ же, стр. 203), но вообще и онъ, и его товарищи пострадали сравнительно болѣе другихъ декабристовъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайному обществу, а лишь въ знаніи о немъ и недонесеніи.

Перипетіи жизни Мозалевскаго въ Сибири (но лишь до 1830 года) разсказаны въ книгѣ „Декабристы. 86 портретовъ"; по свидѣтельству барона А. Е. Розена (Записки, изд. П. Е. Щеголева, Спб. 1907, стр. 280) онъ умеръ въ 1866 г. Записанный, со словъ Соловьева, Быстрицкаго и Мозалевскаго, разсказъ о возстаніи Черниговскаго полка, подъ заглавіемъ „Бѣлая Церковь", напечатанъ въ книгѣ „Тайное общество и 14 декабря 1825 года въ Россіи" (изд. 2-е, Каспровича, Лейпцигъ, s. a., стр. 79—94). Замѣтимъ еще, что въ запискахъ И. И. Горбачевскаго („Русс. Арх." 1882, кн. I) и въ запискахъ княгини М. Н. Волконской Мозалевскій вездѣ ошибочно названъ Мозгалевскимъ.

Б. Модзалевскій.

В. С. Любатовичъ.

(Некрологъ).

19-го декабря 1907 года скончалась въ Москвѣ *Вѣра Спиридоновна Осташкина, рожденная Любатовичъ*—одна изъ видныхъ участницъ процесса 50-ти.

Имѣя отъ роду лишь 20 лѣтъ, она была въ числѣ первыхъ русскихъ женщинъ приговорена 5-го апрѣля 1877 года судомъ на каторгу на 6 лѣтъ; это первое осужденіе женщинъ на каторгу по политическому процессу сильно взволновало въ то время общественное мнѣніе не только жестокостью своей, но и полной юридической необоснованностью; онѣ были осуждены не за какое-нибудь насиліе, а за простую пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ. Осужденныя и не хотѣли брать дѣйствующее право себѣ въ защиту, но защитники ихъ, по просьбѣ товарищей, подали кассаціонную жалобу, которая и была уважена. Вѣра Любатовичъ, какъ и другія, осужденныя съ нею, на каторгу не пошла: она была сослана на вѣчное поселеніе сначала въ Западную Сибирь, гдѣ ей, какъ и другимъ ея подругамъ, пришлось быть первыми одинокими предтечами надвигавшейся волны массоваго изгнанія въ Сибирь молодежи. Затѣмъ, безъ всякаго повода и предупрежденія ее, больную и слабую, спѣшно выслали въ Енисейскую губернію, послѣ побѣга ея сестры изъ Ялуторовска; здѣсь, затерянная долгіе годы вмѣстѣ съ мужемъ своимъ и ребенкомъ, Вѣра Любатовичъ испытала всю тягость подневольнаго житья, всю тяготу непривычнаго чернаго труда, которому она отдавалась со всей отвагой и простотой, присущей ея прямой, смѣлой натурѣ. Малый запасъ физическихъ силъ, надорванныхъ уже двухлѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ, дѣлалъ ея жизнь въ ссылкѣ почти подвижнической. Несмотря на утомленіе и частыя болѣзни, всѣ товарищи помнятъ съ какой сердечностью спѣшила она всегда помочь всякой бѣдѣ, всякому горю. Даже теперь, уже стоя одной ногой въ могилѣ, она, забывая себя, еще недавно

ухаживала за прислуживавшей ей дѣвушкой, неожиданно заболѣвшей тифомъ.

Такъ прошли въ этомъ скромномъ существованіи всѣ лучшіе годы ея жизни; такъ въ заботахъ объ окружающихъ она незамѣтно, день за днемъ изливала свои силы, пока наступилъ роковой конецъ.

N.

П. А. Ефремовъ.

(Некрологическая замѣтка).

27 декабря истекшаго года скончался извѣстный библіографъ Петръ Александровичъ Ефремовъ, давно уже пользовавшійся въ нашей литературѣ почетной извѣстностью, какъ по образцовому редактированію текста многихъ русскихъ авторовъ, въ томъ числѣ и такихъ классиковъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, такъ и за свою многополезную, неусыпную 50-лѣтнюю дѣятельность въ области исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій вообще, а въ области русской библіографіи въ особенности.

Давъ здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о П. А. Ефремовѣ и данныя объ его главнѣйшихъ литературныхъ и библіографическихъ трудахъ его, я позволю себѣ затѣмъ привести и нѣсколько личныхъ своихъ воспоминаній о Ефремовѣ, котораго я зналъ съ 1873 года.

Петръ Александровичъ Ефремовъ родился въ Москвѣ 2 ноября 1830 года, учился сперва въ тамошней 1-й гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. Окончивъ со степенью кандидата математическій факультетъ, Ефремовъ въ 1854 г. переселился въ Петербургъ и тогда же поступилъ на службу въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Съ 1857 по 1863 г. онъ служилъ въ канцеляріи предсѣдателя департамента удѣловъ, а въ 1863 г., съ открытіемъ сберегательныхъ кассъ по новому о нихъ уставу, Ефремовъ, по предложенію Е. И. Ламанскаго, перешелъ въ государственный банкъ по отдѣлу сберегательныхъ кассъ. Здѣсь, съ 1872 по 1889 г., онъ былъ директоромъ С.-Петербургской кассы, а въ 1889 г. былъ назначенъ директоромъ государственнаго банка и завѣдывающимъ всѣми сберегательными кассами.

Въ 1893 г. Ефремовъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, въ унаслѣдованный имъ отъ отца домъ, куда перевезъ и свою громадную (одну изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи) библіотеку и свои коллекціи портретовъ, гравюръ и пр. Но, проживя въ Москвѣ 9 лѣтъ, Ефремовъ въ 1902 г. вновь переселился въ Петербургъ, къ которому, проживъ въ немъ ранѣе такъ много, привыкъ и здѣсь уже жилъ до самой смерти.

Любовь или, прямо говоря, страсть къ книгамъ Ефремовъ унаслѣдовалъ отъ своего отца, Александра Степановича, тоже имѣвшаго большую библіотеку и нѣкогда близко стоявшаго къ кружку Н. В. Станкевича, причемъ двое изъ членовъ этого кружка, поэтъ И. П. Клюшниковъ и знаменитый Бѣлинскій, даже жили одно время въ домѣ отца Ефремова. Въ дѣтствѣ и въ ранней юности П. А. Ефремовъ перечиталъ изъ биб-

ліотеки отца всѣхъ нашихъ писателей отъ Фонвизина до Лермонтова и Гоголя и тогда же пристрастился къ собиранію книгъ, старыхъ журналовъ, гравюръ, литографій и портретовъ. Онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ не разъ мнѣ разсказывалъ, какъ, будучи гимназистомъ, сперва съ отцомъ, а затѣмъ и самостоятельно ходилъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Сухаревой башнѣ, гдѣ въ тѣ времена въ Москвѣ сосредоточивался, главнымъ образомъ, торгъ всякими книгами, въ томъ числѣ и очень трудно находимыми библіографическими рѣдкостями. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ, а подчасъ и съ юморомъ, передавалъ покойный свои какъ тогдашнія, московскія, такъ и позднѣйшія, петербургскія, похожденія по лавкамъ разныхъ букинистовъ, и какъ онъ съ удовольствіемъ повѣствовалъ о томъ, какъ ему удавалось иногда за пустяки, за гроши, покупать у несвѣдущихъ букинистовъ и книжниковъ весьма цѣнныя книжныя рѣдкости. Надо здѣсь, однако, замѣтить, что Ефремовъ не принадлежалъ къ числу такихъ библіофиловъ, которые, подобно Г. Н. Геннади и Я. Ѳ. Березину-Ширяеву, пріобрѣтали *всякія рѣдкія* книги, даже самаго пустого и ничтожнаго содержанія, только единственно на томъ основаніи, что онѣ рѣдки, трудно находимы или совсѣмъ исчезли изъ продажи. Нѣтъ. Покойный Ефремовъ не такъ относился къ дѣлу собиранія и коллектированія книгъ. Онѣ интересовали его постольку, поскольку представляли собою научное, литературное или историко-литературное содержаніе. Онъ собиралъ преимущественно книги, имѣвшія отношеніе къ исторіи русскаго театра и въ особенности къ исторіи русской литературы XVIII и XIX в. Въ этомъ отношеніи его библіотекѣ, по выраженію одного знатока, „цѣны не было“. Собиралъ онъ также и книги по русской исторіи, собралъ, пожалуй, единственную въ своемъ родѣ, коллекцію гравированныхъ и даже литографированныхъ портретовъ русскихъ людей и дѣятелей (какого бы то ни было рода). Много въ его коллекціяхъ было также и рукописей, неизданныхъ (по цензурнымъ или другимъ причинамъ) стихотвореній и др. произведеній русскихъ писателей XIX в. отъ Рылѣева и Пушкина до Некрасова, В. Курочкина и Буренина включительно. Обладая изумительной, феноменальной памятью, Ефремовъ зналъ исторію русской литературы и ея закулисныхъ сторонъ такъ, какъ едва ли зналъ ее кто другой и служилъ, такъ сказать, живой справочной книгой, живой энциклопедіей по части исторіи нашей литературы и нашего театра, и всякій, кто къ нему ни обращался, никто не получалъ отказа: своими знаніями и книгами онъ всегда охотно помогалъ всякому, работавшему въ наукѣ или литературѣ, кто только къ нему обращался за помощью. Онъ не дорожилъ своимъ временемъ и цѣлыми часами отдавалъ его собратамъ по литературѣ и библіографіи. Это скажу не только я, много обязанный Ефремову въ своихъ занятіяхъ, но это скажетъ и всякій изъ литераторовъ, имѣвшихъ знакомство или дѣло съ Петромъ Александровичемъ...

Но пора обратиться къ обзору его литературной дѣятельности. Дѣятельность эта продолжалась ни много, ни мало цѣлыхъ 50 лѣтъ. Началъ онъ ее въ „Современникѣ“ 1857 г. (№ 5), гдѣ напечатанъ „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ“. Затѣмъ непрерывно потянулась цѣлая масса рецензій, статей и замѣтокъ разнаго рода по исторіи русской ли-

тературы, критики, поэзіи и театра въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1858—61 г.г.), „Отеч. Зап." (1862—67, подъ псевдонимомъ А. Эфирова), „Искрѣ" В. С. Курочкина (1863—67), гдѣ Ефремовъ (подъ разными псевдонимами и анонимно) печаталъ весьма удачныя стихотворныя и драматическія пародіи, „Нашемъ Времени" (1863), „Голосѣ" (1863—1881), „Книжн. Вѣстн." (1864—65 г.г., когда этотъ журналъ Ефремовъ редактировалъ), „Рус. Архивѣ" (1866—1888), „Совр. Обозр." Тиблена (1868) и въ особенности же въ „Рус. Старинѣ". М. И. Семевскаго (1870—1882). Кромѣ того, рядъ статей, замѣтокъ, некрологовъ былъ имъ напечатанъ въ „С.-Пет. Вѣд." В. Корша (1871—73), „Недѣлѣ" (1875), „Всемірн. Иллюстр." (1875), „Нов. Врем." (1875—99), „Росс. Библіографіи" Гартье (1880), „Вѣст. Финансовъ" (1884), „Пантеонѣ Литературы" (1888), „Рус. Вѣд." (1895—99) и др. періодич. изд.

Обращаясь къ содержанію этихъ статей въ разныхъ газетахъ и журналахъ, можно видѣть, какъ разнообразна была дѣятельность Ефремова въ области библіографіи и исторіи русской литературы. Онъ впервые напечаталъ множество неизданныхъ до него произведеній и писемъ Рылѣева, Пушкина, Лермонтова, Фонвизина, Радищева, Языкова, Баратынскаго, Жуковскаго, Дельвига, Загоскина, Батюшкова, Я. Б. Княжнина, А. Ѳ. Воейкова, гр. А. К. Толстого, Полежаева и др. писателей. Въ числѣ этихъ статей Ефремовъ, между прочимъ, напечаталъ полные и провѣренные имъ по рукописямъ тексты сатиры Воейкова „Домъ сумасшедшихъ" („Р. Стар." 1874 г., № 3), трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій" (ibid. 1871 г., № 6), пародіи П. Н. Семенова „Митюха Валдайскій" на трагедію Озерова „Дмитрій Донской" („Библіогр. Зап." 1861 г., № 15 и „Р. Стар." 1878 г., № 10), офиціальные документы о смерти Грибоѣдова („Р. Арх." 1872 г., №№ 7 и 8) изслѣдованія о портретахъ Лермонтова („Р. Стар." 1875 г., № 9), Вѣлинскаго (ibid. 1876 г., № 2), Гоголя (ibid. 1878 г., № 5 и 1879 г., № 9) и мн. др. цѣнныхъ матеріаловъ. Отдѣльно Ефремовъ напечаталъ въ новыхъ изданіяхъ Новиковскіе журналы „Трутень" (Спб. 1865) и „Живописецъ" (1864), „Матеріалы для исторіи рус. литературы" (Спб. 1867; здѣсь, между прочимъ, перепечатанъ и Новиковскій словарь русскихъ писателей), „Библіографич. сборникъ" (Спб. 1867; сатира В. П. Петрова „Приключеніе шведскаго короля Густава III"), „Полное и обстоятельное собраніе подлинныхъ, историч., любопытныхъ, забавныхъ и поучит. анекдотовъ четырехъ увеселит. шутовъ: Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковскаго" (Спб. 1869—пародія на тогдашнія историч. „изслѣдованія Геннади, Есипова, Семевскаго съ ихъ многочисленными, часто пустячными примѣчаніями), „Сочиненія А. Н. Радищева" въ 2-хъ т. (Спб. 1872; это изданіе, по стараніямъ тогдашняго начальника главн. управл. по дѣламъ печати М. Н. Лонгинова, не разъ осмѣяннаго и уличеннаго Ефремовымъ въ неточностяхъ, было сожжено. Затѣмъ Ефремовъ въ высшей степени старательно и добросовѣстно редактировалъ полныя собранія сочиненій Фонвизина (Спб. 1866), Кантемира (1867—68, 2 т.), В. И. Майкова (1867), В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова (1868). „Пѣсню про царя Ивана Васильевича" Лермонтова (1865), 3-е, 4-е, 5-е, 6-е и 7-е изданіе сочиненій Лермонтова (1873, 1880, 1882, 1887 и 1889), 1-е и 2-е изданія сочиненій Рылѣева

(1872 и 1874), два изданія пушкинскаго „Евгенія Онѣгина" (Спб. 1874 и М. 1882), 7-е, 8-е, 9-е и 10-е изданія сочиненій Жуковскаго (1878, 1885, 1895 и 1901), „Горе отъ ума" Грибоѣдова (въ Суворинской „Дешевой Библіотекѣ", выдержавшее съ 1872 г. до полутора десятка изданій), 3-е (Исакова) и 8-е (Анскаго) изданія сочиненій Пушкина, (СПБ.1880—81г. и М. 1882), а также и 7-томное изданіе сочиненій Пушкина, напечатанное Комаровымъ (СПВ. 1887), „Юношескія драмы" Лермонтова (1881), стихотворенія Полежаева съ біографіей и примѣч. (СПБ. 1889), дополненный и исправленный по рукописи текстъ „Семи статей В. Г. Бѣлинскаго" (М. 1899, вмѣстѣ съ В. Е. Якушкинымъ). Далѣе онъ редактировалъ изданные Глазуновымъ „Матеріалы для исторіи русск. книжн. торговли" (1879), сборникъ „Памяти Бѣлинскаго" (М. 1899), „Бахчисарайскій фонтанъ" Пушкина съ рисунками В. Я. Суреньянца (М. 1899, лучшее и роскошнѣйшее изъ иллюстр. изданій произведеній Пушкина), „Альбомъ Пушкинской выставки въ Москвѣ" (М 1899). Кромѣ того, Ефремовъ составилъ „Систематич. роспись книгамъ прод. въ кн. маг. И. И. Глазунова" и 3 прибавленія къ ней (1867 1896, 1871 и 1873), „Указатель къ „Правосл Обозрѣнію" 1860—1870" (М. 1872), участвовалъ въ редактированіи учено-литерат. сборника въ пользу голодающихъ самарцевъ „Складчина" (Спб. 1874) и негласно редактировалъ и помогалъ въ изданіи сочиненій Ег. П. Ковалевскаго (1866—68), полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева (изд. Н. Г. Мартынова, Спб. 1888) и др. изд. Послѣднимъ крупнымъ его трудомъ было редактированіе суворинскаго изданія сочиненій Пушкина (8 т., Спб. 1903—05). Относительно того, какъ внимательно и добросовѣстно относился Ефремовъ къ редактированію изданій нашихъ классиковъ, можетъ служить то обстоятельство, что каждое послѣдующее ихъ изданіе онъ дополнялъ и вносилъ новыя произведенія (замѣтки, письма, стихотворенія), дополняя ихъ обстоятельными комментаріями и примѣчаніями. Такъ, напр., въ послѣднее (10-е, 1901) г. изданіе сочиненій Жуковскаго имъ внесено впервые цѣлыхъ 82 неизвѣстныхъ до того вр‹ ‹ени стихотвореній этого поэта. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ писателяхъ, имъ редактированныхъ.

Чего нельзя было напечатать въ нашихъ подцензурныхъ изданіяхъ, то Ефремовъ печаталъ въ заграничныхъ нелегальныхъ изданіяхъ. Такъ, имъ было напечатано дѣло братьевъ Критскихъ въ „Полярной Звѣздѣ" Герцена (1862 г., кн. VII, вып. 1.) Въ той же „Пол. Звѣздѣ" были напечатаны и др. доставленные имъ документы и „запрещенныя" стихотворенія русскихъ поэтовъ.

Немало поработалъ онъ также (въ 70-хъ годахъ) и для Литературнаго Фонда, какъ членъ комитета, секретарь и казначей Фонда.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о покойномъ П. А. Ефремовѣ, какъ о человѣкѣ.

Я познакомился съ нимъ 5 сентября 1873 г., когда обратился къ нему за біографическими о немъ свѣдѣніями для „Дополненія къ Настольному Энциклопедич. Словарю" Толля, гдѣ я редактировалъ тогда нѣсколько отдѣловъ. Ефремовъ принялъ меня въ высшей степени радушно, охотно сообщилъ мнѣ о себѣ всѣ необходимыя біографическія данныя

и любезно предложилъ мнѣ свою помощь для моей работы по Словарю. Я очень обрадовался такому предложенію. Тогда я былъ еще очень молодъ (мнѣ шелъ 23-й годъ) и еще очень неопытенъ въ дѣлѣ библіографіи и въ историко-литературныхъ розысканіяхъ. Богатѣйшія и неоцѣнимыя коллекціи библіотеки П. А. Ефремова явились для меня настоящимъ кладомъ, неисчерпаемымъ кладеземъ, откуда я, съ его просвѣщенной помощью, и черпалъ многое множество фактовъ, данныхъ и свѣдѣній біографическаго и библіографическаго характера для „Дополненія къ Словарю" Толля. Факты и свѣдѣнія эти относились къ жизни и литературной дѣятельности писателей (XVIII и XIX в.), ранѣе или вовсе пропущенныхъ въ словарѣ или же помѣщенныхъ въ немъ съ неполными свѣдѣніями. Еженедѣльно я приходилъ къ Ефремову, и мы засиживались съ нимъ до часу и двухъ ночи, перебирая его „папки", въ которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ сохранялись всевозможныя, вырѣзанныя изъ массы журналовъ и газетъ (старыхъ и новыхъ) статьи и всякаго рода данныя о писателяхъ. Цѣлыми грудами этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ снабжалъ меня Ефремовъ на домъ для ихъ использованія. Понятно, какъ я ему былъ благодаренъ...

Ефремовъ, вскорѣ послѣ нашего знакомства, пригласилъ меня бывать у него на его „вторникахъ"—литературныхъ вечерахъ. На эти вечера сходились его близкіе знакомые и собратья по литературной дѣятельности. Тутъ я встрѣчался съ братьями В. С. и Н. С. Курочкиными, М. И. Семевскимъ, А. Ѳ. Горбуновымъ, Я. П. Полонскимъ, С. Н. Шубинскимъ, Д. Ѳ. Кобеко, сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ и В. Я Фуксомъ, Н. П. Барсуковымъ, Я. Ѳ. Березинымъ-Ширяевымъ, академикомъ Я. К. Гротомъ, Д. Д. Минаевымъ, Н. А. Демертомъ и со многими другими изъ тогдашнихъ писателей и ученыхъ. Оживленная бесѣда тянулась всегда далеко за полночь, и чего-чего только нельзя было услышать на этихъ вечерахъ по части какъ литературныхъ, такъ и политическихъ фактовъ тогдашняго, равно какъ и предыдущаго времени. И хозяинъ и его гости всегда сообщали много любопытнаго другъ другу или обмѣнивались интересными литературными воспоминаніями. Я ввелъ въ это общество покойнаго поэта А. Н. Плещеева и извѣстнаго критика А. М. Скабичевскаго, привезя ихъ разъ къ Ефремову, съ которымъ они ранѣе не были знакомы. И тому и другому нужны были нѣкоторыя историко-литературныя указанія, которыя Ефремовъ и не замедлилъ имъ сообщить. Въ особенности многимъ обязанъ былъ ему А. М. Скабичевскій, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, при писаніи (въ 80-хъ годахъ) „Очерковъ по исторіи русской цензуры".

Вообще, надо опять повторить, что Ефремовъ всегда радушно и безкорыстно, а часто и съ ущербомъ для себя (рѣдкія книги терялись и зачитывались) помогалъ своими обширными знаніями и неисчерпаемыми коллекціями своей библіотеки всѣмъ и каждому, кто прибѣгалъ къ его помощи.

Онъ былъ человѣкомъ стойкихъ и честныхъ политическихъ и литературныхъ убѣжденій, а также чрезвычайно добрымъ и отзывчивымъ къ людямъ, попавшимъ въ бѣду. Когда я сидѣлъ (съ мая 1876 г) въ Домѣ Предвар. Заключ. по дѣлу о революціонной пропагандѣ. Ефремовъ неустанно

снабжалъ меня книгами и передавалъ мои историко-литературныя работы въ „Словарь“ Толля и въ „Рус. Старину“. Онъ же (вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ, лично знавшимъ тогдашняго шефа жандармовъ), пользуясь своими связями и знакомствами, выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о моемъ освобожденіи (съ отдачей лишь подъ гласный надзоръ полиціи), которое и состоялось 13 ноября 1876 г. Когда (уже по другому политическому дѣлу) меня въ февралѣ 1877 г. административно ссылали въ Олонецкую губ., Ефремовъ снова принялъ дѣятельное участіе въ моей бѣдѣ и много помогъ мнѣ, какъ тогда, такъ и послѣ, въ долгіе годы четырехъ ссылокъ, тянувшихся до 1898 г. (лишь съ однимъ небольшимъ промежуткомъ 1888—89 гг.). Въ этомъ отношеніи я всегда буду вспоминать о немъ съ живѣйшей признательностью... Помогалъ онъ, кромѣ меня, и многимъ другимъ, такъ какъ былъ человѣкъ съ истинно добрымъ сердцемъ и съ отзывчивой душой...

Вѣрный ученикъ и поклонникъ Бѣлинскаго, Ефремовъ немало гордился и ставилъ себѣ въ положительную заслугу то, что онъ первый розыскалъ (въ 1856 г.) на Волковомъ кладбищѣ могилу великаго критика, бывшую до того времени затерянною и забытою. Онъ же (вмѣстѣ съ другими лицами) принялъ горячее участіе и въ сооруженіи и постановкѣ скромнаго мраморнаго памятника на этой дорогой для Россіи могилѣ...

Д. П. Сильчевскій.

Библіографія.

Феодализмъ въ древней Руси. Н. П. Сильванскаго. *(СПБ. 1907)*. Имя г. Павлова-Сильванскаго давно извѣстно довольно широкимъ кругамъ читателей, какъ имя одного изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ историковъ. Профессоръ Сергѣевичъ, столь строгій по отношенію къ своимъ современникамъ, будетъ ли то авторъ „Боярской Думы" Ключевскій, или молодой академикъ Лаппо-Данилевскій, говоря о статьяхъ Павлова-Сильванскаго и выдвигаемой имъ теоріи феодализма въ Россіи, значительно понижаетъ тонъ, относится къ автору какъ старшій товарищъ къ младшему.

На только-что изданной книгѣ, которая должна служить популяризаціи новой доктрины, легко убѣдиться въ томъ. что Павловъ-Сильванскій долго останавливался на всѣхъ тѣхъ сторонахъ древне-русской жизни, которыя представляютъ сходство съ западнымъ феодализмомъ. У французовъ имѣется предразсудокъ, что лучшіе изслѣдователи тѣ, которые въ жизнь свою написали только одно сочиненіе—„L'homme d'un livre",—такихъ у насъ не мало. Изъ современниковъ укажу хотя бы на справедливо оцѣненнаго и въ Англіи, и въ Россіи, и даже въ Германіи профессора Виноградова. Вѣдь со времени защиты его диссертаціи, т. е. за послѣднюю четверть вѣка, онъ все пишетъ одну и ту же книгу. И эта книга болѣе или менѣе занята рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ, какіе волнуютъ г. Сильванскаго. Виноградовъ пишетъ о зарожденіи еще въ Римской Имперіи отношеній, которыя, такъ сказать, подготовили почву для феодализма. Его интересуетъ также, и опять-таки въ тѣсномъ общеніи съ феодализмомъ, родовой бытъ скандинавскихъ народностей и племенъ древней Германіи, а равно и кельтовъ Ирландіи и Уэльса. Въ Римѣ и въ родовомъ бытѣ варваровъ Виноградовъ одинаково находитъ исходные моменты развитія того помѣстья и той несвободной крестьянской общины, судьбы которыхъ занимаютъ его въ докторской диссертаціи, а затѣмъ снова занимаютъ въ вышедшихъ на англійскомъ языкѣ книгахъ„ О крѣпостномъ правѣ" и „о помѣстьи".

Г. Павловъ-Сильванскій также написалъ уже не мало, но его статьи всѣ вращаются около вопроса о феодализмѣ въ древней Россіи.

Такое сосредоточеніе обоихъ авторовъ на одномъ вопросѣ само уже является залогомъ ихъ серьезнаго отношенія къ нему. Г. Павловъ-Сильванскій перерылъ всѣ источники и показалъ возможность, отправляясь отъ нихъ, дать новое толкованіе многимъ явленіямъ древне-русскаго быта, такимъ, напр., какъ закладничество. Вмѣсто того, чтобы подчеркивать на каждомъ шагу свою оригинальность, такъ сказать, ще-

голять ею предъ читателемъ, онъ постарался связать свою схему съ мыслями, приходившими въ голову еще Карамзину и Соловьеву. Отъ этого его книга не только ничего не потеряла, но, наоборотъ, очень много выиграла. Историческая теорія, доказывающая, что въ древней Руси, одинаково Кіевской и Московской, держались порядки, по характеру своему отвѣчающіе феодальнымъ, не является, какъ deus ex machina, всецѣло исходящей изъ его ума и объясняемой субъективными свойствами послѣдняго, а какъ результатъ вѣковыхъ усилій сближенія русскихъ судебъ съ западными, какъ естественное и необходимое завершеніе того все болѣе и болѣе глубокаго изученія генезиса и характера феодализма на протяженіи всего міра, благодаря которому должна была по необходимости измѣниться и основная точка зрѣнія на него, какъ на особенность германо-романскаго быта. И моему учителю Мэну, и мнѣ самому приходилось уже высказываться о нѣкоторыхъ сторонахъ феодализма, какъ извѣстныхъ и мусульманской Персіи или Индіи. Едва ли кого поразитъ въ настоящее время отождествленіе, такъ называемыхъ, „икта“, т. е. земель, поступающихъ въ временное пользованіе на срокъ службы, съ карловинтскими бенефиціями, во всякомъ случаѣ не въ большей степени, чѣмъ уподобленіе послѣднихъ помѣстью, уподобленіе не разъ уже сдѣланное, между прочимъ, мною и повторяемое г. Сильванскимъ. Удивительнаго въ томъ, что феодализмъ былъ общимъ явленіемъ, разумѣется, нѣтъ ничего. Вѣдь стоитъ только вспомнить, что въ условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства, при рѣшительномъ перевѣсѣ сельскаго быта надъ городскимъ, земля являлась тѣмъ высшимъ матеріальнымъ благомъ, которымъ вознаграждалась всякая служба: и служба военныхъ людей государю и служба крестьянъ земельному владѣльцу. Отсюда необходимо вытекло и то послѣдствіе, что личныя отношенія осложнились земельными, а земельныя пріобрѣли характеръ политическій. Кто искалъ защиты, уступалъ свою землю сильному человѣку въ собственность, удерживая за собою одно пользованіе. Такъ возникала на Западѣ коммендація, у насъ закладничество, а на мусульманскомъ Востокѣ, такъ называемая, „икбалдава“. Сильный человѣкъ настолько сохранялъ свою силу, насколько могъ располагать большимъ числомъ зависимыхъ отъ него людей, а это возможно было подъ условіемъ не только оставленія за ними въ зависимомъ пользованіи того, чѣмъ они ранѣе владѣли въ собственность (на Западѣ алодъ, у насъ отчина, или дѣдина), но и нерѣдкой придачи къ этому земель, полученныхъ въ вознагражденіе за службу. Но чтобы зависимые люди дѣйствительно оставались во власти награждаемаго землею служилаго человѣка, ему необходимо было озаботиться возможно большимъ освобожденіемъ ихъ отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ и судьямъ, что, впрочемъ, было и въ ихъ интересахъ, такъ какъ избавляло отъ вымогательствъ агентовъ далеко отстоящей отъ нихъ власти. Вѣдь не у одного русскаго народа сложилась пословица: „До Бога высоко, до Царя далеко“. Интересъ обѣихъ сторонъ требовалъ поэтому созданія тѣхъ порядковъ, которые на Западѣ извѣстны были подъ именемъ иммунитета, а у насъ, какъ доказалъ Павловъ-Сильванскій, передаются грамотами описательно словами „а волостели мои или намѣстники мои, тіуны, не въѣзжаютъ

или не всылаютъ къ такимъ-то владѣльцамъ, ни къ ихъ людямъ, ни почто". Иммунитетъ необходимо предполагаетъ осуществленіе тѣхъ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ функцій, отъ которыхъ отказались правительственные агенты, самимъ владѣльцемъ бенефиція—помѣстья, или надѣленной тѣми же правами, что и помѣстье, вотчины. Отсюда развитіе той вотчинной юстиціи, которая въ Россіи, какъ и во многихъ государствахъ Запада, въ томъ числѣ Англіи, не знаетъ другихъ ограниченій, „опричь душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ". Эту вотчинную, или патримоніальную юстицію, оговариваютъ дарственныя грамоты, упоминая о надѣленіи служилаго человѣка или церкви и монастыря „селами съ судомъ и данью" или „съ судомъ и со всѣми пошлинами".

Въ сходствѣ условій самодовлѣющаго хозяйства, неправильно называемаго до сихъ поръ многими экономистами натуральнымъ, одинаково на Западѣ и у насъ, лежитъ, разумѣется, причина и общности феодальныхъ порядковъ. Но что эти порядки нерѣдко получали одинаковое внѣшнее выраженіе, что и у насъ имѣлось, напримѣръ, какъ показываетъ Павловъ-Сильванскій, подобіе той самой церемоніи принесенія „присяги въ покорности"—„hommage", это отчасти могло быть вызвано и прямымъ заимствованіемъ съ Запада, при посредствѣ Польши и Литвы. Г. Сильванскій, какъ мнѣ кажется, съ излишней подробностью останавливается на доказательствѣ той мысли, что юридическіе символы, къ которымъ мы обращались въ древней Руси, болѣе или менѣе сходны съ тѣми, какіе встрѣчаются у германскихъ народностей. Я полагаю, что сравненіе могло бы быть распространено и на другія общества, живущія въ тѣхъ же условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства, и стоящихъ на той ступени умственнаго развитія, при которой всякое отвлеченіе представляетъ необычное упражненіе мысли. Вѣдь для сравнительнаго историка права неоспоримымъ положеніемъ считается то, напримѣръ, что реальные контракты предшествовали во времени консенсуальнымъ, а для фольклориста такимъ же труизмомъ является признаніе, что на раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ соединяетъ съ частью предмета представленіе о цѣломъ, такъ что на этомъ даже построена цѣлая система магическихъ дѣйствій. Въ такихъ условіяхъ немудрено, если повсюду земельныя сдѣлки, напримѣръ, совершались путемъ реальной передачи изъ рукъ въ руки части отчуждаемаго, гдѣ глыбы земли, а гдѣ и просто соломины, т. е. взращенной на участкѣ травы. Въ сходствѣ присяги подъ дерномъ и обхода межи съ дерномъ на головѣ, практиковавшимся у насъ, съ передачей земельной собственности въ Германіи также съ дерномъ или посредствомъ травы, нельзя поэтому видѣть ничего похожаго на прямое заимствованіе, но нельзя съ одинаковой увѣренностью говорить о томъ, что употребленіе нашими грамотами выраженія „продать одерень въ полницу" не является прямымъ переводомъ латинской фразы „con cespite tradere in proprietatem".

Такимъ образомъ, при анализѣ причинъ совпаденія надо постоянно имѣть въ виду и единство условій, вызывающихъ одинаковость послѣдствій и культурное воздѣйствіе одного народа на другой.

Г. Павловъ-Сильванскій сопоставляетъ русскіе порядки съ феодаль-

ными вообще, но сколько различій въ характерѣ феодализма, если сравнивать между собою такія страны, какъ Франція, Англія, Германія. Возьмемъ хотя бы крѣпостное право. Англійскій крестьянинъ, или керлъ, въ IX вѣкѣ—такой же свободный человѣкъ, какъ и смердъ „Русской Правды". Нѣмецкій крестьянинъ теряетъ свою свободу приблизительно въ то же время, что и русскій, т. е. тогда, когда въ Англіи уже исчезаютъ слѣды крѣпостного права. А если мы зададимся вопросомъ о судьбѣ крестьянъ во Франціи, то намъ придется отмѣтить крѣпостное состояніе многихъ изъ нихъ уже во времена Карла Великаго и редактированія „Полиптика" аббатства Сенъ-Жерменъ-де-Пре монахомъ Ирминономъ. И если далеко не повсюду, то все же на нѣкоторыхъ земляхъ чернаго духовенства можно было встрѣтить крѣпостныхъ людей и въ вѣкъ Вольтера и въ моментъ созыва „учредительнаго собранія". Западно-европейскіе историки еще далеко не выяснили всѣхъ причинъ, обусловившихъ собою особенность феодальныхъ порядковъ той или другой страны. Но на одно обстоятельство уже указано какъ на несомнѣнный источникъ различіе. Это на вліяніе, какое на большую или меньшую законченность процесса феодализаціи имѣетъ устойчивость болѣе раннихъ родовыхъ порядковъ. Работами Себома болѣе или менѣе выяснено, что эти родовые порядки удержались не въ одной только Ирландіи или герцогствѣ Уэльскомъ, благодаря сохранившемуся здѣсь преобладанію Кельтовъ, но и въ Англіи. Родовые порядки несомнѣнно извѣстны были и Кіевской Руси. Достаточно напомнить порядокъ замѣщенія великокняжескаго стола старшимъ въ родѣ, совершенно сходный съ тѣмъ порядкомъ перехода власти вождя и земельнаго собственника, который удержался и въ Ирландіи, и въ Уэльсѣ, и въ шотландскихъ кланахъ, и извѣстенъ подъ наименованіемъ закона о переходѣ „Tannestry", т. е. старшинства отъ брата къ брату, а не отъ отца къ сыну. При родовыхъ порядкахъ семейная община, или нераздѣльный дворъ играетъ роль первичной общественной ячейки. Мы находимъ ее поэтому подъ именемъ „fine" въ кельтическомъ быту. Но что другое, какъ не ту же нераздѣльную семью представляетъ намъ „вервь" „Русской Правды" и упоминаемая тою же „Правдой" свобода „вложиться или не вложиться въ платежъ дикой виры" съ неизбѣжно вытекающимъ отсюда послѣдствіемъ для невложившагося, именно тѣмъ, что отнынѣ ему никто не помогаетъ въ платежѣ виры, а онъ самъ ее платитъ? Я не далекъ отъ мысли, что нашъ феодальный строй ближе всего стоитъ къ тѣмъ порядкамъ вырождающагося родового быта, какіе мы находимъ въ кланахъ Шотландіи, а также въ Ирландіи и Уэльсѣ. Вѣдь земельная зависимость, напримѣръ, поселенцевъ на родовой землѣ отъ начальника клана также осложняется зависимостью личной. Закладничество или коммендація извѣстна и въ древне-ирландскомъ быту, какъ давно указано уже Мэномъ. И возникаетъ она въ условіяхъ, довольно близкихъ къ русскому „серебреничеству". „Серебромъ", или капиталомъ, обыкновенно является ссуда коровъ. Получающій ихъ становится кліентомъ и могъ бы въ грамотахъ указать причиной своей коммендаціи, что передача себя въ руки патрона вызвана тою же нуждою, которая въ актахъ меровингской и карловинской эпохи передавалась словами: „не имѣю во что одѣться и чѣмъ обуться". Особенности

и англійскаго феодализма до эпохи норманскаго завоеванія объясняются сохраненіемъ имъ многихъ чертъ клано-родовыхъ порядковъ. Достаточно напомнить о томъ, что въ раннихъ законахъ англо-саксовъ сама смерть короля ведетъ еще къ уплатѣ головничества или выкупа. Англо-Саксонскій „танъ" скорѣе дружинникъ при родовыхъ порядкахъ, чѣмъ феодальный сеньеръ. Меня не удивитъ поэтому, если при болѣе детальномъ изученіи русскій феодализмъ окажется ближе стоящимъ къ строю англо-саксонскаго общества временъ Эдуарда Исповѣдника, нежели къ французскому феодализму эпохи Гугона Капета.

Но разобраться во всемъ этомъ—дѣло будущаго, а пока намъ остается только привѣтствовать первую систематическую попытку показать близость нашихъ средневѣковыхъ земельно-сословныхъ отношеній съ западными.

Сочиненіе г. Сильванскаго написано для большой публики, и потому въ немъ не приведенъ тотъ цѣнный матеріалъ, на которомъ основаны главные выводы автора. Часть этого матеріала отпечатана была уже раньше, по крайней мѣрѣ, въ рядѣ извлеченій. Въ систематическомъ же видѣ и въ новой обработкѣ весь матеріалъ появится ближайшимъ образомъ въ диссертаціи нашего молодого, но уже хорошо извѣстнаго историка, которая, какъ можно думать, будетъ посвящена болѣе прочному обоснованію тѣхъ же мыслей, выраженіемъ которыхъ служитъ разобранное нами сочиненіе.

Максимъ Ковалевскій.

А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. Изданіе второе, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоиздательство „Колосъ". Спб. 1908.

Давно ставшая, въ первомъ изданіи, библіографическою рѣдкостью и теперь перепечатанная книга Пыпина о Бѣлинскомъ до сихъ поръ служитъ самымъ лучшимъ и полнымъ источникомъ для біографіи великаго критика и по необходимости замѣняетъ послѣднюю. Трудъ Пыпина и венгеровскія примѣчанія къ собранію сочиненій Бѣлинскаго, не восполняя въ литературѣ пробѣла, составленнаго отсутствіемъ біографіи Бѣлинскаго, даютъ относительно богатую сводку матеріаловъ по Бѣлинскому. Все, что писано о Бѣлинскомъ послѣ Пыпина, основывалось на его книгѣ, которая не разъ была очень щедро использована „біографами"; Е. А. Соловьевъ выкроилъ изъ нея цѣлыя страницы для своего извѣстнаго очерка. Несомнѣнно, она будетъ издаваема еще не разъ.

Покойный Пыпинъ собирался самъ переиздать свою работу и подготовилъ нѣкоторыя дополненія къ ней; они были отмѣчены имъ на одномъ экземплярѣ изданія 1876 г. и по этимъ указаніямъ внесены прямо въ текстъ. Дополненія невелики и сводятся къ вставкамъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькихъ горячихъ тирадъ и фразъ и возстановленію именъ, которыхъ Пыпинъ тридцать лѣтъ назадъ не могъ опубликовать по цензурнымъ и инымъ причинамъ. Въ концѣ книги, особо, даны болѣе обширныя дополненія, извлеченныя изъ собранныхъ Пыпинымъ матеріаловъ; въ нихъ немало интереснаго и характернаго. Выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго, какъ все, что вышло изъ-подъ пера вѣчно горѣвшаго „Bessarione Furioso", отражаютъ его страстный, пламенный темпераментъ; интересны отрывки изъ писемъ къ Боткину, съ

которымъ Бѣлинскій былъ дружнѣе всѣхъ, и который долго былъ для него проводникомъ идей и литературныхъ интересовъ. Многія письма Бѣлинскаго, особенно письма къ Боткину, даютъ иногда болѣе яркое представленіе о „неистовомъ Виссаріонѣ", чѣмъ его критическія статьи. Въ мрачное николаевское время Бѣлинскій, публицистъ по духу столько же, сколько и эстетическій критикъ, часто бывалъ вынужденъ сдерживать себя передъ кавдинскими фуркузами цензуры,—но зато въ переепискѣ съ друзьями онъ давалъ полную волю накопившемуся гражданскому гнѣву. Вотъ горячая филиппика противъ Николая Полевого (въ письмѣ къ Боткину—621 стр.) и по поводу его „патріотическихъ" пьесъ, которыхъ Бѣлинскій въ своихъ рецензіяхъ могъ касаться только съ „литературной" стороны: „Если бы я могъ раздавить моею ногою Полевого, какъ гадину,—я не сдѣлалъ бы этого только потому, что не захотѣлось бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавецъ, подлецъ первой степени: онъ другъ Булгарина, protégé Греча, пріятель Кукольника, безсовѣстный плутъ, завистникъ, низкопоклонникъ, дюжинный писака, покровитель посредственности, врагъ всего живого, талантливаго. Знаю, что когда-то онъ имѣлъ значеніе, уважаю его за прежнее, но теперь—что онъ дѣлаетъ теперь?—проповѣдуетъ ту расейскую дѣйствительность, которую такъ энергически нѣкогда преслѣдовалъ, которой нанесъ первые сильные удары. Я могу простить ему отсутствіе эстетическаго чувства, могу простить искаженіе Гамлета, грубое непониманіе, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, глупое благоговолѣніе къ риторической музѣ Державина,—но для меня уже смѣшно, жалко, позорно видѣть его фарисейко-патріотическія, предательскія драмы народныя (Иголкина и т. п.), его пошлыя комедіи и прочую сценическую дрянь, цѣну, которую онъ даетъ вниманію и вызову срыжной публики, составленной изъ офицеровъ и чиновниковъ; но положимъ, что и это можно извинить отсталостью, старостью, слабостью преклонныхъ лѣтъ и пр.; но его дружба съ подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, отъ которыхъ гибнетъ наша литература, страждутъ истинные таланты и лишено силы все благородное и честное,—нѣтъ, братъ, если я встрѣчусь съ Полевымъ на томъ свѣтѣ, и тамъ отворочусь отъ него, если только не наплюю ему въ рожу. *Личныхъ враговъ прощу*, съ Булгаринымъ скорѣе обнимусь, чѣмъ подамъ ему руку отъ души". Прекрасно раскусилъ Бѣлинскій Каткова: въ началѣ 1841 г. онъ писалъ о немъ Боткину и почти предсказалъ, чѣмъ кончитъ Катковъ: „Этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему... Много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее. Это натура полная силы, энергіи, мужества, натура широкая, если еще пока не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сентиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, при его кровяномъ, животномъ организмѣ, чортъ знаетъ до чего можетъ довести его; это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такое положеніе, что отъ случая будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря, куда онъ поворотитъ, пока еще время поворачивать себя въ ту или другую сторону"... Извѣстно, куда „поворотилъ" Катковъ. Ругавшій французовъ

въ періодѣ преклоненія передъ дѣйствительностью и „прекраснодушія" Бѣлинскій, просвѣтлѣвъ, восторженно пишетъ Боткину о Беранже:—великій, міровой поэтъ, французскій Шиллеръ, который стоитъ нѣмецкаго, христіаннѣйшій поэтъ, любимѣйшій изъ учениковъ Христа! Разумъ и сознаніе—вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастіи непосредственности—все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексій, безъ раскаянія разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чужой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ"...

Прекрасны порывы и увлеченія этого „великаго сердца", великаго въ самыхъ ошибкахъ своихъ, представляющаго въ нравственномъ отношеніи такое же великолѣпное явленіе, какъ Пушкинъ въ эстетическомъ,—и старая книга Пыпина, которая разсказываетъ о немъ, всегда будетъ интересна. Составленныя Е. А. Ляцкимъ примѣчанія нѣсколько освѣтили ее, связали съ накопившейся въ тридцать лѣтъ литературой о Бѣлинскомъ; характеръ ихъ не историко-критическій, какъ у г. Венгерова, а библіографическій. (Приводимый г. Ляцкимъ разсказъ Старчевскаго, что Краевскій радъ былъ отказу Бѣлинскаго отъ участія въ „Отечеств. Запискахъ", нужно опровергнуть; извѣстно изъ переписки Бѣлинскаго, что Краевскій всячески удерживалъ его и разстался съ нимъ очень неохотно). Въ пополненномъ г. Ляцкимъ спискѣ книгъ и статей о Бѣлинскомъ указаны важнѣйшіе матеріалы, появившіеся съ 1877 г. по 1907; списокъ могъ бы быть полнѣе: такъ, не отмѣчены статьи и брошюры Б. Цинскаго, Ч. Вѣтринскаго (1907 г.), Линниченко, Алферова, Острогожскаго, Плеханова и многія другія, явившіяся въ послѣдніе годы. Составленная С. А. Венгеровымъ библіографія литературы о Бѣлинскомъ („Источники словаря русскихъ писателей", I) кончается 1898 годомъ; при третьемъ изданіи книги Пыпина г. Ляцкій сможетъ дать продолженіе работы Венгерова.

Н. Л.

М. Гершензонъ. *П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908. Стр. IV+320. Ц. 1 р. 25 коп.*

Авторъ книги разсказываетъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка и излагаетъ систематически плоды его мышленія; авторъ вдвигаетъ въ рамки историческаго объясненія необыкновенное явленіе русскаго духа, всегда бывшее нѣсколько непонятнымъ для спеціалистовъ. Г. Гершензонъ ниспровергаетъ ходячія мнѣнія о Чаадаевѣ и главнѣе всего—о его политической революціонности. Чаадаевъ послѣ 25 года—неисправимый политическій реакціонеръ, но надо подняться выше этихъ оцѣнокъ: Чаадаевъ служилъ большей, чѣмъ политическая, вѣчной истинѣ, внутренней свободѣ, подчиняющей себѣ внѣшнюю. Съ этой точки зрѣнія Чаадаевъ неустранимъ изъ исторіи освободительнаго движенія. Г. Гершензонъ очень хорошо намѣчаетъ внутреннее развитіе Чаадаева отъ вольнодумства 20-хъ годовъ черезъ глубокія нравственныя и интеллектуальныя страданія и исканія къ полнѣйшему мистицизму. Авторъ книги удачно связываетъ этотъ мистицизмъ съ крушеніемъ политическихъ надеждъ общества. Ученіе Чаадаева—„своеобразный плодъ мистической идеи на почвѣ исключительно-соціальнаго настроенія русскаго

передового общества 20-хъ годовъ; это міровоззрѣніе декабриста, ставшаго мистикомъ". Мистицизмъ Чаадаева соціаленъ. Г. Гершензонъ въ очень доступной и заинтересовывающей формѣ излагаетъ философскую систему Чаадаева и спеціально его историческую философію Несомнѣнно, это самое цѣльное и стройное и въ то же время легко воспринимаемое изложеніе чаадаевской философіи. Разсказывая объ историческихъ взглядахъ Чаадаева, г. Гершензонъ разрушаетъ довольно распространенное представленіе объ историческомъ скептицизмѣ Чаадаева. Переходя къ изложенію взглядовъ Чаадаева въ тридцатыхъ годахъ, г. Гершензонъ видитъ въ нихъ столь же стройное и логическое развитіе системы „Философическихъ писемъ". Центральный пунктъ мышленія этого періода—объ историческихъ судьбахъ Россіи. Въ „Философическихъ письмахъ" съ вершины своей мистической философіи Чаадаевъ рѣшительно осудилъ прошлое Россіи, а обличенія ея настоящаго не оставляли мѣста никакимъ надеждамъ. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ Чаадаевъ считаетъ безплодность и пустынность нашего прошлаго залогомъ особенныхъ судебъ Проведѣнія, особенныхъ историческихъ путей Россіи. Въ то же время мѣняются его взгляды на православіе. Отрицаніе смѣнилось признаніемъ православія за одинъ изъ полюсовъ христіанской церкви. Мы не согласны съ авторомъ изслѣдованія какъ въ томъ, что міровоззрѣніе тридцатыхъ годовъ развито у Чаадаева съ тѣмъ же единствомъ исходной точки зрѣнія и съ тою же логикой, какъ философія „писемъ", такъ и въ томъ, что оно является логическимъ завершеніемъ всей системы. Намъ кажется, что во второй половинѣ 30-хъ годовъ системѣ „писемъ" наносятся удары вынужденнымъ стремленіемъ примириться съ русской дѣйствительностью. Намъ кажется нѣсколько преувеличенной общая историческая оцѣнка вклада Чаадаева въ мышленіе человѣчества.

Оставляя открытымъ вопросъ о своевременности напоминанія о Чаадаевѣ, рекомендуемъ интересную и доступно написанную книгу г. Гершензона всѣмъ интересующимся судьбами русскаго мышленія, или вѣрнѣе, всякому, кто считаетъ себя и хочетъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ. Стыдно такому человѣку не знать философіи Чаадаева, а, т. н., большая публика поистинѣ не знаетъ ея.

Было бы грѣшно не сказать, что въ приложеніяхъ къ книгѣ данъ переводъ „Философическихъ писемъ", апологіи сумасшедшаго, трехъ писемъ къ А. И. Тургеневу, письма къ Сиркуру и къ неизвѣстному Такимъ образомъ читателю представлена возможность прочесть мало доступныя сочиненія Чаадаева въ хорошемъ переводѣ. Книжка г. Гершензона является и изслѣдованіемъ и собраніемъ сочиненій Чаадаева. Кромѣ того, приложенъ и прекрасно выполненный фототипическій портретъ Чаадаева.

П. Щ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Францъ Лютгенау. Естественная и соціальная религія. Спб. 1908 г. Пер. В. Величкиной. Ц. 1 р.

Ф. Купчинскій. Портъ-Артурскіе „герои". Ц. 1 р.

А. Өедоровъ. Стихотворенія. Изд. С. В. Бунина. Ц. 1 р.

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—55 гг. По подлиннымъ дѣламъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ портретами. Изд. С. В. Бунина. Ц. 3 р. 50 к.

Эрнестъ Унтерманъ. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи изъ области пролетарскаго. Пер. съ нѣм. И. Г. Наумова. Подъ ред. П. Дауге. Изд. П. Г. Дауге. М. 1907 г. Ц. 60 к.

Ю. Волинъ. Разсказы. 2-ое доп. изданіе. Из—во „Прометей". Спб. Ц. 1 р.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Изд. 3-е, т. I. Исторія развитія русской фабрики въ XIX в. Ц. 2 р. 50 к.

С. Мельгуновъ. Гдѣ выходъ? Крушеніе надеждъ и междоусобная война. Ц. 15 к. Складъ изд. въ маг. Т—ва И. Д. Сытина.

Изданія Т—ва „Знаніе":

П. Кропоткинъ. Т. VII. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Перев. съ англ. В. Батуринскаго подъ ред. автора. Ц. 1 р. Спб. 1907 г.

С. Найденовъ. Т. I. Пьесы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Гюставъ Флоберъ. Искушеніе св. Антонія. Пер. съ фр. Бориса Зайцева. Ц. 30 к.

Семенъ Юшкевичъ. Король. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Ц. 60 к. Спб. 1908 г.

Изданія М. М. Зензинова:

Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Памяти декабристовъ. 40 фотогр. рисунковъ. Ц. 3 р.

Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Спб. 1907 г.

Н. Н. Черненковъ. Аграрная программа партіи Народной Свободы и ея послѣдующая разработка. Спб. 1907 г. Безпл. приб. въ „Вѣстнику Нар. Свободы". 1907 г.

Н. С. Русановъ (Кудринъ) Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. 2 тома. Ц. 3 р. изд. 2-е дополн.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое махаевщина? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. Изд. С. В. Бунина. 1908 г. Ц. 50 к.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Кн. III. Тифлисъ 1908 г. Ц. 50 к.

П. Бирюковъ. Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Съ прилож. избр. духоборч. псалмовъ. Съ рисунками и портретами. Изд. Посредника. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Н. А. Рожковъ. Отъ самовластія къ народовластію. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. 1908 г. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р.

Э. *Геккель*. Естественная исторія міротворенія. Общепонятное научное изложеніе ученія о развитіи. Ц. 2 р. К—во „Мысль“. 1908 г. Спб. Соціалистическая исторія 1789—1900 г. Подъ ред. Жана Жореса, т. I. Учредительное Собраніе 1789—1791 г. Жана Жореса. Пер. Е. Бартеневой. М. Львовой, Н. Тютчева. Кн-во „Даль“. 1908 г. Ц. 2 р.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. И. Герценъ (характеристика). Т—во „Издательское Бюро“. 1908 г. Спб. Ц. 20 к.

С. Лозинскій. Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. Кн—во „Серпъ“. 1907 г.

„Серпъ“ сборникъ первый. Книгоизд. „Серпъ“. Кіевъ. Ц. 50 к.

„Серпъ“ сборникъ второй. Ц. 1 р.

Т. Осадчій. Борцы за землю и правду. Ц. 1 р. 1908 г. Романъ-былое изъ соц. жизни на Украйнѣ.

Л. Ш—гъ. Трагедія шестимилліоннаго народа. Ц. 10 к. 1908 г.

Б. В. Добрынинъ. Задачи современной интеллигенціи. 1908 г. Ц. 25 к.

Протоколы Конференціи Россійскихъ Націон. Соц. Партій. Кн—во „Сеймъ“ 1908 г. Ц 60 к.

„Вѣрьте себѣ“ Л. Н. Толстого.

Ш. Бодлэръ. Исканія рая. Пер. В. Лихтенштадтъ. Ц. 1 р.

Щукинскій сборникъ. Вып. 7-ой. Изд. Отд. Импер. Росс. Ист. Музея имени Имп. Алекс. III. Музея П. И. Щукина.

Дѣло о выборгскомъ воззваніи. Стенографическій отчетъ о засѣд. особ. присут. Спб. суд. палаты 12—18 декабря 1907 г.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ
при
НИКОЛАЕВСКОМЪ
кавалерійскомъ училищѣ
ПАМЯТНИКА
М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ.
29 Сентября 1907 года.
№ 10/4381
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Ново-Петергофскій, 24.

Милостивый Государь.

Въ 1914 г. настанетъ столѣтіе со дня рожденія (2 октября 1814 г.) поэта **М. Ю. Лермонтова.**

Николаевское кавалерійское училище, въ стѣнахъ коего поэтъ воспитывался и въ которомъ имѣется уже музей **Лермонтова,** взяло на себя починъ открыть подписку на сооруженіе памятника поэту въ С.-Петербургѣ.

Государь Императоръ соизволилъ **Всемилостивѣйше** разрѣшить произвести повсемѣстно сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника, который долженъ служить украшеніемъ столицы.

Памятникъ этотъ предполагается поставить на Ново-Петергофскомъ проспектѣ передъ зданіемъ училища.

Для сбора пожертвованій, разработки проекта памятника и его сооруженія при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ образованъ особый комитетъ.

Комитетъ надѣется на сочувствіе всей Россіи, такъ какъ имя поэта **Лермонтова** составляетъ гордость всей страны.

Пожертвованія просятъ присылать на имя Комитета въ г. С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, 24.

Не откажитесь, Милостивый Государь, помѣстить настоящее мое письмо на страницахъ Вашего уважаемаго изданія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Предсѣдатель Комитета **Л. Девидъ.**

Комитетъ проситъ всѣ провинціальные газеты и журналы перепечатать это письмо.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

---

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул.*, *№ 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на внѣпартійный историческій и историко-литературный журналъ

„МИНУВШІЕ ГОДЫ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами 18—20 листовъ.

ПРОГРАММА:

1) Изслѣдованія и статьи по русской исторіи и русской литературѣ.
2) Матеріалы, документы, мемуары и письма изъ области русской исторіи и русской литературы.
3) Біографіи дѣятелей русской исторіи и литературы.
4) Критика историческая и литературная и библіографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. П. Акимовъ; М. А. Антоновичъ; І. В. Аптекманъ; К. К. Арсеньевъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; Ф. Д. Батюшковъ; А. В. Баулеръ; П. А. Берлинъ; П. Д. Боборыкинъ; В. Я. Богучарскій; А К. Бороздинъ; В. Я. Брюсовъ; В. Л. Бурцевъ; Б. Н. Бугаевъ; И. П. Бѣлконскій; П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; Н. А. Виташевскій; Е. Н. Водовозова; В. В. Водовозовъ; Н. Л. Геккеръ; В. С. Голубевъ; М. О. Гершензонъ; И. С. Джабадари; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Н. И. Іорданскій; Н. И. Карѣевъ; А А. Кизеветтеръ; В. О. Ключевскій; М. М. Ковалевскій; Н. А. Котляревскій; А. А. Корниловъ; В. П. Кранихфельдъ; Л. П. Купріянова; Е. Д. Кускова; Ю. Н. Лавриновичъ; А. С. Лаппо-Данилевскій; И. И. Лапшинъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. И. Любатовичъ; И. И. Майновъ; И. Л. Манучаровъ; П. Н. Милюковъ; Б. Я. Мадзалевскій; Н. А. Морозовъ; Д. С. Мережковскій; Н. К. Муравьевъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. В. Прибылевъ; А. П. Прибылева-Корба; А. С. Пругавинъ; П. Н. Переверзевъ; Ф. И. Родичевъ; Н. С. Русановъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; П. Б. Струве; Е. В. Тарле; В. Г. Танъ; М. Г. Тригони; Н. И. Фалѣевъ; В. Н. Фигнеръ; Д. В. Философовъ; М. Ф. Фроленко; С. Л. Чудновскій; П. Е. Щеголевъ; П. И. Щукинъ; В. Е. Якушкинъ и др.

ЦѢНА ЖУРНАЛА: на годъ—8 руб.; на 1/2 года—4 руб.; на 1/4 года—2 руб. За границу (при выпискѣ изъ Россіи)—10 руб. Выписывающіе черезъ мѣстныя заграничныя почтовыя учрежденія платятъ только 8 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера—1 руб.

Подписка ГОРОДСКАЯ принимается: въ конторѣ журнала „Минувшіе Годы“, Троицкая, д. № 3, кв. № 8 и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ **С.-Петербургѣ**, Гостинный дворъ, 18 и Невскій пр., д. 13; въ **Москвѣ**, Кузнечный мостъ и Моховая.

Подписка ИНОГОРОДНЯЯ направляется по адресу: Троицкая, д. 3, кв. 8.

Временный адресъ редакціи: Знаменская, 19.

Редакторъ **Н. Я. Селюкъ**. Издатель **Н. В. Мѣшковъ**.

N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 2

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ФЕВРАЛЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типолитографія „Энергія“, Загородный, 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРИСТЫ-МАСОНЫ.

Русское масонство въ XVIII в. изслѣдовано очень подробно трудами Ешевскаго, Лонгинова, Пыпина, Пекарскаго, А. Попова, Тихонравова и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Гораздо меньше сдѣлано для изученія масонства въ Россіи въ первой четверти XIX в. До самаго послѣдняго времени этой эпохѣ нашего масонства были посвящены изслѣдованія почти одного А. Н. Пыпина. Меньшее вниманіе нашихъ ученыхъ къ исторіи новѣйшаго періода русскаго масонства объясняется отчасти болѣе видною ролью масоновъ въ общественномъ движеніи въ царствованіе Екатерины II сравнительно съ эпохою Александра I, частью же меньшею доступностью матеріаловъ этого послѣдняго времени. И теперь большая коллекція масонскихъ документовъ, хранящаяся въ архивѣ департамента полиціи, оказывается недоступною для изслѣдованія.

Въ самое недавнее время появилась интересная книга Т. О. Соколовской („Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія“), посвященная преимущественно изученію эпохи Александра I, хотя авторъ дѣлаетъ значительные экскурсы и въ XVIII вѣкъ. Матеріалами для г-жи Соколовской, кромѣ печатныхъ источниковъ, послужили документы многихъ архивовъ и хранилищъ рукописей, и ея трудъ, несмотря на его сравнительно небольшой объемъ, значительно подвигаетъ впередъ изученіе русскаго масонства въ первой четверти XIX вѣка. Но, не говоря уже о томъ, что нельзя согласиться со всѣми взглядами автора, нѣсколько идеализирующаго масонство эпохи Александра I, Т. О. Соколовская сама ограничиваетъ задачу своего очерка и „намѣренно оставляетъ безъ разсмотрѣнія“ связь русскаго масонства съ заграничнымъ, исторію масонскихъ системъ и отдѣльныхъ ложъ, подробности ритуала, мистической и филантропической дѣятельности, масонскихъ законоположеній, внутренней жизни ложъ: по ея справедливому замѣчанію, все это еще требуетъ „самостоятельнаго изслѣдованія“. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ вопросовъ г-жею

Соколовской напечатано въ послѣдніе годы не мало матеріаловъ въ „Русской Старинѣ", „Русскомъ Архивѣ" и издаваемомъ въ Кронштадтѣ журналѣ „Море", но все же мы еще не скоро будемъ имѣть полную исторію русскаго масонства въ первой четверти XIX вѣка.

А между тѣмъ масонство этого времени представляетъ значительный интересъ для исторіи нашего общественнаго движенія, какъ это видно уже изъ того, что нѣсколько десятковъ членовъ нашихъ тайныхъ обществъ были нѣкоторое время масонами. Участіе декабристовъ въ масонскихъ ложахъ составляетъ основную задачу нашего очерка, но, при всей ограниченности нашей темы мы не нашли возможнымъ обойтись безъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ экскурсовъ. Относительно XVIII в. я ограничиваюсь лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о политическомъ міросозерцаніи масоновъ этого времени. Переходя въ XIX вѣкъ, я разсматриваю правительственную регламентацію нашего масонства, нерѣдкіе случаи гоненія на него и, наконецъ, окончательное закрытіе масонскихъ ложъ во всей Россіи. Затѣмъ я займусь основнымъ вопросомъ моего очерка о декабристахъ-масонахъ и постараюсь выяснить причины ихъ охлажденія къ масонству; наконецъ, я предполагаю коснуться нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ, западныхъ вліяній на нашихъ масоновъ. Въ виду неполной доступности матеріаловъ по этимъ вопросамъ я отнюдь не могу претендовать на полноту изложенія и въ указанныхъ границахъ, но все же надѣюсь нѣсколько пополнить имѣющіяся въ нашей научной литературѣ свѣдѣнія о масонствѣ первой четверти XIX вѣка.

I.

Въ масонскихъ ложахъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ участвовали нѣкорыя лица съ либеральными политическими взглядами. Такъ, напримѣръ, по полицейскому дознанію, произведенному около 1756 года, оказался масономъ извѣстный впослѣдствіи историкъ кн. М. М. Щербатовъ, который въ своихъ сочиненіяхъ (правда, позднѣйшихъ и въ свое время не напечатанныхъ) высказался за ограниченіе самодержавной власти. Къ числу послѣдователей англійскаго масонства принадлежалъ въ 1775 г. Н. И. Панинъ, который мечталъ о преобразованіяхъ государственнаго строя, основанныхъ на введеніи дворянскаго представительства. Но это не должно вызывать предположенія, что и масонскія ложи, въ которыхъ они участвовали, проявляли какія-либо стремленія къ политическимъ реформамъ.

Н. И. Новиковъ, сдѣлавшійся масономъ въ половинѣ 1770-хъ годовъ, иногда въ издаваемыхъ имъ журналахъ помѣщалъ статьи, очевидно, имѣвшія цѣлью проведеніе либеральныхъ идей и обличеніе высшихъ правительственныхъ сферъ. Въ „Утреннемъ Свѣтѣ", который издавался въ

Петербургѣ, въ 1777—80 годахъ помѣщена переведенная (съ небольшими сокращеніями) изъ „Персидскихъ писемъ“ Монтескье притча о троглодитахъ (небольшомъ племени, живущемъ въ Аравіи), прославляющая гражданскія доблести, духъ братства и солидарности, почти коммунизма въ этой маленькой республикѣ. Когда они задумываютъ избрать „царемъ“ самаго справедливаго изъ нихъ, онъ несочувственно относится къ этому, говоря, что умретъ отъ горести, видя „въ подданствѣ“ троглодитовъ, „рожденныхъ въ свободѣ“ [1]). Авторъ статьи „Путешествіе добродѣтели“ (ч. III, 160—162) восторженно отзывается объ англійскомъ государственномъ устройствѣ: отъ англійскаго короля, говоритъ онъ, отнято „могущество вредити чрезъ наисовершеннѣйшее законодательство“. Въ Англіи „наипослѣднѣйшій изъ народа разсуждаетъ, имѣя власть сообщать мысли свои и каждому побужденію ко благу безпрепятственно слѣдовать, ученые не опасаются ни притѣсненія, ни изгнанія, всѣ науки процвѣтаютъ... Типографіи были повсюду свободны и печатали безчисленное множество различныхъ сочиненій“.

Въ „Московскомъ Ежемѣсячномъ Изданіи“ [2]) было помѣщено письмо „О государяхъ“ съ отвлеченными обличеніями несправедливости, жестокости государей, описаніями ненависти къ нимъ подданныхъ, если государи не пользуются хорошими совѣтами и слѣдуютъ дурнымъ. Но, несомнѣнно, намекъ на современныя условія русской жизни представляло довольно подробное указаніе на то, какъ вредна для государства излишняя страстность государя въ любви, а также, быть можетъ, и цитата изъ одного писателя, выражающаго удивленіе по поводу того, что обыкновенно „чѣмъ болѣе государь царствуетъ, тѣмъ менѣе умѣетъ управлять“. Въ передовой статьѣ (того же журнала) нѣмецкаго богослова Іерузалема указывается на заблужденіе тѣхъ „великихъ людей“, которые все свое величество видятъ „въ страхѣ сосѣдей и въ невольничествѣ подданныхъ“ (II, 6). Государь долженъ отдалить отъ себя роскошь: только тамъ въ народѣ изобиліе, гдѣ нѣтъ роскоши при дворѣ (I, 312). Въ одной статьѣ „Московскаго Ежемѣсячнаго Изданія“ проповѣдуется даже право сопротивленія: „если жъ, отвергая даруемое намъ небомъ, вмѣсто пастыря народа“ сдѣлается монархъ „расхитителемъ онаго, то покорность сему тирану учинится измѣною противъ рода человѣческаго“ (III, 1781 г., 261—262). Въ статьѣ „Краткое описаніе жизни и характера генерала Вашингтона“, напечатанной въ „Прибавленіи къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1784 года, сказано, что Ва-

---

[1]) „Утренній Свѣтъ“ 1778 г., IV, 208—221; ср. *Монтескье* „Персидскія письма“, Спб 1892 г., стр. 20—30; *Lichtenberger*, Le socialisme au XVIII siècle, P. 1895, p. 85—86.

[2]) 1781 г., ч. II, 247—258.

шингтонъ „основалъ республику, которая, вѣроятно, будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ" (стр. 372). Но приведенныя цитаты вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы редакція журнала обладала опредѣленнымъ политическимъ міросозерцаніемъ, такъ какъ въ другихъ статьяхъ „Московскаго Ежемѣсячнаго Журнала" проводятся взгляды консервативные. „Царскимъ законамъ повинуйся и ихъ волю почитай за твердѣйшій законъ", совѣтуетъ „Рѣчь Исократа къ Демонику" (I, 151). „Не наслаждается ли добродѣтельный, если, впрочемъ, онъ не бываетъ невольникомъ ни у какого мучителя, во *всякомъ* государствѣ равною свободой?" говоритъ Стратонъ въ „Письмѣ къ сыну" (III, 166). Тутъ есть вылазка противъ крѣпостного права, но сказывается равнодушіе къ формѣ правленія.

Недавно было высказано предположеніе, что извѣстный масонъ, московскій профессоръ Шварцъ, „едва ли не былъ „*иллюминатомъ*" [1]); но приведенныя въ пользу этого препложенія соображенія совершенно недостаточны для такого вывода. Орденъ иллюминатовъ, основанный въ 1776 г. проф. Вейсгауптомъ въ г. Ингольштадтѣ въ Баваріи, одною изъ своихъ задачъ ставилъ противодѣйствіе всякаго рода деспотизму; Вейсгауптъ мечталъ о томъ, что государи и раздѣленіе на отдѣльные народы исчезнутъ безъ всякаго насилія; поэтому иллюминатовъ стали обвинять въ стремленіи къ потрясенію престоловъ и алтарей, въ томъ, что они называютъ государей узурпаторами, сохраняющими свою власть лишь благодаря поддержкѣ со стороны духовенства [2]). Въ 1784 г. всѣ ложи масоновъ и иллюминатовъ въ Баваріи были закрыты, а въ слѣдующемъ году Вейсгауптъ лишился каѳедры и бѣжалъ оттуда [3]). Въ 1781 г. московскіе масоны дали Шварцу полномочіе искать степеней и статутовъ древняго истиннаго масонства, а не актовъ системы „строгаго наблюденія" (основанной въ Германіи Hund'омъ) [4]) или французской, или же вообще имѣющей политическій характеръ. Въ Берлинѣ пасторъ Вёльнеръ увлекъ его въ отличающуюся особенно мистическимъ характеромъ вѣтвь масонства—розенкрей-

---

[1]) *Сиповскій*. Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника", прилож. стр. 9—12.

[2]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, 2 Aufl. 1865, II, 14, 26; Vollständige Geschichte der Verfolgung der Illuminaten in Bayern. 1786, (сочиненіе Вейсгаупта), I, 259; ср. объ иллюминатахъ въ ст. Пыпина „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ", „Вѣстн. Евр.", 1867 г., IV, 39.

[3]) Любопытно, что членомъ ордена иллюминатовъ былъ Бонневиль въ Парижѣ (*Findel*. Geschichte der Freimaurerei, 2 Aufl., s. 311), сочиненія котораго имѣли вліяніе на М. А. Дмитріева-Мамонова, предполагавшаго вмѣстѣ съ М. Ѳ. Орловымъ въ 1814—17 гг. учредить общество русскихъ рыцарей. См. мою статью „Очерки изъ исторіи политическихъ и обществ. идей декабристовъ". „Рус. Богат." 1907 г., № 12.

[4]) См. о ней *Findel*. Geschichte der Freimaurerei, 7-te Aufl, 1907, I, 5—56.

церство—и далъ ему полномочіе составить изъ избранныхъ братьевъ кругъ розенкрейцеровъ. Заключать о принадлежности Шварца къ ордену иллюминатовъ только потому, что онъ, по одному позднѣйшему и очень неопредѣленному свидѣтельству [1]), „съ большою смѣлостью, не взирая ни на что, бичевалъ политическія и церковныя злоупотребленія", совершенно невозможно [2]), тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе розенкрейцеры, и Вёльнеръ въ томъ числѣ, весьма враждебно относились къ иллюминатамъ [3]). Правда, гр. Растопчинъ въ запискѣ о мартинистахъ, представленной имъ въ 1811 г. вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ [4]), утверждаетъ слѣдующее: „пока кн. Прозоровскій старался обнаружить замыслы мартинистовъ и добыть противъ нихъ вѣрныя улики, было перехвачено письмо отъ баварскихъ иллюминатовъ къ Новикову, написанное мистическимъ слогомъ и на ясное истолкованіе котораго невозможно было его склонить... Императрица", продолжаетъ Растопчинъ, „хранила у себя нѣкоторыя важныя бумаги по дѣлу о мартинистахъ, въ томъ числѣ письменные ихъ списки, письмо мюнхенскихъ иллюминатовъ къ Новикову, допросы главныхъ членовъ общества, показанія и повинныя нѣкоторыхъ изъ лицъ, метавшихъ между собою жребій, кому посягнуть на ея жизнь. Всѣ эти бумаги заключались въ бѣлой картонкѣ, которая находилась въ ея рабочемъ кабинетѣ въ Петербургѣ съ надписью „Дѣла о мартинистахъ". Растопчинъ сдѣлалъ и словесный доносъ имп. Павлу на мартинистовъ, сообщилъ ему о письмѣ изъ Мюнхена, „объ ужинѣ, на которомъ бросали жребій" и проч. Несмотря на эти подробности, приводимыя Растопчинымъ, слѣдуетъ рѣшительно отрицать правдивость его показанія, такъ какъ въ напечатанныхъ уже нынѣ допросахъ Новикова и его товарищей [5]) нѣтъ ни упоминанія о письмѣ къ Новикову отъ баварскихъ иллюминатовъ, ни тѣмъ болѣе указанія на метаніе жребія относительно убійства императрицы. Новиковъ рѣшительно утверждаетъ, что среди нихъ не было иллюминатовъ [6]). О полной неосновательности смѣшенія иллюми-

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1874 г., т. I, 1035.

[2]) О дѣйствительномъ содержаніи лекцій Шварца можно найти указанія въ статьѣ *А. В. Семеки* „Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Екатерины II противъ масонства". „Жур. Мин. Нар. Просв." 1902 г.

[3]) Allgem. Handb. der Freimaurerei II, 27; Vollständ. Geschicte der Verfolgung der Illuminaten I, 266—270.

[4]) „Русскій Архивъ" 1875 г., № 9, стр. 76.

[5]) *Лонгиновъ.* „Новиковъ и московскіе мартинисты" 1867 г., прилож. стр. 072—0146. „Сборн. Истор. Общ." II, 96—158.

[6]) Лонгиновъ. Прилож. стр. 0105—0106, ср. „Сборн. Истор. Общ." II, 116—128. Впрочемъ, Новикову не удалось убѣдить слѣдователя въ непричастности къ ихъ обществу иллюминатовъ. Въ возраженіи (вѣроятно, Шешковскаго) на его показаніе повторяется увѣреніе, что „повелѣніе, писанное рукою (Новикова), точно говоритъ, чтобъ ихъ (иллюминатовъ) терпѣть и не обличать, а посему можно ли уже вѣрить, чтобы у нихъ сборища иллюминатовъ не было, буде они и сами не тѣ-жъ". „Сбор. Истор. Общ." II, 128. Новиковъ же заявилъ,

натовъ съ мартинистами говоритъ также въ своихъ запискахъ Руничъ [1]).

Одинъ изъ выдающихся русскихъ розенкрейцеровъ, И. В. Лопухинъ, въ составленномъ имъ „Катехизисѣ истинныхъ франкмасоновъ“ [2]), говоритъ, что истинный франкмасонъ „долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому... Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти“ [3]).

Подъ вліяніемъ размышленій о несправедливости обвиненій, взводимыхъ на розенкрейцеровъ, Лопухинъ напечаталъ въ 1791 г. въ ограниченномъ числѣ экземляровъ и безъ всякаго разрѣшенія сочиненіе подъ заглавіемъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости“, гдѣ устанавливаетъ, между прочимъ, слѣдующія правила, которымъ долженъ слѣдовать „каждый Духовный Рыцарь“: 1) „непоколебимая вѣрность и покорность своему государю, съ особливою обязанностью охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданныхъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства, и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное, тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу Властей Державныхъ“. 2) „Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ“. 3) „Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми“ [4]). Правда, есть преданіе, будто остальные розенкрейцеры не одобряли изданія

что совершенно не понимаетъ, о какомъ его собственноручномъ повелѣніи относительно необличенія иллюминатовъ идетъ дѣло. Лонгиновъ, 0105. Предписаніе о недѣланіи иллюминатамъ „никакого явнаго препятствія“ по уличеніи ихъ, но о сохраненіи добрыхъ думъ отъ ихъ злыхъ когтей см. *Пыпинъ* „Матер. для истор. масонскихъ ложъ“. „Вѣст. Евр.“ 1872 г., № 1, 193—194.

[1]) „Русская Старина“ 1896 г., № 11, стр. 316. Курьезно, что аббатъ Жоржель, пріѣзжавшій въ Россію при Павлѣ, обвиняетъ самого Растопчина въ сношеніяхъ съ главами иллюминатовъ. „Древняя и новая Россія“ 1878 г., № 10, стр. 167.

[2]) Онъ былъ изданъ въ 1790 г. первоначально во французскомъ переводѣ самого Лопухина подъ заглавіемъ „Catéchisme moral pour les vrais F. M.“ и какъ бы сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ за границею.

[3]) Записки И. В. Лопухина. „Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1860 г., т. II, 26.

[4]) „Духов. Рыцарь“, 5791, стр. 3—4. Тѣмъ не менѣе Лопухинъ позднѣе указалъ на такія причины французской революціи: „Злоупотребленія власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій“. Записки, стр. 22.

„Духовнаго Рыцаря“, и что Лопухинъ напечаталъ его въ противность ихъ желанію, между прочимъ, потому, что онъ высказалъ въ этомъ сочиненіи нѣсколько мыслей, не вполнѣ согласныхъ съ истиннымъ духомъ розенкрейцерскаго ученія [1]), но нѣтъ основанія думать, что неодобреніе товарищей относилось къ приведеннымъ мѣстамъ сочиненія Лопухина.

Въ 1794 г. Лопухинъ издалъ въ Калугѣ, подъ псевдонимомъ Россіянинъ, книжку, направленную противъ революціонеровъ, подъ заглавіемъ „Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій“. Здѣсь авторъ также является сторонникомъ самодержавной власти и указываетъ на то, что „всѣ искуснѣйшія въ наукѣ градочинія признали, что единоначаліе есть лучшій образъ правленія, наипаче для пространныхъ областей“. Авторъ негодуетъ на „нечестивыхъ татей философскаго имени“ за проповѣдуемыя ими идеи равенства и буйной свободы и утверждаетъ, что равенства и быть не можетъ. Свобода же состоитъ въ слѣдованіи святому уставу добродѣтели или устраненію отъ зла [2]).

Въ XVIII и первой четверти XIX вѣка среди русскихъ масоновъ былъ очень распространенъ „Уставъ Вольныхъ Каменьщиковъ“, утвержденный на конвентѣ масоновъ въ Вильгельмсбадѣ, подъ предсѣдательствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Конвентъ былъ собранъ въ 1782 г., но въ одной русской рукописи есть указаніе, что уставъ былъ утвержденъ въ Петербургѣ въ 1787 г. Въ немъ мы находимъ такія постановленія объ обязанностяхъ масоновъ относительно государей: „Высочайшее Существо ввѣрило положительнѣйшимъ образомъ власть свою на землѣ государю; чти и лобызай законную власть надъ удѣломъ земли, гдѣ ты обитаешь: твоя первая клятва принадлежитъ Богу, вторая Отечеству и Государю... Ты чтишь родителей своихъ, чти равно съ ними и отцовъ Государства. Они суть особы, представляющія Божество на землѣ сей. Если они ошибаются, сами они отвѣчать будутъ предъ Судьею Царей; но твое собственное разсужденіе, по часту несправедливое, не можетъ уволить тебя отъ повиновенія. Молись о ихъ охраненіи... Ежели сердце твое не будетъ болѣе отъ радости трепетать при нѣжномъ имени Отечества и Государя твоего, то Каменьщики извергнутъ тебя изъ нѣдра своего, яко противника общаго порядка, яко недостойнаго быть участникомъ въ преимущественныхъ вы-

---

[1]) *Лонгиновъ*, 306; *Ешевскій*. Сочиненія III, 425.

[2]) О Лопухинѣ см. ст. *А. Суровцева*: „И. В. Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность“. „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1900 г., №№ 3—6.

годахъ такого общества, которое заслуживаетъ довѣренность и уваженіе государей...“ [1]).

Можно ли однако рѣшительно утверждать, что „иллюминатовъ въ Россіи вовсе не существовало“, какъ это дѣлаетъ П. Н. Милюковъ? [2]). Мнѣ кажется, что было бы осторожнѣе воздержаться отъ такого категорическаго утвержденія. Геттнеръ въ главѣ объ иллюминатахъ въ своей „Исторіи литературы XVIII в.“ утверждаетъ, что они были въ Россіи такъ же, какъ и въ Даніи и Швеціи, но не приводитъ никакихъ доказательствъ [3]). Сохранился дневникъ на нѣмецкомъ языкѣ одного москвича-розенкрейцера (1784—87 гг.), посѣтившаго Петербургъ, Дерптъ, Ригу и пріѣхавшаго въ Берлинъ, гдѣ и ведена большая часть дневника. Во время пребыванія въ Ригѣ авторъ его замѣчаетъ: „Бергманъ считаетъ Шварца“ (московскаго профессора) „и другихъ за сумасбродовъ (für Schwärmer); переписывается съ иллюминатами, которыхъ акты у него въ большой книгѣ [4]). Кромѣ того, въ сочиненіи Маркарда о врачѣ и философѣ Циммерманѣ, съ которымъ переписывалась Екатерина II, приводится письмо придворнаго врача императрицы Вейкарда въ февралѣ 1786 г. „о томъ, что кн. Репнинъ получилъ иллюминатскую степень (Provincial der Illuminaten in Russland) отъ герцога Брауншвейгскаго“. Сопоставляя это извѣстіе съ показаніемъ Новикова, Пыпинъ признаетъ возможность иллюминатскихъ сношеній князя Репнина, но все же полагаетъ, что извѣстіе Вейкарда о полученіи иллюминатской степени вызвано недоразумѣніемъ. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы въ Россіи вовсе не было иллюминатовъ, но во всякомъ случаѣ Пыпинъ совершенно правъ, когда говоритъ, что „масоны Новиковскаго кружка не только были неповинны въ какомъ-либо иллюминатствѣ, но по наставленіямъ своихъ берлинскихъ „отцовъ“ простодушно считали иллюминатовъ извергами человѣческаго рода“, хотя Новиковъ замѣчаетъ, что, по словамъ самихъ „отцовъ“, въ иллюминатствѣ „набрано много добраго“, только оно служитъ „для прельщенія“. Они утверждали, что это тайное общество „происходитъ изъ *ада*, хотя великолѣпнымъ именемъ *свѣта* одѣваетъ себя“ [5]). Лопухинъ въ письмѣ къ Кутузову въ Берлинъ въ ноябрѣ

---

[1]) *Т. Соколовская*. „Уставъ Вольныхъ Каменщиковъ XVIII—XIX вѣковъ“. „Море“ 1907 г., № 25—26.

[2]) „Очерки изъ исторіи русской культуры“. ч. III, вып. 2. стр. 164.

[3]) „Literaturgeschichte des XVIII Iahrhunderts“, III Th., II Buch, 2 Aufl. 1872, s. 349.

[4]) *Пекарскій*. „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи“, стр. 81.

[5]) *Пыпинъ*. „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ“. „Вѣстн. Евр.“, IV, 40, 46—47; *Лонгиновъ*, прилож. стр. 091, 0100, ср. 077. Другою статьею Пыпина недоразумѣніе относительно Н. В. Репнина разъясняется: онъ былъ принятъ въ члены авиньонскаго общества „Новаго Израиля“, члены котораго назывались Illuminés d'Avignon. *Пыпинъ*. „Матер. для истор. мас. ложъ“. „Вѣст. Евр.“ 1872 г., № ?, 203—207.

1790 года изъ Москвы писалъ: „здѣсь..., *кажется,* ихъ“ (иллюминатовъ) „нѣтъ слава Богу, въ Москвѣ же, *кажется,* можно сказать увѣрительно, что нѣтъ. Я давно навѣдываюсь, дабы остеречь отъ ихъ знакомства своихъ пріятелей, особливо масоновъ. Дай Богъ, чтобы они здѣсь и не заводились“. Впрочемъ, письмо это было написано съ цѣлью оправдать масоновъ предъ правительствомъ въ полной увѣренности, что письма подвергаются перлюстраціи. Тѣмъ важнѣе, что Лопухинъ не отрицаетъ рѣшительно существованія иллюминатовъ въ Россіи [1]).

Вліяніе иллюминатства въ Россіи, быть можетъ, болѣе сказалось въ эпоху Александра I. Есть указанія въ запискѣ, представленной Чернышевымъ Александру I, на вліяніе уставовъ иллюминатовъ на уставъ Союза Благоденствія, хотя эти вліянія могли объясняться и не непосредственнымъ заимствованіемъ, а, быть можетъ, вліяніемъ произведеній иллюминатовъ на нѣмецкій Тугендбундъ, уставъ котораго былъ использованъ учредителями Союза Благоденствія. Грибовскій въ своей запискѣ объ этомъ обществѣ (1821 г.) утверждаетъ, что Н. И. Тургеневъ „настаивалъ преобразовать (тайное) общество совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ называться между собою другими именами“ [2]). Наконецъ, мы увидимъ, что капитанъ Левшанъ былъ при Александрѣ I членомъ общества иллюминатовъ во Франкфуртѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при Александрѣ I слово „иллюминатъ“ стали употреблять въ весьма неопредѣленномъ смыслѣ, обозначая имъ, каждый съ своей точки зрѣнія, вообще людей неблагонамѣренныхъ [3]).

II.

Въ 1792 году съ заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость, ссылкою въ ихъ деревни кн. Н. Трубецкого и И. П. Тургенева и отдачею подъ надзоръ И. В. Лопухина розенкрейцерство было совершенно подорвано. Авторъ записки о масонствѣ (1817 г.), составленной въ

---

[1]) „Русская Старина“, 1874 г., № 2, стр. 271. Т. О. Соколовская совершенно напрасно причисляетъ къ масонамъ шлиссельбургскаго узника Кречетова и пользуется его мнѣніями для характеристики масонства. Одно нахожденіе у него книги, полемической относительно масоновъ, — „Масонъ безъ маски“—не даетъ для этого никакихъ основаній. См. „Русское Масонство“, стр. 35, 42, 72; о Кречетовѣ см. статью М. Королькова въ журналѣ „Былое“ 1906 г., № 4, стр. 59; о книгѣ „Масонъ безъ маски“ (1784 г.) см. въ статьѣ А. Н. Пыпина „Вѣст. Евр.“ 1867 г., IV, 16—17. „Русскій Архивъ 1891 г. № 12, стр. 546—548; *Семека* „Рус. Розенкрейцеры“, отд. отт., 27—28.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1875 г., т. III, 427. Тургеневъ былъ въ сношеніяхъ по дѣлу объ учрежденіи общества „Русскихъ Рыцарей“ съ М. Ѳ. Орловымъ, на сотрудника котораго по этому дѣлу, гр. Дмитріева-Мамонова, какъ было упомянуто выше, повліяли сочиненія парижскаго иллюмината Бонневиля.

[3]) См. *Пыпинъ.* „Общественное движеніе“, изд. 3, стр. 290 — 293. Образецъ такого злоупотребленія словомъ иллюминатъ можно найти въ доносѣ Магницкаго, поданномъ имп. Николаю I въ 1831 г., см. „Рус. Стар.“ 1899 г., №№ 1—3.

особенной канцеляріи министерства полиціи, увѣряетъ, будто бы послѣ „приключенія съ Новиковымъ въ 1792 году... прочія ложи, не взирая на то, продолжали имѣть публичныя свои собранія въ Петербургѣ, Ригѣ и прочихъ мѣстахъ до 1794, а въ Москвѣ до 1797 года". Нѣсколько далѣе въ запискѣ сказано, что „всѣ почти правильныя ложи прекратили свои работы въ С.-Петербургѣ, однако же въ 1797 г. еще собирались ложи Аполлона и Александра" [1]). Между тѣмъ извѣстный масонъ Бёберъ полагалъ, что „въ концѣ 1794 г. всѣ ложи прекратили работы", такъ что при его возвращеніи въ 1796 г. „о масонствѣ не было и помину" [2]). Вышеупомянутая записка особенной канцеляріи сообщаетъ, что при Екатеринѣ II въ Петербургѣ „нѣкоторымъ управляющимъ ложами... подъ рукою сообщаемо было, что правительство желаетъ, дабы они, въ уваженіе тогдашнихъ обстоятельствъ, прервали свои собранія, что тотчасъ и исполнено" [3]).

О прекращеніи масонскихъ ложъ дано было знать и въ Ригу, какъ видно изъ слѣдующаго письма оттуда барона фонъ-деръ-Палена гр. П. А. Зубову отъ 28 марта 1794 года. Онъ писалъ, что тамъ съ давняго времени находились три масонскихъ ложи, но собранія ихъ уже давно были прекращены по приказанію генер.-губернатора кн. Н. В. Репнина. Въ январѣ 1796 года Паленъ донесъ изъ Митавы имп. Екатеринѣ II и сообщилъ гр. П. А. Зубову, что тамъ существовало большое общество масоновъ въ трехъ ложахъ, которыя до присоединенія Курляндіи къ Россіи состояли въ тѣснѣйшей связи съ иностранными, особенно же съ шведскими ложами и признавали своимъ гроссмейстеромъ герцога Зюдерманландскаго. Для уничтоженія не только этой „связи, но и всякаго сообщенія съ иностранными ложами" Паленъ воспользовался собраніемъ дворянства, призвалъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ масонскаго общества и успѣлъ склонить ихъ къ уничтоженію ложъ и распущенію всѣхъ членовъ. Чтобы доказать прекращеніе дѣятельности масонскаго общества, ландратъ Фирксъ и и оберъ-егермейстеръ Сасъ (sic) явились къ бар. Палену и просили принять каменный масонскій домъ въ Митавѣ и библіотеку, которые стоили не менѣе 10.000 талеровъ, въ казну въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія для употребленія на пользу общую. Паленъ испрашивалъ согласія императрицы на принятіе пожертвованія [4]). Ложа Изиды въ Ревелѣ въ

---

[1]) „Сборн. ист. мат., извлеч. изъ Арх. Собств. Е. В. Канц.", XI, 303—304.

[2]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, 2 Aufl., 1867, III, 614.

[3]) „Сборн. мат. Арх. собств. Е. В. Канц.". XI, 303.

[4]) Гос Арх, XI, № 962. Согласіе это было получено Паленомъ уже при имп. Павлѣ, который велѣлъ объявить курляндскимъ масонамъ его благоволеніе за то, что они прекратили свои собранія, и за пожертвованіе, которое велѣно было принять въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. „Сбор. матер. собств. Е. В. Канц.", XI, 303.

октябрѣ 1794 г. также прекратила свои работы „вслѣдствіе неблагопріятныхъ современныхъ обстоятельствъ“ [1]).

Въ 1786—88 гг. московскіе розенкрейцеры чрезъ архитектора Баженова имѣли сношенія съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и пересылали ему нѣкоторыя, особенно уважаемыя ими, книги. Въ Берлинѣ масонскимъ властямъ было сдѣлано даже предложеніе о назначеніи цесаревича великимъ мастеромъ русской провинціи ордена, но оно было отклонено, „потому что великій князь не былъ масономъ“ [2]). При этихъ сношеніяхъ съ Павломъ Петровичемъ розенкрейцеры не преслѣдовали политическихъ цѣлей. Однако, когда это сдѣлалось извѣстнымъ имп. Екатеринѣ, сношенія масоновъ съ цесаревичемъ показались ей особенно подозрительными. Павелъ на запросъ Екатерины отрицалъ то, что было написано о немъ въ запискѣ Баженова, и признавалъ только, что могъ спрашивать извѣстій „о сектѣ, къ которой онъ, конечно, не принадлежалъ“ [3]). Позднѣе, зимою 1791—92 гг., Павелъ Петровичъ запретилъ даже Баженову упоминать ему что-либо о Новиковѣ и его друзьяхъ.

Тѣмъ не менѣе, вступивъ на престолъ, Павелъ немедленно освободилъ Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости, а Лопухина изъ-подъ надзора и послѣдняго даже на нѣкоторое время приблизилъ къ себѣ, дозволилъ Тургеневу и Трубецкому жить, гдѣ они пожелаютъ, и нѣсколько разъ посѣтилъ въ Обуховской больницѣ въ то время психически больного Невзорова (одинъ разъ даже съ императрицею и наслѣдникомъ [4]). Архитектора Баженова Павелъ наградилъ чинами, деревнею въ 1000 душъ и, наконецъ, въ 1799 г. сдѣлалъ вице-президентомъ академіи художествъ [5]). Однако, масонскимъ ложамъ не было дано позволенія собираться. Въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи находимъ объ этомъ слѣдующій разсказъ: въ 1797 г., пріѣхавъ для коронаціи въ Москву, Павелъ велѣлъ объявить профессору Маттеи, управлявшему ложею Трехъ ечей [6]), чтобы онъ созвалъ въ назначенный день всѣхъ главныхъ масо-

---

[1]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, III, 60; *Ernst Friedrichs* Geschichte der einstigen Maurerei in Russland, Berl. 1904, s. 90.

[2]) *Пекарскій*, 201—202; *А. Поповъ*, „Дѣло Новикова и его товарищей“. „Вѣст. Евр.“, 1868 г., № 4.

[3]) „Сбор. Ист. Общ.“ XXVII, 398. Однако, въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи есть извѣстіе, будто бы цесаревичъ Павелъ былъ „келейно“ принятъ въ масоны сенаторомъ Елагинымъ въ собственномъ его домѣ въ присутствіи гр Панина и будто бы онъ участвовалъ въ масонскихъ собраніяхъ во время заграничнаго путешествія по Германіи. Тогда въ свитѣ его было два масона: кн. А. Б. Куракинъ и С. И. Плещеевъ.

[4]) „Библіогр. Записки“, 1858 г., т. I, 653.

[5]) „Сенатскій Архивъ, т. I, 1888 г., стр. 2, 22, 82, 238, 502.

[6]) Она была основана въ 1773—74 гг. Елагинымъ. *Пыпинъ*. „Хронологическій указатель русскихъ ложъ“, стр. 10.

новъ. Павелъ пріѣхалъ на это собраніе и сказалъ присутствующимъ, что онъ не какъ государь, а какъ братъ, спрашиваетъ ихъ, не признаютъ ли они за лучшее при распространившихся со времени французской революціи правилахъ „и продолжающихся покушеніяхъ на мнѣніе общее“ вовсе прекратить масонскія собранія. Всѣ отвѣчали, что не видятъ въ этомъ надобности, такъ какъ считаютъ свои собранія полезными для противодѣйствія современнымъ вреднымъ вліяніямъ. Только лифляндскій ландратъ бар. Унгернъ-Штернбергъ, провинціальный великій мастеръ рижскихъ ложъ, къ которому послѣ всѣхъ другихъ обратился Павелъ съ вопросомъ, отвѣчалъ, что онъ съ сожалѣніемъ долженъ высказать противоположное мнѣніе и полагаетъ, что мѣра, предложенная государемъ, необходима, особенно для пограничныхъ губерній, гдѣ появляются люди всякаго рода, которые могутъ распространять правила, вредныя для общаго спокойствія, и воспламенить умы слабые и безпокойные. Государь остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ и, обратясь къ проф. Маттеи и другимъ, сказалъ: „не собирайтесь болѣе до моего особаго повелѣнія“. Московскіе масоны тотчасъ увѣдомили петербургскихъ, вслѣдствіе чего обѣ существовавшія здѣсь ложи Аполлона и Александра совершенно прекратили свои собранія. Нѣкоторые почему-то полагали тогда, что рѣшеніе Павла было внушено митрополитомъ Платономъ [1]). Рейнбекъ, издавшій въ 1806 г. книгу Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau... nach Deutschland, сообщаетъ преданіе, будто бы Павелъ намѣревался дозволить открытое существованіе масонства, но что этому помѣшало вліяніе гр. Литты и установленіе въ Россіи Мальтійскаго ордена (II, 180). Растопчинъ приписываетъ себѣ нанесеніе „смертельнаго удара“ вліянію масоновъ на Павла [2]), а въ иностранныхъ масонскихъ источникахъ запрещеніе масонства при Павлѣ объясняется вліяніемъ іезуитовъ [3]).

Въ одномъ иностранномъ изданіи есть указаніе, будто бы Александръ I по вступленіи на престолъ возобновилъ запрещеніе собраній масоновъ, но затѣмъ въ 1803 г. уничтожилъ его. Объ этомъ со словъ пол-

---

[1]) Сборн. мат. Арх. Соб. Е. В. Канц. XI, 304. „Съ нѣкоторыми варіантами разсказъ о совѣтѣ, данномъ Унгерномъ-Штернбергомъ, повторяетъ и Неттельбладтъ въ его работѣ о русскомъ масонствѣ, напечатанной въ „Мекленбургскомъ масонскомъ календарѣ“. Этотъ разсказъ приведенъ въ книгѣ: Ernst'a Friedrichs'a Geschichte der einstigen Maurerei in Russland, Berl. 1904, s. 92—93.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 78.

[3]) Acta Latomorum, P. 1815, I, 199. Въ запискѣ особенной канцеляріи сказано: „Изъ переписки губернатора Репьева видно, что... въ царствованіе императора Павла послѣдовало на счетъ масонскихъ ложъ повторительное и строжайшее запрещеніе. Однако, высоч. о семъ указа не находится“.

ковника Брозина [1]), флигель-адъютанта Александра I, разсказано въ Acta Latomorum слѣдующее: „Вёберъ, статскій совѣтникъ и директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, рѣшился разрушить предубѣжденіе имп. Александра I противъ франкмасоновъ. Онъ получилъ аудіенцію у государя и просилъ объ отмѣнѣ всѣхъ повелѣній противъ нихъ Павла I и его самого. Императоръ задаетъ ему множество вопросовъ о цѣли масонства и обрядахъ посвященія въ него. Вёберъ излагаетъ ему все это и объясняетъ, что франкмасоны вѣрные подданные, непоколебимо преданные государю и отечеству и пользующіеся покровительствомъ почти во всѣхъ большихъ европейскихъ государствахъ. Вслѣдствіе разсказа Вёбера Александръ соглашается на отмѣну распоряженій, изданныхъ противъ масоновъ, и прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова: „то, что вы говорите мнѣ о масонствѣ, обязываетъ меня не только оказать ему покровительство, но и просить принять меня въ число франкмасоновъ. Считаете ли вы это возможнымъ?"—„Государь,—отвѣчалъ Беберъ,—я не имѣю права самъ дать отвѣтъ Вашему Величеству; я соберу масоновъ вашей столицы, объявлю имъ о Вашемъ желаніи и убѣжденъ, что они поспѣшатъ исполнить его". Вскорѣ послѣ этого императоръ былъ посвященъ въ масоны, и русское масонство было возстановлено въ своемъ прежнемъ блескѣ. Къ этому времени относится основаніе Великаго Востока всей Россіи, котораго великимъ мастеромъ былъ сдѣланъ Вёберъ, исполняющій еще и теперь эти обязанности". Несмотря на то, что Тори, французскій масонъ, составившій книгу Acta Latomorum [2]), ссылается на увѣреніе Брозина [3]), что этотъ разговоръ Вёбера съ Александромъ I, „столь памятный всѣмъ русскимъ масонамъ, переданъ слово въ слово въ донесеніи, представленномъ Вёберомъ въ собраніи петербургскихъ масоновъ черезъ нѣсколько дней послѣ его бесѣды съ государемъ [4]), все же это извѣстіе и прежде возбуждало весьма сильныя сомнѣнія. Во-первыхъ, Вёберъ не упоминаетъ о немъ въ „Нѣсколькихъ замѣчаніяхъ о масонствѣ въ Россіи", которыя были

---

[1]) Брозинъ въ 1814 г. былъ принятъ въ Парижѣ въ число тамошнихъ масоновъ. „Русская Старина", 1900 г., № 9, стр. 640.

[2]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, III, 878.

[3]) Въ „Спискѣ бывшимъ членамъ Великой Провинціальной ложи" въ Петербургѣ 1816 года среди отсутствующихъ членовъ упомянутъ Брозинъ — въ свитѣ Его Величества. Въ печатномъ спискѣ членовъ той же ложи на французскомъ языкѣ 1818 года названъ „Павелъ Брозинъ въ Парижѣ, генералъ-маіоръ и кавалеръ въ свитѣ Е. И. В—ва". Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 608-а. При отобраніи подписокъ въ 1822 году генералъ-маіоръ Брозинъ 2, „свиты Его Величества по квартирмейстерской части" заявилъ, что онъ, „принадлежалъ къ нѣсколькимъ ложамъ внутри Россіи и внѣ оной, но наименованія ихъ не помнитъ". „Матеріалы по исторіи масонства прежней русской арміи". „Русская Старина", 1907 г., № 6, стр. 668.

[4]) Acta Latomorum I, 218.

сообщены имъ въ 1815 году ложѣ Амаліи въ Веймарѣ [1]). При этомъ онъ какъ и составитель „Записки о масонскихъ ложахъ“ (25 января 1816 г.), находящейся въ одномъ офиціальномъ дѣлѣ [2]), относитъ возобновленіе масонской дѣятельности къ 1805 году (въ нѣмецкой запискѣ „около 1805 года“ [3]). Кромѣ того, въ томъ же офиціальномъ дѣлѣ находится сдѣланный въ 1816 г. на французскомъ языкѣ разборъ относящихся до Россіи извѣстій Тори.

Разборъ этотъ начинается такъ: „Масонскій трудъ, недавно изданный въ Парижѣ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ Acta Latomorum, одинъ экземпляръ котораго выписали по почтѣ, заключаетъ, среди кучи ложныхъ извѣстій и нелѣпостей, также слѣдующія, относящіяся къ Росссіи, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, страница 218 [4]) должна быть уничтожена, тѣмъ болѣе, что, не заключая въ себѣ ни малѣйшей капли истины, она имѣетъ видъ сказки, нарочно выдуманной для того, чтобы произвести впечатлѣніе на легковѣрныхъ“. Далѣе въ дѣлѣ находятся печатныя страницы изъ перваго тома Acta Latomorum, гдѣ извѣстія о русскомъ масонствѣ, считаемыя авторомъ замѣчаній невѣрными, отмѣчаются или словомъ „faux“, или восклицательными знаками. Въ извѣстіи относительно запрещенія имп. Павломъ въ 1797 г. „тайныхъ обществъ и именно масонства въ Россіи“ (1,199) слово „notamment“ (именно) подчеркнуто и написано „faux“ (вѣроятно, при этомъ разумѣютъ отсутствіе прямого указа по этому предмету). Точно также въ извѣстіи о возобновленіи Александромъ I въ 1801 г. запрещенія Павла I „секретныхъ ложъ и особенно масонства“ слово particulierement (особенно) подчеркнуто и названо ложнымъ. По поводу страницы 218, заключающей въ себѣ разсказъ о бесѣдѣ Бёберя съ Александромъ въ 1803 г., замѣчено: „Во всей этой сказкѣ нѣтъ ни *одного* [5]) слова правды. Въ 1803 г. петербургскіе масоны и не думали о г. Бёберѣ, который сдѣлался членомъ ложи только въ 1809 году“.

Дѣйствительно, самъ Бёберъ разсказываетъ въ „Замѣткахъ о масонствѣ въ Россіи“, представленныхъ имъ Веймарской ложѣ Амаліи въ 1815 г.: „Около 1805 г. вздумалось немногимъ старымъ братьямъ сдѣлать попытку вновь оживить масонство, и такъ какъ министръ полиціи, извѣщенный объ этомъ, какъ только была основана первая ложа подъ именемъ Благотво-

---

[1]) Allg. Handbuch der Freimaurerei III, 614.

[2]) Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 1021-а, л. 3 и слѣд. За этой запиской (л. 10—11) находится записка Бёбера.

[3]) Въ русской запискѣ сказано: „Въ 1805 г. нѣсколько членовъ древнихъ масонскихъ ложъ учредили вновь ложу въ С.-Петербургѣ, гдѣ уже 10 лѣтъ ни одной таковой не существовало“. Это невѣрно, такъ какъ въ 1802 г. была учреждена ложа „Соединенныхъ Друзей“ (Les Amis Réunis). *Пыпинъ*. „Указатель“, стр. 30.

[4]) Здѣсь изложенъ разговоръ Бёбера съ Александромъ I.

[5]) Подчеркнуто два раза.

рительности къ Пеликану, ничего не имѣлъ противъ этого, то они продолжали свои работы, но весьма таинственно и съ небольшими затратами, не желая значительно увеличивать число членовъ. Эта ложа существовала уже болѣе 2 лѣтъ [1]), а я не слышалъ о ней рѣшительно ничего, хотя многіе члены ея были моими знакомыми и очень хорошо знали мои прежнія отношенія къ ордену и обществу масоновъ. Только случайно узналъ я о существованіи этой ложи, и настоятельныя уговариванія побудили меня вступить въ нее въ 1808 году" [2]).

Относительно полковника Брозина въ замѣчаніяхъ, находящихся въ упомянутомъ дѣлѣ, сказано, что онъ былъ принятъ въ члены ложи Соединенныхъ Друзей Жеребцовымъ. Далѣе по поводу соотвѣтственныхъ словъ на стр. 218 I т. Acta Latomorum замѣчено, что Бёберъ не сообщалъ собранію петербургскихъ масоновъ о своемъ разговорѣ съ государемъ, и что и такого собранія вовсе не было. Въ заключеніе сказано: „Если полковникъ Брозинъ сообщилъ столь интересныя и мелочныя подробности,— откуда онъ взялъ ихъ и съ какою цѣлью онъ ихъ выдумалъ?" [3]).

Въ масонской энциклопедіи приведено извѣстіе Acta Latomorum о принятіи императора Александра I въ число масоновъ въ Петербургѣ и добавлено, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ былъ принятъ въ масоны въ Эрфуртѣ въ 1808 г. въ присутствіи Наполеона, а по словамъ другихъ—въ Парижѣ въ 1813 (т. е. въ 1814 г.) вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III [4]). Есть извѣстіе, что Фридрихъ Вильгельмъ былъ принятъ въ походную русскую ложу Александромъ I-мъ въ Парижѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 года. [5]). Хотя въ мемуарахъ современника мы

[1]) Она была основана 11 октября 1805 года. *Пыпинъ*. „Указатель", стр. 31.

[2]) Бёберъ еще въ 1776 г. сдѣлался членомъ ложи Аполлона. Allg. Handb. der Freimaur. III, 613.

[3]) Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 1021—а, л. 19-22. Эрнстъ Фридрихсъ въ своей книгѣ Geschichte der einstigen Maurerei in Russland (Berl. 1904) основательно сомнѣвается въ справедливости извѣстія Acta Latomorum о принятіи Бёберомъ Александра I въ масонство, но неизвѣстно, на какомъ основаніи утверждаетъ, будто бы одно время онъ былъ иллюминатомъ (стр. 17, 155).

[4]) Allg Handbuch der Freimaurerei I, 15.

[5]) *Askenazy*, Walerian Lukasin'ski Biblioteka Warszawska 1906, Lipiec 23,25 на основаніи непоступившей въ продажу книги Flohr'a Geschichte d. gross. Loge Royal York. Berl. 1898.—*Шустеръ*. „Тайныя общества, союзы и ордена" пер. съ нѣм. подъ ред. А. Погодина С.-П.Б. 1907 г. т. II, 24. Приношу искреннюю признательность проф. Д. В. Айналову, обратившему мое вниманіе на то, что это извѣстіе встрѣчается и въ книгѣ *Dr. Kühn'a* Entwicklungs-Geschichte der Freimaurerei (1864, 149—152). Здѣсь сказано, что Фридрихъ Вильгельмъ III былъ принятъ въ ложу въ Парижѣ въ 1814 г., двѣ недѣли послѣ пасхи, въ собраніи, на которомъ предсѣдательствовалъ имп. Александръ" и гдѣ первымъ надзирателемъ былъ прусакъ гр. Лоттумъ, а вторымъ русскій офицеръ фонъ-Бремеръ. Присутствовалъ канцлеръ кн. Гарденбергъ и многіе прусскіе и русскіе масоны (но не французы), всѣмъ имъ было повелѣно не сообщать объ этомъ собраніи не масонамъ, и особенно прусскимъ подданнымъ.

находимъ извѣстіе, что государь покровительствовалъ во время Отечественной войны учрежденію войсковыхъ масонскихъ ложъ [1]), но все же личное его участіе въ собраніи масонской ложи въ Парижѣ требуетъ еще дальнѣйшихъ разысканій.

Если такимъ образомъ принадлежность къ масонству Александра I остается еще сомнительною, то несомнѣнно, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ масономъ. Въ Acta Latomorum (I,223) подъ 1804 г. есть такое извѣстіе: „Старинныя русскія ложи возобновляютъ свои работы въ теченіе этого года... придворные вельможи преобразуютъ свои частныя ложи; въ числѣ этихъ послѣднихъ ложи вел. кн. Константина и гр. Потоцкаго отличались избранностью своихъ членовъ, любезностью къ иностранцамъ и галантностью относительно дамъ, которыхъ они приглашали на свои праздники". Въ разборѣ извѣстій о Россіи книги Тори, который мы уже цитировали, отмѣчено, что изъ старыхъ ложъ возстановлена была только ложа Александра къ Пеликану. Она дѣйствительно была основана, но не въ 1804, а 11 октября 1805 года въ Петербургѣ нѣсколькими старыми масонами, причемъ ея названіе (Alexander zur Mildthätigkeit des gekrönten Pelikans) было заимствована у старой ложи Благотворительности къ Пеликану, основанной въ 1780 году [2]). Относительно ложи Потоцкаго сдѣлано замѣчаніе, что „она никогда не существовала" [3]). Подчеркнуты также слова о „галантности относительно дамъ" и сдѣлано по поводу ихъ слѣдующее замѣчаніе: „самая послѣдняя новость и столь же

Бремеръ разсказалъ объ этомъ фактѣ въ собраніи масонской ложи въ Гумбиненѣ въ 1816 г., но въ связи съ этимъ упоминаются сомнительныя подробности. О пріемѣ въ члены ложи „русскаго генерала von-Teslaff, впослѣдствіи генералъ-губернатора Финляндіи" (?), по удостовѣренію, выданному ему Сперанскимъ „вслѣдствія отсутствія кн. Голицына" (?). Нужно замѣтить, что именъ ни полковника генеральнаго штаба фонъ-Бремера, ни майора Фрейданка (также упоминаемаго въ связи съ собраніемъ 1816 г.) въ спискахъ масоновъ русской арміи не встрѣчается, не извѣстна и ложа Минерва въ Петербургѣ, членами которой они названы. Von-Teslaff—это, очевидно, Теслевъ 1-ый, см. „Рус. Стар." 1907 г., № 6, стр. 663; ср. *Ernst Friedrichs*, 117. Нужно замѣтить, что въ 1822 г. Фридрихъ Вильгельмъ III чрезъ масона Вибеля обнадежилъ прусскихъ масоновъ въ своемъ покровительствѣ. Соч. Ешевскаго III, 456; ср. *Kühn*, 173.

[1]) Въ Acta Latomorum (1, 257) со словъ Брозина сообщается извѣстіе, что въ 1813 году берлинскою ложею Трехъ Глобусовъ была основана ложа Желѣзнаго Креста, какъ походная ложа „для прусскихъ и русскихъ офицеровъ, числящихся въ великой арміи союзныхъ державъ". Сочувственныя воспоминанія о посѣщеніи этой ложи русскими офицерами см. въ воспоминаніяхъ Михайловскаго Данилевскаго. „Русская Старина", 1900 г., № 9, стр. 638, 641. Она превратилась потомъ въ постоянную ложу.

[2]) *Пыпинъ*. „Указатель" 19, 31.

[3]) Но, быть можетъ, составитель Acta Latomorum имѣлъ въ виду основанную въ 1802 году по французской системѣ ложу Соединенныхъ Друзей, членомъ которой былъ графъ Станиславъ Костка Потоцкій, бывшій позднѣе министромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ и гросмейстеромъ Варшавскаго Великаго Востока съ 1812 года.

достовѣрная, какъ и другія". Но извѣстіе относительно масонской ложи цесаревича Константина Павловича оставлено безъ всякаго возраженія [1]). Дѣйствительно, изъ письма Константина Павловича къ Лагарпу видно, что онъ сдѣлался масономъ съ разрѣшенія государя и оставилъ масонство съ запрещеніемъ тайныхъ обществъ. [2]).

III

Учрежденіе нѣсколькихъ масонскихъ ложъ въ 1805—1810 годахъ не встрѣтило препятствій со стороны правительства [3]): онѣ были не только терпимы, но правительство вовсе не вмѣшивалось въ ихъ дѣла [4]). Однако, въ 1810 г., со вступленіемъ Балашова въ управленіе министерствомъ полиціи, руское масонство было отдано подъ бдительный полицейскій надзоръ.

А. Н. Пыпинъ полагаетъ, что именно къ этому моменту относится составленіе записки, представленной имп. Александру, авторъ которой предлагалъ нѣкоторыя мѣры „для устройства масонства" согласно намѣреніямъ государя. „Хорошее устройство масонства", по мнѣнію составителя записки, должно было „остановить увеличеніе испорченности нравовъ" и помѣшать учрежденію „всякаго другого общества, основаннаго на вредныхъ началахъ, и такимъ способомъ образовать родъ постояннаго, но незамѣтнаго надзора, который, по своимъ тайнымъ сношеніямъ съ министерствомъ полиціи, доставилъ бы ему, такъ сказать, залогъ противъ всякой попытки, противной предполагаемой цѣли". Для этого рекомендовалось, насколько возможно, скрывать полицейскій надзоръ, такъ чтобы даже члены ложъ не знали,

---

[1]) Слѣдовательно Эрнстъ Фридрихсъ напрасно сомнѣвается (стр. 102) въ существованіи ложи цесаревича Константина Павловича.

[2]) „Сборникъ русск. историч. общества", 1870 г., т. V, 73. О принадлежности къ масонству лицъ, приближенныхъ къ цесаревичу, см. *Соколовская* „Русское Масонство", 169. Въ дѣлахъ Константина Павловича, хранящихся въ Архивѣ Соб. Е. В. Канц., есть рукопись „Изъ путешествія Шторха во Францію", гдѣ говорится о женской ложѣ Новыхъ Сестеръ въ Парижѣ, куда согласился было вступить членомъ Вольтеръ, но онъ вскорѣ умеръ, и ложа торжественно чествовала его память.

[3]) *Пыпинъ*. „Указатель 31—32; *Ernst Friedrihs* Geschichte der einstigen Maurerei, 104—108. О ложѣ Палестины, открывшей свою работу 4 марта 1810 г., см. статью *Соколовской* въ „Рус. Стар." 1907 г., № 10.

[4]) Въ запискѣ о масонствѣ, составленной въ 1817 г. особенною канцеляріей министерства полиціи, сказано: „въ 1804 (1805) г. ложа Александра къ Пеликану начала здѣсь вновь свои работы подъ управленіемъ д. с. с. Сергѣева, который увѣрялъ, что въ бытность его директоромъ канцеляріи при рижскомъ военномъ губернаторѣ полученъ отзывъ „государя" на счетъ открытія въ Ригѣ общества подъ названіемъ Евфонія, что общество, клубы, братства или ложи, буде не предпринимаютъ ничего противнаго законамъ, не должны быть возбраняемы. Сергѣевъ тогда же объявилъ о существованіи своей ложи оберъ-полицмейстеру и военному губернатору и поручилъ оную въ ихъ покровительство, отправляясь въ 1805 г. въ армію, на что получалъ отвѣтъ, что Е. В—ву сіе не противно. „Сбор. Мат., извлеч. изъ Арх. соб. Е. В. Канц." XI, 305.

что „они находятся подъ присмотромъ или покровительствомъ правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали въ этой тайнѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на необходимость устроить „центръ соединенія"—„ложу-мать", съ которою должны быть связаны всѣ ложи, устраиваемыя въ имперіи, если онѣ желаютъ, чтобы правительство терпѣло ихъ. „Эти учрежденія", говоритъ авторъ записки, „сдѣлались бы единственнымъ предохраненіемъ противъ зла, которое могло бы проникнуть въ страну путями, удаленными отъ присмотра, установленнаго въ столицѣ, и сдѣлались бы удобствомъ надзора для общей полиціи нравовъ, которое трудно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ средствомъ. Эти мѣры, государь, проводимыя благоразумно и тайно, обезпечили бы успѣхъ предположеннаго плана, такъ что намѣреніе В. В—ва было бы совершенно исполнено" [1]).

Въ 1810 г. четверо управляющихъ ложами были призваны къ министру полиціи, который отъ имени государя спросилъ ихъ, желаютъ ли они, чтобы масонство было подъ покровительствомъ правительства [2]), или только терпимо, что въ первомъ случаѣ оно будетъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ министра полиціи, во второмъ потребуютъ лишь свѣдѣній о дѣятельности ложъ. Управляющіе ими выразили желаніе, чтобы масонство было терпимо. Масоновъ обязали представить на разсмотрѣніе всѣ свои уставы, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было временно пріостановить пріемъ новыхъ членовъ и сохранять въ совершенной тайнѣ не только отъ постороннихъ, но и отъ членовъ ложъ сношенія съ начальствомъ [3]). Съ боль-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ". „Вѣстникъ Европы", 1872 г., № 2, 562—563.

[2]) Во Франціи при Наполеонѣ I, его братъ Іосифъ, король неаполитанскій, съ согласія императора, принялъ званіе великаго мастера Великаго Востока, управлявшаго признанными правительствомъ ложами, а помощниками его были государств. канцлеръ Камбасересъ и Мюратъ. Камбасересу это масонское званіе было предоставленно по прямому требованію Наполеона. Однимъ изъ высшихъ чиновниковъ Великой символической ложи былъ министръ полиціи Фуше. Камбасересъ не разъ спасалъ французскія масонскія ложи отъ грозившаго имъ запрещенія. Но нужно замѣтить, что во Франціи было много и тайныхъ ложъ. ср. *Findel* Geschichte der Freimaurerei, 7 Aufl., II, 282—283.

[3]) Въ комитетѣ по разсмотрѣнію масонскихъ дѣлъ участвовалъ Сперанскій, принятый въ масонство, по его словамъ, Феслеромъ. *Пыпинъ* „Общественное движеніе", изд. 3, стр. 308. Если вѣрить Магницкому, Сперанскій еще „около 1807", служа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, посѣщалъ масонскую (или по выраженію Магницкаго, „иллюминатскую") ложу, устроенную полякомъ гр. Грабянкою и собиравшуюся въ комнатахъ гофмаршала цесар. Константина Павловича, Озерова, въ мраморномъ дворцѣ, куда ѣздили Мар. Антоновна Нарышкина, жившая въ ея домѣ m-me Attigny, секретарь гр. Кочубея Лубяновскій и др. „Рус. Стар". 1899 г., № 2, стр. 296. Лубяновскій въ своихъ запискахъ сообщаетъ только о своихъ четырехъ посѣщеніяхъ гр. Грабянки. „Рус. Арх." 1872, I, 476—478. Грабянка былъ главою мистическаго общества „Новаго Израиля", основаннаго въ Авиньонѣ. Въ Петербургѣ собранія, гдѣ проповѣдывалъ Грабянка, посѣщалъ А. Ѳ. Лобяновъ. Въ 1807 г. Грабянка былъ арестованъ и умеръ въ крѣпости. *Пыпинъ* „Матеріалы", „Вѣстн. Евр." 1842 г. № 1,

шимъ трудомъ удалось получить обратно представленныя правительству масонскія бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дозволено принимать новыхъ членовъ, но съ обязательствомъ великаго мастера Бёбера (главнаго руководителя директоріальной ложи Владимира къ Порядку) представлять правительству ежемѣсячно краткіе отчеты о всемъ, происходящемъ въ ложахъ, что и позднѣе исполнялось всѣми великими мастерами.

Въ то же время министръ полиціи Балашовъ сообщилъ Бёберу проектъ постановленія о ложахъ не какъ указъ или законъ, а именно, какъ проектъ предполагаемаго устава. Такимъ образомъ, масонскія ложи находились подъ давленіемъ опасенія, что въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній съ администраціей проектъ этотъ получитъ силу закона.

Въ началѣ проекта были приведены изъ полицейскаго устава, изданнаго при Екатеринѣ II 8 апрѣля 1782 г., [1]) постановленія о томъ, что управа благочинія охраняетъ „закономъ утвержденное общество, товарищество, братство или подобное установленіе", не утвержденное же закономъ „не признаетъ за дѣйствительное", а если оно приноситъ „вредъ, ущербъ или убытокъ" общему благу или хотя бы безполезно, то „подлежитъ уничтоженію и запрещенію". На основаніи этого постановленія полицейскаго устава предполагалось запретить: 1) тѣ общества и собратства, „которыхъ главныя или побочныя занятія состоятъ въ томъ, чтобы съ какою бы то ни было цѣлью разсуждать" о предполагаемыхъ въ государственномъ правленіи перемѣнахъ или о средствахъ, которыми могутъ быть осуществлены эти перемѣны, или о мѣрахъ, уже предпринятыхъ съ этою цѣлью; 2) въ которыхъ „безъизвѣстнымъ начальникамъ обѣщаютъ послушаніе клятвою, или поднятіемъ руки, словесно, письменно или какимъ бы то ни было образомъ; 3) въ которыхъ извѣстнымъ начальникамъ обѣщаютъ какимъ-либо образомъ неограниченное послушаніе, не исключая даже всего, относящагося къ государству и нравственности; 4) которыя требуютъ обѣта молчанія относительно тайнъ, открываемыхъ сочленамъ; 5) которыя имѣютъ тайную цѣль или которыя для достиженія извѣстной цѣли употребляютъ тайныя средства или „сокровенныя таинственныя іероглифическія формы".

Все это заимствовано изъ указа прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, 20 октября 1798 г., противъ тайныхъ обществъ [2]).

203—207; *Лонгиновъ* „Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка", „Рус. Вѣстн." 1860 г., т. 28. Письмо *М. Муромцова* въ „Рус. Вѣстн." 1860 г., т. 30, совр. лѣтоп. стр. 19—21. Въ 1804—6 гг. Сперанскій, какъ видно изъ писемъ къ нему Лопухина, очень интересовался мистическими сочиненіями. „Рус. Арх." 1870 г., стр. 609—622.

[1]) Полн. собр. законовъ XXI, № 15379, стр. 64, 65.

[2]) Iahrbuch der Freimaurerei, III, 168; французскій переводъ въ Atca Latomorum; русскій въ „Сборн. истор. матеріаловъ соб. Е. В. Канц." XI, 320—324.

Изъ всѣхъ масонскихъ ложъ была признана терпимою въ Петербургѣ ложа Владимира къ Истинѣ [1]). Военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ не дозволялось устраивать запрещенныя общества и союзы или участвовать въ нихъ подъ угрозой доведенія о нихъ до свѣдѣнія государя. Устраивающимъ запрещенное общество или продолжающимъ дѣятельность его послѣ запрещенія грозило наказаніе за ослушаніе. Если запрещенное общество имѣло цѣль, пагубную для государства, то съ соучастникомъ преступленія должно было быть поступлено по законамъ. Также грозило преданіе суду и тѣмъ, кто будетъ терпѣть запрещенныя общества въ своемъ домѣ „или приметъ отъ нихъ порученія". Соразмѣрнымъ наказаніемъ грозили даже тѣмъ, кто, имѣя „основательное подозрѣніе" относительно подобныхъ преступленій, не предувѣдомитъ правительство, и имѣющіе несомненныя свѣдѣнія о запрещенномъ обществѣ должны были подвергаться за недонесеніе министру полиціи двухгодичному заключенію. Всѣ члены ложи Владимира обязаны были увѣдомлять того же министра о противорѣчащихъ этому постановленію дѣйствіяхъ членовъ ордена. Начальники ложъ, состоящихъ подъ управленіемъ ложи Владимира, должны были ежегодно подавать министру полиціи списки, какъ всѣхъ зависящихъ отъ нихъ ложъ, такъ и всѣхъ членовъ съ указаніемъ званія и лѣтъ подъ угрозою штрафа въ 200 рублей или лишенія покровительства. Въ члены запрещалось принимать людей моложе 25 лѣтъ. Мѣсто собраній каждой ложи должно было быть извѣстно министру полиціи. Всѣхъ членовъ, нарушающихъ это постановленіе, слѣдовало исключать, а имена ихъ сообщать министру полиціи. Ложа Владимира должна была имѣть бдительное наблюденіе надъ ложами-дочерями. Выполненіе этихъ правилъ возлагалось на великаго мастера (гроссмейстера) соединенныхъ ложъ.

Всѣ эти правила были заимствованы, хотя и съ измѣненіями, изъ названнаго выше указа прусскаго короля [2]).

Ложа Соединенныхъ Друзей, въ которой было 50 дѣйствительныхъ членовъ, и ложа Палестины съ 75-ю членами въ 1811 или 12-мъ году присоединились къ союзу директоріальной ложи Владимира. Въ первой участвовалъ, между прочимъ, Александръ Бенкендорфъ (шефъ жандармовъ въ царствованіе имп. Николая), въ ложѣ Палестины — гувернеръ министра полиціи.

---

[1]) Это неточно,—слѣдовало сказать „Владимира къ Порядку"; гроссмейстеромъ ея былъ Бёберъ; эта ложа управляла тремя соединенными ложами: Александра, Елизаветы къ Добродѣтели и Петра къ Истинѣ. Пыпинъ. „Хрон. Указ.", стр. 31—32. Въ этихъ трехъ соединенныхъ ложахъ было 114 членовъ. Въ нихъ, между прочимъ, участвовали семеновскіе и преображенскіе офицеры. „Вѣст. Евр." 1872 г., № 2, стр. 565—567.

[2]) „Сборн. истор. матеріаловъ, извлеч. изъ Архива Соб. Е. В. Канц.", XI. 306—307, 311—314, 320—324.

Де-Санглень, будучи директоромъ особенной канцеляріи министра полиціи, вступилъ въ основанную въ 1810 году ложу Петра къ Истинѣ съ цѣлью „наблюдать, чтобы ложи соотвѣтствовали общей государственной цѣли—безопасности“. Въ позднѣйшемъ письмѣ (1826 г.) къ императору Николаю де-Санглень заявляетъ, что всѣ протоколы ложъ были доставлены чрезъ него начальству. „Члены, найденные въ противномъ расположеніи духа, по повелѣнію государя императора, высланы въ отдаленныя губерніи“ [1]). Извѣстный масонъ, профессоръ петербургской духовной академіи Феслеръ, выписанный изъ-заграницы, былъ удаленъ изъ академіи, получилъ званіе корреспондента при коммиссіи составленія законовъ, которою управлялъ Сперанскій и уѣхалъ въ февралѣ 1811 г. сначала въ Вольскъ для занятій въ частномъ учебномъ заведеніи, основанномъ Злобинымъ, а потомъ поселился въ Саратовѣ [2]).

По поводу ареста Сперанскаго въ 1812 г., принятаго въ масонство за два года передъ тѣмъ, по его словамъ, Феслеромъ „съ вѣдома правительства“ [3]), Александръ I собственноручною запискою Бёберу подтвердилъ свою волю, чтобы масонскія ложи были чужды „всякихъ политическихъ стремленій“ [4]).

28 марта 1812 г. управляющій министерствомъ полиціи Вязьмити-

---

[1]) Въ 1812 г. Де-Санглень былъ отправленъ съ тайною инструкціей въ армію, и съ этого времени прекратились его офиціальныя сношенія съ масонскими ложами.

[2]) *Н. Поповъ*. Игнатій-Аврелій Феслеръ. „Вѣстн. Евр.“ 1879 г., № 12. Замѣчанія епископа рязанскаго Ѳеофилакта на конспектъ философіи наукъ, представленный Феслеромъ, см. въ „Чтеніяхъ об. ист. древн. Рос.“ 1859 г. II, 115—128. Феслеръ былъ приглашенъ въ Духовную Академію Сперанскимъ по повелѣнію государя для преподаванія еврейскаго языка въ 1809 году, началъ лекціи въ февралѣ 1810 г. и, кромѣ еврейскаго языка, преподавалъ и философію и одно время церковныя древности; студенты были въ восхищеніи отъ его лекцій. Въ началѣ іюня Феслеръ уже былъ уволенъ по прошенію. „Сбор. ист. мат. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.“ XII, 441—444. *И. Чистовичъ*. „Истор. С.-Петербургской духовн. акад.“ 1857 г., стр. 182—183, 192—198, 214, 218—219, 249—250, 256. „Рус. Стар.“ 1899 г., № 2, стр. 302. *Пыпинъ*. „Общественное движеніе“, 301, 303—310; „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., № 2, стр. 568—573; Allgem. Handb. der Freimaurerei; *Findel* Geschichte der Freimaurerei, 2 Aufl., 529—544.

[3]) Магницкій въ своемъ доносѣ имп. Николаю I разсказываетъ, что Феслеръ „въ саду коммиссіи законовъ“ учредилъ ложу „Полярной Звѣзды“, въ которой, кромѣ него, участвовали Сперанскій, Дерябинъ, Пезаровіусъ, Злобинъ, Гогеншильдъ, Розенкампфъ и Магницкій, и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о бесѣдахъ о религіи Сперанскаго съ Феслеромъ. „Рус. Стар.“ 1899 г., № 2, стр. 297—298. Въ своихъ воспоминаніяхъ Феслеръ очень кратко говоритъ объ этомъ пребываніи въ Петербургѣ. Dr. Fessler's Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft. Breslau. 1821, s. 351—355. О религіозныхъ, философскихъ и другихъ взглядахъ Феслера см. его книгу Dr. Fessler's. Resultate seines Denkens und Erfahren. Breslau. 1826. Имена Сперанскаго, Феслера, Магницкаго, Злобина и др., какъ членовъ ложи „иллюминатовъ“, называются и въ запискѣ полковника Полева, найденной въ кабинетѣ Александра I послѣ его смерти. Гос. Арх., I. В., № 12, л. 27. Дерябинъ посѣщалъ собранія Грабянки.

[4]) „Рус. Стар.“ 1883 г., № 1, стр. 42.

новъ призвалъ къ себѣ одного изъ великихъ мастеровъ масонскихъ ложъ Эллизена и сказалъ ему: „я васъ призвалъ къ себѣ, дабы просить васъ содѣйствовать къ общему благу; государь императоръ убѣдился по представленіямъ моимъ, что ложи никакъ сомнительны быть не могутъ. Нельзя ихъ актомъ акредитовать, но мнѣ государь приказалъ васъ удостовѣрить въ своемъ благоволѣніи. Я сожалѣю,—прибавилъ Вязьмитиновъ,—что такъ долгое время самъ внушеніямъ нѣкоторыхъ людей вѣрилъ“ [1]).

Принявъ, такимъ образомъ, всѣ мѣры для того, чтобы ложи не могли преслѣдовать какихъ-либо политическихъ цѣлей, имп. Александръ ничего не имѣлъ тогда противъ участія въ нихъ офицеровъ [2]). Во время заграничнаго похода 1813—14 гг. многіе офицеры были приняты въ иностранныя масонскія ложи и числились ихъ членами и позднѣе [3]).

Въ 1813 г. масоны въ Кронштадтѣ пожелали возобновить ложу, существовавшую тамъ при Екатеринѣ II. Управляющій министерствомъ полиціи Вязьмитиновъ обратился за разрѣшеніемъ къ государю, и онъ далъ свое согласіе подъ условіемъ точнаго соблюденія существующихъ по этому предмету постановленій [4]).

Въ донесеніяхъ, составляемыхъ въ 1813 г. для государя де-Санглёномъ, бывшимъ правителемъ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ заглавіемъ „С.-Петербургскіе слухи, извѣстія, новости“, авторъ старался возбудить мысль объ опасности масонства. „Усиливающіяся ежедневно франкъ-масонскія ложи“, говоритъ онъ, „долженствовали бы обратить на себя вниманіе правительства, тѣмъ болѣе, что люди, обязанные по мѣстамъ своимъ имѣть надзоръ за оными“ (намекъ, вѣроятно, на Вязьмитинова) „не довольно посвящены въ мистеріяхъ ордена“ различныхъ вѣтвей его, равно и измѣненій, чтобы всегда умѣть искусно не только укрощать порывы подобной іерархіи, но даже почерпать ту пользу (можно сказать многоразличную и важную) для государства, каковую поистинѣ изъ сихъ обществъ извлечь бы можно было. Многолѣтніе труды, опыты могутъ

---

[1]) *Дубровинъ*. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей“, 108.

[2]) По словамъ Мирковича, Александръ I „негласнымъ образомъ разрѣшалъ и даже поощрялъ“ (вѣроятно, во время войны) „учрежденіе масонскихъ ложъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ“. „Рус. Арх.“ 1890 г., № 3. стр. 403.

[3]) „Рус. Стар.“ 1904 г., № 4, стр. 28. Ср. о полезномъ значеніи масонства для военныхъ во время войны книгу *Соколовской* „Русское масонство“, 82, 83. См. ниже списокъ иностранныхъ масонскихъ ложъ, въ которыхъ участвовали русскіе офицеры. Разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго о принятіи его въ масоны въ Парижѣ и дарованіи ему высшихъ масонскихъ степеней, см. „Рус. Стар.“ 1900 г., № 9, стр. 638—643. О русской полевой ложѣ Александра къ Вѣрности 1814 г. (въ Германіи, въ Ортельсбургѣ и потомъ въ Гумбиненѣ), составленной изъ офицеровъ свиты гр. Витгенштейна, см. Ernst Friedrichs, 116—117.

[4]) „Сборн. мат. изъ Архива соб. Е. В. Канц.“ XI. 307; *Пыпинъ*. „Указатель“, стр. 33; „Русская Старина“ 1877 г., т. XVIII, 469; *Соколовская*. „О масонствѣ въ прежнемъ русскомъ флотѣ“ въ журналѣ „Море“ 1907 г., № 8.

единственно познакомить человѣка съ тѣмъ, что сіе общество произвесть можетъ полезнаго или вреднаго, а потому люди, не вникшіе... въ сію часть, могутъ сами, безъ вѣдома ихъ увлеченные родомъ фанатизма, быть орудіями зла. Должно бы, кажется, избѣгнуть ошибку тѣхъ правительствъ, которыя, пренебрегая такими обществами, полагая, что они собираются единственно для увеселеній, раскаялись въ легковѣріи своемъ, но поздно". Это „тѣмъ болѣе нужно, что истребить сихъ обществъ нѣтъ силъ. Имъ можно запретить собираться въ большомъ количествѣ, но тѣмъ зло лишь увеличено будетъ". Феслеръ казался де-Санглену не безопаснымъ даже и въ Саратовѣ [1]).

Въ крайней опасности масонства желалъ убѣдить высшія власти и полк. бар. Дибичъ въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ изъ Мейссена въ февралѣ 1816 г. фельдмаршалу кн. Барклаю-де-Толли и своему брату начальнику Главнаго Штаба Дибичу. Онъ также не одобрялъ „терпимость и покровительство", которыя „государства" оказываютъ тайнымъ обществамъ. Онъ указывалъ на вербовку офицеровъ въ тайные союзы во Франціи, Германіи, въ Варшавѣ и въ Петербургѣ; не мудрено, что при этомъ среди офицеровъ нашей арміи распространенъ такой же духъ, какъ среди офицеровъ прусской королевской гвардіи, которые, какъ утверждаютъ, открыто говорятъ, что короли не нужны, и что состояніе міроваго просвѣщенія настоятельно требуетъ учрежденія республикъ. Дибичъ увѣрялъ, что подобныя же выраженія приходилось слышать отъ офицеровъ свиты фельдмаршала Барклая-де-Толли. Въ донесеніи брату Дибичъ говоритъ: „Случай и хитрость доставили мнѣ уже во Франціи многія свѣдѣнія все объ одномъ и томъ же, какъ я полагаю, союзѣ, окружающемъ себя тайною, но дѣйствующемъ совершенно открыто. Очень значительное число русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ завербовали, наблюденіе за рѣч этихъ новыхъ членовъ, обрадовавшихся возможности высказаться, наблюденіе за всѣми махинаціями во Франціи, тенденція, такъ называемаго, Тугендъ-бунда, распространяемые слухи, равнодушіе прусскихъ офицеровъ къ своему государю, превосходно усвоенное нашими офицерами во Франціи, связи этихъ обществъ съ Франкфуртомъ, Берлиномъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Бамбергомъ, Мюнхеномъ, Варшавою [2]) и С.-Петербургомъ, вѣчно

---

[1]) *Дубровинъ*. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей", стр. 107, 109 — 110, ср. 375.

[2]) Что русскіе офицеры посѣщали варшавскія ложи, видно, напримѣръ, изъ того, что въ засѣданіи одной изъ нихъ былъ въ октябрѣ 1815 г. Михайловскій-Данилевскій. „Русская Старина" 1900 г., № 9, стр. 643. Русскіе офицеры (П. Ермоловъ, А. Лобановъ и др.) дѣлались членами заграничныхъ польскихъ ложъ. *Zalęski*. O masonii w Polsce od r. 1742—1822. Krakow, 1889, 57, 176—177. О русскихъ членахъ варшавскихъ ложъ см. прилож. къ книгѣ Залескаго, стр. XX—XXIII, XXV, XXVIII.

возобновляющееся стремленіе вездѣ вербовать нашихъ офицеровъ, а также и содержаніе повременныхъ изданій, все это заставляло меня предугадывать нѣчто большее, чѣмъ просто нравственныя цѣли. Напримѣръ, особенно старались привлекать въ эти общества офицеровъ, состоящихъ при штабѣ императора и при генералахъ, командующихъ отдѣльными частями. Одинъ офицеръ изъ штаба фельдмаршала утверждалъ, что не нужно было бы болѣе ни императоровъ, ни королей, ни князей".

Въ особомъ приложеніи къ донесенію, отправленному его брату, баронъ Дибичъ пытается дать общую характеристику тайныхъ обществъ, преимущественно масонскихъ, указываетъ на то, что, кромѣ работы въ ложахъ, они ведутъ частную пропаганду, и приводитъ даже примѣрную бесѣду между мастеромъ и просвѣщаемымъ ученикомъ, въ которой мастеръ стремится подорвать въ ученикѣ чувство патріотизма, религіозность и уваженіе къ религіознымъ обрядамъ, уваженіе къ собственности, феодальному (т. е. крѣпостному) праву и праву наслѣдства. Мастеръ учитъ, что „настанетъ время, когда не будетъ никакой собственности, кромѣ вознагражденія за трудъ... Тогда народъ не будетъ нуждаться въ государѣ; тогда наиболѣе заслуженный, лучшій изъ людей, не называясь государемъ..., будетъ посвящать себя на служеніе человѣчеству исключительно изъ любви къ нему; великая же цѣль рода человѣческаго не будетъ уже раздѣлена границами и расчленена на отдѣльныя звенья, а, руководимая любовью, станетъ жить въ любви и согласіи" [1]). Французская революція, по мнѣнію этого мастера, была необходимымъ зломъ, и въ результатѣ ея является великое благо для слѣдующаго поколѣнія. Эта характеристика масонства является довольно фантастическою (нѣкоторыя черты ея, какъ, напр., слова о государяхъ, болѣе приложимы къ иллюминатству), но она указываетъ на идеи, распространявшіяся среди молодежи, которая соединялась въ разнообразныя тайныя общества. Эти идеи вліяли и на нашу военную молодежь и подталкивали ее ко вступленію въ различные тайные союзы. Начавъ съ масонства, она кончила тайными обществами съ чисто революціонными задачами. Донесеніе Дибича было написано въ то время, когда множество русскихъ офицеровъ вступило въ иностранныя масонскія ложи; есть указанія и на непосредственныя отношенія съ нѣкоторыми тайными обществами во Франціи и Швейцаріи другого рода, но въ Россіи въ то время, когда Дибичъ писалъ свои донесенія (февраль 1816 г.), были, повидимому, лишь масонскія ложи. Первое же серьезное политическое общество, Союзъ Спасенія, былъ основанъ лишь въ концѣ этого года.

---

[1]) Записки бар. Дибича напечатаны Н. М. Затворницкимъ въ „Русской Старинѣ" 1907 г., №№ 4 и 5.

Въ 1814—15 гг. между семью петербургскими ложами произошли разногласія: однѣ изъ нихъ требовали уничтоженія высшихъ степеней масонства (или, по крайней мѣрѣ, желали, чтобы онѣ не имѣли преобладающаго значенія), другія на это не соглашались. Кончилось тѣмъ, что Бёберъ и гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ обратились къ правительству съ просьбою, чтобы имъ было позволено для прекращенія постоянныхъ ссоръ и несогласій раздѣлить масонскія ложи на два разряда, изъ которыхъ одинъ, не признавая высшихъ степеней, оставался бы подъ управленіемъ и отвѣтственностью гр. Мусина-Пушкина-Брюса, а другой — съ высшими степенями — находился бы въ зависимости отъ Бёбера подъ его отвѣтственностью. Управляющій министерствомъ полиціи согласился на это, „тѣмъ болѣе", какъ сказано въ офиціальной запискѣ 1817 г. особенной канцеляріи министерства полиціи, „что въ сей мѣрѣ видѣлъ не только устраненіе докучливыхъ состязаній, но и удобный способъ наблюденій за дѣяніями сего общества". Ложи Петра, Палестины, Изиды въ Ревелѣ и Нептуна (въ Кронштадтѣ), избравъ своимъ великимъ мастеромъ гр. Мусина-Пушкина-Брюса и составивъ между собою основной договоръ, учредили 30 августа 1815 г. великую, или директоріальную ложу Астреи, о которой Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ ежемѣсячно представлялъ правительству отчеты. Въ октябрѣ къ союзу Астреи присоединилась и ложа Александра. Ложи Елизаветы и Соединенныхъ Друзей оставались довольно долго безъ особой директоріи и только въ ноябрѣ 1816 г. учредили „Великую провинціальную ложу" (во главѣ ея стоялъ г. м. Жеребцовъ) и также обязались представлять правительству всѣ требуемыя имъ свѣдѣнія [1]).

30-го августа 1816 г. была учреждена въ Москвѣ содержателемъ косметическаго магазина Розенштраухомъ, который былъ впослѣдствіи въ Одессѣ пасторомъ, ложа подъ названіемъ „Александра Тройственнаго Спасенія". Когда московскій ген.-губ. гр. Тормасовъ просилъ государя разрѣшенія открыть эту ложу, Александръ I сказалъ: „Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго, и потому предоставляю на твою волю". И ложа была открыта [2]).

---

[1]) Подробности объ этомъ переходномъ времени нашего масонства см. *Пыпинъ* „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ", „Вѣстн. Евр." 1872 года, № 2, стр. 576—589. Въ договорѣ Астреи и Великой Провинціальной ложи было постановлено не признавать законною ложу, непризнанную правительствомъ, и не допускать ея членовъ къ работамъ своего союза.

[2]) „Общественныя движенія въ первой половинѣ XIX в." изд. Пирожкова, т. I, стр. 397, 487; „Рус. Стар.", т. XVIII, 663, XXXVI, 66. Членами этой ложи были между прочими ректоръ университета Геймъ, декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ и въ то же время полицмейстеръ Бибиковъ. Есть извѣстіе, что Александръ I однажды посѣтилъ петербургскую ложу Трехъ Добродѣтелей. Александръ

Въ февралѣ 1817 г. директоріальная ложа Астреи учредила, съ вѣдома государя, военную ложу Георгія Побѣдоносца въ Мобёжѣ при нашемъ корпусѣ, находившемся во Франціи. Не останавливаясь долѣе на перечисленіи вновь учреждаемыхъ ложъ, а также и на переходѣ ихъ изъ одного масонскаго союза въ другой, я упомяну только о томъ, что въ официальной запискѣ 1817—18 гг., между прочимъ, говорится объ учрежденіи масонскихъ ложъ въ Тамбовѣ, Ярославлѣ, въ Вазѣ и Або, о чемъ мы не знаемъ изъ другихъ источниковъ.

Въ той же запискѣ 1817—18 гг. сказано, что въ Москвѣ у сенатора Кутузова, а въ Петербургѣ у Лабзина и Мартынова бываютъ, такъ называемыя, „мартинистскія сходбища" (о ложѣ Лабзина см. въ слѣдующей статьѣ).

Одновременно съ составленіемъ официальной записки о масонствѣ 1817—18 гг. былъ нѣсколько передѣланъ проектъ постановленія о ложахъ 1810 г., сообщенный тогда великому мастеру. Вѣроятно, этотъ новый проектъ былъ доведенъ до свѣдѣнія управляющихъ обѣими великими ложами. Отмѣтимъ въ немъ нѣкоторыя новыя черты. Признавая „терпимыми двѣ главноуправляющія ложи, Астрею и Великую Провинціальную, новыя правила требовали, чтобы ложи, отъ нихъ независимыя, немедлено присоединились къ одной изъ нихъ, въ противномъ же случаѣ будутъ закрыты. Правило это распространилось и на тѣ ложи, которыя „нынѣ подчинены какой-либо иностранной ложѣ. Каждой изъ директоріальныхъ ложъ вмѣнялось въ обязанность ежегодно представлять министру полиціи списокъ всѣхъ членовъ зависящихъ отъ нихъ управленія ложъ съ указаніемъ степени и масонскаго чина каждаго. Кромѣ того, великіе мастера должны были ежемѣсячно представлять министру полиціи отчетъ о всемъ происходившемъ въ ложахъ, о чрезвычайныхъ же событіяхъ доносить немедленно. Управляющіе отдѣльными ложами были обязаны „безоттоворочно" доставлять великимъ мастерамъ всѣ требуемыя свѣдѣнія подъ угрозою закрытія ихъ собраній. Сохранено было правило, чтобы каждая ложа заявила полиціи о томъ, гдѣ она собирается, но прибавлено, что полиціи будетъ предписано не препятствовать собраніямъ и не входить въ нихъ „безъ особаго на то приглашенія отъ самой ложи".

Директоріальнымъ ложамъ запрещено было заводить новыя ложи гдѣ бы то ни было безъ разрѣшенія министра полиціи, который, „по

Ник. Муравьевъ разсказывалъ своимъ братьямъ, что во время этого посѣщенія государь попросилъ его что-то разъяснить ему, и онъ въ своемъ отвѣтѣ обращался къ императору по масонскому обычаю на „ты". Это, видимо, произвело на государя неблагопріятное впечатлѣніе, и Муравьевъ утверждалъ, что съ этого времени началось неудовольствіе противъ него Александра I. *Кропотовъ*. „Жизнь графа М. Н. Муравьева" 1874 г., т. I, 187. Быть можетъ, это посѣщеніе государемъ масонской ложи подало поводъ къ слухамъ, что онъ масонъ. „Русская Старина" 1886 г., II, 198; Завалишинъ. „Записки декабриста" I, 221.

соизволенія на то высшаго правительства", даетъ знать начальству того города, гдѣ ложа учреждается. „Новыя ложи вообще не должны быть учреждаемы легкомысленно и безъ нужды, ибо отъ сего порождаются злоупотребленія, вредныя не только общественному порядку, но и самой цѣли братства". Оба великіе мастера обязаны были разослать во всѣ подвѣдомственныя ложи списки съ этого постановленія для храненія въ архивахъ и непремѣннаго руководства [1]).

Очень печально то, что среди масоновъ находились лица, подстрекавшія правительство къ репрессивнымъ мѣрамъ относительно масонства. Такъ, извѣстный масонъ А. Ѳ. Лабзинъ, самъ подвергшійся преслѣдованію со стороны цензурнаго вѣдомства, а впослѣдствіи за смѣлое слово отправленный даже въ ссылку, писалъ 28 мая 1816 г. министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ А. Н. Голицыну: „Нынѣ правительствомъ дозволены или терпимы масонскія ложи. Развелось множество ложъ, и каждая ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только принимаетъ новыхъ членовъ, которыхъ напринимано теперь уже болѣе тысячи. Что въ этомъ? Хорошо ли правительству попускать обирать деньги ни за что, ни про что? Кажется, либо не позволять ложи, либо поставить ихъ на хорошую ногу, а то... есть управляющіе ложами люди весьма вредные, не только невѣрующіе, но и нескрывающіе своего невѣрія. За что же давать развращать молодыхъ людей, вступающихъ иногда туда и не съ худымъ намѣреніемъ? Не разсудите ли... представить о семъ государю, хотя не какъ о дѣлѣ, а между разговоромъ?" Правда, Лабзинъ оговаривался, что его цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы „побудить опять запретить ложи", такъ какъ онъ опасался, чтобы, „исторгая плевелы, иногда не повредить и пшеницу" [2]), но такія внушенія министру, а чрезъ него и самому государю должны были, конечно, вредить масонамъ.

Кромѣ общаго бдительнаго надзора надъ масонскими ложами, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ принимались и запретительныя мѣры. Ген.-губ. Остзейскаго края маркизъ Паулуччи, другъ извѣстнаго реакціонера, сардинскаго посланника въ Россіи графа де-Мэстра, [3]) узнавъ въ 1816 г. предъ отъѣздомъ за границу о предложеніи возстановить масонскую ложу въ Ригѣ, закрытую въ 1794 году, выразилъ, какъ видно изъ позднѣйшаго донесенія государю, такое мнѣніе по этому предмету, что больше о томъ не было и рѣчи [4]). Въ ноябрѣ 1815 г. директоріальная ложа

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ изъ Архива соб. Е. В. Канц." XI. 307, 315—319.
[2]) Н. Дубровинъ. „Наши мистики-сектанты". А. Ѳ. Лабзинъ и его „Сіонскій Вѣстникъ". „Рус. Стар." 1894 г., № 12, стр. 101.
[3]) *Cogordan*. Ioseph de-Maistre. P. 1894, p. 97.
[4]) Однако, въ запискѣ 1817 г. особенной канцеляріи министерства полиціи упоминается о масонскихъ собраніяхъ въ Ригѣ.

Астреи постановила возобновить ложу Трехъ Коронныхъ Мечей въ Митавѣ, что и было исполнено въ концѣ января 1816 года. Паулуччи, узнавъ о томъ по возвращеніи изъ Италіи и, по его словамъ, утвердясь еще болѣе въ своихъ убѣжденіяхъ о вредѣ всякихъ тайныхъ обществъ, запретилъ собранія митавской ложи, что было одобрено государемъ. Въ мартѣ 1817 г. Жеребцовъ въ письмѣ къ Віельгорскому выразилъ сожалѣніе, что эта ревностная ложа, состоящая въ союзѣ Провинціальной ложи, и которой онъ считаетъ себя членомъ, была исключена изъ союза безъ всякаго извѣщенія. Хотя маркизъ Паулуччи ине далъ ей разрѣшенія, но это не должно было изгладить ее изъ памяти Великой Провинціальной ложи. Вѣроятно, вслѣдствіе этого недоразумѣнія митавская ложа перешла въ союзъ Астреи. Но Паулуччи не позволялъ ей работать еще и въ 1821 году [1]).

Симбирскій губернаторъ Магницкій не согласился въ 1817 г. разрѣшить своею властью открытіе масонской ложи въ Симбирскѣ, а представилъ это дѣло на усмотрѣніе графа Вязьмитинова [2]).

Вслѣдствіе репрессивныхъ мѣръ администраціи гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ въ январѣ 1819 г. обратился къ управляющему министерствомъ полиціи гр. Вязьмитинову, съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Нынѣ масонство не имѣетъ уже счастья пользоваться покровительствомъ правительства... Губернаторы нѣкоторыхъ провинцій, изъ коихъ наименую только симбирскаго гражданскаго и рижскаго военнаго губернатора... отъ самихъ себя запрещаютъ открытіе такихъ ложъ, за коихъ великая ложа приняла на себя отвѣтственность предъ министерствомъ полиціи. Во многихъ другихъ мѣстахъ ложи существуютъ нынѣ равномѣрно только потому, что настоящіе мѣстные начальники разсудили за благо позволить ихъ. Но частная терпимость сія значитъ въ отношеніи къ великой ложѣ то, что и самое запрещеніе; ибо достоинству масонства отнюдь неприлично испрашивать позволенія у нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ, и работающія нынѣ ложи находятся въ опасности быть закрытыми при вступленіи въ должность другихъ губернаторовъ. Сіе нетвердое положеніе ложъ имѣетъ на масонство самое вредное вліяніе. Многіе изъ лучшихъ членовъ оставляютъ ложи, полагая, что масонство подозрѣваемо и презираемо правительствомъ. Великая ложа и великій мастеръ ежедневно болѣе и болѣе лишаются уваженія и власти, ибо состоящія подъ ихъ управленіемъ ложи не могутъ находить у нихъ защиты

---

[1]) Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 531а (11); „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., № 2, стр. 585, 592; „Русская Старина“, т. XVIII, 664; „Сборникъ матеріаловъ Соб. Е. В. Канц.“ XI, 309—310.

[2]) Гос. Арх. I, № 481 и 484; „Рус. Стар.“ 1899 г., № 2, стр. 299.

и у мѣстныхъ начальствъ должны искать и испрашивать позволеній въ существованіи своемъ, какъ, напримѣръ, ложи въ Москвѣ, Житомірѣ, Полтавѣ и Бѣлостокѣ. Ложамъ невозможно было привести въ дѣйство никакого благотворительнаго заведенія, ибо никому неизвѣстно, доколѣ начальство того мѣста будетъ позволять существованіе оныхъ. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ Россіи при семъ положеніи вещей составились ложи, независящія отъ великой ложи, и о коихъ министерство полиціи не имѣетъ и не можетъ имѣть свѣдѣній. Многочисленныя ложи въ литовскихъ губерніяхъ, учредившіяся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, подчинялись не С.-Петербургской, а Варшавской Великой ложѣ, такъ какъ если министерство полиціи или губернаторы виленскій, гродненскій и минскій станутъ требовать у нихъ отчетовъ, то они обратятся въ Варшаву, что было бы совершенно противно порядку и обычаямъ, наблюдаемымъ во всѣхъ странахъ, имѣющихъ, подобно Россіи, монарха просвѣщеннаго и благочестиваго... Въ случаѣ продолженія сего порядка вещей мнѣ невозможно будетъ отправлять съ честью и совѣстью званія великаго мастера въ отношеніи къ правительству и къ самимъ ложамъ. По совѣщаніи съ многими старѣйшими членами масонскаго ордена" Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ просилъ Вязьмитинова „отклонить сіи неудобства, защитить ложи, зависящія отъ Великой ложи, отъ притѣсненій губернаторовъ и не позволять, чтобъ въ Россіи существовали ложи, независящія отъ Великой ложи въ С.-Петербургѣ", если же Вязьмитиновъ затруднится сдѣлать это, то Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ просилъ представить о томъ государю и увѣрить его, что если правительство „сомнѣвается въ пользѣ и безвредности масонства, то... всѣ истинные масоны, при самомъ первомъ о томъ извѣщеніи", прекратятъ свои собранія [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что, жалуясь на репрессивныя мѣры относительно масонства, Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ въ то же время желалъ, при помощи правительства, сдѣлать масонскія ложи въ Литвѣ зависимыми отъ великой ложи Астреи.

Министерство полиціи дало на записку Мусина-Пушкина-Брюса уклончивый отвѣтъ. Тогда онъ подалъ другую записку кн. А. Н. Голицыну. Объяснивъ въ ней основныя правила масонства, онъ просилъ довести его записку отъ 3 февраля 1819 г. до свѣдѣнія государя; въ ней онъ ходатайствовалъ, чтобы „истинное масонство" было въ Россіи не только терпимо, но и находилось подъ покровительствомъ государя. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ указывалъ, что 1) масонство дѣлаетъ людей „вѣрнѣйшими гражданами", потому что „истинный масонъ, прежде всего обязующійся

---

[1]) „Сборн. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Его В. канц." XI, 282—284

быть вѣрнымъ своему правительству, познаетъ въ свѣтѣ писанія, что онъ... долженъ повиноваться съ любовью и даже страдать, если то необходимо" и 2) „масонство дѣлаетъ людей надежнѣйшими подпорами государствъ, потому что истинный масонъ стремится къ преобразованію *самого себя*, ибо онъ знаетъ, что безъ основательнаго внутренняго самоисправленія никакое истинное *внѣшнее* исправленіе производимо быть не можетъ". Записка оканчивалась просьбою отъ имени союза о покровительствѣ со стороны государя или опредѣленнаго въ томъ отказа"; въ этомъ послѣднемъ случаѣ всѣ ложи союза Астреи немедленно прекратятъ свои работы [1])

Однако, и это ходатайство Мусина-Пушкина-Брюса успѣхомъ не увѣнчалось: правительство продолжало принимать репрессивныя мѣры противъ нѣкоторыхъ ложъ.

30 апрѣля 1818 г. въ Полтавѣ была основана въ союзѣ Астреи ложа Любви къ Истинѣ, въ которой мастеромъ стула былъ членъ Союза Благоденствія Мих. Ник. Новиковъ, правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Г. Репнина. 12 марта 1819 г. состоялось повелѣніе государя закрыть эту ложу. Репнинъ, исполнивъ это, донесъ начальнику главнаго штаба кн. П. М. Волконскому, что другихъ масонскихъ ложъ въ Малороссіи (т. е. въ той ея части, которая была ввѣрена его управленію) не находится. Репнинъ нашелъ нужнымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: „чуждъ будучи по совѣсти и правиламъ моимъ всякаго тайнаго сообщества, я никогда не покровительствовалъ масонскимъ ложамъ, но не воспрещалъ здѣсь нѣсколькимъ членамъ открыть таковую, потому что она учреждалась съ дозволенія петербургской главной ложи (Астреи), подвѣдомственной министерству полиціи, слѣдовательно и съ вѣдома онаго".

Репнинъ сообщалъ, что, по свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ при „безпрестанномъ надзорѣ" надъ полтавскою ложею, „въ ней ничего противозаконнаго не происходило", тѣмъ не менѣе, „зная на сей предметъ высочайшую волю" онъ увѣрялъ, что, пока онъ будетъ управлять Малороссіею, въ ней не откроется ни одной ложи [2]).

По словамъ донесенія „высшей полиціи", закрытіе ложи въ Полтавѣ и неполученіе Мусинымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ отвѣта отъ кн. Голицына произвело, „какъ изъявленіе воли государя", удручающее впечатлѣніе на нѣкоторыхъ масоновъ, и они стали покидать свой союзъ. Пер-

---

[1]) „Сборн. мат. изъ Архива Соб. Е. В. Канц." II, 282—291; „Русская Старина", т. XXXII, 675.

[2]) „Рус. Арх." 1906 г., т. III, 416. О полтавской ложѣ мы будемъ еще говорить подробно.

вый вышелъ изъ него кн. Лобановъ. Полиція увѣряла, будто бы лучшія (т. е., вѣроятно, болѣе знатные) „члены оставятъ общество; останутся только съ одной стороны сволочь (т. е. разночинцы), которая превратитъ ложи „въ сборища разврата (?), а съ другой стороны—закоренѣлые мечтатели, кои окружаютъ себя мнимою таинственностью и будутъ искать свѣта во тьмѣ“. Впрочемъ, полиція облыжно увѣряла, будто бы и „до сего времени всѣ“ (?) петербургскія ложи „болѣе могутъ быть уподоблены клубамъ, нежели нравственнымъ какимъ собраніямъ“.

Въ донесеніи полиціи было сообщено, что петербургскія директоріальныя ложи имѣли сношенія съ варшавскимъ Востокомъ о подчиненіи имъ литовскихъ ложъ, но согласія на это не послѣдовало. Въ этомъ, болѣе раннемъ, донесеніи полиція давала петербургскимъ масонамъ аттестацію, какъ людямъ вполнѣ благонамѣреннымъ [1]).

Однако, то тамъ, то здѣсь масонскія ложи продолжали подвергаться гоненіямъ.

Въ 1820 г. кн. П. М. Волконскій сообщилъ маркизу Паулуччи какое-то повелѣніе государя относительно масонской ложи, будто бы существовавшей въ Ригѣ. Тотъ отвѣчалъ въ письмѣ къ государю отъ 19 декабря 1820 г., что онъ еще въ 1816 г. не разрѣшилъ возстановленія существовавшей тамъ при Екатеринѣ II ложи, но это заставило его обратить вниманіе на двѣ ложи въ Ревелѣ, учрежденныя съ дозволенія министерства полиціи, относительно которыхъ на основаніи собранныхъ свѣдѣній онъ прежде приходилъ къ заключенію, что онѣ совершенно безвредны, тѣмъ болѣе что Эстляндская губернія по своему положенію не имѣетъ прямыхъ сношеній съ Пруссіею и Польшею, и ограничился надзоромъ за ними. Теперь, по полученіи письма кн. Волконскаго, онъ потребовалъ отъ директоровъ ревельскихъ масонскихъ ложъ, чтобы они пріостановили свои занятія впредь до разрѣшенія и не разглашали объ этомъ запрещеніи [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Паулуччи положительно заявилъ государю,

---

[1]) „Русская Старина“ 1881 г., № 11, стр. 674. Это не помѣшало, однако, правительству преслѣдовать проявленіе масонства въ литературѣ. 29 іюня 1821 г. состоялось повелѣніе государя, чтобы „масонскія пѣсни и другія сочиненія, какъ произведенія такого сословія, которое не имѣетъ никакого явнаго характера и никакими открытыми постановленіями и правилами въ государствѣ не дозволено къ существованію, вовсе печатаемы не были“. „Рус. Стар.“ 1901 г., № 8, стр. 426.

[2]) Быть можетъ, вслѣдствіе этого въ вѣдомости ложъ Союза Астреи ревельская ложа Трехъ Сѣкиръ значится дѣйствующею (въ ней былъ членомъ извѣстный писатель Августъ Коцебу, убитый Зандомъ, Tableau general de la grande Loge Astrée, Spb. 5817; Idem, 5818—5819, p. 140), а другая ложа Изиды—закрыта въ 1820 г. Астреею за принятіе двухъ недостойныхъ членовъ вопреки сдѣланному ей великою ложею запрещенію. „Рус. Стар.“, т. XVIII, 663; указатель Пыпина № 120; *Пыпинъ* „Общ. Движ.“, стр. 321; „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., № 2, стр. 593.

что въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ нѣтъ открытыхъ масонскихъ ложъ, и если бы онѣ даже и существовали, то, при томъ настроеніи умовъ какое существуетъ въ остзейскомъ краѣ, онѣ никогда не могли бы обратиться въ ложи карбонаровъ (а между тѣмъ онъ закрылъ, какъ мы видѣли митавскую ложу). Однако, въ то же время Паулуччи высказалъ мнѣніе, что многіе ученые, и особенно иностранцы, пріѣзжающіе искать счастья въ Россіи, если бы существовали открытыя ложи, не упустили бы случая для распространенія космополитическихъ идей. Въ письмѣ Волконскаго, очевидно, упоминалось о свѣдѣніяхъ, полученныхъ черезъ посольство о карбонаріяхъ [1]), такъ какъ Паулуччи опять повторяетъ: „я могу съ полною увѣренностью поручиться, что общества, которыя надѣются посредствомъ своихъ козней постепенно распространить принципы карбонаріевъ, не будутъ въ настоящее время имѣть никакого вліянія“. Паулуччи не допускалъ возможности существованія въ Остзейскомъ краѣ „миссонеровъ“ карбонаризма и столь вредныхъ обществъ, однако, онъ полагалъ, что вся Европа переполнена тайными обществами, членовъ которыхъ можно встрѣтить между людьми всѣхъ классовъ, начиная отъ ремесленника и кончая министрами. Онъ отрицательно относился къ масонамъ вообще и мартинистамъ въ частности, къ гимнастическимъ обществамъ, сыгравшимъ, какъ извѣстно, политическую роль въ Германіи, и къ Союзу Добродѣтели (Tugend-Bund'у), по его мнѣнію даже библейскія общества были орудіемъ иллюминатовъ. Въ заключеніе Паулуччи предлагаетъ: 1) запретить на всемъ пространствѣ имперіи всѣ тайныя общества и союзы, не подвергая преслѣдованію ихъ теперешнихъ членовъ и 2) установить самыя дѣйствительныя мѣры для внимательнаго наблюденія за всѣми собраніями съ цѣлью молитвы, чтобы они не могли стремиться къ религіознымъ новшествамъ и не могли проникнуться стремленіями политическими [3]).

Какъ внимательно слѣдило правительство за дѣятельностью масоновъ, видно изъ слѣдующаго факта. Въ ноябрѣ 1820 г. кн. Волконскій находившійся вмѣстѣ съ имп. Александромъ I въ Троппау, писалъ И. В. Васильчикову: „съ нѣкотораго времени государь замѣчаетъ, что много офицеровъ разныхъ полковъ ѣздятъ въ Кронштадтъ. Такъ какъ тамъ существуетъ масонская ложа..., то весьма можетъ быть, что, будучи подъ присмотромъ въ Петербургѣ, не ѣздятъ ли они туда, чтобы участвовать въ засѣданіяхъ безъ всякаго стѣсненія“ [3]).

---

[1]) Въ донесеніяхъ нашихъ дипломатовъ изъ Италіи осенью 1820 г. указывалось на чрезвычайное увеличеніе числа карбонаріевъ.

[2]) Военно-ученый Архивъ, отд. I. № 531 - А, л. 1—10.

[3]) Русскій Архивъ 1875 г. т. II, 5[illegible]. Другой примѣръ надзора за масонами находимъ въ письмѣ того же Волконскаго въ іюнѣ 1821 г. Онъ сообщалъ Васильчикову, что государь, замѣтивъ отъѣздъ д-ра Эллизена въ Торо-

Въ письмѣ къ государю отъ 10 апрѣля 1821 г. маркизъ Паулуччи опять повторяетъ свои нападки на франкмасоновъ, иллюминатовъ и общества, преслѣдующія религіозныя цѣли. Затѣмъ онъ говоритъ: „я измѣнилъ бы правдѣ, если бы... скрылъ отъ васъ, государь, что въ Прибалтійскихъ провинціяхъ есть лица, умы которыхъ до того возбуждены распространенными повсюду конституціонными идеями и извѣстіями о революціяхъ на югѣ Европы, что они одобряютъ поведеніе солдатъ, присвоившихъ себѣ право быть законодателями ихъ отечества. Но ихъ мнѣнія могли бы принять другое направленіе, если бы были разрушены тѣ очаги, гдѣ они проникаются этими идеями". Въ заключеніе Паулуччи опять предлагаетъ, чтобы всѣ собранія тайныхъ обществъ, каковы бы ни были ихъ цѣль и названіе, были закрыты и распущены съ „примѣненіемъ мѣръ умѣренности, снисхожденія и доброты".

Александръ I отвѣчалъ Паулуччи, что онъ согласенъ съ его мнѣніемъ, за исключеніемъ сказаннаго о библейскихъ обществахъ, которыя, по мнѣнію государя, не могутъ вести къ опаснымъ послѣдствіямъ.

Однако, Паулуччи въ письмѣ къ Александру I изъ Царскаго Села отъ 14 іюля 1821 г. настаиваетъ, что всѣ тайныя общества стремятся къ политическимъ реформамъ, и вновь указываетъ на опасность союзовъ, желающихъ измѣнить религіозные принципы различныхъ исповѣданій, и на опасность всякихъ мистическихъ братствъ, причемъ рекомендуетъ установить въ столицѣ перлюстрацію писемъ, которая и безъ того существовала [1]).

Быть можетъ, вліяніе совѣтовъ Паулуччи сказалось въ слѣдующемъ фактѣ: въ 1821 г. масоны избрали великимъ мастеромъ великой ложи Астреи гр. Мусина-Пушкина-Брюса, который письменно извѣстилъ о томъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея. Тотъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя и, изготовивъ письменный отвѣтъ Мусину-Пушкину, испрашивалъ разрѣшенія государя. Однако, Александръ I не захотѣлъ, „чтобы письменно о семъ было объявлено". Послѣ этого гр. Кочубей не получалъ уже никакихъ извѣщеній „отъ масонскаго управленія", но имѣлъ съ нимъ сношеніе только вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, объявленнаго княземъ П. М. Волконскимъ, по поводу ложи, учрежденной въ Кишиневѣ [2]).

нецъ на воды (въ имѣніе Кушелева), поручилъ ему навести секретно справки, не имѣетъ ли онъ сношеній съ находившимися тамъ кавалергардами. Рус. Арх. 1875 г., т. II, 96.

[1]) Военно-ученый Архивъ, Отд. 1, № 531—А, л. 11—35, 61—68.

[2]) Секретное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ начальнику Главнаго Штаба 9 января 1826 г. „Русская Старина" 1907 г., № 2, стр. 345. О кишиневской ложѣ см. ниже.

IV.

Новосильцевъ въ донесеніи изъ Варшавы отъ 12—24 мая 1821 г., подобно Паулуччи, совѣтовалъ уничтожить масонство, какъ „главный, прямой или непрямой источникъ всѣхъ тайныхъ обществъ“, служащій имъ „образцомъ и прикрытіемъ“, уничтожить какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи вообще или, по крайней мѣрѣ, въ польскихъ ея губерніяхъ. Въ донесеніи отъ 21 августа (3 сентября) того же года онъ вновь настаивалъ на необходимости запретить въ Россіи тайныя общества, „которыя составляютъ главный источникъ всѣхъ проявляющихся демагогическихъ происковъ“. Ссылаясь на свои прежнія донесенія о масонскихъ ложахъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ находилъ въ нихъ сходство съ студенческими союзами и утверждалъ, что „масоны и университетскіе бурши —одно и то же, что они преслѣдуютъ ту же цѣль и только по имени отличаются отъ карбонаріевъ“.

Настоянія Новосильцева не остались безъ результата: масонскія ложи Царства Польскаго были закрыты 25 сентября новаго стиля 1821 г. Намѣстникъ Царства Польскаго Заіончекъ далъ такой приказъ высшему масонскому капитулу въ Варшавѣ: „нынѣшнія обстоятельства таковы, что они могутъ возбудить подозрѣнія противъ всякаго тайнаго общества, если бы даже оно собиралось съ наилучшею цѣлью. По этой причинѣ мы приглашаемъ высшій капитулъ масонства въ Польшѣ закрыть свои работы, а также закрыть работы всѣхъ ложъ на неопредѣленное время. Вслѣдствіе этого всѣ масонскія собранія въ Варшавѣ послѣ перваго, а въ губерніяхъ послѣ 15 октября текущаго года будутъ считаться противозаконными“. 17/29 сентября Новосильцевъ донесъ государю, что цесаревичъ по возвращеніи въ Варшаву вполнѣ одобрилъ принятую мѣру, и при этомъ сообщилъ, что подъ управленіемъ варшавскаго Великаго Востока [1]) находилось 44 ложи, изъ которыхъ 5 или 6—въ Литвѣ. Считая въ среднемъ по ста членовъ на ложу, [2]) онъ полагалъ общее число членовъ около 4.400 [3]).

---

[1]) Востокомъ называлось высшее управленіе масонствомъ въ странѣ.

[2]) Въ нѣкоторыхъ ложахъ бывало и больше членовъ. Такъ, въ ложѣ Сѣвернаго Щита въ 1818 году было 194 дѣйствительныхъ и отсутствующихъ членовъ *Zaleski*. O masonii W Polsce. 1889, прим. стр. XV—XXI.

[3]) Однако, изъ вѣдомости, составленномъ въ Варшавскомъ Великомъ Востокѣ, видно, что въ Литвѣ находилось подъ его управленіемъ не 5 - 6, а гораздо болѣе ложъ: въ Вильнѣ—4 ложи и два капитула (изъ которыхъ одинъ работалъ въ четвертой и пятой степени. а другой въ шестой и седьмой степени), одна ложа въ Росіеннахъ, въ Несвижѣ одна ложа и одинъ капитулъ (четвертой и пятой степени), одна ложа въ Новогрудкѣ, одна въ Слуцкѣ, въ Минскѣ одна ложа и одинъ капитулъ (шестой и седьмой степени), двѣ ложи въ Дубно, одна ложа въ Рафаловкѣ и еще необъявленная ложа въ Гродно,

2 января 1823 г. намѣстникъ Заіончекъ, въ исполненіе его постановленія отъ 6 ноября 1821 г. о воспрещеніи въ Царствѣ Польскомъ всякихъ тайныхъ обществъ, постановилъ, что „вся движимость и недвижимость, остающаяся послѣ уничтоженныхъ... тайныхъ масонскихъ и другихъ обществъ, переходитъ въ управленіе и опеку правительства“. Для отысканія и отобранія этихъ капиталовъ и завѣдыванія ими была учреждена центральная комиссія изъ 10 членовъ, которая должна была привести въ порядокъ архивы уничтоженныхъ обществъ, а объ употребленіи капиталовъ представить проектъ. 29 іюня того же года Новосильцевъ донесъ цесаревичу Константину Павловичу, что исполненіе этого предписанія намѣстника идетъ крайне медленно [1]). Пока отъ всѣхъ остальныхъ ложъ Царства Польскаго не будутъ отобраны „принадлежащія имъ вещи и бумаги“, доносилъ Новосильцевъ Константину Павловичу, „нельзя почитать масонское общество за совершенно уничтоженное“; и потому онъ настаивалъ, что слѣдуетъ отобрать у бывшихъ ложъ всякую собственность и, давъ „наличнымъ деньгамъ соотвѣтственное назначеніе“, такимъ образомъ „пресѣчь дальнѣйшія совѣщанія бывшихъ масоновъ объ употребленіи сихъ суммъ“.

Въ іюнѣ 1822 г. была оглашена, съ согласія Александра I, папская

итого 13 ложъ и 4 капитула. Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, № 1028-А. Постановленіемъ намѣстника 6 ноября 1821 г., обнародованнымъ 16 декабря 1821 г., были запрещены въ Царствѣ Польскомъ всякія тайныя общества. *Askenazy* Rosya-Polska, 98.

[1]) А именно приняты архивы (а у нѣкоторыхъ—вещи и капиталы): 1) у бывшаго верховнаго масонскаго капитула, 2) бывшаго великаго польскаго Востока, 3) быв. высшаго варшавскаго капитула, 4) быв. въ Варшавѣ нижняго капитула Ѳемиды, 5) быв. въ Варшавѣ символической ложи Славянское Единство и 6) быв. въ Варшавѣ символической ложи Постоянство. Не отобраны же вещи и архивы въ Царствѣ Польскомъ (со включеніемъ Варшавы) у четырехъ низшихъ капитуловъ и двадцати символическихъ ложъ. Вмѣстѣ съ тѣми, у которыхъ были уже отобраны архивы и капиталы, мы получаемъ всего въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ бывшаго управленія Великаго Польскаго Востока, семь капитуловъ и двадцать двѣ символическихъ ложи. Если присоединить къ этому четыре капитула и тринадцать ложъ польскихъ губерній Россіи, то получимъ всего 47 учрежденій, а не 44, какъ доносилъ Новосильцевъ государю 17/29 сентября 1821 г. Извѣстный польскій историкъ, проф. Аскенази, полагаетъ, что въ масонскихъ ложахъ Царства Польскаго было до 5000 членовъ. *Askenazy*. Rosya-Polska, Lwów, 1907, 95. Впослѣдствіи Новосильцевъ въ запискѣ 12 января 1828 г. писалъ, что въ Царствѣ Польскомъ „всѣ масонскіе архивы, масоническія украшенія ложъ, знаки, приборы и самыя книги были собраны въ одно мѣсто подъ наблюденіемъ особо учрежденной комиссіи, которая, продавъ то, что могло итти въ общую продажу, соединила вырученныя деньги съ наличными капиталами ложъ, отданными по распоряженію правительства вмѣстѣ съ недвижимымъ масонскимъ имуществомъ на богоугодныя заведенія. Прочія собственно масонскія вещи или истреблены подъ надзоромъ комиссіи, или хранятся въ вѣдѣніи правительства, какъ-то архивы для могущихъ впредь случиться справокъ“. Архивъ Главнаго Военносуднаго управленія, дѣло II отд. Аудиторіатск. департ. о маіорѣ Королевскомъ, л. 24, об.—26. Въ Польшѣ много говорили о расхищеніи суммъ, отобранныхъ у масоновъ.

булла Пія VII Ecclesiam Iesu Christo 13 сентября 1821 г., проклинающая тайныя общества вообще и карбонаріевъ въ особенности [1]).

Въ ноябрѣ 1821 г. шляхтичъ Мицканевскій подалъ въ виленскій главный судъ прошеніе съ заявленіемъ, что въ Вильнѣ есть масонская ложа, дѣйствія которой противны религіи и народу, и просилъ о взысканіи съ этой ложи взятыхъ у него въ разное время въ складку 75 р. сер., прибавляя, что онъ принадлежалъ къ ложѣ около 3 лѣтъ и вышелъ изъ нея въ 1820 году. Главный судъ нашелъ, что дѣло это подлежитъ разбору не суда, а полиціи, и препроводилъ прошеніе Мицканевскаго въ губернское правленіе, которое представило его военному губернатору Римскому-Корсакову. Одновременно съ этимъ и самъ Мицканевскій подалъ губернатору просьбу такого же содержанія, какъ и въ судъ.

Между тѣмъ Римскій-Корсаковъ получилъ увѣдомленіе отъ Новосильцева, что намѣстникъ Царства Польскаго приказалъ закрыть тамъ масонскія ложи; объ этомъ сообщено было потому, что въ Вильнѣ находились ложи, зависимыя отъ варшавскихъ, которыя еще прежде полученія увѣдомленія отъ Новосильцева были закрыты. Онъ потребовалъ документы ложъ и, „не найдя въ нихъ ничего противнаго правительству и религіи“ (какъ онъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ), все же предписалъ полиціи имѣть строгое наблюденіе, чтобы „впредь никакія секретныя собранія дозволяемы не были“.

Получивъ доносъ Мицканевскаго, Римскій-Корсаковъ приказалъ управляющему губерніей и губернскому прокурору потребовать отъ Мицканевскаго подробнаго поясненія, въ чемъ состоитъ вредъ, приносимый масонскими ложами. Тотъ отвѣчалъ, что „система франкмасоніи угрожаетъ опасностью народамъ и хулитъ противу Бога. Главная тайна масоніи состоитъ въ томъ,—учредить между всѣхъ состояній людей *вольность и равенство*, а истребить деспотизмъ или самодержавное правленіе“; масонство клонится „къ революціи подобной“ (той), „какія были во Франціи, Испаніи, Португаліи, Неаполѣ и Туринѣ, а потому очевидно“ угрожаетъ „потрясеніемъ народовъ“. „Что поступки масоновъ противны самому Богу—утверждаю, ибо они намѣрены вѣру христіанскую вовсе истребить и завести общую, такъ сказать, антихристіанскую, срывувъ обряды Спасителя нашего Іисуса Христа, не признавая его Богомъ, а мечтая вмѣсто него о нѣкоемъ великомъ строителѣ міра или иначе называемомъ еврейскомъ Богѣ Ieговѣ“. Мицканевскій жаловался на то, что масоны постановили денегъ ему не отдавать и лично его презирать, сообщалъ слова присяги масоновъ, грозящей въ самыхъ страшныхъ выраженіяхъ смертью за раскрытіе

[1]) *Zaleski.* O masonii w Polsce, стр. 43—44.

масонскихъ тайнъ, перечислялъ пять существовавшихъ въ Вильнѣ ложъ: одна провинціальная и четыре символическія [1]).

Когда объ этомъ было доложено государю, онъ приказалъ „взять всѣ бумаги масонской ложи“, о которой „доноситель показываетъ“, разсмотрѣть ихъ, и тѣ изъ нихъ, которыя могутъ заслуживать вниманія, доставить въ Петербургъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Изъ этихъ бумагъ оказалось, что когда петербургскіе масоны получили извѣщеніе въ 1817 г. о началѣ и положеніи масонства въ Литвѣ, то петербургская ложа Астреи предлагала въ слѣдующемъ году литовской ложѣ вступить въ зависимость отъ нея, но та отвѣчала, что не можетъ принять этого предложенія, такъ какъ рѣшилась остаться въ союзѣ съ Варшавскимъ Востокомъ. Остальныя бумаги касались сношеній литовскихъ ложъ съ Варшавскимъ Востокомъ и между собою. Въ одномъ письмѣ литовской провинціальной ложи было обращено вниманіе на слѣдующее мѣсто: „судя по событіямъ свѣта, въ настоящее время благо и счастіе народное не иначе можетъ быть обезпечено, какъ утвержденіемъ отечественности“ (т. е. народности, національности), „что сіе великое начало содѣлывается, съ одной стороны, натуральнымъ оплотомъ насиліямъ и неправдѣ и, съ другой, служитъ священною причиною къ распространенію между людьми всѣхъ состояній тѣхъ совершенствъ, которыя бы могли облагородить существо человѣка,—вотъ предметъ масонства, а потому намъ, польскимъ масонамъ, должно соединяться и сообразовать желанія и намѣренія наши, не ослабляя отнюдь узла существующаго, не нарушая и не истребляя единства, на снисхожденіи законнаго правительства основаннаго“. Изъ взятыхъ бумагъ видны были также сношенія литовскаго масона Нарциза Олизара, брата Густава Олизара, участвовавшаго въ кіевской масонской ложѣ (см. ниже), съ заграничными ложами и Варшавскаго Востока съ ложами Голландіи и Батавіи. Обращено было также вниманіе на печатный экземпляръ рѣчи, произнесенной 2 іюня 1817 г. въ Варшавской ложѣ Казиміръ Великій гр. Людвикомъ Платеромъ [2]). Рѣчь эта была посвящена разсмо-

---

[1]) Сообщая объ этомъ 1 февраля 1822 г. министру внутреннихъ дѣлъ, Римскій-Корсаковъ добавилъ, что Мицканевскій, бывшій передъ этимъ членомъ виленской квартирной коммиссіи, состоитъ подъ судомъ за злоупотребленія по этой должности и растрату денегъ.

[2]) Обращено было еще вниманіе на то, что въ отзывѣ Варшавскаго Великаго Востока литовской провинціальной ложѣ 1818 года по случаю представленія послѣдней, что петербургская ложа не желаетъ входить съ нею въ братскія сношенія, варшавская ложа обнадеживаетъ ее въ покровительствѣ государя императора, *какъ сочлена*. Очевидно, къ этому же инциденту относится слѣдующее мѣсто въ донесеніи Новосильцева цесаревичу Константину Павловичу отъ 3 мая 1823 г. Въ письмѣ Великой масонской мастерской великаго польскаго Востока въ великую провинціальную Виленскую ложу изъ Варшавы отъ 12 декабря 1818 г., подписанномъ гр. Платеромъ, масонское начальство

тренію равенства „одного изъ первѣйшихъ и существеннѣйшихъ началъ" масонскаго общества, равенства, которое служитъ „основаніемъ всему зданію, о коемъ великая ложа ежедневно слышитъ и которое выражается во всѣхъ обрядахъ".

„Уставы равенства", говорилъ ораторъ, „процвѣтутъ нѣкогда по истеченіи другихъ столѣтій и по наступленіи опредѣленнаго часа возсіяютъ въ возрожденіи своемъ и возвратятъ намъ первобытную невинность,. добродѣтель и счастіе". Но, чтобы достигнуть этой цѣли, нужны „ясное и основательное понятіе о равенствѣ и безпрерывное примѣненіе" его „какъ въ ложѣ, такъ и внѣ ея.—Все подтверждаетъ намъ, что свободные каменьщики суть и были всегда между собою равны... Мы не признаемъ другого властелина, кромѣ закона". Но недостаточно „видѣть брата въ каждомъ свободномъ каменьщикѣ", нужно еще „чтобы мы во всѣхъ людяхъ почитали наравнѣ человѣка,—человѣка въ багряницѣ или въ рубищѣ, за плугомъ, съ перомъ, съ орудіемъ, съ пилою, со скипетромъ или съ аршиномъ въ рукахъ, ибо онъ вездѣ есть одно и то же существо..." Въ сношеніяхъ съ высшими „должно чтить достоинство человѣка въ самомъ себѣ"; въ сношеніяхъ съ низшими—„уважать достоинство сіе въ нихъ. Не должно обольщать первыхъ подлостью, пресмыканіемъ, уничиженіемъ и отреченіемъ отъ мнѣнія своего, дабы не подвергнуться отвѣтственности предъ Богомъ и совѣстью за чинимыя ими преступленія. Не должно гордостью, надменностью и властолюбіемъ отнимать у низшаго свободу мыслить, но должно просвѣщать его, защищать и нравственно возвышать и усовершать благоразумнымъ поведеніемъ и примѣромъ. Всякъ изъ насъ имѣетъ своего слугу; многіе, проходя военное или гражданское поприще, имѣютъ подчиненныхъ; многіе также владѣютъ землями, трудолюбивыми крестьянами населенными; свободный каменьщикъ не долженъ забывать, что частный его слуга, что воинъ, подобно ему, но съ большею заслугою отечеству служащій, ибо безъ всякаго самолюбія жертвуетъ отечеству жизнью, что земледѣлецъ, тяжкими трудами котораго онъ пользуется, суть люди ему подобные, совершенно ему равныя. Небо для того допустило васъ быть свободными каменьщиками, чтобы вы съ рачительностью пеклись о благосостояніи существъ, вашему попеченію ввѣренныхъ. Трудитесь же

въ Варшавѣ старается прекратить опасенія масонскаго начальства въ Вильнѣ, возникшія по поводу учиненнаго однимъ изъ масоновъ государю императору Александру Павловичу доноса и состоявшія въ томъ, что россійское правительство намѣрено запретить масонскія ложи въ Литвѣ, на каковой конецъ здѣшнее масонское начальство увѣряетъ, „что сіе не можетъ случиться въ царствованіе государя императора Александра Павловича, однако-жъ если, паче чаянія, таковое запрещеніе послѣдуетъ, то упомянутая великая мастерская увѣщеваетъ не противиться силѣ, прекратить на время свои работы и, ожидая благопріятнѣйшихъ временъ, сохранить мастерство въ своемъ сердцѣ, оставаться между собою въ связи и слѣдовать въ семъ примѣру поляковъ, какъ послѣ гибели своего отечества, постоянствомъ и твердостью содѣйствовали къ спасенію имени и чести Польши и къ ея возстановленію». Арх. Главн. Военн-Суди. Управленія, 2 Отд. Аудит. Департ., св. 1, л. 22 об.—23 об.

въ просвѣщеніи ума, въ облагородствованіи сердецъ ихъ, поступайте съ ними ласково, если же необходимо употребить строгость, то умѣряйте ее кротостью и справедливостью. Помните всегда, что въ ту самую минуту, когда вы увлекаетесь неприличнымъ человѣческому достоинству гнѣвомъ, вы нарушаете обѣты и присягу и перестаете быть масонами. Ибо человѣкъ, свирѣпствующій надъ человѣкомъ, учинившись извергомъ, можетъ ли быть масономъ, витяземъ добродѣтели, жрецомъ въ святилищѣ человѣколюбія?.. Будемъ трудиться для человѣчества, будемъ трудиться единодушно и повсемѣстно. Будемъ уважать всѣхъ людей безъ изъятія, будемъ служить имъ безъ различія изъ одного уваженія къ человѣчеству и равенству". Но вслѣдъ затѣмъ ораторъ спѣшитъ оговориться, что „развращать порядокъ общественный, производить насильственно перевороты въ ономъ не есть намѣреніе наше, не есть обязанность наша. Общество наше... дѣйствуетъ силою чувствъ, силою убѣжденія".

Такимъ образомъ ораторъ высказывается противъ всякихъ революцій [1]). Мало того, онъ не рѣшается даже совѣтовать отказываться отъ исполненія велѣній власти, противныхъ совѣсти масона, требуя только, чтобы онъ не совершалъ преступленія по собственной волѣ. Тѣмъ не менѣе проповѣдь равенства не юридическаго и экономическаго, а, такъ сказать, нравственнаго, въ смыслѣ одинаковаго человѣческаго достоинства, показалась русской администраціи слишкомъ либеральною. Рѣчь гр. Платера была переведена директоромъ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ фонъ-Фокомъ, и переводъ этотъ былъ представленъ государю въ приложеніи къ запискѣ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланского о бывшихъ литовскихъ масонскихъ ложахъ [2]).

20 мая 1822 года Мицканевскій послалъ и на имя государя доносъ, въ которомъ говорилъ, что „подъ предлогомъ требованія денегъ раскрылъ правительству тайную цѣль секты" масоновъ, показалъ, что вообще она стремится къ уничтоженію христіанской религіи, къ низверженію троновъ и правительствъ, къ политическимъ революціямъ у различныхъ народовъ и къ великому пролитію крови. Мицканевскій умолялъ государя издать указъ, который гласно уничтожилъ бы секту масоновъ, какъ это уже сдѣлано его именемъ въ Варшавѣ въ 1821 г., а также и другими правительствами. Онъ увѣрялъ, что вслѣдствіе измѣны масонству жизни его, Мицканевскаго, грозитъ опасность, и заявлялъ, что просилъ у правительства защиты, но не получилъ ея.

На этотъ разъ послѣдствія были болѣе общаго характера. Ново-

---

[1]) Между тѣмъ въ представленной Новосильцевымъ цесаревичу Конст. Павл. описи присланныхъ изъ Вильны масонскихъ бумагъ сказано, будто въ этой рѣчи ораторъ называетъ „французскую революцію святымъ предпріятіемъ".

[2]) На запискѣ этой есть надпись гр. Аракчеева: получено отъ государя 14 декабря 1823 г. „Рус. Стар." 1907 г., № 3, стр. 542—549.

сильцевъ 23 іюля 1822 г. донесъ Константину Павловичу, что, „вслѣдствіе доноса и жалобы, поданной отъ одного изъ сочленовъ на общество вольныхъ каменьщиковъ въ Вильнѣ“ (шляхтича Мицканевскаго), государь повелѣлъ „закрыть масонскія ложи, въ литовскихъ губерніяхъ существовавшія, и принять въ разсмотрѣніе орденскія бумаги и архивы“ [1]). Въ донесеніи отъ 28 августа 1822 г. цесаревичу Новосильцевъ обращалъ уже его вниманіе на масонскія ложи Волынской губерніи; изъ нихъ ложа въ Житомірѣ находилась въ зависимости отъ петербургскаго союза Астреи, а относительно трехъ остальныхъ—въ Дубнѣ [2]), Острогѣ и въ мѣстечкѣ Рафаловкѣ—ему было неизвѣстно, принадлежатъ ли онѣ къ Великому Востоку петербургскому или варшавскому (онѣ принадлежали къ послѣднему). Новосильцевъ предлагалъ, если онѣ числятся за несуществующимъ уже варшавскимъ Востокомъ, то ихъ упразднить, за находящимися же въ союзѣ съ петербургскимъ Востокомъ усилить надзоръ; но гораздо полезнѣе было бы ихъ совершенно закрыть.

16 августа 1822 г. Мицканевскій получилъ извѣщеніе отъ генералъ-губернатора Корсакова, что по указу государя вице-губернатору Горну поручено разсмотрѣть бумаги франкъ-масоновъ. Тогда Мицканевскій 7—19 сентября 1822 г. послалъ доносъ Константину Павловичу, въ которомъ утверждалъ, что масоны имѣютъ ту же цѣль, что и неаполитанскіе карбонаріи, communeros въ Испаніи [3]) и иллюминаты въ Германіи, и что всѣ они составляютъ одно цѣлое франкмасонство. Онъ доносилъ, что вице-губернаторъ Горнъ благопріятствуетъ масонамъ, какъ объ этомъ онъ уже предупреждалъ ген.-губернатора Корсакова, и поручилъ разсмотрѣніе этого дѣла другимъ лицамъ, имена которыхъ онъ называлъ, и просилъ, чтобы ему было дозволено осмотрѣть, всѣ ли захвачены масонскія дѣла, вещи (сабли, шпаги и разные символическіе знаки) и печатные списки ложъ.

Доносъ Мицканевскаго не остался безъ послѣдствія: къ вице-губернатору Горну и мѣстному прокурору для разсмотрѣнія масонскихъ бумагъ были прикомандированы еще два лица изъ числа названныхъ Мицканевскимъ. Однако, изъ донесеній вице-губернатора и прокурора въ январѣ и февралѣ 1823 г. видно, что всей этой комиссіи не удалось найти въ бумагахъ виленскихъ масоновъ ничего существенно новаго. Упомянемъ только о черновомъ отзывѣ реформированной ложи къ братьямъ масонамъ

---

[1]) „Въ донесеніи цесаревичу отъ 23 августа 1822 г. Новосильцевъ говоритъ: „изъ переписки литовскихъ ложъ съ другими польскими оказывается вообще стремленіе къ національному соединенію, которое представляется высочайшимъ благомъ и которому стараются они подчинить масонскія свои распри“.

[2]) Мастеромъ Провинціальной ложи въ Дубнѣ былъ Густавъ Олизаръ.

[3]) Объ этомъ тайномъ обществѣ communeros, или „сыновья Падильи“, основанномъ въ 1821 г. см. *Шустеръ* „Тайныя общества, союзы и ордена“, 1907 г., II, 206—208.

по случаю постановленія, изданнаго королемъ португальскимъ и бразильскимъ съ выраженіемъ соболѣзнованія масонамъ этого королевства [1]), а также и находящимся въ Италіи [2]) и Испаніи [3]); составители отзыва утверждали, что члены общества свободныхъ каменьщиковъ заслуживаютъ не преслѣдованія и ненависти, а, напротивъ, любви и благодарности народовъ.

11 мая 1823 г. цесаревичъ Константинъ Павловичъ далъ знать Римскому-Корсакову, что тайно „съ большими предосторожностями" въ литовскихъ губерніяхъ „опять начались производиться масонскія работы". Обѣщая употребить всѣ старанія для раскрытія этого, Римскій-Корсаковъ сообщилъ, что всѣ „декораціи" уничтоженныхъ масонскихъ ложъ, сложенныя секретно въ Вильнѣ въ лютеранской церкви, онъ приказалъ сжечь, „чтобы и памяти отъ нихъ не осталось", а также велѣлъ отобрать масонскіе знаки у всѣхъ бывшихъ членовъ ложъ [4]).

V.

Въ 1822 г. настала очередь закрытія масонскихъ ложъ и во всей Россіи. Къ сожалѣнію, среди самихъ масоновъ находились люди, взывавшіе къ правительству съ предложеніемъ принять рѣшительныя мѣры относительно масонства. Таковъ былъ ген.-лейт. сенаторъ Кушелевъ, выбранный въ 1820 г. великимъ мастеромъ Астреи. Онъ находилъ, что новыя масонскія системы не соотвѣтствуютъ истинному масонскому ученію и грозятъ сдѣлать ложи гнѣздомъ атеизма и своеволія; онъ также былъ крайне недоволенъ раздѣленіемъ управленія ложами между Астреею и Великою

---

[1]) Въ 1818 году Іоаннъ VI издалъ въ Бразиліи эдиктъ противъ всѣхъ тайныхъ обществъ, включая и франкмасонство. Въ 1823 г. онъ запретилъ масонство въ Португаліи подъ угрозою пятилѣтней ссылки масоновъ въ Африку. *Гекерторнъ* „Тайныя общества", С.-Пб. 1876, 1, 287; *Findel* Geschichte der Freimaurerei, 2 Aufl, 763.

[2]) Въ Церковной Области 15 августа 1814 г. былъ изданъ эдиктъ кардинала Пакка противъ преступныхъ обществъ. „Онъ былъ направленъ преимущественно противъ франкмасонства, которое Римъ первоначально преслѣдовалъ, какъ протестанское изобрѣтеніе". Многіе масоны бѣжали, другіе были заключены въ темницы, пытка сохранилась исключительно для масоновъ. *Гервинусъ* „Исторія XIX вѣка", т. II, изд. 2-ое, стр. 39. О папской буллѣ Пія VII 1821 года противъ масоновъ и карбонаріевъ уже было упомянуто.

[3]) Съ возвращеніемъ Фердинанда VII, возстановившаго инквизицію, возобновились гоненія на масоновъ; съ 1814 года лицъ, подозрѣваемыхъ въ масонствѣ, арестовывали, отводили въ цѣпяхъ въ тюрьмы инквизиціи, и нѣкоторые изъ нихъ пропадали безслѣдно. *Findel*, 584; *Гекерторнъ* I, 286. Въ 1820 г. всѣ арестованные масоны по приказанію правительства были освобождены и закрытыя ложи открыты, но 1 августа 1824 г. Фердинандъ VII вновь запретилъ масонство. *Findel*, 761.

[4]) О польскомъ масонствѣ см. книгу *Zalèski* O masonii w Polsce. Krakow 1889; въ ней можно рекомендовать только фактическую часть, а не оцѣнку масонства.

Провинціальною ложею. Онъ желалъ преобразованія масонскаго ордена и въ іюнѣ 1821 г. отправилъ имп. Александру обширную записку, въ которой изложилъ свои взгляды. Онъ совѣтовалъ или преобразовать ложи согласно предложенной имъ программѣ, или закрыть ихъ, но не вдругъ, а постепенно [1]).

Изъ другой, позднѣйшей, записки Кушелева на имя государя видно, какъ онъ подалъ свою первую записку: „Вѣдая, что нынѣ по всѣмъ частямъ и начальствамъ имѣется множество масоновъ, и опасаясь, чтобы его донесеніе «не могло быть кѣмъ-либо открыто», причемъ онъ, Кушелевъ, легко могъ бы «заплатить» за него своею жизнью, желая также, чтобы его донесенія «вѣрнѣе и скорѣе прямо доставлено было втайнѣ въ руки государя, надѣясь, наконецъ, что его немедленно могутъ потребовать къ императору для личнаго объясненія, Кушелевъ 11 іюня 1821 г. отправился въ Царское Село и вручилъ свою записку, для передачи государю, дежурному камердинеру, но тотъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ и долженъ доложить кн. Волконскому. Послѣдній объявилъ Кушелеву, что никто пакета отъ него принять не можетъ и предложилъ подать его чрезъ статсъ-секретаря или послать по почтѣ. Кушелевъ немедленно сдалъ его на почту въ Царскомъ Селѣ, адресовавъ въ собственныя руки государю «при нарочной эстафетѣ» и возвратился въ Петербургъ. На другой день онъ получилъ чрезъ Волконскаго выговоръ отъ Александра I за врученіе пакета камердинеру. Въ письмѣ по этому поводу къ Волконскому Кушелевъ выразилъ надежду, что по прочтеніи его записки государь перемѣнитъ выговоръ въ „монаршее вниманіе“ къ нему, однако, онъ не удостоился «получить никакого изъявленія высочайшей воли» [2]).

Записка Кушелева, если и могла усилить недовѣрчивое отношеніе правительства къ масонству, то, во всякомъ случаѣ, рѣшающаго значенія не имѣла. Это видно изъ слѣдующаго факта: въ декабрѣ 1821 г. была запечатана ложа „Умирающій Сфинксъ“ Лабзина; когда петербургскій губернаторъ Милорадовичъ докладывалъ объ этомъ государю, то онъ замѣтилъ, что напрасно полиція входила и запечатывала ложу и вещи. Увидя, что это не что иное, какъ обыкновенная масонская ложа, полиція должна была оставить все въ покоѣ, и приказалъ возвратить взятую книгу про-

---

[1]) См. записку Кушелева въ „Рус. Стар.“ 1877 г., т. XVIII, стр. 456—479, 641—650, 661—664. Составленіе записки, быть можетъ, было вызвано тѣмъ, что послѣ избранія его великимъ мастеромъ въ 1820 г. на испрошенной имъ аудіенціи у управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея ему пришлось выслушать какіе-то упреки, которые Кочубей сдѣлалъ ему, „руководствуясь предшествующими приказаніями“ государя. „Сборн. ист. мат., извл. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.“ II, 36[illegible].

[2]) Гос. Арх. I В, № 12, л. 50.

токоловъ и тетрадь съ масонскими уставами, замѣтивъ, что «бумаги сіи имъ нужнѣе, нежели полиціи» [1]).

Вѣроятно, гораздо большее значеніе въ дѣлѣ закрытія масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ играли настоятельныя представленія о необходимости этого со стороны Новосильцева, которыя относились къ масонскимъ ложамъ не только западныхъ губерній, но и Россіи вообще. Нѣкоторую роль могло сыграть и представленіе Чернышевымъ въ мартѣ 1822 г. Александру I сопоставленія отдѣльныхъ параграфовъ устава Союза Благоденствія съ постановленіями иллюминатовъ. А. Н. Пыпинъ высказалъ предположеніе, что поводомъ къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи могла послужить записка, поданная въ 1822 г. на Веронскомъ конгрессѣ бывшимъ прусскимъ министромъ графомъ Гаугвицемъ, нѣкогда ревностнымъ масономъ, императорамъ Александру и Францу и королю прусскому о вредѣ масонскихъ ложъ и необходимости ихъ закрытія [2]), но это предположеніе неосновательно, такъ какъ ко времени Веронскаго конгресса, происходившаго осенью 1822 года [3]), масонскія ложи уже велѣно было закрыть и въ Царствѣ Польскомъ, и во всей Россіи. Александръ I повелѣлъ закрыть не только масонскія ложи, но и тайныя общества вообще. Это можетъ объясняться тѣмъ, что правительство, имѣвшее точныя свѣдѣнія о Союзѣ Благоденствія, получавшее доносы объ участіи въ тайномъ обществѣ тѣхъ или другихъ лицъ, называло и членовъ тайнаго общества масонами, частью, быть можетъ, потому, что многіе изъ декабристовъ участвовали въ масонскихъ ложахъ, хотя почти всѣ они со временемъ охладѣли къ нему. Такъ, напримѣръ, во время слѣдствія надъ бывшимъ офицеромъ Семеновскаго полка Вадковскимъ, по поводу волненія въ немъ въ 1821 г., желая разузнать, не участвовалъ ли кто-нибудь изъ нихъ въ тайномъ обществѣ, его спрашивали, не принадлежалъ ли кто изъ офицеровъ Семеновскаго полка къ обществу масоновъ [4]). Лица впервые услышавшія о тайномъ обществѣ, также смѣшивали его съ масонствомъ. Такъ, Гангебловъ, когда его товарищъ по корпусу Свистуновъ

---

[1]) „Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1869 г.“, стр. 26. Однако, 19 ноября 1821 г. кн. П. М. Волконскій сообщилъ секретно главнокомандующему 2-ю арміей гр. Витгенштейну волю государя, чтобы онъ обратилъ вниманіе на учреждаемыя и уже открытыя ложи въ Бессарабіи, „дабы никто изъ чиновъ 2-й арміи въ оныя не входилъ, зачѣмъ и имѣть строжайшій надзоръ“. *Н. К. Кульманъ*. „Къ исторіи масонства въ Россіи“. „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1907 г., № 10, стр. 359.

[2]) *Пыпинъ* „Матеріалы“. „Вѣстн. Евр. 1872 г., № 7, стр. 245; ср. Сочиненія Ешевскаго, III, 456—457.

[3]) *Гервинусъ* IV, 264—269.

[4]) Имп. Александру изъ записки Грибовскаго было извѣстно, что одинъ изъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, которые оба были офицерами Семеновскаго полка во время его волненія, былъ членами тайнаго общества. „Русскій Архивъ“ 1877 г. III, 426.

пригласилъ его въ 1825 г. вступить въ тайное общество, давъ на это согласіе, полагалъ, что онъ становится масономъ. Онъ считалъ масонство дѣломъ недурнымъ, такъ какъ «на масоновъ смотрятъ, какъ на людей высшей интеллигенціи, какъ на людей передовыхъ» [1]).

Могло имѣть нѣкоторе значеніе и то, что, незадолго до запрещенія масонскихъ ложъ во всей Россіи, Кушелевъ отправилъ государю новую записку (отъ 22 іюня 1822 г.). Изъ нея видно, что 4-го февраля 1822 г. онъ подавалъ вновь какое-то прошеніе на имя государя, но 3-го марта черезъ гр. Аракчеева опять получилъ выговоръ. Однако, ничто не могло ни «охладить», ни «погасить» его усердія, и онъ все сомнѣвался, дошло ли до государя его первое донесеніе, такъ какъ ему казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы на него не обратили вниманія. Поэтому въ своей новой запискѣ онъ кратко повторялъ содержаніе первой. При этомъ онъ добавилъ, что поводомъ для принятія имъ на себя управленія масонскимъ союзомъ великой ложи Астреи было то, что въ одной иностранной газетѣ онъ прочелъ слѣдующее: «Карбонаріи въ Италіи, радикалы въ Англіи, либералы во Франціи, иллюминаты въ Германіи представляютъ разновидности, измѣненныя сообразно мѣстнымъ условіямъ, но всѣ они—члены одного семейства, того семейства, которое совершило одно за другимъ убійства Коцебу, герцога Беррійскаго и желало задушить англійскихъ министровъ. Эти секты совершенно тождественны, и ихъ цѣль одна и та же—разрушать, чтобы создать заново». Подъ вліяніемъ этой статьи онъ увидѣлъ въ призваніи его къ управленію Астреею промыслъ Божій и, обрадованный такимъ случаемъ, условно принялъ предложеніе.

Сомнѣнія Кушелева, дошло ли до государя его первое донесеніе, подтверждалось, по его мнѣнію, тѣмъ, что послѣ этого донесенія „допущенъ быть великимъ мастеромъ допустившій въ ложѣ важные безпорядки, и сочинитель конституціи [2]) повышенъ производствомъ въ чинъ“. Кушелевъ въ своей новой запискѣ умолялъ государя повелѣть отыскать посланныя имъ прежде бумаги и обратить на нихъ вниманіе ради собственнаго спокойствія государя и блага отчества. Затѣмъ онъ говоритъ: „послѣ отправленія мною изъ царскосельской почты къ В. И. В—ву тѣхъ донесеній моихъ, нога моя не была ни въ одной ложѣ: на всѣ ихъ приглашенія въ оныя отзываюсь занятіемъ по гражданской обязанности моей“.

Кушелевъ нашелъ нужнымъ донести государю о слѣдующихъ фактахъ: „великая ложа Астрея получила прошеніе о позволеніи и о привилегіи на

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1886 г., II, 197—198.

[2]) Т. е. „Уложенія великой масонской ложи Астреи на В. С.-Петербургѣ“ (1815 года). Первымъ подписалъ это уложеніе „именемъ“ великой ложи Астреи“ графъ Василій Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, великій мастеръ.

учрежденіе и открытіе въ гор. Кишиневѣ масонской ложи подъ названіемъ Овидія. Я, не бывая уже болѣе въ ложахъ, не оставилъ однако послать великой ложѣ черезъ секретаря оной Веве̃ля письменно слѣдующее предложеніе: 1) прежде испрашиваемаго позволенія нужно подробно узнать о просителяхъ, имѣютъ ли они требуемое масонствомъ отличное качество и пользуются ли какъ отъ тамошняго правительства, такъ и отъ общества своего совершенной довѣренностью уваженія. 2) о возстановленіи существовавшей уже прежде въ Кронштадтѣ ложи Нептуна нужно было испрашивать высочайшее позволеніе, то тѣмъ паче вновь открывать ложу безъ высочайшаго соизволенія я почитаю невозможнымъ и, наконецъ, 3) какъ просители безъ позволенія, открывали уже самовольно ложи, сдѣлавъ имъ должное за сіе замѣчаніе, собираться и открывать ложи впредь до полученія отъ великой ложи испрашиваемаго на открытіе ложи позволенія и привилегіи запретить.—Но тотъ же секретарь Вевель, явясь ко мнѣ потомъ и увѣдомляя меня, что великая ложа Астрея опредѣлила позволить въ Кишиневѣ учредить и открыть ложу Овидія, вмѣстѣ съ тѣмъ поднесъ по предмету тому для подписанія моего и привилегію; хотя оная всѣми уже чиновниками великой ложи Астреи и великимъ мастеромъ была подписана, однако я объявилъ секретарю, что, за предложенными отъ меня черезъ него великой ложѣ замѣчаніями, позволить открытіе новой ложи, и на границѣ, я не нахожу себя въ правѣ, и потому той привилегіи я не подписалъ и не утвердилъ.—По представленному же мнѣ послѣ того тѣмъ секретаремъ о всѣхъ ложахъ союза великой ложи Астреи списку значится уже и вновь открытая ложа Овидія въ Кишиневѣ 25-ою".

Прилагая къ своему донесенію государю этотъ списокъ ложъ союза Кушелевъ Астреи, обращалъ его вниманіе на то, что со времени представленія прежней записки прибавилось въ этомъ союзѣ 372 члена, что въ союзѣ Астреи получено предложеніе объ открытіи новой ложи въ Динабургѣ, и что такимъ образомъ масоны не перестаютъ „день ото дня болѣе распложаться". Сколько членовъ въ союзѣ Великой Провинціальной ложи, Кушелеву было не извѣстно, но онъ все же замѣтилъ: „кажется, что въ томъ союзѣ имѣется много гвардейскихъ чиновниковъ; съ возвращеніемъ гвардіи возвратится много масоновъ и молодыхъ людей, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ еще не малое пріумноженіе масоновъ". Наконецъ, онъ обращалъ вниманіе государя на то, что существуютъ тайныя масонскія собранія, или „независимо отдѣльныя ложи". Въ видѣ примѣра онъ указалъ на тайную масонскую ложу Умирающаго Сфинкса Лабзина, въ которой онъ прежде и самъ участвовалъ, но гдѣ „ничего необыкновеннаго или вреднаго не замѣтилъ".

Въ заключеніе Кушелевъ говоритъ, что если не установить относи-

тельно масонства правилъ, предложенныхъ имъ въ прежней запискѣ [1]), то „полезнѣе будетъ, государь, всѣ масонскія въ Россіи ложи закрыть, какъ и были онѣ закрыты при имп. Екатеринѣ II, ибо отъ нынѣшняго ихъ положенія и образа управленія и дѣйствій... не можно ничего полезнаго ожидать, кромѣ толико же гибельныхъ послѣдствій, каковыя уже раскрылись и безпрестанно раскрываются въ прочихъ европейскихъ государствахъ, разрушая древнія мудрыя правленія, потрясая и престолы монарховъ, отцовъ и благотворителей народовъ и повергая самые народы въ неисчислимыя бѣдствія.—Но сіи же самыя ложи по предначертаннымъ правиламъ могутъ быть весьма полезны.—Всего, государь, описывать неудобно, а ежели всемилостивѣйше соизволите удостоить меня, вѣрнѣйшеподданнаго вашего, лично выслушать, я свободнѣе могу... изъяснить словесно. А какъ я при настоящемъ положеніи масонскихъ ложъ быть въ оныхъ не могу, всеподданнѣйше прошу высочайшаго вашего соизволенія мнѣ всѣ масонскія ложи закрыть, т. е. оставить“ (выйти изъ нихъ), „и въ теченіе отъ сего 8 дней самое молчаніе принять мнѣ знакомъ высочайшаго вашего на оное соизволенія, что за симъ и исполнить я не премину“ .[1]).

Возможно, что донесеніе Кушелева было однимъ изъ послѣднихъ толчковъ, побудившихъ правительство закрыть масонскія ложи во всей Россіи. О роли, которую сыграло учрежденіе въ 1821 г. масонской ложи въ Кишиневѣ, мы будемъ говорить ниже.

1-го августа 1822 года былъ данъ именной указъ гр. Кочубею о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ. Въ началѣ указа правительство ссылается на событія въ иностранныхъ государствахъ, и это заставляетъ думать, что онъ отчасти былъ вызванъ вліяніемъ реакціонныхъ мѣръ въ западной Европѣ. Но что въ этомъ же направленіи производили на имп. Александра давленіе и мѣстные обскуранты, видно изъ того, что императоръ Александръ велѣлъ сообщить указъ о запрещеніи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ архимандриту Фотію, которому въ этотъ же день былъ пожалованъ алмазный крестъ [3]).

„Безпорядки и соблазны“ (сказано было въ указѣ), „возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иныя подъ наименованіемъ ложъ масонскихъ, первоначально цѣль благотворенія имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, впослѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ и принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить“.

Въ виду того, что „отъ умствованій, нынѣ существующихъ, про-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1877 г., № 4, стр. 645—649.
[2]) Госуд. Арх. I В, № 12, л 46—54.
[3]) *Шильдеръ* IV, 251.

истекаетъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія", Александръ I предписалъ: 1) „Всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскихъ ложъ или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять". 2) „Всѣхъ членовъ этихъ обществъ обязать подписками, что они впредь не будутъ составлять ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ". 3) „Отъ находящихся на государственной службѣ потребовать откровеннаго объявленія, не принадлежатъ ли они къ какимъ-либо масонскимъ ложамъ или другимъ тайнымъ обществамъ въ имперіи или внѣ ея, и отъ участвующихъ въ нихъ взять подписку, что они впредь принадлежать къ нимъ и никакихъ сношеній съ ними имѣть не будутъ. Нежелающіе же дать подписку должны быть удалены со службы" [1]).

По полученіи именного указа о закрытіи ложъ и другихъ тайныхъ обществъ, Кочубей извѣстилъ о содержаніи его великаго мастера Великой ложи Астреи графа Мусина-Пушкина-Брюса и великаго намѣстнаго мастера Великой Провинціальной ложи Серг. Степ. Ланского.

11 августа петербургскій военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ донесъ государю, что 6 августа онъ получилъ отъ Кочубея копію съ рескрипта объ уничтоженіи масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ, а 9 августа у него былъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и заявилъ, что находитъ нужнымъ устроить собранія въ ложахъ для дачи подписокъ и производства разсчета по денежнымъ суммамъ союза. Милорадовичъ согласился лишь съ условіемъ, чтобы на этомъ собраніи не было допущено употребленія никакихъ „масонскихъ выраженіевъ, знаковъ и церемоніевъ". Милорадовичъ увѣрялъ государя, будто бы „масоны приняли объявленіе объ уничтоженіи ихъ ложъ равнодушно" [2]), однако добавилъ къ этому: „иные" (масоны) „говорятъ, что связь ихъ никогда рушиться не можетъ. Есть такіе слухи, что нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ имѣть собранія на дачахъ. Все сіе, а особливо неожиданное равнодушіе, заставляетъ меня усугубить мое вниманіе на общія ихъ дѣйствія. Всѣ же вообще непринадлежащіе къ масонскимъ ложамъ", увѣрялъ Милорадовичъ, „чрезвычайно довольны распоряженіемъ правительства". 11 августа гр. Мусинъ-Пушкинъ извѣстилъ Милорадовича, что Великая ложа Астрея и 8 зависящихъ отъ нея въ Петербургѣ ложъ закрыты. На слѣдующій день полиція донесла, что Про-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., XXXVIII, № 29151.

[2]) Изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ указаній можно заключить, что это заявленіе Милорадовича несправедливо. Другъ Милорадовича, очень популярный въ Петербургѣ художникъ Олешкевичъ, мастеръ стула работавшей на польскомъ языкѣ ложи Бѣлаго Орла, былъ „сильно огорченъ закрытіемъ ложъ". См. характеристику Олешкевича въ воспоминаніяхъ Пржецлавскаго. „Рус. Стар." 1876 г., № 7, стр. 559—566.

винціальная ложа съ четырьмя принадлежащими къ ней ложами также закрыты. Извѣщая объ этомъ государя, Милорадовичъ добавилъ, что бывшій начальникъ ея д. с. с. Серг. Степ. Ланской обнаружилъ большое огорченіе и неудовольствіе. Впрочемъ, происходило все спокойно. Собравшіеся разстались съ взаимными увѣреніями, что навсегда останутся друзьями [1]).

Въ послѣднемъ засѣданіи ложи Астреи она ликвидировала свои денежныя дѣла, какъ по исполненію своихъ обязательствъ, такъ и по дѣламъ благотворительнымъ. Мусину-Пушкину-Брюсу было поручено озаботиться воспитаніемъ двухъ молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ Годеніуса, другой, повидимому, также въ пансіонъ. Съ этой цѣлью для одного питомца былъ положенъ въ банкъ капиталъ въ 7000 рублей, для другого—5000 р.

С. Ланской, управляющій союзомъ Великой Провинціальной ложи, въ письмѣ къ Кочубею послѣ закрытія ложъ нашелъ нужнымъ пояснить, что въ ложахъ ихъ союза „не допускались никакіе политическіе толки, а всегда внушаемы были братьямъ правила, основанныя на христіанствѣ и исполненіи гражданскихъ обязанностей, нашему правленію свойственныхъ. Сношенія же съ другими тайными обществами у насъ никакихъ не бывало и имѣть ихъ воспрещалось“.

Декабристъ Штейнгель въ письмѣ къ имп. Николаю изъ Петропавловской крѣпости говоритъ: „Внезапное уничтоженіе масонскихъ ложъ повело къ тайному огорченію многихъ“. Не одобряли этой правительственной мѣры даже и нѣкоторыя лица, державшіяся весьма умѣренныхъ взглядовъ, какъ, напримѣръ, Михайловскій-Данилевскій, уже совершенно охладѣвшій къ масонству. „Масонство“, говоритъ онъ, „не имѣло въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры, потому что у насъ нѣтъ теперь общества, въ которомъ бы карты не составляли главнаго или, лучше, исключительнаго занятія. Мы еще такъ несвѣдущи въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры о нихъ могли сдѣлаться цѣлью масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами [2]); ложи были обыкновенно наполнены „людьми

[1]) Военно-ученый Архивъ. Отд. I, № 1021—А.; „Рус. Стар.“ 1877 г., № 4 стр. 650—652.

[2]) Однако, изъ числа членовъ государственнаго совѣта въ разное время принадлежали къ масонскимъ ложамъ кн. Петръ Лопухинъ, кн. Куракинъ, адмиралъ Мордвиновъ, гр. Кочубей, гр. Гурьевъ, Ланской, кн. Голицынъ, гр. Потоцкій, Сперанскій, бар. Кампенгаузенъ, но всѣ они въ послѣднее время предъ закрытіемъ ложъ не посѣщали ихъ и не были ихъ членами. Участіе этихъ лицъ, вѣроятно, относится къ первой половинѣ царствованія Александра I.

средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко (?) купцами, а болѣе всего (?) литераторами... Въ русскихъ масонскихъ ложахъ я не слыхалъ никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ о вспоможеніи бѣднымъ, о словесности и объ искусствахъ. Масонство, сближавшее особъ различнаго состоянія, было въ семъ отношеніи благодѣтельно для Россіи, гдѣ раздѣленіе гражданскихъ сословій отмѣнно много препятствуетъ развитію просвѣщенія" [1]).

Другой современникъ, Пржецлавскій, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ по поводу закрытія масонскихъ ложъ: „Ложи были какъ бы нейтральныя территоріи, какъ бы оазисы среди всеобщаго офиціальнаго застоя. Въ нихъ всякій могъ быть самимъ собою, могъ дышать и высказываться свободно; въ ихъ стѣнахъ сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія служебныя и сословныя различія". Очевидно, вовсе не освѣдомленный въ то время, какъ и Михайловскій-Данилевскій, о томъ, что извѣстная часть петербургской интеллигенціи объединилась въ тайномъ обществѣ, Пржецлавскій продолжаетъ: „Масонство составляло едва ли не единственную стихію движенія въ прозябательной жизни того времени, едва ли не единственный центръ сближенія между личностями даже одинаковаго общественнаго положенія. Внѣ этого круга общительность, какъ ее видимъ въ европейскихъ городахъ, не существовала; всѣ какъ-то чуждались другъ друга, да и не было такихъ центровъ, гдѣ можно было бы свести хотя случайное знакомство". По словамъ Пржецлавскаго, „петербургскихъ масоновъ распоряженіе правительства поразило, какъ громомъ. Они не могли привыкнуть къ мысли, что общество ихъ рушилось... Масоны собирались преимущественно между собой для бесѣдованія и сѣтованія о прошедшемъ; но кружки эти не имѣли ни характера, ни обстановки тайнаго сборища. Только прежняя солидарность между членами сохранилась, и бывшіе масоны продолжали всячески покровительствовать бывшимъ собратамъ" [2]).

Принимались нѣкоторыя мѣры для того, чтобы не допускать послѣ

---

[1]) „Русс. Стар." 1900 г., № 9, стр. 634—635.

[2]) „Русская Старина" 1874 г., т. XI, 466—468. Военный министръ 17 августа 1822 г. предписалъ командующему гвардейскимъ корпусомъ, чтобы чинами корпуса даны были требуемыя подписки; при этомъ онъ прибавилъ: „государь императоръ надѣется, что всѣ гг. военные чиновники поступятъ въ семъ случаѣ съ тѣмъ чистосердечіемъ и прямодушіемъ, какія приличны воинамъ, знающимъ правила чести, и обратятъ свое вниманіе на то, что, учинивъ присягу его величеству, они уже не свободны дать какую-либо другую присягу". Это распоряженіе должно было быть отдано не приказомъ по корпусу, а особыми извѣщеніями на имя командующихъ частями, т. е. болѣе скрытнымъ образомъ. Подписки отбирались весьма ревностно. Отобрана была подписка и отъ вел. кн. Михаила Павловича, какъ бригаднаго командира. „Русская Старина" 1907 г., № 5, стр. 270.

запрещенія масонскихъ ложъ тайныхъ собраній масоновъ. Такъ, въ сентябрѣ 1822 г. государь, хотя онъ находился въ это время за границей, изъ рапортовъ о пріѣзжающихъ замѣтилъ, что двое офицеровъ весьма часто ѣздятъ въ Кронштадтъ, и велѣлъ гр. Милорадовичу секретно разузнать, зачѣмъ они тамъ бывали. Такъ какъ въ Кронштадтѣ существовала прежде масонская ложа, то государь приказалъ „поразвѣдать, не собираются ли туда тайнымъ образомъ члены прежнихъ ложъ, или нѣтъ ли какихъ свиданій съ разными иностранцами, въ портъ сей на корабляхъ прибывающими или отъѣзжающими и къ разнымъ сектамъ принадлежащими".

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Исповѣдь.

Вмѣсто предисловія.

Милостивый государь! Вы выразили желаніе пріютить на страницахъ своего журнала „Исповѣдь“ Ивана Гавриловича Прыжова. Считая себя лишь случайной обладательницей этого единственнаго въ своемъ родѣ документа, я бы хотѣла сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ попалъ въ мои руки. Покойный Николай Ильичъ Стороженко много разъ мнѣ разсказывалъ исторію трехъ своихъ пріятелей, трехъ русскихъ неудачниковъ, учителя Р—а, филолога, историка и философа А. Г—аго и чиновника Управы Благочинія, Ивана Прыжова.

Это были люди даровитые, горячо любившіе науку и преданные своей родинѣ. По логикѣ вещей они, казалось, могли надѣяться совершить свой жизненный „циклъ“ благополучно, а, можетъ быть, и не безъ блеска. На бѣду они попали подъ колесо россійской Джагернаттовой колесницы, которая „очень просто“ стерла ихъ въ порошокъ. Р—инъ спился, Г—ій въ своей неутомимой жаждѣ счастья и воли бѣжалъ, куда глаза глядятъ. На письмахъ его къ Николаю Ильичу красуются штемпеля всевозможныхъ городовъ Европы, Америки, Мексики, Индіи. Полупомѣшанный, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, онъ вернулся на родину, чтобы умереть „ничего не сдѣлавъ“.

Печальная судьба Прыжова извѣстна немногимъ. Запутанный въ Нечаевскомъ дѣлѣ, онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Пока была жива его жена, одна изъ тѣхъ невѣдомыхъ русскихъ героинь, жизнь которыхъ представляетъ сплошное самоотверженіе, — Прыжовъ, несмотря на крайнюю нужду, еще кое-какъ держался. Послѣ ея смерти онъ окончательно палъ духомъ, запилъ и умеръ (на Петровскомъ заводѣ въ Забайкальской области 27 іюля 1885 г.)—одинокій, больной, озлобленный не только противъ враговъ, но и противъ друзей. О его кончинѣ Н. И. Стороженко извѣстилъ управляющій Петровскаго завода, горный инженеръ Аникинъ.

Н. И. очень „жалѣлъ“ Прыжова въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово народъ. Онъ считалъ, что въ лицѣ Прыжова варварски загублена крупная научная сила Н. И. никогда не забывалъ Прыжова, старался, чѣмъ могъ, облегчить его горькую долю, поддерживалъ съ нимъ переписку, посылалъ ему въ Сибирь книги, деньги и все собирался написать его біографію. Болѣзнь и постоянныя срочныя работы помѣшали этому желанію осуществиться.

Года за два до своей кончины, Н. И. отдалъ мнѣ груду рукописей Г—аго и старую, пожелтѣвшую тетрадь, исписанную своеобразнымъ почеркомъ, во многихъ мѣстахъ перечеркнутую, кое-гдѣ протертую, полную вставокъ и сносокъ. Это и была „Исповѣдь“, написанная Прыжовымъ, какъ матеріалъ для его защитника въ Нечаевскомъ процессѣ.

— Сдѣлайте изъ этого романъ, статью, драму, что хотите, — сказалъ мнѣ Н. И. — только не дайте моему бѣдному Прыжову пропасть безслѣдно.

Вмѣстѣ съ „Исповѣдью“, Н. Н. передалъ мнѣ и сохранившіяся у него письма Прыжова и его жены изъ Петровскаго завода.

Ознакомившись съ этимъ матеріаломъ, я рѣшила, что лучше всего исполню желаніе моего покойнаго друга, предоставивъ самому Прыжову повѣдать русскому обществу свою мученическую жизнь.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Р. Химъ.

* * *

Вся жизнь моя была „собачья“. Сынъ я дворянина, но отецъ мой, благороднѣйшій человѣкъ, былъ прежде крестьяниномъ въ селѣ Середниковѣ, въ 25 верстахъ отъ Москвы. (Описаніе моей поѣздки въ это село „Спб. Вѣд.“ 1861, послѣ Пасхи, статья: „Изъ деревни“). Въ этомъ селѣ барскій домъ на горѣ, а самое село подъ горой, и вотъ, когда на этой горѣ Лермонтовъ воспѣвалъ мадригалы нѣкоей Хвостовой (Зап. Хвостовой, изд. Семевскаго),

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила и т. д.

тогда въ селѣ, подъ горой, дѣло шло совсѣмъ не о „лилейномъ челѣ“, а о кнутѣ: кнутъ гулялъ еще по плечамъ моей тетки и дяди — крестьянъ, здравствующихъ и доселѣ. Говорю это къ тому, что первыя пѣсни, баюкавшія мое бѣдное дѣтство, были разсказы родныхъ о прелестяхъ крѣпостного кнута. Въ спальнѣ, гдѣ я, только-что рожденный, лежалъ съ матерью, было приготовлено для меня молоко, но оно отъ холода замерзло, и я плакалъ съ голоду, и тѣмъ началась моя жизнь. Воспитанье получилъ я по разнымъ причинамъ, нисколько не зависѣвшимъ отъ отца, самое отвратительное — хуже сына самаго послѣдняго дворника въ Петербургѣ. Отецъ мой служилъ въ Московской Марьинской больницѣ вмѣстѣ съ своимъ добрымъ пріятелемъ, докторомъ Достоевскимъ, отцомъ покойнаго Ѳ. Достоевскаго. Послѣдняго я помню немного, когда мнѣ было еще лѣтъ шесть-семь. Итакъ, изъ Марьинской больницы суждено итти въ Сибирь двоимъ, Достоевскому и мнѣ. Не знаю есть ли еще такая счастливая больница! Жертвы человѣчьи валятся здѣсь!—какъ говорилъ Гете:

Opfer fallen hier
Weder Zamm, noch Stier,
Aber Menschenopfer uberhört.

Болѣзненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малѣйшаго развитія, я былъ отданъ въ гимназію (1-ю Московскую), по-истинѣ лбомъ прошибъ себѣ дорогу и въ 1848 году кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ, съ правомъ поступленія въ Университетъ безъ экзамена. Просьбу мою о поступленіи на словесный факультетъ возвратили, объявивъ, что не принимаютъ по Высочайшему повелѣнію о сокращеніи числа студентовъ. Извѣстіе это было для меня убійственнѣе милліона арестовъ, и, дѣлать было нечего, я рѣшился поступить на время на медицинскій факультетъ, гдѣ и пробылъ одинъ годъ. Несмотря на это, я все-таки посѣщалъ Университетъ сряду три года, въ первые два года—третій и четвертый курсъ словеснаго факультета, а въ 3-й—разные курсы юридическаго факультета. Связи съ Университетомъ я не покидалъ долгое время и еще лѣтъ восемь назадъ прослушалъ у Буслаева курсъ древней русской словесности. Послѣднія отношенія мои къ Московскому Университету, окончательно оподлѣвшему, ограничились тѣмъ. что я написалъ злющую брошюру подъ заглавіемъ: „Смутное время и воры въ Московскомъ Университетѣ". (Рукопись запрещена и удержана въ Спб. Ценз. комитетѣ въ 1867 г.). Ну, что-жъ!—сказалъ я—коли не даютъ учиться въ Университетѣ, будемъ учиться дома. И вотъ учился, выучился и достигъ высшихъ степеней науки — Петропавловской крѣпости!

Чтобы было чѣмъ питаться, я отыскалъ себѣ легкую службу и возможность работать и не умереть съ голоду (я видѣлъ очень многихъ, которые лучше меня и умирали съ голоду). Я поступилъ въ Московскую гражданскую палату, гдѣ въ теченіе 14 лѣтъ за двѣ классныя должности (экзекутора и регистратора) получалъ 23 р. въ мѣсяцъ. На это я жилъ, одѣвался, покупалъ книги и даже въ концѣ-концовъ составилъ себѣ историческую библіотеку, какую рѣдко встрѣтишь у любого профессора исторіи. Нѣкую помощь давали мнѣ статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ газетахъ. Начало 50-хъ годовъ было самое жестокое для умственнаго развитія,—то было время,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо.

(Къ несчастью, благодаря московской реакціи, время это повторилось еще разъ во всей своей жестокости). Ни одной книги изъ-за границы, ни одного живого слова въ литературѣ, ни одного пріятеля, чтобы отвести душу, и если мы встрѣчались, такъ на однихъ лишь похоронахъ

Грановскаго, его жены, Кудрявцева, Гоголя и т. д., встрѣчались и дивились, что еще живы.

Занятія мои за это время шли такимъ путемъ:

Сначала я засѣлъ за европейскіе языки и вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ бытъ народа, ходя по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ губ. Московской, Тверской, Владимирской. (Однимъ изъ послѣдствій этого хожденія по народу остались у меня цѣлыя тысячи похабныхъ сказокъ про поповъ и монаховъ; я ихъ уничтожилъ накануне ареста). Тогда мнѣ страшно хотѣлось написать три вещи—а) Попъ и монахъ, какъ первые враги культуры человѣка, б) Исторію крѣпостного права, преимущественно по свидѣтельству народа и в) Исторію свободы въ Россіи. Первая была уже написана и отдана (по невинности души) въ цензуру, откуда насилу ее воротилъ. Это „Алеша Поповичъ“, историческое изслѣдованіе; черновая цѣла еще. Отъ второго я отказался, какъ отъ вещи немыслимой, а третью оставить не могъ и уже кое-что написалъ, предполагая со временемъ хорошенько обдѣлать и напечатать за границей. Мой братъ, тогда учившійся рисованію (теперь архитекторъ), нарисовалъ, по моей мысли, слѣдующую виньетку къ первой тетради исторіи свободы: кругомъ шелъ бордюръ изъ цѣпей, а по четыремъ угламъ были нарисованы висѣлица, топоръ и плаха, кандалы и плети, и... Петропавловская крѣпость. Исторію эту я сжегъ въ печи въ 1862 г., ожидая обыска по случаю ареста моихъ пріятелей Алексѣя Козлова, Челищевой, Котляревскаго (Сіи господа тогда демократничали, теперь холопствуютъ). Виньетку мой братъ, вѣроятно, помнитъ еще. Съ этихъ поръ, т. е. начала 50-хъ годовъ, ученье мое и потомъ работы продолжались неустанно въ теченіе 15 лѣтъ, могу сказать шли день и ночь. И на случай, если-бъ какая-нибудь тварь, никогда ничего не дѣлавшая, осмѣлилась замѣтить: а что-жъ онъ ничего хорошаго послѣ себя не оставилъ, — отвѣчаю подробно, тѣмъ паче, что г. адвокатъ, вѣроятно, потребуетъ не мѣшать ему говорить, ибо, если ужъ судить—такъ судить, разоблачать—такъ ужъ разоблачать со всѣхъ сторонъ до-нага.

Съ той минуты, какъ я узналъ, что всякій дикій звѣрь, всякая былинка,—извините меня—всякій дуракъ имѣетъ свою исторію, и одни народы, создавшіе европейскую культуру лишены такой исторіи, а съ этой стороны, они положительно ограблены позднѣйшими представителями умственнаго движенія, и даже такими хорошими людьми, какъ Бокль [1],—я составилъ себѣ слѣдующій планъ работъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ рус-

[1]) Бокль въ этомъ случаѣ просто запутался. Ограничивъ всю исторію однимъ лишь умственнымъ развитіемъ (о соціальномъ—ни слова), онъ въ то же время открываетъ законъ, что всѣ новыя реформы есть простое возвращеніе къ старой культурѣ, когда-то подавленной. Да чортъ ли ему въ этой культурѣ, не знавшей ни Ньютона, ни Уатта, ни Галилея!

ской наукѣ даже и словомъ не упоминалось о культурѣ русскаго народа (вѣрнѣе—славянъ) да и теперь нѣтъ ничего, да совсѣмъ не видно, чтобы скоро явилось что-либо, — тогда какъ германская наука успѣла по культурѣ славянъ накопить, а отчасти собрать (Боппъ, Поттъ. Шлейхеръ) матеріалъ. необыкновенно богатый, и я рѣшился изложить исторію моего народа, воспользовавшись всѣмъ, что по этому сдѣлали нѣмцы, и дополнивъ это своими знаніями въ русской археологіи и въ реальной жизни народа. Предполагался трудъ громадный: „Изслѣдованіе о русской (славянской) культурѣ. сравнительно съ культурой Греко-Римлянъ, Кельтовъ и Германцевъ". Было время, когда матеріалъ у меня настолько уже былъ собранъ, что я могъ приняться за изложеніе. Цѣлью моихъ трудовъ совсѣмъ не была популярность. — я объ ней и не думалъ. такъ какъ я представлялъ ее другимъ,—цѣль моя была гораздо сложнѣй и глубже, именно, на основаніи законовъ историческаго движенія—о которыхъ скажу сейчасъ — прослѣдить всѣ главныя явленія народной жизни, и каждое изъ нихъ съ первыхъ слѣдовъ ихъ существованія и вплоть до нынѣшняго дня, слѣдовательно. въ первый разъ, первому дать возможность государству опознаться. оріентироваться въ томъ. что было, что есть и чему должно быть, на основаніи умственно-соціальнаго уровня. Позволю себѣ думать, что подобная смѣлость не только была по силамъ мнѣ, но даже отчасти была исполнена. Матеріалъ у меня собранъ былъ настолько, что я уже могъ его распредѣлить, именно на шесть большихъ томовъ (отъ 40 до 50 печат. лист.), именно: въ 1) народныя вѣрованія (въ первые дни культуры, въ среднихъ вѣкахъ, теперь); 2) соціальный бытъ (хлѣбъ и вино, община и братство, поэзія, музыка и драма); 3) исторія русской женщины; 5) секты, ереси, расколы и 6) Малоросія. Мысль, которая проходила сквозь эти труды, выработана была изъ долговременнаго изученія фактовъ. Честное изученіе фактовъ историческихъ само собою привело къ изученію міра естественнаго, для того, чтобы—по словамъ Фохта—„ближе изслѣдовать человѣческую природу и въ изученіи ея найти прочное основаніе для дальнѣйшаго прогресса". (Ф. „О человѣкѣ въ мірозданіи", стр. 1). Извѣстно ходячее мнѣніе, особенно у насъ, что прогрессъ исторіи управляется единственно умственнымъ развитіемъ и больше ничѣмъ, — это — оптическій обманъ, заблужденіе, хотя и совершенно понятное въ Англіи, странѣ умственной аристократіи, возникшей при особыхъ условіяхъ, но ужъ никакъ не приложимое къ реальной исторіи міра. Движеніе человѣчества управляется тѣми же законами, какъ и жизнь остальнаго животнаго міра. Изслѣдуя міръ животныхъ, мы находимъ въ немъ не только развитіе умственныхъ способностей, но еще другую, совершенно особую отъ нихъ, самостоятельную, дѣятельную силу, — именно соціальное направленіе,—въ

общихъ чертахъ прирожденное какъ животному, такъ и человѣку. Но оба эти двигателя животнаго міра, каждый отдѣльно, находятъ представителя въ извѣстной особи—въ одной особи рѣдко соединяются: они соединяются въ первый разъ въ человѣкѣ. Вникая въ первоначальное возникновеніе исторической жизни, мы видимъ рѣшительно у всѣхъ историческихъ племенъ, будетъ ли это сплошное, цѣлое племя, какъ славянское, или обломокъ какого-нибудь племени, какъ, напримѣръ, часть сѣверныхъ германцевъ, заселившихъ Исландію, или, наконецъ, это племя, подавленное съ самаго начала судьбами исторіи, какъ прекрастное племя Кельтовъ, у всѣхъ у нихъ мы встрѣчаемъ одно, именно, что они открываютъ свою историческую жизнь и вырабатываютъ свою культуру, управляясь двумя непремѣнными дѣятелями,—умственнымъ развитіемъ и соціальнымъ движеніемъ, дѣятелями совершенно независимыми другъ отъ друга, но взаимно помогающими человѣку въ его культурѣ, дающими равновѣсіе текущей жизни. Это законъ историческаго движенія человѣка. Обойти его, миновать — нельзя, иначе уродство: доказательство — современная Европа и Россія (судъ). Поэтому-то и всякая первобытная культура, несмотря на всю простоту своей основы, представляетъ намъ необычайно полное и цѣльное, свободное и здоровое развитіе жизни, и если бы мы не знали, что человѣкъ осужденъ итти прогрессивно впередъ (не идетъ — такъ потащутъ силой!), мы назвали бы эту жизнь идеально прекрасной. Затѣмъ подъ этимъ первымъ періодомъ культуры, хотя и совершено первобытнымъ, создавшимъ, однако, почти всѣ главныя основы, на которыхъ зиждется послѣдующая жизнь народа, можно провести черту (и она вездѣ проведена), за которой эта первобытная жизнь является разгромленной, подавленной деспотизмомъ [1]) того или другого сорта, утратившей всякое равновѣсіе, и здѣсь открывается новый періодъ развитія—средневѣковая борьба съ деспотизмомъ. Кто же ведетъ эту борьбу? Такъ какъ соціальная жизнь народа въ это время совершенно подавлена и почти не существуетъ, то борьбу ведетъ умственное развитіе, которое, при случаѣ, находитъ опору въ взволнованныхъ массахъ народа (революц. бунтъ). Эта борьба, предводимая умственнымъ развитіемъ, къ которому потомъ присоединился соціализмъ, исписала страницы исторіи безсмертными подвигами, но она все-таки была явленіемъ случайнымъ, нисколько не нормальнымъ, а потому безвыходнымъ, такъ какъ соціальная жизнь тутъ участвовала не какъ дѣятель, а какъ мертвое орудіе. (Отсюда ругательства радикаловъ на народъ, что это—подлая толпа). Гервинусъ, напримѣръ, прямо сознается, что вся задача 19 столѣтія,—это какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ среднихъ вѣковъ, т. е. отъ времени,

[1]) Подъ „деспотизмомъ“ вездѣ разумѣются, конечно, разлитыя преграды, которыя задерживаютъ народную жизнь, какъ-то: обычай, рутина и т. д.

когда, среди раздавленной соціальной дѣятельности народовъ, борьбу съ деспотизмомъ ведетъ одно лишь умственное развитіе съ его дѣтищемъ— соціализмомъ, т. е. соціальнымъ ученіемъ. Періодъ этотъ, т. е. возстановленіе соціальной работы, малъ, приближается или долженъ приближаться... Благодаря позднѣйшему великому умственному (и соціальному) развитію, которому старая исторія человѣка не представляетъ ничего подобнаго,— прошедшая жизнь человѣка освѣщена: открылось, что умственная сила, какъ единственный дѣятель, какъ господинъ прогресса, должна сложить съ себя всѣ знаки власти и больше ужъ не мѣшаться въ соціальное движеніе массъ, такъ какъ опыты ея устроить человѣческую жизнь — неудобоисполнимы (совр. Франція), потому что неестественны, потому что насколько высоко соціальное ученіе съ умственной стороны, настолько же вредно, когда оно обращается къ практикѣ, — это тотъ же деспотъ, который вертитъ по своему народную жизнь, безсильный сдѣлать что-либо доброе, на основаніи закона природы, что все соціальное (въ народѣ и въ животномъ мірѣ) вырабатывается не иначе, какъ общею соціальною жизнію тѣхъ или другихъ дѣятелей... Итакъ, рано или поздно, а долженъ быть возстановленъ поруганный законъ о равновѣсіи умственной силы (соціализмъ, ересь, вѣра или деспотизмъ—все равно) и соціальнаго движенія массъ. Внѣ этого—одна лишь вѣчная канитель, безплодная борьба, внѣ этого не могутъ существовать ни правительства, ни народы, ни само умственное развитіе во всей его полнотѣ. Европейское сознаніе къ этому и пришло, и Бокль съ свойст. ему геніемъ указалъ уже законъ позднѣйшей европейской цивилизаціи: всякая мѣра относительно народа, всякая реформа должна быть ничѣмъ инымъ, какъ честнымъ возвращеніемъ къ тому, что нѣкогда выработалось въ свободномъ союзѣ умственнаго развитія и соціальнаго движенія—разума и свободы. Ergo: разумъ и свобода жизни. (Иначе—бѣда всѣмъ. Неправильная жизнь влечетъ за собой и всѣ неправильныя послѣдствія... (судъ), и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, тѣмъ безвыходнѣе. Герценъ, столь страшный нѣкогда, въ послѣднее время совершенно отсталъ съ своимъ національнзмомъ, такъ какъ успѣло вырасти новое ученіе радикальное. Послѣдствія его—теперешній судъ. Ученіе это страшно и, пожалуй, скверно, но если дѣла пойдутъ по старому, то оно, въ свою очередь, явится невиннымъ, а на мѣстѣ его будетъ что-нибудь пострашнѣе. Итакъ, казнить теперешнихъ радикаловъ—такое же преступленіе, какъ Николай, показнившій Герцена: то и другое было создано не ими самими; такъ чѣмъ же они виноваты? Такъ нельзя ли, вмѣсто того, чтобы только бить, отнестись по-человѣчески, и это пора: передовые радикалы скоро перещеголяютъ Нероновъ. Между тѣмъ, будь живъ Герценъ, онъ, пожалуй, могъ опять поступить на Русскую службу...) Это ученіе—все. Многіе, какъ,

напр., Кери или почтенный авторъ книги „о свободѣ печати", стр. 25—163—4 по 2 изд., кругомъ вертятся около этого ученія, но выговорить его не въ силахъ. Изъ него видно, что по основнымъ убѣжденіямъ своимъ я не радикалъ, даже не соціалистъ. (Хотя отъ этого деспотизму нисколько не теплѣй). Ученіе очень просто и потому-то оно непонятно, и потому только я одинъ ему слѣдую—другого такого указать не могу.

Но и такой суровый трудъ, предлагавшій одни лишь памятники прошедшей и настоящей жизни, оказался для цензуры дѣломъ не подходящимъ,—такъ страшно одно простое прикосновеніе къ народу. Изъ этого въ рукописяхъ Прыжова кое-что осталось, но въ печати онъ не оставилъ почти ничего. Причины этому слѣдующія. Знанія, которыми въ эту минуту обладаетъ Прыжовъ, необыкновенно велики, — разумѣется, относительно русскихъ ученыхъ, а никакъ ужъ германской науки. Достались ему эти знанія страшно дорогой цѣной, такъ какъ въ настоящее время, чтобы быть историкомъ, надо для этого имѣть по-истинѣ громадныя средства, быть богатымъ, какъ Бокль или лордъ Маколей, а иначе—и не мечтай что-либо сдѣлать; но Прыжовъ вѣчно былъ нищъ, вѣчно боялся завтра умереть съ голоду, а отсюда, по милости занятія наукой, милліоны оскорбленій, униженій, какихъ и каторжный подчасъ не испытывалъ. Я всегда писалъ только ради хлѣба. Сколько могу припомнить, я помѣщалъ статьи у Каткова, въ (прежнихъ) „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (К—ка, уволеннаго тогда изъ университета, какъ вольнодумца), въ „С.-пб. Вѣд." у Краевскаго, потомъ въ „Современномъ Словѣ" (газета) и затѣмъ въ „Голосѣ" (постоянно), въ „Нашемъ Времени" (Павлова), въ „Развлеченіи" (Миллера), въ „Московской Газетѣ" (Бочарова). Изъ журналовъ: въ „Филологическихъ Запискахъ" и въ „Вѣстникѣ Европы". Изъ одной статьи, помѣщенной въ газетѣ Павлова, образовалась брошюра: „Житіе Ивана Яковлевича" (нѣтъ въ продажѣ), которая помогла мнѣ открыть цѣлый міръ неслыханнаго фанатизма, невѣжества и разврата, какого не найдешь и у дикарей, и все это на лонѣ московскаго православія. Я и прежде зналъ много кое-чего, но теперь ужаснулся, и чтобы окончательно изслѣдовать этотъ міръ, я облекся въ рубище, въ суму и съ цѣлой ордой ханжей (штукъ 150), и въ томъ числѣ дѣвочекъ, сманенныхъ ханжами для продажи, пошелъ въ походъ по монастырямъ. (Указано кратко въ книжкѣ 26 юрод., стр. 68). Тутъ было жесточайшее пьянство, богохульство, явная торговля невинностями, фанатическія рыканія, пѣсни, молитвы, истерики, чтенія писаній и колдовскія заклинанія. Послѣдствіемъ этого была книжка о юродивыхъ, о которой скажу далѣе...

Какъ-то нечего было мнѣ ѣсть; я собралъ свои замѣтки о нищихъ, накиданныя на клочкахъ, большихъ и малыхъ, взялъ клею, склеилъ эти

замѣтки и такимъ образомъ (ей Богу не вру) сочинилъ книжку „Нищіе на Святой Руси“. Рукопись продалъ я на Никольской типографщику Смирнову за 25 руб.; онъ напечаталъ 2000 экземпляровъ, можетъ, и больше, пустивъ каждый по 50 к. Изданіе распродано все. Другой разъ случилось голодать (на госуд. службѣ!): я собралъ свои замѣтки о юродивыхъ, помѣщенныхъ (безъ моей фамиліи) въ „Развлеченіи“, и у меня образовалась книжка: „Двадцать шесть московскихъ юродивыхъ“. Рукопись предложилъ купить Салаеву, просилъ 15 руб. — не даетъ; просилъ 10 руб. — не даетъ, просилъ 5 р. — не даетъ (онъ былъ въ числѣ озлобленныхъ за поношеніе великаго угодника Ивана Яковлевича). Тогда, бѣшеный отъ досады, я пошелъ въ книжную лавку Прѣснова и подарилъ ркп. приказчику его Николаю Баркову. — „Пожалуйте рюмочку, что вы мнѣ дарите“, просилъ Барковъ. Я далъ. Книжка отвратительно издана въ 2000 экз., пущена по 1 руб. сер., вся распродана, и я, конечно, не получилъ ни гроша. (Книжку эту при семъ прилагаю). Работы мои по исторіи все-таки подвигались дальше и дальше, преодолѣвая всякія невзгоды и затрудненія. Работать можно, когда есть „досугъ, необходимый для психическаго развитія“, когда мысль можетъ спокойно развиться и созрѣть; этого досуга я никогда не зналъ. Работать еще можно, когда есть подъ руками историческіе журналы, какъ въ Германіи (безчисленные Jährburcher, Zeischriften), гдѣ можно-бъ помѣщать свои работы по мѣрѣ движенія ихъ;—когда есть покрайности люди, съ которыми можно было посовѣтоваться, объясниться—споро идетъ одинъ трудъ соціальный,— у меня этого ничего не было. Правда, имѣлъ я дѣло съ нѣкоторыми московскими археологами, которые, идя за исторіей народа, сбираютъ разный навозъ, да няньчаются съ своими несчастными самолюбьицами, но они мнѣ, кромѣ зла, ничего не дали: тупоуміе этихъ людей выше всякой мѣры... Одинъ, самый лучшій изъ нихъ, увидавъ, что я ссылаюсь на Дрэпэра (Ист. Умств. Разв.) замѣтилъ: „какъ это не стыдно мнѣ“. Наконецъ, не легко давался самый трудъ, гдѣ предметомъ была вѣчно-страдальческая участь народа, особенно великорусскаго, не видавшаго въ своей жизни ни единаго свѣтлаго дня, ни единой свободной минуты, почему понятна и тяжелая доля, постигавшая всѣхъ русскихъ историковъ, которые хоть чуточку касались исторіи народа. Пассекъ—сосланъ, Надеждинъ—сосланъ, Костомаровъ—едва не погибъ въ ссылкѣ, Павловъ—погибъ, Щаповъ—сосланъ, Потебня—погибъ, пришлось погибнуть и Прыжову. Боже, что это за несчастіе виситъ надъ Россіей! (Проговорите поскорѣй, чтобы прокуроръ не успѣлъ схватиться). Неимовѣрно тяжело было работать тѣмъ болѣе потому,—говорю искренно—что я хотѣлъ собрать въ одно цѣлое не только археологическіе факты, но и всѣ слезы, всю кровь, весь потъ,

пролитые когда-либо народомъ,—собрать и высчитать, на сколько вынесетъ это наука счисленія! Что это не фраза—доказательствомъ выписки и вырѣзки о разныхъ родахъ, способахъ и видахъ людей, умершихъ отъ пьянства съ 1863 года (они остались у нѣкоего Мих. Ник. Лаврова, управляющаго Университетской типографіей въ Москвѣ. Я ему продавалъ мою исторію кабаковъ, но онъ испугался). При этомъ должно принять къ свѣдѣнію, что все, что бы ни писалъ я до нынѣшняго времени, не имѣло бы ровно никакого успѣха, именно потому, что я не радикалъ. На ярмаркѣ тщеславія шло только радикальное, а потому о многихъ добрыхъ книгахъ, напр., „о законахъ печати“, едва упоминали и то съ насмѣшкой. При такомъ положеніи опустились бы руки у самаго геніальнаго человѣка (упомяните о семъ). Посмотримъ, какъ отнеслась бы ко мнѣ сторона правительственная... Она отнеслась еще хуже. Хуже всего было то, что многія изъ работъ Прыжова были какъ бы отвѣтомъ на реформы и перевороты настоящаго царствованія, и за каждый изъ нихъ, касавшійся народа, Прыжовъ слѣдилъ по памятникамъ, мечтая — говорю вамъ, какъ истинно вѣрноподданный—внести посильную пользу въ общее благо... Когда только еще приготовлялось польское возстаніе, Прыжовъ рѣшился прослѣдить исторію Польши и Руси, со стороны народовъ, и внести хоть нѣсколько свѣта въ путаницу польско-русскихъ отношеній; но послѣ исторіи съ „польскимъ вопросомъ“, это оказалось невозможнымъ, и отъ всей работы осталась замѣтка о ляхахъ, вошедшая въ мою исторію питейныхъ откуповъ. Задумали земскія учрежденія, и Прыжовъ отправился въ Петербургъ, чтобы въ Публич. Библіотекѣ дополнить мои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и изложить исторію земства, отъ перваго появленія этого слова на Руси и, пожалуй, до закрытія петербургскаго земскаго собранія, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ даже „День“ славянофиловъ и тотъ не могъ говорить объ этомъ свободно, и отъ всего труда осталась одна лишь „Исторія мѣщанъ“, но и она запрещена московской цензурой, гдѣ удержана самая рукопись, такъ что трудъ пропалъ окончательно. А къ чему пришли земскія учрежденія—извѣстно! Моя „Исторія питейныхъ откуповъ“ была почти готова ко времени питейной реформы 1863 года, но никто не рѣшался ее издать, и только въ 1858 году, сокративъ книгу (изуродовавъ) почти на половину, я нашелъ возможность продать ее Вольфу за 250 р. Онъ напечаталъ 2000 экз. (можетъ, и болѣе), цѣной за каждый по 2 р., а со времени моего ареста по 2 р. 50 к. Въ послѣднемъ свидѣтель жена. Проданъ Вольфу одинъ томъ, осталось еще два. Они касались кабацкаго быта, т. е. жизни въ этихъ народныхъ клубахъ, жизни, описанной съ мельчайшими подробностями, гдѣ начинались всевозможные бунты и волненія съ Разина и до 19 февр. 1861 г. Но пе-

чатать теперь такую книгу—значитъ донести на народъ, значитъ отнять у него послѣдній пріютъ, куда онъ приходитъ съ горя—и я сжегъ эти два тома. Остались нѣкоторыя черновыя замѣтки. Между тѣмъ отъ этого труда я разсчитывалъ нажить громадныя деньги, даже и тогда, если бы изъ полмилліона (sic) русскихъ кабаковъ 1000-я доля купила мою книгу. Неудача эта подорвала меня окончательно, и книга издана во всемъ безобразіи черновой рукописи, подъ именемъ „Исторія кабаковъ въ Россіи". Прочесть ее—нѣтъ средствъ. Но за то—говорю вамъ—это былъ первый у насъ капитальный трудъ, указывавшій на царственную иниціативу реформъ настоящаго времени... Къ чему привела эта реформа — извѣстно. Понятно теперь, почему ни Прыжовъ, или кто-нибудь другой (такихъ не было) въ послѣдніе 20 лѣтъ не издали ничего по исторіи народа. Это было невозможно, такъ какъ исторія народа крайне некрасива, а уровень нашихъ общественныхъ воззрѣній такъ низокъ или дошелъ до крайняго предѣла (радикализмъ), что онъ ничего не имѣетъ общаго даже съ самыми нетребовательными воззрѣніями Джона Стюарта Милля. Такимъ образомъ труды, предпринятые для пользы всего государства, запрещались чисто сдуру, что ставило Прыжова въ глубоко-безвыходное и крайне-оскорбительное положеніе. Напрасно стали бы указывать на нѣкоторыя (одинъ или два) довольно свободно написанныя сочиненія о положеніи русскаго народа, хоть, напр., на трудъ Флеровскаго о состояніи рабочихъ сословій: но это трудъ чисто политико-экономическій, въ немъ собраны одни лишь результаты, правда, всѣ крайне печальные, но попробуй кто-нибудь разсказать, какъ, откуда и благодаря чему произошло и развилось все это,—сочиненіе было бы преступнымъ. Изъ всего, что только было напечатано Прыжовымъ, цѣлая половина была урѣзана цензурой, или имъ самимъ, другая же половина являлась исковерканной. Наконецъ, живи Прыжовъ въ Петербургѣ, ему несравненно легче было бы печатать, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ цензура была и осталась ужасною. Въ Моск. Ценз. Ком., вѣроятно, помнятъ еще борьбу Прыжова, изо дня въ день въ теченіе первыхъ годовъ его дѣятельности, а затѣмъ пришлось махнуть рукою. (Нѣсколько свѣдѣній о послѣднемъ жестокомъ походѣ цензуры, см. „Библіографъ„, 1869, конецъ статьи о цензурѣ). Но цензуру Прыжовъ не обвиняетъ: она не вѣдала что, кого и за что давитъ и что можетъ выдавить. Все это вмѣстѣ ставило Прыжова между двухъ огней—радикализма и правительства: ни ему, ни сотнямъ, подобнымъ ему, выхода не было. Все это мало-по-малу убивало у Прыжова энергію дѣла (наконецъ, и убило), силы его мало-по-малу подламывались, хотя въ частности каждое оскорбленіе, каждая преграда дѣйствовала необыкновенно возбудительно. Въ концѣ всего обстоятельства довели до того, что, можетъ быть, цензура и пропу-

стила, но она навела такой страхъ, что на каждомъ шагу можно было ждать ея козней, а потому опускались руки и у автора, и у издателей. (См. Законы о печати, изд. 2, стр. 77). Послѣднимъ большимъ трудомъ, который предпринялъ (въ 1866) Прыжовъ, была „Исторія малорусской словесности съ 11-го вѣка до настоящаго дня“. Цѣлью ея было внести въ исторію русской словесности указаніе на такія благодарные и могущественные элементы, которыхъ наши ученые и не подозрѣвали. Предметъ былъ отлично извѣстный Прыжову, совершенно новый, истинно завлекательный свѣжестью идей, необыкновенно важный: автору онъ долженъ былъ принести извѣстность и деньги. Но трудъ оказался невозможнымъ, и Прыжовъ ограничился тѣмъ, что сухой конспектъ первыхъ главъ помѣстилъ въ журналѣ „Филологическія Записки“, но и этотъ сухой конспектъ былъ почти на половину урѣзанъ цензурой. Захваченный этимъ, какъ говорится, за живое, Прыжовъ все урѣзанное вставилъ снова въ печатный оттискъ своей статьи и отослалъ во Львовъ (Lemberg) для помѣщенія въ малорусской газетѣ Prawda. Прыжовъ счелъ долгомъ откровенно указать на это при слѣдствіи.—Затѣмъ Прыжовъ больше ничего не писалъ, исключая того времени, когда, поступивъ въ контору желѣзныхъ дорогъ и имѣя въ виду, что придется, м. б., объѣхать весь югъ, онъ рѣшился (была нужда) послать статью въ Моск. Вѣд. (1868), которая и помѣщена въ „Современной Лѣтописи“, подъ заглавіемъ „Отъ Петербурга до Москвы“; но вторую статью Катковъ не только не пропустилъ, но сожралъ. Наконецъ, (наконецъ-то!) самой послѣдней статьей, хотя и нигдѣ не напечатанной, Прыжовъ считаетъ свое письмо о Тургеневѣ, которое онъ послалъ уже изъ крѣпости на имя предсѣдателя общества вспомоществованія литераторамъ... Хорошаго Прыжовъ не оставилъ ничего—не дали. Все, напечатанное имъ, ничто иное, какъ „пѣсня подобная стону“. Чувствуя, что ужъ долго не маяться на свѣтѣ, Прыжовъ въ 1867 г. съ помощью писца собралъ часть своихъ замѣтокъ, отчасти нѣсколько отдѣльныхъ, отчасти—въ сыромъ видѣ, подъ именемъ „Быта русскаго народа“. Онъ теперь у его жены. Рукопись эта вмѣстѣ съ кардонками и другими бумагами была внимательно просмотрѣна московскимъ прокуроромъ (неизвѣстно кѣмъ), — не сочтетъ ли нужнымъ г. адвокатъ попросить этого прокурора сообщить о рукописи свое искреннее мнѣніе... Поэтому напрасно почтенный авторъ „Законовъ о печати“ плачется, что „реформы не вызвали въ достаточномъ числѣ къ дѣятельности энергическихъ и умственно-сильныхъ людей, что очень рельефно обнаружилось во время польскаго возстанія“ (стр. 141—2, по 2 изд.). Люди эти были задавлены.

Между тѣмъ Прыжовъ продолжалъ служить въ гражданской па-

латѣ до тѣхъ поръ, пока не закрыли. Сначала, чтобы имѣть средства работать, онъ ежегодно ѣздилъ въ Петербургъ для занятія въ Публичной Библіотекѣ. По поводу одной изъ такихъ поѣздокъ онъ помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1861) статью „Петербургъ и Москва“, гдѣ, обозрѣвъ тогдашнее блестящее состояніе Публ. Библ., университета въ Спб. и отчасти академіи, съ торжествомъ предсказывалъ будущее широкое движеніе русской мысли... (статья, крайне испорченная въ корректурѣ, а прежде въ редакціи, вышла отд. оттискомъ; есть въ Публ. Библ.). Отвѣтъ на эту статью барона Корфа въ „Сѣв. Пчелѣ“ того же года... Но подобныя поѣздки далеко были не по карману, но Прыжовъ рѣшился найти мѣсто въ Петербургѣ, чтобъ быть поближе къ Публ. Библіотекѣ. Поэтому одна дама—благороднѣйшая женщина, хорошо знавшая Прыжова, именно фрейлина Евгенія Лачинова—дала ему изъ Москвы письмо въ Петербургъ къ своимъ близкимъ роднымъ—къ Ланскому (мин. вн. дѣлъ), къ министру финансовъ (не помню фамилію—кажется, Шихматовъ) и къ гр. Толстому (прок. свят. син.), но первый, продержавъ въ ноябрѣ три часа въ холодной залѣ на Аптекарск. Островѣ, хлопнулъ дверью и ушелъ, — второй сдѣлалъ почти то же, а третій послалъ его къ своему правителю дѣлъ, но сей безцеремонно потребовалъ за мѣсто 1000 рублей... Чтобъ получить побольше средствъ къ жизни хотя бы въ Москвѣ, Прыжовъ однажды попробовалъ явиться на моск. дворянскіе выборы; больше половины дворянъ знали его съ хорошей стороны, но его не выбрали,—выбрали вмѣсто него человѣка, поставлявшаго барышенъ разнымъ высокимъ лицамъ и вора казенныхъ денегъ (нѣкоего Герасимова, теперь умершаго). Статья Прыжова объ этихъ выборахъ запрещена въ мин. вн. дѣлъ, но корректурный листъ, исписанный всевозможными запретительными надписями, отданъ, какъ курьезъ, на храненіе Бартеневу, въ моск. чертковскую библіотеку. Во время этихъ выборовъ на ступенькахъ лѣстницы, около избирательнаго стола, такимъ милымъ человѣкомъ сидѣлъ извѣстный Михаилъ Петровичъ Погодинъ; Прыжовъ, по невинности своей души, попросилъ его содѣйствія, но Погодинъ, ходя по залѣ, говорилъ всѣмъ: „не выбирайте—это негодяй“.—Такъ потомъ разсказывали Прыжову.

Работа Прыжова между тѣмъ шла, но трудъ пропадалъ, особенно начиная съ 1862 года. Въ прежнее время онъ постоянно писалъ въ „Голосѣ“, давая отчеты о новыхъ книгахъ, по его предмету, и объ университетскихъ диспутахъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе дѣлались вопросы общественной жизни, такъ что, наконецъ, совсѣмъ пришлось прекратить корреспонденцію въ „Голосъ“. То была новая потеря, потому, если счесть статьи, которыя хоть каждый день Прыжовъ могъ посылать въ газету, да прибавить къ нимъ брошюры, постоянно готовыя у него по разнымъ предме-

тамъ (исключая уже цѣлыя книги), все это могло составить, по самой крайней мѣрѣ, сто журнальныхъ статей въ мѣсяцъ по 20 руб. за каждую; и онъ могъ получать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по 20 т. руб. сер. въ годъ. Эти суммы не существуютъ для него! Кто ему отдастъ ихъ!—Финансовыя и другія дѣла Прыжова были плохи, и, послѣ одной поѣздки въ Петербургъ, онъ пріѣхалъ въ Москву и утопился. Началось дѣло объ этомъ, но прекращено по ходатайству его знакомыхъ. (Все это дѣло сохранялось у меня до ареста, теперь не знаю гдѣ. Спросите у жены). Въ послѣдніе годы Прыжову явилась громадной поддержкой дѣвушка, на которой онъ женился,—украинка, урожденная Мартосъ, рѣдкая женщина, какихъ Прыжовъ не встрѣчалъ въ теченіе всей своей жизни. Вмѣсто его неустроенной квартиры, гдѣ, кромѣ книгъ, почти ничего не было, жена устроила добрую хату, радостно вбивая гвоздики въ стѣну, въ полной надеждѣ, что строитъ домъ мужу и себѣ,—мужу и себѣ пріобрѣтаетъ покой... Между тѣмъ надежда на «Исторію кабаковъ» лопнула окончательно съ продажей книги Вольфу въ 1867 г.; Прыжовъ вошелъ въ долги, даже разсчитывая на будущія выгоды—истратилъ чужія деньги (нѣкоего Новосильцова). Ему предлагали взять какое-нибудь мѣсто въ Мин. Нар. Просв., но патріоты туда пихали только своихъ, или въ земскихъ учрежденіямъ, гдѣ должны быть дороги люди, но здѣсь уже господствовала своего рода цѣлая голодная армія, кричавшая: „жрать!“ Тогда Прыжовъ рѣшился кинуть пока науку и заняться только добычею хлѣба. Онъ сложилъ свою библіотеку въ анбаръ гостинаго двора, а самъ въ концѣ 1867 г. поступилъ въ частную контору по желѣзнымъ дорогамъ. Дѣла по желѣзнымъ дорогамъ были самыя горячія, шла работа необыкновенно сложная; черезъ руки Прыжова ежедневно проходили десятки тысячъ рублей и болѣе; простая ошибка его могла совершенно погубить все состояніе его хозяина,—а Прыжовъ едва зналъ ариѳметику: онъ отказался отъ мѣста. На другой день, какъ онъ оставилъ занятія по желѣзнымъ дорогамъ, онъ по обычаю всталъ рано, какъ привыкъ вставать въ теченіе 20 лѣтъ, тотчасъ принимаясь за работу, но работы не было,—не было ни книгъ, никакого занятія, въ цѣломъ мірѣ дѣлать ему было нечего, а между тѣмъ дома нужда, невыносимо-тяжелое положеніе относительно жены безъ средствъ, но важнѣе всего тяжкая потребность имѣть дѣло—безъ дѣла онъ не могъ пробыть ни единаго дня, ни единаго часа. [Тюрьма, говоритъ авторъ „О законахъ печати“ вовсе не болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ невозможность зарабатывать себѣ хлѣбъ (154)]. И вотъ по привычкѣ ежедневно вставать рано, торопясь одѣться, онъ торопился уйти и уходилъ... невѣдомо куда. На вопросъ своего адвоката, куда уходилъ Прыжовъ и гдѣ бывалъ съ этихъ поръ и до ареста, адвокатъ узналъ слѣдующее:

Въ это время у Прыжова, несмотря на то, что у него знакомыхъ было половина Москвы, въ цѣломъ городѣ ни одного не было близкаго человѣка, и тогда онъ рѣшился итти къ народу, такъ какъ „на міру и смерть красна“. Съ тѣхъ поръ ежедневно, обманывая жену, что идетъ по дѣламъ, что идетъ на работу, онъ каждый день уходилъ въ дальнѣйшіе концы Москвы, сплошь населенные фабричными, такъ называемыя, села (теперь городскія слободы) Красное, Преображенское, Покровское, Семеновское и т. д., здѣсь заходилъ въ харчевни, читалъ газеты, пилъ чай и велъ бесѣды съ рабочимъ народомъ (фабричнымъ). Эти фабричныя харчевни были ему хорошо извѣстны еще со времени Московскихъ молебновъ послѣ 4 апрѣля, когда народъ, помолившись за царя на Красной площади (толпа тысячъ до ста), и опьяненный молитвой, пѣньемъ и музыкой, растерзавъ на клочки штукъ пять жуликовъ, заставилъ портретъ Государя войти въ часовню къ Иверской и приложиться, пронесясь потомъ съ этимъ портретомъ по Кремлю, и мимо главныхъ трактировъ возвращался назадъ: тогда же съ тридцатитысячной толпой, которая оканчивала день въ этихъ харчевняхъ, говоря рѣчи, собирая зачѣмъ-то деньги, шелъ и распивалъ тамъ Прыжовъ. Онъ имъ почему-то казался своимъ,—чужому была бы бѣда. (Прокуроръ долженъ имѣть свѣдѣнія, куда я ходилъ цѣлый годъ каждое утро, и гдѣ я оставался до поздней ночи,—иначе, какъ же обвинять, не зная меня). Названій этихъ харчевенъ (и кабаковъ) нѣтъ въ спискѣ, который Прыжовъ далъ Успенскому. Прыжовъ объ нихъ даже и никому не говорилъ. (Въ списокъ, данный Успенскому, попалъ—помню хорошо—совершенно нечаянно одинъ изъ народныхъ пріютовъ—голубая харчевня за краснохолмскимъ мостомъ, гдѣ собираются лѣсники, но повторяю нечаянно). Являлся Прыжовъ туда подъ именемъ коммиссіонера по торговлѣ лѣсомъ и хлѣбомъ; лѣса онъ, къ сожалѣнію, не купилъ и не продалъ (дѣло ему хорошо знакомое), а хлѣба успѣлъ продать (помогъ дешевле купить) нѣсколькимъ съ сокольничьяго поля (главная хлѣбная пристань всѣхъ южныхъ жел. дор.), за что получилъ на чай 50 к. сер., которыя онъ принесъ женѣ. Тутъ въ бесѣдахъ онъ собралъ дорогія свѣдѣнія о кулакахъ, завладѣвшихъ народомъ вмѣсто господъ, и часть этихъ свѣдѣній послалъ въ Берлинъ г. Баллину, который просилъ у Прыжова подобныхъ свѣдѣній черезъ публикацію въ одной моск. газеты („Современ. Обозрѣніе“). Когда Прыжовъ не находилъ, чему бы могъ поучиться у собесѣдниковъ, онъ самъ училъ ихъ, знакомя съ общими соціальными положеніями, смотря на этотъ предметъ съ чисто государственной стороны, именно, что ни одинъ дикарь не можетъ существовать безъ извѣстнаго соціальнаго устройства, что самыя передовыя государства тѣ, гдѣ больше всего соціальной основы. За все это Прыжова поили чаемъ, иногда подносили водки (а съ

собой онъ не бралъ больше 10—15 к. сер. на цѣлый день), а иногда, въ ожиданіи отъ него будущихъ услугъ, напр., продать черезъ него лѣсъ, даже кормили. Тамъ оставался онъ до поздняго вечера и потомъ усталый возвращался домой. Такъ, за нѣкоторыми исключеніями, повторялось каждый день почти въ теченіе цѣлаго года. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже ходилъ, т. к. не было силъ, ибо дѣлался боленъ, а верстъ 7-10—не шутка. Прыжовъ ходилъ туда иногда, но очень рѣдко, только въ самыя грустныя минуты, въ то время, когда уже знакомъ былъ съ Нечаевымъ, но онъ 1) ни прежде, ни теперь никогда не говорилъ, кто онъ, 2) никогда ни единымъ словомъ не проговорился о намѣреніяхъ Нечаева, 3) тѣмъ больше — никогда не давалъ прокламацій, хотя легко могъ ихъ имѣть—стоило пойти и взять у Успенскаго. (Доказательство послѣдняго—самъ Прыжовъ: вести народъ даромъ на муку—не въ его природѣ, не въ его убѣжденіяхъ). Конечно, относительно Нечаева это былъ подлый обманъ,—но Прыжовъ не могъ иначе поступить: на обманъ Нечаева онъ долженъ былъ дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ... (Всего этого я не говорилъ на слѣдствіи, т. к. объ этомъ не было вопроса; не желалъ бы, чтобы и вы разсказывали это на защитѣ, такъ какъ это можетъ обратиться въ новую улику противъ меня. Но если бы пришлось, что на васъ нападутъ жестоко,—такъ бросьте имъ эти свѣдѣнія, какъ послѣднее доказательство!). Для устройства своихъ дѣлъ Прыжовъ поѣхалъ въ Петерб., чтобъ продать тамъ свою библіотеку; о продажѣ была публикація (въ „Голосѣ"), многіе любовались каталогомъ, но купить некому было: историческое дѣло на рынкѣ стояло низко. Тогда онъ рѣшился ѣхать въ Прагу, тамъ уже продать библіотеку и рукописи или самому издать и этимъ какъ-нибудь устроить свои дѣла въ Россіи. Но ужъ было поздно! По возвращеніи изъ Петербурга, Прыжовъ нѣкоторое время находился въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Черкесова, на мѣстѣ, которое прежде занималъ Болховскій. Цѣлью его было —чѣмъ-нибудь заняться и только, ибо все погибло, словно кто выметалъ метлой все прошедшее.—Домъ (квартира) разрушенъ, библіотека погибла, удержанныя за долги тысячи замѣтокъ погибли во время обысковъ,—и снова нищъ.

Все пропало,
А ні щітінкі не зосталось,
Пропавъ й я,
Та не въ шинку,
А на кобылі...

Теперь, кажется, и объяснять не нужно: кто я? и что я? Я былъ чисто труженикъ; былъ еще честный человѣкъ; я по самой природѣ не былъ агитаторомъ, хотя не разъ рука зудѣла, но въ агитаторы меня

выдвинули, вымучили, выдавили... Ну, сказалъ я—коли такъ, с—вы дѣти, такъ, пойдемъ! Деспотизмъ спекъ яичко, а теперь его съѣстъ... (На фактъ невольнаго выдавливанія прошу удѣлить долю судейскаго вниманія и вашего настойчиваго напора, и если-бъ оказалось, что судъ прерветъ слово адвоката, и я останусь безъ защиты, то—клянусь—не буду на это плакаться). Мнѣ предстояло два пути: правительство и радикалы. Обратись я къ первому, оно бы плюнуло на меня. Я обратился ко второму, но условія мои къ нему не подошли, и мы должны были разойтись. Вотъ и все преступленіе Прыжова!

Прокуроръ, вѣроятно, будетъ имѣть неосторожность разсказать исторію нашего общества. Этимъ онъ убьетъ себя, т. к. исторія эта даже совсѣмъ неизвѣстна мнѣ, а извѣстна, и то отчасти, Нечаеву. (Нечаевъ не зналъ, что дѣлалъ я). Поэтому, вмѣсто прокурорской поэзіи, выставьте на видъ реальность, какую, напр., можно найти въ исторіи ареста...

Передъ арестомъ было у меня два обыска,—одинъ нечаянный, сдѣланный полицмейстеромъ Полемъ, другой передъ самымъ арестомъ—и въ оба раза ничего не нашли... Арестовали вечеромъ. Добрый другъ, не покидавшій меня цѣлую жизнь, была моя собака Лепорелло, старая и слѣпая, подарокъ добраго пріятеля Виктора Касаткина, запутаннаго Кельсіевымъ и умершаго изгнанникомъ (невѣдомо за что) въ Женевѣ. (Что онъ погибъ—не бѣда: люди будутъ, но жалко, что съ нимъ погибла его дорогая библіотека по исторіи Россіи). Лепорелло спалъ за печкой. Частный приставъ (Арбатск. части, если не ошибаюсь) вытащилъ его оттуда за шиворотъ и со всего размаха кинулъ его середь комнаты. Собака болѣзненно завыла и ушла; вой ея съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ меня день и ночь, а собаку я больше не видалъ: она безъ меня умерла. Взяли меня, не сказавши, куда ведутъ, безъ халата, безъ бѣлья, безъ чаю... Привезли въ Срѣтенскую часть; въ канцеляріи вдругъ, по знаку частнаго пристава, бросился на меня неизвѣстный человѣкъ въ сюртукѣ, вѣроятно, писарь и, приговаривая: „мы цырульники, дѣлаемъ всякія операціи", разорвалъ у меня застегнутую шубу и началъ все рвать на мнѣ и обыскивать... Больного, въ жару, и совершенно мокраго отъ пота, меня заперли (въ концѣ ноября) въ мерзлый и никогда не топленный номеръ. Я звалъ частнаго, сказали—дома нѣтъ. Вмѣсто постели черная лепешка, вся покрытая вшами; керосиновая лампа безъ стекла меня стала душить; я просилъ вынести—нельзя; адски спертый воздухъ совершенно отравляла парашка (судно), стоявшая въ углу, но я умолилъ на другой день вынести ее и на свои деньги купилъ, вмѣсто нея, кувшинъ. Скинувъ въ уголъ лепешку съ постели, я въ шубѣ подъ утро уснулъ; пришелъ частный и закричалъ, чтобъ топили... Трое сутокъ, день и ночь, меня рвало и несло; давали опіумъ, но меня снова рвало; чувствуя, что вотъ

задохнусь отъ керосиноваго чада и умру, я кое-какъ вырвался изъ части, убѣдивъ частнаго, что имѣю сообщить Слезкину важныя вещи; но въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ объяснить, что умираю, но, къ ужасу моему, придя къ Слезкину совсѣмъ забылъ, зачѣмъ пришелъ, и несъ всякій вздоръ. Въ квартирѣ генерала Слезкина тоже меня рвало и несло. На другой день (пятый) я уже былъ безъ памяти. Частный, несмотря на то, что при части есть докторъ и даже жалованье получаетъ, говорилъ: „это притворство“. Гораздо умнѣе и послѣдовательнѣе былъ одинъ квартальный, который еще до времени моего безпамятства, говорилъ жандарму: „ну, ужъ привезли человѣка, трое сутокъ не спитъ, не жретъ ничего; все его несетъ, и все-таки не околѣлъ—вотъ такъ подлецъ!“ Затѣмъ не помню ничего, кромѣ того, что была жена, что жандармскій офицеръ, увидавъ меня, испугался и старался снять у меня галстухъ съ шеи и очки, но я его гналъ: затѣмъ ровно ничего не помню, пока не очнулся въ острожной больницѣ. Знаю вѣрно, что если бы меня случайно не навѣстила жена и не убѣдила со слезами отвести меня въ больницу, я бы умеръ... (Слезкина и частнаго пристава, которыхъ я предлагалъ вызвать для подтвержденія факта, что я былъ боленъ, и что вслѣдствіе этого могъ путать на допросѣ, хотя вообще ни отъ чего не намѣренъ отказываться, кромѣ, разумѣется, путаницы,—теперь вызывать не желаю и прошу адвоката принять противъ этого всѣ мѣры: виду ихъ я не вынесу, я слишкомъ слабъ, будетъ дурно со мной, слѣдов., сцена.—Видѣть ихъ не желаю, да и не нужны они очень. Желалъ бы, если можно, вмѣсто нихъ, видѣть одного—служителя въ острожной больницѣ Яковлева: онъ могъ разсказать, въ какомъ видѣ меня привезли, что я дѣлалъ всю ночь, что онъ хотѣлъ со мной дѣлать,—надѣть горяч. рубашку). И въ части и въ острогѣ докторами были какіе-то дураки, хотя послѣдніе и спасли меня сильнѣйшимъ слабительнымъ, но думаю, что вмѣстѣ съ признаками горячки у меня было что-то въ родѣ нервнаго удара, по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что я во время болѣзни позабылъ рѣшительно все до послѣдней мелочи, что пережилъ въ послѣднее время, и вмѣсто этого долго жилъ совершенно новою, фантастической жизнію, которую—важный фактъ для физіологіи—помню ясно и до сихъ поръ. Во все время былъ боленъ, поправился только въ крѣпости и то черезъ 6 мѣсяцевъ, благодаря особой заботѣ начальства, но здоровье осталось разбитымъ окончательно. (Попросите другихъ адвокатовъ, что, если будетъ нужно спросить меня, то не требовали бы объясненій, а простого да или нѣтъ: нервы поражены, и я опять сталъ заикаться). Даже пишу теперь съ величайшимъ трудомъ... (Въ крѣпости 6 марта 1870 меня посѣтилъ—нарочно былъ у меня—Е. В. Вел. Кн. Ник. Ник.—вѣроятно, по желанію Государя).

Явясь къ допросу, я далъ себѣ слово говорить съ полной откровенностью, не скрывать ничего, касавшагося меня, такъ какъ я самъ ничего не могъ припомнить, то отвѣчалъ на то, о чемъ спрашивали; изложить все дѣло мое, какъ это сдѣлали мои товарищи и какъ предлагалъ мнѣ прокуроръ, я былъ не въ силахъ, а, вѣроятно, потому, обвинит. актъ противъ меня основанъ не на моихъ показаніяхъ, а на противорѣчащихъ показаніяхъ моихъ товарищей. Моя откровенность пропала даромъ. Обв. актъ не додумался даже отдѣлить мое дѣло отъ дѣла Нечаева и все, принадлежащее послѣднему, приписалъ первому. Какое онъ имѣлъ право— варить эту кашу? А между тѣмъ онъ отлично зналъ, „что такое Нечаевъ", и мнѣ говорили объ этомъ сами прокуроры. Гдѣ-жъ правда?

№ 1) (Къ № 1 на листѣ, что у адв.). Во время предполагаемаго приготовленія къ убійству Нечаевъ такъ велъ дѣло, что говорилъ одинъ онъ, а всѣ молчали. Николаевъ помнитъ, вѣрно, послѣднее собранье, гдѣ я убѣждалъ Иванова уступить Нечаеву. По всѣмъ признакамъ, убійство совершено Нечаевымъ тогда, какъ онъ убѣдился, что его дѣло нейдетъ, что я его обманываю, и онъ рѣшился посредствомъ убійства Иванова, — убійства, для котораго приложено все стараніе—совершить его не тайно гдѣ-нибудь, не одному, замѣшать всѣхъ, особенно Прыжова, совершенно ему чуждаго, и этимъ сдѣлать громадный скандалъ и поднять на ноги своихъ пріятелей. (Крайне важны показанія другихъ). Наконецъ, яснымъ доказательствомъ тому, что съ убійствомъ Иванова была замѣтна и месть Прыжову, служитъ выстрѣлъ въ него. Иначе, какъ прикажутъ понять, что послѣ убійства, вмѣсто того, чтобъ быть благодарнымъ Прыжову, онъ стрѣляетъ въ упоръ; а потому ясно, что если Нечаевъ рѣшился осудить Прыжова, такъ ужъ судьямъ судить Прыжова за то же самое не приходится: Нечаевъ былъ правъ, когда стрѣлялъ; судьи будутъ неправы, когда за то же еще разъ убьютъ Прыжова... (По поводу приготовленія къ убійству придется по возможности отдѣлаться отрицаніемъ и возможнымъ умолчаніемъ—дѣло скользкое). „Я согласія не давалъ"— говорю прямо—это фактъ, упритесь на него и не уступайте его ни за что.

№ 3. Участіе въ народѣ (Дополненіе къ этому на полъ-листѣ). Когда прокуроръ одолѣетъ тогда дѣлать нечего—дать вышеизложенныя подробности о харчевняхъ, неизвѣстныя Нечаеву.

№ 5. Прокламація. Обвиненію Прыжова, что все злобное въ прокламаціяхъ (ножи), не его,—должно вѣрить, доказательствомъ его труды— „Исторія питейныхъ откуповъ", гдѣ говорится о настоящемъ царствѣ, какъ благодѣтельномъ своими реформами. Несмотря на различныя ученія (Бокль), онъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ (просмот. послѣд. главу), съ необыкновенною любовью указываетъ въ ученомъ трудѣ и первый сколько извѣстно, и въ первый разъ, что все это сдѣлала Высочайшая воля. По-

этому крайне невѣроятно, чтобы мысли его, высказанныя въ 1868, совершенно измѣнились въ 1869, а если-бъ это и было, то нужно предположить необычайно-сильныя причины, но таковыхъ не было.

№ 6. Вмѣсто Женевы хотѣлъ ѣхать въ Прагу и еще разъ обмануть Нечаева, потому что Прыжовъ былъ бездѣйствительный членъ — это несомнѣнно, но что, по оговору Успенскаго, онъ близокъ былъ къ Нечаеву, то какая близость, когда онъ совсѣмъ и не зналъ, что это Нечаевъ, и никогда не проговаривался объ этомъ на допросѣ, и что онъ узналъ это только послѣ того, какъ Николаевъ первый указалъ на слѣдствіи, что это былъ Нечаевъ. Наконецъ, что это за близкіе люди, въ которыхъ стрѣляютъ! Вѣрнѣе всего здѣсь то, что Прыжовъ обязанъ былъ а) собирать деньги, в) устроить кружки изъ знакомыхъ. То и другое, особенно послѣднее, было легко—у него знакомыхъ полъ Москвы, но онъ не сдѣлалъ ни шагу. Вопросъ: съ какою цѣлью я вступилъ въ Общество? Съ цѣлью чисто соціальной, но и то въ смыслѣ моихъ убѣжденій, т. е. не навязывать свои соціальныя убѣжденія, а пробуждать соціальную жизнь, для полной самодѣятельности. Ясно, что это также близко къ Нечаеву, какъ небо и земля.

Полагаю, что если вы во второй разъ будете публично защищать политическое дѣло, то это будетъ несравненно труднѣе, потому что прокуроры и судъ приглядятся, освоятся съ дѣломъ, а теперь, вѣрно, будутъ трусить, какъ струсили они при началѣ слѣдствія. Цѣль ихъ ясна: не судъ, а скандалъ. Ваша громадная опора—въ заграничной и русской прессѣ и публикѣ. Такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ, по окончаніи вашей рѣчи, пресса разнесетъ по цѣлому міру и извѣстіе о вашей борьбѣ, и о томъ, дѣйствительно ли либеральна Высочайшая воля, давшая вдругъ публичный судъ политическому дѣлу (чего давно не было въ Парижѣ), и дѣйствительно ли она умѣла выдержать свою либеральность до самаго конца (отвѣта этого ждутъ вездѣ!), т. е. разомъ покончить старые счеты, старые грѣхи, такъ, чтобы этотъ судъ былъ послѣднимъ судомъ, чтобы онъ не могъ повториться, а иначе—только пища реакціи, и снова старыя пѣсни, бейте на ихъ либеральность: сами же они хотятъ по ней выѣхать, такъ пусть и выѣзжаютъ! A la guerre comme à la guerre! Силъ еще много, хотѣлось что-либо сдѣлать, хотѣлось доѣсть враговъ и тогда умереть,— вырвите же мнѣ возможное облегченіе жизни; но извиняться передъ ними, но просить, просить прощенія, но сознаваться виноватымъ, когда преступники — они: никогда!!! Прилагаю двѣ книжки: Юродивыхъ и Малороссію. Ихъ, вмѣстѣ съ этой запиской (и съ листомъ, который у васъ), передайте послѣ женѣ, а мои кабаки прошу васъ почтительнѣйше принять отъ меня на память.

Чего бы я желалъ? Оставаться въ Великороссіи—не хочу, никогда. Жить въ глуши, хоть въ Иркутскѣ, только имѣть средства работать, т. е. не умереть съ голоду: будь только это, а ужъ работать буду. Но боюсь, что и этого не будетъ, т. е. сошлютъ на голодную смерть. Поэтому не сочтете ли приличнымъ заявить, что вы совсѣмъ не защищаете меня отъ ссылки, или чего подобнаго; напротивъ, я ее самъ хочу. Вы защищаете меня, какъ человѣка, вы, принимая во вниманіе нашу ученую нищету и самую постыдную, желаете сберечь меня, чтобы я могъ сдѣлать что-либо доброе, а не умереть въ ссылкѣ съ голоду и безплодно.

Заявивъ судьямъ дважды и прямо (на допросѣ), что „не виноватъ“, я затѣмъ пускаюсь въ подробности, конечно, не для того, чтобы разжалобить ихъ, а отыскать настоящаго преступника.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

Историческіе очерки. [1]

I.

Конецъ царствованія императора Николая I.—Новыя вѣянія въ 1853 г.—Рукописныя записки о нуждахъ того времени.—Политическія письма М. П. Погодина.—Переломъ въ настроеніи наслѣдника Александра Николаевича.—Настроеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Впечатлѣніе, произведенное смертью императора Николая на современниковъ.

Императоръ Николай I умеръ 18 февраля 1855 года.

Къ моменту его смерти выяснилось до очевидности, что система его никуда не годится, и что именно благодаря ей Россія оказалась въ самый важный моментъ разстроенной и ослабленной и, несмотря на все видимое свое матеріальное могущество, несмотря на героизмъ войскъ, не была въ состояніи вынести съ успѣхомъ того испытанія, которое ей послала судьба.

Сознаніе необходимости коренного измѣненія и внѣшней и внутренней политики вполнѣ созрѣло еще при Николаѣ. Н. И. Тургеневъ (декабристъ) предсказывалъ еще въ 1847 поду неизбѣжность разгрома Россіи при первомъ же столкновеніи съ Западомъ [2]. Близкое наступленіе кризиса ясно почувствовали всѣ мыслящіе люди въ Россіи, какъ только началась война съ Турціей въ 1853 году.

Многіе радовались этому.

Искренніе и глубокіе патріоты признавали тогда, что если измѣненіе правительственной системы можетъ быть достигнуто только цѣною внѣшняго пораженія, то слѣдуетъ считать и пораженіе за благо.

---

[1]) Очерки эти были напечатаны за границей въ 1905 г. Въ настоящее время они печатаются въ нѣсколько переработанномъ видѣ, въ особенности во второй своей части. *Авторъ.*

[2]) „La Russie et les Russe", т. III, стр. 13 и слѣд. На русскій языкъ до [illegible]

Правительство само смутно сознавало, что пробилъ часъ той системы деспотизма и гнета, которую оно довело до апогея и вмѣстѣ до абсурда въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, и хотя императоръ Николай въ началѣ войны выказывалъ большую самонадѣянность, однако, по мѣрѣ того, какъ войска наши терпѣли неудачи, а тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ вокругъ Россіи, все сгущались, его самоувѣренность стала замѣтно падать. Внѣшняя гроза тотчасъ же сдѣлала правительство болѣе кроткимъ и терпимымъ внутри Россіи.

Правда, никакихъ спеціальныхъ распоряженій въ этомъ направленіи сдѣлано не было, всѣ орудія полицейскаго и бюрократическаго гнета продолжали существовать по-прежнему, и ни одна изъ ненавистныхъ реакціонныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 1848 г., не была отмѣнена; но, несмотря на это, люди чуткіе уже въ 1853 году почувствовали приближеніе оттепели. «Казалось—пишетъ въ своихъ запискахъ А. И. Кошелевъ,—что изъ томительной мрачной темницы мы какъ-будто выходимъ, если и не на свѣтъ Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніи Севастополя насъ не слишкомъ огорчили; ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ». [1])

Первыя колебанія системы правительственнаго гнета выражались въ слѣдующихъ фактахъ. Министромъ Народнаго Про-

---

[1]) *„Записки Александра Ивановича Кошелева“*, Берлинъ 1884 г., стр. 82.—*А. С. Хомяковъ* 31 января 1854 г. писалъ другу своему А. Н. Попову: „... Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12 году“... (*Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 85) — А вотъ что писалъ *Ю. Ф. Самаринъ* уже послѣ паденія Севастополя, но до заключенія мира: „Съ самаго начала Восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи *гораздо меньше, чѣмъ наше внутреннее неустройство.* Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его *какъ достойное* вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки“. (Сочиненія *Самарина*, т. II, стр. 17.)— Ив. Аксаковъ жалѣлъ, что въ Севастополѣ не было вождя искуснѣе Горчакова не изъ желанія побѣды, а для того, чтобы еще яснѣе подчеркнуть фатальную неизбѣжность пораженія. Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т. е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа“... (*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ, т. III, стр. 180.)

свѣщенія вмѣсто кн. Ширинскаго-Шахматова (покорнаго слуги гр. Бутурлина, предсѣдательствовавшаго въ негласномъ цензурномъ комитетѣ) былъ назначенъ въ половинѣ 1853 г. Авр. Серг. Норовъ — человѣкъ не особенно опредѣленныхъ воззрѣній, но который на юбилеѣ московскаго университета, по свидѣтельству *Грановскаго*, «произвелъ на всѣхъ прекрасное, отрадное впечатлѣніе... [1])»; да и самое празднованіе юбилея, принявшее характеръ настоящаго торжества друзей просвѣщенія въ Россіи, уже не гармонировало съ мрачной эпохой реакціи 1848—1854 годовъ. Въ это же время Норовъ разрѣшилъ, вопреки мнѣнію Мусина-Пушкина, держать экзаменъ въ университетахъ вольнослушателямъ. [2]) Изъ «Дневника» Никитенко мы видимъ даже, что тотъ же Норовъ отваживался мечтать тогда объ упраздненіи негласнаго бутурлинскаго комитета [3]).

Правда, цензура оставалась по-прежнему невыносимой; но среди литераторовъ появились уже какія-то неясныя надежды и упованія. Западники, группировавшіеся въ Москвѣ около Грановскаго, мечтаютъ купить въ это время журналъ и поставить во главѣ его Евг. Корша. [4]) Чернышевскій дѣлаетъ въ «Современникѣ» первыя попытки воскресить въ критикѣ опальные и, казалось, уже забытые принципы и завѣты Бѣлинскаго, не называя его, впрочемъ, по имени. [5]) Нѣкоторые изъ сосланныхъ литераторовъ получаютъ разрѣшеніе вернуться: Тургеневу разрѣшено, по ходатайству наслѣдника (въ ноябрѣ 1853 г.), жить въ столицахъ, [6]) Салтыкову дозволено взять отпускъ и съѣздить изъ Вятки (гдѣ онъ служилъ противъ воли) въ свое имѣніе въ тверской губерніи. [7])

Такъ какъ цензура не пропускала тогда никакихъ политическихъ статей, то взамѣнъ ихъ, въ качествѣ суррогатовъ, являются рукописныя записки. Эти записки, по свидѣтельству современниковъ, обращаются среди читающей публики въ значительномъ числѣ экземпляровъ. [8]) Правда, онѣ никѣмъ не подписаны, но авторы важнѣйшихъ изъ нихъ всѣмъ извѣстны и даже не считаютъ нужнымъ скрывать своего авторства, тогда какъ за годъ, за два передъ тѣмъ мало кто рѣшился бы не только пи-

---

[1]) „*Т. Н. Грановскій* и его переписка“, т. II, стр. 437 (письмо къ Фролову въ январѣ 1855 г.)

[2]) „Первое собраніе писемъ *И. С. Тургенева*, стр. 8 (письмо къ Е. Я. Колбасину отъ 29 окт. 1854 г.).

[3]) „Дневникъ и записки А. *В. Никитенко*“, т. I, стр. 578.

[4]) „*Т. Н. Грановскій*, т. II, 470 (письмо къ Евг. Ф. Коршу 1854 г.).

[5]) „Объ искренности въ критикѣ“. („Современникъ“ за 1854 г., № 7. Изд. М. Н. Чернышевскаго „Критическая статья“, стр. 202 — 228, особенно стр. 219, 222 и 223).

[6]) „Первое собр. писемъ“, стр. 7 (письмо къ Н. Н. Тургеневу).

[7]) Сочиненія *М. Е. Салтыкова* (изд. 1890 г.), т. IX. „Матеріалы для біографіи“. стр. XLIV, примѣчаніе.

[8]) „Вѣст. Евр.“ за 1903 г. № XI, стр. 64 и слѣд. статья *А. Н. Пыпина* о Некрасовѣ.

сать, но даже и читать подобныя вещи. Одна изъ такихъ записокъ приписывалась Грановскому. [1]) Кошелевъ составляетъ въ это время записку о финансахъ для представленія ея правительству и въ ней высказываетъ мысль о необходимости созванія представителей земли русской! [2]) Самаринъ пишетъ записку о смягченіи и постепенномъ упраздненіи крѣпостного права, о чемъ съ 1849 г. было строжайше запрещено упоминать [3]). Но самыя замѣчательныя изъ этихъ записокъ были безспорно политическія письма Погодина. Они замѣчательны столько же по своей необыкновенной смѣлости, сколько и потому, что они были написаны не кѣмъ инымъ, а именно Погодинымъ, т. е. человѣкомъ, который всегда былъ далекъ отъ вполнѣ безкорыстныхъ увлеченій и вовсе не принадлежалъ къ типу ученыхъ «не отъ міра сего», а скорѣе напоминалъ типъ хитраго и ловкаго дѣльца и практика—человѣкомъ, имѣвшимъ даже среди близкихъ къ нему славянофиловъ довольно двусмысленную репутацію. Если Погодинъ рѣшился приняться за составленіе подобныхъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ откровенно и безпощадно осуждалъ всю внѣшнюю и внутреннюю политику Николая, то это уже само по себѣ служило несомнѣннымъ признакомъ того, что времена должны перемѣниться. Замѣчательно при этомъ, что онъ не только не скрывалъ своего авторства, но представлялъ свои письма черезъ статсъ-секретаря Прянишникова и гр. Адлерберга наслѣднику и государю. Характерно, что въ то же время онъ мечталъ то о постѣ посланника въ Вѣнѣ, то о мѣстѣ оберъ-прокурора Синода, а вовсе не думалъ о возможности внезапнаго путешествія въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Но всего поразительнѣе тотъ фактъ, что, ознакомившись съ содержаніемъ первыхъ его писемъ, Николай Павловичъ не только не разгнѣвался и не приказалъ его схватить, посадить или сослать, но объявилъ ему свое благоволеніе за «откровенность» и даже снизошелъ до объясненій, при чемъ высказалъ только, что Погодинъ не во всемъ правъ, потому что многое ему «снизу» не видно, что видно «сверху» людямъ, посвященнымъ во всѣ тайны политики. Получивъ «благоволеніе», объявленное ему офиціально черезъ Адлерберга и Прянишникова, Погодинъ набрался смѣлости еще больше. Въ первыхъ письмахъ своихъ онъ писалъ о безразсудности и унизительности нашей внѣшней политики, о невыгодности для насъ нашей полицейской роли въ Европѣ; въ слѣдующихъ онъ обратился къ критикѣ нашего внутренняго строя, обличая съ замѣчательной рѣзкостью несостоятельность и безмысліе правительственной системы, убивающей всякую самостоятельность въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Дописана была уже весной 1855 г. Напечатана въ приложеніи къ „Запискамъ *А. И. Кошелева*", прил. IV, стр. 83. Ср. текстъ „Записокъ", стр. 83.

[3]) „Сочиненія *Ю. Ф. Самарина*, т. II, стр. 17—136. Дата составленія записки указана въ примѣчаніи на стр. 17.

подданныхъ, упразднившей совершенно просвѣщеніе и гласность и основанной всецѣло на офиціальной лжи.

«Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ— писалъ Погодинъ — вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апеляціи, ни протеста, ни контроля...» Изъ министровъ каждый, по словамъ Погодина, «представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. *Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшимымъ, подобно Далай-Ламѣ.* Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку; какъ мухи на медъ, налетаютъ онѣ въ наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка...»

А между тѣмъ «дѣла—продолжаетъ Погодинъ—становятся часъ отъ часу мудренѣе, отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно прошедшаго времени не достаетъ для новыхъ обстоятельствъ, а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое въ лохмотьяхъ...»

Отъ власти Погодинъ переходитъ къ народу. Онъ уже и раньше высказалъ свои мысли о невозможности у насъ революціи въ западномъ смыслѣ и здѣсь повторяетъ, что «революція произошла на Западѣ изъ своихъ сѣмянъ, что этихъ сѣмянъ не было брошено исторіею въ началѣ нашего государства, а потому революціи такой у насъ не будетъ и не можетъ (быть); что мы испугались ея понапрасну и что напрасно мы начали (послѣ 1848 года) останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность,

гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству...»

«... О народѣ—замѣчаетъ Погодинъ—о народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ и, между тѣмъ, дышетъ любовью, самою чистою преданностью царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты!»

«Къ вамъ обращу я рѣчь свою—восклицаетъ Погодинъ,—милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачовъ. Ледрю-Роленъ со всѣми комуннистами (sic!) не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перейдетъ никто, а Стенька Разинъ—лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ какой стороны стѣна наша представляетъ проломы;—перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ...»

«Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій молодецъ и не молодецъ на свой образецъ... Помѣщичье спасенье—въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина,—будьте увѣрены—заварится каша крутая. Да и теперь—не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобы получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность!..»

Указавъ на безразсудность угнетенія раскольниковъ и поляковъ, Погодинъ переходитъ къ указанію мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, по его мнѣнію, въ устраненіе всѣхъ очерченныхъ имъ опасностей; на первый планъ онъ выставляетъ *гласность* и *образованіе*.

Представляя эту записку при письмѣ къ министру двора Адлербергу, Погодинъ писалъ ему, между прочимъ: *Большая часть сужденій и даже выраженій въ моей запискѣ не принадлежитъ собственно мнѣ, а принадлежитъ обществу и слышана была мною въ Петербургѣ и въ Москвѣ.* Я не хотѣлъ ихъ ни

смягчать, ни измѣнять, ни полировать, думая, что въ сыромъ своемъ видѣ они должны быть извѣстны правительству для его высшихъ соображеній...»

Въ виду рѣзкости этой записки, Адлербергъ не рѣшился представить ее государю; [1]) но Погодинъ отправился въ Петербургъ лично и тамъ былъ принятъ при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ какъ нельзя лучше. Его полюбопытствовала видѣть императрица Александра Федоровна; наслѣдникъ Александръ Николаевичъ принималъ его дважды, и содержаніе ихъ разговоровъ видно отчасти изъ слѣдующаго письма Погодина къ цесаревичу изъ Москвы (тотчасъ по возвращеніи):

«Слова, Вами мнѣ сказанныя,—писалъ Погодинъ—запечатлѣлись глубоко въ моемъ сердцѣ. Пошли имъ Богъ исполненія къ славѣ отечества и государя. Да обратится Россія, вразумленная несчастными опытами послѣдняго времени, къ самой себѣ, да возложитъ она впредь надежду только на Провидѣніе и на свой великій народъ, его высокій духъ; да устремитъ все свое вниманіе на воздѣланіе духовныхъ даровъ, въ такомъ обиліи ему свыше ниспосланныхъ, этихъ десяти талантовъ, съ которыхъ потребуется лихва; да убѣдится тверже и тверже въ истинѣ святой пословицы Петровой, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма...»

«Прошу Вашего позволенія—прибавляетъ онъ въ концѣ—представить прямо къ Вашему Императорскому Высочеству послѣднія мои политическія записки, служащія продолженіемъ и окончаніемъ первыхъ, кои удостоились Вашего столь драгоцѣннаго для меня вниманія». [2])

Незадолго передъ тѣмъ выступилъ и Хомяковъ со своими извѣстными стихами:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ...,

---

[1]) Извѣстная гр. А. Д. Блудова—эта „Іоанна славянъ", какъ звали ее нѣкоторые славянофилы (она же „трикотёза Зимняго дворца", по злому выраженію Герцена)—тоже не одобряла этой записки и горько упрекала за нее Погодина, увѣряя, что въ ней есть „что-то болѣзненное и необдѣланное". Погодинъ же, разсерженный непредставленіемъ своей записки, писалъ по этому поводу статсъ-секретарю Ф. И. Прянишникову: „Хладнокровныя петербургскія разсужденія свели домъ на ниточку! Во всѣхъ васъ, петербургскихъ сановникахъ, страшно понизился духъ, страшно ослабло сознаніе человѣческаго достоинства, а о гражданскихъ добродѣтеляхъ и говорить нечего. Вы всѣ сами этого не замѣчаете, какъ больные, привыкшіе къ госпитальному воздуху... Говоря безъ церемоній съ Николаемъ Павловичемъ, я позволяю себѣ говорить откровенно и съ его министрами А такъ какъ вы вмѣстѣ и добрый человѣкъ, то на меня не разсердитесь. Тридцать лѣтъ призывалъ я къ своему столу то Петра, то Екатерину, то Ивановъ, а о Рюрикѣ и говорить нечего. Не мудрено, что получилъ я тонъ за панибрата съ сильными міра сего!.." (*Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XII, стр. 171).

[2]) *Барсуковъ*, XIII, особенно стр. 163—173.

распространившимися въ рукописи по всей Руси. Въ этихъ стихахъ особенно обращали на себя общее вниманіе слѣдующія необычныя по тому времени строфы, относившіяся (какъ и все стихотвореніе) къ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ, заканчивавшемся прямымъ воззваніемъ къ Николаю, [1]) Погодинъ, между прочимъ, писалъ, очевидно намекая на эти стихи: „... ложь *тлетворную* отгони далече отъ Твоего престола и призови суровую грубую истину. Отъ *безбожной лести* отврати Твое ухо и выслушай горькую правду...»

«...Составь около себя—писалъ онъ тамъ же—постоянный на это время верховный совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую турецкую войну, на который возложились бы всѣ попеченія о ходѣ дѣлъ военныхъ и политическихъ съ отвѣтственностью передъ отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить и вездѣ приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человѣкъ испугается, да ужъ такая работа приходитъ не подъ силу и Тебѣ съ Твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что Тебѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, прожитыхъ, какъ одинъ день, не на гулянкахъ. Что Ты надрываешься? Работая такъ, Ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для насъ драгоцѣнныя...»

«...Голова Твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна быть свободна, чтобы рѣшать дѣла первой важности, приготовленныя и представленныя на Твое Высочайшее воззрѣніе, какъ Богъ Тебѣ на сердце положитъ, а захламащивать (sic) ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе стольких лѣтъ. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты—мало ли ихъ на святой Руси?.. Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе *общаго блага*. Не книги опасны, а событія...»

Въ этомъ письмѣ Погодинъ совѣтовалъ возстановить Польшу, Венгрію, Италію, Грецію, Славянскія страны и проч., но оно

---

[1]) „Возстань русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ!..“ и проч. (*Барсуковъ* XIII, стр. 193 и слѣд.)

показалось Прянишникову настолько опаснымъ, несмотря на обильно разсѣянныя въ немъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, что онъ не рѣшился даже показать его Адлербергу и упрашивалъ Погодина не распространять этихъ мыслей...

Одной изъ характерныхъ чертъ тогдашняго правительственнаго настроенія было, между прочимъ, все увеличивавшееся вліяніе и участіе въ дѣлахъ наслѣдника, который въ это время все болѣе и болѣе проникался сознаніемъ непригодности тогдашней правительственной системы. Еще недавно онъ самъ былъ охваченъ—подъ впечатлѣніемъ политическихъ бурь 1848 года—вмѣстѣ со своимъ старымъ воспитателемъ Жуковскимъ самыми реакціонными стремленіями, ярко выразившимися въ письмахъ Жуковскаго того времени и отразившимися, безъ сомнѣнія, и на взглядахъ Александра Николаевича на крестьянскій вопросъ и на многое другое. [1]) Извѣстно, что въ началѣ 50-хъ годовъ онъ выступилъ рѣзкимъ оппонентомъ Бибикова по вопросу объ инвентаряхъ въ литовскихъ губерніяхъ и защитникомъ неприкосновенности дворянскихъ привилегій, т. е. крѣпостного права. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно подъ вліяніемъ опасеній, внушенныхъ 1848 годомъ, и отвращенія ко всякому демократическому движенію. Но положеніе, въ которое приведена была Россія политикой, основанной на реакціонныхъ принципахъ, и тотъ крахъ, который грозилъ ей въ 1854 году, радикально перевернули его правительственные взгляды. Онъ понялъ, что система гнета и обскурантизма никуда не годится и ведетъ къ гибели...

Таково было настроеніе передовыхъ слоевъ общества и правительственныхъ сферъ въ концѣ Николаевскаго царствованія. Народъ тоже далъ о себѣ знать. Съ одной стороны, онъ показалъ, что умѣетъ умирать, когда нужно, съ замѣчательнымъ героизмомъ; но, съ другой—онъ ясно выразилъ свое убѣжденіе, что и царь не долженъ позволять долѣе помѣщикамъ властвовать надъ крестьянами. Сигналомъ послужили указъ и манифестъ объ ополченіи (сперва о морскомъ ополченіи 3-го апрѣля 1854 г., потомъ о народномъ ополченіи 29 января 1855 г.). Вспыхнувшія по этому поводу во многихъ губерніяхъ волненія какъ будто оправдывали то предсказаніе въ одномъ изъ писемъ Погодина, гдѣ говорилось о возможности новаго народнаго возстанія въ родѣ пугачевщины. [2]) Они, очевидно, навѣвали на правительство мрачныя думы, резюмированныя впослѣдствіи въ знаменитыхъ словахъ Александра II московскому дворянству о томъ, что лучше начать освобожденіе сверху, нежели ждать, чтобы оно само собой началось снизу. Правительство чувствовало себя въ

---

[1]) „Русскій Архивъ" за 1885 г., кн. 1—VIII.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этихъ волненіяхъ приведены въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи". Берлинъ 1860 г., I, стр. 80—97. Ср. также *И. И. Игнатовичъ*: „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія", стр. 174.

большомъ затрудненіи по отношенію къ бунтовавшимъ во многихъ губерніяхъ, но проникнутымъ патріотическимъ чувствомъ крестьянамъ: велѣно было принимать всѣ нужныя мѣры къ усмиренію возставшихъ, однако-жъ, «не охлаждая проявляющагося въ крестьянахъ чувства преданности престолу и отечеству» [1]).

Въ запискѣ, составленной въ 1857 году, А. И. Кошелевъ разсказываетъ, какъ въ 1855 г. многіе отъявленные крѣпостники «готовы были согласиться на большія пожертвованія и на *всякое*, самое для нихъ убыточное, прекращеніе крѣпостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности, при вторженіи враговъ въ наши предѣлы». «Мнѣ случилось тогда — вспоминаетъ онъ— видѣть нѣсколько поборниковъ крѣпостного права, уговаривавшихъ меня какъ можно скорѣе окончить и подать мой проектъ объ освобожденіи крестьянъ [2]).

Смерть императора Николая, которой никто не ожидалъ, произвела въ разныхъ слояхъ общества весьма различное, но, въ сущности, однозначущее впечатлѣніе.

«Какъ ты можешь о немъ плакать—сказала императрица Александра Федоровна дочери своей Маріи Николаевнѣ—Господь его взялъ, *чтобы его избавить отъ ужасныхъ вещей!*» [3]).

«Ужасная вѣсть, конечно, уже дошла до васъ писалъ князь Д. А. Оболенскій Погодину.—Сегодня началось новое царствованіе. Богъ послалъ Россіи новое испытаніе! Какая ужасная минута. Хотя я самъ сегодня прикасался къ останкамъ покойнаго государя, но, признаюсь, до сихъ поръ не вѣрится, что его уже нѣтъ. Воображаю, какъ изумлена будетъ Москва, вся Россія. Здѣсь только вчера весьма немногіе узнали, что государь серьезно боленъ—большинство не вѣдало ни о чемъ. Повѣритъ ли народъ тому, чему мы, очевидцы, не можемъ привыкнуть вѣрить?» [4]).

«Каковы громовые удары задаетъ намъ ходъ исторіи!—писалъ С. Т. Аксаковъ—государя Николая Павловича нѣтъ на свѣтѣ! Англійская конституція трещитъ и ломается (sic!). Страшно жить въ такое время, страшно чувствовать присутствіе высшей силы!.. *Какъ легко бы теперь, при общемъ сочувствіи, пріобрѣсть любовь прочную*» [5]).

«Важная миновалась эпоха—пишетъ Хомяковъ своему другу А. Н. Попову—*что бы ни было, а будетъ уже не то.* Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ Вы сами знаете; я винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ» [6]).

---

1) „Матеріалы", т. 1, стр. 86.
2) Приложеніе къ „Запискамъ *А. И. Кошелева*", стр. 78.
3) *Барсуковъ* XIII, стр 392.
4) Тамъ же, стр. 395.
5) *Барсуковъ*, XIII. стр. 396.
6) Тамъ же, стр. 397.

Всего спокойнѣе отнеслись къ этому событію въ Москвѣ въ англійскомъ клубѣ. «Въ клубѣ — записалъ Погодинъ въ своемъ лаконическомъ дневникѣ—холодное удивленіе. Послѣ обѣда всѣ принялись играть въ карты. Какое странное невѣжество!» [1]).

«Въ настоящихъ обстоятельствахъ—писалъ въ своемъ «Дневникѣ» Никитенко—смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. *Для Россіи, очевидно, наступаетъ новая эпоха.* Императоръ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца» [2]).

Герценъ описываетъ въ «Быломъ и Думахъ», съ какимъ необузданнымъ восторгомъ встрѣчена была вѣсть о смерти Николая въ Лондонѣ вообще и, въ особенности, въ кругу политическихъ refugiers того времени. «На улицахъ, па биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая, я не видалъ ни одного человѣка, который бы не легче дышалъ, узнавши, что это . . . .

. . . .

. . . . .

«Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчасъ написалъ напечатанное потомъ письмо къ императору Александру и рѣшился издавать «Полярную Звѣзду».

«Да здравствуетъ разумъ!» —невольно сорвалось съ языка въ началѣ программы. *Полярная Звѣзда* (Рылѣевская) скрылась за тучами Николаевскаго царствованія; Николай прошелъ, и «Полярная Звѣзда» явится снова въ день нашей великой пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями...» [3]).

Послѣ смерти императора Николая фонды наши на биржѣ разомъ поднялись вслѣдствіе всеобщей надежды на близкое окончаніе войны [4]).

При всемъ безконечномъ разнообразіи въ отношеніи къ личности императора Николая, выразившемся въ вышеприведенныхъ отзывахъ, во всѣхъ нихъ сквозитъ одно и то же сознаніе неизбѣжности коренного измѣненія всей политики, всей административной системы, всего строя русской государственной и общественной жизни, измѣненія, которое обусловливалось не только перемѣной личности Государя, но болѣе могущественнымъ дѣйствіемъ грозныхъ историческихъ обстоятельствъ. Сознаніе и ощущеніе этихъ обстоятельствъ заставило содрогнуться слабое сердце старика Аксакова и наполнило восторгомъ и радостью боевое сердце А. И. Герцена.

---

[1]) Тамъ же, стр. 394.

[2]) „Записки и дневникъ А. В. Никитенко", I, стр. 352.

[3]) *Герценъ.* „Былое и Думы", т. IV, стр. 401.

[4]) Кн. *О. Трубецкая.* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", т. I. стр. 54.

II.

Обстоятельства, въ которыхъ началось царствованіе императора Александра II.—Положеніе Россіи.—Отмѣна реакціонныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 1848 г.—Оптимизмъ и единодушіе общества.

При такихъ обстоятельствахъ пришлось Александру II принять бразды правленія.

«Команда» досталась ему, дѣйствительно, не въ добромъ порядкѣ. Прежде всего приходилось такъ или иначе закончить несчастную войну, которая уже разорила наши финансы, исчерпала до дна всѣ наши военные рессурсы и могла — если бы затянулась—грозить цѣлости Россійской державы.

Севастополь стойко противился соединеннымъ силамъ англичанъ и французовъ, но каждый день уносилъ массу жертвъ; войска наши таяли, ихъ приходилось замѣнять новыми и новыми баталіонами. Австрійцы еще при Николаѣ стали грозить съ тыла нашей Дунайской арміи, и ей пришлось снять осаду съ Силистріи и отступить, очистивъ Молдавію и Валахію, которыя были тотчасъ же заняты австрійскими войсками. Но и отсюда войска наши нельзя было перевести въ Крымъ, потому что австрійцы, грозившіе объявить намъ съ новаго года войну, если мы не поспѣшимъ заключить миръ съ англичанами и французами, могли вторгнуться здѣсь въ наши предѣлы. По той же причинѣ, приходилось держать наготовѣ сильный корпусъ и на самой австрійской границѣ и цѣлую армію въ Польшѣ, не говоря о Закавказьѣ, куда можно было опасаться вторженія турокъ весной. Берега Балтійскаго моря охранялись также отдѣльнымъ корпусомъ. Берега Бѣлаго моря и Тихаго океана оставались не защищенными. Между тѣмъ созывомъ ополченія наши боевыя силы были напряжены до крайности...

Патріоты совѣтовали кликнуть кличъ, сдѣлать войну народной и поднять славянъ, подвластныхъ Турціи и Австріи. Но могло ли рѣшиться на такую революціонную мѣру правительство, державшее народъ въ рабствѣ и привыкшее даже въ чужихъ странахъ поддерживать однѣ реакціонныя партіи и правительственный гнетъ противъ возставшихъ народовъ?

Только крайнее разстройство финансовъ въ Австріи да геройское упорство нашихъ войскъ въ Севастополѣ спасли насъ отъ войны съ соединенными силами почти всей Европы [1]).

---

[1]) Ср., между прочимъ, *Татищева:* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“ I, 139 — 173; *Барсукова:* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, XIV; кн. *Васильчикова* (В. И.): „Воспоминаніе объ очищеніи Севастополя“ („Русь“ за 1880 г., № 2, стр. 17) Замѣчательно, что кн. Васильчиковъ, полагавшій, что если бы Паскевичъ не оказалъ систематической обструкціи передвиженію двухъ корпусовъ съ юго-западной границы въ Крымъ, то союзникамъ пришлось бы дорого поплатиться за свое рискованное предпріятіе, оканчиваетъ свою любопытную статью слѣдующими характерными словами: „свыше было рѣшено

Миръ былъ заключенъ менѣе обидный и невыгодный для Россіи, нежели можно было разсчитывать.

Теперь приходилось подумать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Необходимость ихъ была ясна каждому здравомыслящему человѣку. «Хорошо, что мы заключили миръ,—сказалъ государю кн. М. Д. Горчаковъ, возвратившись изъ Крыма—*дальше воевать мы были не въ силахъ*. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло—нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ» [1]).

Это было справедливо, Александръ самъ понималъ это, но какъ за это приняться — этого онъ не зналъ, и никто изъ его приближенныхъ не могъ ему этого сказать. Гораздо легче было начать отмѣну разныхъ реакціонныхъ и обскурантныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 48 года. Съ этого и начали. Раньше всего поворотъ къ лучшему замѣтенъ сталъ въ области печати: здѣсь перемѣна до извѣстной степени была возможна безъ законодательныхъ мѣръ [2]). Прежде всего перемѣна сказалась на допущеніи новыхъ, значительно дополненныхъ, изданій Пушкина и Гоголя, предпринятыхъ, впрочемъ, еще въ предшествующее царствованіе. Намъ теперь трудно понять все *общественное* значеніе этого факта, но вотъ какъ объ немъ отзывался Добролюбовъ три года спустя, когда самъ онъ уже сильно охваченъ былъ скептицизмомъ: «Всѣ еще помнятъ, вѣроятно,—писалъ онъ въ 1858 г.— какой живой восторгъ возбудило три года тому назадъ во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина подъ редакціею г. Анненкова. Послѣ вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, это изданіе было событіемъ не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ вождей ея просвѣщенія, давно уже пламенно желали новаго изданія его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили предпріятіе г. Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ, память Пушкина какъ будто повѣяла еще разъ жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены. Вслѣдъ за Пушкинымъ вышло второе изданіе «Мертвыхъ душъ», потомъ второй томъ ихъ, затѣмъ полное изданіе Гоголя, потомъ изданіе Кольцова съ біографіей его, написанной Бѣлинскимъ... Впрочемъ, нечего и перечислять столь недавніе и общеизвѣстные факты; до-

---

иначе; *вѣроятно, для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ*".

[1]) Барсуковъ. „Жизнь Погодина", т. XIV, стр. 207, письмо К. Д. Кавелина къ М. П. Погодину отъ 30-го января 1856 г.

[2]) *К. К. Арсеньевъ*. „Законодательство о печати", С.-Петербургъ 1903 г., стр. 5 и 6.

вольно сказать, что со времени изданія Пушкина, первые томы котораго вышли въ началѣ 1855 года, наша литература оживилась замѣтно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелыя событія, сопряженныя съ войной» [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ періодической печати предоставленъ былъ большій просторъ въ сужденіяхъ. Лѣтомъ 1855 г. было разрѣшено, по ходатайству «Современника», печатаніе корреспонденцій съ театра войны, составлявшее до тѣхъ поръ монополію «Русскаго Инвалида». Вскорѣ, съ легкой руки Каткова, право касаться вопросовъ внѣшней и внутренней политики, предоставленное до тѣхъ поръ только четыремъ газетамъ, было распространено на всѣ періодическія изданія [2]). Наконецъ, осенью 1855 г. послѣдовало разрѣшеніе Каткову издавать въ Москвѣ по обширной программѣ «Русскій Вѣстникъ», а вслѣдъ затѣмъ и славянофиламъ—«Русскую Бесѣду», при чемъ со славянофиловъ снято было запрещеніе печатать статьи безъ особаго разрѣшенія Бутурлинскаго комитета, который и самъ былъ, наконецъ, упраздненъ въ концѣ 1855 г. [3]).

На ряду съ этими мѣрами университетамъ разрѣшено было (въ ноябрѣ 1855 г.) принимать на всѣ факультеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ, а заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на вторичную службу, возвращены были пенсіи, отнятыя у нихъ указомъ 1852 г. Рѣшено въ Сибири открыть университетъ, въ Варшавѣ возстановить Медицинскую Академію и юридическіе курсы, а въ началѣ 1856 вновь разрѣшено посылать за границу молодыхъ ученыхъ для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Словомъ, какъ мѣтко выразился Кавелинъ, вытаскивались «послѣдніе камни, набросанные Ширинскими» [4]), и возстановлялось положеніе дѣлъ при Уваровѣ. Къ числу подобныхъ же благодѣтельныхъ отмѣнъ разныхъ стѣснительныхъ постановленій Николаевскаго царствованія слѣдуетъ причислить: 1) отмѣну всеобщаго запрещенія выѣзда русскихъ подданныхъ за границу и уничтоженіе огромныхъ пошлинъ съ заграничныхъ паспортовъ; 2) отмѣну принудительной отдачи въ военную службу дѣтей разночинцевъ, а также нѣкоторыхъ постановленій о кантонистахъ; 3) отмѣну нѣкоторыхъ жестокихъ постановленій о рекрутствѣ евреевъ и 4) отмѣну стѣснительныхъ законовъ о службѣ уроженцевъ западныхъ губерній. Всѣ эти отмѣны и об-

---

[1]) Сочиненія *Н. А. Добролюбова*. т. I, стр. 419.

[2]) *К. К. Арсеньевъ* н. с., стр. 6. „Къ этому времени — пишетъ г. Арсеньевъ—относится явленіе, небывалое ни прежде, ни послѣ: широкая популярность нѣкоторыхъ цензоровъ (въ особенности Бекетова и Крузе), скоро сходившихъ съ офиціальной сцены, но оставившихъ по себѣ добрую память, до сихъ поръ соединенную съ ихъ именами“.

[3]) Подробности см. у *Барсукова*, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIV стр. 255—288 и 312—343.

[4]) Кн. Ширинскій-Шахматовъ, министръ Народнаго Просвѣщенія съ 1849 по 1853 г., Уваровъ—его предмѣстникъ.

..гчепія послѣдовали въ первые 1½ года царствованія Александра [1]).

Настрадавшееся за послѣдніе годы общество съ восторгомъ и благодарностью принимало извѣстія объ этихъ мѣрахъ и терпѣливо ожидало болѣе серьезныхъ коренныхъ преобразованій. Всякій пустякъ вызывалъ горячее одобреніе. Такъ, напримѣръ, Норовъ въ годовомъ отчетѣ за 1855 г. по Министерству Народнаго Просвѣщенія употребилъ фразу: «На этой почвѣ, столь тщательно приготовленной (!) и нынѣ согрѣваемой царственной благостью, могутъ произростать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣянія». Государь противъ этихъ словъ, столь обычныхъ въ отчетахъ, написалъ: «Дай Богъ!» И этого было достаточно, чтобы привести въ умиленіе Чернышевскаго, который весь отчетъ Министра Народнаго Просвѣщенія перепечаталъ въ «Современникѣ» въ той увѣренности, какъ онъ самъ пояснилъ, что читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которымъ такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій (1855) годъ» [2]). Послѣ такой выходки Чернышевскаго—этого будущаго «желчевика» — неудивительны восторги московскихъ славянофиловъ или такого благодушнаго западника, какимъ былъ К. Д. Кавелинъ.

Всякое слово, сказанное Александромъ, истолковывалось въ это время въ сторону общественнаго возрожденія.

Это чувство наступившей весны, послѣ долгой, суровой зимы Николаевскаго царствованія, порождало во всѣхъ—на ряду съ рѣзкимъ осужденіемъ только-что пережитой эпохи—какой-то безграничный оптимизмъ, переходившій у многихъ въ настоящее опьяненіе... [3])

Въ виду этой желанной и такъ долго жданной весны, всѣ передовыя группы тогдашняго общества забыли свои партійные раздоры и междоусобія и прониклись свѣтлымъ и единодушнымъ стремленіемъ къ свободѣ, къ обновленію всего быта.

«Время теперь такое—писалъ Кавелинъ Погодину 3-го ноября 1855 г.,—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и отставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый—единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Норова за 1855 годъ, пропечатанный въ „Современникѣ" за 1856 г., № 8; письма Кавелина къ Погодину у Барсукова, т. XIV, стр. 218; дневникъ П. А. Валуева („Русская Старина" за 1901 г., № 5, стр. 512).

[2]) „Современникъ", августъ 1856 г. „Замѣтки о журналахъ". Перепечатано въ изданіи М. Н. Чернышевскаго: „Замѣтки о современной литерарурѣ 1856—1862 гг.", С.-Петербургъ 1894 г., стр. 81.

[3]) Художественное описаніе этого момента, хотя и подернутое довольно ѣдкой ироніей, далъ Л. Н. Толстой въ первыхъ страницахъ своего неоконченнаго романа „Декабристы".

Теперь больше. чѣмъ когда-нибудь, можетъ быть,—столько же, столько въ 1612 году, Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій».[1]) И едва ли справедливо упрекать Кавелина за это, конечно, вполнѣ искреннее письмо. какъ это сдѣлалъ одинъ современный намъ писатель [2]). Во-первыхъ, тогда самъ Грановскій многое простилъ Погодину за его политическія письма и нѣкоторыя статьи того времени; во-вторыхъ, если считать излишнимъ ребяческимъ довѣріемъ поступокъ Кавелина, то вѣдь придется и Чернышевскаго счесть за младенца, еще болѣе довѣрчиваго, нежели Кавелинъ [3]). Особенное сочувствіе выражалъ въ это время Чернышевскій лучшимъ изъ московскихъ славянофиловъ и ихъ журналу «Русской Бесѣдѣ». Привѣтствуя первую книжку «Русской Бесѣды», онъ писалъ въ маѣ 1856 г.: «Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть «Русская Бесѣда», и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ, противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Мы хотимъ свѣта и правды—«Русская Бесѣда» также; мы, по мѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго—«Русская Бесѣда» также; мы считаемъ кореннымъ врагомъ нашимъ въ настоящее время невѣжественную апатію, мертвенное пустодушіе, лживую мишуру —«Русская Бесѣда» также. И, каковы бы ни были разногласія, мы увѣрены, что «Русская Бесѣда» въ сущности точно такъ же понимаетъ всѣ эти слова, какъ и мы. *Согласіе* въ *сущности стремленій* такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та, и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же.

«Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ?—увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; *разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ и т. д...»* Подъ «разумнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ» разумѣлось, конечно, упраздненіе

[1]) Барсуковъ, п. с., XIV, стр. 202.
[2]) „Русское Богатство" за 1902 г., № 9, статья В. А. Мякотина, стр. 71.
[3]) Кавелину его благодушное настроеніе не помѣшало дать должный отпоръ В. В. Григорьеву за его скверную статью о Грановскомъ, а Чернышевскій даже и объ этой статьѣ отозвался уклончиво. Срав. „Современникъ" за 1856 г. № 24 назв. изд. Чернышевскаго, стр. 173).

крѣпостного права, о чемъ говорить открыто въ печати еще не разрѣшалось въ 1856 году.

«Мы увѣрены—продолжаетъ Чернышевскій,—что какихъ бы началъ ни держался человѣкъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, онъ также будетъ отвергнутъ и «Русскою Бесѣдой», какъ и нами, если не хочетъ всего этого. Возьмемъ вопросы болѣе частные. Чего, напримѣръ, требуетъ «Русская Бесѣда» въ сферѣ научной дѣятельности? Полнѣйшаго и основательнѣйшаго знакомства съ европейскою наукою; [1]) усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающейся русскаго міра, преимущественно русскаго быта и исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и «Русская Бесѣда», конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и славянофилами?—*Въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время—служить достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей.* Эти вовопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни,—вопросы, ведя споръ о которыхъ (насколько у насъ возможенъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины" [2]).

Такъ писалъ этотъ будущій «желчевикъ» Н. Г. Чернышевскій въ 1856 г. Единственный сотрудникъ (онъ же и номинальный редакторъ) «Русской Бесѣды», котораго Чернышевскій не выносилъ и тогда—и, конечно, вполнѣ основательно, — былъ Тертій Филипповъ, общественные взгляды котораго не вполнѣ гармонировали, впрочемъ, и со взглядами главнѣйшихъ вожаковъ славянофильства [3]).

Столь же дружелюбно отношеніе «Современника» вообще и Чернышевскаго въ частности къ Каткову и его «Русскому Вѣстнику» и къ талантливому критику этого журнала Н. Ф. Павлову [4]).

---

[1]) Тутъ Чернышевскій обращаетъ вниманіе читателя „Современника" на то, „что въ статьяхъ лучшихъ участниковъ „Русской Бесѣды" это требованіе выражено съ отсутствіемъ всякой двусмысленности. Этого для насъ довольно. Нужна намъ европейская наука?—вотъ въ чемъ вопросъ, а не въ томъ, изъята ли она въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отъ всякихъ недостатковъ и во всемъ ли уже достигла совершенства,—этого никто не думаетъ и въ западной Европѣ, никто изъ умныхъ людей не думаетъ и у насъ".

[2]) „Современникъ" за 1856 г., № 6, „Замѣтки о журналахъ", перепечатано въ названномъ изданіи М. Н. Чернышевскаго, стр. 31—33. Славянофилы придавали большое значеніе столь дружественнымъ отзывамъ „Современника". (Срав. письмо Кошелева къ Черкасскому въ „Матеріалахъ" для біографіи послѣдняго, I, стр. 75).

[3]) Ср. мнѣніе о немъ И. С. Аксакова (письма, III, 327). Повидимому неважнаго мнѣнія о Филипповѣ были и С. Т. и К. С. Аксаковы (тамъ же, стр. 239). Скептически относился къ нему и кн. Черкассій („Матеріалы", стр. 77).

[4]) Недавно въ воспоминаніяхъ А. Н. Пыпина („Вѣстникъ Европы" за

И не одинъ Чернышевскій былъ тогда въ такомъ розовомъ и благодушномъ настроеніи. Таково же было настроеніе и Аксаковыхъ, которые согласились выставить свои имена рядомъ съ именами западниковъ въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» Каткова. Таково же было настроеніе Погодина, желавшаго одно время передать редактированіе «Москвитянина» другу Грановскаго, Е. Ф. Коршу.

Таково было настроеніе всего передового русскаго общества, отставившаго на второй планъ всѣ свои внутреннія несогласія передъ великими и жизненными вопросами данной минуты...

III.

Неподготовленность Александра II. Отношеніе его къ министрамъ Николая Павловича.—Вел. кн. Константинъ Николаевичъ. — Я. И. Ростовцевъ.—Вел. кн. Елена Павловна.—Записки Константина Аксакова, Кошелева и др.—Броженіе въ провинціи.—Арестъ Н. А. Мордвинова.—Первыя перемѣны министровъ осенью 1855 г.—Рѣчь государя московскимъ дворянамъ.

Къ молодому царю во всѣхъ классахъ общества и въ народѣ проявлялось въ то время единодушное и нелицемѣрное сочувствіе. Но, несмотря на это сочувствіе, шумно и восторженно выражавшееся, положеніе Александра Николаевича было трудное. Онъ не былъ рожденъ реформаторомъ; еще менѣе могъ подготовить его къ этой миссіи суровый режимъ Николаевскаго царствованія. Онъ получилъ, правда, недурное образованіе: Жуковскій съ дѣтства успѣлъ внушить ему кое-какіе гуманные принципы.

1903 г. № 11) мы прочли, что первымъ поводомъ къ раздору между знаменитыми беллетристами сороковыхъ годовъ (Григоровичемъ, Тургеневымъ и др.) и Чернышевскимъ послужила шуточная замѣтка послѣдняго въ № 3 „Современника“ за 1855 г. подъ заглавіемъ: „Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей“. Едва ли это такъ. Стоитъ перечитать „Замѣтки о журналахъ“ въ № 9 за 1856 г. и въ №№ 1 и 2 за 1857 г. „Современника“, чтобы убѣдиться, что иронія статьи „Новыя повѣсти“ не могла относиться къ Григоровичу или Тургеневу, а развѣ къ ихъ безталантнымъ подражателямъ, особенно къ подражателямъ первому изъ нихъ, и потому для нихъ не могло быть въ то время и повода обижаться на эту замѣтку. Если же они приняли ее на свой счетъ, то Чернышевскій, безъ сомнѣнія, разъяснилъ имъ ихъ ошибку, а послѣдующими своими отзывами о Григоровичѣ онъ постарался уничтожить послѣдніе слѣды этого недоразумѣнія. Подтвержденіемъ моему мнѣнію служитъ письмо И. С. Тургенева къ Дружинину отъ 30 октября 1856 г., въ которомъ онъ защищаетъ Чернышевскаго и даетъ замѣчательно вѣрное опредѣленіе тогдашняго его литературнаго значенія. (См. „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“, стр. 26). Мало того, даже къ Дружинину, направленіе и вкусы котораго еще меньше могли гармонировать со вкусами и направленіемъ Чернышевскаго, этотъ послѣдній относился въ 1856 г. вполнѣ дружественно и выразилъ даже увѣренность, что „Библіотека для чтенія“ сразу станетъ въ ряду лучшихъ нашихъ журналовъ, разъ руководительство ею принялъ на себя такой писатель, какъ А. В. Дружининъ. Даже Погодину, по поводу возобновленія „Москвитянина“, Чернышевскій высказалъ нѣсколько комплиментовъ и выразилъ ему живѣйшую и несомнѣнно искреннюю признательность за опубликованіе писемъ Гоголя.

Но послѣдующая придворная жизнь и мелочная фрунтовая военная служба отразились на его характерѣ очень замѣтно. Съ 48 года онъ пережилъ мрачное реакціонное настроеніе, охватившее его вмѣстѣ со всѣми близкими ему людьми. Какъ разъ въ это время Николай пріобщилъ его къ дѣламъ управленія, и Александръ Николаевичъ получилъ возможность довольно близко познакомиться съ тогдашней правительственной рутиной. Но и это знакомство съ рутиной, конечно, ни мало не могло приготовить его къ предстоявшей ему великой исторической роли.

Неудачная война открыла ему, какъ и многимъ, глаза на негодность существующаго строя. Онъ созналъ необходимость преобразованій и явно рѣшился быть преобразователемъ, но приняться за нихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ. Нужно было имѣть опредѣленный планъ, а у него не было ни плана, ни даже ясно усвоенныхъ руководящихъ принциповъ. Онъ понялъ необходимость простора и свѣта, но не умѣлъ ихъ дать и часто боялся даже ихъ допустить. Представлявшійся ему вновь назначенный попечитель Московскаго округа высказываетъ ему, что гласность необходима. «*И я такъ думаю*—отвѣчаетъ ему Александръ,—*только у насъ дурное направленіе*». Въ другой разъ онъ говоритъ одному изъ представителей цензурнаго вѣдомства: «*Есть стремленія, которыя не согласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать... Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ*». (!) [1]) Эти фразы, заключающія въ себѣ внутреннее противорѣчіе, чрезвычайно характеристичны для Александра. Послѣ паденія Севастополя Александръ Николаевичъ отправился къ арміи; онъ многое осмотрѣлъ со вниманіемъ и самъ воочію убѣдился, какое ужасающее воровство тамъ процвѣтало. Тѣмъ не менѣе, онъ не выносилъ, чтобы при немъ свободно говорили объ этомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у императрицы Пирогова, который, не стѣсняясь, высказалъ правду объ этомъ щекотливомъ предметѣ. «Государь—передаетъ современникъ—не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ: «*неправда, не можетъ быть!*» и возвышалъ голосъ. А Пироговъ, также возвысивъ голосъ, отвѣчалъ: «*Правда Государь, когда я самъ это видѣлъ*».—«*Это ужасно!*» воскликнулъ, наконецъ, царь и едва удержался отъ слезъ...»

При дворѣ въ началѣ новаго царствованія высшіе сановники всѣ чувствовали себя чрезвычайно растерянно. «Когда говоришь о чемъ-либо графу Л. А. Перовскому, онъ отвѣчаетъ: «*Помилуйте, до того ли теперь?*» Графъ Д. Н. Блудовъ не подписываетъ ни одной бумаги, говоря: «*Помилуйте, теперь не до того!*» Хорошо—прибавляетъ отъ себя тотъ же современникъ—что они чувствуютъ всю знаменательность настоящаго положенія, да жаль, что при этомъ нѣмѣютъ у нихъ руки и головы...» [2])

Всѣ думали только о томъ, какъ бы при такихъ чрезвы-

---

[1]) Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. II, стр. 127 и 141.
[2]) Барсуковъ, XIV, 121. Письмо Савельева къ Погодину.

чайныхъ обстоятельствахъ удержать или улучшить свое положеніе. Около Александра не было тогда человѣка, который могъ бы явиться надежнымъ совѣтникомъ. Въ обществѣ возлагали надежды на отжившихъ свой вѣкъ стариковъ гр. Киселева и гр. Блудова и съ ужасомъ думали, что же будетъ, когда и они умрутъ [1]). Режимъ обскурантизма и гнета не могъ приготовить свободныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей съ широкими идеями и свѣтлымъ взглядомъ.

Въ моментъ смерти императора Николая камарилья, управлявшая судьбами нашего отечества, состояла изъ слѣдущихъ лицъ. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ старый канцлеръ гр. Нессельроде, назначенный на эту должность еще въ 1814 г. Это былъ представитель принциповъ Священнаго Союза, превратившагося, какъ извѣстно, въ союзъ государей противъ волнующихся народовъ. Александръ до 1854 г. тоже раздѣлялъ эти взгляды—и не мудрено: онъ былъ воспитанъ на нихъ. Но восточная война и, въ особенности, «австрійская измѣна» заставили поколебаться въ нихъ даже самого Николая, а Александръ, повидимому, совершенно усвоилъ себѣ на внѣшнія дѣла ту точку зрѣнія, которую проводилъ въ своихъ письмахъ Погодинъ. Тѣмъ не менѣе уволить Нессельроде онъ рѣшился лишь послѣ Парижскаго мира. Во главѣ военнаго министерства стоялъ недальновидный царедворецъ и закоренѣлый обскурантъ кн. В. А. Долгорукій, вскорѣ назначенный начальникомъ 3-го Отдѣленія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ честный человѣкъ, но ужаснѣйшій самодуръ Д. Г. Бибиковъ. Ближе всѣхъ къ Николаю стояли: начальникъ 3-го Отдѣленія, шефъ жандармовъ, которымъ былъ въ то время кн. А. Ф. Орловъ, и министръ двора—гр. В. А. Адлербергъ. Оба они были личные друзья Николая, и потому къ нимъ Александръ Николаевичъ сохранялъ особенный піететъ. Такъ же относился онъ къ намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ кн. Паскевичу и къ бывшему главнокомандующему крымской арміей кн. М. Д. Горчакову, занявшему постъ намѣстника въ Польшѣ послѣ смерти Паскевича въ январѣ 1856 г. Остальныя министерскія мѣста занимали: гр. Киселевъ и гр. Блудовъ, считавшіеся либералами, но враждовавшіе между собой, педантъ и самодуръ гр. Панинъ, стяжавшій себѣ всеобщую ненависть гр. Клейнмихель и совершенно безличные люди, какъ Норовъ, Брокъ, Анненковъ и т. п.

Ко всѣмъ имъ Александръ Николаевичъ относился съ величайшей бережностью. Даже бездарнаго Брока, министра финансовъ, онъ рѣшился уволить только въ 1858 г., когда обнаружилось, что онъ въ своихъ отчетахъ выдавалъ за сбереженья не выполненные расходы; а между тѣмъ финансы были послѣ Крымской войны въ отчаянномъ положеніи, и для управленія ими требовались особыя дарованія и основательная подготовка [2]).

---

[1]) Барсуковъ, XIV, стр. 211. Письмо Кавелина отъ 17 марта 1856 г.

[2]) Ср. Татищева. „Александръ II“, т. II, стр. 194, а также записки А. И. Кошелева, стр. 83 и приложеніе стр. 33.

Единственнымъ новымъ человѣкомъ, приближеннымъ къ императору, въ которомъ завистливые царедворцы усматривали будущаго временщика и уже называли „нашимъ Мазарини", былъ Я. И. Ростовцевъ. Только на него, да на брата своего Константина могъ опереться молодой императоръ при проведеніи въ жизнь какихъ бы то ни было преобразованій. Важная историческая роль, которую довелось этимъ двумъ лицамъ сыграть въ началѣ царствованія Александра, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на ихъ характеристикѣ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ на 9 лѣтъ моложе Александра (онъ род. въ 1827 г.). Николай хотѣлъ сдѣлать изъ него моряка, и онъ получилъ соотвѣтственно этому суровое военное воспитаніе и довольно скудное, главнымъ образомъ спеціальное, образованіе. Но свѣтлый умъ и огромное честолюбіе помогли ему многое усвоить и переработать самостоятельно. Его блестящія дарованія обратили на себя вниманіе еще при Николаѣ; едва достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста, онъ былъ поставленъ (въ 1853 г.) во главѣ морского министерства. Понявъ послѣ Крымской кампаніи вмѣстѣ со всѣми образованными людьми необходимость преобразованія всего государственнаго строя, онъ сталъ стремиться къ осуществленію преобразованія гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе своего брата. Благодаря этому онъ вскорѣ сдѣлался при дворѣ наиболѣе сильной опорой и самымъ рѣшительнымъ двигателемъ всѣхъ либеральныхъ начинаній. Къ сожалѣнію, свѣтлая память о его дѣятельности въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ была омрачена впослѣдствіи рѣзко проявившимися въ немъ чертами самовластія и своекорыстія [1]). Но въ пятидесятыхъ годахъ друзья прогресса видѣли въ немъ защитника всего добраго, а приверженцы отживавшаго строя искренно ненавидѣли его и, выставляя на видъ его честолюбіе и рѣзкость, ехидно называли его—разумѣется, шепотомъ—герцогомъ Орлеанскимъ.

Личность Ростовцева, стоявшаго близко къ Александру по своей службѣ въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній (которыми Александръ завѣдовалъ, будучи наслѣдникомъ), была сильно запятнана въ глазахъ современниковъ, видѣвшихъ въ немъ одного изъ доносчиковъ на декабристовъ. Поэтому даже его благотворное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ разсматривалось, какъ слѣдствіе какого-то чудеснаго перерожденія его личности, и объяснялось легендами въ родѣ сказанія о какой-то клятвѣ, данной имъ умиравшему сыну [2]). Но ходячее представленіе о Ростовцевѣ едва ли справедливо. Въ нашихъ глазахъ его должно бы было обѣлять, не говоря о дѣятельности его по крестьянскому дѣлу,

---

[1]) Срав. записки А. И. Кошелева, стр. 190—192. Много весьма неблагопріятныхъ отзывовъ и слуховъ о Константинѣ Николаевичѣ ходило въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ кругу моряковъ по поводу постройки круглыхъ судовъ и т. п.

[2]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія", т. II, стр. 15 и слѣд., а также Джаншіева „Эпоха великихъ реформъ", 7 изд. стр. 33.

уже и то отношеніе, которое сохранили къ нему Рылѣевъ и кн. Е. П. Оболенскій послѣ того, какъ онъ заявилъ имъ о своемъ намѣреніи предупредить Николая о грозящей ему опасности. Обстоятельство это—въ свое время совершенно неизвѣстное Герцену—документально подтверждается и разъясняется перепиской Ростовцева съ Евгеніемъ Оболенскимъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1873 годъ [1]). Ростовцевъ былъ, несомнѣнно, неглупый, исполнительный, добродушный и дѣйствительно преданный Александру Николаевичу человѣкъ; но, разумѣется, онъ никогда не готовилъ себя къ той государственной роли, которую ему пришлось играть и которую онъ сыгралъ съ честью. За время многолѣтней совмѣстной службы Александръ Николаевичъ привыкъ къ нему, какъ привыкаетъ ребенокъ къ нянькѣ. Онъ привыкъ пользоваться его совѣтами и разсчитывать на его исполнительность и личную преданность. Съ самаго вступленія на престолъ онъ тотчасъ ввелъ Ростовцева въ Государственный Совѣтъ и въ Комитетъ Министровъ и еще до начала крестьянской реформы назначалъ его въ такіе комитеты, къ участію въ которыхъ Ростовцевъ былъ, пожалуй, еще менѣе подготовленъ, нежели къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ [2]). И, благодаря своей неподготовленности и полной неопытности въ государственныхъ дѣлахъ, Ростовцевъ дѣлалъ на первыхъ порахъ грубыя ошибки, полагаясь на такихъ темныхъ дѣятелей, какъ Позенъ, который ослѣплялъ его своими финансовыми познаніями и смѣлыми комбинаціями. Благодаря увлеченію Ростовцева, Позенъ, отставленный за какія-то темныя продѣлки при Николаѣ, повидимому, имѣлъ одно время шансы занять мѣсто министра финансовъ. Впослѣдствіи Ростовцевъ глубоко въ немъ разочаровался [3]).

Съ передовымъ обществомъ у Ростовцева, благодаря его репутаціи, не было никакихъ связей, и онъ поэтому не могъ помочь Александру въ главномъ—не могъ указать ему подходящихъ дѣятелей для замышлявшихся преобразованій.

Въ этой нуждѣ государю могла бы оказать гораздо больше содѣйствія великая княгиня Елена Павловна (тетка Александра, вдова его дяди Михаила Павловича), которая постоянно старалась открыть и привлечь все талантливое и даровитое, что являлось въ русской общественной жизни, въ средѣ писателей, артистовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Она выхлопотала въ

---

[1]) „Русскій Архивъ“ за 1873 г., № 1, стр. 510.

[2]) Таково, напр., участіе Ростовцева въ комитетѣ, учрежденномъ въ 1856 г. для разсмотрѣнія Кокоревскихъ проектовъ о золотопромышленности. (Срав. Барсуковъ, т. XIV, стр. 465). Немаловажную роль игралъ Ростовцевъ и въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія. (Ср. Никитенко, т. II, ст. 38 и слѣд.).

[3]) О Позенѣ см. въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія въ Россіи“, т. II, стр. 87 и въ „Запискахъ А. В. Никитенко“, т. II, стр. 51 и 57. Въ оправданіе себя самъ онъ напечаталъ нѣкоторые документы подъ заглавіемъ: „Бумаги М. П. Позена“, Дрезденъ 1864 г., но въ нихъ можно вѣрить подлиннымъ документамъ, а отнюдь не его комментаріямъ.

свое время командировку Пирогова въ Севастополь, она старалась познакомиться и завязать дружественныя сношенія съ Грановскимъ и съ другими московскими профессорами, она всячески выдвигала и поддерживала въ ихъ общественной дѣятельности Дмитрія и Николая Милютиныхъ, Кавелина, Юрія Самарина, кн. Черкасскаго, В. А. Арцимовича, Ивана Аксакова и др. Но Александръ, питая къ ней искреннее уваженіе, все же не всегда полагался на ея отзывы и не могъ отрѣшиться вполнѣ отъ нашептываній и инсинуацій на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ ему рекомендовала Елена Павловна, но которыхъ вовсе не одобряла окружавшая его камарилья. Такова извѣстная исторія съ Николаемъ Милютинымъ, которому чуть-чуть не пришлось выйти въ отставку въ 1857 году изъ-за нелѣпыхъ обвиненій его въ какихъ-то демократическихъ замыслахъ и симпатіяхъ, будто-бы выразившихся въ составленіи имъ въ 1846 году новаго городового положенія для г. Петербурга,—положенія, утвержденнаго самимъ императоромъ Николаемъ [1]).

Изъ среды общества съ первыхъ же дней царствованія стали поступать къ Государю записки, проекты и планы преобразованій, изъ которыхъ нѣкоторые были весьма замѣчательны. Александръ Николаевичъ читалъ эти записки, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, но боялся довѣриться людямъ изъ чуждой и неизвѣстной ему среды и все продолжалъ надѣяться выйти на новую дорогу при помощи тѣхъ старыхъ орудій управленія, которыя были у него въ наличности.

Въ числѣ проектовъ, поданныхъ Александру въ первые дни его царствованія, была замѣчательная записка Константина Аксакова, формулировавшая впервые оригинальную славянофильскую теорію государственнаго управленія: сила власти—царю, сила мнѣнія—народу. По этой теоріи царю оставлялась вся полнота самодержавной власти, но отъ него требовалось, чтобы онъ предоставилъ обществу неограниченную свободу совѣсти и слова и упразднилъ всякое полицейское вмѣшательство въ частную, общинную и общественную жизнь народа. Признавая, что государственная власть и народъ должны быть въ отношеніи «взаимнаго невмѣшательства», Аксаковъ указывалъ, однако, что правительство должно существовать для народа, а не наоборотъ. Вредъ «угнетательной системы» Аксаковъ видѣлъ въ ея тенденціи, приводящей по необходимости къ отрицанію совѣсти и вѣры въ человѣкѣ, къ низведенію человѣка въ животное параллельно съ возведеніемъ царя въ Бога. Съ особою силою онъ ратовалъ въ этой запискѣ за свободу мнѣнія, свободу слова. Истина, по его мнѣнію, при свободѣ всегда восторжествуетъ; не вѣрить въ это—есть безбожіе. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что правитель-

[1]) A. Leroy-Beaulieu. „Un homme d'état russe—Nicolas Milutine", p. 22 et cet. Біографія вел. княгини Елены Павловны, составленная А. Ф. Кони, помѣщена въ „Галлереѣ русскихъ дѣятелей", изданной въ видѣ прилож. къ „Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія" за 1903 г., стр. 11 и слѣд.

ство само, по собственной инициативѣ, должно въ важныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ народу, для чего въ прежнія времена и созывались земскіе соборы; но въ 1855 году онъ находилъ созваніе земскаго собора безполезнымъ, такъ какъ разобщенныя со времени Петровской реформы, благодаря правительственному гнету, сословія не могли, по его мнѣнію, дать голоса всей земли. Пока же онъ находилъ болѣе удобнымъ спрашивать по отдѣльнымъ вопросамъ мнѣнія отдѣльныхъ сословій [1]). Эта записка была представлена Александру черезъ гр. Д. Н. Блудова и потому, вѣроятно, была имъ прочитана. О томъ, какое она произвела впечатлѣніе въ придворныхъ кругахъ, можно судить по замѣткамъ одного изъ куртизановъ, В. А. Муханова, который, отдавая справедливость благородству автора, спѣшилъ прибавить, что совѣщаніе съ сословіями излишне, такъ какъ по положенію Государственнаго Совѣта при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ и безъ того могутъ быть вызываемы спеціалисты. «Гласность—по мнѣнію Муханова—возможна единственно въ должныхъ предѣлахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно» [2]).

Въ маѣ того же 1855 года А. И. Кошелевъ представилъ Государю записку «О денежныхъ средствахъ Россіи въ настоящихъ обстоятельствахъ» [3]). Подробно разобравъ въ этой запискѣ и доказавъ недостаточность наличныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство для продолженія войны, Кошелевъ въ противоположность Аксакову признавалъ единственнымъ выходомъ изъ того положенія, въ какомъ находилось правительство, немедленное собраніе представителей всей русской земли. Судьба этой записки, по свидѣтельству самого Кошелева, была «печальна и комична»: въ концѣ іюня онъ получилъ извѣщеніе «черезъ станового пристава» о томъ, что его «всеподданнѣйшее прошеніе» препровождено «по принадлежности къ министру финансовъ», и больше уже объ этомъ ничего не слышалъ [4]).

Такая судьба записки, однако же, ни мало его не расхолодила, и въ письмѣ къ Погодину отъ 9 іюля 1855 г. онъ пишетъ, что уговаривалъ Хомякова написать записку о лжи церковной, а Самарина—о лжи правительственной. Самъ же собирался написать о лжи помѣщичьей, т. е. о крѣпостномъ правѣ, что и исполнилъ черезъ $1^1/_2$ года. Кирѣевскаго онъ хотѣлъ уговорить написать о лжи общественной и частной [5]). Писаніе такихъ записокъ было сильно распространено въ это время. Наиболѣе замѣ-

---

[1]) Записка эта напечатана полностью въ „Руси" за 1881 г., №№ 26—28 (отъ 9, 16 и 26 мая).

[2]) „Русскій архивъ" за 1896 г., № 10, Записки В. А. Муханова.

[3]) Напечатана полностью въ приложеніяхъ къ запискамъ А. И. Кошелева, стр. 33 и слѣд.

[4]) Записка А. И. Кошелева, стр. 83.

[5]) Барсуковъ. т. XIV, стр. 49.

чательныя изъ этихъ записокъ, принадлежавшія перу Ю. Ф. Самарина и К. Д. Кавелина, были посвящены крѣпостному праву. Но о нихъ рѣчь впереди. Погодинъ тоже представилъ Государю записку «о царскомъ времени» [1]). Она написана очень оригинально и умно, но въ сравненіи съ прежними политическими письмами Погодина она представляетъ не болѣе, какъ ихъ перепѣвъ. Составляли и пускали въ оборотъ свои записки и нѣкоторые изъ служащихъ или отставныхъ чиновниковъ, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе. И такія надежды нерѣдко осуществлялись. Къ числу такихъ записокъ принадлежатъ разнообразные проекты, представленные М. П. Позеномъ, и «Дума русскаго», написанная П. А. Валуевымъ, въ то время лифляндскимъ губернаторомъ [2]). Эта послѣдняя обратила на себя особое вниманіе Константина Николаевича и дала ему мысль издать особый приказъ по морскому вѣдомству, въ которомъ онъ требовалъ искорененія лжи въ офиціальныхъ отчетахъ и донесеніяхъ [3]). Всѣ такія записки распространялись среди публики во многочисленныхъ копіяхъ и вызывали разнообразные толки. Общество, видимо, пробуждалось отъ долговременнаго сна. «Здѣсь, въ Петербургѣ,—писалъ Кавелинъ въ началѣ 1856 г.—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая, солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится... [4])».

Таково было настроеніе Петербургскаго общества; въ провинціи тоже наступило сильное броженіе, впечатлѣніе котораго ярко передаютъ намъ тогдашнія письма Ивана Аксакова къ роднымъ. Самъ онъ въ это время путешествовалъ по югу Россіи, служа сперва въ ополченіи, а потомъ приглашенный кн. В. И. Васильчиковымъ въ составъ комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій въ арміи. Настроеніе его, въ противоположность настроенію Кавелина, было вовсе не розовое. «Ахъ, какъ тяжело порою жить въ Россіи—восклицаетъ Аксаковъ въ письмѣ отъ 23-го ноября 1855 г.—въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ-мерзавцевъ, хлѣбосоловъ-взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ-отцовъ и благодѣтелей взяточниковъ!.. Чего ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобъ сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы посту-

---

[1]) Тамъ же, стр. 24 и слѣд.

[2]) „Русская Старина“ за 1891 г., № 5, стр. 350.

[3]) Тамъ же, стр. 359.

[4]) Барсуковъ, т. XIV, стр. 210, Письмо Кавелина къ Погодину отъ 17 марта 1856 г.

пить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго, законнаго!» [1]).

Несмотря однако же на тонъ горечи и скептицизма, въ особенности по отношенію къ славянофильству, насквозь проникающій эти письма Аксакова, мы можемъ найти и въ нихъ яркое указаніе на пробужденіе въ провинціи всего мыслящаго: «Много я ѣздилъ по Россіи — пишетъ Аксаковъ 9 октября 1856 г.,—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые не знали бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозитъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. *Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны—взяточниковъ, чиновниковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ логически оканчивается подлостью петербургскаго практицизма (?), но порицаніе и отрицаніе ихъ понятно. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя,—ищите такихъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго...» [2]).

Среди этого броженія провинціальное начальство, такъ же, какъ и высшее, во многихъ мѣстахъ потеряло голову. Съ одной стороны, въ обществѣ шли самые свободные разговоры, повсюду передавали и съ жадностью прочитывали многочисленные въ то время рукописные памфлеты и записки и первые выпуски «Полярной Звѣзды» Герцена, только-что проникшіе изъ-за границы. Съ другой, вдругъ неожиданно проявлялись вспышки усердія цензуры и Николаевской жандармеріи. Такъ, среди самыхъ свободныхъ разговоровъ въ концѣ 1855 г. въ Петербургѣ вдругъ арестованъ былъ и отвезенъ въ III Отдѣленіе молодой человѣкъ

[1]) Письма, III, стр. 207.
[2]) Письма, III, стр. 290.

изъ высшаго столичнаго общества (сынъ сенатора) Николай Мордвиновъ. Вскорѣ оказалось, что онъ арестованъ въ связи съ арестами цѣлаго ряда другихъ лицъ въ Тамбовѣ. Предлогомъ послужили кое-какія рукописи и брошюрки. Но полиція усиливалась доказать существованіе въ Тамбовѣ общества для пропаганды между крестьянами соціалистическихъ идей. «Подробности домашнихъ обысковъ въ Тамбовѣ отвратительны. Такъ и чуешь—писалъ Кавелинъ,—что тайная полиція, имѣя крайнюю надобность заявить о своемъ существованіи, алчетъ и жаждетъ добычи. Точно возвратились 1849 и слѣдующіе года. На долго ли?» [1]). Въ «Дневникѣ» П. А. Валуева указано, что Мордвиновъ былъ авторомъ рукописной записки: «Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія». На этой запискѣ Государь будто бы написалъ: «дѣльно, но желчно» и велѣлъ сказать Мордвинову, что онъ желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ, присовокупляя совѣтъ быть осторожнымъ и желаніе, чтобы Мордвиновъ на него не сердился. Флигель-адъютантъ, привезшій Валуеву эти свѣдѣнія изъ Петербурга (очевидно, не вполнѣ точныя), увѣрялъ, что въ числѣ арестованныхъ по этому дѣлу былъ даже Н. А. Милютинъ, въ то время директоръ хозяйственнаго департамента [2]).

Эти преувеличенные слухи показываютъ, какой переполохъ произвели эти аресты въ обществѣ.

Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное на общество этимъ дѣломъ, вскорѣ улеглось, а самое «дѣло», повидимому, не имѣло серьезныхъ послѣдствій.

Осенью 1855 г. послѣдовали первыя перемѣны министровъ. Отставлены были *Бибиковъ* (министръ внутреннихъ дѣлъ), замѣненный *Ланскимъ*, и *Клейнмихель* (главноуправляющій путями сообщенія, когда-то ближайшій сотрудникъ Аракчеева), замѣненный *Чевкинымъ*.

Отставку Клейнмихеля всѣ праздновали, какъ первую побѣду надъ врагами внутренними. Но замѣна Бибикова Ланскимъ многимъ показалась странной. Ланской считался приверженцемъ помѣщичьей партіи, а Бибиковъ былъ извѣстенъ, какъ защитникъ крестьянскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ [3]). Недоумѣніе усилилось, когда Ланской опубликовалъ свой первый циркуляръ предводителямъ дворянства, въ которомъ онъ заявлялъ, между прочимъ, что Государь повелѣлъ ему «ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». «Считаю себя счастливымъ—прибавлялъ министръ—передать о столь высокой милости Государя въ лицѣ вашемъ всему (такому-то) дворянству и вмѣстѣ съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ удостовѣряю, что, по собственному, глубоко

---

[1]) Барсуковъ, XIV, стр. 204, 207.

[2]) „Русская Старина“ за 1891 г., № 5, стр. 346—347.

[3]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, 57. Барсуковъ, XIV, стр. 122 и слѣд.

въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся, убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества»[1]). Для чего понадобились эти кудреватыя фразы—неизвѣстно. Но впечатлѣніе онѣ произвели большое. Крѣпостники раскупали этотъ циркуляръ нарасхватъ, такъ что пришлось отпечатать его вторымъ изданіемъ. Либералы были имъ очень смущены[2]). Но вскорѣ назначеніе особой комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій военныхъ властей въ Крыму по продовольственной части и особенно заключительныя слова манифеста о мирѣ опять подкрѣпили всеобщія надежды на то, что правительство не отступится отъ необходимыхъ преобразованій.

Вслѣдъ за заключеніемъ мира Александръ Николаевичъ прибылъ въ Москву и совершенно неожиданно для всѣхъ — въ томъ числѣ и для Ланского—сказалъ дворянамъ свою извѣстную рѣчь о томъ, что «лучше начать уничтожать крѣпостное право *сверху*, нежели ждать того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться *снизу*». Теперь уже въ намѣреніяхъ правительства не могло быть никакихъ сомнѣній — Государь прямо сказалъ дворянскимъ депутатамъ: «*Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія*». Вопросъ теперь заключался лишь въ томъ, устоитъ ли на этомъ Государь, и какъ и въ какомъ видѣ совершится преобразованіе. Многіе не теряли надежды свести все дѣло на нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, растянуть его на долгій срокъ.

IV.

Начало подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ.—Настроеніе дворянства.—Негласный комитетъ по освобожденію крестьянъ.—Докладъ Левшина.—Рескрипты 20 ноября и 5 декабря 1857 года.

Послѣ московской рѣчи Александра II Ланской рѣзко измѣняетъ свой образъ дѣйствій, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начинается спѣшная подготовительная работа по крестьянской реформѣ. На первое время она сосредоточивается въ рукахъ Левшина (товар. министра), человѣка безспорно доброжелательнаго, но нерѣшительнаго и очень недальновиднаго.

Императоръ твердо рѣшилъ освободить крестьянъ, но ему хотѣлось повести эту реформу не по-диктаторски, а такъ, чтобы иниціатива шла по возможности со стороны самихъ дворянъ. Но дворянство не заявляло своихъ желаній по этой части и не спѣшило отвѣчать на прямой вызовъ императора... Теперь странно,

---

1) Татищевъ, I, стр. 302.

2) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. I. стр. 101.

конечно, было бы утверждать, что мысль объ освобожденіи крестьянъ была дворянству совершенно чужда. Историческія разслѣдованія послѣдняго времени разъяснили постепенное подготовленіе реформы въ умахъ передовыхъ представителей помѣщичьяго сословія и указали и тѣ матеріальные и нематеріальные факторы, которыми обусловливалось въ разныхъ мѣстахъ сознаніе необходимости упраздненія крѣпостного права [1]). Здѣсь не мѣсто подробно на нихъ останавливаться. Напомнимъ только, что развитію освободительнаго движенія въ дворянской средѣ, довольно сильно проявившемуся въ сороковыхъ годахъ, помѣшала наступившая послѣ 1848 г. реакція, когда Николай не только самъ отступился отъ всякой мысли объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ, но и строжайше воспретилъ поднимать этотъ вопросъ кому бы то ни было. Въ мрачный періодъ конца его царствованія всѣ толки объ этомъ вопросѣ дѣйствительно смолкли, но, когда во время крымской кампаніи начались повсемѣстныя волненія крестьянъ, и передъ умственнымъ взоромъ многихъ помѣщиковъ возстала картина народнаго бунта и рѣзни, въ родѣ пугачевщины, въ случаѣ иноплеменнаго нашествія на Россію,— вопросъ этотъ возникъ съ новой силой. Объ этомъ мы имѣемъ прямыя и весьма компетентныя указанія А. И. Кошелева.

Вознамѣрившись предпринять реформу крѣпостного строя и желая опереться на иниціативу самихъ дворянъ, правительство рѣшило воспользоваться для этого съѣздомъ предводителей дворянства на коронацію лѣтомъ 1856 г. Левшину поручено было вести со съѣхавшимися предводителями дворянства соотвѣтствующіе переговоры. Но дворяне и тутъ отмалчивались, и Ю. Ф. Самаринъ такъ объяснялъ тогда упорство дворянъ въ запискѣ, представленной имъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: «дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются *одинаково* народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства». [2]) Дворяне не вѣрили бюрократіи, представителемъ которой являлся Левшинъ. Они боялись говорить откровенно и особенно связать себя какими-либо обѣщаніями, потому что привыкли вообще ожидать отъ правительства дѣйствій самовластныхъ, иногда совершенно неожиданныхъ и для нихъ вовсе невыгодныхъ. Къ тому же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ это время не было выработано еще никакого опредѣленнаго плана реформы, а министръ и его товарищъ, какъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на капитальный трудъ *В. И. Семевскаго* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія“. СПБ. 2 т. Изъ числа позднѣйшихъ работъ можно отмѣтить книжку *И. И. Игнатовича* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, изд. 1909 г. Срав. также мои статьи „Губернскіе комитеты въ 1858—1859 годахъ“ въ сборникѣ „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“ и книгу мою „Крестьянская реформа“, изданную въ 1905 г. въ Петербургѣ въ серіи „Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ“.

[2]) *Самаринъ*, Сочиненія, т. II, стр. 139.

огня, боялись всякихъ финансовыхъ операцій. Между тѣмъ въ большинствѣ губерній, гдѣ дворяне склонны были приступить къ упраздненію крѣпостного права, они ставили условіемъ sine qua non выкупъ крѣпостныхъ съ землей или безъ земли, но непремѣнно съ гарантіей правительства.

На всѣ намеки и прямыя обращенія Ланского и самого Государя къ предводителямъ, являвшимся въ Петербургъ послѣ коронаціи, они или отмалчивались, или уклончиво отвѣчали, что дворяне «не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ». [1])

Пробовала было вел. кн. Елена Павловна начать агитацію среди помѣщиковъ Полтавской губерніи, гдѣ у нея было имѣніе, но и отсюда ничего существеннаго не вышло.

Нѣкоторую склонность пойти на встрѣчу неяснымъ намекамъ и предложеніямъ правительства обнаружили лишь представители литовскихъ губерній, надѣявшіеся при помощи *личнаго* освобожденія крестянъ *безъ земли* отдѣлаться отъ инвентарей, которые они считали для себя въ высшей степени стѣснительными и невыгодными. Вновь назначенный виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ взялся добиться отъ нихъ офиціальнаго заявленія о желаніи освободить крестьянъ.

Это и было ему поручено.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по докладу Ланского рѣшено было образовать для обсужденія мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ негласный комитетъ, по образу и подобію такихъ же комитетовъ Николаевскаго царствованія. Членами этого комитета назначены были тѣ же лица, которыя входили въ составъ камарильи, управлявшей дѣлами государства, и которыхъ Александру Николаевичу не удалось замѣнить свѣжими людьми. Это были почтенные старцы, хранители отжившихъ традицій, съ кн. Орловымъ во главѣ, причемъ среди нихъ не оказалось даже того единственнаго сановника Николаевскихъ временъ, котораго Николай назвалъ когда-то шутя начальникомъ своего штаба по крестьянской части: гр. Киселевъ былъ незадолго передъ тѣмъ отправленъ посломъ въ Парижъ. [2])

Мы не будемъ слѣдить за сонными дѣйствіями этого комитета, тѣмъ болѣе, что они уже неоднократно были описаны въ нашей исторической литературѣ. [3]) Всѣ они, какъ извѣстно, не

---

[1]) Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 29 декабря 1856 г. Срав. *Левшина* „Достопамятныя минуты моей жизни“. „Русск. Архивъ“ за 1885 г., № 8.

[2]) Въ составъ комитета вошли: предсѣд. Государственнаго Совѣта кн. Орловъ; министры: внутреннихъ дѣлъ Ланской, двора и удѣловъ—гр. Адлербергъ, финансовъ—Брокъ, государственныхъ имуществъ — Муравьевъ; главноуправляющіе: вторымъ отд. Соб. Его Величества канцеляріи—гр. Блудовъ, путями сообщенія—Чевкинъ, шефъ жандармовъ—кн. Долгоруковъ и члены государственнаго совѣта: кн Гагаринъ, баронъ Корфъ и Ростовцевъ. Завѣдующимъ дѣлами назначенъ былъ государственный секретарь Бутковъ („*Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. состоянія*“. Берлинъ 1860 г., т. I, стр. 121, 122)

[3]) Кромѣ вышеуказанныхъ „*Матеріаловъ*“, сдѣлавшихся большой би-

имѣли, въ сущности, никакого значенія и клонились болѣе или менѣе къ оттяжкѣ и ослабленію эмансипаціонныхъ видовъ правительства. Гораздо болѣе значенія имѣли подготовительныя работы министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя продолжались независимо отъ работъ комитета. Эти работы имѣли болѣе значенія потому, что впослѣдствіи послужили въ значительной мѣрѣ основаніемъ для указаній, данныхъ губернскимъ комитетамъ въ рескриптахъ 1857 и 1858 гг. Общіе выводы, къ которымъ пришло министерство внутреннихъ дѣлъ, были резюмированы въ докладѣ 26 іюля 1857 г. Главныя положенія доклада были заимствованы Левшинымъ изъ различныхъ записокъ, составленныхъ тогда такими представителями дворянской мысли, какъ Самаринъ, Черкасскій, Кавелинъ, Кошелевъ и др. Впрочемъ, и самъ Левшинъ былъ помѣщикомъ разныхъ губерній и хорошо понималъ, напр., разницу въ положеніи промышленныхъ нечерноземныхъ и хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній; но по свойственной ему робости онъ не рѣшился послѣдовать за наиболѣе радикальными проектами, въ родѣ Кавелинскаго или Кошелевскаго, и для соглашенія выгодъ помѣщиковъ разныхъ мѣстъ изобрѣлъ чисто бюрократическую уловку. Понимая, съ одной стороны, что безвозмездное упраздненіе крѣпостного права на людей, вовсе неразорительное для помѣщиковъ черноземныхъ губерній, гдѣ главную цѣнность имѣній составляла земля, будетъ весьма разорительно для помѣщиковъ промышленныхъ, оброчныхъ губерній, весь доходъ которыхъ зависѣлъ не отъ земли, а отъ заработковъ крестьянъ, онъ, вмѣсто того, чтобы прямо признать это основное различіе, предложилъ ввести замаскированный выкупъ личности подъ видомъ высокой оцѣнки усадебъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ впослѣдствіи весьма ловко воспользовались многіе дворянскіе комитеты.

Видя бездѣятельность негласнаго комитета, Александръ начиналъ раздражаться и лѣтомъ, по возвращеніи вел. кн. Константина изъ заграничнаго путешествія, назначилъ его въ составъ комитета, надѣясь, что его энергія сдвинетъ, наконецъ, корабль съ мѣста. Великій князь ревностно принялся за дѣло, но неопытность его и обструкція высшихъ сановниковъ привели къ тому, что на первый разъ возлагавшіяся на него надежды не оправдались. Послѣдовавшія бурныя засѣданія комитета не привели къ существеннымъ результатамъ. Гора родила мышь, и хотя Александръ Николаевичъ благодарилъ комитетъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ за первый трудъ его, однако вопросъ не двинулся съ мѣста, пока, наконецъ, не явился Назимовъ съ вынужденнымъ у литовскихъ дворянъ ходатайствомъ. Ходатайство это тоже не отвѣчало намѣреніямъ и видамъ прави-

біографической рѣдкостью, можно указать *Иванюкова* „Паденіе крѣпостного права", 2-е изд. 1903 г., а также Записки *Левшина* („Рус. Арх." 1885 г., № 8) и *Соловьева* („Рус. Стар." 1880, 81 82 гг.) и біографія Александра II Татищева, т. I, стр. 304 и слѣд.

тельства: Литовскіе дворяне желали освободить своихъ крестьянъ безъ земли и *съ сохраненіемъ вотчинныхъ правъ помѣщика.* Получивъ его, въ Петербургѣ не сразу нашлись, что съ нимъ сдѣлать. Судили и рядили недѣли три сряду и все не приходили ни къ какому выводу. Наконецъ, Александръ потерялъ терпѣніе и приказалъ Ланскому составить въ *три дня* рескриптъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были приняты въ докладѣ 26-го іюля 1857 г. Многіе изъ числа приближенныхъ къ Императору лицъ пришли отъ такого внезапнаго рѣшенія въ ужасъ, въ томъ числѣ и Левшинъ, назвавшій знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 г. такимъ salto mortale, отъ котораго, по его мнѣнію, «все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ». [1]) Впрочемъ, и Левшина и другихъ окружавшихъ Александра сановниковъ ужасалъ не столько самый рескриптъ, данный на имя Назимова, сколько послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ разсылка его ко всѣмъ губернаторамъ и опубликованіе его во всеобщее свѣдѣніе, дѣлавшее немыслимымъ для правительства всякое отступленіе съ пути реформъ.

Въ рескриптѣ указаны были главныя начала, на которыхъ правительство предоставляло дворянству въ губернскихъ комитетахъ, составленныхъ изъ выборныхъ его представителей (по два отъ каждаго уѣзда и подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя), устроить бытъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Основанія эти были слѣдующія:

«1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на *всю землю*, но крестьянамъ остается ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ *пользованіе* крестьянамъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, *за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.*

«2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, *помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція* и

«3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ».

Для выработки положеній на изложенныхъ основаніяхъ повелѣвалось открыть дворянскіе губернскіе комитеты въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской.—5-го декабря послѣдовалъ такой же рескриптъ петербургскому дворянству (на имя генералъ-губернатора Игнатьева). Хотя петербургское дво-

[1]) «Достопамятныя минуты моей жизни» („Рус. Архивъ“ за 1885 г., № 8, стр. 524).

рянство объ этомъ не ходатайствовало вновь, но правительство воспользовалось ранѣе представленнымъ этимъ дворянствомъ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему установить свои отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ на началахъ феодальнаго эмфитевтическаго права.

24 ноября рескриптъ генералу Назимову былъ разосланъ въ печатныхъ копіяхъ при циркулярѣ Ланского ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Сохранилось преданіе, что разсылку эту кн. Орловъ и др. сановники пытались остановить, но не успѣли во время. 17 декабря рескрипты Назимову и Игнатьеву вмѣстѣ съ сопроводительными циркулярами Ланского были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Съ этого момента крестьянскій вопросъ вынесенъ былъ изъ канцелярскихъ и комитетскихъ дебрей и вступилъ въ періодъ гласнаго всенароднаго обсужденія.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Воспоминанія.

ГЛАВА I.

Неожиданная встрѣча на станціи и сватовство.—Мой дѣдъ и его жена Марія Өедоровна.—Ея изгнаніе въ ссылку.—Свадьба моей матери.

Моя мать, урожденная Гонецкая, очень рано вышла замужъ. Вотъ что она разсказывала по этому поводу намъ, своимъ дѣтямъ, когда мы были уже взрослыми.

По окончаніи курса въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ въ 1828 г., будучи тогда 16-ти лѣтней дѣвушкою, она возвращалась весною со своимъ отцомъ въ его имѣніе, деревню Бухоново, П—скаго уѣзда С—ской губ. Подъѣзжая къ одной изъ почтовыхъ станцій, уже недалеко отъ своего помѣстья, они встрѣтили господина лѣтъ 37—38, который только-что пріѣхалъ туда же. Оба путешественника, т. е. мой дѣдъ (отецъ моей матери) и господинъ, отрекомендовавшій себя Николаемъ Григорьевичемъ Цевловскимъ, тотчасъ разговорились между собою. Оказалось, что оба они не только уроженцы С—ской губ., но что дѣдушка прекрасно былъ знакомъ съ покойными родителями Николая Григорьевича, нерѣдко бывалъ у нихъ въ домѣ и зналъ его, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло: мой дѣдъ во время этой встрѣчи былъ уже старикомъ, а Николай Григорьевичъ только-что оставилъ военную службу и ѣхалъ въ свое имѣніе Погорѣлое, находившееся очень недалеко отъ Бухонова.

Не только въ ту отдаленную пору, о которой я говорю, но еще совсѣмъ недавно, когда уроженцы С—ской губ. встрѣчались между собой, они немедленно задавались вопросомъ, не состоятъ ли они въ родствѣ между собою. Въ концѣ концовъ обыкновенно выходило такъ, что они, дѣйствительно, оказывались хотя бы отдаленными, но все же родственниками.

— Позвольте,—говорилъ кто-нибудь изъ нихъ,—какъ же мы-то съ вами другъ другу приходимся? Не знавали ли вы Анну Петровну Скарятину, двоюродную тетку моей жены?—Боже мой,—отвѣчалъ ему другой съ радостнымъ волненіемъ,—дѣйствительно мы съ вами родня!.. Скарятина троюродная сестра моего двоюроднаго племянника.

Ошеломленная такимъ «близкимъ родствомъ» я обыкновенно слушала, не прерывая своего собесѣдника, но уже дальнѣйшее происхожденіе нашихъ родственныхъ узъ было для меня совершенно темно. Такъ было и въ данномъ случаѣ между дѣдушкою и Николаемъ Григорьевичемъ. Только послѣ этихъ счетовъ и пересчетовъ родни они приступили къ другимъ темамъ разговора.

Когда мужчины поболтали между собою и напились чаю, дѣдушка выразилъ желаніе «соснуть». Матушка, до дикости конфузливая институтка, такъ испугалась, что она останется съ глазу на глазъ съ незнакомымъ человѣкомъ, съ которымъ она ни одного слова не проронила во время чая и не знала о чемъ говорить, схватила ломоть хлѣба и отправилась на крыльцо кормить куръ. За нею скоро послѣдовалъ и молодой помѣщикъ.

— Господи Боже мой!— разсказывала мать.—Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, а я все помню, что было сказано тогда между нами, помню каждое слово Николая Григорьевича, каждый его жестъ, точно все это случилось только вчера. Вышелъ онъ на крыльцо и начинаетъ разспрашивать меня о томъ и другомъ. А я въ отвѣтъ только «да» и «нѣтъ», да и это-то насилу могу выдавить изъ горла, продолжаю крошки курамъ бросать, пошевельнуться боюсь, обернуться въ его сторону не смѣю,—такими мы потѣшными дикарками изъ институтовъ выходили. Вѣрите ли, конфузливость въ большомъ обществѣ у меня нерѣдко доходила просто до потери сознанія, а между тѣмъ по натурѣ я была очень живая и даже пребойкая.

— Да что же это, mademoiselle Alexandrine, вы меня такъ дичитесь?.. Вѣдь тутъ нѣтъ вашихъ классныхъ дамъ! Скажите же что-нибудь? Ну... любите ли вы танцы или нѣтъ?

— Да, очень,—отвѣчала я, не оборачиваясь.

— Ахъ вы, бѣдная, бѣдная дѣвочка! Вѣдь ваше имѣніе Бухоново—настоящій медвѣжій уголокъ! Рѣдко кто туда заглядываетъ! Потанцовать-то вамъ врядъ ли когда придется!.. Въ вашихъ краяхъ образованной молодежи совсѣмъ нѣтъ. Помѣщики и ихъ супруги говорятъ «нѣтути», «надысь», «намеднись» и т. п., а ихъ сынки лазятъ по голубятнямъ, бѣгаютъ съ борзыми по лѣсу, ну, а танцуютъ они, если только танцуютъ, пожалуй, не лучше медвѣдей, на которыхъ они охотятся... Да, обидно за васъ!.. И какъ вы будете рѣзко выдѣляться среди всего этого общества!.. Точно распустившійся розанчикъ среди чертополоха!

Мнѣ очень понравились эти слова. Думаю, вѣрно поэтъ, попросить бы его стишки почитать, можетъ быть, онъ даже самъ ихъ пишетъ... Да куда тутъ! Вѣдь я въ первый разъ въ жизни съ постороннимъ мужчиною разговаривала! Вотъ я и стою, какъ пень, продолжаю курамъ крошки бросать и съ ужасомъ думаю: ломоть кончается, куда же я тогда свои руки дѣну?

— Да бросьте вы куръ вашихъ кормить! Это-то занятіе отъ васъ не уйдетъ! Ахъ, сказалъ бы я вамъ одинъ секретъ...

Только боюсь довѣрить! Еще, пожалуй, папенькѣ все разболтаете. Ужъ и не знаю... умѣете ли вы тайны хранить?

Это меня сразу задѣло за живое,—я обернулась къ нему и говорю: «если вы меня такой «мовешкой» считаете,—намъ нечего и разговаривать!..

— «Мовешкой!» Ха, ха, ха... ха, ха, ха...—хохоталъ онъ,—что это значитъ? Это, вѣроятно, у васъ въ институтѣ такъ называли тѣхъ, кто не умѣлъ себя держать?

— Что вы, что вы! Это гораздо хуже! Мовешками у насъ называютъ безнравственныхъ дѣвицъ, которыя доносятъ на подругъ начальству, или не умѣютъ беречь серьезныхъ секретовъ... А я никогда, понимаете, во всю свою жизнь ни одного секрета не выдала!..—Попалъ онъ на институтскую тему, вотъ я конфузливость свою и забыла, стала болтать, какъ сорока.—А знаете ли вы—говорю ему,—какъ трудно не выдать секретъ, когда подруги знаютъ, что именно тебѣ его довѣрили. Онѣ вѣдь просто тогда осаждаютъ, умоляютъ назвать хотя первую букву, съ которой секретъ начинается! Иная долго, долго крѣпится, но, наконецъ, скажетъ первую букву, а у нея мало-по-малу догадками и хитростями вымотаютъ и все остальное. Но со мною этого, слава Богу, никогда не случалось... Я во всю свою жизнь ни одного секрета не выдала!

— Вѣрю, вѣрю! И чтобы вамъ доказать, что я васъ не считаю ни мовешкой, ни безнравственной, я вамъ, пожалуй, открою мой секретъ...

Хотя онъ все говорилъ съ шутками и прибаутками, съ хохотомъ и улыбками, потѣшаясь надъ моею институтскою наивностью, но все это я поняла гораздо позже, а въ ту пору я была совсѣмъ глупой, — мнѣ казалось, что онъ ведетъ со мной серьезный разговоръ, а его шутки я приписывала тому, что свѣтскому человѣку такъ и подобаетъ говорить съ молодой дѣвушкой.

— Мой секретъ вотъ въ чемъ: такъ какъ вы любите танцовать, а въ вашей трущобѣ вамъ это никогда не удастся, я и задумалъ устроить для васъ балъ... Понимаете, настоящій блестящій балъ! На этомъ балу будетъ гремѣть великолѣпнѣйшій оркестръ музыки... Приглашены будутъ настоящіе танцоры—кавалеры со шпорами... Не только дамы будутъ въ цвѣтахъ, но стѣны залы и музыкальные инструменты будутъ украшены ими!.. И среди этихъ цвѣтовъ, среди самыхъ хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ всей нашей губерніи, вы будете царицею бала, красивѣйшимъ цвѣткомъ, лучшимъ украшеніемъ!.. А я передъ вами... на колѣняхъ съ гитарою въ рукахъ буду воспѣвать васъ, прелестное созданіе, дивная красота которой, какъ пышная роза, цвѣтетъ въ нашемъ убогомъ захолустьѣ!.. Такъ вотъ все это я устрою для васъ, но съ однимъ условіемъ...

— Съ какимъ? Говорите, говорите, пожалуйста, скажите!—Я съ такимъ наслажденіемъ слушала, какъ онъ меня воспѣвалъ, такъ онъ меня раззадорилъ предстоящимъ баломъ, и мнѣ такъ

досадно стало, что онъ вдругъ остановился,—самъ смотритъ на меня и улыбается, а не продолжаетъ. Я ему и говорю: если вы, дѣйствительно, устроите для меня такой балъ, то я напередъ согласна на всѣ ваши условія...

— Видите ли въ чемъ дѣло: вѣдь не могу же я пріѣхать къ вашимъ родителямъ и сказать: «я хочу устроить балъ для вашей дочери». Вы понимаете, что такъ никто не посмѣетъ сказать... Ваши родители могли бы принять такое предложеніе за личное оскорбленіе, могли бы просто выпроводить меня изъ своего дома съ великимъ скандаломъ.

— Если такого бала нельзя устроить—прервала я его, вспыхнувъ отъ досады,—зачѣмъ же вы мнѣ все это расписывали? Значитъ, вы хотѣли только посмѣяться надо мной?

— Боже мой! Что вы говорите? Я слишкомъ уважаю васъ, чтобы смѣяться надъ вами!.. Подождите сердиться... Я вѣдь хотѣлъ только объяснить вамъ, что въ такой формѣ нельзя сказать вашимъ родителямъ о балѣ... Какъ устроить такой балъ,—у меня есть мысль... Но не знаю, согласитесь ли вы?.. Какъ бы это сказать... боюсь, что вы опять на меня разсердитесь!..

— Даю вамъ слово, что не разсержусь, только говорите скорѣе, не мучьте меня! — Тутъ ужъ я смѣло-пресмѣло стала разговаривать съ нимъ, точно съ институтской подругой.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Однако, знаете ли, mademoiselle Alexandrine,... мнѣ трудненько сказать вамъ это... Очень я боюсь васъ... Увѣряю... Ну, будь, что будетъ! Слушайте же... Пріѣду я въ вашъ домъ... такъ черезъ недѣльку-другую,—вашъ батюшка, вѣроятно, пригласитъ меня. Побываю у васъ нѣсколько разъ, а потомъ... потомъ... сдѣлаю вамъ предложеніе... буду просить у вашего батюшки позволенія жениться на васъ... И вотъ тогда на нашей свадьбѣ я и буду имѣть возможность устроить блестящій балъ, устрою его даже гораздо лучше, только согласитесь быть моей женой.

— А вы навѣрно, навѣрно устроите тогда блестящій балъ?

— Если вы умѣете хранить секреты, то я умѣю держать свое слово... А въ этомъ случаѣ я буду считать это своею святѣйшею и пріятнѣйшею обязанностью...

И вдругъ я, какъ дура, начала хлопать въ ладоши, скакать, хохотать... А онъ, вѣроятно, не могъ даже сообразить въ первую минуту, что это во мнѣ глупое институтство брызжетъ изо всѣхъ поръ, и совсѣмъ оторопѣлъ отъ моего хохота, подумалъ, что я издѣваюсь надъ его скоропалительнымъ предложеніемъ, и говоритъ:

— Что же вы смѣетесь, почему вы такъ странно принимаете мое предложеніе?

— Да вѣдь „наши"-то, т. е. мои институтскія подруги, тогда совсѣмъ провалятся со своимъ пророчествомъ! Поймите... У насъ въ каждомъ классѣ подруги сообща рѣшали,—кто первый, кто второй по красотѣ... Я числилась только девятой. Вотъ онѣ и

были увѣрены, что первая по красотѣ выйдетъ замужъ раньше другихъ, затѣмъ вторая и т. д., слѣдовательно, я должна была выйти замужъ девятой,—и вдругъ я первая!

— Какъ, онѣ васъ ставили только девятой по красотѣ? Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что женщина не можетъ судить о красотѣ другой женщины... Вы всегда и вездѣ будете первой красавицей!

— Вы не можете этого знать... Вы не видали моихъ подругъ!

— Нѣтъ, я знаю... Вы самая лучшая, самая красивая, самая прелестная на всемъ земномъ шарѣ!

— Вы просто льстите мнѣ!—говорю я ему, а сама до смерти рада, что онъ такъ расхваливаетъ меня, что онъ говоритъ мнѣ такіе пріятные комплименты.

— А теперь прошу васъ объ одномъ, — сказалъ Николай Григорьевичъ.—Ни одного слова не говорите вашимъ родителямъ и рѣшительно никому о моемъ предложеніи. Скажу вамъ только одно, что я очень, очень счастливъ, въ высшей степени доволенъ, что вы согласились на мое условіе. Не раздумаете? Нѣтъ? Ну, такъ по рукамъ.

Я и тутъ, ни о чемъ не думая, подала ему руку, точно соглашалась итти съ нимъ на туръ вальса.

— Теперь вы моя невѣста! Настоящая невѣста, хотя и *тайная*. Помните,—нужно крѣпко держать слово... хранить тайну до гробовой доски.

— Я прекрасно это понимаю, — съ гордостью отвѣчала я ему,—только и вы помните, что должны устроить блестящій балъ съ настоящими кавалерами, а то мнѣ до смерти надоѣли танцы „шерочки съ машерочкой“,—вѣдь у насъ въ институтѣ подруга съ подругой танцуютъ... Только бы скорѣе наступилъ этотъ балъ,—говорила я ему, уже совершенно не конфузясь его, не понимая всей наивности, всего непроходимаго легкомыслія своего тогдашняго поведенія. Только уже послѣ замужества я начала сознавать все это и, бывало, спрашивала мужа, какъ онъ посмотрѣлъ тогда на то, что я не только тотчасъ же согласилась на его предложеніе, но даже я торопила его свадьбой... Не показалась ли я ему слишкомъ наглой, не подумалъ ли онъ тогда обо мнѣ, что я слишкомъ нетерпѣливо стремилась къ замужеству? Но онъ въ такихъ случаяхъ всегда отвѣчалъ мнѣ...

Но матушка не передала намъ отвѣта нашего отца, она вдругъ сразу сконфузилась, опустила голову и, улыбаясь счастливой улыбкой, густо покраснѣла. Несмотря на то, что въ то время, когда она намъ разсказывала этотъ эпизодъ своей жизни, ей было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, она вполнѣ сохранила какую-то цѣломудренную дѣвичью стыдливость и застѣнчивость, и при ней никогда никто не смѣлъ разсказывать ни о чемъ двусмысленномъ и игриво-пошломъ, не выносила она и разговоровъ объ адюльтерахъ съ пикантными приключеніями,—даже намеки на

эти вещи до глубокой старости вызывали густую краску стыда на ея щеки.

— Конечно—кричали мы со всѣхъ сторонъ,—на ваши вопросы отецъ отвѣчалъ вамъ, что онъ не могъ подумать о васъ ничего дурного, такъ какъ вы были чисты, какъ ангелъ, божественно прекрасны, прелестно-наивны, что относительно васъ у него и въ головѣ, и на языкѣ былъ только одинъ восторгъ... Вѣдь такъ?

— Да, ну, отстаньте!—махала она на насъ рукой, желая заставить насъ прекратить перечисленіе эпитетовъ, будто бы даваемыхъ ей отцомъ...

— Да,—говорила она, помолчавъ, — невѣроятно наивны и глупы были мы, выходя изъ институтовъ... Просто преступно и жестоко было въ такомъ видѣ бросать дѣвушку въ житейскій водоворотъ! Но все же были и хорошія стороны въ этомъ отсутствіи знанія жизни: теперешняя барышня сейчасъ замѣчаетъ, если она кому-нибудь нравится, и давай кокетничать, и глазами стрѣлять, и штучки разныя откалывать, чтобы еще больше обворожить, ну, а мы по выходѣ изъ института были совсѣмъ неопытны въ кокетствѣ.

Нужно замѣтить, что семья моей матери въ тотъ періодъ ея жизни, когда она только-что кончила курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, состояла изъ ея отца, мачехи и двухъ братьевъ: Ивана и Николая. Своей родной матери матушка лишилась очень рано, а мачехи своей, когда она возращалась изъ института, она никогда не видала. Ея отецъ, уже будучи въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, женился вторымъ бракомъ на очень молоденькой дѣвушкѣ въ то время, когда его дочь Александра (моя мать) была еще въ институтѣ. Вторая жена дѣдушки была лишь на четыре года старше своей падчерицы. Своихъ братьевъ, Ивана и Николая, моя мать не видала давнымъ давно; ихъ отдали въ корпусъ еще до поступленія ея въ институтъ, такъ какъ она была младшей въ семьѣ. Въ эпоху, описываемую мною, они были офицерами и написали отцу, что пріѣдутъ лѣтомъ въ деревню. Такимъ образомъ, вторая жена дѣдушки, Марья Ѳедоровна, урожденная Кочановская, совсѣмъ не была знакома съ дѣтьми своего мужа; своихъ же собственныхъ дѣтей у нея не было.

Когда дѣдушка написалъ въ институтъ своей дочери о томъ, что онъ вторично женился, моя матушка, тогда еще дѣвочка-подростокъ, страшно испугалась, что у нея будетъ мачеха. Когда она ѣхала съ отцомъ въ деревню, и чѣмъ ближе подъѣзжала къ дому, тѣмъ тяжелѣе становилось у нея на душѣ при мысли, что ее встрѣтитъ не родная мать, а мачеха, которую она представляла себѣ не иначе, какъ въ видѣ злой, сварливой, старой классной дамы, которой ничѣмъ нельзя угодить, съ ненавистью относящейся къ своей падчерицѣ. Отецъ не говорилъ ей даже о томъ, какихъ лѣтъ была ея мачеха, не говорилъ, какъ она догадалась потомъ, вѣроятно, потому, что его жена была

втрое моложе его, къ тому же онъ былъ человѣкомъ властолюбивымъ, старозавѣтнымъ и весьма крутого нрава. Онъ и для того времени слишкомъ строго расправлялся со своими крестьянами и сурово относился къ домочадцамъ. За все время воспитанія въ институтѣ моей матери, онъ не только ни разу не навѣстилъ ее, но, будучи человѣкомъ весьма зажиточнымъ, не посылалъ ей даже ни гостинцевъ, ни денегъ, хотя по натурѣ вовсе не былъ скупымъ. Онъ не выказывалъ ни женѣ, ни дочери никакихъ чувствъ, такъ какъ находилъ, вѣроятно, что простыя человѣческія отношенія къ близкимъ могутъ уронить въ ихъ глазахъ его авторитетъ главы семейства,—идеи Домостроя еще не совсѣмъ исчезли въ русскомъ обществѣ въ то время, т. е. въ первой половинѣ XIX столѣтія. Хотя дѣдушка не видалъ своей дочери во все время ея воспитанія, но, какъ только онъ отправился съ нею въ дорогу, такъ сейчасъ же начиналъ обрывать ее каждый разъ, когда она живо заговаривала съ нимъ о чемъ-нибудь, наставительно и торжественно внушалъ ей, что она обязана видѣть въ немъ *только* отца, а не свою „подружку-милушку", и что потому-то для нея и неприлично трещать съ нимъ, какъ трещетка: она должна лишь почтительно и благопристойно обращаться къ нему. Ни малѣйшаго спора не только съ дочерью, но и съ женою онъ не допускалъ, усматривая въ этомъ унизительную для себя фамильярность. Уже самъ по себѣ его наставительный тонъ отталкивалъ отъ него ту и другую, и мѣшалъ имъ просто, по-человѣчески относиться къ нему.

До возвращенія моей матери подъ родительскій кровъ отношеніе между ея отцомъ, Степаномъ Петровичемъ, и его женою, Маріею Θедоровною, были болѣе или менѣе миролюбивыми,—по крайней мѣрѣ, у нихъ не выходило между собою никакихъ ссоръ и недоразумѣній. Да и не могло быть иначе: Марья Θедоровна, существо замѣчательно кроткое, безпрекословно выполняла всѣ требованія мужа. Несмотря на живость своего темперамента она скоро пріучила себя отвѣчать ему только на его вопросы, а если и разговаривала съ нимъ, то въ «мѣру» и «благопристойно»,—какъ онъ этого требовалъ. Но какъ только въ домѣ появились его дѣти отъ перваго брака, такъ отношенія между мужемъ и женою совершенно испортились.

Матушка разсказывала, что, когда она впервые увидала свою мачеху, ее такъ поразили ея молодость и красота, удивительная стройность ея стана, грація ея симпатичной фигуры, ея живыя и естественныя манеры, ея привлекательная улыбка, что она съ словами «мамашечка, какая вы чудная красавица!» бросилась душить ее въ своихъ объятіяхъ. Но отецъ тотчасъ же строго замѣтилъ дочери, что она должна цѣловать у матери только руку, а не вѣшаться ей на шею, какъ на «подружку-милушку», говорить ей всегда «вы» и твердо помнить, что она для нея прежде всего мать.

Послѣ этого мачеха въ присутствіи мужа разговаривала со

своею падчерицею очень сдержанно. Но когда кончился обѣдъ и Степанъ Петровичъ отправился отдохнуть въ свою комнату, мачеха бросилась цѣловать падчерицу. Она разсказала ей, какъ она мечтала о ея пріѣздѣ, какъ изнываетъ въ тоскѣ въ этомъ захолустьѣ. Гости рѣдко бываютъ, а если и пріѣзжаютъ въ торжественные дни, то обыкновенно садятся за карты. И это еще самое лучшее, такъ какъ Марья Ѳедоровна, приготовивъ все, что слѣдуетъ для ихъ угощенія, могла тогда уходить къ себѣ. Гораздо непріятнѣе для нея разговоры гостей: одинъ похваляется передъ другимъ, какъ ему удалось надуть пріятеля, взявъ за негодную лошадь дорогую цѣну, другой объясняетъ, какую «штуку» онъ придумалъ, чтобы мужики и бабы не лѣнились. Но Марья Ѳедоровна не стала на первыхъ порахъ разсказывать падчерицѣ, въ чемъ состоятъ эти «штуки», говоря, что она сама скоро все увидитъ и узнаетъ. Теперь имъ вдвоемъ будетъ весело: онѣ будутъ гулять, читать и работать вмѣстѣ... Она конфузливо прибавила, что для этого, конечно, нужно будетъ улучать время, когда Степана Петровича не будетъ дома, такъ какъ онъ, видимо, желаетъ, чтобы она (Марья Ѳедоровна) разыгрывала роль почтенной матери семейства, а она этого не умѣетъ...

Падчерица съ мачехою быстро сблизились между собою и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сдѣлались самыми большими друзьями.

Матушка не только съ горячею любовью, но съ истиннымъ восторгомъ до конца своихъ дней вспоминала мачеху, говорила, что рѣдко родная мать относится съ такою нѣжною лаской и вниманіемъ къ своему дитяти, какъ она къ ней, что и ея братья, т. е. пасынки Марьи Ѳедоровны, тоже искренно привязались къ ней, хотя жили съ нею очень недолго. Несмотря на это, падчерица всегда называла ее «мамочкою» и «вы», а та ее — «Шурочкою» и «ты».

Моей матери такъ нравилась мачеха, она съ такимъ обожаніемъ смотрѣла на нее, что порой, бросаясь душить ее въ своихъ объятіяхъ, она съ энтузіазмомъ и въ то же время съ оттѣнкомъ горечи восклицала: «ахъ, мамочка, отчего я не могу родиться во второй разъ? Вѣдь тогда вы были бы моей настоящей, родной матерью!»

На это Марья Ѳедоровна неизмѣнно отвѣчала ей что-нибудь въ такомъ родѣ: «не понимаю, Шурочка, почему такъ хочется тебѣ этого?.. Видитъ Богъ, что и тогда я не могла бы любить тебя больше».

Требованія дѣдушки, предъявляемыя имъ къ дочери и женѣ, были такъ несложны, что обѣ онѣ скоро приноровились къ нимъ, и старику не за что было журить ни жену, ни дочь: обѣ женщины чинно разговаривали между собою въ его присутствіи и съ почтительнымъ смиреніемъ относились къ нему. Но какъ только Степанъ Петровичъ уходилъ со двора, онѣ начинали болтать, пѣть и возиться между собой. Чуть кто-нибудь изъ нихъ

заслышитъ его шаги, онѣ моментально разбѣгались въ разныя стороны и садились за свою работу.

Но вдругъ на нихъ посыпались напасти. Дѣдушка то и дѣло заставалъ ихъ на мѣстѣ преступленія: то онъ неожиданно входилъ въ комнату въ ту минуту, когда онѣ, схвативъ другъ друга за талію, носились по комнатѣ въ какомъ-нибудь танцѣ, то ловилъ ихъ на томъ, какъ онѣ съ хохотомъ бѣгали въ перегонку по аллеѣ сада. Онъ тутъ же рѣзко бранилъ дочь за то, что она осмѣливается за панибрата обращаться съ матерью, а жену—за то, что она забываетъ свое почтенное положеніе матери семейства и ребячится съ дѣвченкой, какъ равная съ равной.

Судя по тому, какъ Степанъ Петровичъ радовался гостямъ, какъ усердно зазывалъ ихъ къ себѣ, какъ оживленно бесѣдовалъ и шутилъ съ ними, видно было, что и его по временамъ одолѣвали скука и однообразіе деревенской жизни, но его домостроевскіе взгляды и деспотическій нравъ не давали ему возможности устроить человѣческія отношенія съ своими домашними. И вотъ, вѣроятно, вслѣдствіе этого онъ сталъ враждебно относиться къ тому, что обѣ женщины такъ весело проводили время безъ него. Но, когда пріѣхали его сыновья, молодые офицеры, отношенія между мужемъ и женой въ конецъ испортились.

Степану Петровичу не приходилось давать наставленія своимъ сыновьямъ, какъ обращаться съ мачехою,—они для этого были вполнѣ вышколены: они почтительно расшаркивались передъ нею, подходили къ ея ручкѣ, называли ее chère maman, умѣли вести бесѣду съ отцомъ безъ излишней живости, однимъ словомъ, въ точности исполняли всѣ требованія свѣтской вѣжливости и сыновняго почтенія по этикету того времени. Однако, послѣ нѣсколькихъ дней своего пріѣзда, увлеченные привлекательностью и добротою мачехи, молодые люди стали все чаще искать ея общества. Этому сближенію помогало и то, что усадьба Бухоново лежала въ сторонѣ отъ большой дороги и еще далѣе отъ какого бы то ни было, хотя бы даже маленькаго, уѣзднаго городишки; сосѣдей было мало, да и тѣ лѣтомъ рѣдко заглядывали въ помѣстье дѣда. И вотъ оба брата, Иванъ и Николай, ихъ сестра Саша (моя мать) и ихъ мачеха, безъ предварительнаго соглашенія между собою, стали вмѣстѣ собираться каждый разъ, когда хозяинъ дома уѣзжалъ по дѣламъ или уходилъ на охоту. Тогда они весело проводили время вчетверомъ и точно такъ же прерывали оживленный разговоръ на полуфразѣ и разбѣгались по разнымъ комнатамъ, когда раздавались шаги дѣда или еще издали звенѣлъ колокольчикъ, напоминавшій о его возвращеніи.

Но это невинное времяпрепровожденіе было внезапно грубо нарушено. Въ домѣ былъ органъ: когда однажды хозяинъ куда-то уѣхалъ, Марья Өедоровна приказала горничной вертѣть ручку

органа, и молодые люди такъ увлеклись танцами, что не замѣтили его возвращенія. Разыгралась отвратительная сцена: мужъ въ неистовствѣ топалъ ногами на жену, кричалъ, что «она отняла у него родныхъ дѣтей, что она обольщаетъ пасынковъ», и уже бросился къ ней съ поднятыми кулаками, но сыновья загородили ее отъ него, упали передъ отцомъ на колѣни, цѣловали его руки, умоляя пощадить ее. Но это только вызвало въ дѣдушкѣ неистовый взрывъ ревности и негодованія, и онъ началъ осыпать непечатною бранью и сыновей, и жену. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ эту минуту не раздались подъ окнами звонъ бубенцовъ и колокольчика. Пріѣхавшимъ гостемъ оказался Николай Григорьевичъ Цевловскій.

Дѣдъ былъ до крайности любезенъ съ моимъ покойнымъ отцомъ и упросилъ его погостить у него нѣсколько дней; рады этому были и остальные, такъ какъ понимали, что отвратительныя семейныя сцены при немъ не могутъ возобновиться.

Николай Григорьевичъ, только что поселившійся въ имѣніи своихъ покойныхъ родителей, въ селѣ Погорѣломъ, оказался самымъ близкимъ сосѣдомъ дѣдушки. Послѣ перваго своего визита въ Бухоново, Цевловскій посѣтилъ еще нѣсколько разъ дѣдушку и очень скоро сдѣлалъ формальное предложеніе его дочери. Получивъ согласіе, онъ сталъ торопиться со свадьбой, говоря, что онъ желаетъ, чтобы на ней присутствовали братья невѣсты, которые уже начали поговаривать о своемъ отъѣздѣ. Спѣшка со свадьбой вполнѣ совпадала и съ желаніями дѣдушки, вѣроятно, потому, что онъ хотѣлъ поскорѣе сбыть съ рукъ всѣхъ своихъ дѣтей, нарушившихъ заведенный въ домѣ порядокъ.

— Ну что же, мамашечка, блестящій балъ былъ на вашей свадьбѣ? Все такъ происходило, какъ вамъ было обѣщано?—спросила я матушку.—И онъ съ гитарою въ рукахъ и на колѣняхъ передъ вами воспѣвалъ вашу красоту?

— Ахъ, ты, дрянь,—закричала на меня мать, хотя у меня уже были въ то время свои дѣти.—Какъ ты смѣешь говорить *онъ*, когда дѣло идетъ о твоемъ покойномъ отцѣ!

Хотя изъ воспоминаній матушки о старинѣ видно было совершенно ясно, что она весьма и весьма не одобряла поведенія дѣдушки и отношенія его къ дѣтямъ и женѣ, хотя она уже въ значительной степени прониклась идеалами 60-хъ годовъ, но она до конца жизни сохраняла многое изъ старинныхъ понятій и взглядовъ. Одно изъ главныхъ житейскихъ правилъ, которымъ она всегда руководилась, состояло въ томъ, чтобы немедленно «обрывать» своихъ дѣтей, когда кто-нибудь изъ нихъ, по ея понятію, «забывался», т. е. говорилъ и дѣлалъ не такъ, какъ она находила это нужнымъ. При этомъ она ни малѣйшаго вниманія не обращала на то, были ли ея дѣти малолѣтними или совсѣмъ немолодыми людьми, происходило ли это въ кругу домашнихъ или въ большомъ обществѣ. Матушка была убѣждена въ томъ, что такое зло нужно пресѣкать немедленно. Но рѣзко оборвавъ кого-нибудь

изъ дѣтей, она послѣ этого не дулась на насъ, не ворчала, а продолжала разговаривать съ нами, какъ ни чемъ не бывало, въ самомъ благодушномъ тонѣ. И мы, ея дѣти, совершенно привыкли къ этому вздергиванію насъ отъ времени до времени. Будучи взрослыми и сказавъ что-нибудь не такъ, какъ у насъ это допускалось домашними обычаями, кто-нибудь говорилъ ей: «Ну, мамашечка, а разносъ?.. Вы и забыли? раскатайте-ка его хорошенько!..» Если матушка была въ веселомъ настроеніи,—это сходило намъ съ рукъ, а если въ дурномъ, то за этимъ слѣдовали нотаціи продолжительнѣе обыкновеннаго, и тогда уже доставалось не только тому, кто провинился, но и тому, кто осмѣливался учить ее, какъ поступать съ провинившимся.

— Дорогая, не сердитесь... разскажите же про вашу свадьбу,— приставали мы къ ней.

— Что же, свадьба была богатая! За недѣлю верховые разосланы были съ приглашеніями. Но не было ни гитары, ни «опытныхъ танцоровъ со шпорами, кромѣ моихъ братьевъ-офицеровъ. Мы съ Марьей Өедоровной много танцовали и веселились, но только все почти въ своей компаніи, т. е. съ моими братьями и Николаемъ Григорьевичемъ. Когда наѣхали гости, я просто была поражена: увальни какіе-то, медвѣди! Свадьба моя и дорого обошлась моему отцу и принесла ему только однѣ непріятности: огорчали его гости, огорчали жена и сыновья, да и мы съ Николаемъ Григорьевичемъ не доставили ему особеннаго удовольствія... Ахъ, дѣтушки, не понравились бы и вамъ помѣщики того времени! Конечно, вы не стали бы, можетъ быть, винить ихъ за то, что они были совсѣмъ какими-то неотесанными... А я просто не могла смотрѣть на нихъ безъ смѣха. Но они поражали меня не только своею неуклюжестью. Хотя я до тѣхъ поръ совсѣмъ не бывала въ обществѣ, но все же поняла, что большая часть ихъ были люди грубые, необразованные, а шутки, остроты и намеки ихъ были до невѣроятности неделикатны и даже грязны. Николай Григорьевичъ рѣзко выдѣлялся среди нихъ и своими манерами, и своими разговорами. Нужно вамъ сказать, что, несмотря на свою застѣнчивость, я уже до свадьбы перестала дичиться своего жениха и разболтала ему обо всѣхъ своихъ институтскихъ дѣлишкахъ. Потомъ-то я, конечно, поняла, что онъ выказывалъ интересъ къ моимъ росказнямъ только для того, чтобы возбудить мое довѣріе къ нему,—вѣдь ни о чемъ другомъ я и говорить-то тогда не могла... Онъ зналъ фамиліи моихъ любимыхъ подругъ, каждой классной дамы, зналъ характеристику и прозвище каждой изъ нихъ, запомнилъ различіе между «мовешками» и «парфетками», «подлипалами» и «славнушками», «отвратками» и «подхалимками».

— Смотрите, смотрите,—говорилъ онъ мнѣ, указывая на помѣщичью пару очень непрезентабельнаго вида, видимо желавшую къ намъ подойти,—къ намъ приближается «змѣя подколодная» (прозвище одной моей классной дамы),—скорѣй убѣжимъ

отъ нея на другой конецъ...—И онъ, не прекращая танца, несся со мной на другой конецъ залы. Я хохотала до упаду... Подходитъ мой отецъ и, обращаясь къ Николаю Григорьевичу, спрашиваетъ его: «чему мы такъ смѣемся?» Тотъ былъ въ такомъ веселомъ настроеніи, что, не мѣняя тона, отвѣчалъ ему: «да за нами неслась цѣлая стая «мовешекъ», «фурій» и «змѣй»...

— Что же это значитъ?..

— Это все Шурочкины институтскія пріятельницы.—И, не обращая вниманіе на моего отца, онъ продолжалъ шутить въ такомъ же родѣ. Я отъ удовольствія прыгала, смѣялась и тоже забыла о батюшкѣ. Сердито пожимая плечами, онъ уходилъ отъ насъ недовольный и подходилъ къ другой группѣ, гдѣ его жена, оживленно болтая, танцовала съ однимъ изъ его сыновей, или отдыхала послѣ танца, окруженная гостями, которые засыпали ее своими глупыми комплиментами. Но вотъ пробирается онъ къ наиболѣе почтеннымъ гостямъ, а кто-нибудь изъ нихъ кричитъ ему: «ишь ты, старый грѣховодникъ, какую себѣ кралю подцѣпилъ!» Или: «ахъ ты, старый хрѣнъ, поди, какъ у тебя подъ сердце-то подкатываетъ... всѣ около твоей молодухи увиваются!»... А то вдругъ кто-нибудь его окликнетъ, точно за дѣломъ, а самъ закричитъ ему на всю залу: «а вѣдь жонка-то отъ тебя, стараго, сбѣжитъ, какъ пить дастъ, сбѣжитъ!»

Когда мы потомъ съ мачехой вспоминали о свадьбѣ, мы много толковали о томъ, какъ все это было тяжело для отца. Не даромъ послѣ этого онъ такъ круто измѣнился къ своей женѣ.

— «Мамашечка!»—вдругъ спросила матушку одна изъ моихъ сестеръ. — «Ко времени вашей свадьбы вы уже, конечно, успѣли влюбиться въ отца?».

— Никогда въ жизни я не задавала себѣ такихъ глупыхъ вопросовъ! Всѣ эти ваши слова о страстной любви, о неземныхъ увлеченіяхъ,—только однѣ пошлости и больше ничего... Начитались вы глупыхъ романовъ, вотъ такія фразы и сыплются у васъ, какъ горохъ изъ мѣшка. Вы считаете даже, что счастливый бракъ не можетъ быть безъ страстной любви, а я нахожу ее только помѣхою. Достаточно я видала браковъ по страсти... Вотъ хотя бы взять Марью Васильевну (наша дальная родственница). Родители отказали ея жениху. Она отчаянно убивалась и въ концѣ-концовъ обвѣнчалась тайкомъ. А черезъ полтора года муженекъ уѣхалъ по дѣламъ, да и былъ таковъ, она же съ ребенкомъ осталась безъ куска хлѣба и возвратилась въ родительскій домъ. Я очень глупо вышла замужъ, сознаюсь, вышла замужъ только изъ-за бала, и что же? Прожила съ мужемъ двадцать лѣтъ душа въ душу, до самой его смерти... Насъ чуть не вся губернія знала, и всѣ говорили, что другую, болѣе счастливую пару, чѣмъ мы съ Николаемъ Григорьевичемъ, трудно найти въ нашей мѣстности.

Это было вполнѣ справедливо: помѣщики и помѣщицы, хорошо знавшіе моихъ родителей, вспоминая прошлое, а слѣдова-

тельно, и тотъ развратъ, который повсемѣстно царилъ среди нихъ во время господства крѣпостного права, указывали, какъ на совершенное исключеніе, на жизнь моихъ родителей.

Лично я не знала ни дѣдушки, ни его второй жены,—оба они умерли гораздо раньше моего появленія на свѣтъ. Все, что я описываю здѣсь о нихъ, я узнала отъ близкихъ мнѣ лицъ, и болѣе всего отъ моей матери.

Дѣдушка, Степанъ Петровичъ Гонецкій, былъ помѣщикомъ средней руки: онъ имѣлъ два имѣнія и, кромѣ того, владѣлъ еще маленькимъ фольваркомъ, Васильковымъ, находившимся въ верстахъ въ 18-ти отъ Бухонова; крѣпостныхъ у него было болѣе ста душъ. Жилъ онъ по тогдашнему времени въ очень большомъ домѣ, но такъ плохо поддерживалъ постройку, что она послѣ его смерти совсѣмъ развалилась, а скоро затѣмъ была растаскана по бревнамъ. Несмотря на это, онъ велъ хозяйство на широкую ногу, держалъ огромный штатъ прислуги: «дѣвокъ», лакеевъ, казачковъ, кучеровъ, имѣлъ онъ и выѣздныхъ лошадей, нѣсколько экипажей и свору охотничьихъ собакъ, но свободныхъ денегъ, какъ это было тогда и съ другими помѣщиками, у него никогда не было. Какъ только въ нихъ являлась необходимость, такъ приходилось экстренно продавать что-нибудь изъ имѣнія: какой-нибудь лѣсокъ, нѣсколькихъ лошадей или коровъ и крестьянъ цѣлыми семьями. За второю женою дѣдушка не взялъ никакого приданаго, кромѣ домашней обстановки.

Марья Өедоровна лишилась матери въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Когда ей исполнилось лѣтъ 8—9, отецъ отдалъ ее въ интернатъ одного изъ самыхъ модныхъ московскихъ пансіоновъ. Онъ и раньше велъ безпутный образъ жизни, а сдѣлавшись вдовцомъ, сталъ такъ кутить, что привелъ въ полное разстройство свое когда-то хорошее имѣніе. Послѣ его внезапной смерти опекуномъ Марьи Өедоровны, въ то время еще не кончившей пансіонскаго курса, назначенъ былъ мужъ ея двоюродной сестры. Онъ гораздо болѣе заботился о себѣ, чѣмъ объ опекаемой имъ сиротѣ. Ко времени окончанія воспитанія Марьи Өедоровны у нея уже не было ни имѣнія, ни даже дома: все было продано съ молотка, всѣ вырученныя деньги, по словамъ опекуна, пошли какъ на покрытіе громадныхъ долговъ ея отца, такъ и на необходимыя траты по ея воспитанію. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что имѣніе и домъ были проданы подставному лицу и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлались собственностью опекуна.

По выходѣ изъ пансіона Марьи Өедоровны, ее, какъ бы изъ милости, взялъ къ себѣ опекунъ. Какъ на величайшую свою заслугу онъ указывалъ на то, что сохранилъ для сироты прекрасную, по тѣмъ временамъ, обстановку ея родительскаго дома и платья ея матери. Степанъ Петровичъ Гонецкій, встрѣтивъ нѣсколько разъ молодую дѣвушку, сдѣлалъ ей предложеніе, но она отказала ему.

Мѣстные обыватели упорно говорили, что послѣ того, какъ

Гонецкій получилъ отказъ отъ Марьи Ѳедоровны, онъ вошелъ съ опекуномъ въ такую сдѣлку: если тотъ постарается склонить молодую дѣвушку на бракъ съ нимъ, онъ, Гонецкій, не потребуетъ отъ него отчета по опекѣ, за который ему приходилось сильно побаиваться, не подниметъ дѣла о незаконной продажѣ родового имѣнія Марьи Ѳедоровны. Состоялось ли такое соглашеніе между дѣдушкою и опекуномъ, осталось неизвѣстнымъ даже и для Марьи Ѳедоровны, но она разсказывала моей матери, что съ тѣхъ поръ, какъ она отказала дѣдушкѣ въ своей рукѣ, жизнь въ домѣ опекуна сдѣлалась для нея невыносимой. Его жена, т. е. ея двоюродная сестра, ихъ взрослыя дочери и самъ опекунъ чуть не ежедневно настойчиво убѣждали ее принять предложеніе дѣдушки. Такъ какъ она не соглашалась на это, то они стали возмутительно обращаться съ нею и попрекали ее каждымъ кускомъ. Наконецъ, опекунъ объявилъ ей, что онъ нашелъ мѣсто въ губернскомъ городѣ и не можетъ взять ее со своею семьею, такъ какъ находится въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Впослѣдствіи оказалось, что онъ никуда не собирался уѣзжать, но молодая дѣвушка пришла въ отчаяніе, не зная, что ей дѣлать съ собой. Кромѣ двоюродной сестры—жены опекуна, у Марьи Ѳедоровны не было на свѣтѣ ни одного близкаго лица, съ кѣмъ бы она могла посовѣтоваться, и она не нашла никакого другого выхода изъ своего положенія, какъ принять предложеніе Гонецкаго, когда тотъ повторилъ его.

Разсказывая моей матери о своей двухлѣтней брачной жизни, Марья Ѳедоровна говорила ей, что Степанъ Петровичъ, до пріѣзда его дѣтей, никогда не былъ съ нею ни жестокъ, ни грубъ; напротивъ, онъ старался окружить ее полнымъ довольствомъ, а когда отлучался въ городъ, привозилъ ей щедрые подарки. Но, несмотря на это, жизнь съ мужемъ становилась для нея все невыносимѣе. Пока она ожидала ребенка, она коекакъ еще мирилась съ своимъ положеніемъ, но когда она потеряла и эту надежду, она рѣшилась уйти въ манастырь. Однако она боялась приступить съ этой просьбой къ мужу, и ее стала душить тоска, которую она не могла скрыть даже отъ него. Степанъ Петровичъ сталъ часто заставать ее въ слезахъ и журилъ ее, говоря, что каждая на ея мѣстѣ только радовалась бы, живя въ такомъ довольствѣ, что пусть она скажетъ ему, чего она еще хочетъ, и онъ все сдѣлаетъ, лишь бы она не тосковала. Эти утѣшенія совсѣмъ не утѣшали ея, и всю надежду она возлагала на пріѣздъ мужниной дочери Александры, которая скоро выйдетъ изъ института, на то, что она будетъ жить вмѣстѣ съ ними въ Бухоновѣ, и ея жизнь такимъ образомъ скрасится присутствіемъ молодой падчерицы, которой она постарается быть родною матерью. Но, какъ уже извѣстно, и эти мечты несчастной женщины не осуществились.

Посиѣшныя приготовленія къ свадьбѣ моей матери, частыя посѣщенія Бухонова моимъ отцомъ въ качествѣ жениха,—все это

сдерживало домашнія сцены между мужемъ и женою. Впрочемъ, онѣ не могли происходить и потому, что дѣдушка въ это время рѣдко бывалъ дома. Чтобы дать хотя самое скромное приданое дочери и сыграть свадьбу, соотвѣтственную съ его положеніемъ, ему часто приходилось ѣздить какъ въ городъ, такъ и въ свое другое имѣніе. Это дало возможность молодежи по цѣлымъ днямъ оставаться вмѣстѣ. Хотя дѣдушка теперь мало сидѣлъ дома, но онъ не могъ не замѣтить, что и мой отецъ, самъ по себѣ не будучи въ то время уже молодымъ человѣкомъ, примкнулъ къ кругу молодежи, и что всѣ они одинаково относились къ Марьѣ Ѳедоровнѣ съ большимъ вниманіемъ. Матушка, разсказывая о М. Ѳ., обыкновенно прибавляла, что каждый, кто хотя нѣсколько сближался съ нею, проникался къ ней необыкновенною симпатіею. Такъ относились къ ней и помѣщики, и крестьяне, и близкіе, и дальніе, и свои, и чужіе. Ея привлекательная внѣшность вполнѣ гармонировала съ ея душевными и умственными качествами. Будучи по натурѣ чрезвычайно кроткой, но живой, она въ то же время была умна, находчива и внимательна къ каждому.

Послѣ свадьбы моей матери, крутой и властный нравъ дѣдушки настолько обострился, что онъ уже началъ не только придираться ко всякому пустяку, но и давать волю рукамъ. Жизнь молодой женщины сдѣлалась настоящей каторгой, и она однажды бросилась на колѣни передъ своимъ мужемъ, умоляя его отпустить ее въ монастырь. Но это-то окончательно и взбѣсило дѣдушку. Его ненависть къ монастырямъ была всѣмъ извѣстна: въ разговорахъ съ сосѣдями онъ обыкновенно приравнивалъ ихъ къ «непотребнымъ домамъ». Просьба жены показалась ему неслыханною дерзостью, презрѣніемъ къ его взглядамъ. Онъ тутъ же избилъ ее за это до полусмерти и объявилъ, что, вмѣсто монастыря, онъ на другой же день отправитъ ее въ Васильково.

Въ фольваркъ Васильково дѣдушка ссылалъ всѣхъ, чѣмъ-нибудь провинившихся передъ нимъ крестьянъ, которые должны были, смотря по времени года, заниматься рубкою дровъ, или выкорчевываніемъ корней деревьевъ. Простой народъ называлъ Васильково „Выселками“ или „Ссыльнымъ поселкомъ“. Надъ опальными крестьянами, которые въ наказаніе были поселены здѣсь безъ своихъ семействъ, надзиралъ особый староста, тоже простой крестьянинъ, единственный неопальный человѣкъ среди Васильковскаго люда, а потому и жившій здѣсь съ своею семьею. Этотъ пустынный и жалкій поселокъ состоялъ изъ сѣнныхъ сараевъ и построекъ для лошадей, нѣсколькихъ избъ, въ которыхъ жили опальные крестьяне, и изъ конторы—тоже простой хаты, только нѣсколько побольше остальныхъ, которая служила жилищемъ старосты и его семьи. Больше ничего не было въ этомъ фольваркѣ — ни огорода, ни сада, не было по близости и другихъ жилищъ: болота, безконечныя болота и топкія лужайки тянулись вокругъ. Дѣдушка приказалъ поселить свою молодую жену въ конторѣ этого поселка.

Итакъ, жена зажиточнаго помѣщика, жившая до тѣхъ поръ въ довольствѣ и холѣ, должна была поселиться въ болотистой мѣстности и жить безъ всякихъ средствъ, такъ какъ мужъ ни при ея отъѣздѣ, ни впослѣдствіи не далъ ей ни денегъ, ни провизіи, ни скота, ни прислуги. Чтобы сдѣлать для жены это изгнаніе еще болѣе унизительнымъ и чувствительнымъ, дѣдушка въ день ея отъѣзда всталъ съ разсвѣтомъ и, увидавъ на дворѣ телѣгу, въ которой обыкновенно вывозили навозъ, закричалъ на весь дворъ такъ, чтобы его могли услышать всѣ крестьяне, находившіеся тамъ: «въ этой телѣгѣ вы вывозите навозъ изъ хлѣвовъ, а сегодня будете вывозить навозъ изъ моего дома». И онъ приказалъ запречь въ навозную телѣгу рабочую лошадь и везти свою жену въ Васильково. Затѣмъ, подозвавъ къ крыльцу двухъ дворовыхъ, которые должны были везти Марью Өедоровну, онъ, подъ угрозою строгаго наказанія, запретилъ имъ класть на подводу какія бы то ни было вещи, кромѣ ея двухъ сундуковъ съ одеждою. Когда одна изъ дѣвокъ пробѣжала мимо него съ подушками, не зная, что и это запрещено класть на возъ, дѣдушка ударилъ ее со всей силы, вырвалъ у нея подушки и бросилъ ихъ на землю.

Только-что этотъ печальный кортежъ, т. е. Марья Өедоровна, сидящая на сѣнѣ въ навозной телѣгѣ съ крестьяниномъ вмѣсто кучера, и сзади подвода съ ея сундуками, сдѣлали нѣсколько верстъ по скверной осенней дорогѣ, какъ ихъ догналъ верховой съ приказаніемъ отъ барина немедленно вернуться назадъ. Это извѣстіе было принято за знакъ того, что баринъ положилъ гнѣвъ на милость и позволяетъ своей ни въ чемъ неповинной женѣ возвратиться снова къ нему. Оба крестьянина, сопровождавшіе Марью Өедоровну, соскочили съ телѣгъ и бросились цѣловать ея руки. Выходили изъ хатъ и крестьяне на встрѣчу своей госпожѣ, плакали отъ радости и крестились, приговаривая: „слава Богу, слава Богу“. Но когда Марья Өедоровна подъѣхала къ дому, дѣдушка вышелъ на крыльцо и закричалъ женѣ, чтобы она не смѣла ни на шагъ никуда отлучаться изъ Василькова, чтобы она безвыѣздно проживала тамъ, что, если она осмѣлится нарушить его приказаніе, онъ отправитъ ее туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ.

Вторичный отъѣздъ Марьи Өедоровны, видимо, вызвалъ въ крестьянахъ душевное сокрушеніе о своей бывшей барынѣ, которая была съ ними всегда привѣтлива и добра; они выходили изъ своихъ хатъ съ образами, крестили и благословляли ее, рыдая навзрыдъ, цѣловали ея руки, кланялись земно. Бабы связывали ноги и крылья курицъ и совали ихъ въ телѣгу, ставили туда лукошки съ яйцами, узелки съ ковригами хлѣба. Одна баба выбѣжала съ подушкою въ рукѣ и, подсовывая ее подъ голову полуживой Марьи Өедоровны, сказала: «она у меня чистенькая, барынька, не побрезгуй... Дочкѣ въ приданое готовила»... А старуха, снявъ съ шеи кипарисовый крестикъ на снуркѣ и надѣ-

вая его Маріи Ѳедоровнѣ, проговорила, обливаясь слезами: «Не обезсудь, болѣзная... Ничего нѣтути у самой... отъ покойнаго сынишки, младенца Ванюши... онъ тебя сохранитъ своими чистыми молитвами».

Помѣщичій домъ въ Бухоновѣ стоялъ на невысокой горѣ, внизу которой разстилалось прекрасное озеро на десять верстъ въ длину, а въ серединѣ, на самомъ его узкомъ мѣстѣ, въ ширину была лишь верста съ небольшимъ. На противоположномъ берегу этого озера, нѣсколько наискось, тоже на возвышенномъ мѣстѣ, стоялъ домъ моихъ родителей Цевловскихъ. Изъ Бухонова въ Погорѣлое нужно было сухимъ путемъ ѣхать въ объѣздъ верстъ пятнадцать, а по озеру крестьяне въ своихъ душегубкахъ переѣзжали изъ одного имѣнія въ другое часа въ полтора. Мѣщанинъ, бывшій по своимъ дѣламъ въ Бухоновѣ въ моментъ изгнанія Марьи Ѳедоровны, возвращался въ свою лавку, находившуюся недалеко отъ Погорѣлаго и завернулъ къ моей матери, чтобы разсказать ей все, что только-что произошло съ ея мачехою. Такимъ образомъ мои родители очень скоро узнали о случившемся въ Бухоновѣ. Мой отецъ сталъ сейчасъ же торопить людей, чтобы они запрягали бричку и приготовляли подводы подъ вещи, а матушку просилъ какъ можно скорѣе укладывать вещи и провизію для Марьи Ѳедоровны, необходимыя въ хозяйствѣ на первыхъ порахъ. Но вдругъ, въ самый разгаръ этихъ сборовъ, матушкѣ пришло въ голову, что родной отецъ можетъ проклясть ее за помощь мачехѣ. Тогда эти родительскія проклятія были въ большомъ ходу, и каждый боялся пуще смерти накликать ихъ на себя. Она бросилась къ мужу и передала ему свою мысль. Но онъ началъ стыдить ее за то, что она въ такую тяжелую для Марьи Ѳедоровны минуту болѣе думаетъ о себѣ и проклятіяхъ взбалмошнаго старика, чѣмъ о невинно-погибающей женщинѣ, которая выказала ей столько любви и ласки.

— Да, — говорила намъ при этомъ матушка, — хотя я во многихъ взглядахъ расходилась съ вашимъ отцомъ при его жизни, но всегда понимала, особенно же ясно сознаю это теперь, что я и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи была ниже его. Вамъ трудно повѣрить, но клянусь вамъ всѣми святыми, что вашъ отецъ уже въ 30-хъ и 40-хъ гг., слѣдовательно, въ эпоху злѣйшаго крѣпостничества, проводилъ тѣ же гуманныя идеи, какимъ слѣдуете и вы. Когда я что-нибудь начинаю дѣлать, я всегда думаю: а какъ бы Николай Григорьевичъ взглянулъ на это, что бы онъ сказалъ?.. Да, онъ былъ лучшій изъ людей, которыхъ я знала!

И вотъ, матушка съ отцомъ торопили людей, чтобы они скорѣе клали на подводы все, что имъ было приказано: посуду, перины, подушки, провизію, и сами, не медля ни минуты, отправились въ дорогу. Изъ Погорѣлаго въ Васильково дорога была короче и лучше, чѣмъ изъ Бухонова; къ тому же мои родители ѣхали быстро и не останавливались, а Марью Ѳедоровну везли

шагомъ, и ее приходилось выносить изъ телѣги и класть на лавку въ нѣсколькихъ попадавшихся по дорогѣ хатахъ,—такъ плохо чувствовала она себя. Вслѣдствіе этого, когда телѣженка Марьи Ѳедоровны въѣхала на дворъ Василькова съ одной стороны, съ противоположной—внеслась туда же бричка моихъ родителей, запряженная тройкой.

Марью Ѳедоровну на рукахъ перенесли въ экипажъ родителей, пока на скорую руку приготовляли для нея комнаты, точнѣе сказать избу или контору, перегороженную на три клѣтушки.

Ссылка на болото потрясла молодую женщину своею неожиданностью, проводы же крестьянъ тронули ее до глубины души, и ей стали приходить мысли, которыя раньше не посѣщали ея. Она горько упрекала себя за то, что никогда не думала хотя чѣмъ-нибудь облегчить жалкое положеніе крестьянъ, и, по ея словамъ, выходило, что она «задаромъ приняла ихъ ласку, жалость и любовь къ себѣ. Правда я не могла многаго сдѣлать для нихъ, но должна была пытаться хотя защищать ихъ. Конечно, Степанъ Петровичъ человѣкъ суровый», разсуждала она, «но до послѣдняго времени онъ любилъ меня по своему... Можетъ быть, если бы я стала просить его за ссыльныхъ въ минуты, когда проходили его вспышки, онъ, пожалуй, и не разлучалъ бы ихъ съ семьями, либо прощалъ бы ихъ черезъ мѣсяцъ-другой. Если бы онъ даже только обругалъ меня за то, что я суюсь не въ свое дѣло, все же у меня на сердцѣ не было бы такъ тяжело... А я думала только объ одномъ, чтобы не перечить ему, чтобы лишній разъ не слышать его наставительнаго тона, значитъ, дѣлала только то, чтобы мнѣ самой было спокойнѣе».

Мысль, что къ ней, которая ничего не сдѣлала хорошаго крестьянамъ, они отнеслись съ такимъ сочувствіемъ,—жила въ ней всю жизнь. На свое изгнаніе она стала смотрѣть, какъ на перстъ Провидѣнія, который указывалъ ей быть матерью, утѣшительницею и помощницею ссыльныхъ крестьянъ, съ которыми судьба ее столкнула. Будучи женщиной религіозной, она придавала чудотворное значеніе кипарисовому крестику, который надѣла ей на шею старуха, когда ее отправляли въ ссылку; она вѣрила, что покойный младенецъ Ванюша передъ престоломъ Всевышняго дѣйствительно будетъ ходатайствовать за нее. Какъ на явный признакъ такого заступничества, она указывала на то, что мои родители, мало знавшіе ее до этого несчастія, и которымъ она собственно и родней-то настоящей не приходилась, явились ея истинными благодѣтелями и друзьями.

— Вы знаете, дѣтушки,—говорила намъ мать,—я въ павлиныя перья наряжаться не люблю, представлять себя лучше, чѣмъ я была и есть,—не въ моемъ характерѣ, а потому и скажу вамъ, что нерѣдко, когда вашъ отецъ заводилъ разговоры съ М. Ѳ. на серьезныя темы, я не все понимала, а когда они говорили о помѣщикахъ, о крѣпостныхъ, о воспитаніи дѣтей, мнѣ

не все было понутру. Мачеха въ ту пору какъ-то больше, чѣмъ я, подходила къ его взглядамъ. Я же всѣ эти идеи воспринимала мало-по-малу, медленно, многія изъ нихъ усвоила только послѣ его смерти, а кое-что мнѣ стало ясно уже изъ споровъ и разговоровъ съ вами и вашими знакомыми, когда вы повыросли. При жизни же вашего отца я частенько огорчала его непониманіемъ многаго, оскорбляла его чистые помыслы, его великую душу.—И при этомъ воспоминаніи матушка вдругъ залилась слезами.

— Мамашечка, вѣдь вы же хорошая!—утѣшали мы ее, тронутые ея искренностью.—Вѣдь если васъ всю жизнь любилъ такой человѣкъ, какъ отецъ, значитъ, онъ видѣлъ, что вы по натурѣ—человѣкъ очень хорошій. только у васъ были нѣкоторыя привычки того времени...

— Вотъ именно, привычки... Да, привычки были дурныя, по нынѣшнимъ временамъ даже постыдныя,—говорила она, утѣшенная нашими словами, зная, что мы говоримъ искренно и скорѣе можемъ быть грубоватыми съ нею, но неспособны льстить въ угоду ей.

— Разскажите же, голубчикъ, въ чемъ и какъ выражались у васъ идейныя размолвки съ отцомъ?

— А вотъ, бывало, М. Ѳ. говоритъ ему что-нибудь въ такомъ родѣ: „Какъ это обидно, что для насъ, помѣщиковъ, нужно какое-нибудь тяжелое горе для того, чтобы мы рѣшились быть людьми"...

— Да не всѣхъ этому и горе научаетъ,—отвѣчаетъ ей Николай Григорьевичъ,—наши помѣщики глубоко убѣждены въ томъ, что только они одни люди, а крестьяне—скоты, и что съ ними, какъ со скотами, и поступать надо.

Подобныя разсужденія ихъ обоихъ меня всегда злили, и я начинала доказывать имъ, что крестьяне дѣйствительно часто поступаютъ, какъ скоты, приводила примѣры, какъ они звѣрски убили того или другого помѣщика, какъ надули, обокрали и т. д.

— А отъ кого ты все это слышишь?—возражалъ мужъ—отъ тѣхъ же помѣщиковъ! Но тебѣ не безызвѣстно какъ они до смерти засѣкаютъ крестьянъ, какъ въ наказаніе надѣваютъ имъ рогатки на шею? Ну, и доводятъ себя до того, что крестьяне звѣрски убиваютъ своихъ тирановъ.—А то, бывало, съ сердцемъ прибавитъ: „удивительно, Шурочка, что въ тебѣ, именно въ тебѣ такъ крѣпко засѣла крѣпостная закваска! Съ ранняго возраста ты воспитывалась въ институтѣ, крестьяне лично не сдѣлали тебѣ ничего дурного, ты еще и теперь ребенокъ, жизни совсѣмъ не знаешь, а разсуждаешь, какъ заправская помѣщица!»

Передъ отъѣздомъ изъ Василькова мои родители обѣщали часто навѣщать М. Ѳ. и ее умоляли пріѣзжать къ нимъ въ Погорѣлое. Но она испугалась даже этой мысли, утверждая, что Степанъ Петровичъ не запретилъ и не можетъ запретить моимъ родителямъ бывать у нея (хотя они могутъ уже и этимъ навлечь

его гнѣвъ на себя), а ей онъ прямо приказалъ безвыѣздно жить въ Васильковѣ, объявилъ, что, если она нарушитъ его волю, онъ выполнитъ свою угрозу и еще болѣе ухудшитъ ея положеніе.

Всѣ эти разговоры шли въ крошечныхъ комнатахъ, въ которыхъ съ утра до вечера толклись люди, занятые отдѣлкою и чисткою жилища М. Ѳ., слѣдовательно, они слышали все, о чемъ говорили господа. Въ день отъѣзда, когда уже былъ поданъ экипажъ моихъ родителей, всѣ «ссыльные», а также семья старосты и люди отца, привезенные имъ для услугъ, собрались на дворѣ и, при появленіи моихъ родителей, бросились на колѣни передъ ними, упрашивая ихъ, чтобы они пріѣзжали къ М. Ѳ. и чтобы она навѣщала ихъ, при этомъ они клялись, что никто изъ нихъ никогда не проговорится объ этомъ «старому барину».

Хотя Марія Ѳедоровна была увѣрена въ томъ, что крестьяне свято сдержатъ свое слово, но она не сомнѣвалась, что ея мужъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, когда она стала часто ѣздить въ Погорѣлое, зналъ объ этомъ, но не показывалъ вида, что это ему извѣстно, и держалъ себя такъ, точно жены его не существовало; онъ никогда не писалъ ей, не дѣлалъ относительно ея никакихъ распоряженій, ничего не посылалъ ей. Но о своемъ несчастномъ фольваркѣ онъ не забывалъ: онъ попрежнему ссылалъ туда провинившихся крестьянъ, а нѣкоторымъ изъ раньше сосланныхъ приказывалъ возвратить. Вообще дѣдушка съ момента изгнанія своей жены ни разу не видалъ ее вплоть до самой кончины ея.

До первыхъ родовъ моей матери мои родители часто посѣщали М. Ѳ., но она долго не рѣшалась навѣщать ихъ. Когда они пріѣзжали въ Васильково, большая часть времени проходила у нихъ въ совмѣстномъ чтеніи. Отецъ читалъ вслухъ Пушкина, а также сочиненія Руссо и Вольтера въ подлинникѣ, такъ какъ всѣ трое прекрасно знали французскій языкъ.

Разсказывая намъ о совмѣстномъ чтеніи втроемъ, матушка при этомъ чистосердечно сознавалась, что какъ это чтеніе, такъ и разсужденія отца по поводу прочитаннаго, несравненно болѣе живо воспринимались ея мачехою, чѣмъ ею, такъ какъ она сама была еще очень молода. Къ тому же институтское воспитаніе того времени, не давая ни знаній, ни малѣйшаго умственнаго развитія, въ то же время притупляло наблюдательность, а М. Ѳ. была и старше ея на четыре года, и воспитывалась не въ закрытомъ заведеніи, а въ хорошемъ пансіонѣ и имѣла возможность думать и наблюдать все, ее окружающее.

М. Ѳ., по словамъ моей матери, была въ неописанномъ восторгѣ отъ этихъ чтеній, которыя открыли ей, какъ она говорила, новый міръ. Когда отецъ уѣзжалъ, она на время удерживала у себя книги, переписывала то, что ей особенно нравилось и, обладая замѣчательною памятью, произносила наизусть съ необыкновеннымъ выраженіемъ большіе отрывки изъ названныхъ писателей. Она вообще вела въ Васильковѣ дѣятельный образъ жизни:

серьезно занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ, желая извлечь изъ него наибольшую выгоду, въ то же время постоянно посѣщала ссыльныхъ крѣпостныхъ, съ которыми сроднилась душой, прекрасно ознакомившись съ нуждами каждаго изъ нихъ, шила имъ рубахи, лѣчила ихъ, дѣлилась съ нуждающимися всѣмъ, чѣмъ могла, призывала всѣхъ ихъ къ себѣ каждое воскресенье, зажигала восковыя свѣчи у образовъ и лампадку и читала имъ вслухъ молитвы и евангеліе.

Не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ водворенія на новомъ мѣстѣ М. Ѳ., какъ она стала убѣждать моихъ родителей навѣстить ея мужа. Отправляясь къ дѣдушкѣ, мои родители думали, что онъ или не приметъ ихъ за участіе ихъ къ судьбѣ М. Ѳ., или что послѣ этого визита имъ уже не придется болѣе навѣщать его. Но дѣдушка встрѣтилъ ихъ чрезвычайно радушно и въ продолженіе всего дня, который они пробыли у него, не проронилъ ни одного слова о своей женѣ.

Матушка на другой же день отправилась къ мачехѣ, поджидавшей ее съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Когда она на этотъ разъ вошла въ горницу къ мачехѣ, она, къ крайнему своему удивленію, застала у нея мѣстнаго священника, весьма добраго и умнаго человѣка. Этотъ визитъ бѣднаго деревенскаго попа, находившагося въ матеріальной зависимости отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, былъ смѣлымъ и благороднымъ поступкомъ съ его стороны, а потому М. Ѳ. сказала падчерицѣ, чтобы она не стѣснялась присутствіемъ батюшки и разсказала при немъ все, какъ было. Когда матушка увѣряла ее, что о ней не было произнесено ни слова, М. Ѳ. вытащила свой завѣтный крестикъ, перекрестилась, поцѣловала его съ благоговѣніемъ и произнесла: «Это меня защищаетъ покойный младенецъ Ванюша своими чистыми молитвами»... Священникъ замѣтилъ при этомъ: «Степану Петровичу не безызвѣстно, что порядочные люди этой мѣстности очень полюбили М. Ѳ. за ея смиреніе и кроткое обхожденіе со всѣми; онъ знаетъ и то, что Николай Григорьевичъ не послѣдній человѣкъ: хотя онъ и очень недавно поселился у насъ, но зарекомендовалъ себя, какъ образованный помѣщикъ; къ тому же онъ состоитъ въ большой дружбѣ съ предводителемъ дворянства и съ живущимъ за границей княземъ Г., — богатѣйшимъ человѣкомъ съ большими связями. Вотъ Степанъ Петровичъ и принимаетъ все это въ разсчетъ и боится еще болѣе тѣснить свою супругу, чтобы не нажить себѣ «исторіи».

Съ появленіемъ въ домѣ моихъ родителей маленькаго существа, жизнь М. Ѳ. получила для нея новый интересъ. Какъ только ей дали знать о наступившихъ родахъ падчерицы, она уже болѣе не могла думать объ угрозахъ своего мужа и въ первый разъ отправилась въ Погорѣлое. Къ тому же, на ея счастье, Степанъ Петровичъ наотрѣзъ отказался быть крестнымъ отцомъ своего перваго внука. Его обязанность долженъ былъ взять на

себя кто-то другой, но зато М. Ѳ. могла быть, вслѣдствіе этого, крестною матерью.

Своего крестника и внука она стала обожать съ момента его появленія на свѣтъ божій. Она не отходила отъ него и была въ восторгѣ, когда ей приходилось спать съ нимъ въ одной комнатѣ, подбѣгая къ нему каждый разъ, когда тотъ начиналъ пищать, хотя въ дѣтской находилась и кормилица новорожденнаго. Съ тѣхъ поръ М. Ѳ. стала часто бывать у родителей и гостила у нихъ по недѣлямъ, такъ какъ страстно привязалась къ новорожденному, а когда тотъ впервые произнесъ «баба» (бабушкѣ въ это время шелъ 21-й годъ), ея восторгамъ не было предѣловъ.

Послѣ родовъ перваго ребенка матушка скоро опять забеременѣла, и М. Ѳ. стала умолять моихъ родителей отдать ей на воспитаніе ихъ первенца. Но отецъ не согласился на это прежде всего потому, что находилъ болотный воздухъ Василькова вреднымъ для здоровья ребенка. Число внуковъ М. Ѳ. увеличивалось почти съ каждымъ годомъ, и она всѣхъ ихъ обожала, нянчила, обшивала, забавляла.

М. Ѳ. умерла очень молодою, а именно 27—28 лѣтъ, проживъ въ Васильковѣ лишь семь лѣтъ. Случилось ли эта преждевременная смерть отъ болотнаго воздуха поселка, или отъ того, что неудачный бракъ истерзалъ ея душу, отъ того ли, что, посѣщая Погорѣлое, она не разбирала погоды, но скорѣе всего отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ она уже черезъ 3—4 года послѣ своей ссылки стала замѣтно хирѣть, кашель все усиливался, и она таяла, какъ свѣчка.

Еще въ то время, когда М. Ѳ. только-что разошлась со своимъ мужемъ, мой отецъ извѣстилъ объ этомъ ея пасынковъ, Ивана и Николая Гонецкихъ. Они немедленно, тотъ и другой, стали писать ей нѣжныя письма, посылали ей подарки и деньги, и эти добрыя отношенія къ ней съ ихъ стороны не прекращались до ея смерти. Мало того: года черезъ два послѣ разрыва мачехи съ мужемъ они пріѣхали лѣтомъ въ Бухоново и прежде, чѣмъ отправиться къ отцу, заѣхали къ ней. Не желая, вѣроятно, чтобы отецъ узналъ объ этомъ отъ другихъ, они сами сказали ему, что заѣзжали въ Васильково. Они передавали сестрѣ (т. е. моей матери), что отецъ съ удивленіемъ взглянулъ на нихъ, ничего не сказалъ и сейчасъ же перевелъ разговоръ на другую тему. А когда моя мать написала своимъ братьямъ, что на выздоровленіе М. Ѳ. нѣтъ никакой надежды, они, несмотря на военную службу, на ужасающую осеннюю распутицу, несмотря на отсутствіе тогда желѣзныхъ дорогъ, выхлопотали себѣ короткій отпускъ и пріѣхали навѣстить свою мачеху, но застали ее уже въ гробу.

Передъ своей кончиной Марья Ѳедоровна подозвала къ себѣ матушку и просила ее, послѣ смерти, не снимать съ ея шеи кипарисоваго крестика, говоря, что онъ принесъ ей большое счастье, далъ ей возможность сродниться съ семьею моихъ родителей,

прожить человѣческою жизнью послѣдніе годы. Когда она скончалась, мой отецъ отправилъ верхового къ Степану Петровичу съ извѣстіемъ о кончинѣ его жены, но лишь только успѣли «обрядить» покойницу, какъ пріѣхали ея пасынки, прискакавшіе въ Васильково на перекладныхъ. Скоро послѣ нихъ въ комнату усопшей вошелъ и ея мужъ, Степанъ Петровичъ. Первое, что онъ увидалъ,—всѣхъ своихъ троихъ дѣтей, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ покойной и горько рыдавшихъ, а ссыльные крестьяне окружали ея маленькій домикъ снаружи и набожно молились. Дѣдушка подошелъ ко гробу, сдѣлалъ земной поклонъ, поцѣловалъ руку усопшей и, ни съ кѣмъ не разговаривая, ничего не разспрашивая, не здороваясь и не прощаясь, тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Онъ не былъ на похоронахъ и пересталъ куда бы то ни было выѣзжать изъ своего помѣстья. Очень скоро послѣ смерти Маріи Өедоровны пожаръ уничтожилъ всѣ постройки Василькова: ссыльные крестьяне были возвращены на свои мѣста и больше туда никого не ссылали.

Дѣдушка пережилъ свою вторую жену лишь на нѣсколько мѣсяцевъ.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Первый Съѣздъ Россiйской С.-Д. Р. Партiи.

Соцiалдемократическое движенiе въ Россiи возникло какъ естественный продуктъ общественной жизни; оно не было создано какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ или отдѣльною группою лицъ; оно проявилось одновременно и самостоятельно въ разныхъ концахъ Россiи, какъ новая фаза въ развитiи стараго, почти полувѣкового соцiалистическаго движенiя. Объективно возможность его развитiя несомнѣнно опредѣлялась появленiемъ и усиленiемъ рабочаго класса среди другихъ слоевъ русскаго народа, субъективно же представители новаго соцiалистическаго ученiя почерпали теоретическiе тезисы своихъ взглядовъ частью изъ опыта предшествующей дѣятельности революцiоннаго народничества—въ этомъ отношенiи соцiалдемократическое движенiе было уже цѣликомъ и полностью подготовлено къ концу семидесятыхъ годовъ [1])—частью же изъ нѣмецкой и польской литературы. Реакцiя первой половины восьмидесятыхъ годовъ, создавъ грань между этими двумя направленiями соцiалистической мысли,—народовольческимъ и соцiалдемократическимъ—переломила линiю прямого ея развитiя, и новый подъемъ соцiалистическаго движенiя совпалъ съ перемѣною самихъ формъ его.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, т. е. ко времени окончательной гибели народовольческихъ организацiй, мы находимъ уже цѣлый рядъ соцiалдемократическихъ группъ въ Россiи, а именно: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кiевѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Минскѣ и др.; кромѣ того, въ Швейцарiи образовалась русская соцiалдемократическая группа „Освобожденiе Труда“, ставшая теоретическимъ выразителемъ этого движенiя. Такъ какъ она одна могла говорить среди наступившей въ самой Россiи тишины послѣ пораженiя „Народной Воли“, то многiе, и въ томъ числѣ она сама, считали ее родоначальницей всего соцiалдемократическаго движенiя въ Россiи.

[1]) Это обстоятельство часто забываютъ, а между тѣмъ многiя изъ первыхъ соцiалдемократическихъ группъ назывались даже ново-народовольческими.

Начало новаго подъема общественнаго движенія, послѣдовавшее за голоднымъ 91-мъ годомъ, застало въ наличности оба эти направленія, старое и новое, приблизительно равными по силѣ и уже вступившими въ горячую борьбу. Это была идейная борьба въ ея чистомъ видѣ, такъ какъ ни то ни другое направленіе не было организовано и не могло одолѣть противника иначе, какъ силою доводовъ. Аргументы въ этомъ спорѣ жизнь дала, какъ извѣстно, соціалдемократіи, и черезъ десять лѣтъ послѣ возникновенія разрозненныхъ соціалдемократическихъ группъ, къ серединѣ девяностыхъ годовъ, марксизмъ сдѣлался господствующимъ теченіемъ среди соціалистовъ въ Россіи. Тогда создалась возможность и появилась необходимость приступить къ организаціонному объединенію дѣятельности отдѣльныхъ соціалдемократическихъ группъ, и эта идея естественно возникла у наиболѣе сильныхъ изъ нихъ.

„Московская организація—сообщаетъ М. Лядовъ—уже въ 94-мъ году, на одномъ изъ своихъ засѣданій возбудила вопросъ о необходимости выпустить манифестъ съ изложеніемъ основной точки зрѣнія организаціи по главнѣйшимъ вопросамъ. Иниціаторы этой идеи въ самомъ фактѣ изданія манифеста видѣли первый шагъ къ созданію единой партіи. Московскій Союзъ, говорили они, послужитъ ядромъ для группировки всѣхъ единомыслящихъ. Географическое положеніе Москвы прямо навязываетъ ей роль центра рабочаго движенія. Тогда эта идея была оставлена. Весною 95-го года организація снова поднимаетъ вопросъ объ изданіи манифеста, но теперь она уже знаетъ о самостоятельномъ существованіи цѣлаго ряда организацій, работающихъ въ другихъ мѣстахъ; было бы желательно издать этотъ манифестъ отъ имени всѣхъ наличныхъ дѣйствующихъ организацій, чтобы этотъ манифестъ былъ результатомъ коллективнаго опыта всѣхъ соціалдемократовъ-практиковъ. Поэтому необходимо, чтобы манифестъ былъ выработанъ на съѣздѣ. Но этотъ съѣздъ не долженъ ограничиваться выработкой одного манифеста: онъ долженъ создать партію, а съ этой цѣлью нужно, чтобы онъ утвердилъ въ качествѣ центральной организаціи одну какую-нибудь наиболѣе старую и опытную организацію“. Но въ августѣ 95-го года група была арестована [1]).

---

[1]) М. Лядовъ. Исторія Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи, часть II, стр. 26. Книжкою М. Лядова приходится пользоваться съ величайшею осторожностью, такъ какъ авторъ совершенно не считаетъ себя обязаннымъ доказывать свои сужденія ссылками на факты, на документы, на даты или на имена. Критику даже трудно указывать на тѣ или иныя фантастическія страницы „Исторіи“ Лядова, потому что фантастичность составляетъ самую основу его книги, а не отдѣльныя ея ошибки. Вопросъ, составляющій тему настоящей статьи, является лишь эпизодомъ въ исторіи нашей партіи, но ему посвящена пятая часть книжки Лядова; въ дальнѣйшемъ, излагая факты, я отмѣчу во многихъ мѣстахъ легенды Лядова о первомъ съѣздѣ с.-д. партіи. Насъ раздѣляютъ съ Лядовымъ глубокія принципіальныя разногласія, и невозможно надѣяться, чтобы мы сошлись съ нимъ *въ объяс-*

Точно также и въ Петербургѣ, совершенно независимо отъ Москвы, зрѣла мысль о созывѣ съѣзда и объ организаціонномъ объединеніи партіи. Какъ я уже писалъ въ „Очеркахъ развитія соціалдемократіи въ Россіи“ [1]), этою мыслью была занята „Група 4-го Листка“ [2]), предлагавшая передать въ распоряженіе партіи, долженствовавшей сорганизоваться на съѣздѣ, свою прекрасно устроенную типографію. Наиболѣе вліятельные члены этой группы, Е. А. Прейсъ и А. С. Бѣлевскій, пріѣзжали въ Вильну для переговоровъ съ мѣстною группою объ объединеніи. Черезъ виленскихъ товарищей о планахъ группы стало извѣстно и кіевской организаціи, которая рѣшила вступить въ непосредственныя сношенія съ „Группою 4-го Листка“; точно также шли переговоры съ Москвою. Но группа и ея типографія были арестованы 13-го іюля 1896 г.

Уже въ декабрѣ того же года двѣ другія группы обсуждали новый планъ для созыва Всероссійскаго Соціалдемократическаго съѣзда. Съѣздъ былъ очереднымъ этапомъ на пути движенія, и точно такъ, какъ на войнѣ, когда нужно взять во что бы то ни стало позицію, одинъ отрядъ за другимъ идетъ къ ней на приступъ, идетъ и погибаетъ на пути, не достигнувъ цѣли, сраженный врагомъ, а на смѣну ему идутъ все новыя и новыя силы,—такъ точно и здѣсь наша партія, еще не обрамленная единою организаціей, но уже единая по духу своему, посылала одну за другою свои лучшія организаціи на трудный путь осуществленія очередной своей задачи; ни одна изъ нихъ погибла на этомъ пути, но задача была осуществлена!

Осенью 96-го года въ Петербургъ пріѣхалъ А. К., одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей виленской группы, и велъ переговоры съ Петербургскимъ Союзомъ Борьбы объ установленіи правильныхъ сношеній между виленской, петербургской и кіевской организаціями.

Въ Вильнѣ давно сознавалась насущная потребность объединенія съ русскими соціалдемократическими организаціями, во 1-ыхъ, потому, что виленская группа чувствовала себя въ силахъ и желала оказать содѣйствіе группамъ въ другихъ городахъ въ одной изъ самыхъ главныхъ нуждъ

неніи историческихъ фактовъ. Но самые факты должны быть столь неоспоримо констатированы, чтобы съ ними нельзя было спорить. Въ этомъ казалось бы мы могли сойтись съ М. Лядовымъ, разъ онъ взялся писать „исторію“, но, очевидно, мы и въ этомъ расходимся, какъ я покажу дальше.

[1]) Изданіе О. Н. Поповой, 1906 г.

[2]) Эта группа называлась народовольческою, и ея Листокъ былъ озаглавленъ такъ: „Летучій Листокъ Группы Народовольцевъ“. Но послѣ арестовъ 19-го апр. 94 г группа явно измѣнила свое направленіе, а № 4 Листка былъ уже составленъ въ чисто соціалдемократическомъ духѣ; поэтому и стали называть эту группу „Группою 4-го Листка“.

ихъ—въ дѣлѣ доставки нелегальной литературы изъ-за границы, во 2-хъ, и еще въ силу чисто групповыхъ, такъ сказать, мѣстныхъ соображеній.

Нелегальная литература получалась виленскою группою изъ-за границы уже съ самаго начала 90-хъ годовъ. Когда приходилъ транспортъ, надо было спеціально ѣхать въ Москву, Петербургъ или Кіевъ, чтобы ее туда доставить; постоянныхъ связей не было; часто приходилось ѣхать только для того, чтобы установить эти связи и просить мѣстную организацію прислать своего человѣка для полученія литературы; дѣло, такимъ образомъ, страшно осложнялось; кромѣ того, всю тягость расходовъ по транспорту приходилось выносить самой виленской группѣ и лишь впослѣдствіи возмѣщать ихъ по мѣрѣ доставки литературы организаціямъ; такого рода возмѣщеніе было дѣломъ далеко не обезпеченнымъ и во всякомъ случаѣ очень долгимъ.

Мѣстные же интересы заключались въ потребности имѣть нелегальную соціалдемократическую газету. Еврейское рабочее движеніе было уже настолько развито, что крайне нуждалось въ литературномъ органѣ; группы существовали уже, кромѣ Вильны и Минска, въ Варшавѣ, Витебскѣ, Ковнѣ, Сморгони, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Поневѣжѣ; однако же своими силами эти группы не могли осуществить это начинаніе, хотя и дѣлали къ тому попытки; такъ, напр., въ Минскѣ какъ разъ въ это время, въ концѣ 96 года, вышло нѣсколько номеровъ „Минскаго Листка“, а въ Вильнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышли два или три номера рукописной газетки, составленной цѣликомъ однимъ изъ товарищей—Вл.; тамъ былъ отдѣлъ о русской печати, о заграничной печати, о стачкахъ въ Россіи; но такая „газета“ могла изготовляться въ самомъ ограниченномъ числѣ копій и потому очень мало достигала цѣли. Впрочемъ, съ конца 95 года за границею сталъ издаваться на жаргонѣ „Judischer Arbeiter“—„Еврейскій Рабочій“,—составлявшійся и редактировавшійся цѣликомъ въ Вильнѣ, но силъ не хватало, чтобы сдѣлать его программу шире рамокъ мѣстной работы [1]).

Былъ, впрочемъ, и еще одинъ мотивъ, побудившій виленскую группу заботиться о созывѣ общероссійскаго соціалдемократическаго съѣзда. Дѣло въ томъ, что дѣятельность еврейскихъ соціалдемократическихъ группъ, интернаціональныхъ по своимъ принципамъ, безусловно стала принимать нѣкоторыя своеобразныя, національныя черты: отъ русскаго языка пришлось перейти къ жаргону, пришлось выдвинуть впередъ вопросъ о національномъ равноправіи евреевъ и, наконецъ, идею о самостоятельной еврейской соціалдемократической организаціи; такъ какъ, однако, всѣ дѣя-

---

[1]) Только впослѣдствіи, осенью 97-го года, удалось осуществить эту задачу, когда началъ выходить „Голосъ Рабочаго“, „Arbeiterstimme“.

тели виленской группы были сильно руссифицированы, то они не совсѣмъ спокойно относились къ этимъ перемѣнамъ, ими самими внесеннымъ въ ихъ дѣятельность. У нихъ не было увѣренности въ томъ, что русскіе товарищи отнесутся къ этому сочувственно, тѣмъ болѣе, что и въ ихъ средѣ не всѣ были согласны съ новою тактикой; такъ, напр., Іодихесъ („Левка"), очень вліятельный въ свое время и очень способный и энергичный дѣятель—въ это время, впрочемъ, уже эмигрировавшій—находилъ, что всѣ эти новшества совершенно не соотвѣтствуютъ принципамъ ортодоксальнаго марксизма. Насколько основательны были опасенія виленскихъ товарищей, показала впослѣдствіи долгая борьба Бунда за самостоятельное существованіе сначала съ Польскою Соціалистическою Партіей, а затѣмъ и съ Россійскою Соціалдемократической Рабочей Партіей.

Итакъ, у виленской группы была совершенно опредѣленная надобность въ общесоціалдемократической организаціи силъ въ Россіи, и она поручила одному изъ самыхъ вліятельныхъ своихъ членовъ, отправлявшемуся по своимъ личнымъ дѣламъ въ Петербургъ, переговорить объ этомъ съ петербургскими товарищами.

Въ Петербургѣ А. К. встрѣтился съ Якубовой, присутствовалъ на собраніи Союза Борьбы, сообщилъ о ходѣ работъ въ Вильнѣ, предлагалъ начать сообща издавать газету и перевозить литературу изъ-за границы. Члены Союза отвѣчали, что они уже и сами обсуждали эти вопросы и уже готовятъ первый номеръ своей газеты; дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого вышелъ „Листокъ Союза Борьбы", изданный на миміографѣ [1]). По вопросу о томъ, какъ бы связать соціалдемократическія организаціи Россіи, бесѣда велась очень долго и было рѣшено, что петербургскій Союзъ пошлетъ одного изъ товарищей за границу, чтобы ближе познакомиться съ группою „Освобожденіе Труда" и привлечь ее къ дѣлу объединенія. Однако, группа „Освобожденіе Труда" была—несмотря на широко распространенныя и популярныя сочиненія Плеханова—таинственнымъ незнакомцемъ и для виленцевъ и для петербуржцевъ; поэтому было рѣшено, что при переговорахъ необходимо точно опредѣлить условія объединенія группъ, съ тѣмъ, чтобы группа „Освобожденіе Труда" не имѣла права вмѣшиваться во внутреннія дѣла организацій въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. К. взялся съѣздить въ Кіевъ и переговорить съ тамошними товарищами.

Въ Кіевѣ виленцы имѣли связи съ группою „Рабочее Дѣло", издававшей газету „Впередъ". На предложенія А. К. кіевляне отвѣтили

[1]) № 2 этого листка вышелъ уже только за границей, печатный, онъ былъ доставленъ въ Россію въ весьма ограниченномъ количествѣ и затѣмъ пересталъ выходить.

совершенно то же, что и петербужцы: они тоже подготовляли изданіе газеты, которая могла бы стать общепартійною, а не только мѣстною, каковою была „Впередъ“; кіевлянамъ дѣйствительно удалось черезъ полъ года выпустить первый номеръ „Рабочей Газеты“; вопросъ объ объединеніи соціалдемократическихъ группъ тоже уже обсуждался группою „Рабочее Дѣло“. На собраніи, гдѣ присутствовалъ А. К., было рѣшено, что кіевская группа пошлетъ товарища въ Петербургъ для того, чтобы сблизить и взаимно ознакомить петербургскую и кіевскую группы; относительно же заграницы кіевская группа совершенно раздѣляла взгляды виленчанъ и петербуржцевъ и предложила самому А. К. тотчасъ же отправиться въ Швейцарію, на что онъ согласился.

Пріѣхавши въ Цюрихъ, А. К. засталъ уже тамъ петербургскаго делегата, Тахтарева [1]). Изъ членовъ заграничнаго Союза въ Цюрихѣ въ это время были П. Б. Аксельродъ, В. И. Засуличъ и Д. Кольцовъ. Въ виду пріѣзда А. К. и Тахтарева по столь важному дѣлу рѣшено было вызвать изъ Женевы Г. В. Плеханова. Вызвали также изъ Брюсселя представителя Литовской Соціалдемократической Организаціи К—на, но онъ опоздалъ и пріѣхалъ только черезъ нѣсколько дней.

Когда пріѣхалъ Плехановъ, всѣ шестеро отправились въ лѣсъ, на Zürichberg, чтобы побесѣдовать. Пріѣхавшіе изъ Россіи изложили свои планы, при чемъ особенно настойчиво проводили мысль о невмѣшательствѣ Заграничнаго Союза во внутреннія дѣла организацій въ Россіи въ случаѣ объединенія, что вызвало нѣсколько саркастическихъ замѣчаній Плеханова, и разговоръ скоро принялъ острый характеръ. Тахтаревъ и А. К. ставили на видъ группѣ „Освобожденіе Труда“, что ея издательская дѣятельность не удовлетворяетъ запросамъ движенія, и выражали удивленіе, что заграничный „Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ“ не издаетъ мелкія брошюрки, необходимыя для пропаганды среди широкихъ слоевъ рабочаго класса [2]). Имъ отвѣчалъ Плехановъ. Онъ указалъ на то, что члены группы „Освобожденіе Труда“, какъ старые борцы,

---

[1]) Тахтаревъ долженъ былъ скрыться изъ Петербурга въ январѣ 1897 г., чтобы предупредить свой арестъ. Онъ побывалъ въ Брюсселѣ, Парижѣ и пробылъ нѣкоторое время въ Женевѣ, гдѣ побывалъ у Г. В. Плеханова; въ Цюрихъ пріѣхалъ для переговоровъ съ П. Б. Аксельродомъ.

[2]) Въ 89 году группа „Освобожденіе Труда“ организовала „Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ“, въ составъ котораго вступила какъ самостоятельная группа. У союза была „турецкая конституція“, отдававшая всѣ дѣла Союза въ полное и безконтрольное распоряженіе группы. Въ сущности Союзъ былъ только организаціей сборщиковъ денегъ и продавцевъ литературы при издательствѣ группы. Это продолжалось до осени 98-го года, когда, послѣ долголѣтней борьбы „за конституцію“, Союзъ былъ реорганизованъ на демократическихъ началахъ, а группа отстранилась отъ его дѣлъ. Только съ этихъ поръ Союзъ пріобрѣлъ оригинальную физіономію „такъ называемаго экономизма“, и противъ него началась борьба со стороны, такъ называемыхъ, ортодоксальныхъ соціалдемократовъ.

пережившіе болѣе трудныя времена, чѣмъ настоящее, не могутъ стать въ положеніе лишь исполнителей воли молодыхъ товарищей и не желаютъ выслушивать упреки въ бездѣятельности, потому что дѣлали все отъ нихъ зависящее даже и тогда, когда имъ грозили за это самыя суровыя кары; „впрочемъ, закончилъ онъ свою рѣчь, такъ какъ вы у насъ—гости, то я не хочу вамъ отвѣчать такъ рѣзко, какъ должно бы было вамъ отвѣтить". Онъ стоялъ и говорилъ возбужденно; окончивъ, повернулся и сталъ удаляться. Тогда встали также сидѣвшіе на травѣ В. И. Засуличъ, П. Б. Аксельродъ и Д. Кольцовъ и тоже удалились, не говоря ни слова. Остались тамъ, на Zürichberg'ѣ, только делегатъ петербургской и делегатъ виленской организаціи. Такимъ образомъ переговоры были порваны.

На другой день Кольцовъ пришелъ къ А. К. и сказалъ, что Плехановъ очень сожалѣетъ о происшедшемъ столкновеніи и надѣется, что товарищи не откажутся, въ интересахъ общаго дѣла, снова прійти на свиданіе въ Café. Въ то же время, рано утромъ, еще до 8-ми часовъ, Г. В. Плехановъ пришелъ въ гостиницу на Limatquée, гдѣ остановился Тахтаревъ, и говорилъ ему, что прерванные переговоры необходимо возобновить; онъ предложилъ для этого отправиться въ Café, что и было сдѣлано; скоро туда же пришли Кольцовъ и А. К. Тахтаревъ и А. К. горячо упрекали Г. В. Плеханова за его несдержанность въ разговорахъ наканунѣ и заявляли, что, признавая и цѣня революціонное прошлое группы „Освобожденіе Труда", они, однако, могутъ съ нимъ разговаривать о дѣлахъ лишь какъ равные съ равными. Г. В. Плехановъ соглашался съ тѣмъ, что на девять десятыхъ онъ виноватъ во вчерашнемъ разрывѣ, но просилъ своихъ противниковъ признать, что хотя бы на одну десятую и они виноваты въ томъ, что бесѣда приняла рѣзкій тонъ. Послѣ этого было рѣшено возобновить переговоры, и новое собраніе было назначено въ квартирѣ П. Б. Аксельрода.

На этомъ собраніи былъ выработанъ проектъ объединенія петербургской, виленской, кіевской группъ и заграничнаго Союза въ единую соціалдемократическую партію. Это было въ маѣ или іюнѣ 1897 года.

Вскорѣ послѣ этого въ Цюрихѣ былъ полученъ № 1 „Рабочей Газеты" изъ Кіева. Онъ вызвалъ общій восторгъ. Самая газета была торжественно показана засѣдавшему въ это время въ Цюрихѣ международному конгрессу „Законодательной защиты рабочихъ" и была встрѣчена аплодисментами.

Между тѣмъ кіевская группа въ свою очередь работала надъ осуществленіемъ идеи съѣзда. Въ январѣ въ Петербургъ поѣхалъ Петрусевичъ послѣ того, какъ въ Кіевѣ было получено воззваніе, выпущенное петербургскою группою „молодыхъ" и призывавшее въ ряды петербургскаго Союза новыхъ товарищей въ виду сильно осложнившейся работы.

Петрусевичъ пришелъ на квартиру, служившую явкою Союза (въ книжный складъ). Въ это время во главѣ Союза стояли нѣсколько товарищей, уцѣлѣвшихъ отъ арестовъ и 95-го и 96-го годовъ, а потому называвшихся „стариками“; это названіе тѣмъ легче за ними укрѣпилось, что они не раздѣляли новыхъ тактическихъ взглядовъ Союза и потому стояли совершенно въ сторонѣ отъ фактической дѣятельности; въ ихъ рукахъ, однако, оставались всѣ „прерогативы“, печать и „явка“, т. е. внѣшнія сношенія Петербургской Организаціи съ другими группами. Поэтому и Петрусевичъ попалъ по явкѣ не въ ту группу, съ которою за два-три мѣсяца передъ тѣмъ велъ переговоры делегатъ Вильны, А. К., и которая призывала къ себѣ на помощь новыя силы, а въ группу „Стариковъ“ и именно къ С. Петрусевичъ настаивалъ, чтобы С. ввелъ его въ мѣстную организацію, но „Старики“ были „въ контрахъ“ съ дѣйствующею группою „молодыхъ“ Союза, да и самъ Петрусевичъ не произвелъ на нихъ впечатлѣнія человѣка, на котораго они могли бы положиться въ смыслѣ отстаиванія „правильной“ позиціи, т. е. той, которую занимали старики. Петрусевичъ прожилъ въ Петербургѣ цѣлый мѣсяцъ, не добившись никакихъ результатовъ.

Въ то же время [1]) другой членъ кіевской группы „Рабочее Дѣло“, Эйдельманъ, былъ посланъ группою повидаться съ виленскою, петербургскою и московскою организаціями. Цѣль поѣздки была намѣчена въ трехъ пунктахъ: во 1-хъ, просить эти организаціи, чтобы они признали за группою „Рабочее Дѣло“ право издавать ея газету „Впередъ“ отъ имени всѣхъ этихъ группъ; во 2-хъ, просить регулярно освѣдомлять газету „Впередъ“ корреспонденціями о событіяхъ борьбы и рабочаго движенія, и въ 3-хъ, просить прислать своихъ делегатовъ въ Кіевъ для совѣщанія.

Въ Вильнѣ было уже извѣстно о желаніяхъ группы „Рабочее Дѣло“, но тамъ считали невозможнымъ согласиться на первое предложеніе: „вы издали одинъ листокъ (№ 1 „Впередъ“) и хотите, чтобы мы на этомъ основаніи признали васъ компетентными говорить отъ имени всѣхъ соціалдемократовъ!“ Виленцы соглашались послать своего делегата въ Кіевъ и считали, что именно на такомъ съѣздѣ делегатовъ можетъ быть дано полномочіе опредѣленнымъ товарищамъ издавать общую для всѣхъ группъ газету.

Въ Петербургѣ по просьбѣ Эйдельмана было созвано собраніе Союза Борьбы. На немъ присутствовало пять человѣкъ: Якубова, Б. Г., Бемъ и еще двое, мнѣ неизвѣстныхъ. Предсѣдателемъ былъ Б. Г.; онъ просилъ

---

[1]) Возможно, что это было мѣсяцемъ раньше, до пріѣзда Петрусевича въ Петербургъ.

Якубову сдѣлать докладъ о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ; въ свою очередь, Эйдельманъ сообщилъ о работахъ въ Кіевѣ. Петербуржцы присоединились къ мнѣнію виленчанъ по поводу проекта кіевлянъ.

Вѣроятно, по выслушаніи отчета Эйдельмана объ этой поѣздкѣ, группа „Рабочее Дѣло" приняла рѣшеніе созвать на 17 марта делегатовъ въ Кіевъ на съѣздъ, или, какъ тогда называли, на коллоквіумъ. По крайней мѣрѣ, на масленицѣ группа послала Н. снова съѣздить въ Вильну, Петербургъ и Москву. Самъ онъ не помнитъ о цѣли этой поѣздки, но такъ какъ онъ ни въ одномъ изъ этихъ городовъ не останавливался долѣе, чѣмъ на сутки, то надо думать, что онъ только передалъ всюду пароли, явки и сообщилъ окончательно установленную дату коллоквіума.

Однако къ назначенному дню виленскій делегатъ не явился въ Кіевъ; товарищи не помнятъ, почему это случилось; они предполагаютъ, что считали коллоквіумъ разстроившимся; возможно, что они признавали преждевременнымъ этотъ съѣздъ, въ виду тѣхъ переговоровъ, которые въ это время велись за границею и въ виду мѣстныхъ интересовъ, о которыхъ я упомяну позже. Москвичи прислали делегата, назвавшагося Ильинымъ, но онъ не могъ достаточно засвидѣтельствовать свою личность, и кіевляне не рѣшились вступить съ нимъ въ переговоры; а въ то же время изъ Петербурга явился отъ Союза Б. Г. Въ виду всего этого было рѣшено считать съѣздъ не состоявшимся, но устроить частное совѣщаніе по вопросу о подготовкѣ съѣзда.

Коллоквіумъ имѣлъ мѣсто 17-го и 18-го марта 1897 г. На немъ присутствовали четыре лица: делегатъ изъ Петербурга, Б. Г., делегатъ группы „Рабочее Дѣло", Н., делегатъ отъ кіевской польской соціалдемократической группы, Петрусевичъ, и неизвѣстный мнѣ делегатъ отъ кіевской группы, примыкавшей къ Польской Соціалистической Партіи. Рѣчь шла исключительно объ условіяхъ созыва общероссійскаго съѣзда. Рѣшено было, что организаціонную работу по созыву съѣзда возьметъ на себя группа, начавшая издавать „Рабочую Газету"—это была все та же группа „Рабочее Дѣло". Приглашать на съѣздъ рѣшено было всѣ Союзы Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса и равноцѣнныя имъ организаціи [1]). Былъ намѣченъ порядокъ дня съѣзда: I, о названіи партіи; II, объ отношеніи мѣстныхъ организацій къ Центральному Комитету; III, о газетѣ;

[1]) Коллоквіумъ хотѣлъ хотя бы единствомъ наименованія заявить о единствѣ внутреннемъ между разрозненными соціалдемократическими организаціями. Въ силу этого постановленія всѣ кіевскія группы, объединившіяся черезъ два мѣсяца послѣ коллоквіума, въ маѣ 1897 г., назвались Кіевскимъ Союзомъ Борьбы. Осенью того же года вновь возникшая въ Москвѣ организація назвалась Московскимъ Союзомъ Борьбы, и тогда же въ Екатеринославѣ, куда переселился Петрусевичъ, слившіяся группы признали себя Екатеринославскимъ Союзомъ Борьбы.

IV, о пропагандѣ и агитаціи. Въ порядокъ дня былъ также внесенъ вопросъ о партійной программѣ, но тутъ же было предрѣшено, что первый съѣздъ не будетъ этимъ заниматься въ виду недостатка подготовки. Кромѣ того, было постановлено, что делегаты всѣхъ организацій явятся на съѣздъ съ выработанными отвѣтами на всѣ вопросы порядка дня и съ императивными мандатами—это была дань недовѣрія мѣстныхъ организацій къ идеѣ централизаціи.

Коллоквіумъ происходилъ на квартирѣ Стоянова, теперь умершаго. Какъ разъ въ это время, 17-го марта, въ Кіевѣ предполагалась демонстрація по поводу гибели Маріи Вѣтровой въ Петропавловской крѣпости. Соціалисты-революціонеры выпустили прокламацію, призывавшую рабочихъ къ демонстраціи, соціалдемократы высказались противъ демонстраціи и издали свое „Письмо къ сознательнымъ рабочимъ", убѣждая ихъ не итти на демонстрацію. Надъ составленіемъ, редактированіемъ и печатаніемъ этой прокламаціи товарищи работали всю ночь напролетъ. Вопросъ былъ сложный, трудный, дни тревожные; вся полиція была на ногахъ и войска наготовѣ; возможно было крупное по тому времени столкновеніе, а тутъ четыре человѣка сидѣли и вели долгую, двухдневную бесѣду, требовавшую спокойствія и такта! И эта бесѣда имѣла большое моральное значеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ дѣлѣ созыва съѣзда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дѣлѣ развитія всего соціалдемократическаго движенія.

Группа „Рабочей Газеты" горячо принялась за работу [1]). Эйдельманъ дважды объѣхалъ главнѣйшія центры соціалдемократическаго движенія. Н., Р. и Т. были заняты составленіемъ брошюръ и „Рабочей Газеты", Петрусевичъ переѣхалъ въ Екатеринославъ для упроченія связи съ тамошними группами, Полякъ взялъ на себя работу въ тайной типографіи.

Петербургскій Союзъ Борьбы принялъ рѣшенія коллоквіума сочувственно: вѣдь эти рѣшенія были выработаны при участіи его делегата. Но объ этомъ ничего не знали активныя группы, на рукахъ которыхъ лежала вся фактическая работа Союза. Я не буду здѣсь описывать состояніе внутренней работы и борьбы въ Петербургскомъ Союзѣ этого времени, потому что мною это уже сдѣлано въ „Очеркахъ Развитія Соціалдемократіи въ Россіи"; отмѣчу только, что делегатъ на съѣздъ былъ избранъ на собраніи одной только группы „Стариковъ". Всѣ переговоры Эйдельманъ велъ черезъ С., послѣдній разъ онъ пріѣзжалъ на Рождествѣ 97 г., прожилъ въ Петербургѣ цѣлую недѣлю, однако собраніе Союза для выслушанія его сообщенія о подготовительныхъ къ съѣзду работахъ созвано не было. Въ январѣ

---

[1]) Группа „Рабочаго Дѣла" формально прекратила свое самостоятельное существованіе послѣ сліянія всѣхъ кіевскихъ группъ въ Кіевскій Союзъ Борьбы. Однако, фактически она только переименовалась въ группу „Рабочей Газеты".

или февралѣ состоялось собраніе Союза, на которомъ С. былъ уполномоченъ ѣхать на съѣздъ, но на этомъ собраніи опять-таки присутствовали только „Старики“, а именно: С., Б-ая, К-ая, Саммеръ и Альб. Никакихъ инструкцій делегату дано не было; никакихъ проектовъ резолюцій или устава тоже не было составлено.

Въ Москвѣ въ это время дѣйствовалъ Московскій Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса; онъ сформировался осенью 97-го года, хотя составъ его въ значительной части намѣтился уже весною, послѣ того какъ передъ Пасхой былъ разгромленъ Зубатовымъ „Московскій Рабочій Союзъ“. Позднею осенью, кажется, въ ноябрѣ, Союзъ выпустилъ прокламацію, извѣщавшую объ его образованіи. Во главѣ Союза стоялъ Викторъ Ванновскій, черезъ котораго, главнымъ образомъ, и велись переговоры о съѣздѣ. Союзъ обсуждалъ рѣшенія кіевскаго коллоквіума, проектъ порядка дня съѣзда, выслушалъ сообщенія делегатовъ „Рабочей Газеты“— сначала Эйдельмана, а затѣмъ Теслера. Приглашеніе на съѣздъ было принято, и делегатомъ былъ избранъ Александръ Ванновскій, младшій братъ Виктора.

Иваново-Вознесенскъ считался однимъ изъ районовъ дѣятельности Московскаго Союза, и потому отъ него не былъ приглашенъ отдѣльный делегатъ. Это было несправедливо и вредно для дѣла объединенія; по отношенію къ Иваново-Вознесенскимъ товарищамъ Московскій Союзъ поступилъ такъ же недемократично, какъ представители Петербургскаго Союза, группа „Стариковъ“, по отношенію къ группамъ „Молодыхъ“. Это тѣмъ болѣе было ошибочно, что въ Иваново-Вознесенскѣ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была устроена прочная соціалдемократическая организація, вскорѣ послѣ съѣзда, осенью 98-го года, признавшая себя комитетомъ партіи. Москва всегда имѣла съ Иваново-Вознесенскомъ прочныя связи, а въ послѣднее полугодіе передъ съѣздомъ эти связи были прочнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и Москвѣ не трудно было привлечь мѣстныхъ дѣятелей къ участію въ съѣздѣ черезъ особаго представителя: уже совсѣмъ незадолго передъ съѣздомъ, въ январѣ или февралѣ 98-го года, по поводу вспыхнувшей въ Иваново-Вознесенскѣ крупной стачки ткачей, Московскій Союзъ послалъ туда Солодуху-Перарича, который послѣ конца стачки благополучно вернулся въ Москву.

Въ Екатеринославѣ шла борьба между нѣсколькими соціалдемократическими группами. Туда поэтому былъ посланъ Петрусевичъ въ маѣ 97-го года. Онъ засталъ тамъ двѣ интеллигентскихъ группы, одну изъ четырехъ человѣкъ, другую изъ пяти, расходившихся въ вопросѣ объ организаціи рабочихъ кассъ; у каждой изъ этихъ группъ было по 2—3 рабочихъ кружка; скоро возникъ еще кружокъ польскихъ рабочихъ въ селѣ Каменскомъ; кромѣ того, совершенно особнякомъ держалась группа

еврейскихъ рабочихъ, высланныхъ изъ З. К. Въ іюлѣ, послѣ провала двухъ рабочихъ кружковъ (арестовано 9 человѣкъ), удалось объединить обѣ интеллигентскія группы, но внутри объединенной организаціи возникли горячіе споры по вопросу о переходѣ отъ кружковщины къ агитаціи на экономической почвѣ. Первоначально за агитацію стояли только Петрусевичъ изъ Кіева и Франкфуртъ изъ Вильны; остальные члены обѣихъ группъ были мѣстные дѣятели (кромѣ супруговъ Лолоянцъ, высланныхъ въ Екатеринославъ изъ Казани), и потому для нихъ методъ агитаціи былъ новымъ, и они не сразу рѣшились къ нему перейти; когда же доводы товарищей и событія жизни екатеринославскихъ рабочихъ убѣдили ихъ въ раціональности метода агитаціи на экономической почвѣ, то исчезъ и поводъ къ разногласіямъ съ группою еврейскихъ рабочихъ, принесшихъ съ собою еще изъ Западнаго Края эту тактику. Кружокъ польскихъ рабочихъ, подъ руководствомъ Петрусевича, съ самаго начала признавалъ агитацію основнымъ методомъ дѣятельности. Поэтому произошло объединеніе всѣхъ екатеринославскихъ соціалдемократическихъ группъ, и отъ объединенной организаціи былъ посланъ на съѣздъ делегатомъ П.

Кіевскій делегатъ Эйдельманъ велъ также переговоры съ нѣкіимъ Гандеромъ изъ Одессы, оказавшимся впослѣдствіи провокаторомъ. Гандеръ произвелъ на Эйдельмана впечатлѣніе человѣка способнаго и очень энергичнаго; онъ успѣлъ убѣдить его въ томъ, что онъ является представителемъ сильной и вліятельной въ Одессѣ соціалдемократической группы; самъ Эйдельманъ въ Одессѣ не былъ и, вопреки своему обыкновенію, лично съ одесскою группою не ознакомился. Поэтому онъ сдѣлалъ ошибку и на совѣщаніи въ группѣ „Рабочей Газеты“ предлагалъ пригласить на съѣздъ также и одесскую группу. Къ счастью, товарищи отнеслись къ словамъ Гандера недовѣрчиво, и вопросъ объ участіи одесской организаціи въ съѣздѣ былъ рѣшенъ отрицательно.

Совсѣмъ по инымъ причинамъ не удалось привлечь къ участію въ съѣздѣ харьковскихъ товарищей. Тамъ въ это время работала „Харьковская Соціалдемократическая Организація“, заслуживавшая полнаго довѣрія и имѣвшая право на вліяніе въ дѣлѣ объединенія партіи. Но организація сама отказалась принять участіе въ съѣздѣ и прислала краткую объяснительную записку по поводу этого своего рѣшенія. По мнѣнію харьковцевъ, главный мотивъ, выставляемый иниціаторами съѣзда былъ неоснователенъ: состояніе соціалдемократической дѣятельности въ данный моментъ не нуждается въ централизаціи; напротивъ того: съѣздъ явился бы очень опаснымъ въ конспиративномъ отношеніи экспериментомъ; но, кромѣ этого, въ запискѣ были высказаны и принципіальныя соображенія, побуждавшія организацію высказаться противъ съѣзда: съѣздъ былъ бы механическимъ объединеніемъ мало вліятельныхъ мѣстныхъ организацій—такъ не можетъ

создаваться партія. Для дѣйствительнаго объединенія партіи необходимо, чтобы предварительно создалась группа, особенно высоко стоящая морально и авторитетная для всѣхъ другихъ соціалдемократическихъ группъ; только такой естественно создавшійся центръ соціалдемократическаго движенія могъ бы собрать вокругъ себя всѣ реальныя силы, являясь ихъ душою. Саму записку мнѣ не удалось разыскать; можетъ быть, она погибла, какъ и столько другихъ цѣнныхъ документовъ нашего движенія; но я старался возстановить точный смыслъ ея по указаніямъ четырехъ товарищей. Она впервые формулировала тотъ планъ строительства партіи, который впослѣдствіи былъ разработанъ и приведенъ въ исполненіе группою „Искры". Въ другомъ мѣстѣ я постараюсь выяснить черты различія, столь же глубокія, какъ и черты сходства, у плана группы „Искры" и у плана „Харьковской Соціалдемократической Организаціи".

Приглашеніе на съѣздъ было передано также и Литовской Соціалдемократической Партіи; она согласилась прислать своего делегата, но вслѣдствіе произошедшихъ незадолго передъ съѣздомъ арестовъ не смогла это сдѣлать.

Литовская Соціалдемократическая Партія образовалась на съѣздѣ 95 г. изъ соединенія двухъ группъ—Виленской и Сувалкской.

Виленская группа была основана въ 93 г. и сначала носила полу-соціалдемократическій, полу-народовольческій характеръ. Уже весною 94 г. группа, готовясь къ празднованію Перваго Мая, выпустила четыре гектографированныхъ листка, въ которыхъ излагалась программа группы; листки издавались въ 50 экземплярахъ и раздавались рабочимъ въ кружкахъ пропаганды. Въ день перваго мая было устроено собраніе, на которомъ присутствовало около 50 человѣкъ рабочихъ. Группа дѣйствовала тогда въ полномъ соотвѣтствіи съ Польской Соціалистической Партіей и боролась съ тенденціями Еврейской Соціалдемократической Организаціи. Скоро, однако, развитіе литовскаго рабочаго движенія заставило группу измѣнить свою тактику, она порвала съ Польскою Партіей и пошла „въ ногу" съ еврейской группой. Уже съ осени 94 г. листки группы приняли чисто экономическій характеръ, а организація перестроилась и имѣла въ своей основѣ кассы рабочихъ. Ко времени съѣзда 95 года у группы было около 80 организованныхъ въ кассы рабочихъ и 4 или 5 интеллигентовъ. Пропаганда велась и листки издавались на польскомъ языкѣ.

Сувалкская группа состояла тоже изъ 5-ти интеллигентовъ, разбросанныхъ въ близлежащихъ приграничноыхъ городкахъ и мѣстечкахъ Сувалкской губерніи: въ Маріамполѣ, Вержболовѣ, Владиславовѣ, Пильвишкахъ. Это были коренные литовцы, и пропаганду они вели на литовскомъ языкѣ преимущественно среди сельскихъ рабочихъ. Кромѣ того, эта группа зани-

малась издательствомъ нелегальной литературы на литовскомъ языкѣ, печатавшейся за границей и перевозившейся контрабанднымъ путемъ, а также перевозила и польскую литературу для Польской Соціалистической Партіи, черезъ посредство которой и сблизились эти двѣ литовскія группы.

Съѣздъ происходилъ въ Вильнѣ (какъ кажется, 1-го мая стараго стиля) и продолжался три дня. На немъ была выработана программа, которая въ своей принципіальной части являлась передѣлкою Эрфуртской програмиы, а въ практической—програмиы Польской Соціалистической Партіи съ требованіемъ самостоятельности литовской организаціи, а также національной автономіи Литвы.—Въ организаціонномъ и тактическомъ отношеніи уже на этомъ съѣздѣ проявилась двойственность, показывающая, что эта маленькая организація уже тогда стояла на довольно высокой стадіи развитія, на которой дифференцируются задачи и составъ группъ: базисомъ организаціи были экономическія группы, и они строились „снизу", демократически; но въ то же время существовала и строго законспирированная группа политически сознательныхъ товарищей, которая стремилась проводить свои рѣшенія „сверху" до низовъ организаціи. Это—то самое, что рано или поздно пережили всѣ соціалдемократическія организаціи Россіи.

Второй съѣздъ Литовской Партіи произошелъ въ слѣдующемъ, 96-мъ году, въ февралѣ. Програмиа была пересмотрѣна, изъ нея выброшены ея націоналистическія элементы, позаимствованныя у Польской Партіи. На съѣздѣ много говорилось объ усиленіи русскаго рабочаго движенія и было рѣшено дѣйствовать въ соотвѣтствіе съ русскими соціалдемократическими организаціями; тутъ же было постановлено издавать газету „Эхо жизни рабочихъ", которая и на самомъ дѣлѣ стала выходить и носила характеръ, такъ называемаго, экономизма. Въ томъ же году были устроены группы въ Ковнѣ и мелкихъ городахъ Ковенской губерніи, а также въ Либавѣ и Ригѣ; въ Петербургѣ и Москвѣ образовались группы содѣйствія партіи.

При такихъ-то обстоятельствахъ Литовская Соціалдемократическая Партія узнала о готовящемся Всероссійскомъ Соціалдемократическомъ съѣздѣ. Партія охотно согласилась принять участіе въ этомъ съѣздѣ и взяла на себя хлопоты по постановкѣ общепартійной типографіи; она предполагала доставить изъ-за границы шрифтъ, типографскій станокъ и послать своихъ товарищей наборщиковъ въ эту тайную типографію. Но осенью 97 года Сувалкская группа потерпѣла сильный уронъ отъ арестовъ, а затѣмъ и двумъ главнымъ дѣятелямъ виленской группы пришлось отстраниться отъ работы: одинъ изъ нихъ былъ арестованъ, а другой, К—нъ, уѣхалъ за границу для постановки дѣла издательства. Въ виду всего этого Литовская Соціалдемократическая Партія не могла послать своего представителя на Всероссійскій Соціалдемократическій Съѣздъ.

Самъ собою выдвигался вопросъ о томъ, какъ должны отнестись организаторы съѣзда къ Польской Соціалистической Партіи. Эта Партія слишкомъ тѣсно соприкасалась и съ еврейскими и съ литовскими группами, а также имѣла свою организацію въ Кіевѣ; черезъ ея посредство Партія вступила въ переговоры съ группой „Рабочей Газеты“ и оказывала ей нѣкоторыя услуги. При переговорахъ Кіевская Группа Польской Соціалистической Партіи постоянно ссылалась на авторитетъ и инструкціи своей Партіи, тогда какъ группа „Рабочей Газеты“ должна была отвѣчать лишь какъ мѣстная организація; тѣ мотивировали свои требованія общепартійными соображеніями, а эти могли имъ противопоставить лишь свои чисто практическіе интересы. Это ставило группу „Рабочей Газеты“ въ невыгодныя условія и демонстрировало преимущества существованія общепартійной организаціи. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Польская Соціалистическая Партія имѣла полезное вліяніе на группу „Рабочей Газеты“.

Соглашаясь на оказаніе услугъ организующейся Россійской Партіи, Польская Соціалистическая Партія требовала взамѣнъ этого отъ русскихъ организацій исполненія опредѣленныхъ условій. Вопросъ этотъ былъ спеціально обсужденъ на четвертомъ съѣздѣ этой Партіи, состоявшемся въ декабрѣ 97-го, или въ январѣ 98-го года. Съѣздъ принялъ резолюцію, согласно которой Польская Соціалистическая Партія вступитъ въ тѣ или иныя отношенія съ русскими соціалдемократическими организаціями лишь при томъ условіи, если предварительно ей будетъ гарантировано, что имѣющая организоваться партія признаетъ два обязательства по отношенію къ Польской Соціалистической Партіи, а именно: Всероссійская Партія внесетъ въ свою программу, какъ свое собственное требованіе, отдѣленіе Польши отъ Россіи и не вступитъ въ сношенія ни съ какою революціонною организаціей, дѣйствующей на территоріи Царства Польскаго, иначе, какъ съ вѣдома и согласія Польской Соціалистической Партіи.

Польская Соціалистическая Партія ссылалась при этомъ на историческій прецедентъ, на договоръ между партіей „Народной Воли“ и Польской Партіей „Пролетаріатъ“. Въ этомъ договорѣ говорилось, что Польская Партія „Пролетаріатъ“ не будетъ призывать къ возстанію до тѣхъ поръ, пока не получитъ на это полномочій отъ Партіи „Народной Воли“, послѣ чего она, наоборотъ, обязуется приложить всѣ усилія къ тому, чтобы поднять вооруженное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ. Взамѣнъ этого Партія „Народной Воли“ обязалась не вмѣшиваться въ дѣятельность Польской Партіи „Пролетаріатъ“.

Однако, организаторы соціалдемократическаго съѣзда никоимъ образомъ не могли принять этихъ условій ни по существу, ни формально. Они уже состояли въ сношеніяхъ съ двумя организаціями, дѣйствовавшими на

территоріи Царства Польскаго въ тѣхъ его широкихъ—историческихъ, а не этнографическихъ—границахъ, какъ опредѣляла ихъ Польская Соціалистическая Партія, а именно, съ Литовскою Соціалистическою Партіей и съ „Группою Еврейскихъ Соціалдемократовъ". Главнѣйшія кружки этихъ организацій находились въ Вильнѣ, но ихъ связи простирались и на коренныя польскія губерніи и даже на Варшаву. Что же касается вопроса объ отдѣленіи Польши отъ Россіи, то это требованіе представлялось организаторамъ съѣзда, можетъ быть, пріемлемымъ для Всероссійской Соціалдемократической Организаціи лишь какъ терпимый пунктъ программы Польской Соціалистической Партіи, но отнюдь не какъ собственное требованіе Всероссійской Соціалдемократической Партіи, и, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ могъ быть рѣшеннымъ только на самомъ съѣздѣ, и никакихъ предварительныхъ обязательствъ на этотъ счетъ не могли взять на себя организаторы съѣзда. При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о приглашеніи Польской Соціалистической Партіи на Всероссійскій съѣздъ былъ снятъ съ обсужденія.

Объ отношеніи организаторовъ съѣзда къ николаевской соціалдемократической группѣ Б. Л. сообщаетъ въ своей, помѣщенной въ Историческомъ Сборникѣ, статьѣ, слѣдующее: „О Николаевѣ мы знали, что тамъ имѣется маленькая, живая группа, которая за очень короткое время успѣла проявить большую энергію въ агитаціи массъ. Къ намъ доходила газета, издаваемая этой группой, „Наше Время". Въ Николаевѣ у насъ былъ одно время ученикъ изъ школы-мастерской Ю. Д. Мельникова, кончившій жизнь самоубійствомъ. Николаевскую группу мы считали мало конспиративной—группа была накавунѣ провала, поэтому группа не получила приглашенія на съѣздъ".

Въ той же статьѣ Б. Л. сообщаетъ о сомнѣніяхъ, бывшихъ у группы „Рабочей Газеты" о томъ, приглашать или нѣтъ на съѣздъ группу „Рабочаго Знамени". Такъ какъ группа „Рабочей Газеты" считала группу „Рабочаго Знамени" не соціалдемократической, то и рѣшено было не вступать съ нею въ переговоры о съѣздѣ. Группа „Рабочаго Знамени" представляетъ безусловно большой интересъ для исторіи нашего движенія, и очень жаль, что ея делегатъ не присутствовалъ на съѣздѣ; противопоставивъ свое мнѣніе мнѣнію довольно однороднаго состава съѣзда, онъ могъ бы создать тотъ choc des opignions, изъ котораго если не всегда „брызжетъ истина", то зато всегда выясняется истинное настроеніе и взгляды спорящихъ. Вопреки заявленію во 2-мъ номерѣ „Рабочаго Знамени", что группа—„судя по манифесту"—ни въ чемъ не расходится съ другими группами, пославшими своихъ делегатовъ на съѣздъ [1]), представляется не-

[1]) Газета объясняетъ свою обособленность отъ объединившихся группъ все тѣми же пресловутыми „полицейскими условіями". Что это фактически невѣрно—это уже ука[illegible] Б. Л. Да и вообще „полицейскія условія" никогда

сомнѣннымъ, что у нея были существенныя отличія отъ другихъ группъ, именно она являлась выразительницей, такъ называемой, „оппозиціи“, возникшей противъ господствующаго теченія и повсемѣстно въ Западномъ Краѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ; эта „оппозиція“ нашла себѣ поддержку у „Харьковской Соціалдемократической Организаціи“, а когда эта организація сама примкнула къ тогдашнему „большинству“, то она тоже создала противъ себя „оппозицію“ въ средѣ харьковскихъ рабочихъ. Это теченіе выдвинуло нѣсколько выдающихся дѣятелей, относившихся очень враждебно къ господствующему теченію. Сознавали ли это организаторы съѣзда? Устраняли ли они въ лицѣ „Рабочаго Знамени“ своего фракціоннаго противника отъ общепартійнаго дѣла? Б. Л.—весьма компетентный въ этомъ вопросѣ,—отрицаетъ это, точно такъ же, какъ и его товарищи по организаціи. Повидимому, и сама группа „Рабочаго Знамени“ не сознавала своей роли въ общемъ развитіи идей движенія: по крайней мѣрѣ, вышеуказанное заявленіе въ № 2 ея газеты не вызвало возраженія со стороны членовъ группы. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе относительно неучастія въ съѣздѣ группы „Рабочаго Знамени“ было принято группою „Рабочей Газеты“ послѣ долгихъ обсужденій и близкаго знакомства съ представителемъ отстраненной группы.

Но особый интересъ представляетъ для насъ подготовительная къ съѣзду работа виленской группы. Какъ уже было сказано, Всероссійскій Съѣздъ представлялъ для виленской группы живѣйшій интересъ, и она была прекрасно освѣдомлена о ходѣ подготовительныхъ работъ, ея делегатъ побывалъ и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ, и за границею. Въ то же время соціалдемократическое еврейское движеніе создало группы въ Минскѣ, Варшавѣ, Витебскѣ, Ковнѣ, Сморгони, Поневежѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ и для всѣхъ ихъ виленская группа являлась центральною по своей дѣятельности и авторитетности; но эта фактическая гегемонія виленской группы, однако, нуждалась въ формальномъ признаніи, потому что сношенія съ другими городами мало-помалу очень осложнялись, требовали отъ виленской группы большого напряженія силъ и средствъ, и для выполненія всѣхъ этихъ обязанностей она нуждалась въ формальныхъ правахъ Центральнаго Комитета. Успѣшная дѣятельность кіевской группы по созыву Всероссійскаго Съѣзда побудила виленскую группу поторопиться съ созывомъ съѣзда еврейскихъ соціалдемократическихъ группъ для того, чтобы выступить на Всероссійскомъ Съѣздѣ уже въ качествѣ объединенной Еврейской Соціалдемократической Организаціи и тѣмъ укрѣпить шансы на признаніе своей автономіи въ партіи.

не могли отвратить того, что создавалось ходомъ вещей; они тяжело давили *только* людей, а событія совершались надъ людьми, выше ихъ, часто внѣ ихъ воли и почти всегда внѣ ихъ сознанья.

Именно эти соображенія я имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что коллоквіумъ въ мартѣ 97 г. долженъ былъ представляться виленской группѣ преждевременнымъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

Съѣздъ еврейскихъ соціалдемократическихъ организацій собрался 25 сентября 1897 г. въ г. Вильнѣ, на Лукишкахъ, въ маленькой грязной комнаткѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ товарищей, приказчикъ изъ магазина Сегаля. Присутствовало человѣкъ пятнадцать. Чтобы не обратить вниманіе сосѣдей, старались не расходиться лишній разъ и потому здѣсь же ѣли и пили чай; отъ этого было еще болѣе неуютно и душно въ маленькой комнаткѣ переполненной людьми. Вотъ при какой обстановкѣ произошелъ съѣздъ, положившій основаніе организаціи Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза, столь знаменательной и въ исторіи общероссійскаго рабочаго движенія и въ исторіи общееврейскаго національнаго обновленія!

Съѣздъ открылся длинною вступительною рѣчью предсѣдателя, мотивировавшаго необходимость объединенія созванныхъ на съѣздъ организацій. Съѣздъ призналъ это объединеніе необходимымъ и прежде всего обсудилъ вопросъ о названіи объединенной организаціи. Не назваться ли Еврейскою Соціалдемократической Партіей? Съѣздъ рѣшилъ, что это названіе не соотвѣтствовало бы дѣйствительности и оттолкнуло бы отъ новой организаціи многихъ рабочихъ: вѣдь съѣздъ стремился создать организацію, которая охватила бы *всѣхъ* еврейскихъ рабочихъ, но большинство рабочихъ—несоціалдемократы [1]); партіей же съѣздъ не хотѣлъ назвать новую организацію потому, во-первыхъ, что это имя казалось слишкомъ громкимъ по сравненію со скромными силами тогдашнихъ организацій, и потому, во-

[1]) Эти соображенія чрезвычайно интересны, а потому я привожу здѣсь мотивировку ихъ изъ передовой статьи № 6 Arbeiterstimme. Тамъ же приведена почти цѣликомъ рѣчь предсѣдателя съѣзда. Переводъ этой статьи съ еврейскаго сдѣлалъ для меня тов. Американецъ.

„Съѣзду предложенъ былъ цѣлый рядъ названій, изъ которыхъ мы остановимся только на двухъ: „Союзъ Еврейскихъ Соціалдемократическихъ Группъ Россіи“ и „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи“. Первое не было принято съѣздомъ и вотъ почему. Соціалдемократическая группа—это лишь горсть людей, придерживающихся принциповъ соціалдемократіи и являющихся руководителями рабочаго движенія того или иного города, того или иного района; союзъ подобныхъ группъ представлялъ бы собою союзъ „верховъ“, объединеніе нѣсколькихъ руководящихъ группъ рабочаго класса; для всей же рабочей массы тамъ мѣста не было бы, а это нежелательно, ибо силу и мощь союзъ пріобрѣтетъ лишь тогда, когда въ него войдетъ вся борющаяся рабочая масса, а не кучка руководителей, тогда каждый борющійся за свои повседневные интересы рабочій будетъ знать и чувствовать, что онъ членъ этого союза. Поэтому съѣздъ первое названіе отвергъ, остановившись на второмъ; оно болѣе подходитъ къ типу организаціи, которую имѣлось въ виду учредить. „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ“ въ буквальномъ смыслѣ означаетъ, что союзъ включаетъ въ себя *весь* еврейскій борющійся пролетаріатъ, широко раскрывая двери каждому рабочему, присоединяющемуся къ борьбѣ пролетаріата за лучшую жизнь. Всякій, жаждущій борьбы, чувствующій необходимость въ ней—да грядетъ въ союзъ: онъ станетъ истиннымъ и полноправнымъ членомъ этой организаціи“.

вторыхъ, что еврейская организація желала быть частью Всероссійской партіи; поэтому было рѣшено назваться „Всеобщимъ Еврейскимъ Рабочимъ Союзомъ въ Россіи и Польшѣ“. Для краткости это названіе въ разговорной рѣчи сокращалось до одного слова: „Союзъ“, по-еврейски — какъ и по-нѣмецки—Бундъ.

О выработкѣ теоретической программы Бунда на съѣздѣ не было и рѣчи. Всѣ организаціи, принявшія участіе въ съѣздѣ, были признаны мѣстными комитетами Бунда. Относительно Центральнаго Комитета было принято слѣдующее рѣшеніе: Центральнымъ Комитетомъ Бунда избирается та группа лицъ, которая и до съѣзда руководила движеніемъ. Фактически въ Центральный Комитетъ вошли три члена виленской группы: А. К., Вл. и Гл. Мѣстомъ пребыванія Центральнаго Комитета былъ избранъ г. Минскъ. Газета Arbeiterstimme, 4 номера которой вышло до съѣзда, была объявлена Центральнымъ Органомъ Бунда, и редактированіе ея передано Центральному Комитету. Съѣздъ постановилъ, что Бундъ приметъ участіе въ Общероссійскомъ соціалдемократическомъ съѣздѣ и вступитъ въ имѣющую образоваться партію, какъ единая и автономная организація. Обо всемъ этомъ тотчасъ послѣ съѣзда была увѣдомлена кіевская группа „Рабочей Газеты“, и ей была передана подробная записка о еврейскомъ рабочемъ движеніи и о мотивахъ созданія самостоятельной еврейской рабочей организаціи. Записка эта предназначалась для всѣхъ организацій, долженствовавшихъ принять участіе въ съѣздѣ, и дѣйствительно была имъ доставлена кіевскою группою.

Группа „Рабочей Газеты“ не преминула послать своего делегата также и за границу къ группѣ „Освобожденіе Труда“. Въ октябрѣ 97-го года извѣстный кіевскій украйнофилъ, Ковалевскій, просилъ соціалъ-демократа Т. съѣздить въ Львовъ для переговоровъ съ Павликомъ и Франкомъ по поводу изданія газеты „Жытье и Слово“, начавшей выходить вмѣсто „Народа“. Группа „Рабочей Газеты“ воспользовалась поѣздкою за границу своего члена и поручила ему отправиться изъ Львова въ Швейцарію исключительно для того, чтобы переговорить съ Группою „Освобожденіе Труда“. Именно, ему было поручено узнать, какое впечатлѣніе произвелъ за границею опытъ изданія „Рабочей Газеты“, просить сотрудничества въ дальнѣйшихъ номерахъ ея и затѣмъ взять на себя составленіе и изданіе всякаго рода популярныхъ брошюръ для массоваго распространенія.

Еще въ Львовѣ Т. встрѣтился съ членомъ цюрихскаго соціалдемократическаго студенческаго кружка, Ч., вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Цюрихъ и направился прямо къ П. Б. Аксельродъ. Прежде всего онъ освѣдомился о мнѣніи Группы „Освобожденіе Труда“ относительно № 1 „Рабочей Газеты“. Но тутъ оказалось, что Аксельродъ даже не прочиталъ

этого номера. Самый номеръ оказался у студенческаго кружка, гдѣ его переписывали. Относительно просьбы кіевлянъ о брошюрахъ Аксельродъ сказалъ, что Группа „Освобожденіе Труда“ не можетъ удовлетворить ее, такъ какъ у нея нѣтъ для этого ни времени ни средствъ. Аксельродъ находилъ, что въ Россіи есть силы, которыя могли бы сами выполнить эту работу; это, во-первыхъ, товарищи, находящіеся въ ссылкѣ, и, во-вторыхъ, молодые литераторы, какъ, напр., Николай Бердяевъ. Кіевская группа считала Н. Бердяева совершенно не компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ человѣкомъ. Но къ разсказамъ Т. о работѣ въ Кіевѣ Аксельродъ отнесся съ большимъ интересомъ, подробно разспрашивалъ о томъ, сколько имѣется кружковъ и гдѣ именно; онъ удивлялся, что нѣтъ связей съ арсеналомъ, гдѣ онъ когда-то самъ велъ пропаганду.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Т. съѣздилъ въ окрестности Цюриха къ Кольцову, который, какъ оказалось, „Рабочую Газету“ читалъ и отозвался о ней сочувственно, но насчетъ изданія брошюръ за границею также находилъ желанія кіевлянъ неосуществимыми.

На другой день Т. намѣренъ былъ отправиться въ Женеву къ Г. В. Плеханову и просилъ Аксельрода тѣмъ временемъ прочитать „Рабочую Газету“. Но Аксельродъ посовѣтовалъ ему взять ее съ собою, потому что Плехановъ ее еще не читалъ и не видѣлъ. Пришлось исполнить этотъ совѣтъ.

Въ противоположность Аксельроду, Плехановъ показался Т. очень далекимъ отъ практическихъ интересовъ пропаганды и агитаціи въ Россіи. Плехановъ тутъ же при Т. бѣгло просмотрѣлъ № 1 „Рабочей Газеты“, обратилъ вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ говорилось о политическихъ задачахъ соціалдемократіи и отозвался о нихъ одобрительно. Что касается до брошюръ, то онъ заявилъ, что у него и его товарищей по группѣ совершенно нѣтъ времени заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ они должны и по матеріальнымъ соображеніямъ, и въ интересахъ теоретическаго развитія соціалдемократическихъ принциповъ работать въ легальныхъ марксистскихъ органахъ. Опять-таки эта постановка вопроса—или легальные журналы или популярныя брошюры — была совершенно непріемлема ни для Т. ни для пославшихъ его.

Затѣмъ Плехановъ перевелъ разговоръ на теоретическіе вопросы и на философскій споръ, который тогда вели П. Б. Струве и Булгаковъ. Хотя Т. былъ человѣкомъ начитаннымъ и съ хорошею научною подготовкою, однако рѣчь Плеханова показалась ему до того далекою и отвлеченною, что онъ ушелъ съ сознаніемъ „бездны премудрости“ старѣйшаго теоретика соціалдемократической партіи и — какъ выразился о немъ другой товарищъ — „съ піэтетомъ“, но въ то же время и съ убѣжденіемъ,

что отвѣтовъ на текущіе вопросы и помощи въ практической работѣ нельзя получить отъ группы „Освобожденіе Труда“.

Переночевавъ въ Женевѣ, Т. вернулся въ Цюрихъ, побывалъ снова у Аксельрода и въ тотъ же день уѣхалъ въ Россію. На этомъ послѣднемъ свиданіи съ Аксельродомъ присутствовалъ Кольцовъ и В. И. Засуличъ. По поводу замѣчанія Т., что у насъ нѣтъ брошюръ на политическія темы, Аксельродъ сказалъ, обращаясь къ Кольцову: „вотъ, видите, они насъ обвиняютъ уже въ томъ, что мы мало пишемъ о политикѣ; а „тѣ“ говорятъ, что у насъ слишкомъ много „политики“! Вотъ и пойди тутъ, разберись!“ Далѣе Аксельродъ развивалъ идею объ общенаціональныхъ задачахъ соціалдемократіи, взгляды, изложенные въ его брошюрѣ „Соціальная и Либеральная Демократія“. Эти идеи показались Т. совершенно чуждыми.

Вернувшись въ Кіевъ. Т. далъ отчетъ группѣ о своей поѣздкѣ. Группа многаго ожидала отъ этого доклада, но впечатлѣнія Т. всѣхъ разочаровали; они доказали, что группа „Освобожденіе Труда“ не только не связана съ Россіей, но и не желаетъ быть связанной.

Вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ 97 г., въ Кіевъ пріѣхалъ членъ цюрихскаго студенческаго кружка Теслеръ. Онъ привезъ съ собою статьи Плеханова, Аксельрода и Кольцова для № 3 „Рабочей Газеты“. Плехановъ, между прочимъ, писалъ, что привѣтствуетъ отреченіе Группы отъ прежняго узкаго экономизма и переходъ къ политической борьбѣ. Эту фразу редакція „Рабочей Газеты“ рѣшила выбросить, потому что не могла понять, что именно тутъ имѣлъ въ виду Плехановъ, такъ какъ редакція и раньше придерживалась тѣхъ самыхъ убѣжденій, какъ и въ это время, и всегда сознавала политическія задачи нашего движенія. Вообще же эти статьи должны были появиться въ № 3 „Рабочей Газеты“, но были конфискованы при арестахъ въ Екатеринославѣ. въ мартѣ 1898 года [1]).

Теслеръ вступилъ въ Кіевскій Союзъ и оказывалъ содѣйствіе группѣ „Рабочей Газеты“ по созыву съѣзда. Онъ предлагалъ представить мандатъ отъ группы „Освобожденіе Труда“ и явиться ея делегатомъ на съѣздъ. Но кіевская группа отклонила это предложеніе потому, что въ этомъ случаѣ представительство группы „Освобожденіе Труда“ было бы лишь формальностью и сводилось бы къ посылкѣ лишняго делегата отъ Кіева, который и безъ того былъ представленъ на съѣздѣ гораздо сильнѣе другихъ городовъ.

---

[1]) Фактъ, сообщенный мною въ „Очеркахъ Развитія Соціалдемократіи въ Россіи“ со словъ доклада Кіевскаго Комитета Второму Съѣзду Партіи, будто бы статьи Плеханова и Аксельрода предполагалось не печатать за ихъ политическую умѣренность, оказался невѣрнымъ.

Я тщательно разспрашивалъ участниковъ съѣзда о томъ, какъ могло случиться, что группа „Освобожденіе Труда“ отсутствовала на съѣздѣ, отсутствовала не только въ томъ смыслѣ, что тамъ не было ея делегата, но и—такъ сказать—духовно, такъ какъ нигдѣ въ работахъ съѣзда не проявлялось ея вліяніе. Точно не знала она о томъ, что въ теченіе болѣе чѣмъ года главнѣйшія соціалдемократическія организаціи Россіи готовились къ съѣзду! А между тѣмъ она хорошо объ этомъ знала: и Петербургская, и Виленская, и Кіевская группы посылали къ ней по этому поводу своихъ делегатовъ. Почему же не было ея на съѣздѣ ни тѣломъ ни духомъ? Приведенное мною выше подробное описаніе переговоровъ съ группою „Освобожденіе Труда“ Тахтарева, А. К. и Т., можетъ быть, до нѣкоторой степени объясняютъ этотъ фактъ.

Наконецъ, необходимо здѣсь отмѣтить подготовительныя къ съѣзду работы Кіевскаго Союза Борьбы, только часть котораго—и при томъ негласно для другихъ членовъ—составляла группа „Рабочей Газеты“. Союзу было сообщено, что группа „Рабочей Газеты“, существованіе которой предполагалось внѣ Кіева [1]), предлагаетъ ему выбрать делегата на имѣющій быть съѣздъ и, согласно рѣшенію коллоквіума 1897 г., выработать для него инструкціи. Администрація Союза созвала по этому поводу полное собраніе Союза, произошедшее въ февралѣ 1898 г. на Кузнечной улицѣ. На немъ присутствовало около 30 человѣкъ. Шуляковскій былъ секретаремъ и велъ протоколы о томъ, что именно долженъ защищать делегатъ Кіевскаго Союза на съѣздѣ. Были намѣчены тезисы, предлагаемые для внесенія въ уставъ партіи. Администрація предполагала прочитать на этомъ собраніи также и проектъ деклараціи съѣзда—это называли „программою“, впослѣдствіи объ этомъ говорилось какъ о проектѣ „манифеста“, но текстъ, составленный Т., показался неудачнымъ, поэтому самъ Т. предложилъ собранію просить съѣздъ поручить написаніе деклараціи Г. В. Плеханову. Это предложеніе было принято. Делегатомъ былъ избранъ Т. Союзъ предоставилъ Рабочему Комитету избрать своего собственнаго делегата на съѣздъ, но Рабочій Комитетъ остановилъ свой выборъ на томъ же лицѣ, и Т., такимъ образомъ, имѣлъ оба мандата [2]).

Такимъ образомъ, организаторы съѣзда поддерживали сношенія съ тринадцатью группами: въ Петербургѣ, Москвѣ, (косвенно) Иваново-Вознесенскѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Николаевѣ, Одессѣ, съ еврейской,

---

[1]) Такъ, напр., однажды на собраніи Союза было объявлено, что по полученнымъ отъ группы „Рабочей Газеты“ свѣдѣніямъ въ Кіевъ долженъ скоро прибыть транспортъ съ № 2 „Рабочей Газеты“.

[2]) Т. былъ членомъ Рабочаго Комитета въ качествѣ представителя отъ Союза. Впрочемъ, и весь Комитетъ состоялъ не изъ выборныхъ рабочихъ, а изъ отобранныхъ Союзомъ членовъ кружковъ пропаганды.

литовской, польской, заграничной и группой „Рабочаго Знамени“. Лядовъ пишетъ, что „группа инициаторовъ волей-неволей должна была отказаться отъ мысли о полномъ съѣздѣ всѣхъ социалдемократическихъ организаций и должна была остановиться на единственно въ то время возможномъ созывѣ представителей болѣе или менѣе спѣвшихся въ важнѣйшихъ вопросахъ организаций“ [1]). Это рѣшение вопроса о составѣ съѣзда Лядовъ доказываетъ чисто схоластически на протяжении шести страницъ, но этотъ историкъ не счелъ себя обязаннымъ привести хотя бы одинъ фактъ, свидѣтельствующий о томъ, каковы были взгляды на этотъ счетъ у самихъ „инициаторовъ“ съѣзда; онъ только разсуждаетъ о томъ, каковы бы *должны были быть* эти взгляды по его, Лядова, мнѣнию. Здѣсь было бы не умѣстно спорить съ Лядовымъ, должны или не должны были организаторы съѣзда такъ поступить, какъ полагаетъ Лядовъ, но я обязанъ отмѣтить, что исторический фактъ не имѣлъ ничего общаго съ разсуждениями нашего историка. На самомъ дѣлѣ „инициаторы“ стремились создать именно *полный* съѣздъ *всѣхъ* социалдемократическихъ организаций, т. е.—само собою разумѣется—всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ, болѣе или менѣе влиятельныхъ; о томъ же, чтобы собрать на съѣздъ только „болѣе или менѣе спѣвшихся“, не было даже и рѣчи, не было даже и мысли, потому что тогда еще въ рядахъ социалдемократии не возникалъ вопросъ о принципиальныхъ разногласияхъ, тактическия же разногласия—вопросъ о пропагандѣ и агитации,—какъ уже было сказано, коллоквиумъ предполагалъ поставить на обсуждение съѣзда, но ко времени съѣзда жизнь сгладила и эти разногласия. Можетъ быть, единственной „не спѣвшейся“ съ другими была Харьковская Организация, но и она была приглашена на съѣздъ. Самостоятельную позицию занимала группа „Рабочаго Знамени“, но она сама не только не смогла поставить на принципиальную почву свои разногласия, но даже, какъ мы видѣли, отрицала ихъ. Неприглашение группы „Рабочаго Знамени“ на съѣздъ было безусловно крупною ошибкою организаторовъ съѣзда, но именно потому-то это и можно назвать ошибкою, что это шло въ разрѣзъ съ желаниемъ организаторовъ созвать на съѣздъ *всѣ* социалдемократическия группы. Группу „Рабочаго Знамени“ организаторы съѣзда ошибочно считали несоциалдемократической [2]).

---

[1]) М. Лядовъ. Ист. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. Часть II, стр. 34.

[2]) Объ этомъ пишетъ Б. Л. въ своей статьѣ слѣдующее: „Ко времени основания Киевскаго Союза Борьбы“ (т. е. лѣтомъ 1897 года) въ рабочей средѣ появляется оппозиция, недовольная дѣятельностью социалдемократовъ; она была поддержана группою Народовольцевъ, обвинявшихъ социалдемократовъ въ игнорировании политической борьбы, и киевскимъ членомъ Бѣлостокской группы „Рабочихъ Революционеровъ“ (Бѣлостокская организация „Рабочаго Знамени). „Бѣлосточчанинъ наклонялся, какъ мнѣ кажется, по линии идеализма-индивидуализма-анархизма, надѣясь на знание какъ на источникъ нравственнаго совершенствования“

Съѣздъ состоялся въ Минскѣ въ день 1-го марта 1898 года. Когда намѣтилось приблизительно время съѣзда, день этотъ былъ выбранъ сознательно, какъ годовщина извѣстнаго событія въ борьбѣ предшествующей соціалдемократизму соціалистической партіи съ существующимъ режимомъ. Делегаты начали съѣзжаться немного ранѣе; нѣкоторые останавливались въ гостиницахъ, записывались подъ вымышленными именами,—паспортовъ тогда при этомъ не требовалось—другихъ помѣстили на квартирахъ у товарищей. Накапунѣ назначеннаго для съѣзда дня пріѣхали уже всѣ делегаты, кромѣ петербургскаго и московскаго. Вечеромъ того же дня, 28-го февраля, они собрались на предварительное совѣщаніе въ комнатѣ одного изъ делегатовъ Бунда, Гл. Въ этой частной бесѣдѣ, за чаемъ, разговоръ шелъ о порядкѣ дня съѣзда и бѣгло касался поставленныхъ на обсужденіе вопросовъ. Настроеніе было приподнятое, чувствовалось, что дѣлается важное дѣло: делегаты считали подготовительную работу удавшейся и съѣхавшихся дѣйствительными представителями всѣхъ значительныхъ соціалдемократическихъ организацій того времени. Бесѣда продолжалась не долго, и къ 11-ти часамъ вечера всѣ разошлись.

На другой день собраніе началось въ 10 час. утра на квартирѣ, доставленной Женей Гурвичъ. Московскій делегатъ явился уже къ началу собранія, петербургскій делегатъ пришелъ немного позже. Всѣхъ участниковъ собранія было девять: отъ Петербурга—С., отъ Москвы—Александръ Ванновскій, отъ Бунда—А. К., Гл. и рабочій Исаакъ, отъ Кіева—Т., отъ группы „Рабочей Газеты" Б. Л. и Н., отъ Екатеринослава—П. Собраніе было открыто безъ всякой торжественности, предсѣдатель выбранъ не былъ, но работою руководилъ Б. Л; секретарями взялись быть Т. и Н., но они не вели протоколовъ и записывали лишь резолюціи съѣзда.

Прежде всего былъ поставленъ вопросъ о томъ, своевременно ли создавать объединенную соціалдемократическую партію. Это, впрочемъ, было только формальностью, такъ какъ вопросъ былъ уже предрѣшенъ: собраніе отвѣтило на него утвердительно. С. заявилъ, что въ Петербургѣ особенно сильно чувствуется потребность въ объединеніи партіи, во 1-хъ, для того, чтобы была авторитетная для всей Россіи организація, отъ имени которой могъ бы Петербургскій Союзъ Борьбы обращаться къ петербургскимъ рабочимъ, во 2-хъ, для объединенія усилій ради созданія техническихъ условій развитія соціалдемократической литературы: постановки типографіи, организаціи транспорта изъ-за границы и проч. Послѣднее соображеніе было дружно поддержано всѣми присутствующими, такъ какъ нигдѣ не удалось мѣстными силами прочно поставить технику—кромѣ Бунда,—и всѣ надежды возлагались на Центральный Комитетъ партіи.

Затѣмъ былъ на очереди вопросъ о названіи партіи. Было предло-

жено названіе „Всероссійскій Союзъ Борьбы за освобожденіе Рабочаго Класса“. За это имя была широкая популярность, которою уже пользовались Союзы Борьбы въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ; но это названіе было слишкомъ громоздко и неудобопереводимо на иностранные языки, а потому оно было отвергнуто. Тогда предложили назваться „Русская Соціалдемократическая Партія“; но противъ термина „русская“ возражали бундовцы,— они находили болѣе подходящимъ слово „россійская“, потому что эта партія должна объединить не только русскихъ рабочихъ, но и рабочихъ другихъ національностей Россіи; на эти соображенія бундовцевъ никто не возражалъ, и потому терминъ „Россійская“ былъ принятъ; но и поддерживалъ въ этомъ вопросѣ бундовцевъ только Т., который взялъ слово, чтобы высказаться въ защиту этого выраженія; онъ подробно остановился на своихъ мотивахъ; при этомъ сказалось вліяніе федералистскихъ взглядовъ Драгомановской организаціи, къ которой принадлежалъ Т. лѣтъ за пять передъ тѣмъ и въ которой онъ получилъ свое политическое воспитаніе. Противъ термина „партія“ никто не возражалъ. Точно также не вызвало преній названіе партіи „соціалдемократической“: не возражали противъ этого и бундовцы, которые, однако, какъ я это уже отмѣтилъ, нашли неудобнымъ принять это названіе для своей собственной организаціи; бундовцы, такимъ образомъ, не смогли перенести на принципіальную почву рѣшеніе, къ которому они пришли на основаніи своихъ мѣстныхъ, практическихъ соображеній; это невмѣшательство Бунда въ принципіальную постановку дѣла партіи, къ несчастью, пріобрѣло впослѣдствіи силу традиціи, и делегаціи Бунда на второмъ (въ Брюсселѣ), на третьемъ (въ Стокгольмѣ) и даже на четвертомъ (въ Лондонѣ) съѣздахъ партіи не могли занять принципіально-самостоятельной позиціи, хотя на практикѣ, въ тактическомъ отношеніи, Бундъ все время шелъ самостоятельнымъ путемъ, какъ авангардъ пролетарскаго движенія въ Россіи.

Дебаты нѣсколько затянулись по вопросу о томъ, включать ли въ названіе партіи слово „Рабочая“. Нѣсколько делегатовъ высказались противъ этого названія, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что фактически въ соціалдемократическія организаціи входитъ очень мало рабочихъ, и было бы самозванствомъ назвать партію „рабочею“. Мнѣнія раздѣлились почти пополамъ, но большинствомъ одного голоса было рѣшено не вносить слово „Рабочая“ въ наименованіе Партіи, и если въ настоящее время Россійская Соціалдемократическая партія называется „Рабочею“, то это—вопреки рѣшенію перваго съѣзда Партіи, по причинамъ, которыя я ниже отмѣчу.

Далѣе были выслушаны доклады делегатовъ о положеніи дѣлъ на мѣстахъ. Только бундовцы и кіевляне сообщили объ историческомъ развитіи движенія въ ихъ районахъ. Московскій Союзъ Борьбы былъ по своему со-

ставу организаціей новой, дѣйствовавшей, какъ сказано, всего съ осени 97 г., и его делегатъ не излагалъ исторіи предшествующихъ группъ въ Москвѣ; онъ сообщилъ, между прочимъ, что Московскій Союзъ сдѣлалъ попытку созывать массовки въ нѣсколько сотъ человѣкъ, но рѣчь московскаго делегата не вызвала сочувствія собранія, и описанная имъ попытка была признана нераціональной.

Кіевскій делегатъ спеціально остановился на организаціи рабочихъ кружковъ пропаганды; по этому поводу были высказаны мнѣнія, что не слѣдуетъ такъ долго вести кружковыя занятія, что необходимо выработать болѣе краткую программу курса, чтобы провести черезъ кружки возможно больше рабочихъ, систематическія же занятія вести только съ рабочими, подающими надежду стать самостоятельными агитаторами.

Делегатъ отъ Екатеринослава описалъ борьбу мнѣній внутри его организаціи по вопросу о стачечныхъ кассахъ; хотя объединенная Екатеринославская Организація и вступила на путь экономической агитаціи, однако же ея делегатъ считалъ ошибочными или преувеличенными надежды, которыя возлагала на кассы группа высланныхъ въ Екатеринославъ еврейскихъ рабочихъ; собраніе согласилось съ докладчикомъ, что въ рамкахъ конспиративной дѣятельности невозможно прочно поставить кассы, а при несовершенной постановкѣ они ведутъ къ проваламъ и потому ихъ не слѣдуетъ рекомендовать; делегаты Бунда и по этому вопросу не остались при особомъ мнѣніи, хотя въ районѣ ихъ дѣятельности кассы получили уже въ то время очень широкое развитіе; делегатъ Екатеринослава привезъ съ собою всѣ 8 прокламацій, вышедшихъ къ тому времени въ его городѣ и составленныхъ въ чисто „экономическомъ“ духѣ; съѣздъ отнесся къ нимъ вполнѣ сочувственно и призналъ, что такъ и надо писать прокламаціи для того, чтобы пріучить къ нимъ широкіе круги рабочихъ. Петербургскій делегатъ не возражалъ противъ этого, хотя въ Петербургскомъ Союзѣ его группа относилась рѣзко отрицательно къ аналогичному явленію.

Съ особеннымъ интересомъ всѣ ждали сообщенія петербургскаго делегата. Когда онъ явился на собраніе, немного запоздавъ, его всѣ обступили и внимательно слушали каждое слово: помимо значенія Петербургскаго Союза Борьбы всѣ заочно знали и интересовались личностью С. Сообщая о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, С. говорилъ съ важностью человѣка, хорошо освѣдомленнаго въ „высшей политикѣ“ и съ достоинствомъ представителя первой по важности организаціи въ Россіи. Говорилъ онъ тихо, подозрительно посматривая на стѣны и двери, какъ старый конспираторъ. Однако, его разсказъ не удовлетворилъ слушателей: въ немъ не было точныхъ указаній на положеніе дѣлъ и методы

борьбы въ петербургскомъ союзѣ. Въ этомъ недостаткѣ рѣчи С. самъ онъ, впрочемъ, мало былъ повиненъ: онъ и его группа были тогда совершенно не въ курсѣ дѣлъ.

Съѣздъ сознавалъ, что отсутствіе делегата заграничной организаціи составляетъ пробѣлъ. А. К. разсказалъ о своихъ переговорахъ съ группою „Освобожденіе Труда" и выразилъ увѣренность, что члены этой группы могутъ и должны быть уполномочены представлять за границею партію. Онъ отмѣтилъ, что лично ему кажутся ошибочными нѣкоторые взгляды группы, но что она безусловно является компетентною вести сношенія отъ имени партіи съ соціалдемократическими партіями Западной Европы и слѣдить за европейскою прессою въ интересахъ революціоннаго движенія въ Россіи. При этомъ А. К. изложилъ проектъ объединенія Петербургской, Виленской и Кіевской группъ съ Союзомъ Русскихъ Соціалдемократовъ за границей, выработанный при его участіи на собраніяхъ въ Цюрихѣ. Т. вполнѣ поддерживалъ предложеніе А. К. На основаніи всего этого съѣздъ принялъ рѣшеніе, уполномочивающее заграничный Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ, частью котораго была группа „Освобожденіе Труда", называться Заграничнымъ Комитетомъ Партіи и быть заграничнымъ представителемъ Партіи.

Делегаты Бунда, дѣлая свой докладъ съѣзду и ссылаясь на составленную ими еще до съѣзда записку, доказывали необходимость автономнаго существованія въ партіи самостоятельной еврейской рабочей организаціи; при этомъ они рѣзко критиковали дѣятельность Польской Соціалистической партіи и ея притязанія считаться единственною революціонною организаціей на территоріи Царства Польскаго. Вопросъ объ участіи въ партіи Бунда рѣшался самъ собою въ виду популярности среди всѣхъ соціалдемократическихъ организацій виленской группы и ея непосредственнаго участія въ дѣлѣ созыва съѣзда. Но тѣмъ самымъ отклонялось одно изъ ультимативныхъ требованій Польской Соціалистической партіи, и вопросъ о какихъ бы то ни было обязательственныхъ отношеніяхъ между нею и Россійскою партіей снимался съ очереди. Въ частности и второе требованіе ультиматума о признаніи Россійскою партіей принципа отдѣленія Царства Польскаго отъ Россіи не было подвергнуто обсужденію [1]).

Офиціальные доклады делегатовъ, однако, не удовлетворили участниковъ съѣзда, и послѣ закрытія собранія, вечеромъ, еще долго продолжались бесѣды и разспросы о положеніи дѣлъ на мѣстахъ; эти частныя бесѣды

---

[1]) Немогшая прислать на съѣздъ своихъ делегатовъ Литовская Соціалдемократическая Партія тоже не желала признать гегемоніи Польской Соціалистической Партіи на территоріи Царства Польскаго. Вскорѣ послѣ съѣзда она издала за границею рѣзкую полемическую брошюру по этому вопросу.

гораздо болѣе чѣмъ самые доклады выяснили делегатамъ общую картину соціалдемократической дѣятельности въ разныхъ городахъ и сблизили самихъ участниковъ съѣзда.

На слѣдующій день, 2-го марта, оба собранія были заняты, главнымъ образомъ, дебатами объ организаціи партіи. Во всѣхъ рѣчахъ было замѣтно опасеніе придать уставу слишкомъ централистическій характеръ. Екатеринославскій делегатъ имѣлъ даже императивный мандатъ, требующій внесенія въ уставъ ограничительнаго параграфа, по которому мѣстныя организаціи являются самостоятельными въ своей мѣстной работѣ и даже имѣютъ право, если найдутъ нужнымъ, не приводить въ исполненіе постановленія Центральнаго Комитета, представивши лишь объясненія этого своего поступка. Это требованіе Екатеринославской Организаціи было, однако, принято съѣздомъ, какъ вполнѣ естественное, и внесено въ уставъ.

При такихъ условіяхъ требованіе Бунда автономныхъ правъ внутри общепартійной организаціи не могло встрѣтить возраженій, и оно безъ всякихъ споровъ было такъ же принято, какъ особый пунктъ устава.

Остальные пункты вошли въ уставъ изъ проекта кіевской организаціи. Самый проектъ, къ сожалѣнію, не сохранился. Оригиналъ его, писанный рукою Шуляковскаго, былъ взятъ жандармами при арестѣ Теслера. Жандармскій ротмистръ Беклемишевъ, на допросѣ Шуляковскаго, сравнивая этотъ проектъ съ уставомъ партіи, замѣтилъ: „Вы не имѣете основаній жаловаться на съѣздъ: онъ внесъ въ уставъ партіи цѣликомъ выработанный вами проектъ".

Гораздо труднѣе выяснить тѣ тенденціи, которыя, не отразившись на уставѣ, однако же проявлялись на съѣздѣ. По воспоминаніямъ А. К., совершенно оригинальный планъ организаціи партіи былъ развитъ Б. Л. По его проекту, организація партіи сводилась къ организаціи Центральнаго Комитета, дѣйствующаго на мѣстахъ черезъ посредство своихъ агентовъ; самъ же Центральный Комитетъ избирался бы на съѣздахъ „соціалдемократическихъ дѣятелей". По словамъ А. К., этотъ планъ вызвалъ указанія на его внутреннюю противорѣчивость: „соціалдемократическіе дѣятели", съ одной стороны, являются, по проекту агентами Центральнаго Комитета и, слѣдовательно, зависятъ отъ него и даже имъ самимъ возводятся въ званіе „дѣятелей", съ другой стороны, они избираютъ Центральный Комитетъ и контролируютъ его.

По словамъ делегатовъ Бунда, этому рѣзко централистическому проекту они противопоставили свой, который они только-что провели въ жизнь по отношенію къ еврейскимъ соціалдемократическимъ организаціямъ. Однако же никто изъ остальныхъ участниковъ съѣзда не помнитъ, чтобы принятый проектъ былъ противопоставленъ какому-либо другому; кромѣ того, какъ

я уже указалъ, всѣ или почти всѣ пункты устава были заранѣе вырабо... ь мѣстными—главнымъ образомъ, кіевскою—организаціями. Тѣмъ не ... ѣе воспоминанія делегатовъ Бунда о проектѣ В. Л., при всей ихъ ...с- ности, представляютъ большой интересъ, потому что этотъ проектъ ...ь близокъ къ тому, который впослѣдствіи былъ выдвинутъ группою Ис... который намѣчался Харьковской Организаціей.

Самъ В. Л. сказалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Я не помню, чтобы я излагалъ кому-нибудь такой планъ организаціи п...ртіи; едва ли я могъ тогда рекомендовать этотъ путь для укрѣпленія ц...нтра, потому что я считалъ, наоборотъ, необходимымъ показать мѣстнымъ организаціямъ, что существованіе центра не опасно даже и для самыхъ молодыхъ изъ нихъ. Но въ вашемъ разсказѣ я узнаю приблизительно тѣ идеи, которыя я излагалъ на собраніяхъ Центральнаго Комитета, какъ ср...дство борьбы съ партикуляризмомъ отдѣльныхъ городовъ, въ смыслѣ возд...ствія центра на периферію, и въ частности для прекращенія раскол...ъ въ Союзахъ Борьбы. Этотъ планъ былъ бы удобенъ также по отноше...ю къ вновь возникающимъ группамъ въ новыхъ районахъ дѣятельности, ...о въ старыхъ приходилось мириться съ тѣмъ, что есть".

Одинъ изъ ближайшихъ товарищей по дѣятельности В. Л. объяснилъ мнѣ воспоминанія А. К. слѣдующимъ образомъ: „Хотя я не помню, чтобы В. Л. когда-нибудь развивалъ такой планъ, однако онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ его сильной и властной натурѣ; весьма возможно, что въ частныхъ бесѣдахъ съ бундовцами, предшествовавшихъ дебатамъ на съѣздѣ, или въ бесѣдахъ въ частности съ А. К., какъ членомъ Центральнаго Комитета, В. Л., самъ того не замѣчая, проявлялъ эти тенденціи. Въ своей мѣстной работѣ онъ часто подчинялъ себѣ людей силою своего темперамента и беззавѣтной преданности дѣлу. Когда чего-нибудь требовали интересы дѣла, онъ не считался ни съ трудностями, ни съ усталостью, ни съ настроеніемъ и относился часто сурово и рѣзко къ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, не проявлялъ достаточной энергіи и поспѣшности. Это не рѣдко вызывало протесты со стороны его товарищей. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что и уставъ Кіевскаго Союза Борьбы, явившійся прототипомъ устава партіи, былъ противопоставленъ тенденціямъ группы „Рабочее Дѣло"—главнымъ образомъ, именно въ лицѣ Б. Л.—подчинить своему руководству всю мѣстную работу".

Въ виду всего этого мнѣ представляется, что въ воспоминаніяхъ А. К. о планахъ В. Л. имѣется вполнѣ реальная основа. И такъ какъ эти планы представляютъ большой интересъ и съ исторической точки зрѣнія—потому что впослѣдствіи они долго волновали с.-д. партію—и съ теоретической—потому что таящееся въ нихъ здоровое ядро навѣрное еще

не разъ поставитъ ихъ въ той или иной формѣ на очередь дня,—то я и счелъ необходимымъ изложить ихъ здѣсь.

Точно также въ высшей степени интересно отмѣтить, что бундовцы считали уставъ партіи выработаннымъ въ духѣ ихъ собственнаго устава; на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, всѣ пункты устава были созданы безъ всякаго вліянія Бунда, но, очевидно, во время дебатовъ на съѣздѣ, для насъ, къ сожалѣнію, утраченныхъ, бундовцы выступали съ субъективною увѣренностью, что они защищаютъ именно свой планъ въ противовѣсъ какому-то возможному иному. Между тѣмъ этотъ планъ диктовался жизнью также и въ другихъ организаціяхъ, а потому онъ былъ очень сочувственно встрѣченъ съѣздомъ, даже и тѣми, кто лишь „мирился съ тѣмъ, что есть", считая это лишь временной мѣрой для укрѣпленія централистскихъ принциповъ. Такимъ былъ среди делегатовъ не одинъ В. Л.; петербургскій делегатъ, С., вѣроятно, такъ же смотрѣлъ на дѣло, судя по тактикѣ его группы въ Петербургѣ; возможно, что и московскій делегатъ былъ ближе къ этимъ тенденціямъ, чѣмъ къ восторжествовавшимъ на съѣздѣ, судя по его дальнѣйшей дѣятельности.

Въ характеристикѣ *общихъ* принциповъ организаціи партіи, существовавшихъ у делегатовъ на съѣздѣ, мнѣ пришлось отступить отъ строго фактическаго изложенія событій и высказать гипотетическія сужденія, потому что документальныхъ данныхъ на этотъ счетъ, къ сожалѣнію, уже никто и никогда не сможетъ дать исторіи.

Въ члены Центральнаго Комитета были избраны три лица: А. К., С. и В. Л. Это было уже задолго до съѣзда предрѣшено, и члены будущаго Центральнаго Комитета совѣщались нѣсколько разъ въ перерывахъ между засѣданіями съѣзда о ходѣ своей дальнѣйшей работы. „Рабочая Газета" была объявлена Центральнымъ Органомъ партіи; ея изданіе было поручено Центральному Комитету, при чемъ редакцію предполагалось перенести въ Петербургъ. Былъ поднятъ вопросъ объ изданіи принципіальной деклараціи партіи; нѣкоторые делегаты имѣли при этомъ въ виду программу партіи, другіе же лишь манифестъ съѣзда. Т. доложилъ съѣзду, что Кіевскій Союзъ Борьбы желалъ бы, чтобы эту декларацію было поручено написать Плеханову; тогда А. К. сказалъ, что Петербургскій Союзъ Борьбы готовъ взять на себя составленіе этой деклараціи; С. подтвердилъ, что у нихъ „есть такой человѣкъ, который можетъ выполнить это порученіе". Кто это именно—С. не сказалъ, что, впрочемъ, и было естественно по правилу конспираціи: „говори то, что нужно сказать, а не то, что можно сказать". Не нужно же было говорить, кто именно предполагался быть авторомъ манифеста потому, что имя автора могло бы и не говорить многаго участни-

камъ съѣзда, суть же его декларацiи отдавалась на отвѣтственность Центральнаго Комитета. Предложенiе петербургскаго делегата было принято.

Всѣ эти заключительныя рѣшенiя были постановлены съѣздомъ на пятомъ и послѣднемъ засѣданiи 3 марта, продолжавшемся дольше обыкновеннаго, отъ 10 часовъ утра до 4 или 5 часовъ вечера.

Вечеромъ делегаты собрались въ послѣднiй разъ для прощальнаго свиданiя въ квартирѣ Р. и устроили маленькую пирушку. Вечеръ прошелъ въ живой и дружеской бесѣдѣ; делегаты желали другъ другу счастливаго возвращенiя къ своимъ организацiямъ и выражали горячую увѣренность, что вновь созданная организацiя не будетъ мертворожденнымъ дѣтищемъ. Т. напомнилъ, что въ этомъ году исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ первой соцiалдемократической книжки Г. В. Плеханова—„Соцiализмъ и Политическая Борьба" и предложилъ по этому поводу послать Плеханову привѣтствiе; это было, конечно, принято всѣми присутствующими.

Затѣмъ делегаты разъѣхались. Для многихъ изъ нихъ уже были сочтены дни ихъ политической дѣятельности и только петербургскiй делегатъ, С., и одинъ изъ делегатовъ „Рабочей Газеты", Н., такъ и остались не узнанными до сихъ поръ полицiей и не были арестованы въ связи со съѣздомъ [1]).

Московскiй делегатъ повезъ съ собою нелегальную литературу и черезъ нѣсколько дней былъ арестованъ въ Москвѣ; при этомъ была арестована большая часть членовъ Московскаго Союза Борьбы, всего 53 или 57 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. Нѣсколькихъ членовъ Союза, за которыми несомнѣнно слѣдили, Зубатовъ оставилъ на волѣ съ явнымъ намѣренiемъ продолжать слежку, и потому они были вынуждены уѣхать изъ Москвы. Но ихъ замѣстители продолжали ихъ дѣло и назывались Московскимъ Комитетомъ Партiи.

Въ ночь съ 11-го на 12-ое марта и въ слѣдующую ночь въ разныхъ городахъ Россiи были произведены массовые аресты, при которыхъ было взято около пятисотъ человѣкъ; въ одномъ Кiевѣ арестовали 175 человѣкъ, въ томъ числѣ тов. Т.

Въ это время Кiевская типографiя, заново оборудованная, была уже перевезена въ Екатеринославъ, гдѣ помѣщалась на квартирѣ Поляка, кiевскаго рабочаго, бывшаго члена перваго Кiевскаго Рабочаго Комитета;

---

[1]) Лядовъ со свойственною ему смѣлостью заявляетъ: „Нѣтъ сомнѣнiя, что въ центръ попалъ провокаторъ и при его содѣйствiи полицiи удалось разгромить всю только-что созданную партiйную организацiю" (стр. 78). Все это совершеннѣйшiй вздоръ. Всѣ девять участниковъ съѣзда намъ такъ же хорошо извѣстны, какъ они были извѣстны другъ другу. Ни о какой провокатурѣ или предательствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

съ нимъ имѣлъ дѣло одесскій провокаторъ, знавшій о работѣ Поляка; благодаря этому провалилась и 'вся Екатеринославская организація; при этомъ были арестованы и П. и Б. Л.; въ типографіи былъ захваченъ готовый къ выходу № 3 „Рабочей Газеты“ и рукопись брошюры „Новая побѣда пролетаріата“, написанной Н. по поводу закона 3-го іюня 1897 г., а также и еще нѣсколько рукописей. Но возстановленные вскорѣ затѣмъ организаціи въ Кіевѣ и Екатеринославѣ стали называться Комитетами партіи.

А. К. ожидалъ въ Минскѣ вѣстей отъ Б. Л., который, устроивъ дѣла въ типографіи, долженъ былъ выѣхать въ Петербургъ, гдѣ на собраніи Центральнаго Комитета долженъ былъ обсуждаться проектъ манифеста, составленный согласно предположеніямъ С.—Но обѣщанныя вѣсти отъ Б. Л. не получались въ Минскѣ, взамѣнъ ихъ приходили только со всѣхъ концовъ Россіи смутные слухи о массовыхъ арестахъ, и въ Минскѣ наступила тревожная тишина, какъ только разъѣхались всѣ делегаты. Наконецъ, былъ посланъ на югъ Россіи товарищъ, который скоро разъяснилъ, почему уѣхавшіе не исполнили взятыхъ на себя обязательствъ; онъ увѣдомилъ минчанъ: „все погибло! Всѣхъ забрали и все разрушено!“

Тогда А. К. отправился въ Петербургъ, чтобы получить текстъ манифеста и напечатать его въ типографіи Бунда.

Еще до съѣзда С. обратился къ П. Б. Струве съ предложеніемъ взять на себя составленіе манифеста партіи. П. Б. Струве незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ-за границы, гдѣ, между прочимъ, видѣлся и съ Плехановымъ и съ Аксельродомъ и долго бесѣдовалъ съ ними о русскихъ дѣлахъ, при чемъ вынесъ впечатлѣніе, что въ вопросахъ русской дѣйствительности у него никакихъ разногласій съ ними не было. Поэтому онъ считалъ, что можетъ формулировать совершенно объективно господствующія въ средѣ русскихъ соціалдемократовъ воззрѣнія или, какъ онъ выразился, сообщая мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія о составленіи имъ манифеста, „традиціи соціалдемократической церкви“.

С., прося П. Б. Струве составить текстъ манифеста, не далъ съ своей стороны никакихъ указаній относительно его содержанія и формы, предоставивъ это цѣликомъ на усмотрѣніе самого П. Б. Струве. По воспоминаніямъ Нины Александровны Струве, ея мужъ отнесся къ взятой имъ на себя работѣ съ большимъ вниманіемъ и сознаніемъ важности этого заявленія: онъ долго и тщательно обдумывалъ планъ этого своего произведенія, прежде чѣмъ принялся за его написаніе; онъ посвятилъ этому цѣлый вечеръ, видимо, волновался, прерывалъ работу и долго ходилъ по комнатѣ. Когда текстъ былъ написанъ, П. Б. Струве прочиталъ его М. И. Туганъ-Барановскому, которому имѣлъ обыкновеніе прочитывать всѣ свои произведенія; но ни въ

самомъ составленіи текста манифеста ни въ его обработкѣ М. И. Туганъ-Барановскій никакого участія не принималъ.

Вернувшись со съѣзда, С. вмѣстѣ съ Альб. пришелъ къ П. Б. Струве и просилъ его прочитать имъ свою рукопись. Они одобрили этотъ проектъ манифеста, но нашли нужнымъ усилить выраженія въ одномъ мѣстѣ и сдѣлать небольшую вставку въ другомъ. П. Б. Струве нашелъ эти измѣненія вполнѣ соотвѣтствующими общему развитію мысли въ манифестѣ и вставилъ послѣ словъ: „Вездѣ рабочій классъ становится тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ больше ему даютъ“ — слѣдующую фразу: „Тоже будетъ и съ русскимъ пролетаріатомъ. Ему давали до сихъ поръ лишь тогда, когда онъ *требовалъ*, и впредь будутъ давать лишь то, чего онъ *потребуетъ*“. Далѣе, въ виду того, что С. сообщилъ о желаніи съѣзда, чтобы въ манифестѣ было спеціально отмѣчена преемственная связь между соціалдемократическимъ и народовольческимъ движеніемъ, П. Б. Струве передѣлалъ соотвѣтствующія строки въ своемъ проектѣ; въ результатѣ этой переработки появилась слѣдующая фраза: «Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествующаго революціоннаго движенія въ Россіи; ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціалдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой „Народной Воли“».

Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, все осталось неизмѣненнымъ въ проектѣ П. Б. Струве. И когда въ Петербургъ пріѣхалъ А. К. и спросилъ, выполнила ли Петербургская организація обѣщаніе составить манифестъ, С. передалъ ему готовый текстъ его. А. К. остался, однако, очень неудовлетвореннымъ этимъ проектомъ и находилъ его совершенно неудачнымъ. Но С. заявилъ ему, что манифестъ написанъ очень компетентнымъ лицомъ, обсужденъ и принятъ Петербургскимъ Союзомъ Борьбы и потому безусловно можетъ быть принятъ Центральнымъ Комитетомъ и опубликованъ. Въ свою очередь С. спросилъ, имѣетъ ли А. К. предложить взамѣнъ этого какой-нибудь другой проектъ манифеста. А. К. никакого иного проекта не имѣлъ и былъ принужденъ согласиться принять выработанный текстъ. Никакихъ другихъ дѣлъ Центральнаго Комитета въ этотъ пріѣздъ А. К. не обсуждалось, во 1-хъ, вслѣдствіе полной неопредѣленности положенія дѣлъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Екатеринославѣ, во 2-хъ, потому, что непосредственной и неотложной задачей было напечатать и распространить манифестъ и „рѣшенія съѣзда“, или уставъ партіи.

Вернувшись въ Минскъ, А. К. прочиталъ проектъ манифеста своимъ товарищамъ по Центральному Комитету Бунда. Они отнеслись къ нему еще болѣе отрицательно, чѣмъ А. К., признали его совершенно непріемлемымъ

и настояли, чтобы А. К. отправился вторично въ Петербургъ, просилъ бы С. устроить ему свиданіе съ авторомъ манифеста и настаивалъ на переработкѣ манифеста. Это и было исполнено. Свиданіе произошло на квартирѣ у Альб. Присутствовали—П. В. Струве и С., А. К. и Альб.

Прежде всего А. К. указалъ на то, что въ наименованіи партіи, вопреки рѣшенію съѣзда, вставлено слово „Рабочая". На это первымъ возражалъ П. В. Струве; онъ указалъ, что по ходу изложенія манифеста съ неизбѣжностью вытекаетъ, что рѣчь идетъ именно о „рабочей" партіи, и эта мысль, проникающая весь манифестъ, формулирована въ немъ слѣдующими словами: „Нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только *самъ*"; было бы поэтому страшнымъ противорѣчіемъ издавать подобный манифестъ отъ имени какой бы то ни было партіи, кромѣ рабочей. П. В. Струве спросилъ, находятъ ли товарищи изъ Бунда эту идею устранимою изъ манифеста? Съ своей стороны С. указалъ, что за внесеніе въ наименованіе партіи термина „Рабочая" была почти половина съѣзда и было бы излишнимъ формализмомъ, если бы Центральный Комитетъ не рѣшился, въ виду соображеній, высказанныхъ П. В. Струве, на это „незначительное" измѣненіе въ названіи партіи. Точно также по поводу всѣхъ другихъ возраженій А. К. ему отвѣчалъ П. В. Струве, защищавшій свой проектъ, а С. и Альб. во всемъ его поддерживали. Въ заключеніе П. В. Струве заявилъ, что во всякомъ случаѣ онъ считаетъ свою работу оконченной и что отъ Центральнаго Комитета зависитъ принять или не принять его текстъ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, иного же онъ дать не можетъ. С. добавилъ, что въ случаѣ отклоненія проекта, составленнаго П. В. Струве, Петербургскій Союзъ Борьбы вообще не могъ бы исполнить взятаго имъ на себя передъ съѣздомъ обязательства. При такихъ обстоятельствахъ А. К. приходилось выбирать одно изъ двухъ: или вообще не издавать манифеста партіи или издать предлагаемый проектъ. Онъ выбралъ послѣднее.

Въ чемъ именно товарищи изъ Бунда видѣли недостатки манифеста? Это, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. П. В. Струве говоритъ, что А. К. не нравились политическія тенденціи манифеста. Это объясненіе, несомнѣнно, будетъ встрѣчено очень сочувственно всѣми, кто въ тѣ времена одобрялъ манифестъ, и въ качествѣ „ортодоксальныхъ" par exellence „революціонныхъ" соціалдемократовъ противоставлялъ себя, „такъ называемымъ экономистамъ", „высказывавшимся противъ признанія манифеста". Но одно обстоятельство вноситъ яркій свѣтъ въ этотъ вопросъ и осложняетъ отвѣтъ на него.

Незадолго передъ поѣздкою А. К. въ Петербургъ, изъ Кіева пріѣхалъ въ Минскъ Р., пользовавшійся въ Кіевѣ большимъ вліяніемъ,

но уцѣлѣвшій отъ разгрома членъ группы „Рабочей Газеты“. Онъ привезъ съ собою проектъ майской прокламаціи, которую онъ предлагалъ выпустить отъ имени партіи. Прокламація была составлена въ духѣ майскихъ листковъ предыдущаго года, съ осторожными указаніями на политическія задачи рабочаго движенія. Центральный Комитета Бунда нашелъ ее политически слишкомъ умѣренной и просилъ Р. переработать ее; послѣ этой переработки прокламація приняла совершенно опредѣленный, рѣзко политическій характеръ. Этотъ текстъ А. К. привезъ съ собою въ Петербургъ и предложилъ С. принять его и выпустить отъ имени партіи. С. одобрилъ эту прокламацію и къ первому мая она, дѣйствительно, была издана [1]).

Это показываетъ, что Центральный Комитетъ Бунда вовсе не былъ въ это время противникомъ выставленія рѣзко политическихъ требованій *даже и въ прокламаціяхъ*, а потому онъ ни коимъ образомъ не могъ быть противъ „политическихъ тенденцій“ въ такомъ актѣ, какъ выпускъ перваго манифеста партіи. Очевидно, не нравился ему не самый фактъ наличности „политическихъ тенденцій“, но то мѣсто, которое было отведено въ манифестѣ политическимъ задачамъ пролетаріата, и та точка зрѣнія, съ которой эти задачи разсматривались. Говорю: очевидно—потому что и на самомъ дѣлѣ таковы были возраженія противъ манифеста его противниковъ.

Какъ бы то ни было А. К. примирился съ этимъ проектомъ манифеста и, въ виду ареста типографіи „Рабочей Газеты“, отвезъ его въ Бобруйскъ, гдѣ въ это время была типографія Бунда, и гдѣ онъ былъ тотчасъ же напечатанъ вмѣстѣ съ „рѣшеніями съѣзда“ сначала на еврейскомъ языкѣ, затѣмъ на русскомъ. Одновременно съ этимъ тамъ же была напечатана и общепартійная майская прокламація. Впослѣдствіи манифестъ и „рѣшенія съѣзда“ были напечатаны въ изданіи „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“ за границею, въ „Листкѣ Работника“, а затѣмъ и на нѣмецкомъ языкѣ, въ Vorwärts'ѣ.

Лядовъ, очевидно, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ, кѣмъ и когда былъ составленъ манифестъ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Прежде всего съѣздъ занялся составленіемъ манифеста. Это была важнѣйшая задача съѣзда. Всѣ остальные вопросы могли быть рѣшены лишь послѣ того, какъ будетъ выяснено, что между собравшимися существуетъ принципіальное единство“ (стр. 72). „Единственно, что сохранилось отъ трудовъ съѣзда,

[1]) Объ этой прокламаціи я уже сообщалъ болѣе подробно въ статьѣ „Первое мая въ Россіи“, но я ошибочно приписывалъ ея составленіе группѣ „Стариковъ“; она была лишь одобрена представителемъ этой группы, С., и затѣмъ распространена въ Петербургѣ членами этой же группы.

это выработанный имъ манифестъ" (стр. 78). Какъ видно изъ изложеннаго выше, это заявленіе Лядова есть лишь новая его выдумка. По своему обыкновенію Лядовъ не указываетъ ни одного точнаго факта, когда именно и въ чемъ именно заключались работы съѣзда надъ составленіемъ манифеста. На этомъ, впрочемъ, не стоило бы останавливаться, такъ какъ вся „Исторія" Лядова есть одна сплошная сказка [1]). Но одно обстоятельство заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Не подозрѣвая того, что текстъ манифеста былъ составленъ П. Б. Струве, Лядовъ очень сочувственно анализируетъ „заявленіе съѣздомъ общихъ принциповъ", на почвѣ которыхъ, по словамъ Лядова, якобы объединились на съѣздѣ различныя организаціи въ единую партію: онъ находитъ, что „манифестъ 1-го съѣзда выражалъ настроеніе всѣхъ первыхъ русскихъ соціалдемократовъ", и онъ не находитъ въ немъ ни одного недостатка, но, наоборотъ, признаетъ, что въ манифестѣ „проведена та же мысль", что и въ сочиненіяхъ Аксельрода, и что именно такъ, какъ указано въ манифестѣ, „поступали соціальдемократы-практики", къ которымъ Лядовъ относится съ полнымъ сочувствіемъ и которыхъ ставитъ въ примѣръ „экономистамъ". Лядовъ прочиталъ произведеніе П. Б. Струве, подъ которымъ, впрочемъ, не было подписи автора и принялъ это произведеніе за квинт-эссенцію ортодоксальнаго марксизма.

Я это вовсе не для того отмѣчаю, чтобы посмѣяться надъ Лядовымъ; въ защиту его я долженъ отмѣтить, что съ такою же проницательностью отнесся къ этому Credo безъ подписи автора и Плехановъ, который въ своемъ „Vademecum для редакціи Рабочаго Дѣла" ставитъ въ примѣръ заблудившейся редакціи манифестъ перваго съѣзда, и Мартовъ, который, выставляя сильнѣйшее обвиненіе противъ петербургскихъ „экономистовъ", воскликнулъ въ Парижѣ на митингѣ—въ отвѣтъ на рѣчь Л—ва: „Вы сжигали въ Петербургѣ манифестъ перваго съѣзда!" [2]).

Многіе и многіе склонны будутъ объяснять это лишь „ошибками", „недоразумѣніями", принять какъ забавный курьезъ, какъ иронію судьбы. Я, наоборотъ, вижу въ этомъ симптомъ родства политическаго радикализма, а затѣмъ и политическаго оппортунизма, выразителемъ котораго впослѣдствіи явился составитель манифеста перваго съѣзда, и того „ортодоксальнаго" соціалдемократизма, къ разнымъ фракціямъ котораго при-

---

[1]) Я дѣлалъ ссылки на книжку Лядова лишь потому, что онъ единственный историкъ партіи, и я обязанъ считаться съ литературою вопроса, о которомъ я пишу, какъ бы эта литература ни была бѣдна и жалка.

[2]) Самый фактъ невѣренъ,—Петербургскій Союзъ не сжигалъ манифеста; но вѣрно то, что онъ ему не сочувствовалъ и не хотѣлъ его распространять: а такъ какъ всѣ связи въ рабочей средѣ были въ рукахъ у „молодыхъ", то группа „стариковъ" была принуждена распространять манифестъ и майскую прокламацію первобытнымъ способомъ: они раздавались на улицахъ прохожимъ на Пескахъ, за Невской заставою и на Васильевскомъ островѣ.

надлежатъ и Плехановъ, и Мартовъ, и С., и Лядовъ. И, въ противоположность этому, конечно, не случайно всѣ организаціи и всѣ видные дѣятели другого соціалдемократическаго теченія, такъ называемые экономисты, и Бундъ, и Петербургскій „Молодой“ Союзъ, и „Молодой“ заграничный Союзъ—были неудовлетворены манифестомъ и недовольны имъ.

Какъ бы то ни было манифестъ былъ распространенъ по всей Россіи. Издавъ въ своей типографіи манифестъ и „рѣшенія съѣзда“ и доставивъ ихъ всѣмъ организаціямъ, имѣвшимъ своихъ делегатовъ на съѣздѣ, товарищи изъ Бунда выполнили миссію съѣзда, взявъ на себя добровольно работу, которую уже не могли совершить арестованные въ Кіевѣ и Екатеринославѣ товарищи, уполномоченные на это съѣздомъ. И судьба точно ждала только того, чтобы эти сильные и активные участники съѣзда осуществили эту историческую его задачу. Дамокловъ мечъ уже давно висѣлъ надъ Центральнымъ Комитетомъ Бунда. Агенты Зубатова пріѣхали въ Минскъ за московскимъ делегатомъ и за Б. Л. Совершенно независимо отъ мѣстнаго жандармскаго управленія и отъ мѣстной полиціи они начали свою „работу“. За Гл. филеръ поѣхалъ въ Лодзь, за Дж. въ Варшаву, за А. К. въ Брянскъ, а оттуда въ Гродно, куда предполагали перевести типографію Бунда. Во всѣхъ этихъ городахъ агенты устроили узлы своей раскинутой сѣти. Въ это время Бундъ получилъ изъ-за границы 10 пудовъ еврейскаго шрифта; его перевезли съ большими предосторожностями и, наконецъ, доставили въ Минскъ; тутъ на его слѣдъ напали шпіоны и выслѣдили его при перевозкѣ въ Бобруйскъ. Агенты московскаго охраннаго отдѣленія сняли себѣ квартиру противъ дома тайной типографіи и въ теченіе мѣсяца слѣдили за нимъ. Когда товарищи хотѣли увезти типографію изъ Бобруйска въ Гродно, ихъ арестовали и одновременно произвели аресты во всемъ районѣ дѣятельности Бунда. Это было въ ночь на 26 іюля 1898 года. Всего было взято и отвезено въ Москву около 70 человѣкъ.

Въ этой статьѣ я сдѣлалъ первую попытку реставрировать картину подготовки и работъ перваго съѣзда. Въ нашей партійной литературѣ нѣтъ на этотъ счетъ совершенно никакихъ матеріаловъ [1]). Въ теченіе многихъ лѣтъ я старался разспрашивать товарищей, хорошо освѣдомленныхъ въ общемъ ходѣ нашего движенія, объ этомъ событіи въ жизни нашей партіи и убѣдился, что оно совершенно неизвѣстно въ нашей средѣ не только въ деталяхъ, но и въ общихъ чертахъ. Въ настоящее время я разыскалъ и посѣтилъ всѣхъ участниковъ съѣзда—къ сожалѣнію, за

[1]) За исключеніемъ вышецитированной статьи Б. Л., которою я имѣлъ возможность пользоваться лишь въ рукописи.

исключеніемъ одного—и разспрашивалъ ихъ объ этомъ дѣлѣ. Ни одинъ изъ нихъ не отказался содѣйствовать выясненію этой страницы нашей исторіи, и я старался быть лишь прилежнымъ записчикомъ въ этой нашей коллективной работѣ. Теперь, когда я скомпановалъ мой эскизъ, пусть они постараются возстановить или исправить детали. Если моя статья побудитъ ихъ къ этому, она будетъ уже небезполезна. Если даже не сама она, а лишь ея ошибки и пробѣлы побудятъ ихъ къ этому, то авторъ будетъ радъ своимъ ошибкамъ: онѣ и неизбѣжно должны были вкрасться, потому что сами участники съѣзда не сохранили въ своей памяти всѣхъ подробностей его и мнѣ приходилось сопоставлять и провѣрять отдѣльныя показанія.

„Пусть вновь созданная партія не будетъ мертворожденнымъ дѣтищемъ!“ Этотъ тостъ на нашемъ прощальномъ собраніи мнѣ часто вспоминался, когда нѣсколько дней спустя послѣ нашего съѣзда насъ почти всѣхъ арестовали..., сказалъ одинъ изъ моихъ разсказчиковъ о съѣздѣ. „Въ сущности изъ всѣхъ рѣшеній съѣзда было выполнено только одно: былъ опубликованъ манифестъ“.

Только одно! Это *одно* было выполнено совсѣмъ не такъ, какъ того хотѣлъ съѣздъ; но это *одно*, независимо отъ самаго содержанія манифеста, было единственно необходимымъ и единственно возможнымъ на той стадіи развитія партіи! Велѣніе исторіи царило надъ событіями и надъ дѣйствіями людей и цѣлыхъ группъ! Партія создалась не 1-го марта 1898 года, какъ это думали участники съѣзда: она слагалась давно и медленно и ко времени съѣзда была уже крупнымъ фактомъ русской общественной жизни. Это нужно было только *сказать*. Это необходимо было сказать для того, чтобы многочисленные члены этой, уже фактически существующей, партіи сознали себя таковыми и этимъ сознаніемъ руководствовались бы въ своей разрозненной дѣятельности. Центральный Комитетъ и Центральный Органъ партіи не могли бы существовать въ то время, какъ это показали безрезультатныя усилія партіи создать ихъ въ послѣдующіе годы. Борьба могла вестись тогда только партизанская, но и для этой борьбы нужна была общая, хотя бы и не оформленная организаціей, идея единства движенія. Голосъ одного человѣка, голосъ физической личности—будь она даже головою выше всѣхъ своихъ современниковъ—былъ бы слишкомъ слабъ для провозглашенія этого единства. Нужна была фикція коллективнаго голоса всей партіи, которая бы сказала самой себѣ: „Я—партія“. И эта фикція, этотъ призракъ партіи былъ созданъ первымъ съѣздомъ. Сотни товарищей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самоотверженно работали надъ созданіемъ этой фикціи и они достигли цѣли: моральное значеніе перваго съѣзда было огромно—это испытали на себѣ всѣ участники дальнѣйшей работы.

Но этотъ призрачный характеръ подобныхъ историческихъ событій, создаваемый бьющими въ глаза противорѣчіемъ между простотою, несложностью физическаго акта и его объективнымъ значеніемъ, моральнымъ вліяніемъ на послѣдующія событія, побуждаетъ историковъ впадать въ двоякаго рода ошибки.

Одни, склонные признавать проявленіе въ этихъ событіяхъ иныхъ силъ, чѣмъ тѣ, которыя создали видимую структуру акта, усматриваютъ въ этомъ противорѣчіи вмѣшательство въ естественный ходъ вещей таинственныхъ, мистическихъ силъ, проводящихъ въ жизнь при помощи ничтожныхъ и случайныхъ событій свои добрыя или злыя велѣнія, предначертанныя въ планѣ міроздянія. Слѣдствіе въ этихъ событіяхъ является совершенно непропорціонально великимъ по сравненію съ видимыми его причинами, а потому эти видимыя причины кажутся столь ничтожными, что заслуживаютъ быть игнорируемыми, какъ безконечно малая величина. Какъ въ жизни Эдипа его собственные поступки, желанія и усилія не играютъ никакой роли въ исполненіи рока, такъ и въ исторіи, съ этой точки зрѣнія, не конкретныя обстоятельства опредѣляютъ фактъ, но судьба личности, народа или всего человѣчества. „Нѣкто въ сѣромъ“ рѣшаетъ въ послѣднемъ счетѣ событія и у Метерлинка, и у В. Соловьева, и у Побѣдоносцева—чтобы назвать, для примѣра, имена наиболѣе различныхъ людей мистиковъ.

Огромное большинство читателей, несомнѣнно, столь далеки отъ этого взгляда, что имъ покажется, можетъ быть, неумѣстнымъ даже и указаніе на него, какъ на одинъ изъ возможныхъ взглядовъ. Но авторъ этихъ строкъ, какъ бы онъ ни былъ самъ далекъ отъ мистицизма считаетъ еще въ несравненно большей степени ошибочнымъ противоположный, весьма распространенный матеріалистическій взглядъ на этого рода явленія.

Люди, считающіе себя чуждыми всякому идеализму въ пониманіи историческихъ событій, не видя никакихъ иныхъ причинъ и силъ, создавшихъ крупное историческое явленіе, кромѣ конкретныхъ наблюденныхъ фактовъ, признаютъ, что именно эти ничтожные факты при благопріятныхъ случайныхъ обстоятельствахъ способны вызвать наблюдаемое слѣдствіе, а потому даже слабая силами горстка лицъ можетъ совершить огромное дѣло, если сумѣетъ воспользоваться подобными случайностями. То, что мистики считаютъ за quantité negligeable, матеріалисты признаютъ рѣшающимъ факторомъ; а то, что мистики признаютъ сущностью явленія, матеріалисты считаютъ не существующимъ.

Такъ, напримѣръ, что представляется на первый взглядъ наблюдателю и историку въ связи съ описаннымъ въ этой статьѣ историческимъ фактомъ? Горсточка людей, девять человѣкъ, бесѣдовала въ теченіе трехъ

дней о томъ, чтобы создать организацію единной соціалдемократической партіи. Часть изъ нихъ была тотчасъ послѣ этого арестована, другая часть была арестована вскорѣ затѣмъ, не успѣвъ сдѣлать ничего или почти ничего для осуществленія этой идеи, третья часть вынуждена была отстраниться отъ дѣла тотчасъ послѣ съѣзда. О работахъ съѣзда исчезли всякія данныя; выпущенное отъ имени съѣзда заявленіе было составлено безъ вѣдома и согласія съѣзда чуждымъ ему по духу однимъ лицомъ. Каковы же были результаты этихъ маловажныхъ обстоятельствъ? Сотни и сотни лицъ во всѣхъ концахъ Россіи, погибая и смѣняя другъ друга, стали признавать себя на основаніи манифеста перваго съѣзда членами единой Партіи, добивались чести называть свои организаціи комитетами этой партіи, ожесточенно боролись за это право. Такъ продолжалось въ теченіе пяти лѣтъ, когда, наконецъ, на второмъ съѣздѣ, создалась общепартійная организація.

Если такъ, то самый съѣздъ представляется лишь формальностью; кажется, что самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого значенія и такихъ же результатовъ съ равнымъ успѣхомъ могъ бы достигнуть тотъ, кто бы устроилъ „комедію" съѣзда или даже „сочинилъ съѣздъ" и именемъ такого, никогда не существовавшаго, съѣзда объявилъ бы партію существующей.

Этотъ взглядъ имѣетъ много сторонниковъ и въ значительной степени опредѣляетъ собою современную тактику партіи, хотя и противорѣчитъ марксистскому пониманію исторіи. Мнѣ представляется онъ не только болѣе вреднымъ, ведущимъ къ революціонному авантюризму, но и болѣе наивнымъ, чѣмъ первый.

Если съѣздъ былъ фикціей, то только въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется фикціей равнодѣйствующая физическихъ силъ и юридическая личность; если партія была въ моментъ перваго съѣзда призракомъ, то лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ „такъ говоритъ Заратустра: больше чѣмъ людей и вещи люблю я призраки". Въ этомъ смыслѣ фикціи не менѣе реальны, чѣмъ физическія силы; въ этомъ смыслѣ „призраки" не мнимая математическая величина и не мнимое оптическое изображеніе, они являются такимъ же реальнымъ бытіемъ, какъ и матеріальныя вещи.

Для того, чтобы выяснить себѣ всѣ причины того или иного событія общественной жизни, необходимо познать не только видимыя условія, при которыхъ оно совершилось, но и невидимыя историческія силы, превратившія конкретный фактъ въ историческое явленіе.

Эти силы соціологически, являются лишь абстракціями, законами общественнаго развитія, но онѣ пріобрѣтаютъ санкцію этическихъ нормъ въ инстинктахъ, въ волѣ, въ сознаніи дѣйствующихъ въ исторіи лицъ и потому психологически становятся реальными силами.

Міръ людской полонъ призраковъ минувшаго, призраковъ грядущаго; они вселяются въ насъ, становятся душою нашею, облекаясь плотью, они живутъ между нами и являются строителями новыхъ общественныхъ формъ. Наличность этихъ невидимыхъ причинъ общественнаго явленія часто позволяетъ сказать, что „вначалѣ было слово" и лишь затѣмъ это слово стало дѣломъ; потому что только тотъ фактъ пріобрѣтаетъ историческое значеніе, который—формально—соотвѣтствуетъ абстрактной нормѣ закона, а реально — отвѣчаетъ „запросамъ общества", „идеямъ вѣка", словомъ, диктуется „призракомъ" исторіи. Но этотъ „призракъ"—уже не „нѣкто" для историка-реалиста.

Вл. Махновецъ-Акимовъ.

Письмо Т. Г. Шевченко къ Марко-Вовчку.

25 маія.

Спасыби тобі моя доню любая моя единая що ты мене хочъ у Дрездени згадала. Я ще й доси тутъ, не пускають до дому. Печатать не дають. Не знаю що й робить. Чи не повисыця часомъ?

Ни не повишусь, а втичу на Украину, оженюсь и вернуся якъ умытый въ столыцю.

Колы ви вернетесь до насъ? Якбы черезъ рикъ то дуже добре булобъ. Съ Кожанчиковымъ я бачився позавчора, и винъ мени нычого не казавъ про *Ледащицю*. Серденько мое! не посылайте поки що нычого отымъ книгарямъ — поки васъ лыхо не приcкрипало. Бо воны не бачать, а носомъ чують наши злы дни. А втикъ робить якъ сами знаете. Въ осены буде у мене свій журналъ подъ редакціей Бѣлозерскаго и Макарова. Пидождить трошки. А поки що нехай вамъ Богъ помогае на все добре.

Тричи цилую васъ и вашего Богдася, аминь.

Т. Шевченко.

Якъ часъ то пишить до мене черезъ Каминецкаго бо винъ знатыме де я повертаюсь.

Автографъ посвященія поэмы Шевченко „Неофиты“ Марко-Вовчку.

НЕОФИТЫ.

(Поэма).

Любій моій единой дони

Маруси Маркович.

На память 8 апреля 1859.

Т. Шевченко.

На оборотной сторонѣ листика написано:

Сія глаголетъ господь: сохраните судъ и творите правду, прибли спасеніе мое прийти и милость моя открыется.

Исаія, глава, 56 с. 1.

Изъ моего прошлаго.

Эти мои воспоминанія посвящены тому періоду моей дѣятельности, когда я послѣ раздѣла „Земли и Воли“ отправился въ Кіевъ.

Но прежде я еще разъ остановлюсь на моментахъ предъ раздѣломъ „Земли и Воли“ и сейчасъ послѣ совершившагося раздѣла.

Относительно моихъ воспоминаній мнѣ были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія О. В. Аптекманомъ и Н. А. Морозовымъ о томъ, что я нѣсколько не такъ передаю и освѣщаю факты, вызвавшіе раздѣлъ „Земли и Воли“.

Возражать я не буду, ибо мы, очевидно, смотримъ подъ угломъ того настроенія, которое мы переживали всякій по своему въ этотъ моментъ освободительнаго движенія 70-хъ годовъ.

Но я осмѣливаюсь настаивать на томъ, что мое освѣщеніе фактовъ и настроеній для многихъ и многихъ столь же вѣрно, какъ и для меня. Въ самомъ дѣлѣ, психологически уже вѣроятно, что не всѣ сразу могли сдѣлать внезапный скачекъ отъ одной программы дѣятельности къ другой. Съ другой стороны, зная настроеніе и наличный составъ мнѣній людей, стоявшихъ въ первыхъ рядахъ революціонной фаланги, легко понять,—почему одни изъ нихъ пошли впередъ другихъ въ наroставшемъ новомъ революціонномъ настроеніи, а другіе составляли, такъ сказать, арріергардъ въ идущемъ на смѣну старому новомъ настроеніи.

Посмотримъ, кто были тѣ, которые, по словамъ Морозова, придавали больше,—а, по моему, почти все значеніе,—борьбѣ за гражданскую свободу.

Вотъ они, и ихъ было не много. М. Н. Ошанина всегда, какъ я ее и зналъ, стояла за политическую борьбу, ибо она принадлежала къ партіи „Набата“. Если въ послѣднее время Ошанина примкнула къ партіи „Земля и Воля“, то отчасти потому, что эта партія была единственной дѣятельной революціонной партіей въ Петербургѣ, къ тому же партіей организованной, чему она придавала большое значеніе; отчасти же, быть можетъ,

и потому, что „Земля и Воля“ все больше и больше расширяла рамки для борьбы политической.

Зунделевичъ былъ по убѣжденіямъ соціалдемократъ и большой поклонникъ програмы дѣятельности соціалдемократовъ германскихъ; онъ считалъ, что задача русскихъ соціалистовъ состоитъ въ томъ, чтобъ завоевать для Россіи политическую свободу, и тогда русскіе соціалисты пойдутъ тѣмъ путемъ, какимъ идутъ германскіе соціалдемократы.

Желябовъ и Морозовъ предъ этимъ просидѣли годы въ тюрьмѣ. Старая ихъ дѣятельность прервалась. Относительно Желябова извѣстно, что онъ по выходѣ изъ тюрьмы такъ же, какъ и многіе изъ его товарищей по процессу 193-хъ, отнесся къ програмѣ „Земли и Воли“ отрицательно, потому что эта програма, по ихъ мнѣнію, била только на чувства, а не на умъ и сознаніе массъ и тѣмъ самымъ предоставляла народнымъ массамъ пассивно-стихійную роль въ революціи. Извѣстно и то, что Желябовъ по выходѣ изъ тюрьмы пытался вновь возвратиться къ прежней програмѣ дѣятельности, практиковавшейся въ Россіи до его ареста. Но то, что было уже отвергнуто революціонной практикой за время его пребыванія въ тюрьмѣ, невозможно было вновь рекомендовать съ успѣхомъ, и Желябовъ, не имѣя живыхъ связей съ дѣятельностью партіи „Земли и Воли“, легко и свободно прошелъ мимо програмы землевольцевъ къ програмѣ „Народной Воли“.

Остается А. Д. Михайловъ. Но я уже не разъ говорилъ въ предыдущихъ моихъ воспоминаніяхъ, что въ эволюціи „Земли и Воли“ въ „Народную Волю“ играла значительную роль месть правительству за всѣ тѣ жестокія и беззаконныя средства, которыми оно оперировало противъ каждаго, кто осмѣливался руководиться въ своей дѣятельности своимъ умомъ и совѣстью и въ высшей мѣрѣ противъ представителей освободительнаго движенія 70-хъ годовъ.

А. Д. Михайловъ больше, чѣмъ кто-либо другой былъ захваченъ такимъ чувствомъ мести, и этимъ я отчасти могу объяснить себѣ, почему А. Михайловъ такъ рѣшительно и круто примкнулъ къ чисто политической дѣятельности.

Часто Н. А. Морозовъ рядомъ съ собой и А. Михайловымъ ставитъ Квятковскаго. Я не такъ смотрю на Квятковскаго, какъ Морозовъ. Квятковскій человѣкъ боевого темперамента и потому самъ не замѣчалъ разницы между той дѣятельностью, на которую влекъ его темпераментъ и тѣми его убѣжденіями, которыя прочно залегли въ его душѣ. Вотъ почему я рѣшительно утверждаю, что Квятковскій глубоко былъ искрененъ на судѣ,—какъ и вообще всегда онъ былъ искрененъ—когда онъ заявилъ суду, что по убѣжденіямъ своимъ онъ народникъ.

Все это я говорю не съ цѣлью кого-либо убѣдить въ томъ, что нароставшее настроеніе, которое потомъ отлилось въ программу „Народной Воли", было дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ. Скажу больше, я, переживавшій это возникавшее въ то время настроеніе, ясно предвидѣлъ, что революціонное движеніе грозитъ превратиться въ политическую борьбу. Вотъ почему, когда на Воронежскомъ съѣздѣ Желябовъ предлагалъ временно совершенно отказаться отъ соціалистической програмы и всѣ силы и средства партіи употребить исключительно на политическую борьбу, я возражалъ ему такъ: лиха бѣда начать, но разъ завертѣвшееся въ одну сторону колесо трудно будетъ остановить и поворотить въ другую.

Я хочу только представить читателю вѣрную картину прошлаго, вѣрно дѣйствительности передать эволюцію „Земли и Воли" въ „Народную Волю". Если бъ рѣчь шла о томъ, что я теперь думаю, я, какъ непосредственно участвовавшій въ дѣятельности партіи „Земли и Воли", то я сказалъ бы безъ колебанія, что даже если бы Соловьевъ не поставилъ своимъ покушеніемъ на очередь тотъ вопросъ, который круто толкалъ партію „Земли и Воли" въ сторону до сихъ поръ постепенно происходившей эволюціи взглядовъ и настроеній, принимая во вниманіе мѣры репрессій со стороны правительства,—эволюція партіи „Земли и Воли" пришла бы къ тому же концу, т. е. къ борьбѣ за гражданскую свободу. Но вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, что я думаю теперь, а о томъ, что я видѣлъ тогда.

Итакъ, что касается меня, то я скажу, что я не переживалъ болѣе труднаго и тяжелаго момента во весь мой революціонный періодъ жизни, чѣмъ тотъ, который я пережилъ предъ и послѣ раздѣла „Земли и Воли". Самое тяжелое душевное состояніе—колеблющееся состояніе. Быть можетъ, это было такъ потому, что предъ раздѣломъ въ той поселенческой группѣ (въ Воронежской группѣ), въ которой я участвовалъ, были задуманы широкіе планы насчетъ поселенія, съ которыми, въ виду наступившаго новаго революціоннаго настроенія въ городахъ, приходилось покончить.

„Продайте все, что можно продать,—писалъ намъ А. Михайловъ—и поспѣшите въ Петербургъ! Мы разгромлены. Нѣтъ ни людей, ни средствъ"... Приходилось бросить начатое уже дѣло. А не такъ-то легко бросить начатое и заставить работать мысли въ другомъ направленіи, чѣмъ то, въ которомъ они работали до сихъ поръ. Это разъ. Съ другой стороны, по темпераменту я совсѣмъ не былъ склоненъ удовлетвориться дѣятельностью въ деревнѣ потому только, что это деревенская дѣятельность. Мнѣ часто приходилось защищать дѣятелей городскихъ предъ тѣми, кто рѣшительно отвергалъ такую борьбу во имя дѣятельности въ деревнѣ.

Вотъ почему на Воронежскомъ съѣздѣ я такъ рѣшительно не на-

ставвалъ на раздѣлѣ, какъ, напр., Г. В. Плехановъ. Точно также я, вѣроятно, и въ Петербургѣ, если-бъ раздѣлъ совершился и вопреки моему желанію, не перешелъ бы во фракцію „Чернаго передѣла“. Но тутъ меня увлекли надежды, внушенныя мнѣ Стефановичемъ, что въ Чигиринскомъ уѣздѣ можно вновь начать дѣятельность среди крестьянъ.

О. В. Аптекманъ, въ замѣткѣ, помѣщенной имъ въ октябрьской книжкѣ журнала «Современная Жизнь», указываетъ на то, что я много придаю значенія случайному пріѣзду Стефановича и Дейча въ дѣлѣ раздѣла «Земли и Воли» и не ясно говорю о принципіальномъ разногласіи террористовъ и народниковъ; между тѣмъ какъ, по словамъ Аптекмана, даже изъ моего не совсѣмъ яснаго изложенія слѣдуетъ, что „террористы“ стремились къ чисто политической дѣятельности, а народники къ дѣятельности въ народѣ, т. е. чисто экономической“. Совершенно вѣрно,—отвѣчаю я. Но вѣдь раньше всѣ наличные члены партіи „Земли и Воли“ стояли за дѣятельность въ деревнѣ, хотя, по моему, дѣятельность въ деревнѣ по програмиѣ «Земли и Воли» предполагала борьбу не на одной только экономической почвѣ; но пусть будетъ такъ. Я хочу сказать, что часть партіи, которую Аптекманъ называетъ террористами, перемѣнила одну програму на другую не случайно, а потому что убѣдилась въ невозможности борьбы въ деревнѣ при наличныхъ политическихъ условіяхъ и рѣшилась на борьбу съ этими политическими условіями. Вопросъ, слѣдовательно, ставился такъ: возможна или нѣтъ при наличныхъ условіяхъ революціонная дѣятельность въ деревнѣ? И въ этомъ вопросѣ голоса Стефановича и Дейча имѣли свой вѣсъ, тѣмъ болѣе, что они, опираясь на свѣдѣнія, полученныя имъ изъ Кіева, сами вѣрили, что въ Чигиринскомъ уѣздѣ возможно организовать дѣятельность среди крестьянъ.

Предо мной именно стоялъ этотъ вопросъ и, мнѣ кажется, не предо мной однимъ. Я во всякомъ случаѣ находился подъ обаяніемъ той мысли, что дѣятельность въ деревнѣ можно отстоять не словами и убѣжденіями въ необходимости такой дѣятельности, а только самой дѣятельностью тамъ. Я думалъ: только крупной величины фактъ среди крестьянства можетъ отвлечь начавшееся уже настроеніе умовъ,—бороться всѣми средствами съ абсолютизмомъ—въ сторону дѣятельности въ деревнѣ.

Вотъ почему знавшіе меня изъ тѣхъ, кто примкнулъ къ организаціи «Народной Воли», обращались ко мнѣ съ такими словами: „Больше всѣхъ вы, Родіоновичъ, пожалѣете о томъ, что уходите отъ насъ“. —Слова сказанныя мнѣ въ моментъ раздѣла Тихомировымъ. Затѣмъ, когда я пришелъ въ день моего отъѣзда въ Кіевъ проститься со старыми товарищами по дѣлу, М. Н. Ошанина, удерживая мою руку, поданную ей на прощаніе, сказала: «оставайтесь, Родіоновичъ, съ нами».

Все это я говорю для того, чтобъ было понятно, почему я такъ быстро въ Кіевѣ перемѣнилъ свои взгляды и меня потянула народовольческая дѣятельность. Надежды на дѣятельность въ Чигиринѣ рухнули. Надежды эти были основаны на настроеніи крестьянъ-чигиринцевъ, сидѣвшихъ въ Кіевской тюрьмѣ. Не таково было настроеніе крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, избѣжавшихъ участи своихъ земляковъ и оставшихся на волѣ. Послѣдніе были рѣшительно того мнѣнія, что въ настоящій моментъ, когда поставлена на ноги вся уѣздная полиція, когда по ярмаркамъ и базарамъ рыщутъ исправники и становые, дѣятельность въ Чигиринѣ не возможна.

О. В. Аптекманъ этотъ нашъ неуспѣхъ въ Чигиринѣ приписываетъ неудачному выбору лица, посланнаго на развѣдки въ Чигиринъ. Я такъ не думаю. Разъ дѣйствительно Чигиринскій уѣздъ былъ такъ настроенъ, какъ то казалось намъ со словъ крестьянъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ по дѣлу Стефановича, то что мѣшало намъ послать на новыя развѣдки болѣе опытнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка? Мнѣ кажется, что можно было и напередъ знать, что такое, а не иное должно было быть настроеніе крестьянъ послѣ тѣхъ правительственныхъ репрессій, которыми правительство обрушилось на чигиринцевъ. Особенно, если помнить, что крестьяне шли за Стефановичемъ, какъ за посланцемъ царя, а не въ силу того, что они сознательно были организованы для борьбы за свои крестьянскіе интересы. По крайней мѣрѣ, я вѣрилъ тогда и продолжаю вѣрить и въ настоящее время, что П—въ, который и былъ на развѣдкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, передалъ мнѣ то, что онъ тамъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами. Кромѣ того, я имѣлъ довольно ясное представленіе о настроеніи умовъ въ крестьянствѣ въ то время, чтобъ сознательно отнестись къ тѣмъ впечатлѣніямъ и свѣдѣніямъ, съ которыми возвратился изъ своей экскурсіи въ Чигиринскій уѣздъ П—въ. Во всякомъ случаѣ, повязка съ глазъ моихъ спала.

Я потерялъ надежды что-либо сдѣлать въ Чигиринѣ, и мнѣ нужно было рѣшить, что дѣлать. Мнѣ стало ясно, что раздѣлъ „Земли и Воли“ былъ крупной ошибкой, и въ первую же встрѣчу со Стефановичемъ въ Кіевѣ я повелъ рѣчь о томъ, что нужно начать переговоры о соединеніи вновь расколовшейся на двѣ фракціи „Земли и Воли“. Мнѣ казалось, что Стефановичъ не былъ противъ моего предложенія, по крайней мѣрѣ, онъ не возражалъ въ этотъ разъ, и мы рѣшили обсудить вновь мое предложеніе въ Одессѣ.

Пока что,—до моего отъѣзда въ Одессу, я рѣшилъ перезнакомиться съ революціонными представителями Кіева.

Кіевъ передъ моимъ появленіемъ въ немъ пережилъ два погрома:

въ декабрѣ 78 г. арестованы были Осинскій, Волошенко, Лешернъ и другіе. Въ январѣ 1879 г. арестованы были во флигелѣ Косоровской, такъ называемые, панковцы (д. Косоровской былъ на углу улицъ Панковской и Желянской—отсюда Панковцы). Оба эти погрома послѣдовали быстро одинъ за другимъ и вычеркнули изъ рядовъ Кіевскихъ революціонеровъ многихъ энергическихъ представителей революціонныхъ организацій юга. Достаточно сказать, что въ числѣ погибшихъ были: Осинскій, Дебагорій-Мокріевичъ, Волошенко и другіе видные революціонеры.

Осинскій пользовался большой популярностью на югѣ Россіи даже среди людей, не раздѣлявшихъ его взглядовъ. Помню по пріѣздѣ въ Кіевъ мнѣ пришлось быть въ одной почтенной семьѣ украинофиловъ Ж—кихъ, и меня, какъ друга Осинскаго, въ высшей степени тронуло то уваженіе, съ которымъ относились въ этой семьѣ къ памяти Осинскаго. Хозяйка дома, принимая меня, рекомендованнаго ей, какъ близко знавшаго Осинскаго, указала со слезами на глазахъ на одинъ изъ подоконниковъ въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, и сказала: „вотъ на этомъ мѣстѣ въ послѣднее свое посѣщеніе нашего дома сидѣлъ Валерьянъ Андреевичъ и это мѣсто въ нашемъ домѣ считается священнымъ мѣстомъ, на которое я не позволяю никому садиться. Пусть тѣнь этого самаго благороднаго и гуманнаго изъ извѣстныхъ мнѣ людей присутствуетъ съ нами на этомъ мѣстѣ“.

Итакъ, какъ я уже сказалъ, Кіевъ передъ моимъ пріѣздомъ былъ разгромленъ. Но Кіевъ въ наше время былъ городомъ, въ которомъ революціонеры не переводились и убыль однихъ быстро замѣнялась новыми революціонерами.

Первымъ моимъ знакомымъ въ Кіевѣ былъ Буцынскій. Онъ принадлежалъ къ партіи „Народной Воли“, когда я познакомился съ нимъ, и жилъ въ Кіевѣ въ качествѣ представителя этой партіи. Ему первому я изложилъ ту революціонную программу, которую я находилъ соотвѣтствующей въ тотъ моментъ.

Моя программа въ общихъ чертахъ была такова. Въ данный моментъ революціонеры всѣхъ оттѣнковъ должны объединиться для общей борьбы. Раздѣлъ „Земли и Воли“ въ это время казался мнѣ крупной ошибкой, такъ какъ раздѣломъ организованной партіи на двѣ фракціи революціонеры обезсилили себя и стали еще болѣе слабыми въ неравной борьбѣ съ правительствомъ. Предложилъ ему, если онъ раздѣляетъ такое мнѣніе, принять участіе въ объединеніи наличныхъ революціонныхъ силъ въ Кіевѣ въ одну общую организацію, не придавая значенія тому, что одни склоняются болѣе къ старой програмиѣ „Земли и Воли“, а другіе—къ програмиѣ партіи „Народной Воли“. Ставилъ ему на видъ, что революціонная тактика въ тотъ или иной историческій моментъ опредѣляется сложнымъ соціальнымъ и

политическимъ состояніемъ страны, что въ самой борьбѣ революціонные дѣятели объединяются, и сама борьба указываетъ средства для дальнѣйшей борьбы. „Поэтому,—говорилъ я,—если намъ удастся объединить наличныя революціонныя силы въ Кіевѣ въ одну группу, которая охотно будетъ брать на себя дѣятельность обѣихъ группъ расколовшейся „Земли и Воли“ посвящать такую свою дѣятельность, ведущую къ одной цѣли—защитѣ экономическихъ нуждъ трудового люда, то наша дѣятельность не будетъ стоять въ противорѣчіи ни съ той ни съ другой программой этихъ фракцій“.

Тенденція, какъ читатель видитъ изъ этой, намѣченной въ общихъ штрихахъ программы, состояла въ томъ, чтобъ сохранить за Кіевской группой, которая, какъ позволительно всякому самообольщаться, должна была послужить первой ячейкой общей русской революціонной организаціи и предупредить превращеніе этой группы въ партію борющихся лишь за буржуазные принципы. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что большинство революціонеровъ именно этого боялось.

Буцынскій зналъ о планахъ народовольцевъ въ связи съ проѣздомъ Александра II-го изъ Крыма въ Петербургъ и намъ предстояло опредѣлить дѣятельность Кіевской группы революціонеровъ на случай удачи предпринятыхъ народовольцами плановъ. Мы рѣшили, что Кіевская революціонная группа должна будетъ выяснить народу, что партія „Земля и Воля“, встрѣчая препятствіе въ осуществленіи завѣтнаго желанія народа—дать ему землю и волю, рѣшила устранить это препятствіе.

Въ реальномъ своемъ осуществленіи это должно было произойти такъ. На одной изъ площадей Кіева (было потомъ рѣшено—на Житнемъ базарѣ) Кіевская группа во всемъ составѣ должна была поднять красное знамя съ девизомъ „Земля и Воля“, и ораторъ въ своей рѣчи долженъ былъ выяснить народу необходимость совершеннаго факта. Наканунѣ демонстраціи предполагалось распространять среди городскихъ рабочихъ прокламацію, въ которой тоже выяснялся бы имъ совершенный фактъ.

Намъ предстояло обратиться къ партіи „Народной Воли“ съ просьбой напечатать достаточное количество экземпляровъ прокламаціи, нами составленной, отъ партіи „Земли и Воли“.

Затѣмъ, зная хорошо, какъ правительство расправляется съ демонстрантами изъ предыдущихъ случаевъ, напр., на Казанской площади и во время демонстраціи въ Москвѣ, когда чрезъ Москву высылались на сѣверъ студенты Кіевскаго университета за волненія въ этомъ университетѣ, было рѣшено, что на демонстрацію должны были нѣсколько человѣкъ явиться съ бомбами и расположиться вокругъ собравшейся толпы, чтобы въ случаѣ натиска со стороны казаковъ и полиціи предупредить таковой метаніемъ бомбъ.

Буцынскій отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ организаціи такой группы революціонеровъ въ Кіевѣ, и мы приступили къ выполненію нашего проекта.

При помощи Буцынскаго я познакомился съ другими лицами, примыкавшими къ программѣ „Народной Воли", которые тоже отнеслись симпатично къ такому плану организаціи. То были: Поликарповъ, Лозьяновъ, Дьяковскіе, Жуковъ и др.

Затѣмъ, я познакомился и съ представителями старой программы „Земли и Воли". Среди нихъ въ лицѣ Иг. Кир. Иванова, Н. И. П—го и И. Н. П—цкаго нашлись выдающіеся по уму и энергіи работники.

Благодаря энергіи и согласной дѣятельности этихъ лицъ, Кіевская организація быстро росла и крѣпла, и въ какой-нибудь мѣсяцъ—другой наша революціонная Кіевская группа располагала значительными силами и достаточными средствами для предначертанной нами дѣятельности.

Буцынскій отправился для переговоровъ по поводу намѣченной нами дѣятельности съ представителями организаціи „Народной Воли" въ Одессу. Одесскіе представители „Народной Воли" отнеслись сочувственно къ нашимъ планамъ создать въ Кіевѣ такую организацію, какъ мы задумали, и обѣщали снестись съ Петербургомъ по поводу напечатанья прокламаціи нами составленной, обѣщали снабдить насъ всѣми средствами борьбы, имѣющимися въ ихъ распоряженіи и снабдить насъ техническими свѣдѣніями, необходимыми для пользованія этими средствами.

Петербургскіе народовольцы охотно напечатали нашу прокламацію, отказались только, въ силу договора при раздѣлѣ „Земли и Воли", напечатать предполагавшійся нами заголовокъ прокламаціи отъ „Земли и Воли", оставивъ, впрочемъ, мѣсто для заголовка чистымъ и заявивъ, что они—народовольцы ничего не будутъ имѣть противъ, если мы его сами напечатаемъ.

Такимъ образомъ кіевскій кружокъ не встрѣтилъ препятствій со стороны „народовольцевъ" и больше того, народовольцы обѣщали намъ помощь въ нашихъ планахъ, разсчитывая на таковую и съ нашей стороны—ихъ дѣятельности.

Кіевскій кружокъ сталъ дѣятельно готовиться къ событію, предполагавшемуся на одномъ изъ желѣзнодорожныхъ путей изъ Крыма въ Петербургъ. Было приготовлено красное знамя со словами на немъ „Земля и Воля", выработана программа рѣчи. Словомъ къ 19 ноября у нихъ было приготовлено все, что нужно было для предположенной демонстраціи на Житнемъ базарѣ.

Нашему кіевскому кружку, что называется, везло вначалѣ, точно такъ же, какъ подъ конецъ его ровно покинулъ геній хранитель и на его голову посыпались неудачи со всѣхъ сторонъ.

Что касается личнаго состава кружка, то въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно былъ счастливъ. Людей энергичныхъ и преданныхъ дѣлу въ немъ было много.

Въ числѣ членовъ кружка центральной фигурой былъ Иг. К. Ивановъ, въ высшей степени дѣятельный, съ желѣзнымъ характеромъ и талантливый ораторъ. Жаль, право, что Иг. Ивановъ палъ жертвой такъ рано, не успѣвъ развернуть всѣ силы своей богатой души. И сколько погибло въ движеніи 70-хъ годовъ такихъ талантливыхъ и богато одаренныхъ природой людей! Въ нашемъ кружкѣ Игнатій Кирилловичъ Ивановъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Лойолы и не потому только, что онъ носилъ имя одинаковое съ Лойолой. Иг. Ивановъ обладалъ всѣми данными, нужными организатору,—логическій сильный умъ, умѣнье проникнуть въ душу человѣкъ, искреннюю преданность дѣлу, которому онъ посвятилъ себя, и выдающійся ораторскій талантъ.

Все это помогало ему быстро завоевать себѣ уваженіе среди людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Среди студентовъ онъ былъ любимцемъ всѣхъ. Его отмѣтилъ, какъ выдающагося по дарованіямъ студента, Бунге, въ то время ректоръ кіевскаго университета, а потомъ министръ финансовъ. Когда Иванова арестовали, Бунге по своей иниціативѣ отправился къ генералъ-губернатору Черткову хлопотать о немъ. Но черствая душа бюрократа отвѣтила на ходатайство Бунге такъ, какъ она и могла только отвѣтить. Чертковъ обѣщалъ Бунге смягчить участь Иванова въ томъ лишь случаѣ, если онъ, Ивановъ, выдастъ всѣхъ и все. Конечно, честный Бунге считалъ такое условіе позорнымъ для чести Иванова и не предложилъ Иванову сдѣлать такъ.

На судѣ хозяйка квартиры, гдѣ жилъ Ивановъ, заурядная чиновница низшаго ранга, на вопросъ прокурора Стрѣльникова: „не внушалъ ли Ивановъ ей своимъ поведеніемъ подозрѣнія о неблаговидности его дѣяній и въ частности готовности на тѣ преступленія, за которыя, какъ вамъ теперь извѣстно, онъ попалъ на скамью подсудимыхъ?“—отвѣтила суду такъ: „я женщина простая и ничего въ такихъ дѣлахъ не понимаю, но я всегда, видя доброту г. Иванова, его готовность всякому оказать помощь, всѣмъ сдѣлать только хорошее, говорила, глядя на моихъ дѣтей: дай Богъ, чтобъ мои дѣти были такими!“ Судьи съ предсѣдателемъ улыбнулись, и предсѣдатель сталъ дѣлать ей наставленіе въ томъ родѣ, что, молъ, вы, конечно, раньше могли ошибаться въ вашихъ взглядахъ на подсудимаго Иванова, но теперь, когда вы знаете, что Ивановъ судится за государственное преступленіе, желать не умѣстно матери своимъ дѣтямъ преступнаго будущаго. На это внушеніе предсѣдателя простая женщина отвѣтила: „я знаю Иванова только съ хорошей стороны и благодарна ему, что онъ, зная мою бѣдность, безвозмездно за-

нимался съ моими дѣтьми. помогалъ имъ готовить уроки и дѣти мои обращались къ нему съ вопросами, какъ къ старшему брату...", на этомъ предсѣдатель прервалъ свидѣтельницу.

Даже у предсѣдателя суда, генерала Слуцкаго, Ивановъ пробудилъ лучшія чувства его души и приковалъ его вниманіе своей рѣчью: „Въ рѣчи г. прокурора—сказалъ Ивановъ—я замѣтилъ одно лишь желаніе во что бы то ни стало взвести меня на эшафотъ и мнѣ остается одно: понять его и простить ему. Г. прокуроръ въ продолженіе долгой своей практики развивалъ только эту единственную способность своей души и такимъ образомъ весь запасъ своихъ духовныхъ силъ израсходовалъ на эту функцію, а для остальныхъ движеній человѣческой души въ его душѣ ничего не осталось".

Когда И. Ивановъ сказалъ эти слова, Стрѣльниковъ вскочилъ съ прокурорскаго кресла и зло прошипѣлъ: „прошу г. предсѣдателя занести слова подсудимаго Иванова въ протоколъ",—Слуцкій, очевидно тугой на уши, остался въ прежнемъ положеніи, именно съ ладонью надъ ухомъ въ полуоборотѣ по направленію къ Иванову, говорившему рѣчь.—Ивановъ продолжалъ свою рѣчь, предсѣдатель по прежнему слушалъ. Это заставило прокурора вновь вскочить и почти прокричать: „прошу еще разъ г. предсѣдателя занести слова подсудимаго Иванова въ протоколъ, а также и дѣйствіе предсѣдателя послѣ перваго моего заявленія!"

Эти слова прокурора и, вѣроятно, раздраженный тонъ, которымъ они были сказаны, вызвали волненіе среди судей. Судьи стали тихо переговариваться между собой. До нашихъ скамей донеслись слова судьи Бойко: „Самъ же позволяетъ себѣ оскорблять ихъ!" Предсѣдатель, махнувъ лѣвой рукой по направленію секретаря суда, сказалъ: „запишите!" и, приставивъ вновь ладонь къ уху, предложилъ Иванову продолжать рѣчь.

Я остановился на этихъ эпизодахъ нашего суда въ связи съ именемъ Иванова, чтобы воздать должное памяти Иванова и вмѣстѣ съ тѣмъ дать понять читателю, какую крупную величину въ кіевскомъ кружкѣ представлялъ И. К. Ивановъ.

Въ лицѣ Н. И. П—го нашъ кружокъ имѣлъ всесторонне образованнаго члена, слушавшаго въ это время уже 3-й факультетъ кіевскаго университета, человѣка начитаннаго во всѣхъ отрасляхъ знанія. Онъ читалъ публикѣ рефераты по программѣ „Земли и Воли", какъ представитель нашего кіевскаго кружка и назначался редакторомъ предполагавшагося нами органа „Земля и Воля".

Границы вліянія нашего кружка раздвигались за предѣлы г. Кіева. Въ полтавской губерніи у насъ были связи, благодаря И. К. Иванову и И. Н. П—цкому.

Однажды Ивановъ сообщилъ мнѣ, что на дняхъ пріѣзжала дама изъ курской губерніи и поручила ему подготовить ея младшую сестру на высшіе женскіе курсы. И вотъ что ему разсказала его ученица. Мужъ ея сестры, артиллерійскій офицеръ Стаховскій, участвовавшій въ только-что окончившейся войнѣ за освобожденіе болгаръ, очень интересуется революціоннымъ движеніемъ, готовъ и лично, и своими средствами принять участіе въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, наготу котораго онъ видѣлъ на войнѣ своими глазами, и желалъ бы видѣться съ представителями этой борьбы. До сихъ поръ ему не встрѣчались люди, близко стоящіе къ этой борьбѣ, которымъ онъ могъ бы предложить и себя, и свои средства въ распоряженіе революціонной организаціи.

„Моя ученица можетъ дать письмо къ этому офицеру и, мнѣ кажется,— говорилъ Ивановъ—было бы полезно вамъ съѣздить къ нему въ имѣніе въ качествѣ представителя нашего кружка“.

Имѣніе Стаховскаго, помнится Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, находилось не далеко отъ одной изъ станцій Курско-Кіевской желѣзной дороги. Я отправился туда.

Стаховскій дѣйствительно оказался человѣкомъ, жаждавшимъ принять участіе въ дѣятельности революціонной. Онъ думалъ, что уже давно наступила пора для Россіи раздѣлаться съ абсолютизмомъ, и послѣдній существуетъ все еще въ Россіи, несмотря на то, что онъ уже давно прогнилъ насквозь, только благодаря нашей русской политической неразвитости и что еще больнѣе, что онъ давитъ все живое, гдѣ бы это живое ни проявилось.

— Знаете, говорилъ мнѣ Стаховскій, до войны я былъ слѣпъ, но война открыла мнѣ глаза и я понялъ все ничтожество нашего абсолютизма. Я далъ себѣ клятву по окончаніи войны выйти въ отставку. Стыдно, право, стыдно служить! И это, закончилъ онъ, только и есть то хорошее, что остается въ моей памяти объ этой войнѣ.

Онъ предложилъ въ распоряженіе нашего кружка себя и сказалъ: „все, что имѣется у меня, и мой домъ въ вашемъ распоряженіи“.

Мнѣ среди офицеровъ русской арміи въ лицѣ Стаховскаго пришлось встрѣтить второго офицера, беззавѣтно отдававшаго себя освобожденію родины. Первый былъ поручикъ Дубровинъ, и Стаховскій напомнилъ мнѣ его, уже въ то время умершаго за идею борьбы во имя освобожденія родины.

Я сказалъ Стаховскому, что пока нахожу его имѣніе удобнымъ для помѣщенія типографіи, въ которой кружокъ будетъ печатать нужную ему литературу. „Какъ угодно, такъ и используйте мой домъ,—сказалъ Стаховскій,—мое условіе одно: только для борьбы съ ненавистнымъ абсолютизмомъ“.

Это было кстати. Въ нашемъ кружкѣ въ это время стоялъ на очереди вопросъ объ устройствѣ типографіи, и вотъ все въ этомъ отношеніи благопріятствуетъ намъ.

Я былъ знакомъ въ Кіевѣ съ единственнымъ, можно сказать, энергичнымъ представителемъ украинофиловъ—Р. Ж—кимъ. Программа нашего кружка и украинофиловъ имѣли мало общаго между собой. Украинофилы нашего времени были не только узкіе націоналисты, но и помимо того они были скорѣе эволюціонистами, чѣмъ революціонерами. Въ средствахъ же борьбы между революціонерами и украинофилами не было ничего общаго. Они собирали малороссійскія пѣсни, ставили своей задачей знакомить малороссовъ съ прошлой исторіей Украйны, создавали кружки изъ учащейся молодежи для таковой дѣятельности. Словомъ, дѣятельность украинофиловъ носила характеръ культурной работы. Кончалось дѣло обыкновенно тѣмъ, что молодежь, сорганизованная украинофилами въ кружки, или, какъ украинофилы называли ихъ, курени, не находя удовлетворенія стремленіямъ своей молодой души, уходила отъ украинофиловъ и примыкала къ революціоннымъ организаціямъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ дѣятельность украинофиловъ сводилась къ тому, что ихъ кружки были подготовительными курсами для будущихъ революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе при всеобщемъ тогда гоненіи на всѣхъ, кто выходилъ изъ граней жизни, предначертанныхъ правительствомъ русскому обывателю: жить, ѣсть и плодиться,—гонимые сходились другъ съ другомъ и помогали другъ другу.

Р. Ж—кій задался планомъ въ 1879 году устроить на Украйнѣ типографію, чтобы въ ней печатать литературу на малороссійскомъ языкѣ. Имъ была пріобрѣтена за границей типографія, перевезена въ Россію и хранилась у одного помѣщика, сочувствующаго украинофиламъ. Но Р. Ж—кому не удалось довести до конца задуманное имъ дѣло. Онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку.

Какъ-то я зашелъ къ его женѣ, остававшейся до весны въ Кіевѣ, и она сообщила мнѣ совершенно неожиданную пріятную новость. Она прочла мнѣ полученное ею письмо отъ мужа, въ которомъ онъ рекомендуетъ украинофиламъ такъ распорядиться типографіей: передать ее въ распоряженіе нашего Кіевскаго кружка.

Итакъ, незадолго предъ поѣздкой къ Стаховскому мы получили даромъ типографію. Теперь Стаховскій предлагаетъ въ наше распоряженіе свой домъ, гдѣ мы можемъ найти пріютъ для нашей типографіи и работающихъ въ ней. Уединенный домъ въ имѣніи, недалеко отъ станціи Курско-Кіевской желѣзной дороги,—чего же лучше? Мысль Кіевскаго кружка завести свою типографію,—превратилась въ реальность съ неожиданными удобствами.

Стаховскій, узнавши о моемъ намѣреніи воспользоваться его домомъ для типографіи, выяснилъ мнѣ всѣ удобства для осуществленія такого намѣренія. Предложенный имъ планъ былъ таковъ: купить пару лошадей съ экипажемъ, что легко сдѣлать при его посредствѣ, и помѣстить своего человѣка въ ближайшемъ селѣ отъ станціи въ качествѣ извозчика, развозящаго со станціи пассажировъ, который этимъ же промысломъ съ небольшой субсидіей отъ кружка прокормитъ и себя, и лошадей, и будетъ провозить на станцію изъ имѣнія Стаховскаго литературу, куда въ условленный день въ недѣлю кто-нибудь будетъ пріѣзжать изъ Кіева забирать ее для распространенія.

Эта-то не понятная для провокатора Забрамскаго покупка лошадей и отправка куда-то съ ними Ильяшенко, переданная имъ, очевидно, Судейкину уже потомъ, была объяснена послѣднимъ, какъ подготовленіе къ экспропріаціи полтавскаго казначейства, о чемъ нашъ кружокъ и не помышлялъ. Судейкинъ такъ цѣпко держался за это свое измышленіе, что когда на слѣдствіи была ясно установлена цѣль покупки лошадей для перевозки литературы изъ имѣнія Стаховскаго, онъ не хотѣлъ разставаться со своимъ дѣтищемъ, и мы были судимы, а Севастьянъ Ильяшенко только за это былъ приговоренъ къ 15 годамъ каторги.

Въ этотъ же мой пріѣздъ я познакомился и съ товарищемъ Стаховскаго, Успенскимъ, о которомъ я уже говорилъ въ предыдущихъ моихъ воспоминаніяхъ, какъ онъ упорно стоялъ за пропаганду крестьянъ и какъ сами же, спропагандированные имъ, крестьяне высказались въ присутствіи его и насъ за программу, предложенную партіей „Земля и Воля", т. е. нашимъ кіевскимъ кружкомъ.

Среди кіевскихъ рабочихъ никогда не прерывались связи революціонеровъ. Намъ же удалось чрезъ кіевскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ завести связи почти на всѣхъ крупныхъ пунктахъ по линіи желѣзныхъ дорогъ отъ Кіева до Одессы.

Давно это было и въ моей памяти изгладились имена и фамиліи рабочихъ, съ которыми мы имѣли дѣла. Остался въ памяти одинъ интеллигентъ, превратившійся въ рабочаго, черезъ котораго мы вели дѣла среди рабочихъ, человѣкъ очень дѣятельный и очень хорошо симулировавшій заправскаго рабочаго. Но особенно врѣзался въ моей памяти желѣзнодорожный рабочій, смазчикъ Ромась, типичный малороссъ, настоящій представитель этой русской народности, характерная черта котораго то, что онъ подумаетъ—да подумаетъ прежде, чѣмъ возьмется за то или другое дѣло, но разъ онъ ужъ возьмется, то не остановится ни передъ чѣмъ. Таковъ былъ и Ромась. По внѣшнему виду онъ былъ чистой крови малороссъ, съ неизмѣнной трубкой во рту, дѣлавшій все неспѣшно, сопровождавшій всякое

дѣло пословицами своихъ земляковъ и малороссійскимъ юморомъ, но всегда съ разсчетомъ, навѣрняка.

Этотъ-то Ромась и завелъ связи среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ по всей линіи желѣзной дороги отъ Кіева до Жмеринки. Чрезъ Ромася нашъ кружокъ распространялъ революціонную литературу среди рабочихъ по этой линіи.

У насъ пока не было опредѣленнаго взгляда на рабочихъ въ связи съ общей дѣятельностью нашего кружка. Вообще нужно сказать, что такъ какъ нашъ кружокъ только еще начиналъ жить, что называется, то мы вербовали адептовъ своихъ среди всѣхъ слоевъ населенія избраннаго нами района,—будетъ ли то культурная среда или представители физическаго труда. Пока, такъ сказать, собирался матерьялъ для организаціи.

Не помню сейчасъ, по какому поводу къ намъ въ Кіевъ пріѣхалъ Г. В. Плехановъ. Съ Плехановымъ по рабочему вопросу мы были по взглядамъ близки со времени нашей совмѣстной дѣятельности среди петербургскихъ рабочихъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ работали среди рабочихъ на Торнтоновской фабрикѣ во время стачки на этой фабрикѣ. Понятно у насъ съ нимъ зашелъ разговоръ о дѣятельности Кіевскаго кружка. Плехановъ сообщилъ мнѣ, какіе планы имѣются въ виду у нихъ въ Петербургѣ среди рабочихъ. Отъ него я узналъ впервые, что въ Петербургѣ среди рабочихъ возникла мысль объ организаціи Сѣверо-Русскаго рабочаго союза; онъ познакомилъ меня съ программой Сѣверо Русскаго рабочаго союза и рекомендовалъ по такому же плану организовать на югѣ Южно-Русскій рабочій союзъ. Мнѣ планъ и программа Сѣверо-Русскаго рабочаго союза, съ которыми познакомилъ меня Плехановъ, показались отвѣчающими запросамъ рабочаго населенія Россіи, и я рѣшилъ по этому же плану организовать Южно-Русскій рабочій союзъ.

Но нашему кружку удалось только начать работу среди рабочихъ въ этомъ направленіи, ибо скоро нашъ Кіевскій кружокъ былъ разгромленъ. Мнѣ ужъ потомъ на Карѣ пришлось узнать о продолженіи дѣятельности въ этомъ направленіи на югѣ отъ Щедрина, Ковальской, Кашинцева и другихъ, которые и были нашими преемниками въ Кіевѣ, и они по праву могутъ назвать себя творцами Южно-Русскаго рабочаго союза.

Проникъ нашъ Кіевскій кружокъ и въ ту среду, въ которую, насколько я знаю, до сего времени Кіевскія революціонныя организаціи не пытались проникнуть.

И. Н. П—кій познакомилъ нашъ кружокъ съ вольноопредѣляющимся, который отбывалъ воинскую повинность въ саперной бригадѣ, находившейся въ это время въ Кіевской крѣпости. Вольноопредѣляющійся этотъ велъ занятія въ школѣ саперовъ; офицеры были очень рады, что попался интел-

лигентный человѣкъ, и свалили съ своихъ плечъ все дѣло по школѣ на Ваничку, какъ назывался этотъ вольноопредѣляющійся среди насъ. Саперная школа такимъ образомъ была въ полномъ распоряженіи нашего Ванички, и онъ былъ въ ней полнымъ хозяиномъ и пользовался любовью своихъ учениковъ-саперовъ.

Такое положеніе Ванички среди саперовъ дало ему возможность спропагандировать нѣсколько рядовыхъ среди саперовъ и образовать революціонный кружокъ среди нихъ. Нѣкоторыхъ изъ членовъ сапернаго кружка онъ познакомилъ съ треня членами нашего кружка—Иг. Ивановымъ, съ И. Н. П—кимъ и мной.

Изъ предосторожности было рѣшено въ казармы никому изъ насъ не ходить, а по праздникамъ и воскресеньямъ Ваничка съ двумя солдатами-делегатами отъ кружка саперовъ приходили на квартиру, для этой цѣли заведенную, гдѣ эти члены кружка саперовъ сообщали намъ о результатахъ ихъ недѣльной дѣятельности, обсуждали вмѣстѣ съ ними дальнѣйшій ходъ работы по организаціи, получали отъ насъ литературу.

Пропаганда среди саперовъ шла довольно удачно, благодаря энергіи Ванички и тому обстоятельству, что въ кружокъ былъ привлеченъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ; послѣднее, кромѣ моральнаго значенія, было важно и потому, что не приходилось прибѣгать къ большимъ конспираціямъ, что, конечно, очень много значило. Съ каждой недѣлей кружокъ среди саперовъ увеличивался, и мы, ободряемые успѣхомъ, работали болѣе энергично въ надеждѣ перешагнуть за предѣлы саперовъ и повести пропаганду и среди другихъ родовъ войскъ, находившихся въ Кіевѣ.

Въ средѣ нашего Кіевскаго кружка ставился уже вопросъ,—какъ мы используемъ кружокъ саперовъ? Трудно сказать, какъ бы мы использовали кружокъ саперовъ потомъ, если бы нашему кружку судьбой было опредѣлено болѣе долговѣчное существованіе. Но пока этотъ вопросъ оставался открытымъ. Для дѣятельности въ Кіевѣ мы не предрѣшали этотъ вопросъ напередъ, держась того принципа, что потомъ время само укажетъ, какую роль военный кружокъ долженъ будетъ занять въ общей дѣятельности нашего кружка. Пока же въ виду того, что въ слѣдующую осень трое изъ образовавшагося кружка саперовъ оканчивали срокъ военной службы и выходили въ запасъ, мы на нихъ смотрѣли, какъ на дѣятелей по программѣ нашей на своей родинѣ, и въ этомъ смыслѣ вели съ ними разговоры, подготовляли ихъ къ будущей ихъ роли агитаторовъ среди крестьянъ, агентовъ „Земли и Воли“ въ деревняхъ, куда они уходили, зная хорошо, что солдатъ—единственный человѣкъ въ деревнѣ,

снабжающій ее свѣдѣніями о томъ, что дѣлается за околицей ихъ деревни и за предѣлами того города, куда крестьянинъ ѣздитъ на базаръ.

Но червь уже сидѣлъ въ самомъ сердцѣ нашей организаціи и всѣмъ нашимъ планамъ ставился предѣлъ долговѣчности.

Несомнѣнно, спропагандированные нами саперы имѣли потомъ въ извѣстномъ направленіи вліяніе въ деревнѣ. Вѣдь было констатировано въ 1902—1903 гг. работающими въ деревняхъ Саратовской губерніи, что пропаганда 70-хъ годовъ оставила слѣды въ деревняхъ и облегчила ихъ послѣдующую дѣятельность. Можетъ быть, и наши саперы, говоря о насъ, нашей дѣятельности и о той карѣ, которую мы понесли за эту дѣятельность, заронили въ тѣхъ деревняхъ, куда они попали по отбытіи воинской повинности, сомнѣнія въ справедливости тѣхъ традицій и взглядовъ, которыми были загромождены умы деревенскихъ обитателей, не понимавшихъ всего того, что совершалось вокругъ нихъ и во всей жизни Россіи.

Пока же намъ наши саперы сослужили службу, когда мы были арестованы и сидѣли въ тюрьмѣ. Чрезъ нихъ, когда они были въ караулѣ въ тюрьмѣ, мы получали свѣдѣнія съ воли. Мнѣ въ первые же дни моего пребыванія въ тюрьмѣ посчастливилось, и я получилъ отъ часового, стоящаго у оконъ нашей тюрьмы, письмо отъ Ванички, карандашъ и бумагу. Слышу ночью зоветъ меня Ромась и начинаетъ шифровать мнѣ что-то. Оказалось, что въ окно его камеры, находившейся въ нижнемъ этажѣ, часовой сообщилъ ему, что ему нужно знать, гдѣ сидитъ Василій Николаевичъ, и передать ему съ воли письмо и еще кое-что. Ромась, сообщивъ мнѣ эту новость, посовѣтовалъ мнѣ спустить коня часовому, по-просту говоря, веревку, при помощи которой каждый изъ насъ снабжался всѣмъ тѣмъ, въ чемъ онъ нуждался, а также снабжалъ и другихъ. Я спустилъ часовому веревку, и онъ привязалъ къ концу ея карандашъ, бумагу и письмо отъ Ванички.

Относительно того, что нашъ кружокъ завелъ связи среди саперовъ Кіевской крѣпости жандармы рѣшительно ничего не знали и, когда Судейкинъ по окончаніи нашего процесса конвоировалъ насъ во Мценскъ, откуда мы должны были слѣдовать далѣе—на Кару, и мирно съ нами бесѣдовалъ, его самолюбіе сыщика было задѣто, когда нашъ поѣздъ, проѣзжая мимо крѣпости, былъ встрѣченъ собравшейся группой солдатъ, которые, махая краснымъ флагомъ, привѣтствовали насъ криками: „да здравствуетъ русская революція". Какъ разъ только Судейкинъ началъ съ нами откровенную бесѣду о томъ, какъ онъ насъ всѣхъ выслѣживалъ, и на лицо—неопровержимое доказательство, что и ему все же не все извѣстно.

„Вотъ гдѣ даже имѣются у васъ друзья,—вырвалось у Судейкина. Признаюсь, этого я не подозрѣвалъ".

Неудача 19-го ноября заставила насъ все приготовленное для демонстраціи до поры до времени припрятать.

Все это я предпринималъ не отъ имени партіи „Чернаго передѣла“, къ которой я принадлежалъ послѣ раздѣла „Земли и Воли“, а на свой личный страхъ и такимъ образомъ фактически вышелъ изъ этой партіи.

Но въ виду того, что мы съ Стефановичемъ въ Кіевѣ не пришли къ опредѣленному рѣшенію о возсоединеніи „Земли и Воли“ и уговорились встрѣтиться вновь съ нимъ въ Одессѣ для того, чтобъ покончить съ этимъ вопросомъ такъ или иначе, я, помнится, въ концѣ ноября, если уже не въ декабрѣ,—ибо въ день казни Малинки, Дробязгина и Майданскаго, 3-го декабря, я былъ въ Одессѣ,—отправился въ Одессу. И уже потомъ, когда эти переговоры съ Стефановичемъ и Дейчемъ ни къ чему не привели, и Стефановичъ съ Дейчемъ рѣшительно высказались въ томъ смыслѣ, что такіе переговоры могутъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда народовольцы откажутся отъ той дѣятельности, которую они ставятъ во главу угла или, какъ характерно выражался Дейчъ,—лишь въ томъ случаѣ, когда народовольцы откажутся отъ борьбы за конституціи г.г. Варшавскихъ et tutti quanti [1]),—уже послѣ этого только я вошелъ въ переговоры отъ Кіевскаго кружка съ представителями „Народной Воли“ въ Одессѣ объ объединеніи дѣятельности нашего кіевскаго кружка съ дѣятельностью одесскихъ народовольцевъ.

Въ это время партію „Народной Воли“ въ Одессѣ представляли: В. Н. Фигнеръ, Кибальчичъ, Колоткевичъ и Левъ Златопольскій. У нихъ на очереди въ это время стоялъ вопросъ о борьбѣ съ южными генералъ-губернаторами: Тотлебенымъ въ Одессѣ и Чертковымъ въ Кіевѣ, которые наиболѣе тормозили дѣятельность революціонеровъ на югѣ Россіи.

Нашему Кіевскому кружку былъ предоставленъ Кіевскій генералъ-губернаторъ Чертковъ. Съ такимъ предложеніемъ я и явился въ Кіевъ.

Въ нашемъ обвинительномъ актѣ, со словъ все того же Забрамскаго, говорится о томъ, что у насъ шли приготовленія къ покушенію на жизнь генералъ-губернатора. Это совершенно вѣрно. Но планъ нападенія на Черткова чрезъ посредство подкопа изъ какой-то гостиницы,—планъ не нашъ, а планъ Судейкина, измышленный имъ въ сотрудничествѣ съ Забрамскимъ. Планъ нашъ былъ другой, именно: штабсъ-капитанъ Стаховскій съ Сер. Д—кимъ думали застрѣлить его изъ берданокъ и мѣстомъ засады былъ избранъ оврагъ, откуда было и удобно и безопасно напасть на Черткова, предварительно выслѣдивъ, въ какіе часы дня онъ проѣзжаетъ липками мимо этого оврага.

---

[1]) Варшавскій въ то время желѣзнодорожный и банкирскій тузъ.

Такимъ образомъ, нашъ кружокъ взялъ на себя еще это новое дѣло.

Затѣмъ, въ виду того, что переговоры въ Одессѣ съ Стефановичемъ и Дейчемъ о возсоединеніи „Земли и Воли“ окончились не такъ, какъ то думалъ нашъ кружокъ, мы-кіевляне рѣшили отправить кого-либо изъ членовъ кружка въ Петербургъ для переговоровъ съ обѣими фракціями расколовшейся „Земли и Воли“ объ образованіи единой революціонной организаціи въ Россіи.

Выборъ палъ на И. Н. П—цкаго. Ему было поручено сначала повести переговоры съ фракціей „Чернаго Передѣла“ по этому поводу, а затѣмъ, узнавши какъ къ этому отнесется эта фракція, вступить въ переговоры съ народовольцами.

Миссія И. Н. не дала опредѣленныхъ результатовъ. Почему?—отвѣтить на этотъ вопросъ не могу, ибо забылъ подробности его отчета нашему кружку по поводу его поѣздки въ Питеръ. Но помнится, что чернопередѣльцы не совсѣмъ охотно отозвались на наше предложеніе и потомъ еще, кажется, что народовольцы въ это время были разбросаны по разнымъ концамъ Россіи и были все еще поглощены тѣмъ дѣломъ, изъ-за котораго главнымъ образомъ, по мнѣнію моему, произошелъ расколъ партіи „Земли и Воли“. Очень можетъ быть, что въ виду этого дѣла народовольцы не желали вводить въ свою организацію такую группу, какой была наша Кіевская группа, группа, состоявшая изъ людей не отказавшихся отъ дѣятельности въ деревнѣ, хотя и не отрицавшая дѣятельности народовольцевъ. Въ общемъ я не погрѣшу противъ правды, если скажу, что миссія нашего делегата кончилась только тѣмъ, что онъ заручился обѣщаніями обѣихъ фракцій—помогать Кіевскому кружку въ его дѣятельности и обѣщалъ такую же помощь обѣимъ фракціямъ.

Не знаю, потому ли, что П—кій условился въ Питерѣ, что отъ нашего кружка вновь явится уполномоченный для продолженія переговоровъ по этому поводу, или потому, что нашъ кружокъ остался неудовлетвореннымъ расплывчитыми обѣщаніями петербургскихъ представителей обѣихъ фракцій, отъ кіевскаго кружка, спустя немного времени, вновь отправился делегатъ, на этотъ разъ М—ловъ. Чѣмъ кончились переговоры съ петербуржцами?—не знаю. М—ловъ возвратился изъ Петербурга наканунѣ начавшагося разгрома нашего кружка, какъ разъ въ то время, когда насъ занималъ вопросъ о личности Забрамскаго или, какъ мы его называли съ легкой руки Стаховскаго, идолъ № 1-й.

Стали появляться признаки предательства этого провокатора.

Случился такой эпизодъ. Намъ нужно было послать въ Одессу С. Д—го, чтобы получить оттуда въ Кіевъ кое-какія довольно нелегальныя вещи. Мы

рѣшили сдѣлать это подъ прикрытіемъ мундира офицера артиллеріи. Стаховскій былъ въ Кіевѣ въ это время и, хотя былъ въ отставкѣ, но еще не снялъ военнаго мундира. Мы и рѣшили переодѣть въ военный мундиръ С. Д—го. Такъ какъ дѣло было чрезвычайной конспираціи, то объ этомъ знали немногіе, именно, только тѣ, чья помощь нужна была въ устройствѣ этого дѣла. Рѣшено было такъ, что Стаховскій на дверяхъ той гостиницы, гдѣ онъ остановился, вывѣситъ объявленіе о продажѣ военнаго мундира и шинели въ такомъ-то № гостиницы. Д—кій же зайдетъ къ Забрамскому и скажетъ, что, проходя мимо такой-то гостиницы, прочелъ на дверяхъ объявленіе о продажѣ военнаго костюма, и пошлетъ Забрамскаго справиться о цѣнѣ и, если цѣна будетъ подходяща, скажетъ, чтобъ онъ купилъ этотъ военный костюмъ. Забрамскій въ это время еще не зналъ Стаховскаго, значитъ, и Забрамскій узнаетъ лишь то, что нами пріобрѣтено у какого-то офицера военное платье на всякій случай.

Забрамскій по профессіи былъ портной, сходилъ и купилъ, по его мнѣнію, очень недорого всѣ эти вещи.

На другой день С. Д—кій въ этомъ военномъ костюмѣ уѣхалъ въ Одессу. Вечеромъ того же дня собирался уѣхать къ себѣ домой и Стаховскій, но вмѣсто этого на другой день онъ пришелъ ко мнѣ и разсказалъ, что съ нимъ вчера произошло на вокзалѣ. Произошло же вотъ что: какъ только онъ пріѣхалъ на вокзалъ, подошелъ къ нему Судейкинъ и пригласилъ его въ жандармское управленіе, гдѣ у нихъ произошелъ такой разговоръ. Судейкинъ сначала спросилъ, кто онъ и куда собрался ѣхать, и послѣ того, какъ на эти вопросы отвѣтилъ Стаховскій, спросилъ у него документы, чтобы провѣрить сказанное ему Стаховскимъ. Послѣ всего этого извинился предъ нимъ и сказалъ, что такъ поступить съ нимъ его заставило слѣдующее. „Вы продали вчера военный мундиръ?“ „Продалъ,—отвѣтилъ Стаховскій,—ибо мнѣ онъ теперь не нуженъ, такъ какъ я вышелъ въ отставку“. „Все это теперь я понимаю“,—сказалъ ему Судейкинъ. „Но одно обстоятельство, о которомъ я не могу вамъ сообщить по долгу службы, навело на нѣкоторыя подозрѣнія относительно васъ. Къ моему удовльствію, подозрѣніе мое теперь разсѣено, и мнѣ остается только извиниться и сказать вамъ, что вы свободны“.

Конечно, мы всѣ были встревожены этимъ обстоятельствомъ и думали такъ, что если С. Д—скаго арестуютъ по пути въ Одессу, то бѣда еще не такъ велика. Но будетъ совсѣмъ ужъ плохо, если Судейкинъ окажется умнѣе и, пропустивъ С. Д—го въ Одессу, арестуетъ его на обратномъ пути.

Въ тотъ же день поэтому мы рѣшили послать въ Одессу Буцынскаго, чтобъ сообщить Д—му, что о его отъѣздѣ въ Одессу въ военномъ мун-

дирѣ извѣстно. Буцынскій уѣхалъ. Но въ тотъ же день Забрамскій сообщилъ намъ, что на станціи Казятинъ С. Д—кій арестованъ, а еще чрезъ 2—3 дня, что также арестованъ на станціи Жмеринка и Буцынскій.

Это обстоятельство вызвало впервые подозрѣніе относительно Забрамскаго.

Кто такой Забрамскій и какъ онъ сблизился съ Судейкинымъ? По словамъ Судейкина на судѣ, дѣло было такъ, какъ будто бы. Когда Забрамскій выходилъ изъ тюрьмы, куда онъ попалъ по приговору мирового судьи за какое-то дѣло по своей профессіи, по какому-то иску на него заказчика, то у Забрамскаго тюремное начальство отобрало рекомендательную записку отъ Избицкаго къ Клименко. Тогда-то, по словамъ Судейкина, у него состоялось съ Забрамскимъ соглашеніе, что Забрамскій съ этой запиской отправится по данному ему изъ тюрьмы адресу и сообщитъ ему, Судейкину, что ему на это скажетъ тотъ, кому адресована записка. Забрамскій такъ и сдѣлалъ, но, говорилъ Судейкинъ, онъ замѣтилъ, что Забрамскій скрылъ отъ него правду и на его вопросъ, что ему отвѣтили тамъ, куда онъ ходилъ съ запиской, сказалъ, что отвѣта ему никакого не дали, а только поблагодарили за записку. „Въ виду этого я,—сказалъ Судейкинъ,— Забрамскаго отпустилъ, но установилъ за нимъ негласный надзоръ".

Если правда, что сказалъ на судѣ Судейкинъ, то тогда непонятно,— почему Забрамскій не сообщилъ о томъ Клименко. Съ другой стороны, Забрамскій приблизительно вышелъ изъ тюрьмы въ іюнѣ и до января среди кіевской группы не было арестовъ. А между тѣмъ были моменты въ продолженіе этого промежутка времени, когда многихъ изъ этой группы могли накрыть съ солидными уликами налицо. Такъ, въ одной изъ квартиръ приготовлялись бомбы и многое другое въ этомъ родѣ, и происходило это въ квартирѣ Забрамскаго, но тѣмъ не менѣе это осталось неизвѣстнымъ Судейкину и на судѣ нашемъ объ этомъ не было и рѣчи. Затѣмъ, Забрамскій былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Жуковымъ, у котораго на квартирѣ часто бывалъ и зналъ, что Жуковъ завѣдывалъ паспортнымъ столомъ, и опять-таки Жукова оставляли въ покоѣ.

Въ декабрѣ только мы начали узнавать отъ Забрамскаго, что онъ имѣетъ сношенія съ жандармами. Первое сообщеніе Забрамскаго Жукову было то, что онъ, Забрамскій, познакомился съ писаремъ жандармскаго управленія и думаетъ, что за деньги у этого писаря можно будетъ получать свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ кіевскомъ жандармскомъ управленіи. Мы пожелали Забрамскому успѣха и обѣщали субсидію писарю. Забрамскій въ это же время, якобы со словъ этого писаря, указалъ нѣкоторымъ изъ насъ переодѣтыхъ жандармовъ, исполнявшихъ роль сыщиковъ, называлъ ихъ фамиліи, что на судѣ подтвердилось.

Еще немного времени спустя Забрамскій къ нашему общему изумленію сообщилъ намъ однажды, что сегодня вечеромъ онъ будетъ имѣть свиданіе съ Судейкинымъ въ такой-то гостинницѣ, и что на этомъ свиданіи Судейкинъ предложитъ ему быть агентомъ жандармскаго управленія.

Сообщеніе это намъ казалось, съ одной стороны, заманчивымъ, ибо, конечно, было бы хорошо быть въ курсѣ дѣлъ учрежденія, которое исключительно имѣло въ виду насъ, революціонеровъ, съ другой стороны, и опасное, такъ какъ Забрамскій для такой роли, по нашему, не годился, былъ слишкомъ простъ, какъ выразился, не помню, кто изъ насъ. Во всякомъ случаѣ мы не отговаривали отъ такого опыта Забрамскаго, но предупреждали его не особенно полагаться на себя и безъ предварительнаго совѣта съ нами ничего не предпринимать, ибо Судейкинъ, говорили ему мы, опытный сыщикъ. Кончилось во всякомъ случаѣ тѣмъ, что Забрамскій отправился на свиданіе съ Судейкинымъ.

Лозьяновъ и, кажется, С. Д—кій рѣшили прослѣдить за этимъ свиданіемъ и провѣрить самаго Забрамскаго.

Результаты наблюденія дали слѣдующее. Забрамскій дѣйствительно въ назначенный часъ прошелъ въ гостиницу, но точно опредѣлить, кто былъ съ Забрамскимъ,—Судейкинъ или кто другой,—имъ не удалось.

Переговоры Забрамскаго съ Судейкинымъ кончились такимъ соглашеніемъ. Забрамскій долженъ будетъ нанять квартиру, которую будетъ оплачивать жандармское управленіе, оно же ее и меблируетъ. Вывѣска на этой квартирѣ съ нарисованнымъ на ней офицеромъ будетъ гласить: „Спеціальный военный портной Забрамскій“. Таково было назначеніе квартиры для публики, не посвященной въ тайные планы Судейкина, намъ же Забрамскій сообщилъ, что, по плану Судейкина, онъ Забрамскій предоставитъ эту квартиру для нашихъ собраній, а также для храненія въ ней всякой нелегальщины. Условлено было между Забрамскимъ и Судейкинымъ, что эта квартира предлагается намъ нѣкоторой, сочувствующей нашей дѣятельности, особой, которая желаетъ остаться неизвѣстной.

Цѣль Судейкина ясна безъ всякихъ поясненій. Онъ желалъ поставить намъ западню. Онъ разсчитывалъ на то, что Забрамскій скроетъ отъ насъ, кто такая особа, которая предлагаетъ намъ такія удобства, и что мы, довѣряя Забрамскому, примемъ съ благодарностью предложенную намъ квартиру, расположимся въ ней, какъ у себя дома, и онъ Судейкинъ накроетъ насъ въ этой квартирѣ со всѣмъ поличнымъ.

Но что имѣлъ въ виду Забрамскій, каковъ былъ планъ его и для какой цѣли, онъ откровенно сообщилъ намъ, что эта особа никто иной, какъ Судейкинъ? Ясно, что, открывъ намъ все это, Забрамскій разбивалъ въ дребезги всю затѣю Судейкина.

Я много надъ этимъ думалъ въ тиши казематовъ, которые выпали на мою долю въ продолженіе четверти вѣка съ лишнимъ, и мнѣ кажется возможно сдѣлать два предположенія наиболѣе вѣроятныхъ. Одно предположеніе то, что у Забрамскаго была своя собственная цѣль—не наша и не Судейкина. Онъ просто имѣлъ въ виду взять, что можно, у насъ и еще больше у Судейкина и затѣмъ исчезнуть изъ Кіева. Онъ такъ думалъ вначалѣ: тамъ, какъ вамъ угодно, гг. революціонеры и г. Капитанъ Судейкинъ, такъ и считайтесь между собой; мнѣ же нужно отъ васъ лишь одно—разжиться немного денжонокъ и зажить потомъ гдѣ-нибудь мирно въ Могилевской губерніи. Второе предположеніе то, что потомъ, кода онъ увидѣлъ, что Судейкинъ окружилъ его жандармами, онъ волей-неволей долженъ былъ выдавать тѣхъ, кого жандармы видѣли вмѣстѣ съ нимъ. Возможно и то, что оба эти предположенія вѣрны и что вторая коньюнктура объстоятельствъ вытекала вопреки намѣреніямъ Забрамскаго изъ первой, т. е. Забрамскій хотѣлъ перехитрить Судейкина, но въ концѣ-концовъ Судейкинъ перехитрилъ Забрамскаго.

Въ пользу этого говоритъ вотъ что. Когда Забрамскій устраивалъ квартиру, предложенную намъ особой, желавшей остаться въ неизвѣстности, т. е. Судейкинымъ, онъ еще думалъ, что Судейкинъ вполнѣ довѣряетъ ему. Устроивши квартиру, онъ явился и сказалъ намъ: «не желаете ли, пока безопасно, пойти и посмотрѣть, какъ я на средства жандармовъ обставилъ квартиру, ибо тогда уже будетъ поздно, когда я отправлюсь съ докладомъ къ Судейкину, что у меня все готово и что пора начать кампанію». Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ обойдетъ Судейкина и заразилъ и насъ такой вѣрой, что нашлось человѣкъ 10-ть дамъ и мужчинъ, которые отправились къ нему на новоселье. Очевидно, объ этомъ нашемъ осмотрѣ квартиры, приготовленной на деньги жандармскаго управленія, Судейкину осталось неизвѣстнымъ, ибо большинство изъ участвовавшихъ въ этомъ осмотрѣ не попали вмѣстѣ со мной въ тюрьму.

Но когда, послѣ ареста С. Д—го, я рѣшилъ отправиться къ Забрамскому въ эту квартиру переночевать тамъ, чтобъ попытаться,—нельзя ли что-либо открыть, что помогло бы разгадать самого Забрамскаго, который послѣ ареста Д—го сталъ внушать подозрѣнія,—то достигъ этимъ лишь того, что у Забрамскаго открылись глаза, и онъ, наконецъ, понялъ, что онъ окруженъ шпіонами.

Я зашелъ къ нему часовъ въ 9 вечера, и мы занялись съ нимъ чаепитіемъ. Разговоры шли о Судейкинѣ и его планахъ. Забрамскій былъ въ настроеніи, шутилъ насчетъ затѣй Судейкина. Вдругъ звонокъ. Забрамскій вышелъ къ дверямъ, предложивъ мнѣ войти въ другую темную комнату, чтобъ меня нельзя было увидѣть въ окно, и сказалъ тихо мнѣ: „это

они". Минутъ черезъ 10 онъ возвратился, сиущенный, сконфуженный и, сказавъ тихо „меня зовутъ", ушелъ.

Мнѣ пришлось подождать его часа полтора. Возвратился онъ домой съ такимъ убитымъ видомъ, что достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что случилось что-то для него неожиданное. По лицу его ясно можно было заключить, что ему нужно что-то мнѣ сказать, но онъ не зналъ, какъ приступить къ разговору со мной.

Очевидно, онъ самъ теперь понималъ, что онъ запутался въ собственной лжи на обѣ стороны. На мой вопросъ,—что случилось?—онъ сталъ убѣждать меня чуть не со слезами на глазахъ немедленно уѣхать изъ Кіева.

— Васъ прослѣдили,—сказалъ онъ мнѣ,—и на дняхъ арестуютъ, если вы останетесь въ Кіевѣ.

— Гдѣ же меня прослѣдили и гдѣ они намѣрены меня арестовать?—спросилъ я.

— На вашей квартирѣ. Ваша квартира открыта, и у вашей квартиры стоятъ переодѣтые жандармы,—отвѣтилъ Забрамскій.

На мой вопросъ,—сказали ли ему, гдѣ моя квартира?—онъ отвѣтилъ утвердительно. Гдѣ же они сказали вамъ,—я квартирую?—Онъ назвалъ мнѣ улицу и домъ, гдѣ я не только не жилъ, но и не помнилъ, что бывалъ тамъ.

Для меня стало ясно, что Забрамскій вретъ и, вѣроятно, потому, что онъ растерялся, вретъ неискусно. Ибо врать мнѣ,—гдѣ я живу, конечно, нелѣпо: кому же лучше знать, гдѣ я живу, какъ не мнѣ. Но я не далъ ему повода думать, что я понимаю его хорошо. Я сталъ его успокаивать и сказалъ ему: напрасно вы преждевременно такъ пали духомъ, жандармы вамъ соврали, я тамъ не живу, и, очевидно, они просто хотѣли выпытать у васъ мою квартиру.

— Все равно, вамъ нужно завтра же уѣхать,—убѣждалъ меня Забрамскій,—при томъ вы должны уѣхать не по желѣзной дорогѣ, а, если можно, на лошадяхъ до какой-нибудь ближайшей станціи въ ту или другую сторону, въ крайнемъ случаѣ идите до ближайшей станціи пѣшкомъ.

Я поблагодарилъ его и рѣшилъ было уйти отъ него, такъ какъ сталъ подумывать,—не рѣшили ли меня сегодня арестовать здѣсь? Но Забрамскій сталъ убѣждать меня остаться ночевать у него. Онъ сказалъ мнѣ: „жандармы простоятъ у этой квартиры часовъ до 2-хъ, самое большее, въ ожиданіи вашего ухода, а затѣмъ рѣшатъ, что вы останетесь здѣсь ночевать и уйдутъ. Завтра же вновь придутъ не раньше 7—8 часовъ утра, а вы уйдете часа въ 4—5-ть, такимъ образомъ они потеряютъ васъ изъ виду".

Это убѣждало меня, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что Забрамскій не желаетъ, чтобъ меня арестовали сегодня же въ его квартирѣ, и я принялъ его совѣтъ. Потушивъ огонь, Забрамскій сталъ жаловаться на усталость и сонъ и легъ спать, сказавъ, чтобъ я разбудилъ его, когда буду уходить. Я не противорѣчилъ ему, ибо понималъ, что ему просто неловко дольше оставаться со мной съ глазу на глазъ, и, кромѣ того, ему, очевидно, не о чемъ было больше говорить со мной.

Я просидѣлъ до 5 часовъ, разбудилъ Забрамскаго, сказалъ ему, что ухожу. На прощанье, когда я уходилъ, Забрамскій вновь сталъ уговаривать меня, чтобъ я завтра же уѣхалъ. Я обѣщалъ ему исполнить его совѣтъ и вышелъ.

Послѣ всего случившагося въ эту ночь, я, конечно, оглядывался во всѣ стороны и не замѣтилъ, чтобы кто-либо, кромѣ меня, проходилъ по тѣмъ улицамъ, по которымъ я прошелъ отъ квартиры „военнаго портного Забрамскаго" до Крещатика, откуда, сдѣлавъ нѣсколько туровъ, пришелъ къ И. Н. П—кому на квартиру.

Конечно, я засталъ И. Н. П—го еще дома и разсказалъ ему все, что я въ эту ночь пережилъ въ квартирѣ Забрамскаго. Сообщилъ ему также и о томъ, что, по словамъ Забрамскаго, меня на дняхъ Судейкинъ намѣренъ арестовать и что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ нужно будетъ на время, по крайней мѣрѣ, уѣхать изъ Кіева. Я высказалъ мое убѣжденіе, выстраданное, можно сказать, въ эту ночь у Забрамскаго, что Забрамскій играетъ въ двойную игру и что такъ или иначе съ нимъ нужно раздѣлаться или, по крайней мѣрѣ, отдѣлаться отъ него.

„Сегодняшняя ночь,—говорилъ я,—не оставляетъ у меня ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Забрамскій съ нами не во всемъ искрененъ, хотя, принимая во вниманіе, какъ онъ неожиданно былъ встревоженъ и какъ убѣдительно просилъ меня поскорѣе уѣхать, можно думать, что онъ не злостный провокаторъ. Но вѣдь для цѣлости и безопасности нашего кружка—это безразлично".

Ясно было для меня и до суда, что Судейкинъ, не довѣряя Забрамскому, окружилъ его своими агентами и потому, когда агенты замѣчали кого-либо въ сообществѣ съ Забрамскимъ, Судейкинъ немедленно допрашивалъ о томъ или другомъ замѣченномъ лицѣ и, вѣроятно, Забрамскій, когда къ нему приставалъ съ пристрастіемъ Судейкинъ, выдавалъ ему таковаго. Такое предположеніе доказываютъ аресты: С. Д—го, Ильяшенко и Н. Петрова. Всѣ эти лица арестованы вслѣдъ затѣмъ, какъ Забрамскій побывалъ у нихъ, какъ это было съ Сер. Д—кимъ, или шелъ съ ними по городу (Ильяшенко, Н. Петровъ и Буцынскій).

Во время же суда это еще стало яснѣе. Судейкинъ на судѣ гово-

рилъ, что, главнымъ образомъ, онъ не терялъ изъ виду Забрамскаго, такъ какъ „я рѣшительно убѣдился, подчеркнулъ на судѣ Судейкинъ, что Зибрамскій меня обманываетъ“.

Послѣ показанія въ такомъ родѣ Судейкина на судѣ, капитанъ Скандраковъ, второй помощникъ начальника жандармскаго управленія полковника Новицкаго въ то время, во время перерыва суда говорилъ намъ, что Забрамскій причинялъ имъ столько хлопотъ, какъ никто другой изъ насъ, и что имъ часто приходилось весь наличный составъ агентовъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, ставить на ноги, чтобъ не упустить его изъ виду.

Мнѣ нужно было въ виду этого уѣхать изъ Кіева и я уѣхалъ бы въ тотъ же день. Но меня задержало дѣло съ типографіей.

Послѣ того, какъ случился такой неожиданный инцидентъ со Стаховскимъ, до полнаго уясненія его, взять у украинофиловъ типографію и перевезти ее въ имѣніе Стаховскаго было рисковано. Поэтому, послѣ этого случая со Стаховскимъ на вокзалѣ, я отправился въ Харьковъ, пригласилъ Н. Петрова взять на себя устройство типографіи временно въ Нѣжинѣ. Н. Петровъ согласился, прибылъ со мной въ Кіевъ и затѣмъ отправился въ Нѣжинъ, чтобы тамъ подыскать хоть временно квартиру, гдѣ бы можно было пріютить типографію. Жуковъ, положительно довѣрявшій Забрамскому, свелъ Забрамскаго съ Петровымъ, и они вмѣстѣ поѣхали въ Нѣжинъ отыскать квартиру. Но когда Петровъ изъ Нѣжина поѣхалъ въ Харьковъ, его по дорогѣ туда арестовали.

Оставалось одно,—перевести временно типографію въ имѣніе У—го. Вступили въ переговоры по этому поводу съ У—скимъ. Онъ согласился самъ пріѣхать за нею. И вотъ мнѣ необходимо было подождать его пріѣзда.

На это время я пока принялъ только одну предосторожность, именно, сбрилъ бороду.

Наконецъ, пріѣхалъ У—кій, ему предстояло отправиться въ имѣніе, гдѣ находилась типографія. На нашу бѣду У—кій явился въ военномъ мундирѣ, каковой послѣ недавняго ареста Д—го мы считали подозрительнымъ. Я отправился съ У—кимъ въ магазинъ готоваго платья, чтобъ переодѣть тамъ его въ костюмъ подходящій, въ которомъ появленіе въ имѣніи, гдѣ хранилась типографія, не вызвалъ бы подозрѣнія. По окончаніи процедуры переодѣванія въ магазинѣ, У—кій уѣхалъ, я же остался въ магазинѣ подъ предлогомъ посмотрѣть еще черную пару для себя, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ не выходить вмѣстѣ съ У—кимъ.

Минутъ 10-ть спустя, какъ уѣхалъ У—кій, я вышелъ изъ магазина заявивъ, что зайду какъ-нибудь въ другой разъ.

По выходѣ изъ магазина, я замѣтилъ, что за мной идутъ два подозрительныхъ субъекта, и рѣшилъ для провѣрки подозрѣнія перейти на другую сторону Крещатика, но только дошелъ до половины улицы и остановился въ ожиданіи проѣзда экипажа, пересѣкавшаго мнѣ дорогу, какъ меня схватили за руки и арестовали эти два субъекта.

И это случилось какъ разъ тогда, когда я покончилъ съ тѣмъ, что меня задерживало въ Кіевѣ и мнѣ оставалось отправиться, куда я наканунѣ рѣшилъ вмѣстѣ съ П. Н. П—кимъ уѣхать.

Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ нужно было на время уѣхать изъ Кіева. Мѣсто, куда я могъ уѣхать было и притомъ не только для того, чтобы не попасть въ руки жандармовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать дѣло, которое отлагалось только въ виду спѣшности дѣла съ типографіей.

П. Н. П—кій предложилъ мнѣ недѣли за двѣ до моего ареста увезти изъ одного имѣнія Полтавской губерніи дочь владѣльца этого имѣнія, которая послѣ одного дѣла въ Москвѣ, въ связи съ именемъ Качки, дѣла въ то время довольно извѣстнаго въ Москвѣ, была отдана на поруки своему отцу. Между тѣмъ дочь этой помѣщицы горѣла желаніемъ принять участіе въ той борьбѣ за освобожденіе Россіи. которая въ это время достигла своего зенита.

Планъ былъ такой. Я въ качествѣ мельника поселюсь на мельницѣ въ этомъ имѣніи, что при достаточной уже старости помѣщика, который уже не разъ настаивалъ на томъ, чтобы сынъ его взялъ на себя заботы по управленію имѣніемъ, сдѣлать было не трудно.

Значитъ, мнѣ предстояло познакомиться съ плѣнницей своего отца, при посредствѣ брата увезти ее и. перевѣнчавшись съ ней, тѣмъ самымъ освободить отъ поруки отца.

Не будь такой спѣшности съ типографіей, я бы на другой же день, послѣ той ночи, которую я провелъ въ квартирѣ военнаго портного Забрамскаго. выѣхалъ бы по этому дѣлу изъ Кіева.

Но суждено было свершиться другому. 22 февраля я былъ арестованъ и предсталъ предъ Судейкинымъ въ Старо-Кіевскомъ участкѣ. Первыя слова, съ которыми Судейкинъ обратился ко мнѣ, былъ вопросъ,—съ кѣмъ я шелъ вмѣстѣ сегодня по направленію къ вокзалу? Я отвѣтилъ ему—со Стефановичемъ, ибо зналъ, какъ Судейкинъ жаждалъ изловить Стефановича. „Со Стефановичемъ?—превратившись въ слухъ, переспросилъ Судейкинъ.—А вы,—вы не Бохановскій?“—Я подтвердилъ его догадку.

Онъ быстро вскочилъ со стула, сбѣгалъ въ отдѣльную комнату, очевидно, чтобъ посмотрѣть фотографію Бохановскаго и, возвратившись съ лукавой улыбкой, сказалъ: „вы, очевидно, любите пошутить. Нѣтъ, серьезно, будьте любезны, сообщите намъ,—кто вы таковъ?“

— У васъ же мой паспортъ въ рукахъ, — отвѣтилъ я,—чего же еще вамъ?

При мнѣ былъ взятъ мой паспортъ, на дняхъ полученный мной изъ Екатеринославской консисторіи и, значитъ, скрывать,—кто былъ я—не было смысла. Тѣмъ не менѣе Судейкинъ не повѣрилъ мнѣ. „Знаю,—сказалъ Судейкинъ,—въ вашемъ распоряженіи такихъ паспортовъ много. Вотъ, напримѣръ, и въ этомъ паспортѣ вы называетесь Михаиломъ Родіоновичемъ Поповымъ. Признаюсь, вашей фамиліи не знаю, но знаю, что васъ зовутъ Василіемъ Николаевичемъ. Такъ пока я васъ и буду называть. Намѣрены ли вы, Василій Николаевичъ, дать мнѣ какія-либо показанія?"

— Кто я такой, гдѣ былъ предъ моимъ арестомъ, я вамъ сказалъ, а больше пока ничего не намѣренъ сказать, ибо еще много времени впереди, и мы съ вами, надѣюсь, не въ послѣдній разъ видимся.

Послѣ этого Судейкинъ, составивъ протоколъ и распорядившись о снятіи съ меня фотографіи, сказалъ частному приставу: „въ складъ!"

Ясно, что меня только въ этотъ день встрѣтили жандармы и, очевидно, получивъ отъ Судейкина распоряженіе арестовать меня при первой встрѣчѣ, они безъ разрѣшенія Судейкина не рѣшились арестовать вмѣстѣ со мной и Фроленко, котораго я проводилъ нѣсколько по направленію къ вокзалу, и У—го, съ которымъ они несомнѣнно меня видѣли.

Мнѣ думается, что Забрамскій въ моемъ арестѣ въ этотъ день не оказалъ услугъ жандармамъ, ибо онъ все это время среди нихъ не показывался и этимъ только можно объяснить, что не былъ арестованъ вмѣстѣ со мной И. Н. П—кій, у котораго я ночевалъ наканунѣ.

На другой день меня отправили въ тюрьму. Вскорѣ въ тюрьмѣ получились вѣсти объ арестѣ Иванова, который былъ арестованъ, когда вмѣстѣ съ Забрамскимъ переносилъ динамитъ, находившійся на старой квартирѣ его, которую занимала въ это время его жена.

Очевидно, въ это время Забрамскій рѣшилъ такъ: будь, что будетъ. И другого ему ничего не оставалось. Съ одной стороны, онъ былъ бдительно сопровождаемъ агентами и поэтому не могъ избѣжать рукъ Судейкина, съ другой стороны, онъ понялъ, что потерялъ довѣріе и среди насъ и боялся насъ до того, что оказался въ кольчугѣ, когда пытался убить его Поликарповъ, пригласивъ его для этой цѣли въ свою квартиру. Благодаря этому Поликарповъ при помощи кинжала и не могъ его убить.

Въ тюрьмѣ мы получили вѣсти о неудачномъ покушеніи Поликарпова на Забрамскаго. Арестъ Иванова не оставлялъ уже сомнѣнія ни въ комъ, что Забрамскій предаетъ насъ, и рѣшено было отдѣлаться отъ него, на что не соглашались еще въ то время, когда я послѣ проведенной у него ночи, предложилъ это.

Попытка Поликарпова кончилась неудачей, такъ какъ Забрамскій былъ въ кольчугѣ, и Поликарповъ только нанесъ ему нѣсколько ранъ въ шею уже въ борьбѣ съ Забрамскимъ. когда разсчитанный неожиданный ударъ кинжаломъ былъ прегражденъ кольчугой. Раненный Забрамскій выскочилъ изъ квартиры Поликарпова и началъ звать на помощь. Поликарповъ въ виду этого застрѣлилъ себя.

Свѣдѣнія о неудачномъ покушеніи Поликарпова и самоубійство его самого сопровождалось сообщеніемъ о томъ, что Забрамскій, получившій нѣсколько ранъ въ шею, лежитъ въ больницѣ и, по слухамъ, дошедшимъ изъ больницы, сказалъ будто бы доктору или кому другому—не помню сейчасъ,—„до сихъ поръ я скрывалъ отъ жандармовъ все, что я зналъ, но теперь, послѣ того, какъ они со мной поступили, я открою все, что мнѣ извѣстно".

Въ сущности Забрамскій зналъ о нашихъ дѣлахъ немного, или, правильнѣе, у него были обо всемъ отрывочныя свѣдѣнія, обрывки того или другого предпринимаемаго нами дѣла, схваченные на лету, что ясно подтверждаетъ и обвинительный актъ нашего процесса. Напримѣръ, Забрамскій зналъ, что у насъ шла рѣчь о покупкѣ лошадей, и что Ильяшенко съ этой цѣлью куда-то уѣхалъ. Передалъ онъ объ этомъ Судейкину уже послѣ того, какъ онъ рѣшилъ говорить все, что ему извѣстно о нашихъ дѣлахъ. Такъ заставляетъ думать то, что едва ли Судейкинъ если бы онъ зналъ куда и зачѣмъ ѣдетъ Ильяшенко, арестовалъ его раньше, чѣмъ Ильяшенко сдѣлалъ то, зачѣмъ ѣхалъ.

И вотъ Судейкинъ, на основаніи полученныхъ съ опозданіемъ отъ Забрамскаго свѣдѣній, задаетъ себѣ вопросъ,—зачѣмъ имъ понадобились лошади?—и рѣшаетъ—лошади нужны для ограбленія полтавскаго казначейства. Это онъ внушаетъ Забрамскому и, послѣ ареста Ильяшенко, заявляетъ Ильяшенко, что ему, Судейкину, извѣстно изъ показаній арестованныхъ его сообщниковъ, что лошади, которыхъ ему поручено было купить, нужны были именно для этой цѣли. Ильяшенко, не разбиравшійся въ юридическихъ тонкостяхъ и у котораго не хватило мужества совсѣмъ отказаться отъ дачи показаній, полагалъ, что такое показаніе дали другіе, чтобъ отвести глаза отъ имѣнія Стаховскаго, куда (онъ хорошо зналъ) ѣхалъ онъ,—поддакиваетъ Судейкину [1]).

Затѣмъ Забрамскій зналъ, что у насъ имѣется динамитъ и бомбы, но для какой цѣли—не зналъ. Судейкинъ опять рѣшаетъ за насъ, что бомбы, нами приготовленныя, предназначались для покушенія на генералъ-губернатора Черткова, между тѣмъ, какъ уже читателю извѣстно изъ

---

[1]) На судѣ Ильяшенко отказался отъ этого показанія.

предыдущаго, бомбы были предназначены для другой цѣли. И такъ далѣе, сплошь и рядомъ.

Такъ что дѣятельность, за которую насъ судили, была не наша дѣятельность, а дѣятельность фантазіи Судейкина.

Нашъ процессъ одна изъ яркихъ демонстрацій, что слѣдственный матеріалъ, на основаніи котораго оперируютъ военные судьи, въ большинствѣ случаевъ чистѣйшей воды фантазія жандармовъ, и нашъ обвинительный актъ самый лучшій образчикъ тѣхъ обвинительныхъ актовъ въ наше время, какіе готовились для военныхъ судей жандармами. Люди обвинялись за такія дѣянія, о которыхъ они и не помышляли, и отправлялись на эшафотъ и въ каторгу.

Разовскій отправленъ на эшафотъ ни за что. Онъ рѣшительно не принималъ ни малѣйшаго участія въ революціонныхъ дѣлахъ, если не считать его знакомство по университету съ Иг. Ивановымъ, который привелъ къ нему на ночлегъ С. Д—го. Кромѣ сочувствія къ гонимымъ правительствомъ, за Разовскимъ не было никакихъ преступленій.

Точно также Ильяшенко по нашему процессу приговоренъ къ каторгѣ на 15 лѣтъ за намѣреніе ограбить казначейство полтавское, о чемъ онъ и не помышлялъ.

Другіе, правда, по нашему процессу были виновны предъ закономъ, если и не въ томъ въ чемъ ихъ обвиняли, но за ними все же были поступки, хоть и не обнаруженные слѣдствіемъ, но, конечно, степени караемые закономъ. За Ильяшенко же не было такихъ поступковъ, за которые бы его слѣдовало осудить на 15 лѣтъ каторги.

Какъ бы то ни было, но наша группа, такъ успѣшно начавши свою дѣятельность и за короткое время привлекшая въ свои ряды столько способныхъ и энергичныхъ лицъ и сосредоточившая въ своихъ рукахъ достаточно матерьяльныхъ средствъ, была такъ же быстро разгромлена, какъ сначала успѣшно организовалась. Скоро очутились подъ тюремнымъ замкомъ всѣ почти члены кіевскаго кружка.

Трагическаго характера новости слѣдовали одна за другой. Только что мы въ тюрьмѣ пережили полученныя вѣсти о покушеніи Поликарпова на Забрамскаго, кончившееся его самоубійствомъ, какъ намъ сообщили съ воли о трагическомъ событіи въ имѣніи Стаховскаго.

М. Н. Стаховскій жилъ въ имѣніи своей жены въ Курской губерніи. Отецъ же его съ матерью жили въ своемъ имѣніи въ Полтавской губерніи.

Отецъ Стаховскаго былъ кутила и картежный игрокъ и послѣ кутежей въ какомъ-нибудь изъ картежныхъ притоновъ въ Полтавѣ, часто возвращался къ себѣ домой въ имѣніе въ пьяномъ видѣ и раздраженный неудачей въ игрѣ въ карты. Какъ это не въ рѣдкость на Руси, особенно

когда еще такъ свѣжи были традиціи крѣпостного права, онъ вымещалъ эти неудачи на женѣ и позволялъ себѣ грубое обращеніе съ ней. Въ такихъ случаяхъ мать Стаховскаго искала защиты и покоя отъ грубости мужа въ семьѣ М. Н. Стаховскаго.

Такъ было и въ этотъ разъ. Она пріѣхала къ сыну въ курское его имѣніе. Но вслѣдъ за ней пріѣхалъ и отецъ Стаховскаго. М. Н. Стаховскій встрѣтилъ своего отца на порогѣ своего дома и сказалъ ему: „Вотъ что, отецъ, я рѣшилъ сказать тебѣ! ты такъ грубъ и несправедливъ съ моей матерью, что я принужденъ отказать тебѣ въ гостепріимствѣ и прошу тебя оставить и мать, и меня въ покоѣ“. Послѣ этого Стаховскій направился въ комнату, на порогѣ которой онъ встрѣтилъ своего отца. Въ это время отецъ вынулъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ спину сына. М. Н. Стаховскій послѣ этого недолго прожилъ и умеръ, ибо пуля прошла позвоночникъ.

Что за субъектъ отецъ Стаховскаго—это достаточно объясняетъ характерная исторія пріобрѣтенія имъ револьвера, которымъ онъ убилъ своего сына. По пути къ сыну онъ кутилъ съ какимъ-то жандармскимъ чиномъ на станціяхъ пути его въ имѣніе сына. Слѣдствіе выяснило, что револьверъ, которымъ онъ убилъ своего сына, онъ уворовалъ у этого жандармскаго чина, ѣхавшаго съ нимъ въ одномъ вагонѣ. Похитилъ ли на самомъ дѣлѣ Стаховскій револьверъ, или завладѣлъ имъ съ согласія этого чина, какъ о томъ ходили тогда слухи,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ эта исторія о револьверѣ довольно говоритъ о нравственномъ обликѣ отца Стаховскаго.

Въ это время у Стаховскаго проживалъ Юрковскій, или инженеръ Сашка, кличка, подъ которою онъ былъ извѣстенъ послѣ надѣлавшаго въ свое время много шуму дѣла съ „конфискаціей“ (по выраженію на судѣ Юрковскаго) херсонскаго казначейства. Нѣтъ нужды говорить, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвела эта трагическая смерть Стаховскаго на мать и жену его, единственныхъ двухъ женщинъ, оставшихся въ домѣ Стаховскаго. Юрковскій посмотрѣлъ на все случившееся на его глазахъ, какъ на семейную драму, находилъ для себя безопаснымъ оставаться въ домѣ, тѣмъ болѣе, что убитыя горемъ жена и мать нуждались въ присутствіи человѣка, на помощь котораго они могли разсчитывать.

Но дѣло приняло неожиданный характеръ для всѣхъ и въ томъ числѣ для Юрковскаго, характеръ политическій. Отецъ Стаховскаго заявилъ на слѣдствіи, что убилъ сына, потому что онъ узналъ, что сынъ его примкнулъ къ революціонной партіи, чего онъ, какъ дворянинъ, не могъ простить своему сыну и рѣшилъ убить его.

Конечно, такой мотивъ убійства подсказала Стаховскому трусливая, эгоистическая душа кутилы и прожигателя жизни.

Въ домъ Стаховскаго нагрянули жандармы съ обыскомъ, и Юрковскій, до выясненія личности, былъ арестованъ и заключенъ въ курской тюрьмѣ. Выяснилось, что задержанный въ домѣ Стаховскихъ никто другой, а именно Юрковскій, котораго такъ тщательно въ то время разыскивали во всѣхъ концахъ Россіи.

Юрковскаго сначала отправили въ Одессу, а оттуда въ Кіевъ, признавъ въ немъ одного изъ членовъ нашего кружка.

Такимъ образомъ нашъ Кіевскій кружокъ былъ разгромленъ, и Судейкинъ со Стрѣльниковымъ принялись за составленіе обвинительнаго акта противъ насъ. Пока что я коснусь обвинительнаго акта мимоходомъ, надѣясь современемъ дать болѣе подробный отчетъ о судѣ. Теперь же скажу, что весь обвинительный актъ построенъ на показаніи одного лишь свидѣтеля Забрамскаго, который къ тому же на судѣ не присутствовалъ; по откровенному заявленію суду Стрѣльниковымъ, потому, что Забрамскій слишкомъ не самостоятельная и мягкая натура и могъ поколебаться, представъ на судѣ лицомъ къ лицу съ подсудимыми, къ нѣкоторымъ изъ которыхъ,—„я не скрою этого отъ суда“, прибавилъ Стрѣльниковъ,—„Забрамскій и послѣ того, что съ нимъ эти г.г. продѣлали, питаетъ симпатіи и жалѣетъ объ ожидающей ихъ участи“. „Всего только на дняхъ онъ, Забрамскій,—сказалъ прокуроръ,—былъ у меня и просилъ о снисхожденіи и милосердіи къ нѣкоторымъ изъ сидящихъ предъ вами подсудимыхъ“.

Трудно сказать,—сколько правды въ томъ, что откровенно повѣдалъ Стрѣльниковъ суду. Но вѣрно то, что Стрѣльниковъ и Судейкинъ, послѣ того какъ на судѣ подвелъ ихъ Богуславскій, выставленный ими противъ насъ свидѣтель, боялись положиться на Забрамскаго.

Богуславскій былъ приговоренъ незадолго предъ нашимъ процессомъ къ смертной казни. Стрѣльниковъ и Судейкинъ, создавшіе себѣ карьеру нашимъ судомъ, обѣщали ему отмѣну казни, если онъ согласится выступить свидѣтелемъ противъ насъ. Богуславскій дрогнулъ и обѣщалъ. Стрѣльниковъ такимъ образомъ, какъ казалось ему, имѣлъ противъ насъ страшнаго свидѣтеля. Онъ инспирировалъ Богуславскаго, какъ разоблачителя нашей „революціонной подоплеки“, и рекомендовалъ предъ приводомъ Богуславскаго въ залу засѣданія суда, какъ хорошо знающаго „закулисную сторону г.г. русскихъ революціонеровъ“. „Я попрошу судъ, говорилъ прокуроръ, позволить мнѣ, быть можетъ, не разъ обратиться къ свидѣтельству Богуславскаго, котораго показанія,—судъ сейчасъ увидитъ,—такъ драгоцѣнны для меня, какъ обвинителя“. Стрѣльниковъ на показаніяхъ Богуславскаго предполагалъ въ полной наготѣ представить безнравственность русскихъ революціонеровъ.

Ввели Богуславскаго. Стрѣльниковъ съ сіяющей улыбкой потираетъ

руки. Новицкій и Судейкинъ вошли тоже въ залу. Богуславскій стоитъ предъ судомъ, опустивъ глаза къ полу.

„Свидѣтель!—обратился къ Богуславскому Стрѣльниковъ. Вы близко стояли къ русскимъ революціоннымъ кругамъ и даже сами примыкали къ нимъ. Разскажите суду все, что вамъ извѣстно о безнравственности этой среды такъ же откровенно, какъ откровенно о томъ вы разсказывали мнѣ!"—Богуславскій молчитъ. Новицкій переглянулся съ Судейкинымъ. ровно спрашиваетъ,—что это значитъ?

Стрѣльниковъ вновь обращается къ Богуславскому. „Вы ярко развернули предъ моими глазами закулисную сторону вотъ этихъ господъ, которые ждутъ возмездія за свои преступныя дѣянія, познакомьте и судъ также точно со всѣми тайнами революціи".—Богуславскій вновь молчитъ. Судейкинъ у дверей залы стоитъ сконфуженный и, по привычкѣ, въ досадѣ грызетъ верхней челюстью край лѣвой губы.

„Напримѣръ,—продолжаетъ наводить Богусловскаго Стрѣльниковъ,—начните съ того, что толкаетъ на беззаконный путь нашихъ революціонеровъ? Вы мнѣ говорили, что господъ подобныхъ тѣмъ, которые сидятъ предъ судомъ, толкаютъ на революціонный путь, главнымъ образомъ, корыстныя цѣли—такъ ли?"—Богуславскій опять ни звука.—Наконецъ, вмѣшивается предсѣдатель суда и повторяетъ вопросъ прокурора Богуславскому: „что толкаетъ русскую молодежь на революціонный путь?"— Богуславскій отвѣчаетъ предсѣдателю: „Любовь къ народу"—Что?—переспросилъ тугой на ухо предсѣдатель.—„Любовь къ народу!"—громко повторилъ Богуславскій.

Публика сочувственно посмотрѣла въ нашу сторону. Прокуроръ переглянулся съ Новицкимъ, Судейкинъ вышелъ изъ залы суда.

Предсѣдатель, очевидно, понялъ, что время вывести изъ неловкаго положенія прокурора и жандармовъ и дѣлаетъ распоряженіе объ уводѣ свидѣтеля Богуславскаго. Жандармы торопливо исполнили распоряженіе предсѣдателя, и Богуславскій исчезаетъ за дверью залы на все время процесса и потомъ въ тюрьмѣ умираетъ.

Послѣ того, конечно, что называется,—обожгись на молокѣ и на на воду станешь дуть.—Стрѣльниковъ и Судейкинъ рѣшили, что будетъ надежнѣй, если Забрамскій заочно будетъ показывать, справедливо разсуждая, что бумага все вытерпитъ, а Забрамскій,—кто его знаетъ?—можетъ и измѣнить.

Намъ оставалось одно—сидѣть и ждать праваго и милостиваго суда. Планъ побѣга изъ тюрьмы Иг. Иванова и меня провалился, благодаря другому провокатору, извѣстному среди украинофиловъ подъ кличкой Пана. Онъ попалъ въ тюрьму и, чтобъ выкарабкаться изъ нея, доводилъ до

свѣдѣнія Судейкина о всемъ, что Судейкину было интересно. Планъ задуманъ былъ удачно. Павелъ Ивановъ, поступилъ въ качествѣ ассенизатора въ обозъ, который вѣдалъ Кіевскую тюрьму. Явился въ качествѣ ассенизатора въ тотъ дворикъ, гдѣ мы гуляли и въ которомъ въ сторонѣ находилась сточная яма, условился, что на слѣдующій день явится съ спеціально приготовленной бочкой для двоихъ, и чтобъ мы были готовы къ побѣгу. Я распрощался со всѣми товарищами въ томъ числѣ и съ Паномъ. Послѣдній, конечно, не замедлилъ о томъ предупредить Судейкина. Прежде всего сдѣлано было распоряженіе о бдительномъ надзорѣ за ассенизаціонными бочками, которыя были въ день тревоги и должны были явиться завтра. Намъ оставалось быть довольными хоть тѣмъ, что успѣли предупредить объ этомъ на волѣ. Удалось же это благодаря вотъ чему.

Мы не знали, что начальству уже извѣстно о предположенномъ нами побѣгѣ. Но начальство распорядилось, чтобъ надзиратели строго слѣдили за бочками, которыя завтра пріѣдутъ въ тюрьму, осмотрѣли бы ихъ всѣ, когда ассенизаторы будутъ ѣхать во дворъ тюрьмы и когда будутъ выѣзжать обратно. Между тѣмъ надзиратели наши подъ предводительствомъ Алексѣя были посредниками между нами и вольными товарищами нашими. Узнавши обо всемъ этомъ отъ смотрителя, Алексѣй отправился по тому адресу, по которому онъ всегда носилъ корреспонденцію изъ тюрьмы и гдѣ бралъ таковую для насъ въ тюрьму, и сообщилъ тамъ, что о предположенномъ завтра побѣгѣ изъ тюрьмы начальству извѣстно и приказано обратить особенное вниманіе на бочки ассанизаціоннаго обоза.

Благодаря только этому Павелъ Ивановъ не попалъ въ руки начальства. Благодаря же этимъ тремъ надзирателямъ у насъ съ волей были самыя правильныя сношенія.

Вечеромъ, когда тюрьма закрывалась послѣ вечерней повѣрки, у насъ начиналась жизнь. Подходилъ къ форточкамъ нашихъ дверей Алексѣй, сообщалъ о томъ, что повѣрка въ тюрьмѣ кончилась и тюрьма закрыта. Затѣмъ отправлялся и ставилъ самоваръ, при чемъ для предосторожности, чтобъ внезапный контроль не услышалъ шума самовара, отпускались въ клозетахъ краны, и у насъ устраивалось чаепитіе, во время котораго намъ сообщались новости съ воли и передавались газеты вплоть до нелегальныхъ.

До какой степени Алексѣй честно исполнялъ взятую на себя роль по сношенію насъ съ вольными товарищами, свидѣтельствуетъ то, что чрезъ посредство его мы получили съ воли 700 руб. денегъ, которыя были доставлены намъ въ томъ разсчетѣ, что, можетъ быть, по пути на Кару комунибудь подвернется случай бѣжать.

Былъ у насъ въ тюрьмѣ бунтъ изъ-за того, что одного изъ насъ,

В. Позена, посадили въ карцеръ. Бунтъ выразился тѣмъ, что мы побили окна въ нашихъ камерахъ и погасили огни. Кончился этотъ бунтъ тѣмъ, что насъ сначала перевязали, а потомъ явившійся Судейкинъ распорядился развязать насъ и поставить въ коридорѣ часовыхъ съ ружьями.

Это нимало не смутило, Алексѣя и какъ только тюрьму заперли, онъ точно такъ же, какъ и всегда, поставилъ самоваръ и сталъ угощать чаемъ и насъ, и часовыхъ. Предложивъ чай первому часовому, который сталъ было отказываться на томъ основаніи, что онъ поставленъ на часы и, значитъ, ни ѣсть, ни пить не можетъ, Алексѣй сказалъ ему: „А ты не разсказывай, а бери и пей, коли даютъ! Знаю, самъ я тоже былъ солдатомъ какъ и ты, и больше твоего видѣлъ, и скажу тебѣ—какъ исполнять все, что требуетъ отъ солдата начальство, такъ и отъ голода помрешь и на морозѣ замерзнешь! Слыхалъ, не бось, какъ на Балканахъ нашъ братъ солдатъ замерзалъ, ну, а я не только слыхалъ, но и глазами своими видѣлъ. Бери—не бось! Тутъ, братъ,—продолжалъ тихо уже Алексѣй, чтобъ показать солдатамъ, что онъ не все говоритъ, чтобы мы слышали,—тутъ, братъ, никто начальству не донесетъ, это только нашего брата пугаютъ,—еще тише заговорилъ Алексѣй,—государственные преступники! Такъ и я думалъ сначала. А вотъ теперь вижу, что люди эти никому зла не желаютъ, а всѣмъ добра“.

Солдатъ поставилъ ружье, а другой уже безъ всякихъ возраженій взялъ хлѣбъ и чай, и вступили въ разговоры то у одной, то у другой форточки нашихъ камеръ.

Въ довершеніе ироніи судьбы этотъ самый Алексѣй былъ вызванъ на судъ Стрѣльниковымъ въ качествѣ свидѣтеля противъ насъ. Стрѣльниковъ поставилъ себѣ задачей увѣрить судъ въ томъ, что и разбои въ Россіи все тѣ же плоды революціонной пропаганды. Въ то время въ Кіевской тюрьмѣ сидѣли два выдающихся разбойника Тышкевичъ и Адамюкъ, на которыхъ уголовные смотрѣли не какъ на обыкновенныхъ разбойниковъ, а какъ на народныхъ защитниковъ. На судѣ военномъ они держались тоже не какъ обыкновенные разбойники и, когда ихъ приговорили къ смертной казни, то одинъ изъ нихъ—кажется, Адамюкъ—считалъ унизительнымъ для своего достоинства просить о помилованіи. Это-то обстоятельство Стрѣльниковъ хотѣлъ использовать на нашемъ процессѣ и предупреждалъ судъ, что это явленіе нужно приписать вліянію русскихъ революціонеровъ. Онъ на нашемъ судѣ обратилъ вниманіе суда на то, что мы и въ тюрьмѣ ведемъ противоправительственную пропаганду. Въ доказательство этой своей мысли онъ и вызвалъ на судъ Алексѣя, чтобъ тотъ подтвердилъ, что мы ведемъ среди уголовныхъ сношенія, чрезъ нихъ мы сносимся съ революціонерами на волѣ, а отсюда, по его взглядамъ, уже само собой понятно, что мы ведемъ пропаганду среди уголовныхъ.

„Скажи суду, унтеръ-офицеръ",—обращался къ Алексѣю на судѣ прокуроръ, — ты постоянно съ ними въ тюрьмѣ, не думаешь ли ты, что вотъ эти подсудимые получали свѣдѣнія съ воли чрезъ уголовныхъ?"— „Не иначе, ваше высокоблагородіе, какъ черезъ нихъ". „Трудно услѣдить за уголовными, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ давать свои показанія Алексѣй,—конечно, замѣтишь,—велишь имъ, т. е. уголовнымъ не подходить къ окнамъ политическихъ. Но развѣ за ними услѣдишь. Одного прогонишь,—другой ужъ тутъ! Долго ли нужно, чтобъ бросить въ окно записку или, скажемъ, что другое тамъ". „Совершенно вѣрно, унтеръ-офицеръ", подтверждаетъ Стрѣльниковъ.—„Но не иначе,—продолжаетъ Алексѣй,—какъ чрезъ уголовныхъ политическіе имѣютъ дѣла съ волей, ваше высокоблагородіе".

„Довольно, унтеръ-офицеръ! Служи такъ же вѣрно, исполняй долгъ присяги, какъ ты всегда исполнялъ!" —сказалъ торжественно Стрѣльниковъ.

— „Радъ стараться, ваше высокоблагородіе", не менѣе торжественно отвѣтилъ Алексѣй.

М. Поповъ.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону [1]).

II.

ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА.

1.

Лондонъ, 11 *февраля* 1885 *г.*

Мой дорогой сэръ!

Я съ удовольствіемъ готовъ высылать вамъ корректурные листы II-го тома, какъ только вы сообщите мнѣ, куда я могу направлять ихъ, или подъ бандеролью (какъ печатныя произведенія), или въ закрытыхъ конвертахъ, въ формѣ обыкновенныхъ писемъ. Дѣло въ томъ, что если хотя одинъ изъ нихъ затеряется на почтѣ, то я уже не буду въ состояніи замѣстить утраченнаго вплоть до полнаго завершенія печатанія. А пока придетъ вашъ отвѣтъ, я надѣюсь припасти для васъ два или три листа.

Очень благодарю васъ за сдѣланное вами нѣсколько времени тому назадъ предложеніе—предоставить въ мое распоряженіе письма къ вамъ А. Вильямса [2]). Въ настоящую минуту все мое время и вниманіе поглощены разборомъ его рукописей, но, несомнѣнно, наступитъ моментъ, когда я охотно воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ.

Не имѣете ли вы какихъ-нибудь извѣстій о нашемъ „общемъ другѣ" со времени того несчастнаго приключенія, которое случилось съ нимъ нѣсколько времени тому назадъ [3])?

Пожалуйста, посылайте мнѣ впредь свои письма по приложенному ниже адресу.

Искренно вашъ

Ф. Рошеръ.

Mrs Rosher
6, Richmond villas, Messina avenue.
West Hampstead London. N. W.

---

[1]) См. „Минувшіе годы" за январь 1908 г.

[2]) Т. е. К. Маркса, самъ Энгельсъ „для отвода глазъ" подписывается тоже не своимъ именемъ, а фамиліей мужа своей пріемной дочери, адресъ которой онъ даетъ ниже.

[3]) Дѣло идетъ объ арестѣ Г. А. Лопатина 6 октября 1884 г.

2.

Лондонъ, 23 апрѣля 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваше любезное письмо отъ 9—21 марта и очень обязанъ вамъ за содержащіяся въ немъ крайне интересныя свѣдѣнія. Что законъ обратной пропорціональности между высотою заработной платы и продолжительностью рабочаго времени подтверждается также и въ Россіи, это дѣйствительно очень интересный фактъ. Столь же интересно и быстрое разложеніе „міра“, съ прогрессомъ новой промышленности и финансовъ, обнаруживающееся въ возрастающемъ числѣ „безхозяйственныхъ хозяевъ“. Всѣ такіе факты имѣютъ для меня величайшую важность, и я буду очень обязанъ вамъ, если вы будете время отъ времени сообщать мнѣ имѣющіяся у васъ свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи и развитіи вашей великой страны. Къ несчастію, въ настоящую минуту все мое время занято изданіемъ рукописей (Маркса) и притомъ до такой степени, что я долженъ былъ прервать не только всякую независимую работу, но даже мои собственныя изученія, и едва нахожу время для писемъ; изъ чего вы можете видѣть, что въ настоящую минуту я не въ состояніи воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ—высылать мнѣ оригинальные русскіе труды экономическимъ вопросамъ. У меня дѣйствительно не нашлось бы времени пользоваться ими. Но я надѣюсь, что вы не будете бранить меня, если когда-нибудь послѣ, при первой благопріятной возможности, я возьму на себя смѣлость напомнить вамъ о вашемъ любезномъ предложеніи. А пока эти безцѣнныя рукописи служатъ для меня источникомъ высочайшаго научнаго *наслажденія*, и я ничуть не сомнѣваюсь, что такое же наслажденіе доставятъ вамъ высылаемые мною корректурные листы. Изъ нихъ № 5—9 высланы мною вамъ недѣли три тому назадъ (27 марта); № 10—14 посланы вчера; а вскорѣ я отошлю вамъ еще нѣсколько листовъ, какъ всегда, заказнымъ порядкомъ. Весь II-й томъ займетъ около 39 листовъ и выйдетъ въ концѣ мая. Въ настоящую минуту я занятъ III-мъ томомъ, представляющимъ заключительную и завершительную часть, которая затмитъ даже I-й томъ. Я диктую съ оригинала, который положительно не читаемъ ни для одной живой души, кромѣ меня; и я не успокоюсь пока онъ весь не будетъ превращенъ мною въ такую рукопись, которая будетъ, по крайней мѣрѣ, удобочитаемой для всякаго. Тогда только я займусь, уже не торопясь, окончательной редакціей, которая тоже представитъ не легкую задачу, принимая во вниманіе несовершенное состояніе оригинала. Но какъ бы то ни было, если бы даже мнѣ не суждено было дожить до ея окончанія, во всякомъ случаѣ оригиналъ будетъ, по крайней

мѣрѣ, спасенъ отъ полной утраты и, въ случаѣ нужды, можетъ быть изданъ кѣмъ-либо другимъ хотя бы въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Этотъ третій томъ — самая поразительная вещь, какую я когда-либо читалъ, и нельзя не пожалѣть, что автору не довелось дожить до того, чтобы обработать и издать его самому и увидѣть лично тотъ эффектъ, который онъ предназначенъ произвести. Послѣ такого яснаго изложенія, всякое искреннее несогласіе съ авторомъ дѣлается просто невозможнымъ. Самые трудные пункты распутаны и выяснены съ такою легкостью, какъ будто они были просто дѣтскою игрою, и вся система получаетъ тутъ совсѣмъ новый и простой видъ. Боюсь, что эту третью часть придется разбить на два тома. Кромѣ того, у меня имѣется еще одна старая рукопись автора, которая посвящена исторіи его теоріи и которая тоже потребуетъ отъ меня много труда. Итакъ, вы сами видите, что у меня дѣла полны руки.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

3.

Лондонъ, 3 іюня 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваше письмо отъ 26—6 мая и надѣюсь, что и вы, въ свою очередь, получили листы 21—26, посланные вамъ 13 мая. Сегодня я посылаю листы 27—33, т. е. конецъ тома, а черезъ нѣсколько дней я надѣюсь выслать вамъ предисловіе и пр. Изъ этого предисловія вы увидите, что оригиналъ III-го тома былъ написанъ еще въ 1864—66 годахъ, т. е. значительно раньше того періода, когда авторъ, благодаря вашей добротѣ, получилъ возможность такъ основательно ознакомиться съ системой землевладѣнія въ вашей странѣ. Въ настоящую минуту я работаю надъ главою о поземельной рентѣ и до сихъ поръ не встрѣтилъ ни малѣйшаго намека на русскія условія. Какъ только вся рукопись автора будетъ переписана удобочитаемымъ почеркомъ, мнѣ придется обрабатывать ее путемъ сличенія съ другими, оставшимися послѣ автора матеріалами, въ числѣ которыхъ — по части ренты — имѣются обширныя извлеченія изъ разныхъ статистическихъ трудовъ, получавшихся имъ отъ васъ; но найдутся ли при этихъ выпискахъ какія-либо критическія замѣтки, которыми можно было бы воспользоваться для этого тома, этого я не могу еще пока сказать. Но, конечно, я использую самымъ совѣстливымъ образомъ все, что тамъ можетъ оказаться. Дѣло переписки займетъ меня, во всякомъ случаѣ, до поздняго августа и, такъ какъ оригиналъ содержитъ до 600 страницъ въ листъ, то его, пожалуй, опять придется раздѣлить на два тома.

Анализъ ренты теоретически такъ полонъ, что вы непремѣнно найдете въ немъ много интереснаго и для спеціальныхъ условій вашей страны:

но все же оригиналъ исключаетъ изложеніе докапиталистическихъ формъ поземельной собственности, и авторъ лишь намекаетъ на нихъ тамъ и сямъ только ради сравненій.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

4.

Лондонъ, 8 августа 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я обсудилъ ваше предложеніе написать спеціальное предисловіе для русскаго изданія, но рѣшительно не вижу, какъ я могу сдѣлать это сколько-нибудь удовлетворительно.

Если вы считаете, что было бы лучше совсѣмъ не касаться Родбертуса, то я предложилъ бы вамъ выкинуть цѣликомъ всю вторую часть предисловія. Какъ опредѣленіе мѣста автора въ исторіи экономической науки, она слишкомъ неполна и можетъ быть оправдана только тѣми спеціальными обстоятельствами, при которыхъ она была написана,—т. е. нападками со стороны приверженцевъ Родбертуса. Эта клика очень вліятельна въ Германіи, производитъ тамъ пропасть шума и, безъ сомнѣнія, скоро станетъ извѣстна и въ Россіи. Вѣдь это такой дешевый и удобный способъ порѣшить съ вопросомъ, объявивъ, что нашъ авторъ просто копировалъ Родбертуса, что этотъ пріемъ непремѣнно будетъ повторенъ всюду, гдѣ читаютъ и обсуждаютъ трудъ Маркса. Но вы сами—лучшій судья во всемъ этомъ дѣлѣ, а потому я отдаю его вполнѣ въ ваши руки, тѣмъ болѣе, что я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что можетъ и что не можетъ быть пропущено вашей цензурой.

Здѣсь распространились недавно довольно благопріятные слухи о судьбѣ нашего „общаго друга“; не можете ли вы сообщить мнѣ что-нибудь о немъ?

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

5.

Джерси, 25 августа 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваши письма отъ 6—18 и 9—21 августа, но отвѣчу на нихъ только послѣ моего возвращенія въ Лондонъ, а пока прилагаю письмо для издателя „С. В.“ [1]. Я полагаю, что отвѣтъ [2] уже имѣется

[1] „Сѣвернаго Вѣстника“.

[2] Рѣчь идетъ о возраженіи Маркса критику „Отечественныхъ Записокъ“ (Н. К. Михайловскому).

у васъ. Если же нѣтъ, то напишите, пожалуйста, по прежнему адресу въ Лондонъ и, какъ только я вернусь туда—дней черезъ 14,—я тотчасъ же вышлю вамъ другой экземпляръ.

Истинно вашъ

Ф. В. Р.

31, Roseville st., Jersey.

6.

Лондонъ, 13 ноября 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваши письма отъ 6—18 и 9—21 августа, когда я жилъ на островѣ Джерси, и, согласно вашему желанію, немедленно послалъ вамъ письмо для издателя „Сѣвернаго Вѣстника“. Послѣ того постоянный гнетъ неотложной работы все мѣшалъ мнѣ обстоятельно отвѣтить на эти письма, такъ же, какъ и на письмо отъ 25 авг.—6 сент.

Я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что II-й томъ доставитъ вамъ такое же удовольствіе, какъ и мнѣ. Содержащіяся въ немъ развитія теоріи представляютъ дѣйствительно разсужденія столь высокаго порядка, что обыкновенный, рядовой читатель не дастъ себѣ труда измѣрить всей ихъ глубины или прослѣдить ихъ до конца. Таково дѣйствительно отношеніе къ нимъ въ нынѣшней Германіи, гдѣ историческая наука, со включеніемъ политической экономіи, пала такъ низко, что едва ли она можетъ пасть когда-либо еще ниже. Наши „катедеръ-соціалисты“—съ точки зрѣнія ихъ теоріи—всегда были немногимъ больше, чѣмъ слегка-филантропическими „вульгарными экономистами“; теперь же они спустились до уровня простыхъ апологетовъ Бисмарковскаго государственнаго соціализма; а потому II-й томъ всегда останется для нихъ запечатанною книгой. И развѣ это не прекрасный образчикъ того, что Гегель называетъ „проніей всемірной исторіи“, когда мы видимъ, что германская историческая наука, самимъ фактомъ возвышенія Германіи на ступень первой европейской державы, низводится снова къ тому жалкому состоянію, до котораго она была доведена глубочайшимъ политическимъ униженіемъ Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны? И вотъ, германская „наука“ таращитъ глаза (stares) на этотъ новый томъ, не будучи въ состояніи понять его; но благоразумный страхъ передъ послѣдствіями мѣшаетъ имъ раскритиковать его публично и, вслѣдствіе этого, офиціальная экономическая наука соблюдаетъ по отношенію къ нему осторожное молчаніе. Однако, III-й томъ принудитъ ихъ высказаться.

Касательно этого III-го тома скажу, что я окончилъ уже превращеніе неразборчиваго оригинала въ удобочитаемую рукопись. Три четверти его почти годны для печати въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Но послѣдняя чет-

верть, а, можетъ быть, и третья, потребуютъ много редакціоннаго труда: а именно, первый отдѣлъ (отношеніе нормы прибавочной стоимости къ нормѣ прибыли); затѣмъ, слѣдующій отдѣлъ о кредитѣ, а отчасти также и отдѣлъ о земельной рентѣ,—не считая разныхъ малообработанныхъ мѣстъ почти во всѣхъ другихъ отдѣлахъ. Въ послѣдніе два мѣсяца я былъ вынужденъ заняться множествомъ другихъ работъ, сильно запущенныхъ мною вслѣдствіе исключительнаго вниманія къ II-му и III-му томамъ. Это будетъ продолжаться еще нѣкоторое время, а затѣмъ, быть можетъ, пересмотръ англійскаго перевода I-го тома, почти уже оконченнаго, займетъ меня еще на мѣсяцъ; но послѣ этого я снова приступлю къ III-му тому и доведу это дѣло до конца. Возможно, что его придется выпустить въ двухъ частяхъ, такъ какъ онъ займетъ около 1000 страницъ.

Очень благодаренъ вамъ за выписки изъ писемъ нашего автора отъ 1879 по 1881 г. Я не могъ читать ихъ безъ печальной улыбки. Увы! всѣ мы такъ хорошо знакомы съ этими оправданіями по поводу незавершенія его труда! Всякій разъ, когда состояніе его здоровья дѣлало для него невозможнымъ двигать свой трудъ впередъ, эта невозможность тяжко давила его душу, и онъ, конечно, былъ чрезвычайно радъ, когда могъ найти хоть какое-нибудь теоретическое оправданіе или объясненіе тому, почему его трудъ не можетъ быть заканчиваемъ въ данную минуту. Всѣ эти аргументы онъ приводилъ въ свое время и мнѣ,—они, повидимому, облегчали упреки его собственной совѣсти.

Окончивъ III-й томъ и выбравъ изъ остальныхъ рукописей автора все, что пригодно для печати, я, вѣроятно, постараюсь собрать тѣ частныя письма автора, которыя представляютъ научную важность, и, въ этомъ случаѣ, письма его къ вамъ займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ вотъ, когда это время, наконецъ, наступитъ, я непремѣнно воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ—предоставить въ мое распоряженіе копіи съ этихъ писемъ.

У меня часто является желаніе послать вамъ нѣкоторые памфлеты и пр.—а также новыя переизданія прежнихъ сочиненій нашего автора и моихъ собственныхъ,—но я не знаю, насколько было бы безопасно адресовать ихъ прямо вамъ. Вы очень обязали бы меня, сообщивъ мнѣ, какъ слѣдуетъ поступать въ такихъ случаяхъ.

Надѣюсь, что здоровье нашего „общаго друга“ можетъ еще улучшиться, несмотря на дурныя предсказанія его врачей. Всякое извѣстіе о немъ всегда будетъ встрѣчено здѣсь съ радостью.

Тотъ кризисъ, о которомъ говоритъ авторъ въ своихъ письмахъ, былъ дѣйствительно исключительнымъ. Въ дѣйствительности онъ продолжается еще и теперь: вся Европа и Америка терпятъ отъ него вплоть по

нынѣшній день; и отсутствіе финансоваго краха есть одна изъ причинъ такой продолжительности. Но, конечно, главная ея причина кроется, безъ всякаго сомнѣнія, въ совершенно измѣнившемся состояніи мірового рынка. Съ 1870 года Германія и, въ особенности Америка, стали соперниками Англіи въ сферѣ новѣйшей промышленности, и въ то же самое время большинство остальныхъ европейскихъ странъ настолько развили свои собственныя мануфактуры, что перестали зависѣть отъ Англіи. Послѣдствіемъ всего этого было распространеніе процесса перепроизводства на гораздо болѣе обширное пространство, чѣмъ въ тѣ времена, когда онъ ограничивался, главнымъ образомъ, только Англіею; а потому процессъ этотъ принялъ вмѣсто остраго, хроническій характеръ, какъ мы это и видимъ теперь. Вслѣдствіе такого ослабленія грозы, очищавшей прежде атмосферу каждые десять лѣтъ, это непрерывное угнетенное состояніе промышленности должно подготовить мало-по-малу такой крахъ, который по своимъ размѣрамъ и силѣ превзойдетъ все, что мы когда-либо видѣли по этой части. И это тѣмъ неизбѣжнѣе, что и тотъ земледѣльческій кризисъ, о которомъ говоритъ авторъ, также продолжается до настоящей минуты и даже распространился почти на всѣ европейскія страны; и онъ долженъ продолжаться и далѣе, пока остается неистощеннымъ дѣвственный черноземъ западныхъ американскихъ прерій.

Истинно вашъ

Ф. В. Р.

7.

Лондонъ, *8 февраля 1886 г.*

Мой дорогой сэръ!

Я получилъ ваши любезныя письма отъ 18—30 ноября, 19—31 декабря, 26—7 января и 8—20 января, а также 4 экземпляра вашего перевода, [1]) изъ которыхъ одинъ отданъ въ Британскій Музей, другой—полковнику, [2]) а третій—хорошо вамъ извѣстной дамѣ, [3]) также переведшей нѣсколько трудовъ нашего автора на вашъ языкъ. Если бы вы имѣли любезность послать еще одинъ экземпляръ нашему нѣмецкому издателю, Отто Мейснеру въ Гамбургѣ, то вы этимъ очень обязали бы меня.

Я прочелъ ваше превосходное предисловіе съ большимъ удовольствіемъ и очень внимательно. Въ подтвержденіе послѣдняго увѣренія, могу указать вамъ, что на стр. X, 17-я строка, наборщикъ, повидимому, пропустилъ одно слово. Не правда ли, что эту строку слѣдуетъ читать такъ: „что и перемѣнная часть *капитальной* стоимости“? Положимъ, что этотъ

---

1) Второго тома „Капитала“
2) П. Л. Лаврову.
3) Вѣроятно, В. И. Засуличъ.

пропускъ не имѣетъ большой важности для того, кто хорошо знакомъ съ терминологіей автора, но менѣе привычнаго къ ней читателя онъ можетъ, пожалуй, привести въ замѣшательство.

Очень благодаренъ вамъ за ваши замѣтки по поводу экономическаго состоянія вашей страны. Всѣ такія вещи всегда очень интересуютъ меня. Послѣдніе 30 лѣтъ показали на примѣрахъ изо всѣхъ частей свѣта,—въ какое ничтожное время громадная производительная сила новѣйшей промышленности можетъ быть пересажена даже въ такія страны, которыя были до того чисто земледѣльческими, и какъ быстро она пускаетъ тамъ прочные корни; причемъ сопровождающія этотъ процессъ явленія повторяются рѣшительно повсюду. То, что вы говорите о расплатѣ досрочными купонами, имѣло мѣсто по всей Германіи лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ и можетъ при случаѣ повториться снова; но въ особенности, передъ введеніемъ новой монетной системы, эти жалобы на досрочные купоны, пущенные прежде всего въ ходъ для расплатъ съ рабочими, были, можно сказать, всеобщими. Быстрое развитіе германскихъ мануфактуръ переросло теперь эту стадію; и если этотъ фактъ и повторится еще отъ времени до времени, то это будетъ исключеніемъ, но пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ правиломъ, въ особенности въ Саксоніи и Тюрингіи. Но мнѣніе вашихъ экономистовъ, видящихъ въ этомъ доказательство недостатка въ средствахъ обращенія, и это при наличности бумажнаго обращенія и при паденіи стоимости бумажекъ, по крайней мѣрѣ, на 36%, можетъ быть поставлено на одну доску только со взглядами американскихъ гринбекеровъ, [1]) которые тоже вѣдь требовали усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, опираясь на то, что бумажки стояли уже наравнѣ съ золотомъ, а слѣдовательно, очевидно, выпускались въ недостаточномъ количествѣ!

Я радъ слышать, что нашему „общему другу“ совѣтуютъ перемѣну климата; полагаю, что его направятъ туда же, куда онъ и раньше посылался врачами, и гдѣ мѣстныя условія оказывались, повидимому, очень благопріятными для его здоровья. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ въ моихъ глазахъ, что всякая опасность внезапнаго кризиса въ его болѣзни уже миновала. [2])

Наконецъ-то, я имѣю въ своихъ рукахъ всю рукопись англійскаго перевода I-го тома („Капитала“) и могу съ будущей недѣли приступить къ ея пересмотру. Какъ только я составлю себѣ понятіе о томъ, когда этотъ пересмотръ можетъ быть оконченъ, я сейчасъ же заключу сдѣлку

[1]) Прозванныхъ такъ по причинѣ „зеленыхъ спинокъ“ (green backs) американскихъ кредитокъ.

[2]) Писано по поводу какихъ-то неосновательныхъ слуховъ того времени объ измѣненіи въ благопріятную сторону дѣла Г. А. Лопатина и о завершеніи его простою административной ссылкой.

съ издателемъ. Переводчиковъ двое. Одинъ—мѣстный адвокатъ изъ нашихъ друзей (онъ и вы—единственные двое людей, знающіе эту книгу вполнѣ но его профессіональныя занятія не дозволили ему выполнить цѣликомъ эту задачу съ желательной для насъ скоростью; а потому докторъ Эвелингъ, мужъ самой младшей дочери автора, предложилъ свои услуги по этой части; но какъ экономическія теоріи, такъ и языкъ автора не совсѣмъ привычны для него, и я знаю заранѣе, что выполненная имъ часть доставитъ мнѣ болѣе труда. Во всякомъ случаѣ, какъ только англійскій переводъ будетъ достаточно обработанъ для печати, я сейчасъ же примусь снова за III-й томъ и доведу это дѣло до конца, не дозволяя никакой другой работѣ помѣшать мнѣ въ этомъ.

Здѣшній промышленный кризисъ идетъ къ худшему, а не къ лучшему, и люди начинаютъ видѣть все яснѣе и яснѣе, что промышленная монополія Англіи приходитъ къ концу. И дѣйствительно,—съ выступленіемъ Америки, Франціи и Германіи ея соперниками на міровомъ рынкѣ, съ введеніемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, посредствомъ которыхъ другія страны съ развивающейся промышленностью стремятся изгнать изъ своихъ рынковъ иностранные товары,—опредѣленіе момента потери ею своей прежней монополіи становится дѣломъ простого разсчета. Но если одна великая промышленная страна-монополистъ вызывала кризисъ каждые десять лѣтъ, то что должно проистечь изъ совокупной дѣятельности четырехъ такихъ странъ? Говоря приблизительно, мы должны теперь имѣть кризисъ черезъ каждые 10 : 4 лѣтъ, т. е. съ практической точки зрѣнія,—одинъ безконечный кризисъ. Для насъ-то съ вами это, пожалуй, все равно...

Истинно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

8.

Лондонъ, 9 ноября 1886 г.

Дорогой сэръ!

Все это время я былъ занятъ отдѣлкою англійскаго перевода I-го тома („Капитала“), который—я надѣюсь—будетъ готовъ черезъ нѣсколько недѣль, такъ какъ я прочелъ уже *первую* корректуру всего тома и мнѣ остается теперь только прочесть 2-ю и 3-ю корректуры послѣднихъ 10 листовъ. Это былъ очень тяжелый трудъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ отвѣтственность за текстъ ляжетъ на меня. Понятно, что все это время я не имѣлъ возможности заняться ничѣмъ другимъ; вслѣдствіе чего у меня накопилась куча другихъ мелкихъ работъ, которыя мнѣ нужно сбыть съ рукъ, прежде чѣмъ вернуться къ III-му тому. Помнится, я уже сообщилъ вамъ, что я продиктовалъ его съ оригинальной рукописи, чтобы

придать ему удобочитаемый видъ. Большая часть его не потребуетъ для отдѣлки значительнаго труда; но глава о превращеніи нормы прибавочной стоимости въ норму прибыли и глава о банковомъ капиталѣ, а также— до нѣкоторой степени—и глава о поземельной рентѣ потребуютъ еще много работы. Я надѣюсь справиться съ этимъ дѣломъ въ будущемъ году, но не сдамъ въ печать ни одной строчки, пока не окончу обработки всего тома.

Что касается до сбыта II-го тома, то по мартъ 1886 онъ достигъ 1300 экземпляровъ.

Какъ только англійскій переводъ выйдетъ въ свѣтъ, я сейчасъ же пришлю вамъ экземпляръ этого изданія.

Обзоры II-го тома, появившіеся въ нѣмецкой прессѣ, были необычайно глупы. Одинъ изъ нихъ, писанный докторомъ Гроссомъ (Вѣна), былъ очень приличенъ по тону, но авторъ его просто идіотъ. Другой, писанный бреславльскимъ профессоромъ Лексисомъ, очень недуренъ въ своемъ родѣ; авторъ отлично понимаетъ книгу и знаетъ, что ему нечего сказать противъ нея, но онъ—т. н. „Streber", а потому прикидывается „вульгарнымъ экономистомъ". Обзоръ этомъ помѣщенъ въ Hildebrand's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, XI Band, 1885, 5-tes Heft (5 Dec. 85).

Я понятно буду очень радъ, когда выпущу, наконецъ, III-й томъ, потому что, какъ вы говорите, только тогда вся система автора будетъ понята вполнѣ и многія глупыя возраженія, дѣлаемыя противъ нея теперь, падутъ тогда сами собою.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

9.

Лондонъ, 19 февраля 1887 г.

Дорогой сэръ!

Я былъ радъ полученію вашего письма отъ 22—3 февраля, такъ какъ изъ него я увидѣлъ, что издатель—вмѣсто того, чтобы послать вамъ экземпляръ англійскаго „Капитала"—отправилъ вамъ только объявленіе о немъ. Такихъ неправильностей съ его стороны было уже не мало, и онѣ причинили уже намъ много досады, а главное, неувѣренности относительно того, что сдѣлано и что—нѣтъ. Впрочемъ, я сейчасъ же послалъ вамъ (12 февр.) по почтѣ, *заказнымъ* порядкомъ, экземпляръ англійскаго перевода и надѣюсь, что онъ дошелъ до васъ благополучно. Я радъ сообщить вамъ, что продажа книги идетъ чрезвычайно хорошо. Высокая цѣна *перваго* изданія представляетъ неизбѣжное зло; но такъ какъ книга

стереотипирована, то черезъ нѣкоторое время будетъ выпущено второе, дешевое изданіе по цѣнѣ, равной приблизительно одной трети первоначальной. Въ настоящую минуту высокая цѣна книги не представляетъ *здѣсь* большой помѣхи ея сбыту, хотя въ Америкѣ она, можетъ быть, и препятствуетъ до извѣстной степени ея распространенію.

Я думаю, что вы дѣлаете хорошее дѣло, указывая публикѣ вашей страны на приложимость теоріи нашего автора къ *ихъ* обстоятельствамъ. Но, можетъ быть, вамъ было бы лучше—какъ вы говорите и сами—подождать до окончательнаго завершенія всего труда. Глава о рентѣ—хотя и написанная ранѣе, чѣмъ авторъ получилъ возможность изучить русскія экономическія условія, хотя и не содержащая никакого упоминовенія о нихъ—все же совершенно необходима для васъ. Я возьмусь за III-й томъ, какъ только справлюсь съ другими накопившимися работами наиболѣе неотложнаго свойства. За исключеніемъ трехъ отдѣловъ, большая часть этого тома почти готова для печати.

Очень благодаренъ вамъ за „Сказки“ Щедрина и непремѣнно прочту ихъ при первой возможности. Въ настоящую минуту мнѣ мѣшаетъ читать легкій конъюнктивитъ лѣваго глаза, а русскій шрифтъ всегда требуетъ отъ меня усиленнаго напряженія зрѣнія.

До настоящей минуты не появилось еще никакихъ рецензій на англійское изданіе. Профессіональные рецензенты, очевидно, не знаютъ, что имъ дѣлать съ этой книгой и боятся обжечь себѣ пальцы.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

10.

Лондонъ, 24 апрѣля 1887 г.

Дорогой сэръ!

Пишу лишь нѣсколько строкъ, чтобы поскорѣе сообщить вамъ о благополучномъ прибытіи двухъ заказныхъ пакетовъ съ письмами (Маркса), а также вашего письма отъ 7 апрѣля, извѣщающаго о ихъ отправленіи. Въ сущности, вамъ не было нужды такъ торопиться съ ихъ доставкою; но все же я очень благодаренъ вамъ за то, что ввѣрили мнѣ эти драгоцѣнные документы, которые я прочту съ величайшимъ интересомъ и употреблю въ дѣло тамъ, гдѣ они окажутся полезными, сохранивъ подлинники для возвращенія ихъ вамъ по первому вашему требованію.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

11.

Лондонъ, 5 января 1888 г.

Дорогой сэръ!

Я перемѣнилъ квартиру и мой адресъ теперь таковъ: M-rs Rosher. Cottesloe, Burton Road, Kilburn, London. N. W. Номера нѣтъ никакого, потому что Cottesloe—это названіе дома.

Я сейчасъ же заказалъ моему книжному поставщику сочиненіе доктора Кейслера. Если даже первые его томы покоятся на неполныхъ матеріалахъ, то я достаточно знакомъ съ трудами вашихъ земствъ, чтобы быть увѣреннымъ, что résumé этихъ трудовъ должно заключать чрезвычайно цѣнный матеріалъ и, будучи написано по-нѣмецки, должно оказаться настоящимъ откровеніемъ для западныхъ европейцевъ. Я приму всѣ мѣры къ тому, чтобы эти матеріалы были использованы.

Боюсь, что вашъ дворянскій земельный банкъ приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ привели прусскіе земельные банки. Здѣсь дворянство заключало займы подъ предлогомъ улучшенія своихъ помѣстій; но на самомъ дѣлѣ тратило большую часть полученныхъ денегъ на поддержаніе привычнаго образа жизни, на картежную игру, на поѣздки въ Берлинъ и главные города своихъ провинцій и т. п. Потому что дворянство считало своимъ первымъ долгомъ—жить сообразно достоинству своего сословія („standgemäss“), а первымъ долгомъ государства — помогать имъ выполнять эту задачу. Такимъ образомъ, несмотря ни на какіе банки, ни на какія громадныя, прямыя и непрямыя, денежныя подачки имъ со стороны государства, прусскіе дворяне находятся по уши въ долгахъ у евреевъ и никакое повышеніе вывозныхъ пошлинъ на земледѣльческіе продукты не спасетъ ихъ. Я вспоминаю, какъ одинъ хорошо извѣстный русскій изъ полу-нѣмцевъ, связанный незаконными узами съ русскимъ дворянствомъ [1]), находилъ, что эти прусскіе дворяне живутъ все еще слишкомъ прижимисто. Прибывъ „отъ того берега къ другому“ и ознакомившись съ ихъ жизнью у себя дома, онъ восклицалъ: „Эти люди стараются копить деньги, тогда какъ у насъ человѣка считаютъ жалкимъ скрягой, если онъ не тратитъ, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше своего годового дохода“. Если принципы русскаго дворянства дѣйствительно таковы, то я могу только поздравить ихъ съ ихъ земельнымъ банкомъ.

Вашъ крестьянскій банкъ также кажется мнѣ похожимъ на прусскіе крестьянскіе банки, и мнѣ представляется почти непонятнымъ, какъ это

---

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о Герценѣ.

нѣкоторые люди рѣшительно не видятъ, что всѣ новые источники кредита, предоставляемые къ услугамъ землевладѣльцевъ (крупныхъ или мелкихъ), должны неизбѣжно повести только къ ихъ порабощенію побѣдоносныкъ капиталистамъ.

Мои глаза все еще требуютъ пощады и осторожности; но какъ бы то ни было, я все же надѣюсь черезъ короткое время—скажемъ, съ будущаго мѣсяца—снова приступить къ работѣ надъ III-мъ томомъ; только, къ несчастью, я все еще не могу пока дать никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній относительно времени его окончанія.

Англійскій переводъ продавался и продается очень хорошо, пожалуй, даже изумительно хорошо для книги этого сорта и этого размѣра, такъ что издатель его просто въ восхищеніи отъ своей спекуляціи. За то критики его стоятъ ниже—даже много, много ниже—обычнаго, средняго, и безъ того низкаго, уровня. Единственная хорошая статья появилась въ The Athenaeum; остальныя же по большей части даютъ только извлеченія изъ предисловія; тѣ же, которыя пытаются затронуть и самую книгу, оказываются невыразимо жалкими. Самой модной теоріей считается здѣсь въ настоящую минуту теорія Стэнли Джевонса, согласно которой стоимость опредѣляется *полезностью*, т. е. мѣновая стоимость = потребительной, а также, съ другой стороны, предѣломъ предложенія (т. е. издержками производства), что есть просто непрямой и запутанный способъ сказать, что стоимость опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Вульгарная экономія вездѣ и повсюду! Второй изъ нашихъ крупныхъ литературно-критическихъ органовъ—The Academy—еще не высказался.

Продажа нѣмецкаго изданія I-го и II-го томовъ идетъ очень хорошо. Появилось множество статей относительно книги и ея теорій. Изъ нихъ сочиненіе Каутскаго—„Экономическія ученія Карла Маркса"—представляетъ подробный экстрактъ, или, вѣрнѣе, самостоятельное изложеніе этихъ теорій, очень недурное, хотя и не всегда вполнѣ вѣрное; я пришлю вамъ его. Затѣмъ, нѣкій жалкій ренегатъ изъ евреевъ, Георгъ Адлеръ, приватъ-доцентъ Бреславльскаго университета, написалъ большущую книгу (заглавіе ея я позабылъ), чтобы доказать заблужденія Маркса; но это просто грубый и смѣшной памфлетъ, изданный съ цѣлью обратить на себя вниманіе министерства и буржуазіи и доказать собственную важность. Я просилъ всѣхъ моихъ друзей не упоминать о немъ въ печати ни однимъ словомъ. И въ самомъ дѣлѣ, теперь всякій мелкій, безсильный субъектъ, чтобы создать себѣ рекламу, спѣшитъ напасть на нашего автора.

Парижскіе друзья усумнились въ точности вашихъ печальныхъ со-

общеній касательно нашего „общаго друга“ [1]). Не можете ли вы доставить тѣмъ или инымъ путемъ какія-нибудь подробности относительно постигшаго его несчастія?

Прилагаю одну маленькую вещицу, изданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

12.

Лондонъ, 15 октября 1888 г.

Дорогой сэръ!

Мнѣ помѣшала отвѣтить на ваши любезныя письма отъ 8—20 января и 3—15 іюня прежде всего слабость моихъ глазъ, которая лишила меня возможности просиживать за письменнымъ столомъ болѣе двухъ часовъ въ сутки и повела, такимъ образомъ, почти къ полной запутанности моей дѣловой корреспонденціи; а затѣмъ—моя поѣздка въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ въ Америку, откуда я только-что вернулся. Моимъ глазамъ теперь лучше; но такъ какъ я обязанъ приняться теперь за III-й томъ и окончить его, то я все еще долженъ быть остороженъ съ глазами, чтобы не повредить имъ чрезмѣрнымъ трудомъ. А поэтому моимъ друзьямъ приходится извинить мнѣ, если мои письма окажутся не слишкомъ частыми и не слишкомъ длинными.

Ваши разсужденія въ первомъ письмѣ—насчетъ отношенія между нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли въ высшей степени интересны и, безъ сомнѣнія, очень цѣнны для группировки статистическаго матеріала; но это не тотъ путь, которымъ нашъ авторъ подходитъ къ рѣшенію этой задачи. Въ вашей формулѣ вы исходите изъ предположенія, будто бы всякій предприниматель удерживаетъ въ свою пользу всю ту прибавочную стоимость, которую онъ присвояетъ въ процессѣ производства. Но, при такомъ предположеніи, торговый и банковый капиталы не могли бы существовать, ибо они не приносили бы никакой прибыли. Слѣдовательно, прибыль предпринимателя не можетъ представлять *всей* суммы прибавочной стоимости, извлекаемой имъ изъ своихъ рабочихъ.

Съ другой стороны, ваша формула, *быть можетъ*, и пригодна для приблизительнаго исчисленія состава различныхъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, при условіи общей и одинаковой нормы прибыли. Я говорю *быть можетъ* потому, что не имѣю въ эту минуту подъ рукою матеріаловъ, которые дозволили бы мнѣ провѣрить установленную вами теоретическую формулу.

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

Вы удивляетесь, почему политическая экономія въ Англіи находится теперь въ такомъ жалкомъ состояніи. Но то же самое мы видимъ теперь повсюду. Даже классическая экономія,—нѣтъ, даже самые вульгарные приверженцы и глашатаи (Hausirburschen) свободной торговли—встрѣчаютъ теперь лишь высокомѣрное презрѣніе со стороны еще болѣе вульгарныхъ „высшихъ“ существъ, занимающихъ нынѣ университетскія кафедры политической экономіи. И въ этомъ виноватъ въ значительной степени нашъ авторъ, который открылъ глаза заинтересованнымъ людямъ на опасные выводы классической экономіи; и вотъ, они находятъ теперь, что, по крайней мѣрѣ, въ этой области, всего безопаснѣе не терпѣть совсѣмъ *никакой* науки. И имъ удалось такъ хорошо ослѣпить обыкновенныхъ филистеровъ, что въ настоящую минуту имѣется въ Лондонѣ четверо человѣкъ, называющихъ себя „соціалистами“ и въ то же время увѣряющихъ, будто бы они совершенно опровергли теорію нашего автора, противопоставивъ ей ученіе Стенли Джевонса!

Парижскіе друзья настаиваютъ на томъ, что нашъ „общій другъ“ [1]) вовсе не умеръ; но я не имѣю никакой возможности провѣрить ихъ сообщенія.

Я прочелъ съ большимъ интересомъ ваши физіологическія разсужденія объ истощеніи, вслѣдствіе чрезмѣрно продолжительнаго рабочаго времени, и о количествѣ потенціальной энергіи, въ формѣ пищи, требующемся для возмѣщенія такого истощенія. Къ словамъ Ранке, котораго вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужнымъ сдѣлать одну маленькую оговорку: если 1.000.000 килограммометровъ, въ формѣ пищи, замѣщаетъ только сумму развитой теплоты и исполненной механической работы, то такое количество пищи еще не можетъ считаться достаточнымъ, такъ какъ оно не возмѣщаетъ траты мускуловъ и нервовъ; вѣдь для этого требуется не одна только тепло-производящая пища, но и *бѣлки*, которые не могутъ быть измѣряемы только въ килограммометрахъ, такъ какъ животный организмъ не обладаетъ способностью строить ихъ прямо изъ элементовъ.

Я не знаю двухъ упоминаемыхъ вами книгъ—Эдуарда Юнга и Филиппа Бевана, — но въ ихъ утвержденіи, будто бы прядильщики и ткачи въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ получаютъ отъ 90 до 120 долларовъ въ годъ, должна скрываться какая-то ошибка. Вѣдь это составитъ около 2 долларовъ въ недѣлю, номинально равняющихся 8 шиллингамъ, но, по своей покупательной силѣ въ Америкѣ, представляющихъ менѣе 5 шиллинговъ въ Англіи, а между тѣмъ—на основаніи всего, что я слышалъ—заработки прядильщиковъ и ткачей въ Америкѣ номинально выше, а въ

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

дѣйствительности совершенно одинаковы съ заработками ихъ въ Англіи, вслѣдствіе чего они должны равняться приблизительно 5 — 6 долларамъ въ недѣлю, соотвѣтствующимъ 12 — 16 шиллингамъ въ Англіи. Что же касается до данныхъ Каутскаго, то онъ просто сдѣлалъ ошибку, принявъ доллары за фунты стерлинговъ, вслѣдствіе чего — при переводѣ ихъ на нѣмецкія марки — онъ множилъ не на 5, а на 20 и получилъ такимъ образомъ цифры вчетверо большія настоящихъ. Цифры, почерпнутыя изъ данныхъ десятаго ценза [1]), таковы:

Рабочіе и служащіе	174.659
Вычитая конторщиковъ, управителей и пр.	2.115
Одни рабочіе	172.544
Изъ нихъ: мужчинъ (старше 16 лѣтъ)	59.685
Мальчиковъ (моложе 16 лѣтъ)	15.107
Женщинъ (старше 15 лѣтъ)	84.539
Дѣвушекъ (моложе 15 лѣтъ)	13.213
	172.544

Всего 172.544 рабочихъ, получающихъ въ общемъ 42.040.510 долларовъ заработной платы, т. е. по 243,06 доллара въ годъ на человѣка, что хорошо сходится съ моею вышеприведенною оцѣнкою, такъ какъ болѣе высокая заработная плата мужчинъ уравновѣсится въ среднемъ выводѣ болѣе низкими заработками дѣвушекъ и мальчиковъ.

Чтобы показать вамъ, до какихъ глубинъ паденія дошла экономическая наука, укажу на Луйо Брентано, издавшаго лекцію о классической политической экономіи (Лейпцигъ, 1888), въ которой онъ провозглашаетъ такія вещи: общая или теоретическая экономія ничего не стоитъ; вся сила лежитъ въ спеціальной или практической экономіи. Какъ въ естествознаніи (!), мы должны ограничиваться лишь *описаніемъ* фактовъ, такія описанія безконечно выше и цѣннѣе, чѣмъ всѣ выводы a priori. „Какъ въ естествознаніи!“ Это *неподражаемо*! И это въ вѣкъ Дарвина, Майера, Джоуля, Клаузіуса и пр., въ вѣкъ эволюціи и превращенія энергіи!

Благодарю васъ за номеръ „Русскихъ Вѣдомостей“ съ интересной статьею о вмѣшательствѣ правительства въ статистическія работы земствъ. Было бы очень прискорбно, если бы эти цѣнные труды были прерваны вслѣдствіе подобныхъ вмѣшательствъ.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

[1]) Compendium of the 10-th Census of the U. S., 1880. Washington, 1883, p. 1124, Specific Cotton Manufacture.

13.

Лондонъ, 4 іюля 1889 г.

Мой дорогой сэръ!

Я передалъ Лафаргу и Каутскому все, что вы имѣли любезность сообщить насчетъ ихъ статей, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Вслѣдствіе этого Лафаргъ прислалъ мнѣ новую статью — объ эволюціи собственности — съ просьбою переслать ее вамъ, въ надеждѣ, что вы не откажетесь передать ее редактору „Сѣвернаго Вѣстника“ на прежнихъ условіяхъ относительно гонорара и пр. Итакъ, посылаю ее вамъ сегодня заказной бандеролью.

Сообщаемыя вами извѣстія о состояніи здоровья нашего „общаго друга“ [1]) очень утѣшительны и вполнѣ согласны съ тѣмъ, что мы слышали изъ другихъ источниковъ. Человѣкъ съ такой несокрушимой натурой навѣрное преодолѣетъ всѣ испытанія, а потому мы можемъ не терять надежды въ одинъ прекрасный день снова увидѣть его здѣсь въ полной силѣ его прежняго, юношескаго здоровья.

Въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ III-й томъ лежалъ безъ всякаго движенія, вслѣдствіе множества разнообразныхъ и неизбѣжныхъ помѣхъ; а такъ какъ лѣтній сезонъ всегда представляетъ время усиленной праздности, то я боюсь, что мнѣ едва ли удастся много поработать надъ нимъ ранѣе сентября или октября. Та часть его, въ которой рѣчь идетъ о банкахъ и кредитѣ, представляетъ значительныя трудности. Руководящіе принципы выражены и тутъ довольно ясно; но весь контекстъ ея таковъ, что предполагаетъ у читателя хорошее знакомство съ главными трудами изъ относящейся сюда литературы—какъ напримѣръ, съ сочиненіями Тука, Фуллертона и пр., — а такъ какъ этого обыкновенно не бываетъ, то здѣсь потребуется много пояснительныхъ примѣчаній и т. п.

Кстати: у меня есть лишній экземпляръ Фуллертона: „регулированіе денежнаго обращенія“,—важнѣйшаго труда по этому вопросу; если у васъ нѣтъ этой книги, то я буду очень счастливъ, если вы позволите мнѣ прислать вамъ ее.

Послѣдній отдѣлъ — о земельной рентѣ,— насколько я помню, требуетъ только формальнаго пересмотра: такъ что, какъ только отдѣлъ о банкахъ и кредитѣ будетъ оконченъ (а онъ занимаетъ около трети всего тома), то работа надъ послѣдней его третью (рента и разные классы дохода) не займетъ уже много времени. Но такъ какъ этотъ завершительный томъ представляетъ такое великолѣпное и совершенно неопровержи-

[1]) Г. А. Лопатинъ.

мое произведеніе, то я считаю себя обязаннымъ представить его публикѣ въ такой формѣ, въ которой вся цѣпь аргументовъ выступала бы ясно и выпукло передъ читателемъ. А при наличномъ состояніи оригинальной рукописи—представляющей просто первый набросокъ, писанный съ частыми перерывами и оставшійся незаконченнымъ—такая задача не очень-то легка.

Я хлопочу теперь надъ заключеніемъ сдѣлки съ двумя компетентными лицами, могущими, послѣ надлежащей подготовки, расшифровать и переписать для меня содержаніе IV-го тома съ авторской рукописи, которую мои глаза едва ли позволятъ мнѣ разобрать и продиктовать самому. Если это удастся мнѣ; если я научу ихъ расшифровкѣ этихъ рукописей, представляющихъ въ настоящее время запечатанную книгу для всѣхъ, кромѣ меня, привыкшаго къ почерку и сокращеніямъ автора,—тогда и остальныя рукописи его станутъ доступными для пользованія, совершенно независимо отъ моей жизни или смерти. Я надѣюсь, что эта сдѣлка тоже можетъ состояться нынѣшней осенью.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

Англійскій переводчикъ большей части І-го тома, мистеръ Муръ, только-что уѣхалъ въ Африку, гдѣ онъ получилъ мѣсто главнаго судьи въ территоріи, принадлежащей Нигерской Компаніи. Такимъ образомъ, III-й томъ — если не весь, то частью—будетъ переводиться на берегахъ Нигера!

14.

Лондонъ, 15 іюля 1889 г.

Мой дорогой сэръ!

Извините, что, по странному до смѣшного недосмотру, я не сообщилъ вамъ адреса Лафарга. Вотъ онъ:

M-r Lafargue 10, Avenue des Champs Elysées
Le Perreux
Seine,
France

Книга (Фуллертона) такъ же, какъ и другое важное сочиненіе по этому вопросу, книга Тука, случайно имѣющаяся у меня тоже въ двухъ экземплярахъ, будутъ отправлены вамъ завтра.

Искренно вашъ

Ф. В. Р.

15.

11, Burton Road, Kilburn, N. W.

Лондонъ, 5 декабря 1889 г.

Дорогой сэръ!

Тотчасъ по полученіи вашего письма отъ 14—26 ноября я сообщилъ Лафаргу его содержаніе. Онъ отвѣчаетъ, что онъ самъ уже написалъ вамъ, что онъ не получилъ никакого письма отъ издательницы „Сѣвернаго Вѣстника“, что онъ предлагаетъ ей 5 статей съ правомъ помѣстить ихъ всѣ или которую-либо изъ нихъ по ея желанію. Что касается до выпуска нѣкоторыхъ мѣстъ изъ той статьи, которая находится сейчасъ въ ея рукахъ, то въ письмѣ *ко мнѣ* онъ не говоритъ ничего по этому поводу. Если и въ письмѣ къ вамъ не содержится никакого отвѣта по этому пункту, то мнѣ кажется яснымъ, что онъ предоставляетъ это усмотрѣнію самой издательницы. Его адресъ прежній.

Посылаю вамъ *заказнымъ* порядкомъ книгу Тука „Объ Основахъ Денежнаго Обращенія“ (Лондонъ, 1884). Я купилъ ее изъ вторыхъ рукъ, т. е. уже подержанной, а потому вы найдете въ ней замѣтки карандашемъ прежняго владѣльца, представляющія по большей части довольно туманный вздоръ; кромѣ того, въ ней вложена пара вырѣзокъ изъ старыхъ газетъ, причемъ одна—относящаяся къ кризису 1847 года—не лишена нѣкотораго интереса.

За это время я успѣлъ изготовить 4-е нѣмецкое изданіе I-го тома, находящееся въ эту минуту въ печати. Я внесъ въ него два или три новыхъ прибавленія изъ французскаго изданія и снова пересмотрѣлъ цитаты при помощи англійскаго изданія. Я прибавилъ также нѣсколько собственныхъ примѣчаній, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ замѣтка о биметаллизмѣ. Какъ только книга выйдетъ изъ печати, я немедленно вышлю вамъ экземпляръ этого изданія.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

16.

Лондонъ, 10 іюня 1891 г.

Мой дорогой сэръ!

Я получилъ ваши любезныя письма отъ 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая, а также и статью Лафарга, возвращенную ему обратно изъ редакціи. Я сообщилъ ему, что вы писали ему дважды—въ мартѣ и апрѣлѣ,—но не имѣете пока положительныхъ свѣдѣній о полученіи

имъ этихъ двухъ писемъ. Его жена, находящаяся въ эту минуту здѣсь, не могла сказать мнѣ по памяти ничего положительнаго на этотъ счетъ. Она очень сожалѣетъ о переходѣ „Сѣвернаго Вѣстника" въ другія руки и проситъ меня передать вамъ отъ нея и ея мужа искреннюю благодарность за ваши любезныя хлопоты въ ихъ интересахъ.

Что касается до 4-го изданія I тома „Капитала", то я уже сдалъ въ печать корректурные листы 39—42. Во всемъ томѣ будетъ менѣе 50 листовъ, такъ какъ шрифтъ на этотъ разъ хотя и крупнѣе, но строчки тѣснѣе. Какъ только весь томъ окончится печатаніемъ, я сейчасъ же вышлю его вамъ.

Я снялъ копіи посредствомъ пишущей машины со всѣхъ писемъ къ вамъ нашего автора, такъ любезно предоставленныхъ вами въ мое пользованіе. Дѣло это было выполнено его младшей дочерью. Поэтому я могу вернуть ихъ вамъ теперь же заказнымъ письмомъ, если вы ничего не имѣете противъ этого способа отправки.

Очень благодарю васъ за ваши постоянныя, интересныя сообщенія объ экономическомъ положеніи вашей великой страны. Подъ гладкой поверхностью политическаго спокойствія въ ней совершается такая же великая и такая же важная экономическая перемѣна, какъ и во всякой другой европейской странѣ, и наблюдать за ходомъ этой перемѣны представляетъ высокій интересъ. Рано или поздно, послѣдствія этой экономической перемѣны непремѣнно разовьются и въ другихъ направленіяхъ.

Мы слышали здѣсь съ большимъ огорченіемъ и сочувствіемъ о смерти Н. Г. Ч. (Чернышевскаго). Но, можетъ быть, для него это было лучше.

Большое спасибо за ваши поздравленія съ 24 февраля, событіе этого дня порадовало здѣсь не одного человѣка. [1])

Я былъ такъ чрезмѣрно занятъ, и мое зрѣніе, хотя и улучшающееся, такъ сильно утомляется чтеніемъ русской печати, что я все еще не могъ прочесть указанной вами статьи въ „Ежегодникѣ", но я непремѣнно сдѣлаю это въ первую свободную минуту. Неправильное употребленіе экономическихъ терминовъ, на которое вы указываете, представляетъ обыкновеннѣйшій недостатокъ во всѣхъ литературахъ. Здѣсь въ Англіи слово *рента* прилагается одинаково какъ къ той наемной платѣ за землю, которую отсчитываетъ своему лэндлорду англійскій фермеръ-капиталистъ, такъ и къ той платѣ, которую вноситъ за землю ирландскій фермеръ-нищій, тогда какъ эта послѣдняя представляетъ настоящую дань, слагающуюся, главнымъ образомъ, изъ вычетовъ изъ его продовольственнаго фонда,

---

[1]) Выборъ въ германскій парламентъ нѣсколькихъ десятковъ представителей рабочей партіи.

зарабатываемую его собственнымъ трудомъ и состоящую лишь въ самой ничтожной степени изъ настоящей ренты. Точно также и въ Индіи англичане превратили поземельный налогъ, платившійся райотами (крестьянами) государству, въ „ренту“ и вслѣдствіе этого—по крайней мѣрѣ, въ Бенгалѣ—превратили земиндара (сборщика налоговъ въ пользу индійскаго государя) въ лэндлорда, владѣющаго землей въ силу номинальнаго леннаго пожалованія отъ короны; точь-въ-точь какъ въ Англіи, гдѣ корона тоже вѣдь считается номинальнымъ собственникомъ всей земли, а крупные дворяне, ея дѣйствительные собственники, въ силу юридической фикціи, считаются лишь ленными ея владѣльцами по пожалованію отъ короны. Подобнымъ же образомъ, когда—въ началѣ 17-го вѣка—Ирландія была подчинена непосредственному господству англичанъ, и когда англійскій юристъ сэръ Джонъ Дэвисъ—найдя здѣсь деревенскую общину съ общимъ владѣніемъ землею, передѣлявшейся періодически между членами клана, платившими извѣстную подать главѣ своего клана—сразу же объявилъ эту подать „рентою“, то и шотландскіе лерды (lairds)—т. е. главы клановъ—послѣ возстанія 1745 года поспѣшили воспользоваться этимъ юридическимъ смѣшеніемъ подати, платимой имъ ихъ сородичами по клану, съ рентою, якобы уплачиваемой ими за воздѣлываемую землю, для того, чтобы превратить всю территорію клана, его общую собственность, въ свою личную собственность, въ частную собственность лердовъ, потому что, говорили ихъ юристы, если бы они не были лэндлордами, то какъ бы они могли получать ренту за эти земли? Такимъ образомъ, это смѣшеніе подати съ рентою послужило основою для конфискаціи всѣхъ общинныхъ земель въ шотландскихъ горныхъ округахъ въ пользу немногочисленныхъ главъ клановъ, которые очень скоро согнали своихъ сородичей по клану съ ихъ земель и замѣстили ихъ овцами, какъ это описано въ „Капиталѣ“,—глава 24, 3 (стр. 754 III изданія).

Съ глубокимъ почтеніемъ

искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

17.

Лондонъ, 2 сентября 1891 г.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня я возвращаю вамъ еще 6 писемъ, т. е. все, что было писано вамъ Марксомъ до 1878 и въ 1878 г. Остальныя письма будутъ высланы вскорѣ.

Ваше предсказаніе насчетъ голода оправдалось даже слишкомъ скоро. Здѣсь, въ Англіи, намъ тоже предстоятъ тяжелыя испытанія. Жатва въ

общемъ казалась прекрасною; но дней 10 тому назадъ, какъ разъ къ началу жатвы въ нашихъ южныхъ округахъ, наступила ужасная погода, произведшая страшное опустошеніе и между сжатыми и между несжатыми хлѣбами. Говорятъ, отъ 20 до 30 процентовъ жатвы сильно повреждено или совсѣмъ пропало. Есть лишь одна выгода, связанная съ этимъ бѣдствіемъ, а именно та, что оно дѣлаетъ невозможной какую-либо войну въ продолженіе ближайшихъ 20 мѣсяцевъ; а при нынѣшнемъ состояніи всеобщихъ вооруженій и взаимнаго недовѣрія, это—настоящее благословеніе.

Вы позволите мнѣ возвратиться при другомъ случаѣ къ вашимъ крайне интереснымъ сообщеніямъ отъ 1 мая. А сегодня я нахожусь наканунѣ отъѣзда, и главная цѣль этихъ строкъ заключается лишь въ томъ, чтобы попросить васъ посылать впредь ваши письма черезъ г-жу Каункую, по такому адресу:

M-rs Kautsky, 122, Regents Park Road, N. W. London.

Письма будутъ пересылаться мнѣ нераспечатанными, а потому нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ двойнымъ конвертамъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ придется теперь очень часто отлучаться изъ Лондона, и я боюсь, чтобы письма, адресованныя обычнымъ способомъ, не стали затериваться, такъ какъ мнѣ пришлось бы положиться въ этомъ случаѣ на сообразительность и аккуратность прислуги.

Мое здоровье въ общемъ превосходно; но оно требуетъ отъ меня однажды въ годъ полнѣйшей праздности недѣль на восемь и основательной перемѣны воздуха. Морское путешествіе всегда оказывается для меня самымъ лучшимъ лекарствомъ. Если черезъ мѣсяцъ я буду чувствовать себя такъ хорошо, какъ я ожидаю, то я немедленно засяду за III-й томъ, который *долженъ* быть доведенъ до конца. Но, пожалуй, лучше не дѣлать никакихъ обѣщаній касательно срока.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

18.

29 октября 1891 г.

Дорогой сэръ!

Когда ваше письмо отъ 21 сентября прибыло сюда, я путешествовалъ по Шотландіи и Ирландіи, и только сегодня я нашелъ время и досугъ, чтобы отвѣтить на него.

Ваше письмо отъ 20 января дѣйствительно пропало, о чемъ я сожалѣю вдвойнѣ: во-первыхъ, потому, что содержавшіяся въ немъ интересныя свѣдѣнія такъ долго не доходили до меня, а во-вторыхъ, потому, что эта пропажа заставила васъ взять на себя трудъ написать его для меня еще разъ. Очень благодарю васъ за это.

„Разведеніе милліонеровъ“ [1])—какъ выражается Бисмаркъ—повидимому, дѣйствительно идетъ въ вашей странѣ гигантскими шагами. Такіе барыши, какіе обнаруживаетъ ваша офиціальная статистика, просто неслыханы въ наши времена въ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ текстильныхъ мануфактурахъ. 10, 15, самое большое 20 процентовъ средней прибыли— а въ очень, очень исключительные годы преуспѣянія 25—30%—считаются здѣсь *хорошей* прибылью. Только во времена дѣтства современной промышленности нѣкоторыя предпріятія съ самоновѣйшими и наилучшими машинами, производившія свои товары съ значительно меньшими затратами труда, чѣмъ требовалось соціальными условіями того времени, были способны доставлять такія нормы прибыли. Въ настоящее время такіе барыши создаются иногда только въ удачныхъ, спекулятивныхъ предпріятіяхъ, при эксплуатированіи какого-нибудь новаго изобрѣтенія,—да и то въ одномъ такомъ предпріятіи изъ ста, тогда когда остальныя оказываются по большей части жалкими неудачами.

Единственная страна, въ которой такія или приблизительно такія прибыли возможны и въ настоящее время, и притомъ въ главныхъ и постоянныхъ отрасляхъ промышленности, это—С.-А. Соединенные Штаты. Здѣсь покровительственный тарифъ, введенный послѣ междуусобной войны, а теперь Макъ-Кинлеевскій тарифъ, привели къ подобнымъ же результатамъ, а потому здѣшнія промышленныя прибыли должны быть и дѣйствительно бываютъ, просто чудовищными. Тотъ фактъ, что это положеніе вещей зависитъ исключительно отъ тарифнаго законодательства, которое можетъ неожиданно измѣниться во всякую данную минуту, вполнѣ достаточенъ, чтобы помѣшать вторженію въ эти отрасли промышленности *иностраннаго* капитала въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ (обширныхъ по сравненію съ размѣромъ вложеннаго въ нихъ отечественнаго капитала), а съ этимъ вмѣстѣ устраняется главный источникъ конкурренціи и пониженія прибылей.

Ваше описаніе перемѣнъ, произведенныхъ этимъ ростомъ новѣйшей промышленности въ жизни народныхъ массъ, а именно,—постепенной гибели домашнихъ промысловъ, покоившихся на *непосредственномъ потребленіи продуктовъ самими производителями*, а затѣмъ мало-помалу и тѣхъ промысловъ, которые велись въ расчетѣ на скупщиковъ-капиталистовъ,—живо напоминаетъ мнѣ главу нашего автора „о возстановленіи внутренняго рынка“, равно какъ и то, что имѣло мѣсто въ большей части Центральной Западной Европы между 1820 и 1840 годами. Французскій и нѣмецкій крестьянинъ-собственникъ живучъ и долго бо-

[1]) Die Züchtung von Millionairen.

рется со смертью; онъ упрямо прозябаетъ еще два или три поколѣнія въ рукахъ ростовщика, прежде чѣмъ достаточно созрѣетъ для того, чтобы продать окончательно свою землю и домъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыми еще не овладѣла вполнѣ новѣйшая промышленность. Въ Германіи крестьянство поддерживаютъ на поверхности воды всякаго рода мелкіе кустарные промыслы, ведущіеся за счетъ капиталистовъ, вродѣ производства трубокъ, игрушекъ, корзинъ и т. п. Крестьянинъ считаетъ ни во что то досужее время, которое остается у него послѣ обработки его маленькаго поля; а потому всякая копейка, получаемая имъ за добавочный трудъ въ это досужее время, кажется ему чистымъ барышемъ; отсюда — разорительно низкія заработныя платы и баснословная дешевизна продуктовъ такихъ промысловъ въ Германіи.

У васъ имѣется сопротивленіе общины внѣшнему натиску (хотя мнѣ сдается, что это сопротивленіе должно значительно ослабѣвать въ постоянной борьбѣ съ новѣйшимъ капитализмомъ); затѣмъ, у васъ имѣется лишній рессурсъ въ арендѣ земель отъ сосѣднихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ это описывается въ вашемъ письмѣ отъ 1 мая; правда, эта аренда обезпечиваетъ землевладѣльцу полученіе прибавочной стоимости, но въ то же время она помогаетъ продолженію прозябанія крестьянина, его дальнѣйшему существованію *какъ крестьянина*; наконецъ, у васъ имѣются кулаки, которые—насколько я вижу—тоже предпочитаютъ держать крестьянина въ своихъ когтяхъ, *какъ предметъ эксплуатаціи*, чѣмъ разорить его разъ навсегда и пріобрѣсть себѣ принадлежащую ему землю; изъ этого я заключаю, что русскій крестьянинъ—тамъ, гдѣ онъ не требуется въ качествѣ рабочаго на сосѣднюю фабрику или въ городъ—тоже очень живучъ и тоже долго и упорно борется со смертью, такъ что нужно долго и много колотить его прежде, чѣмъ онъ рѣшится, наконецъ, умереть.

Громадные барыши, обезпеченные молодой русской буржуазіи, и зависимость этихъ барышей отъ благопріятной жатвы, такъ хорошо выясненная въ вашемъ изслѣдованіи, объясняютъ мнѣ много вещей, которыя иначе казались бы очень темными. Такъ напримѣръ, какъ долженъ былъ бы я растолковать себѣ нижеслѣдующее утвержденіе, прочитанное мною сегодня утромъ въ корреспонденціи изъ Одессы въ одну изъ лондонскихъ газетъ: русскіе коммерческіе классы, повидимому, находятся въ эту минуту подъ властью одной господствующей идеи, а именно — что война есть единственное дѣйствительное лекарство отъ того состоянія угнетенности и недовѣрія, которымъ страдаютъ въ эту минуту всѣ отрасли русской промышленности. Какъ долженъ былъ бы я понять и объяснить себѣ эту фразу, если бы я не зналъ этой полнѣйшей зависимости, искусственно

созданной тарифами промышленности отъ внутреннихъ рынковъ, а слѣдовательно, и отъ характера жатвы въ земледѣльческихъ округахъ, такъ какъ отъ нея зависитъ покупательная сила единственныхъ пріобрѣтателей продуктовъ этой промышленности! А разъ, что этотъ рынокъ ускользаетъ, вслѣдствіе плохого урожая, то что можетъ быть естественнѣе для наивныхъ людей, какъ не добиваться расширенія рынка путемъ успѣшной войны?

Очень интересны ваши замѣтки по поводу того кажущагося противорѣчія, что у васъ хорошая жатва *не всегда* означаетъ необходимымъ образомъ пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Когда мы изучаемъ такимъ образомъ реальныя экономическія отношенія въ различныхъ странахъ и на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся намъ раціоналистическія обобщенія XVIII-го вѣка,— хотя бы, напримѣръ, добраго стараго Адама Смита, который принялъ условія, господствовавшія въ Эдинбургѣ и окрестныхъ шотландскихъ графствахъ, за нормальныя для цѣлой вселенной! Вашъ Пушкинъ уже зналъ это, какъ и то, почему

Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

Въ будущій понедѣльникъ я снова приступлю къ III-му тому и надѣюсь не отрываться больше отъ этого дѣла, пока не покончу съ нимъ совсѣмъ. Это письмо затянулось до сегодня, 31 октября, вслѣдствіе случайнаго перерыва.

19.

Лондонъ, 15 марта 1892 г.

Дорогой сэръ!

Мнѣ почти стыдно отвѣчать на ваши любезныя и интересныя письма отъ 17 и 21 ноября прошлаго года. Но я былъ такъ сильно заваленъ работой! Къ тому же я нахожу, что писать при свѣтѣ газа все еще вредно для моихъ глазъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ они продолжаютъ еще служить мнѣ довольно удовлетворительно. Итакъ, этотъ избытокъ работы и краткость дневного свѣта во время нашей зимы пусть послужитъ мнѣ извиненіемъ въ вашихъ глазахъ.

Ваша страна дѣйствительно проходитъ теперь черезъ очень важный періодъ, полное значеніе котораго трудно оцѣнить въ достаточной степени. Мнѣ кажется изъ вашихъ писемъ, что вы смотрите на нынѣшній неурожай не какъ на несчастную случайность, но какъ на нѣчто необходимое и неотвратимое, какъ на одинъ изъ неизбѣжныхъ спутниковъ того экономическаго развитія, которое началось въ Россіи съ 1861 г. Это также и мое мнѣніе, поскольку я имѣю право судить изъ такой дали. Съ 1861 г. въ Россіи начинается развитіе новѣйшей промышленности по масштабу, достойному великой страны. Во всемъ образованномъ мірѣ давно уже созрѣло убѣжденіе, что въ настоящее время никакая страна не можетъ занять приличествующаго ей мѣста въ кругу цивилизованныхъ націй, если она не обладаетъ промышленными машинами, приводимыми въ движеніе паровою силою, и если она не способна удовлетворять сама—по крайней мѣрѣ, въ очень значительной мѣрѣ—всѣмъ своимъ нуждамъ по части мануфактурныхъ товаровъ. И вотъ, Россія принялась дѣйствовать, исходя изъ этого убѣжденія, и дѣйствовала все время съ великой энергіей. Что она окружила себя оградою покровительственныхъ пошлинъ, это должно считаться лишь слишкомъ естественнымъ, такъ какъ англійское соперничество принудило къ такой политикѣ почти всѣ великія страны; даже Германія, гдѣ *крупная промышленность* успѣшно развилась при *почти полной свободѣ торговли*, присоединилась къ общему хору и перешла въ лагерь протекціонистовъ, только чтобы ускорить тотъ процессъ, который Бисмаркъ называлъ „разведеніемъ милліонеровъ“ (Die Züchtung von Millionairen). Но если Германія вступила на этотъ путь, даже безъ прямой необходимости, то кто же можетъ порицать Россію за то, что *было* для нея безусловной необходимостью, разъ что она порѣшила итти путемъ новѣйшаго промышленнаго развитія?

До нѣкоторой степени, нынѣшнее положеніе вашей страны кажется мнѣ представляющимъ не мало аналогій съ положеніемъ Франціи при Людовикѣ XIV. И тамъ также мануфактуры были приведены въ состояніе усиленнаго оживленія покровительственной системой Кольбера; и тамъ также, черезъ 20 или 30 лѣтъ, пришли къ убѣжденію, что національная мануфактурная промышленность, при существовавшихъ тогда условіяхъ, могла быть создана только насчетъ крестьянства. Натуральное хозяйство крестьянъ было разрушено и замѣщено денежнымъ; внутренніе рынки были созданы и, въ то же самое время, вскорѣ были снова разрушены почти совсѣмъ, по крайней мѣрѣ, на время, путемъ этого же процесса: путемъ того неслыханнаго насилія, съ которымъ новая экономическая необходимость навязывала себя жизни, а также путемъ возрастанія налогового обложенія деньгами и людьми, ставшаго неизбѣжнымъ тогда вслѣдствіе

введенія постоянныхъ армій и рекрутчины; все равно какъ въ настоящее время оно неизбѣжно вызывается у васъ въ Россіи введеніемъ системы всеобщей воинской повинности. И вотъ, какъ только наступила одна или двѣ неудачныхъ жатвы, такъ тотчасъ же возникло по всей странѣ то состояніе всеобщаго разстройства, тревоги и недовольства, которое мы находимъ въ описаніяхъ Буагильбера и маршала Вобана.

Но тутъ есть также и громадная разница, а именно разница между старинною „мануфактурою“ и современною „крупной промышленностью“, которая (со стороны вліянія на крестьянина, на мелкаго земледѣльческаго производителя, владѣющаго собственными средствами производства) соотвѣтствуетъ разницѣ между старинныхъ, гладкоствольнымъ, кремневымъ мушкетомъ 1680 года и современнымъ, магазиннымъ, малокалибернымъ (7,50 миллиметровъ) штуцеромъ образца 1892 года. И кромѣ того, въ то время, какъ въ 1680 году мелкое земледѣліе все еще было нормальнымъ способомъ производства, а аренда крупныхъ имѣній только исключеніемъ, — правда, все *возраставшимъ* исключеніемъ, но все же лишь исключеніемъ, — въ настоящее время арендованіе крупныхъ участковъ, съ примѣненіемъ въ хозяйствѣ разныхъ машинъ, дѣлается правиломъ и все болѣе и болѣе становится почти единственно возможнымъ способомъ земледѣльческаго производства; такъ что крестьянинъ въ настоящее время, повидимому, оказывается осужденнымъ на неизбѣжную гибель.

Помните, что сказалъ нашъ авторъ въ своемъ письмѣ по поводу статьи Жуковскаго? „Если Россія будетъ настойчиво итти по тому пути, на который она вступила въ 1861 году, то русская крестьянская община должна погибнуть“. И вотъ, мнѣ кажется, что какъ разъ теперь его предсказаніе начинаетъ исполняться. Повидимому, приближается моментъ, когда—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ округахъ—вся совокупность старыхъ соціальныхъ устоевъ русской крестьянской жизни не только теряетъ свою цѣнность для отдѣльнаго, индивидуальнаго крестьянина, но становится для него просто кандалами, точь-въ-точь какъ это случилось въ прежнія времена въ Западной Европѣ. И я боюсь, что намъ скоро придется разсматривать вашу общину, какъ мечту о невозвратномъ прошломъ, и считаться въ будущемъ уже съ капиталистической Россіей. Несомнѣнно, что при этомъ теряется великій шансъ [1]), но противъ экономическихъ фактовъ нѣтъ и не можетъ быть никакой помощи. Курьезенъ тутъ только тотъ фактъ, что тѣ самые люди у васъ въ Россіи, которые никогда не устаютъ выхвалять безцѣнное превосходство первобытныхъ русскихъ учрежденій, по сравненію съ учрежденіями гнилого Запада, эти же самые люди

---

[1]) Оригинальнаго, соціальнаго обновленія.

употребляютъ всѣ усилія, чтобы разрушить эти первобытныя учрежденія и замѣстить ихъ учрежденіями гнилого Запада!

Но если русскій крестьянинъ осужденъ превратиться современемъ въ промышленнаго или земледѣльческаго пролетарія, то русскій помѣщикъ, повидимому, тоже осужденъ на гибель. Поскольку простираются мои свѣдѣнія, этотъ классъ земледѣльцевъ обремененъ долгами даже въ еще большей степени, чѣмъ крестьянство, и вынужденъ распродавать понемногу свои владѣнія. Между этими двумя сословіями протискивается, повидимому, въ послѣднее время новый классъ землевладѣльцевъ—деревенскіе кулаки и городскіе мѣщане, которымъ предстоитъ, быть можетъ, стать отцами будущей русской земельной аристократіи?

Неурожай прошлаго года вынесъ все это на яркій дневной свѣтъ, и я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что скрывающіяся тутъ причины имѣютъ вполнѣ соціальный характеръ. Что касается до обезлѣсенія страны, то, наравнѣ съ разореніемъ крестьянства, оно представляетъ въ сущности одно изъ неизбѣжныхъ жизненныхъ условій буржуазнаго общества. Нѣтъ ни одной „цивилизованной" европейской страны, которая не ощущала бы его въ свое время; а Америка [1]) и также, безъ сомнѣнія, Россія ощущаетъ его въ настоящій моментъ. Такимъ образомъ, обезлѣсеніе, въ моихъ глазахъ, въ своей существенной основѣ есть соціальный факторъ, такъ же, какъ и соціальный результатъ. Но въ то же время это есть одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ предлоговъ для заинтересованныхъ сторонъ избѣгнуть порицанія за экономическія неудачи, сведя ихъ къ такой причинѣ, за которую, повидимому, никто не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности.

Неблагопріятный урожай, по моему мнѣнію, только сдѣлалъ *очевиднымъ* то, что, въ *скрытомъ* состояніи, находилось уже и ранѣе. Но онъ страшно ускорилъ быстроту совершающагося тутъ процесса. Нынѣшней весною, въ моментъ посѣва, крестьянинъ будетъ безконечно слабѣе, чѣмъ онъ былъ прошлою осенью, въ моментъ осенняго сѣва, и онъ будетъ призванъ возстанавливать свои силы при условіяхъ гораздо болѣе неблагопріятныхъ, чѣмъ прежнія. Нищій, по уши въ долгахъ, растерявшій свой скотъ, что можетъ онъ подѣлать даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ему удалось перезимовать, не покидая своей земли? Поэтому, мнѣ кажется, что потребуются цѣлые годы, чтобы справиться вполнѣ съ результатами нынѣшняго бѣдствія; ну, а когда этотъ пунктъ будетъ достигнутъ, Россія окажется совсѣмъ иною страною, чѣмъ она была даже еще 1 января 1891 г., а

[1]) Въ Америкѣ я наблюдалъ его самъ 4 года тому назадъ. Тамъ сдѣланы и дѣлаются великія усилія, чтобы бороться съ его послѣдствіями и исправить совершенныя ошибки.

пока намъ приходится утѣшать себя мыслью, что всѣ эти бѣдствія и пр. въ концѣ-концовъ неизбѣжно должны послужить дѣлу общечеловѣческаго прогресса.

Прошлою осенью я послалъ вамъ маленькую книжку—„Происхожденіе Семьи“ и пр., 4 изданіе. Я сдалъ ее заказнымъ порядкомъ и выставилъ мой адресъ на обложкѣ. Такъ какъ она не вернулась ко мнѣ обратно, то я надѣюсь, что вы получили ее.

Очень благодарю васъ за множество высланныхъ мнѣ статей, матеріаловъ и журналовъ, — причемъ статья Менделѣева оказалась особенно интересною, но, повторяю, благодаря массѣ тяжелаго труда, я не могу какъ разъ въ настоящее время посвятить имъ всего того вниманія, какого они заслуживаютъ. До какой степени я былъ заваленъ дополнительной работой, вы поймете и сами, когда я скажу вамъ, что, начиная съ новаго года и вплоть до настоящей минуты (обыкновенно, самое спокойное для меня время), я не имѣлъ возможности посвятить III-му тому ни одного момента!

Ваши поздравленія были переданы въ Парижъ въ свое время.

Съ наилучшими пожеланіями

Вашъ.

Ф. В. Рошеръ.

Чтò, все еще никакихъ свѣдѣній о нашемъ „общемъ другѣ“?

20.

Лондонъ, 18 іюня 1892 г.

Мой дорогой сэръ!

Благодарю васъ за ваши очень интересныя письма отъ 24 марта, 30 апрѣля и 18 мая и приношу вамъ мои извиненія за то, что не отвѣчалъ на нихъ ранѣе. Но я былъ чрезвычайно занятъ и притомъ до такой степени, что не могъ даже удѣлить ни одного момента для III-го тома. Впрочемъ, я надѣюсь вернуться къ нему съ будущей недѣли.

Я убѣжденъ, что оба мы совершенно согласны относительно фактовъ и даже относительно значенія этихъ фактовъ, выражающихъ нынѣшнее экономическое состояніе вашей страны. Но только мнѣ кажется, что нѣкоторыя *ироническія* выраженія моего послѣдняго письма были приняты вами въ серьезномъ смыслѣ и, въ особенности, то, что я сказалъ о нѣкоторыхъ вещахъ, служащихъ въ концѣ-концовъ дѣлу человѣческаго прогресса. Вѣдь въ дѣйствительности нѣтъ ни одного факта въ исторіи, который не послужилъ бы тѣмъ или инымъ путемъ дѣлу человѣческаго про-

гресса, но только путь этотъ бываетъ иногда страшно окольнымъ и кружнымъ. То же можетъ случиться и съ нынѣшнимъ экономическимъ преобразованіемъ вашей страны.

Фактически я желалъ указать съ особенною силою на то, что прошлогодній „неурожай" — употребляя офиціальное его названіе — вовсе не есть изолированное и случайное явленіе, а совершенно необходимое и неизбѣжное послѣдствіе всего развитія Россіи съ окончанія крымской войны; что это есть результатъ перехода отъ общиннаго земледѣлія и патріархальныхъ, домашнихъ промысловъ къ современной промышленности; и что, по моему мнѣнію, это преобразованіе должно въ концѣ-концовъ сдѣлаться опаснымъ для самаго существованія земледѣльческой „общины" и ввести капиталистическую систему даже въ земледѣліе.

Я заключаю изъ вашихъ писемъ, что относительно самихъ этихъ фактовъ вы совершенно согласны со мною; ну, а что касается до вопроса о томъ, нравятся ли они намъ или нѣтъ, то это ужъ совсѣмъ другое дѣло! Вѣдь нравятся ли или не нравятся намъ эти факты, они все равно будутъ продолжать существовать. И чѣмъ полнѣе мы сумѣемъ отрѣшиться отъ вопроса о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, тѣмъ способнѣе мы окажемся къ вѣрному сужденію о самихъ фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ.

Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что нынѣшній внезапный ростъ новѣйшей *крупной промышленности* въ Россіи былъ вызванъ искусственными средствами,—запретительными пошлинами, правительственными субсидіями и т. п. То же самое имѣло мѣсто во Франціи, гдѣ покровительственная система дѣйствовала уже со временъ Кольбера, въ Испаніи, въ Италіи, а съ 1878 года даже въ Германіи; хотя эта страна почти завершила свое промышленное преобразованіе, когда, въ 1878 г., она ввела у себя покровительственныя пошлины съ тою цѣлью, чтобы ея капиталисты могли принудить своихъ внутреннихъ потребителей платить имъ за ихъ товары такія высокія цѣны, которыя дозволили бы имъ продавать эти же товары за границей по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ собственныя издержки производства. И американцы сдѣлали у себя то же самое, чтобы сократить тотъ періодъ, въ продолженіе котораго американскія мануфактуры достигнутъ возможности соперничать въ равныхъ условіяхъ съ Англіей. Что Америка, Франція, Германія и даже Австрія достигнутъ современемъ такого состоянія, при которомъ онѣ окажутся способными къ успѣшному соперничеству съ Англіей на открытомъ міровомъ рынкѣ (по крайней мѣрѣ, относительно большинства важнѣйшихъ товаровъ), это не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Уже и теперь Франція, Америка и Германія сломили въ извѣстной мѣрѣ промышленную монополію Англіи, и это чувствуется здѣсь очень сильно. Но окажется ли и Россія

способною достигнуть такого состоянія? Относительно этого я имѣю свои сомнѣнія, такъ какъ Россія, подобно Италіи, страдаетъ отъ недостатка каменнаго угля въ наиболѣе удобныхъ для промышленности мѣстностяхъ, а кромѣ того—какъ вы сами такъ хорошо развиваете это въ своемъ письмѣ отъ 12/24 марта, — ей приходится бороться съ совершенно отличными историческими условіями. Но затѣмъ мы должны поставить себѣ здѣсь еще другой вопросъ: могла ли Россія въ 1890 г. продолжать существовать и занимать свое положеніе въ европейскомъ мірѣ, какъ чисто земледѣльческая страна, живущая исключительно вывозомъ зерна и покупающая за него всѣ иностранные промышленные продукты? И я убѣжденъ, что мы съ увѣренностью можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ — *нѣтъ*. Нація въ 100 милліоновъ душъ, играющая такую важную роль въ исторіи міра, не могла, при нынѣшнихъ экономическихъ и промышленныхъ условіяхъ, продолжать пребывать въ томъ состояніи, въ которомъ она коснѣла вплоть до крымской войны. Введеніе паровыхъ двигателей и рабочихъ машинъ, попытка изготовлять текстильные и металлическіе продукты при помощи новѣйшихъ средствъ производства, хотя бы только для отечественнаго потребленія, *должна* была быть совершена раньше или позже, но во всякомъ случаѣ *въ какой-то* промежутокъ времени между 1856 и 1880 годами. Если бы такая попытка не была сдѣлана, то ваша отечественная патріархальная промышленность все-равно погибла бы, вслѣдствіе соперничества съ англійскимъ машиннымъ производствомъ, и въ конечномъ результатѣ получилась бы Индія, страна экономически подчиненная великой центральной фабрикѣ,—Англіи. Но даже Индія реагировала покровительственными пошлинами противъ наплыва англійскихъ хлопчатобумажныхъ товаровъ; что же касается до остальныхъ британскихъ колоній, то какъ только которая-нибудь изъ нихъ достигала до самоуправленія, такъ сейчасъ же принималась ограждать свои мѣстныя мануфактуры противъ подавляющей конкурренціи метрополіи. Англійскіе, ослѣпленные отечественными интересами, писатели никакъ не могутъ взять въ толкъ, почему поданный Англіей примѣръ свободы торговли такъ упорно отвергается повсюду и вытѣсняется принципомъ покровительственныхъ пошлинъ. Конечно, они просто *не осмѣливаются* видѣть, что эта—нынѣ почти всеобщая—покровительственная система есть просто болѣе или менѣе разумное (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безусловно глупое) средство самозащиты противъ этой самой англійской свободы торговли, которая довела англійскую промышленную монополію до ея наибольшей высоты. (Глупымъ, напримѣръ, это средство является въ случаѣ Германіи, которая стала великой промышленной страной при свободѣ торговли, и гдѣ таможенное покровительство распространено теперь на земледѣльческіе продукты и сырые матеріалы, что

увеличиваетъ издержки промышленнаго производства!). Я не смотрю на это всеобщее обращеніе къ покровительственной системѣ, какъ на простую случайность, но какъ на реакцію противъ невыносимой промышленной монополіи Англіи. *Форма* этой реакціи, какъ я уже сказалъ, можетъ быть неудачной, неподходящей и даже хуже, но историческая необходимость такой реакціи кажется мнѣ вполнѣ ясной и очевидной.

Всѣ правительства, хотя бы самыя абсолютныя, *въ конечномъ счетѣ* суть только осуществители (executors) экономическихъ необходимостей даннаго національнаго положенія. Они могутъ выполнять предлежащую имъ задачу разными путями, хорошо, худо или посредственно; они могутъ ускорять или замедлять экономическое развитіе съ его политическими и юридическими послѣдствіями, но въ концѣ-концовъ они должны слѣдовать за нимъ. Были ли тѣ средства, съ помощью которыхъ осуществилась промышленная революція въ Россіи, наилучшими для своей цѣли, это совсѣмъ особый вопросъ, обсужденіе котораго завело бы насъ слишкомъ далеко. Для моей цѣли вполнѣ достаточно и того, если я могу доказать, что эта промышленная революція—сама по себѣ—была совершенно неизбѣжна.

То, что вы говорите касательно необходимыхъ спутниковъ такихъ громадныхъ экономическихъ перемѣнъ, совершенно вѣрно, но оно прилагается въ большей или меньшей мѣрѣ ко всѣмъ странамъ, которыя прошли или проходятъ черезъ тотъ же самый процессъ. Истощеніе почвы,—vide (смотри) Америку; обезлѣсеніе страны,—vide Англію, Францію, а въ настоящій моментъ также Германію и Америку; измѣненіе климата, обмелѣніе и усыханіе рѣкъ, вѣроятно, сильнѣе въ Россіи, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, по причинѣ равниннаго характера страны, снабжающей водою эти громадныя рѣки, и вслѣдствіе отсутствія альпійскихъ запасовъ снѣга и льда, вродѣ тѣхъ, что питаютъ Рейнъ, Дунай, Рону и пр. Разрушеніе старыхъ условій земледѣлія, постепенный переходъ къ капиталистической обработкѣ обширныхъ арендныхъ участковъ, все это—процессы, которые завершились уже въ Англіи и въ Восточной Германіи и происходятъ въ настоящее время повсюду. И мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, что крупная промышленность въ Россіи убьетъ земельную общину, если только не произойдутъ иныя великія перемѣны, которыя могутъ сохранить эту вашу „общину“. Весь вопросъ въ томъ, имѣется ли еще въ запасѣ время для такой перемѣны въ общественномъ мнѣніи Россіи, которая сдѣлала бы возможнымъ привить къ общинѣ новѣйшую промышленность и новѣйшее земледѣліе и въ то же самое время видоизмѣнить самую общину такимъ образомъ, чтобы она могла стать подходящимъ и удобнымъ орудіемъ для этой новѣйшей промышленности и для превращенія ея производства изъ капиталистической въ соціализованную форму? Вы должны признать, что

для того, чтобы провести даже въ мысли такую перемѣну, долженъ сначала совершиться громадный прогрессъ въ общественномъ мнѣніи вашей страны. Найдется ли время для совершенія такого прогресса прежде, чѣмъ капиталистическое производство, при содѣйствіи послѣдствій нынѣшняго кризиса, подкопаетъ „общину" черезчуръ глубоко (для ея позднѣйшаго оживленія)? Я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что во многихъ округахъ община оправилась отъ того удара, который она получила въ 1861 г. (какъ это описано у В. В.). Но будетъ ли она способна сопротивляться непрерывнымъ ударамъ, наносимымъ ей промышленнымъ переворотомъ, ежедневно подкрадывающимся къ ней капитализмомъ, разрушеніемъ домашнихъ промысловъ, отсутствіемъ общинныхъ правъ на пастбища и лѣса, переходомъ натуральнаго крестьянскаго хозяйства въ денежное, возростаніемъ богатства и власти „кулаковъ" и „міроѣдовъ"?

Мнѣ нужно еще поблагодарить васъ за тѣ книги, которыя вы имѣли любезность прислать мнѣ, въ особенности за Каблукова и Карышева [1]). Въ настоящій моментъ я до такой степени заваленъ работой, что не имѣлъ возможности въ теченіе 6 мѣсяцевъ прочесть цѣликомъ ни одной книги ни на какомъ языкѣ; поэтому я берегу ваши книги до наступленія моего времени отдыха, въ августѣ мѣсяцѣ. То, что вы говорите о Каблуковѣ, кажется мнѣ совершенно вѣрнымъ, поскольку я могу судить, не прочитавъ самой книги. Земледѣльческій рабочій, не имѣющій ни собственной, ни наемной земли, находитъ себѣ занятіе только на извѣстную часть года, и если ему платятъ *только за этотъ трудъ*, то ему приходится голодать все незанятое время, если только онъ не найдетъ какого-либо иного рода труда на это время; но новѣйшее капиталистическое производство отнимаетъ у него всякій шансъ на такую вспомогательную работу. Это затрудненіе преодолѣвается насколько это возможно въ Западной и центральной Европѣ слѣдующимъ образомъ: 1) Капиталистъ фермеръ или землевладѣлецъ держитъ часть земледѣльческихъ рабочихъ круглый годъ на своей фермѣ и кормитъ ихъ, насколько это возможно, собственными продуктами фермы, такъ, чтобы свести дѣйствительные денежные расходы до наименьшей степени. Такъ дѣлается въ очень значительной степени въ сѣверо-восточной Германіи и въ меньшей степени здѣсь, въ Англіи, хотя здѣшній климатъ допускаетъ выполненіе значительной части земледѣльческихъ работъ въ зимнее время. Кромѣ того, при *капиталистическомъ фермерствѣ* имѣется всегда много работъ, производящихся на фермѣ даже зимою. 2) То, что требуется еще сверхъ этого для поддержанія жизни

[1]) *Н. Карышевъ*. „*Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды*". Эта книга представляетъ II томъ „*Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики*", Дерптъ, 1892. *Н. А. Каблуковъ: Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ*. М. 1884.

земледѣльческаго рабочаго за время зимы—но именно только для поддержанія жизни, а не болѣе—довольно часто добывается трудомъ женщинъ и дѣтей въ новыхъ отрасляхъ домашней промышленности (См. „Капиталъ", гл. 13, 8, д.). Такъ стоитъ дѣло на югѣ и западѣ Англіи, а по отношенію къ мелкому крестьянству,—въ Ирландіи и Германіи. Понятно, что пока преобразованіе хозяйственной системы не совершилось еще вполнѣ, а находится въ процессѣ приспособленія, пагубныя слѣдствія отдѣленія земледѣлія отъ патріархальной, домашней мануфактуры выступаютъ особенно поразительно, что мы какъ разъ и видимъ у васъ, въ Россіи, именно въ данное время.

Это письмо и безъ того уже становится слишкомъ длиннымъ, чтобы я могъ еще пуститься въ подробности по поводу вашего письма отъ 18 мая, но мнѣ кажется, что и въ этомъ письмѣ ваши факты доказываютъ разореніе крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ истощеніе почвы, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что оба эти процесса совершаются въ настоящее время съ непрерывно возрастающей быстротой. Если нынѣшняя система будетъ продолжаться и далѣе, то она должна будетъ завершиться разореніемъ и помѣщиковъ, и мужиковъ, и возникновеніемъ на мѣсто ихъ новаго класса землевладѣльцевъ изъ буржуазныхъ слоевъ. Но этотъ вопросъ имѣетъ еще одну сторону, и я боюсь, что вашъ „Вѣстникъ Финансовъ" не видитъ нужды много распространяться о ней. (Эта сторона есть состояніе государственныхъ финансовъ. Послѣдній парижскій заемъ (1891) долженъ былъ принести 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Заемъ этотъ былъ покрытъ подпиской нѣсколько разъ, но здѣсь ходитъ слухъ, будто бы только 12 милліоновъ были дѣйствительно выплачены русскому правительству, а 8 милліоновъ такъ никогда и не достигли петербургскаго казначейства. Если это случилось во Франціи послѣ Кронштадскихъ демонстрацій, то что же должно случиться, когда начнутся переговоры о заключеніи слѣдующаго займа. А можно ли отложить надолго заключеніе этого новаго займа послѣ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыя были навязаны государственному казначейству послѣднимъ неурожаемъ? Вышнеградскій окажется ли вторымъ Калонномъ и явится ли послѣ него второй Неккеръ?

искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

21.

Лондонъ, 22 Сентября 1892 г.

Мой дорогой сэръ!

Итакъ, мы согласны пока хотя въ этомъ одномъ пунктѣ: что Россія въ 1892 г. не могла существовать, какъ исключительно земле-

дѣльческая страна, что она должна пополнять свое земледѣльческое производство еще и производствомъ промышленнымъ.

Такъ вотъ, я утверждаю теперь, что промышленное производство означаетъ въ настоящее время непремѣнно крупную промышленность, съ приложеніемъ пара, электричества, самодѣйствующихъ прядильныхъ и ткацкихъ станковъ и, наконецъ, съ машиннымъ производствомъ самихъ машинъ. Съ того момента, какъ Россія ввела у себя желѣзныя дороги, введеніе всѣхъ этихъ новѣйшихъ средствъ производства стало для нея предрѣшеннымъ вопросомъ. Вы *должны* имѣть возможность исправлять и чинить ваши собственные локомотивы, вагоны, желѣзныя дороги и пр.; а чтобы дѣлать это дешево, вы должны быть способны *строить* дома всѣ тѣ вещи, которыя вамъ придется исправлять и чинить. Съ того момента, какъ военное дѣло стало одною изъ отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарѣзная артиллерія, скорострѣльныя и магазинныя пушки, магазинныя ружья, пули со стальною оболочкою, бездымный порохъ и пр.), крупная промышленность, безъ которой всѣ эти вещи не могутъ изготовляться, стала и для васъ политической необходимостью. Всѣ эти вещи не могутъ быть изготовляемы безъ высоко-развитаго металлургическаго производства, а металлургическое производство не можетъ развиваться безъ соотвѣтственнаго развитія всѣхъ другихъ отраслей мануфактуры и, въ особенности, текстильной.

Я совершенно согласенъ съ вами, когда вы утверждаете, что началомъ новой промышленной эры для вашей страны слѣдуетъ считать приблизительно 1861 годъ. Крымскую войну дѣйствительно можно характеризовать, какъ безнадежную борьбу націи съ первобытными способами производства противъ націй съ новѣйшими его формами. Русскій народъ прекрасно понялъ это. Отсюда этотъ переходъ къ новымъ формамъ,—переходъ, сдѣлавшійся неустранимымъ и невозвратнымъ послѣ освободительнаго акта 1861 года.

Но разъ мы согласимся съ этой необходимостью и неизбѣжностью перехода отъ первобытныхъ методовъ производства, господствовавшихъ до 1854 г., къ новымъ его методамъ, начинающимъ господствовать теперь, то для насъ становится очень второстепеннымъ вопросъ о томъ, былъ ли выгоднымъ или даже необходимымъ для государства этотъ тепличный процессъ споспѣшествованія промышленной революціи путемъ покровительственныхъ и запретительныхъ пошлинъ, или же лучше было бы дѣйствовать тутъ какъ-нибудь иначе.

Эта тепличная атмосфера въ области промышленности придала совершавшемуся тутъ процессу его острую форму, тогда какъ въ противномъ случаѣ онъ долго еще удерживалъ бы болѣе хроническій характеръ. Это

обстоятельство втѣснило въ краткій періодъ какихъ-нибудь двадцати лѣтъ такое развитіе, которое, при другихъ условіяхъ, заняло бы, быть можетъ, шестьдесятъ лѣтъ или болѣе. Но быстрота развитія ничуть не повліяла на самую природу этого процесса, который, какъ вы говорите, ведетъ свое начало съ 1861 года.

Одна вещь не подлежитъ сомнѣнію: если для Россіи дѣйствительно требовалась собственная крупная промышленность, и если она твердо рѣшилась имѣть ее, то она *не могла* получить ее иначе, какъ при помощи хотя бы *нѣкоторой* степени правительственнаго покровительства (какъ вы допускаете это и сами). Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о покровительствѣ становится только вопросомъ о *степени*, а не о принципѣ; самый же принципъ былъ неизбѣженъ.

И еще одна вещь столь же несомнѣнна: если для Россіи послѣ крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь въ *одной* формѣ, т. е. *въ капиталистической*, а ни въ какой-либо иной. Ну, а вмѣстѣ съ этой формой она обязана была принять также и всѣ тѣ послѣдствія, которыя обыкновенно сопровождаютъ капиталистическую крупную промышленность во всѣхъ другихъ странахъ.

Такъ вотъ, я рѣшительно не вижу, чтобы результаты промышленной революціи, совершающейся на нашихъ глазахъ въ Россіи, отличались въ чемъ-нибудь отъ того, что мы видимъ или видѣли въ Англіи, Германіи и Америкѣ. (Впрочемъ, въ Америкѣ условія земледѣлія и землевладѣнія довольно своеобразны, что дѣйствительно вызываетъ нѣкоторыя различія).

Вы сѣтуете на медленность возрастанія числа рабочихъ въ текстильной промышленности, по сравненію съ возрастаніемъ количества произведенныхъ продуктовъ. Но то же самое имѣетъ мѣсто повсюду. Иначе откуда бы бралось чрезмѣрное изобиліе „промышленнаго резерва"? („Капиталъ", гл. 23, отд. 3 и 4).

Вы доказываете постепенное вытѣсненіе мужского труда трудомъ женщинъ и дѣтей. Но этого и слѣдовало ожидать заранѣе. („Капиталъ", гл. 13, отд. 3, а).

Вы сѣтуете, что товары машиннаго производства вытѣсняютъ продукты домашней промышленности и, такимъ образомъ, губятъ дополнительное, вспомогательное производство, безъ котораго крестьянинъ не можетъ жить. Но мы имѣемъ въ этомъ безусловно необходимое послѣдствіе капиталистической крупной промышленности: созданіе домашняго (внутренняго) рынка („Капиталъ", гл. 24, отд. 5), т. е. то, что происходило въ Германіи уже въ мое время и на моихъ собственныхъ глазахъ. Даже то, что вы говорите далѣе касательно того, что вторженіе хлопчато-бумажныхъ

товаровъ губитъ не только домашнее пряденье и тканье крестьянъ, но также и крестьянскую *культуру льна*, даже это имѣло мѣсто и въ Германіи между 1820 г. и нынѣшнимъ временемъ. И вообще, что касается до этой стороны дѣла, т. е. до уничтоженія домашней промышленности и тѣхъ вѣтвей земледѣлія, на которыя она опирается, то мнѣ кажется, что истинный вопросъ стоитъ здѣсь такъ: русскіе должны рѣшить—будутъ ли ихъ домашнія мануфактуры уничтожены *ихъ собственной* крупной промышленностью, или же это дѣло будетъ выполнено путемъ *ввоза англійскихъ товаровъ*. *При участіи* покровительственныхъ пошлинъ задача эта будетъ исполнена самими *русскими*; *при отсутствіи* покровительства—*англичанами*. Мнѣ лично все это кажется вполнѣ очевиднымъ.

Ваше исчисленіе,—что общая сумма текстильныхъ продуктовъ какъ крупной, такъ и домашней промышленности не возрастаетъ, а остается тою же самою или даже уменьшается,—не только совершенно вѣрно, но оно было бы невѣрнымъ, если бы вы пришли къ другому результату. Пока русская промышленность ограничена только своимъ внутреннимъ рынкомъ, ея продукты могутъ покрывать только внутреннее потребленіе. А это послѣднее можетъ возрастать лишь очень медленно; и мнѣ даже кажется, что, при нынѣшнихъ условіяхъ русской жизни, оно должно скорѣе уменьшаться.

Потому что одно изъ необходимыхъ послѣдствій развитія крупной промышленности заключается именно въ томъ, что она разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ путемъ того самаго процесса, которымъ она создала его. Она создаетъ его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но безъ домашней промышленности крестьянство не можетъ жить. Крестьяне разоряются, *какъ крестьяне*; ихъ покупательная сила сводится до минимума, и пока они не обоснуются въ новыхъ условіяхъ существованія, въ качествѣ *пролетаріевъ*, они будутъ представлять лишь очень жалкій рынокъ для вновь возникшихъ фабрикъ и заводовъ.

Капиталистическое производство, будучи переходною экономическою фазою, преисполнено внутреннихъ противорѣчій, которыя развиваются и становятся очевидными лишь по мѣрѣ его собственнаго развитія. Это стремленіе—создавать себѣ рынокъ и въ то же самое время разрушать его—представляетъ какъ разъ одно изъ такихъ противорѣчій. Другое такое противорѣчіе, это — то „безвыходное положеніе", къ которому оно ведетъ и которое наступаетъ скорѣе въ странѣ безъ внѣшняго рынка—какова Россія,—чѣмъ въ странахъ болѣе или менѣе способныхъ къ соперничеству съ другими на открытомъ міровомъ рынкѣ. Это положеніе безъ всякаго видимаго исхода находитъ, однако, себѣ исходъ у послѣднихъ странъ въ героическихъ средствахъ торговой политики, т. е. въ насиль-

ственномъ открытіи себѣ новыхъ рынковъ. Послѣдній новый рынокъ, открывшійся этимъ путемъ для англійской торговли и оказавшійся способнымъ вызвать временное оживленіе благосостоянія, это—Китай. Поэтому-то англійскій капиталъ такъ настаиваетъ на постройкѣ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но китайскія желѣзныя дороги означаютъ разрушеніе всей основы мелкаго китайскаго земледѣлія и домашней промышленности; причемъ здѣсь это зло не будетъ даже уравновѣшено хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ развитіемъ собственной крупной промышленности, а потому сотни милліоновъ народа будутъ поставлены тутъ въ полную невозможность жить. Послѣдствіемъ этого будетъ такая массовая эмиграція, какой свѣтъ еще не видывалъ раньше и которая затопитъ Америку, Азію и Европу ненавистными китайцами. Этотъ новый соперникъ въ области труда начнетъ соперничать съ американскимъ, австралійскимъ и европейскимъ трудомъ на основѣ китайскихъ понятій объ удовлетворительномъ уровнѣ жизни; а какъ извѣстно, китайскій уровень жизни есть самый низшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ уровней. И вотъ, если вся система производства въ Европѣ не успѣетъ перемѣниться ранѣе наступленія этого момента, то ей придется приступить тогда къ этой перемѣнѣ.

Капиталистическое производство непрерывно работаетъ надъ своей собственной гибелью, и вы можете быть увѣрены, что то же самое оно будетъ дѣлать и въ Россіи. Оно можетъ произвести,—а если оно продолжится достаточно долго, то даже несомнѣнно произведетъ—коренную аграрную революцію,—я разумѣю революцію въ условіяхъ землевладѣнія, которая разоритъ и помѣщика, и мужика, и замѣститъ ихъ новымъ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, вышедшихъ изъ деревенскихъ кулаковъ или изъ городскихъ мѣщанъ-спекуляторовъ. Во всякомъ случаѣ, я убѣжденъ, что почтенные консерваторы, насаждавшіе въ Россіи капитализмъ, будутъ въ одинъ прекрасный день страшно изумлены неожиданными послѣдствіями ихъ собственныхъ дѣлъ.

Истинно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

22.

Лондонъ, 24 февраля 1893 г.

Мой дорогой сэръ!

Простите мое долгое молчаніе. Оно было недобровольно. Мнѣ было нужно сдѣлать усиліе — послѣднее и величайшее усиліе,—чтобы окончить III-й томъ этою зимою и весною. Для достиженія этой цѣли я долженъ былъ воспретить себѣ всякій посторонній трудъ и отказаться даже отъ всякой корреспонденціи, кромѣ безусловно необходимой, а иначе, ничто не удер-

жало бы меня отъ продолженія бесѣды съ вами по поводу такого въ высшей степени интереснаго и важнаго вопроса.

Въ настоящее время я уже окончилъ—за исключеніемъ кое-какихъ, чисто формальныхъ исправленій—*редакцію* V-го отдѣла (банки и кредитъ), наиболѣе труднаго изъ всѣхъ, какъ по степени разработки самого предмета, такъ и *по состоянію оригинальной рукописи*. Теперь у меня остаются еще только два отдѣла, составляющіе около $^1/_3$ всего тома, при чемъ одинъ изъ нихъ—о земельной рентѣ—посвященъ тоже очень трудному предмету, но за то относящаяся сюда рукопись, насколько я помню, гораздо болѣе закончена, чѣмъ рукопись V-го отдѣла, а потому я все еще не теряю надежду справиться съ своею задачею въ отведенное мною на это время. Великая трудность состояла въ томъ, чтобы обезпечить себя 3—5 мѣсяцами безусловной свободы отъ всякихъ перерывовъ, такъ, чтобы посвятить все свое время отдѣлу V-му, и вотъ эта-то трудность можетъ считаться теперь счастливо преодолѣнной. Работая надъ этимъ томомъ, я часто думалъ о томъ громадномъ удовольствіи, которое онъ доставитъ вамъ, когда появится, наконецъ, въ свѣтъ. Я буду высылать вамъ отдѣльные листы, по мѣрѣ ихъ выхода, какъ я это дѣлалъ со вторымъ томомъ.

Ну, а теперь вернемся къ прерванной бесѣдѣ (Maintanant revenons a nos moutons).

Повидимому, мы согласны во всѣхъ пунктахъ, за исключеніемъ одного, который вы затрогиваете въ обоихъ вашихъ письмахъ, отъ 3 октября и 27 января, хотя каждый разъ съ иной точки зрѣнія.

Въ первомъ письмѣ вы спрашиваете: была ли та экономическая перемѣна, которая съ 1854 г. стала совершенно неизбѣжною, перемѣною такого рода, которая, по самой своей природѣ, должна была не содѣйствовать дальнѣйшему развитію историческихъ учрежденій Россіи, а, наоборотъ, подрывать ихъ въ самомъ ихъ корнѣ? Или, говоря иными словами, не могла ли русская сельская община быть взята за основу новаго экономическаго развитія Россіи?

А 27 января вы выражаете ту же идею въ такой формѣ: крупная промышленность сдѣлалась необходимостью для Россіи, но было ли неизбѣжнымъ, чтобы она развивалась непремѣнно въ капиталистической формѣ?

Хорошо. Въ 1854 году или около того Россія тронулась съ мѣста, съ своей сельскою общиною, съ одной стороны, и съ необходимостью въ крупной промышленности, съ другой. Такъ вотъ, если вы возьмете во вниманіе все состояніе вашей страны, какимъ оно было въ этомъ періодѣ, видите ли вы тамъ хоть какую-нибудь возможность привить крупную промышленность къ крестьянской общинѣ, и притомъ въ такой формѣ, которая, съ одной стороны, дѣлала бы возможнымъ развитіе крупной промышлен-

ности, а съ другой, подняла бы эту первобытную общину до уровня соціальнаго учрежденія, далеко превосходящаго все то, что міръ видѣлъ до сихъ поръ по этой части? И это въ то время, когда весь европейскій Западъ все еще продолжаетъ жить подъ властью капиталистическаго режима? Что касается меня, то мнѣ кажется яснымъ до очевидности, что такая эволюція, превосходящая все, что намъ извѣстно изъ предыдущей исторіи, требовала для своего осуществленія совсѣмъ иныхъ экономическихъ, политическихъ и интеллектуальныхъ условій, чѣмъ тѣ, какія имѣлись въ то время въ Россіи.

Несомнѣнно, что земельная община и, до нѣкоторой степени, артель заключали въ себѣ нѣкоторые зародыши, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы развиваться и спасти Россію отъ необходимости пройти черезъ муки капиталистическаго режима. Я вполнѣ подписываюсь подъ письмомъ нашего автора по поводу статьи Жуковскаго. Но и по его мнѣнію и по моему, первое условіе, требовавшееся для этого, заключалось въ наличности нѣкотораго *толчка извнѣ*,—въ измѣненіи экономической системы Европейскаго Запада, въ уничтоженіи капиталистической системы въ тѣхъ странахъ, гдѣ она получила свое начало. Нашъ авторъ, въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ извѣстному старому манифесту, въ 1882 году, отвѣчая на вопросъ о томъ,—не могла ли бы русская община послужить отправнымъ пунктомъ для новаго, болѣе высокаго, соціальнаго развитія,—выразился такъ: „Если измѣненіе экономической системы въ Россіи совпадетъ съ измѣненіемъ экономической системы на Западѣ, такъ, чтобы онѣ пополняли другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ новаго общественнаго развитія“.

Если бы мы, люди Запада, двигались поживѣе въ дѣлѣ нашего собственнаго экономическаго развитія; если бы мы оказались способными опрокинуть капиталистическій режимъ лѣтъ десять или двадцать тому назадъ, ну тогда Россія имѣла бы еще передъ собою время, чтобы сократить путь прогресса и остановить стремленіе ея собственной эволюціи въ направленіи къ капитализму. Къ несчастію, мы движемся слишкомъ медленно и тѣ экономическія послѣдствія капиталистической системы, которыя должны привести ее къ критическому пункту, только начинаютъ развиваться въ настоящее время въ различныхъ окружающихъ насъ странахъ: въ то время какъ Англія быстро утрачиваетъ свою промышленную монополію, Франція и Германія приближаются къ промышленному уровню Англіи, а Америка обѣщаетъ изгнать ихъ всѣхъ съ міроваго рынка какъ по части промышленныхъ, такъ и по части земледѣльческихъ продуктовъ. Перемѣна экономической политики Америки, въ формѣ введенія хотя бы относительной свободы торговли, навѣрное довершитъ гибель англійской промышленной

монополіи и убьетъ въ то же самое время промышленную вывозную торговлю Германіи и Франціи; а затѣмъ долженъ наступить кризисъ—tout ce qu'il y a de plus *fin de siécle* [1]). А пока у васъ община все больше и больше увядаетъ, и намъ остается только надѣяться, что переходъ къ лучшей системѣ на Западѣ совершится достаточно скоро, чтобы спасти—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ вашей страны—тѣ учрежденія, которыя при этихъ новыхъ обстоятельствахъ могутъ оказаться призванными для осуществленія великаго будущаго. Но факты суть факты, и мы не должны забывать, что число благопріятныхъ шансовъ этого рода становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше.

Что касается остального, то я охотно соглашаюсь съ вами въ томъ, что, исходя изъ того факта, что Россія есть *послѣдняя* великая страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, а также изъ того обстоятельства, что она есть въ то же время страна съ *несравненно болѣе многочисленнымъ крестьянскимъ населеніемъ*, чѣмъ гдѣ бы то ни было, мы должны признать, что потрясеніе, произведенное этимъ экономическимъ переворотомъ, должно оказаться здѣсь, уже въ силу только этихъ двухъ обстоятельствъ, гораздо болѣе сильнымъ и острымъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Процессъ замѣщенія около 500000 помѣщиковъ и около 80 милліоновъ крестьянъ новымъ классомъ землевладѣльцевъ буржуазнаго типа не можетъ быть выполненъ безъ страшныхъ страданій и потрясеній. Но исторія, пожалуй, самая жестокая изъ всѣхъ богинь, влекущая свою тріумфальную колесницу черезъ кучи труповъ, не только во время войны, но и въ періоды „мирнаго“ экономическаго развитія. А мы всѣ, мужчины и женщины, все еще такъ глупы, что никакъ не можемъ собраться съ мужествомъ сдѣлать какой-нибудь дѣйствительно прогрессивный шагъ, пока насъ не принудятъ къ этому наши страданія, кажущіяся по временамъ внѣ всякой пропорціи съ достигнутыми цѣлями.

Всегда вашъ

Ф. В. Р.

Пожалуйста, адресуйте г-жѣ К., а не г-жѣ Р.

23.

Лондонъ, 17 октября 1893 г.

Мой дорогой сэръ!

Когда я получилъ ваше письмо отъ 20 іюля, сообщавшее о вашемъ возвращеніи домой, я самъ собирался отправиться на два мѣсяца за гра-

---

[1]) Въ такой формѣ, къ которой дѣйствительно подойдетъ модное названіе „конецъ вѣка“.

вицу и только теперь вернулся изъ этой поѣздки. Въ этомъ и заключается причина моего долгаго молчанія.

Очень благодаренъ вамъ за нѣсколько экземпляровъ вашихъ „Очерковъ". три изъ нихъ я отправилъ друзьямъ, способнымъ судить о такихъ трудахъ. Я былъ радъ видѣть, что ваша книга вызвала значительное вниманіе и даже прямо-таки сенсацію, какъ она дѣйствительно того заслуживала. Между русскими, съ которыми я встрѣчался въ послѣднее время, она служила главнымъ предметомъ разговора. Не далѣе, какъ вчера, одинъ изъ нихъ пишетъ мнѣ: „у насъ на Руси идетъ споръ о „судьбахъ капитализма въ Россіи". Въ берлинскомъ Socialpolitische Centralblatt [1]), Струве напечаталъ большую статью о вашей книгѣ, и я долженъ согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что и для меня также нынѣшняя капиталистическая фаза развитія въ Россіи представляется неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ историческихъ условій, которыя были созданы крымскою войною, способомъ измѣненія взаимныхъ отношеній земледѣльческихъ классовъ въ 1861 г. и, наконецъ, общимъ политическимъ застоемъ во всей Европѣ. Но Струве рѣшительно не правъ, когда онъ сравниваетъ положеніе Россіи съ положеніемъ Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью опровергнуть то, что онъ называетъ вашимъ пессимистическимъ взглядомъ на будущее. Онъ говоритъ, что бѣдственныя послѣдствія новѣйшаго капитализма въ Россіи будутъ побѣждены съ такою же легкостью, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ совершенно забываетъ при этомъ, что Соединенные Штаты представляютъ новое, буржуазное государство съ самаго своего начала; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бѣжавшими отъ европейскаго феодализма съ цѣлью установить чисто-буржуазное общество. Тогда какъ въ Россіи мы имѣемъ основной фундаментъ первобытно-коммунистическаго характера, такъ сказать, предшествующее цивилизаціи родовое общество (Gentilgesellschaft),—правда, разсыпающееся теперь въ прахъ, но все еще служащее тѣмъ фундаментомъ, тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ оперируетъ и дѣйствуетъ капиталистическая революція (потому что это—дѣйствительно соціальная революція). Въ Америкѣ денежное хозяйство установилось вполнѣ болѣе столѣтія тому назадъ, тогда какъ въ Россіи натуральное хозяйство было еще недавно чуть не общимъ правиломъ почти безъ всякаго исключенія. Поэтому всякому должно быть ясно, что въ Россіи занимающая насъ перемѣна должна имѣть гораздо болѣе насильственный и рѣзкій характеръ и сопровождаться несравненно большими страданіями, чѣмъ въ Америкѣ.

Но при всемъ этомъ, мнѣ все же кажется, что вы смотрите на дѣло

[1]) III Jahrgang, № 1, Oct. 1, 1893.

мрачнѣе, чѣмъ можетъ быть оправдано фактами. Несомнѣнно, что переходъ отъ первобытнаго, земельнаго коммунизма къ капиталистическому индустріализму не можетъ произойти безъ ужаснаго перелома внутри общества, безъ исчезновенія цѣлыхъ классовъ и ихъ превращенія въ другіе классы; а какія громадныя страданія, какая растрата человѣческихъ жизней и производительныхъ силъ необходимо предполагается такими перемѣнами, это мы видѣли уже—хотя и и въ меньшемъ масштабѣ—въ исторіи Западной Европы. Но отъ этого еще очень далеко до полной гибели великаго и высоко-одареннаго народа. Быстрое возрастаніе народонаселенія, къ которому мы такъ привыкли, можетъ пріостановиться; беззаботное обезлѣсеніе, въ соединеніи съ экспропріаціей старыхъ помѣщиковъ, такъ же, какъ и крестьянъ, можетъ причинить колоссальную растрату производительныхъ силъ; и все же послѣ всего этого населеніе болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ душъ доставитъ въ концѣ-концовъ очень значительный отечественный рынокъ для очень почтенной *крупной промышленности*; и у васъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, дѣло кончится тѣмъ, что вещи придутъ понемногу въ равновѣсіе,—конечно, если капитализмъ продержится достаточно долго въ самой Западной Европѣ.

Вы сами признаете, что „соціальныя условія въ Россіи послѣ крымской войны не были благопріятны для развитія той формы производства, которую мы унаслѣдовали изъ нашей прошлой исторіи“. Я пошелъ бы еще дальше и сказалъ бы, что ни въ Россіи, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ невозможно развить изъ первобытнаго земельнаго коммунизма какую-либо болѣе высокую соціальную форму, если эта болѣе высокая форма *не существуетъ уже* въ дѣйствительности въ какой-либо другой странѣ и не служитъ такимъ образомъ какъ бы образцомъ для подражанія. Такъ какъ эта болѣе высокая форма—всюду, гдѣ она исторически возможна—является необходимымъ слѣдствіемъ капиталистической формы производства и создаваемаго имъ соціальнаго дуалистическаго антагонизма, то она никакъ не можетъ развиться прямо изъ первобытной земельной общины, иначе какъ въ видѣ подражанія примѣру, уже существующему въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Если бы Западъ Европы былъ достаточно зрѣлъ въ 1860—1870 годахъ для такого преобразованія; если бы это преобразованіе было предпринято тогда Англіей, Франціей и пр.,—ну тогда русскіе были бы дѣйствительно призваны показать, что можетъ быть сдѣлано изъ ихъ „общины“, которая въ то время оставалась еще болѣе или менѣе нетронутой. Но Западъ пребывалъ въ застоѣ и даже не пытался произвести такого преобразованія, а капитализмъ, напротивъ того, развивался все быстрѣе и быстрѣе. Итакъ, Россіи не оставалось никакого иного выбора, кромѣ слѣдующаго: или развить свою „общину“ въ такую форму произ-

водства, отъ которой ее отдѣляло еще много промежуточныхъ историческихъ ступеней и условія осуществленія которой не созрѣли еще тогда даже на Западѣ,—задача, очевидно, невозможная—или же развиваться въ направленіи капитализма. Спрашивается: какой путь могла избрать Россія, кромѣ послѣдняго?

Что касается до „общины", то она остается возможною только до тѣхъ поръ, пока ея члены отличаются другъ отъ друга богатствомъ лишь въ ничтожной степени. Какъ только эти различія станутъ большими; какъ только нѣкоторые ея члены станутъ должниками-рабами другихъ, болѣе богатыхъ членовъ,—такъ община не можетъ долѣе жить. Аѳинскіе кулаки и міроѣды передъ появленіемъ Солона разрушили аѳинскій *родъ* (gens) съ такою же неумолимостью и безпощадностью, съ какими кулаки и міроѣды вашей страны разрушаютъ вашу общину. Я боюсь, что это учрежденіе уже осуждено на гибель. Но, съ другой стороны, капитализмъ открываетъ новыя перспективы и новыя надежды. Посмотрите на то, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ на Западѣ. Великая нація, подобная вашей, переживетъ всякій кризисъ. Не существуетъ ни одного великаго историческаго бѣдствія, которое не уравновѣшивалось и не вознаграждалось бы какимъ-либо историческимъ прогрессомъ. Только modus operandi (способъ дѣйствія) постоянно измѣняется. Que les destinées s'accomplissent! (пусть предопредѣленный жребій исполнится!)

Вашъ

Ф. В. Р.

Какъ только III-й томъ поступитъ въ печать, я озабочусь немедленной высылкой вамъ готовыхъ листовъ по мѣрѣ ихъ отпечатанія.

24.

Лондонъ, 2 марта 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня я посылаю вамъ *заказнымъ* порядкомъ 1—6 листъ III-го тома (до 96-й страницы), содержащей большую часть 1-го отдѣла. Дальнѣйшіе листы послѣдуютъ за этими по мѣрѣ того, какъ они будутъ попадать въ мои руки.

На ваши письма отъ 4 и 23 ноября, а также и на только-что полученное письмо отъ 24 февраля отвѣчу при первой возможности.

Искренно вашъ

Ф. Р.

25.

Лондонъ, 1 іюня 1894 г.

Мой дорогой сэръ!

На прошлой недѣлѣ я выслалъ вамъ 7—16 листы III-го тома и надѣюсь, что вы получили ихъ. Они были сданы заказнымъ порядкомъ и имя отправителя (L. K.) было выставлено на оборотѣ бандероли.

Я радъ слышать объ успѣхѣ вашихъ „Очерковъ" и надѣюсь, что новое изданіе ихъ уже поступило въ печать. Я былъ бы очень радъ, если бы могъ найти нѣмецкаго переводчика для этой книги, но, къ несчастію, большинство переводовъ съ русскаго на нѣмецкій исполняется женщинами, которыя обыкновенно оказываются не особенно хорошо подготовленными для передачи экономическихъ трудовъ.

Премного благодаренъ вамъ за высылку русскаго перевода „Происхожденія Семьи" и пр. Переводъ, поскольку я успѣлъ просмотрѣть его, показался мнѣ очень хорошимъ, да и цензура, повидимому, обошлась съ моей книжкой очень снисходительно.

Листы III-го тома посланы вамъ нѣсколько поздно, но это вина издателя, который очень долго задерживалъ ихъ. Чтеніе корректуры такой книги, какъ эта, представляетъ очень тяжелый трудъ. Вы найдете въ посланныхъ вамъ листахъ рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ различныя нормы прибавочной стоимости выравниваются въ одну и ту же среднюю норму прибыли; а также изложеніе закона, согласно которому норма прибыли стремится непрерывно понижаться; и, наконецъ, объясненіе того способа, посредствомъ котораго торговый или купеческій капиталъ участвуетъ въ распредѣленіи прибавочной стоимости. Все это заканчивается на листѣ 21-мъ, съ котораго открывается 5-й отдѣлъ: распаденіе прибыли на процентъ и „предпринимательскій доходъ"; о денежномъ капиталѣ вообще; банки и кредитъ. Этотъ отдѣлъ заполняетъ цѣлую треть книги, и стоилъ мнѣ болѣе труда и хлопотъ, чѣмъ все остальное. Послѣдняя треть книги состоитъ изъ отдѣла VI: Поземельная рента, и отдѣла VII:—Три рода дохода: рента, прибыль (процентъ), заработная плата.

Въ настоящую минуту уже весь оригиналъ находится въ рукахъ типографщика; и я только теперь вижу, какая громадная масса невыполненныхъ работъ скопилась у меня на рукахъ за это время, такъ какъ, ради окончанія III-го тома, я отодвигалъ въ сторону рѣшительно все, что не было безусловно необходимымъ для данной минуты. Это обстоятельство да послужитъ мнѣ извиненіемъ за то, что я не возвращаюсь сейчасъ къ нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ, обсуждавшимся раньше въ нашей съ вами перепискѣ. Мнѣ сдается, что въ эту минуту у обоихъ насъ

полны руки дѣла, а потому обоимъ намъ удобнѣе отложить обсужденіе этихъ вопросовъ до другого времени.

Искренно вашъ

L. K.

Отчеты о промышленности и земледѣльческомъ развитіи Россіи (выставка въ Чикаго) получены мною. Примите мою сердечную благодарность за нихъ. Они дѣйствительно очень полезны, особенно при сопоставленіи съ вашими „Очерками".

26.

41, Regent's Park Road, N. W.

Лондонъ, 24 ноября 1894 г.

Мой дорогой сэръ!

Я получилъ ваши любезныя письма отъ 7 и 11 іюня, отъ 15 октября и 12 ноября.

Изъ работъ Струве мнѣ извѣстна только его статья въ Braun's Centralblatt, а потому я ничего не могу сказать касательно тѣхъ утвержденій, которыя онъ могъ высказать при какихъ-либо другихъ случаяхъ. Если въ моихъ письмахъ вы найдете какіе-либо *факты*, которые покажутся вамъ полезными для вашего возраженія, то вы можете воспользоваться ими какъ вамъ будетъ угодно. Но что касается до моихъ *мнѣній*, то я боюсь, что ваши оппоненты—если не самъ Струве, то другіе представители русской прессы—могутъ воспользоваться ими такимъ образомъ, который совсѣмъ не оправдывается ихъ дѣйствительнымъ смысломъ. Мои русскіе друзья чуть не ежедневно и еженедѣльно пристаютъ ко мнѣ съ просьбами выступить съ моими возраженіями противъ русскихъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ слова нашего автора подвергаются не только ложнымъ истолкованіямъ, но и неправильной передачѣ; причемъ эти друзья увѣряютъ, что моего вмѣшательства будетъ достаточно, чтобы привести дѣло въ надлежащій порядокъ. Но я постоянно и неизмѣнно отклоняю всѣ такія предложенія потому, что не могу я, не покидая настоящаго и серьезнаго труда, дозволить втянуть себя въ полемику, происходящую въ отдаленной странѣ, на языкѣ, на которомъ я все еще не могу читать такъ легко и свободно, какъ на лучше извѣстныхъ мнѣ западныхъ языкахъ, и въ литературѣ, отъ которой въ лучшемъ разѣ доходятъ до меня лишь кое-какіе случайные отрывки, и гдѣ мнѣ рѣшительно невозможно слѣдить за споромъ сколько-нибудь настойчиво и близко, во всѣхъ его фазахъ и подробностяхъ. Повсюду имѣются люди, которые, занявъ однажды извѣстную позицію, ничуть не стѣсняются, ради ея защиты, прибѣгать къ иска-

женію чужихъ мыслей и ко всякимъ нечестнымъ уловкамъ; и если это имѣло мѣсто по отношенію къ трудамъ нашего автора, то я боюсь, что и со мною обойдутся не лучше и, такимъ образомъ, принудятъ меня въ концѣ-концовъ вмѣшаться въ споръ ради защиты сначала другихъ, а потомъ и себя самого. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мои мнѣнія, высказанныя въ частныхъ письмахъ, появились въ русской прессѣ, съ моего предварительнаго согласія, то я не имѣлъ бы послѣ этого никакого оправданія въ глазахъ моихъ русскихъ друзей—здѣсь и на континентѣ,—которые настойчиво побуждаютъ меня къ дѣятельному вмѣшательству въ русскіе споры съ цѣлью исправить мнѣніе того или другого писателя по тому или другому пункту. У меня не будетъ тогда никакихъ вѣскихъ отговорокъ для отклоненія подобныхъ предложеній, такъ какъ они всегда будутъ вправѣ сказать мнѣ: но вы *уже вмѣшивались* однажды въ русскіе споры; вы должны сознаться, что данный случай совершенно также важенъ, какъ и случай г. N., а потому обойдитесь съ нами, пожалуйста, такъ, какъ вы обошлись съ нимъ. И тогда мое время перестанетъ быть моимъ, а мое вмѣшательство въ русскіе споры все же окажется въ концѣ-концовъ весьма неполнымъ и малоуспѣшнымъ.

Вотъ тѣ причины, которыя принуждаютъ меня, къ моему глубочайшему сожалѣнію, просить васъ не настаивать на вашемъ желаніи цитировать мои *мнѣнія* или, по крайней мѣрѣ, приводите ихъ *не какъ мои*.

Я постараюсь выслать вамъ продолженіе того, что вы уже получили.

Истинно вашъ

L. K.

27.

41, Regent's Park Road. N. W.

Лондонъ, *9 января 1895 г.*

Мой дорогой сэръ!

Ваше письмо отъ 1 декабря получено мною исправно. Что хочетъ сказать Струве, говоря, что Marx *дополняетъ* теорію народонаселенія Мальтуса, а *не опровергаетъ* ее, этого я не понимаю [1]). Мнѣ кажется, что замѣтка о Мальтусѣ—въ I-мъ т., примѣчаніе 75 къ гл. XXIII, 1—должна была показаться достаточно ясною для каждаго. Кромѣ того, я рѣшительно не вижу, какимъ образомъ кто бы то ни было можетъ говорить о *дополненіи* теоріи Мальтуса въ настоящее время, когда мы знаемъ, что

---

[1]) „Теорія населенія Маркса дополняетъ, но не опровергаетъ теоріи Мальтуса—таково наше мнѣніе". *П. Струве*: *„Критическія замѣтки"* СПБ. 1894, стр. 184, выноска.

теорія эта покоится на утвержденіи, что *населеніе постоянно перерастаетъ средства существованія*, а между тѣмъ пшеница продается сейчасъ въ Лондонѣ по 20 шиллинговъ за квартеръ, т. е. болѣе чѣмъ на половину дешевле средней ея цѣны отъ 1848 до 1870 г., и когда, по всеобщему признанію, *средства къ существованію перерастаютъ теперь населеніе*, которое недостаточно велико, чтобы потребить ихъ! И если въ Россіи крестьянинъ вынужденъ продавать тотъ хлѣбъ, который онъ долженъ бы былъ ѣсть самъ, то, конечно, онъ дѣлаетъ это не подъ давленіемъ размножившагося населенія, а подъ давленіемъ сборщика податей, землевладѣльца, кулака и пр. Поскольку мнѣ извѣстно, низкая цѣна аргентинской пшеницы имѣетъ большее вліяніе на бѣдствія земледѣлія по всей Европѣ, включая сюда и Россію, чѣмъ что бы то ни было другое.

Я только-что услышалъ, что одинъ изъ вашихъ петербургскихъ ученыхъ получилъ офиціальное увѣдомленіе, что онъ можетъ получить III-й томъ безъ всякихъ помарокъ, если самолично обратится за нимъ въ цензурное вѣдомство. Я счелъ не безполезнымъ сообщить вамъ этотъ фактъ на тотъ случай, что онъ можетъ побудить васъ дать мнѣ какія-нибудь особыя указанія насчетъ доставленія вамъ остальныхъ листовъ этого тома, которые я держу наготовѣ для васъ.

Истинно вашъ

L. K.

Обратите, пожалуйста, вниманіе на перемѣну номера дома.

28.

41, Regent's Park Road, N. W..

Лондонъ, 5 *марта* 1895 *г.*

Мой дорогой сэръ!

Мнѣ очень прискорбно сообщить вамъ, въ отвѣтъ на ваше любезное письмо отъ 29 января, что въ бумагахъ нашего автора не оказалось никакихъ замѣтокъ касательно его взглядовъ на положеніе земельной собственности въ Россіи и его выводовъ и заключеній по этому предмету. Все, что я нашелъ по этой части, были просто многочисленныя и обширныя выписки изъ русскихъ источниковъ—статистическихъ и вообще экономическихъ—выписки, даже не пересыпанныя на этотъ разъ, *въ противность* всегдашнимъ привычкамъ автора, его собственными замѣчаніями и разсужденіями.

Я влагаю въ этотъ конвертъ письмо, полученное для васъ изъ Берлина, причемъ упоминаемый въ немъ г. Э. [1]) проситъ меня прибавить

[1]) Т. е. самъ же Энгельсъ.

слѣдующія свѣдѣнія: Нѣсколько времени тому назадъ г. Э. получилъ отъ доктора Люкса, пишущаго по экономическимъ предметамъ, запросъ, заслуживаютъ ли ваши „Очерки“ перевода на нѣмецкій языкъ, и если да, то не согласенъ ли г. Э. посодѣйствовать чѣмъ-нибудь изданію такого перевода? На это г. Э. отвѣтилъ, что онъ былъ бы очень радъ увидѣть нѣмецкій переводъ этой книги и что онъ не только согласенъ рекомендовать Дицу издать ее, но охотно напишетъ о ней статью въ Neue Zeit, въ которой укажетъ на важность результатовъ вашихъ изслѣдованій, но въ то же самое время заявитъ, что онъ не совсѣмъ согласенъ съ нѣкоторыми изъ заключеній, къ которымъ вы пришли. При этомъ г. Э. прибавилъ, что онъ, Э., не имѣетъ такого права разрѣшать или не разрѣшать перевода этой книги, а потому посовѣтовалъ будущему переводчику, другу доктора Люкса, обратиться за дозволеніемъ прямо къ вамъ. Чтобы избѣжать всякой нескромности, г. Э. настаивалъ, чтобы это письмо было послано вамъ черезъ его посредство.

Говорятъ, что переводчикъ — проживающій въ Берлинѣ молодой русскій—вполнѣ способенъ выполнить этотъ трудъ (такъ говоритъ жена доктора Люкса, русская родомъ), а самъ докторъ Люксъ обѣщалъ просмотрѣть нѣмецкій текстъ, чтобы обезпечить достоинство языка. Говорятъ также, что переводчикъ самъ занимается экономическими предметами, а потому не чуждъ содержанію вашей книги.

Прилагаемое письмо, повидимому, исходитъ изъ *увѣренности заранѣе* въ вашемъ согласіи, которое какъ бы уже дано; по крайней мѣрѣ, я не нахожу въ немъ никакого слѣда формальной просьбы къ вамъ по по этому поводу. Я знаю, что *нѣкоторые* изъ молодыхъ русскихъ держатся того мнѣнія, что такая просьба есть чистая формальность, въ которой нѣтъ никакой необходимости, но не таково мое мнѣніе; а потому, если вы склонны вообще вступить въ переговоры съ г. К. по поводу его предложенія, то мнѣ кажется, что легкій намекъ въ въ этомъ направленіи могъ бы принести молодому человѣку только пользу.

Что касается до меня лично, то я не знаю ровно ничего о предполагаемомъ переводчикѣ.

Если вы пожелаете отправить вашъ отвѣтъ г. К. черезъ меня, то я озабочусь, чтобы онъ пошелъ далѣе безъ всякой потери времени.

Искренно вашъ

L. K.

29.

41, Regent's Park Road, N. W.

Лондонъ, 4 іюня 1895 г.

Мой дорогой сэръ!

Я не совсѣмъ здоровъ въ настоящее время (хотя болѣзнь моя и не серьезна), а потому я принужденъ ограничиваться въ дѣлѣ переписки лишь безусловно необходимымъ.

Я препроводилъ г. Конову присланныя вами дополненія и измѣненія и попросилъ его переписываться впредь непосредственно съ вами, для чего и сообщилъ ему вашъ адресъ. Его же адресъ таковъ:

Andrei Konow

Augsburgerstrasse, 37-III Berlin.

Въ надеждѣ имѣть вскорѣ возможность сообщить болѣе благопріятныя свѣдѣнія о себѣ, остаюсь

Искренно вашъ

L. K.

5-го августа 1895 года Энгельсъ скончался.

Письмо дочери Маркса—Элеоноры.

The Den,
Jews Walk,
Sydenham
London.
17. 12. 96.

Мой дорогой сэръ!

Не могу выразить съ какимъ удовольствіемъ я получила ваше письмо: оно напомнило мнѣ, какъ радовался всегда мой дорогой отецъ всякому извѣстію о васъ.

Переводъ еще не пришелъ, но когда онъ получится, я буду очень дорожить имъ, хотя онъ навсегда останется для меня... русскимъ [1]).

Конечно, я позабочусь о томъ, чтобы вы получили готовые листы IV-го тома по мѣрѣ ихъ выхода изъ печати. Только я побаиваюсь, что

---

[1]) Т. е. непонятной тарабарщиной. „Капиталъ“, т. III.

пройдетъ еще долгое время, прежде чѣмъ они могутъ быть готовы. Работа надъ ними *очень* трудна. Я ввѣрила ее Каутскому, такъ какъ и я, и моя сестра чувствуемъ обѣ, что это—единственный человѣкъ, могущій справиться съ этой задачей удовлетворительнымъ образомъ. Я знаю, что также думалъ и Энгельсъ.

А пока я желаю послать вамъ недавно вышедшее новое изданіе „Нищеты Философіи", а также только-что выпущенный мною томъ, заключающій перепечатку статей моего отца изъ „Нью-Іоркской Трибуны" [1]. Книжка подъ заглавіемъ „Революція и контръ-революція въ Германіи" представляетъ въ высшей степени цѣнный pendant къ „18 Брюмера". Всѣ эти книги у меня уже готовы, но я все колеблюсь насчетъ того, *какъ* всего лучше доставить ихъ вамъ. Не будете ли вы настолько любезны, чтобы написать мнѣ пару строкъ по этому поводу?

Повидимому, у васъ не имѣется никакихъ новыхъ свѣдѣній о состояніи здоровья нашего дорогого „общаго друга"? [2]. Изъ всего того, что я слышу, я вывожу печальное заключеніе, что нѣтъ почти никакихъ шансовъ, чтобы онъ поправился вполнѣ отъ постигшей его болѣзни.

Съ искреннимъ привѣтомъ и всякими добрыми пожеланіями

остаюсь

преданная вамъ

Элеонора Марксъ-Эвелингъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о книгѣ, изданной фирмой Swan Sonnenschein въ Лондонѣ: *The Eastern Question, A reprint of Letters written 1853—1856 dealing with the events of the Crimean War*. By Karl Marx. 1897. Большой томъ въ 656 страницъ.

[2]) Г. А. Лопатинъ.

Отрывки изъ писемъ Маркса и Энгельса къ Зорге, Больте и другимъ [1]).

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ у насъ письмамъ Маркса и Энгельса къ Николаю—ону, помѣщаемъ нѣкоторые отрывки, относящіеся къ Россіи, русскимъ личностямъ и дѣламъ, изъ писемъ Маркса и Энгельса къ Зорге, Больте и другимъ. Помѣщаемъ мы эти отрывки отчасти для полноты картины, а отчасти для того, чтобы показать, что мы были правы, не желая выбрасывать рѣзкихъ мѣстъ, касающихся Бакунина, Нечаева и пр. Какъ видитъ читатель, эти рѣзкости давно уже обращаются въ иностранной прессѣ и не могутъ быть уничтожены нашими умолчаніями. Переводъ этихъ отрывковъ сдѣланъ также Г. А. Лопатинымъ.

Редакція.

I.

ИЗЪ ПИСЬМА К. МАРКСА КЪ Ф. БОЛЬТЕ

отъ 23 ноября 1871.

2. Я былъ въ высшей степени удивленъ, видя, что нѣмецкая секція № 1 заподозрѣла генеральный совѣтъ въ какомъ-то пристрастіи къ буржуазнымъ филантропамъ и разнымъ политическимъ сектантамъ и аматерамъ съ ихъ группами, тогда какъ дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ.

Интернаціоналъ былъ учрежденъ именно для того, чтобы на мѣсто соціалистическихъ и полусоціалистическихъ сектъ поставить дѣйствительную организацію рабочаго класса для предстоящей борьбы. Первоначальные статуты и вступительное обращеніе (Inauguraladresse) обнаруживаютъ это съ перваго же взгляда. Съ другой стороны, приверженцы Интернаціонала не могли бы укрѣпиться и устоять, если бы ходъ исторіи не разбилъ уже сектантства. Развитіе соціалистическаго сектантства и дѣйствительнаго рабочаго движенія стоятъ всегда въ обратномъ отношеніи одно къ другому. До тѣхъ поръ, пока существованіе сектъ оправдывается исторіей, рабочій

[1]) Briefe und Auszüge aus Briefen von J. Ph. Becker, J. Dietzgen, F. Engels, K. Marx u. A. an F. Sorge und Andere.—Stuttgart, 1906.

классъ еще не дозрѣлъ до самостоятельнаго историческаго движенія. Какъ только онъ достигаетъ до такой зрѣлости, всѣ секты становятся существенно реакціонными. Между тѣмъ, въ исторіи Интернаціонала повторилось то же, что мы видимъ повсюду въ исторіи: устарѣвшее постоянно стремится воскреснуть и укрѣпиться вновь посреди новосозданныхъ формъ.

И потому исторія Интернаціонала была *непрерывной борьбой генеральнаго совѣта* противъ сектъ и аматерскихъ попытокъ укрѣпиться внутри самого же Интернаціонала противъ дѣйствительнаго движенія рабочаго класса. Эта борьба велась и на конгрессахъ, но всего больше путемъ частной переписки и переговоровъ генеральнаго совѣта съ отдѣльными секціями.

Такъ какъ въ Парижѣ приверженцы Прудона (мютюалисты) были въ числѣ основателей Международной Ассоціаціи, то естественно, что въ первые годы они стояли тамъ у кормила правленія. Но позднѣе здѣсь естественно сложились и другія группы: коллективистовъ, позитивистовъ и проч.

Въ Германіи имѣлась клика Лассаля. Я самъ въ продолженіе двухъ лѣтъ переписывался съ пресловутымъ Швейцеромъ и доказалъ ему неопровержимымъ образомъ, что Лассалевская организація есть чисто сектантская организація, и что она, какъ таковая, враждебна той организаціи дѣйствительнаго рабочаго движенія, къ которой стремится Интернаціоналъ. Но Швейцеръ имѣлъ свое „основаніе“ (Grund) не понимать меня.

Въ концѣ 1868 года вступилъ въ Интернаціоналъ русскій Бакунинъ съ тою цѣлью, чтобы образовать внутри его, подъ собственнымъ главенствомъ, *второй Интернаціоналъ* подъ именемъ Союза Соціалистической Демократіи (Alliance de la Democratie Socialiste). Онъ—человѣкъ безъ всякихъ теоретическихъ познаній—заявлялъ претензію представлять въ этой особенной группѣ *научную* пропаганду Интернаціонала и даже сдѣлалъ изъ этой пропаганды спеціальное призваніе этого *второго Интернаціонала* въ нѣдрахъ первоначальнаго основного Интернаціонала.

Его программа представляла просто безпорядочно нахватанную отовсюду мѣшанину:—*равенство классовъ* (!), *уничтоженіе права наслѣдованія*, какъ *исходный пунктъ* соціальнаго движенія (сенсимонистская глупость), *атеизмъ*, какъ заранѣе предписанное всѣмъ сочленамъ ученіе, и, наконецъ, какъ главный догматъ (прудонистскій),—*воздержаніе отъ политической дѣятельности*.

Эта ребяческая проповѣдь нашла сочувствіе (а отчасти пользуется имъ и до сихъ поръ) въ Италіи и Испаніи, гдѣ реальныя условія рабочаго движенія еще мало развиты, а также и у нѣкоторыхъ честолюбивыхъ, тщеславныхъ и пустыхъ доктринеровъ романской Швейцаріи и Бельгіи.

Для Бакунина его ученіе (т. е. весь этотъ вздоръ, понадерганный изъ Прудона, Сен-Симона и др.) представляло и представляетъ очень второстепенный интересъ и служитъ только средствомъ для его личнаго возвеличенія. Будучи нулемъ, какъ теоретикъ, онъ, какъ интриганъ, находится вполнѣ въ своей стихіи.

Генеральному совѣту приходилось цѣлые годы бороться съ этимъ заговоромъ, при чемъ французскіе прудонисты, а именно въ Южной Франціи, поддерживали его до извѣстной степени въ этой борьбѣ. Наконецъ, посредствомъ постановленій Лондонской конференціи — I, 2 и 3, IX, XVI и XVII—ему удалось нанести своимъ противникамъ давно подготовлявшійся рѣшительный ударъ [1]).

Само собой разумѣется, что Генеральный Совѣтъ не можетъ поддерживать въ Америкѣ то, противъ чего онъ боролся въ Европѣ. Постановленія I, 2 и 3, а также IX даютъ теперь нью-іоркскому комитету законное оружіе, чтобы положить конецъ всякому сектантству и аматерскимъ группамъ, а, въ случаѣ нужды, даже исключить ихъ изъ Ассоціаціи.

3. Нью-іоркскій комитетъ хорошо сдѣлаетъ, если выскажетъ свое полное согласіе съ постановленіями конференціи *въ оффиціальномъ письмѣ* по адресу *Генеральнаго Совѣта*.

Бакунинъ—угрожаемый лично XIV-мъ постановленіемъ, требующимъ опубликованія въ Egalité Нечаевскаго процесса, вслѣдствіе чего его гнусныя русскія дѣла вынырнутъ на дневной свѣтъ, — употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы съ остатками своихъ приверженцевъ возбудить протестъ противъ конференціи.

Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ союзъ съ нравственно опустившейся частью французской эмиграціи въ Женевѣ и Лондонѣ (впрочемъ, численно очень незначительной ея частью). Данный имъ лозунгъ заключается въ увѣреніи, будто бы въ Генеральномъ Совѣтѣ царствуетъ *пангерманизмъ* (или, что тоже, Бисмаркизмъ). Этимъ указывается на тотъ *непростительный* фактъ, что я по происхожденію нѣмецъ и дѣйствительно

[1]) Постановленія I, 2 и 3 Лондонской конференціи запрещаютъ отдѣльнымъ вѣтвямъ, секціямъ и пр. Интернаціонала именовать себя какимъ-либо сектантскими названіями и предписываютъ имъ называться просто секціями, вѣтвями, и пр. Международной Ассоціаціи Рабочихъ, съ присовокупленіемъ имени своей мѣстности. Постановленіе IX настаиваетъ на необходимости политической дѣятельности рабочаго класса и заявляетъ, что его экономическое движеніе и политическая дѣятельность связаны между собою неразрывнымъ образомъ. Постановленіе XVI объявляетъ вопросъ о Союзѣ Соціалистической Демократіи упраздненнымъ послѣ того, какъ секретарь этого союза Жуковскій объявилъ его распущеннымъ. А постановленіе XVII разрѣшаетъ юрскимъ секціямъ Швейцаріи принять имя Юрской Федераціи и высказываетъ порицаніе ихъ органамъ „Прогрессъ“ и „Солидарность“.

имѣю рѣшительное умственное вліяніе на Генеральный Совѣтъ. (Замѣтьте себѣ, что *нѣмецкій* элементъ въ совѣтѣ *численно* на двѣ трети слабѣе, чѣмъ *англійскій*, и на столько же слабѣе *французскаго*. Значитъ, грѣхъ заключается въ томъ, что англійскіе и французскіе элементы *теоретически* подчиняются (!) нѣмецкому, да еще находятъ это подчиненіе, т. е. нѣмецкую науку, очень полезнымъ и даже неизбѣжнымъ).

Въ Женевѣ эти люди выпустили, подъ патронажемъ буржуазки г-жи Андре Лео (имѣвшей безстыдство на Лозанскомъ конгрессѣ донести на Ферре его версальскимъ палачамъ), газетку „Соціальная Революція", которая полемизируетъ съ нами почти буквально въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ Journal de Genève, самая реакціонная газета въ Европѣ.

Въ Лондонѣ они попытались основать французскую секцію, образчикъ дѣятельности которой вы найдете въ прилагаемомъ при семъ 42-мъ нумерѣ газеты Qui Vive. (Прилагаю также тотъ нумеръ, который содержитъ письмо нашего французскаго секретаря Серралье). Эта секція, состоящая изъ двадцати душъ (между которыми много сыщиковъ), не признана Генеральнымъ Совѣтомъ, который утвердилъ другую, болѣе численную, французскую секцію.

На дѣлѣ, несмотря на интриги этой св....., мы ведемъ очень успѣшную пропаганду во Франціи и даже въ Россіи, гдѣ умѣютъ цѣнить Бакунина по его достоинству и гдѣ какъ разъ теперь печатается по-русски моя книга о Капиталѣ.

Секретаремъ только-что названной (не признанной нами и находящейся въ полномъ разложеніи) французской секціи былъ тотъ самый Дюранъ, котораго мы исключили изъ Ассоціаціи, какъ тайнаго полицейскаго агента (mouchard). Бланъ и Альберъ Ришаръ изъ Ліона, проповѣдующіе бакунистское воздержаніе отъ политики, состоятъ теперь *платными бонапартистскими агентами*. Доказательства этому у насъ въ рукахъ. Корреспондентъ изъ Безье (въ южной Франціи) Бурне (принадлежащій къ той же Женевской шайкѣ), по донесенію намъ тамошней секціи, тоже оказывается полицейскимъ агентомъ.

II.

ИЗЪ ПИСЬМА МАРКСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 23 мая 1872 г.

Любезный Зорге!

Пишу со всею поспѣшностью лишь нѣсколько строкъ, потому что я чрезмѣрно занятъ.

Помимо дѣлъ по Интернаціоналу—а ихъ у меня выше головы и

все спѣшныхъ—мнѣ приходится исправлять ежедневно корректурные листы второго нѣмецкаго изданія „Капитала" (оно выходитъ выпусками) и корректуры французскаго перевода, выходящаго въ Парижѣ, причемъ мнѣ часто приходится передѣлывать эти послѣднія совсѣмъ заново, чтобы сдѣлать предметъ яснымъ для французовъ; да, кромѣ того, имѣются еще корректуры нашего „Манифеста по поводу междоусобной войны", который мы издаемъ въ Брюсселѣ на французскомъ языкѣ. Вы будете, конечно, постоянно получать отъ насъ и нѣмецкіе и французскіе выпуски. Въ Петербургѣ появился превосходный русскій переводъ („Капитала"). Русская соціалистическая газета „Новое Время" [1]) (я перевожу заглавіе на нѣмецкій, самая же газета издается, понятно, по-русски) напечатала недавно похвальную передовицу въ цѣлыхъ пять столбцовъ по поводу моей книги, причемъ эта передовица должна была служить лишь введеніемъ къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ статей. Но газета вскорѣ получила за это полицейское предостереженіе съ угрозою закрыть ее совсѣмъ.

III.

ИЗЪ ПИСЬМА МАРКСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 21 іюня 1872 г.

Что касается моего „Капитала", то первый нѣмецкій выпускъ его появится на слѣдующей недѣлѣ; тогда же выйдетъ въ Парижѣ и первый французскій выпускъ. Вы будете непрерывно получать отъ меня, какъ лично для себя, такъ и для кое-кого изъ вашихъ друзей, по нѣскольку экземпляровъ этихъ выпусковъ—на томъ и другомъ языкѣ—по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ. Французское изданіе (на заглавномъ листѣ котораго стоитъ совсѣмъ не для фразы—entièrement révisée par l'auteur [2]), потому что мнѣ пришлось чертовски потрудиться надъ нимъ) отпечатано въ 10000 экземпляровъ, изъ которыхъ 8000 уже запродано еще ранѣе выхода перваго выпуска.

Въ Россіи представляются въ цензуру уже совсѣмъ отпечатанныя книги, прежде ихъ выпуска въ публику; причемъ, если цензура не желаетъ допустить выхода ихъ въ свѣтъ, она обязана обжаловать ихъ передъ судомъ.

Такъ вотъ, мнѣ пишутъ изъ Россіи насчетъ русскаго перевода моей книги (который выполненъ мастерски): „Въ цензурномъ комитетѣ дѣло просмотра взяли на себя двое цензоровъ, которые и представили комитету свои

---

[1]) Газета „Новое Время", издававшаяся Ѳ. Устряловымъ подъ редакціей Н. Сухомлина. Передовица въ № 106 отъ 23 апрѣля (5 мая) 1872 г.

[2]) Совершенно переработанное авторомъ.

заключенія по этому поводу. Еще ранѣе разсмотрѣнія книги было постановлено принципіально не задерживать книги изъ-за одного только имени автора, но изслѣдовать самымъ тщательнымъ образомъ, насколько она дѣйствительно соотвѣтствуетъ своему заглавію. Вотъ вкратцѣ сущность заключенія, единогласно принятаго цензурнымъ комитетомъ и представленнаго имъ на усмотрѣніе главнаго управленія по дѣламъ печати:

„Хотя сочинитель по своимъ убѣжденіямъ совершенный соціалистъ и хотя его книга носитъ вполнѣ опредѣленный соціалистическій характеръ, однако же, принимая въ соображеніе, что изложеніе ея отнюдь не можетъ быть названо общедоступнымъ и понятнымъ для всякаго, и что, съ другой стороны, способъ доказательства автора облеченъ повсюду въ строго математическую, научную форму, комитетъ находитъ невозможнымъ подвергнуть это сочиненіе судебному преслѣдованію“. Послѣ такого постановленія книга получила разрѣшеніе на выходъ въ свѣтъ. Она напечатана въ 3000 экземпляровъ. Поступила она въ продажу 27 марта, а 15 мая было уже распродано 1000 экземпляровъ.

Дико-первобытный и глубоко-невѣжественный неучъ Гейнценъ, въ своемъ извѣщеніи о выходѣ моей книги, очень потѣшался надъ стоящею на ея заглавномъ листѣ фразою: „издатель удерживаетъ за собою право на переводъ“. Кому придетъ въ голову переводить такую безсмыслицу. Вѣдь книга ясно написана лишь съ тою цѣлью, чтобы ея не понялъ Карлъ Гейнценъ.

IV.

ИЗЪ ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 21 сентября 1872 г.

Люкенъ увезъ бумаги коммиссіи въ Брюссель и приводитъ тамъ теперь въ порядокъ свидѣтельскія показанія; какъ только мы получимъ эти бумаги, обѣщанныя намъ, самое позднее, къ концу этого мѣсяца, такъ мы сейчасъ же изготовимъ и отпечатаемъ обвинительный актъ противъ Бакунина и Альянса. Мы получили еще очень интересные документы, но не могли даже представить ихъ на разсмотрѣніе комиссіи, такъ какъ они пришли слишкомъ поздно [1]).

---

[1]) Все это относится опять-таки къ Бакунину и Альянсу. Какъ извѣстно, Бакунинъ и Гильомъ были изгнаны изъ Интернаціонала на гаагскомъ конгрессѣ, а Генеральный Совѣтъ былъ перенесенъ изъ Лондона въ Нью-Іоркъ по предложенію Маркса, который опасался, что, оставаясь въ Лондонѣ, онъ попадетъ въ руки бланкистовъ.

V.

ИЗЪ ПИСЬМА МАРКСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 27 сентября 1877 г.

...Барри [1]) здѣсь—мой фактотумъ; онъ же руководилъ сообщеніями [2]) корреспондента газеты „Times“ (которая уже отставила Эккаріуса). Черезъ него также я поддерживалъ *инкогнито* въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, бѣглый огонь противъ руссомана Гладстона въ великосвѣтской лондонской прессѣ („Vanity Fair“ и „White Hall Review“), а также во многихъ провинціальныхъ англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ газетахъ, разоблачая его шашни (Mogelei) съ русскимъ агентомъ Новиковымъ, съ русскимъ посольствомъ въ Лондонѣ и т. д. Наконецъ, черезъ него же я вліялъ и на англійскихъ парламентаріевъ нижней и верхней палаты, которые всплеснули бы отъ изумленія и ужаса руками, если бы узнали, что ихъ суфлеръ (Ohrenbläser) по восточному кризису есть никто иной, какъ *докторъ краснаго террора* (Red Terror Doctor), какъ они называютъ меня.

Этотъ кризисъ есть новый поворотный пунктъ европейской исторіи. Россія,—положеніе которой я изучалъ по оригинальнымъ источникамъ, какъ неофиціальнымъ, такъ и офиціальнымъ, доставленнымъ мнѣ моими петербургскими друзьями и доступнымъ лишь очень немногимъ—давно уже стоитъ на порогѣ переворота, всѣ элементы котораго уже готовы. Бравые турки ускорили взрывъ на цѣлые годы тѣми ударами, которые они нанесли не только русской арміи и русскимъ финансамъ, но и самой царствующей династіи, въ лицѣ тѣхъ августѣйшихъ особъ, которые командовали русской арміей. Переворотъ начнется secundum artem (по общимъ правиламъ искусства) конституціонными забавами и закончится съ большимъ трескомъ (et il y aura un beau tapage). Если мать-природа не будетъ особенно сурова къ намъ, то мы, можетъ быть, еще доживемъ до этого радостнаго торжества [3])! Глупые безпорядки, производимые русскими студентами, представляютъ лишь простой симптомъ и не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. Но все же это симптомъ. Всѣ слои русскаго общества—экономически, морально, интеллектуально—находятся въ полнѣйшемъ разложеніи.

---

[1]) Нѣкій лондонскій адвокатъ ирландскаго происхожденія.

[2]) Изъ Гента о тамошнемъ конгрессѣ Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Интернаціонала).

[3]) Хорошо освѣдомленные люди,—между прочимъ, Энгельсъ—утверждали, что Александръ II намѣревался провозгласить въ Россіи конституцію чуть не въ тотъ самый день, когда его поразила бомба.—Примѣчаніе нѣмецкаго издателя этихъ писемъ.

Революція начинается на этотъ разъ съ Востока, представлявшаго до сихъ поръ неодолимый оплотъ и резервную армію контръ-революціи.

Бисмаркъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на наносимые Россіи удары, но онъ не желалъ, чтобы дѣло зашло такъ далеко. Черезчуръ ослабленная Россія не могла бы, въ случаѣ нужды, снова сдерживать Австрію, какъ во время франко-прусской войны. А если бы дѣло дошло въ Россіи до революціи, то куда дѣвалась бы послѣдняя опора и гарантія Гогенцолнерской династіи?

Въ настоящую минуту всего важнѣе, чтобы поляки (въ Царствѣ Польскомъ) держали себя какъ можно смирнѣе. Только бы никакихъ возстаній и мятежей въ эту минуту! А то Бисмаркъ тотчасъ же вмѣшается, и русскій шовинизмъ снова станетъ на сторону царя. Напротивъ, если поляки спокойно дождутся того, когда Петербургъ и Москва будутъ охвачены внутреннимъ пожаромъ, то тогда, если бы Бисмаркъ вздумалъ выступить въ роли спасителя, Пруссія нашла бы въ Россіи свою Мексику!

Я каждый день снова и снова стараюсь вдолбить это въ голову тѣмъ полякамъ, съ которыми я нахожусь въ сношеніяхъ и которые имѣютъ хоть какое-нибудь вліяніе на своихъ соотечественниковъ.

Французскій кризисъ—совершенно второстепенное событіе по сравненію съ кризисомъ восточнымъ. Однако, слѣдуетъ надѣяться, что буржуазная республика побѣдитъ; не то старая игра начнется опять сначала; а никакая нація не можетъ повторять слишкомъ часто тѣхъ же самыхъ глупостей.

Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе.

(Воспоминанія и впечатлѣнія).

Посвящаю ихъ дѣтямъ.

(Окончаніе [1]).

IV.

Потребность въ общественной жизни проявлялась тогда въ разнаго рода собраніяхъ, пикникахъ, вечеринкахъ. Собирались чаще всего у Михайловскихъ и Елисеевыхъ.

У Елисеевыхъ я была раза два или три. Тамъ бывали обычные „редакціонные“ рауты—съ разговорами на современные мотивы, съ болѣе или менѣе оживленными спорами, съ прекрасными ужинами, а иногда—для молоденькой ихъ племянницы—устраивались и танцы.

У Михайловскихъ такія вечеринки принимали характеръ болѣе разнообразный и болѣе... ураганный. Тутъ собиралась большею частью молодежь—изъ консерваторіи и изъ банка, педагоги, любители-театралы и доктора, поэты, художники, пѣвцы, студенты и адвокаты. Бывало тѣсно, шумно и всегда очень весело. Иногда импровизировалось катанье куда-нибудь за городъ, иногда—самый увлекательный плясъ. Бобоша иногда позволялъ себѣ даже слегка канканировать, а Николай Константиновичъ лихо откалывалъ мазурку. Онъ вообще любилъ танцы и въ кадриляхъ всегда дирижировалъ и шелъ въ первой парѣ. И мнѣ до сихъ поръ слышится его голосъ ротнаго командира: „Grand rond! A rebours!—Chaîne des dames, s'il vous plait!“—и при этомъ у него, несмотря на небольшой ростъ, было такое воинственно-побѣдоносное выраженіе на лицѣ и въ глазахъ, что я однажды, въ разсѣянности, спросила Бобошу: „А въ какомъ полку онъ прежде служилъ?“... Наплясавшись до упаду, онъ са-

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Январь.

дился иногда за рояль и съ серьезнымъ лицомъ сосредоточенно наигрывалъ веселый маршъ жрецовъ изъ „La belle Hélène". Сама Марья Евграфовна садилась играть только, когда ее очень просили и когда оставались немногіе, самые близкіе. Какъ истинная музыкантша, она не любила играть „на ярмаркѣ". Играла она не только мастерски, но съ огнемъ, съ вдохновеніемъ. Никогда не забуду, какъ однажды играла она Шопена, и какъ удивительно при этомъ мерцали ея прекрасные большіе глаза! Я смотрѣла на нее и невольно думала про себя: „Какая, должно быть, чудесная душа у этой взбалмошной женщины!"—Она играла, и какіе-то стоны слышались мнѣ изъ-подъ ея огненныхъ пальцевъ.

— Что это вы играете... такое чудесное?—спросила я.

— Этюдъ Шопена. Онъ называется „Les adieux": это прощанье его съ Жоржъ-Зандъ. Правда,—въ немъ точно слезы, рыданія слышатся? Я очень люблю этотъ этюдъ!—говорила она, и мнѣ показалось тогда, что на рѣсницахъ у нея тоже сверкнули слезы, когда она это говорила. Никто изъ насъ и не подозрѣвалъ тогда, что, недѣлю или двѣ спустя, мы пойдемъ провожать ее на вокзалъ, и она разстанется съ нами навѣки... Странная и несчастная женщина,—она смѣялась тогда сама надъ собою...

— Изгоняюсь за дурное поведеніе... Отпѣтая! И слезы, и смѣхъ слышались въ этомъ голосѣ съ колокольчиками...

Угадывалась семейная драма, но никто ни о чемъ не разспрашивалъ, и я не рѣшалась тогда оглянуться на Михайловскаго.

Вѣчно увлеченная и увлекающая, расточительная, безпечная, умная, добрая, поминутно способная на гнѣвную вспышку и смѣхъ, она была „enfant terrible" съ самаго дѣтства—въ семьѣ, въ институтѣ и замужемъ...

У Михайловскихъ было проще и веселѣе, но это веселье дѣлало изъ ихъ жилища какой-то „заѣзжій домъ", и въ самый разгаръ „сезона" Николай Константиновичъ жаловался не разъ, что работать дома совсѣмъ невозможно. „Хоть нанимай отдѣльную комнату!" И въ результатѣ этихъ жалобъ „веселье" переносилось въ другія мѣста—къ брату Марьи Евграфовны, жившему en petit menage, въ ихъ *atelier*, какъ всѣ называли комнату съ альковомъ въ домѣ Тарасова... А Михайловскій чаще всего „эмигрировалъ" къ Курочкину, къ Елисеевымъ или въ „номера". И эти вынужденные „набѣги" (или „убѣги") послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ устройству „нейтральнаго пункта"—чего-то въ родѣ клуба писателей и ихъ родныхъ и знакомыхъ.

Глѣбъ Иванычъ любилъ веселыя, оживленныя сборища, но на такихъ вечерахъ стоялъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ углу и, покручивая бороду, о чемъ-то выразительно думалъ,—такъ выразительно, что, если замѣтишь,

бывало, на себѣ его взглядъ—сейчасъ станетъ совѣстно и захочется поскорѣе уйти... Можетъ быть, ему вспоминался при этомъ Парижъ, *Bal Mabil*, и его тянуло опять въ прохладныя залы Лувра, къ Венерѣ Милосской,—чтобы отряхнуть съ себя эту „пыль“ и очиститься...

Впрочемъ, однажды, помню, и Глѣбъ Иванычъ протанцовалъ кадриль съ „своей“ Александрой Васильевной. И онъ былъ очень забавенъ въ этой роли танцора,—уморительно бралъ *за шею* свою даму, уморительно притопывалъ ногами и такъ путалъ всѣ фигуры, что оставалось одно—хохотать до упаду. И всѣ хохотали. А онъ съ удивленіемъ оглядывался и просилъ „продолжать все какъ слѣдуетъ по порядку“...

Это было на встрѣчѣ Новаго года у Михайловскихъ, послѣ ужина съ шампанскимъ и братскими поцѣлуями,—„съ агапой“, какъ выражался Минаевъ, увѣряя, что это—„совсѣмъ à l' Огюстъ Контъ и Фурье“...

— Это поцѣлуи не грубой физіологіи,—возвѣщалъ онъ:—это поцѣлуи культа великихъ и вѣчныхъ идей—свободы, равенства и братства!

Не помню, кто именно придумалъ тогда эту „агапу“,—вѣрнѣе, что тотъ же Минаевъ,—но помню хорошо, что поцѣлуйный обрядъ à la Фурье не обошелся безъ протестовъ женщинъ..., „еще не посвященныхъ въ культъ великихъ идей богочеловѣчества“. И Александра Васильевна была первой изъ протестующихъ.

Помню, тогда же, одна молоденькая барыня, жена адвоката Б..., съ прелестнымъ личикомъ малороссійскаго типа, румяная и смуглая, распѣвая чувствительные романсы подъ аккомпаниментъ своего супруга, впивалась томными глазами въ тотъ уголъ, гдѣ стоялъ „Глѣбъ Успенскій“, и соблазнительно улыбалась ему ярко-пунцовыми губками, которыя онъ только-что принужденъ былъ поцѣловать „во имя великихъ идей“, сидя съ ней рядомъ за ужиномъ. А „Глѣбъ Успенскій“ смотрѣлъ на нее серьезно и строго и точно съ упрекомъ,—точно спрашивалъ: „И какъ это вамъ не совѣстно—такія все глупости вы поете?!“

Можетъ быть, именно подъ вліяніемъ этой „агапы“ у меня вышло потомъ странное объясненіе съ этой барыней. Но это было уже лѣтомъ, когда Александра Васильевна гостила въ деревнѣ у сестры Глѣба Иваныча, а онъ сидѣлъ у себя на Фонтанкѣ, дописывая статью для „Отеч. Записокъ“.

Работаю дома утромъ—тоже приготовляю мою „хронику“ въ „Искру“,—вдругъ звонокъ, и въ комнату ко мнѣ входитъ госпожа Б.,—красивая, нарядная, какъ всегда, но какъ будто слегка въ лихорадкѣ: глаза возбужденно горятъ, губы сухія, голосъ вздрагиваетъ.

— Можно къ вамъ на минуту, поговорить по душѣ?

— Сдѣлайте милость!—Прошу садиться, но на лицѣ у меня—невольный вопросъ и недоумѣніе: зачѣмъ это она ко мнѣ припожаловала?

— Меня къ вамъ прислалъ Глѣбъ Ивановичъ. Я сейчасъ отъ него.. Я у него ночевала сегодня. Вчера была такая гроза. Онъ боится грозы, какъ ребенокъ...

Я продолжала вопросительно смотрѣть на нее, ровно ничего не понимая.

— Подождите, я вамъ сейчасъ объясню... Но прежде скажите по совѣсти: вы такъ часто видитесь съ Глѣбомъ Иванычемъ,—неужели вы не влюбились въ него до сихъ поръ?

Я невольно пожала плечами.

— Да вѣдь это такъ естественно! Можно ли видѣть и не влюбиться въ этакую прелесть! Я отъ него безъ ума! И я знаю,—мнѣ остается теперь одно—утопиться... Мужъ зоветъ меня къ себѣ,—онъ получилъ теперь мѣсто на югѣ, нанялъ чудную дачу, пишетъ, что дѣти тоскуютъ, а я вотъ здѣсь сижу въ духотѣ и даже дѣтей мнѣ не жалко. Можетъ быть, это безнравственно, я не знаю... Мнѣ всѣ говорятъ, что я безнравственная женщина. Но что такое эта „нравственность"? Скажите, пожалуйста! По моему, что естественно, то и нравственно.—Я была уже замужемъ и влюбилась въ локоть мужчины... Вы мнѣ не вѣрите?—Въ *мужской локоть!* Лица никогда не видала,—видѣла только локоть, и по цѣлымъ часамъ просиживала на окнѣ, думая о томъ, *чей* это локоть... Это было въ Ялтѣ, на берегу моря, комната его была рядомъ съ моей, и я видѣла только локоть... Ну, и тогда я тоже хотѣла топиться... А тутъ... такой человѣкъ!.. Я такихъ людей отродясь не видала...

— Я все-таки не понимаю, почему Глѣбъ Иванычъ прислалъ васъ именно ко мнѣ?

— Я тоже не понимаю! Но разъ онъ меня къ вамъ послалъ,—я не смѣла ослушаться. Если-бъ онъ велѣлъ мнѣ выпрыгнуть изъ окна—я бы ни на мигъ не задумалась.

— Можетъ быть, онъ считаетъ васъ психологомъ?—прибавила она, помолчавъ,—и думаетъ, что вы можете на меня повліять. Но это едва ли. И вѣдь это просто смѣшно—чѣмъ вы можете повліять? Я замужняя, а вы—нѣтъ,—и развѣ вы не знаете, что страсть имѣетъ свои законы... Скажите мнѣ только одно—вы хорошо его знаете:—неужели нѣтъ никакой надежды?..

Мнѣ думалось, что Глѣбъ Иванычъ просто хотѣлъ куда-нибудь сбыть ее съ рукъ, и, чувствуя что-то вздорное и капризное во всѣхъ ея признаніяхъ, я отвѣтила первое, что пришло тогда въ голову:

— Думаю, что ни малѣйшей надежды...

— Но почему же, скажите!?—Вѣдь я красива,—я красивѣе и моложе его жены... И вы знаете—я осталась у него ночевать,—онъ меня *самъ* оставилъ!—въ надеждѣ его соблазнить. Всѣ говорятъ: онъ никогда не измѣнялъ своей женѣ... Я не вѣрила. Я хотѣла его испытать... Ну и вотъ мы вдвоемъ съ нимъ въ квартирѣ... Жаркая, душная ночь, молніи такъ и сверкаютъ... „Глѣбъ Иванычъ,—говорю,—я не могу, дышать нечѣмъ, я сниму лифъ“.—„Ну, говоритъ, снимите,—я вамъ сейчасъ принесу что-нибудь полегче“. Принесъ полотенце и накинулъ мнѣ на голую шею... Потомъ самоваръ началъ ставить... Меня лихорадка колотитъ, а онъ меня чаемъ съ лимономъ отпаиваетъ!.. Честное слово вамъ говорю!—Она звонко расхохоталась.—Такъ вся ночь у насъ и прошла. Всю ночь только чай вдвоемъ пили! Отъ роду никогда я столько чаю не выпила!.. Что же это по вашему: уродъ онъ или святой?

— По моему?—человѣкъ правды и совѣсти.

— Нѣтъ, онъ святой!—съ увлеченіемъ подхватила она.—Иначе я его не понимаю! И знаете, что я вамъ скажу: потомъ, когда я осталась одна,—мнѣ стало такъ потомъ стыдно, такъ стыдно... Въ ноги бы, кажется, упала ему... И сама я себѣ опротивѣла, и жизнь опротивѣла... И все, все!.. Однимъ словомъ, остается теперь одно: утопиться!

— Вы не утопитесь, а уѣдете къ мужу и дѣтямъ, и потомъ будете очень довольны собой... Увѣряю васъ!

И ужъ не знаю, повѣрила она мнѣ тогда или нѣтъ, но больше съ ней я никогда не встрѣчалась и уже осенью однажды спросила у Минаева: „А гдѣ же эта хорошенькая барыня, которая у Михайловскихъ, помните, „Крошку“ все пѣла?“

„Приходи, моя милая крошка,
„Приходи посидѣть вечерокъ!..“

— Какъ гдѣ?—съ неудовольствіемъ отвѣчалъ онъ.—Съ мужемъ, на югѣ (онъ назвалъ мнѣ городъ)—гдѣ же ей больше быть?

Съ Глѣбомъ Иванычемъ мы никогда по этому поводу не говорили, и весь этотъ эпизодъ я оставляю всецѣло на отвѣтственности г-жи Б. [1]).

Но отъ другой влюбленной въ него особы Глѣбъ Иванычъ не такъ легко могъ отдѣлаться. Я помню, весь кружокъ тогда принималъ участіе въ этой загадочной или нелѣпой комедіи.

Было это уже въ слѣдующую зиму (1874), когда только-что осно-

---

[1]) Все это было уже написано, когда мнѣ—совершенно случайно—довелось услыхать отъ лица, близко знавшаго Б—цкую, слѣдующее: послѣ многихъ бурныхъ эпизодовъ того же характера, эта несчастная женщина трагически закончила свои дни, бросившись подъ поѣздъ, которымъ ее перерѣзало пополамъ, послѣ чего она жила еще нѣсколько времени. И мужъ, и дѣти ея погибли... Изъ этого можно заключить, что и эпизодъ ея съ Г. И. заслуживаетъ полнаго вѣроятія

вался *«итальянскій»* клубъ (на Малой Итальянской, въ квартирѣ покойнаго А. А. Ольхина) съ вечеринками по субботамъ, съ выборомъ членовъ и разовой платой по два рубля (на буфетъ). Все выдающееся въ мірѣ литературы, музыки и художествъ перебывало тамъ хотя по разу, изъ любопытства. Михайловскій тогда уже разошелся съ женой; Глѣбъ Иванычъ ходилъ одинъ, такъ какъ Александра Васильевна была опять *въ ожиданіи*. Меня ввелъ туда Демертъ, но пріѣзжала я обыкновенно поздно, прямо изъ типографіи, гдѣ работала тогда съ Ѳ. М. Достоевскимъ. И вотъ всякій разъ, бывало, найдешь гдѣ-нибудь въ углу Глѣба Иваныча и рядомъ съ нимъ очень эффектную молодую дѣвицу совершенно отличнаго отъ насъ вида. Это была изящная пепельная блондинка съ лицомъ матовой бѣлизны и темнокоричневыми бархатными глазами. Тонкія и правильныя черты, эффектная парикмахерская прическа, всегда въ черномъ кружевномъ платьѣ, съ воротникомъ Медичи, съ бриллiантами въ ушахъ, на груди и на пряжкахъ ботинокъ... Ее провелъ, кажется, Максимовъ—тогда еще морякъ и блестящій танцоръ, танцовавшій съ ней гдѣ-то въ клубѣ. Говорили, что она—пріѣзжая издалека, что въ Петербургѣ у нея дѣдъ или дядя—„изъ высокопоставленныхъ"... Пріѣзжала она съ великосвѣтскихъ (или „малосвѣтскихъ") баловъ въ соболяхъ, въ сопровожденіи ливрейнаго лакея и на своихъ лошадяхъ. Протанцовавъ вальсъ или польку, она обыкновенно приглашала потомъ Глѣба Иваныча проводить ее домой или прокатиться за городъ. Потомъ начала убѣждать его бросить жену и ѣхать съ ней за границу... Ее всѣ называли „загадочною дѣвицей". Демертъ разсказывалъ мнѣ—со словъ самого Глѣба Иваныча,—какъ она озадачила всѣхъ и его своимъ рѣзкимъ сужденіемъ о сочиненіяхъ Глѣба Успенскаго, только-что передъ тѣмъ прочитавшаго въ клубѣ свой послѣдній разсказъ. Она открыто предъ всѣми призналась, что вообще „не можетъ" его читать,—всѣ его сочиненія кажутся ей „скучны, пошлы и непонятны"... Это было *ново* и давало поводъ къ заключенію о выдающемся умѣ и вкусѣ строгой цѣнительницы. Глѣбъ Иванычъ, совсѣмъ обезкураженный, сталъ давать на прочтеніе ей свои статьи въ корректурѣ, прося высказывать откровенное мнѣніе. И она писала на поляхъ корректуры: „Глупо!"... „Ничего не понимаю!"... „Вульгарное выраженіе" и т. п.

Не знаю, катался ли съ ней Глѣбъ Иванычъ на тройкахъ, но помню, какъ онъ стоялъ передъ нею съ видомъ глубоко потрясеннаго человѣка, который не знаетъ, *что* ему *надо* думать и чувствовать... Она что-то быстро-быстро говорила ему, а онъ смотрѣлъ въ ея прекрасное лицо и, наслаждаясь, можетъ быть, невольно гармоніей этого лица,—думалъ съ тоскою: „Зачѣмъ мнѣ эта красивая ложь?!.." Но раздавались звуки ритурнели мазурки, Михайловскій вдохновенно кричалъ: „A vos places, mes-

dames et messieurs!“, къ барышнѣ подлеталъ ея кавалеръ Максимовъ, и она улетала... Глѣбъ Иванычъ оставался одинъ съ тѣмъ же выраженіемъ тоски и недоумѣнія. Мимо него неслись вихремъ по комнатамъ веселыя пары, Михайловскій лихо пристукивалъ каблуками, ухаживая за другой молоденькой и хорошенькой барышней,—а онъ все стоялъ и думалъ въ углу—совершенно разстроенный...

Такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ. Наконецъ, однажды всѣ увидали его въ иномъ настроеніи. Онъ весь сіялъ счастливой улыбкой и рано уѣхалъ, прежде чѣмъ появилась „загадочная дѣвица“.

Я входила, когда онъ уже одѣвался въ передней.

— У Александры Васильевны вчера сынъ родился, — шепнулъ онъ мнѣ, здороваясь и прощаясь.—Здоровый такой,—большой. И носъ у него— не какъ у дѣтей—совсѣмъ настоящій. Приходите, пожалуйста, посмотрѣть.

Въ тотъ же вечеръ „загадочная дѣвица“ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы хорошо знаете жену Глѣба Успенскаго? Правда ли, что они живутъ очень счастливо, и что она—очень умная, хорошая женщина?

Я, разумѣется, подтвердила.

Послѣ этого въ клубѣ начали уже умышленно „разводить“ ее съ Глѣбомъ Иванычемъ. Такъ было однажды на святкахъ, когда почти всѣ клубисты явились костюмированные, и одинъ извѣстный и очень популярный (теперь) писатель, нарядившись городовымъ, въ полной формѣ и со свисткомъ, потѣшалъ все общество цѣлый вечеръ безпрестаннымъ свистомъ и строго-повелительнымъ окрикомъ: „Разойдитесь, господа, разойдитесь!..“ И вотъ, какъ только завидитъ, что Глѣбъ Иванычъ опять съ этой барышней—моментально подлетитъ и—въ свистокъ!.. Всѣ сбѣгутся и начинается хохотъ. Побесѣдовать имъ въ тотъ вечеръ такъ и не удалось. Но Глѣбъ Иванычъ началъ получать за то какія-то странныя анонимныя письма съ загадочными эмблемами: цѣпь, кнутъ, эшафотъ, съ категорической подписью: „Ты спишь, Брутъ, а Римъ—въ цѣпяхъ!..“ Подъ Новый годъ онъ, Демертъ, Минаевъ и Максимовъ получили не менѣе загадочное приглашеніе отъ той же барышни—пріѣхать къ ней (куда-то на Морскую, въ номеръ гостиницы)—выпить бокалъ шампанскаго *по случаю ея смерти...*“ Не всѣ воспользовались этимъ приглашеніемъ (Гл. Ив. тогда не поѣхалъ), но прибывшихъ гостей ожидалъ пріятный сюрпризъ: шампанское было подано, а барышня не застрѣлилась. Ея жизнь оказалось нужна „дѣлу“. Съ тѣхъ поръ она стала являться въ клубъ съ желѣзной цѣпью на рукѣ вмѣсто браслета, гладко причесанная, въ простыхъ черныхъ платьяхъ, съ видомъ „идейной женщины“. Всѣ мы разсматривали тогда эту цѣпь—символъ ея

превращенія: это былъ—говорила она—девизъ ея жизни. „Эту цѣпь раскуетъ только смерть“.

Съ тѣхъ поръ Глѣбъ Ивановичъ рѣшительно не зналъ покоя ни ночью, ни днемъ. За нимъ постоянно слѣдили. Иногда къ нему на улицѣ подходила старуха съ лоткомъ—съ папиросами или съ почтовой бумагой,—взглянетъ поближе—„загадочная дѣвица“! Мальчикъ со спичками—тоже она! Это походило на кошмаръ или галлюцинацію. Но я сама была разъ свидѣтельницей, какъ Глѣбъ Иванычъ опрометью бросился отъ насъ на лицѣ (мы шли компаніей куда-то всѣ вмѣстѣ), сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и помчался домой, потому что замѣтилъ на углу странно притаившуюся фигуру въ платкѣ, низко надвинутомъ на глаза, и подъ дождевымъ зонтомъ, хотя дождя совсѣмъ не было. И фигура эта сейчасъ же понеслась слѣдомъ за нимъ на извозчикѣ.

Сама Александра Васильевна не разъ потомъ разсказывала и мнѣ, и другимъ, какъ „мучила“ Глѣба Иваныча эта барышня своими мистификаціями.

— Глупая она, должно быть, — замѣчала при этомъ Александра Васильевна.—Неужели она думала, что Глѣбъ Иванычъ способенъ на такія пошлыя интриги и увлеченія! Онъ пріѣдетъ, бывало, домой и все мнѣ разсказываетъ... Все, все!

И она смѣялась своимъ тихимъ смѣхомъ съ увѣренностью искренно любимой женщины-друга.

Но дѣло не ограничилось однѣми мистификаціями. Была и другого рода попытка насильно добиться желаемаго... Однажды, въ отсутствіе Глѣба Иваныча, въ квартиру къ нимъ пришла съ чернаго хода какая-то торговка съ апельсинами и настойчиво добивалась увидѣть „самое барыню“. Александра Васильевна вышла къ ней въ кухню. Но торговка, съ виду молодая женщина, настойчиво добивалась переговорить о чемъ-то наединѣ. Ничего не подозрѣвая, Александра Васильевна провела ее въ свою комнату, гдѣ спалъ въ то время малютка ихъ „Сашечка“... И вотъ именно это довѣріе и ласковый тихій голосъ произвели такое неотразимое впечатлѣніе на „загадочную дѣвицу“, что она тутъ же откровенно призналась во всемъ: она пришла, по ея словамъ, съ умысломъ отравить жену и ребенка Глѣба Успенскаго, а уходила съ сознаніемъ, что даже и преступленіемъ она ничего не добьется... Съ тѣхъ поръ эта „странная особа“ больше нигдѣ не показывалась. И только въ началѣ 80-хъ годовъ я неожиданно встрѣтилась съ ней у одной нашей общей знакомой. Она, повидимому, окончательно превратилась тогда въ радикалку-народницу: ходила въ какомъ-то мужскомъ пальто, войлочной шапкѣ и сапогахъ, съ огрубѣлымъ лицомъ и руками. Даже походка ея совершенно была мужская и неуклюжая, какъ

у деревенскаго парня. Гдѣ она была и что дѣлала всѣ эти годы—не знаю, но желѣзная цѣпь попрежнему звенѣла у нея на рукѣ...

Судя по этимъ примѣрамъ, можно думать, что женщины—или „бабы", какъ называетъ ихъ въ письмахъ къ женѣ и друзьямъ Глѣбъ Ивановичъ,—не мало досаждали и портили жизнь и ему самому, и близкимъ къ нему лицамъ. Недаромъ онъ многократно, въ письмахъ, предупреждаетъ Александру Васильевну „держаться подальше" и избѣгать „бабьихъ сплетенъ" и пр. „Устрой ее",—пишетъ онъ А. В. объ одной изъ общихъ знакомыхъ,—„но и только. Въ близкія отношенія, пожалуйста, не входи—иначе непремѣнно начнутся *исторіи*"...

Увидѣть тогда ихъ новорожденнаго первенца мнѣ такъ и не удалось. И клубъ, и всякія собранія прекратились вскорѣ сами собой. Говорили, что, несмотря на строгіе выборы, проникла все-таки одна „шпіонка", и начались аресты и обыски. А потомъ, весной, начали всѣ разъѣзжаться по дачамъ. Александра Васильевна, заручившись приглашеніемъ редакціи „Общественной Библіотеки" для переводовъ съ французскаго, уѣхала работать въ Парижъ; — за ней послѣдовалъ вскорѣ туда же и Глѣбъ Ивановичъ,—и я надолго потеряла обоихъ изъ виду.

V.

Прошло года три. Весной 1876 г., въ концѣ мая или въ самомъ началѣ іюня, я ѣхала въ Тверскую губернію, къ роднымъ на лѣто. Поѣздъ долго стоялъ на станціи Валдайка на запасномъ пути, выжидая ухода встрѣчнаго поѣзда изъ Москвы—съ добровольцами Черняевскаго отряда—въ Болгарію, на войну. Это было на самомъ разсвѣтѣ, часу въ 5-мъ утра. Я не могла спать въ душномъ вагонѣ и вышла подышать чистымъ воздухомъ на платформу; не успѣла я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидала идущаго мнѣ навстрѣчу Глѣба Ивановича.

— Здравствуйте, В. В.! Куда вы это ѣдете? Можетъ быть, съ нами, сестрой милосердія?

Я сказала—куда.

— А я на Дунай, въ Болгарію. Корреспондентомъ отъ „Русскихъ Вѣдомостей".

Онъ былъ по виду веселый и оживленный и похожъ на „туриста"—въ дорожной шелковой фуражкѣ, съ сумкой черезъ плечо. Въ боковомъ карманѣ пальто виднѣлась новенькая записная книжка. И сейчасъ же сталъ дѣлиться со мной дорожными впечатлѣніями:

— Какая тутъ мѣстность чудная! Вы, пожалуйста, посмотрите. За-

мѣчательно живописная. Горы, овраги, зелени масса... И все это теперь въ цвѣту! Вотъ, пойдемте сюда, я вамъ сейчасъ покажу!..

Но сколько онъ меня ни водилъ, чтобы показать красоты Валдайки— увидѣть ничего не пришлось: безконечная цѣпь вагоновъ закрывала всю площадь зрѣнія.

— Это ничего,—говорилъ онъ,—вы увидите, какъ только мы тронемся... Непремѣнно, пожалуйста, посмотрите!.. Да отчего же вы ничего не напишете? Пишите, пожалуйста!..

Онъ держалъ одной рукой меня за руку, другой—крутилъ бороду и ласково заглядывалъ мнѣ въ лицо.

— Глѣбъ Ивановичъ! — окликнулъ его кто-то изъ окошка вагона третьяго класса:— Идите потомъ сюда, въ этотъ вагонъ—здѣсь Гаршинъ!..

Я боялась его задержать и вмѣсто отвѣта только махнула рукой: я отбывала мою безсрочную каторгу по разнымъ типографіямъ Петербурга,— и не до писанья мнѣ было тогда! Но слова Глѣба Ивановича, это напоминанье о „счастьѣ писательства“ — точно благодатнымъ огнемъ обожгли мою душу. Я провожала глазами ихъ поѣздъ, и когда онъ тронулся, и Валдайка открылась предо мною, вся утопая въ зелени, сверкая въ лучезарномъ туманѣ разсвѣта, мнѣ вспомнилось невольно другое такое же лучезарное утро, душистый малинникъ на дачѣ у Михайловскихъ и стоявшій подлѣ меня молодой писатель, „чуткій и трепетный какъ струна“, и моя собственная юность, сверкавшая тогда безоблачнымъ небомъ и ощущавшая всю жизнь впереди—какъ дорогу на солнце...

Съ Александрой Васильевной мы встрѣтились на улицѣ въ началѣ сентября того же 1876 года. Она только-что вернулась изъ-за границы, проживъ лѣто въ деревнѣ у родныхъ Гл. Ив., хлопотала въ земской управѣ о мѣстѣ народной учительницы и на время остановилась въ гостиницѣ Сорокина, на Обуховскомъ.

— Приходите ко мнѣ. Я живу одна съ Сашечкой. Глѣбъ Иванычъ уѣхалъ въ Болгарію... Приходите, я вамъ все разскажу.

Дѣла оказались очень плохія. Журналъ, въ которомъ она работала, пересталъ выходить. Цензура преслѣдовала статьи Глѣба Ивановича, и имя Глѣба Успенскаго исчезло со страницъ „Отеч. Зап.“,—его замѣнилъ псевдонимъ *Г. Ивановъ*. Долги ихъ „измучили“, жить стало нечѣмъ, и Глѣбъ Иванычъ принялъ, было, какое-то мѣсто (если не ошибаюсь, въ самарскомъ земствѣ), а теперь путешествуетъ по Дунаю, пишетъ корреспонденціи и статьи...

Проживать долго въ гостиницѣ для Александры Васильевны было бы

затруднительно, и я уговаривала ее переѣхать туда же, гдѣ жила я сама— въ меблированный домъ Цезаря Альбертовича Кавоса (№ 6 по Столярному пер.). Управляющей этимъ домомъ была моя хорошая знакомая, П. М. Р—на, сама не чуждая интересамъ наукъ и искусства, и имя Глѣба Успенскаго обезпечивало временный кредитъ и относительныя удобства для Александры Васильевны. Побывавъ у меня, она вскорѣ переѣхала къ намъ туда съ мальчикомъ. Заботъ и хлопотъ у нея было тогда черезъ край. Помимо долговъ и ребенка, за которымъ, кромѣ нея, некому было присмотрѣть, тяготили и разныя затрудненія со статьями Глѣба Иваныча въ редакціи „Отеч. Записокъ“. Особенно удручала ее исторія съ возвращеніемъ одной рукописи. Глѣбъ Иванычъ былъ недоволенъ одной своей статьей (о крестьянской общинѣ) и поручилъ ей непремѣнно взять эту статью обратно. Чуть не каждый день получались отъ него телеграммы, и каждое утро она отправлялась въ редакцію. Разсказъ объ этихъ ея „мытарствахъ“ привожу дословно, какъ слышала отъ самой Александры Васильевны.

— Глѣбъ Иванычъ сначала написалъ Михайловскому, прося не печатать этой статьи и обѣщая выслать другую. Михайловскій почему-то до сихъ поръ ему не отвѣтилъ. Глѣбъ Иванычъ, разумѣется, безпокоится, телеграфируетъ мнѣ. Иду къ Михайловскому. Не застаю его дома. Ѣду въ редакцію. Говорю, что мнѣ надо видѣть Н. К. Михайловскаго. Мнѣ отвѣчаютъ, что сегодня день не редакціонный, и Михайловскій не принимаетъ. Пишу записку—сижу и жду. Приглашаютъ, наконецъ, въ кабинетъ. Михайловскій встрѣчаетъ меня *редакторомъ*: „Александра Васильевна, что вамъ угодно?“—Мнѣ угодно получить статью Глѣба Иваныча, о которой онъ вамъ писалъ, но вы почему-то не отвѣчали.—„Александра Васильевна, я этого сдѣлать не могъ, такъ какъ это отъ меня не зависитъ... Статья сдана“... тамъ не знаю, кому-то у нихъ... „Она внесена уже въ книги и за нее уже выданъ авансъ. Обратитесь, пожалуйста, къ Григорью Захарычу. Это по его части“. Иду къ Елисееву. Тотъ посылаетъ меня къ Салтыкову. Салтыковъ—опять къ Михайловскому. А Михайловскій опять увѣряетъ, что это отъ него не зависитъ.

— Что же это, говорю, у васъ здѣсь, точно въ III-мъ Отдѣленіи—изъ канцеляріи въ канцелярію пересылаютъ?

— „Александра Васильевна, возьмите ваши слова обратно!“

— Не могу взять обратно, Николай Константинычъ! Вы такъ со мной поступаете—точно мы съ вами впервые здѣсь видимся... Слава Богу, сколько лѣтъ знаете Глѣба Иваныча, знаете, какъ ему теперь трудно писать,—и вы ничѣмъ не хотите облегчить его положеніе!.. Я этого отъ васъ не ожидала!..

— Александра Васильевна, увѣряю васъ, это отъ меня не зависитъ.

Если вы желаете, я дамъ вамъ записку... (къ кому-то—не помню)... Вы поѣдете къ нему...

— Я никуда больше не поѣду, Николай Константинычъ! Я устала. Я здѣсь посижу, а вы съ этой запиской потрудитесь послать посыльнаго, я ему заплачу.

Пошелъ самъ куда-то—и возвратилъ статью [1]).

Однажды ее спросили при мнѣ (М. А. Кавосъ):

— А вѣдь, пожалуй, не очень весело быть женою писателя, даже такого милѣйшаго человѣка, какъ вашъ Глѣбъ Иванычъ?

— Что же,—конечно, мнѣ иногда не легко. Все приходится быть одной. Когда Глѣбъ Иванычъ пишетъ—ему ни до кого и ни до чего. И нельзя ему мѣшать. А когда онъ не можетъ писать,—онъ такъ этимъ мучится, что я не могу на него глядѣть... И онъ отъ меня уходитъ.

И сейчасъ же сама искала ему оправданіе:

— Конечно, Глѣбъ Иванычъ не можетъ писать какъ Тургеневъ. Я видѣла, какъ тотъ пишетъ. Передъ отъѣздомъ сюда, я пошла съ нимъ проститься. Подхожу къ дому, гдѣ онъ жилъ съ Віардо,—у подъѣзда стоитъ экипажъ. Выходитъ Иванъ Сергѣичъ съ портфелемъ, а за нимъ—лакей съ пледами и баулами. „Александра Васильевна! Какъ мнѣ жаль! (Она представляла его какъ бы умирающій нѣжный голосъ съ туманными переливами.) Я *долженъ* сейчасъ уѣхать"...—Куда же это вы уѣзжаете, Иванъ Сергѣевичъ?—„Въ Буживаль—писать мою новую вещь. И вернусь не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ или три. Мнѣ, право, о-чень, о-чень жаль!"... Это онъ тогда „Клару Миличъ" писалъ. Три недѣли писалъ, и никто къ нему въ комнаты близко даже не смѣлъ заглянуть. Буфетъ ему заранѣе тамъ приготовляли.

И она прибавляла съ легкой ироніей „пролетарія":

— Тургеневъ, конечно, очень хорошій, я его очень люблю, только немножко у него всего много, а у насъ съ Глѣбомъ Иванычемъ—совсѣмъ ничего!

Въ концѣ сентября она получила мѣсто учительницы въ школѣ И. М. Сибирякова, въ той же самарской губерніи, гдѣ „служилъ" Глѣбъ Ивановичъ, и, несмотря на послѣдній періодъ беременности, энергично работала тамъ, пока не начались гоненія мѣстнаго начальства—по циркулярамъ изъ Петербурга. Пришлось бросить дѣло, возвращаться опять въ Петербургъ—и снова перебиваться изо дня въ день, въ постоянной тревогѣ за дѣтей и за Глѣба Иваныча, не одолѣвшаго ни своей „службы" въ земствѣ,

---

[1]) Въ письмахъ Гл. Ив. къ женѣ, относящихся приблизительно къ этому времени, есть такая фраза: „Встрѣтилъ сегодня на улицѣ Михайловскаго и не поклонился ему. Это его очевидно поразило. Такъ и надо".

ни роли присяжнаго корреспондента на берегахъ Дуная. До олгаріи, какъ извѣстно, онъ такъ и не доѣхалъ,—а на возвратномъ пути былъ задержанъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ на русской границѣ, какъ „лицо подозрительное“ и бывшее въ сношеніяхъ съ „подозрительными“.

Вернувшись въ Петербургъ, Глѣбъ Ивановичъ поселился тоже у насъ, и опять начались у нихъ многолюдныя сборища, опять появились знакомыя лица и Н. С. Курочкинъ, и Максимовъ, и Якушкинъ, и много новыхъ—изъ тѣхъ, съ которыми они познакомились, живя два года въ Парижѣ. Былъ при мнѣ одинъ разъ и Михайловскій. Онъ сталъ какъ будто еще болѣе сдержанъ въ манерахъ и на словахъ. Черепаховое pince-nez смѣнило теперь золотое, а вмѣсто зимней его суконной прудоновской блузы на немъ былъ строго-доктринерскій сюртукъ. Высокій лобъ его сталъ какъ будто еще выше и круче, и на немъ явственно прорѣзались уже двѣ—три морщины; въ глазахъ свѣтился попрежнему холодъ остраго, проницательнаго ума, но безъ оживлявшей ихъ прежде веселой улыбки.

Да и самъ Глѣбъ Ивановичъ теперь уже былъ не тотъ. Онъ былъ не такъ застѣнчивъ, какъ прежде, онъ, такъ сказать, возмужалъ и *оформился*, но сталъ болѣе молчаливъ или замкнутъ,—точно думалъ о чемъ-то *особо*,—и не всѣхъ посвящалъ въ свои думы. Когда появлялись неинтересные или ненужные для него посѣтители и начинались „несуразные“, ненужные разговоры,—онъ безцеремонно вставалъ и уходилъ изъ дому на весь вечеръ, а иногда и на цѣлую ночь уѣзжая къ Каменскому въ Чудово.

Вообще въ эту зиму я не видала его такимъ *яснымъ*, какъ прежде. И общественныя, и личныя его дѣла были тогда въ самомъ критическомъ положеніи. Кредиторы требовали уплаты, съ изданіемъ его сочиненій встрѣтились какія-то неожиданныя препятствія, печатаніе журнальныхъ статей тормозилось цензурой, и все это не могло не вліять на нервную впечатлительность писателя, съ его мучительнымъ воображеніемъ и болѣзненной мнительностью.

— Да о чемъ теперь можно писать, помилуйте!—отрывисто восклицалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и безпрестанно дергая себя за бороду.—Теперь надо совсѣмъ другое... Въ ошейникахъ всѣ—на цѣпочкахъ насъ водятъ... Помилуйте, какіе теперь могутъ быть литераторы!..

Съ самаго возвращенія изъ-за границы онъ былъ подъ надзоромъ. На квартиру къ нимъ часто являлись то приставъ, то околоточный—понавѣдаться, гдѣ Глѣбъ Иванычъ и что онъ подѣлываетъ. Глѣбъ Иванычъ дружелюбно всегда разговаривалъ съ ними, угощалъ ихъ и водкой, и краснымъ виномъ, и папиросами, сокрушался о „скучномъ“ ихъ при немъ состояніи, всячески самъ помогалъ имъ надзирать за собою и пользовался

ихъ полнымъ довѣріемъ—и никогда не обманывалъ. Но однажды—разсказывала Александра Васильевна—онъ двѣ недѣли проносилъ у себя въ карманѣ пакетъ изъ участка, позабывъ опустить его въ почтовый ящикъ. Приставу некогда было самому итти на Фонтанку, къ Цѣпному мосту, а Глѣбу Иванычу было туда по дорогѣ—въ редакцію „Отеч. Зап.“ (на Литейную). И вотъ, двѣ недѣли спустя, горничная, чистившая пальто, нечаянно вытряхнула истертый по краямъ, но нераспечатанный казенный пакетъ съ печатью полицейскаго участка, адресованный въ канцелярію (или Управленіе) III Отдѣленія,—и только распечатавъ его, Глѣбъ Иванычъ вспомнилъ, какимъ образомъ этотъ пакетъ очутился у него въ карманѣ. Это было „донесеніе“ приставу „о писателѣ Глѣбѣ Успенскомъ“ и его добропорядочномъ поведеніи.

Въ ту же зиму начались его проекты и планы о переселеніи на житье въ деревню — за Чудовомъ, гдѣ странный другъ Глѣба Ивановича, Андрей Васильевичъ Каменскій, уступалъ десятину земли и старую постройку. Для осуществленія этого плана Глѣбъ Иванычъ рѣшался опять принять мѣсто—кажется, въ калужскомъ земствѣ, — чтобы заработать денегъ на постройку дома. Александра же Васильевна съ дѣтьми переѣзжала къ Каменскимъ, въ деревню Лядно. Другого выхода для нихъ тогда не было.

V.

Незадолго до Рождества (12 декабря) Успенскіе праздновали, кажется, новую продажу изданія И. М. Сибирякову и семейное торжество,— рожденіе „Сашечки“. Съ утра до поздней ночи, помню, толпился у нихъ народъ. Со столовъ весь день не снимались вино и холодныя блюда. Самовары подавались одинъ за другимъ. Александра Васильевна наканунѣ еще просила меня помочь ей хозяйничать, т. е. наливать безконечное число разъ безконечное число стакановъ.

— Кстати и вамъ, я думаю, интересно будетъ посмотрѣть и послушать—у насъ завтра соберется много интересныхъ людей—радикаловъ,— предупредительно сообщила она.

Среди гостей въ этотъ день особенно выдѣлялся одинъ плотный, широкоплечій блондинъ высокаго роста съ свѣтлыми бакенбардами и свѣтлоголубыми глазами, сверкавшими металлическимъ блескомъ. Что-то неумолимое и непреклонно-суровое, какъ Немезида, было въ этихъ глазахъ. Онъ говорилъ о предстоящемъ литературномъ вечерѣ въ пользу „Синяго Креста“ и предлагалъ всѣмъ билеты. Предложилъ въ томъ числѣ и мнѣ. Но я отказалась, безотчетно подчиняясь неpiязненному впечатлѣнію, которое онъ производилъ на меня.

— Не желаете?—переспросилъ онъ, сверкнувъ на меня глазами и держа раскрытую пачку билетовъ передо мною.

Я отрицательно покачала головой,—и онъ сейчасъ же отошелъ, предлагая билеты другимъ.

Александра Васильевна не назвала мнѣ тогда его имени.

Говорилъ онъ необыкновенно внушительно и въ рѣзко-звучномъ, какъ лязгъ желѣза, голосѣ, въ плавной, ясной и правильно построенной рѣчи сказывалась какая-то необычная у насъ, русскихъ, властная и разсудительная, желѣзная сила—мысли и воли.

Послѣ горячаго пирога и стерляжьей ухи (кто-то прислалъ тогда въ подарокъ эту стерлядь Глѣбу Иванычу) съ обильными возліяніями, разговоры становились шумнѣе и возбудительнѣе. Всѣ раздѣлились на группы,—и самый для меня интересный, необыкновенно одушевленный, жаркій споръ велся въ глубинѣ, за драпировкой, раздѣлявшей комнату на двѣ равныя половины. Тамъ сидѣлъ на оттоманкѣ, поджавъ подъ себя калачикомъ ноги, сѣдой и страдавшій одышкой Н. С. Курочкинъ, а вокругъ него—на креслахъ и стульяхъ—возсѣдали еще не всѣмъ пока извѣстные „дѣятели". Споръ вели двое: представитель сороковыхъ годовъ, „другъ" Маццини и Герцена, Бакунина и Лаврова—Н. С. Курочкинъ и молодой блондинъ съ видомъ диктатора. А по другую сторону сидѣлъ „будущій Пугачевъ", какой-то степной помѣщикъ, ухлопавшій все свое состояніе на пропаганду „въ народѣ",—черноволосый, тучный, лохматый, съ черными огневыми глазами и совершенно пьяный. Сзади него помѣстился верхомъ на стулѣ сотрудникъ „Дѣла", все время хмурившій брови и презрительно хмыкавшій, видимо не удовлетворенный доводами обѣихъ сторонъ,—какъ недостаточно „радикальными"...

Видя, что я все поглядываю туда, за драпировку, Глѣбъ Иванычъ принесъ мнѣ стулъ и поставилъ такъ, чтобы мнѣ, оставаясь для нихъ незамѣтной, можно было и слушать, и наблюдать за выраженіемъ лицъ.

— Только, увѣряю васъ, совсѣмъ тутъ нечего слушать!—говорилъ онъ при этомъ.—Все это—онъ выразительно сдвинулъ брови—это *не настоящіе*. И говорятъ они... тоже не настоящее...

— Ну, хорошо, министровъ всѣхъ по боку,—говорилъ Николай Степановичъ,—вмѣсто нихъ у васъ комитетъ,—это все мнѣ понятно... И это уже извѣстно... Но какъ же вы будете поступать съ ослушниками вашихъ декретовъ? Мои убѣжденія, напр., не во всемъ совпадаютъ съ вашими, и я не соглашусь исполнить какой-нибудь вашъ приказъ... Какъ же вы со мною тогда?

— Если вы намъ безвредны, мы отъ васъ ничего не потребуемъ,— внятно и громко, желѣзнымъ голосомъ говорилъ блондинъ съ „желѣзнымъ“ лицомъ.

— Вы меня просто тогда игнорируете? Понимаю!

— Мы васъ тогда игнорируемъ.

— Ну-съ, а если я для васъ не безвреденъ—моими убѣжденіями, конечно?..

— А если эти ваши „убѣжденія“—онъ иронически подчеркнулъ это слово—вы употребите во зло *противъ насъ*, тогда извините—церемониться мы не станемъ. Тогда мы васъ уберемъ—онъ сдѣлалъ жестъ рукой въ сторону—прочь съ дороги!

— То-есть, какъ же это? Пришлете повѣстку съ девизомъ: красный крестъ и топоръ?

— Мы потребуемъ васъ къ себѣ.

— А я не пойду! Съ какой стати?! Я васъ не признаю. Вы для меня совсѣмъ не правительство.

— Мы вамъ докажемъ, что *мы—правительство*. Мы васъ *заставимъ* придти.

— Благодарю покорно!—Excusez du peu! (Они другъ передъ другомъ раскланялись).—Какая же разница съ тѣмъ, что творится теперь? Теперь тоже насилія...

— У насъ не будетъ „насилія“! У насъ будетъ постоянный трибуналъ изъ лицъ избранной корпораціи, людей точной науки, и потому вполнѣ компетентныхъ въ вопросахъ права и правосудія.

— И эти „вполнѣ компетентные“ люди приговорятъ меня къ висѣлицѣ, и меня повѣсятъ по всѣмъ правиламъ вашей точной науки... И вы полагаете это для меня утѣшительнымъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же висѣлицы!.. Мы вѣшать не будемъ. Это старо, неудобно... Мы заведемъ гильотины...

Все время хмыкавшій недовольно сотрудникъ „Дѣла“ мгновенно успокоился при упоминовеніи гильотины, обезпечивавшей, вѣроятно, для него судьбы новогрядущаго строя...

Глѣбъ Иванычъ нѣсколько разъ подходилъ сюда—постоитъ, посмотритъ на нихъ исподлобья, послушаетъ молча, подергивая бороду,—и опять отойдетъ. Но по нахмуренному лицу его видно было, что онъ и волнуется, и не мирится.

Не знаю, чѣмъ кончился тогда этотъ разговоръ—мнѣ подали новый самоваръ, и я, съ внутреннимъ облегченіемъ, принялась за разливаніе чая. Глѣбъ Иванычъ тоже помогалъ мнѣ, подливая красное вино прямо въ чайникъ и увѣряя, что это—„самое чудесное дѣло“.

— Ну, что же, понравилось вамъ? Интересно они тамъ говорятъ?— спрашивалъ онъ при этомъ.

— Интересно и... противно!—невольно вырвалось у меня.

— Увѣряю васъ, что это не настоящіе... Настоящіе — тѣ совсѣмъ другое...

Наливъ еще съ дюжину стакановъ, я подошла опять послушать „радикаловъ", но „желѣзнаго" блондина уже не было, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Николай Степанычъ за что-то „благодарилъ" и „превозносилъ" нашу „прекрасную, благородную молодежь", и, картавя по-барски, какъ истый романтикъ-идеологъ сороковыхъ годовъ, закончилъ свои восхваленія выспреннимъ возгласомъ:

— И я даю пощечину всѣмъ, кто осмѣливается нападать на нашу молодежь!

— Что? что даете?.. Кому вы даете пощечину?.. — надтреснутымъ пьянымъ басомъ спрашивалъ его вдругъ очнувшійся „будущій Пугачевъ".

— Я даю пощечину всѣмъ, кто оскорбляетъ молодежь! — тономъ рыцаря изъ Ламанчи повторилъ добрѣйшій Николай Степановичъ.

„Пугачевъ" низко нагнулся къ нему, — можно было подумать, что онъ хочетъ облобызать его руку,—руку дающаго пощечину оскорбителямъ молодежи,—но вмѣсто лобызанія онъ только сипло захохоталъ и вдругъ неожиданно рявкнулъ:

— Ахъ, ввы... глупый старый меринъ!.. Старый и глупый... и больше ничего!

Вокругъ молчали. Бѣдный Николай Степановичъ сидѣлъ сконфуженный и хлопая глазами, какъ обиженный школьникъ, получившій несправедливо дурную отмѣтку вмѣсто хорошей, и видимо не зналъ, какъ умнѣе ему поступить: остаться или уйти...

И какъ всегда—гдѣ незаслуженно наносилась безсмысленная обида человѣку—на выручку подоспѣлъ Глѣбъ Ивановичъ. Быстро раскупоривъ новую бутылку лафита, онъ подошелъ къ Курочкину и налилъ ему стаканъ черезъ край.

— Выпейте, пожалуйста, Николай Степановичъ. Чудесное вино, доложу я вамъ. Это будетъ получше того, что мы пили съ вами тогда у Каменскаго. Куда лучше!

Уже поздно вечеромъ вошелъ еще одинъ странный гость: ни съ кѣмъ не здороваясь, подошелъ прямо къ столу—и ѣлъ и пилъ съ такой жадностью, какъ будто недѣлю передъ тѣмъ голодалъ и провелъ ночь на улицѣ. Онъ былъ въ одномъ короткомъ легкомъ пальто, застегнутомъ наглухо, съ рукавами, не доходившими до кисти,—какъ будто съ чужого

плеча,—но лицо у него было очень умное и хорошее, лицо человѣка вполнѣ „образованнаго“. Никто съ нимъ не заговаривалъ, и только Глѣбъ Иванычъ пододвигалъ къ нему безпрестанно тарелки и блюда, наливалъ вина чаю и угощалъ папиросами. Это очевидно, такъ называемый, „нелегальный“, котораго загналъ сюда коро ли сыщикъ. Удовлетворивъ, сколько надо, свой аппетитъ, онъ всталъ и, молча пожавъ руку одному Глѣбу Иванычу, не поднимая глазъ, быстро вышелъ изъ комнаты.

Помню тогда же и другого юношу—съ дѣтски-розовымъ лицомъ и золотистымъ пушкомъ на губахъ и на подбородкѣ, съ золотистыми кудрями и жизнерадостною улыбкой. Это былъ несчастный К. Онъ только-что вернулся тогда изъ Болгаріи, гдѣ былъ санитаромъ, и привезъ Глѣбу Иванычу два флакона съ пирофосфорнокислымъ желѣзомъ, наставляя его, какъ слѣдуетъ принимать порошокъ и какіе отъ него благотворные результаты.

Глѣбъ Иванычъ все время, повидимому, слушалъ его со вниманіемъ и все повторялъ: „Чудесно!“—а потомъ взялъ отъ него пузырьки и тутъ же отдалъ ихъ мнѣ: —„Вотъ кому дѣйствительно слѣдуетъ принимать желѣзо! А мнѣ оно совсѣмъ безполезно“, — съ добродушной улыбкой пояснилъ онъ.

Послѣдній мѣсяцъ передъ отъѣздомъ Глѣба Иванычa въ Калугу Успенскіе жили въ деревнѣ Лядно—за Чудовомъ,—у Каменскихъ, и только Александра Васильевна наѣзжала по временамъ въ Петербургъ съ разнаго рода дѣлами и порученіями. Какъ разъ тогда я окончила мою первую (въ печати) повѣсть [1]), и Александра Васильевна сама предложила мнѣ свезти ее на просмотръ Глѣбу Иванычу. Вернувшись черезъ нѣсколько дней, она привезла мнѣ самый ободряющій отзывъ и вмѣстѣ желаніе Глѣба Иваныча лично повидаться и поговорить со мною наканунѣ его отъѣзда. И въ назначенный день, вечеромъ, Глѣбъ Иванычъ пришелъ ко мнѣ, присѣлъ у письменнаго стола и, куря папиросу за папиросой, сейчасъ же заговорилъ своимъ прежнимъ тономъ—съ искреннимъ жаромъ, отрывисто, напрямикъ. Привожу—какъ образчикъ его манеры—все, что запомнилось изъ сказаннаго имъ тогда:

— Все это отлично у васъ написано... Талантъ у васъ несомнѣнный,—и объ этомъ намъ съ вами нечего говорить... Я буду говорить о другомъ.—Напримѣръ, почему это у васъ только одинъ человѣкъ живетъ, а другіе совсѣмъ не живутъ?.. Надо чтобы всѣ жили... И что это за дѣвушка, что все хотѣла, какъ бы лучше, а выходило все хуже?.. Лѣтъ

---

[1]) „Идеалистка“—напечатана въ журналѣ „Слово“, апр.—май 1878 г.

черезъ десять такихъ дѣвушекъ больше не будетъ... И еще: почему у васъ этотъ Крамской,—мы съ вами знаемъ, конечно, *кто* этотъ Крамской,—почему это онъ все пьетъ, а работа у него не выходитъ по настоящему?.. Развѣ вы не знаете, отчего у насъ работать нельзя по настоящему?.. Все это надо вамъ показать. Чтобы поняли всѣ какъ слѣдуетъ: какая работа, отчего не выходитъ... И вообще мой совѣтъ—вы это подождите печатать. Все это у васъ затронуто такъ, слегка... А это надо поглубже... Надо чтобы это—ножомъ прямо въ сердце! Вотъ какъ надо писать...

Многое и другое совѣтовалъ онъ тогда—въ смыслѣ *духа* и *направленія*, и я слушала его, затаивъ дыханіе, внимательно и благодарно (хотя по временамъ и не соглашаясь), какъ слушаютъ всегда истиннаго, настоящаго друга,—и въ первый разъ замѣтила тогда, что глаза у него—*страдальческіе*.

Потомъ, уже совсѣмъ поздно, пришла Александра Васильевна съ просьбой уступить ей съ Глѣбомъ Ивановичемъ на эту ночь мою комнату. Въ гостиницу ѣхать ей не хотѣлось, свободной комнаты въ домѣ не было, а имъ надо было о многомъ переговорить передъ долгой, быть можетъ, разлукой. Съ виду она была какъ будто совершенно при этомъ спокойна, но жившій рядомъ со мною студентъ спрашивалъ потомъ нашу общую горничную:

— Что это такое было сегодня у моей сосѣдки? Съ кѣмъ это она всю ночь говорила и горько-горько такъ плакала?..

Объ этихъ „горькихъ“ слезахъ, „не дававшихъ всю дорогу покоя“ Глѣбу Ивановичу, говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Александрѣ Васильевнѣ.

Въ августѣ или сентябрѣ 1878 года, когда Успенскіе вернулись опять въ Петербургъ,—какъ „неблагонадежные“,—жили они уже не у насъ, въ Столярномъ, а гдѣ-то по близости,—кажется, въ Демидовомъ переулкѣ,—зашли мы какъ-то днемъ съ П. М. Р—ной навѣстить больную Александру Васильевну. Имъ нужно было свести свои денежные счеты, и Александра Васильевна послала меня „повидаться“ съ Глѣбомъ Ивановичемъ.

Я вошла въ небольшую, биткомъ набитую комнату. Сидѣли, помню, даже на окнахъ, за неимѣніемъ стульевъ. Глѣбъ Ивановичъ стоялъ по срединѣ, въ облакахъ табачнаго дыма, и, оживленно жестикулируя, разсказывалъ „въ лицахъ“ впечатлѣнія своего путешествія по Дунаю. Не ожидая, что попаду въ такое многолюдное общество, я смутилась и хотѣла сейчасъ же уйти. Но онъ удержалъ меня за руку и тутъ же, при всѣхъ, ни съ того, ни съ сего, началъ вдругъ уговаривать, чтобы я по-

ѣхала корреспондентомъ въ Бухарестъ и Рущукъ или куда-то еще тамъ, не помню...

— Я вамъ дамъ туда письма, рекомендацію, все, что хотите. У меня теперь тамъ знакомыхъ видимо-невидимо... всякаго рода!

Я, разумѣется, отказалась:—Что вы, Глѣбъ Иванычъ! Какой же я корреспондентъ, да еще въ Болгаріи!

— Да помилуйте,—убѣждалъ онъ,—сколько вы тамъ разныхъ типовъ увидите!.. На всевозможныхъ нарѣчіяхъ... столпотвореніе вавилонское... Вотъ жаль—Демерта уже нѣтъ! Вотъ бы ему туда! Онъ бы ихъ нанизалъ всѣхъ на нитку... Коллекція, я вамъ скажу, богатѣющая. Просто сейчасъ подъ стекло! Если ихъ всѣхъ описать и представить—въ лучшемъ видѣ, какъ надо,—всѣ ахнутъ! Однимъ словомъ, все тамъ есть, что угодно: тамъ и штатскіе, и военные, и всевозможныя дамы... Говорю вамъ, чу-удесныя корреспонденціи написали бы... А какой я вамъ сейчасъ портретъ Демерта подарю—превосходнѣйшій!—закончилъ вдругъ онъ и началъ, было, что-то искать у себя въ бумагахъ, но я заторопилась поскорѣе уйти, совершенно переконфуженная, и онъ обѣщалъ мнѣ прислать его непремѣнно,—и прислалъ или занесъ самъ въ тотъ же день вырѣзанный изъ „Нивы“, дѣйствительно очень хорошо исполненный снимокъ.

VI.

Еще одно свиданіе глубоко врѣзалось въ мою память. Было это весною въ первые дни послѣ страшнаго для Петербурга марта 1881 года.

П. М. Р—на получила записку отъ Александры Васильевны такого, приблизительно, содержанія: „Лежу больная. Ребенокъ тоже боленъ [1]). Въ домѣ нѣтъ ни копѣйки. Нечѣмъ заплатить акушеркѣ. Пришлите, если можно, рублей десять, но только чтобы Глѣбъ Иванычъ объ этомъ не зналъ,—лучше всего съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ“. И при этомъ она просила не звонить, а повертѣть ручкой замка, такъ какъ звонки напоминали безпрестанно являющуюся съ обысками полицію, и раздражали Глѣба Иваныча, и пугали дѣтей.

Я взялась отвезти деньги, и такъ какъ весь день была занята—поѣхала поздно вечеромъ, послѣ 9-ти. Ѣхать, помню, пришлось что-то очень долго, и все больше какими-то закоулками, въ глухой конецъ города. Успенскіе жили тогда въ домахъ Сивкова, неподалеку отъ Обводнаго, но городъ былъ на военномъ положеніи, весь оцѣпленъ „охранительными заставами“, и, вѣроятно, во избѣжаніе непріятныхъ задержекъ извозчикъ повезъ меня кружнымъ путемъ. Вечеръ былъ мозглый, пасмур-

[1]) Младшая дочь Ольга, род. 25 марта.

ный, совсѣмъ не весенній. Безлюдье и мракъ вокругъ были полные. Мы ѣхали одиноко черезъ какой-то угрюмый пустырь—между какихъ-то высокихъ и слѣпыхъ стѣнъ. Мѣстность эта мнѣ была совсѣмъ незнакома, но что-то мрачное, жуткое, какъ кошмаръ, сжало мнѣ душу... и вдругъ мнѣ вспомнилось что-то *ужасное*... происходившее именно здѣсь... недавно...

— Гдѣ это мы ѣдемъ?—спросила я у извозчика, чувствуя странную холодную дрожь во всѣхъ членахъ.

— Семеновскій плацъ... гдѣ преступниковъ вѣшали!—глухо и какъ бы нехотя отвѣтилъ извозчикъ.

Мы подъѣхали, наконецъ, и къ домамъ Сивкова. Дверь отворила мнѣ акушерка, и сейчасъ же рядомъ, изъ кухни въ переднюю высунулась, какъ мнѣ показалось, круглая, по-солдатски остриженная голова—быть можетъ, городового, приставленнаго сторожить Глѣба Ивановича. Въ спальнѣ у Александры Васильевны приготовлялись мыть ребенка, и акушерка, попросивъ меня подождать, открыла дверь налѣво, съ словами:

— Пройдите пока къ Глѣбу Иванычу.

Я вошла въ большую, почти совсѣмъ пустую и полуосвѣщенную комнату. Единственная свѣча подъ абажуромъ стояла на столѣ у правой стѣны, подлѣ самыхъ дверей. На противоположномъ концѣ, въ глубинѣ, на диванѣ, сидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, а по бокамъ у него, свернувшись калачикомъ, спали дѣти. Онъ поднялся навстрѣчу мнѣ и, указавъ рукой на диванъ, рядомъ съ крѣпко спавшимъ „Сашечкой", прошепталъ озабоченно:

— „Присядьте, пожалуйста... У Александры Васильевны теперь тамъ возня...—и снова принялъ прежнюю позу: скрестивъ на колѣняхъ руки, опустивъ голову низко на грудь, о чемъ-то глубоко задумываясь,—такъ глубоко, что, видимо, не слыхалъ и не замѣчалъ ничего вокругъ.

И мы промолчали такъ, сидя рядомъ, что-то около часа. Вокругъ была полная и какая-то тягостная, зловѣщая тишина. Изрѣдка доносился черезъ закрытыя наглухо двери, изъ третьей комнаты, болѣзненный плачъ ребенка—Глѣбъ Иванычъ устало поднималъ глаза—въ направленіи къ этому плачу,—и снова все погружалось въ молчаніе, какъ въ могилу. Даже дѣти не шевелились во снѣ,—спали какъ мертвыя.

И сама не знаю, почему,—мнѣ припомнилось тогда одно впечатлѣніе ранняго дѣтства... Это было въ эпоху севастопольской войны. Мы жили безвыѣздно въ нашей деревнѣ. И вотъ разъ кто-то изъ нашихъ дворовыхъ-охотниковъ по оброку, стрѣляя дичь въ лѣсу, поймалъ тамъ невзначай раненаго орла (рѣдкость въ Тверской губерніи!) и принесъ показать его господамъ. Начинало уже смеркаться. Орла посадили въ залѣ на круглый столъ по срединѣ, и мы, дѣти, ходили вокругъ, разсматривая эту дико-

винку.—Большая и грузная птица, съ блестящими черными перьями, неподвижно сидѣла, угрюмо свѣсивъ острую голову между сжатыми крыльями. И только когда мы дотрагивались до перьевъ, орелъ медленно раскрывалъ круглый и томный глазъ, въ которомъ намъ видѣлось почти человѣческое страданіе. Но теплота его блестящаго оперенія напоминала, что это не чучело, а живая птица, и всѣмъ намъ хотѣлось дотронуться, чтобы убѣдиться, что орелъ живъ.

— Не трогайте его, дѣти!—останавливала насъ мать.—Онъ раненъ, и ему больно, когда его трогаютъ. Онъ привыкъ быть одинъ на вершинахъ... Это—царь между птицами... Ему у насъ душно. Пожалѣйте его!

И мы съ состраданіемъ и почтеніемъ смотрѣли на этого раненаго „царя между птицами", бережно, на цыпочкахъ ходили вокругъ стола, подставляя ему чашку съ водой, кусочки сырого мяса и хлѣба, сѣмена и червей... Но онъ ничего не ѣлъ—и въ ту же ночь умеръ.

И взглядывая по временамъ на сидѣвшаго подлѣ меня Глѣба Ивановича, я вспоминала этого орла. Очертанія его крупной темной фигуры на сумрачномъ фонѣ комнаты навсегда запечатлѣлись въ моихъ воспоминаніяхъ вмѣстѣ съ образомъ подстрѣленнаго орла. То же впечатлѣніе производитъ на меня его портретъ, снимокъ съ работы его сына, Александра Глѣбовича [1]), который виситъ надъ моимъ рабочимъ столомъ, когда я гляжу на него издалека, въ полумракѣ. Темная фигура на темномъ фонѣ; устало поникшія плечи, какъ упавшія крылья; опущенная на грудь голова и это больное, страдальческое лицо, — этотъ взглядъ, полный мысли и муки, устремленный куда то въ темную даль—какъ будто видящій тамъ передъ собою собственный свой *конецъ*, трагическую судьбу всякаго русскаго генія...

VII.

Позже, той же весною, Успенскіе переселились на житье въ Сябренцы, гдѣ былъ уже подновленъ старый домъ, сдѣланы необходимыя пристройки и разведенъ небольшой садъ. О жизни ихъ тамъ въ эти годы (1881—86) я знаю только по разсказамъ дѣтей и Александры Васильевны. Тамъ дѣти росли и подготовлялись къ учебнымъ заведеніямъ и самой Александрой Васильевной, и приглашенными учителями и учительницами. Тамъ Глѣбъ Иванычъ работалъ и отдыхалъ отъ своихъ ежегодныхъ поѣздокъ по Россіи, которую исколесилъ онъ изъ конца въ конецъ на пароходахъ, на лошадяхъ и въ вагонахъ третьяго класса. Въ Сябренцы ѣздили къ нимъ тогда, какъ

---

[1]) То же впечатлѣніе невольно вынесла я 26 марта 1907 г., когда вошла въ пустую квартиру этого сына и увидала два гроба рядомъ на столахъ,—а на стѣнѣ этотъ самый портретъ—въ натуральную величину—черной тушью... Израненный жизнью орелъ и жизнью убитыя его дѣти...

ѣздятъ до сихъ поръ въ Ясную Поляну—повидать Глѣба Иваныча, поклониться Глѣбу Иванычу, спросить у него совѣта, какъ жить и что дѣлать, ѣздили отдохнуть отъ „сидѣнья“ гдѣ-нибудь въ „предварилкѣ“ или въ „Крестахъ“... Тамъ именно, въ *голодный* годъ,—фатальный годъ для писателя, такъ какъ именно съ этого года начинаются его „ненормальности“,—этотъ добрый и деликатнѣйшій человѣкъ, раздававшій все, что имѣлъ, первому встрѣчному, на свой счетъ воспитывавшій дѣтей швейцара, когда его собственныхъ дѣтей исключали за неплатежъ изъ гимназіи,—тамъ онъ однажды закричалъ на студента-учителя, положившаго себѣ на тарелку больше, чѣмъ слѣдуетъ:

— Зачѣмъ это вы себѣ столько кладете? Вѣдь вы всего не съѣдите! Какъ вамъ не стыдно: народъ теперь съ голоду мретъ, а вы за троихъ ѣсть хотите!

Тамъ онъ раздѣлъ себя разъ до-нага, чтобы одѣть замерзающаго прохожаго...

Слухи объ этихъ „странностяхъ“ проникали иногда и въ печать, но никто еще не придавалъ имъ клиническаго значенія. Всѣ близко знавшіе Глѣба Иваныча приписывали все это чрезмѣрной впечатлительности своеобразнаго и чуткаго таланта и называли его „чудакомъ“...

За всѣ эти годы память моя сохранила только одно свиданіе и одинъ разговоръ съ А. В. Успенской. Кажется, осенью 1885 (или 1886) года П. М. Р—на попросила меня „побывать у Успенскихъ и спросить *осторожно* у Александры Васильевны, что такое вышло у нихъ съ Сибиряковымъ“...

— Узнайте, пожалуйста, хорошенько, въ чемъ дѣло,—говорила она;—я очень безпокоюсь за Александру Васильевну... Говорятъ, Сибиряковъ отказывается отъ изданія, и Глѣбу Иванычу угрожаетъ уголовный процессъ, такъ какъ онъ будто бы не имѣлъ права продавать этого изданія. „Что-то ужъ очень невѣроятное!“—прибавила тутъ же она.

Мнѣ тоже не вѣрилось.

Я поѣхала,—кажется, на Васильевскій Островъ. Смутно, какъ во снѣ, припоминается мнѣ темная квартира въ нижнемъ этажѣ, съ окнами во дворъ или въ полисадникъ. Бѣдно одѣтыя дѣти играли въ садикѣ съ бонной. Александру Васильевну я застала одну въ необычайно подавленномъ настроеніи. Она просматривала какія-то дѣловыя бумаги. Тутъ же, подлѣ нея, на столѣ, на окнахъ и на полу, лежали связки томовъ сочиненія Глѣба Успенскаго: „Разореніе“...

Я объяснила, какъ могла лучше, цѣль моего посѣщенія.

— У насъ теперь большая бѣда,—глухо сказала она:—Глѣбъ Иванычъ—подъ судомъ. Ему предстоитъ уголовщина...

Я подумала—она шутитъ: какъ-то не вязалось въ головѣ: Глѣбъ Иванычъ и—„уголовщина“!..

— Нѣтъ, я не шучу,—озабоченно говорила она.—Глѣбъ Иванычъ поступилъ необдуманно... Его всю зиму увозили отъ меня куда-то разные господа... все уговаривали его продать сочиненія... Ну, и онъ продалъ *всѣ* свои сочиненія Сибирякову и позабылъ или не зналъ, что „Разореніе“ у Карбасникова еще не распродано... И теперь Глѣба Иваныча обвиняютъ въ мошенничествѣ... И если приговоръ состоится,—его посадятъ въ тюрьму, а потомъ сошлютъ въ Сибирь, съ лишеніемъ правъ... *за мошенничество!* — Она съ какой-то болѣзненной горечью повторила это ужасное слово.

— Но этого, разумѣется, никогда не будетъ!—невольно вырвалось у меня.—Я не могу этого переварить даже въ мысляхъ...

— Вотъ и Глѣбъ Иванычъ... тоже не можетъ...

Она не договорила,—какъ будто ей внезапно захватило дыханіе,—и на безкровно-блѣдномъ лицѣ у нея отразилось такое страданіе, какъ будто приговоръ уже состоялся, и ее *приговорили* къ лишенію правъ и въ Сибирь вмѣстѣ съ Глѣбомъ Иванычемъ.

Никакой „уголовщины“, разумѣется, не послѣдовало, но эта „исторія“ ждетъ еще своего лѣтописца, и я позволю себѣ упомянуть о ней только потому, что теперь вижу ясно иисинно здѣсь *поворотный моментъ,* роковое начало всѣхъ позднѣйшихъ событій въ жизни несчастнаго Глѣба Ивановича.

VIII

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ тоже пришлось поселиться на Васильевскомъ Островѣ, неподалеку отъ Успенскихъ, и мы опять начали видѣться,—съ каждымъ годомъ все чаще и чаще, все ближе и дружественнѣе.

Жилось имъ тогда, повидимому, не плохо. Дѣла понемногу наладились, и ни о какихъ „процессахъ“ и „уголовщинѣ“ не было больше и рѣчи. Глѣбъ Ивановичъ, повидимому, оправился отъ пережитаго потрясенія и пользовался уже громкой извѣстностью. Его чествовали юбилеями, ему подносили адреса. Всякій разъ, когда я заходила къ нимъ зимой (на 7-й линіи, домъ, гдѣ помѣщался частный ломбардъ), у Глѣба Иваныча сидѣлъ кто-нибудь изъ сотрудниковъ, издателей и редакторовъ. Михайловскій, игравшій роль третейскаго судьи и свидѣтеля въ распрѣ его съ издателями, былъ съ нимъ теперь неразлученъ; я нерѣдко встрѣчала ихъ вмѣстѣ на улицѣ. Помню также, какъ передъ Глѣбомъ Ивановичемъ раскланивался Вуколъ Лавровъ, упрашивая его „дать имъ“ свою статью... Но въ раз-

говорахъ Александры Васильевны иногда проскальзывала не совсѣмъ понятная мнѣ тогда еще фраза:

— Я такъ рада, что у насъ теперь въ Сябренцахъ домъ. Все-таки можно будетъ жить, когда Глѣбъ Иванычъ не въ состояніи будетъ больше работать...

И эта фраза повторялась все чаще и чаще.

— Но вѣдь вы попрежнему счастливы и дружно живете съ Глѣбомъ Иванычемъ?—спросила я однажды ее.

Она не сразу отвѣтила.

— Мы теперь какъ-то ссоримся больше,—призналась она, наконецъ.—Глѣбъ Иванычъ какъ будто не хочетъ понять... Я говорю: нельзя же мнѣ все одной да одной... А Глѣбъ Иванычъ меня упрекаетъ: „Что же это вы, Александра Васильевна, хотите, чтобы я съ вами подъ-ручку ходилъ?!.“ Совсѣмъ не того я хочу! Но вѣдь не одна же я заводила семью... Оба мы заводили ее. И у насъ теперь пять человѣкъ дѣтей. Надо же подумать о дѣтяхъ. И обо мнѣ тоже надо немного подумать...

Ничего подобнаго прежде я отъ нея не слыхала. Это былъ взрывъ какого-то еще непонятнаго мнѣ отчаянія,—это былъ не упрекъ и не обвиненіе,—это было только горькое и безотрадное напоминаніе себѣ и другимъ, что вѣдь и она—*живая*, и ей надо жизни и хоть немного вниманія и участія... Она цѣлыми годами сидѣла въ глуши, одна, въ деревнѣ и въ городѣ, въ отсутствіе Глѣба Иваныча ходила въ старыхъ его фуфайкахъ,—платила долги,—приготовляла къ ученью дѣтей и, оставаясь одна въ глухую осень съ больными скарлатиной дѣтьми, посылала Глѣбу Иванычу успокоительныя телеграммы: „Будь покоенъ. Все хорошо“.—„Всѣ здоровы“.—„Прошу Глѣба Ивановича не безпокоиться—все хорошо“... И здѣсь, мнѣ думается, можно найти поясненіе тѣхъ „ссоръ“ и „неладовъ“, о которыхъ не разъ упоминаетъ въ письмахъ къ ней Глѣбъ Ивановичъ. Здѣсь же кроется и причина его мучительныхъ поисковъ „правды“ въ разрѣшеніи вопроса *о женщинѣ и семьѣ*—въ статьяхъ его и письмахъ къ близкимъ друзьямъ и знакомымъ. Семья начинала тяготить писателя, какъ эгоистическое начало, призывающее къ узкому *своему*... Его тянуло на просторъ общечеловѣческой мысли и дѣятельности, въ высь и глубь безпредѣльнаго идеала, гдѣ не было ни тягостныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ни еще болѣе тягостныхъ непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій. Его горячее сердце не въ силахъ было оторваться отъ дорогихъ ему, милыхъ образовъ друга-жены и дѣтей... Онъ бы желалъ *увѣрить*, *убѣдить* жену, что она *можетъ* обойтись безъ него, что онъ ей вовсе не нуженъ,—какъ не нужны мужья въ статьѣ его „Женщины-крестьянки“,—но, видя ея страданія, онъ только мучился самъ вмѣстѣ съ нею и обвинялъ во всемъ самого себя...

Бывая у нихъ въ эти годы, я рѣдко видала его, или видѣла только мелькомъ. „Глѣбъ Иванычъ работаетъ“... „Глѣбъ уѣхалъ“,—скажетъ, бывало. Александра Васильевна, когда спросишь о немъ. „У Глѣба Ивановича теперь Гольцевъ и Михайловскій... Имъ не надо мѣшать“...

Однажды вечеромъ мы сидѣли съ Александрой Васильевной въ ея комнатѣ, разговаривая о разныхъ статьяхъ въ журналахъ, когда за плотно прикрытою дверью раздались мужскіе шаги.

— Это Глѣбъ Ивановичъ къ намъ идетъ!—замѣтила Александра Васильевна, и, взявъ изъ ящика пузырекъ съ духами, торопливо вытерла себѣ руки.

— У Глѣба Ивановича галлюцинація обонянія—шепотомъ пояснила она:—ему кажется, что вездѣ дурно пахнетъ...

Глѣбъ Ивановичъ вошелъ, мы поздоровались, я сказала ему:

— Что это, вы какъ будто похудѣли, Глѣбъ Ивановичъ?

— Да вѣдь это всегда такъ бываетъ: то худѣешь, то полнѣешь,—съ улыбкой отвѣтилъ онъ и сейчасъ же куда-то опять ушелъ. Въ другой разъ Александра Васильевна почему-то сама послала меня къ нему [1]).

— Подите, поговорите съ Глѣбомъ Ивановичемъ. Онъ одинъ. Онъ скоро уѣдетъ надолго... (кажется, она сказала: „къ переселенцамъ“,—не помню хорошо).

Я вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ читалъ газету—но, повидимому, болѣе по привычкѣ, такъ какъ въ то же время внимательно занимался чисткой своихъ ногтей перочиннымъ ножикомъ. И я невольно при этомъ замѣтила, что ногти у него на мизинцахъ необычайной длины,—не менѣе какъ *въ вершокъ*. А говорилъ онъ со мной такъ разсѣянно, что мнѣ стало неловко, и я поспѣшила уйти.

Я приписала это тогда нашему обоюдному сосредоточенію на противоположныхъ концахъ міросозерцанія... „Вѣра“ у насъ давно была разная. *Они* попрежнему читали и почитали свой „Римъ“, а мнѣ этотъ „Римъ“ давно представлялся тѣсной и душной клѣткой съ ярлыкомъ: *радикальное направленіе...*

И оттого ли, что я отвыкла отъ нихъ и духовно мы разошлись, шли разными путями,—меня какъ-то и не тянуло тогда къ сближенію. При всей дружественности нашихъ отношеній, чувствовалось взаимное не пониманіе и взаимная рознь. Сближало и заставляло дорожить этими отношеніями только общее наше прошлое, все пережитое вмѣстѣ, воспоминанія прежнихъ лѣтъ, обвѣянныхъ чарами молодости. Дѣти ихъ,—эта вы-

---

[1]) Это было вскорѣ послѣ его перваго леченія у Фрея, гдѣ ему дѣлали операцію.

роставшая новая семья, жужжавшая какъ веселый улей, была мнѣ милѣе и ближе... Она еще не вѣдала ферулы и тисковъ „направленія", хотя уже прислушивалась къ голосамъ „друзей" и „враговъ", чутко различая въ нихъ звуки *лжи* и *правды*,--вражды и искренняго сочувствія...

Но, несмотря на эту рознь иновѣрія, или, вѣрнѣе, именно потому, что сознавалась рознь и хотѣлось объединенія по душѣ и по совѣсти, я рѣшила обратиться опять къ Глѣбу Ивановичу за литературнымъ совѣтомъ по поводу моей новой работы. И вотъ что я получила въ отвѣтъ на мое письмо (привожу отрывокъ):

„*15 февр. 89 г.*

„Я сейчасъ только вернулся изъ Москвы и прочиталъ ваше письмо... Если вы думаете, что мое мнѣніе о вашемъ новомъ романѣ (я очень этому радъ) будетъ для васъ что-нибудь значить—я съ удовольствіемъ его прочитаю. Какъ у насъ въ домѣ ни тяжело и мучительно [1],—*я даже и права не имѣю бросать или хоть отстать отъ литературнаго дѣла*. Часовъ до 11 утра и часовъ до 7 вечера я всегда дома".

На слѣдующее утро я пошла къ Глѣбу Ивановичу съ моей рукописью. Онъ самъ открылъ мнѣ дверь и, поздоровавшись съ обычною теплотою, какъ добрый старый знакомый, провелъ къ себѣ въ комнату,—маленькую и темную, съ окнами въ слѣпую стѣну, или, какъ онъ тутъ же выразился тогда, „чортъ знаетъ куда". Усадивъ меня рядомъ съ собою у письменнаго стола, онъ заговорилъ какъ будто попрежнему, какъ будто мы видѣлись только вчера и никакой „розни" не было никогда... Но что-то въ немъ было уже для меня туманное. Какъ выцвѣтшая фотографія сохраняетъ блѣдныя очертанія снимка, но лишена уже былыхъ слѣдовъ минутно-схваченной жизни, такъ и во всей наружности его было теперь что-то обезцвѣченное, говорившее о невозвратно канувшемъ въ вѣчность... Трудно сказать, что это было,—и было ли это въ немъ, или во мнѣ самой,—но я сейчасъ же почувствовала, что *не туда* пришла, куда думала, и знала уже напередъ, что никакого „объединенія" между нами не будетъ.

Я знала, что онъ мысленно всю жизнь *писалъ про себя*, и потому, когда съ нимъ заговаривали нежданно для него,—имѣлъ видъ человѣка, котораго будятъ. И отвѣты его часто походили на отвѣты въ полуснѣ—замедленные, отрывочные, неясные. Чѣмъ дальше былъ вопросъ отъ того, о чемъ онъ думалъ, тѣмъ несвязнѣе и туманнѣе былъ отвѣтъ. Иногда онъ

---

[1]) Александра Васильевна была при смерти послѣ несчастнаго случая на Николаевскомъ мосту. Она упала изъ саней и попала подъ лошадь, копытомъ разбившую ей голову.

отдѣлывался односложными звуками... Все это я знала давно и все это составляло его оригинальную психологію. Но теперь разсѣянность его производила совсѣмъ не то впечатлѣніе.

У меня записанъ *послѣдній* (въ буквальномъ смыслѣ) разговоръ мой съ Глѣбомъ Ивановичемъ, и я передаю его здѣсь почти безъ измѣненій, какъ онъ записанъ у меня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Разговоръ велся полушепотомъ—чтобы не потревожить только-что начинавшую оправляться больную. Онъ сидѣлъ тутъ—въ полутьмѣ—совершенно одинъ (дѣти были увезены къ знакомымъ), окруженный ворохами газетъ,—отъ одного вида которыхъ у него „душу воротитъ“,—и какъ-то пассивно, безъ былого одушевленія соглашался со всѣмъ, что я ему говорила.

— Смыслъ жизни потерянъ,—сказала я въ поясненіе моихъ жизненныхъ выводовъ.

— Никакого нѣтъ смысла!—повторилъ онъ за мной.—Какой тутъ можетъ быть смыслъ, когда ежеминутно приходится ожидать—вотъ-вотъ, сію минуту, ни съ того, ни съ сего, придутъ и начнутъ шарить въ столѣ... А это жизнь теперь каждаго русскаго литератора...

— Но, Глѣбъ Ивановичъ, недавно праздновался вашъ юбилей. Значитъ, васъ цѣнятъ и понимаютъ...

— И теперь въ Москвѣ, когда всѣ перепьются—сейчасъ мнѣ адресъ пришлютъ!—съ добродушной улыбкой вставилъ онъ.

Я спрашивала его о журналахъ, интересующихся *идеями* общечеловѣческаго значенія, а онъ увѣрялъ, что такихъ журналовъ не существуетъ совсѣмъ!

— Неужели вездѣ только коммерція? Купцы и лавки?

— Вездѣ то же самое, увѣряю васъ!

— Но вѣдь это ужасно, Г. И.! Вѣдь тогда зачѣмъ же и писать!

— Вотъ именно и я про то же вамъ говорю! Невозможно писать!— Но вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же началъ совѣтовать мнѣ писать очерки о пошехонскихъ дѣвицахъ и дамахъ и приводилъ при этомъ въ примѣръ одну свою знакомую писательницу, которая „отлично написала (онъ загибалъ пальцы, считая): 1) мои три маленькіе воришки; 2) мои двѣ нищенки; 3) мои шалуны... и еще что-то въ этомъ же родѣ“...

Я заговорила о статьяхъ одного писателя-публициста и замѣтила, что „либераламъ“ тоже вѣрить нельзя:

— И у нихъ только одни пустыя слова... ратуютъ и защищаютъ они...

— На пустопорожнемъ мѣстѣ!—подхватилъ онъ, точно обрадовался.— Какіе же у насъ теперь либералы, помилуйте! Вотъ Герценъ, Тургеневъ—

вотъ это были либералы... Ну, да вотъ подождите немного: скоро въ Европѣ кое-что случится—тогда и нашъ гипнотизмъ пропадетъ.

И вмѣсто заключенія онъ далъ мнѣ на прощанье прочитать фельетонъ московскаго критика о Чеховской пьесѣ „Ивановъ“.

— Вотъ, возьмите, прочитайте, пожалуйста... Посмотрите, какую онъ тутъ чепуху напоролъ!..

Но, прочитавъ потомъ, я не могла не согласиться съ авторомъ „чепухи“: мои впечатлѣнія были тѣ же самыя.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушла я тогда отъ Глѣба Ивановича и сожалѣла, что оставила ему рукопись. Зачѣмъ?—Все равно не пойметъ. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

Отъ этого свиданія и разговора у меня осталось впечатлѣніе какого-то *застѣнка*, гдѣ не было ни воздуха, ни свѣта, ни стремленія выйти на волю... Замуравилъ себя человѣкъ добровольно—и сидитъ въ испуганномъ ожиданіи: вотъ-вотъ придутъ и начнутъ шарить у него—и въ ящикахъ, и въ душѣ! Въ мысляхъ станутъ рыться и доискиваться, о чемъ онъ тутъ думаетъ и что *замышляетъ*?.. А онъ давно-давно ни о чемъ не думаетъ... живетъ какъ автоматъ, по привычкѣ,—машинально повторяя себѣ и другимъ когда-то затверженныя проблемы... И сердце невольно сжималось отъ ужаса за эту жизнь „застѣнка“ и „автомата“...

Это были, разумѣется, только мимовольныя летучія впечатлѣнія, и они исчезли потомъ такъ же безотчетно, какъ появились. Онъ ждалъ „*кое-чего*“ отъ Европы, а я—отъ насъ самихъ, отъ внутренняго нашего перерожденія. Только въ этомъ и была разница между нами. И ужъ, конечно, онъ, чуткій сердцемъ и умомъ, пойметъ—какъ никто,—что мы хотимъ одного и того же...

И Глѣбъ Ивановичъ, дѣйствительно, былъ такъ добръ и внимателенъ ко мнѣ,—онъ не только прочиталъ тридцать печатныхъ листовъ моей рукописи, но и прислалъ мнѣ лѣтомъ, изъ Чудова, обстоятельный разборъ моего труда. Не буду здѣсь приводить возникшей между нами по этому поводу переписки (копіи этихъ писемъ, по желанію Александры Васильевны, отданы мной въ полное распоряженіе семьи и появятся, вѣроятно, когда-нибудь въ общемъ собраніи писемъ Глѣба Успенскаго). Приведу лишь нѣсколько строкъ изъ одного письма его, умилявшихъ меня до того, что мысленно хотѣлось цѣловать ту руку, которая ихъ начертала. И всякій разъ, читая эти строки, мнѣ слышится какъ будто *прежній*—напряженный, горячій и задушевный—голосъ Глѣба Ивановича,—голосъ человѣка, отдавшаго всю свою жизнь на служеніе тому дѣлу, въ которомъ для него,

какъ и для меня, заключалась вся цѣль и весь смыслъ человѣческаго существованія...

Вотъ эти строки:

„Нѣтъ, В. В., мнѣ кажется, что мое письмо къ вамъ не произвело на васъ никакого другого впечатлѣнія, кромѣ непріятнаго. Между тѣмъ, желаніе мое, чтобы трудъ вашъ не пропалъ даромъ, и, во-вторыхъ, чтобы матеріалъ, которымъ вы располагаете, задачи, которыя преслѣдуете,—были бы выражены въ формахъ—какъ бы сказать?—*въ формахъ наиболѣе внимательныхъ къ читателю* [1]). Вы пишете, что желаете сказать людямъ то-то и то-то, желаете освѣжить ихъ сухія сердца и темныя мысли свѣтлой идеей вѣры. *Потрудитесь же, примите на себя трудное дѣло* войти въ положеніе читателя и, принимая это положеніе во вниманіе,—скажите ему то, что вы думаете, *такъ* [2]), чтобы слова ваши подѣйствовали на него. Вы пишете для общества, которое утратило вѣру. *Надо крѣпко думать о немъ, чтобы ваши слова подѣйствовали на него*“...

Это писалъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ лѣтомъ 1889 года. А четыре года спустя (въ 1893) я вдругъ нежданно-негаданно узнала глубоко поразившую меня новость. Дѣти часто заходили ко мнѣ—то съ запиской отъ Александры Васильевны, то съ какимъ-нибудь порученіемъ, а то и просто, чтобы доставить мнѣ удовольствіе своимъ милымъ искреннимъ лепетомъ. И вотъ, помню, вечеромъ,—дѣло было уже въ сентябрѣ,—приходитъ ко мнѣ младшая дѣвочка, Ольга,—ей было тогда лѣтъ девять,—блѣдная и разстроенная. Спрашиваю у нея, что случилось?

— Ахъ, В. В., какъ у насъ теперь дома нехорошо!—трепетнымъ голосомъ прошептала она.

— Да въ чемъ же дѣло, голубушка ты моя?!..

Но у нея дрожали губы, и она, видимо, боролась съ собою: страшно было выговорить роковое, жестокое слово... И, наконецъ, я угадала скорѣе по движенію ея губъ, что она говоритъ:

— Папа у насъ... совсѣмъ больной... Богъ знаетъ, что говоритъ!..

И слезы градомъ посыпались у нея по щекамъ. Это было какъ разъ въ то лѣто, когда Глѣбъ Ивановичъ приходилъ пѣшкомъ изъ Колмова [3]) въ Чудово, и тамъ у него былъ припадокъ раздраженія, вызванный появленіемъ доктора, пріѣхавшаго за нимъ. Въ припадкѣ онъ разбилъ себѣ камнемъ голову и билъ всѣхъ, кто подходилъ къ нему...

— Только тутъ я впервые узнала отъ Алекс. Вас., что Глѣбъ Ива-

---

[1]) Курсивъ Глѣба Ивановича.
[2]) Курсивъ Гл. Ив.
[3]) Больница для душевно-больныхъ въ Новгородской губ.

новичъ давно страдаетъ „разстройствомъ нервовъ“, что онъ лечился у Фрея, а теперь второй годъ живетъ въ Колмовѣ и домой наѣзжаетъ только по временамъ.

И всѣ эти годы,—мрачные, полные тревогъ и мучительныхъ ожиданій еще бóльшаго ужаса,—годы одиночества, тоски и отчаянія,—Александра Васильевна проводила одна, безъ друзей и помощниковъ, скрывая отъ всѣхъ то, что уже терзало давно ея душу... Ея Глѣбъ, ея „поэзія“, радость и слава, разрушался постепенно на ея глазахъ,—онъ уходилъ отъ нея въ какую-то безпросвѣтную тьму, откуда не было никакого возврата... не жизнь и не смерть...

Вотъ когда я поняла и оцѣнила вполнѣ эту женщину. Цѣлые годы такого существованія—съ вспышками надежды, съ проблесками чего-то похожаго на выздоровленіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе... И тутъ же подлѣ—подростающія дѣти, требующія ухода и попеченія, нуждающіяся въ свѣтѣ и радости, чтобы вырости и окрѣпнуть для жизни... И эти дѣти были вѣдь дѣти Глѣба Ивановича, такія же чуткія, любящія, боготворившія отца и писателя, переживавшія сердцемъ всю эту скорбную драму семьи...

Прошло десять лѣтъ,—и я еще разъ увидала его... въ гробу, въ церкви Волкова кладбища. И чудное дѣло: лицо его опять преобразилось. Когда сняли крышку гроба,—какъ снимаютъ футляръ съ драгоцѣннаго инструмента,—онъ лежалъ какъ будто нетлѣнный,—по прежнему гармоничный и ясный, но уже холодный, нѣмой, безъ жаркаго трепета своихъ чуткихъ, теперь навсегда неподвижныхъ струнъ...

... Церковь, улица, кладбище—все было полно. И какая странная, какъ будто на подборъ стекавшаяся толпа!.. Нервныя, одухотворенныя, но болѣзненно-усталыя или угрюмо-ожесточенныя лица, — изможденныя, блѣдныя... и какъ-то царственно-горделивыя... Фигуры надломленныя... Мужчины и женщины безъ цвѣта лица и безъ возраста, но безъ робкихъ движеній... Одѣты всѣ одинаково въ черномъ и темномъ, простомъ, безъ притязаній на моду и безъ заботы о томъ, какъ и во что одѣты. Разговоры тоже какъ будто бы странные: воспоминанія о Сибири, тайгѣ и тюрьмѣ... Толпа какихъ-то разночинцевъ—изъ „благородно-голодныхъ“, какъ тотъ, котораго хоронили, безъ чиновъ и безъ титуловъ, но съ отмѣткой полиціи: „неблагонадежный“, „административно - сосланный“, „помилованный“... преступникъ въ прошедшемъ и, можетъ быть, снова въ будущемъ... не узнанный бѣглый, безстрашно явившійся отдать послѣдній долгъ „печальнику горя народнаго“, подъ угрозой поимки и задержанія.—вотъ изъ кого, главнымъ образомъ, состояла эта многотысячная толпа!—Точно особая какая-то *нація*,—съ своимъ культомъ, съ своими завѣтами и преданіями,

съ своимъ таинственнымъ языкомъ, непонятнымъ для непосвященыхъ въ ихъ тайны...

Это было „царство Глѣба"... А „у Глѣба-то царство огромное..." [1]) Всѣ „труждающіеся и обремененные" въ Россійской имперіи принадлежатъ къ этому царству.

IX.

Возвращаясь съ кладбища, я думала съ тревогой о томъ, какъ переживетъ эту смерть Александра Васильевна. Мнѣ трудно было даже представить ее существующею *безъ* Глѣба Ивановича,—до того они нераздѣльно сливались въ моемъ сознаніи. Бывая у нихъ въ теченіе этихъ десяти лѣтъ, я постоянно слышала однѣ и тѣ же рѣчи: всѣ чувства, всѣ помыслы этой женщины вращались, какъ земля вокругъ оси, вокругъ Глѣба Ивановича и журналовъ, гдѣ онъ работалъ. Она жила только имъ и черезъ него—какъ же станетъ она теперь жить? И если она не умерла сейчасъ вслѣдъ за нимъ, такъ это потому, что всѣ эти годы его жизни она медленно умирала *вмѣстѣ* съ нимъ...

... „О себѣ сказать нечего,—пишетъ она мнѣ мѣсяцъ спустя послѣ похоронъ.—Встаю и ложусь съ мыслью, что нѣтъ ни здороваго, ни больного Глѣба Ивановича—и холодно, холодно..."

... „Я уѣзжаю въ Сябренцы,—пишетъ она въ другомъ письмѣ,—все-таки тамъ жилъ и работалъ Глѣбъ Ивановичъ..."

И, наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ (въ концѣ 1905):

... „Я очень плоховато себя чувствую. Даже на Волковомъ давно не была. Ну, старость настоящая. И то долго продержалась. Всѣхъ дѣтей выростила".

Жила она теперь поочередно съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, дольше всѣхъ, кажется, у своего любимаго „Сашечки"... Онъ больше всѣхъ напоминалъ ей Глѣба Ивановича. И по словамъ ея дочери (Маріи Глѣбовны Кричинской)—„если мама начинаетъ, бывало, жаловаться, что на дачѣ у насъ дуетъ,—я уже такъ и знаю, что надо писать Сашѣ, чтобы пріѣзжалъ поскорѣе... Какъ онъ только побываетъ у насъ,—сейчасъ перестанетъ дуть, и дача окажется превосходная..." Иногда поселялась она и одна,—нанимала квартиру, прислугу, заводила свое хозяйство,—какъ было это въ прошломъ году,—но обыкновенно не выдерживала долго своего одиночества и переѣзжала опять къ кому-нибудь изъ дѣтей.

Всякій разъ, приходя къ ней, я заставала ее въ одномъ и томъ же

---

[1]) Изъ воспоминаній о Глѣбѣ Успенскомъ.—слова его больной души, „вспомнившіяся" одному изъ его почитателей тамъ же, на Волковомъ кладбищѣ, въ день похоронъ писателя.

положеніи: сидитъ у себя въ комнатѣ, окруженная портретами и письмами Глѣба Ивановича. Всѣ его письма, начиная съ самой первой записки, полученной изъ рукъ въ руки—въ 1867 году—и до послѣдняго письма изъ больницы—отъ 1893 г.,—все это было всегда неразлучно при ней. Она ихъ читала и перечитывала, плакала и цѣловала... Одно письмо такъ часто читалось ею, что распалось уже на клочки и буквы стерты ея слезами и поцѣлуями... Это было самое дорогое для нея письмо. Глѣбъ Ивановичъ написалъ его десять лѣтъ спустя послѣ ихъ сближенія, и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда она его только-что получила,—она давала мнѣ прочитать изъ него одну строчку: ... *„все вздоръ, ничего мнѣ не нужно. Ты мой настоящій и дорогой другъ—одна, больше никого“*.

Она приводила всѣ эти письма въ порядокъ, пронумеровывала, ставила числа и годы (не всегда, впрочемъ, вѣрно) и собиралась писать мемуары. Всѣ воспоминанія о немъ она собирала и переписывала. Но ни одно не удовлетворяло ее вполнѣ.

— Все не то они пишутъ, — говорила она. — Нигдѣ я *не вижу Глѣба Ивановича, его самого...*

Лучшими—„больше похожими и прочувствованными“—она считала воспоминанія В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевскаго и неизвѣстнаго автора въ „Сибирской Газетѣ“.

Не разъ она и другіе члены семьи высказывали мнѣ желаніе, чтобы я написала мои воспоминанія. Но я искренно увѣряла, что это очень трудно что я совсѣмъ не такъ близко знала Глѣба Ивановича, и онъ—такой своеобразный, неподдающійся описанію, человѣкъ...

— Я дамъ вамъ прочитать его письма,—говорила она,— и вы отлично его поймете.

Содержаніемъ всѣхъ разговоровъ ея были воспоминанія ея жизни съ Глѣбомъ Ивановичемъ, и всѣ подробности этой жизни передавались ею въ живыхъ очертаніяхъ. Она жила своимъ прошлымъ, когда живы были вокругъ нея всѣ знакомые литераторы, и живъ былъ ихъ центръ и душа—Глѣбъ Ивановичъ. Но этотъ кругъ съ каждымъ годомъ рѣдѣлъ, воспоминанія блѣднѣли, изглаживались. Она съ горечью говорила порой, что ее „забыли...“ „Это значитъ, и Глѣба Ивановича уже позабыли!..“ и съ торжествующимъ видомъ показывала присланный Н. К. Михайловскимъ экземпляръ его сочиненій съ прочувствованной надписью.

— Точно помолодѣла теперь... Такъ это мнѣ старое время напомнило... Хорошее было время тогда!..

Дѣти всегда съ интересомъ прислушивались къ ея разсказамъ. Вообще, я не знаю ни одной литературной семьи, гдѣ такъ ревниво и свято

чтили бы культъ отца-литератора. Его духомъ жила и дышала семья—какъ при жизни, такъ и потомъ. Не разъ доводилось мнѣ быть свидѣтельницей, какъ Александра Васильевна наводила на путь истинный кого-нибудь изъ „пришлыхъ", чужихъ, однимъ напоминаніемъ имени Глѣба Ивановича. Среди молодежи, нетерпѣливой и шумной, бравшей жизнь съ бою, она сидѣла, какъ строгая, умная воспитательница, внимательно прислушиваясь къ бесѣдамъ и спорамъ новаго поколѣнія. Она улыбалась, довольная, когда въ этихъ бесѣдахъ слышались отзвуки знакомыхъ и близкихъ ея сердцу рѣчей. Она хмурилась, когда эти разговоры принимали характеръ ненавистнаго ей образа мыслей и чувствъ. Она вставала и уходила къ себѣ, въ свою комнату,—всегда строго-простую, опрятную и прохладную, съ отсутствіемъ всего лишняго,—и, вмѣсто споровъ и осужденія, говорила присутствующимъ:

— Ну, я не привыкла къ такимъ разговорамъ. Мы съ Глѣбомъ Ивановичемъ думали иначе, и такъ и прожили нашу жизнь. Я не готовила моихъ дѣтей къ житью въ *свое удовольствіе*. Глѣбъ Ивановичъ всю жизнь страдалъ за людей и чужія страданія и всѣ эти удовольствія называлъ *зоологіей*. Мои дѣти носятъ имя *Глѣба Успенскаго*. Они должны беречь это имя.

Не дальше какъ въ прошломъ (1906) году, на Пасхѣ, когда я была у нея, она мнѣ разсказывала опять о томъ, какъ Глѣбъ Ивановичъ „ненавидѣлъ всегда разговоры *о себѣ*", и какъ однажды, живя въ Парижѣ, русскіе литераторы устроили пикникъ гдѣ-то въ Champs-Elysées или въ Булонскомъ лѣсу.

— Н. С. Курочкинъ, любившій поѣсть, притащилъ съ собой цѣлый коробъ всякихъ закусокъ—устрицъ, паштетовъ, вина, какихъ-то необыкновенныхъ пирожковъ; другіе тоже—фруктовъ, конфетъ... „Зоологія", однимъ словомъ, была въ полномъ ходу. И вотъ, когда выпили, начали хвастаться, говорить о себѣ. Были тутъ и Максимовъ, и Якушкинъ, и Р., и Л., и Г., вся русская колонія тогда, однимъ словомъ. И вотъ, оказывалось, всѣ они знатнаго рода и благороднаго происхожденія—всѣ столбовые дворяне, всѣ потомственные; одинъ—бояринъ тринадцатаго, другой двѣнадцатаго вѣка... У одного было столько-то тысячъ душъ, у другого—еще того больше... Глѣбъ Ивановичъ, помню, лежалъ на травѣ, слушалъ, какъ они говорятъ... Слушалъ ихъ, слушалъ, потомъ этакъ посмотрѣлъ на меня,—мы всегда понимали другъ друга съ перваго взгляда,—и на нихъ посмотрѣлъ,—приподнялся и говоритъ: „Я тоже очень благородный человѣкъ! Увѣряю васъ, господа: *о-чень* благородный!"—Такъ онъ ихъ тутъ и уложилъ!—съ улыбкой закончила Александра Васильевна.

И мучило, и заставляло негодовать ее, когда о Глѣбѣ Ивановичѣ

молчали или говорили „*не то*“,—когда, напримѣръ, писали, что онъ впалъ въ первное разстройство оттого, что онъ „пьянствовалъ“, что семья позабыла его, что могила его въ небреженіи...

Жестоки и грубы кажутся знающимъ близко семью Успенскихъ тѣ отзывы и толки, которые появлялись тогда въ газетахъ и до сихъ поръ передаются изъ устъ въ уста!.. И непонятно, что побуждало авторовъ этихъ замѣтокъ—якобы почитателей покойнаго писателя — набрасывать тѣнь на тѣхъ, кому всѣхъ ближе и всѣхъ дороже этотъ писатель!

Александра Васильевна и дѣти *постоянно* (насколько позволяли ихъ моральныя и матеріальныя средства) навѣщали больного. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ Александра Васильевна постоянно упоминаетъ, когда она была „счастлива“—когда могла побывать у Глѣба Ивановича—въ больницѣ или на кладбищѣ.

...„Наканунѣ отъѣзда (въ Сябренцы) была у Глѣба Ивановича. Разскажу вамъ, когда пріѣдете.

„У Глѣба Ивановича двѣ комнаты, хорошо меблированныя; есть картины и цвѣты. Я была съ Шульгиной [1]), и мы пробыли долго, пили чай и разговаривали; иногда приходилось и бредъ слушать; но разъ Глѣбъ Ивановичъ боленъ,—такъ что же дѣлать, и бредъ послушаешь, чтобы съ нимъ побыть немного“.—И тутъ же прибавляетъ порадовавшее ее извѣстіе:—„Въ Бернѣ открыта библіотека и читальня имени Глѣба Ивановича“...

Письма врача ярко рисуютъ сочувственное отношеніе его къ больному писателю и къ пораженной горемъ семьѣ. Въ нихъ лучше всего поясняется и причина, почему больного невозможно было оставить дома. Опыты, производимые этимъ врачемъ,—возвращеніе больного въ домашнюю обстановку,—вызывали *усиленіе болѣзни* и... болѣзненно отражались на *всѣхъ* членахъ семьи. Мыслима ли была такая жестокая жертва? И къ чему повела бы она?—надъ этимъ стоитъ задуматься тѣмъ, кто рѣшается на подобные упреки и обвиненія... Упрекать можно бы развѣ тѣхъ, кто въ состояніи былъ помочь и во-время поддержать истомленнаго труженика, доведеннаго до отчаянія напрасными усиліями выбиться изъ житейскихъ оковъ...

Сочиненія его были изъяты изъ народныхъ и ученическихъ библіотекъ, какъ „вредныя“ для незрѣлаго юношества. А между тѣмъ эти сокровища языка, чувства и мысли — эта кунсткамера народнаго творчества—должны бы изучаться, какъ отдѣльная отрасль познанія Россіи 60-хъ—90-хъ годовъ.

[1]) Наталья Александровна Шульгина—старинная знакомая Ал. В—ны.

X.

Въ разговорахъ съ Александрой Васильевной мы не разъ касались и вопроса о самой *болѣзни* Глѣба Ивановича.

Она не признавала его недугъ безнадежнымъ душевнымъ разстройствомъ и до послѣдняго дня старалась увѣрить себя и другихъ, что онъ „еще можетъ поправиться“, что ему надо только „хорошенько отдохнуть“ и „лечиться“.

— Просто Глѣбъ Ивановичъ надорвался!—съ сокрушеніемъ говорил она.—Вѣдь онъ не то что другіе. Онъ никогда не могъ такъ писать, какъ пишутъ теперь... Глѣбъ Ивановичъ такъ всегда мучился, когда ему что-нибудь не удавалось... Убить себя былъ готовъ. Сколько разъ бывалъ онъ на волосокъ!.. Сколько разъ говорилъ: „Камни бы лучше таскать хотѣлъ, чѣмъ это писанье изъ-подъ палки!“ А какъ же было ему не писать?!.. Вѣдь Глѣбъ Ивановичъ за всѣхъ за насъ мучился. Столько дѣтей! Всѣхъ нужно одѣть, накормить, научить... Я бы рада работать, да не могу... Силъ уже нѣтъ. А ему—передохнуть никогда не давали!.. Я непремѣнно все это когда-нибудь напишу. Надо же, чтобы понимали Глѣба Иваныча какъ слѣдуетъ!—съ волненіемъ доканчивала она.

Но желанію этому такъ и не удалось осуществиться. Жизнь не щадила никого въ послѣдніе годы,—и на ея долю снова выпало тяжелое душевное потрясеніе.

Живя на дачѣ (въ Шуваловскомъ паркѣ) у второй своей дочери, она пережила второй нервный ударъ. Легкая простуда и неожиданное извѣстіе о смерти любимаго перваго внука доконали ее.

Осенью, 12 октября, ея не стало.

Я видѣлась съ ней въ послѣдній разъ въ іюлѣ, на дачѣ. Она уже спала, когда я пріѣхала къ нимъ.—„Мама все теперь спитъ“,—говорила Марья Глѣбовна.—„Очень она ослабѣла“. Я ночевала у нихъ и, уѣзжая утромъ, не надѣялась уже повидать Александру Васильевну. Марья Глѣбовна съ дѣтьми пошла провожать меня до парохода, и мы подходили уже къ калиткѣ, когда за нами издалека раздался голосъ Александры Васильевны.

— Мама зоветъ васъ,—сказала мнѣ Марья Глѣбовна.

Я обернулась—Александра Васильевна стоитъ на высокомъ крыльцѣ и протягиваетъ ко мнѣ руки.

— Куда же это вы отъ меня уходите? Дайте же мнѣ повидать васъ еще разокъ! Можетъ быть, больше никогда не увижу... Можетъ быть, я скоро умру,—говорила она, покрывая крѣпкими поцѣлуями все лицо мое.. Неблагополучно у насъ,—съ печалью прошептала она.—Знаете... мужъ Вѣры... Не вынесу я этого... Скоро умру...

Меня удивила тогда и эта трогательная нѣжность ко мнѣ, и эти слова о близости ея смерти. Видъ у нея былъ вполнѣ здоровый и крѣпкій, хотя она похудѣла и волосы были совсѣмъ уже бѣлые.

Я попыталась успокоить ее,—пошутить.

— Зачѣмъ умирать, Александра Васильевна! Еще помучаемся и порадуемся... Мы съ вами вмѣстѣ умремъ. А я еще и не собираюсь.

— Нѣтъ, вы живите!.. Я вамъ дамъ прочесть всѣ письма Глѣба Ивановича... На домъ вамъ дамъ!—шептала она,—и вы хорошо напишете... ваши воспоминанія о Глѣбѣ Ивановичѣ.

Мы еще разъ крѣпко съ ней обнялись—и разстались,—какъ оказалось потомъ—навѣки. Навѣстить ее въ городѣ мнѣ такъ и не удалось. Увидала уже въ гробу. Лицо ея стало такое маленькое, такое смиренное и безропотное... точно снова сдѣлалась она невѣстой Глѣба Ивановича...

И вотъ, 14-го октября мы снова были на Волковомъ кладбищѣ. Вопреки ожиданію, постороннихъ не было ни души. Два литератора изъ „Русскаго Богатства“ и самые близкіе друзья и родные. Или забыли, или не знали совсѣмъ, кто такая была эта *Александра Васильевна Успенская*. А между тѣмъ, не будь ея—не было бы, можетъ быть, и *Глѣба Успенскаго*—такимъ, какимъ его знаетъ теперь *Россія*.

Когда открыли склепъ, выложенный кирпичомъ и покрытый хвойными вѣтками, сохранившими свою душистую зеленую свѣжесть,—изъ-подъ нихъ въ глубинѣ блеснулъ другой металлическій гробъ...

— А тамъ... Глѣбъ Ивановичъ?—тихо спросила я Александра Глѣбовича.

— Тамъ Глѣбъ Ивановичъ!—глухо, какъ бы черезъ силу, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Ихъ положили тамъ рядомъ—какъ будто въ сказкѣ—на ложе безмятежнаго покоя, отдохновенія,—въ неразрывномъ соединеніи по завѣту вѣковъ: что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ!—И мнѣ видѣлось, какъ она лежитъ тамъ, спокойная и какъ будто бы торжествующая: она отдыхаетъ теперь *отъ жизни*, подлѣ своего „милаго Глѣба“,—и онъ уже отсюда не уйдетъ отъ нея никуда... Не надо ему больше ѣздить въ грязныхъ и душныхъ вагонахъ, питаться всякой буфетной дрянью, согрѣваться губительной водкой, мучиться за села и города съ ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ безобразіемъ, за истощенныя поля и вырубленные лѣса, за безграмотнаго, голоднаго и обманутаго, пьянаго и избитаго мужика... и за то, что къ сроку *опять* не выйдетъ статья въ „Русское Богатство“ или „Русскія Вѣдомости“...

Пока насыпали могилу, я разсматривала вѣнки. На одномъ красуется надпись: „Мученику своего таланта“... Едва ли это справедливо

написано. Нѣтъ, талантъ не мучилъ Глѣба Успенскаго. Талантъ—всегда счастье. Недаромъ и въ народѣ талантъ и счастье—синонимы. Онъ и погибъ потому, что утратилъ талантъ—силу *самовозобновленія*... Чтеніе его писемъ утвердило меня еще болѣе въ этой мысли. „Пропалъ талантъ... отлетѣла душа",—съ тоской говорилъ онъ *въ бреду*. И вотъ въ этой-то преждевременной „пропажѣ" и разгадка, и трагедія его душевной болѣзни. Исчезла своеобразная сила, способность видѣть и чувствовать—какъ не видитъ, не чувствуетъ *никто, кромѣ него*. Исчезли чары творческаго постиженія, нарушилась безконечная кристаллизація самотекущихъ мыслей и образовъ... „Только тѣло осталось". А тѣло-то было больное, безсильное,—и оно только давило его своей *безцѣльной*, безсмысленной тяжестью, — оно только держало его (заставляло держать) подъ замкомъ, за рѣшеткою... И онъ ненавидѣлъ въ себѣ это терзавшее его *никому не нужное* тѣло,—до того ненавидѣлъ, что наносилъ себѣ побои и колотился головой объ стѣну.

Я прочла его письма, и, читая, мнѣ казалось—я присутствую при *прохожденіи* небеснаго свѣтила: восходъ, апогей, закатъ и затмѣніе, т. е. возвращеніе въ то состояніе, изъ котораго онъ вышелъ когда-то съ тяжелыми усиліями.

Вся жизнь Глѣба Ивановича какъ будто протекала передъ моими глазами.

Лишенный таланта, онъ пытается разсказать свое путешествіе въ монастырь,—и ничего не выходитъ, кромѣ дѣтскаго лепета. Это какъ будто ученическая задачка, проба пера. И почеркъ, и слогъ измѣняются въ соотвѣтствіи съ измѣнившимся психо-физическимъ строемъ. Яркіе періоды таланты и здоровья выражаются слогомъ и почеркомъ энергически-сжатымъ; буквы съ острыми линіями перпендикулярнаго рисунка, точно готическія крыши средневѣковыхъ церквей. Почеркъ *въ концѣ* какъ бы снова первоначальный, юношескій,—почеркъ „начинающаго" двадцатилѣтняго автора „Нравовъ Растеряевой улицы": такой же крупный и круглый, но уже съ пропусками цѣлыхъ слоговъ, съ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ, съ преобладаніемъ чувства надъ мыслью, съ неудержимымъ порывомъ тоски и унынія,—совершенно какъ въ началѣ его писемъ къ невѣстѣ и будущей женѣ.

Письма эти прочтутъ современемъ многіе. И каждый навѣрное вынесетъ изъ нихъ что-нибудь *свое*, для себя интересное и себя утверждающее. Я вынесла изъ нихъ одно только—главное: глубокое, ни разу не прерванное, нигдѣ не нарушенное *единство этическаго духа*. Больной и здоровый—онъ *вѣренъ* себѣ самому. Онъ—все тотъ же. Но въ послѣднихъ письмахъ изъ Колмова (1891—93 г.) появляется нѣчто *какъ будто*

бы новое, чего прежде не замѣчалось. Это новое—восторженность религіознаго чувства. Психіатры опредѣлили: *психозъ*; для нихъ это—болѣзнь, ненормальное состояніе.—Въ самомъ дѣлѣ, что же это такое,—какъ понимать? Водки онъ больше не пьетъ, а экстазы испытываетъ?!.. „Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари“—вотъ *новый* видъ этого ненормальнаго состоянія.

Но дѣйствительно ли было тутъ что-нибудь *новое*? „Я впечатлителенъ“... „я боленъ“,—часто говоритъ о себѣ онъ вначалѣ. Не есть ли эти „новыя“ религіозно-восторженныя признанія—только не сдержанный никакимъ „направленіемъ“, *свободный* голосъ души его, всю жизнь носившей въ себѣ этотъ властный авторитетъ и критерій, которымъ вѣрнѣе всего, *правосуднѣе* всего оцѣниваются и люди, и дѣла людскія?.. Не тѣмъ ли же чувствомъ продиктованы самыя горячія, самыя вдохновенныя страницы его писаній?

А теперь, когда писать онъ не можетъ, ему слышится *тотъ же голосъ*—какъ будто ангеловъ съ неба,—какъ будто самъ Богъ ведетъ бесѣды съ его душой, и душа эта вся преисполнена счастья, восторга, любви ко всему живущему! *Здоровый*, онъ никогда не говорилъ ни о Богѣ, ни о религіи. Но, можетъ быть, во всей русской литературѣ не найдется писателя болѣе *религіознаго*, чѣмъ онъ. Богъ какъ будто всегда *стоитъ передъ нимъ*, когда онъ пишетъ. И вѣчной правдой Божіей повѣряетъ онъ всѣ правды житейскія, всѣ отношенія свои къ людямъ и къ себѣ самому.

Жизнь и писанія Глѣба Успенскаго—это единый и неразрывный міръ, подчиненный одному и тому же закону. Это—неустанный подъемъ на высоту, въ поискахъ идеала, имя которому—*правда*. И не его вина, если вмѣсто „идеала“ онъ нашелъ только „крестъ“... Нося въ груди любовь къ этому идеалу, сначала и до конца онъ испытывалъ какое-то физическое даже отвращеніе ко всякимъ „ухищреніямъ“, къ „фокусамъ людей сороковыхъ годовъ“ и къ „выдумкамъ на всевозможныхъ діалектахъ“... Во имя того же идеала отметалъ онъ прочь отъ себя все „соблазнявшее“, „ненастоящее“, неправдивое,—все, что сбивало и отвлекало его отъ пути въ страну обѣтованную. Какъ вѣрный и трудолюбивый пахарь, шелъ онъ за своимъ тяжелымъ плугомъ,—шелъ, ни разу не оглянувшись назадъ,—пока силы не измѣнили ему, и манящій призракъ „обѣтованной страны“ не исчезъ въ безобразномъ туманѣ безумія... Но и тогда, по временамъ, сверкали для него ея сіяющіе чертоги, и разверзались небеса, и слышались хоры ангельскіе, звучали гимны гармоніи... Что это было?—„Безуміе или осіявшая истина“?.. Или—*въ самомъ безуміи осіянная истина?*—Для меня тутъ нѣтъ никакого вопроса. Я вѣрю по слову апостола: *всѣ будутъ научены Богомъ.*

За эту-то совершеннѣйшую, единую истинную науку, которая одна не измѣняетъ человѣку, Глѣбъ Успенскій заплатилъ всей своей жизнью. Душу свою положилъ за нее. И народъ русскій никогда не забудетъ его. Народъ всегда будетъ учиться у него и любить его...

Бывала не разъ я и въ Сябренцахъ, гдѣ „жилъ и работалъ" Глѣбъ Ивановичъ. И въ первый же мой пріѣздъ была такъ счастлива, что ночевала въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ *писалъ*, гдѣ стоялъ запечатанный его столъ, на той самой кушеткѣ, на которой онъ спалъ когда-то, — у стѣны, увѣшанной лавровыми вѣнками, съ надписями на лентахъ: „отъ рабочихъ"... „отъ благодарныхъ учениковъ дорогому учителю"... и пр. Комната Глѣба Ивановича—внизу, первая отъ входа. Домъ небольшой, двухъ-этажный, стоитъ на проѣзжей дорогѣ между Москвой и Петербургомъ... „Живой матеріалъ" проходилъ ежедневно мимо писателя.

По этой дорогѣ брели мимо него „герои" его разсказовъ и очерковъ—безработные и не помнящіе родства, странники и убогіе, „административные", высланные и иные...

Здѣсь однажды Александра Васильевна услыхала у себя наверху голосъ Глѣба Ивановича: „Дайте мнѣ что-нибудь надѣть! Я все ему отдалъ"...

Снялъ съ себя все до нитки и отдалъ замерзающему бродягѣ, вмѣстѣ съ послѣднимъ рублемъ, который былъ у него въ карманѣ.

Въ домѣ самая безхитростная обстановка,—только все самое необходимое для житья; пышно цвѣтущій розовый кустъ въ небольшомъ саду—единственная роскошь этого писательскаго пріюта. Садъ разведенъ самимъ Глѣбомъ Ивановичемъ, а чудесная ярко-зеленая лужайка за нимъ—у крыльца—составляла предметъ заботы Александры Васильевны. Она любовно берегла ее, продавая каждое лѣто на выкосъ крестьянамъ. На скатѣ этой лужайки, на крутомъ берегу чистой маленькой рѣчки, подъ тѣнью молодыхъ березокъ, чудесно поставлена скамейка... За рѣкой—какъ привольная степь—стелются зеленыя, желтыя нивы, курятся синія дали... А надъ нивами, — въ „райской тишинѣ" [1]), не умолкая, весною журчатъ пѣсни жаворонковъ... А поздно вечеромъ, въ сиреняхъ и липахъ, щелкаютъ въ саду соловьи... И хорошо тамъ сидѣть на этой скамейкѣ, чувствуя эту „райскую тишину" и райскую правду... Понимаешь тогда всѣмъ сердцемъ, какъ стремился сюда Глѣбъ Ивановичъ, измученный петербургскою сутолокой, ожиданіемъ „чего-то позорнаго и ужаснаго",—

---

[1]) Изъ письма ко мнѣ Александры Васильевны.

какъ влекло его „къ тишинѣ, къ одиночеству, къ книгѣ“ и... къ правдѣ. Но находилъ онъ ее, эту правду, только въ собственномъ сердцѣ своемъ...

Рядомъ стоитъ теперь другой—новый домъ,—народная школа... Давнишняя мечта Александры Васильевны и Глѣба Ивановича осуществилась вполнѣ: трудами сына и вѣрныхъ друзей его созданъ памятникъ живой и наглядный о народномъ писателѣ—и любви къ народу писателя.

Всѣ крестьяне вокругъ помнятъ и любятъ Глѣба Ивановича, какъ и всю близко знакомую имъ семью Успенскихъ.

— Ахъ, хорошій былъ человѣкъ! — помню говорилъ мнѣ дорогой везшій меня къ Успенскимъ со станціи пожилой крестьянинъ съ сосѣдняго съ ними двора, возившій всегда Глѣба Ивановича.—Со всякой бѣдой пойди къ нему—лучше не надо: все тебѣ обсудитъ, разскажетъ, а съ нуждой придешь—и способіе дастъ. Папиросъ только больно много курилъ онъ. Почитай, сотню въ сутки, коли не больше. Нездорово это, я такъ полагаю.—Ужъ такъ его намъ тогда жалко было!—прибавлялъ онъ.— Кажется, лучше бы самому помереть, нежель его поторять. Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ.

Этимъ коротенькимъ воспоминаніемъ „простыхъ“ людей закончу и я мои воспоминанія объ Успенскихъ.

В. Т—ва (Починковская).

7 мая 1907 г.

Указъ Его Императорскаго Величества 1825 г. о князѣ Сангушко.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

Копія.
Февраля 7.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго— изъ Волынскаго Губернскаго правленія—Заславскому Земскому Суду.

По Указу Его Императорскаго Величества Волынское Губернское Правленіе слушавъ предложеніе Г. здѣшняго Губернатора и Кавалера Михайла Фадѣевича Бутовтъ Андржейковича отъ 29 числа сего Генваря за № 2377, въ которомъ прописываетъ — Главно командующій Литовскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ, Его Императорское Высочество Цесаревичъ въ повеленіи отъ 25 сего Генваря за № 158. къ Его Превосходительству послѣдовавшимъ изъяснить изволилъ—по дошедшимъ до Его Высочества свѣденіямъ открылось: Что Житомирскаго Пѣхотнаго полка Порутчикъ Стржельницкій пріехавши во 2. день сего Генваря въ М. Славуту, принадлежащее Князю Евстафію Сангушкѣ, по приглашенію Его сына, первоначально получалъ приказаніе чрезъ управителя отъ туда выехать, по подозрѣнію перепуганія яко бы Стржельницкимъ въ Бердичевѣ въ 1819 году дочери Князя Евстафія Сангушки; а между тѣмъ какъ Стржельницкій оправдивался несправедливости такого подозрѣнія; пришелъ самъ Князь Евстафій Сангушко, и нежелая слушать никакихъ оправданій, оскорбилъ Стржельницкаго самыми поносными и площадными выраженіями—а затѣмъ приказалъ запречь въ повозку его лошадей, и вывесть оную изъ Мѣстечка — и что въ послѣдствіи времени Князь Евстафій Сангушко возчувствовалъ всю несправедливость, и неприличіе таковаго поступка; въ присутствіи Адьютанта Генералъ-Лейтенанта Гогеля, и двухъ Князей Яблоновскихъ, просилъ у Порутчика Стржельницкаго двукратно въ винѣ своей прошеніе — изъ таковаго произшествія Его Императорское Высочество усматриваетъ—1-е—

Что нанесеніе Князѣмъ Евстафіемъ Сангушкою Стржельницкому обидъ, сопровождалось нарушеніемъ тишины и спокойствія благочинія, и даже буйственнымъ насиліемъ—а по тому одно изъпрошеніе имъ у обиженнаго прощенія не есть еще для закона удовлетворительнымъ, ибо обиженный въ правѣ простить только свою обиду, а буйство яко нарушеніе благоустройства и общаго спокойствія, не можетъ оставаться ненаказаннымъ—2-е Сверхъ личной обиды Поручику Стржельницкому и нарушенія благочинія въ дерзкомъ поступкѣ Князя Евстафія Сангушки оказывается пренебреженіе вмѣсто уваженія, которымъ объязанъ всякой, къ воинскому званію, а въ особенности къ Россійскимъ. За всѣ сіи дерзкіе поступки Его Высочество приказать изволилъ; отправленному вмѣстѣ съ тѣмъ, на щетъ Князя Евстафія Сангушки Фельдегерскаго корпуса Порутчику Блументалю, арестовать его Князя Евстафія Сангушку, доставить къ Его Превосходительству въ Житомиръ по Высочайше предоставленной Его Императорскимъ Величествомъ Его Высочеству власти, предписываетъ Его Превосходительству въ присутствіи сего правленія и при бытности присланнаго отъ Генералъ Лейтенанта Адьютанта Гогеля сдѣлавъ Князю Евстафію Сангушкѣ строгій выговоръ, потвердить чтобы впредъ отъ всякихъ подобныхъ сдѣланному имъ буйственныхъ поступковъ воздержался, подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по всей строгости Законовъ—по томъ выдержавъ его въ городѣ Житомирѣ въ верхней вѣже восѣмъ дней, отправить съ Порутчикомъ Блюменталемъ обратно въ М. Славуту, со внушеніемъ притомъ, что за поступки его слѣдовало бы предать Уголовному Суду—но Его Высочество ограничивается выговоромъ и арестомъ единственно по тому, что изъпрошеніемъ у обиженнаго прощенія доставилъ Его Высочеству возможность облегчить мѣру заслуженнаго наказанія. Порутчику Блюменталю имѣетъ Его Превосходительство вручить на обратномъ слѣдованіи Его въ Варшаву, исполнительный Его Превосходительства о семъ предписаніи Его Высочества рапортъ вмѣстѣ съ прогонными въ оба пути деньгами, по взысканіи оныхъ съ Князя Сангушки—о сдѣланномъ же Князю Евстафію Сангушкѣ въ присутствіи Губернскаго Правленія выговоръ и арестъ его, опубликовать по всей Губерніи.

Въ слѣдствіе чего предваряя Губернское Правленіе что Его Превосходительство прибудетъ въ присудствіе онаго 30. числа для исполненія воли Его Императорскаго Высочества Цесаревича въ разсужденіи сдѣланія выговора Князю Евстафію Сангушкѣ, посаженія его на восѣмъ дней въ верхней вѣже, и учиненія ему повелѣннаго внушенія, предлагаетъ по сдѣланію Князю Сангушкѣ выговора въ присудствіи сего Правленія, опубликовать о томъ, и объ арестѣ Его по всей Губерніи сходно повеленія Государя Цесаревича—приказали по здѣланію Г. здѣшнимъ Гражданскимъ

Губернаторомъ и Кавалеромъ Князю Евстафію Сангушкѣ выговора въ присудствіи сего правленія при бытности присланнаго отъ Г. Генералъ Лейтенанта Гогеля адютанта, и сполненіи прочаго порученнаго Г. Губернатору опубликованіи о томъ, и объ арестѣ, Его Князя Евстафія Сангушки по всей Губерніи сходно повеленію Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича предписать отъ сего Правленія Градскимъ и Земскимъ полиціямъ Указами, а къ свѣденію о семъ къ дѣламъ Г. Гражданскаго Губернатора и кавалера передать съ сего журнала копію—Февраля 3. д. 1825 года. На подлинномъ подписано. Совѣтникъ Рюль. Губернскій секретарь Харчевскій.

Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.**

Библіографія.

В. Ключевскій. *Курсъ русской исторіи. Часть III.* 1908.

Сухое, учебное названіе „Курсъ" не подходитъ къ этой научно-цѣльной и художественно-живописной исторіи Россіи. Здѣсь—все наше историческое развитіе, въ его основныхъ явленіяхъ, начиная съ варяговъ, и теперь—въ III-емъ томѣ—уже до кануна петровской реформы; блестящія историческія картины, характеристики общества и общественныхъ движеній. Автору этого замѣчательнаго труда и извѣстной „Боярской думы" принадлежитъ мѣсто въ первомъ ряду нашихъ историковъ, въ одномъ ряду съ Карамзинымъ и Соловьевымъ.

Извѣстенъ старый споръ, недавно еще острый, но теперь уже рѣшенный, чѣмъ должна быть исторія, наукой или искусствомъ, соціологическимъ изученіемъ развитія или художественнымъ описаніемъ? Ключевскій ставитъ себѣ задачей исторію-науку, онъ начинаетъ свой „Курсъ" соціологическимъ введеніемъ и заявляетъ, что въ основу историческаго изученія имъ положено изученіе жизни общества, въ процессахъ политическомъ и экономическомъ. Онъ самъ, видимо, очень дорожитъ своими выводами въ этой области знанія, выдвигаетъ впередъ свои сложныя формулы взаимодѣйствія различныхъ элементовъ развитія, не разъ проситъ своихъ слушателей запомнить ихъ, какъ ключъ къ пониманію исторіи, и въ печати подчеркиваетъ ихъ курсивомъ.

Но съ авторами часто случается, что они неправильно цѣнятъ самихъ себя и дорожатъ не болѣе сильной стороной своего таланта. Въ книгахъ В. О. Ключевскаго, формулы развитія, хотя онѣ и напечатаны курсивомъ, совершенно заслоняются его мастерскими историческими картинами. Исторія-искусство у него заслоняетъ исторію-науку.

Ключевскій, прежде всего, историкъ-художникъ и большой мастеръ въ этомъ трудномъ искусствѣ. Когда внимательно вчитаешься въ его книгу, остается впечатлѣніе, какъ будто что-то видѣлъ и кого-то слышалъ, какъ будто видѣлъ и слышалъ живыхъ московскихъ людей XVI и XVII вѣка, начиная съ царя Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова, до царевны Софіи, въ особенно патріархальной Москвѣ. Изъ ряда этихъ красочныхъ портретовъ выдѣляется, по мастерству письма, тишайшій царь Алексѣй:

„Это былъ добрѣйшій человѣкъ, славная русская душа. Онъ любилъ, чтобы вокругъ него всѣ были веселы, и довольны; всего невыносимѣе ему была мысль, что кто-нибудь имъ недоволенъ, ропщетъ на него, что онъ кого-нибудь стѣсняетъ. Онъ былъ образцомъ набожности, того чиннаго, точно размѣреннаго и твердо разученнаго благочестія, надъ которымъ такъ долго работало религіозное чувство древней Руси. Съ любымъ инокомъ могъ онъ поспорить въ искусствѣ молиться и поститься. Въ церкви онъ стоялъ иногда часовъ по пяти и по шести кряду, клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ иные дни и до полторы тысячи. Но ни доброта природы, ни мысль о достоинствѣ сана,

ни усилія быть набожнымъ и порядочнымъ ни на вершокъ не поднимали царя выше грубѣйшаго изъ его подданныхъ. Отъ природы живой, впечатлительный и подвижной, Алексѣй страдалъ вспыльчивостью, легко терялъ самообладаніе и давалъ излишній просторъ языку и рукамъ. Однажды въ любимомъ своемъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго царь праздновалъ память св. основателя монастыря и обновленіе обители въ присутствіи патріарха антіохійскаго Макарія. На торжественной заутренѣ чтецъ началъ чтеніе изъ житія святого обычнымъ возгласомъ: „Благослови, отче". Царь вскочилъ съ кресла и закричалъ: „Что ты говоришь, мужикъ,... сынъ: Благослови, отче? Тутъ патріархъ. Говори: Благослови, владыко!" Религіозно-нравственное чувство царя Алексѣя разбивалось о неблаговоспитанный темпераментъ, и даже добрыя движенія души получали непристойное выраженіе; онъ былъ мастеръ браниться той изысканной бранью, какой умѣетъ браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушіе.—Современники, даже иностранцы, признавали въ царѣ Алексѣѣ богатыя природныя дарованія; воспріимчивость и любознательность помогли ему пріобрѣсти замѣчательную по тому времени начитанность не только въ божественномъ, но и въ мірскомъ писаніи. Онъ любилъ писать и писалъ много больше, чѣмъ кто-либо изъ древнихъ царей послѣ Грознаго. Всего больше оставилъ онъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ письмахъ много простодушія, веселости, подчасъ задушевной грусти, и просвѣчиваетъ тонкое пониманіе ежедневныхъ людскихъ отношеній, мѣткая оцѣнка житейскихъ мелочей и заурядныхъ людей, но не замѣтно ни тѣхъ смѣлыхъ и бойкихъ оборотовъ, ни той ироніи,—ничего, чѣмъ такъ обильны посланія Грознаго. У царя Алексѣя все мило, многорѣчиво, иногда живо и образно, но вообще все сдержанно, мягко, тускло и немного сладковато. Авторъ, очевидно, человѣкъ порядка, а не идеи и увлеченія, готоваго разстроить порядокъ во имя идеи; онъ готовъ былъ увлекаться всѣмъ хорошимъ, но ничѣмъ исключительно, чтобы ни въ себѣ, ни вокругъ себя не разрушить спокойнаго равновѣсія. Складъ его ума и сердца съ удивительной точностью отражался въ его полной, даже тучной фигурѣ, съ низкимъ лбомъ, бѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ красивой бородой, съ пухлыми румяными щеками, русыми волосами, съ кроткими чертами лица и мягкими глазами.—Этому-то царю пришлось стоять въ потокѣ самыхъ важныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеній. Онъ былъ отцомъ преобразователя и въ немъ отразился первый моментъ преобразовательнаго движенія, когда вожди его еще не думали разрывать со своимъ прошлымъ и ломать существующее. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ въ преобразовательномъ движеніи позу, соотвѣтствующую такому взгляду на дѣло: одной ногой онъ еще крѣпко упирался въ родную православную старину, а другую уже занесъ было за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ переходномъ положеніи".

Я очень сократилъ эту блестящую характеристику царя Алексѣя. Ее надо прочесть цѣликомъ, чтобы оцѣнить вполнѣ. Но вотъ другой портретъ, весь въ четырехъ строкахъ, которыя врѣзываются въ память. Царевна Софія. „Эта тучная и некрасивая полудѣвица, съ большой неуклюжей

головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ".

Въ этой исторической живописи и смѣлые мазки реализма, и вмѣстѣ какая-то старомодная, условная манерность; острыя линіи антитезъ и прихотливые зигзаги фигуральныхъ сравненій. Тутъ и симпатія къ „славной русской душѣ", и иронія надъ „грубостью изысканной брани"; „въ высшей степени привлекательное сочетаніе вѣрности старинѣ и наклонности къ новшествамъ" и неудобнѣйшая поза царя, который одной ногой упирается въ православную старину, а другую занесъ за ея черту. Въ рисункѣ фигуръ часто видна схематическая условность, какъ въ рисункахъ миніатюръ старыхъ „лицевыхъ" лѣтописей. Авторъ беретъ изъ древнихъ памятниковъ условныя и манерныя черты, потому что, какъ и слѣдуетъ въ исторической живописи, онъ часто изображаетъ лица не въ ихъ исторической реальности, а въ томъ представленіи, какое о нихъ создалось у современниковъ, чтобы этими условными портретами лицъ характеризовать воззрѣнія современнаго общества. Онъ изображаетъ царя Өедора, сына Грознаго, какъ блаженнаго на престолѣ, и тутъ же замѣчаетъ о своихъ источникахъ, что въ нихъ чувствуется „доля каррикатуры"; но онъ сохраняетъ преувеличенныя черты, потому что въ нихъ „мысль русскихъ современниковъ пыталась сдѣлать изъ царя Өедора знакомый и любимый ею образъ подвижничества особаго рода"—юродства Христа ради. Такую же оговорку надо было бы сдѣлать и въ характеристикѣ боярина Ртищева, которая вся выдержана въ далекомъ отъ жизни стилѣ „житія".

Съ характеристиками лицъ сливаются въ книгѣ столь же блестяще-живописныя характеристики общественныхъ движеній московской эпохи: смуты, раскола и западничества, подготовлявшаго Петровскую реформу. Здѣсь много широкихъ обобщеній, въ которыхъ связываются концы и начала народныхъ движеній на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій. Такъ, предвѣстниковъ западничества и славянофильства Ключевскій находитъ уже въ эпоху смуты, когда дьякъ Тимофѣевъ писалъ о людяхъ, „овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу". Оба эти направленія уже съ XVII вѣка—говоритъ авторъ—„развиваясь и осложняясь, мѣняя цвѣта, названія и пріемы дѣйствія, проходятъ двумя параллельными струями въ нашей исторіи. То скрываясь куда-то, то выступая наружу, какъ рѣчки въ песчаной пустынѣ, они всего болѣе оживляютъ вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, какая съ нѣкоторыми свѣтлыми перерывами томительно длилась до половины XIX вѣка".

Гораздо меньше удается В. О. Ключевскому, какъ я уже замѣтилъ, соціологическое изученіе русскаго развитія, въ основахъ хозяйства и права. Онъ всегда не только говоритъ, но и мыслитъ антитезами и образами. Они придаютъ чрезвычайный блескъ его исторической живописи, но порой мѣшаютъ ему при изученіи учрежденій юридическихъ и экономическихъ, гдѣ нужна только точность, отчетливость мысли и рѣчи. Во многихъ его „формулахъ развитія" находимъ мы вмѣсто точныхъ терминовъ неясную игру словъ, и иногда вмѣсто строгой логики ту са-

мую „струйку лирической діалектики“, которую авторъ ставитъ въ упрекъ нѣкоторымъ нашимъ писателямъ. Онъ подчеркиваетъ, что наше развитіе шло всегда „въ обратномъ порядкѣ“, въ сравненіи съ западнымъ, что къ нашей древности не подходятъ даже такія элементарныя положенія науки народнаго хозяйства, какъ то́, что „рабскій трудъ не можетъ равняться въ энергіи съ трудомъ свободнымъ“, что у насъ это было „не совсѣмъ такъ“, и неясно пытается объяснить эти отступленія отъ исторической закономѣрности въ слѣдующихъ словахъ: „Изложенные процессы, полные такихъ противорѣчій, не были *аномаліями*, отрицаніемъ исторической закономѣрности; назовемъ ихъ лучше (?) историческими *антиноміями*, исключеніями изъ правилъ исторической жизни, произведеніями своеобразнаго мѣстнаго склада условій, который, однако, разъ образовавшись, въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи (?) повинуется уже общимъ законамъ человѣческой жизни, какъ организмъ съ растроенной нервной системой функціонируетъ по общимъ нормамъ органической жизни, только производитъ соотвѣтствующія своему разстройству ненормальныя явленія“. Это, прежде всего,—правильно оно или нѣтъ—какъ-то темно сказано. „*Своеобразный* мѣстный складъ условій, разъ образовавшись, въ *дальнѣйшемъ* своемъ дѣйствіи повинуется уже общимъ законамъ“. Казалось бы, разъ мы имѣемъ „*своеобразный* мѣстный складъ условій“, то и дѣйствіе его всегда должно быть своеобразнымъ. И съ какихъ же поръ начинается это повиновеніе его общимъ законамъ, въ „дальнѣйшемъ дѣйствіи“, ежели отъ времени варяговъ до XVII вѣка мы видимъ все только дѣйствіе его „въ обратномъ порядкѣ“? И образное сравненіе съ разстройствомъ нервной системы не только не подходяще, но и очень тускло, рядомъ съ яркими образами исторической живописи на другихъ страницахъ книги.

Курсъ проф. Ключевскаго пользуется успѣхомъ, какой рѣдко выпадаетъ на долю историческихъ сочиненій. Первая часть выдержала съ 1904 года уже три изданія, не считая старыхъ, литографированныхъ, и чьей-то воровской перепечатки безъ имени автора. Новая третья часть будетъ имѣть еще большій успѣхъ, потому что въ ней сильныя стороны таланта рѣдкаго автора нашли себѣ полный просторъ.

Историкъ С.

Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ).—Соціалисты Запада и Россіи. Цѣна 1 руб. 25 коп. С.-Петербургъ. 1908 г.

Новая книга г. Кудрина является сборникомъ статей, предварительно печатавшихся авторомъ въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Книга не представляетъ единаго цѣлаго и собранные этюды не равноцѣнны. Г. Кудринъ далекъ отъ идеала объективнаго изслѣдователя и въ изученіе прошлаго онъ вноситъ боевые лозунги и формулы современности; иногда это приводитъ къ извѣстнымъ крайностямъ, но въ общемъ даетъ интересной книгѣ опредѣленный и яркій колоритъ.

Книга дѣлится на двѣ половины; первая заключаетъ рядъ этюдовъ о соціалистахъ Запада, вторая посвящена тремъ соціалистамъ Россіи. Особый интересъ и цѣнность представляетъ вторая половина; въ ней авторъ гораздо самостоятельнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ въ первой части своихъ статей. Несомнѣнно, о выдающихся теоретикахъ и вождяхъ за-

падно-европейскаго соціализма трудно сказать что-нибудь новое; жизнь ихъ и труды изучены и разработаны въ мельчайшихъ деталяхъ. Дѣятельность великихъ русскихъ людей нуждается часто лишь въ самыхъ общихъ обзорахъ (наглядный примѣръ приводитъ г. Кудринъ въ дѣлѣ изученія Н. Г. Чернышевскаго). Изъ этюдовъ о соціалистахъ Запада обращаетъ вниманіе ярко написанная статья о Жюлѣ Валлэсѣ—интересномъ и оригинальномъ боевомъ писателѣ, прошедшемъ стадіи „отщепенца", виднаго члена Коммуны и вліятельнаго политическаго публициста. Очень обстоятельна статья о Вилліамѣ Моррисѣ подъ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ „Красота на служеніе человѣчеству". Здѣсь авторъ даетъ характеристику англійскаго эстета-художника, уносившагося мечтой въ средневѣковье, но болѣвшаго „проклятыми" вопросами современности, причудливаго фантазера и въ то же время оригинальнѣйшаго соціалистическаго мыслителя. Этюды о Фурье и, особенно, о Марксѣ, Энгельсѣ и Лассалѣ не представляютъ такого же интереса и являются обобщеніями, резюмирующими новѣйшія работы, и опубликованіемъ новыхъ матеріаловъ.

Въ статьяхъ, посвященныхъ русскимъ соціалистамъ, г. Кудринъ даетъ много новаго и интереснаго; особенно любопытны тѣ страницы, гдѣ авторъ оперируетъ надъ неизданнымъ матеріаломъ, пользуясь личными встрѣчами и впечатлѣніями, воспоминаніями своими и другихъ... Здѣсь авторъ часто очень субъективенъ, иногда даже рѣзко одностороненъ, но это сглаживается искренностью и глубокой убѣжденностью автора; г. Кудринъ-Русановъ прежде всего публицистъ настоящаго, но ему дороги и цѣнны чары недалекаго прошлаго, сердечно близки образы ушедшихъ учителей и друзей...

Первый этюдъ трактуетъ о жизни и дѣятельности П. Л. Лаврова; эта статья является едва ли не самой интересной въ сборникѣ. Дружеской и любящей рукой набрасываетъ г. Кудринъ портретъ одного изъ интереснѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ русскихъ мыслителей; шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ за развитіемъ дѣятельности Лаврова и все время ведетъ изложеніе на общемъ фонѣ историческихъ событій. Г. Кудринъ говоритъ и о Лавровѣ-теоретикѣ, одномъ изъ создателей русской субъективной соціологической школы (заслуживаетъ вниманіе здѣсь, какъ мимоходомъ оброненное авторомъ, замѣчаніе о соединенномъ и оригинально комбинирующемся вліяніи на Лаврова при выработкѣ, такъ называемаго, „субъективнаго метода въ соціологіи" субъективизма Конта, антропологизма Фейербаха и теоріи человѣческой личности Прудона [1]), и о Лавровѣ-политикѣ, практикѣ, одномъ изъ властителей думъ революціоннаго поколѣнія 70-хъ годовъ. Авторъ былъ близко знакомъ и связанъ узами дружбы съ Лавровымъ, и статья часто носитъ личный, интимный отпечатокъ; г. Кудринъ дѣлится интересными и характерными воспоминаніями о почившемъ учителѣ-другѣ, приводитъ любопытныя мѣста изъ частной переписки. Вторая статья „Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ" также представляетъ интересъ, но здѣсь авторъ уже менѣе свободно опери-

---

[1]) Эти любопытныя соображенія г. Кудрина нуждаются въ развитіи и обосновавіи.

руетъ надъ темой, обладая меньшимъ матеріаломъ. Надо замѣтить, что и поставленная тема значительно превосходитъ рамки журнальной статьи и не можетъ быть разрѣшена съ достаточной полнотой на немногихъ страницахъ. Но все же въ предѣлахъ поставленной задачи г. Кудринъ справился съ своей темой и далъ очеркъ развитія общественныхъ взглядовъ Чернышевскаго въ связи съ общими историческими условіями того времени. Интересно отмѣтить мнѣніе автора о „бланкизмѣ" Чернышевскаго, объ извѣстномъ сходствѣ соціально-политическихъ взглядовъ русскаго мыслителя съ настроеніями знаменитаго французскаго революціонера. Послѣдній этюдъ посвященъ Н. К. Михайловскому, какъ публицисту-гражданину. Этотъ этюдъ, написанный единомышленникомъ и соратникомъ крупнаго русскаго публициста, даетъ очень удачную общую характеристику славнаго писателя—гражданина, долго и съ честью стоявшаго „на славномъ посту". Г. Кудринъ удачно комбинируетъ развитіе общественныхъ взглядовъ Михайловскаго съ общимъ ходомъ общественнаго движенія въ Россіи; онъ настолько отмѣчаетъ мѣткія характеристики и также пониманіе „момента" у Михайловскаго, чутко реагирующаго на каждое общественное проявленіе. Менѣе удаченъ и какъ-то скомканъ конецъ, трактующій о послѣднихъ годахъ публицистической дѣятельности Михайловскаго. Г. Кудринъ очень неясно и неопредѣленно говоритъ объ отношеніи къ марксистамъ, причемъ не договариваетъ до конца; рѣзко несправедливъ авторъ и по отношенію къ новѣйшимъ литературнымъ теченіямъ.

Книга издана опрятно и цѣна невысока. Портитъ впечатлѣніе рядъ грубыхъ опечатокъ. **И. Бороздинъ**

С. В. Рождественскій.—Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX вѣка. Цѣна 25 коп. С.-Петербургъ, 1907 г.

Настоящая брошюра г. Рождественскаго, извѣстнаго изслѣдователя исторіи нашего просвѣщенія, представляетъ отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ „Журн. мин. нар. просв." Г. Рождественскій разсматриваетъ, какъ ставился сословный вопросъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ правленіе Александра I; и здѣсь, на основаніи любопытнаго матеріала, доказываетъ, какъ неясна и неустойчива была правительственная политика по высшему образованію. Эта политика ярко отражала въ себѣ всю неустойчивость начинаній Александровской эпохи. Съ одной стороны не рѣшались сдѣлать университетъ вполнѣ свободнымъ для всѣхъ (что было такъ громко провозглашено въ университетскомъ планѣ, выработанномъ при Екатеринѣ II), съ другой не рѣшались перейти къ той рѣзко классовой политикѣ, которая господствуетъ въ правленіе Николая I. Интересно отмѣтить. что дворянство, которое правительство старалось привлечь въ университеты, очень индефферентно и пассивно относилось къ отечественнымъ разсадникамъ высшаго образованія. И изъ правительственныхъ начинаній, направленныхъ къ ограниченію доступа въ университетъ лицъ непривилегированныхъ сословій, ничего не вышло; вполнѣ правъ авторъ, приводя въ концѣ своего интереснаго по собранному фактическому матеріалу этюда слова профессора В. О. Ключевскаго—„общественныя силы переливались снизу вверхъ" въ широкія двери университетовъ. **И. Б.**

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826 — 1855 г.г. По подлиннымъ дѣламъ Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ 7 портретами. Изд. С. В. Бунина. Спб. 1908. Стр. XV+614. Ц. 3 р. 50 к.

Огромная книга г. Лемке является результатомъ его занятій въ архивѣ III Отдѣленія, что нынѣ архивъ департамента полиціи. Г. Лемке собралъ въ ней свои статьи, печатавшіяся въ различныхъ журналахъ, сдѣлалъ сводку имѣвшихся уже въ печати матеріаловъ о роли III Отдѣленія, провѣривъ ихъ по подлинникамъ, и ввелъ въ книгу не мало архивныхъ данныхъ, ранѣе имъ не использованныхъ. Задача книги—„дать ясный отчетъ о ходѣ борьбы Третьяго Отдѣленія и Николая I съ обществомъ и литературой", выяснить размѣры отрицательнаго вліянія этого учрежденія въ жизни общества и литературы. Заранѣе скажемъ, да и самъ авторъ книги не станетъ отрицать того, что имъ использованы далеко не всѣ матеріалы, хранящіеся въ архивѣ III Отдѣленія, да и не всѣ, уже обнародованные. Никто, знакомый съ условіями работы въ архивѣ департамента полиціи, не поставитъ въ упрекъ г. Лемке пробѣловъ въ использованіи архивнаго матеріала, но все-таки нужно указать, что рядъ фактовъ, по большей части мелкихъ, но иногда весьма характерныхъ, опущенъ въ лѣтописяхъ воздѣйствія III Отдѣленія на литературу. Вотъ далеко не полный и не въ хронологическомъ порядкѣ перечень дѣлъ, оставшихся неизвѣстными г. Лемке: это—о братьяхъ Влад. и Александрѣ Шишковыхъ, о Мих. Погодинѣ, о Шишковѣ и Рогачевѣ, о Рѣдкинѣ и Карелинѣ, о Полежаевѣ, о Грановскомъ, объ Островскомъ („Свои люди—сочтемся"), о сужденіяхъ по поводу стихотвореній Рылѣева, о возмутительныхъ или пасквильныхъ стихахъ и многія другія. Дѣла о пасквильныхъ стихахъ—ихъ много — особенно важны для характеристики нашей общественной жизни. Не касается г. Лемке нѣкоторыхъ эпизодовъ, уже освѣщенныхъ въ пачати: исторія, напр., высылки Салтыкова и исторія запрещенія перевода Флетчера были бы недурными иллюстраціями къ общей картинѣ.

Но можно согласиться съ г. Лемке въ томъ, что матеріалъ, данный имъ, богатъ и совершенно достаточенъ для характеристики роли Третьяго Отдѣленія въ жизни литературы и общества. Будемъ судить только о томъ, достаточно ли умѣло и искусно использовалъ онъ бывшій у него въ рукахъ матеріалъ, насколько ярко и выразительно охарактеризована роль Третьяго Отдѣленія, насколько вѣрно понята связь этого института со всѣмъ укладомъ жизни страны и государства? Утвердительные отвѣты на эти вопросы придется дать только послѣ весьма большихъ оговорокъ. Книга г. Лемке не есть сводъ сырого матеріала, но и не есть изслѣдованіе; скорѣе всего—это матеріалы, очень неравномѣрно и непланомѣрно комментированные. Въ этомъ главнѣйшій недостатокъ книги г. Лемке. Если бы читатель былъ обращенъ непосредственно къ матеріаламъ, безъ посредниковъ, то онъ получилъ бы несомнѣнно болѣе цѣльное и яркое впечатлѣніе и представленіе о дѣятельности Третьяго Отдѣленія, чѣмъ то, которое у него создается послѣ чтенія г. Лемке. Такое представленіе является результатомъ той полнѣйшей безсистемности, въ которой авторъ располагаетъ свои матеріалы, а безсистемность вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ вмѣсто того, чтобы продумать, систематизиро-

вать и объединить имѣющійся у него матеріалъ, сдѣлалъ механическій сводъ своихъ журнальныхъ статей, механически же сдѣлавъ къ нимъ кое-какія добавленія. На самомъ дѣлѣ, что за порядокъ въ книгѣ? Раздѣляется она на отдѣлы. Первый отдѣлъ, озаглавленный „Третье Отдѣленіе и литература 1826—1855 года“, казалось бы, долженъ былъ исчерпывать избранную авторомъ тему, но, нѣтъ, во второмъ отдѣлѣ онъ излагаетъ особо исторію сношеній Булгарина съ III Отдѣленіемъ. Но развѣ можно раздѣлять эти отдѣлы, разъ Третье Отдѣленіе безъ Булгарина не было бы самимъ собой: вѣдь это же значитъ вынуть у него сердце. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ взялъ только сравнительно мелкіе факты, а крупные, какъ, напр., исторію телескопа или исторію Пушкина въ Третьемъ Отдѣленіи онъ вынесъ въ особые отдѣлы. Это разъединеніе матеріаловъ, это совершенно искусственное ихъ выдѣленіе больше всего препятствуетъ выполненію поставленной авторомъ задачи: „дать ясный отчетъ о ходѣ борьбы Третьяго Отдѣленія и Николая I съ обществомъ и литературой“. Только отрывочныя сообщенія объ этой борьбѣ мы получаемъ отъ г. Лемке, *отчета же о ходѣ борьбы* именно и не находимъ въ его книгѣ. И тутъ приходится винить только автора, ибо то, что было въ его рукахъ, совершенно достаточно для отчета.

Дѣлая совершенно механическій сводъ матеріала, авторъ не пытается или, вѣрнѣе, не даетъ себѣ труда хоть сколько-нибудь синтезировать матеріалъ и сдѣлать выводы, которые сами напрашиваются. Далъ ли онъ общую характеристику Третьяго Отдѣленія? Правда, онъ не ставитъ себѣ этой задачи; но онъ начинаетъ съ этой характеристики и не находитъ ничего лучшаго, какъ повторить, что „въ лицѣ Третьяго Отдѣленія вступала въ жизнь припомаженная, завитая и вычищенная древняя тайная канцелярія“. Институтъ, созданный Николаемъ I, былъ безконечно шире, сложнѣе и разностороннѣе, чѣмъ тайная канцелярія; отдѣленіе и канцелярія отнюдь не тожественны; первое учрежденіе покрываетъ второе. Третье Отдѣленіе — любопытнѣйшій институтъ и съ юридической, и съ соціальной точки зрѣнія; пожалуй, на всемъ протяженіи русской исторіи не найдется института, который съ большимъ правомъ могъ бы быть опредѣленъ, какъ аттрибутъ самодержавной власти, и который съ большей яркостью обнажалъ всю духовную сущность самодержавнаго феодала. Достаточно, напр., посмотрѣть на кругъ дѣлъ, входившихъ въ область вѣдѣнія III Отдѣленія. Не было ни одной области, которую не вѣдало бы это отдѣленіе. Просматривая описи дѣлъ, мы найдемъ необыкновеннѣйшія дѣла: о злоумышленныхъ обществахъ, никогда не существовавшихъ въ дѣйствительности и созданныхъ лишь во славу отдѣленія; о театралахъ; объ игрокахъ; о допущеніи жандармскихъ офицеровъ къ слѣдствіямъ; объ академикахъ Травинѣ и Грековѣ, представившихъ изображенія Николая угодника новымъ способомъ; о персидскомъ посольствѣ; о предосудительной связи іеромонаха Антонія съ дочерью Прокоповича-Антонскаго; о шумѣ въ Михайловскомъ театрѣ; о нѣкоемъ политическомъ мнѣніи С. Р. Воронцова; о письмахъ къ актрисамъ M-me Glorge и M-elle Pauline; о дочери Пугачева; о шляпѣ, надѣтой на бюстъ Николая I; о случаяхъ мужеложства и скотоложства и т. д. Вѣнецъ же всего представляютъ „дѣла III Отдѣленія о переворотахъ въ

западно-европейскихъ государствахъ". Дѣятелямъ революцій 1830 и 1848 г. и въ голову не приходило, что о нихъ въ далекой Россіи ведется „дѣло", а сами они занесены въ „списокъ канальямъ". Но это фактъ: пишущему эти строки приходилось держать подобныя дѣла въ своихъ рукахъ такъ же, какъ, напр., и дѣло Ш Отдѣленія о „Мацции".

Ставя спеціальной задачей характеристику дѣйствій Отдѣленія по отношенію къ литературѣ, г. Лемке останавливается на его руководителяхъ и прежде всего на личности имп. Николая I. Онъ ограничивается характеристикой царя изъ вторыхъ рукъ, не давъ себѣ труда обобщить свой же матеріалъ и извлечь изъ него отмѣтки и резолюціи Николая I по дѣламъ о литературѣ и литераторахъ. Да вѣдь эти отмѣтки, сведенныя вмѣстѣ, есть лучшая и убійственная оцѣнка Николая I, какъ покровителя и знатока литературы; ихъ-то и нужно было ставить во главу угла. Точно такъ же вмѣсто того, чтобы компилировать характеристику Бенкендорфа, г. Лемке могъ продѣлать и относительно шести жандармовъ то же, что мы рекомендовали ему сдѣлать о Николаѣ I. Вообще изображеніе Бенкендорфа не удалось г. Лемке. Не отчетливо выяснена имъ роль Бенкендорфа въ слѣдственной комиссіи по дѣлу 14 декабря, а въ ней и въ томъ или иномъ отношеніи лицъ къ слѣдственному процессу узелъ полицейскихъ отношеній 20 и 30 годовъ, отсюда пошли репутаціи, оцѣнки и т. д. Г. Лемке грѣшитъ противъ исторической перспективы, характеризуя нетерпимое отношеніе общества къ акту жандармовъ и допуская, что и въ 20-хъ годахъ существовало такое же рѣзко нетерпимое отношеніе общества къ тайной полиціи, какъ теперь. Г. Лемке забываетъ и то, что Бенкендорфъ былъ сановникъ, и то, что переходъ отъ сферъ тайно-полицейскихъ къ публикѣ, нынѣ рѣдкій, тогда былъ менѣе замѣтенъ при существованіи Греча или Булгарина. Г. Лемке готовъ даже думать, что болѣзнь Бенкендорфа, во время которой онъ получалъ отовсюду знаки вниманія, выдумана самимъ Бенкендорфомъ. Кстати замѣтить, что психологическія наблюденія не даются г. Лемке.

Блѣдны и характеристики помощниковъ начальниковъ Ш Отдѣленія М. Я. Фока, Л. В. Дубельта. Совсѣмъ не касается г. Лемке ни А. О. Ивановскаго, ни М. М. Попова, а между тѣмъ эти господа играли не ничтожную роль въ III Отдѣленіи, и для ихъ характеристики есть печатные матеріалы. Обладая литературными вкусами и склонностями, они вели непосредственныя сношенія съ литераторами и давали литературныя оцѣнки. Вообще стоило бы особо отмѣтить и формулировать критическіе и эстетическіе взгляды Ш Отдѣленія. Еще разъ можно пожалѣть о томъ, что г. Лемке выдѣлилъ исторію сношеній Булгарина съ Ш Отдѣленіемъ, а не вдвинулъ ее въ общую лѣтопись хода борьбы учрежденія съ литературой. Булгаринъ—поистинѣ вдохновитель Ш Отдѣленія и по своему значенію далеко оставляетъ за собой и А. О. Ивановскаго и М. М. Попова. Но если ужъ Булгарину посвящать особую статью, то тогда сдѣдовало не дробить и Булгарина, а разсмотрѣть его литературную дѣятельность. Булгаринъ—это одинъ цвѣтокъ; для обонянія — это доносчикъ, для зрѣнія—литераторъ. Важно несомнѣнно знать, на какую литературную дѣятельность опиралось Третье Отдѣленіе. Большимъ пробѣломъ въ характеристикѣ фигуръ Третьяго Отдѣленія является отсут-

ствіе даже попытокъ характеризовать, быть можетъ, центральную фигуру всего института—доносителя съ фамиліей или безымяннаго, а изображеніе его духовной физіономіи имѣло бы даже значеніе для *литературной* исторіи этого типа. Кругъ „сотрудниковъ" даже приблизительно не намѣченъ. Г. Лемке въ соотвѣтствіи съ своей задачей долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, остановиться на разновидности этого типа—на литературномъ доносителѣ.

Г. Лемке не попытался подвести итоги своимъ наблюденіямъ надъ матеріаломъ, формулировать всѣ функціи Третьяго Отдѣленія, которое гнало литературу и поощряло ее, преслѣдовало писателей и благодѣтельствовало имъ (не Булгарину только, а и Гоголю), уничтожало книгу и само создавало ее. Всѣ эти разсыпанныя детали слѣдовало бы собрать и разъяснить въ цѣломъ съ общей точки зрѣнія на сущность института, т. е. съ той, которая какъ разъ отсутствуетъ у г. Лемке.

Въ книгѣ г. Лемке нѣтъ синтеза, а есть отдѣльныя наблюденія, не лишенныя по временамъ оригинальности. Таково, напр., объясненіе доносительства съ классовой точки зрѣнія и доносителей, какъ бойцовъ дворянскаго класса. Г. Лемке дѣлаетъ исключеніе для Булгарина, Ѳедорова (въ нихъ онъ не видитъ классовыхъ дѣятелей), но какъ же онъ объясняетъ наиболѣе распространенный родъ доносительства дворянъ на дворянъ же. Любопытно заявленіе г. Лемке: ознакомившись съ записками историка С. М. Соловьева, недавно напечатанными, онъ нашелъ, что Соловьевъ обнаруживаетъ талантъ въ распознаваніи людей. Недурны афоризмы въ родѣ „Полевой сумѣлъ удержаться, между прочимъ, и въ силу факта своего существованія"; или „отъ требованій цензуры на свои собственныя произведенія, отъ сознанія необходимости ея въ видахъ государственныхъ одинъ шагъ... до доносительства всякаго рода". Въ доносической части комментарія г. Лемке есть невѣрности. Характеризуя нашего заграничнаго тайнаго агента и шпіона Як. Ник. Толстого, забываетъ упомянуть, что онъ былъ членомъ тайныхъ обществъ. Вообще его характеристика на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ могла бы быть и полнѣе и точнѣе. Невѣрно изложены отношенія кн. П. А. Вяземскаго къ „Московскому Телеграфу" и къ Полевому, а объ этомъ самъ Вяземскій разсказалъ совершенно точно.

Кромѣ перечисленныхъ нами отдѣловъ въ книгѣ г. Лемке найдемъ спеціально написанный имъ для книги этюдъ о Пушкинѣ и не имѣющія прямого отношенія къ темѣ книги главы, отрѣзанныя авторомъ изъ своихъ статей объ эмигрантахъ П. В. Долгоруковѣ и В. В. Головинѣ и относящіяся къ николаевской эпохѣ отношеній этихъ лицъ къ III Отдѣленію. Этюдъ о Пушкинѣ носитъ заглавіе: „Муки великаго поэта" и не даетъ ни новыхъ матеріаловъ, ни результатовъ новаго углубленія въ старые матеріалы. Заглавія отдѣльныхъ главъ этого этюда рѣжутъ ухо и совершенно непростительны въ серьезномъ историческомъ изслѣдованіи. „I. Прощеніе, „милость" и неудовольствіе. III. Стараются приблизить. IV. „Снова неучи надо мною". VI. „Пускай ослиное копыто знаетъ". VII. Изобиліе милостей. VIII. Подъ тяжестью безденежья. IX. Въ борьбѣ съ самимъ собой. X. Доконали...

Но все же до поры, до времени за книгой г. Лемке сохранится

значеніе, хоть и нелегко въ ней разбираться, все-таки это—единственное собраніе матеріаловъ, трактующихъ о борьбѣ Третьяго Отдѣленія съ литературой и обществомъ. Матеріалы плохо систематизированы, но изданы вполнѣ исправно. Они достаточно полны и, пользуясь ими, можно будетъ дать хорошую характеристику литературныхъ заслугъ этого учрежденія. **П. Щ.**

Н. А. Котляревскій. „Литературныя направленія Александровской эпохи" (Библіотека „Свѣточа" подъ редакціей *С. А. Венгерова.* №№ 71—75). 4 ненумер. + XI + 275 стр. in-8⁰. Спб. 1907. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ своей небольшой, но очень содержательной, книгѣ проф. Н. А. Котляревскій даетъ весьма обстоятельную исторію русской литературы первой четверти XIX-го столѣтія, т. е. за все время царствованія императора Александра I-го. Книга эта ни въ какомъ отношеніи не похожа на наши учебники, которые обыкновенно загромождаются часто ненужными подробностями и объ исторической литературѣ, и о переводной, и о критикѣ, и о публицистикѣ. Г-нъ Котляревскій даетъ исторію одной только чисто художественной литературы Александровскаго времени и въ 10-ти главахъ исчерпываетъ ея главнѣйшихъ представителей, причемъ больше всего мѣста удѣлено, конечно, Жуковскому и Пушкину, затѣмъ Батюшкову, Грибоѣдову и Крылову.

Но, давши очень много мѣста въ своей книгѣ Жуковскому и, въ особенности, Пушкину, г. Котляревскій, какъ намъ кажется, удѣлилъ, сравнительно, очень мало мѣста Баратынскому и Рылѣеву и совсѣмъ пропустилъ Карамзина (какъ беллетриста), Бестужева-Марлинскаго, Дельвига и Нарѣжнаго. А между тѣмъ о нихъ слѣдовало бы поговорить: о Карамзинѣ, какъ о непосредственномъ предшественникѣ Жуковскаго, о Бестужевѣ и Дельвигѣ, какъ поэтахъ Пушкинской „плеяды", а объ Нарѣжномъ, какъ о *первомъ,* по времени, нашемъ реальномъ романистѣ, предшественникѣ и, такъ сказать, предтечѣ Гоголя. Его романы „Бурсакъ" (1824 г.) и „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ" (1825 г.) были первыми, хотя и несовершенными, попытками русской реальной беллетристики. На это указалъ еще Бѣлинскій („Сочиненія" по изд. Венгерова, т. VIII, стр. 373), и это указаніе совершенно вѣрно. Замѣтимъ кстати, что романъ „Бурсакъ" и въ наше время постоянно печатается все новыми изданіями (въ Суворинской „Дешевой Библіотекѣ") и находитъ себѣ десятки тысячъ читателей.

Надо полагать, что эти пробѣлы будутъ пополнены въ новомъ изданіи книжки г. Котляревскаго, которая несомнѣнно заслуживаетъ всякаго успѣха. Хотя эта книжка и назначается преимущественно для самообразованія, но ее съ удовольствіемъ прочтетъ и всякій, занимающійся исторіей русской литературы XIX-го вѣка. Написанная прекраснымъ литературнымъ языкомъ, интересная и увлекательная по изложенію, книга г. Котляревскаго совершенно чужда шаблонной сухости, схоластики и безжизненности разныхъ нашихъ учебниковъ, руководствъ и всякихъ „пособій" по исторіи литературы. Наконецъ, въ книжкѣ г. Котляревскаго приведено (частью цѣликомъ, частью въ обширныхъ выдержкахъ) много стихотвореній Жуковскаго, Пушкина и др. поэтовъ Александровской эпохи, а въ концѣ книжки, въ особой (11-й) главѣ, указаны не-

обходимыя пособія и книги для чтенія, способствующія болѣе полному и ясному пониманію нашей литературы первой четверти XIX-го вѣка.

Д. П. Сильчевскій.

„Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго". Въ двѣнадцати томахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова.* Томъ VIII. 535+9 ненумер. стр. in-8°. Спб. 1907. Цѣна 1 р. 25 к.

Задуманное г. Венгеровымъ предпріятіе дать русской публикѣ первое, дѣйствительно *полное* собраніе сочиненій великаго критика, хотя и медленно, но неуклонно продолжается. Доказательствомъ же того, что изданіе г. Венгерова дѣйствительно является полнымъ, можетъ служить, подобно прежнимъ томамъ, и вышедшій теперь VIII-й томъ сочиненій Бѣлинскаго. Изъ числа 112 вошедшихъ въ него критическихъ статей, рецензій и литературныхъ и театральныхъ замѣтокъ Бѣлинскаго 1843 и 1844 годовъ, 66 статей являются воспроизведенными въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго или совершенно *впервые*, или же въ полномъ, а не урѣзанномъ текстѣ, въ какомъ онѣ напечатаны были до сихъ поръ во всѣхъ рѣшительно изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго.

Въ VIII-й томъ вошли статьи Бѣлинскаго изъ „Отеч. Записокъ" 1843 и 1844 гг. Въ числѣ этихъ статей имѣются и нѣсколько очень крупныхъ („Рус. литература въ 1842 г.", 2 большихъ статьи о сочиненіяхъ Державина, статьи о сочиненіяхъ Гоголя, о „Парашѣ" И. С. Тургенева, сочиненіяхъ Зенеиды Р—вой (Ганъ), „Парижскихъ тайнахъ" Эженя Сю, „Антологіи" Жанъ-Поля, русской литературѣ въ 1843 г. и др.). Эти статьи Бѣлинскаго и до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ, несмотря на то, что прошло уже болѣе 60-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были написаны. Такова сила великаго таланта.

Большимъ недостаткомъ вышедшаго теперь VIII-го тома сочиненій Бѣлинскаго слѣдуетъ считать отсутствіе къ нему примѣчаній. Всѣ предыдущіе семь томовъ обильно снабжались г. Венгеровымъ пояснительными примѣчаніями и обстоятельными (иногда весьма обширными) комментаріями. Но примѣчанія къ VIII-му тому г. Венгеровъ отложилъ до XII-го тома, который появится, надо полагать, еще очень не скоро, можетъ быть, года черезъ четыре, судя по ходу всего настоящаго изданія, первый томъ котораго вышелъ еще въ началѣ 1900 г. Значитъ, читатели VIII-го тома Бѣлинскаго обречены ждать нѣсколько лѣтъ необходимыхъ имъ теперь же, при чтеніи VIII-го тома, примѣчаній и поясненій къ его тексту. Это мы считаемъ ошибкою со стороны г. Венгерова. Можно было не торопиться съ выходомъ VIII-го тома и выпустить его въ свѣтъ лишь тогда, когда были бы готовы къ нему примѣчанія. Повторяемъ, что для нынѣшнихъ читателей Бѣлинскаго положительно необходимы примѣчанія къ разнымъ мѣстамъ его текста, въ которыхъ разсѣяны намеки на разныя дѣла и обстоятельства литературы и критики, а равно и ихъ представителей въ сороковыхъ годахъ, — дѣла и обстоятельства, бывшія понятными для читателей того времени, но непонятныя и неясныя для читателей нашего времени, не изучавшихъ спеціально нашу литературу и журналистику тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Д. П. С.

Книги, поступившія въ редакцію.

П. Милюковъ. Вторая Дума. Публицистическая хроника. Изд. Т—ва „Общественная Польза". Ц. 2 р. Спб. 1908 г.

І. Т. Сэндэрлэндъ. Библія, ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства. Пер. съ англійск. подъ ред. В. Черткова. Изд. „Посредника". М. 1908 г. Ц. 50 к.

Тимоковичъ. Какой системы винтиляціи для школъ надо отдать предпочтеніе. Спб. 1908 г. Ц. 20 к.

Изданія А. Н. Заруднаго:

Вл. Ад. Скиндеръ. Протоевропеецъ и протоаріецъ. Геологическій періодъ въ ихъ исторіи.

П. Торгашевъ. Потребительныя общества на Западѣ. Англія, Франція, Бельгія, Германія. Спб. 1908 г. Ц. 30 к.

Перотовъ. Страна свободныхъ земель. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Луи Проаль. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Психологическій и соціологическій этюдъ. Пер. А. Г. Ц. 1 р.

И. Ганкокъ. Джю-Джицу. Съ 19-ью рис. Система физическаго развитія у японцевъ. Ц. 1 р. 20 к.

С. Мельгуновъ. Студенческія организаціи 80—90 г.г. въ Московскомъ университетѣ (по архивнымъ даннымъ). Ц. 50 к. М. 1908 г. Изд. „Свободной Россіи".

Дж. Стюартъ Милль. Представительное правленіе. Полный переводъ К. И. Дебу. Изд. „Популярно-научной библіотеки". 1907 г. Ц. 75 к.

Ив. Абрамовъ. Старообрядцы на Вѣткѣ. Этнографическій очеркъ. Спб. 1907 г.

А. А. Николаевъ. Кооперація. (О томъ, какъ сообща можно выгоднѣе устраивать свои хозяйственныя дѣла). 2-ое перераб. изд. С. В. Бунина. 1908 г. Ц. 30 к.

Н. Кузьминъ-Вьюговъ. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908 г. Ц. 35 к.

Алексѣй Мошинъ. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ. Изд. 2-ое, дополн. Спб. 1908 г. Ц. 60 к.

А. С. Гринъ. Шапка невидимка. Спб. Изд. кн. маг. „Наша Жизнь". 1908 г. ц. 80 к.

М. И. Фридманъ. Современные косвенные налоги на предметы потребленія. Т. І. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ І. Печать, тюрьма, казни, карательные отряды. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 50 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ ІІ. Внѣ закона. Хроника. Апрѣль—іюль 1906 г. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 50 к.

Опечатки въ статьѣ „Декабристы-масоны".

СТРАНИЦА:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
6	17 снизу	по неуличеніи	и о неуличеніи
6	16 „	думъ	душъ
11	15 „	ечей	мечей
18	2 „	Лобзиновъ	Лабзинъ
32	14 сверху	„миссонеровъ"	„миссіонеровъ"
38	5 снизу	мастерство	масонство
42	6 „	мастеромъ	намѣстнымъ мастеромъ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул.*, *№ 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

